

В. Сахаров.

121

Веніаминъ Снегиревъ.

15
С-53

ПСИХОЛОГІЯ.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ КУРСЪ ЧТЕНІЙ ПО ПСИХОЛОГІИ

Э. ПРОФЕССОРА КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ,

В. А. Снегирева.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Адольфа Дарре, Рыбная, 28.
1893.

2экз.

18

„Гров 38"

Б
1861

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва, октября 19 дня 1892 года.

Цензоръ, Священникъ *Григорій Дьяченко.*

ВГ 37

Б
АКАДЕМІЯ

1461
31 367
61

Отъ Издателя.

Веніаминъ Алексѣевичъ оставилъ послѣ себя много своихъ рукописей, преимущественно—чтеній по Психологіи, Логикѣ и Метафизикѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ пересмотрѣны мною и отпечатаны въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ очерковъ, подъ различными заглавіями, въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ за 1890—1892 гг. Приготовляя къ печатанію очерки изъ чтеній по Психологіи, я, естественно, долженъ былъ пересмотрѣть всѣ эти чтенія и нашелъ возможнымъ издать ихъ отдѣльно — въ видѣ полнаго систематическаго курса. Это соотвѣтствовало и намѣренію покойнаго брата, который незадолго предъ смертью приступилъ даже къ пересмотру своихъ чтеній по Психологіи, съ цѣлію издать ихъ. Къ сожалѣнію, смерть постигла его при самомъ началѣ этого дѣла,—и мнѣ пришлось взяться за продолженіе и окончаніе его. Само собою понятно, что я долженъ былъ, при этомъ, встрѣтиться со многими трудностями... Однимъ изъ важныхъ затрудненій въ предпринятомъ мною дѣлѣ явилось то, что нѣкоторые отдѣлы академическихъ и университетскихъ лекцій по Психологіи оказались имѣющимися въ разныхъ редакціяхъ, притомъ большею частію безъ хронологическихъ датъ. По тщательномъ разсмотрѣніи, можно было, однако, выдѣлить академическія чтенія В. А-ча по Психологіи за послѣдніе годы ($188^4/_5$—$188^8/_9$) и положить въ основу настоящаго изданія. При этомъ, сообразно общему плану всего курса этихъ чтеній, ходу изслѣдованій и частнымъ указаніямъ въ нихъ, необходимо было восполнить нѣкоторые пробѣлы въ разныхъ мѣстахъ другими редакціями. Впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ потребовалось допустить отступленіе отъ предначертаннаго въ самыхъ чтеніяхъ—именно,—нѣкоторые пункты ученія о волѣ, указанные въ планѣ изслѣдованія ея (стр. 633) помѣстить въ отдѣлѣ „Сердце“, въ связи съ ученіемъ о нравственномъ чувствѣ. Отступленіе это объясняется тѣмъ, что въ такой, именно, редакціи я нашелъ трактатъ о нравственномъ чувствѣ, видимо предназначенный для напечатанія отдѣльнымъ очер-

комъ: разъединять все содержаніе этого трактата и нарушать органическую цѣлость его я не считалъ себя въ правѣ. Въ редактированіи всего остального я избѣгалъ, по возможности, нарушенія строгой систематичности и полноты курса, которымъ могло повредить развѣ еще отсутствіе въ чтеніяхъ нѣкоторыхъ сторонъ ученія о волѣ, намѣченныхъ на стр. 633—634. Считаю долгомъ оговориться также, что, въ виду возможности соблюденія этихъ условій, я позволилъ себѣ помѣстить предъ каждою главою, составленный мною и напечатанный курсивнымъ шрифтомъ, конспектъ, въ пособіе къ раздѣльному и отчетливому усвоенію—особенно учащимися—содержанія, какъ въ частяхъ, такъ и въ цѣломъ, всего курса. Обобщая и объединяя въ немъ отдѣлы и болѣе или менѣе обширные ряды мыслей, я старался, впрочемъ, при этомъ, заимствовать характерныя слова и выраженія изъ текста издаваемыхъ мною чтеній.

Александръ Снегиревъ.

Веніаминъ Алексѣевичъ Снегиревъ

родился 12 октября 1842 г. въ селѣ Тимонькинѣ, Нижегородской губерніи, гдѣ отецъ его, Алексѣй Михайловичъ Снегиревъ, былъ священникомъ. Съ ранняго дѣтства онъ обнаруживалъ рѣдкія духовныя дарованія, по которымъ рѣзко выдѣлялся изъ ряда обыкновенныхъ дѣтей-сверстниковъ. Въ особенности въ немъ проявлялись задатки сильнаго, живого, воспріимчиваго ума: необыкновенная любознательность и вдумчивость въ дѣтствѣ были отличительными чертами его склада духовной природы. Отецъ его, обладавшій природнымъ педагогическимъ тактомъ, въ свое время подмѣтилъ эти черты въ сынѣ-первенцѣ и съ особеннымъ вниманіемъ и умѣньемъ занялся воспитаніемъ его, приспособительно къ подмѣченнымъ способностямъ. Во время занятій обученіемъ, на прогулкахъ, при играхъ, отецъ-педагогъ въ живомъ собесѣдованіи удовлетворялъ любознательности сына-питомца и постепенно возбуждалъ въ немъ умственную дѣятельность. Замѣтивши въ даровитомъ сынѣ проблески стремленія къ самодѣятельности, онъ весьма успѣшно воспользовался однимъ изъ близкихъ и доступныхъ воспитательно-образовательныхъ средствъ для удовлетворенія этому стремленію—чтеніемъ житій святыхъ. В. А. занимался этимъ дѣломъ, подъ руководствомъ отца, съ живымъ интересомъ и любовію Здѣсь для него открылся новый міръ—самыхъ высокихъ образовъ святой жизни и дѣятельности, которые овладѣли тогда его воспріимчивою душею и имѣли въ высшей степени благотворное вліяніе на него. Благодаря чтенію житій, сопровождавшемуся объяснительными бесѣдами и входившему, такъ сказать, въ курсъ домашняго „ученія“, В. А. видѣлъ въ этомъ ученіи живое дѣло, которое занимало умъ, дѣйствовало на сердце, вызывало стремленіе къ чему-то лучшему,—и полюбилъ его всею душею. Эту любовь вообще къ ученію легко было привить потомъ въ любознательномъ мальчикѣ ко всѣмъ предметамъ первоначальнаго обученія, и даже къ такому, повидимому, сухому занятію, какъ изученіе латинскаго языка.

Программа домашняго обученія В. А. была необычно расширена, въ виду желанія родителей дать ему болѣе серьезную подготовку къ ученію въ духовномъ училищѣ. И подготовка эта вышла столь успѣшною, что В. А., поступивши, въ 1854 г., прямо въ среднее отдѣленіе Печерскаго духовнаго уѣзднаго училища (вблизи Нижняго-Новгорода), вскорѣ сталъ

„первымъ“ ученикомъ въ классѣ (и съ тѣхъ поръ занималъ первое мѣсто въ спискѣ товарищей до окончанія курса въ духовной академіи). Нужно ли говорить, что этотъ успѣхъ еще болѣе оживилъ порывы В. А. къ ученію... Не смотря на пресловутые недостатки тогдашней училищной жизни, на эти тяжелыя условія для развитія, четыре года, проведенные въ училищѣ В. А-чемъ, были богаты образовательными впечатлѣніями и въ этомъ отношеніи особенно памятны ему. Въ самомъ дѣлѣ, училищное обученіе оказывало на В. А. благотворное дѣйствіе одною изъ лучшихъ своихъ сторонъ,—именно: пріучило его къ самодѣятельному осмысленному труду по усвоенію училищныхъ „наукъ“, переработкѣ, въ массѣ упражненій, усвояемаго матеріала, а вмѣстѣ съ тѣмъ способствовало быстрому умственному развитію. Этому, впрочемъ, благопріятствовало еще особое обстоятельство. Какъ часто случалось въ доброе старое время патріархальной училищной жизни, В. А-ча приблизилъ къ себѣ и имѣлъ на него непосредственное воспитательное вліяніе инспекторъ училища, Еппид. Ант. Садовскій, человѣкъ хорошо образованный по своему времени. Принимая въ своемъ любимцѣ-ученикѣ чисто родственное участіе, Е. А., въ своихъ почти ежедневныхъ домашнихъ бесѣдахъ съ нимъ, обогащалъ его знаніями по разнымъ отраслямъ, вселялъ въ него лучшія чувства и стремленія и руководилъ его своими указаніями и совѣтами. Благодаря такому доброму и радѣтельному руководителю-педагогу, чтеніе книгъ, которыми снабжалъ онъ В. А., было для него дѣйствительнымъ, цѣлесообразнымъ средствомъ серьезнаго развитія. Развитіе это съ теченіемъ времени сказывалось наглядно, между прочимъ, въ письмахъ В. А. изъ училища къ родителямъ, особенно въ послѣдній годъ училищной его жизни. Покойный отецъ В. А., читая и перечитывая эти письма, восхищался и тономъ ихъ, и складомъ продуманныхъ мыслей, и стилемъ—чисто литературнымъ,—не говоря уже о грамотности,—и обыкновенно говаривалъ: „такъ пишутъ только богословы (ученики высшаго отдѣленія семинаріи), да и то немногіе“. Что касается поведенія В. А. въ училищѣ, то оно вполнѣ соотвѣтствовало характеру его общей настроенности—серьезной и сосредоточенной, почему товарищи относились къ нему съ уваженіемъ. Вслѣдствіе этого, находясь въ живомъ общеніи съ ними, онъ оказывалъ и на нихъ сильное облагораживающее вліяніе.

Съ такимъ направленіемъ въ занятіяхъ и поведеніи, В. А. поступилъ, въ 1858 г., въ Нижегородскую духовную семинарію. Это было, такъ сказать, наканунѣ того движенія, которое обняло всѣ стороны жизни духовно-учебныхъ заведеній, измѣнило устарѣлые порядки и внесло въ строй образованія въ нихъ притокъ новыхъ, живыхъ элементовъ,—движенія, закончившагося, потомъ, полнымъ преобразованіемъ этихъ заведеній. Но и тогда уже ощущалось вѣяніе чего то жизненнаго въ дѣлѣ семинарскаго образованія, напр., въ болѣе живыхъ, новыхъ пріемахъ преподаванія, въ стараніи, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ преподавателей дѣйствовать на развитіе воспитанниковъ. Вен. А-чу, съ его чуткимъ, живымъ, воспріимчивымъ умомъ и сердцемъ, съ подготовкою къ самодѣятельности, было тогда надъ чѣмъ здѣсь поработать. И онъ съ одушевленіемъ, съ какимъ то упоеніемъ погрузился въ новыя занятія, въ особенности—носящія характеръ самостоя-

тельности (обстоятельныя замѣтки о слышанномъ въ классѣ, прочитанномъ, разнаго рода извлеченія и главнымъ образомъ сочиненія). Ему посчастливилось, притомъ, съ первыхъ же поръ семинарской жизни найти себѣ прекраснаго руководителя въ лицѣ талантливаго и добросердечнаго преподавателя, М. И. Х-ва, который своими задушевными бесѣдами положительно вдохновлялъ къ развивающему труду. Съ этого времени все что ни высказывалъ по болѣе или менѣе серьезнымъ вопросамъ, что ни писалъ В. А.,—носило отпечатокъ его мыслящей личности, его живого, свѣтлаго ума, его неподдѣльнаго одушевленія. устный классный отвѣтъ, особенно на такъ называемыя „возраженія“ преподавателей, рѣчь въ кругу товарищей, сочиненія—все это отличалось живою, ясно выраженною и послѣдовательно проведенною мыслію. Особенно пріятно поражало преподавателей и товарищей то, что всякій предметъ, за раскрытіе котораго брался В. А., онъ умѣлъ представить и освѣтить съ новыхъ сторонъ, почему сочиненія его читались съ интересомъ товарищами и даже учениками другихъ классовъ и многими переписывались на память. Само собою понятно, что, при неустанномъ и въ высшей степени напряженномъ образовательномъ трудѣ, В. А., съ его счастливыми умственными способностями, при внимательномъ руководствѣ преподавателей, — постепенно достигалъ той высоты развитія, которая возможна была для ученика семинаріи того времени. Но особенное вліяніе на выработку мышленія, способности къ анализу, критической оцѣнкѣ обсуждаемаго и—вмѣстѣ—на расширеніе умственнаго кругозора В. А. имѣло изученіе „философскихъ наукъ“, вообще, знакомство съ философіею, которому онъ главнымъ образомъ обязанъ былъ чтеніемъ философскихъ книгъ, по указанію преподавателя Л-ко, а также частнымъ бесѣдамъ съ этимъ новымъ руководителемъ. Нечего и говорить, что при такихъ данныхъ развитія и, вообще, при такихъ выдающихся успѣхахъ, В. А-чу естественно было стремиться къ высшему образованію. И вотъ онъ, еще съ „философскаго класса“ началъ энергично запасаться необходимыми для этого средствами, между прочимъ, знакомствомъ съ нѣмецкимъ и французскимъ языками, которые ему удалось изучить настолько, что предъ окончаніемъ курса семинаріи онъ могъ свободно читать классическія произведенія нѣмецкихъ и французскихъ авторовъ.

Въ 1864 г., по окончаніи курса въ Нижегородской семинаріи, В. А. былъ посланъ на казенный счетъ въ Казанскую Духовную Академію Здѣсь онъ встрѣтилъ внимательный и привѣтливый пріемъ и сразу оцѣненъ былъ, какъ выдающійся по талантливости и подготовкѣ студентъ, который можетъ успѣшно справляться съ самою серьезною студентскою самостоятельною работою. Благодаря этому и—вмѣстѣ—впечатлѣніямъ академической науки, В. А. обнаруживалъ еще болѣе высокій подъемъ энергіи, съ которою онъ почти все время образованія въ Академіи, съ нѣкоторыми только перерывами, отдавался самой одушевленной работѣ. Съ особенною любовію и успѣхомъ онъ занимался, какъ и прежде, сочиненіями, которыя, по объему и характеру, выходили своего рода научными трактатами, писанными по разнообразнымъ источникамъ, требовавшимъ основательнаго знанія древнихъ и новыхъ языковъ (между прочимъ, англійскаго, который В. А. изучилъ въ Академіи). Да и вообще студентскія занятія В. А-ча носили ха-

рактеръ подготовки къ ученой дѣятельности. Поэтому, когда, при окончаніи курса, въ 1868 г., оказалась вакантною при Казанской Академіи каѳедра Психологіи и Логики, онъ назначенъ былъ баккалавромъ по этой каѳедрѣ. Это назначеніе какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало внутреннему влеченію В. А. Недаромъ по этому поводу онъ восторженно писалъ своимъ родителямъ: „и такъ осуществилась завѣтная надежда, сбылась золотая мечта,—я призванъ служить горячо любимой наукѣ!“ На первыхъ порахъ это служеніе оказалось однако крайне труднымъ, такъ какъ, кромѣ лекцій по Психологіи и Логикѣ, онъ долженъ былъ читать и Метафизику (которую, за отсутствіемъ профессоровъ по этой каѳедрѣ, ему и послѣ еще приходилось читать дважды). И нужно было имѣть силы, средства, подготовку, какими богатъ былъ В. А., чтобы овладѣть всѣмъ этимъ новымъ для него и сложнымъ дѣломъ — съ такимъ достоинствомъ, по которому онъ сразу сталъ въ рядъ лучшихъ преподавателей и вызвалъ въ слушателяхъ живое вниманіе къ своимъ чтеніямъ. Вскорѣ дѣятельность его еще болѣе усложнилась: въ 1871 онъ приглашенъ былъ читать Психологію и Логику въ Казанскомъ Университетѣ (и съ тѣхъ поръ читалъ эти науки здѣсь непрерывно по 1886). Если принять во вниманіе, что постановка чтеній В. А. по Психологіи и Логикѣ, при единствѣ общаго характера ихъ, въ Академіи и Университетѣ была различна, что онъ не любилъ повторять изъ года въ годъ одно и то же здѣсь и тамъ, а постоянно оживлялъ свои лекціи новыми, современными данными той и другой науки, для чего требовалось иногда заново редактировать цѣлые отдѣлы; то, имѣя въ виду другія ученыя занятія покойнаго профессора, легко понять какъ много и съ какимъ напряженіемъ долженъ былъ трудиться онъ. Не смотря на эту напряженную дѣятельность, требовавшую необыкновенной усидчивости, В. А., благодаря природной крѣпости своего организма, долгое время чувствовалъ себя здоровымъ и бодрымъ, но потомъ, къ началу 80-хъ годовъ, въ немъ стало замѣчаться утомленіе, и даже начали появляться болѣзненные припадки, перешедшіе затѣмъ въ общее разстройство организма, связанное, какъ оказалось послѣ, съ неизлѣчимою болѣзнью (ракомъ пищевода), отъ которой онъ и умеръ 16 февраля 1889 года.

Вскорѣ послѣ смерти Вениамина Алексѣевича, Казанская Духовная Академія, въ лицѣ доцента ея, г. Несмѣлова, который, по его словамъ, „имѣлъ полную возможность, въ качествѣ его слушателя, близко знать покойнаго, какъ профессора, а по особымъ отношеніямъ къ нему, какъ своему руководителю въ спеціальныхъ занятіяхъ философіей, не менѣе близко знать его, какъ философа-мыслителя“,—почтила память своего профессора обширнымъ критическимъ очеркомъ его ученой дѣятельности и философскихъ воззрѣній, напечатаннымъ въ Православномъ Собесѣдникѣ за май—іюнь 1889 г., подъ заглавіемъ. „Памяти Вениамина Алексѣевича Снегирева“. Въ немъ содержится обстоятельная оцѣнка-характеристика автора издаваемой „Психологіи“, какъ профессора-мыслителя, которая проливаетъ много свѣта на этотъ многолѣтній трудъ его: поэтому, умѣстно,

кажется, привести здѣсь ее хотя in extenso. Вотъ что говоритъ въ своемъ очеркѣ почтенный критикъ о нашемъ авторѣ „Психологіи".

„Веніаминъ Алексѣевичъ Снегиревъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ истинно-глубокихъ философовъ-мыслителей, которые, въ своемъ беззавѣтномъ стремленіи къ знанію, гораздо болѣе думаютъ о томъ, что имъ не извѣстно, нежели о томъ, что они знаютъ, и потому, требовательные вообще ко всякому, занимающемуся философіей, и особенно ко всякому, хотя бы даже и весьма высоко стоящему въ ученой іерархіи, претенденту на выраженіе послѣдняго слова науки, прежде всего и безпощаднѣе всего обращаются съ широкими требованіями къ себѣ самимъ. Такіе люди, разумѣется, совершенно не способны знать себѣ надлежащую цѣну,—и покойный В. А., не смотря на то, что стоялъ на полной высотѣ философскаго развитія и обладалъ обширными историко-философскими и естественно-научными знаніями, не считалъ однако возможнымъ слѣдовать, по его словамъ, дурной нѣмецкой привычкѣ—обязательно сообщать въ печати все, что имъ было сработано, и потому напечаталъ очень немного. Кромѣ капитальной богословской диссертаціи (Ученіе о лицѣ Господа нашего Іисуса Христа въ трехъ первыхъ вѣкахъ христіанства. Казань, 1870 г.), ему собственно принадлежатъ только два большихъ философскихъ трактата: „Спиритизмъ, какъ религіозно-философская доктрина" и „Сонъ и сновидѣнія", причемъ послѣдній трактатъ представляетъ собою одно только обширное историко-философское введеніе и общія критическія замѣтки для подлинно-философскаго изученія сонныхъ явленій душевной жизни, результаты же самаго этого изученія авторъ такъ и унесъ съ собой въ могилу. Другія, болѣе краткія статьи В. А.—„Психологія и логика, какъ философскія науки" и „Науки о человѣкѣ",—хотя и представляютъ собою цѣльные отрывки изъ его вступительныхъ академическихъ чтеній, однако же онѣ изложены настолько сжато, что взять изъ нихъ все, что въ нихъ дѣйствительно содержится, можетъ только непосредственный слушатель покойнаго профессора, непосредственно именно знакомый съ полными курсами его академическихъ чтеній по психологіи и логикѣ (къ ученымъ трудамъ В. А. также относятся: „Вѣра въ сны и снотолкованіе". Казань 1874 г. и переводъ „Περὶ ψυχῆς", Аристотеля. Казань 1885 г.). Это почти все, что было напечатано имъ, по крайней мѣрѣ, почти все, что онъ подписалъ своимъ именемъ. А между тѣмъ онъ очень много работалъ. Не ограничиваясь тѣмъ, что, по его рекомендаціи, Совѣтъ академіи выписывалъ въ академическую библіотеку, онъ еще на свои собственныя средства пріобрѣталъ наиболѣе интересовавшія его произведенія въ области его спеціальной науки и составилъ свою собственную, весьма цѣнную въ глазахъ спеціалиста, библіотеку изъ такихъ произведеній, которыя, при сравнительной дороговизнѣ ихъ и при ограниченности казенной субсидіи, не могли быть пріобрѣтены имъ въ библіотеку Академіи на казенный счетъ. И не ограничивалсь тѣмъ, что давали ему спеціальныя монографическія изслѣдованія въ области психологіи и логики, онъ съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ еще за журнальной философской литературой — англійской, нѣмецкой и французской. Каждая, болѣе или менѣе выдающаяся, статья отмѣчалась имъ въ записной тетради, гдѣ указывалось ея общее содержаніе или же буквально выписывались изъ нея

тѣ мѣста, которыя почему-либо обратили на себя его особенное вниманіе, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ присоединялись еще его собственныя критическія замѣчанія. Эти постоянныя кабинетныя занятія,—занятія не между дѣломъ и отъ бездѣлья, а серьезныя занятія ученаго—въ сферѣ науки и ради науки,—давали ему постоянную возможность стоять на полной высотѣ современнаго уровня научно-философскихъ знаній, такъ что онъ всегда имѣлъ полное и непререкаемое право сказать о себѣ, что онъ состоялъ не только ex professo, а и de facto истиннымъ представителемъ своей науки. Въ свои академическія чтенія онъ вложилъ всю свою благородную душу и всѣ свои обширныя познанія. И нужно, наконецъ, отдать полную справедливость его многочисленнымъ слушателямъ. Съ первыхъ шаговъ своей академической жизни они всегда почти быстро и вѣрно отгадывали, что въ академическихъ чтеніяхъ по психологіи и логикѣ имъ, дѣйствительно, сообщается послѣднее слово науки, и потому они всегда по достоинству цѣнили своего ученаго профессора“ (Памяти В. А. Снегирева, стр. 3—5). „Высокое мнѣніе о немъ было общимъ мнѣніемъ и переходило изъ курса въ курсъ. Очень можетъ быть, что этими то преданіями старшихъ оно поддерживалось, потому что установленныя мнѣнія предшественниковъ обыкновенно очень рѣдко измѣняются въ рядахъ ихъ преемниковъ; но если это и вѣрно, то вѣрно именно только отчасти. Вениаминъ Алексѣевичъ цѣнился студентами не просто только съ традиціонной точки зрѣнія о немъ, но онъ и дѣйствительно принадлежалъ къ избранному числу тѣхъ выдающихся профессоровъ и ученыхъ, которые обладаютъ почти исключительною способностію и силой не только поддерживать установившееся о нихъ высокое мнѣніе, но и всегда почти вновь его создавать“ (тамъ-же, стр. 12). Указывая на фактъ всеобщаго интереса въ слушателяхъ къ чтеніямъ В. А., г. Несмѣловъ говоритъ далѣе: „объяснить этотъ фактъ съ точки зрѣнія той характеристики его чтеній, которая, обыкновенно, слетала съ языка всѣхъ его слушателей послѣ перваго-же посѣщенія его аудиторіи,—что онъ именно „хорошо читалъ“,—значитъ только отодвинуть объясненіе и спросить еще, что-же собственно въ его чтеніяхъ было особенно хорошаго?“ Сказавъ, далѣе, что „общія высокія черты его чтеній съ полною живостью выступали только послѣ прослушанія его курсовъ, слѣдовательно—тогда, когда его слушатели переставали уже быть его слушателями, и что онъ всегда умѣлъ заинтересовать ихъ и, очевидно, заинтересовывалъ вовсе не цѣлыми курсами, а отдѣльными, отрывочными чтеніями изъ нихъ и даже прямо же своей лекціи“, указавъ на то, что „его чтенія прежде всего возбуждали къ себѣ интересъ своей „простотой и логической стройностію“, что „его легко было понимать и легко было слѣдить за нимъ, а потому изъ его чтеній, не смотря даже на всю ихъ отрывочность, всякій могъ свободно уловить и вынести нѣчто цѣльное само по себѣ“, г. Несмѣловъ продолжаетъ: „Но само собою понятно, что одною простотою изложенія и чисто внѣшней отдѣлкой академическихъ чтеній никогда и ничего не достигнешь: это собственно не причина интереса, а только условіе къ его возбужденію и поддержанію, причина же лежала, конечно, глубже. Эту причину глубокаго интереса къ чтеніямъ покойнаго главнымъ образомъ, кажется, слѣдуетъ видѣть въ новизнѣ ихъ для его слушателей,—въ новизнѣ взглядовъ

и мнѣній, въ новизнѣ плана и метода. В. А. умѣлъ поддерживать этотъ интересъ, и это его умѣнье, кажется, никогда не было тайной для слушателей. Они и увлекались и сознавали, что увлекаются, потому, что прежде нихъ увлекался самъ профессоръ и увлекалъ ихъ за собою вслѣдъ. Онъ вообще читалъ свои лекціи съ живымъ одушевленіемъ; но никогда онъ не производилъ такого неотразимо-обаятельнаго впечатлѣнія на своихъ слушателей, какъ въ тѣ памятные разы, когда онъ являлся въ аудиторію или совсѣмъ безъ тетрадки, или же во время самаго чтенія, постепенно оживляясь, отбрасывалъ свою тетрадку и начиналъ говорить. Тогда слушатели чувствовали его горячую любовь къ наукѣ и не менѣе горячее убѣжденіе его въ истинѣ своего слова, и это чувство увлекало и возбуждало ихъ до необыкновенной степени. Кто видѣлъ его хотя бы одинъ только разъ въ состояніи этого увлеченія, тотъ ужъ не могъ оторваться отъ его чтеній и обязательно являлся къ нему и во второй разъ" (стр. 35—36).

Въ своей обстоятельной характеристикѣ ученой дѣятельности В. А., его воззрѣній, проводимыхъ въ ученыхъ трудахъ, преимущественно въ чтеніяхъ, почтенный критикъ отмѣчаетъ, между прочимъ, въ чтеніяхъ по психологіи одну общую черту: „отрицательное отношеніе его къ схоластическому построенію системы психологіи и ко всей схоластической терминологіи, особенно же—къ общепринятому дѣленію человѣческой души на отдѣльныя силы и способности. И въ то время, когда онъ читалъ объ умѣ, и на слѣдующій годъ, когда онъ читалъ о чувствѣ, онъ не только не говорилъ объ этихъ явленіяхъ, какъ о явленіяхъ разныхъ силъ и способностей, но и прямо замѣчалъ, что вездѣ и всегда въ душевныхъ явленіяхъ дѣйствуетъ одна и та же живая, недѣлимая сила, и проявляется одна и та же способность, такъ что реально совсѣмъ не существуетъ двухъ разныхъ порядковъ явленій, а только одинъ сложный составъ ихъ. Въ этомъ же смыслѣ онъ излагалъ свое ученіе и о явленіяхъ волевой дѣятельности. Въ отрицательномъ отношеніи къ общепринятымъ понятіямъ, сложившимся въ давнее время и, въ сущности, не заключающимъ въ себѣ совершенно ничего ненаучнаго, напротивъ—даже очень полезнымъ въ той вѣтви психологической науки, которая называется феноменологіей духа и которая должна же предположить для классификацій душевныхъ явленій какія-нибудь спеціальные принципы ихъ, тогдашніе слушатели В. А. видѣли одно только простое отрицаніе имъ ненаучной психологіи стараго схоластическаго типа и объясняли это отрицаніе вліяніемъ на нашего профессора новѣйшихъ англійскихъ психологовъ. Такое объясненіе отчасти какъ будто поддерживалось и нѣкоторымъ сочувствіемъ В. А. къ психофизіологической вѣтви своей науки. Его слушатели знали не то лишь одно, что такое зрительныя, слуховыя и всякія другія ощущенія, и какое они имѣютъ значеніе въ жизни души,—а и то, въ силу какихъ физическихъ процессовъ они возникаютъ и измѣняются, какими физіологическими процессами они посредствуются, въ чемъ заключается природа тѣхъ и другихъ процессовъ, и въ какомъ отношеніи стоитъ она къ содержанію и силѣ данныхъ ощущеній, въ чемъ выражается собственная воспринимающая дѣятельность духа, въ какомъ отношеніи стоитъ она къ дѣятельности его эмпирическаго коррелята. Равнымъ образомъ, его слушатели знали не то лишь одно, что такое, на-

примѣръ, чувство страха, любви или ненависти и въ какихъ формахъ они выражаются,—а и то, въ силу какихъ именно внѣшнихъ или внутреннихъ, физіологическихъ или интеллектуально-моральныхъ, причинъ они могутъ возникать въ человѣкѣ, изъ какихъ элементовъ они обязательно слагаются, при какихъ условіяхъ и въ какихъ формахъ они выражаются, какое они имѣютъ отношеніе ко всѣмъ вообще отправленіямъ душевной жизни, и какъ это данное отношеніе связывается съ даннымъ состояніемъ всего организма. Даже такъ называемыя *коренныя идеи духа*, о которыхъ такъ долго господствовало, а въ метафизическомъ типѣ психологіи и теперь господствуетъ убѣжденіе, что онѣ прирождены человѣку, разсматривались имъ не съ чисто психологической, интроспективной точки зрѣнія, а съ психофизіологической. Исключеніе дѣлалось въ пользу одной только идеи абсолютнаго, естественное образованіе которой въ умѣ человѣка онъ рѣшительно отрицалъ, но все таки и по отношенію къ этой идеѣ онъ утверждалъ, что раскрывается она человѣкомъ подъ неизбѣжнымъ вліяніемъ цѣлой массы внѣшнихъ и внутреннихъ,—физическихъ, соціальныхъ и индивидуальныхъ,—условій жизни человѣка, и по этой то именно причинѣ у людей возможны и дѣйствительно существуютъ очень разнообразныя метафизическія и религіозныя представленія. Но эта, очень характерная для тогдашнихъ слушателей В. А., черта въ его чтеніяхъ зависѣла не отъ какихъ нибудь постороннихъ вліяній на него, а скорѣе опредѣлялась особеннымъ складомъ его собственной мысли. Онъ вовсе не былъ способенъ просто только анатомировать человѣческую душу и описывать разныя душевныя явленія, потому что онъ смотрѣлъ на эти явленія, какъ на *живыя явленія въ живомъ организмѣ человѣческой личности*, и потому, оставляя ихъ живыми, ни въ какомъ случаѣ, разумѣется, не могъ разсматривать ихъ иначе, какъ только въ связи со всѣми данными условіями жизни этого организма. По крайней мѣрѣ, несомнѣнно то, что В. А. не выказывалъ никакого особеннаго увлеченія западомъ. Онъ глубоко уважалъ дѣйствительно солидные труды многихъ западныхъ психологовъ, но это нисколько не мѣшало ему относиться къ нимъ строго-критически, и даже у тѣхъ лицъ, съ мнѣніями которыхъ ему приходилось иногда соглашаться, онъ безусловно отрицалъ какъ разъ тѣ именно черты, которыя болѣе всего характерны въ ихъ произведеніяхъ. Очень замысловато и въ извѣстной степени очень оригинально проведенная, напримѣръ, матеріалистическая тенденція въ психологіи Льюиса никогда не пользовалась его сочувствіемъ. Въ этомъ случаѣ онъ съ полной силой указывалъ на тѣ достовѣрные факты, въ которыхъ взаимная связь мозга и мысли совершенно противорѣчитъ всѣмъ матеріалистическимъ выкладкамъ и матеріалистическое объясненіе которыхъ давало ему полное право считать и называть матеріализмъ, какъ онъ въ свое время и выразился печатно, противонаучнымъ и въ строгой наукѣ никогда невозможнымъ. Всѣ капитальныя работы западныхъ психологовъ для него были цѣнны только въ качествѣ обработанныхъ матеріаловъ, и онъ обращался съ ними только какъ съ такими матеріалами. Основы же его курса даны были не ими“ [1]) (Пам. В. А. С., стр. 15—18).

[1]) В. А. очень неблагосклонно отзывался о тѣхъ психологахъ, которые прибѣгаютъ къ склеиванію своихъ системъ изъ сужденій разныхъ западныхъ

Анализируя, далѣе, взглядъ В. А. на Психологію, выраженный въ печатныхъ трактатахъ—„Психологія и Логика, какъ философскія науки“ и „Сонъ и Сновидѣнія, изъ которыхъ въ первомъ психологія, по своему предмету, какъ „своего рода наука естественная“, ставится въ параллель съ физикою, г. Несмѣловъ останавливается на опредѣленіи задачи психологіи, по которому „она отыскиваетъ“, какъ самъ В. А. говоритъ, „явленія всеобщія и основныя, которыя встрѣчаются въ той или въ другой формѣ у всѣхъ безъ исключенія людей, при всѣхъ условіяхъ ихъ жизни, явленія, *къ которымъ могутъ быть сведены всѣ другія, при помощи которыхъ могутъ быть объяснены всѣ частныя, случайныя, индивидуальныя видоизмѣненія душевной жизни*“, причемъ почтенный критикъ высказываетъ слѣдующее „Въ этомъ объясненіи собственно и заключается главная суть психологическаго знанія и, слѣдовательно, конечная цѣль психологической науки. Если она стремится къ отысканію всеобщихъ основъ и законовъ душевной жизни, то не для того, чтобы остановиться и почить на нихъ, какъ на послѣдней цѣли своихъ изысканій, а для того, чтобы найти въ нихъ себѣ научное средство къ осуществленію своей подлинной цѣли. Ясно, что, при такомъ взглядѣ на коренную задачу психологіи, В. А. очень легко, напередъ и намѣренно, открылъ широкія двери индивидуализму. Вслѣдствіе этого, его психологическая система значительно выигрывала въ своей глубинѣ, полнотѣ и цѣльности и вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно возвышалась до степени возможной въ данномъ случаѣ оригинальности. . Въ своемъ послѣднемъ сочиненіи онъ начертилъ такой общій планъ этой системы: „психологія,—говоритъ онъ здѣсь,—имѣетъ своею задачею—*описать всѣ душевныя явленія во всѣхъ ихъ подробностяхъ и видоизмѣненіяхъ*, классифицировать ихъ и привести въ естественную систему; отыскать между ними основныя и элементарныя и разложить на нихъ болѣе сложныя; показать затѣмъ условія и законы организаціи каждаго сложнаго явленія душевнаго; наконецъ, *произвести синтезъ всего содержанія души и его строя, начертать цѣльный образъ души человѣческой, какъ она дана въ научномъ внутреннемъ опытѣ, наблюденіи и изслѣдованіи*“ (Сонъ и снов., стр. 306). „Дальше этого, по его мнѣнію“, продолжаетъ г. Несмѣловъ, „психологія ни въ какомъ случаѣ не должна простираться, потому что иначе нарушилась бы ея точная параллель съ естественными науками, и она необходимо стала бы не тѣмъ, чѣмъ всѣ другія положительныя науки и главнымъ образомъ физика. Ради сохраненія этой точной параллели, „не превращаясь въ изслѣдованіе сверхъопытнаго, умозрительнаго, она не можетъ рѣшать вопросовъ о сущности духовныхъ явленій, о сущности и природѣ духа, о его особенномъ, независимомъ отъ явленій бытіи субстанціальномъ, точно также какъ физика не можетъ говорить о сущности матеріи и силы, физіологія о сущности жизни“ и т. д. (тамъ-же, стр. 306). „Но это нисколько не значитъ, что онъ былъ чистымъ,

---

авторитетовъ, совершенно оставляя въ сторонѣ всякія различія въ ихъ основныхъ точкахъ зрѣнія. Для него ничего не было хуже тѣхъ системъ психологіи, въ которыхъ по разнымъ отдѣламъ попеременно фигурируютъ—то Бэнъ, то Тэнъ, то Спенсеръ, то Вундтъ, и самъ онъ очень строго воздерживался отъ изготовленія такого, по его собственному выраженію, винигрета (Пам. В. А. С., стр. 18).

одностороннимъ феноменалистомъ, подобно Миллю, или совершеннымъ агностикомъ, подобно Спенсеру. Онъ вполнѣ понималъ, что если психологія прежде всего должна отдѣлить психическія явленія отъ явленій физическихъ и физіологическихъ, какъ *несводимыя на нихъ*, и тѣмъ самымъ только обосновать свою собственную научную самостоятельность и спеціальность, то это самое выдѣленіе и будетъ опредѣленіемъ сущности психическихъ явленій и вмѣстѣ съ нею—природы духа, какъ субстанціальнаго; такъ что психологія въ самомъ исходномъ началѣ своемъ необходимо должна вступить въ область умозрѣнія и слиться съ метафизикой. Но въ этихъ видахъ онъ только утверждалъ спеціальное бытіе особаго начала душевныхъ явленій, полное же научное изслѣдованіе его природы передавалъ Метафизикѣ".

„Во всякомъ случаѣ, В. А. въ одинаковой мѣрѣ отказывался отъ матеріализма Льюиса, феноменализма Милля и символическаго реализма Спенсера. Послѣ широкаго знакомства съ психологической литературой, при самостоятельной разработкѣ психологической науки, ему не трудно было, конечно, замѣтить, что англійская психологія „стремилась сдѣлаться какъ бы болѣе опытною, чѣмъ сами опытныя науки о веществѣ, по образцу которыхъ она переформировывалась она пыталась построить всю жизнь души изъ однихъ впечатлѣній, безъ признанія какой либо организующей силы, лежащей въ ихъ основѣ и служащей имъ субстратомъ, вопреки своему образцу—естествознанію, полагающему въ основу изслѣдуемыхъ имъ физическихъ явленій особое начало, или субстанцію, называемую матеріею, или веществомъ, и силы, присущія этому началу" (Сонъ, стр. 299). Со стороны англійскихъ психологовъ это была, разумѣется, излишняя ученая ревность не по разуму, и В. А., утверждая за ними всѣ ихъ достоинства, все таки нисколько не считалъ возможнымъ слѣдовать имъ, потому что въ самой психологіи видѣлъ исходное начало и опытную опору для спеціальной метафизики духа. Правда, онъ не считалъ себя въ правѣ въ узкихъ предѣлахъ строго-опытныхъ данныхъ своей науки безусловно рѣшать спеціально-метафизическій вопросъ о природѣ духа, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не признавалъ за психологами права и трактовать этотъ вопросъ, какъ будто давно уже безусловно рѣшенный, въ отрицательномъ смыслѣ, какъ это думалось матеріалисту Льюису, или какъ будто уже совершенно никогда неразрѣшимый, какъ это думалось Спенсеру. Въ этомъ отношеніи онъ несомнѣнно былъ гораздо строже и послѣдовательнѣе, чѣмъ всѣ, взятые вмѣстѣ, англійскіе творцы и поборники научнаго метода. Онъ вполнѣ былъ убѣжденъ въ самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій и, въ качествѣ мыслителя-метафизика, могъ вполнѣ серьезно защищать свою спиритуалистическую точку зрѣнія, въ качествѣ же психолога-эмпирика, признающаго не на словахъ только, а и на дѣлѣ спеціальную логику психологической науки, считалъ необходимымъ съуживать слишкомъ широкіе предѣлы своего изслѣдованія и, по требованію своего метода, ограничивался одними только непосредственно данными фактами эмпирическаго сознанія. Вслѣдствіе же этого, не смотря на его метафизическое основоположеніе, душа или духъ, какъ трансцендентная основа даннаго индивидуальнаго человѣческаго бытія, во всемъ разнообразіи его проявленій, во всей полнотѣ его психической жизни, на строго-опытной почвѣ психологической науки изучался имъ не въ

себѣ самомъ, т. е. не въ его метафизическомъ, трансцендентномъ бытіи, а только въ его эмпирическомъ феноменѣ въ человѣческой личности. Эта человѣческая личность и была центральнымъ пунктомъ, отъ котораго выходили и къ которому снова возвращались всѣ психологическія разсужденія Веніамина Алексѣевича и по этой именно причинѣ у него необходимо исчезали, довольно сомнительныя съ объективно-реальной точки зрѣнія, метафизическія абстракціи душевныхъ силъ и способностей,—не потому, однако, что онѣ были метафизическими абстракціями, а потому, что онѣ, по его мнѣнію, дѣлили недѣлимое на раздѣльные центры и разрывали неразрывное на безсвязныя группы. Во всѣхъ душевныхъ явленіяхъ онъ видѣлъ одну и ту же дѣйствующую личность, вмѣстѣ—мыслящую, чувствующую и волящую, словомъ — живую человѣческую личность, какъ она дѣйствительно существуетъ и непосредственно каждымъ сознается и познается. А такъ какъ всякая данная, эмпирическая личность есть феноменъ всякаго даннаго, эмпирическаго сознанія, эмпирическія же формы и содержаніе сознанія неразрывно связаны съ данными условіями тѣлеснаго бытія человѣка, а эти данныя условія, въ свою очередь, связаны съ общими условіями всего космическаго бытія,—то отсюда вполнѣ понятно, почему, именно, въ своемъ курсѣ психологіи В. А. отводилъ довольно значительное мѣсто и научнымъ даннымъ физіологіи. Не потому, разумѣется, что такъ нынѣ говорятъ англичане, французы и нѣмцы, и такъ ужъ теперь, въ нѣкоторомъ родѣ, принято говорить, а потому, что это вполнѣ требовалось его особенной, личной точкой зрѣнія на спеціальную философскую задачу психологической науки. Феноменалисту Миллю, дѣйствительно, не нужно было говорить о физіологическихъ данныхъ, и если онъ говоритъ о нихъ, то просто только слѣдуетъ неумѣстной и неприличной въ наукѣ модѣ. Метафизику субстанціалисту Ульрици также не слѣдовало говорить о физіологіи, и если онъ въ значительной мѣрѣ пользуется результатами физіологіи и даже всѣхъ и каждаго старается увѣрить, что будто изъ физіологіи то онъ все и выводитъ,—то и онъ также слѣдуетъ указанной модѣ. Съ нѣкоторымъ правомъ могутъ выходить изъ физіологіи только психологи-матеріалисты, но В. А. никогда и не думалъ съ ними соглашаться. И все таки не только былъ правъ, вводя въ свою психологію физіологическій элементъ, но и необходимо долженъ былъ ввести въ нее этотъ элементъ, потому что, въ своей основной точкѣ зрѣнія, онъ въ значительной мѣрѣ склонялся къ индивидуализму, *и его психологія по преимуществу была психологіей живой личности*“... (Пам. В. А. С., стр. 20—24).

„Но если вѣрно, что психологія В. А. была преимущественно психологіей живой личности, то вѣрно ли онъ опредѣлилъ ея предметъ и задачи, считая ее за науку о законахъ и формахъ душевной жизни въ ея цѣльномъ составѣ и разнообразныхъ градаціяхъ? Можетъ ли, на самомъ дѣлѣ, сохраниться индивидуальность личности въ установленіи общихъ законовъ душевной жизни, и не заключается ли внутренняго противорѣчія въ отысканіи общихъ формъ индивидуальности? Этотъ вопросъ неизбѣжно вызвалъ бы серьезное недоумѣніе, если бы В. А. дѣйствительно стремился къ установленію такихъ общихъ законовъ и къ отысканію такихъ общихъ формъ; но на самомъ дѣлѣ въ своихъ академическихъ чтеніяхъ онъ глав-

нымъ образомъ рисовалъ картины только частныхъ душевныхъ состояній въ такихъ или въ иныхъ условіяхъ ихъ происхожденія и существованія. Онъ не говорилъ объ умѣ вообще, а потому у него не было и никакого общаго закона ума, а были только общеприродныя и частно-индивидуальныя условія происхожденія, существованія и измѣненія ощущеній—зрительныхъ, слуховыхъ и т. д., или—идей сходныхъ, различныхъ и т. д. Онъ не говорилъ о чувствованіяхъ вообще, а потому у него не было и никакого общаго закона чувствованій, а были только опять такія же, общеприродныя и частно-индивидуальныя, условія происхожденія и формы обнаруженія страха, любви, гнѣва и т. д. Да и существуютъ-ли такіе общіе законы, чтобы ихъ стоило отыскивать, и если они существуютъ, то будетъ ли какой нибудь реальный смыслъ въ ихъ отысканіи,—онъ не говорилъ никогда. Онъ никогда не ограничивался однимъ только анализомъ душевныхъ явленій и всегда стремился еще произвести и общій синтезъ всего содержанія души и его строя, начертать цѣльный образъ души человѣческой, какъ она дана въ научномъ внутреннемъ опытѣ, наблюденій и изслѣдованій; и потому живая человѣческая личность у него всюду остается живою, т. е., мыслящею, чувствующею и волющею, однимъ словомъ—дѣйствующею во всѣхъ душевныхъ явленіяхъ одновременно—въ ихъ цѣльномъ составѣ и разнообразныхъ градаціяхъ. И въ то же время данное имъ опредѣленіе психологіи, съ его, разумѣется, точки зрѣнія, было совершенно правильно. А вѣрна-ли его точка зрѣнія, т. е., вѣрно-ли, что психологія должна быть психологіей личности, еще точнѣй,—что она должна быть наукой о личности въ ея здоровомъ и больномъ состояніи,—вопросъ совершенно другой. Впрочемъ, психологія В. А. доставила ему такую массу самыхъ искреннихъ почитателей, что, вѣроятно,—между ними найдутся и такіе, которые, если и не съумѣютъ, то, по крайней мѣрѣ, могутъ попытаться отстаивать научную состоятельность взглядовъ своего умершаго учителя“ (Пам. В. А. С., стр. 25—26).

Что касается чтеній по логикѣ, то по компетентному отзыву нашего ученаго критика, „большая часть изъ почитателей В. А., какъ профессора-логиста, была заинтересована самой постановкой логической науки. Онъ понималъ логику въ смыслѣ спеціальной науки о процессахъ познанія въ ихъ отношеніи къ познаваемой дѣйствительности, т. е. считалъ предметомъ логики не изученіе формальныхъ процессовъ мыслительной дѣятельности самихъ по себѣ, а изученіе условій истиннаго и ложнаго знанія въ реально-нормальномъ построеніи этихъ процессовъ, и потому опредѣлялъ логику, какъ науку *объ условіяхъ, законахъ и методахъ познанія истины*. Въ этомъ случаѣ онъ, очевидно, примыкалъ къ новѣйшему типу гносеологической логики, хотя въ частности едва-ли слѣдовалъ кому нибудь изъ логистовъ послѣдняго времени“. „Благодаря такой постановкѣ, слушатели“, продолжаетъ далѣе г. Несмѣловъ, „научались понимать здѣсь, что такое логическая наука. Кромѣ новаго понятія о ней, они выносили изъ чтеній В. А. и новый планъ ея построенія. Характеристическую черту этого плана составляетъ органическая связность и цѣльность въ послѣдовательномъ изложеніи логическихъ вопросовъ, раскрытіе и рѣшеніе которыхъ всегда неуклонно направлялось къ одной общей цѣли—раскрыть и рѣшить одну

основную задачу относительно познанія истины. Вслѣдствіе этого, именно, неуклоннаго стремленія къ одной общей цѣли, и являлась полная возможность органически связать частные вопросы и цѣлые отдѣлы науки въ одну стройную систему, которая оживлялась одной общей идеей и разныя части которой представляли собою только разныя ступени и стороны въ раскрытіи этой идеи. Онъ связалъ и далъ совершенную форму мертвымъ костямъ логическихъ рубрикъ и вдунулъ въ нихъ живой духъ науки" (стр. 31—34).

„Отъ Веніамина Алексѣевича остались, говорится въ „Пам. В. А. С.", два большихъ философскихъ трактата — „Спиритизмъ, какъ религіозно-философская доктрина" и „Сонъ и Сновидѣнія". Хотя оба эти трактата по разнымъ причинамъ и остались неоконченными,—тѣмъ не менѣе въ нихъ живо отлился весь пытливый умъ покойнаго профессора, какъ мыслителя-философа, и притомъ отлился на всѣхъ ступеняхъ его философскаго развитія, начиная съ того времени, когда онъ по преимуществу былъ богословомъ-философомъ, и кончая послѣднимъ періодомъ его жизни, когда онъ ушелъ къ метафизикѣ. При чтеніи этихъ трактатовъ мы присутствуемъ, такъ сказать, при самомъ философскомъ ростѣ его и потому здѣсь наиболѣе живо встаетъ предъ нами свѣтлый образъ его, какъ неутомимаго искателя истины" Въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе г. Несмѣлова высказанный въ первомъ трактатѣ „взглядъ В. А. на основные мотивы и формы человѣческаго развитія, на возможную гармонію вѣры и знанія и на громадное спеціальное значеніе философіи". Опредѣляя по поводу характеристики спиритизма значеніе двухъ противоположныхъ направленій для міросозерцанія—мистическаго и раціоналистическаго, В. А., между прочимъ, говоритъ,—что „цѣлостное разумное міросозерцаніе всегда должно быть органическимъ единствомъ обоихъ направленій, въ законныхъ предѣлахъ того и другого, *должно объединять въ себѣ непознаваемое и познаваемое, безконечное и конечное, временное и вѣчное, таинственное и понятное, должно быть единствомъ положительнаго знанія и вѣры, единствомъ эмпирической науки и откровенной религіи*" (Прав. Соб., т. I, стр. 20). Резюмируя далѣе взглядъ В. А., г. Несмѣловъ говоритъ, что „для осуществленія этого единства церковь, по мнѣнію В. А., должна пригласить себѣ на помощь философію". „Великая проблема этого единства",—говоритъ В. А.,—„есть задача только философіи, и только философія, въ той или другой мѣрѣ осуществляющая это единство, есть истинная философія и заслуживаетъ свое названіе". Лучшій и совершеннѣйшій образецъ такого философскаго сліянія вѣры и знанія онъ видѣлъ у отцевъ и учителей древней христіанской церкви, которые „объединили всю сумму современныхъ имъ знаній раціональныхъ и поставили ихъ въ гармонію съ истинами вѣры, принимая за истину только то, что̀ дано въ откровеніи, и въ человѣческомъ знаніи—то, что̀ не противорѣчило откровенной истинѣ" (Прав. Соб. 7, VI, стр. 30). Но такъ какъ эмпирическая наука постоянно растетъ и въ каждую данную эпоху является сумма новыхъ знаній, то отеческая философія должна постепенно перерабатываться: въ нее нужно, именно, постепенно вводить новыя научныя знанія и опредѣлять ихъ отношеніе къ даннымъ откровеніямъ. Вслѣдствіе этого, каждая эпоха христіанскаго міра необходимо должна имѣть свое

христіанское научное, откровенно-философское міровоззрѣніе, свою христіанскую философію, созданіе которой должно быть послѣднею цѣлію и завершеніемъ умственной дѣятельности каждой эпохи (тамъ-же стр. 21). Ясно, что такая философія необходимо должна существовать и теперь, но ясно и то, что этой истинной и единственно достойной своего имени философіи мы никогда не имѣли и не имѣемъ" (Пам. В. А. С. стр. 42).

„Этотъ, заслуживающій глубокаго вниманія и полнаго сочувствія, взглядъ покойнаго профессора былъ его первымъ, исходнымъ взглядомъ, когда онъ безусловно отрицалъ всякое самостоятельное хожденіе философіи по стихіямъ міра и требовалъ ея совершеннаго научнаго слиянія съ богословіемъ. Въ это время онъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что послѣднія основы и начала міровой и человѣческой жизни *навсегда* останутся для человѣка непонятными, непостоянными, таинственными, если онъ не воспользуется свѣтомъ откровенія. Но впослѣдствіи онъ удалился отъ этой первоначальной точки зрѣнія, потому что всякій отказъ отъ научнаго познанія трансцендентнаго міра ему казался совершенно напрасной уступкой позитивизму и вмѣстѣ съ тѣмъ вредной уступкой невѣрію. Въ борьбѣ съ этимъ—религіознымъ и философскимъ—невѣріемъ, онъ началъ защищать высшія права человѣческаго разума и, въ интересахъ этой защиты, естественно, долженъ былъ придти къ заключенію, что „хотя умъ человѣческій высшею его силою и осужденъ добывать полную истину только медленно, осужденъ именно съ усиліемъ и какъ бы ощупью пробираться черезъ сложный и запутанный лабиринтъ явленій въ міръ дѣйствительнаго бытія, тѣмъ не менѣе однако эта истина отъ него совершенно не скрыта, и возможность ея полнаго постиженія отъ него нисколько не отнята". Путемъ кропотливаго опыта онъ можетъ наконецъ подняться на такіе пункты, съ точки зрѣнія которыхъ ему легко будетъ бросить смѣлый и плодотворный взглядъ за предѣлы феноменальнаго міра. Для этого ему нужно только „сначала построить лѣстницу изъ несомнѣнныхъ, строго обслѣдованныхъ истинъ опыта и по ней уже затѣмъ подняться въ ту таинственную область, къ которой онъ стремится взлетѣть" (Сонъ и Снов., стр. 74). Съ установленіемъ этого взгляда, В. А. неизбѣжно долженъ былъ реформировать свою религіозную философію, покоившуюся болѣе на вѣрѣ, чѣмъ на знаніи".

„Въ интересахъ научной реформы своей философіи, В. А. принялся, какъ онъ самъ выражался, за отысканіе историческихъ маяковъ философской мысли. По его собственнымъ воспоминаніямъ, его сначала увлекли было къ себѣ нѣмецкіе метафизики, но это увлеченіе оказалось потомъ очень непродолжительнымъ. Его трезвый умъ не могъ придавать особенно высокой цѣны, хотя бы даже и геніальной, философской поэзіи Шеллинга; по отмѣченному же выше основному характеру его психологіи—онъ тѣмъ болѣе не могъ придавать какой бы то ни было цѣны фантастическимъ умозрѣніямъ Гегеля, въ системѣ котораго, по его словамъ, „былъ умерщвленъ живой духъ пустыми отвлеченіями" (Сонъ, 121). Къ изученію этого живого духа онъ только и стремился и только это одно изученіе признавалъ имѣющимъ полную научную цѣнность,—а на него то какъ разъ и не обращали никакого вниманія нѣмецкіе метафизики. Основная тенденція

этихъ абстрактныхъ умовъ—свести все къ мертвымъ законамъ и выразить все въ абсолютныхъ формулахъ—шла въ безусловный разрѣзъ съ его собственною индивидуалистическою склонностію, и по этой именно причинѣ кратковременное увлеченіе у него быстро смѣнилось положительнымъ отвращеніемъ ко всей нѣмецкой философіи вообще. Не говоря уже о другихъ мыслителяхъ, даже за національною гордостію нѣмцевъ—знаменитымъ Кантомъ онъ признавалъ всего только одну, довольно странную, впрочемъ, заслугу,—именно, ту, что Кантъ окончательно запуталъ и безъ того не блиставшіе особенною ясностью нѣмецкіе умы и тѣмъ самымъ очень много содѣйствовалъ окончательному пораженію безплодной нѣмецкой философіи. Критика чистаго разума, по самому характеру ея, никогда не могла понравиться В. А., потому что всѣ эти трансцендентальныя формы и категоріи съ ихъ трансцендентальною схематическою связію ему казались не инымъ чѣмъ, какъ простымъ умерщвленіемъ живого человѣческаго духа. Но еще болѣе не нравилась ему спеціально-полемическая сторона этой критики, потому что Кантъ самъ выдумалъ для себя всѣ метафизическія затрудненія и вынужденъ былъ положить оружіе въ безкровной борьбѣ съ своими же собственными измышленіями. Его *вещь въ себѣ*—продуктъ метафизическаго недоразумѣнія, его трансцендентальныя формы воспріятія и категоріи разсудка—плоды совершеннаго незнанія имъ психофизіологіи, его критика доказательствъ бытія Божія и безсмертнаго духа человѣческаго—слѣдствіе намѣренной или ненамѣренной подтасовки понятій совершенно разныхъ порядковъ, и вся его критика метафизики на самомъ дѣлѣ метафизичнѣе самой метафизики. Въ виду всего этого, покойный В. А. отзывался о Кантѣ даже еще болѣе неблагосклонно, чѣмъ онъ отзывался о Гегелѣ. По его мнѣнію, Кантова критика чистаго разума была безысходнымъ философскимъ болотомъ, въ которомъ суждено было загибнуть всей новѣйшей нѣмецкой философіи и изъ котораго не могъ, поэтому, выбраться даже такой сильный мыслитель, какъ Шопенгауэръ. Въ метафизической доктринѣ этого философа-пессимиста онъ не видѣлъ совершенно ничего, кромѣ произвольнаго и грубо-ненаучнаго искаженія данныхъ живого сознанія въ метафизической реализаціи силъ или способностей духа. Отдѣлилъ человѣкъ разумъ и волю, какъ реально-сущія силы, натравилъ ихъ другъ на друга, какъ непримиримыхъ враговъ, и построилъ свою фантастическую комедію міровой жизни дѣло было обдѣлано очень легко, но за то и очень нелѣпо. Избѣгая такихъ нелѣпостей, В. А. отвернулся отъ нѣмецкой метафизики и вмѣстѣ съ нею осудилъ всю вообще апріорную метафизику, пытавшуюся силою чистой мысли проникнуть до основъ бытія и возсоздать это бытіе въ подлинномъ, объективномъ процессѣ его развитія. „Чистое мышленіе,—говоритъ онъ,—есть логическое противорѣчіе и потому есть нѣчто въ дѣйствительности не существующее· мышленіе безъ мыслимаго въ ограниченномъ существѣ есть нѣчто невообразимое, есть мышленіе безъ всякаго содержанія, мышленіе безъ мыслей, мысль безъ мысли". Конечно, и метафизика, построенная на такомъ основаніи, должна была показаться ему также нелѣпой, какъ невообразимо нелѣпо и ея основаніе. Онъ видѣлъ въ ней только широкое поле борьбы самыхъ произвольныхъ построеній. И потому вполнѣ понятно,

какъ сильно должна была привлечь его къ себѣ противоположная апріорной метафизикѣ положительная наука. На строго опытной почвѣ этой науки невозможны произвольныя построенія, безконечныя разногласія и неразлучныя съ ними пререканія: все это является только по выходѣ за предѣлы опыта, въ области умозрѣнія, въ метафизикѣ чистаго мышленія. „Истины положительной науки“,—говоритъ В. А.,—„насильственно, вопреки всѣмъ субъективнымъ симпатіямъ и антипатіямъ, вызываютъ согласіе всѣхъ людей, составляютъ общее ихъ достояніе, которое роднитъ и объединяетъ нечувствительно мыслителей самыхъ крайнихъ философскихъ направленій, и чѣмъ больше количество этихъ истинъ, тѣмъ больше пунктовъ соприкосновенія для людей даже съ діаметрально-противоположными общими воззрѣніями“. Положительная наука, такимъ образомъ, представляетъ собою нейтральную почву, на которой спокойно могутъ сходиться вмѣстѣ борцы метафизики и, подъ давленіемъ неопровержимыхъ фактовъ, дружно работать въ одномъ направленіи. Но если это дѣйствительно вѣрно, то не лучше-ли будетъ совсѣмъ оставить высоты метафизики и добровольно заключиться въ одной только ограниченной области строгаго опыта“?

„В. А. этого никогда не думалъ, потому что позитивизмъ—въ его чистомъ, французскомъ изготовленіи—для него всегда казался не менѣе противонаучнымъ, чѣмъ и апріорная метафизика, а какъ спеціалистъ-психологъ, онъ даже возмущался имъ гораздо больше, чѣмъ нѣмецкой метафизикой. Дѣло въ томъ, что, по суду контовскаго позитивизма, психологія совсѣмъ изгонялась изъ установленной въ немъ іерархіи наукъ, и ея спеціальный предметъ цѣликомъ отдавался въ безконтрольное вѣдѣніе физіологовъ. Контъ непонятнымъ образомъ смѣшивалъ научность съ объективностью и потому видѣлъ ее только въ естествознаніи, слѣдовательно—за субъективнымъ методомъ психологическаго наблюденія, по самому понятію научности, не могъ признавать никакой цѣны, съ отдачею-же психологическихъ вопросовъ экспериментаторамъ-физіологамъ спеціальность психологіи разрушалась сама собою. Между тѣмъ В. А. былъ вполнѣ убѣжденъ въ отдѣльности психическихъ явленій и въ несводимости ихъ ни на какія другія явленія, т. е., въ спеціальности психическихъ явленій, а потому непзбѣжно долженъ былъ требовать и спеціальной науки для ихъ изученія. Въ тоже время онъ вполнѣ признавалъ и естественное право каждой науки спеціализировать въ своихъ предѣлахъ общенаучный методъ, сообразно съ даннымъ предметомъ изслѣдованія, и потому не могъ, разумѣется, отождествлять научность съ экспериментаціей, потому что эта послѣдняя представляетъ собою только частную форму приложенія научнаго метода къ физическимъ наукамъ и, слѣдовательно, измѣрять ею всякую вообще научность и достовѣрность было-бы по меньшей мѣрѣ довольно странно. Отсюда интроспективный методъ психолога для него былъ такимъ-же научнымъ методомъ, какъ и экспериментальный методъ физика;—различіе того и другого метода опредѣляется различіемъ предметовъ и условій изслѣдованія и, слѣдовательно, нисколько не ведетъ къ какому нибудь различію въ научности. Это справедливое утвержденіе, разумѣется, въ корнѣ разрушаетъ собою необдуманное стремленіе Конта сдѣлать психологію одною изъ главъ физіологіи, потому что безъ связи съ интроспективной

психологіей физіологическая психологія, по выраженію покойнаго профессора, „немыслима и невозможна“. Слѣдовательно, основная тенденція новѣйшей французской философіи, почти всецѣло задавленной ограниченнымъ контовскимъ позитивизмомъ, безусловно расходится съ собственными взглядами В. А., какъ психолога, и потому онъ могъ отнестись къ этой философіи только отрицательно. Но позитивизмъ не нравился ему не однимъ только своимъ ратоборствомъ съ психологической наукой;—В. А. считалъ противонаучнымъ самый принципъ позитивной философіи. Дѣло въ томъ, что предѣлы позитивнаго разума были установлены въ пылу борьбы науки и метафизики поспѣшно, произвольно и неразумно, и опытъ самъ, по мѣрѣ своего расширенія, неизбѣжно полагаетъ конецъ нелѣпому господству позитивнаго террора, потому что онъ неизбѣжно приходитъ къ тѣмъ границамъ, отъ которыхъ его насильственно отворачиваютъ. Вслѣдствіе же этого, если кропотливое изслѣдованіе мелочей и будетъ въ состояніи занять множество тысячъ мелкихъ умовъ, то никогда и ни въ какомъ случаѣ—ни одного могучаго. Этотъ могучій умъ всегда прорываетъ узкую сѣть ограниченнаго опыта и всегда будетъ стремиться къ разрѣшенію чисто метафизическихъ вопросовъ о послѣднихъ основахъ всего сущаго, о скрытыхъ за явленіями таинственныхъ творческихъ силъ. Такъ именно и случилось съ французскимъ позитивизмомъ. „Выгнанные смѣло въ дверь—міръ идеальный, метафизика и идеализмъ проникаютъ неудержимо въ окна, постепенно сдѣланныя самою опытною наукою въ разнообразнѣйшихъ ея развѣтвленіяхъ“. Здѣсь былъ данъ для В. А. естественный переходъ отъ апріорной метафизики къ типу современной синтетической философіи“.

„Въ 1874—1875 академич. году, по случаю заграничной командировки покойнаго доцента по кафедрѣ метафизики, П. А Милославскаго, Совѣтъ академіи поручилъ В. А. соединить временно съ кафедрой своихъ спеціальныхъ предметовъ и кафедру метафизики. Выполненіе этого порученія было особенно памятно В. А., и онъ нерѣдко возвращался въ своихъ воспоминаніяхъ къ этому періоду своей профессорской дѣятельности. Это было для него время полнаго философскаго кризиса,—то именно время, когда во имя науки и здраваго смысла онъ отвергъ нѣмецкую метафизику и во имя логики знанія и свободы мысли опротестовалъ присвоенное себѣ Контомъ деспотическое право ставить человѣческой мысли nec plus ultra... Съ точки зрѣнія Бэкона онъ разсматривалъ тогда философію, какъ объединеніе и завершеніе научныхъ знаній, и вмѣстѣ съ Аристотелемъ стремился идти по пути метафизической философіи къ научному опредѣленію послѣднихъ принциповъ бытія и жизни, но, остановившись передъ измышленнымъ тогда на западѣ различіемъ между метафизикой и мэтэмпирикой, сильно поколебался въ своей увѣренности поставить научно самую важную часть исторической метафизики, ея спеціальные трансценденты. Вслѣдствіе же этого колебанія, какъ показываетъ его статья—„Психологія и Логика, какъ философскія науки“, онъ рѣшился просто умолчать о метафизическихъ трансцендентахъ и, по его собственному сознанію, быть неустойчивымъ и непослѣдовательнымъ. Онъ признавалъ тогда подлиннымъ предметомъ философіи только эмпирически-познаваемый міръ, какъ одно сложное, громадное явленіе, или какъ вселенную, и ста-

вилъ ея конечною цѣлію образованіе такого или иного, но обязательно преходящаго, міросозерцанія, какъ необходимой принадлежности всякаго мыслящаго человѣка—въ данное время и при данномъ развитіи опытнаго знанія. Философія, говоритъ онъ, есть „совокупность знаній или наука о доступной нашему наблюденію вселенной, какъ одномъ цѣломъ явленіи, дающая человѣку міросозерцаніе". Съ этой точки зрѣнія все отличіе философіи отъ другихъ спеціальныхъ наукъ онъ полагалъ лишь въ томъ, что она имѣетъ своимъ предметомъ не какой либо частный предметъ и не цѣлую область ихъ, а всю ихъ совокупность вообще, т. е. все вообще сущее, какъ одинъ предметъ. На этомъ основаніи, кажется, можно было-бы думать, что, при существованіи другихъ наукъ, философія, въ сущности, совершенно излишня и потому должна бы прекратить свое дальнѣйшее существованіе, но В. А. съ этимъ не соглашался. „Дѣло въ томъ,—говоритъ онъ,—что хотя предметъ философіи и предметъ эмпирической науки во всемъ ея объемѣ—одинъ и тотъ же, однако онѣ разсматриваютъ его съ разныхъ точекъ зрѣнія, а потому области изслѣдованія ихъ различны, не совпадаютъ и не могутъ совпасть, хотя и находятся въ тѣсной связи и постоянномъ взаимодѣйствіи". Философія именно разсматриваетъ вселенную съ точки зрѣнія ея высшихъ, послѣднихъ принциповъ, а этого не дѣлаетъ ни одна наука; слѣдовательно, за уничтоженіемъ философіи, широкая область возможнаго знанія навсегда будетъ закрыта для человѣческой мысли и вмѣстѣ съ тѣмъ явится чувствительный пробѣлъ въ человѣческомъ знаніи. Въ виду этого, даже односторонняя философія Конта стремится быть спеціальной философіей, претендуя на особую область человѣческаго знанія, хотя Контъ и безконечно съузилъ горизонтъ человѣческой мысли. Но помимо теоретическаго, научнаго, философія имѣетъ еще слишкомъ большое практическое значеніе, чтобы отъ нея можно и нужно было дѣйствительно отказываться. Философія „во всякомъ случаѣ можетъ возвысить человѣка, сдѣлать шире его кругозоръ, серьезнѣе его взглядъ на жизнь, вообще сдѣлать несомнѣнно полнѣе, законченнѣе и содержательнѣе его развитіе".

„Но этотъ взглядъ выражалъ собою только переходную ступень въ философскомъ развитіи В. А. Впослѣдствіи онъ самъ осудилъ всѣ эти мнѣнія и снова повернулъ къ метафизикѣ, съ увлеченія которой и началъ свое философское развитіе и отъ которой потомъ его отбила туманная діалектика нѣмецкихъ философовъ. Его глубокое убѣжденіе въ томъ, что „человѣкъ всегда и на всѣхъ ступеняхъ своего развитія—мистикъ въ глубинѣ души, мистикъ по самой природѣ своей",—находило себѣ первое оправданіе въ немъ же самомъ, только онъ былъ мистикъ глубоко-ученый. Поэтому именно онъ одинаково и отворачивался отъ метафизики идеализма и строго позитивной философіи. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, глубоко разочарованныхъ въ исторической философіи, людей, о которыхъ онъ самъ говоритъ въ своемъ послѣднемъ сочиненіи. „Они требовали вѣры въ личнаго Бога, въ личное безсмертіе и въ міръ духовный, недовольствуясь узкими положеніями эмпиризма, но въ тоже время не могли помириться и съ тѣми отвлеченностями, въ области которыхъ вращалась идеалистическая философія. Они искали живого Бога, вѣчно живой личности человѣческой и міра высшаго за предѣлами чувственнаго, феноменальнаго бытія, и требо-

вали доказательствъ всего этого дѣйствительныхъ, реальныхъ, а не тѣхъ, которыя предлагали схоластика и идеализмъ. Они требовали реформы этихъ дорогихъ для человѣка представленій, сообразно съ измѣнившимся понятіемъ о физической вселенной".—И въ силу всѣхъ этихъ требованій онъ одинаково осудилъ Конта и Гегеля и горячо привялся за поиски новой реформированной философіи. Во время этихъ поисковъ его вниманіе обратила на себя западная разработка такъ называемой естественнонаучной философіи, представлявшей собою оригинальную смѣсь позитивизма и метафизики, и онъ было на нѣкоторое время остановился на ней; но съ развитіемъ своихъ знаній, съ расширеніемъ философскаго кругозора, съ углубленіемъ собственной мысли, онъ осудилъ и эту философію, какъ никуда негодную. Въ послѣднее время онъ крайне рѣдко бывалъ доволенъ философской литературой—и русской и западной, въ большинствѣ же случаевъ рѣшалъ своею обычною фразой, что „авторъ еще слишкомъ мало думалъ и потому, вмѣсто того, чтобы другихъ учить, ему нужно еще самому поучиться"... Пересматривая тѣ краткія замѣтки, которыя иногда дѣлалъ покойный профессоръ на поляхъ прочитанныхъ имъ книгъ, нельзя было не согласиться съ нимъ, что, дѣйствительно, великіе мыслители очень часто говорили значительно больше, чѣмъ сколько они мыслили, и что имъ весьма не мѣшало бы еще поучиться, прежде чѣмъ выступать на обученіе другихъ" (Пам. В. А. С., стр. 42—55).

„Избѣгая тѣхъ туманныхъ отвлеченностей, въ которыхъ вращалась идеалистическая философія, В. А. прежде всего требовалъ, чтобы философія перестала, наконецъ, быть такою сказочною вещію, что будто ее могутъ понимать только сами философы, да и они—лишь то, что сами-же написали, а не все вообще, что когда либо было написано и пишется по философіи. Въ виду этого, онъ безусловно отрицалъ всѣ жалобы нѣмецкихъ метафизиковъ на трудность выраженія философскихъ понятій обыкновеннымъ человѣческимъ языкомъ и искалъ въ философіи именно общечеловѣческихъ понятій и общечеловѣческаго языка. Когда ему замѣчали, что нѣкоторыя проблемы философіи, дѣйствительно, не могутъ быть изложены въ общедоступной формѣ, онъ всегда въ этихъ случаяхъ безапелляціонно рѣшалъ. „значитъ, вы сами не ясно ихъ мыслите". По его глубокому убѣжденію, философію и можно, и нужно излагать такъ ясно, просто и общедоступно, чтобы ее легко можно было понимать всякому сколько нибудь образованному человѣку. Идеалъ такой общедоступной философіи, при строго научной постановкѣ всѣхъ философскихъ проблемъ, онъ надѣялся осуществить на почвѣ своей спеціальной науки—психологіи, при обязательномъ, однако, содѣйствіи всѣхъ другихъ положительныхъ наукъ. По его представленію, психологія есть центральная философская наука, результаты которой и обосновываютъ, и опредѣляютъ собою всякое вообще философское знаніе. Логика, напримѣръ, имѣетъ своимъ спеціальнымъ предметомъ явленія знанія, какъ одинъ громадный и сложный процессъ поставленія идей и понятій въ согласіе съ дѣйствительнымъ бытіемъ и ставитъ себѣ спеціальной задачей—„выслѣдить всеобщіе законы постиженія и опредѣленіе истины при всевозможныхъ условіяхъ". Но предварительная логическая работа—изслѣдованіе условій и законовъ, по которымъ изъ про-

стѣйшихъ элементовъ мысли образуются различныя формы и направленія познавательной дѣятельности,—лежитъ въ области психологіи. Точно также и философія, имѣя своимъ предметомъ міръ, какъ цѣлое, хотя и ставитъ по отношенію къ нему свою особую, спеціальную задачу—изслѣдовать его основныя начала, однакожъ рѣшить эту задачу на своей собственной почвѣ, т. е. совершенно самостоятельно, она и никогда не будетъ въ состояніи, потому что міръ прежде всего есть мое представленіе. „Ни въ самомъ первоначальномъ грубомъ опытѣ, ни на самой недосягаемой высотѣ отвлеченія мы, очевидно, не можемъ уйти отъ самихъ себя, выйти изъ самихъ себя и посмотрѣть, что такое есть внѣ въ насъ, помимо насъ и независимо отъ свойства нашей физической и духовной природы". Слѣдовательно, прежде рѣшенія вопроса о томъ, что такое міръ и какія его основныя начала?—необходимо еще отвѣтить на предварительный вопросъ о томъ, какъ образуется у насъ самое представленіе о немъ—и этотъ предварительный вопросъ можетъ быть рѣшенъ только путемъ психологическаго анализа даннаго представленія. Такимъ путемъ вся вообще философія можетъ быть сведена къ истолкованію сознанія—къ психологіи. Идеи субъекта и объекта, матеріи и духа, пространства и времени, причины, абсолютнаго,—все это можетъ быть сведено на психологическую почву и если не окончательно разрѣшено исключительными средствами психологіи, то по крайней мѣрѣ значительно подготовлено въ ней къ такому разрѣшенію. Но цѣльнаго построенія философіи съ этой точки зрѣнія В. А. не сдѣлалъ. Болѣе или менѣе подробно онъ коснулся въ своемъ послѣднемъ сочиненіи одной только метафизической теоріи духа... Полной метафизической теоріи духа онъ не оставилъ. Сообразно съ спеціальными цѣлями своего сочиненія, онъ только мимоходомъ высказалъ нѣсколько общихъ соображеній о природѣ духа съ чисто метафизической точки зрѣнія. По его сужденію, „духъ можно мыслить только, какъ чистую энергію, дѣятельность которой и жизнь есть сознаніе и только сознаніе" (Сонъ, 276). Какіе собственно были положительные мотивы для утвержденія этого метафизическаго сужденія,—мы не знаемъ; но только В. А. весьма горячо защищалъ его отъ многочисленныхъ возраженій со стороны современныхъ психофизіологовъ „безсознательниковъ". Теперь, какъ извѣстно, безсознательность положительно въ модѣ: какъ только чего не понимаютъ, а желаютъ понять, такъ сейчасъ-же и строятъ миѳологію безсознательнаго. Безсознательныя состоянія и безсознательные процессы являются постоянно, почти во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ психологическаго анализа. Но само собою понятно, что въ существѣ дѣла они ровно ничего не объясняютъ, да и объяснять ничего не могутъ, потому что представляютъ собою однѣ только пустыя слова. Никакой безсознательной области въ духѣ не существуетъ, потому что, какъ чистая энергія, онъ не подлежитъ пространственнымъ измѣреніямъ, и никакихъ безсознательныхъ состояній въ немъ не сохраняется, потому что его жизнь и дѣятельность есть сознаніе. Поэтому каждая идея, переставъ сознаваться, перестаетъ жить и разлагается на свои составныя части, потому что только сознаніе есть ея жизнь, ея единственная форма бытія (Сонъ, стр. 274). Возникнуть вновь въ сознаніи она никогда не можетъ, и если намъ кажется, что она возникаетъ вновь, то

это вѣрно лишь въ томъ метафорическомъ, что появившійся весною цвѣтокъ есть тотъ-же самый цвѣтокъ, который прошлымъ лѣтомъ цвѣлъ на томъ-же растеніи. Въ дѣйствительности, какъ въ природѣ, такъ и въ воздухѣ все вновь творится, и виды творенія могутъ быть только сходными между собою, но никогда ни тождественными. Собственно даже и одна и таже идея во время пребыванія своего въ сознаніи является вполнѣ равной себѣ самой только одинъ и единственный моментъ, потому что какъ идея живая, она живетъ, т. е. развивается. Съ каждымъ новымъ моментомъ содержаніе духа измѣняется или путемъ отбрасыванія старыхъ элементовъ, или путемъ преобразованія ихъ чрезъ осложненіе вновь воспринятыми элементами, и въ нескончаемомъ процессѣ, этого преобразованія первые родичи данной идеи оказываются наконецъ такими жалкими, бѣдными, зародышевыми формами, которыя уже не возсоздаются душею, какъ не возсоздаются природой какіе нибудь ихтіозавры, и потому вымираютъ окончательно. Въ этомъ-то неустанномъ творчествѣ и состоитъ развитіе духа, личнаго и безсмертнаго. — Это была послѣдняя точка зрѣнія, на которой стоялъ В. А. до самой своей смерти“ (Пам. В. А. Снегирева, стр. 55—60).

ВВЕДЕНІЕ.

I. Предметъ Психологіи.

Современное состояніе науки о душѣ. Типическія формы представленія о душѣ, какъ предметѣ Психологіи. Три главныя направленія въ изслѣдованіи души. Характеристика и критика каждаго изъ нихъ. Несостоятельность всѣхъ трехъ типовъ науки о душѣ, взятыхъ въ отдѣльности. Дѣйствительная наука о душѣ, какъ развивающееся изъ одного начала соединеніе всѣхъ этихъ типовъ. Три главныя стороны предмета науки о душѣ. Опредѣленіе Психологіи.

Психологія слишкомъ двѣ тысячи лѣтъ существуетъ, какъ отдѣльная, самостоятельная отрасль знанія, и имѣетъ весьма обширную литературу,—между тѣмъ относится къ разряду наукъ еще неустановившихся, несформировавшихся окончательно. Область ея изслѣдованій не опредѣлена съ точностію, не допускающею разногласія; ея задачи и конечная цѣль не установлены какъ слѣдуетъ; она не имѣетъ строго опредѣленнаго въ теоріи и выработаннаго на практикѣ въ цѣломъ и подробностяхъ метода и общаго плана; терминологія ея относится къ самымъ несовершеннымъ и неточнымъ. Даже самостоятельность ея, какъ особой, отдѣльной науки, подвергается сомнѣнію: многіе считаютъ ее просто отдѣломъ Физіологіи, главою этой науки. Въ виду такого положенія науки, становится дѣломъ первой важности выяснить съ возможною опредѣленностію, выражаясь словами Льюиса, „что, именно, должно изучать въ Психологіи, съ какою цѣлію и какимъ образомъ изучать“, т. е., употребляя техническія выраженія,—опредѣлить ея область и предметъ, ея задачи и методъ. Отъ этого опредѣленія зависитъ все развитіе науки, правильный, единообразный, къ одной

цѣли направленный ходъ изслѣдованій въ ея области, при полномъ согласіи въ главномъ и при взаимной поддержкѣ всѣхъ изслѣдователей, идущихъ теперь разными путями и въ разныя стороны, иногда діаметрально, какъ увидимъ, противоположныя, враждующихъ между собою и подрывающихъ труды другъ друга. Вотъ почему, въ настоящее время,—время самыхъ напряженныхъ усилій поставить Психологію на ту высоту точности, единообразія и всеобщности, какой достигли нѣкоторые изъ наукъ естественныхъ,—вопросъ о правильной и прочной постановкѣ психическихъ изслѣдованій, вопросъ о предметѣ, задачѣ и методѣ Психологіи,—выдвинутъ на первый планъ, вызвалъ и постоянно вызываетъ спеціальные труды, значительно уже подвинувшіе впередъ его рѣшеніе. Правда, попытки въ этомъ родѣ начались раньше—въ Англіи и Шотландіи въ XVII в., въ Германіи въ началѣ текущаго столѣтія; но, явившись подъ вліяніемъ борьбы съ схоластикою, попытки эти, по необходимости, были односторонними и приводили къ крайностямъ. Только въ наше время наступили для нихъ благопріятныя условія и явились шансы на успѣхъ, можетъ быть, въ недалекомъ будущемъ откроющійся, потому что только теперь вполнѣ опредѣлились и выяснились всѣ возможныя и давно—въ общихъ чертахъ—возникшія направленія Психологіи со всѣми ихъ недостатками и достоинствами. А главное, только теперь начинаетъ ослабѣвать взаимная вражда и недовѣріе между ихъ представителями, подъ вліяніемъ развившагося сознанія общности интересовъ и главной цѣли, также подъ вліяніемъ сознанія очевидной преувеличенности ожиданій, возбужденныхъ нѣкоторыми изъ этихъ направленій, особенно матеріализмомъ новѣйшимъ въ самомъ началѣ его возникновенія [1]). Такимъ образомъ, самое состояніе науки

[1]) Лучшія и обширнѣйшія изъ работъ по этому вопросу, правда, еще далекія отъ совершенства,—слѣдующія: Льюиса: „Изученіе Психологіи, ея предметъ, задача и методъ", пер. 1880 г.; Кавелина: „Задачи Психологіи. Соображенія о методѣ и программѣ психологическихъ изслѣдованій"; Сѣченова: „Кому и какъ разрабатывать Психологію?" (Въ сборн., подъ заглав.: „Психологическіе этюды"); Wundt'a: „Philosophisch Studien", 1882 г.; Милля: „Система Логики", т. II; Leailles: „Les Methodes Psychologiques et la Psychologie experimentette". Revue Psychol.. T. XIII, 341.

невольно заставляетъ насъ остановиться на общихъ вопросахъ о самомъ предметѣ, задачахъ и методѣ Психологіи, подъ условіемъ чего только можетъ быть выяснено самое ея образованіе, самый механизмъ построенія ея и идеалъ, къ которому она стремится.

Въ самомъ названіи Психологіи дано общее указаніе ея предмета и содержанія. Составленное изъ ψυχή и λόγος, оно значитъ „наука о душѣ“. По смыслу этого названія-опредѣленія, содержаніе науки должно, очевидно, состоять изъ всесторонняго изслѣдованія того фактора или дѣятеля въ доступной человѣческому знанію вселенной, который называется душею или обозначается словомъ „душа“ и ему соотвѣтствующими во всѣхъ другихъ языкахъ. Если бы слово „душа“ имѣло одинъ опредѣленный смыслъ, означало бы всегда одинъ предметъ, одинаково, въ общихъ чертахъ, понимаемый и представляемый всѣми людьми вообще и научными изслѣдователями въ частности, то опредѣленія, даннаго въ самомъ названіи науки, было бы вполнѣ достаточно для точнаго и яснаго обозначенія ея области. Но, какъ извѣстно, пониманіе души далеко не представляетъ такого согласія и единообразія. Если принимать во вниманіе незначительныя и несущественныя разницы, то можно насчитать десятки различныхъ представленій и пониманій души, бывшихъ и теперь еще существующихъ даже въ наукѣ. Оставляя различныя видоизмѣненія представленій о душѣ у дикарей и необразованныхъ людей Востока и Запада, припомнимъ только различія въ представленіи души у древнихъ. Впрочемъ, эти представленія и понятія души всѣ могутъ быть весьма удобно сведены къ тремъ, радикально и существенно различнымъ типическимъ формамъ, въ области которыхъ вращаются всѣ возможныя для человѣка представленія о душѣ, такъ что любое понятіе изъ существующихъ и бывшихъ удобно можетъ быть присоединено къ одному изъ нихъ. Эти типическія формы суть: а) душа есть особое, отличное отъ тѣла начало, какъ-бы она ни понималась— въ смыслѣ гилозоистическомъ, какъ тончайшая живая матерія,— пантеистическомъ, какъ индивидуализація общаго духа,— или дуалистическомъ, какъ особая субстанція духовная, противопо-

ложная тѣлу и всему тѣлесному,—все равно, b) душа есть одна изъ формъ жизнедѣятельности организма тѣлеснаго, отправленіе, или функція его, главнымъ образомъ, одной его части—нервной системы, мозга, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, не особое начало, а явленіе и свойство вещества и, ближайшимъ образомъ, вещества организованнаго; c) душа есть совокупность явленій сознанія, или—внутреннихъ, узелъ явленій, называемыхъ душевными, первая основа которыхъ, какъ и первая основа вещества, неизвѣстна и не можетъ быть извѣстна человѣку по самой природѣ его познавательной дѣятельности, вращающейся только въ области явленій,—т. е. душа есть только отвлеченіе, общее понятіе или—точнѣе—общее, отвлеченное выраженіе для нѣкоторой совокупности, группы однородныхъ явленій. Изъ этихъ,—дѣйствительно радикально различныхъ представленій о душѣ,—постепенно къ нашему времени сформировались и окончательно опредѣлились и три главныя, до противоположности различныя направленія въ ея изученіи и изслѣдованіи, три различныхъ типа науки о душѣ, три различныя, можно сказать, психологіи, изъ коихъ каждая понимаетъ свой предметъ по своему, хотя и обозначаетъ его однимъ и тѣмъ же словомъ—душа, каждая имѣетъ свою конечную цѣль изслѣдованія, или задачу, и свой особый методъ,—каждая, при этомъ, считаетъ себя одну осуществленіемъ науки о душѣ, отрицая двѣ другія въ самомъ главномъ и существенномъ ихъ содержаніи, какъ неудовлетворяющія требованіямъ науки, какъ ненаучныя. Эти три направленія или типа Психологіи стоятъ и развиваются въ тѣсной связи съ тремя главными направленіями философскаго міросозерцанія, господствующими въ настоящее время. Одно изъ этихъ міросозерцаній называется спиритуализмомъ, также идеализмомъ; другое называется матеріализмомъ; третье—феноменализмомъ, эмпиризмомъ. Въ виду такой радикальной розни въ пониманіи души и въ направленіи ея изслѣдованій, заключающееся въ названіи Психологіи, опредѣленіе ея не имѣетъ точнаго смысла, такъ какъ допускаетъ три различныя, другъ друга устраняющія толкованія: Психологія есть наука объ особомъ началѣ, производящемъ душев-

ныя явленія, отличномъ отъ тѣла; — наука о физіологическихъ процессахъ въ мозгѣ, производящихъ явленіе сознанія и внутреннюю психическую жизнь; — наука о явленіяхъ душевныхъ, какъ они даны во внутреннемъ и внѣшнемъ опытѣ и ихъ соотношеніяхъ между собою. Вопросъ, что и какъ должна изучать Психологія, очевидно, остается открытымъ, — предметъ ея и область нужно еще отыскать и указать. Для того, чтобы сдѣлать это съ полною основательностію и безпристрастіемъ, не внося никакихъ произвольныхъ, предзанятыхъ и чуждыхъ истинной наукѣ воззрѣній; для того, чтобы дать опредѣленіе предмета науки, которымъ бы исключалось всякое разнообразіе направленій и установлялось, какъ истинное, одно, — нужно прежде всего выяснить и оцѣнить существующія, указанныя нами, направленія и типы Психологіи и, такимъ образомъ, уяснить, не можетъ ли быть избрано одно изъ нихъ и установлено какъ истинно научное.

Представленіе души существомъ особымъ, въ томъ или другомъ смыслѣ отличнымъ отъ тѣла, переживающимъ его, притомъ вѣчнымъ, т. е. безсмертнымъ, выражаетъ господствующій всегда взглядъ на душу. Для дикарей, также для необразованнаго класса культурныхъ народовъ настоящаго времени душа есть существо полуматеріальное, состоящее изъ тонкаго, недоступнаго чувствамъ, вещества. Люди образованные, такъ или иначе причастные наукѣ и привыкшіе къ отвлеченному мышленію, въ огромномъ большинствѣ, мыслятъ душу человѣческую не только существомъ особымъ, отдѣльнымъ отъ тѣла, но прямо ему противоположнымъ, также какъ и вообще противоположнымъ всему матеріальному. Существо это не похоже даже на самое тончайше вещество, не имѣетъ никакого, такъ называемаго, частичнаго состава, есть чистая сила безъ матеріи, чистая энергія, обладающая чуждыми всему матеріальному свойствами—мыслить, чувствовать, хотѣть и сознавать себя. Связанная съ тѣломъ и развивающаяся въ зависимости отъ него и міра матеріальнаго, она принадлежитъ другому міру— духовному, въ которомъ всѣ условія бытія другія, противоположныя и едва вообразимыя для самой души при настоящихъ условіяхъ

ея бытія. Такое пониманіе о душѣ какъ о духовномъ существѣ подтверждается также откровеніемъ и получаетъ, такимъ образомъ, религіозную санкцію. Это существо и составляетъ прямой предметъ изслѣдованій психологовъ перваго, спиритуалистическаго направленія, и понятіе о немъ вносится прямо или косвенно въ объясненіе всѣхъ душевныхъ явленій.

Но душа, какъ особое духовное существо, или субстанція, недоступна прямому, непосредственному наблюденію и открывается всегда только въ явленіяхъ, притомъ въ неразрывной связи съ тѣлеснымъ организмомъ. Правда, человѣкъ постоянно и непосредственно чувствуетъ и сознаетъ въ себѣ присутствіе какого-то особаго начала, не тождественнаго съ тѣломъ, принуждается признавать его бытіе до такой степени, что даже люди отрицающіе его, матеріалисты, никогда не освобождаются отъ этого принужденія и въ глубинѣ души никогда не доходятъ до полнаго и рѣшительнаго, свободнаго отъ всякихъ колебаній, отрицанія бытія души. Но это особое начало, особое существо никогда не является, не дается въ своей отдѣльности, въ своемъ чистомъ, независимомъ бытіи. Его происхожденіе, его соединеніе съ тѣломъ, состояніе послѣ смерти тѣла, — все это также ускользаетъ отъ непосредственнаго наблюденія и опыта. Благодаря такому положенію дѣла и является печальная возможность сомнѣнія въ самомъ бытіи и реальности душевной субстанціи, ея отрицанія, которое показало особенную силу въ настоящее время. Между тѣмъ, наука, стремящаяся по самому существу своему къ точному и несомнѣнному, должна начинать съ извѣстнаго, даннаго, несомнѣннаго и немогущаго подлежать сомнѣнію. А потому, не отрицаясь отъ самой себя и не обрекая себя на безплодныя умозрѣнія, недоказанные обобщенія и выводы, она не можетъ сдѣлать прямо и непосредственно предметомъ своихъ изслѣдованій такое существо, которое недоступно непосредственному воспріятію, бытіе котораго, правда, признается громаднымъ большинствомъ людей, но которое въ тоже время допускаетъ сомнѣніе, допускаетъ также самыя разнообразныя представленія о своей природѣ, происхожденіи, условіяхъ суще-

ствованія и т. п и есть, въ сущности, предположеніе. Всѣ ея положенія при этомъ сдѣлались бы шаткими, неимѣющими твердой опоры, допускающими сомнѣніе, во всякомъ случаѣ неимѣющими обязательной силы для всѣхъ. Наука—вообще и—о душѣ—въ частности—не можетъ быть такимъ произвольнымъ построеніемъ. Надобно замѣтить, при этомъ, что наука о веществѣ, естествознаніе, находится точно въ такомъ же положеніи по отношенію къ своему предмету: она также ничего не знаетъ непосредственно о сущности вещества, или такъ называемой матеріи, въ ея чистомъ, независимомъ бытіи, какъ особаго начала, особой субстанціи. Она не знаетъ, что такое матерія вообще, матерія, которая не есть газъ, минералъ, металлъ, органическое вещество, а основа всего этого. Матерія въ себѣ, въ своемъ существѣ, также какъ и душа—субстанція, лежитъ внѣ непосредственнаго воспріятія и наблюденія. Естествознаніе, потому, и не начинаетъ изслѣдованій своихъ съ этой темной субстанціи, а отправляется отъ несомнѣнно даннаго, очевиднаго и потому достигаетъ высокаго научнаго совершенства. Такое положеніе и отношеніе науки къ своему предмету, въ силу котораго наука о веществѣ не есть наука о сущности вещества, о веществѣ, какъ субстанціи, а наука о душѣ не есть наука о природѣ души, какъ субстанціи,—есть послѣдствіе устройства ума человѣческаго, его ограниченности, и, потому, вполнѣ законно, естественно и необходимо, какъ тамъ, такъ и здѣсь.

Также точно и на тѣхъ же основаніяхъ наука о душѣ не можетъ начать изслѣдованія души съ отрицанія ея субстанціальности и отождествленія ея съ процессами въ нервномъ веществѣ или въ мозгѣ вообще, какъ это дѣлаетъ психологія второго типа, психологія матеріалистовъ. Положеніе, что душа въ цѣломъ и въ частяхъ есть только функція нервной системы и всего организма—есть чистое предположеніе и съ строго научной точки зрѣнія предположеніе болѣе шаткое и неосновательное, чѣмъ предположеніе особой субстанціи. Оно, очевидно, есть также описаніе сущности и свойствъ души, ея природы и происхожденія, именно, какъ функціи вещества и также недоступно непосредственной

провѣркѣ, какъ представленіе ея особымъ существомъ. И здѣсь нельзя непосредственно, прямо, такъ сказать, наглядно убѣдиться съ очевидностію и полною несомнѣнностію, что душа, т. е. душевныя состоянія въ ихъ совокупности, производится мозгомъ или всѣмъ организмомъ, а тѣмъ болѣе нельзя видѣть, какъ она производится. Если мы даже предположимъ невозможное—именно, что наука когда-нибудь будетъ въ состояніи создать организмъ и нервную систему въ лабораторіи, при строго опредѣленныхъ обстоятельствахъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ получить душевныя явленія, то и въ такомъ случаѣ не получится полной несомнѣнности въ томъ, что душа, или то, что принято называть душею, производится исключительно веществомъ, и есть его функція. Тогда явится весьма законное и неопровержимое предположеніе, что въ тотъ моментъ, когда изъ свѣшеннаго и смѣреннаго вещества, путемъ какихъ-нибудь процессовъ, получается живой организмъ и мозгъ, въ него, по непреложеннымъ, неизвѣстнымъ законамъ природы, входитъ новое начало, или возникаетъ въ немъ само собою начало духовное, субстанція, которая затѣмъ и дѣлаетъ организмъ и мозгъ способными къ сознанію и обнаруженію всѣхъ душевныхъ состояній. Положеніе, что душа есть отправленіе, функція нервной системы, не можетъ быть утверждаемо даже съ малѣйшей степенью несомнѣнности, особенно если принять во вниманіе тотъ фактъ, что существующее знаніе относительно строенія и отправленія этой системы ничтожны. Обладая всѣми недостатками представленія души субстанціею, это представленіе ея—функціею вещества, или мозга—не имѣетъ ни одного изъ его достоинствъ: оно не имѣетъ за себя того внутренняго чувства и сознанія особности души, которое есть несомнѣнный фактъ, а также принужденія постояннаго, вытекающаго изъ этого чувства и сознанія,—думать о душѣ, какъ объ особой сущности; не имѣетъ за себя и consensus populorum, всеобщаго признанія души субстанціею, очевидно, стоящею въ связи съ фактомъ непосредственнаго сознанія и принужденія.

Между тѣмъ это представленіе-понятіе о душѣ кладется въ основу всѣхъ изслѣдованій, сосредоточивающихся на физіологіи

нервной системы и вводится прямо или косвенно въ объясненіе всѣхъ душевныхъ явленій, какъ нѣчто несомнѣнное и очевидное. Вслѣдствіе этого науки о душѣ, какъ функціи вещества, науки о душѣ, начинающей изученіе души съ изслѣдованія организма и нервныхъ процессовъ и оканчивающей этимъ изслѣдованіемъ, тоже быть не можетъ. Ея положенія, развиваясь изъ темнаго и неочевиднаго основного положенія - представленія, всѣ будутъ страдать этимъ недостаткомъ, будутъ шаткими, допускающими сомнѣнія, недоказанными, т. е. ненаучными. И такая наука будетъ наукою, состоящею изъ истинъ ненаучныхъ, т. е. отрицаніемъ науки. Существованіе матеріалистической психологіи, претендующей быть наукою о душѣ, есть недоразумѣніе, результатъ неяснаго понятія о наукѣ и научномъ.

Но, если душа не доступна прямому изслѣдованію и наблюденію—ни какъ особое существо, ни какъ произведеніе организма, если самое бытіе ея въ томъ и другомъ смыслѣ подлежитъ сомнѣнію; то различныя состоянія, дѣятельности, явленія, совершающіяся въ человѣкѣ и животныхъ, явленія, приписываемыя душѣ, или объединяемыя въ понятіе о ней, явленія душевныя — ощущенія, мысли, идеи, чувства, желанія и т. п.—существуютъ несомнѣнно. Онѣ также реальны, какъ движеніе, свѣтъ, звукъ и проч. во внѣшней природѣ. Для насъ бытіе ихъ отличается даже большею несомнѣнностію и очевидностію, чѣмъ бытіе внѣшнихъ матеріальныхъ предметовъ и явленій. Эти послѣдніе, какъ извѣстно, открываются намъ только въ нашихъ душевныхъ состояніяхъ и существуютъ для насъ настолько, насколько ощущаются, сознаются нами. Существуя несомнѣнно, душевныя явленія прямо и непосредственно доступны намъ, могутъ быть наблюдаемы въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ, при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, даже подвергаемы искусственному измѣненію, такъ называемому эксперименту. Мы можемъ наблюдать ихъ составъ, условія ихъ происхожденія, ихъ взаимныя отношенія и т. п. Доступныя наблюденію каждое въ отдѣльности, эти явленія могутъ быть наблюдаемы и въ цѣлой совокупности своей, какъ одно живое

цѣлое, постепенно развивающееся, какъ своего рода организмъ идеальный, организмъ душевный. Далѣе, доступныя прямому наблюденію, явленія душевныя каждое въ отдѣльности и вся ихъ совокупность совершаются съ извѣстною правильностію и даже необходимостію, иначе — они подчинены закону или законамъ. Относительно ихъ возможны самыя точныя опредѣленія и обобщенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ возможно полученіе нѣкоторой совокупности истинъ несомнѣнныхъ, общеобязательныхъ и для всѣхъ очевидныхъ: относительно ихъ возможно точное знаніе научное. Съ этой стороны, со стороны своихъ проявленій, въ своихъ явленіяхъ, душа, дѣйствительно, можетъ быть предметомъ науки, и это соображеніе кладется въ основу третьяго направленія—психологіи строго эмпирической и феноменалистической, ограничивающейся феноменами. Исходный пунктъ эмпирическаго направленія или этого типа психологіи отличается, очевидно, прочностію и научностію. Но при этомъ, во избѣжаніе разнаго рода недоразумѣній, съ цѣлію устранить изъ себя все произвольное и—особенно—все метафизическое, лежащее внѣ опыта, психологія этого типа изгоняетъ изъ области изслѣдованій души самую идею о какой бы то ни было основѣ душевныхъ явленій, запрещаетъ всякую попытку опредѣлить и уяснить эту основу, воображая, что этимъ она подражаетъ наукамъ естественнымъ. Однако же такою насильственною постановкою дѣла она искажаетъ науку о душѣ, искусственно съуживаетъ ея область и задачи и дѣлаетъ въ этой сферѣ то, чего никогда не дѣлала и не дѣлаетъ съ такимъ ригоризмомъ наука о естествѣ. А потому и психологія чисто эмпирическая не можетъ быть признана осуществленіемъ дѣйствительной, истинной науки о душѣ и принята цѣликомъ въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ. Въ самомъ дѣлѣ, дѣйствительное и полное устраненіе изъ какой угодно науки о явленіяхъ представленія о скрытой ихъ основѣ и сущности, о такъ называемомъ субстратѣ ихъ, въ которомъ и изъ котораго они развиваются, фактически невозможно и просто немыслимо. Нельзя вообразить себѣ явленія, совершающагося ни въ чемъ, въ какой-то пустотѣ и изъ

ничего; нельзя вообразить въ такомъ положеніи и всей ихъ совокупности. Въ этомъ случаѣ явленіе оказалось бы самосущимъ, міръ явленій абсолютнымъ, въ себѣ самомъ, какъ явленіе, имѣющимъ послѣднюю основу; а это очевидное логическое противорѣчіе. Вотъ почему мы назвали устраненіе изъ науки о душѣ идеи основы душевныхъ явленій насильственнымъ. Въ виду этого, изслѣдователи міра матеріальныхъ явленій—естествоиспытатели въ настоящее время никогда не дѣлаютъ такого насилія надъ собою и наукою. Они всегда, молча и безъ всякихъ доказательствъ, предполагаютъ и представляютъ особую реальную основу—субстанцію изслѣдуемыхъ ими явленій, субстанцію, непостижимую для нихъ въ своемъ существѣ, но имѣющую весьма опредѣленныя общія свойства. Это такъ называемая матерія, совокупность частицъ—атомовъ, — непроницаемая, инертная, тяготѣющая, дѣлимая до безконечности. Естествоиспытатель не допускаетъ даже возможности сомнѣнія въ бытіи этой субстанціи, признаетъ это бытіе самоочевиднымъ, зная въ то же время очень хорошо, что основныя свойства этой субстанціи отвлечены отъ ея явленій и перенесены на нее. Очевидно, и изслѣдователи явленій душевныхъ также не могутъ обойтись безъ представленія тоже какой-нибудь ихъ основы, и только, именно, страхъ предъ метафизикою заставляетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣлать безплодныя и отчасти нелѣпыя усилія въ этомъ направленіи. Изслѣдователь душевныхъ явленій, утверждающій, что онъ не держится никакого воззрѣнія на природу души, не имѣетъ никакой идеи объ основѣ ихъ, а просто наблюдаетъ и объясняетъ явленія изъ данныхъ въ опытѣ ихъ условій и причинъ—просто обманываетъ себя и другихъ или чаще только другихъ. Въ дѣйствительности онъ непремѣнно склоняется къ одному изъ главныхъ воззрѣній, всего чаще матеріалистическому, и проводитъ его незамѣтно во всей своей системѣ. Кромѣ того, для изслѣдователя души естественно, законно и вполнѣ обязательно особенное сосредоточеніе вниманія въ этомъ направленіи, сознательныя и напряженныя усилія заставить явленія и факты разсказывать о таинственной природѣ и жизни души, чтобы утвер-

дить непоколебимо и прочно опредѣленный взглядъ на нее. Дѣло въ томъ, что для естествоиспытателя совершенно безразлично въ практическомъ отношеніи, есть его матерія вполнѣ самостоятельная субстанція, или функція, проявленіе какой-нибудь другой, напр., духовной,—не только его выводы относительно явленій отъ такого или другого пониманія не измѣнятся, не измѣнится и жизнь человѣческая. Совсѣмъ другое относительно души. Вопросъ объ ея особности, объ ея природѣ и свойствахъ тѣсно, органически связанъ съ самыми насущными и высокими интересами человѣческой жизни, со всѣмъ ея строемъ и направленіемъ. Такъ, утвержденіе матеріалистическаго взгляда неизбѣжно влечетъ уничтоженіе религіи во всякой формѣ, уничтоженіе всѣхъ почти требованій нравственнаго закона, основанныхъ на признаніи высшей природы человѣка и возможности его совершенствованія, также чувствъ и идей долга, обязанности, самоотверженія во имя высшихъ, вѣчныхъ требованій и т. п. Словомъ, существующій строй жизни долженъ поколебаться въ самыхъ основахъ и, наконецъ, разрушиться. Не лучше этого практически и неопредѣленность, безразличное отношеніе къ основѣ душевной жизни и къ вопросу о субстанціи души, колебаніе между спиритуализмомъ и матеріализмомъ, отсутствіе прочнаго и яснаго убѣжденія. Въ этомъ случаѣ неизбѣжна—неопредѣленность, неясность стремленій и цѣлей жизни; ослабленіе, въ силу этого, энергіи, холодность и апатія къ самымъ насущнымъ интересамъ и т. п. Такое состояніе отдѣльныхъ людей, дѣлая ихъ жизнь и дѣятельность какъ бы блужданіемъ въ потемкахъ, неизбѣжно тоже будетъ колебать весь строй жизни.—Такимъ образомъ, идея основы душевныхъ явленій есть могучая сила: то или другое содержаніе ея измѣняетъ весь строй, направленіе и смыслъ человѣческой жизни. Очевидно, наука о душѣ не можетъ относиться къ подобной идеѣ безразлично.

Общій выводъ изъ представленной кратко характеристики главныхъ направленій слѣдующій: ни одно изъ нихъ не удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ отъ науки и не можетъ осуществить вполнѣ идею науки о душѣ.

Хотя три главныя направленія науки о душѣ, къ которымъ могутъ быть сведены всѣ многочисленныя разновидности ея, называемыя школами, оказываются, каждое взятое въ отдѣльности, несостоятельными, неосуществляющими истинной науки о душѣ, но элементы ея, весь ея составъ данъ въ самихъ этихъ направленіяхъ, и матеріалъ, ими добытый и обработанный односторонне, ожидаетъ только объединенія, примиренія и связи одною, общею идеею, для всѣхъ очевидною и обязательною. Дѣло въ томъ, что каждое изъ направленій, существующихъ въ наукѣ о душѣ, будучи одностороннимъ и крайнимъ, а потому несостоятельнымъ, какъ полное и истинное выраженіе и построеніе всѣхъ знаній о душѣ, —въ то же время заключаетъ въ себѣ долю истины, представляетъ собою только преувеличенное въ своемъ значеніи и односторонне направленное изученіе дѣйствительно существующаго и подлежащаго научнымъ изслѣдованіямъ въ области душевнаго. Такъ, спиритуалистическая психологія, опираясь на присущемъ уму человѣческому стремленіи мыслить спеціальную основу такихъ особенныхъ и своеобразныхъ, сравнительно съ другими, явленій, какъ душевныя, имѣетъ за себя неоспоримый фактъ неотразимаго принужденія представлять эту основу особымъ существомъ, отличнымъ отъ тѣла,—принужденія, которое непремѣнно испытывалось и испытывается всѣми людьми и между ними множествомъ мыслителей, употреблявшихъ тщетно всѣ усилія избѣжать это принужденіе. Изъ этого факта само собою возникаетъ не только право, но обязанность, долгъ для науки упорно и неустанно вести изслѣдованія въ этомъ направленіи, т. е. въ направленіи открытія и опредѣленія души-субстанціи, тѣмъ болѣе, что съ этимъ связаны самые великіе и священные интересы жизни человѣчества. Ошибка идеализма-спиритуализма въ томъ, что онъ спѣшитъ освободить себя отъ этой обязанности изслѣдованія, произвольно признаетъ цѣль его уже достигнутою,—субстанціальность души неоспоримою дѣйствительностію, ея свойства вполнѣ извѣстными и дѣлаетъ это quasi—знаніе орудіемъ и средствомъ изученія явленій душевныхъ, тогда какъ, при существую-

щемъ положеніи дѣла, требуется какъ разъ обратное, т. е. явленія сдѣлать орудіемъ и средствомъ познанія и утвержденія субстанціальности души. Матеріалистическая психологія также имѣетъ опору въ дѣйствительно существующемъ, очевидномъ и неоспоримомъ фактѣ, что всякое душевное явленіе имѣетъ связь съ какимъ-либо измѣненіемъ тѣлеснымъ и, въ огромномъ количествѣ случаевъ, прямо отъ него зависитъ, какъ отъ одной, во всякомъ случаѣ, изъ своихъ причинъ; что весь сложный процессъ душевной жизни, открывающійся познанію, какъ живое, организованное сверхъестественное цѣлое, есть въ то же время не менѣе сложный физическій или физіологическій процессъ, невообразимо тонкаго строенія, но открытый по своему существу во всѣхъ своихъ частяхъ внѣшнему наблюденію чувствами, хотя фактически, благодаря еще несовершенству орудій изслѣдованія вообще явленій жизни, доступный въ весьма незначительной своей части. Изъ этого факта возникаетъ для науки обязательство подвергнуть самому тщательному и основательному обслѣдованію эту физическую сторону душевнаго. Ошибка матеріалистическаго направленія въ томъ, что, вмѣсто этого изслѣдованія, оно сдѣлало поспѣшное и невѣрное обобщеніе. Именно,—изъ самаго факта связи душевнаго съ физическимъ, факта, требующаго объясненія и толкованія, далѣе, изъ ничтожнаго количества подробностей, освѣщающихъ нѣсколько этотъ фактъ и заставляющихъ предполагать великій механизмъ мысли, связанный въ своей дѣятельности съ душевною дѣятельностію, заставляющій подозрѣвать, что связь эта сложнѣе и глубже, чѣмъ это кажется на первый взглядъ,—изъ этого факта матеріалистическая психологія сдѣлала чудовищно-нелогическій выводъ,—что этотъ механизмъ и есть душа, что въ немъ и чрезъ него матерія становится чувствующею, сознающею и мыслящею. Матеріалистическая психологія выдала этотъ salto mortale логическій за несомнѣнную истину, при помощи ея начала толковать и объяснять душевную жизнь, создавъ систему, которую сами безпристрастные матеріалисты называютъ „физіологическою миѳологіей“ души. Что касается, теперь, послѣдняго

эмпирическаго, или феноменалистическаго направленія, то мы уже указали въ немъ истинное, научное—это именно, отправленіе отъ явленій—фактовъ душевной жизни и изученіе ихъ въ нихъ самихъ. Ошибка его, указанная нами тоже и достаточно объясненная—отказъ мыслить основу душевныхъ явленій, который въ дѣйствительности не можетъ быть осуществленъ. Предположеніе о природѣ души является само собою, не обоснованное, опять, научно и вводитъ элементъ не научный во все построеніе.

Изъ представленной оцѣнки и опредѣленія того, что есть несомнѣннаго и научнаго въ трехъ главныхъ направленіяхъ изслѣдованія души, сами собою, между прочимъ, открываются три главныя стороны предмета науки о душѣ, изъ изслѣдованія которыхъ и должно всегда состоять главное ея содержаніе. Это: а) явленія душевныя, открывающіяся прямо и непосредственно въ ихъ бытіи, взаимной зависимости, связяхъ и соотношеніяхъ вообще; b) сопутствующія этимъ явленіямъ физіологическіе процессы и измѣненія въ организмѣ тѣлесномъ. связанные съ ними необходимо и данные во внѣшнемъ наблюденіи и опытѣ; с) основа и послѣдняя причина самаго бытія душевныхъ явленій и связи ихъ съ физическими, открывающаяся въ принужденіи мыслить ее особымъ существомъ. На основаніи всего этого, Психологія, понимаемая какъ вообще наука о душѣ, точнѣе и подробнѣе опредѣляется, какъ наука—о явленіяхъ душевныхъ, въ ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ, въ ихъ отношеніи къ физіологическимъ состояніямъ организма и въ ихъ основѣ, или послѣдней причинѣ. Каждый изъ этихъ моментовъ одинаково необходимъ въ составѣ науки о душѣ и требуетъ одинаковаго отъ нея вниманія и полнаго, всесторонняго изученія. Въ силу этого, какъ полное исключеніе одного изъ нихъ, такъ и преимущественное сосредоточеніе изслѣдованій на одномъ, а тѣмъ болѣе преобладаніе одного надъ остальными и подчиненіе ихъ,—одинаково искажаютъ науку о душѣ, дѣлаютъ ее несоотвѣтствующею своей идеѣ, неправильно поставленною и неспособною достигнуть своей цѣли всесторонняго изученія души.

II. Раздѣленіе общаго состава Психологіи и планъ ея развитія.

Попытки объединенія трехъ направленій психологическихъ изслѣдованій. Необходимость обособленія трехъ отраслей этихъ изслѣдованій и органическаго объединенія ихъ. Психологія субъективная,—физіологическая и—метафизическая. Частныя отрасли психологическаго знанія. Взаимоотношеніе и зависимость между психологическими науками. Вопросъ объ исходномъ пунктѣ научнаго знанія о душѣ. Аргументы въ пользу признанія основною психологическою наукою—Психологіи физіологической. Основная наука о душѣ—Психологія субъективная.

Представленное опредѣленіе науки о душѣ получается легко также путемъ разсмотрѣнія основныхъ свойствъ явленій душевной жизни и ихъ отношенія къ міру физическому. Оно, потому, не есть что-либо новое, и явилось, можно сказать, съ самымъ началомъ науки—у Аристотеля; самая мысль объединенія враждебныхъ направленій въ одно цѣлое—путемъ признанія доли истиннаго въ каждомъ явилась тоже давно и повела къ ряду попытокъ объединенія богатаго матеріала научнаго, добытаго каждымъ изъ направленій. Лучшія произведенія психологическія новѣйшаго времени всѣ почти суть попытки въ этомъ родѣ. Таковы произведенія Вундта (О душѣ человѣка и животныхъ), Ульрици, Лотце, Бэна, Тэна и др.; большинство руководствъ по Психологіи также представляютъ обыкновенно сводъ, объединеніе данныхъ, заимствованныхъ изъ всѣхъ трехъ направленій. Но всѣ эти попытки оказываются неудачными и, въ концѣ концовъ, нисколько непримиряющими враждебныхъ направленій, не уничтожая, а только сглаживая и закрывая ихъ рознь. Въ сущности,

БИБЛІОТЕКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ

въ каждой изъ нихъ является всегда преобладающимъ одинъ изъ основныхъ элементовъ или моментовъ науки, другіе играютъ роль служебную, зависимую, отступаютъ на задній планъ и поглощаются имъ: наука въ нихъ, опять, является или необоснованнымъ прочно спиритуализмомъ, со всѣми его недостатками,—у Ульрици, Лотце, или матеріалистическою—у Спенсера и его многочисленныхъ послѣдователей, или феноменализмомъ—у Бэна и его компиляторовъ,—опять со всѣми ихъ главными недостатками. Причина неуспѣха и неудачности всѣхъ указанныхъ попытокъ заключается въ томъ, что производится не объединеніе въ широкомъ смыслѣ, а сліяніе различныхъ направленій, приведеніе ихъ къ одному. По идеѣ такое сліяніе, конечно, возможно и должно быть конечною цѣлію всѣхъ построеній; но возможно оно только при полномъ развитіи науки, при достиженіи ею во всѣхъ частяхъ точности и совершенства, къ коему она только способна. Пока лишь наука еще только формируется и требуетъ множества детальныхъ, подготовочныхъ работъ, сліяніе всегда будетъ фиктивнымъ, одностороннимъ и притомъ недостаточно обоснованнымъ. Нужно теперь не сліяніе, а раздѣленіе, спеціализація того, что есть цѣннаго въ каждомъ направленіи, нужно установленіе равноправности въ изслѣдованіи открывающихся въ нихъ сторонъ одного и того же предмета и объединеніе ихъ какъ равноцѣльныхъ и необходимыхъ общею конечною цѣлію и задачею, объединеніе, какъ частей и органовъ единаго цѣлаго.

Въ виду этого, въ настоящее время все содержаніе науки о душѣ, для удобства изслѣдованія и по самому существу своего предмета,—должно быть раздѣлено на три отдѣльныя, спеціальныя и самостоятельныя области, каждая съ своею особою задачею, своими средствами, источниками и методами научнаго изслѣдованія. Этимъ путемъ образуются три частныя, самостоятельныя науки психологическія, которыя, развиваясь каждая въ своей сферѣ самостоятельно и независимо другъ отъ друга, своею совокупностію осуществляютъ идею истинной, полной и всесторонней науки о душѣ, подобно тому какъ, напр., математика

осуществляется въ ариѳметикѣ, алгебрѣ и геометріи; химія въ неорганической и органической химіи и т. п. Одна изъ этихъ наукъ имѣетъ своею задачею всестороннее изслѣдованіе явленій душевной болѣзни въ томъ видѣ, какъ они открываются внутреннему наблюденію въ самосознаніи всякаго человѣка, составляя живое, организованное, растущее и развивающееся внутреннее цѣлое,—душевный или духовный организмъ, недоступный, въ сущности, вовсе чувствамъ и чувственному внѣшнему наблюденію. Прямымъ ея предметомъ служитъ собственно душа человѣческая въ ея проявленіяхъ и жизни: она, потому, можетъ быть названа наукою о духѣ, о явленіяхъ духа человѣческаго. Всего чаще, въ настоящее время, ее называютъ „Психологіею субъективною“, но болѣе за нею укрѣпляется названіе просто Психологіи. Это Психологія κατ' εξωχήν. Другая наука психологическая имѣетъ своею задачею точно опредѣлить и обслѣдовать тѣ измѣненія организма тѣлеснаго, съ которыми связано каждое изъ данныхъ во внутреннемъ опытѣ явленій душевныхъ и вся ихъ совокупность въ формѣ организованной внутренней жизни, предполагая все это извѣстнымъ и изслѣдованнымъ въ „Психологіи субъективной“ и заимствуя изъ этой послѣдней готовое описаніе и опредѣленіе душевныхъ процессовъ. По самому существу дѣла эта наука превращается въ физіологію нервной системы и—ближайшимъ образомъ—ея высшихъ центровъ, сосредоточивающихся въ головномъ мозгѣ. Она, потому, можетъ быть названа физіологіей головного мозга. Въ настоящее время ее чаще всего называютъ Психофизіологіею, Психофизикою, Психологіею физіологическою, физіологіею духа и т. п. Третья изъ частныхъ наукъ, составляющихъ цѣлую науку о душѣ, имѣетъ своею цѣлію изслѣдованіе самой основы и носителя душевныхъ явленій, открывающихся съ двухъ сторонъ и изслѣдованныхъ въ каждой изъ нихъ подробно. Задача этой науки есть синтезъ и объединеніе всего даннаго о душѣ въ двухъ первыхъ, изображеніе возникновенія и развитія жизни души отъ одного основного начала въ двухъ направленіяхъ или формахъ и самое опредѣленіе природы этого начала на основаніи чисто научнаго матеріала. Какъ имѣющая

дѣло съ первой причиной и основой цѣлой особой группы явленій міра. наука эта соприкасается съ Метафизикою—общею наукою объ основахъ всего сущаго и потому называется всего чаще „Психологіей метафизическою", метафизикою души, также наукою о душѣ, какъ силѣ. Вольфъ, первый выдѣлившій ее изъ науки о явленіяхъ души, названной имъ „опытною Психологіею", далъ ей имя раціональной или умозрительной Психологіи. Это послѣднее названіе, такъ же какъ и противоположеніе опытнаго и умозрительнаго знанія въ настоящее время не имѣетъ смысла и не можетъ удержаться. Метафизика души, или метафизическая Психологія, вообще, наука о природѣ души можетъ опираться только на данныхъ опыта и должна быть такою же опытною наукою, какъ Психологія субъективная и Психологія физіологическая.

Описанныя отрасли и части науки о душѣ уже обособились и организовались въ послѣднее время дѣйствительно, т. е. существуютъ не только въ формѣ направленій, а какъ спеціальныя области знаній, ясно различаемыя и опредѣлимыя, хотя еще не вполнѣ освободившіяся отъ тенденціи—въ себѣ сосредоточивать всю науку о душѣ. Обособленіе это совершилось само собою, въ силу того, что каждая изъ этихъ областей представляетъ массу еще сырого, необработаннаго матеріала, требующаго для своей обработки дѣйствительно научной особой спеціальной подготовки для изслѣдователя, особыхъ навыковъ мысли, особыхъ приспособленій и т. п. Такъ, для психологовъ, опирающихся на внутреннее наблюденіе, требуется широкое гуманное образованіе, знаніе исторіи, литературы, филологіи, навыкъ и умѣнье анализировать свои состоянія и воспроизводить хорошо состоянія другихъ людей. Для психофизіолога требуется широкое естественно-научное знаніе,—спеціальное знаніе анатоміи, физіологіи, химіи, навыкъ и умѣніе производить эксперименты физіологическіе и т. п. Для психолога-метафизика требуется широкое философское образованіе, способность къ отвлеченіямъ и обобщеніямъ... Сравнительно болѣе высокой степени развитія и точности изъ этихъ трехъ областей достигла первая—Психологія субъективная. Она хорошо об-

работана въ трудахъ психологовъ Шотландской школы—Рида, Д. Стюарта, Броуна, Д. Милля и ихъ новѣйшаго продолжателя—Бэна. Физіологическая Психологія уже несравненно бѣднѣе точными данными и доселѣ еще полна гипотезъ и предположеній, требующихъ фактическаго подтвержденія. Во всякомъ случаѣ, по своему научному характеру она несравненно ниже первой. Она обособлена отъ Психологіи субъективной и приведена въ систематическое цѣлое въ трудахъ особенно Фехнера, Вундта (Физіологическая Психологія). Что касается науки объ основѣ душевныхъ явленій, то она до послѣдняго времени была заброшена, мало или почти вовсе не разрабатывалась и оставалась въ существенномъ такою, какою явилась у Вольфа, т. е. вполнѣ схоластическою; но и здѣсь уже скопилось достаточно данныхъ для чисто научной постановки дѣла и созданія новой системы, устраняющей схоластику; есть попытки систематизаціи и построенія на новыхъ началахъ, съ устраненіемъ схоластико-вольфіанской системы.

Субъективная Психологія, или просто Психологія, Психологія физіологическая и метафизика души, составляютъ собственно не все, а только главное въ содержаніи науки о душѣ: онѣ—ея главное ядро и сосредоточіе. Около нихъ группируются еще болѣе частныя отрасли психологическаго знанія, изъ коихъ каждая можетъ быть разсматриваема какъ особая отрасль науки о душѣ и разрабатываться спеціально и независимо отъ другихъ. Таковы: наука о душѣ животныхъ, психологія животныхъ, т. е. существъ низшихъ человѣка; психологія обществъ человѣческихъ или вообще общества въ связи съ исторіею развитія различныхъ формъ и самаго содержанія душевной жизни; наука о характерѣ—этологія; наука о болѣзненныхъ явленіяхъ души; наука о явленіяхъ самой жизни души въ связи съ иллюзіями и галлюцинаціями. Всѣ эти отрасли науки о душѣ въ цѣлой ея системѣ становятся отдѣлами и частями ея, связанными органически въ одно систематическое цѣлое и обособляются, при спеціальной и детальной обработкѣ, вслѣдствіе необыкновеннаго богатства, разнообразія и сложности

душевныхъ явленій, причемъ наука о душѣ по своему объему и развѣтвленіямъ становится равною наукѣ о веществѣ, которая успѣла раньше только сформироваться и развѣтвиться, а потому кажется шире и богаче по содержанію. Параллельно съ системою наукъ о веществѣ, такъ называемыхъ естественныхъ, возникаетъ, такимъ образомъ, система наукъ психологическихъ, наукъ духа.

При спеціальной обработкѣ и приведеніи въ систему всѣхъ результатовъ изслѣдованія, каждая изъ наукъ психологическихъ,— изъ наукъ о душѣ,—замыкаясь въ себѣ, предполагаетъ всѣ другія и, въ случаѣ нужды, заимствуетъ изъ нихъ готовыя данныя, не заботясь объ ихъ обоснованіи и довѣряя другимъ изслѣдователямъ, какъ это дѣлается въ наукахъ естественныхъ или въ наукахъ о веществѣ. Напр., психологъ, изучающій строй внутреннихъ явленій душевной жизни, на основаніи внутренняго наблюденія, предполагаетъ извѣстными, связанные съ ними, физіологическіе процессы, беретъ изъ физіологіи души то, что ему необходимо по роду его изслѣдованій; подобно тому какъ химикъ предполагаетъ извѣстными законы движенія, а физикъ законы сродства и т. п. Какъ и отрасли естествознанія, отрасли науки о душѣ при этомъ представляютъ своего рода іерархическій порядокъ и взаимную зависимость, которою опредѣляется какъ ихъ мѣсто въ цѣлой системѣ, такъ и степень точности и совершенства. Такъ, физика въ сферѣ естествознанія является основою для всѣхъ наукъ и всѣми ими предполагается, неорганическая химія служитъ основою органической, эта послѣдняя физіологіи и біологіи вообще и т. д. Въ кругу наукъ о душѣ двѣ первыя, психологія и физіологія души, составляютъ науки основныя для всѣхъ остальныхъ, такъ какъ явленія и законы душевнаго, въ нихъ изслѣдуемые, обнимаютъ всѣ сферы и видоизмѣненія душевной жизни и входятъ въ ихъ содержаніе въ той или другой формѣ. Это ясно само собою и безспорно. Онѣ занимаютъ первое мѣсто и предполагаются всѣми другими, въ которыхъ изслѣдуются видоизмѣненія и новыя формы основныхъ и всеобщихъ явленій, изучаемыхъ первыми (наука о душѣ животныхъ....). Метафизика души, наоборотъ, занимаетъ

послѣднее мѣсто, потому что опирается на всѣ данныя изъ всѣхъ областей душевной жизни. Оттого она менѣе всѣхъ развита, труднѣе и медленнѣе развивается.

Что касается взаимной зависимости Психологіи субъективной и физіологической, т. е. вопроса о томъ, которая изъ нихъ должна занимать первое мѣсто и есть основная для всѣхъ, какъ физика въ естествознаніи, то здѣсь возникаютъ серьезныя недоразумѣнія и затрудненія. Помимо даже матеріалистическихъ или спиритуалистическихъ тенденцій, съ чисто научной методологической точки зрѣнія, вопросъ,—съ чего начинать изслѣдованія, и какъ вести до конца, до разложенія душевной жизни на основные элементы и законы ихъ организаціи, открытія, потомъ и опредѣленія ихъ основы, — вопросъ этотъ доселѣ оказывается спорнымъ и нерѣшеннымъ окончательно. Во всякомъ случаѣ онъ затемняется нѣкоторыми недоразумѣніями, требующими разъясненія, и рѣшается въ настоящее время различно. Такъ, не отрицая бытія особаго душевнаго начала, отличнаго отъ организма, многіе утверждаютъ, что, по условіямъ развитія вообще человѣческаго знанія, исходнымъ пунктомъ точнаго, научнаго знанія о душѣ должны быть факты чувственнаго, внѣшняго опыта, слѣдовательно, физіологическіе процессы, сопутствующіе психическимъ. Въ противномъ случаѣ наука о душѣ имъ кажется неспособною превратиться въ точную, т. е. стать вообще наукою въ собственномъ смыслѣ слова. Основною наукою, съ этой точки зрѣнія, является Психологія физіологическая, причемъ вся наука о душѣ теряетъ въ нѣкоторой степени самостоятельность, становится продолженіемъ физіологіи вообще, частію общей системы естествознанія, наукой естественной, и это, повторимъ, при томъ даже предположеніи, что душа есть особое существо и духъ. Приводимые въ пользу этого воззрѣнія аргументы могутъ показаться весьма сильными, основательными и научными и пользуются въ настоящее время большимъ авторитетомъ даже среди людей науки, не говоря уже о диллетантахъ и массѣ образованной публики, признающей ихъ окончательными и неопровержимыми. Вотъ эти аргументы:

„Чтобы стать въ собственномъ смыслѣ наукой—наукой точной—положительной, Психологія (т. е. наука о душѣ) должна положить въ основу своихъ изслѣдованій положительные факты, или такія исходныя точки, которыя въ любое время могутъ быть провѣрены опытомъ, вмѣсто умствованій, нашептываемыхъ обманчивымъ голосомъ сознанія. А это можетъ сдѣлать одна только физіологія (т. е. наука о явленіяхъ жизни), такъ какъ она держитъ въ своихъ рукахъ ключъ къ истинно научному анализу психологическихъ явленій“ [1]). Ключъ этотъ получается и опредѣляется очень просто. Въ сознаніи, или внутреннемъ опытѣ, мы имѣемъ только часть психическаго процесса, искусственно вырванную изъ цѣлаго живого процесса и искаженную. При этомъ часть эта не существенная и не главная, потому что состоянія сознанія суть только мимолетныя, находящіяся въ постоянномъ движеніи хаотическомъ, знаки или симптомы устойчивыхъ и опредѣленныхъ движеній, начинающихся внѣшнимъ возбужденіемъ, продолжающихся въ мозгѣ и кончающихся внѣшнимъ движеніемъ организма или какой-либо его части. Эти движенія, взятыя во всемъ ихъ объемѣ, съ начала до конца, и представляютъ собою психическую реальность, дѣйствительно психическій процессъ. Движенія эти, составляя часть движеній природы, совершаются съ механическою правильностію, машинообразно и могутъ быть подвергнуты самому точному и строгому внѣшнему наблюденію. Разложеніе душевныхъ явленій, всей душевной жизни на такіе реальные процессы будетъ дѣйствительнымъ физическимъ разложеніемъ психическаго на реальныя составныя части его и дѣйствительнымъ объясненіемъ. Между тѣмъ „психическая жизнь, какъ она отражается въ сознаніи, является родомъ волшебнаго фонаря съ безпрерывно мѣняющимися образами, изъ которыхъ каждый держится въ полѣ зрѣнія много что секунду или долю ея, мелькая иногда какъ тѣнь и обыкновенно уступая мѣсто другому образу безъ всякаго темнаго перерыва. Это есть непрерывная цѣпь смѣняющихъ другъ

[1]) Зад. Псих., Кавелина, стр. 173.

друга ощущеній, чувствъ, мыслей и представленій ... И цѣпь эта тянется въ такой формѣ ежедневно отъ пробужденія до засыпанія; самый сонъ не всегда прерываетъ ее, замѣняя дневные образы ночными грезами“ [1]). Сдѣлать изъ этой пестрой картины, взятой самой въ себѣ, во внутреннемъ опытѣ, путемъ внутренняго анализа, можно весьма немного, такъ какъ этотъ внутренній опытъ есть только прибавка къ однимъ явленіямъ сознанія—наблюдаемымъ—другихъ явленій сознанія—прошлыхъ и образованіе изъ нихъ третьяго состоянія сознанія и т. д. Все, что можно сдѣлать такимъ переложеніемъ одного явленія на другое, какъ показываетъ опытъ тысячелѣтній,—это распредѣленіе явленій на группы, описаніе ихъ и описаніе ихъ взаимныхъ отношеній и кажущихся сочетаній. Никакого дѣйствительнаго анализа, разложенія ихъ сдѣлать этимъ путемъ нельзя, такъ какъ сознаніе, не выходя изъ себя, находится въ заколдованномъ кругѣ призраковъ, и анализъ внутренній можетъ быть только воспроизведеніемъ тѣхъ же явленій, только въ другой формѣ. Физіологія имѣетъ въ своемъ полномъ распоряженіи начало и конецъ процесса, въ срединѣ котораго является между прочимъ сознательное состояніе. Имѣя въ своемъ вѣдѣніи двѣ трети явленія, она можетъ восполнить и опредѣлить третью, среднюю, часть которой составляетъ состояніе сознанія. Сдѣлать это и при настоящемъ уже состояніи физіологіи легко. Она имѣетъ и можетъ всесторонне изслѣдовать и наблюдать типъ психическаго процесса, не осложненный никакимъ состояніемъ сознанія,—движеніе обезглавленнаго животнаго подъ вліяніемъ раздраженія, такъ называемый рефлексъ. Рефлексъ этотъ чисто физическое, соматическое явленіе. Средина его нервный процессъ въ центральныхъ клѣткахъ нервнаго вещества. Весьма легко доказать, что въ простѣйшихъ психическихъ дѣятельностяхъ ощущенія совершается тотъ же процессъ, только въ болѣе сложной формѣ. „Нѣтъ ни одной мыслимой стороны, которою низшіе продукты дѣятельности органовъ чувствъ суще-

[1]) Тамъ-же, стр. 174.

ственно отличались бы отъ рефлекторныхъ процессовъ тѣла,—вся разница между ними чисто количественнаго свойства. Отсюда же слѣдуетъ, что соматическіе нервные процессы и низшія формы психическихъ явленій, вытекающія изъ высшей дѣятельности органовъ чувствъ, родственны между собою по природѣ". Если же ощущеніе есть не что иное, какъ сознанный рефлексъ, тождественный съ машинообразнымъ движеніемъ въ мускулахъ и въ мозгѣ, то и всю самую высшую психическую дѣятельность, которая, какъ извѣстно, имѣетъ своею основою ощущенія, отличается отъ нихъ только количественно,—не трудно отожествить съ рефлексомъ и необходимо представлять системою рефлексовъ. Такимъ образомъ, въ рефлективномъ движеніи—въ рефлексѣ—получается простѣйшая, элементарная, реальная основа всей душевной жизни и ключъ къ ея анализу и объясненію. Она, эта жизнь, чѣмъ бы ни казалась сознанію,—есть въ дѣйствительности система рефлексовъ головного мозга, начало которыхъ всегда такъ или иначе лежитъ во внѣшнемъ возбужденіи, а конецъ заключается въ разнообразнѣйшихъ движеніяхъ различныхъ мускуловъ и всего тѣла. Мысль, напр., есть возбужденіе внѣшнее, вызывающее рядъ отраженныхъ движеній или рефлексовъ въ нервномъ веществѣ мозга и оканчивающееся движеніемъ болѣе или менѣе сильнымъ голосовыхъ органовъ, образующихъ членораздѣльные звуки—слово. Слабое движеніе этихъ органовъ даетъ размышленіе, мышленіе, сильное—разговоръ, переносъ рефлекса на мускулы руки при извѣстныхъ условіяхъ даетъ въ результатѣ письмо. Имѣя рефлексъ, какъ психическій элементъ, физіологія, очевидно, можетъ точно наблюдать, измѣрять, вычислять и выражать въ точныхъ формулахъ сложнѣйшіе душевные рефлексы и дѣятельности, и сдѣлать теорію души точнымъ значеніемъ. Правда, теперь пока это невозможно, но это вопросъ времени и дальнѣйшаго развитія физіологическихъ знаній. И никакія самонаблюденія и наблюденія внутреннихъ психическихъ состояній не подвинутъ и не могутъ двинуть ни на одинъ шагъ научную теорію души къ этому ея идеалу,—физіологія одна можетъ это сдѣлать.

Въ противоположность описанному воззрѣнію на физіологію души, какъ науку основную, цѣлый рядъ мыслителей кладетъ въ основу знанія о душѣ внутренній опытъ и основою для всѣхъ наукъ о душѣ считаетъ Психологію субъективную, признавая, такимъ образомъ, независимость отъ естествознанія всей науки о душѣ. По этому взгляду, когда онъ проводится послѣдовательно, наука о душѣ въ своемъ началѣ и основѣ стоитъ внѣ связи съ естествознаніемъ и соприкасается съ его системою черезъ физіологическую психологію. Аргументація защитниковъ этого взгляда есть въ то же время и опроверженіе перваго воззрѣнія. Она имѣетъ въ общемъ такой видъ.

Душевныя явленія прежде всего открываются для знанія, открываются какъ существующія прямо и непосредственно только въ сознаніи и служатъ предметомъ особаго способа воспріятія, безъ помощи внѣшнихъ чувствъ, потому называемаго воспріятіемъ внутреннимъ. Только послѣ этого и — косвенно — при помощи внутренняго они могутъ быть восприняты и внѣшнимъ наблюденіемъ. Это очевидная истина, съ которою нельзя не согласиться и съ которою, дѣйствительно, согласились даже защитники изложенной гипотезы. Дѣйствительно, внѣшнія движенія открываютъ намъ душевныя состоянія другихъ людей и животныхъ только потому, что мы сами испытали ихъ и знаемъ ихъ настоящую связь съ этими движеніями у себя самихъ. Слыша произнесенное слово, мы понимаемъ его и знаемъ, какая идея существуетъ въ душѣ произносящаго только потому, что у насъ съ этимъ словомъ связана идея, какъ мы предполагаемъ, сходная съ идеей произносящаго слова или тождественная съ нею. Если же съ даннымъ словомъ, произносимымъ у насъ не связано никакой идеи,— мы воспринимаемъ только звукъ, т. е. внѣшнее движеніе, и онъ ничего не скажетъ намъ о состояніи души производящаго этотъ звукъ. То же самое имѣетъ мѣсто и относительно всѣхъ движеній, выражающихъ душевныя состоянія и дѣлающихъ ихъ доступными внѣшнему наблюденію... Если бы мы не испытывали страха и состоянія даже отдаленно на него похожаго, движенія испугав-

шагося человѣка ничего не сказали бы намъ объ его душевномъ состояніи, и мы не могли бы не только наблюдать страхъ, но даже имѣть о немъ идеи. Первое, основное правило всякаго научнаго изслѣдованія, нарушеніе котораго всегда сильно тормозило развитіе знанія, правило, вполнѣ естественное и понятное для всякаго,—состоитъ въ томъ, чтобы начинать изслѣдованіе предмета тамъ, гдѣ онъ открывается прежде всего, удобнѣе и прямѣе. Потому было бы положительною нелѣпостію и несообразностію, оставивши наблюденіе душевныхъ явленій тамъ, гдѣ они прямо даны, искать другихъ способовъ потому только, что въ другихъ сферахъ знанія эти способы приводятъ къ точнымъ результатамъ. Конечно, хорошо бы для изслѣдованія луны отправиться прямо на нее, или для провѣрки законовъ движенія земли—видоизмѣнить это движеніе; но это невозможно, и никому не приходитъ въ голову нелѣпая мысль оставить существующіе возможные способы наблюденія этихъ предметовъ и заняться попыткою посѣтить луну или направить землю по другому пути. Между тѣмъ, конечно, вслѣдствіе отсутствія яснаго представленія дѣла, въ сущности, это самое нелѣпое дѣйствіе совершается, когда, оставивши внутреннее наблюденіе явленій, пытаются добыть ихъ съ противоположной стороны, съ которой это всего менѣе удобно (и, собственно говоря, такъ же невозможно, какъ путешествіе на луну...).—Итакъ, изслѣдованіе души нужно и необходимо начинать и вести самымъ удобнымъ и единственно возможнымъ способомъ внутренняго наблюденія и воспріятія. Эту мысль выражаетъ Милль, когда говоритъ: „я признаю заблужденіемъ, очень серьезнымъ въ принципѣ и еще болѣе серьезнымъ на практикѣ, зарокъ—отказывать себѣ въ пособіяхъ чисто психическаго анализа и создавать теорію души по однимъ лишь даннымъ, какія физіологія можетъ теперь намъ доставить. Какъ бы ни была несовершенна наука о душѣ, я, не колеблясь, утверждаю, что она ушла гораздо дальше, чѣмъ соотвѣтственная часть физіологіи. И мнѣ кажется, что понизить первую для второй значитъ нарушать коренныя правила индуктивной философіи“, т. е. теоріи опытнаго знанія и изслѣдованія.

Существованіе параллельно съ внѣшнимъ наблюденіемъ и воспріятіемъ—воспріятія и наблюденія внутренняго не подлежитъ также никакому сомнѣнію, хотя, конечно, въ душѣ нѣтъ для этого какого-нибудь особеннаго органа, душевнаго глаза и т. п., какъ думали нѣкоторые схоластики и думаютъ теперь нѣкоторые психологи стариннаго закала; но есть внутреннія приспособленія и внутренній процессъ, который можетъ быть названъ воспріятіемъ внутреннихъ состояній и—метафорически,—пожалуй, зрѣніемъ, чувствомъ, органомъ внутренняго воспріятія души. Онъ не есть какое-нибудь раздвоеніе души и что-нибудь особенное, исключительное, какъ это думали схоластики и теперь утверждаютъ составители разныхъ пособій и руководствъ къ Психологіи. Тогда внутреннее наблюденіе было бы дѣйствительно фикціею, потому что и вообразить себѣ нельзя, какъ одна часть или половина души думаетъ, напр., а другая посматриваетъ на работу первой съ большимъ или меньшимъ любопытствомъ и т. п. Въ сущности, внутреннее воспріятіе и наблюденіе совершаются точно такъ же въ существенномъ, какъ и процессъ внѣшняго воспріятія и наблюденія. Въ этомъ послѣднемъ мы всегда имѣемъ дѣло не прямо съ внѣшними предметами, а съ идеями, полученными отъ нихъ при посредствѣ внѣшнихъ чувствъ, и неизбѣжно наблюдаемъ свои идеи, т. е. свои собственныя состоянія, которыя мы считаемъ согласными или несогласными съ внѣшними предметами и явленіями и которыми мы по необходимости замѣняемъ внѣшніе предметы и явленія. Слѣдя за сложнымъ явленіемъ внѣшнимъ, наблюдатель получаетъ рядъ идей, имъ возбуждаемыхъ и производимыхъ, и старается прежде всего, чтобы эти идеи соотвѣтствовали впечатлѣніямъ, потому пересматриваетъ ихъ и сравниваетъ съ воспріятіями; старается, далѣе, чтобы идеи слѣдовали въ томъ порядкѣ, какъ и явленія, и, замѣтивши несогласіе въ этомъ отношеніи, исправляетъ его, измѣняя отношеніе идей; узнавши въ воспріятіи внѣшнемъ новую сторону предмета, онъ вызываетъ въ себѣ прежнюю идею его, видитъ ея несовершенство, исправляетъ, включая новые элементы, сравниваетъ новую идею съ прежнею

и т. д. Словомъ, дѣйствительное внѣшнее наблюденіе не только слагается изъ внутреннихъ состояній, но и состоитъ больше чѣмъ на половину изъ наблюденія этихъ состояній. Безъ этого внутренняго наблюденія строенія, хода, качества идей, внѣшнее наблюденіе не имѣло бы никакой почти цѣны и не могло бы дать знанія. Наблюдаемыя въ самомъ процессѣ внѣшняго наблюденія и воспріятія, душевныя состоянія, конечно, могутъ сдѣлаться также прямо и исключительно сами предметомъ наблюденія при помощи тоже воспроизведенія ихъ въ душѣ, или воспоминанія о нихъ въ формѣ идей и понятій о нихъ, которыя несомнѣнно существуютъ: эти идеи-воспоминанія можно разсматривать, какъ внѣшніе предметы, когда они дѣйствуютъ на органы чувствъ, видѣть ихъ составъ, сравнивать по силѣ, по содержанію, припоминать и воспроизводить условія ихъ образованія, взаимной связи и т. п., затѣмъ такъ же точно, какъ и при внѣшнемъ наблюденіи, оцѣнивать результатъ, сравнивать съ дѣйствительнымъ ходомъ явленій душевныхъ факты внутреннихъ ихъ отображеній, полученныхъ наблюденіемъ, измѣнять, исправлять и пр. Отрицать возможность самаго процесса внутренняго наблюденія и пріобрѣтенія имъ знанія о душевныхъ состояніяхъ на томъ только основаніи, что здѣсь къ даннымъ идеямъ прибавляются тоже идеи и что будто бы посему внутренній процессъ только осложняется, а не узнается, какъ это дѣлаютъ требующіе физіологическаго, внѣшняго наблюденія надъ душевными явленіями, — значитъ, очевидно, не понимать процесса самаго внѣшняго наблюденія, который состоитъ тоже въ превращеніи ощущеній въ идеи, идей въ понятія и т. д., т. е. однихъ душевныхъ состояній въ другія, а при оцѣнкѣ и критикѣ результатовъ наблюденія прямо состоитъ изъ прибавки однихъ идей къ другимъ, замѣны однихъ другими и т. п.

Далѣе, какъ мы видѣли, утверждаютъ, что сами по себѣ явленія душевныхъ хаотичны и не связаны между собою. Дѣйствительно, на первый взглядъ внутреннему наблюденію совокупность явленій сознанія представляется безпорядочною смѣною различныхъ состояній, хаосомъ, за которымъ слѣдуетъ другой

хаосъ; но то же самое представляется на первый взглядъ и внѣшнему наблюденію во внѣшнемъ мірѣ. Порядокъ, въ немъ наблюдаемый, есть продуктъ дѣятельности мысли и, собственно говоря, искусственный. Какъ всякій человѣкъ весьма быстро оріентируется во внѣшнемъ, узнаетъ нѣкоторыя общія свойства, распредѣляетъ всѣ явленія и предметы на группы, обозначая ихъ словами, такъ же и въ то же, притомъ, время человѣкъ оріентируется и въ своемъ внутреннемъ мірѣ, узнаетъ постоянное качество нѣкоторыхъ явленій душевныхъ, распредѣляетъ ихъ на группы и тоже даетъ имъ названія. Какъ во внѣшнемъ наблюденіи, не умѣя объяснить явленія, человѣкъ сначала придумываетъ для нихъ фантастическія существа и силы, такъ и во внутреннемъ мірѣ явленія объясняются дѣйствіемъ сначала внѣшнихъ силъ (геніи), но, даже скорѣе, чѣмъ во внѣшнемъ наблюденіи, эти силы превращаются въ отвлеченія, перестаютъ быть личными существами и т. п. Если наблюденіе внутренняго остановится на этомъ, останется въ этой поверхностной формѣ, затѣмъ будетъ воспроизведено въ системѣ и выдано за науку, такое построеніе не будетъ, конечно, наукою и заслужитъ всѣ тѣ упреки, какіе дѣлаются схоластической Психологіи. Но—то же самое—не будетъ наука о внѣшнемъ, если она будетъ только воспроизведеніемъ въ системѣ того, что всякому извѣстно изъ своего опыта и наблюденія. За общимъ поверхностнымъ наблюденіемъ начинается наблюденіе не съ цѣлію только какъ-нибудь оріентироваться во внѣшнемъ мірѣ, а съ цѣлію точно узнать его,—является спеціальное искусство наблюденія и познанія внѣшней природы, искусство сложное, требующее упорнаго труда и продолжительнаго для достиженія цѣли, которая и не можетъ быть достигнута однимъ человѣкомъ, и есть дѣло всего человѣчества. Изъ этого-то наблюденія и создается наука о веществѣ. Также точно, за общимъ поверхностнымъ наблюденіемъ внутренняго или—внутреннимъ, которое вызывается жизненною необходимостію, начинается наблюденіе систематическое, обдуманное, съ цѣлію познать явленія душевной жизни. Это наблюденіе также требуетъ упорнаго труда, подго-

товки, искусства и т. п.; оно можетъ приводить и приводитъ къ тѣмъ же самымъ результатамъ, т. е. къ созданію науки о душѣ, и эти результаты недостижимы для одной личности и составляютъ дѣло всего человѣчества. Если наука о душѣ доселѣ не сдѣлалась точною, то это зависитъ не отъ природы изслѣдованія и наблюденія внутренняго, а отъ необыкновенной сложности предмета, что признается и физіологами; но и науки о веществѣ нѣкоторыя еще менѣе точны, чѣмъ психологія, и по той же причинѣ, напр., метеорологія. Да и сама физіологія не есть еще вполнѣ точная наука, а въ той части, въ которой она соприкасается съ психологіей, не точна и неопредѣленна всего болѣе: въ ученіи о дѣятельности нервныхъ центровъ она не идетъ далѣе смѣлыхъ гипотезъ и представляетъ фантастическое построеніе, матеріалъ для котораго заимствуется прямо изъ внутренняго наблюденія.

При настоящемъ состояніи физіологіи и анатоміи нервной системы въ ней существуютъ точныя данныя только относительно общей схемы устройства мозга и соотношенія его частей, также только самыхъ общихъ свойствъ и процессовъ въ нервной системѣ, каковы раздражительность нервной ткани, распространенія раздраженія по особымъ проводникамъ до центровъ и обратное движеніе изъ центровъ къ периферіи; съ нѣкоторою подробностію и полнотою обработано только ученіе о строеніи и отправленіяхъ органовъ чувствъ. Форма и свойства нервныхъ измѣненій въ связи съ сложными явленіями мысли, чувствованія и воли, можно сказать, вполнѣ неизвѣстны. Всѣ описанія колебаній нервнаго вещества, соотвѣтствующихъ идеямъ, изображеніе способовъ движенія и путей, по которымъ направляются нервные токи, сочетаются между собою, производя ассоціаціи идей, всѣ указанія особыхъ центровъ ума, воли, чувства и т. п. — все это, строго говоря, даже и не гипотезы, а чистыя фантазіи, — все это, какъ выразился одинъ видный физіологъ, „физіологическая миѳологія“ (Людвигъ). Въ основѣ ихъ нѣтъ почти ни одного факта, не только провѣреннаго, но даже просто наблюденнаго кѣмъ-нибудь физіологически, т. е. при помощи внѣшняго опыта, даже косвеннаго, не говоря уже о пря-

момъ, непосредственномъ наблюденіи. Въ сущности эти гипотезы или фантазіи физіологическія представляютъ собою простой переводъ данныхъ внутренняго опыта на физіологическій языкъ,— переводъ произвольный, съ строго научной точки зрѣнія. „Многое изъ того, что считается физіологическимъ объясненіемъ психическихъ процессовъ, есть не что иное, какъ просто переводъ этихъ процессовъ на языкъ физіологическихъ гипотезъ“ (Льюисъ). Физіологъ, напр., знаетъ изъ внутренняго и только внутренняго опыта и наблюденія, что существуютъ идеи разныхъ родовъ и разныхъ степеней сложности, что онѣ входятъ между собою въ сочетанія, хранятся и возникаютъ вновь и т. п. На основаніи этого наблюденія онъ строитъ въ мозгѣ особаго рода законченныя движенія, которыя встрѣчаются другъ съ другомъ, ассоціацируются, могутъ ослабѣвать до крайности и опять возникаютъ подъ вліяніемъ другихъ движеній и т. д. Ни одного изъ этихъ движеній онъ констатировать, какъ фактъ внѣшняго опыта, не можетъ, хотя и выдаетъ нерѣдко за нѣчто несомнѣнное и очевидное, вводя въ заблужденіе профановъ, которые начинаютъ серьезно трактовать его изслѣдованія, какъ научныя истины... „Я не могу безъ улыбки читать, говоритъ Льюисъ, самоувѣренныя утвержденія тѣхъ, которые приписываютъ однимъ нервамъ или точкамъ способность превращать впечатлѣнія въ ощущенія, а другимъ способность превращать ощущенія въ представленія; или тѣхъ, которые сводятъ ощущенія къ одному центру, волю къ другому, воспріятіе къ третьему, эмоцію къ четвертому. Если бы знаніе анатоміи въ этомъ направленіи было такъ совершенно, какъ оно часто предполагается, и тогда бы значеніе его было невелико для психолога сравнительно съ болѣе доступнымъ для него наблюденіемъ душевнаго“.

То, въ настоящее время ходячее, мнѣніе, будто психологія субъективная сдѣлалась лучше въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, благодаря физіологіи, есть чистая иллюзія. Она сдѣлалась лучше по той же причинѣ, по какой стала лучше въ недавнее время физіологія, именно вслѣдствіе приложенія болѣе точныхъ пріемовъ

изслѣдованія и сдѣлалась лучше почти цѣлымъ столѣтіемъ ранѣе физіологіи.

Внутреннее научное наблюденіе, какъ и внѣшнее, имѣетъ цѣлію уловить взаимную связь явленій, зависимость ихъ другъ отъ друга, — связь причинную—и установить общіе законы этой связи. Цѣль эта, очевидно, можетъ быть имъ достигнута, и уже достигнута въ нѣкоторыхъ болѣе простыхъ случаяхъ. Имъ открытъ, напр., и установленъ законъ ассоціацій идей, который по своей точности и широтѣ приложенія можно сравнить съ закономъ тяготѣнія по отношенію къ внѣшнему міру. Сдѣлано это безъ всякой помощи физіологіи. Другою цѣлію научнаго наблюденія служитъ анализъ и разложеніе сложнаго на простѣйшее, разложеніе дѣйствительное—на ясно различаемыя части. Внутреннимъ наблюденіемъ тоже можетъ быть достигнута эта цѣль и, опять, достигнута уже въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Достаточно указать на ученіе о понятіи, объ умозаключеніи. Сложныя явленія могутъ быть разложены и разлагаются на ихъ элементы и разлагаются дѣйствительно, причемъ каждая часть сложнаго цѣлаго воспринимается отдѣльно, какъ во внѣшнемъ анализѣ. Разлагая представленіе на ощущенія, можно отдѣльно воспроизвести каждое изъ нихъ, испытать вновь каждое и даже процессъ ихъ сложенія. Разлагая идею общую, можно выдѣлить каждое конкретное представленіе, въ нее входящее... Разлагая чувство, можно каждую часть, въ него входящую, испытать отдѣльно и т. п. Конечно, есть здѣсь много явленій, которыя не поддаются доселѣ анализу, въ силу своей необычайной сложности (таково нравственное чувство, религіозное и нѣкоторыя другія). Но въ физіологіи такихъ явленій несравненно больше. Наконецъ, для внутренняго наблюденія возможны и экспериментальныя искусственныя видоизмѣненія явленій. Они дѣлаются каждымъ, какъ и эксперименты внѣшняго наблюденія. Могутъ они производиться сознательно. А еще болѣе ихъ дано готовыми.

Итакъ, исходнымъ пунктомъ изслѣдованій въ области науки о душѣ должно быть знаніе о ней, основанное на внутреннемъ воспріятіи и наблюденіи. Такъ какъ эти наблюденіе и воспріятіе

возможны только для человѣка и по отношеніямъ къ своимъ собственнымъ состояніямъ, то основою и исходнымъ пунктомъ является изученіе души человѣческой, какъ она открывается внутреннему наблюденію. Основною наукою о душѣ, поэтому, является субъективная психологія.

Субъективная психологія имѣетъ предметомъ своимъ изслѣдованіе того, что подлежитъ внутреннему воспріятію и наблюденію— душевныя явленія; но они предполагаютъ свою особую основу, къ которой сводятся и въ которой находятъ для себя объясненіе,— особое, духовное, отличное отъ матеріальнаго, живое начало, имѣющее самостоятельное, субстанціальное бытіе — душу. Поэтому, прежде предварительнаго раскрытія основныхъ свойствъ душевныхъ явленій, какъ предмета Психологіи, необходимо представить общія научныя основанія для признанія души особою субстанціею, безъ ближайшаго опредѣленія, конечно, ея свойствъ и природы.

III. Субстанціальность душевнаго начала.

Самоочевидность истины бытія души. Средства здраваго смысла къ сознанію очевидности этой истины. Недостаточность ихъ для анализирующаго ума. Путь отвлеченно-философской мысли къ убѣжденію въ реальности особаго душевнаго начала. Невозможность — съ точки зрѣнія идеализма — доказать реальность внѣшняго міра. Аналогичность матеріалистическихъ умозрѣній съ идеалистическими (при діаметрально-противоположномъ направленіи). Матеріализмъ — метафизичвская грёза. Выводы изъ умозрѣній крайняго идеализма и матеріализма. Требованіе признанія духа и матеріи въ силу одинаковости основаній утвержденія и отрицанія ихъ. Элементы принудительности въ признаніи особой субстанціи основою душевныхъ явленій. Заключеніе.

Истина бытія особаго, самостоятельнаго начала, лежащаго въ основѣ явленій внутренней жизни человѣка, иначе — бытія душевной субстанціи, относится къ разряду небольшого количества необходимыхъ истинъ, которыя, будучи ясно и отчетливо поняты, становятся очевидными, несомнѣнными безъ всякихъ доказательствъ. Онѣ не требуютъ доказательствъ, а потому нисколько не теряютъ своей силы отъ того, что ихъ нельзя доказывать. Такова истина бытія внѣшнихъ предметовъ, самой матеріи, математическія аксіомы и т. п. Сомнѣніе въ истинѣ бытія души, какъ субстанціи, какъ особаго существа, равно и всѣхъ необходимыхъ истинахъ, зависитъ, потому, не отъ недостатка доказательствъ, а просто отъ неяснаго представленія самой истины, отъ неумѣнья или нежеланья сознать ея самоочевидность и несомнѣнность.

Есть два главные пути или средства довести умъ до яснаго представленія истины бытія души и съ тѣмъ вмѣстѣ сознанія ея

очевидности и необходимости. Одинъ изъ нихъ—такъ называемый здравый смыслъ—путь, которымъ всегда шло и идетъ обыкновенное общечеловѣческое мышленіе, притомъ съ полнымъ успѣхомъ, какъ это видно изъ всеобщности представленія души особеннымъ существомъ и подавляющаго большинства людей всѣхъ временъ, націй и состояній. Путь этотъ открывается непосредственнымъ сознаніемъ каждымъ человѣкомъ присутствія въ себѣ силы мыслящей, волнующейся, желающей, приводящей въ движеніе тѣло, а чрезъ него и внѣшніе предметы, сознаніемъ себя недѣлимымъ центромъ этой силы. Это простое, непосредственное самооткрытіе души самой себя. Обыкновенно оно называется техническимъ терминомъ „свидѣтельство сознанія, т. е. о бытіи души, какъ особаго существа Это свидѣтельство для простого ума, не анализирующаго явленія своего сознанія и непривыкшаго къ тонкостямъ изслѣдованія, очень убѣдительно, неотразимо, и изъ него у всякаго возникаетъ само собою, и даже безъ посторонняго вліянія должна возникнуть идея души, какъ особаго существа. Къ свидѣтельству сознанія у всякаго мыслящаго человѣка присоединяется наблюденіе, прямо даннаго и необходимо бросающагося въ глаза, факта внутренней жизни, называемаго технически „единствомъ или тожествомъ личности“. Фактъ этотъ состоитъ въ томъ, что, при измѣненіи организма до неузнаваемости, при измѣненіи всей внѣшней обстановки и т. п., человѣкъ все-таки сознаетъ и признаетъ себя,—въ здоровомъ состояніи,—однимъ и тѣмъ же существомъ, тѣмъ же, что и прежде. Такъ, юноша, ставши мужемъ, мужъ старикомъ, полный жизни—дряхлымъ, умирающимъ,—признаетъ себя, въ сущности, неизмѣнившимся, тѣмъ же; человѣкъ изуродованный, лишившійся рукъ и ногъ, глазъ и т. п., сознаетъ себя неизмѣнившимся отъ этого внутренно, въ своемъ существѣ; человѣкъ, у котораго измѣнились знанія, вѣрованія, убѣжденія и пр., сознаетъ себя все-таки въ сущности неизмѣнившимся. Это наблюденіе для простого сознанія очень убѣдительно, и ясно до очевидности показываетъ человѣку, что, при измѣненіи одной части его, внутри его всегда остается неизмѣнною, всегда себѣ

равною какая-то другая часть, другое существо, отличное отъ его тѣла. Къ свидѣтельству сознанія и къ наблюденію тожества личности обыкновенно присоединяются менѣе постоянные, но не менѣе убѣдительные, опять, для простого сознанія, факты видѣнія во снѣ, почти каждымъ человѣкомъ, людей умершихъ, видѣнія многими призраковъ людей умершихъ, знакомыхъ и нерѣдко вовсе незнакомыхъ и неизвѣстныхъ,—пусть это будутъ простые обманы чувствъ нормальныхъ — иллюзіи, или продуктъ болѣзненнаго разстройства ихъ—галлюцинаціи; наконецъ, самыя сновидѣнія, каждымъ испытываемыя, — въ которыхъ душа является дѣйствующею, перемѣняющею мѣсто и т. п., при полной неподвижности тѣла, видящая безъ глазъ, слышащая безъ ушей, говорящая безъ помощи языка и т. п. Соединяясь вмѣстѣ, проясняя и подкрѣпляя другъ друга, всѣ эти свидѣтельства, наблюденія и явленія, совершенно понятнымъ для всякаго образомъ, создаютъ въ простомъ, незнакомомъ съ философіею и наукою человѣкѣ, непоколебимую, стихійную, такъ сказать, увѣренность въ бытіи души, ясное, спокойное, ничѣмъ несмущаемое созерцаніе этой истины во всей ея очевидности и необходимости, стоящей выше всякаго сомнѣнія и доказательствъ

Описанныя средства здраваго смысла на пути къ сознанію очевидности и необходимости истины субстанціальнаго бытія души послужили матеріаломъ для системы схоластическихъ доказательствъ бытія души, которыя дополнены въ недавнее время соображеніями относительно невозможности произвести мысль изъ дѣятельности мозга и матеріи. Но, неотразимыя при извѣстныхъ субъективныхъ условіяхъ, именно, при условіяхъ непосредственности, простоты, непритязательности, и даже, если хотите, неразвитости ума,—они теряютъ всю свою силу и значеніе въ другой обстановкѣ, въ другихъ формахъ, при другихъ условіяхъ, именно — при условіяхъ воспріятія ихъ умомъ анализирующимъ, оцѣнивающимъ доказательства и дающимъ себѣ отчетъ, а тѣмъ болѣе умомъ скептическимъ: становятся второстепенными, имѣющими смыслъ въ связи съ другими, болѣе сильными средствами

убѣжденія, и, слѣдовательно, не имѣютъ абсолютной доказательной силы. Этой участи не избѣгаетъ и новое, добавочное къ схоластическимъ, доказательство, опирающееся, главнымъ образомъ на невозможности представить переходъ матеріальнаго движенія въ мысль и сознаніе: и оно оказывается вовсе неубѣдительнымъ, особенно для матеріалиста. Дѣло въ томъ, что свидѣтельство сознанія можетъ быть заподозрѣно, потому что непосредственное сознаніе очень часто и даже грубо обманываетъ насъ. Непосредственное сознаніе говоритъ намъ, что солнце движется около земли, а въ дѣйствительности—какъ разъ наоборотъ; человѣку сытому сознаніе можетъ говорить, что онъ голоденъ, тогда какъ въ дѣйствительности у него существуетъ только раздраженіе желудка, производящее ощущеніе, похожее на голодъ; сознаніе можетъ говорить глупому человѣку, что онъ непризнанный геній, лишенному фантазіи—что онъ поэтъ и т. п. Изъ этихъ примѣровъ не трудно видѣть, что списокъ свидѣтельствъ непосредственнаго сознанія можетъ быть увеличенъ до очень большихъ размѣровъ—случаями, взятыми изъ всѣхъ областей человѣческаго внутренняго и внѣшняго опыта. Между тѣмъ уже одного лжесвидѣтельства достаточно для того, чтобы заподозрить свидѣтеля. Кромѣ того, самая непосредственность свидѣтельства сознанія о реальномъ бытіи души, при научномъ изслѣдованіи этого явленія, оказывается тоже недѣйствительною, такъ какъ сознаніе это является результатомъ сложной несознаваемой дѣятельности мысли, и идея души—отвлеченіемъ. Она, слѣдовательно, не дается прямо и непосредственно, а постепенно создается въ духѣ. Такимъ образомъ, свѣжесть, яркость и сила очевидности свидѣтельства души о себѣ самой для ума простого неизбѣжно блѣднѣетъ и теряетъ силу подъ вліяніемъ ума, развитаго научно. Очевидность и необходимость истины исчезаетъ, и можетъ быть возстановлена на той же основѣ только путемъ сложныхъ приспособленія и отвлеченій (на которыя будетъ указано въ своемъ мѣстѣ). Тоже можно сказать и о другомъ средствѣ простого и непосредственнаго сознанія очевидности истины бытія души,—тожествѣ личности. Она можетъ

быть объяснена безъ признанія неизмѣнности основы душевной жизни — тожествомъ и однородностью нѣкоторыхъ состояній, постоянныхъ въ теченіе всей жизни человѣка, при смѣнѣ всего остального. Сила его, какъ очевиднаго обнаруженія неизмѣнности и реальности основы душевной жизни, отъ этого, очевидно, колеблется, и опять можетъ быть возстановлена только отвлеченною дѣятельностью мысли, причемъ самый фактъ, какъ въ первомъ случаѣ, получаетъ совсѣмъ другой смыслъ и значеніе. Что касается, видѣній душъ умершихъ и духовъ, то, признавая нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствительными событіями, при массѣ несомнѣнныхъ обмановъ чувствъ и при невозможности различить съ несомнѣнностью обманъ отъ дѣйствительности,— они также безсильны и лишаются для науки очевидности. Наконецъ, невозможность представить и понять переходъ механическаго движенія въ мысль и сознаніе равна вполнѣ невозможности представить и понять переходъ одного движенія въ другое, превращенія одной силы въ другую, и сама по себѣ ничего еще не говоритъ въ пользу самостоятельности мыслящаго начала... Всѣ эти средства простого смысла, превращенныя въ схоластическія доказательства, представляютъ, въ концѣ концовъ, типъ доказательствъ ad hominem, т. е. имѣющихъ силу только при извѣстныхъ субъективныхъ условіяхъ, при извѣстномъ умственномъ состояніи, и неимѣющихъ строго-научнаго, безусловнаго значенія доказательствъ въ собственномъ смыслѣ. Ихъ можно сравнить съ тѣми наглядными пріемами, которые употребляютъ для объясненія дѣтямъ и малообразованнымъ взрослымъ математическихъ законовъ величинъ при помощи палочекъ и деревянныхъ фигуръ.

Но есть другой путь, другое средство привести умъ къ сознанію необходимости особой субстанціи душевной—путь отвлеченной философской мысли, недоступной массѣ, путь испытанный и могущій провести къ такому же прочному и непоколебимому убѣжденію философскую. научную мысль, къ какому неразвитая мысль приходитъ описанными средствами. Этимъ путемъ, въ той или другой формѣ шли къ непоколебимой увѣренности въ реаль-

ности особаго начала душевнаго — Платонъ, основатель господствующаго въ Европѣ и, вообще, въ цивилизованномъ мірѣ дуализма, очищеннаго и подтвержденнаго христіанствомъ, — Декартъ, отецъ новой философіи, опирающейся на противоположности духа и матеріи, освободившій ученіе о духѣ отъ религіозныхъ примѣсей, — Кантъ, провозгласившій истину бытія души неотразимымъ требованіемъ разума, его постулятомъ, и множество другихъ мыслителей всѣхъ временъ и народовъ. Благодаря испытываемой, при этомъ, необходимости признавать особую субстанцію въ основѣ душевной жизни, отличную отъ матеріи и ей противоположную, — убѣжденіе въ этомъ является такимъ господствующимъ и между людьми образованными.

Всякому знакомому съ философіею извѣстно, что доказать бытіе внѣшняго міра, т. е. существованіе внѣ нашей мысли самыхъ привычныхъ намъ предметовъ міра физическаго и даже собственнаго тѣла — невозможно. Все, что мы знаемъ о свойствахъ такъ называемыхъ матеріальныхъ предметовъ — это наши ощущенія, т. е. состоянія внутреннія, состоянія сознанія. Самое чувство ихъ внѣшности, нахожденіе ихъ внѣ насъ, есть то же внутреннее состояніе и притомъ очень сложное. Цѣлый предметъ — есть связка ощущеній, — идея; цѣлые классы существъ, предметовъ и явленій — суть наши идеи о нихъ; ихъ отношенія для насъ существуютъ только какъ отношенія нашихъ идей, ряды, группы этихъ идей. Такъ называемые законы природы — наши отвлеченія и обобщенія собственныхъ же состояній — ощущеній, идей. Словомъ, всякая попытка найти внѣшній міръ, приводитъ, съ этой точки зрѣнія, къ ясному убѣжденію, что мы не знаемъ ничего, кромѣ своихъ состояній — идей. Весь міръ внѣшній есть система нашихъ идей — и только. За вычетомъ ихъ, остается какая-то таинственная, невѣдомая, никакъ недоступная уму сила, какъ причина всѣхъ этихъ состояній; но и эта сила опять-таки есть состояніе нашего духа, наша мысль, идея, и ея бытіе внѣ насъ ничѣмъ не оправдывается и не можетъ быть доказано. Всѣ усилія въ этомъ направленіи доселѣ не привели ни къ чему рѣшительно. Посто-

янное сосредоточеніе мысли на этомъ процессѣ анализа внѣшняго міра, постоянныя усилія ума какъ-бы выйти изъ себя — могутъ довести человѣка до того, что онъ искренно убѣдится въ томъ, что внѣ его нѣтъ ничего, что міръ внѣшній есть созданіе его духа, есть призракъ, сцѣпленіе образовъ внутреннихъ; реально, дѣйствительно существуетъ одна мысль и духъ мыслящій,—матерія и матеріальное оказываются имѣющими только призрачное бытіе... Человѣку, незнакомому съ философскимъ мышленіемъ и съ исторіею умственной жизни человѣчества, все это можетъ показаться метафизическимъ фокусомъ и курьезомъ. Но это вовсе не фокусъ и не праздная игра отвлеченія, это необходимость нашей мысли, выраженіе ея ограниченности и относительности. Въ полной необходимости выводовъ этого процесса и въ дѣйствительной невозможности доказать реальность внѣшняго путемъ умозаключеній и фактовъ можетъ всякій самъ убѣдиться собственнымъ опытомъ. Также точно всѣ элементы смѣшного исчезаютъ, когда извѣстно, что цѣлый великій народъ древности, индійцы, положили описанный процессъ и выводъ его въ основу своего міросозерцанія. Невѣдомые міру, но несомнѣнно великіе мыслители въ первый разъ совершили это отвлеченіе, увлеклись имъ и сообщили его постепенно цѣлому народу. Только въ виду однообразія призрака, называемаго внѣшнимъ міромъ у всѣхъ людей, и вслѣдствіе признанія человѣческаго духа проявленіемъ высшей реальности, процессъ его перенесенъ былъ въ умъ Брамы. Міръ матеріальный оказался грезою Брамы, но все же призракомъ по своему существу. Вовсе несмѣшнымъ окажется это умозрѣніе, когда мы узнаемъ, что лежитъ въ основѣ построеній самаго блистательнаго періода умственной жизни Европы — съ Фихте до Гегеля включительно... Какъ-бы то ни было, человѣкъ, пытаясь понять внѣшній міръ, какъ реальность, независимую отъ него, вывести его бытіе и доказать по законамъ мысли, находитъ, очевидно, существующими для него только свои идеи и духъ, ихъ испытывающій и производящій: и чѣмъ напряженнѣе старается онъ разрѣшить эту задачу, тѣмъ дальше уходятъ отъ него мате-

ріальное и матерія, разрѣшаясь въ процессы духа, не имѣющіе объективной реальности, разрѣшаются въ призракъ, въ процессъ субъективный. Все это построеніе называется идеализмомъ. Но, освобождаясь отъ этой въ высшей степени естественной философской грезы, человѣкъ встрѣчается съ дѣйствительностью: внѣшній міръ вторгается насильственно, даже болѣзненно со всѣхъ сторонъ и вынуждаетъ съ неотразимою силою признать свое бытіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и бытіе своей основы. Не имѣя возможности доказать, что существуетъ что нибудь реальное внѣ его мысли, человѣкъ однако же сознаетъ полную невозможность сомнѣваться въ этомъ. Истина бытія внѣшняго міра и его начала—матеріи,—инертнаго, сопротивляющагося, дѣлимаго, движущагося и открывающагося въ безчисленныхъ формахъ, постоянно мѣняющагося,—истина эта является его уму необходимою, неизбѣжною и потому очевидною и нетребующею доказательства.

Человѣкъ, со всѣмъ увлеченіемъ и стараніемъ совершившій безуспѣшный опытъ доказать реальное бытіе внѣшняго міра и матеріи и принужденный признать все-таки реальность ихъ, какъ нѣчто очевидное и неотрицаемое, ясно сознаетъ, конечно, и реальность духа,—сомнѣвающагося, пытающаго доказать и принуждаемаго; потому что въ самомъ высшемъ пунктѣ отвлеченія—возможности отрицать все, духъ, умъ отрицающій оставался единственно существующимъ. Въ подобномъ положеніи—яснаго сознаванія реальности духа и матеріи—можетъ оказаться, какъ это и бывало, совокупность мыслящихъ людей послѣ общаго увлеченія крайнимъ идеализмомъ. Таково, напр., было положеніе мыслящихъ людей въ періодъ явленія и распространенія христіанства; таково-же было, хотя не на долго состояніе мыслящихъ людей въ текущемъ столѣтіи послѣ крайняго увлеченія германскимъ идеализмомъ. Но сосредоточеніе вниманія на внѣшнемъ, матеріальномъ мірѣ и веществѣ, преимущественное занятіе изслѣдованіемъ явленій внѣшняго міра и вещества, увеличивая все болѣе и болѣе очевидность реальности, могутъ привести умъ, ихъ мыслящій, къ другой, діаметрально противоположной крайности, такъ называемому ма-

теріализму. Произойти это можетъ независимо отъ предшествующаго идеалистическаго отрицанія матеріи, когда человѣкъ не подозрѣваетъ еще возможности такой умственной операціи и не умѣетъ ее произвести. Такъ было въ Греціи до Сократа и Платона у такихъ мыслителей, какъ Ѳалесъ, Анаксименъ, Гераклитъ, Емпедоклъ, Демокритъ. Или же эта крайность является какъ реакція крайнему увлеченію идеализмомъ, когда мыслящій человѣкъ начинаетъ относиться съ нѣкоторымъ презрѣніемъ къ тому, что онъ понялъ уже, какъ крайность, и мало-по-малу забываетъ то, что было истиннаго и необходимаго въ этой крайности, умышленно избѣгаетъ той точки зрѣнія, которая дала поводъ къ развитію отрицанія матеріи Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ забываетъ то яркое, отчетливое сознаніе реальности мыслящаго духа, какое неизбѣжно возникаетъ при этомъ, или даже вовсе не испытываетъ этого сознанія, потому что почти забываетъ о духовномъ, перестаетъ сосредоточиваться на своемъ внутреннемъ мірѣ. Таковы условія явленія и развитія современнаго матеріализма, который прямо вышелъ изъ гегеліянства. Когда при такихъ условіяхъ ставится вопросъ о явленіяхъ душевныхъ или духовныхъ и ихъ послѣдней причинѣ, онъ сразу превращается въ вопросъ объ ихъ реальности, т. е. умъ по отношенію къ душевному и душѣ становится на ту точку зрѣнія, на какую при другихъ условіяхъ онъ становится къ міру матеріальному и матеріи: онъ сомнѣвается въ реальномъ ихъ бытіи и съ неотразимою логикою приходитъ тоже къ выводу, что доказать бытіе ихъ никакъ нельзя. Разница только въ томъ, что здѣсь исходнымъ пунктомъ бываетъ чистое предположеніе реальнаго бытія всего матеріальнаго—вѣра въ него; тогда какъ въ идеализмѣ исходнымъ пунктомъ является наблюденіе, слѣдовательно, фактъ опыта. Начинается рядъ умозрѣній, очевидно, аналогичныхъ съ умозрѣніями, приводящими къ отрицанію матеріальнаго міра, только въ направленіи діаметрально противоположномъ. Явленія душевныя существуютъ въ связи съ физическими и осуществляются, очевидно, только въ матеріи и чрезъ матерію. Мы и вооб-

разить ихъ не можемъ безъ матеріальной основы, безъ организма и нервной системы: они, повидимому, матеріальны и производятся силами матеріи, какъ причинами. Самый простой актъ—ощущеніе—есть движеніе въ нервной системѣ, вызванное движеніями внѣшними, и есть только это движеніе; идея—есть отраженное движеніе въ полушаріяхъ большого мозга, группы идей, ряды ихъ—суть группы и ряды движеній мозга—и только. Эти движенія только и существуютъ въ собственномъ смыслѣ, только они и реальны. Если ощущеніе, идея, чувство и пр. кажутся намъ чѣмъ-то особеннымъ, существующимъ внутри насъ, нематеріальнымъ, то это чистая иллюзія, обманъ. Всѣ эти кажущіяся реальности, внутреннія величины, просто призраки, не имѣющіе никакого самостоятельнаго бытія, безслѣдно исчезающіе съ прекращеніемъ производящихъ ихъ движеній мозга, а вмѣстѣ съ мозгомъ безслѣдно исчезаетъ и душа, потому что она есть совокупность движеній мозга. Чѣмъ сильнѣе напрягаетъ свой умъ человѣкъ въ этомъ направленіи, тѣмъ яснѣе, необходимѣе ему кажутся эти положенія и выводы и конечный ихъ результатъ, что никакого другого начала, кромѣ матеріи, нѣтъ и не нужно,—нѣтъ никакого духа, никакой души. То, что называютъ этимъ именемъ, есть обманчивое, призрачное, правда, непонятное по своему происхожденію, отраженіе, тѣнь и спутникъ матеріальныхъ процессовъ, дѣятельности матеріи.

Подобно крайнему идеализму, приходящему къ отрицанію матеріи и матеріальныхъ явленій, признающему ихъ призракомъ и продуктомъ дѣятельности духа, и его антиподъ, матеріализмъ, можетъ распространяться и, какъ мы видѣли, распространяется эпидемически, увлекая массы мыслящихъ людей, которые и не умѣютъ и не хотятъ стать на другую точку зрѣнія. Только не было въ исторіи народа, который бы положилъ эту односторонность въ основу своего міросозерцанія и своей жизни. Такого народа и не будетъ никогда, вѣроятно, потому что моментъ всеобщаго утвержденія матеріалистическаго міросозерцанія неизбѣжно будетъ началомъ паденія и гибели, разложенія общества.

Фактъ этотъ весьма знаменателенъ. Онъ можетъ служить доказательствомъ, что матеріализмъ не допускаетъ провѣрки опытомъ жизни; тогда какъ идеализмъ, заключающій въ себѣ большую долю истиннаго, можетъ осуществляться въ жизни—настолько, конечно, насколько въ немъ истины. Во всякомъ случаѣ, и матеріализмъ, какъ и крайній идеализмъ есть метафизическая греза, чистое отвлеченіе. И опять, когда человѣкъ пробуждается отъ этой грезы, спускается изъ области отвлеченія, —которое въ томъ и другомъ случаѣ такъ стройно и увлекательно,—въ дѣйствительную жизнь, онъ видитъ ясно, что его чувства—страданія и наслажденія—никакъ не призраки, что онъ страдаетъ реальнѣйшимъ образомъ; что его идеи, мысли, каждая отдѣльно и въ цѣломъ, несомнѣнно существуютъ, приводятъ въ движеніе его тѣло, какъ сила живая, составляютъ содержаніе и сущность его жизни; что человѣческая мысль есть сила необъятнаго могущества, превращаетъ матерію и повелѣваетъ ею; что она воплощается даже во внѣ и живетъ вѣка, тысячелѣтія и т. п. Словомъ, человѣкъ прямо, непосредственно воспринимаетъ душевное, какъ реальное, остающееся даже и въ томъ случаѣ, когда ему ничего неизвѣстно о мозгѣ и его движеніяхъ, сознаетъ себя личностью, особымъ, отличнымъ отъ тѣла существомъ, особою силою, которая тщетно пытается разложить себя въ рядъ призраковъ, потому, что въ самомъ этомъ процессѣ саморазложенія, такъ сказать, и самоуничтоженія дѣйствующею является она же сама. Отождествить свою личность съ тѣломъ онъ никакъ не можетъ и вынуждается признавать ее особымъ существомъ, бытіе котораго такъ же очевидно для него, какъ и бытіе матеріи.

Но всякій по собственному опыту знаетъ, что принужденіе къ признанію реальности матеріальнаго и матеріи несравненно сильнѣе, чѣмъ подобное же принужденіе по отношенію къ душевному и душѣ, что очевидность и необходимость истины бытія духа менѣе ярка, менѣе, такъ сказать, наглядна, чѣмъ то же самое по отношенію къ матеріи. Причина этого понятна. Наша жизнь начинается подавляющимъ преобладаніемъ физическаго надъ ду-

шевнымъ или духовнымъ. Затѣмъ, вниманіе въ теченіе всей жизни по необходимости приковывается къ внѣшнему міру, гдѣ находятся предметы, удовлетворяющіе наши потребности; мы привыкаемъ, выучиваемся невольно наблюдать этотъ міръ и погружаться въ него. Внутренній міръ открывается намъ несравненно позднѣе, и долгое время даже вполнѣ сформировавшійся человѣкъ не обращаетъ на него вниманія; потому сосредоточеніе на внутреннемъ мірѣ несравненно труднѣе. Къ этому присоединяется еще искусственное воспитаніе и развитіе наблюденія надъ внѣшнимъ, причемъ о развитіи внутренняго наблюденія никто не заботится. Въ силу этого, человѣкъ иногда ясно представляетъ самыя мелкія и отдаленныя явленія внѣшняго, можетъ описать ихъ, разложить на составныя части и т. п.—и не имѣетъ часто никакого понятія о самыхъ крупныхъ явленіяхъ своего духа, не можетъ описать и разложить на составныя части самаго привычнаго душевнаго состоянія. Наблюденіе своей внутренней жизни для огромнаго большинства даже высокообразованныхъ людей—всегда тяжелый трудъ, наблюденіе внѣшняго легко и большею частію пріятно. При такихъ условіяхъ, странно было бы ожидать одинаковой ясности и силы впечатлѣнія отъ сознанія присутствія бытія внѣшняго міра и подобнаго же сознанія внутренняго. Матеріальное и матерія всегда кажется и должно казаться намъ, при существующихъ условіяхъ, чѣмъ то болѣе яснымъ, понятнымъ и опредѣленнымъ, чѣмъ духъ—душа, хотя обѣ эти идеи, по своему происхожденію и строенію, одинаковы: онѣ одинаково темны и трудно представимы и одинаково необходимы.

Имѣя предъ собою два противоположные процесса мысли, лежащіе въ основѣ двухъ міросозерцаній, два процесса, одинаково возможные и постоянно возникающіе, одинаково законные и правильные логически въ своихъ конечныхъ результатахъ, — мы можемъ и должны сравнить эти процессы и выводы изъ нихъ, потому что въ нихъ дана вся совокупность того, что умъ можетъ сдѣлать въ своихъ усиліяхъ понять ихъ независимое отъ него бытіе. Очевидно, здѣсь получаются два положенія, оди-

наковаго достоинства и одинаковой силы, одинаково необходимыя при извѣстныхъ условіяхъ, при извѣстной точкѣ зрѣнія: а) бытіе самостоятельное матеріальнаго и матеріи не можетъ быть доказано,—матеріи, потому, нѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, она можетъ быть мыслима какъ нѣчто несуществующее само по себѣ, какъ продуктъ дѣятельности духа; б) бытіе самостоятельное духовнаго не можетъ быть доказано,—души нѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, ее можно мыслить какъ несуществующую въ себѣ, какъ продуктъ дѣятельности матеріи. Въ то же время оба эти начала кажутся, при непосредственномъ воспринятіи въ ихъ проявленіяхъ, очевидно, существующими. Выводъ отсюда какъ нельзя болѣе простъ, какъ въ самыхъ простыхъ математическихъ операціяхъ, — это: или нѣтъ ни духа, ни матеріи, такъ какъ они оба могутъ быть отрицаемы; или они оба существуютъ, но не могутъ быть сведены одно на другое, какъ противоположные по своимъ свойствамъ, но недоступные уму въ своемъ абсолютномъ бытіи, въ силу ограниченности этого ума. Первый выводъ представляетъ очевидный абсурдъ: онъ равенъ положенію — все есть ничто, или — ничего, собственно, нѣтъ. Были люди, которые останавливались на этомъ выводѣ и признавали необходимость сомнѣнія во всемъ; но ихъ очень немного, и они не оставили никакого почти слѣда въ умственной жизни человѣчества. Много—что они способствовали разъясненію понятія ограниченности ума человѣческаго. Остается послѣдній выводъ, какъ вполнѣ необходимый и очевидный: духъ и матерія — два отдѣльныя, самостоятельныя начала, оба несомнѣнно существуютъ, но оба непостижимы въ своей сущности для человѣческаго ума. Примѣняясь къ существующему направленію умственной дѣятельности, сосредоточенной на изслѣдованіи вещества, вслѣдствіе чего бытіе начала матеріальнаго признается какъ нѣчто вполнѣ очевидное и несомнѣнное; принимая также во вниманіе навыкъ мысли, вообще, принужденной болѣе сосредоточиваться на матеріальномъ и внѣшнемъ, чѣмъ на внутреннемъ и духовномъ, и представляющей все матеріальное яснѣе, раздѣльнѣе и опредѣленнѣе, — можно очевидность бытія

души или духа, какъ особеннаго начала, выразить въ такой формулѣ: если существуетъ матеріальная субстанція, то необходимо нужно признать и бытіе субстанціи духовной. При полной одинаковости условій образованія идей матеріи и духа, при одинаковости основаній утвержденія и отрицанія ихъ бытія, признавая бытіе одной, нужно признать бытіе другой съ такою же логической необходимостью, съ какою, признавая, что $2+2=4$, необходимо признать, что и $4=2+2$. Выводъ этотъ и соображенія, какими онъ постепенно добытъ для науки о душѣ, имѣетъ, прежде всего, тотъ очевидный практическій результатъ, что даетъ ей право говорить о душевной субстанціи съ такою же опредѣленностью и увѣренностью, съ какою физическія науки говорятъ о существѣ.—Конечно, можно еще предположить, что и духъ и матерія суть проявленіе одного основного начала; но это предположеніе не имѣетъ уже никакого фактическаго основанія и должно быть, потому, прямо устранено.

Положеніе, что основа душевныхъ явленій есть особое, самостоятельное начало, отличное отъ основы физическихъ явленій, особая субстанція, — назовите ее душею, духомъ, психическимъ началомъ — все равно,—заключаетъ въ себѣ элементы необходимости: оно съ неотразимою силою навязывается, какъ неразвитому, такъ и самому развитому философскому уму, хотя и различными путями, принуждаетъ признавать свою истинность. Въ послѣднемъ случаѣ принужденіе это вполнѣ равно по своей силѣ принужденію признавать особую основу физическихъ явленій — субстанцію матеріальную. Если все это, дѣйствительно, такъ, то мы, прежде всякаго изслѣдованія — a priori—должны уже ожидать, что діаметрально ему противоположное и исключающее его положеніе,— основа душевныхъ явленій та же, что и физическихъ — матерія, это положеніе не заключаетъ въ себѣ принудительной силы для ума и не имѣетъ никакихъ признаковъ необходимости. Самая поверхностная критика его, въ самомъ дѣлѣ, убѣждаетъ въ полной вѣрности этого предположенія и ожиданія. Едва-ли нужно и говорить о томъ, что для неразвитаго ума это положеніе совер-

шенно непонятно; выраженное же въ формѣ отрицанія бытія особаго, одушевляющаго тѣла, начала, оно прямо покажется ему абсурдомъ, нелѣпостью, которая противорѣчитъ самымъ очевиднымъ для него фактамъ. О какомъ нибудь принужденіи, сознаніи необходимости отрицать бытіе души, конечно, при этомъ не можетъ быть и рѣчи. Но никакихъ элементовъ необходимости это положеніе, какъ въ формѣ утвердительной, такъ и въ отрицательной не заключаетъ въ себѣ и для ума самаго развитаго, привыкшаго къ отвлеченному мышленію Единственнымъ основаніемъ считать душевное свойствомъ и продуктомъ вещества, отрицая всякую другую основу, кромѣ матеріи,—служитъ фактъ, что душевныя явленія всегда наблюдаются въ связи съ физическими, въ зависимости отъ нихъ, безъ нихъ не существуютъ. Случаевъ, подтверждающихъ этотъ фактъ множество; но самъ онъ ничего не доказываетъ, кромѣ существованія связи между душевнымъ и физическимъ. Взятый во всемъ его объемѣ, со всѣмъ безчисленнымъ множествомъ случаевъ, его подтверждающихъ, онъ вынуждаетъ правильно и строго мыслящаго человѣка признавать за несомнѣнное, что душевныя явленія въ нашемъ опытѣ всегда происходятъ и возникаютъ подъ вліяніемъ физическихъ, матеріальныхъ, даже зависятъ отъ нихъ—и только. При этомъ нѣтъ никакой необходимости дѣлать отсюда выводъ, что душевное производится, создается, порождается матеріальнымъ, матеріею. Мало того, выводъ этотъ не законенъ, не правиленъ и съ строго научной-логической точки зрѣнія не возможенъ, хотя эта невозможность не для всякаго очевидна. Но къ очевидности его невозможности легко придти путемъ сопоставленія случаевъ соотношенія явленій, сходныхъ съ тѣми, изъ которыхъ онъ дѣлается. Такъ, мы не можемъ наблюдать свѣтъ безъ воздуха; даже въ разрѣженномъ воздухѣ наступаетъ тьма: никому же не придетъ въ голову, теперь, сдѣлать отсюда выводъ, что свѣтъ производится воздухомъ. Для человѣка, знакомаго съ законами вывода, не требуется и такихъ объясненій. Изъ факта постоянной связи душевнаго съ физическимъ нельзя даже сдѣлать вывода, что душевное не можетъ

существовать безъ матеріальнаго, что матерія совершенно необходима для обнаруженія душевныхъ явленій. Такой выводъ опирался-бы на очевидно нелѣпомъ предположеніи, что противоположнаго тому, что постоянно наблюдается, и быть не можетъ.

Измѣривши, такимъ образомъ, доказательную силу двухъ возможныхъ представленій объ основѣ душевныхъ явленій, мы уже не можемъ колебаться въ выборѣ между ними. Если необходимо поставить въ началѣ Психологіи, какъ науки о душевныхъ явленіяхъ, идею ихъ основы и общее понятіе о ней, то эта идея можетъ быть только идеею особаго, самостоятельнаго, отличнаго отъ матеріи начала или существа.—Итакъ, основа душевныхъ явленій есть особое начало, особая субстанція. Что такое это начало, или субстанція, какова его природа,—это, насколько возможно, объяснится при постепенномъ изслѣдованіи самыхъ явленій и ихъ законовъ. Такъ какъ къ раскрытію ихъ мы и обратимся, то, прежде всего, намъ нужно точно указать или опредѣлить эти явленія, выдѣлить ихъ изъ всѣхъ другихъ, какъ особую группу, требующую спеціальнаго изслѣдованія.

IV. Душевныя явленія, ихъ характеръ и главныя формы.

Душевныя явленія—высшая форма явленій жизни. Связь ихъ съ явленіями жизни организма тѣлеснаго и съ окружающимъ міромъ физическимъ. Основныя свойства душевныхъ явленій—ихъ противоположность физическому и неизмѣримость съ нимъ. — Три формы душевныхъ явленій: а) явленія душевной жизни неразумныхъ животныхъ; б) явленія душевной жизни человѣка—индивидуума; в) явленія, возникающія изъ взаимодѣйствія индивидуальныхъ душъ человѣческихъ, — явленія культуры, соціальныя, или явленія общаго духа. Прямой предметъ науки о душѣ—Субъективной Психологіи.

Какія явленія называются душевными — всякому извѣстно. Это ощущенія, чувства, идеи, мысли, желанія и т. п.,—ежеминутно возникающія въ каждомъ человѣкѣ и отчасти въ нѣкоторыхъ изъ животныхъ состоянія. Они выражаются въ разнообразнѣйшихъ движеніяхъ организма и во всей дѣятельности человѣка и животныхъ; но находятся, какъ говорятъ, внутри ихъ, внутри организма, и потому характеризуются какъ явленія внутреннія, или явленія внутренней жизни человѣка и животныхъ.

Существуя въ живомъ организмѣ, и только въ немъ, насколько можно судить на основаніи прямого опыта, душевныя явленія, прежде всего, относятся къ обширной группѣ явленій жизни въ природѣ вообще и, такимъ образомъ, выдѣляются изъ явленій такъ называемаго мертваго вещества,—изъ явленій механическихъ и химическихъ.

Явленія жизни, или—біологическія, представляютъ собою высшую, послѣднюю форму явленій, изъ коихъ составляется доступная

нашему наблюденію вселенная. Въ то же время, по условіямъ своего происхожденія, по своему безконечному разнообразію, это явленія самыя сложныя, а въ силу этого — они представляютъ собою самую трудную для изученія область,—темную и запутанную: они доселѣ во всей своей совокупности таинственны и непостижимы для ума. Наука доселѣ не въ состояніи отвѣтить на вопросъ: что такое жизнь и живое существо, и какая послѣдняя основа явленій жизни.

Если вообще явленія жизни составляютъ высшую ступень, кульминаціонный пунктъ развитія мірового процесса, насколько онъ доступенъ человѣку, то душевныя явленія, очевидно, составляютъ совершеннѣйшую и высшую форму самыхъ явленій жизни и, слѣдовательно, самую высшую форму бытія.

Таково, такъ сказать, внѣшнее положеніе „душевнаго“ среди другихъ явленій.

Относясь къ области явленій жизни, душевныя явленія ближе и тѣснѣе входятъ въ область явленій жизни организма животнаго— суть, вообще говоря, явленія животной жизни. Они составляютъ существенную принадлежность и отличительный признакъ всѣхъ животныхъ и ближайшимъ образомъ связаны съ жизнедѣятельностію одной изъ тканей ихъ организма—нервнаго. У низшихъ животныхъ эта ткань очень простая по своему строенію; у высшихъ она представляетъ сложную систему. Черезъ нервную систему душевныя явленія связаны съ внѣшнимъ міромъ, дѣйствіями котораго возбуждается нервная система, давая поводъ къ образованію душевныхъ состояній, и содержаніе этихъ явленій получается, главнымъ образомъ, прямо изъ внѣшняго міра. Душевно-внутреннее въ своемъ бытіи и развитіи связано съ внѣшнимъ.

При общемъ внѣшнемъ сходствѣ съ явленіями жизни физической, связи съ ними и со всѣми другими явленіями, изъ которыхъ слагается доступный человѣку міръ внѣшній, душевныя явленія рѣзко отличаются отъ всѣхъ ихъ по основнымъ своимъ свойствамъ, по формѣ своего бытія и обнаруженія и представляютъ среди нихъ не только особую, ясно выдѣляющуюся группу, но

цѣлый особый, своеобразный міръ, противоположный всему физическому и, по меньшей мѣрѣ, равный ему по богатству и разнообразію своего содержанія.

Душевныя явленія возникаютъ и прекращаются, развиваются по опредѣленнымъ законамъ, вліяютъ другъ на друга и на физическія явленія, сами испытываютъ вліяніе этихъ послѣднихъ точно такъ же, въ общихъ чертахъ, какъ и всѣ явленія въ мірѣ; но въ то же время каждое изъ нихъ еще какъ бы отражается само въ себѣ, воспринимаетъ себя, открывается себѣ—какъ бы знаетъ о себѣ. Это самоотраженіе и знаніе о себѣ принято называть сознаніемъ или сознательностію. Что такое это самоотраженіе, самовоспріятіе-сознаніе, какъ оно происходитъ — не извѣстно, и описать его трудно, тѣмъ болѣе опредѣлить, такъ какъ нѣтъ еще болѣе простого и болѣе доступнаго явленія, къ которому можно бы было приравнять его. Дѣйствительно, сознаніе есть фактъ первичный, неразложимый, новый и не похожій на всѣ остальные, основной космическій фактъ, какъ тяжесть, инерція и т. п. Его возникновеніе заставляетъ предполагать бытіе особаго, новаго дѣятеля, силы, или начала, его производящаго, но и при этомъ онъ остается такимъ же темнымъ и непостижимымъ, какъ всѣ первичные основные факты, потому что, опять, остается непонятнымъ, какъ производится сознаніе сознающею силою, такъ какъ сама эта сила открывается какъ сознающая. Одно только несомнѣнно, что сознаніе отсутствуетъ въ явленіяхъ физическихъ. Физическія явленія только совершаются и вліяютъ другъ на друга (электричество, движеніе земли и т. п.). Это присуще только душевнымъ явленіямъ и составляетъ ихъ сущность, ихъ основное, неотдѣлимое отъ нихъ свойство. Въ силу этого, явленія душевныя называются явленіями сознательными, или явленіями сознанія, причемъ, въ сущности, душевное и сознательное одно и то же, какъ одно и то же душа—и начало сознающее, производящее явленія сознанія въ доступномъ нашему наблюденію мірѣ. Все въ мірѣ физическомъ, весь этотъ міръ, какъ необладающій сознаніемъ, называется безсознательнымъ, лишеннымъ сознанія.

Отражаясь сами въ себѣ, сознавая себя, или что тоже, являясь состояніями сознающаго начала, душевныя явленія, всѣ безъ исключенія, отражаютъ въ себѣ другія явленія, соприкасающіяся съ „душевнымъ", повторяя ихъ въ себѣ въ формѣ безтѣлесныхъ образовъ: въ нихъ, какъ въ своемъ центрѣ, отражается все, соприкасающееся съ ними бытіе, повторяется въ новыхъ формахъ. Сами они, возникая, какъ отраженія внѣшняго, вызываютъ въ сознаніи у человѣка свои собственные отраженія и образы и т. д. Изъ этого двойного отраженія возникаетъ новый міровой—космическій фактъ, составляющій дальнѣйшее развитіе и видоизмѣненіе сознанія—именно—знаніе.

Какъ состоящее изъ отраженія какого-либо другого явленія и событія въ мірѣ, внѣшнемъ или внутреннемъ, всякое сознательное или душевное явленіе есть образъ, ἔιδος его, повторяющій въ себѣ болѣе или менѣе полно его бытіе. Это, опять, присущее однимъ душевнымъ явленіямъ, свойство называется идеальностію. Душевныя явленія сознательны и идеальны: въ нихъ дано знаніе души и о всемъ соприкасающемся съ нею мірѣ. Въ противоположность имъ, всѣ остальныя физическія явленія—безсознательныя—называются реальными, или матеріальными.

Отраженіе физическаго въ сознательномъ и идеальномъ совершается черезъ посредство такъ называемыхъ чувствъ и ихъ органовъ, которые и сами матеріальны; душевныя явленія, какъ явленія само-отраженія безъ всякаго посредства и какъ идеальныя, т. е. незаключающія въ себѣ ничего матеріальнаго, недоступны внѣшнимъ чувствамъ, ихъ нельзя видѣть, слышать, осязать. Недоступныя внѣшнимъ чувствамъ, они недоступны никакимъ другимъ матеріальнымъ орудіямъ, которыми облегчается и совершенствуется дѣятельность чувствъ: ихъ нельзя видѣть подъ микроскопомъ или въ телескопъ и т. п. Это свойство душевныхъ явленій называется сверхчувственностію, или недоступностію внѣшнимъ чувствамъ. Душевныя явленія, какъ недоступныя внѣшнимъ чувствамъ, или сверхчувственныя, открываютъ собою новую форму бытія, можетъ быть, цѣлый новый міръ—сверхчувственный. Какъ

сверхчувственныя, душевныя явленія открываются и наблюдаются въ такъ называемомъ внутреннемъ воспріятіи, внутреннимъ образомъ, безъ посредства внѣшнихъ чувствъ, внутри субъекта, ихъ испытывающаго. Это свойство ихъ называется субъективностію. Отсюда явленія душевныя субъективны и внутренни,—внутреннія явленія, или явленія внутренней жизни. Это значитъ больше, чѣмъ то, что душевныя явленія совершаются внутри организма; это значитъ, что они совершаются внутри самихъ себя—внутри существа сознающаго, совершаются—какъ-бы за предѣлами организма. Въ противоположность этому, всѣ физическія, безсознательныя явленія называются внѣшними, внѣшнимъ міромъ, къ которому относится и весь организмъ со всею нервною системою, ближайшимъ физіологическимъ органомъ душевнаго. Какъ идеальныя и сверхчувственныя, явленія душевныя оказываются, далѣе, не заключающими въ себѣ никакихъ матеріальныхъ частицъ и, потому, не могутъ быть раздѣлены на части, отдѣльныя другъ отъ друга. Правда, сложное душевное явленіе состоитъ изъ отдѣльныхъ какъ-бы частей, но всѣ эти части тоже идеальны, и, притомъ, разложенное на свои составныя части, душевное явленіе не перестаетъ сохранять свою цѣлость: разложеніе его тоже идеальное, кажущееся, а не дѣйствительное. Разложить явленія душевныя въ собственномъ смыслѣ нельзя, какъ разлагаются тѣла. Это свойство душевныхъ явленій называется недѣлимостію. Явленія дудушевныя не дѣлимы. Въ противоположность имъ, все физическое допускаетъ безконечную дѣлимость и называется дѣлимымъ, и дѣлимость есть одно изъ свойствъ матеріальнаго. Также точно, хотя мы вынуждаемся помѣщать душевныя явленія въ пространствѣ, но они внѣ пространства (для удобства по привычкѣ мы представляемъ ихъ находящимися въ пространствѣ). Но какъ незаключающія въ себѣ лежащихъ другъ возлѣ друга въ различныхъ направленіяхъ частей, душевныя явленія не подлежатъ условіямъ пространства: нельзя вообразить себѣ въ идеѣ ея правую и лѣвую сторону и сказать, что одна часть ея лежитъ вправо, другая влѣво, одна глубже, другая ближе къ поверхности

и т. п. Это свойство душевныхъ явленій называется непространственностію. Въ противоположность сему, всѣ физическія явленія пространственны.

Итакъ, наблюдая душевныя явленія въ ихъ основныхъ чертахъ и сопоставляя ихъ съ явленіями физическими, мы получаемъ рядъ слѣдующихъ общихъ или основныхъ свойствъ ихъ: сознательность, идеальность, сверхчувственность, субъективность, недѣлимость и непространственность. Какъ діаметрально противоположныя основнымъ свойствамъ всего физическаго или матеріальнаго, они всѣ объединяются въ одно свойство, выражающее именно эту противоположность. Явленія душевныя называются нематеріальными и—въ формѣ положительной—духовными. Явленія душевныя не матеріальны, или, что тоже, духовны. Этотъ послѣдній терминъ, впрочемъ, прилагается только къ явленіямъ душевной жизни человѣка.

Хотя душевныя явленія, дѣйствительно, діаметрально противоположны физическимъ, матеріальнымъ, и всего чаще называются противоположными, но въ ихъ взаимномъ отношеніи, по основнымъ свойствамъ, есть нѣчто болѣе простой противоположности. Дѣло въ томъ, что противоположность все-таки представляетъ сходство въ основномъ. Здѣсь такого отношенія нѣтъ, или оно только кажущееся, и является въ нашемъ сознаніи вслѣдствіе тѣсной связи физическаго и психическаго и—привычки противополагать предметы и явленія другъ друга исключающіе по своимъ обнаруженіямъ и главнымъ свойствамъ. Душевныя явленія, какъ явленія другого порядка и другой природы, чѣмъ физическія, не сравнимы, собственно говоря, съ ними, или несоизмѣримы. Эти два порядка явленій, такъ тѣсно связанные, въ сущности, чужды другъ другу, и ихъ единственное родство, сходство—заключается въ томъ, что тѣ и другія суть явленія, или проявленія чего-то, что лежитъ въ основѣ каждаго изъ нихъ. Прежде всего, они вовсе не исключаютъ другъ друга, какъ противоположности, а способны существовать одновременно и совмѣстно, проникать другъ друга, какъ бы сочетаться въ одно цѣлое. Не имѣя возможности

одно и то же существо въ одно и то же время мыслить живымъ и мертвымъ, одинъ предметъ и теплымъ и холоднымъ, мы легко можемъ мыслить и постоянно воспринимаемъ существо матеріальное и духовное или духовно-чувственное. Здѣсь причина и объясненіе, до извѣстной степени, той тѣсной, неразрывной связи между физическимъ и духовнымъ, которую мы описали. Они чужіе другъ другу по природѣ, не имѣютъ ни одного общаго, въ собственномъ смыслѣ, свойства, ни одного пункта внутренняго соприкосновенія и перехода другъ въ друга, а потому такъ легко существуютъ совмѣстно, не сливаясь и не смѣшиваясь.

Эти неизмѣримость и чуждость по природѣ явленій душевныхъ всему остальному физическому міру открываются со всею опредѣленностію, когда мы сопоставимъ физическія явленія не со всѣми вообще явленіями душевными, какъ мы это сдѣлали, а только съ высшими и совершеннѣйшими формами ихъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ—обозримъ всю область ихъ во всемъ объемѣ. Тогда душевныя явленія откроются намъ не только какъ несоизмѣримыя съ физическими и чуждыми имъ по природѣ, но, какъ противодѣйствующія, или—мы поймемъ основы и смыслъ той постоянной борьбы между духовнымъ и физическимъ, между духомъ и тѣломъ, которая составляетъ содержаніе человѣческой жизни.

Весь міръ душевныхъ явленій, доступный человѣку, или существующій въ доступной наблюденію человѣка вселенной, весьма удобно распредѣляется на три класса, или формы: a) явленія душевныя, присущія неразумнымъ животнымъ и существующія у человѣка какъ низшая сторона его духовной природы; b) явленія, свойственныя исключительно одному человѣку и существующія, въ той или другой формѣ, въ каждой индивидуальной душѣ; c) явленія душевныя, составляющія результатъ взаимодѣйствія индивидуальныхъ душъ человѣческихъ и ихъ коллективной, совмѣстной дѣятельности. Имѣя источникъ и основу въ индивидуальной душѣ и будучи по своей природѣ субъективными, эти по-

слѣднія явленія отдѣляются отъ индивидуумовъ, получаютъ тѣлесную форму и независимое бытіе,—въ связи съ веществомъ и движеніемъ.

Изъ трехъ классовъ, на которые естественно раздѣляются всѣ душевныя явленія въ доступномъ человѣку мірѣ, первый классъ—явленія душевныя неразумныхъ животныхъ—суть явленія низшія во всѣхъ отношеніяхъ, низшая форма. Далѣе, явленія эти представляютъ совершенно изолированную отъ двухъ остальныхъ группу, никакъ не связанную съ ними, замкнутую въ себѣ и неподвижную, неизмѣнную въ своемъ содержаніи и составѣ. Наконецъ, душевныя явленія животныхъ, сохраняя одно изъ основныхъ своихъ свойствъ открываться только тому существу, которое ихъ испытываетъ, при полномъ отсутствіи способности къ наблюденію у самихъ животныхъ, не доступны и не могутъ быть доступны прямо и непосредственно никакому наблюдателю. Они могутъ быть наблюдаемы только косвенно, при посредствѣ внѣшняго выраженія въ движеніяхъ животныхъ и воспроизведенія приблизительнаго въ душѣ человѣка. Но это выраженіе чрезвычайно бѣдно и неточно у самыхъ высшихъ даже животныхъ; у самыхъ низшихъ и оно почти не существуетъ, сводясь къ однообразнымъ и слишкомъ простымъ рефлективнымъ, механическимъ движеніямъ. Въ концѣ концовъ, при громадной разницѣ во всемъ строѣ внутренней жизни человѣка, у котораго низшія явленія, кажущіяся сходными съ явленіями душевными животныхъ, осложняются и существенно видоизмѣняются высшими, для человѣка оказывается невозможнымъ, безъ сложныхъ подготовительныхъ изслѣдованій и приспособленій, проникнуть въ душу животныхъ. Дѣйствительно, содержаніе, строй и ходъ этой жизни закрыты отъ него, не могутъ быть имъ сознаны и сколько-нибудь ясно представлены. Мы не можемъ и приблизительно вообразить, что дѣлается въ психической сферѣ какого-нибудь слизняка или червя. Также точно нельзя вообразить и тѣхъ, напр., процессовъ, которые совершаются въ пчелѣ, строящей сотъ и рѣшающей одну изъ труднѣйшихъ для человѣка задачъ—умѣстить въ возможно меньшемъ

закрытомъ пространствѣ возможно большее количество вещества. Предположить у пчелы что либо похожее на то, что совершается при подобныхъ условіяхъ въ душѣ человѣка—вполнѣ нелѣпо. Тоже нужно сказать вообще о всѣхъ явленіяхъ внутреннихъ у животныхъ, обозначенныхъ словомъ инстинктъ, неимѣющимъ никакого точнаго смысла и прикрывающимъ простое незнаніе. По отношенію къ высшимъ животнымъ нельзя, напр., съ какою нибудь вѣроятностію представить, что дѣлается въ ихъ душѣ, когда они находятся въ покоѣ и не отвѣчаютъ на внѣшнія раздраженія,—нельзя сказать, есть-ли у нихъ что-нибудь похожее на тѣ непрерывные ряды образовъ, которые возникаютъ при этихъ условіяхъ у самаго ограниченнаго и неразвитаго человѣка. Изъ всего этого слѣдуетъ, что, наблюдая жизнь душевную животныхъ, человѣкъ въ сущности наблюдаетъ свою собственную или, точнѣе, нѣкоторыя изъ своихъ собственныхъ состояній и, искусственно изолируя ихъ, искажая,—по возможности, переноситъ эти свои построенія внутрь животнаго, называя такое искаженное отображеніе своей собственной души—душею животнаго. Характеристика этой группы потому возможна только по сравненію съ человѣческою душею. И, съ строго научной точки зрѣнія, всѣ указанныя главныя свойства душевнаго принадлежатъ несомнѣнно только явленіямъ душевной жизни человѣка, потому что ихъ собственно только и можетъ знать человѣкъ.—Все, что можно гипотетически представить себѣ существующимъ и совершающимся въ душѣ животныхъ высшихъ, состоитъ въ слѣдующемъ. Они, повидимому, имѣютъ всѣ тѣ же ощущенія внѣшнія и органическія, какія существуютъ и у человѣка. У нѣкоторыхъ изъ нихъ, нѣкоторыя внѣшнія ощущенія, напр., зрѣніе, слухъ, вкусъ, обоняніе достигаютъ такой силы и отчетливости, какихъ никогда они не достигаютъ у человѣка. У многихъ изъ нихъ двигательная система достигаетъ высшаго совершенства и въ данное количество времени они совершаютъ безконечно болѣе движеній, чѣмъ самый дѣятельный человѣкъ, проходятъ громадныя пространства. Слѣдовательно, они имѣютъ возможность испытать въ данное время не-

сравненно болѣе впечатлѣній. Наконецъ, у нихъ существуютъ такіе виды ощущеній, какихъ нѣтъ у человѣка вовсе, — ощущеніе измѣненія температуры, наступающихъ метеорологическихъ измѣненій, а можетъ быть есть и такіе, какихъ мы и не подозрѣваемъ и вообразить не можемъ. Изъ всего этого очевидно, что чувственный опытъ животныхъ богаче и совершеннѣе, чѣмъ у человѣка. Но изъ этого богатаго матеріала получается у животнаго несомнѣнно очень бѣдное содержаніе, даже безотносительно. Животныя имѣютъ, повидимому, идеи конкретныхъ предметовъ, связывающіяся по смежности и отчасти по сродству. Они могутъ воспроизводить ихъ и имѣютъ память; но этихъ идей всегда небольшое количество, ограниченное жизненными интересами и связанное съ извѣстными физическими жизненными отправленіями; онѣ не связываются во что-нибудь цѣлое и, повидимому, явившись, вновь возникаютъ только подъ вліяніемъ впечатлѣній, а не сами собою. Есть также у животныхъ комбинаціи идей, похожія отдаленно на сужденія и умозаключенія, и всѣмъ этимъ исчерпывается то, что совершенно невѣрно называютъ громкимъ именемъ интелекта или ума животныхъ. Далѣе, животныя обнаруживаютъ большую часть душевныхъ волненій, свойственныхъ и человѣку,—они чувствуютъ страхъ, гнѣвъ, любовь и отвращеніе, удовольствія и страданія всякаго рода; но все это связано исключительно съ ощущеніями и непосредственными воспріятіями. Идеальной формы этихъ чувствованій нѣтъ у животныхъ, и, потому, при большой силѣ, интенсивности, чувства эти очень бѣдны по своему содержанію и всегда просты, не сложны по составу (гнѣвъ). Наконецъ, у животныхъ есть нѣчто похожее на волю: они имѣютъ стремленія и желанія, повидимому, сознаютъ цѣли и отчасти средства къ ихъ осуществленію, дѣлаютъ между ними выборъ и т. п.; но все это опять совершается подъ подавляющимъ вліяніемъ чувственности и большею частію въ однихъ и тѣхъ же формахъ въ теченіе всей жизни, однообразно и автоматично. Внутренняго противодѣйствія возбужденіямъ у нихъ нѣтъ и слѣда, а потому нѣтъ и воли въ собственномъ

смыслѣ. Благодаря этому несовершенству всего содержанія душевнаго, животное кажется погруженнымъ въ окружающій міръ: оно не противополагаетъ себя ему и не можетъ сдѣлать этого ни при какихъ мыслимыхъ условіяхъ. Въ силу того же оно не можетъ сдѣлать ни одного шага впередъ, не можетъ развиваться и совершенствоваться.

У человѣка ощущенія и качественно и количественно хуже и бѣднѣе, чѣмъ у многихъ животныхъ, и они слабѣютъ постепенно по мѣрѣ увеличенія богатства внутренней жизни; его индивидуальный опытъ неизбѣжно ограниченнѣе по своему объему и менѣе разнообразенъ, вслѣдствіе слабости двигательной системы. Но изъ этого бѣднаго матеріала у него образуется богатый міръ идей конкретныхъ, опредѣленныхъ и отчетливыхъ, количество которыхъ возрастаетъ постепенно подъ вліяніемъ сознательнаго стремленія къ ихъ накопленію. Онѣ связываются между собою въ разнообразнѣйшихъ направленіяхъ въ группы и ряды; разъ образовавшись, возникаютъ сами собою, безъ внѣшнихъ возбужденій, и составляютъ одно цѣлое, которое противополагается, какъ внутреннее, внѣшнему міру. Въ свою очередь, этотъ внѣшній міръ является какъ отдѣльное цѣлое, окружающее человѣка. Изъ всего этого возникаетъ мысль о себѣ, какъ особомъ существѣ, является возможность связывать свое прошедшее съ настоящимъ, отождествлять и другое и образовать идею личности. Образцы внѣшняго и внутренняго, формируясь изъ впечатлѣній дѣйствительности, сначала невольно, а потомъ сознательно и произвольно, комбинируются въ такія сочетанія, которымъ не соотвѣтствуетъ ничто дѣйствительное. Въ этихъ творческихъ построеніяхъ человѣкъ на низшей ступени развитія любитъ нарушать всѣ физическіе законы, уничтожать всѣ свойства матеріи и перестроивать міръ по своему вкусу и желанію (любовь къ чудесному). На высшихъ степеняхъ развитія, эта тенденція творческой дѣятельности превращается въ сознательное стремленіе преобразовать окружающій міръ, подчинить себѣ его силы, устранить изъ него все чуждое духу и т. п. Противополагая себя

физическому міру, преобразуя себя по законамъ своей природы, человѣкъ, становясь личностію и новымъ центромъ особой силы, стремится въ безконечномъ разнообразіи и хаотическомъ сцѣпленіи его явленій найти единство, порядокъ, систему, стремится сознавать все разнообразное, но сходное во многихъ отношеніяхъ какъ одно. Отсюда возникаетъ у него новое явленіе, называемое общею идеею, или понятіемъ. Не имѣя возможности при этомъ воспроизводить въ сознаніи многое, какъ одно, общее, человѣкъ находитъ выходъ изъ затрудненія, создавши постепенно звуковые символы для своихъ понятій и облекая ихъ въ чувственную форму. У него является, такимъ образомъ, отвлеченное мышленіе и даръ слова. Общая отвлеченная идея, строго говоря, не похожа ни на что дѣйствительное въ мірѣ, гдѣ все единично и конкретно; она есть своего рода творческое построеніе и, опять, преобразованіе, измѣненіе природы по законамъ духа. Въ области чувствованій, человѣкъ, имѣя всѣ волненія связанными съ чувственностію, въ то же время переноситъ ихъ на идеальные предметы и тѣмъ даетъ имъ новый смыслъ и содержаніе. Но, кромѣ этого, у него возникаетъ рядъ новыхъ волненій, въ основѣ которыхъ лежатъ отвлеченныя идеи и которыя служатъ, опять, выраженіемъ антагонизма всему физическому-реальному и стремленія преобразовать его соотвѣтственно требованіямъ природы духа человѣческаго. Таковы: чувствованія эстетическія—прекраснаго и безобразнаго, высокаго и низкаго, возвышеннаго и смѣшного. Въ основѣ ихъ лежитъ идеалъ совершенства природы и критика дѣйствительности, на его основаніи. Таковы чувствованія нравственныя—добра и зла, совѣсть и т. п.,—въ основѣ которыхъ лежатъ идеи добра и зла и идеалъ нравственнаго совершенства, чуждый и враждебный дѣйствительности чувственной. Таково религіозное чувство, въ основѣ котораго лежитъ идея всесовершеннаго и всемогущаго существа, родственнаго духу человѣческому, все производящаго и всѣмъ управляющаго. Наконецъ, въ области своей практической дѣятельности человѣкъ стремится освободить себя отъ прямыхъ вліяній внѣшняго и физическаго, преобразо-

вать свою жизнь по своимъ идеямъ, вообще, по присущему ему идеалу совершенства. Стремленіе это превращается во власть человѣка надъ собою большей или меньшей силы, и есть то, что называется свободою.

Итакъ, у человѣка, сравнительно съ животными, есть всегда цѣлый рядъ новыхъ явленій душевныхъ, называемыхъ высшими— это: идея личности, или самосознаніе, творческія построенія фантазіи, общія идеи въ связи съ даромъ слова и отвлеченное мышленіе, чувствованіе эстетическое, нравственное и религіозное и, наконецъ, свобода. Въ нихъ душевное является не только противоположнымъ и чуждымъ внѣшнему міру, но, дѣйствительно, реально обособляется (въ самосознаніи) и удаляется отъ него въ себя. Съ тѣмъ вмѣстѣ весь этотъ міръ идеально преобразуется, или, точнѣе, на мѣсто его ставится какъ бы другой, болѣе близкій духу по природѣ,—отвлеченный, освобожденный отъ условій пространства и времени, проникнутый идеалами красоты и добра и управляемый безконечнымъ духомъ. Какъ бы ни понимали и ни представляли себѣ весь этотъ, въ сущности, таинственный процессъ одухотворенія міра,—онъ есть фактъ, не подлежащій сомнѣнію. И во всякомъ случаѣ, въ немъ отрывается психическое, какъ сила, и притомъ сила противодѣйствующая, пожалуй, враждебная всему физическому.

Но, преобразуя объективный міръ въ своемъ созерцаніи, идеально, душевное въ человѣкѣ, или духъ человѣческій, въ то же время создаетъ свой собственный, новый міръ, который и состоитъ изъ явленій душевнаго третьяго изъ указанныхъ нами классовъ. Основою и источникомъ ихъ являются указанныя высшія явленія или дѣятельности душевныя всякаго человѣка (отвлеченное мышленіе, фантазія, самосознаніе, нравственное чувство, религіозное и эстетическое), изъ которыхъ каждая есть особый видъ творчества, новообразованія изъ данныхъ природою впечатлѣній.

Благодаря естественной производительной силѣ этихъ дѣятельностей, коренящейся въ самой ихъ природѣ, въ сферѣ

душевной жизни человѣка происходитъ постепенное увеличеніе и переработка содержанія,—происходитъ своего рода ростъ и совершенствованіе, называемое развитіемъ (какъ, напр., въ сферѣ фантазіи, отвлеченнаго мышленія). Человѣкъ, какъ особь духовная и какъ родъ, постоянно развивается и совершенствуется, путемъ, именно, роста и новообразованій въ его душѣ во всѣхъ высшихъ и даже низшихъ направленіяхъ ея жизни и дѣятельности. Предѣловъ этому развитію нельзя опредѣлить даже приблизительно, т. е. нельзя сказать, куда еще проникнетъ мысль, какіе новые понятія, законы и проч. она откроетъ самосознанію. Потому, это явленіе или свойство душевнаго у человѣка выражается общимъ положеніемъ: человѣкъ по своей душѣ предназначенъ или имѣетъ способность къ безконечному развитію и совершенствованію. Производя новообразованія, творческія, прибавки въ себѣ самомъ, человѣкъ съ тѣмъ вмѣстѣ перенося, при посредствѣ движеній, свои идеи во внѣшній міръ и по этимъ идеямъ производя новыя сочетанія веществъ, движеній, силъ, здѣсь дѣйствующихъ,—преобразуетъ свое тѣло и вообще всю свою физическую жизнь, а затѣмъ и всю его окружающую природу, начиная съ минераловъ и кончая животными. И здѣсь онъ создаетъ нѣчто новое, не данное природою, не существующее само по себѣ, рождающееся подъ вліяніемъ и силою идей — мыслей человѣка и составляющее ихъ воплощеніе (приготовленіе пищи и одеждъ; прирученіе и видоизмѣненіе животныхъ, культура растеній). Весь этотъ творческій процессъ преобразованія, совершенствованія, по аналогіи съ однимъ изъ самыхъ первыхъ и вліятельныхъ преобразованій природы въ земледѣліи, въ воздѣлываніи земли, называется обыкновенно культурою,

Процессъ развитія, имѣя свое основаніе въ свойствѣ высшихъ явленій или способностей, присущихъ человѣческой душѣ по природѣ, начинается и совершается въ каждой человѣческой личности. При нормальныхъ условіяхъ, онъ идетъ съ большею или меньшею энергіею въ теченіе всей жизни каждой личности. Но въ самомъ началѣ общества, какъ самая дѣятельность чело-

вѣка, такъ и ихъ продукты бѣдны и малосодержательны. Благодаря превосходнымъ средствамъ для выраженія своихъ собственныхъ состояній въ словѣ, каждый человѣкъ передаетъ свои пріобрѣтенія, въ области культуры своей внутренней жизни, жизни тѣла и окружающей природы, другимъ людямъ. Происходитъ постоянный обмѣнъ. При этомъ каждое цѣнное пріобрѣтеніе дѣлается общимъ достояніемъ болѣе или менѣе обширной группы людей,—племени, народа и т. п. Распространяясь между живыми наличными особями, продукты культуры передаются отъ одного поколѣнія другому. Благодаря участію множества дѣятелей мыслящихъ и творящихъ въ различныхъ условіяхъ, имѣющихъ различные таланты и т. п. и благодаря этой двойной передачѣ отъ одного лица другому, отъ одной націи другой и отъ одного поколѣнія другому, развитіе каждой отдѣльной личности идетъ несравненно быстрѣе, слагается всестороннѣе и разнообразнѣе. Самыя силы культурно-творческія естественно тоже развиваются; при этомъ совершенствуются у каждаго человѣка и отвлеченное мышленіе, фантазія и проч. Становясь, такимъ образомъ, общимъ, или общественнымъ-соціальнымъ и историческимъ, процессъ культуры, или развитія, постепенно расширяется еще болѣе. Племена, націи начинаютъ передавать другъ другу свои пріобрѣтенія; эта солидарность или взаимообщеніе растетъ и расширяется, разъ начавшись, и постепенно обнимаетъ весь почти родъ человѣческій, все человѣчество. Созданія и пріобрѣтенія творческія всѣхъ людей, всѣхъ временъ и народовъ становятся опять, если не всецѣло, то въ своихъ важнѣйшихъ и существенныхъ сторонахъ прямо и косвенно достояніемъ отдѣльной личности, которая обнимаетъ, такимъ образомъ, все, что добыто безчисленными милліонами отдѣльныхъ личностей. Путемъ усвоенія себѣ всего добытаго общими усиліями, человѣкъ становится царемъ природы. Но, создаваясь изъ состояній внутреннихъ единичныхъ личностей и концентрируясь, опять, въ отдѣльной личности, явленія культуры, какъ явленія общей дѣятельности духа, общаго духа, въ то же время оказываются существующими какъ

бы внѣ всякой отдѣльной личности, всякой индивидуальной души. Эта обособленность ихъ производится и опредѣляется ихъ воплощеніемъ въ матеріальныхъ формахъ, въ какомъ нибудь веществѣ, доступномъ чувствамъ внѣшнимъ. При этомъ отвлеченныя идеи, образы фантазіи и др. построенія воплощаются въ звукахъ и особенно въ письмѣ, въ краскахъ и цвѣтахъ, въ сочетаніяхъ веществъ разнаго рода и т. д. Около человѣка единичнаго, такимъ образомъ, выростаетъ цѣлый особый міръ, состоящій цѣликомъ изъ продуктовъ духовныхъ и явленій существенно душевныхъ, образуется, рядомъ съ физическою, духовная среда. Она слагается изъ безчисленнаго множества явленій, тѣсно связанныхъ и переплетенныхъ между собою, какъ и явленія природы внѣшней—физическія, но можетъ быть распредѣлена на нѣсколько группъ болѣе или менѣе однородныхъ явленій. Эти группы суть: общественный строй, или общество; языкъ и произведенія словесности; религія; искусство пластическое и индустрія; наука.

Въ представленномъ общемъ обзорѣ „душевнаго“ явленія душевной жизни въ семъ мірѣ опредѣляются во всемъ объемѣ въ своихъ основныхъ формахъ, свойствахъ и отношеніяхъ,—какъ одинъ сложнѣйшій предметъ изученія и научнаго изслѣдованія, или науки. Объемъ этого предмета, а вмѣстѣ съ тѣмъ и науки о немъ однако становится у́же и ограниченнѣе—вслѣдствіе того, что изъ науки о душевномъ само собою устраняется, какъ почти недоступная для изученія и неимѣющая существеннаго самостоятельнаго значенія въ ней, область „душевнаго“ животныхъ неразумныхъ, насколько имъ характеризуется бытіе ихъ съ этой стороны. Затѣмъ, изъ науки о душевныхъ явленіяхъ человѣка,—науки о душѣ въ тѣсномъ и строгомъ смыслѣ,—естественно и само собою также выдѣляется все, что входитъ въ классъ душевныхъ явленій, которыя представляютъ не душевныя дѣятельности, а продукты ихъ и, ближайшимъ образомъ, указанные продукты коллективной дѣятельности индивидуальныхъ душъ, какъ—общество, право, языкъ, словесность, религію, мораль, науку и ихъ исторію, объединяемую въ общей исторіи человѣчества. Будучи,

въ сущности, явленіями душевными, они оказываются существующими внѣ для каждой индивидуальной души, вліяютъ на нее только своею частью, всегда незначительною, и никогда не вмѣщаются и не могутъ вмѣститься въ ней, такъ сказать, цѣликомъ. Кромѣ того, большая часть изъ состава этихъ явленій оказывается вымершею и совершенно недоступною человѣку или доступною индивидууму въ отрывкахъ и самомъ ограниченномъ видѣ. Примѣръ на языкѣ и религіи. Такимъ образомъ, въ томъ или другомъ смыслѣ, явленія эти не находятся и не происходятъ въ одной живой душѣ и даже во всей ихъ совокупности въ данный моментъ на земномъ шарѣ,—не находятся и въ ея содержаніи. Они вліяютъ на нее какъ нѣчто внѣшнее и могутъ изучаться тѣми же пріемами, какими построяются науки о чувственныхъ внѣшнихъ предметахъ и явленіяхъ. Потому они не могутъ быть прямымъ предметомъ науки, о душѣ, какъ существующія безъ нея и внѣ ея. Науки, изучающія эти явленія, такъ называемыя гуманныя, зависятъ, правда, отъ науки о душѣ, на сколько для нихъ необходимо знаніе живыхъ силъ и процессовъ души, при помощи и дѣйствіи которыхъ, единичномъ и коллективномъ, возникаютъ явленія, подлежащія ихъ изученію; но затѣмъ онѣ могутъ развиваться независимо и даже давать матеріалъ для самой науки о душѣ. — Такимъ образомъ, прямымъ предметомъ науки о душѣ съ ея, устанавливаемымъ самымъ существомъ этой науки, исходнымъ пунктомъ,—прямымъ предметомъ Психологіи субъективной, съ свойственными ей спеціальными пріемами изслѣдованія, является живая индивидуальная душа человѣческая, или, болѣе, явленія индивидуальной души человѣческой и ея природа,—то, что есть въ нихъ типическаго и всеобщаго.

V. Методъ изслѣдованія душевныхъ явленій.

Постановка вопроса о методѣ Психологіи въ настоящее время. Приложеніе къ изслѣдованію „душевнаго" трехъ методовъ, соотвѣтственно тремъ отраслямъ Психологіи. Интроспекція, какъ спеціально психологическій методъ, подчиняющій себѣ два другіе — физіологическій и метафизическій. Первый и основной актъ изслѣдованія душевнаго — самонаблюденіе. Потребность распространенія наблюденія на весь міръ явленій душевныхъ — у людей и даже животныхъ. Условія успѣшности этого акта психологическаго изслѣдованія. Необходимость начинать наблюденіе душевной жизни съ высшихъ формъ ея и нисходить къ низшимъ. Задача физіологическаго изслѣдованія по отношенію къ изслѣдованію „душевнаго". Опасность внесенія физіологическаго въ область психическаго. Безсиліе физіологіи въ рѣшеніи психологическихъ вопросовъ. Заключеніе.

Въ Психологіи вопросъ о методѣ недавно еще превращался въ вопросъ о возможности приложенія въ области Психологіи точныхъ пріемовъ наукъ естественныхъ, т. е. вообще о возможности и достаточности здѣсь опыта и наблюденія и строго научныхъ обобщеній. Такая постановка дѣла въ настоящее время не имѣетъ смысла. Въ настоящее время вопросъ о методѣ сводится къ болѣе спеціальному вопросу — о способахъ самаго наблюденія, способахъ и средствахъ анализа и расчлененія и объясненія душевныхъ явленій, т. е. о спеціальномъ методѣ Психологіи, а такимъ образомъ ученіе о методѣ въ современной Психологіи по своему содержанію напоминаетъ то, что въ старой схоластической Психологіи излагали подъ названіемъ „источники Психологіи".

Въ виду того, что Психологія состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ отраслей, изслѣдующихъ три различныя стороны души, ея методъ по необходимости является смѣшаннымъ. Когда Психологія изслѣдуетъ физіологическія и, вообще, физическія условія и проявленія душевнаго,—имѣетъ дѣло съ явленіями, совершающимися въ тѣлѣ и доступными внѣшнему наблюденію: методъ ея физіологическій. Когда она изслѣдуетъ существо души,—для нея становятся необходимыми общія метафизическія соображенія, и въ методѣ ея преобладаетъ такъ называемое умозрѣніе, т. е. гипотетическія предпосылки и дедукція изъ нихъ, съ повѣркою опытомъ. Когда она изслѣдуетъ возникновеніе, характеръ, связь, ходъ и развитіе явленій душевныхъ въ нихъ самихъ,—она должна опираться на внутреннее наблюденіе, и ея методъ становится интроспекціею.

Какъ существовали и доселѣ существуютъ попытки превратить каждую изъ этихъ сторонъ Психологіи въ цѣлую науку о душѣ и сдѣлать ее или исключительно физіологіею, или метафизикою души, или феноменологіею; такъ были и есть попытки и методъ ея свести къ одному началу—или ко внѣшнему наблюденію, или къ метафизическимъ построеніямъ, или къ интроспекціи и самонаблюденію. Но въ виду того, что душевныя явленія открываются только во внутреннемъ наблюденіи и что изслѣдованіе души необходимо начинать съ наблюденія надъ явленіями, данными во внутреннемъ наблюденіи, безъ чего невозможны ни физіологическія, ни метафизическія изслѣдованія,—феноменологія является средоточіемъ и основою всей науки о душѣ, а самонаблюденіе, или внутреннее наблюденіе, основнымъ пріемомъ изслѣдованія. А въ виду того, что методъ физіологическій и метафизическій прилагаютъ въ другихъ областяхъ, а самонаблюденіе возможно только при изученіи явленій душевныхъ, которыя безъ него недоступны знанію, наблюденіе внутреннее и анализъ на основаніи его являются методомъ исключительно психологическимъ и подчиняющимъ себѣ два другіе.

Основное правило или требованіе этого пріема, вытекающее изъ самой сущности внутренняго наблюденія, слѣдующее: изслѣ-

дователь душевныхъ явленій долженъ необходимо начинать изслѣдованіе съ наблюденія себя самого, своихъ собственныхъ состояній, съ такъ называемаго самонаблюденія въ собственномъ смыслѣ. Другого начала нѣтъ и быть не можетъ, потому что всякое другое начало будетъ предполагать самонаблюденіе и будетъ собственно не началомъ, а продолженіемъ. При этомъ онъ не долженъ ограничиваться тѣмъ сравнительно легкимъ обзоромъ и анализомъ своихъ внутреннихъ состояній, какой естественно и невольно дѣлается каждымъ человѣкомъ и лежитъ въ основѣ обыденной жизни и отражается обыкновенно въ языкѣ. Онъ долженъ, тщательно изучивши предварительно опытныя самонаблюденія, данныя въ произведеніяхъ лучшихъ изслѣдователей души, составить ясное и отчетливое представленіе о каждомъ своемъ состояніи и, главное, путемъ упражненія пріобрѣсти навыкъ—сосредоточиваться на любомъ внутреннемъ процессѣ, выдѣлять его изъ всѣхъ другихъ, слѣдить въ себѣ самомъ его видоизмѣненія при различныхъ (состояніяхъ) обстоятельствахъ и условіяхъ, а для этого точно запоминать свои состоянія и съ полною отчетливостью воспроизводить ихъ по собственному желанію. Очевидно, что этотъ первый шагъ въ изслѣдованіи „душевнаго“,—очень трудный и требуетъ не только обширной рудиціи спеціальной, но продолжительной работы надъ собою и постояннаго ея повторенія, безъ чего всякій навыкъ слабѣетъ и искусство теряется. Не выполнивши этого перваго требованія психологическаго метода, нельзя приступить къ самостоятельному изслѣдованію души съ какою нибудь надеждою на успѣхъ. А это дѣлается, къ сожалѣнію, постоянно, и въ результатѣ получается масса системъ Психологіи, въ которыхъ одно и то же небольшое количество знанія, большею частью неточнаго и поверхностнаго, перестраивается на разные лады, и знакомство съ этими системами производитъ впечатлѣніе калейдоскопа: все одни и тѣ же факты, только въ разныхъ сочетаніяхъ.

Итакъ, первый шагъ въ изслѣдованіи состава души есть самонаблюденіе, наблюденіе наблюдателемъ и изслѣдователемъ своихъ собственныхъ состояній, описаніе ихъ сравненное и про-

вѣренное въ каждой подробности самонаблюденіемъ другихъ изслѣдователей души. Но самонаблюденіе въ указанномъ смыслѣ есть только первый актъ. При помощи его одного нельзя, построить науку о душѣ человѣческой. Ни одна индивидуальная душа съ самымъ богатымъ содержаніемъ не можетъ вмѣстить въ себѣ всего, что совершается и можетъ совершиться въ душѣ человѣческой вообще, не говоря уже о томъ, что выводы изъ наблюденія надъ фактами жизни единичнаго человѣка не могутъ дать въ результатѣ научнаго обобщенія, закона. Кромѣ того, при этихъ условіяхъ нельзя произвести точнаго анализа, уловить простѣйшія формы явленія и т. п., потому что у человѣка, могущаго сознательно наблюдать себя, строй душевной жизни долженъ преимущественно состоять изъ развитыхъ, сложныхъ отдѣльныхъ явленій. Отсюда необходимость распространенія наблюденія на весь міръ явленій душевныхъ, необходимость наблюденія другихъ людей и даже животныхъ. Это другой моментъ психологическаго метода, другой шагъ психологическаго изслѣдованія. Повидимому, здѣсь самонаблюденіе прекращается и дальнѣйшее изслѣдованіе становится внѣшнимъ наблюденіемъ, какъ при изученіи вещества; но это ошибка, и ошибка очень грубая, сопровождающаяся весьма вредными послѣдствіями, тормозящая развитіе науки; она дѣлается, впрочемъ, постоянно. Наблюденіе надъ другими всегда есть только болѣе сложная форма самонаблюденія. При наблюденіи явленій душевныхъ внѣ себя, въ другихъ людяхъ, животныхъ, въ памятникахъ культуры и т. п., наблюдатель имѣетъ дѣло всегда только съ знаками „душевнаго“, воплощающагося въ какомъ нибудь живомъ веществѣ, въ видѣ движенія, или мертвомъ веществѣ. Ему приходится по этимъ знакамъ возсоздавать въ себѣ соотвѣтствующій процессъ внутренній и здѣсь, въ себѣ, наблюдать его составъ, свойства и т. п. Такимъ образомъ, наблюденіе надъ другими связано необходимо съ творческою способностію и требуетъ отъ изслѣдователя творческихъ построеній. Отъ этого и зависитъ его особенная трудность: чуждую дѣятельность и состоянія изслѣдователь долженъ перенести въ себя, возсоздать

въ себѣ и здѣсь съ ними оперировать, наблюдать и изслѣдовать ихъ составъ и пр. Въ области внѣшняго изслѣдованія этому моменту внутренняго наблюденія соотвѣтствуетъ извлеченіе наблюдаемаго явленія изъ общаго строя природы, „взятіе его на домъ“, какъ выразился Милль, искусственное его произведеніе посредствомъ придуманныхъ и созданныхъ ad hoc приборовъ и т. п. И, опять, никакъ нельзя легко относиться къ этому сложному и трудному процессу. Извѣстно, какъ легко человѣкъ располагается судить о другихъ по себѣ, т. е. свои состоянія собственныя, чувства, мысли, положенія вкладывать въ душу другого человѣка. Потому, нѣтъ ничего легче, какъ по внѣшнему знаку воспроизвести въ себѣ такое явленіе внутреннее, какъ совершающееся въ другомъ, какого въ немъ вовсе нѣтъ, а есть иногда совсѣмъ противоположное. При такой ошибкѣ, искаженіи наблюдаемаго факта „душевнаго“, наблюденіе становится недѣйствительнымъ и негоднымъ для научныхъ выводовъ. Отсюда второе правило или требованіе изслѣдованія, соблюденіе котораго абсолютно обязательно: при наблюденіи явленій душевныхъ въ другихъ существахъ и предметахъ, нужно быть крайне объективнымъ, не переносить своихъ собственныхъ состояній на другія существа, безъ самой строгой и тщательной провѣрки ихъ полнаго сходства съ тѣмъ, что совершается въ душѣ другихъ или заключено въ символы. Очевидно, для того, чтобы гарантировать себя отъ грубыхъ и крупныхъ ошибокъ, и здѣсь требуется продолжительное упражненіе и навыкъ, не говоря уже о природной способности возсоздавать въ себѣ состоянія другихъ. А безъ продолжительной работы надъ собою и безъ постоянныхъ, сознательно провѣряемыхъ опытовъ пріобрѣтеніе этого навыка невозможно. Это требованіе постоянно нарушается, и получается масса психологическихъ наблюденій надъ другими, въ которыхъ наблюдатель выдаетъ свои собственныя построенія за факты, совершившіеся и совершающіеся въ другихъ. Такъ, изслѣдованія по миѳологіи переполнены такими фальшивыми наблюденіями и оказываются безцѣннымъ балластомъ для науки о человѣческомъ духѣ, которымъ только тормозится развитіе ея. Много такихъ

наблюденій въ лингвистикѣ, исторіи и т. п. Модная нынѣ теорія происхожденія человѣка отъ животныхъ, собственно отождествленіе человѣка съ обезьянами, главнымъ образомъ опирается и держится въ умахъ благодаря фальшивому наблюденію этого рода. Наблюдая внѣшнія обнаруженія душевныхъ состояній у животныхъ высшихъ и не имѣя, собственно, при настоящемъ состояніи знанія, никакой возможности представить, что собственно въ нихъ происходитъ, безъ дальнѣйшаго разсужденія приписываютъ имъ состоянія, почти тождественныя съ состояніями человѣка при подобныхъ же условіяхъ. Надѣливши, такимъ образомъ, животное своею душею, легко уже признавать родство человѣка съ нимъ.

Наблюденіе надъ другими нельзя вести какъ попало. Нужно здѣсь соблюдать строгій порядокъ, переходить отъ болѣе доступнаго къ менѣе доступному, отъ ближайшаго и удобнаго для воспроизведенія къ менѣе понятному и удобному. Въ этомъ случаѣ опять допускается ошибка большинствомъ изслѣдователей,—ошибка, притомъ, такая, которая до самаго послѣдняго времени считалась чуть не аксіомою, очевидною, т. е., истиною. Въ силу того совершенно вѣрнаго факта, что въ наукахъ о веществѣ изслѣдованіе идетъ всего успѣшнѣе, когда начинается съ простѣйшаго по составу и формамъ существованія и переходитъ къ болѣе сложному, психологи приложили прямо требованіе естественно-научнаго метода,—начинать съ простѣйшаго,—къ изслѣдованію явленій душевныхъ. Отсюда требованіе и многочисленныя попытки начинать наблюденіе надъ душевною жизнію съ низшихъ, зародышевыхъ ея формъ у самыхъ несовершенныхъ низшихъ животныхъ и у человѣка—съ ощущеній. Но душевныя явленія, противоположныя физическимъ во всѣхъ отношеніяхъ, оказываются и здѣсь противоположными: то, что въ физическомъ легче для изслѣдованія, лежитъ ближе къ изслѣдователю, именно, низшія формы, въ душевномъ всего труднѣе и лежитъ дальше отъ изслѣдователя. Извѣстно, что намъ несравненно легче воспроизвести и понять такія состоянія другихъ людей и другихъ существъ вообще, которыя выше и совершеннѣе того, что въ насъ

совершается, чѣмъ ниже и несовершеннѣе. Отсюда у человѣка стремленіе и, такъ сказать, органическая потребность—подражать высшимъ формамъ жизни, воспроизводить въ себѣ высшее и совершеннѣйшее, чѣмъ то, что у него находится. Стремленіе это не есть что-либо сочиненное и полученное путемъ выводовъ,—оно коренится въ самомъ строѣ душевной жизни человѣка, именно, въ относительной легкости воспроизведенія высшаго, и составляетъ могучую силу прогресса. Дѣйствительно, намъ легко, при извѣстныхъ условіяхъ, понять и воспроизвести въ себѣ процессъ, который совершился въ умѣ Коперника или Ньютона при построеніи системы міра, но чрезвычайно трудно представить и воспроизвести тотъ рядъ соображеній, которыя приводятъ человѣка къ убѣжденію, что солнце живое существо—богъ, ѣздящій на огненной колесницѣ, что земля стоитъ на китахъ или на верблюдѣ и т. п. Сравнительно легко вообразить творческій процессъ въ умѣ Шекспира при построеніи имъ Гамлета—и почти невозможно понять, какъ создалась, напр., творческая фигура Змѣя Горыныча, Бабы-Яги и т. п. Еще труднѣе взрослому представить внутреннее состояніе дитяти, тѣмъ болѣе новорожденнаго ребенка: это возможно только съ большими усиліями, приблизительно и всегда неточно и неясно, если не употребить при этомъ продолжительныхъ и сложныхъ приспособленій и не пріучить себя къ этому постепенно. Наконецъ, жизнь внутренняя даже высшихъ животныхъ для человѣка при простомъ прямомъ наблюденіи положительно не постижима, общій ходъ ея и отдѣльные факты почти не вообразимы. Приблизиться въ воображеніи къ тому, что чувствуетъ, какъ представляетъ животное, можно только послѣ самаго широкаго изученія явленій душевной жизни человѣка и путемъ навыка и многочисленныхъ подстановокъ. Такимъ образомъ, начинать изученіе явленій душевныхъ съ животныхъ и дѣтей, очевидно, значитъ начинать съ самаго недоступнаго и неизвѣстнаго, идти въ изслѣдованіи отъ неизвѣстнаго къ извѣстному. А это вопіющее нарушеніе общихъ законовъ логики. Отсюда, за двумя указанными правилами—начинать наблюденіе съ себя и быть объективнымъ по отношенію къ

состояніямъ другихъ, получаемъ третье, главное требованіе и правило спеціально психологическаго метода: необходимо начинать изслѣдованіе съ высшихъ формъ душевныхъ явленій и съ строгою постепенностію спускаться къ низшимъ, т. е. путемъ аналитическимъ. Порядокъ этотъ приблизительно долженъ быть слѣдующій: высшія формы у высокообразованныхъ людей настоящаго времени; у древнихъ людей классическаго времени и культурныхъ восточныхъ народовъ, у необразованныхъ людей цивилизованныхъ обществъ, у дикарей, у дѣтей, наконецъ у животныхъ. Спустившись, такимъ образомъ, до самыхъ низшихъ формъ изслѣдуемаго душевнаго явленія, причемъ во многихъ случаяхъ нельзя идти дальше дикаря, изслѣдователь встрѣчается съ физіологическими процессами въ организмѣ, предшествующими ощущеніямъ, чувствованіямъ, воспріятіямъ и т. п.

При изслѣдованіи всякаго душевнаго явленія, описаннымъ нами способомъ или методомъ, который сводится къ самонаблюденію—прямому или косвенному,—изслѣдователь неизбѣжно встрѣчается съ чисто физическими явленіями и процессами тѣлеснаго организма, коими неизбѣжно сопутствуется всякое измѣненіе души, всякое душевное состояніе и явленіе. Для него, такимъ образомъ, возникаетъ необходимость основательнаго знакомства съ строеніемъ и отправленіями организма животнаго, ближайшимъ образомъ, конечно, человѣческаго, т. е. съ анатоміею и физіологіею человѣка, особенно съ анатоміею и физіологіею нервной системы. Здѣсь ему предстоитъ рѣшить вопросъ: какія измѣненія и движенія въ нервной системѣ предшествуютъ каждому душевному состоянію, обусловливая его, въ связи съ какими движеніями въ мозгѣ осуществляется оно въ теченіе своего существованія въ душѣ и какъ отражается или выражается во внѣшнихъ движеніяхъ мускульныхъ. Задача его при этомъ отыскать и, по возможности, точно опредѣлить формы соматическихъ процессовъ въ связи съ каждымъ душевнымъ явленіемъ и измѣненіемъ; отыскать внѣшнюю, физическую формулу для всякаго внутренняго событія,—показать, что и какъ дѣлается въ тѣлѣ, когда въ душѣ

возникаетъ такая-то мысль, такое-то чувство, такое-то желаніе и т. п. При изслѣдованіи „душевнаго“ съ этой стороны, со стороны его связи съ физическимъ-соматическимъ, психологъ-изслѣдователь не выходитъ и не можетъ выйти всецѣло изъ своей сферы внутренняго наблюденія и стоитъ какъ бы на границѣ между внутреннимъ и внѣшнимъ, сразу обнимая взоромъ то и другое и опредѣляя ихъ соотношенія: онъ прибавляетъ только къ внутреннему внѣшнее наблюденіе—чувствами и приборами, облегчающими и совершенствующими ихъ дѣйствіе,—не бываетъ и не долженъ быть, потому, никогда чисто внѣшнимъ наблюдателемъ. Въ виду того, что устройство и отправленія организма вообще и въ частности нервной системы составляютъ предметъ отдѣльныхъ отраслей знанія—анатоміи и физіологіи тѣла человѣческаго, также анатоміи и физіологіи нервной системы,—трудъ психолога значительно облегчается возможностію брать готовыми анатомо-физіологическія данныя и только установлять соотвѣтствіе и связь между ними и сопутствующими имъ душевными состояніями и измѣненіями. Ему нѣтъ нужды спеціально заниматься анатоміею и физіологіей даже нервной системы, погружаться въ самостоятельныя изслѣдованія въ этихъ областяхъ; такое погруженіе, не говоря уже о потерѣ времени и силъ, можетъ быть вреднымъ для психолога, отвлекая его мысль въ другую совершенно сферу, заставляя употреблять другіе пріемы, болѣе грубые, чѣмъ тѣ, которые употребляетъ онъ въ своей спеціальной области. Дѣло въ томъ, что психологъ, много занимающійся физіологическими изслѣдованіями и наблюденіями, можетъ легко и незамѣтно внести въ область психическаго чуждые элементы, смѣшать физическое и душевное, ослабить самую способность къ внутреннимъ наблюденіямъ и притупить чутье, необходимое при анализѣ такихъ утонченныхъ явленій, какъ душевныя. При самомъ пользованіи физіологическими данными психологу необходимо, особенно въ настоящее время, соблюдать величайшую осторожность, чтобы, опредѣляя соотношеніе физическаго процесса, нервнаго, напр., съ психическимъ, идущимъ параллельно ему, постоянно оставлять

ихъ различіе и параллельность. При малѣйшей неточности и неосторожности здѣсь душевное превращается въ физическое и отождествляется съ нимъ, приводя, въ концѣ концовъ, къ чистому матеріализму или, такъ называемому иногда, полуматеріализму. При этомъ легко забывается коренное различіе между физическимъ и душевнымъ и та истина, что при самомъ точномъ знаніи физическихъ процессовъ etc. бытіе духа не устраняется. Кромѣ того, въ виду несовершенства физіологіи нервной системы преобладанія здѣсь гаданій и гипотетическихъ построеній, при пользованіи данными физіологіи въ цѣляхъ разъясненія душевнаго, психологъ долженъ быть до крайней степени разборчивымъ и строгимъ. Онъ обязанъ руководиться здѣсь, безъ всякихъ уклоненій, правиломъ: брать изъ физіологіи только то, что несомнѣнно и строго научно установлено и безжалостно изгонять всякія гипотетическія построенія, хотя бы они и казались очень удобными и близкими къ истинѣ. Необходимо подождать пока физіологія добудетъ въ этой темной области какіе-нибудь несомнѣнные факты, по крайней мѣрѣ, изучитъ мозговые процессы настолько, насколько изучены устройство и процессъ ощущенія высшихъ органовъ чувствъ. Тогда будетъ видно, что цѣннаго для науки о душѣ и необходимаго для объясненія душевныхъ явленій есть въ этихъ процессахъ. Ждать этого тѣмъ удобнѣе, что и безъ физіологическихъ процессовъ у Психологіи въ настоящее время слишкомъ много дѣла. Одинъ подборъ и отысканіе во всемъ человѣческомъ родѣ видоизмѣненій каждаго явленія, т. е. собраніе матеріала для точнаго объясненія и анализа душевныхъ явленій, можетъ дать работу тысячамъ талантливыхъ людей, потому что тутъ потребуется совмѣстная дѣятельность на разныхъ пунктахъ земного шара, въ разныхъ слояхъ человѣческаго общества и культуры; изслѣдованіе съ чисто-психологическими цѣлями памятниковъ письменности, особенно поэтическихъ произведеній, которыя доселѣ представляютъ мертвый, хотя несомнѣнно огромный матеріалъ психологическаго наблюденія и изслѣдованія; изслѣдованіе съ психологическими цѣлями искусства,

общественныхъ и бытовыхъ формъ, религіи и т. д. Отъ физіологіи здѣсь нельзя ждать никакого пособія даже при идеальномъ совершенствѣ ея данныхъ. Все, что она здѣсь можетъ сдѣлать— это дать формулу физіологическаго движенія, съ которымъ связано данное душевное состояніе, положимъ, напр., процессъ математическаго умозрѣнія и отвлеченія. Но она никогда не въ состояніи будетъ показать, какъ этотъ процессъ совершался въ различныя эпохи человѣческаго развитія, какъ онъ развился до той высокой степени точности, быстроты и т. п., на какой стоитъ теперь. А между тѣмъ это самое главное и существенное, потому что отвлеченной дѣятельности человѣкъ учился вѣками и тысячелѣтіями, и его теперешняя способность есть результатъ дѣятельности въ этомъ направленіи безчисленнаго множества людей, мозга которыхъ, конечно, нельзя добыть и изслѣдовать. Да если бы это и все можно было, едва-ли привело бы къ чему нибудь. Теперь наука физіологическая не можетъ открыть никакой разницы между талантливымъ дикаремъ и цивилизованнымъ человѣкомъ и, насколько можно судить по самой сущности развитія человѣка, которое совершается подъ вліяніемъ культурной душевной среды, а не физической, она никогда не будетъ въ состояніи сдѣлать этого.

Итакъ, наука о душѣ имѣетъ свой методъ, который и въ общемъ и въ подробностяхъ противоположенъ методамъ наукъ о веществѣ, методъ сложный и въ высшей степени трудный въ приложеніи, но несомнѣнно могущій при широкомъ и систематическомъ приложеніи его привести къ самымъ точнымъ научнымъ результатамъ.

VI. Классификація душевныхъ явленій.

Необходимость классификаціи душевныхъ явленій. Затруднительность строго научнаго классифицированія ихъ при современномъ состояніи знанія. Опыты психологической классификаціи. Разногласіе и неустойчивость существующихъ системъ ея. Классификація душевныхъ явленій, какъ планъ изслѣдованія ихъ. Распредѣленіе душевныхъ явленій по классамъ соотвѣтственно содержанію, характеру и степенямъ сложности ихъ.

Наблюдая душевную жизнь свою собственную и другихъ людей, за какой-нибудь даже короткій періодъ времени, мы видимъ здѣсь при первомъ взглядѣ постоянную хаотическую смѣну разнаго рода состояній или явленій душевныхъ, которыя переплетаются между собою въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ (возбужденія подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній и состояній организма, воспоминанія разнаго рода, ряды образовъ, мыслей, соображеній, удовольствія и неудовольствія, боязнь и самоуваженіе, гнѣвъ и симпатіи, стремленіе, цѣли, планы и т. п.). Для того, чтобы приступить къ изслѣдованію этого кажущагося хаоса, возникающаго, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, въ каждый моментъ сознательной жизни, съ самаго начала и до конца ея, нужно, прежде всего, оріентироваться въ немъ, распредѣлить всѣ наблюдаемыя явленія на группы и ряды болѣе или менѣе однородныхъ состояній, сходныхъ между собою по своему содержанію, характеру, условіямъ возникновенія и т. п. Такое распредѣленіе, употребляемое во всѣхъ наукахъ, изучающихъ какія бы то ни было явленія, называется классификаціею. Классификація изслѣдуемыхъ явленій въ настоящее время совершается, по требованію логической теоріи, въ двухъ направленіяхъ: явленія объединяются въ болѣе или

менѣе обширныя группы, характеризующіяся наибольшимъ количествомъ сходныхъ свойствъ, или признаковъ, и затѣмъ располагаются въ правильный рядъ, по степени своей сложности, начиная съ основныхъ, первичныхъ, простѣйшихъ, по своему строенію, и кончая производными и самыми сложными. Хотя съ распредѣленія явленій на группы или классификаціи начинается изслѣдованіе явленій, но научная классификація можетъ быть только результатомъ близкаго, всесторонняго изученія и знанія. Потому въ наукахъ мало развитыхъ она всегда бываетъ предварительною, несовершенною и только постепенно вырабатывается и совершенствуется. Психологія относится къ такимъ наукамъ. Въ ней возможны только пока опыты классификаціи, которыхъ накопилось уже много и которые продолжаются до самаго послѣдняго времени. Разсмотримъ сначала эти опыты.

Первоначальная, конечно, неточная и поверхностная классификація душевныхъ явленій, какъ и всѣхъ другихъ явленій въ мірѣ, доступныхъ человѣку, совершается при помощи общихъ названій и дается въ каждомъ развитомъ языкѣ. Первый опытъ научной классификаціи въ Европѣ прежде приписывался Пиѳагору. Но по точно изслѣдованнымъ памятникамъ, дошедшимъ до насъ, первая попытка классификаціи принадлежитъ Платону. Онъ раздѣлилъ всѣ душевныя дѣятельности и состоянія на три отдѣла: τὸ λογιστικὸν—разумная совокупность познавательныхъ дѣятельностей, τὸ θυμοειδὲς, совокупность страстныхъ возбужденій, или аффектовъ, τὸ ἐπιθυμητικὸν, совокупность чувственныхъ потребностей и желаній. При этомъ основою каждаго отдѣла онъ призналъ особую душу или часть души, занимающую свое опредѣленное мѣсто въ организмѣ: душа разумная—въ головѣ, страстная—въ груди, чувственная—въ животѣ около печени. За этою первою попыткою слѣдуетъ болѣе раціональная классификація Аристотеля. Сливая явленія органической жизни съ душевными, Аристотель всѣ ихъ распредѣляетъ на пять отдѣловъ: явленія питанія и воспроизведенія, явленія ощущенія въ связи съ воображеніемъ и памятью; явленія желанія и стремленія; явленія про-

извольнаго движенія; явленія мышленія. Въ основѣ ихъ у человѣка лежитъ одно начало, одна нераздѣльная душа, которая обладаетъ способностью дѣйствовать въ этихъ пяти направленіяхъ, обладаетъ по своей природѣ пятью силами или способностями—δύναμεις, potentiae. Эти пять силъ или способностей затѣмъ сводятся къ тремъ основнымъ—способности питанія, способности ощущенія, въ связи съ желаніемъ и движеніемъ, и способности мышленія, въ связи съ волею. Описанная классификація Аристотеля въ тѣсной связи съ его ученіемъ о присущихъ по природѣ въ душѣ силахъ или способностяхъ, которыми опредѣляются и объясняются различныя явленія,—была господствующею въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ и долго послѣ. Она, съ нѣкоторыми поправками, не потеряла своей силы и значенія и до настоящаго времени, потому что идея силъ души усвоена всѣми европейскими народами, внѣдрилась въ языки и служитъ, такимъ образомъ, основою обычнаго представленія и описанія душевной жизни. При этомъ естественно силы души олицетворяются, какъ особенные агенты. Въ средніе вѣка эта классификація, по силамъ и способностямъ, подробно развита, переработана и приспособлена къ христианскому міросозерцанію, особенно у Ѳомы Аквината. Онъ признаетъ три основныя группы душевныхъ явленій и три главныя силы въ душѣ, различая въ каждой изъ нихъ сторону дѣятельную—активную и страдательную—пассивную: способность растительная—vis vegetativa, съ подраздѣленіемъ на способность питанія и воспроизведенія рода; способность чувственная—sensitiva, съ подраздѣленіями на ощущенія и чувственныя потребности; способность познавательная—intelectiva, съ подраздѣленіемъ на умъ и волю. Со времени Декарта и Гоббса органическія отправленія и явленія жизни физической организма выдѣляются, какъ непринадлежащія душѣ, а производимыя особою силою, которая названа жизненною силою; но въ остальномъ классификація душевныхъ явленій осталась та же, съ нѣкоторыми несущественными измѣненіями; только вмѣсто трехъ классовъ (трихотоміи) получилось два (дихотомія) съ двумя основными силами и способностями.

Эта нѣсколько измѣненная классификація особенно хорошо обработана и развита у Вольфа, усвоена цѣлою обширною школою его послѣдователей и есть, слѣдовательно, классификація того типа, который мы назвали неосхоластическимъ. По ней—душа имѣетъ двѣ главныя способности, изъ коихъ каждая дѣлится на pars inferior и pars superior: facultas cognoscendi, которая обнимаетъ собою силы: ощущенія—sensus, воображенія—imaginatio, фантазіи—facultas fingendi, память—memoria, вниманіе—attentio, разсудокъ—reflexio и разумъ—intellectus; facultas appetendi—желательная способность, обнимающая собою явленія удовольствія и неудовольствія—voluptas et taedium, чувственную потребность—appetitus sensitivus, хотѣніе и нехотѣніе—voluntas et noluntas. Послѣ Вольфа, въ теченіе XVIII в., въ Германіи, у мало извѣстныхъ психологовъ (Вильямъ, Флемингъ, Абихтъ и др.), является рядъ попытокъ выдвинуть какъ особый, самостоятельный классъ душевныхъ явленій, съ особою способностію души въ основѣ его,—явленія чувствованія или—душевныхъ волненій и, такимъ образомъ, опять возстановить, только въ другой формѣ, тройственное дѣленіе. Эту идею усвоилъ Кантъ и ввелъ, такимъ образомъ, раздѣленіе души на три способности, прибавивъ къ познавательной и желательной—чувствовательную—сердце: способность познавательную—Erkenntnissvermögen, способность чувствовательную—удовольствія и неудовольствія—Geful der Lust und Unlust и способность желательную—Begehrungsvermögen. При этомъ познавательная способность обнимаетъ собою различныя свои видоизмѣненія или частныя способности—ощущеніе, память, воображеніе, фантазію, разсудокъ и разумъ или умъ, способность чувствовательная обнимаетъ жизнь сердца, желательная—всѣ явленія воли и практической дѣятельности. Вводя эту новую классификацію, которая можетъ считаться въ существенномъ общепринятою господствующею, Кантъ оставилъ неприкосновенною аристотеле-схоластическую идею силы или способности и далъ раздѣленію души на способности и объясненію этими способностями всѣхъ явленій своего рода санкцію своимъ авторитетомъ. При такомъ раздѣленіи души на силы и

способности распредѣленіе душевныхъ явленій въ послѣдовательный рядъ по возрастающей ихъ сложности невозможно, такъ какъ каждая изъ силъ души является одинаково простымъ агентомъ, производящимъ извѣстную дѣятельность, сообразно съ своею природою, въ извѣстной связи съ другими силами, обнаруживающейся взаимною помощью другъ другу. Выходящая изъ этого принципа классификація не могла, потому, удовлетворить идеалу классификаціи даже съ формальной стороны. Эта важная сторона классификаціи выразилась частію въ распредѣленіи способностей, и, слѣд., явленій душевныхъ на низшія и высшія, связанныя съ чувственностію и независимыя отъ нея [распредѣленіе такого рода дѣлается уже Платономъ и отчасти Аристотелемъ и затѣмъ всѣми послѣдующими психологами, принимавшими доктрину особыхъ силъ и способностей души (Вольфъ)]; частію въ порядкѣ изслѣдованія, которое всегда начиналось съ ощущеній и оканчивалось волею. Кромѣ этого недостатка, распредѣленіе души на силы и способности, изъ коихъ каждая производитъ свой рядъ или группу явленій, есть искусственное и опирается на предположеніе, которое не оправдывается опытомъ. Душевныя силы нельзя даже и представить себѣ независимо отъ явленій, въ которыхъ онѣ обнаруживаются; онѣ, такимъ образомъ, суть чистыя отвлеченія, несоотвѣтствующія никакимъ реальностямъ и въ этомъ смыслѣ фикціи, которыя только препятствуютъ изслѣдованію явленій въ нихъ самихъ, въ ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ и нисколько не помогаютъ объясненіямъ Въ виду этого, еще задолго до Канта, Локкомъ сдѣлана была попытка изгнать ученіе о силахъ душевныхъ и представить душевную жизнь, какъ рядъ явленій, развивающихся изъ одного класса основныхъ, простѣйшихъ состояній, какими признаваемы были ощущенія. Принимая ощущенія за основные процессы, Локкъ и его школа распредѣляли затѣмъ постепенно развивающіяся изъ нихъ болѣе сложныя дѣятельности на два класса—на явленія познанія и воли, соотвѣтствующія познавательной и желательной способности въ классификаціи Вольфа.

Та же самая попытка въ другой только формѣ сдѣлана была въ Германіи, послѣ Канта, Гербартомъ, который распредѣляетъ душевныя явленія въ три группы, соотвѣтствующія кантовскимъ познавательной, чувствовательной и желательной способностямъ. При этомъ Гербартъ съ собственною силою возсталъ противъ идеи душевныхъ силъ и подвергъ ее строгой критикѣ. Другой Германскій психологъ, Бенеке, отвергая, подобно Гербарту, ученіе о силахъ и способностяхъ, признаетъ основнымъ процессомъ душевнымъ образованіе чувственныхъ воспріятій подъ вліяніемъ ощущеній и изъ него производитъ три болѣе сложныя — умственную дѣятельность, волю, или желаніе, и чувствованіе. Благодаря особенно дѣятельности этихъ психологовъ — въ Германіи и затѣмъ всюду—схоластическое ученіе о силахъ и способностяхъ было ниспровергнуто и окончательно исчезаетъ изъ науки на нашихъ глазахъ. При этомъ дѣло дошло до крайности. Психологи начали бояться употребленія терминовъ „сила“ и „способность“ даже въ томъ смыслѣ, въ какомъ они употребляются у естествоиспытателей, и тѣмъ лишились возможности кратко и точно обозначать различныя стороны душевной дѣятельности. Рядомъ съ этимъ—во Франціи у Менъ-де-Барона, въ Германіи у Шопенгауера и его послѣдователя Фортляге, сдѣлана попытка вмѣсто представленій и ощущеній положить въ основу всей душевной жизни другой планъ простыхъ явленій, относящихся къ области воли,—стремленія—Trieb и изъ него произвести всѣ другіе сложные процессы и самое ощущеніе. Даже и теперь еще существуютъ попытки положить въ основу всего душевнаго процесса чувство удовольствія и страданія. Всѣ эти попытки классификаціи душевныхъ явленій путемъ вывода изъ одного начала, изъ одного основного процесса, главное значеніе которыхъ состоитъ пока въ устраненіи доктрины силъ и способностей, не привели къ окончательному научно-обоснованному и общепризнанному результату, и классификацію душевныхъ явленій нельзя считать установившеюся. По крайней мѣрѣ, у лучшихъ представителей современной науки о душѣ существуетъ значительное разногласіе въ этомъ отноше-

нiи. Такъ, Бэнъ первымъ основнымъ классомъ душевныхъ явленій принимаетъ низшую область душевной дѣятельности — inferior region of Mind, къ которой онъ относитъ не одни ощущенія, а также движенія, аппетиты и инстинкты. Изъ этихъ низшихъ дѣятельностей затѣмъ развивается три класса сложныхъ душевныхъ процессовъ (умъ, сердце, или эмоція, и воля). Во всякомъ случаѣ, здѣсь существенно сохраняется тройственное дѣленіе душевныхъ явленій, установившееся въ Германіи со времени Канта. Спенсеръ предлагаетъ совершенно новую во многихъ отношеніяхъ классификацію, которая разрываетъ всякую связь съ историческими преданіями и направленіями, установленными Аристотелемъ, Локкомъ и Кантомъ. По его воззрѣнію, вся душевная жизнь разлагается на двѣ основныя группы явленій — чувства и отношенія между ними. Чувства имѣютъ двѣ формы: ощущенія въ собственномъ смыслѣ и эмоціи. Отношенія между ними, выражающіяся въ ихъ сочетаніяхъ различной сложности, также развиваются въ двухъ формахъ познанія и чувствованія или волненія. То, что называется волею, по мнѣнію Спенсера, разлагается безъ остатка на ощущенія, эмоціи, познавательные акты и не можетъ составить особой группы. Взамѣнъ этого какъ бы въ видѣ особой группы выдѣляется отвлеченная умственная дѣятельность, творчество и высшія эмоціи, которыя разсматриваются какъ продуктъ вліянія общественной среды или соціальнаго фактора. Такимъ образомъ, душевная жизнь является состоящею изъ двухъ собственно процессовъ—ощущенія и волненія, которыя въ своихъ разнообразныхъ отношеніяхъ и сочетаніяхъ превращаются въ умственную и сердечную жизнь разныхъ формъ, въ какихъ они существуютъ у животныхъ, и затѣмъ въ высшія формы отвлеченія, творчества, эстетическихъ и нравственныхъ чувствъ—у человѣка подъ вліяніемъ общества. Эти двѣ новѣйшія классификаціи объединяются въ третьей, которой основаніе положилъ Вундтъ и которая съ нѣкоторой подробностью обработана Льюисомъ. Ее можно считать тѣмъ, что называется послѣднимъ словомъ науки по вопросу классификаціи душевныхъ явленій. Льюисъ выходитъ изъ той

мысли, что всякій душевный актъ, самый простой и самый сложный, состоитъ изъ трехъ составныхъ частей или сторонъ—интеллектуальной, эмоціональной и волевой. — При этомъ въ однихъ состояніяхъ преобладаетъ одинъ элементъ, въ другихъ — другой, въ третьихъ—третій, и, на основаніи этого преобладанія, мы относимъ одно явленіе къ интеллектуальнымъ, другое—къ сердечнымъ, третье—къ волевымъ. Этотъ фактъ душевной жизни, давно подмѣченный уже, Льюисъ называетъ психическимъ спектромъ. Такимъ образомъ, въ основѣ душевной жизни лежитъ три различныхъ, но всегда связанныхъ одно съ другимъ состоянія: ощущеніе, волненіе и двигательный импульсъ, или стремленіе; развиваясь и осложняясь, они являются у человѣка какъ умъ, сердце и воля. Значитъ, всѣ явленія душевныя необходимо распредѣляются на три класса: явленія умственныя, эмоціональныя и волевыя. Въ заключеніе нельзя не упомянуть о само-новѣйшей и весьма оригинальной классификаціи, принадлежащей нашему отечественному философу—Троицкому. Схема ея — отношенія: a) страдательныя и дѣятельныя (ощущеніе, чувство, идея, дѣйствіе); b) мысленныя и дѣйствительныя; c) производительныя и непроизводительныя; d) потенціальныя и актуальныя, e) прямыя и возвратныя.

Строго - научное опредѣленіе различныхъ группъ и классовъ душевныхъ явленій несомнѣнно должно опираться на прямомъ ихъ наблюденіи, безъ всякихъ предвзятыхъ идей и теорій, безъ всякаго отношенія къ какимъ-бы то ни было воззрѣніямъ господствующимъ. безъ всякаго уваженія къ авторитетамъ, тѣмъ болѣе, что всѣ они классифицируютъ душевныя явленія различно. А для этого намъ нужно было бы, слѣдуя установленному методу психологическаго изслѣдованія, взять въ высшей формѣ всю душевную жизнь, описать ее въ важнѣйшихъ подробностяхъ, начертить общую картину всего хода ея, въ томъ видѣ, какъ она представляется внутреннему опыту, провѣренному опытомъ другихъ—картину, обнимающую эту жизнь съ самаго ея начала до конца. Послѣ этого, путемъ, опять, самаго тщательнаго наблюденія, провѣреннаго всѣми возможными способами, — выдѣлить состоянія,

явленія, процессы, рѣшительно разнящіеся другъ отъ друга по своему содержанію, направленію, устройству, не сводимые ни къ какимъ другимъ процессамъ, описать и характеризовать старательно каждый изъ нихъ; опредѣлить ихъ взаимное отношеніе, ходъ ихъ развитія и на основаніи всего этого найденныя различныя состоянія расположить въ естественный рядъ, который долженъ быть, такимъ образомъ, схематическимъ изображеніемъ всего содержанія и хода душевной жизни. Но подобная обработка вопроса о классификаціи можетъ имѣть мѣсто только въ формѣ особаго, спеціальнаго изслѣдованія-сочиненія. Объ ученой обработкѣ его приходится говорить въ систематическомъ курсѣ только потому, что доселѣ нѣтъ ни одного изслѣдованія спеціальнаго въ этомъ родѣ (и пока не явится нѣсколько такихъ изслѣдованій въ способахъ классификаціи душевныхъ явленій—будетъ разногласіе, неустойчивость....). Въ виду этого, при распредѣленіи душевныхъ явленій, приходится ограничиться догматическимъ изложеніемъ результатовъ, добытыхъ путемъ изученія различныхъ системъ классификаціи, также результатовъ собственнаго наблюденія и опытовъ въ этомъ отношеніи, предоставляя оправданіе ихъ и объясненіе самому изложенію содержанія всей науки. При этомъ, само собою понятно, было-бы нелѣпо выдавать такую, неизбѣжно, при существующихъ условіяхъ, несовершенную, попытку за что-нибудь окончательно и вполнѣ научное. Предлагаемая классификація будетъ скорѣе планомъ нашего изслѣдованія.

По признанію огромнаго большинства психологовъ всѣхъ временъ, подтверждающемуся довольно легко прямымъ наблюденіемъ и анализомъ любого душевнаго состоянія и процесса, первичнымъ, основнымъ, самымъ простымъ, по условіямъ своего происхожденія и своему составу, состояніемъ душевнымъ является ощущеніе, т. е. особаго рода внутреннее возбужденіе, являющееся подъ непосредственнымъ вліяніемъ физическихъ дѣятелей, внѣ организма и внутри его находящихся. Въ немъ дается первый и простѣйшій отвѣтъ на внѣшнее впечатлѣніе и первый простѣйшій внутренній символъ внѣшняго, выражающій его характеръ и содержаніе.

Съ этого элементарнаго состоянія начинается, по всей вѣроятности, жизнь души въ семъ мірѣ; она, затѣмъ въ самыхъ различныхъ формахъ, ежеминутно повторяется въ теченіе всей жизни и развитія души, которая, такимъ образомъ, въ продолженіе своей жизни испытываетъ милліарды ощущеній, возбуждаясь ими постоянно къ дѣятельности и пользуясь ихъ содержаніемъ для разнообразнѣйшихъ построеній, изъ которыхъ состоитъ ея жизнь и дѣятельность. Такимъ образомъ, процессъ ощущенія есть какъ бы притокъ питательнаго матеріала, постоянно претворяемаго душею въ ея собственный составъ и содержаніе. Самое ощущеніе можно поставить въ аналогію съ тѣми органическими клѣточками, микроскопическими комками органическаго вещества, — изъ милліардовъ которыхъ строятся ткани и жидкости организма. Въ силу этого, какъ бы мы ни представляли душу въ ея существѣ, въ наблюденіи и опытѣ аналитическомъ, она является, употребляя грубую метафору, прежде всего тканью ощущеній — чистыхъ, подвергшихся разнаго рода метаморфозамъ и связанныхъ съ самочувствіемъ. Ощущеніе, сущность котораго состоитъ въ зависимости отъ внѣшнихъ дѣятелей, имѣетъ способность продолжаться въ слабой формѣ и послѣ того, какъ прекращается дѣйствіе внѣшнихъ дѣятелей. Въ этомъ постоянномъ и главномъ превращеніи своемъ оно называется обыкновенно идеею. Но ощущеніе и его идея не есть единственное элементарное состояніе, и не изъ одного его строится содержаніе душевной жизни. Рядомъ съ ощущеніемъ и сначала, въ нераздѣльномъ съ нимъ единствѣ, существуютъ два другія простыя, элементарныя и, потому, основныя состоянія, неразложимыя ни на что другое, но являющіяся при болѣе сложныхъ условіяхъ, чѣмъ ощущеніе, по всей вѣроятности, зависящія отъ него въ своемъ существованіи, хотя изъ него непроизводимыя и необъяснимыя. Это, во первыхъ, внутреннее возбужденіе, извѣстное подъ именемъ волненія, или чувствованія, и являющееся первоначально въ формѣ удовольствія и неудовольствія, хотя и нетождественное съ ними. Оно имѣетъ совсѣмъ другое содержаніе и характеръ, чѣмъ ощущеніе, и—прежде всего—не служитъ знакомъ или сим-

воломъ чего-либо внѣшняго: оно есть впечатлѣніе производимое на душу ея собственными состояніями, оцѣнка душею ея собственнаго состоянія во всякій данный моментъ. За чувствованіемъ, или волненіемъ, и, можетъ быть, въ прямой зависимости отъ него и ощущенія, стоитъ, во вторыхъ, опять, особое, новое по содержанію, характеру и направленію измѣненіе души, элементарное и неразложимое—позывъ, возбужденіе къ дѣйствію, къ перенесенію силы внутренней на внѣшнее, къ движенію, оканчивающееся обыкновенно дѣйствительнымъ движеніемъ организма и воздѣйствіемъ его на внѣшнее, благодаря чему въ этомъ внѣшнемъ производятся измѣненія. Состояніе это обыкновенно называется двигательнымъ импульсомъ, или стремленіемъ, иногда дѣйствіемъ внутреннимъ. Оно отличается несомнѣнно отъ ощущенія, потому что, подобно чувствованію, не служитъ знакомъ чего-либо внѣшняго, отличается и отъ чувствованія, потому что не заключаетъ въ себѣ никакой оцѣнки состоянія души, а есть именно только идущее изъ глубины души возбужденіе къ дѣйствію и движенію.

Эти три несомнѣнно различныя состоянія душевныя, можетъ быть, даже независимыя другъ отъ друга, слѣдуютъ другъ за другомъ съ такою невообразимою быстротою, что кажутся однимъ цѣлымъ состояніемъ. При этомъ, съ переходомъ внутренняго импульса къ движенію, или стремленія, въ самое движеніе и соприкосновеніе съ внѣшнимъ, всегда, опять, съ невообразимою быстротою, возникаютъ новыя ощущенія, какъ знаки этого движенія и измѣненій, произведенныхъ имъ во внѣшнемъ, за ними новыя волненія и новыя стремленія и т. д.—безъ конца. Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ жизни получается родъ круговорота внутреннихъ состояній, кругового, безконечнаго движенія, непрекращающагося уже въ теченіе всей жизни души въ связи съ тѣломъ, непрекращающагося даже во время сна и характеризующаго всѣ даже самыя высшія дѣятельности душевныя, причемъ кругъ этотъ съ внѣшней стороны, по мѣрѣ расширенія опыта, становится все шире и шире, захватывая постепенно всю доступную человѣку вселенную. Волненія и стремленія, также какъ ощущенія, остаются

въ слабой формѣ послѣ прекращенія реальныхъ дѣятелей, ихъ вызвавшихъ, и могутъ быть названы ихъ идеями. Они обыкновенно являются въ связи съ идеями ощущеній.—Итакъ, мы имѣемъ три простыхъ, основныхъ состоянія: ощущеніе и его идею, чувство, стремленіе. Перебирая и разбирая всѣ душевныя явленія, мы не можемъ уже отыскать еще какихъ-либо простыхъ и неразложимыхъ: всѣ они, при анализѣ, приводятъ насъ къ одному изъ этихъ состояній, къ двумъ изъ нихъ, или, какъ всего чаще, ко всѣмъ тремъ. Прилагая опять метафору, приложенную къ ощущеніямъ, мы можемъ теперь точнѣе сказать, что душа есть организованная ткань ощущеній, чувствованій и стремленій и ихъ идей въ самыхъ разнообразныхъ ихъ формахъ и отношеніяхъ. Надобно замѣтить при этомъ, что въ чистомъ видѣ, во всей своей первоначальной простотѣ и чистотѣ, какъ чистые элементы, эти состоянія не могутъ быть наблюдаемы. Въ дѣйствительности они всегда являются осложненными и выдѣляются только въ отвлеченіи, и въ этомъ случаѣ напоминаютъ собою атомы вещества, которые также недоступны прямому наблюденію.

Изъ ощущеній, ихъ идей, волненій и стремленій и ихъ идей, путемъ ихъ разнообразнѣйшихъ измѣненій — превращеній, сочетаній и т. п., получаются постепенно три въ высшей степени сложныхъ процесса—группы сложныхъ явленій, представляющихъ собою развѣтвленія душевной дѣятельности въ трехъ главныхъ направленіяхъ. Эти сложные процессы и группы такъ же тѣсно связаны между собою, какъ и описанныя ихъ основы—ощущенія, идеи, волненія и стремленія. Въ сущности они тоже суть моменты одного и того же процесса душевнаго, одного и того же постоянно совершающагося оборота или круговращенія и каждый предполагаетъ и заключаетъ въ себѣ оба другіе. Процессы эти—каждый имѣетъ свою опредѣленную цѣль и значеніе въ общемъ строѣ жизни, какъ, напр., процессы сложные—питанія, движенія и иннервацiи въ жизни организма. Одинъ изъ нихъ, имѣющій основу главнымъ образомъ въ идеяхъ и состоящій изъ разнообразнѣйшихъ комбинацій идей—какъ ощущеній, такъ стремленій и чувство-

ваній и всѣхъ внутреннихъ измѣненій, направляетъ къ перенесенію дѣйствительности, реальнаго бытія міра въ область души въ формѣ идеальной, идеальныхъ отображеній этой дѣйствительности во всевозможныхъ измѣненіяхъ и даетъ въ результатѣ то, что называется знаніемъ. Онъ называется умственною дѣятельностью, умственнымъ, интеллектуальнымъ процессомъ, также просто умомъ, интеллектомъ. Другой процессъ, имѣющій свою главную основу въ волненіи и состоящій изъ волненій, въ связи съ ихъ причинами, которыми они порождаются, и въ различныхъ комбинаціяхъ съ явленіями интеллектуальными, имѣетъ цѣлію всестороннюю непосредственную оцѣнку всего, съ чѣмъ только входитъ въ соотношеніе человѣкъ, всего, что онъ испытываетъ и переживаетъ, и даетъ въ результатѣ то, что называется счастьемъ и несчастьемъ, наслажденіемъ и страданіемъ жизни. Онъ называется сердечною дѣятельностью, сердечною жизнью, или—просто—сердцемъ. Третій, имѣющій свое главное основаніе и источникъ въ стремленіи, состоящій изъ разнообразнѣйшихъ формъ и превращеній этого состоянія въ связи съ интеллектуальнымъ и сердечнымъ процессомъ, имѣетъ цѣлію воздѣйствіе человѣка на внѣшній міръ и себя самого въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, какъ средство самосохраненія, путемъ преобразованія и подчиненія всего окружающаго и себя самого. Его результатомъ является то, что называется практическою дѣятельностію или просто дѣятельностію по преимуществу. Онъ называется процессомъ волевымъ, или просто волею. Такимъ образомъ, получаются два главныхъ класса душевныхъ явленій: *основныя, элементарныя состоянія*—ощущенія и идея, чувства и стремленія—*и ихъ сложныя формы*—умъ, познаніе, чувствованіе, сердце, воля, дѣятельность или дѣйствіе. Но, очевидно, сложные процессы—ума, сердца и воли уже самымъ своимъ существованіемъ, какъ сложные, предполагаютъ рядъ другихъ процессовъ, болѣе простыхъ, въ которыхъ и чрезъ которыхъ совершается это осложненіе и происходитъ постоянная ихъ организація. Эти процессы, которые можно назвать элементарными и основными процессами, дѣйствительно, существуютъ и могутъ

быть теперь же выдѣлены и опредѣлены. Прежде всего, ощущенія—идеи, волненія и стремленія опредѣляются въ душѣ путемъ взаимнаго ихъ соотношенія въ самыхъ различныхъ направленіяхъ, различаются другъ отъ друга. Процессъ этотъ затѣмъ возникаетъ въ связи съ каждымъ осложненіемъ основныхъ состояній и сопутствуетъ всѣмъ безъ исключенія душевнымъ состояніямъ, неизмѣнно входя въ ихъ составъ. Его принято называть сознаніемъ, или процессомъ сознанія, въ отличіе отъ сознанія, какъ основного свойства всего душевнаго. Затѣмъ ощущенія—идеи, волненія, стремленія входятъ между собою въ связи или сочетанія, болѣе или менѣе простыя и продолжительныя, образуя, такимъ образомъ, сложныя душевныя величины—состоянія. Этотъ процессъ сочетанія, опять, является неизмѣнно и постоянно въ каждой душевной дѣятельности, въ каждомъ явленіи и составляетъ сущность организаціи каждаго изъ сложныхъ состояній и слагающихся изъ нихъ процессовъ, въ-частности, процессовъ ума, чувства и воли. Онъ обыкновенно называется процессомъ ассоціаціи, или просто ассоціаціею, также ассоціаціею идей. Процессъ ассоціаціи совершается главнымъ образомъ при посредствѣ вызова настоящими состояніями прежде бывшихъ, что предполагаетъ ихъ сохраненіе въ душѣ. Процессъ вызова, также какъ и два предыдущіе, проходитъ черезъ всю душевную жизнь во всѣхъ ея видоизмѣненіяхъ. Онъ называется обыкновенно воспроизведеніемъ или репродукціею идей, или просто воспроизведеніемъ, и есть осуществленіе того, что называется памятью. Къ этимъ тремъ основнымъ процессамъ нужно прибавить еще, также обнимающій всю душевную жизнь, процессъ фиксаціи — остановки всякихъ состояній душевныхъ, причемъ увеличивается ихъ напряженіе и опредѣленность. Этотъ процессъ носитъ названіе вниманія, причемъ процессъ самаго увеличенія напряженія душевныхъ состояній называется воображеніемъ. Всѣ эти процессы, очевидно, составляютъ моменты одного и того же процесса, проходящаго черезъ всю душевную жизнь и служащаго организующею ихъ силою.—Такимъ образомъ, получается, рядомъ съ двумя описанными классами или группами душевныхъ явленій,—

третья, которую можно обозначить однимъ терминомъ—*основныхъ процессовъ*. Располагая всѣ ихъ въ естественный систематическій рядъ, мы получимъ: а) основныя состоянія, или основы—элементы душевной жизни; б) основные процессы, ихъ организующіе, и в) сложные процессы, черезъ нихъ постепенно образующіеся.

VII. Литература Психологіи.

Обзоръ и характеристика важнѣйшихъ сочиненій по Психологіи.— Психологическіе трактаты Платона и спеціальныя сочиненія Аристотеля. Психологія патристическаго періода. Схоластическая Психологія. Разработка ученія о душѣ въ эпоху возрожденія. Произведенія трехъ главныхъ направленій психологическихъ изслѣдованій въ періодъ новой философіи до конца XVIII вѣка. Психологія XIX вѣка—въ Германіи, Англіи, Франціи, Италіи. Русская Психологія [1]).

Научныя спеціальныя изслѣдованія души начинаются въ Греціи. Рядъ ихъ открывается потерянными произведеніями Демокрита: Περὶ ἀνθρώπου φύσεως; περὶ νοῦ; περὶ αἰσθησέων, которыми, вѣроятно, пользовался Аристотель. Первыми дошедшими до насъ произведеніями по Психологіи являются, потому, нѣкоторые изъ діалоговъ Платона, именно: Федонъ—трактатъ о безсмертіи души; отчасти—Тимей, въ которомъ, между прочимъ, говорится о происхожденіи души человѣческой; Федръ, гдѣ трактуется, между прочимъ, объ отношеніи души къ тѣлу и о частяхъ души; наконецъ, Тээтетъ, въ которомъ излагается теорія знанія. Значеніе психологической теоріи Платона, изложенной въ перечисленныхъ произведеніяхъ и нѣкоторыхъ другихъ, опредѣляется тѣмъ, что

---

[1]) Пособіями для обзора психологической литературы могутъ служить слѣд. произведенія: Geschichte der Psychologie, 1805, Carus'a, Geschichte der Psychologie, 1880, Siebeck'a; Историческій очеркъ Психологіи, Владиславлева (Псих., т. 1); Современныя направленія въ наукѣ о душѣ, его же; Нѣмецкая Психологія въ текущемъ столѣтіи, Троицкаго; Психологія чувствованій, Грота; La psychologie anglaise contemporain (перев. на русск. яз.); La psychologie allemande, Рибо.

онъ, вслѣдъ за Сократомъ, рѣзко отдѣлилъ душу отъ тѣла и свое вниманіе главнымъ образомъ сосредоточилъ на природѣ души и на ея высшихъ свойствахъ и дѣйствіяхъ. Относительно самаго изслѣдованія явленій имъ сдѣлано немного и притомъ мимоходомъ: дана классификація душевныхъ явленій, напоминающая пиѳагорейскую, установлено различіе между ощущеніемъ, представленіемъ и понятіемъ, дана общая теорія удовольствія и страданія, нѣкоторыхъ явленій воли—и только. Первымъ, дѣйствительно, спеціальнымъ психологическимъ сочиненіемъ, первою системою Психологіи, въ которой сосредоточено особенное вниманіе на явленіяхъ души, является произведеніе Аристотеля Περὶ ψυχῆς ἱστόρια. Въ немъ Психологія получаетъ начало, какъ особая спеціальная отрасль знанія. Сочиненіе это принадлежитъ къ важнѣйшимъ произведеніямъ древности и, послѣ Аналитики, къ лучшимъ произведеніямъ Аристотеля. Въ немъ данъ общій систематическій очеркъ науки о душѣ, какъ бы планъ ея, кратко опредѣляется значеніе этой науки и положеніе среди другихъ, устанавливается въ общихъ чертахъ ея методъ; излагается исторія ученія о душѣ до Аристотеля; предлагается опредѣленіе души, какъ формы и первой энтелехіи живого тѣла;—классификація душевныхъ явленій, на основаніи наблюденія надъ формами душевной жизни въ природѣ, начиная съ растеній, и затѣмъ описаніе и объясненіе каждаго класса явленій, какъ проявленія силъ души, именно—силы растительной, ощущающей, въ связи съ воображеніемъ и представленіемъ, желающей, двигающей тѣло, мыслящей. Около этого главнаго трактата группируются, какъ его дополненіе и дальнѣйшее развитіе, мелкія произведенія физіолого-психологическаго содержанія,—такъ называемыя parva naturalia: Περὶ αἰσθησέων καὶ αἰσθητῶν; Περὶ μνήμη καὶ ἀναμνησεως и другія. Если присоединить къ этому психологическія данныя изъ другихъ произведеній Аристотеля, сообенно изъ его Organon'a, этики и реторики, то получится созданная однимъ мыслителемъ широкая и стройная система психологіи, которая была до XVII вѣка единственнымъ почти источникомъ знаній о душѣ и положила печать на все послѣдующее

развитіе науки, хотя съ самаго начала была искажена невѣжественными толкованіями и дополненіями.

Послѣ Аристотеля изслѣдованія души въ классическомъ мірѣ остановились. Психологія стоиковъ и эпикурейцевъ была шагомъ назадъ къ до-Сократовскимъ воззрѣніямъ и сравнительно съ теоріею Платона, особенно же Аристотеля, представляетъ нѣчто въ высшей степени грубое и даже ребяческое (у Лукреція). Во II вѣкѣ психологическія изслѣдованія воскресаютъ въ формѣ комментаріевъ Александра Аѳродисскаго на сочиненія Аристотеля; затѣмъ въ I вѣкѣ, въ видѣ сліянія платоновскаго ученія о природѣ души съ Психологіею Аристотеля въ Неоплатонизмѣ, особенно у Плотина. Спеціальныя произведенія по Психологіи затѣмъ возникаютъ уже въ христіанскомъ мірѣ, у отцовъ церкви Произведенія эти слѣдующія: Григорія Нисскаго—Περὶ ἀνθρώπου κατασκέβης. Августина—De anima; — Немезія—Περὶ ἀνθρώπου φύσεως, Августина—De anima et ejus origine.

Психологія первыхъ вѣковъ христіанства, такъ называемаго патристическаго періода, была соединеніемъ умозрительной психологіи Платона съ теоріею Аристотеля, какъ и неоплатоническая, и развилась въ значительной зависимости отъ послѣдней, съ прибавкою нѣкоторыхъ христіанскихъ идей, въ родѣ ученія о мірѣ духовъ, о поврежденіи человѣческой природы грѣхомъ, объ образѣ Божіемъ въ человѣкѣ и т. п. Изъ психологіи отцовъ церкви, подъ непосредственнымъ вліяніемъ психологическихъ сочиненій Аристотеля, особенно въ теченіе XIII и XIV вѣковъ, сформировался особенный типъ науки о душѣ, извѣстный подъ именемъ схоластическаго, господствовавшій въ основныхъ своихъ чертахъ въ Европѣ до начала текущаго столѣтія, подвергаясь незначительнымъ видоизмѣненіямъ, дополненіямъ и поправкамъ. Эта психологія сохранилась до настоящаго времени въ богословскихъ системахъ, особенно католическихъ, и недавно еще рекомендована папою, какъ идеалъ науки о душѣ. Черезъ посредство теологіи она имѣла глубокое вліяніе на обыденное представленіе о душѣ и ея жизни, вкоренилась въ языки всѣхъ христіанскихъ народовъ и въ этомъ

видѣ сохраняется доселѣ: въ разговорахъ о душѣ и даже въ литературныхъ произведеніяхъ употребляются постоянно понятія и термины схоластическіе, напр. разсудокъ, разумъ, воля, свобода воли, въ схоластическомъ смыслѣ—особыхъ агентовъ, или силъ души. Психологія схоластическая, называвшаяся тогда наукою о душѣ, была очень стройною и подробно развитою искусственною системою. Душа — по ней — есть духъ, соединенный съ тѣломъ (въ отличіе отъ духовъ безтѣлесныхъ — ангеловъ и демоновъ); безсмертна и разумна (въ отличіе отъ души животныхъ); по своей природѣ она обладаетъ нѣсколькими способностями или силами, низшими и высшими, при посредствѣ и помощи которыхъ, какъ своихъ орудій, сносится съ міромъ внѣшнимъ, созерцаетъ міръ духовный, познаетъ и дѣйствуетъ. Все объясненіе явленій душевныхъ въ схоластической психологіи состоитъ въ томъ, что каждое изъ нихъ пріурочивается къ какой нибудь изъ силъ души и представляется какъ продуктъ ея дѣятельности. При этомъ сложныя явленія объясняются дѣятельностью нѣсколькихъ силъ; напр , познавательный процессъ описывается приблизительно такъ: душа воспринимаетъ впечатлѣнія изъ внѣшняго міра при помощи ощущающей силы; эти воспріятія получаютъ форму образовъ—species—дѣятельностью воображенія,—образы берутся и хранятся силою памяти, сравниваются между собою силою разсудка и наконецъ объясняются при посредствѣ идей разума, который получаетъ прямо впечатлѣнія изъ міра сущностей. Сдѣлавшись стройною системою, схоластическая психологія заняла опредѣленное мѣсто въ системѣ схоластической философіи, которая состояла изъ онтологіи—ученія о сущностяхъ, теологіи—ученія о Богѣ, пневматологіи—ученія о мірѣ духовномъ—и космологіи. Психологія, какъ ученіе о воплощенномъ духѣ, естественно стала частью пневматологіи, которая и раздѣляется на ангелографію и психологію. Произведенія, въ которыхъ излагается и развивается эта система, заслуживаютъ вниманія, благодаря тому вліянію схоластической психологіи, какое сохранилось доселѣ и съ которымъ доселѣ изслѣдователямъ души приходится бороться и весьма серьезно.

Важнѣйшія изъ нихъ суть: Альберта Великаго—De natura ac immortalitate animae; Ѳомы Аквинскаго—Commentaria de anima и трактатъ въ summa Theologiae; Гуго-Сенъ-Виктора—De anima libri quatuor.

Съ XV по XVII вѣкъ, въ эпоху такъ называемаго возрожденія, въ разработкѣ науки о душѣ приняли участіе медики-естествоиспытатели того времени, алхимики и т. п. Они внесли въ нее физіологическіе элементы и создали знаменитое ученіе о spiritus vitalis, какъ посредникѣ между душею и чувственнымъ міромъ, образующихся изъ крови и движущихся въ мозгѣ по особымъ трубочкамъ, какими тогда представлялись нервы. Кромѣ того, въ это время у Кардана, Парацельза, Боэргава явилось ученіе о душевномъ тѣлѣ, состоящемъ изъ тонкой невѣсомой жидкости. Ученіе это въ концѣ прошлаго вѣка выродилось въ месмеризмъ и усвоено современнымъ спиритизмомъ. Перечень произведеній по психологіи за этотъ періодъ находится у Каруса. Изъ нихъ заслуживаютъ вниманія произведенія: Gochlenius'a—ψυχολόγια, hoc est de hominis perfectione, anima et imprimis ortu (1594); Otto Casman'a—Psychologia anthropologica, sive animae humanae doctrina,— больше потому, что у нихъ наука названа въ первый разъ тѣмъ именемъ, которое остается за нею доселѣ.

Въ XVII в. начинается періодъ такъ называемой новой философіи реформаторскими попытками въ области философіи и всего знанія человѣческаго въ трудахъ француза Декарта и англичанина Бэкона. Наука о душѣ одна изъ первыхъ подверглась измѣненію и переработкѣ, которая развивалась до конца XVIII вѣка въ трехъ главныхъ направленіяхъ. Изъ нихъ одно можно назвать спиритуализмомъ, такъ какъ въ немъ главнымъ образомъ разработывалось ученіе о природѣ духа; другое обыкновенно называется сенсуализмомъ и феноменализмомъ потому, что стремилось объяснить всю душевную жизнь изъ ощущеній (sensus), отрицая самую возможность познать природу души; третье, наконецъ, представляетъ попытки примиренія двухъ этихъ крайнихъ направленій и извѣстно подъ именемъ психологіи шотландской школы.

Во главѣ перваго направленія стоитъ самъ Декартъ. Сущность его состоитъ въ рѣзкомъ раздѣленіи души и тѣла или духа и матеріи и въ отрицаніи всякаго между ними взаимнодѣйствія, всякаго прямого ихъ вліянія другъ на друга, вліянія, которое въ древности и въ періодъ схоластики предполагалось какъ нѣчто очевидное и само собою понятное, подъ именемъ influxus physicus. Духъ есть чистое мышленіе, матерія—чистое протяженіе и взаимнодѣйствія между ними нѣтъ; оно есть результатъ такъ называемой предуставленной гармоніи, въ силу которой измѣненія въ тѣлѣ сопутствуются измѣненіями въ духѣ, и наоборотъ, не вызываютъ другъ друга, а вызываются по поводу другъ друга въ силу самаго устройства человѣческой природы. При этомъ Декартъ въ животныхъ отрицалъ существованіе души и признавалъ ихъ просто машинами. Такое раздѣленіе духовнаго и тѣлеснаго способствовало развитію отдѣльной науки о жизни тѣлесной, независимо отъ психологіи, съ которою она сливалась досель, и наука эта подъ именемъ Физіологіи, дѣйствительно, быстро начала развиваться послѣ открытія Гарвеемъ кровообращенія и Галлеромъ раздражительности нервовъ ткани. Но психологія отъ этого мало выиграла у изслѣдователей-спиритуалистовъ. Она осталась существенно схоластическою и въ цѣломъ и въ подробностяхъ, хотя отдѣлилась отъ ангелографіи. Измѣненія были произведены самыя ничтожныя и несущественныя и притомъ почти исключительно въ области ученія о чувствованіяхъ, или сердечной жизни, такъ что психологію этого направленія можно назвать новосхоластическою.—Главныя произведенія этого направленія слѣдующія: Декарта — Tractatus de homine et formatione factus; De passionibus animae; Спинозы—De origine et natura affectuum, составляющее третью часть его Этики и переведенное на русскій языкъ; Лейбница—Meditationes de cognitione, veritate et ideis; Nouveaux essais sur l'entendement humain (1716); Хр. Вольфа—Psychologia empirica 1732; Psychologia rationalis. Сюда же нужно отнести произведенія по Антропологіи, которыхъ въ разсматриваемое время появилось довольно много и которыя представляютъ механическое соединеніе

анатоміи, физіологіи и психологіи. Съ произведеніями этого рода всего легче познакомиться по сочиненію Schultze—Psychologische Antropologie (1876). которое существуетъ на русскомъ языкѣ. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ спеціальныхъ трактатовъ о чувствованіяхъ, перечень которыхъ и характеристика есть въ сочиненіи Грота „Психологія чувствованій".

Исходнымъ пунктомъ второго направленія психологіи—сенсуализма—служитъ мысль Бэкона, что душевную жизнь нужно изслѣдовать такъ же точно, какъ изслѣдуется жизнь физической природы, т. е. путемъ опыта и наблюденія. Психологія этого направленія не имѣетъ ничего общаго съ схоластическою, отбрасываетъ ее цѣликомъ, какъ пустой наборъ словъ, и служитъ основою современной науки о душѣ. Она не отрицаетъ бытія души, предполагаетъ ее неизвѣстною величиною, въ которой нѣтъ никакихъ особенныхъ силъ до прикосновенія ея съ внѣшнимъ міромъ черезъ ощущенія (tabula rasa). Она слѣдитъ за тѣмъ, какъ изъ ощущеній постепенно образуются идеи, изъ нихъ — сочетанія ихъ — мысли, чувства, желанія, а съ ними вмѣстѣ возникаетъ и то, что схоластики называютъ силами и способностями души, которыя до явленій и внѣ явленій не существуютъ и невообразимы.—Главныя произведенія этого направленія слѣдующія: Гоббса — On the natur of man (О природѣ человѣка), 1650; De homine, imprimis de visione et anima, 1655; Elementa philosophica de homine, 1656; Локка— Essay concerving human understanding, 1684, существующее на русскомъ языкѣ въ устарѣвшемъ переводѣ, подъ заглавіемъ: „Опытъ о человѣческомъ разумѣніи"; Кондильяка — Essai sur l'origine des connaisances humaines, 1746 (Опытъ о началѣ человѣческихъ знаній); Traitè des sensations, 1754. (Изслѣдованіе ощущеній). Давида Юма — Treatise on human natur, 1738 (Трактатъ о человѣческой природѣ). Inguiry concerning human understanding, 1740 (Изслѣдованія о человѣческомъ умѣ). A dissertation, on the passions, 1751. Сюда же нужно отнести произведенія основателя всеобщаго идеализма или феноменализма, Берклея, утверждавшаго, что несомнѣнно существуютъ

только наши ощущенія и идеи. Эти произведенія суть: Theory of vision, 1709 (Теорія зрительныхъ воспріятій); Treatise on the principles of human knowlege, 1710 (Трактатъ объ основахъ человѣческаго знанія).

Психологія третьяго изъ указанныхъ направленій, разработываемая шотландскими философами и называемая, потому, Психологіей шотландской школы, признаетъ душу особымъ дѣятелемъ, одареннымъ отъ природы спеціальными силами, но считаетъ необходимымъ сосредоточить изслѣдованіе на явленіяхъ ея и ихъ законахъ, не углубляясь въ непосредственное изученіе ея сущности. При этомъ она требуетъ приложенія здѣсь особаго метода, основаннаго на внутреннемъ наблюденіи явленій душевныхъ и ихъ зависимости между собою. Главная заслуга представителей этой школы и состоитъ въ созданіи теоріи субъективнаго метода и первыхъ сознательныхъ опытахъ его приложенія къ изслѣдованію въ душевной жизни.—Важнѣйшія произведенія этого направленія слѣдующія: Томаса Рида—Inguiry into the human mind, 1764; On the intellectual powers of man, 1785. On the archive powers of man. 1788; Essay's of the powers of the human mind, 1803; Стюарта—Elements of the phylosophy of the human mind, 1792; Philosophical assays; Томаса Броуна — Lectures on the philosophy of the human mind, 1820.

Кромѣ этихъ трехъ главныхъ направленій, въ описываемый періодъ является и къ концу XVIII вѣка достигаетъ широкаго распространенія во всей Европѣ чистый матеріализмъ, который былъ произвольнымъ метафизическимъ построеніемъ и достигъ крайнихъ своихъ предѣловъ у французскихъ энциклопедистовъ. Изъ произведеній этого направленія заслуживаютъ вниманія, по цѣнности находящихся въ нихъ чисто психологическихъ наблюденій и соображеній, слѣдующія: Гертлея — Observations on man his fraim, his duty and his expectations, 1749. Pristley, — Theory of human mind, 1735; Кабаниса, Les rapports du phisique et du moral de l'homme, 1802 (перевед. на русскій языкъ Бибиковымъ).

Обзоръ психологическихъ произведеній въ текущемъ столѣтіи до настоящаго времени, вслѣдствіе смѣшенія всевозможныхъ направленій, ихъ многочисленности и трудности естественнаго ихъ объединенія, всего удобнѣе сдѣлать по народностямъ, принявшимъ дѣятельное участіе въ разработкѣ науки вообще и въ частности психологіи. Потому мы распредѣляемъ всѣ произведенія психологическія на слѣдующія группы: Психологія въ Германіи, Психологія въ Англіи, Психологія во Франціи и Италіи, Психологія въ Россіи.

Во главѣ философскаго движенія, всегда сосредоточивающагося такъ или иначе около психологическихъ вопросовъ, стоитъ знаменитый Кантъ, авторъ критики чистаго разума, мало занимавшійся спеціально психологіею, но имѣвшій большое вліяніе на постановку этой науки, которую онъ выдѣлилъ изъ философіи въ собственномъ смыслѣ, какъ самостоятельную отрасль знанія, которая примыкаетъ къ естествознанію и, какъ это послѣднее, имѣетъ практическій, а не чисто теоретическій интересъ. Онъ отрицаетъ возможность познанія природы духа и считаетъ раціональную психологію невозможною, разрывая, такимъ образомъ, связь съ схоластическою психологіею, достигшею полнаго своего развитія у Вольфа. Но схоластическое раздѣленіе души по силамъ и способностямъ остается у него во всей неприкосновенности и содержаніе его психологіи, какъ и психологіи его послѣдователей ближайшихъ, мало разнится въ сущности отъ Лейбнице-вольфіанскаго. Спеціально психологическія произведенія Канта слѣдующія: Antropologie in pragmatischer Hinsicht abgefasst; Macht der Gemüths. Изъ произведеній ближайшихъ его послѣдователей, по богатству и тонкости психологическихъ наблюденій, заслуживаютъ вниманія произведенія: Фриза — Handbuch der psychischen Antropologie; Neue oder antropologische Kritik der Vernunft; Каруса — Psychologie, 1808; Аппеля — Antropologie, 1856 и др.

Философія Канта вызвала широкое движеніе въ области мысли, извѣстное подъ именемъ нѣмецкаго идеализма и выразившееся въ трехъ главныхъ формахъ или системахъ идеализма—

системѣ Шеллинга, Гегеля и Шопенгауера. Каждая изъ этихъ системъ дала начало особому типу психологіи Такимъ образомъ, въ Германіи постепенно явились—психологія школы Шеллинга, Гегеля и Шопенгауера, каждая съ своимъ особеннымъ характеромъ. Психологія Шеллинга отличается мистическимъ характеромъ,—въ ней душа человѣческая всегда представляется одновременно живущею въ двухъ сферахъ: духовной, или мірѣ духовъ, съ которыми общеніе совершается въ безсознательной формѣ, особенно во время сна, также въ формѣ такъ называемыхъ таинственныхъ явленій жизни человѣческаго духа, видѣніяхъ, предчувствіяхъ, явленіяхъ естественнаго и искусственнаго сомнамбулизма и т. п.; общеніе съ міромъ чувственнымъ выражается въ обыкновенныхъ сознательныхъ формахъ, воспріятіи, мышленіи и т. д. Первая сфера называется ночною сферою или областію; вторая — дневною, и первая считается выше, глубже и важнѣе послѣдней. Психологи этого направленія обогатили литературу сборниками пророческихъ и чудесныхъ вообще сновидѣній, разсказовъ о духовидѣніяхъ, предчувствіяхъ; занимались изслѣдованіемъ явленій животнаго магнетизма, гипнотизма, были большею частію магнетизерами и весьма много способствовали развитію и распространенію спиритизма. Лучшими произведеніями этой школы являются: G. Carus'a—Vorlesungen uber die Psychologie, 1831; Psyche—Zur Entwickelungeschichte der Seele, 1846; Klenke, Grundriss der Antropologie; особенно же Schubert'a—Geschichte der Seele, 1830 и 1850 2 Aufl. Лучшимъ сборникомъ таинственныхъ явленій высшей сферы служитъ обширное произведеніе Perty — Die mystische Erscheinungen der menschlichen Natur, 1852. Произведенія эти имѣютъ значеніе и интересъ доселѣ, и всѣ, при нѣкоторой туманности и высокопарности, отличаются богатствомъ и разнообразіемъ содержанія. Совсѣмъ иной характеръ имѣетъ психологія гегеліанская. Она есть искусственное построеніе, не обращаетъ вниманія на факты и искажаетъ весь ходъ душевной жизни. въ угоду предзанятому взгляду на весь міровой процессъ жизни. Душа есть, по Гегелю, моментъ въ развитіи абсолютной идеи, есть субъективный духъ,

который въ религіи, исторіи, обществѣ становится объективнымъ духомъ. До какой степени искусственно и насильственно здѣсь соединяются факты душевной жизни можно видѣть изъ того, напр., что сумасшествіе становится моментомъ въ развитіи духа и какъ бы необходимостью. Совершенно безполезныя для науки произведенія этой литературы суть: Гегеля — 2 часть энциклопедіи Phenomenologie des Geistes — о субъективномъ духѣ, переведенное на русскій языкъ; Rosenkranz — Psychologie, oder die Wissenschaft von subjectiven Geiste, 1837; Erdmann, — Leib und Seele, 1837, и Grundriss der Psychologie, 1840; Psychologische Briefe, 1854; Mischelet — Antropologie und Psychologie, oder die Wissenschaft von subjectiven Geiste, 1840. — Шопенгауеръ въ основу мірового процесса кладетъ безсознательную волю и всю душевную жизнь производитъ изъ возбужденія къ дѣятельности. Философія эта возобновлена и получила большое распространеніе подъ именемъ „философіи безсознательнаго“ въ трудахъ Гартмана. Психологія съ точки зрѣнія Шопенгауера обработана спеціально въ произведеніи Fortlage—System der Psychologie.

Рядомъ и почти одновременно съ общими системами идеализма, въ которомъ психологія не только получаетъ особый характеръ, но и отступаетъ на второй планъ,—въ Германіи возникаютъ двѣ школы, дѣлающія изученіе души главнымъ своимъ предметомъ. Это школы Гербарта и Бенеке. Гербартъ выходитъ изъ метафизическаго ученія о душѣ, какъ простой сущности или реальности; ея основное отправленіе есть представленіе—Vorstellung. Изъ этой основной дѣятельности, путемъ разнаго рода сочетаній и соотношеній развивается вся душевная жизнь и всѣ такъ называемыя способности или силы души. При этомъ ходъ, развитіе и соотношеніе явленій душевной жизни подчиняются, по Гербарту, такимъ же строгимъ законамъ, какъ явленія въ области физики, механическія. Потому, Гербартъ раздѣляетъ психологію на статику и динамику и дѣлаетъ серьезную попытку опредѣлить и выразить законы духовной жизни въ математическихъ формахъ. Главныя произведенія психологическія Гербарта суть: Lehrbuch der Psy-

chologie, 1816; Psychologie, als Wissenschaft, 1824—25. Изъ произведеній многочисленныхъ послѣдователей Гербарта заслуживаютъ вниманія: Drobisch'a—Empirische Psychologie nach naturwissenschafte Methode; Erste Grundlage der mathematischen Psychologie, 1850; Waitz'a—Grundlegung der Psychologie, 1846; Lehrbuch der Psychologie, als Naturwissenschaft, 1849; Volkmann'a—Die Lehre von Elementen der Psychologie, als Wissenschaft, 1850; Grundriss der Psychologie, 1856; Ritter'a—Lehrbuch der Psychologie.—Психологія Бенеке выходитъ изъ метафизическаго предположенія множества силъ въ душѣ—первичныхъ силъ, изъ которыхъ подъ вліяніемъ опыта слагается душевная субстанція и всѣ явленія душевныя. Если, по Гербарту, душевная жизнь имѣетъ характеръ механическій, то у Бенеке всѣ душевныя состоянія и измѣненія мыслятся какъ химическіе процессы сліянія и раздѣленія и т. п. Главныя произведенія этого направленія: Бенеке—Lehrbuch der Psychologie, als Naturwissenschaft, 1835; Die neue Psychologie, 1843; Pragmatische Psychologie, 1850. Изъ сочиненій послѣдователей Бенеке заслуживаютъ вниманія: Dressler'a—Beneke, oder die Seelenlehre, als Naturwissenschaft, 1865; Rau—Die neue Seelenlehre Beneke's, 1871.

Нѣмецкій идеализмъ у послѣдователей Гегеля и Шопенгауера прямо переходитъ въ матеріализмъ путемъ простой подстановки вмѣсто абсолютной идеи—вѣчной матеріи. Движеніе, вызванное этимъ превращеніемъ, было очень сильно, отразилось во всей Европѣ, но скоро ослабѣло и выродилось въ другія формы. Главными выразителями этого философскаго матеріализма въ психологіи служатъ: *Karl Vogt*, Cohlergelante und Wissenschaft Briefen 1847; Vorlesungen uber den Menschen; *Büchner*—Kraft und Stoff, 1856; Natur und Geist, 1857; Physiologische Bilder, 1861; Die Stellung des Menschen in der Natur, 1869; Moleschott—Der Kreislauf des Lebens, 1852; Die Einheit des Lebens; Czolbe—Erstehung des Selbst.

Какъ естественное слѣдствіе такого превращенія, въ Германіи явилась Психологія эклектическая, съ преобладаніемъ спиритуализма, и полемика противъ матеріализма. Главными представителями этого направленія являются: Fichte-junior (Antropologie, 1856;

Psychologie, 1861) Ulrici, Leib und Seele, 1866 (перев. на русскій языкъ).

Наконецъ, подъ вліяніемъ развитія физіологіи и усвоенія идеи Канта, что психологія есть наука естественная, возникъ цѣлый рядъ попытокъ приложенія къ психологіи экспериментальнаго физіологическаго метода и изслѣдованія душевныхъ явленій и имъ предшествующихъ физіологическихъ. При этомъ по отношенію къ природѣ души изслѣдователи этого направленія усвоили взглядъ англійскихъ сенсуалистовъ и создали такимъ образомъ „Психофизику". Главныя произведенія этого типа суть: Lotze — Medicinische Psychologie,oder Psychologie der Seele, 1852; Mikrokosmos, Versuch einer Antropologie, 1856—1864,—переведено Коршемъ; Fechner'a—Elemente der Psychophysik, 1860; Wundt'a—Vorlesungen uber Mensch- und Thierseele 1863 (пер. на р. яз.); Beitrage zur Theorie des Sinneswahrnemung, 1862; Physiologische Psychologie, 1872 (пер. на р. яз.); Adolf Horwiz'a—Psychologische Analysen auf Physiologischen Grundlage, 1872—1879.

Изъ представленнаго краткаго обзора психологической литературы въ Германіи въ текущемъ столѣтіи видно, что она очень богата и разнообразна. Но при этомъ большая часть произведеній, ее составляющихъ, уже сдѣлалась достояніемъ археологіи науки. Таковы всѣ почти произведенія школы Канта, всѣ безъ исключенія произведенія школы Гегеля, также Шеллинга и Шопенгауера, школы крайняго матеріализма. Остаются имѣющими цѣнность психологическія изслѣдованія послѣдователей Гербарта и Бенеке и физіолого-психологическія или психофизическія работы Лотце, Вундта, Фехнера, Горвица, къ которымъ нужно причислить и изслѣдованія спеціалиста-физіолога Гельмгольца—въ Physiologische Physik, часть которой (Physiologische Acustik) переведена на русскій языкъ. Теорія ощущеній и внѣшняго воспріятія доведена въ Германіи до такой высокой степени, что здѣсь явилась возможность обширныхъ спеціальныхъ изслѣдованій по частнымъ вопросамъ и положено начало литературѣ монографій. Таковы слѣдующія, напр., произведенія: Stumpf'a, Über den psychologischen

Ursprung der Raum Forschungen (1873), и Vurordt'a,—Zeitsinn nach Versuchen, 1868, и др. Не менѣе богата и разнообразна психологическая литература въ Англіи, съ тѣмъ, при этомъ, различіемъ, что анализъ собственно душевныхъ явленій, на основаніи внутренняго наблюденія, здѣсь стоитъ несравненно выше, чѣмъ въ Германіи. Въ этомъ отношеніи психологическія произведенія англійскія текущаго столѣтія служатъ прямымъ продолженіемъ психологіи, основанной Локкомъ и шотландскою школою. Богатство наблюденій надъ фактами душевной жизни, тонкость анализа самыхъ сложныхъ процессовъ, отсутствіе предзанятыхъ философскихъ воззрѣній и широкихъ обобщеній, простота и наглядность объясненій,—все это дѣлаетъ англійскія произведенія первыми въ мірѣ и лучшими. Выдающіяся произведенія этого типа: Jems Mill'я — Analysis of Mind, 1829 (новое изданіе 1869 съ весьма цѣнными примѣчаніями, которыя сдѣланы сыномъ автора, знаменитымъ Д. С. Миллемъ, и не менѣе извѣстнымъ Бэномъ). Bain'a—The senses and the intellect; The emotions and the will, 1855 — 59; Mental sciense, a compendium of Psychologie (перев. на рус. яз.); Mind and Body (перев. на р. яз.). Физіологическое изслѣдованіе душевныхъ явленій также имѣетъ здѣсь видныхъ представителей. Сюда относятся произведенія· Лейкока—О рефлекторномъ дѣйствіи мозга, 1840 г.; Mind and Brain, 1860; Объ органическихъ растройствахъ памяти, 1874; Карпентера,—Principles of mental physiology, 1874; Maudsly,—The Physiology and Pathologie of mind, 1879 (перев. на русскій языкъ); Body and mind и др. Кромѣ этого, въ Англіи положено начало совершенно новому направленію и типу психологіи, а именно: къ объясненію душевной жизни приложена теорія эволюціи, извѣстная подъ именемъ Дарвина. Сюда относятся произведенія: Darwin'a—Происхожденіе человѣка и половой подборъ; О выраженіи чувствованій; Spenser'a—Principles of Psychologie, 1855—60, Основанія соціологіи; Основанія науки о нравственности и др. Lewes'a—Problems of Lif and Mind, особенно третья часть—The study of Psychology, its object, scope and method.—Есть также немало произведеній съ метафизическими тенденціями, идеалистиче-

скими и спиритуалистическими, или схоластическими—типа Лейбнице-вольфіанскаго, а также вызванныхъ вліяніемъ нѣмецкой философіи, особенно Канта; къ послѣднимъ относится произведеніе Гамильтона—Lectures on metaphysik I, II (Psychology).

Франція въ текущемъ столѣтіи не сдѣлала никакого самостоятельнаго вклада въ науку о душѣ, какъ она мало сдѣлала и въ предыдущіе вѣка. Большая часть произведеній французскихъ, даже новыхъ, отличается поразительной отсталостью и стоитъ на точкѣ зрѣнія Лейбнице-вольфіанской. Таковы, напр.: Ahrens,—Cours de Psychologie, 1836—38; Tiberghien,—La science de l'ame, 1849,—не говоря уже о произведеніяхъ Дажирона, Тиссо и др. Въ самомъ началѣ вѣка здѣсь была даже попытка возстановить Психологію Ѳ. Аквината и Августина въ такъ называемой богословской школѣ, къ которой принадлежатъ извѣстные Bonald, de-Maistre, Lamannas и др. Въ настоящее время изъ психологовъ-философовъ стараго направленія вышли дѣльные критики матеріализма и эволюціонизма, какъ авторъ сочиненія—Le materialisme contemporaine 1864 (Мозгъ и мысль); Caro—Le materialisme et la science и др. Лучшіе изъ психологовъ французскихъ были подражатели Изъ нихъ извѣстны послѣдователи шотландской школы—Ларошизеръ, Мэнъ-де-Биронъ, Жуффруа—въ началѣ вѣка. Въ настоящее время пользуются извѣстностью: Тэнъ, авторъ блистательной компиляціи изъ всѣхъ лучшихъ произведеній новѣйшихъ—De l'intelligence, переведенной на русскій языкъ, и Рибо, авторъ произведеній: „Англійская современная Психологія", „Нѣмецкая современная Психологія", „Болѣзни памяти" и др. Больше оригинальности и самостоятельности обнаружили французы при изслѣдованіи нѣкоторыхъ частныхъ сторонъ душевной жизни. Болѣе замѣчательныя произведенія въ этомъ родѣ:—Dumont'a, Théorie scientifique de la sensibilité, 1875; Boinillier'a,—Du plaisir et de la douleur, 1877; Letourneur,—Physiologie des passions, 1868; Maillet'a,—De l'essence des passion, 1877. Матеріализмъ и матеріалистическая психологія въ описываемое время нашли защитника во Франціи въ знаменитомъ основателѣ „позитивизма", Контѣ, который называетъ

психологію просто „физіологіею мозга", но дальше общихъ мѣстъ и тожества души и жизни физической не идетъ. Къ произведеніямъ по физіологіи души можно отнести произведеніе Флуранса,—Psychologie compareé, 1865.

Въ Италіи для психологіи сдѣлано еще менѣе, чѣмъ во Франціи, хотя философія вообще разработывалась здѣсь довольно усердно, подъ прямымъ вліяніемъ, впрочемъ, нѣмецкой. Изъ психологическихъ сочиненій итальянскихъ, заслуживающихъ вниманія, можно указать только на произведеніе Донателли,—Storia naturale delle operationi dell'anima umana, 1870, которое составлено для юношей и напоминаетъ по цѣли одно нѣмецкое произведеніе Катре—Kleine Psychologie für Kinder, переведенное на русскій языкъ; по методу изложенія—программа психологіи; Mantegarza—Fisiologia del piacere, 1877. Изъ болѣе раннихъ можно указать Росмани, который въ своей психологіи развивалъ идеи Канта и Флоренца, послѣдователя гегельянской философіи и психологіи.

Въ заключеніе обще-европейской литературы психологіи нужно упомянуть три періодическія изданія, въ которыхъ весьма видное мѣсто дано разработкѣ психологическихъ вопросовъ,—это: Mind, a quarterly review of Psychology and Phylosophy; Vierteljahrschrift für wissenschaftliche Philosophie; Revue philosophique.

На Русской психологіи мы остановимся нѣсколько подробнѣе и представимъ родъ историческаго очерка ея съ самаго начала. Первыя научныя свѣдѣнія по психологіи русскіе заимствовали изъ сочиненія Дамаскина, въ переводѣ Іоанна, экзарха Болгарскаго, и Никифора-грека—„О постѣ и воздержаніи". Эти свѣдѣнія ограничиваются платоновскимъ дѣленіемъ души на три силы—умное, яростное, похотливое,—и другими знаніями въ томъ же родѣ. Въ XVII вѣкѣ въ кіевской коллегіи, потомъ академіи, вводится Аристотелевская психологія, вмѣстѣ съ физикою (курсъ Георгія Конисскаго, 1749 г.), затѣмъ Лейбнице-вольфіанская, по Баумейстеру и Винлеру. Въ московскомъ университетѣ, съ 1755 г.—основанія его, философія и психологія тоже преподаются по Лейбнице-вольфіанскимъ руководствамъ. Въ началѣ текущаго столѣтія въ Россію

проникаютъ идеи Шеллинга, и является въ 1834 г. первое оригинальное русское произведеніе по психологіи, въ духѣ шеллинговой школы—Галича—„Картина человѣка—опытъ наставительнаго чтенія для всѣхъ образованныхъ сословій". Но скоро такое направленіе философіи было признано вреднымъ и опять оффиціально введена философія и психологія Лейбнице-вольфіанская. При этомъ она подверглась, подъ вліяніемъ богословія, нѣкоторой переработкѣ и дополненію идеями шеллинговой психологіи, почти неоплатоническими идеями. Въ такой оригинальной формѣ психологія является въ произведеніи проф. кіевскаго университета, Ѳ. Новицкаго, „Психологія", 1846 г., и въ сочиненіи Кедрова, „Курсъ психологіи", 1844 г Въ 1850 г. каѳедра философіи въ университетѣ закрыта, и преподаваніе психологіи передано проф. богословія. Лучшему изъ нихъ, Архимандриту Гавріилу Какоды, принадлежитъ сочиненіе „Основанія опытной психологіи", составленное по Кленке. Психологія осталась въ высшихъ и среднихъ богословскихъ школахъ и здѣсь преподавалась по Новицкому и Кедрову Но скоро сюда проникли идеи школы Гербарта и Бенеке. Подъ вліяніемъ ихъ явилось учебное руководство Чистовича—„Курсъ опытной психологіи". Съ возстановленіемъ около этого времени каѳедры философіи въ университетѣ и съ дарованіемъ нѣкоторой свободы философской мысли, являются постепенно переводы лучшихъ нѣмецкихъ психологическихъ произведеній,—таковы: Бенеке, Дресслера—„Основы психологіи и логики по Бенеке" 1871 г., Вундта, Ульрици, Лотце, Тэна, Спенсера, Бэна, Льюиса, Рибо и друг. Съ тѣмъ вмѣстѣ на психологіи сосредоточивается вниманіе русскихъ людей, и изъ всѣхъ философскихъ наукъ она одна получаетъ у насъ быстрое и широкое довольно развитіе. Въ разработкѣ ея сразу обозначается нѣсколько направленій и возникаетъ между ними своего рода борьба. Старѣйшій изъ нашихъ философовъ, Гогоцкій, авторъ философскаго лексикона, остается послѣдователемъ нѣмецкой философіи и строитъ психологію, въ своемъ послѣднемъ произведеніи „Программа Психологіи", путемъ соединенія физіологіи духа съ теоріями гербар-

тіанцевъ и гегеліанцевъ, Мишле, Розенкранца. Эрдмана. На этой же точкѣ зрѣнія стоялъ Юркевичъ, авторъ изслѣдованія „Языкъ физіологовъ и психологовъ“ и Струве—въ сочиненіи „О самостоятельномъ психическомъ началѣ“, написанномъ въ большой зависимости отъ Ульрици „Душа и тѣло“. На сторонѣ нѣмецкой психологіи также стоитъ Владиславлевъ въ своихъ произведеніяхъ „Современныя направленія въ наукѣ о душѣ“ и „Психологія, изслѣдованіе основныхъ явленій душевной жизни“, 1881 г. Между прочимъ, онъ возстановляетъ въ этомъ послѣднемъ сочиненіи ученіе о силахъ души, и волю кладетъ въ основу всѣхъ душевныхъ явленій. Сюда относится Автократова „Учебникъ Психологіи“ 1865 г., компиляція или, точнѣе, очень плохое сокращеніе Макрокозма, Лотце. Напротивъ, Троицкій является жаркимъ поклонникомъ англійской психологіи и ожесточеннымъ критикомъ нѣмецкой, не находитъ въ этой послѣдней почти ничего научнаго. Свои воззрѣнія онъ изложилъ въ обширномъ произведеніи—„Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи“, 1867 г. (второе изданіе — 1883 г.), и затѣмъ въ весьма своеобразномъ, хотя далеко несамостоятельномъ произведеніи — „Наука о духѣ“. Здѣсь онъ проповѣдуетъ крайній феноменализмъ,—сводитъ всю жизнь души къ фактамъ ассоціаціи различныхъ душевныхъ состояній, сосредоточивая все лучшее изъ изслѣдованій Милля, Бэна. Спенсера и Льюиса. Къ послѣдователямъ англійской школы принадлежитъ и Каптеревъ въ своей „Педагогической Психологіи“, 1877 г. (второе изданіе—1883 г., часть 1-я). Основою этого произведенія служитъ психологія Бэна, впрочемъ, дополненная заимствованіями изъ Вундта, Спенсера и др. Рядомъ съ этими, весьма опредѣленными направленіями возникаетъ третье, напоминающее нѣмецкую и англійскую физіологію духа съ матеріалистическимъ оттѣнкомъ. Къ этому направленію относятся произведенія извѣстнаго физіолога, Сѣченова,—„Рефлексы головного мозга“, „Кому и какъ изучать психологію“, „Физіологическіе элементы мыслей“ и др. Нѣкоторыя изъ нихъ изданы особымъ сборникомъ, подъ заглавіемъ „Психологическіе этюды“; Тарханова—„Психологическія

явленія", 1884 г.; Манасеина—„О значеніи психическихъ вліяній" 1877 г. Сюда же нужно отнести оригинальное, даже нѣсколько странное произведеніе Заленскаго—„Основы для ухода за правильнымъ развитіемъ мышленія и чувства", т. I, 1876 г., т. II, 1882 г. Заленскій серьезно считаетъ душу состоящею изъ тончайшихъ органическихъ клѣточекъ, выдѣляемыхъ мозгомъ, подъ вліяніемъ внѣшнихъ раздраженій, реорганизующихся въ живое цѣлое, питающихся, растущихъ и т. п. Эта теорія, повидимому, навѣяна скорѣе спиритскими воззрѣніями, чѣмъ произведеніями по физіологіи души. Но, помимо этой странности, книга богата хорошими наблюденіями, точными описаніями душевныхъ процессовъ и хорошимъ во многихъ случаяхъ анализомъ, такъ что чтеніе ея можетъ быть очень полезнымъ. Особое положеніе, съ сильно выраженнымъ стремленіемъ къ самостоятельности, къ созданію, такъ сказать, Русской психологіи, путемъ отчасти критики всѣхъ остальныхъ, занимаютъ въ нашей психологической литературѣ произведенія: Ушинскаго „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія", заключающее, впрочемъ, много заимствованій у Ульрици и другихъ; Кавелина—„Задачи психологіи", страдающее диллетантствомъ и недостаточнымъ знакомствомъ съ психологическою литературою и съ современнымъ состояніемъ психологическихъ вопросовъ, но заключающее въ себѣ много цѣнныхъ замѣчаній и выводовъ; наконецъ, Грота—монографія объ одномъ классѣ душевныхъ явленій, подъ заглавіемъ—„Психологія чувствованій въ ея исторіи и главныхъ основахъ", 1880 г., составленная подъ сильнымъ вліяніемъ психологіи Спенсера и вообще психологіи эволюціонизма; также недавно вышедшее сочиненіе—„О душѣ, какъ силѣ". Къ этому же направленію относится книга Кандинскаго—„Общепонятные психологическіе этюды"—и Алферова—„Переходъ отъ сознанія къ самосознанію", 1884 г.; изъ учебныхъ руководствъ—Гиляревскаго: „Пособіе къ изученію Психологіи". Если мы прибавимъ ко всему этому переводы различныхъ произведеній психологическихъ (Аристотеля, Спинозы, Локка, Бенеке, Дресслера, Кленке, Лотце, Вундта, Ульрици, Тэна, Спенсера, Бэна, Льюиса, Рибо и др.),

то русскую психологическую литературу безъ преувеличенія можно назвать очень богатою и согласиться съ мыслію, которую недавно высказалъ одинъ писатель, что психологіи въ Россіи посчастливилось, и что есть надежда на дальнѣйшее, болѣе самостоятельное развитіе этой науки.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Основные состоянія и процессы душевные.

Начало и основу душевной жизни человѣка составляютъ самыя простыя, по своему составу и условіямъ происхожденія, а потому первичныя и далѣе неразложимыя возбужденія и измѣненія души: ощущенія, волненія, стремленія и ихъ простые слѣды въ душѣ, или идеи. Эти первичныя измѣненія души суть въ то же время ея простыя состоянія, статическіе моменты ея бытія, своего рода опредѣленныя, всегда одинаковыя, неизмѣнныя величины, изъ которыхъ образуется все ея въ высшей степени сложное и разнообразное содержаніе. Вмѣстѣ съ ними и одновременно, а потому тоже въ самомъ началѣ и основѣ душевной жизни, даны простѣйшія ихъ отношенія между собою и возникающія отсюда внутреннія дѣятельности, или процессы, какъ динамическіе моменты ея жизни, при помощи которыхъ первичныя состоянія взаимно опредѣляются, связываются между собою и организуются въ состоянія сложныя, различныхъ степеней сложности, также въ сложные дѣятельности и процессы. Дѣятельности и процессы первичные и основные суть: a) сознаніе-различеніе, въ связи съ самочувствіемъ, b) сочетаніе, или ассоціація, и воспроизведеніе или репродукція душевныхъ состояній, c) фиксація душевныхъ состояній и процессовъ, при посредствѣ сосредоточенія на нихъ душевной энергіи, или вниманіе, d) удержаніе или сохраненіе въ

душѣ разъ испытанныхъ ею измѣненій. Изученіе строя жизни и развитія души человѣческой, изъ котораго слагается содержаніе основной изъ наукъ о душѣ—Психологіи въ собственномъ и тѣсномъ смыслѣ, очевидно, должно начать съ этихъ состояній и дѣятельностей, потому что къ нимъ сводится, на нихъ разлагается и изъ нихъ объясняется все доступное наблюденію, эмпирическое содержаніе человѣческой души. Въ виду всего этого, первая часть науки о душѣ сама собою разлагается на два главные отдѣла: а) ученіе объ основныхъ душевныхъ состояніяхъ и б) ученіе объ основныхъ душевныхъ процессахъ, или дѣятельностяхъ.

I.

Основныя душевныя состоянія.

Разногласіе между психологами относительно признанія одного изъ основныхъ душевныхъ состояній первымъ актомъ внутренней жизни. Ощущеніе, какъ первоначальный актъ душевной жизни. Несостоятельность признанія такого значенія за волненіемъ и стремленіемъ.

Приступая къ изученію простыхъ и основныхъ душевныхъ состояній — ощущенія, волненія, стремленія, мы встрѣчаемся, прежде всего, съ вопросомъ, съ котораго изъ нихъ начать, которое изъ нихъ признать первымъ и, потому, какъ бы основнымъ для двухъ другихъ. Между психологами доселѣ въ этомъ отношеніи существуетъ разногласіе, которое отражается различіемъ не только въ общемъ построеніи Психологіи, но и въ способѣ объясненія всѣхъ душевныхъ явленій сложныхъ, также въ пониманіи самой природы души, и которое, кромѣ того, имѣетъ вліяніе на разницы въ общемъ міросозерцаніи и—во всякомъ случаѣ—связано съ этими разницами.—Огромное большинство психологовъ полагаетъ начало душевной жизни въ ощущеніи, какъ въ такомъ простомъ состояніи, которое въ прямомъ опытѣ является предшествующимъ волненію и стремленію, даже опредѣляетъ отчасти ихъ характеръ, и съ котораго, всего вѣроятнѣе, начинается пробужденіе души, начинается ея жизнь въ связи съ тѣломъ и физическимъ міромъ. Другіе первымъ актомъ внутренней жизни почитаютъ стремленіе, какъ зародышъ и основу воли, составляющей, по ихъ взгляду, основную силу души (напр., психологи

школы Шопенгауера и школы французской—Мэнъ-де-Бирона и Жуффруа; въ нашей литературѣ этотъ взглядъ проводится у Владиславлева, хотя, по странному противорѣчію съ собою, онъ начинаетъ свою систему Психологіи съ ученія объ ощущеніи). Третьи считаютъ первичнымъ состояніемъ волненіе—въ формѣ страданія и удовольствія—и изъ него производятъ уже ощущенія и стремленія (съ особенною подробностію и послѣдовательностію этотъ взглядъ развивается у Гартвига—въ его Psychologische Analysen).

Но признаніе за первый актъ и начало душевной жизни стремленія основывается на чистомъ предположеніи, котораго нельзя констатировать никакимъ наблюденіемъ, именно,—на предположеніи, что душа, какъ начало отличное отъ тѣла, должна, прежде всякаго внѣшняго возбужденія чрезъ организмъ и ощущенія, испытывать темное стремленіе къ дѣятельности къ раскрытію своего содержанія. Можетъ быть, это и вѣрно,—можетъ быть, въ дѣйствительности такъ и есть; но фактъ абсолютно ускользаетъ отъ всякаго доказательства и потому этотъ взглядъ не годится въ опытной наукѣ, тѣмъ болѣе въ самомъ ея началѣ. Признаніе первымъ по времени, исходнымъ и основнымъ состояніемъ чувствованія, или волненія, также несостоятельно. Основаніемъ для него служитъ соображеніе, что душа первоначально не можетъ испытывать какихъ либо опредѣленныхъ состояній, возникаютъ ли они изнутри ея самой въ качествѣ возбужденія къ дѣятельности, или подъ вліяніемъ впечатлѣній, идущихъ отвнѣ и изъ организма. Она должна, слѣдовательно, испытывать нѣкоторое общее движеніе въ своей сферѣ, которое легко опредѣляется какъ вообще непріятное или пріятное. Всего чаще, съ этой точки зрѣнія, первымъ опредѣленнымъ состояніемъ считается неудовольствіе, или страданіе. Но несостоятельность такого взгляда видна изъ того, что, очевидно, неопредѣленность первоначальнаго возбужденія признается признакомъ принадлежности его къ области душевнаго волненія, или чувствованія; между тѣмъ чувствованіе, или волненіе, есть всегда состояніе весьма опредѣленное, отли-

чающееся по своему характеру и содержанію отъ ощущенія и отъ всѣхъ другихъ состояній и процессовъ, хотя оно можетъ возникать и въ неопредѣленной формѣ, т. е. не быть опредѣленнымъ какимъ нибудь волненіемъ,—значитъ, неопредѣленное возбужденіе не есть еще ео ipso чувствованіе или волненіе. Оно также можетъ быть и стремленіемъ и ощущеніемъ. и вся теорія оказывается опирающеюся на простомъ недоразумѣніи, на неясности понятія о чувствованіи. Далѣе, если и признать за начало душевной жизни нѣкоторое неопредѣленное возбужденіе или родъ его, то всего раціональнѣе причислить его къ неопредѣленнымъ ощущеніямъ, которыя вызываются органическими процессами въ тѣлѣ самого дитяти и его матери, и ужъ никакъ не чувствованіе, которое, по самой своей природѣ, есть отвѣтъ души на какія-нибудь уже существующія въ ней измѣненія. Все что можно здѣсь предположить съ нѣкоторою вѣроятностію, есть возникновеніе рядомъ съ неопредѣленнымъ ощущеніемъ неопредѣленнаго же волненія или чувствованія; но, при этомъ, prius явленія во времени, хотя бы невообразимо краткомъ, должно принадлежать всетаки ощущенію.

Такимъ образомъ, возраженія устраняются и при настоящемъ состояніи знанія является всего болѣе сообразнымъ съ требованіями науки признаніе первымъ основнымъ душевнымъ состояніемъ ощущеніе, которое, потому, первымъ должно подвергнуться научному изслѣдованію.

1. Ощущеніе.

Понятіе объ ощущеніи. Общія условія образованія ощущенія. Классификація ощущеній и основанія ея. Характеристика группъ ощущеній въ связи съ опредѣленіемъ условій ихъ образованія. а) Ощущенія органическія, или системныя; общая характеристика и указаніе видовъ ихъ; б) ощущенія мускульныя; органы ихъ; близость низшихъ видовъ ихъ къ ощущеніямъ органическимъ; ощущенія движенія и ихъ значеніе въ жизни души; в) ощущенія внѣшнихъ органовъ чувствъ: а) осязательныя ощущенія; неточность термина; чисто осязательныя ощущенія и ихъ органъ; b) вкусовыя и обонятельныя ощущенія; группы вкусовыхъ ощущеній; значеніе вкусовыхъ ощущеній; группы обонятельныхъ ощущеній; с) зрительныя ощущенія; устройство и отправленія глаза; ощущенія свѣта-тьмы, цвѣтовъ и видѣнія отдѣльныхъ предметовъ; значеніе зрительныхъ ощущеній въ душевной жизни; d) слуховыя ощущенія; устройство уха; процессъ слуха; качественное различіе слуховыхъ ощущеній; значеніе ихъ.—Количественная сторона ощущеній. Психическое значеніе усиленія и ослабленія ощущеній. Законъ Вебера. Значеніе ощущеній въ жизни души.

Простое и элементарное душевное состояніе, извѣстное подъ именемъ ощущенія, является существующимъ въ большомъ количествѣ различныхъ видоизмѣненій и формъ. Оно представляетъ собою цѣлую область и систему душевныхъ измѣненій, различныхъ по своему содержанію и характеру, по степенямъ силы, по спеціальнымъ частнымъ условіямъ своего происхожденія и сходныхъ въ томъ только отношеніи, что всѣ они возникаютъ въ душѣ подъ непосредственнымъ вліяніемъ чисто физическихъ дѣятелей, находящихся во внѣшнемъ мірѣ, окружающемъ организмъ тѣлесный,

и въ самомъ этомъ организмѣ. Въ своемъ бытіи они не зависятъ прямо ни отъ какихъ другихъ душевныхъ состояній и дѣятельностей, не могутъ быть произведены, потому, душею самостоятельно, въ отсутствіи физическихъ дѣятелей, существуютъ и продолжаются въ душѣ до той только поры, пока существуетъ дѣйствіе на нее этихъ дѣятелей силъ внѣшнихъ и прекращаются съ прекращеніемъ этого дѣйствія, оставляя только рядъ слѣдовъ въ формѣ идей, которыя уже не зависятъ въ своемъ возникновеніи отъ физическихъ возбужденій, и не суть уже ощущенія. Это описаніе-опредѣленіе ощущенія даетъ о немъ точное научное понятіе, устанавливаетъ точный смыслъ термина, который въ обычномъ словоупотребленіи имѣетъ очень широкое и неточное значеніе. Въ немъ обыкновенно смѣшивается ощущеніе,—простой и прямой отвѣтъ души на физическія возбужденія,—съ очень сложною формою душевной дѣятельности,—чувственнымъ воспріятіемъ, или возрѣніемъ (Anschauung), которое связано съ сознаніемъ причины ощущенія и локализаціею его, помѣщеніемъ во внѣшнемъ мірѣ и въ какой-нибудь опредѣленной части организма, и состоитъ изъ сочетанія въ одномъ актѣ иногда очень большого количества прежде бывшихъ ощущеній, точнѣе, ихъ идей съ дѣйствительнымъ ощущеніемъ, происходящимъ изъ прямого возбужденія души физическою силою. Въ научномъ изслѣдованіи такое смѣшеніе должно быть тщательно устранено. Всюду, гдѣ употребляется терминъ „ощущеніе“, подъ нимъ нужно разумѣть ничѣмъ неосложненное возбужденіе души, измѣненіе ея подъ прямымъ вліяніемъ физическихъ дѣятелей, и только. Такъ понятое, ощущеніе—одно изъ всѣхъ душевныхъ состояній имѣетъ чисто матеріальную причину, недоступную прямому внутреннему наблюденію, хотя само, по своему содержанію и измѣненіямъ, лежитъ цѣликомъ въ сферѣ этого наблюденія, какъ состояніе души, явленіе сознанія. Всѣ другія состоянія зависятъ отъ „физическаго“ только косвенно, при посредствѣ ощущенія, и состоятъ цѣликомъ изъ чисто-душевныхъ возбужденій и дѣятельностей, даже, напр., представленіе любого матеріальнаго предмета. Такимъ образомъ, ощущеніе стоитъ какъ

бы на границѣ между физическимъ и душевнымъ и состоитъ, со стороны своихъ производителей и условій своего существованія, болѣе чѣмъ на половину изъ физическаго и физіологическаго. При его изученіи, потому, необходимо выйти изъ области чисто-внутренняго наблюденія и заимствовать часть свѣдѣній о немъ изъ физики и физіологіи, что мы и сдѣлаемъ, впрочемъ, въ предѣлахъ самаго необходимаго и со всею научною осторожностію, устраняя все сомнительное и неустановленное съ полною научною строгостію.

Ощущеніе, взятое въ цѣломъ, съ его производителями—факторами и условіями существованія, состоитъ: изъ физическаго дѣятеля—силы, находящейся во внѣшнемъ мірѣ или въ тканяхъ организма,—изъ возбужденнаго состоянія нервной ткани, или нервной системы, и изъ самаго измѣненія души, непосредственно слѣдующаго за нервнымъ раздраженіемъ. Такимъ образомъ, изслѣдованіе ощущенія должно состоять въ опредѣленіи природы внѣшнихъ дѣятелей—чисто физическихъ и органическихъ, процесса нервной системы, въ связи съ устройствомъ этой системы, и различныхъ сторонъ ощущенія, какъ внутренняго душевнаго состоянія.

Средою, или органомъ, черезъ который и въ которомъ совершается дѣйствіе матеріальныхъ внѣшнихъ и органическихъ дѣятелей, служитъ нервная система, составляющая тоже часть организма, но часть, въ которой сосредоточивается управленіе всѣми органическими процессами, обособленную, изолированную. Система эта есть живой механизмъ необычайной сложности и тонкости; въ общемъ—она состоитъ изъ центровъ и проводниковъ, приспособленныхъ къ воспріятію и проведенію возбужденій отъ нѣсколькихъ различныхъ дѣятелей и къ реакціи на эти возбужденія въ формѣ сокращенія мускульной ткани или движенія организма. Каждая группа проводниковъ, приспособленная такимъ образомъ, имѣетъ въ мозгѣ свой особый центръ, который называется спеціальнымъ центромъ, т. е.—есть центръ зрительный, слуховой, центры движеній и т. п. Изъ такихъ центровъ состоитъ такъ называемый средній мозгъ, также—продолговатый и спинной. Спеціальные центры связываются, сосредоточиваются и объединяются въ одномъ

общемъ всѣмъ имъ центрѣ—полушаріяхъ большого мозга: клѣточки сѣраго вещества, расположенныя въ нихъ этажами, пронизаны во всѣхъ направленіяхъ бѣлыми нитями, проводниками, продольными и поперечными, и способными возбуждаться къ дѣятельности только чрезъ посредство движеній, идущихъ отъ спеціальныхъ центровъ. Вся система, затѣмъ, снабжена въ большомъ количествѣ кровеносными сосудами разнаго калибра и получаетъ постоянно огромное количество крови и съ тѣмъ вмѣстѣ питательнаго вещества, которое потребляется ею въ весьма большомъ количествѣ По химическому своему составу сѣрое вещество состоитъ изъ простыхъ тѣлъ, способныхъ къ чрезвычайно быстрымъ и разнообразнымъ превращеніямъ, взрывчатыхъ и горючихъ (фосфоръ, алкоголистыя соединенія въ родѣ церебрина и т. п.).

Ощущеніе, какъ особаго рода измѣненіе сознанія, или души, всегда является результатомъ дѣйствія матеріальной силы или дѣятеля на (описанную нами) органическую ткань, или систему нервную. Вопросъ теперь въ томъ, что такое эти матеріальныя силы, которыя дѣйствуютъ на нервную систему, какъ онѣ дѣйствуютъ на нее, производя ощущенія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, повидимому, очень простъ: это тѣла — простыя и сложныя, съ ихъ различными физическими и химическими свойствами, и такъ называемыя силы—свѣтъ, звукъ, теплота, электричество, магнетизмъ, тяжесть и т. п. Но отвѣтъ этотъ, которымъ постоянно почти ограничиваются, говоря объ ощущеніи, не смотря на то, что онъ выраженъ въ научныхъ терминахъ, есть отвѣтъ не-научнаго, нефилософскаго мышленія и представляетъ собою въ данномъ случаѣ скрытое idem per idem. Дѣло въ томъ, что, говоря здѣсь о матеріальныхъ дѣятеляхъ, производящихъ ощущеніе, мы, конечно, желаемъ опредѣлить одинъ изъ факторовъ, его производящихъ, съ тѣмъ, чтобы показать долю его участія въ образованіи этого явленія, — иначе все это разсужденіе о внѣшнихъ дѣятеляхъ не имѣло бы никакого смысла. Между тѣмъ внѣшніе дѣятели, въ представленномъ отвѣтѣ, описываются такъ, какъ они даны для насъ, именно, въ ощущеніи и черезъ ощущеніе: тѣла и ихъ

свойства, свѣтъ, звукъ и т. д. суть наши ощущенія и притомъ ощущенія въ высшей степени сложныя, подъ вліяніемъ какихъ-то дѣятелей, а не сами эти дѣятели въ ихъ чистомъ видѣ. Вводя ихъ, какъ факторъ въ объясненіе процесса ощущенія и самого его, мы, очевидно, стали бы объяснять ощущенія ими же самими. Вотъ это и есть скрытое idem per idem, о которомъ мы сейчасъ сказали. Очевидно, для того, чтобы опредѣлить внѣшняго дѣятеля, какъ производителя ощущенія, намъ нужно выйти въ отвлеченіи за предѣлы по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ ощущеній, представить или вообразить дѣятеля такъ, какъ онъ существуетъ прежде и внѣ ихъ. Это до извѣстной степени возможно путемъ умозрительнаго, отвлеченнаго построенія, и сдѣлано уже наукою.

Съ точки зрѣнія эмпирической науки, внѣшній матеріальный міръ состоитъ изъ частицъ недѣлимыхъ и недоступныхъ никакимъ чувствамъ, или атомовъ. Его жизнь, возникающая и слагающаяся изъ соотношенія этихъ атомовъ, есть постоянное движеніе. Природа, или вселенная, такимъ образомъ, есть совокупность безконечно разнообразныхъ движеній различной скорости и объема. То, что считается и кажется намъ неподвижнымъ, есть особая форма движеній, связанное, скрытое движеніе, или minimum его. И во всякомъ случаѣ, міръ внѣшній несомнѣнно открывается намъ только въ движеніяхъ и черезъ движенія. Нервная система приспособлена къ воспріятію такихъ движеній, которыя открываются въ ощущеніи какъ особыя силы различной формы. При этомъ, не всѣ движенія дѣйствуютъ на нервы; большая часть ихъ не возбуждаетъ и не можетъ возбуждать ихъ дѣятельности, не воспринимаются и не могутъ быть восприняты, потому, душею прямо и непосредственно, лежатъ внѣ сферы всякаго человѣческаго опыта. По всей вѣроятности, существуютъ даже около человѣка такія силы и такіе даже существа и предметы, слагающіеся изъ этихъ, лежащихъ внѣ сферы дѣятельности нашей нервной системы, движеній, которые не могутъ намъ открываться и являться при существующихъ условіяхъ.

Итакъ, внѣшніе, матеріальные дѣятели, или силы, разсматриваемые какъ производители и причины нервнаго раздраженія и ощущеній, прежде ихъ и внѣ ихъ, суть движенія различной формы, и сами по себѣ остаются только движеніями — не болѣе. Во внѣшнемъ мірѣ нѣтъ мягкаго и жесткаго, тяжелаго и легкаго, нѣтъ сладкаго и горькаго, нѣтъ звука, тепла, свѣта. Движенія, составляющія, напр., колебаніе воздуха, могутъ дѣйствовать на возбужденіе другихъ движеній, или силъ—теплоты, электричества и т. п., но они не звучатъ,—среди всего ихъ разнообразія господствуетъ во внѣшнемъ мірѣ мертвая, абсолютная тишина. Движенія, изъ которыхъ состоитъ сложное колебаніе эфира, могутъ производить самыя разнообразныя видоизмѣненія другихъ движеній механическихъ, химическихъ и т. п., но видѣнія, свѣта, цвѣта произойти не можетъ. То, что мы называемъ свѣтомъ — въ своей сущности—есть непроницаемая, абсолютная тьма и т. д. Новыя качества ихъ, соотвѣтствующія количественнымъ измѣненіямъ, являются и могутъ явиться только при томъ условіи, когда движеніе подѣйствуетъ на нервную ткань, на нервъ, т. е. на новую среду, и чрезъ него возбудятъ ощущеніе. Въ нервной ткани, подъ вліяніемъ дѣйствія внѣшнихъ движеній и силъ, происходитъ только движеніе. Частицы нервнаго вещества выходятъ изъ равновѣсія, сначала на концѣ нерва, и начинается колебаніе. Это движеніе распространяется по нерву до центра, производитъ здѣсь то же движеніе, которымъ вызывается быстрое превращеніе вещества клѣтокъ. Изъ спеціальнаго центра движеніе распространяется далѣе. Въ нервной ткани, такимъ образомъ, развивается своеобразное колебательное и химическое движеніе, похожее на движеніе внѣшнее, его вызывавшее; изъ него развивается, потому, особая сила, которая называется нервною силою, нервностію и т. п. Какія это движенія, какая ихъ форма и т. д. — все это въ точности неизвѣстно. Все, что можно предполагать относительно дѣятельности этой силы, не выходя за предѣлы вѣроятнаго, сводится къ предположенію, что ею измѣняются формы внѣшнихъ колебаній и дѣлается изъ волнъ ихъ нѣчто сплошное, гдѣ инди-

видуальное бытіе и отдѣльность каждой волны, каждаго колебанія исчезаетъ. Такъ, колебанія эфира превращаются, повидимому, въ одно массивное движеніе, которымъ обусловливается то, что называется видѣніемъ, въ немъ выдѣляются нервною силою и тоже превращаются въ сплошное массивное движеніе группы волнъ различной длины, соотвѣтствующія цвѣтамъ и обусловливающія ихъ бытіе. Физіологи и за ними нѣкоторые психологи весь этотъ процессъ въ нервахъ и особенно въ нервныхъ центрахъ подъ вліяніемъ матеріальныхъ силъ—прямо называютъ ощущеніемъ. Ощущеніе, съ этой точки зрѣнія, такимъ образомъ, есть не что иное, какъ дѣятельное состояніе нервной ткани подъ вліяніемъ внѣшняго раздраженія. Но это чистое недоразумѣніе и saltus logicus. Ощущеніе есть актъ душевный, сознательный; онъ обладаетъ новыми свойствами, какихъ никогда нѣтъ въ движеніяхъ. Сказать, что превращенное движеніе нервное есть ощущеніе цвѣта и цвѣтовъ, т. е. сознаніе, было бы чистымъ произволомъ, нарушеніемъ самыхъ элементарныхъ законовъ вывода. Очевидно предполагаемые факты уполномочиваютъ насъ сказать только, что въ нервномъ движеніи происходитъ превращеніе внѣшнихъ движеній-колебаній въ сплошныя, непрерывныя, массивныя. Факты эти до извѣстной степени объясняютъ намъ,—если вообще предположеніе сдѣланное вѣрно и соотвѣтствуетъ дѣйствительности,—почему въ ощущеніи свѣта и цвѣта, звука и тоновъ и т. п. нѣтъ сознанія отдѣльныхъ колебаній, и они являются сплошными, однообразными — и только. Какимъ образомъ это движеніе воспринимаетъ, чувствуетъ само себя, дѣлается сознательнымъ актомъ душевнымъ, здѣсь нисколько не объясняется и не можетъ быть объяснено изъ природы нервнаго движенія, или нервной силы. Какъ нѣтъ условій для этого въ колебаніяхъ внѣшнихъ—эфира, воздуха и пр., которые не воспринимаютъ себя, не знаютъ о себѣ ничего, вообще не сознаютъ себя, такъ нѣтъ ихъ и въ превращенномъ состояніи этихъ движеній — въ движеніяхъ нервныхъ, пока они разсматриваются сами въ себѣ, какъ движеніе. Предположить, что они сами себя воспринимаютъ, — такъ же нелѣпо, какъ предположить со-

знаніе въ каждомъ колеблющемся пузырькѣ воздуха, въ каждой волнѣ звуковой и т. п. Силъ, которыя бы объясняли эти новыя свойства явленія — здѣсь нѣтъ. Все это вынуждаетъ признать, что дѣятельность нервной среды, нервной силы, колебанія нервнаго вещества есть только условіе того, что называется ощущеніемъ въ собственномъ смыслѣ,—такое же внѣшнее условіе, какъ движенія внѣ-нервныя суть условія самаго нервнаго движенія, и только. Нервныя движенія въ ощущеніе сами собою превратиться не могутъ, т. е. не могутъ сознать себя, какъ свѣтъ, звукъ и пр.

Такимъ образомъ, изслѣдованіе физическихъ и органическихъ условій происхожденія ощущенія приводитъ къ очевидности, что ими ощущеніе нисколько не объясняется. Условія эти—матеріальныя движенія внѣ и органическія внутри—движенія несознательныя и немогущія сознать себя. Достигнувъ центровъ, эти движенія переходятъ опять только въ движеніе, распространяясь по двигательнымъ нервамъ до мускульной ткани и производя ея сокращеніе. Начинаясь во внѣ, движенія опять оканчиваются тамъ же, совершая полный кругъ. На всемъ протяженіи эти движенія доступны внѣшнимъ чувствамъ. Ощущенія, въ которыхъ воспринимаются и сознаются сами эти движенія—лежатъ внѣ этого круга. Они не похожи на него, открываются внутреннимъ образомъ — сознаются. Никакими усиліями мысли нельзя наполнить пропасть, раздѣляющую ихъ... Но откуда-нибудь является же эта сознательность? Должна же существовать какая-нибудь причина, силы, производящія это новое явленіе? Такимъ образомъ, возникаетъ, какъ всегда возникала и будетъ возникать, необходимость предположить еще существованіе новаго дѣятеля, силу, новую среду, которая даетъ нервнымъ движеніямъ то, чего нѣтъ въ нихъ по самому ихъ существу,—сознаніе, сознательность ихъ и затѣмъ знаніе и воспріятіе. Эта новая среда,—назовите ее какъ угодно—психическою средою, психическимъ началомъ. душею, духомъ,—является здѣсь обладающею свойствомъ, именно, сознанія. Что такое эта среда, или сила, какъ она измѣняется, какъ, вообще,

дѣйствуетъ,—пока неизвѣстно. Относительно ея теперь можно сказать съ увѣренностію только одно, что предположить бытіе ея необходимо, что существованіе ея, рядомъ съ матеріальными движеніями—есть неотразимое принужденіе мысли, и потому нѣчто очевидное...

Въ виду такихъ результатовъ изслѣдованія общихъ условій образованія ощущеній, ихъ можно опредѣлить какъ воспріятіе „сознающимъ началомъ“, или душею, въ соотвѣтствующій ея природѣ формѣ,—движеній внѣшняго міра и организма, видоизмѣненныхъ въ движеніяхъ нервной ткани. Въ этомъ опредѣленіи сущность ощущенія, конечно, не уясняется. Но оно становится мыслимымъ въ своемъ бытіи и отношеніяхъ къ міру внѣшнему. Оно становится знакомъ, символомъ явленій внѣшняго міра для существа сознающаго, но изолированнаго, отдѣленнаго отъ міра тѣломъ и, потому, немогущаго воспринимать внѣшнее въ непосредственныхъ, чистыхъ формахъ его бытія. Если такъ, то, при изслѣдованіи, остается сосредоточить вниманіе на жизни ощущенія, какъ она открывается въ наблюденіи, въ связи съ внѣшними спеціальными многочисленными условіями.

Сами по себѣ, какъ простое — непосредственное сознаніе душею своего собственнаго измѣненія подъ вліяніемъ нервныхъ движеній, ощущенія не даютъ ничего цѣльнаго и опредѣленнаго: въ самомъ началѣ они должны представлять собою хаотическую смѣну внутреннихъ состояній, различнаго характера или содержанія, различныхъ степеней силы. Только впослѣдствіи и постепенно, благодаря присущей духу организующей силѣ, они перерабатываются и становятся способными открывать человѣку внѣшній міръ, какъ внѣшній, его собственный организмъ, какъ часть этого міра, и себя самого, какъ дѣятельное и страдательное цѣлое. Въ самомъ началѣ ничего этого нѣтъ, и, по всей вѣроятности, быть не можетъ. Вся задача научнаго изслѣдованія съ этого момента состоитъ въ томъ, чтобы прослѣдить и выяснить постепенное возникновеніе изъ этого неопредѣленнаго и хаотическаго процесса ощущеній и связанныхъ съ ними другихъ элементарныхъ

состояній—опредѣленныхъ дѣятельностей· ума, чувства и воли, изъ коихъ слагается жизнь сформировавшагося духа человѣческаго. Для этого необходимо обозрѣть этотъ первоначально нестройный и неорганизованный міръ внутреннихъ движеній подъ вліяніемъ внѣшнихъ дѣятелей, опредѣлить и оцѣнить, по возможности, весь этотъ сырой матеріалъ А для удобства такого обзора, нужно распредѣлить всѣ ощущенія на нѣсколько различныхъ группъ. Опыты такого распредѣленія, или классификаціи ощущеній начались, можно сказать, вмѣстѣ съ началомъ наблюденій надъ душевною жизнію, и давно установилось и вошло во всеобщее употребленіе раздѣленіе ощущеній на пять видовъ, по числу пяти такъ называемыхъ чувствъ. Уже Аристотель къ этимъ пяти классамъ ощущеній присоединилъ шестой подъ именемъ „общихъ ощущеній". Притомъ, къ этой послѣдней группѣ отнесены были всѣ виды ощущеній, которыя происходятъ безъ посредства особыхъ приспособленій или органовъ чувствъ, также ощущенія пространства, времени, движенія. Изъ этихъ ощущеній сдѣлано было „общее чувство". Но это распредѣленіе далеко не удовлетворительно: „общее чувство", съ одной стороны, не опредѣлено, съ другой, въ составъ его отнесены состоянія, не относящіяся къ области ощущеній - воспріятій (пространства, времени и движенія). Въ силу этого, въ новое и очень недавнее время явились попытки создать нѣчто болѣе опредѣленное и научное въ области классификаціи ощущеній, и эти попытки увѣнчались успѣхомъ послѣ того, какъ изъ „общаго чувства" выдѣлена была очень важная и вполнѣ самостоятельная особая группа—такъ называемыхъ „ощущеній мускульныхъ", или, собственно, ощущеній движенія всего организма и его различныхъ частей. Съ тѣмъ вмѣстѣ остатокъ общаго чувства выдѣленъ и разложенъ былъ на нѣсколько отдѣльныхъ видовъ ощущенія подъ общимъ именемъ ощущеній „системныхъ", или „органическихъ". Полученныя такимъ образомъ семь группъ естественно сведены были къ тремъ главнымъ, причемъ пять видовъ „ощущеній внѣшнихъ чувствъ" составили одну общую, въ силу того, что, не смотря на все свое разнообразіе по содержанію своему, они

рѣзко выдѣляются одною чертою, всѣмъ имъ общею—своею связью съ специфическими концевыми аппаратами, или органами, также и своимъ общимъ значеніемъ въ душевной жизни. Вторая группа составилась изъ ощущеній движенія, и третья изъ органическихъ.

Основою такой классификаціи служатъ, какъ физіологическія, такъ и психологическія данныя, вполнѣ оправдывающія ея естественность и законность. Периферическіе нервы, какъ проводники матеріальныхъ движеній, составляютъ conditio sine qua non ощущеній трехъ родовъ. Одни изъ нихъ погружаются, такъ сказать, своими концами, не снабженными никакими приспособленіями, въ различныя внутренности, окружаютъ ткани и органы, изъ которыхъ состоитъ организмъ, давая знать сознанію о каждомъ измѣненіи въ этихъ органахъ, о каждомъ здѣсь движеніи—въ большинствѣ случаевъ—весьма темно и неопредѣленно. Другіе направлены всецѣло къ внѣшнему міру, приспособлены къ передачѣ внѣшнихъ движеній при помощи концевыхъ аппаратовъ весьма различнаго строенія. Сопровождаясь органическими ощущеніями, они даютъ знать главнымъ образомъ объ измѣненіяхъ во внѣшнемъ мірѣ. Наконецъ, третьи, оканчиваясь въ мускульной ткани и производя всюду ея сокращеніе, изъ котораго возникаютъ всѣ роды движенія организма и всѣ формы его реакціи на всякое раздраженіе,—даютъ въ то же время, непонятнымъ еще наукѣ образомъ, знать о всѣхъ этихъ сокращеніяхъ и движеніяхъ: ими сопровождаются неизмѣнно какъ всѣ органическія, такъ и внѣшнія ощущенія, и они играютъ огромную роль во всемъ физіологическомъ процессѣ ощущенія, регулируя положеніе организма, его различныхъ частей, двигающихся, такъ сказать, навстрѣчу внѣшнимъ движеніямъ.—Психологическія данныя въ пользу описываемой группировки ощущеній также весьма сильны и очевидны. Ощущенія органическія, дающія ежесекундно знать объ измѣненіяхъ во всѣхъ частяхъ организма, преимущественно когда они достигаютъ особенной силы и опредѣленности, выдѣляясь въ сознаніи изъ всѣхъ другихъ, очевидно, служатъ главнымъ источникомъ сосредоточенія вниманія чувствующаго существа на себѣ самомъ и

лежатъ, такимъ образомъ, въ основѣ чувства бытія. самочувствія, которое у человѣка, подъ вліяніемъ ума, развивается въ самосознаніе и въ идею личности. Они очень слабо воспроизводятся въ идеяхъ, вслѣдствіе, конечно, того, что постоянное присутствіе среды, ихъ возбуждающей, дѣлаетъ такое воспроизведеніе, если не излишнимъ, то, во всякомъ случаѣ, не такъ необходимымъ, какъ въ области внѣшнихъ ощущеній. Но за то они очень легко переходятъ въ душевныя волненія и получаютъ характеръ удовольствій и страданій. Этимъ психическая роль ихъ поддерживается, т. е. они становятся еще болѣе способными пробуждать и развивать самочувствіе, самосознаніе. Ощущенія внѣшнія или внѣшнихъ органовъ, сопровождаясь органическими, также удовольствіями и страданіями, преимущественно сознаются, какъ свойства или качества внѣшняго: въ нихъ открывается по преимуществу внѣшній міръ. Такимъ образомъ, они даютъ главное содержаніе нашему знанію о внѣшнемъ. Мускульныя ощущенія, или ощущенія движенія, по своей роли занимаютъ средину между тѣми и другими. При помощи мышечнаго чувства объединяются всѣ органическія ощущенія и даютъ постоянное сознаніе цѣлаго организма и его частей въ ихъ взаимной связи и ихъ отношеніяхъ. Эти ощущенія, далѣе, даютъ намъ идеи сопротивленія и, слѣдовательно, внѣшняго; также идеи движенія и покоя, тяжести, отчасти времени и пространства. Такимъ образомъ, они служатъ средствомъ раздѣленія организма и внѣшняго ему міра, а въ дальнѣйшемъ развитіи внутренняго и внѣшняго, я и не-я. Безъ нихъ это раздѣленіе невозможно и немыслимо.

Итакъ, ощущенія распредѣляются естественно на три группы: ощущенія органическія или системныя; ощущенія внѣшнія или внѣшнихъ органовъ чувствъ; ощущенія мускульныя или ощущенія движенія. Мы представимъ характеристику этихъ группъ въ связи съ опредѣленіемъ условій ихъ образованія въ слѣдующемъ порядкѣ: а) *ощущенія органическія;* б) *ощущенія мускульныя*; в) *ощущенія внѣшнихъ чувствъ*, начиная съ осязательныхъ и кончая слуховыми. Основаніемъ для такого распредѣленія служатъ слѣдующія сообра-

женія. *Органическія ощущенія* самыя неопредѣленныя изъ всѣхъ, и потому низшія, несовершенныя и болѣе простыя. *Мускульныя ощущенія* занимаютъ, дѣйствительно, средину между ними и *ощущеніями внѣшнихъ органовъ чувствъ*, не только по своему значенію въ душевной жизни, но и потому, что часть ихъ, напр., усталость мускульная, боль и др., прямо, по своему характеру, относятся къ органическимъ или системнымъ. Изъ слѣдующей группы они всего тѣснѣе связаны съ осязательными ощущеніями,—до того тѣсно, что сливаются съ ними постоянно и нѣкоторыми изслѣдователями доселѣ причисляются, даже прямо къ осязательнымъ. Потому, всего естественнѣе, вслѣдъ за описаніемъ мускульныхъ ощущеній, дать описаніе *осязательныхъ*, тѣмъ болѣе, что, какъ замѣтилъ еще Аристотель, осязаніе служитъ какъ бы общею основою всѣхъ другихъ ощущеній внѣшнихъ органовъ чувствъ—вкуса, обонянія, зрѣнія и слуха—и можетъ всѣ ихъ замѣнить до извѣстной степени. Вслѣдствіе этого даже зрѣніе и слухъ могутъ быть разсматриваемы какъ видоизмѣненія и различныя формы осязанія, не говоря уже о вкусѣ и обоняніи. За осязательными ощущеніями слѣдуютъ *вкусовыя* и *обонятельныя*, какъ низшія изъ высшихъ ощущеній, по своему значенію въ душевной жизни, и какъ тѣсно связанныя съ осязательными. За ними должны быть поставлены *зрительныя* ощущенія, которыя имѣютъ большую аналогію съ осязательными и замѣняютъ ихъ, являясь какъ бы осязаніемъ на разстояніи. При этомъ они постоянно сопутствуются мускульными ощущеніями разнообразныхъ тонкихъ движеній глаза, которыя и дѣлаютъ глазъ, или зрѣніе, способнымъ къ воспріятію фигуры тѣлъ, разстоянія и т. п. Послѣдними мы ставимъ, вопреки установившемуся обычаю, *слуховыя* ощущенія, во-первыхъ, потому, что они стоятъ почти вовсе внѣ прямой связи съ остальными и только въ ощущеніи звуковъ голоса, особенно членораздѣльныхъ, они сливаются съ мускульными и осязательными ощущеніями голосового аппарата, который начинается снаружи полостію рта и оканчивается дыхательнымъ горломъ съ мускулами голосной такъ называемой щели; во-вторыхъ, потому,

что ощущенія эти отличаются высшею тонкостью и особенно опредѣленностію, сравнительно со всѣми другими, даже съ ощущеніемъ зрѣнія (прямой анализъ звука и невозможность этого относительно свѣта); въ третьихъ, наконецъ, потому, что, открывая душѣ внутреннія измѣненія тѣлъ звучащихъ, колебаніе ихъ состава и внутреннія измѣненія самого организма, всѣ безъ исключенія ощущенія слуховыя служатъ основою звукового языка, а черезъ него источникомъ и высшаго развитія духа, развитія, зависящаго, какъ мы видѣли, отъ совокупной дѣятельности индивидуальныхъ духовъ-душъ человѣческихъ, путемъ обмѣна и сохраненія опытовъ каждаго изъ нихъ. Для всякаго очевидно, что безъ дара слова, безъ звукового языка такое развитіе было-бы невозможно. Преимущественное значеніе слуховыхъ ощущеній, сравнительно съ другими всѣми, особенно ясно открывается изъ того, что неимѣніе отъ природы послѣднихъ, даже зрѣнія, не отражается слишкомъ замѣтно на строѣ душевной жизни (слѣпорожденные, наприм., достигаютъ высокой степени развитія), между тѣмъ отсутствіе слуховыхъ ощущеній, сопровождаясь неспособностью анализировать звуки и воспроизводить рѣчь другихъ—нѣмотою, безъ особаго искусственнаго воспитанія, дѣлаетъ человѣка обыкновенно полуидіотомъ.

Первую группу ощущеній, какъ простѣйшія и во всѣхъ отношеніяхъ низшія, составляютъ ощущенія, называемыя *органическими*, или *системными*. Ощущенія эти называются такъ потому, что они зависятъ отъ состояній тканей, или системъ организма, и совершающихся въ нихъ жизненныхъ процессовъ и всякаго рода измѣненій. Они называются также *общими*, потому что, вліяя другъ на друга и суммируясь, измѣненія органическихъ тканей и процессовъ производятъ нѣкоторое общее измѣненіе сознанія, въ которомъ отражается состояніе всего организма въ данный моментъ, сознается общій характеръ и строй его жизни, какъ цѣлаго. Ощущенія эти не имѣютъ спеціальныхъ приспособленій для своего проведенія отъ периферій къ центру и зависятъ отъ общаго состоянія и возбужденія нервовъ чувствительныхъ, участвующихъ въ жизне-

дѣятельности данной ткани, или системы, и управляющихъ жизненными процессами пищеваренія, уподобленія, кровообращенія, дыханія и т. п. При этомъ всѣ они сами по себѣ обладаютъ весьма малою способностію къ существованію въ формѣ идеи, т. е. послѣ прекращенія дѣйствія силъ, ихъ производящихъ, почему мало даютъ матеріала для умственныхъ или познавательныхъ операцій и всякаго рода творческихъ построеній, слѣдовательно, для развитія и совершенствованія души. Но за то они, какъ мы видѣли, весьма легко и быстро вызываютъ волненіе, особенно удовольствія и страданія и даже какъ бы прямо переходятъ въ нихъ. Переходя въ волненія, они легко вызываютъ разнаго рода движенія для поддерживанія удовольствія и устраненія страданія и, такимъ образомъ, даютъ начало волевымъ актамъ—стремленіямъ. Нѣкоторыя изъ нихъ прямо отождествляются съ стремленіями,—напр., ощущенія голода, жажды, сонливости и т. п. Органическихъ ощущеній очень большое количество, и значеніе ихъ въ жизни души очень велико. Мало вліяя на умственную сферу и область теоретической жизни, они играютъ большую роль въ образованіи характера человѣка и въ строѣ его дѣйствій и дѣятельности вообще. Но доселѣ психологи обращаютъ мало вниманія на эти ощущенія, и потому они мало изслѣдованы [1]).

Системныя или *органическія* ощущенія могутъ быть раздѣлены: 1) На общія, одинаково являющіяся въ связи съ дѣятельностію каждой изъ системъ организма. Таковы: a) ощущенія боли при такомъ или другомъ разстройствѣ каждой безъ исключенія тканей организма и ихъ отправленій и b) противоположныя—ощущенія здороваго состоянія каждой ткани и всего организма, являющіяся

---

[1]) Изъ всѣхъ психологовъ съ нѣкоторою подробностію излагаетъ ученіе о нихъ одинъ Бэнъ, давая общую характеристику всѣхъ ихъ и частную нѣкоторыхъ ихъ видовъ. Въ германской литературѣ, впрочемъ, существуетъ сочиненіе спеціально трактующее объ органическихъ ощущеніяхъ,—это—„Система органической психологіи“, Кленке, переведенное и на русскій языкъ. Но, составленное матурфилософомъ, послѣдователемъ Шеллинга, оно страдаетъ слишкомъ широкими обобщеніями и выводами, не основанными на достаточномъ количествѣ фактическихъ данныхъ, хотя содержитъ много цѣнныхъ наблюденій и указаній.

съ опредѣленностію, обыкновенно, послѣ прекращенія ощущеній боли; c) ощущенія бодрости, обилія силы мускульной, нервной и пр. и d) противоположныя имъ,—ощущенія утомленія, усталости, слабости; e) ощущенія дѣятельнаго состоянія, работы ткани или системы, напряженія, усилія и f) противоположныя ему—ощущенія покоя, отдыха, вообще бездѣятельности или малой дѣятельности тканей при разныхъ условіяхъ; g) ощущенія подъ вліяніемъ измѣненій въ атмосферномъ давленіи и электрическомъ напряженіи. 2) Другую группу составляютъ ощущенія спеціальныя, связанныя съ однимъ опредѣленнымъ органическимъ направленіемъ, свойственнымъ спеціально одной какой-нибудь системѣ—ткани. Таковы: a) ощущенія, связанныя съ процессомъ поступленія въ организмъ газообразныхъ веществъ, особенно атмосфернаго воздуха,—ощущеніе легкости дыханія и трудности, ощущеніе свѣжести и испорченности воздуха разнаго рода примѣсями, ощущеніе удушенія, близкое по своему характеру къ чувству страха и въ него быстро переходящее; b) ощущенія, связанныя съ поступленіемъ въ организмъ твердыхъ и жидкихъ веществъ, т. е. пищи и питья,—ощущеніе голода въ различныхъ степеняхъ и жажды; ощущенія хорошаго и дурного пищеваренія и разнаго рода его послѣдствій; введеніе въ организмъ разнаго рода наркотическихъ веществъ—алкоголя, опіума и др. ядовъ; c) ощущенія, связанныя съ процессомъ кровообращенія,—ощущеніе хорошаго кровообращенія и застоя крови; сердечныя ощущенія—сжатія и расширенія сердца, трепетанія и остановки, замиранія и т. п.; d) органическія ощущенія—температуры, собственно, тѣла—жара и озноба, независящихъ отъ внѣшней температуры; выдѣленія потовыхъ железъ и остановка его, сухость кожи и т. п.; e) ощущенія, связанныя съ половою дѣятельностію.

Мускульная или мышечная ткань, служащая источникомъ ощущеній *мускульныхъ*, или *мышечнаго* чувства, состоитъ изъ очень тонкихъ нитей, или фибръ, соединенныхъ въ пучки, обтянутые тонкою оболочкою. Пучки эти, соединяясь между собою, образуютъ отдѣльныя части мускульной ткани, извѣстныя подъ

именемъ мускуловъ. Мускулы имѣютъ весьма различную величину и неодинаковую форму: бываютъ плоскими, цилиндрическими, веретенообразными, круглыми или кругловыми и т. п. Въ свою очередь, они соединяются между собою въ цѣлыя системы, приспособленныя къ достиженію опредѣленныхъ, свойственныхъ ихъ природѣ, цѣлей,—обыкновенно, болѣе или менѣе сложныхъ движеній. По своему строенію и отчасти отправленіямъ, мышцы дѣлятся на гладкія, изъ которыхъ построены внутренніе органы (желудочные, кишки, сосуды и т. п.) и рубчатые, изъ которыхъ состоитъ, облекающее кости, мясо. Первыя называются также непроизвольными, вторыя произвольными. Рубчатыя-произвольныя мышцы обыкновенно прикрѣпляются своими концами къ костямъ, хрящамъ и другимъ образованіямъ, въ родѣ глазного яблока. Всѣ мускулы обладаютъ способностію, подъ вліяніемъ раздраженія, расширяться и сокращаться и, такимъ образомъ, производить движеніе, какъ всего организма, такъ и различныхъ его частей внутреннихъ и внѣшнихъ. Расширеніе и сокращеніе производится при посредствѣ оканчивающихся въ мускулахъ такъ называемыхъ двигательныхъ нервовъ. Такое дѣятельное состояніе мускуловъ можетъ имѣть своею причиною, какъ внѣшнее раздраженіе, приспособленное къ чувствующимъ нервамъ разнаго рода, такъ и скопленіе нервной силы въ нервныхъ центрахъ путемъ питанія и внутреннихъ измѣненій. Вслѣдствіе постояннаго истока нервной силы по двигательнымъ путямъ ко всѣмъ мускуламъ, даже при отсутствіи сильныхъ раздраженій, мускульная ткань постоянно находится въ нѣкоторомъ напряженіи. Послѣ продолжительнаго, особенно неправильнаго, сокращенія, мышца теряетъ способность сокращаться и расширяться въ различныхъ степеняхъ до полной неспособности отвѣчать на возбужденія. Эта потеря вызываетъ въ душѣ ощущеніе мускульной усталости. Прекращеніе утомительнаго сокращенія вызываетъ чувство отдыха—покоя мускульнаго. Послѣ отдыха способность къ сокращенію возстановляется и производитъ ощущеніе бодрости и позыва къ дѣятельности. Продолжительная бездѣятельность при такомъ состояніи опять вызываетъ чувство

утомленія и т. д. Всѣ эти ощущенія вмѣстѣ съ общимъ ощущеніемъ напряженія и мускульныхъ болей всякаго рода суть ощущенія чисто-органическія (и потому прямо входятъ въ составъ самочувствія). Но, кромѣ этого, дѣятельное состояніе мускуловъ, производящее всѣ роды движеній организма и его частей, сопровождается цѣлымъ рядомъ отчетливыхъ ощущеній, способныхъ большею частію хорошо воспроизводиться или существовать въ формѣ идей: это—ощущенія собственно движенія. Они стоятъ въ самой тѣсной связи и сочетаются со всѣми ощущеніями внѣшними, особенно же тѣсно связаны съ осязательными и зрительными; вмѣстѣ съ ними они участвуютъ въ образованіи представленія о внѣшнемъ, или знанія о немъ, а потому относятся къ внѣшнимъ.

Первое, самое общее изъ двигательныхъ ощущеній, сопровождающее всѣ виды движеній и напряженія, есть ощущеніе выхода силы изъ организма, какъ источника и центра ея. Ощущеніе это, вслѣдствіе постояннаго его присутствія въ сознаніи въ связи съ каждымъ движеніемъ и положеніемъ организма, не сосредоточиваетъ на себѣ вниманія, не замѣчается безъ сознательнаго усилія; потому психологи до послѣдняго времени (до Бэна) о немъ не упоминали. Но тѣмъ не менѣе ощущеніе это очень опредѣленно и ясно сознается, какъ только мы на него обратимъ свое вниманіе. Бэнъ считаетъ его первымъ ощущеніемъ и первымъ актомъ духа, начинающаго свою жизнь въ связи съ тѣломъ, такъ какъ самостоятельная жизнь сформировавшагося организма въ утробѣ обнаруживается въ движеніи. Значеніе этого ощущенія въ душевной жизни опредѣляется такимъ соображеніемъ-предположеніемъ. Если-бы духъ имѣлъ одно это ощущеніе и въ то же время могъ мыслить, то въ немъ, очевидно, могло бы возникнуть сознаніе, что внѣ его есть нѣчто, куда уходитъ и направляется внутренняя сила, т. е. у него могла получиться идея внѣшняго и иного бытія, противоположнаго его собственному. Такимъ образомъ, это ощущеніе такъ или иначе должно, очевидно, входить въ составъ тѣхъ дѣятельностей духа, результатомъ которыхъ впослѣдствіи является ясное раздѣленіе себя отъ внѣшняго и отъ своего соб-

ственнаго организма. Эти же ощущенія служатъ внутреннимъ знакомъ, отличающимъ дѣятельное состояніе отъ страдательнаго и, такимъ образомъ, лежатъ, въ основѣ понятія о дѣятельномъ состояніи. За этимъ первымъ ощущеніемъ въ сферѣ движенія слѣдуетъ не менѣе важное ощущеніе—сопротивленія движенію и простому напряженію мускуловъ и—давленія. Связанное всегда съ осязательными ощущеніями, ощущеніе сопротивленія и давленія возникаетъ у насъ при каждомъ положеніи организма — сидимъ ли мы, лежимъ, стоимъ, идемъ и т. п. Изъ него, затѣмъ, возникаютъ привычки и едва сознаваемое ощущеніе непобѣдимаго сопротивленія, или опоры. Потеря этого ощущенія сопровождается любопытными явленіями сознанія, иллюстрирующими всего лучше значеніе этого ощущенія. Рядомъ съ этимъ ощущеніемъ возникаетъ ощущеніе „побѣдимаго“ сопротивленія, или препятствія движенію. Возникновеніе этого ощущенія вызываетъ увеличеніе напряженія и увеличеніе траты силы, которая наростаетъ пока препятствіе движенію не будетъ устранено. При этомъ мы непосредственно ощущаемъ каждое увеличеніе траты силы и, такимъ образомъ, измѣряемъ ея количество. Изъ непосредственнаго ощущенія количества растрачиваемой на побѣжденіе сопротивленія силы въ каждомъ данномъ случаѣ возникаютъ ощущенія твердаго, мягкаго, жидкаго, газообразнаго, подвижнаго и неподвижнаго, также ощущеній тяжести, затѣмъ идеи и понятія этихъ такъ называемыхъ свойствъ тѣлъ. До какой степени эти внѣшнія свойства зависятъ отъ ощущенія количества растрачиваемой силы мускульной—очевидно изъ того, что предметъ, напр., кажется тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ больше усилія требуется для его поднятія. Ощущая непосредственно количество растрачиваемой силы и тѣмъ самымъ получая основу для являющейся впослѣдствіи идеи количества, мы затѣмъ также непосредственно и прямо ощущаемъ способъ траты силы, т. е. растрачиваемъ ли мы силу, нужную на побѣжденіе сопротивленія по частямъ, производя постепенное напряженіе ея, или все ея количество тратимъ вдругъ. При равенствѣ сопротивленія или препятствіи, или, что тоже, при ра-

венствѣ растрачиваемаго въ томъ и другомъ случаѣ количества силы, изъ различія этихъ ощущеній—траты вдругъ и траты постепенно—возникаетъ чувство или ощущеніе продолжительности и краткости, изъ котораго впослѣдствіи въ связи съ другими подобными измѣненіями сознанія образуется идея времени. Наконецъ, мы непосредственно ощущаемъ всякое измѣненіе въ напряженіи силы или точкахъ ея приложенія. Отсюда возникаетъ ощущеніе пути, проходимаго движущимся органомъ, перехода изъ одного пункта въ другой, третій и т. д., въ одной плоскости, вверхъ, внизъ, вдаль и т. п. Изъ этого ощущенія, опять въ связи съ другими ощущеніями и затѣмъ высшими дѣятельностями, возникаетъ ощущеніе и затѣмъ идея пространства въ трехъ его извѣстныхъ измѣреніяхъ (математическія тѣла).

Итакъ, въ области движенія мы имѣемъ рядъ, во всякомъ случаѣ, весьма вліятельныхъ въ жизни духа ощущеній или, точнѣе, группъ ихъ—ощущенія: a) выхода силы, b) сопротивленія въ его различныхъ формахъ, c) количества растрачиваемой силы при движеніи, d) способа траты этой силы и e) пути, проходимаго движущимся органомъ.

За ощущеніями мускульными—движенія—слѣдуютъ тѣсно связанныя съ ними *осязательныя ощущенія*, которыя сопутствуютъ всѣмъ почти остальнымъ. Ощущенія эти уже производятся особеннымъ аппаратомъ, или органомъ, хотя очень обширнымъ и, сравнительно съ другими органами, высшими, грубо устроеннымъ, именно,—кожею. Терминъ „осязательное ощущеніе“ не выражаетъ собою точно душевнаго состоянія, производимаго возбужденіемъ этого органа, т. е. чистаго ощущенія его. Онъ означаетъ собою ощущеніе, связанное съ движеніемъ, т. е. осложненное ощущеніями мускульными. Неточность и неудобство употребленія этого термина увеличивается еще отъ того, что въ немъ не обозначается очень важная группа ощущеній—температуры, которыя тоже зависятъ отъ возбужденія нервовъ кожи. Было-бы, поэтому, весьма полезно не употреблять этотъ терминъ въ ученіи объ элементарныхъ, простыхъ состояніяхъ и замѣнить его терминомъ „кожныя ощущенія“

или какимъ-нибудь другимъ. Кожа,—жировой слой, эпителій, эпидерма,—является органомъ особаго рода ощущеній благодаря тому, что въ ней въ огромномъ количествѣ разсѣяны концы чувствительныхъ нервовъ, идущихъ изъ головного и спинного мозга. Концы эти снабжены особыми приспособленіями, имѣющими видъ микроскопическихъ сосковъ и потому названныхъ „осязательными сосочками". Внутри этихъ „сосочковъ" находится особое образованіе, называемое „осязательнымъ тѣльцемъ". Въ этомъ тѣльцѣ оказывается первъ, обвивая его, или развѣтвляясь въ немъ. Осязательное тѣльце въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказывается не сплошнымъ, подушкообразнымъ, и состоитъ изъ шарика, составленнаго изъ очень большого количества оболочекъ, концентрически облекающихъ другъ друга и конецъ нерва, находящійся внутри самой послѣдней внутренней оболочки полаго шарика. Этого рода осязательныя тѣла имѣютъ свое особое назначеніе, которое состоитъ въ увеличеніи чувствительности осязательныхъ нервовъ: тѣла эти дѣлаютъ нервы способными отвѣчать на весьма малыя раздраженія, какъ—прикосновеніе пылинки, пушинки и т. п. Осязательные сосочки, осязательныя тѣльца и нервныя волокна, въ нихъ оканчивающіяся, и суть, въ собственномъ и строгомъ смыслѣ, органы особаго рода ощущеній, идущихъ черезъ кожу, причемъ каждое волокно, въ силу своего строенія, несетъ раздраженіе, не смѣшивая его съ раздраженіями другихъ волоконъ. Такимъ образомъ, кожа въ каждый моментъ несетъ къ центрамъ собственно сѣть раздраженій, воспринимаемыхъ душею и перерабатываемыхъ въ одно состояніе—сознаніе, въ которомъ этотъ способъ возбужденія и передачи раздраженія играетъ очень важную роль.—Къ ощущеніямъ, производимымъ возбужденіемъ описаннаго аппарата, прежде всего, относится ощущеніе, возбуждаемое самымъ слабымъ прикосновеніемъ самаго легкаго тѣла. Его можно назвать ощущеніемъ соприкосновенія—осязательнымъ, въ спеціальномъ и строгомъ смыслѣ этого слова. Чѣмъ слабѣе соприкосновеніе, тѣмъ это ощущеніе отчетливѣе и напряженнѣе. При усиленіи раздраженія отъ болѣе тяжелаго тѣла, плотно прилегающаго къ кожѣ, это

тонкое ощущеніе переходитъ въ болѣе грубое—ощущеніе давленія, незамѣтно сливаясь съ мускульнымъ ощущеніемъ сопротивленія. Чисто осязательныя ощущенія возбуждаются, такимъ образомъ, только очень мягкими и легкими тѣлами, также воздухообразными. Всѣ остальныя, особенно возникающія при ощупываніи, осложнены мышечнымъ чувствомъ. Въ ощущеніи соприкосновенія съ слабымъ давленіемъ въ каждомъ мѣстѣ кожи возникаетъ большое количество ощущеній различныхъ пунктовъ соприкосновенія, соотвѣтственно количеству нервныхъ волоконъ, приходящихъ при этомъ въ раздраженіе. Такой характеръ ощущеній особенно ясно открывается въ одной изъ формъ его, извѣстныхъ подъ именемъ „ощущеній шероховатости", происходящихъ въ томъ случаѣ, когда соприкасающееся тѣло состоитъ изъ возвышеній и углубленій чрезвычайно малыхъ. Когда такихъ возвышеній и углубленій нѣтъ, или они очень малы, чтобы производить ясное возбужденіе, сознаніе отдѣльныхъ соприкасающихся пунктовъ, является очень слабымъ, и ощущеніе въ этомъ случаѣ называется „ощущеніемъ гладкаго"; высшая степень его получается отъ полированной поверхности. Своего рода непрерывность и сплошность ощущенія здѣсь увеличивается движеніемъ осязающей поверхности, въ силу чего ощущенія перемѣшиваются въ сознаніи до неразложимости ихъ. Такъ какъ при ощущеніи одновременно данныхъ раздраженій различныхъ пунктовъ необходимо ощущается или сознается ихъ взаимное соотношеніе, то въ области осязанія, какъ и въ области мускульнаго чувства, также даны основы для ощущенія пространства въ двухъ его плоскостныхъ измѣреніяхъ и—съ тѣмъ вмѣстѣ—ощущеній фигуры предмета, опять въ одной плоскости, притомъ, когда эти фигуры не больше осязающей поверхности. Третье измѣреніе ощущается и сознается только при помощи уже движеній. Чувствительность къ различнымъ пунктамъ и фигурѣ предмета, соприкасающагося съ кожею, не одинакова въ различныхъ частяхъ организма. Вообще же на переднихъ частяхъ организма чувствительность большая, чѣмъ на заднихъ, на подвижныхъ—большая, чѣмъ на неподвижныхъ. Особенною чувствительностію отличаются кон-

цы пальцевъ, ладонь, губы, языкъ, подошвы ногъ; особенною слабостію задняя часть шеи, вообще, спина, въ верхнихъ областяхъ (опыты Вебера).

Вкусовыя и *обонятельныя* ощущенія, тѣсно связанныя между собою и съ осязательными ощущеніями тѣхъ полостей, въ коихъ находятся ихъ спеціальные органы, представляютъ огромное количество видоизмѣненій отдѣльныхъ различныхъ ощущеній. Ихъ такъ много, что для большей части нѣтъ даже особыхъ названій. Но, не смотря на это, прямое вліяніе этой массы разнообразнѣйшихъ измѣненій сознанія на содержаніе и строй высшей душевной дѣятельности, можно сказать, ничтожно. Косвенное же вліяніе ихъ на душевную сферу черезъ возбуждаемыя ими волненія удовольствія и неудовольствія особенно вкусовыхъ ощущеній весьма значительно.

Точныхъ свѣдѣній о вкусовыхъ ощущеніяхъ въ современной наукѣ имѣется очень немного. Тоже приходится сказать и объ обонятельныхъ ощущеніяхъ. Анатомическая и физическая стороны ихъ почти вовсе не разработаны. Психологія знаетъ о нихъ несравненно болѣе на основаніи внутренняго наблюденія, хотя и здѣсь свѣдѣнія представляютъ сырой матеріалъ и мало обработанный. Прежде всего, терминъ „вкусовое ощущеніе“ такъ же не точенъ, какъ и терминъ „осязательное ощущеніе“. Имъ обыкновенно обозначаются всѣ ощущенія въ полости рта и отчасти пищепровода, желудка, носа. Спеціально вкусовыя ощущенія получаются только языкомъ и, можетъ быть, мягкимъ небомъ. Относительно послѣдняго существуетъ разногласіе. Всѣ остальныя ощущенія, относимыя къ вкусовымъ, суть или осязательныя, температуры, обонятельныя ощущенія, зависящія отъ состоянія пищеваренія и большей или меньшей степени насыщенія, или же представляютъ сложенныя изъ всѣхъ ощущеній полости рта и спеціально-вкусовыхъ въ различныхъ сочетаніяхъ. Сюда нерѣдко входятъ даже зрительныя ощущенія, и иногда ощущенія осязательно-мускульныя—рукъ и т. п. Въ силу этого, всѣ вкусовыя ощущенія въ общепринятомъ смыслѣ этого названія распредѣляются на

слѣдующія группы: a) чисто вкусовыя ощущенія, безъ примѣси другихъ, и простыя: ощущенія сладкаго, горькаго, кислаго и прѣснаго, соленаго и щелочнаго. b) Ощущенія вкусо-осязательныя: ощущенія вяжущаго, жгучаго, холоднаго или горячаго, ѣдкаго вкуса и т п. c) Ощущенія вкусо-обонятельныя — характерный вкусъ всѣхъ такъ наз. пахучихъ пищевыхъ веществъ. d) Ощущенія вкусо-желудочныя—вкусность особаго рода всякой пищи при голодѣ — отвращеніе отъ пищи при переполненномъ или разстроенномъ желудкѣ. e) Ощущенія вкусности (англ. relish, франц. saveur). Это тѣ сложныя несомнѣнно, но неизвѣстно какимъ образомъ сложенныя, ощущенія, которыя получаются отъ сложныхъ тѣлъ (вкусъ мяса, масла, молока, плодовъ, вкусъ сложныхъ, искусственно созданныхъ, блюдъ и т. п.)

Вкусовыя ощущенія — всѣ безъ исключенія — легко возбуждаютъ, какъ и органическія, побочныя, новыя состоянія—чувства удовольствія и неудовольствія, въ очень сильныхъ степеняхъ, вызывая весьма рельефныя внѣшнія выраженія. Есть вкусовыя ощущенія по преимуществу пріятныя (сладкаго) и по преимуществу непріятныя (горькаго). Но, вообще, при зависимости пріятности или непріятности вкусовыхъ ощущеній отъ пищеваренія и общаго состоянія организма—удовольствіе и неудовольствіе, въ связи съ вкусомъ, въ высшей степени измѣнчивы и относительны. Измѣнчивость эта обусловливается, кромѣ того, необъяснимыми еще природными предрасположеніями и болѣзненнымъ разстройствомъ (De gustibus... non disputandum est).

Вкусовыя ощущенія занимаютъ весьма видное мѣсто въ жизни дитяти,—вообще, въ періодъ полнаго преобладанія физическаго надъ психическимъ у человѣка, и ощущенія эти, особенно удовольствія и страданія въ области ихъ, долго сосредоточиваютъ на себѣ его вниманіе. Также точно у людей неразвитыхъ вкусовыя ощущенія въ формѣ удовольствій (лакомства) и страданій разнаго рода тоже являются весьма часто и въ напряженной формѣ. Въ силу этого многія высшія душевныя состоянія сравниваются и получаютъ метафорическія отъ нихъ названія. Отсюда

выраженія: сладость дружбы, молитвы, горечь обиды, горя и т. п. (Подобныхъ перенесеній много также изъ области органическихъ ощущеній). Въ силу того, что различеніе и оцѣнка въ области ощущеній вкусовыхъ очень тонки и разнообразны—самое названіе вкуса перенесено во всѣхъ языкахъ на высшія формы процесса различенія хорошаго и дурного и, вообще, оцѣнки, напр., эстетическихъ, нравственныхъ и др. состояній (эстетическій вкусъ). Но все это нисколько не повышаетъ значенія вкусовыхъ ощущеній въ сферѣ высшей жизни духа. Изъ нихъ не строится ничего прочнаго и важнаго по своимъ послѣдствіямъ въ психической жизни.

Что касается устройства концевыхъ аппаратовъ, чрезъ которые возбуждается вкусовой нервъ, затѣмъ возникаетъ ощущеніе, то, какъ мы замѣтили уже,-объ этомъ мало извѣстно точнаго. Языкъ покрытъ разной величины сосочками или бугорками, которые и носятъ названіе вкусовыхъ же сосочковъ. Они распредѣлены группами, окружены въ нѣкоторыхъ мѣстахъ желобками, въ которыхъ находятся, имѣющія видъ сосудовъ кувшинчиковъ, тѣльца. Какъ они возбуждаются—неизвѣстно. Отчего происходитъ различіе горькаго, сладкаго и проч., пока вовсе неизвѣстно. Извѣстно только, что вещества, способныя возбуждать вкусовыя ощущенія, должны быть растворимыми или способными растворяться въ жидкостяхъ рта; что движеніемъ полости рта и языка увеличивается отчетливость вкусовыхъ ощущеній; что вкусовое ощущеніе возбуждается слабѣе на концѣ языка и достигаетъ высшей силы на задней его части; что сильныя вкусовыя раздраженія могутъ существовать очень продолжительное время, сравнительно съ другими, въ качествѣ слѣдовъ.

Еще меньше извѣстно о строеніи и объ отправленіи органа обонянія. Нервъ идетъ изъ нижней части мозга, переходя въ утолщеніе обонятельной луковицы. Изъ этой послѣдней множество тонкихъ нитей спускается въ полость носа, развѣтвляясь въ верхней части по слизистой оболочкѣ. Обонятельный нервъ раздражается подъ вліяніемъ мельчайшихъ частичекъ летучихъ веществъ, распространяющихся въ воздухѣ. Частички эти такъ

мелки, и количество ихъ такъ можетъ быть ничтожно, что присутствіе ихъ и можетъ быть открыто только обоняніемъ. Полость носа находится въ связи съ полостію рта; поэтому, ощущенія обонятельныя дѣлятся на два отдѣла: 1) собственно обонятельныя (въ полости носа) и 2) обонятельно-вкусовыя (въ полости рта и носа). Ощущенія перваго рода вызываются вообще двумя раздражителями: благовоніемъ и зловоніемъ. Основа благовонія лежитъ въ углеродистыхъ соединеніяхъ частицъ, а основа зловонія въ сѣрноводородныхъ [1]). Ощущенія обонятельныя сопровождаются иногда осязательными ощущеніями въ полости носа. Такія ощущенія (обонятельно-осязательныя) вызываются ѣдкими запахами, напр., горчицы, нашатырнаго спирта (эти предметы вызываютъ осязательныя ощущенія безъ обонятельныхъ, если приводятся въ соприкосновеніе и съ другими органами). Ощущенія второго рода (обонятельно-вкусовыя) вызываются возбужденіемъ носовой ткани совмѣстно съ раздраженіемъ пищевыхъ органовъ. Подобное возбужденіе Бэнъ называетъ аппетитомъ. Оно, вмѣстѣ съ ощущеніемъ запаха, вызываетъ ощущенія вкусовыя (сопровождаемыя даже выдѣленіемъ слюны, какъ и при видѣ пищи).—Обонятельныя ощущенія вообще имѣютъ мало значенія въ дѣлѣ ознакомленія съ внѣшнимъ міромъ. Они, какъ будто, вовсе не даютъ матеріаловъ для душевной дѣятельности человѣка; между тѣмъ въ природѣ есть такія существа, для которыхъ процессъ обонянія есть чуть-ли не главное условіе психической дѣятельности (напр., для собаки).

Глазъ—органъ *зрительныхъ ощущеній*—имѣетъ чрезвычайно сложное устройство, въ общемъ, напоминающее камеръ-обскуру, съ изображеніемъ въ ней предмета внѣшняго на задней матовой стеклянной пластинкѣ въ положеніи обратномъ, вверхъ ногами. Не вдаваясь въ подробное описаніе устройства глаза, мы отмѣтимъ только самое существенное и необходимое для понятія чисто

[1]) Были попытки классифицировать обонятельныя ощущенія по ихъ качеству (напр., Ксавье), но эти попытки не удались.

психической стороны зрительныхъ ощущеній, и ихъ психическій составъ. Главною дѣйствующею частію глаза является „ретина", или сѣтчатая оболочка, составленная изъ развѣтвленія и сплетенія нѣсколькихъ десятковъ тысячъ волоконъ зрительнаго нерва. Они составляютъ заднюю сторону, дно глаза. Въ срединѣ, противъ отверстія зрачка, она имѣетъ углубленіе, такъ называемую „центральную ямку". Нѣсколько сбоку находится въ ней самое чувствительное къ свѣту мѣсто, называемое „желтымъ пятномъ"; мѣста около этого пятна даютъ менѣе ясныя свѣтовыя ощущенія, и, вообще, чувствительность ретины уменьшается отъ центра къ окружности. Этимъ глазъ вынуждается двигаться для воспріятія предмета, чтобы получить самое ясное впечатлѣніе отъ всѣхъ его пунктовъ. Другая причина движенія глаза есть такъ называемое „слѣпое пятно", или „пятно Маріотта", мѣсто, гдѣ зрительный стволъ входитъ въ глазъ и развѣтвляется: оно абсолютно не чувствительно къ свѣту и, падая на него, свѣтъ не производитъ никакого раздраженія. Ретина покрыта прозрачными призматическими тѣльцами, извѣстными подъ именемъ „колбочекъ" и „палочекъ". На нихъ непосредственно и дѣйствуетъ свѣтъ, способомъ еще совершенно неизвѣстнымъ наукѣ. На нихъ получаются и изображаются предметы вверхъ ногами; но это миніатюрное всегда изображеніе предмета не имѣетъ само по себѣ никакого значенія, и его присутствіе не сознается вовсе,—сознаются только раздраженія концевъ нервовъ и изъ нихъ строится душею образъ предмета, но какъ—опять неизвѣстно вполнѣ. Движенія глаза, вынуждаемыя свойствами „желтаго" пятна и „слѣпого", совершаются въ вертикальной плоскости—вверхъ, внизъ, въ сторону, кругомъ. Но кромѣ этого, существуетъ рядъ движеній, тоже постоянныхъ, какъ и первыя, въ плоскости горизонтальной—назадъ и впередъ и такого же характера движенія аккомодиціонныя, при помощи которыхъ увеличивается или уменьшается выпуклость хрусталика, играющаго роль объектива въ камеръ-обскурѣ, причемъ уменьшается или увеличивается уголъ преломленія лучей свѣта и положеніе изображенія и зрительныхъ раздраженій, по общеизвѣстнымъ оптическимъ законамъ.

Въ силу такого устройства и дѣятельности зрительнаго аппарата—ощущеніе, производимое имъ, двухъ родовъ, или, точнѣе, состоитъ изъ двухъ элементовъ—чисто зрительныхъ и—мышечныхъ, или мускульныхъ. Чисто-зрительныя ощущенія суть: а) ощущеніе свѣта и тьмы. Въ видѣніи-ощущеніи свѣта открывается сознанію, прежде всего, свѣтъ въ формѣ бѣлаго поля, или пространства; въ ощущеніи тьмы дается темно-черное или сѣроватое поле, или пространство. При неподвижности глаза, это поле въ томъ и другомъ случаѣ равно объему ретины; движеніемъ оно увеличивается до извѣстныхъ всякому изъ опыта размѣровъ, неодинаковыхъ у различныхъ людей. Это ощущеніе есть состояніе раздраженія нерва зрительнаго, воспринятое душею, и можетъ быть произведено всякою силою, способною привести нервъ въ дѣятельное состояніе, напр., приливомъ крови къ нерву, ударомъ и т. п. Такого происхожденія ощущенія называются свѣтомъ субъективнымъ Обыкновенно свѣтовое ощущеніе вызывается колебаніями свѣтового эфира, дѣйствующими невѣдомымъ образомъ на зрительный нервъ. Колебаній этихъ семь главныхъ видовъ, но они воспринимаются зрѣніемъ какъ одно, въ формѣ бѣлаго свѣта, который, такимъ образомъ, состоитъ изъ смѣшенія и слiянія всѣхъ колебаній. Сознаніе каждаго рода колебаній отдѣльно и въ различныхъ сочетаніяхъ даетъ—b) ощущеніе цвѣта или цвѣтовъ, второй видъ зрительныхъ ощущеній. Цвѣтовъ этихъ, соотвѣтственно главнымъ формамъ колебаній эфира, семь: красный, желтый, оранжевый, зеленый, голубой, синій и фіолетовый. Три изъ нихъ, изъ смѣшенія которыхъ получается бѣлый свѣтъ и всѣ остальные цвѣта спектра—именно: красный, зеленый и фіолетовый называются основными. Выдѣленіе цвѣтовъ изъ бѣлаго производится преломляющими свѣтъ и отражающими его средами, или тѣлами, въ безконечномъ, можно сказать, разнообразіи сочетаній основныхъ и спектральныхъ, и даетъ огромное количество цвѣтовыхъ ощущеній. Но, какъ всѣ цвѣта радуги, такъ и многіе другіе, могутъ быть произведены раздраженіемъ нерва зрительнаго другою силою, напр., простымъ давленіемъ. Ощущенія такого происхож-

денія цвѣтовъ называются тоже субъективными. Къ цвѣтамъ или цвѣтовымъ ощущеніямъ также относятъ—бѣлый, черный и сѣрый, обусловливаемые не количествомъ колебаній эфира, а количествомъ отражающихся отъ окрашеннаго ими предмета лучей. Третій видъ ощущенія зрительнаго составляетъ—с) видѣніе отдѣльныхъ предметовъ въ общемъ свѣтломъ полѣ. Не имѣя возможности объяснить самый фактъ открытія предметовъ безъ непосредственнаго ихъ соприкосновенія, этотъ таинственный актъ сравниваютъ съ осязаніемъ на разстояніи. Онъ состоитъ въ дѣйствіи отдѣльныхъ точекъ предмета внѣшняго на ретину при помощи отраженія отъ нихъ лучей свѣта. Изъ этихъ точекъ строится въ процессѣ воспріятія одно цѣлое—образъ, подобно тому, какъ осязаніемъ строятся изъ отдѣльныхъ пунктовъ раздраженія кожи сплошныя поверхности. Ко всѣмъ свѣтовымъ чисто ощущеніямъ присоединяются ощущенія мускульныя—отъ множества волоконъ мускульныхъ, окружающихъ глазъ, и мускуловъ, приводящихъ его въ движеніе. Эти ощущенія лежатъ въ основѣ пространственныхъ воспріятій зрѣнія.

Зрительныя ощущенія даютъ не только богатый и разнообразный матеріалъ для душевныхъ построеній, но сообщаютъ имъ особенную опредѣленность, отчетливость, яркость. Они являются центромъ нашихъ представленій о предметахъ и явленіяхъ міра физическаго и даже духовнаго, и около нихъ обыкновенно группируются всѣ другія ощущенія, входящія въ составъ всякаго представленія; въ то же время они служатъ какъ бы основою и канвою, въ которую вплетаются всѣ другія ощущенія отъ предмета и явленія, схемою, въ которую они укладываются. Потому-то всѣ представленія называются обыкновенно идеями, т. е. видами (схоластическое species),—и вполнѣ справедливо, такъ какъ каждое представленіе даже о предметахъ невидимыхъ заключаетъ въ себѣ зрительный элементъ, какъ схему, дающую ему законченность и общее очертаніе, также живость и рельефность. Потому-же высшая степень ясности, опредѣленности даже отвлеченныхъ построеній называется наглядностію, очевидностію. Кромѣ того, зрительныя ощущенія даютъ всему

содержанію нашихъ представленій о мірѣ особенную широту и лежатъ въ основѣ идеи вселенной, какъ одного живого необъятнаго цѣлаго, идеи, которая носитъ справедливо названіе „міросозерцанія“. Идеи-представленія человѣка, лишеннаго зрѣнія отъ рожденія, не испытывавшаго никогда зрительнаго ощущенія, имѣютъ видъ блѣдныхъ, съ плохо очерченными, туманными и перепутанными контурами и границами тѣней, трудно представимыхъ для зрячаго. Его вселенная, построенная на основаніи мускульно-осязательныхъ ощущеній рукъ и ногъ его собственныхъ, необходимо очень мала въ цѣломъ и частяхъ, и никакими описаніями нельзя внушить ему, напр., представленіе небеснаго свода во всемъ его величіи, тѣмъ болѣе представленіе громадныхъ пространствъ, которыя занимаются въ душѣ зрячаго планетною системою и т. п. Его масштабъ для измѣреній пространства слишкомъ малъ сравнительно съ зрительнымъ, и слишкомъ большое усиліе требуется ему, чтобы приблизительно построить представленіе того пространства, какое дается радіусомъ зрѣнія, построить изъ тѣхъ сравнительно очень малыхъ пространствъ, представленіе о какихъ можетъ онъ имѣть отъ движенія рукъ и ногъ. Міръ духовный, міръ безтѣлесныхъ существъ для слѣпорожденнаго вообразимъ только съ великимъ трудомъ и въ формѣ, похожей на наши представленія о математическихъ тѣлахъ, т. е. на представленіе пустоты, очерченной воображаемыми линіями. Ему трудно, несравненно труднѣе, чѣмъ зрячему, исключить изъ этихъ очертаній тѣлесность, т. е. сопротивленіе, потому что, воспринимая очертанія мускульнымъ чувствомъ, въ связи съ осязаніемъ, онъ воспринимаетъ ихъ только въ связи съ чувствомъ сопротивленія и тѣлесности и не имѣетъ, не можетъ имѣть прямого опыта образа, очертанія безъ сопротивленія, опыта, ежесекундно повторяющагося у зрячаго въ видѣніи любого предмета. Дѣло въ томъ, что хотя зрительный образъ формируется при участіи мышечнаго чувства глаза, но движенія, усилія, сопротивленія здѣсь такъ слабы, что вовсе не сознаются, и зрительный образъ есть законченное цѣлое безъ тѣлесности и сопротивленія, которыя входятъ въ него уже черезъ мускульно-осязательныя ощу-

щенія, т. е. ассоціируются уже съ ними послѣ. Кромѣ того, съ исключеніемъ, при сильномъ напряженіи, тѣлесности изъ образа, слѣпорожденный получаетъ пустоту, отрицаніе, нѣчто мертвое и лишенное всякаго содержанія. Между тѣмъ для зрячаго—исключеніемъ тѣлесности не исключается всякое содержаніе изъ образа, остается живое, окрашенное разнообразное цѣлое, только лишенное матеріальности. Такимъ образомъ, зрительныя ощущенія служатъ, если не матеріальнымъ, то великимъ пособіемъ для человѣческаго представленія и затѣмъ пониманія міра духовнаго, и усвоеніе этого міра душею, сознаніе его реальности весьма вѣрно называется „умозрѣніемъ", „созерцаніемъ", созерцательною дѣятельностію души по преимуществу.

Органъ слуха—ухо; въ немъ три части: наружная, средняя и внутренняя. Наружное ухо состоитъ изъ ушной раковины, слухового прохода и барабанной перепонки. Ушная раковина — упругая, тонкая, хрящевая пластинка, которой назначеніе собрать волны воздуха и проводить ихъ въ слуховой проходъ; этотъ послѣдній оканчивается барабанной перепонкой, за которой слѣдуетъ средняя часть уха. Она состоитъ изъ барабанной полости—маленькаго, неправильно-продолговатаго пространства,—и Евстахіевой трубы, которая оканчивается въ глоткѣ. На внутренней стѣнкѣ барабанной полости находятся два отверстія, закрытыя нѣжными эластичными перепонками. Эти послѣднія соединяются тремя подвижными косточками съ барабанной перепонкой. 1-я косточка—молоточекъ, 2-я наковальня и 3-я стремя. Внутренняя часть уха называется лабиринтомъ и наполнена жидкостію, въ которой плаваютъ концы нервовъ. Возбудителями слуховыхъ ощущеній служатъ движенія волнъ воздуха—отъ 20 колебаній въ секунду до 38,000.—Процессъ слуха состоитъ въ слѣдующемъ: слуховая волна воздуха чрезъ слуховой проходъ доходитъ до барабанной перепонки, которая чрезъ слуховыя косточки въ барабанной полости производитъ волну въ водѣ лабиринта и такимъ образомъ раздражаетъ слуховой нервъ.—Ухо различаетъ шумъ и тонъ; первый, какъ извѣстно, происходитъ отъ неравномѣрнаго движенія звуковыхъ волнъ, второй отъ

равномѣрнаго. Затѣмъ воспринимаетъ также члено-раздѣльную рѣчь, которая состоитъ изъ тоновъ, тоно-шумовъ и шумовъ. Такъ какъ область звуковъ безконечна, и, кромѣ того, органомъ слуха воспринимается члено-раздѣльная рѣчь, которая служитъ главнымъ орудіемъ передачи нашихъ мыслей, то органъ слуха причисляется къ высшимъ органамъ чувствъ. Люди, лишенные этого органа, лишены большей части представленій, и, поэтому, стоятъ обыкновенно на очень низкой степени культуры.

Мы описали качественныя различія или содержаніе ощущеній всѣхъ трехъ классовъ: органическихъ, мускульныхъ и внѣшнихъ чувствъ. Въ ощущеніи всякаго содержанія и всѣхъ классовъ, кромѣ этого, существуетъ другая сторона. другая постоянная составная часть,—это сила, напряженіе, или интенсивность ихъ. Дѣйствительно, изъ непосредственнаго сознанія извѣстно, что каждое ощущеніе можетъ быть или очень слабымъ или чрезмѣрно сильнымъ и напряженнымъ и затѣмъ проходить всѣ возможныя степени напряженности, лежащія между этими двумя крайними пунктами. До сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія на эту сторону ощущеній не обращалось никакого вниманія,—она едва упоминалась. Первый обратилъ на нее вниманіе Веберъ; его изслѣдованія продолжены, провѣрены и развиты Фехнеромъ, въ Elemente der Psychophysik, 1860, Гельмгольцемъ и др. физіологами. Вундтъ первый включилъ ихъ въ систему психологіи, въ своихъ „Чтеніяхъ о душѣ человѣка и животныхъ“, и—вполнѣ законно, потому что различныя степени силы ощущенія играютъ очень важную роль въ сложныхъ умственныхъ процессахъ воспріятія, различенія и т. п. Кромѣ того, большая или меньшая сила, напряженность составляютъ свойство не однихъ ощущеній, а и всѣхъ душевныхъ состояній, особенно же чувствованій, или волненій. И насколько можно судить по начавшимся въ этомъ направленіи изслѣдованіямъ, законъ усиленія и ослабленія ощущеній, открытый Веберомъ и названный по его имени „Веберовскимъ закономъ“, обнимаетъ собою

не одни ощущенія, но и всѣ душевныя состоянія—есть общій законъ количественныхъ измѣненій во всѣхъ сферахъ душевной жизни.

Сущность добытыхъ Веберомъ и др. изслѣдователями результатовъ состоитъ въ слѣдующемъ. Прямою причиною всякаго усиленія ощущенія служитъ усиленіе нервнаго раздраженія и внѣшняго дѣятеля, его производящаго,—свѣта, звука тяжести и т. п. При этомъ, не всякія величины внѣшняго дѣятеля способны вызывать ощущеніе: внѣшній дѣятель долженъ обладать нѣкоторою минимальною силою, чтобы вызвать раздраженіе первное и затѣмъ ощущеніе; падая ниже этой минимальной величины, онъ не можетъ дѣйствовать и производить ощущеніе. Моментъ, за которымъ слѣдуетъ самое слабое или едва замѣтное ощущеніе, называется „порогомъ ощущенія“, иногда „порогомъ сознанія“, или „веберовскимъ порогомъ“. Онъ неодинаковъ у различныхъ людей и у одного и того же человѣка при различныхъ условіяхъ: одинъ, по природѣ, или вслѣдствіе упражненія, можетъ воспринимать самыя слабыя колебанія воздуха, другой можетъ воспринимать ихъ при болѣе или менѣе значительномъ усиленіи. То же самое относительно всѣхъ ощущеній. Повышеніе или пониженіе момента явленія едва замѣтнаго ощущенія подъ вліяніемъ внѣшняго дѣятеля, повышеніе или пониженіе „порога ощущеній“ называется воспріимчивостію, раздражительностію. Являясь только съ возрастаніемъ раздраженій и раздражающей силы до извѣстной степени, ощущеніе, возрастая постепенно съ увеличиваніемъ силы внѣшняго дѣятеля, достигаетъ опять нѣкотораго предѣла, за которымъ никакое увеличеніе силы внѣшняго дѣятеля не можетъ ничего прибавить къ силѣ ощущенія, и дальнѣйшее увеличеніе его прекращается; начинается общее болевое ощущеніе, причемъ самый органъ ощущеній подвергается порчѣ, раздраженію или защищается отъ дальнѣйшаго возбужденія.

Въ отношеніи количественной стороны ощущеній, изслѣдованіе которой введено недавно въ Психологію, можно указать, т. о., слѣдующія данныя: a) Сила ощущенія вообще зависитъ отъ силы раздраженія, производимаго какимъ-либо внѣшнимъ дѣятелемъ. b) Но

этотъ дѣятель производитъ ощущеніе только въ томъ случаѣ, когда онъ возрастаетъ до извѣстнаго напряженія; ниже этого уровня онъ не можетъ дѣйствовать и проходить для сознанія безъ слѣда, никакъ не возбуждая его. с) Образовавшись или вышедши за этотъ порогъ, ощущеніе становится способнымъ являться на весьма различныхъ степеняхъ напряженія, соотвѣтственно степенямъ силы внѣшняго дѣятеля и нервнаго раздраженія; но и здѣсь, наступаетъ предѣлъ, за которымъ ощущеніе перестаетъ слѣдовать за раздраженіемъ и не можетъ усиливаться.

Эти факты имѣютъ очень важное психологическое значеніе, давая и объясненіе того, что называется ограниченностію нашего ума и предѣлами знанія о внѣшнемъ мірѣ. Человѣку открывается этотъ міръ, но только въ нѣкоторой части его состава, и именно той, которая можетъ дѣйствовать на нервную ткань, а все остальное остается, какъ говорятъ, сокрытымъ отъ него. И эта часть открывается не вполнѣ: и здѣсь слишкомъ малыя и слишкомъ большія величины силъ и дѣятелей внѣшнихъ остаются внѣ сознанія. Правда, умъ до извѣстной степени переходитъ эти границы и научается постепенно созерцать то, что не дано въ чувствахъ-ощущеніяхъ прямо и непосредственно; но это созерцаніе производится творческою комбинаціею и измѣненіемъ тѣхъ же ощущеній и имѣетъ опять предѣлъ въ ихъ природѣ. Правда также, онъ искусственно увеличиваетъ напряженіе самыхъ малыхъ раздраженій въ области органовъ высшихъ чувствъ—зрѣнія и слуха,—дѣлаетъ ихъ способными къ воспріятію такихъ слабыхъ возбужденій, къ которымъ они не способны сами по себѣ, при помощи телескопа и микроскопа; но и здѣсь возникаетъ граница, за которую, переступить нельзя: увеличеніе предмета въ микроскопѣ, приближеніе въ телескопѣ за извѣстными предѣлами дѣлаетъ воспріятіе неяснымъ и дальнѣйшее усиленіе возбужденія безполезнымъ.

Дальнѣйшія наблюденія надъ степенями силы ощущенія въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ они могутъ возрастать и усиливаться въ напряженіи, приводятъ тоже къ весьма цѣннымъ психологическимъ выводамъ, давая наглядное, выраженное въ цыф-

рахъ, объясненіе того, что называется относительностію знанія въ его источникахъ,—конечно, по отношенію къ матеріальному міру. Эта относительность выражается въ томъ, что ощущеніе измѣняетъ внѣшняго дѣятеля и собственно не похоже на него, есть особое состояніе нашего духа, отражающее этого дѣятеля, но невоспринимающее его такъ, какъ онъ существуетъ независимо отъ духа и въ себѣ самомъ. Наблюденія надъ усиленіемъ и ослабленіемъ ощущеній подъ вліяніемъ внѣшняго дѣятеля показали, что сила напряженія этого дѣятеля не передается душѣ такъ, какъ она есть въ дѣйствительности, а измѣняется значительно и является, такимъ образомъ, для сознанія не тѣмъ, что̀ есть, а тѣмъ, что̀ способна сознавать душа при тѣхъ или другихъ условіяхъ. Для простого, ненаучнаго сознанія казалось и кажется, что сила ощущенія всегда пропорціональна силѣ раздраженія внѣшняго, что ощущеніе, напр., свѣта увеличивается въ своей силѣ ровно настолько и востолько, насколько увеличивается сила этого дѣятеля (звука... тяжести). На самомъ дѣлѣ это далеко не такъ. Здѣсь абсолютная прибавка къ силѣ раздраженія или дѣятеля внѣшняго самымъ своимъ существованіемъ не производитъ измѣненія въ силѣ ощущенія и не сознается. Только когда она выростаетъ до извѣстной степени — получается сознаніе усиленія самаго ощущенія. (Весьма простые и общеизвѣстные факты убѣждаютъ въ этомъ: свѣтъ звѣзды, луны днемъ, звукъ голоса при звонѣ, прибавка къ пуду золотника и т. п.). Путемъ опытовъ, Веберъ при этомъ убѣдился, что для того, чтобы получилось сознаніе едва замѣтной разницы въ силѣ ощущенія даннаго, сила внѣшняго дѣятеля должна увеличиваться или возрастать тѣмъ значительнѣе и больше, чѣмъ значительнѣе сила существующаго ощущенія и раздраженія, и что эта прибавка всегда стоитъ въ правильномъ отношеніи къ наличной силѣ раздраженія. Это обобщеніе собственно и называется „закономъ веберовскимъ“. Выражая это обобщеніе въ конкретныхъ фактахъ, добытыхъ путемъ наблюденій въ области слуха, зрѣнія и мускульныхъ чувствъ, мы получимъ слѣдующія, нелишенныя сами по себѣ ин-

тереса, данныя. Для того, чтобы увеличилось едва замѣтно ощущеніе свѣта, необходимо увеличить свѣтъ на одну сотую его наличной силы; для полученія сознанія новаго увеличенія ощущенія—увеличенный на $^1/_{100}$ своей силы свѣтъ долженъ быть увеличенъ еще на одну сотую прежней своей силы и прибавки и т. д. Для того, чтобы получилась едва замѣтная разница въ силѣ ощущенія тяжести при поднятіи ее рукою и держаніи, нужно прибавить $^1/_{17}$ его наличной силы. При давленіи тяжести на мускулы прибавка должна равняться $^1/_3$ наличной силы. То же самое въ ощущеніи звука. Эти цыфры приблизительны, но смыслъ ихъ ясенъ: ощущеніе возрастаетъ въ своей силѣ несомнѣнно медленнѣе, чѣмъ внѣшняя сила и раздраженіе, и не тожественно съ ними даже количественно. Для большей наглядности этого закона сдѣланы были попытки изобразить его въ математической формулѣ. Отмѣчая съ этою цѣлію величины усиливающагося внѣшняго дѣятеля и наступающія за опредѣленною прибавкою къ нимъ увеличенія самаго ощущенія, получили два порядка чиселъ, изъ которыхъ одни выражаютъ величины раздраженія, другія ощущенія. При этомъ оказалось, что въ то время, какъ числа, выражающія силу раздраженія внѣшняго, возрастаютъ, примѣрно, въ такомъ порядкѣ: 2, 4, 8, 16, 32,—числа, выражающія силу ощущенія, получаютъ такой видъ: 1, 3, 5, 7, 9, и т. д. Первый рядъ чиселъ представляетъ такъ называемую геометрическую прогрессію съ знаменателемъ отношенія два; другой рядъ представляетъ такъ называемую ариѳметическую прогрессію съ разностію отношенія тоже 2. Отсюда законъ возрастанія ощущеній съ возрастаніемъ раздраженія выражается такъ: ощущеніе возрастаетъ въ прогрессіи ариѳметической, въ то время какъ раздраженіе въ геометрической. При дальнѣйшей обработкѣ чисто математической этого результата, законъ можетъ быть выраженъ такъ: ощущеніе возрастаетъ, какъ логариѳмъ раздраженія.

Взятыя во всей совокупности, ощущенія, какъ простѣйшія состоянія души, возникающія подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ внѣшнихъ дѣятелей и исчезающія съ ихъ прекращеніемъ, ничѣмъ

еще неосложненныя, даже несвязанныя между собою,—представляютъ большое количество различныхъ измѣненій сознанія. Къ сожалѣнію, и попытки исчислить это количество не сдѣлано доселѣ. Чтобы дать приблизительное понятіе объ этомъ количествѣ, можно безъ всякаго преувеличенія признать до 50 совершенно различныхъ по специфическимъ качествамъ измѣненій сознанія въ каждомъ изъ 7 классовъ ощущеній, что даетъ 350 измѣненій сознанія, лежащихъ въ самомъ началѣ и основѣ душевной жизни, составляющихъ ея элементы. Если мы даже уменьшимъ это количество на половину, то и въ такомъ случаѣ получимъ цыфру очень большую сравнительно съ количествомъ доселѣ извѣстныхъ физическихъ элементовъ (около 80). Комбинируя эти элементы въ болѣе сложныя сочетанія — по два, по три и т. д., мы получаемъ возможность громаднаго количества различныхъ осложненій и до извѣстной степени поймемъ источникъ той сложности и разнообразія явленій внутреннихъ, изъ коихъ состоитъ душевная жизнь самаго ограниченнаго, напр., человѣка.—Честь открытія этой основы душевной жизни въ ощущеніяхъ и опредѣленія ихъ значенія, какъ матеріала всѣхъ душевныхъ образованій сложныхъ, принадлежитъ представителямъ такъ называемаго сенсуализма, съ Локкомъ во главѣ, несправедливо унижепнымъ и искаженнымъ ихъ противниками. Правда, они впали въ крайность и довольно грубую ошибку даже съ точки зрѣнія матеріализма, пытаясь въ самыхъ ощущеніяхъ отыскать источникъ ихъ сочетаній и организаціи, зиждительную, образовательную силу, дѣйствіемъ которой ихъ хаосъ превращается въ стройное цѣлое, мыслящее, волнующееся, стремящееся и сознающее себя, какъ цѣлое и единое; но основная мысль ихъ вѣрна и составляетъ одно изъ самыхъ цѣнныхъ пріобрѣтеній науки, важность котораго все болѣе и болѣе сознается и уясняется. Основоположеніе сенсуализма: nihil est in intellectu, quod antem non fuerit in sensu — не можетъ быть опровергнуто уже потому, что жизнь духа несомнѣнно начинается съ ощущенія и поддерживается постоянно ихъ притокомъ, что ни одна идея,— пусть это будетъ самая

возвышенная и удаленная отъ чувственности — идея личности, идея вселенной, міра духовнаго, божества и т. п., не можетъ осуществиться и возникнуть въ духѣ человѣческомъ, пока не дана будетъ значительная сумма ощущеній. Если даже эти идеи прирождены готовыми, то возникаютъ онѣ, получаютъ дѣйствительное бытіе въ духѣ только чрезъ ощущенія, послѣ явленія ощущеній и изъ нихъ. Если мы признаемъ прямымъ источникомъ этихъ идей самочувствіе и самонаблюденіе, какъ это и есть (по всей вѣроятности) на самомъ дѣлѣ, то и въ такомъ случаѣ ощущеніе остается conditio, sine qua non ихъ явленія въ духѣ, потому что безъ нихъ невозможно открытіе этого внутренняго источника, невозможно начало самочувствія и затѣмъ самонаблюденія. Кромѣ того, въ этихъ возвышенныхъ идеяхъ всегда легко открыть, особенно на низшихъ ступеняхъ ихъ развитія, ясные слѣды чувственнаго, элементы ощущенія, не исчезающіе и на самыхъ высшихъ степеняхъ. Игнорировать этотъ очевидный фактъ — значитъ закрывать глаза на дѣйствительность въ угоду прежде освященной вѣками и великими авторитетами теоріи, которая сформировалась въ періодъ младенчества науки, не выдерживаетъ самой поверхностной критики и отличается свойственною ненаучному мышленію наивностію. Нѣтъ ничего проще какъ сказать, что часть нашихъ идей дѣлается самою душею, независимо отъ ощущеній, какъ бы изъ ничего, изъ себя самой, что другая часть дается ей готовымъ самымъ творцомъ или проникаетъ въ нее путемъ таинственнаго, недоступнаго никакому наблюденію, созерцанія, умозрѣнія. Но это не значитъ разрѣшить вопросъ происхожденія этой части содержанія души, а значитъ просто устранить его, прикрывши громкими, но не имѣющими въ сущности реальнаго содержанія и смысла фразами, потому, совершенно непонятными.

2—3. Чувство-волненіе и стремленіе.

Чувство и стремленіе, какъ элементарныя состоянія душевныя.

Рядомъ съ ощущеніями возникаютъ два другія простѣйшія измѣненія сознанія, или состоянія элементарныя: чувство-волненіе и стремленіе-потребность. Чувствованіе, въ связи съ ощущеніемъ, можетъ быть опредѣлено такъ: оно есть сознаніе впечатлѣнія, производимаго на душу самимъ ощущеніемъ, какъ ея дѣятельностію и измѣненіемъ,—сознаніе, связанное съ непосредственною оцѣнкою этого измѣненія, какъ-бы съ признаніемъ его хорошимъ или дурнымъ, что выражается сознаніемъ пріятности или непріятности. Это впечатлѣніе затѣмъ съ большею или меньшею опредѣленностію и силою производится всѣми другими измѣненіями и дѣятельностями душевными въ самыхъ простыхъ и самыхъ сложныхъ ихъ формахъ. Чувствованіе при этомъ получаетъ различныя, весьма многочисленныя и разнообразныя формы въ родѣ страха, гнѣва, любви и т. п. По временамъ оно является преобладающимъ состояніемъ сознанія, осложняясь и переплетаясь съ другими состояніями, и служитъ источникомъ того, что называется счастіемъ и несчастіемъ, блаженствомъ или страданіемъ человѣка.—Стремленіе, по всей вѣроятности, возникаетъ вслѣдъ за чувствованіемъ. Въ своемъ существѣ оно есть сознаніе недостатка, нужды, потребности въ чемъ-нибудь, и тѣсно связано съ двигательнымъ импульсомъ, а въ самомъ началѣ душевной жизни обыкновенно прямо переходитъ въ инстинктивное движеніе. Стремленіе является тоже въ большомъ количествѣ формъ и служитъ

основою и исходнымъ пунктомъ всякой внѣшней дѣятельности человѣка, его сношеній съ внѣшнимъ міромъ, также измѣненій, производимыхъ человѣкомъ въ себѣ самомъ—въ сферѣ органической-тѣлесной и душевной жизни.—Подробное изслѣдованіе этихъ двухъ состояній удобнѣе произвести въ связи съ изслѣдованіемъ тѣхъ отдѣловъ или областей душевной жизни, которыя обязаны имъ главнымъ образомъ своимъ возникновеніемъ, именно—жизни сердца и воли. А теперь, давши о нихъ общее понятіе, мы обратимся къ наблюденію тѣхъ измѣненій, какимъ подвергаются ощущенія, волненія и стремленія вслѣдъ за своимъ первоначальнымъ возникновеніемъ и образованіемъ въ душѣ, и тѣхъ соотношеній или процессовъ, которые являются какъ бы сами собою, вмѣстѣ съ явленіемъ первыхъ простыхъ состояній, ихъ измѣненій и превращеній.

4. Идея.

Превращеніе ощущенія въ идею. Значенія слова „идея". Точный смыслъ этого термина. Природа идеи. Простая первичная идея. Физіологическая теорія возникновенія идей изъ ощущеній. Сложная первичная идея. Вторичныя идеи—простыя и сложныя. Общія и отвлеченныя идеи.—Превращеніе волненія и стремленія въ идеи всѣхъ трехъ классовъ. Одинаковость общихъ свойствъ идей. Конкретная идея, какъ типическая форма всѣхъ идей. Свойства идей.

Происходя подъ непосредственнымъ вліяніемъ внѣшнихъ дѣятелей и существуя въ душѣ только до той поры, пока продолжается ихъ дѣйствіе, ощущенія являются сами по себѣ какъ бы продолженіемъ внѣшняго бытія, внѣшнихъ силъ и, потому, иногда называются психическими реальностями. Но каждое изъ нихъ, разъ образовавшись, немедленно подвергается особаго рода превращенію, измѣненію, которое представляетъ собою нѣчто еще болѣе таинственное и загадочное, чѣмъ возникновеніе измѣненій души въ ощущеніи, подъ прямымъ вліяніемъ внѣшнихъ дѣятелей. Именно, ощущенія получаютъ возможность возникать въ душѣ самостоятельно, независимо отъ реальныхъ дѣятелей, ихъ первоначально произведшихъ,—при полномъ отсутствіи впечатлѣній внѣшнихъ, которыми обыкновенно они вызываются (сознаніе свѣта въ тьмѣ, звука въ тишинѣ). Въ этой новой формѣ своего бытія ощущеніе становится тѣмъ, что называется „идеею", т. е. образомъ, копіею дѣйствительнаго ощущенія, которое на самомъ дѣлѣ отсутствуетъ въ данный моментъ.—Слово „идея", имѣетъ, какъ извѣстно, много значеній и прилагается къ весьма различнымъ душевнымъ состояніямъ. Оно означаетъ и слѣдъ ощущенія, какъ и всякаго

другого состоянія, и сложный образъ предмета, сознаваемаго, какъ нѣчто внѣшнее,—что называется обыкновенно идеею конкретнаго предмета или конкретною идеею,—и сознаніе бытія сходныхъ предметовъ, какъ особой группы, называемое обыкновенно общею идеею и понятіемъ. Словомъ „идея“ обозначается, далѣе, воображаемый типъ предмета, планъ его, имѣющій, по взгляду Платона и его послѣдователей, реальное, отдѣльное отъ предмета бытіе. Этимъ словомъ называется всякая даже сложная мысль, когда она только нарождается и не имѣетъ опредѣленности, наприм., въ часто употребляемой фразѣ—„у меня есть идея, у меня родилась идея“. Наконецъ „идеею“ называется равно извѣстнаго рода убѣжденіе, преимущественно возвышеннаго характера, осуществляемое человѣкомъ въ жизни (служить идеѣ, жить для идеи, преслѣдовать идею и т. п.). Точный и собственный психологическій смыслъ слова „идея“ тотъ, что имъ обозначается слѣдъ ощущенія, или комплексъ, сочетаніе этихъ слѣдовъ, не относимыхъ еще ни къ чему объективному, а являющихся простыми копіями чисто субъективныхъ измѣненій, возникшихъ прежде этого подъ вліяніемъ реальныхъ возбужденій. Идеи, являющіяся въ сознаніи копіями или образами внѣшняго, называются обыкновенно представленіями (representatio, Vorstellung), также образами (species, imago, Bild). Терминъ „слѣдъ“, введенный въ употребленіе Бенеке и его школою, не удобенъ въ томъ отношеніи, что сразу матеріализируетъ процессъ, внушаетъ мысль, что это есть какой то отпечатокъ въ какомъ-нибудь веществѣ, въ данномъ случаѣ—въ веществѣ мозга. А такое осложненіе въ связи съ научнымъ терминомъ весьма неудобно. Притомъ же слѣдомъ ощущенія называется въ настоящее время другое состояніе, чисто психо-физическаго или почти физіологическаго характера, именно,—продолженіе возбужденія чувствующаго нерва послѣ прекращенія дѣйствія на него возбудителя. Такъ, получаются слѣды свѣтовыхъ, вкусовыхъ, слуховыхъ, обонятельныхъ и другихъ ощущеній. Но это—продолженіе ощущенія, а не новая его форма, и не имѣетъ ничего общаго съ идеею.

Итакъ, первое измѣненіе, которому подвергается родившееся въ душѣ ощущеніе, есть превращеніе его въ идею. Такъ какъ каждое безъ исключенія ощущеніе способно къ такому превращенію, неизмѣнно ему подвергается и не можетъ не подвергаться, то—параллельно съ постоянно возникающими и постоянно прекращающимися или исчезающими реальными состояніями ощущенія—возникаетъ новый рядъ явленій или состояній душевныхъ, новый, такъ сказать, слой ихъ, состоящій изъ двойниковъ, подобій, копій всякаго отдѣльнаго ощущенія. Эти явленія, идеи, въ первые моменты своего возникновенія также просты, хаотичны и безсвязны, какъ и ихъ образцы, или прототипы. Такимъ образомъ, они по своей природѣ и составу относятся къ простымъ, элементарнымъ состояніямъ сознанія и въ этомъ видѣ могутъ быть названы *первичными идеями*, или, точнѣе, *простыми первичными идеями*. Также какъ и чистыя ощущенія, онѣ почти не существуютъ въ сформировавшейся уже душѣ и не могутъ быть наблюдаемы прямо: едва возникая, онѣ у насъ сливаются моментально съ организовавшимися сложными душевными образованіями, представленіями, понятіями и т. п. Но въ существованіи ихъ въ самомъ началѣ душевной жизни, когда въ душѣ нѣтъ ни одного сложнаго состоянія, затѣмъ, въ незамѣтномъ постоянномъ возникновеніи въ дальнѣйшіе періоды жизни нельзя сомнѣваться. Предполагать ихъ бытіе есть очевидное требованіе научнаго анализа. Не предположивши превращенія ощущеній въ идею „простую первичную“, нельзя мыслить и понять перехода ощущеній въ представленія и затѣмъ въ другіе сложные душевные состоянія и процессы (потому что ощущенія сами собою сочетаться между собою не могутъ: сочетаются и организуются только идеи, а затѣмъ ощущеніе съ идеями, идея съ ощущеніями). Существо только ощущающее не могло-бы имѣть никакой внутренней организаціи.—Въ пользу этого предположенія „простыхъ первичныхъ идей“, получаемаго путемъ разложенія сложныхъ состояній на ихъ составные элементы, говорятъ нѣкоторыя, правда, весьма неточныя пока и гипотетическія, данныя физіологіи и анатоміи мозга,

органа души. Эти физіологическія данныя, впрочемъ, явились подъ прямымъ вліяніемъ психологическаго анализа и составляютъ физіологическое толкованіе психологическихъ наблюденій и выводовъ; но до нѣкоторой степени они могутъ служить какъ-бы повѣркою психологическихъ выводовъ, и во всякомъ случаѣ, связывая трудно уловимый внутренній духовный процессъ съ болѣе удобно представляемыми матеріальными величинами и процессами, помогаютъ уясненію того, что мы назвали простою, первичною идеею. Послѣ знаменитыхъ опытовъ Флурана, Брика, Вульпіана съ вырѣзываніемъ полушарій большого мозга у живыхъ животныхъ, причемъ замѣчалась у нихъ потеря способности воспроизводить прошлыя состоянія ощущенія и воспріятія и совершать самыя простыя комбинаціи ощущеній, которыя сохраняютъ у нихъ, очевидно, всю силу и нормальную энергію,—послѣ этихъ опытовъ образовалась и существуетъ доселѣ, находя все больше и больше подтвержденія, такая физіологическая теорія возникновенія идей изъ ощущеній. Головной мозгъ есть сложный центръ. Нижнія его части и средина, или средній мозгъ, съ продолговатымъ и малымъ являются совокупностью такъ называемыхъ спеціальныхъ центровъ разныхъ ощущеній, движеній и органическихъ процессовъ. Цѣлостью спеціальнаго центра обусловливается возможность возникновенія той группы ощущеній, движеній или органическихъ процессовъ, которою онъ управляетъ. Всѣ эти спеціальные центры связываются и объединяются въ одномъ общемъ центрѣ, который состоитъ изъ самаго большого скопленія сѣраго вещества, пронизаннаго во всѣхъ направленіяхъ волокнами бѣлаго, и называется полушаріями большого мозга, мозговымъ покровомъ, мозговою корою, корковымъ веществомъ мозга. Этотъ общій центръ и есть физическій органъ образованія идей, мѣсто ихъ возникновенія, также объединенія и сочетанія ихъ душею, Онъ играетъ роль отражающаго аппарата, въ которомъ всякое состояніе и измѣненіе спеціальныхъ центровъ, имѣющее несомнѣнно форму молекулярнаго движенія, повторяется или отражается, направляясь туда по опредѣленнымъ путямъ. По самому существу дѣла, это отра-

женное повтореніе реальнаго измѣненія спеціальныхъ центровъ должно быть слабѣе своего производителя и неопредѣленнѣе. Явившись въ другой области, оно получаетъ здѣсь способность существовать и появляться само собою, независимо отъ возбужденія спеціальнаго центра. Это-то отраженное измѣненіе въ мозговой корѣ и сознается душею, какъ идея, являющаяся всегда тоже слабѣе реальнаго возбужденія и въ нашемъ сознаніи. Если мы, при необычайной быстротѣ теченія душевныхъ состояній и процессовъ и чрезвычайно быстромъ включеніи простыхъ состояній въ составъ уже существующихъ—сложныхъ, и не замѣчаемъ постояннаго превращенія всякаго ощущенія въ простую первичную идею; то его существованіе, хотя-бы въ теченіе тысячной доли секунды, не подлежитъ сомнѣнію, есть нѣчто физически необходимое, въ силу самаго устройства мозга—органа души. Пока цѣла мозговая кора и пути, которыми она связана съ аппаратами ощущающими и проч.,—при всякомъ ощущеніи не можетъ не быть и его отраженія.

Слѣдя далѣе за жизнью возникшей „простой идеи“ любого реальнаго возбужденія, мы и на основаніи внутренняго наблюденія и физіологической теоріи должны предположить немедленное вступленіе ея въ связь и соотношеніе съ другими подобными же идеями, съ которыми она такъ или иначе встрѣчается въ общемъ центрѣ. А эта связь и соотношеніе есть новый душевный фактъ, приводящій къ новымъ образованіямъ, въ самомъ началѣ жизни, конечно, весьма неустойчивымъ. Дѣло въ томъ, что изъ сочетанія нѣсколькихъ идей, такъ или иначе встрѣтившихся между собою въ общемъ ихъ производителѣ—отражательномъ аппаратѣ мозга и въ душѣ, немедленно должна образоваться, хотя бы на одинъ моментъ, сложная идея, т. е. объединенная въ душевномъ актѣ сознанія нѣкоторая совокупность простыхъ идей. Это состояніе будетъ *сложная первичная идея*. Въ силу того, что въ каждый моментъ бываетъ нѣсколько ощущеній разнаго рода, и всѣ они одновременно или другъ за другомъ превращаются въ простыя идеи въ одномъ центрѣ, въ одной сферѣ, всѣ они неизбѣжно встрѣчаются между собою и

сочетаются. Вотъ почему намъ такъ и трудно получать и наблюдать прямо чистую „простую идею первичную“. За то „сложныя первичныя идеи“ уже могутъ быть до извѣстной степени прямо наблюдаемы даже въ развитомъ сознаніи, хотя и не въ чистомъ видѣ, въ связи съ постояннымъ ихъ стремленіемъ превратиться въ представленія. Особенно близки къ этому моменту въ жизни идеи нѣкоторыя творческія построенія, завѣдомо не относимыя ни къ чему реальному. Душевныя образованія, происходящія изъ сочетанія простыхъ идей въ самомъ началѣ душевной жизни, очевидно, должны представлять изъ себя, едва вообразимый для развитаго сознанія, хаосъ самыхъ причудливыхъ, случайныхъ и невозможныхъ уже впослѣдствіи комбинацій. Попробуйте, въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ, что происходитъ въ душѣ ребенка спустя нѣсколько дней, даже недѣль послѣ рожденія, когда раскрываются всѣ чувства, за исключеніемъ обонянія, и образуются идеи каждаго изъ ощущеній,—что дѣлается при встрѣчѣ этихъ идей между собою и неизбѣжномъ соединеніи въ одно состояніе сознанія—въ „сложную идею“? Неопредѣленныя зрительныя идеи какихъ-то движущихся, различно окрашенныхъ пятенъ являются одновременно съ такими-же неопредѣленными идеями звуковъ оглушительно громкихъ, неизвѣстно откуда идущихъ, затѣмъ съ осязательными ощущеніями губъ и всей поверхности тѣла, вкусовыми и т. п. Хотя на одинъ моментъ они объединяются въ одно цѣлое, темное, неопредѣленное—съ тѣмъ, чтобы уступить мѣсто другому, подобному же состоянію и т. д. Каждое изъ этихъ сочетаній, въ силу уже неопредѣленности ихъ составныхъ частей, необходимо должно быть неустойчивымъ, неспособнымъ къ повторенію, и весь ходъ идей получаетъ неизбѣжно характеръ калейдоскопическихъ, неопредѣленныхъ фигуръ, смѣняющихся каждый моментъ, съ каждымъ новымъ впечатлѣніемъ и его идеею. Только мало по малу, подъ вліяніемъ постояннаго опыта повторенія, въ связи съ воспитаніемъ чувствъ и образованіемъ пространственныхъ воспріятій, получаются изъ этихъ хаотическихъ состояній тѣ устойчивыя, относимыя къ внѣшнимъ предметамъ или къ

собственному тѣлу, группы идей, которыя наблюдаются въ развитомъ сознаніи, такъ хорошо извѣстны каждому по ежедневному опыту и называются *образами*, *представленіями*. Предположеніе такого состоянія есть опять необходимое требованіе. Безъ него мы не можемъ вообразить начало идеи-представленія, особенно сложнаго, или должны признать ее рождающеюся вдругъ

Какъ извѣстно изъ прямого наблюденія, представленія, сформировавшись, еще долго не отличаются устойчивостью, быстро разрушаются или забываются, подвержены случайнымъ осложненіямъ и измѣненіямъ. Затѣмъ эта измѣнчивость ихъ сохраняется во все теченіе жизни. Изъ идей первичныхъ, затѣмъ, путемъ постояннаго опыта и упражненія, подъ вліяніемъ роста самыхъ душевныхъ силъ и развитія сознанія въ самосознаніе, возникаютъ идеи высшаго порядка,—*идеи-представленія*, идеи, сознаваемыя какъ знаки и отображенія, образы реальнаго внѣшняго. Этотъ новый слой идей-представленій конкретнаго единичнаго, вырастающій органически изъ перваго, естественно представляетъ тѣ-же два класса—простыхъ и сложныхъ идей, изъ коихъ однѣ представляютъ отображеніе, образъ качества, даннаго въ одномъ ощущеніи, другія являются, связанною тѣсно совокупностію такихъ простыхъ представленій и даютъ отображеніе вещей или явленій со многими признаками, качествами. Въ свою очередь этотъ новый порядокъ идеи даетъ начало еще высшему по организаціи слою идей, составляющихъ особаго рода превращеніе „идей-представленій“, а черезъ нихъ и ощущеній. Это *идеи общія* и затѣмъ *отвлеченныя*, или понятія,—идеи однородныхъ группъ предметовъ и явленій. На этомъ ростъ и превращенія идеи останавливаются, давая начало высшимъ, болѣе сложнымъ умственнымъ или познавательнымъ процессамъ.—

Эти выводы распространяются не только на идеи, возникающія изъ ощущеній, которыя мы имѣли въ виду для удобства изслѣдованія,—но и на всѣ другіе роды идей, т. е. на идеи, возникающія изъ другихъ элементарныхъ измѣненій сознанія,—душевныхъ волненій или чувствованій и стремленій. Дѣйствительно, и эти

состоянія могутъ превращаться и превращаются въ идеи всѣхъ трехъ классовъ и со всѣми ихъ свойствами. Такъ, испытанныя существомъ, сознающимъ удовольствіе и страданіе, горе и радость, любовь, гнѣвъ, страхъ и т. п., подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ реальныхъ условій, способныхъ ихъ вызывать, могутъ возникнуть и возникаютъ въ душѣ при полномъ уже отсутствіи реальныхъ условій, ихъ вызвавшихъ, т. е. когда нѣтъ никакого повода къ ихъ возникновенію въ первоначальной формѣ. Они представляютъ тогда слабое отраженіе и повтореніе дѣйствительныхъ волненій, какъ говорится, воспоминаніе о нихъ, или, что тоже, ихъ идею. Также точно испытанныя разъ стремленія, желанія и т. п могутъ возникнуть и возникаютъ послѣ прекращенія реальныхъ поводовъ къ ихъ возникновенію и всегда, опять, представляютъ слабое отраженіе, повтореніе дѣйствительныхъ желаній и стремленій, не дѣлаясь ими въ собственномъ смыслѣ. Правда, волненія и стремленія-желанія могутъ возникать со всею силою и опредѣленностью, даже съ силою повышенною, подъ вліяніемъ простого представленія объектовъ, вызвавшихъ первоначально данное чувство или желаніе-стремленіе, или могущихъ только вызвать его при извѣстныхъ представляемыхъ условіяхъ. Но въ такомъ случаѣ идеальное представленіе условій явленія этихъ состояній будетъ замѣною реальныхъ и дѣйствующею причиною въ ихъ вызовѣ,—дѣятелемъ, ихъ производящимъ. Идеями эти состоянія бываютъ тогда, когда отсутствуютъ какъ реальныя, такъ и замѣняющія ихъ идеальныя—дѣйствительныя условія ихъ вызова и бытія. Такъ, положимъ, вы испугались чего-либо и испытали волненіе страха. Послѣ этого простое представленіе предмета страшнаго можетъ вызвать это волненіе. Затѣмъ вы убѣдились, что страшиться нѣтъ основанія, перестаете бояться прежде для васъ страшнаго при встрѣчѣ съ нимъ, а тѣмъ болѣе при его представленіи. Всякія условія страха исчезаютъ, но слѣдъ этого состоянія въ слабой формѣ остается въ душѣ и можетъ возникать въ ней. Это и есть идея страха. Она можетъ имѣть различныя степени близости къ дѣйствительности. То же самое имѣетъ мѣсто относительно желаній и стремленій.

Такъ какъ весь этотъ міръ идей, выростающій изъ превращеннаго ощущенія, чувствованія и стремленія, представляетъ, въ сущности, одно и то же явленіе на разныхъ ступеняхъ сложности, то всѣ онѣ обладаютъ одними основными свойствами, или одною природою, различаясь только по степенямъ сложности, качествамъ своей внутренней организаціи и частнымъ, спеціальнымъ условіямъ своего происхожденія: однѣ, именно, первичныя идеи,—какъ чисто субъективныя, мало устойчивыя и временныя состоянія сознанія, подготовительныя и зародышевыя; другія — представленія—какъ устойчивое и постоянное до извѣстной степени отображеніе внѣшнихъ реальностей; третьи —какъ отображеніе единства въ разнообразіи конкретно-реальнаго и порядка въ отражаемомъ, или познаваемымъ, — словомъ, онѣ разнятся по своей структурѣ и значенію, а не по общимъ свойствамъ, которыя, какъ мы сказали, одни и тѣ же. Потому, прежде, чѣмъ перейти къ дальнѣйшему разсмотрѣнію, нужно изслѣдовать и опредѣлить эти общія свойства идей со всѣми ихъ послѣдствіями. — Въ виду одинаковости общихъ свойствъ идей—они, эти свойства, могутъ быть отвлечены отъ любого изъ трехъ ихъ классовъ. Но такъ какъ первичныя идеи недоступны прямому наблюденію и составляютъ необходимый плодъ научнаго творчества, а идеи-понятія слишкомъ сложны и мало изслѣдованы въ своемъ строеніи и условіяхъ происхожденія, то самыми удобными для наблюденія съ указанною цѣлію являются конкретныя идеи — образы, представленія Ихъ мы и будемъ имѣть въ виду прежде всего, въ полной увѣренности, что ихъ основныя свойства — суть свойства всѣхъ остальныхъ идей.

Прежде всего, прямымъ наблюденіемъ и путемъ необходимаго вывода изъ отношенія идей къ ихъ производителямъ—ощущеніямъ констатируется тотъ фактъ и общее свойство идей, что идеи, будучи отраженіемъ ощущеній (чувствованій и стремленій), ихъ повтореніемъ при отсутствіи условій, производящихъ самыя ощущенія, всегда слабѣе этихъ послѣднихъ, отличаются меньшею яркостью и живостію. Только въ случаяхъ болѣзненнаго разстрой-

ства органа идей—полушарій большого мозга,—идеи конкретнаго бываютъ до такой степени ярки и сильны, что равняются въ этомъ отношеніи вполнѣ ощущеніямъ и воспріятіямъ чрезъ нихъ. Но въ такомъ случаѣ онѣ прямо кажутся дѣйствительными ощущеніями, или же воспріятіями дѣйствительныхъ предметовъ и явленій. Такое превращеніе идеи въ воспріятіе называется *галлюцинаціею*. Физіологически его объясняютъ такимъ образомъ: всякій разъ, какъ въ сознаніи возникаетъ идея,—въ отсутствіе ощущенія и воспріятія,—въ органѣ идей—полушаріяхъ мозга—происходитъ соотвѣтствующее движеніе, которое распространяется обратно по тому пути, по которому оно первоначально вызвано ощущеніемъ черезъ его спеціальный органъ, и въ органахъ чувствъ: глазѣ, ухѣ и т. п. получается возбужденіе, похожее на ощущеніе. При нормальномъ состояніи мозга, это возбужденіе очень слабо, и рѣзко отличается отъ дѣйствительнаго ощущенія; при разстройствѣ-же мозга движеніе, соотвѣтствующее данной, наприм., зрительной идеѣ, очень сильно, и обратное возбужденіе имъ органа чувства, напр., зрѣнія, такъ назыв. возвратный рефлексъ, бываетъ чрезмѣрнымъ до того, что оно нисколько не слабѣе дѣйствительнаго раздраженія его внѣшнимъ дѣятелемъ, т. е. дѣйствительнымъ видимымъ предметомъ. Глазъ и его спеціальный органъ въ мозгѣ при этомъ находятся въ точно такомъ же возбужденіи, какъ при дѣйствительномъ ощущеніи и воспріятіи, а потому является обманъ, полный присутствія и дѣйствія несуществующаго предмета или явленія. Но, не смотря на всю близость къ дѣйствительнымъ ощущеніямъ и воспріятіямъ, галлюцинаціи всетаки слабѣе дѣйствительныхъ воспріятій, зрительные образы, въ нихъ возникающіе, окрашены менѣе ярко,—блѣднѣе и туманнѣе, звукъ слабѣе при галлюцинаціяхъ слуха и т. д. Вотъ почему, только при разстройствѣ разсудочной дѣятельности галлюцинаціи принимаются за дѣйствительность; при нормальности же умственныхъ отправленій онѣ быстро узнаются и, между прочимъ, по своей относительной, блѣдности. Такимъ образомъ, даже въ этихъ исключительныхъ, ненормальныхъ случаяхъ идеи до извѣстной степени

сохраняютъ свое главное свойство,—меньшую яркость сравнительно съ ощущеніями. Эта блѣдность идей сравнительно съ ощущеніями имѣетъ весьма много различныхъ степеней, въ зависимости отъ природныхъ свойствъ, а также и отъ упражненія. Есть люди, у которыхъ идеи очень удалены отъ силы ощущеній и воспріятій и слишкомъ блѣдны, даже неопредѣленны; у другихъ онѣ постоянно отличаются яркостію, приближаясь почти къ галлюцинаціямъ. Между этими двумя крайностями лежитъ цѣлая скала степеней силы идей-представленій. Всѣ эти степени яркости или блѣдности идей-образовъ сравнительно съ ощущеніями и воспріятіями, взятыя въ своей совокупности, составляютъ то, что въ схоластической психологіи называется воображеніемъ воспроизводительнымъ (reproductiva) Завися отъ природныхъ свойствъ души и ея органовъ, это свойство идей доступно измѣненіямъ въ ту и другую сторону. Кромѣ того, есть большая вѣроятность въ предположеніи, что въ самомъ началѣ душевной жизни, при образованіи первыхъ простыхъ и сложныхъ идей первичныхъ, онѣ очень мало разнятся по своей силѣ отъ ощущеній; что то же самое имѣетъ мѣсто при образованіи идей-представленій, т. е. относимыхъ къ внѣшнимъ предметамъ. По крайней мѣрѣ, весьма вѣроятно, что разница въ силѣ между дѣйствительнымъ ощущеніемъ и идеею въ томъ и другомъ случаѣ не сознается сначала ясно, и идеи-представленія на первыхъ порахъ имѣютъ всѣ форму галлюцинаціи, и только постепенно, по мѣрѣ сознанія разницы между идеями и ощущеніями, идеи становятся, дѣйствительно, идеями, вовсе неспособными превращаться въ галлюцинаціи при самомъ напряженномъ усиліи сдѣлать это превращеніе. Вообще, въ этомъ случаѣ, т. е. у дитяти, галлюцинаціи происходятъ не вслѣдствіе одинаковости силы идеи и ощущенія, а просто неспособности, неумѣнья ясно различать степень силы своихъ состояній (Тэнъ). Какъ бы то ни было, впрочемъ, нормальное состояніе идей—и въ самомъ началѣ ихъ возникновенія и въ развитыхъ формахъ — есть относительная слабость и блѣдность сравнительно съ ощущеніемъ.

Это различіе въ степени яркости и напряженія идеи сравнительно съ ощущеніемъ и воспріятіемъ дѣйствительныхъ предметовъ имѣетъ очень большое значеніе въ душевной жизни. Благодаря ему, для человѣка является возможность въ каждый моментъ сознательной бодрственной жизни различать свои субъективныя состоянія-идеи отъ дѣйствительныхъ впечатлѣній и воспріятій, и дается одно изъ средствъ различенія себя отъ внѣшняго, — я отъ не-я. Въ самомъ дѣлѣ, устраните мысленно это свойство идей, и получится полная невозможность различать внутреннее отъ внѣшняго, идеальное отъ реальнаго. Этимъ же свойствомъ идей пользуется сознающее существо для различенія настоящаго отъ прошлыхъ, прежде бывшихъ измѣненій сознанія, воспроизводимыхъ въ формѣ идей-воспоминаній: настоящее всегда связано съ извѣстною суммою реальныхъ воспріятій — яркихъ и отчетливыхъ, воспоминаемое и прошлое состоитъ цѣликомъ только изъ идей.

Итакъ, идея, состоя, по своему содержанію, изъ ощущеній одного или различныхъ видовъ, отличается всегда меньшею степенью яркости и силы, чѣмъ самыя ощущенія, иначе — всегда слабѣе дѣйствительнаго ощущенія. Это основное и вліятельное свойство идеи, конечно, обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что идея возникаетъ въ отсутствіи реальныхъ возбудителей и есть какъ бы только отзвукъ, эхо ихъ въ душѣ. Отъ этого же зависитъ другое свойство идей—не менѣе важное, чѣмъ первое, — ихъ подвижность. Ощущеніе, завися въ своемъ бытіи отъ внѣшнихъ дѣятелей, продолжается до той поры, пока происходитъ ихъ прямое дѣйствіе на соотвѣтствующій органъ: предѣломъ его является или крайнее утомленіе организма, или физическое движеніе, при помощи котораго органъ устраняется или защищается отъ вліянія внѣшней силы, устраняется, такимъ образомъ, самый дѣятель, или причина, производящая ощущеніе; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ, наприм., при болѣзненныхъ разстройствахъ, и этого предѣла нѣтъ, и ощущеніе прекращается только съ измѣненіемъ, или, какъ обыкновенно выражаются, потерею сознанія во снѣ, или же при необычайно сильномъ сосредоточеніи вниманія на другихъ ощуще-

ніяхъ, также внутреннихъ процессахъ, состоящихъ изъ сочетанія идей. Совсѣмъ другое мы видимъ въ жизни идеи. Не связанная никакою постороннею силою, не сдерживаемая внѣшнимъ, она можетъ держаться и жить дѣйствительною жизнью въ сознаніи только въ теченіе очень небольшого періода времени, иногда не больше незначительныхъ долъ секунды. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда появленіе такого или другого образа, или идеи, въ сознаніи опредѣляется дѣйствительнымъ ощущеніемъ, она не можетъ долго держаться въ сознаніи и, хотя нѣсколько медленнѣе, уступаетъ мѣсто другимъ Отсюда, во время одного и того же продолжительнаго ощущенія могутъ возникнуть и смѣнить другъ друга и обыкновенно возникаютъ десятки и даже сотни идей. При этомъ рядъ ихъ только постоянно прерывается вліяніемъ этого продолжающагося ощущенія и возвращеніемъ ему соотвѣтствующей идеи или нѣсколькихъ идей. Какъ-бы то ни было, уже простое, непосредственное сознаніе признаетъ кратковременное пребываніе идеи въ сознаніи ея нормальнымъ состояніемъ, слѣдовательно, ея постояннымъ свойствомъ, частью ея природы. И вообще, быстрота идеи въ извѣстныхъ предѣлахъ является всегда признакомъ высшаго совершенства внутренней дѣятельности, слагающейся изъ идей. Дѣйствительно, всякій разъ, какъ какая-нибудь идея слишкомъ долго держится въ сознаніи, не допуская другихъ, происходитъ разстройство въ душевной жизни и является сознаніе непріятности такого состоянія. То же самое бываетъ, когда идеи почему-нибудь начинаютъ двигаться очень медленно и притомъ въ небольшомъ количествѣ, такъ что однѣ и тѣ-же идеи возникаютъ вновь по нѣсколько разъ въ небольшой періодъ времени. Въ этомъ случаѣ является тяжелое чувство скуки и т. п. (idea fixa). Но и слишкомъ быстрая смѣна идей, когда ни одна изъ нихъ не можетъ опредѣлиться и раскрыться въ своемъ существенномъ содержаніи даже на нѣкоторое мгновеніе,—тоже явленіе ненормальное, служитъ признакомъ разстройства въ душевной сферѣ и въ крайнихъ своихъ формахъ является спутникомъ самыхъ тяжелыхъ формъ душевной болѣзни. Существуетъ, слѣдовательно, нѣкоторое среднее время

для дѣйствительнаго бытія идеи въ сознаніи, за предѣлами котораго, при слишкомъ большомъ уклоненіи въ ту или другую сторону, наступаютъ разстройства. Къ сожалѣнію, это среднее время не опредѣлено, даже не сдѣлано попытокъ въ этомъ направленіи; но по нѣкоторымъ даннымъ можно признать его приближающимся къ одной четверти секунды для идеи средней сложности (sur la durée des actes psychiques elementaires, par Richet. Revue phil. T. XI, 540 p. Вундтъ, Физ. психолог.). При этомъ надобно замѣтить, что это время сокращается при нѣкоторыхъ условіяхъ до степени, граничащей съ чудеснымъ, такъ что въ секунду, даже въ четверть секунды могутъ смѣниться въ сознаніи сотни вполнѣ ясныхъ идей (страхъ, нѣкоторыя сновидѣнія). Кромѣ того, оно неодинаково у различныхъ людей и у одного и того же человѣка при различныхъ настроеніяхъ и расположеніяхъ духа, являющихся въ силу психическихъ причинъ или вслѣдствіе состояній организма — все равно. Наконецъ, степень быстроты смѣны идей, какъ и степень яркости зависитъ отъ природнаго расположенія.

Описанное свойство идей тоже имѣетъ большое значеніе въ душевной жизни, есть своего рода сила, которою опредѣляется ходъ, строй и развитіе этой жизни. Благодаря ему, идеи находятся въ постоянномъ движеніи, уступая мѣсто другъ другу, исчезая и вновь возникая черезъ болѣе или менѣе длинные промежутки времени. Въ этомъ движеніи онѣ несомнѣнно вліяютъ другъ на друга, какъ бы тѣснятъ и проталкиваютъ одна другую, повидимому; но самое движеніе обусловливается, очевидно, не этимъ взаимодѣйствіемъ идей, какъ думаютъ Гербартъ и его школа. Есть какая-то внутренняя сила, непостижимая пока и таинственная, похожая на упругость артерій, прогоняющихъ кровь. И эта-то сила въ наблюденіи и обнаруживается для насъ какъ отрицательное свойство идей,—неспособность ея долго удерживаться въ одномъ положеніи. Находится ли эта сила въ самомъ образѣ-идеѣ, или въ душѣ, или, наконецъ, въ устройствѣ и отправленіяхъ мозга лежитъ ея причина,—все это неизвѣстно. Движеніе идей отчасти обусловливается внѣшними возбужденіями, постоянно дѣйствую-

щими; но въ то же время оно совершается и независимо отъ нихъ и—разъ дана нѣкоторая сумма идей—онѣ будутъ двигаться и смѣнять другъ друга даже безъ притока внѣшнихъ возбужденій. Движеніе ихъ совершается съ извѣстною правильностію, по строго опредѣленнымъ законамъ,—о которыхъ рѣчь впереди,—и напоминаетъ собою безостановочное движеніе крови въ живомъ животномъ организмѣ, составляя источникъ и общій фонъ всей жизни души, всѣхъ душевныхъ построеній, такъ что нѣтъ ни одной душевной дѣятельности, которая не была-бы въ то же время, въ томъ или другомъ смыслѣ, движеніемъ, теченіемъ и смѣною такого или иного рода идей. Постоянно двигаясь и смѣняя другъ друга, идеи входятъ въ самыя разнообразныя сочетанія, ряды, группы, которые до извѣстныхъ предѣловъ постоянно перестраиваются и по своему объему и по содержанію и по направленію и образуютъ тѣ сложные механизмы психическіе, которые называются умомъ, сердцемъ, волею. Остановите мысленно это непрестанное, даже во время сна непрекращающееся теченіе идей, и вы не въ состояніи будете вообразить вообще даже внутренней жизни души. Такая остановка полная, какъ и остановка кровообращенія въ организмѣ,—равна прекращенію душевной жизни въ ея связи съ тѣломъ.

Въ тѣсной связи съ описаннымъ—вторымъ свойствомъ идеи, ея подвижностью, стоитъ третье, — ея измѣняемость. Отличаясь подвижностью, какъ цѣлое, идея, если она сложная, — а таковы всѣ данныя въ прямомъ наблюденіи идеи, — обнаруживаетъ это свойство и въ своемъ содержаніи или составѣ, т. е. способна къ многочисленнымъ и постояннымъ превращеніямъ и измѣненіямъ, возникая во второй, третій, сотый разъ послѣ своего первоначальнаго образованія изъ одного или нѣсколькихъ ощущеній, чрезъ длинные болѣе или менѣе промежутки времени, идея всякій разъ является уже не тою, какою была: это не та-же самая идея, не тождественная вполнѣ съ прежнею, а только похожая на нее. Иногда, и большею частію, эти измѣненія и превращенія вовсе не замѣтны, но часто также они бросаются въ глаза самому поверхностному наблюдателю. Такъ, изъ сложной идеи—то выпадаютъ

нѣкоторыя составныя ея части, то являются новыя, не бывшія въ ней прежде, то, наконецъ, онѣ измѣняютъ свое взаимное отношеніе, порядокъ слѣдованія, относительную яркость и т. п. Это свойство идей, ихъ способность измѣняться по своему внутреннему составу, или измѣнчивость, всего менѣе замѣтно въ идеяхъ простыхъ, какъ первичныхъ, такъ вторичныхъ, или представленіяхъ, и третичныхъ, или понятіяхъ, но за то съ особенною силою и опредѣленностію присуще всѣмъ сложнымъ. Благодаря ему, идеи, сохраняя свои основныя очертанія, общую схему, оставаясь въ этомъ отношеніи до извѣстной степени тѣми-же идеями, способны измѣняться по своему содержанію, расти и развиваться, при помощи включенія совершенно новыхъ составныхъ частей и измѣненія прежнихъ. При этомъ и прежнія ихъ, менѣе совершенныя, формы остаются на болѣе или менѣе продолжительное время, иногда навсегда, могутъ быть образуемы въ сознаніи и сопоставляемы съ выродившимися изъ нихъ болѣе совершенными. Этимъ свойствомъ идей, съ одной стороны, обусловливается ихъ органическій ростъ и постоянное преобразованіе, по крайней мѣрѣ, многихъ изъ нихъ, съ другой—возможность оцѣнки ихъ достоинства путемъ сравненія болѣе совершенныхъ съ менѣе совершенными, и наоборотъ, изъ чего возникаетъ одно изъ самыхъ важныхъ отправленій умственной дѣятельности—критика знанія и различеніе въ немъ истиннаго и ложнаго.

Итакъ, основныя самыя общія свойства всѣхъ идей суть: а) блѣдность ихъ сравнительно съ дѣйствительными ощущеніями и воспріятіями, прерывистость, или неспособность къ продолжительному, тѣмъ болѣе постоянному пребыванію въ сознаніи; с) измѣнчивость по составу, съ сохраненіемъ первоначальныхъ очертаній своихъ, или общей схемы. Свойствами этими объясняются, какъ мы видѣли, очень крупные факты душевной жизни: различеніе идеальнаго внутренняго отъ реальнаго внѣшняго, также настоящаго отъ прошедшаго, постоянное теченіе и смѣна душевныхъ состояній, ростъ органическій и постоянное преобразованіе идей, также возможность оцѣнки ихъ достоинства.

II

Основные душевные процессы.

Являясь и формируясь въ душѣ подъ прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ внѣшнихъ возбужденій-раздраженій, описанныя нами простѣйшія состоянія душевныя вступаютъ между собою въ нѣкоторыя необходимыя и постоянныя отношенія, изъ коихъ возникаютъ самыя простыя формы душевныхъ дѣятельностей или процессовъ, лежащихъ въ основѣ всего развитія и строя душевной жизни и неизмѣнно присущихъ въ каждомъ сложномъ явленіи душевной дѣятельности. Изъ этихъ отношеній самое первое, основное для всѣхъ другихъ есть то, въ силу котораго душевныя состоянія уже въ самыхъ простыхъ своихъ формахъ, въ самый моментъ возникновенія душевной жизни, взаимно другъ друга опредѣляютъ и, благодаря этому, выдѣляются душею, какъ имѣющія опредѣленное содержаніе и силу. Безъ этой опредѣленности они, очевидно, не могли бы существовать въ душѣ, т. е. вообще не могли бы осуществляться. Дѣятельность, результатомъ которой является опредѣленность и дѣйствительное бытіе душевныхъ состояній, называется обыкновенно „сознаніемъ“ ихъ душею, или просто „сознаніемъ“ и „сознаваніемъ“, также „процессомъ сознанія“. Въ силу того, что этотъ процессъ абсолютно необходимъ для бытія душевнаго явленія, самаго простого и самаго сложнаго, что безъ него и внѣ его душевное явленіе не возможно и не мыслимо,—всѣ душевныя явленія называются „состояніями“, „измѣненіями“, т. е.

фактами, „сознанія". Далѣе, взаимно опредѣляя другъ друга, при самомъ своемъ первоначальномъ возникновеніи въ душѣ, душевныя состоянія этимъ самымъ становятся необходимыми другъ для друга, одно становится какъ бы частью другого или нѣсколькихъ другихъ и, наоборотъ, нѣсколько ихъ становятся какъ бы частію одного. Отсюда возникаетъ новое отношеніе всеобщаго характера—сцѣпленіе, связь явленій душевныхъ группами, рядами и общая связь всего содержанія души (постепенно опредѣляющагося дѣятельностію сознанія), какъ единаго цѣлаго, каждая часть котораго стоитъ въ прямой или косвенной связи со всѣми другими Это отношеніе извѣстно подъ именемъ „ассоціаціи душевныхъ состояній", или, какъ весьма неточно говорится, „ассоціаціи идей". Потомъ,—находясь всегда въ связи съ какими-нибудь другими состояніями, каждое изъ нихъ, вслѣдствіе какого либо вызова, влечетъ за собою связанныя или ассоціацированныя съ нимъ, а чрезъ нихъ другія, съ которыми непосредственно связаны или ассоціированы эти послѣднія и т. д., такъ что, имѣя любое изъ отдѣльныхъ душевныхъ состояній, возможно, при благопріятныхъ условіяхъ, вызвать въ душѣ все ея содержаніе. Извѣстное намъ свойство подвижности идей, въ связи съ измѣнчивостью внѣшнихъ возбужденій, дѣлаетъ это явленіе вызова однимъ наличнымъ состояніемъ другихъ постояннымъ и даетъ теченію душевной жизни извѣстную правильность и опредѣленность въ моментъ ея. Этотъ процессъ, опять весьма неточно и неудачно, называется „воспроизведеніемъ идей", или „репродукціею",—терминомъ, въ которомъ не указывается самое существенное въ этомъ процессѣ—зависимость одного—вызываемаго состоянія — отъ другого, вообще, взаимная зависимость. Вызовъ одного состоянія другимъ, или „внушеніе", какъ предлагалъ назвать это явленіе-процессъ Броунъ,—термины болѣе точные и удачные, но они не получили права гражданства въ наукѣ. Всѣ эти процессы всегда имѣютъ различныя степени совершенства и энергіи, зависящія отъ спеціальныхъ условій ихъ возникновенія въ томъ или другомъ случаѣ; но въ то же время совершенство ихъ зависитъ отъ присутствія или отсутствія одного общаго условія—

сосредоточенія души въ одномъ направленіи. Это сосредоточеніе есть особаго рода процессъ, одинаковый, въ сущности, при всякомъ содержаніи душевной дѣятельности: онъ называется „вниманіемъ“. Наконецъ, къ этимъ основнымъ и общимъ, обнимающимъ всѣ, безъ исключенія, явленія душевной жизни, процессамъ, нужно присоединить и тотъ общій очевидный фактъ, что измѣненія и состоянія душевныя всякаго рода и всякой сложности, образовавшись, усвояются душею, становятся ея собственностію, частью ея содержанія, или „сохраняются“ ею, какъ принято выражаться. Явленіе и фактъ „сохраненія“, или „удержанія“, какъ выражается Вэнъ, безъ котораго невозможны организація и развитіе душевной жизни, есть тоже, по своему существу, процессъ, дѣятельность, и состоитъ въ особаго рода отношеніи всякаго душевнаго состоянія къ другимъ. Явленіе это обыкновенно называютъ „памятью“.—Такимъ образомъ, элементарныя душевныя дѣятельности представляютъ слѣдующіе процессы: 1) *сознаніе*, 2) *ассоціированіе* и *воспроизведеніе* душевныхъ состояній, 3) *вниманіе* и 4) *память*.

I. Сознаніе.

Терминъ „сознаніе“ и значенія его. Общій точный смыслъ этого термина. Иллюзія олицетворенія сознанія. Неотдѣлимость сознанія отъ сознаваемаго; взаимоосвѣщеніе душевныхъ состояній чрезъ сравненіе-различеніе. Сознаніе—основной душевный процессъ, его сущность—различеніе. Формулы его.—Узость сознанія и предѣлы ея. Разногласіе психологовъ относительно количества душевныхъ состояній, сознаваемыхъ въ одинъ минимальный моментъ. Крайняя степень узости сознанія—единичность сознаваемаго состоянія въ каждый психологическій моментъ.

Термины „сознаніе“, „сознавать“, „сознательный“ и т. п. вошли въ употребленіе въ психологіи сравнительно недавно и утвердились особенно послѣ Лейбница. Въ древности слова—συνείδησις, conscientia употреблялись въ совершенно другомъ смыслѣ,—въ смыслѣ нашего слова „совѣсть“ и нѣмецкаго Gevissen. Въ первый разъ въ смыслѣ близкомъ къ нынѣшнему греческое слово συνείδησις употреблено около XII вѣка, и затѣмъ начинаетъ встрѣчаться съ этимъ значеніемъ соотвѣтствующее ему латинское conscientia. Отсюда въ языкахъ романскихъ и близкихъ къ нимъ терминъ этотъ имѣетъ всегда два различные смысла. Въ нашемъ и нѣмецкомъ языкахъ эта двусмысленность устраняется существованіемъ особаго слова—„совѣсть“. Gevissen. Но и при этомъ терминъ остается имѣющимъ нѣсколько различныхъ смысловъ и, къ сожалѣнію, неопредѣленнымъ, что вноситъ значительную запутанность и недоразумѣнія въ изслѣдованіе душевныхъ явленій. Въ Психологіи онъ употребляется въ нѣсколькихъ различныхъ смыслахъ и обозначаетъ нѣсколько различныхъ, хотя и близкихъ, по своей природѣ, фактовъ душевной жизни, сходныхъ въ томъ отношеніи,

что въ нихъ всегда дана опредѣленность и дѣйствительное наличное бытіе такихъ или другихъ состояній, непосредственно и прямо воспринимаемыхъ въ извѣстный моментъ. Такъ, „сознаніемъ“ называется всякое измѣненіе души подъ вліяніемъ внѣшнихъ возбужденій, т. е. превращеніе физическаго и физіологическаго процесса въ психологическій, или душевный. Сознаніе въ этомъ смыслѣ значитъ то же, что ощущеніе, воспріятіе, и прямо замѣняется этими терминами. Когда, при существованіи физическихъ и физіологическихъ условій такого или другого душевнаго измѣненія, это послѣднее почему нибудь не является, —что бываетъ весьма часто,— то это состояніе называется „несознаваемымъ“, или „безсознательнымъ“. Такой смыслъ имѣютъ слова „сознательность,“ „сознаніе“, „сознавать“, когда говорится, что раненый солдатъ, въ пылу сраженія, не сознаетъ полученной раны, что дитя, находясь на краю пропасти, не сознаетъ опасности своего положенія. При этомъ душевное состояніе, какъ вполнѣ готовое возникнуть, представляется какъ бы существующимъ и только невоспринимаемымъ душею. При постоянномъ смѣшеніи физіологическихъ условій ощущенія съ самымъ ощущеніемъ, физіологическаго процесса съ душевнымъ, такія состоянія прямо называются „безсознательными ощущеніями“, „безсознательными воспріятіями“. Въ дѣйствительности, здѣсь дано полное отсутствіе душевнаго измѣненія, существованіе его только въ полной возможности и готовности, точнѣе,— существованіе физическихъ причинъ и условій его явленія дѣйствительнаго. Терминъ „безсознательное ощущеніе“ здѣсь обозначаетъ, слѣдовательно, просто отсутствіе ощущенія, отсутствіе душевной дѣятельности въ извѣстномъ направленіи, и заключаетъ въ себѣ прямое противорѣчіе,—равенъ выраженію „неощущаемое ощущеніе“. Далѣе, въ воспроизведеніи и явленіи вновь въ душѣ даннаго состоянія мы имѣемъ два различные момента его бытія въ душѣ. Въ одномъ изъ нихъ оно является живымъ, дѣйствующимъ, измѣняющимъ душу въ данный моментъ, присутствующимъ въ ней прямо и непосредственно и доступнымъ наблюденію внутреннему и внѣшнему, насколько данное состояніе выражается въ движеніяхъ.

Въ другомъ—оно скрыто, не испытывается и недоступно наблюденію внутреннему, и тѣмъ болѣе внѣшнему: оно отсутствуетъ въ данный моментъ, хотя можетъ ожить, явиться вновь, измѣнить душу, стать дѣйствующимъ и, слѣдовательно, существуетъ и хранится въ ней потенціально въ какой-то формѣ. Состояніе живое, дѣйствующее въ душѣ, дѣйствительное называется „сознательнымъ", „сознаваемымъ", обладающимъ особенною чертою, или свойствомъ—„сознательностью". То же самое состояніе, скрываясь, дѣлаясь потенціальнымъ, называется „безсознательнымъ", „несознаваемымъ", лишеннымъ этого свойства—сознательности. Наконецъ, у человѣка многія дѣйствующія живыя состоянія сопровождаются болѣе или менѣе отчетливымъ знаніемъ, что они его состоянія и имъ испытываются, что они или его прошлыя состоянія или состоянія, возбуждаемыя внѣшними предметами, дѣйствующими въ данный моментъ, внушенныя другими людьми, созданныя имъ самимъ изъ прошлыхъ и наличныхъ и т. п., т. е. разнаго рода дѣятельныя и живыя состоянія, которыя сочетаются въ душѣ въ связь съ такъ называемою идеею личности, или я; другія состоянія существуютъ, какъ живыя и дѣйствующія, не сопровождаясь этимъ знаніемъ. Первыя тоже называются „сознаваемыми", вторыя „несознаваемыми", „безсознательными". Здѣсь словомъ „сознательный", „сознаніе" обозначается не только дѣйствительное присутствіе въ душѣ даннаго состоянія, но и знаніе о немъ и главнымъ образомъ это знаніе. Въ этомъ смыслѣ говорится о животныхъ, что они живутъ безсознательною жизнію,—о дѣтяхъ, о спящихъ, сумасшедшихъ и т. п.—Во всѣхъ представленныхъ случаяхъ однимъ и тѣмъ же словомъ „сознаніе," „сознательность," „сознательный," „сознавать" означаются три весьма различные факта и стороны душевной жизни, что особенно ясно открывается изъ полнаго различія въ каждомъ изъ описанныхъ случаевъ противополагаемаго сознательному — безсознательнаго. Это три различныя понятія, которыя было бы полезно обозначить различными терминами. Причина смѣшенія этихъ фактовъ заключается въ томъ, что они сходны и даже тождественны въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Сходство это со-

стоитъ въ томъ, что въ каждомъ изъ нихъ состояніе, называемое сознательнымъ, чему бы оно ни противополагалось, какъ безсознательному, есть состояніе живое, присутствующее, дѣйствующее въ душѣ въ данный моментъ, т. е.—въ томъ, что есть въ этихъ фактахъ существеннаго, общаго и что, въ общемъ, обширномъ смыслѣ слова, называется *сознаніемъ*.

Сознаніе, какъ явленіе превращенія физическаго въ психическое, какъ основное, поэтому, свойство души, отличающее ее отъ физическаго и явленія душевныя отъ физическихъ, сознаніе, какъ самооткрытіе душевнаго, есть, какъ намъ извѣстно, фактъ первичный, космическій, неразложимый и необъяснимый, какъ природа души. Онъ не подлежитъ дальнѣйшему изслѣдованію. Сознаніе, какъ отнесеніе даннаго явленія къ себѣ, знаніе о немъ, какъ о своемъ собственномъ, состоя въ сочетаніи явленія душевнаго съ идеей личности, или „*я*“, предполагаетъ эту идею и есть сложный умственный актъ, который отчасти отличается отъ другихъ видовъ сознанія особымъ названіемъ, именно,—называется „самосознаніемъ“. Его изслѣдованіе, потому, цѣликомъ принадлежитъ теоріи умственной дѣятельности. Остается, такимъ образомъ, какъ предметъ наблюденія, изслѣдованія, „сознаніе“ и „сознательность“ въ смыслѣ простого присутствія въ душѣ какой-либо душевной дѣятельности въ живомъ, дѣятельномъ состояніи. Это—сознаніе въ самомъ общемъ и точномъ смыслѣ.

Будучи общимъ, одинаково присущимъ другимъ двумъ видамъ сознательности и сознанія, этотъ фактъ, или это „сознаніе“—есть необходимое условіе всякой душевной дѣятельности, воспроизводимой или вновь образующейся,—фактъ общій всѣмъ вообще душевнымъ дѣятельностямъ, ихъ постоянное неотдѣлимое отъ нихъ свойство, или, какъ иногда выражаются, „общая форма ихъ бытія въ душѣ“. Душевная жизнь представляетъ собою постоянное возникновеніе живыхъ, дѣятельныхъ состояній, превращеніе ихъ въ сознательныя и затѣмъ потерю ими этого свойства, превращеніе въ скрытыя состоянія; при этомъ, на мѣсто потерявшихъ сознательность, ставшихъ безсознательными, возникаютъ новыя, живыя,

дѣятельныя, сознательныя, и т. д. Это теченіе и смѣна состояній душевныхъ сознательныхъ не прекращается даже въ самомъ глубокомъ снѣ, обморокѣ, только при этомъ является въ особой формѣ Душа, потому, является сознающею въ каждый моментъ своего бытія, т. е. имѣющею нѣкоторыя живыя, измѣняющія ее дѣятельности. Такая смѣна и теченіе сознательныхъ состояній, замѣна ихъ постоянная другими, естественно производитъ иллюзію, что сознаніе, какъ постоянно присущее душѣ, есть нѣчто, дѣйствительно, отдѣльное, независимое отъ сознательныхъ, т. е. живыхъ, смѣняющихся состояній; что оно есть особая сила души, существующая независимо отъ явленій, какъ бы рядомъ съ ними, и превращающая ихъ въ сознательныя. Сила эта затѣмъ привратилась въ представленіи въ какую-то область души пространственную, вступая въ которую скрытое явленіе становится открытымъ, видимымъ, живымъ, и, выходя изъ которой, оно темнѣетъ и скрывается. (Въ силу этого олицетворенія, образующагося по общему закону всѣхъ такихъ олицетвореній, всякое живое, дѣйствующее состояніе называется состояніемъ сознанія, т. е. дѣятельностію сознанія, какъ силы, также содержаніемъ сознанія, т. е. частію области души, въ которой господствуетъ сознаніе или которая составляетъ сознаніе). Разъ образовавшись, олицетвореніе пошло далѣе. Сознаніе, какъ сила, приравнено было къ солнцу, свѣту; какъ особая область, оно получило названіе „свѣтлой, дневной области или сферы“ души; называется также свѣтлымъ полемъ, просто „полемъ сознанія“. Съ тѣмъ вмѣстѣ состоянія скрытыя, лишившіяся сознанія, стали мыслиться погруженными во мракъ, въ темную, недоступную свѣту сознанія, область души, въ ночную сферу души; сфера эта тоже была олицетворена, какъ сила живая, дѣятельная, потемняющая душевныя состоянія; затѣмъ явилась въ видѣ тоже пространства, какъ бы части души и т. п. Оставалось сдѣлать еще одинъ шагъ, и душа представлена была резервуаромъ съ небольшою верхнею частію, которая постоянно освѣщена, и обширною меньшею частію, которая постоянно погружена въ непроницаемый мракъ, гдѣ продолжаютъ жить, дѣйствовать и развиваться

состоянія, побывавшія въ сознаніи: одни ближе, другія дальше отъ свѣтлой области; одни, слѣдовательно, выше, другія ниже и глубже и т. п. Съ явленіемъ такой фикціи смѣна явленій—оживаніе ихъ и сокрытіе превратились въ цѣлую драму, въ явленіе борьбы за существованіе душевныхъ состояній.

Въ подобныхъ представленіяхъ „сознанія“ съ очевидностію извращается истинное пониманіе его, по которому, какъ было сказано, „сознаніемъ“—въ самомъ общемъ и точномъ смыслѣ — называется просто присутствіе въ душѣ какого-либо опредѣленнаго состоянія, живого и дѣйствующаго, или нѣкоторой ихъ суммы. Сознаніе, потому, не отдѣлимо отъ самаго сознаваемаго состоянія или состояній,—съ ними является и съ ними вмѣстѣ исчезаетъ. Постоянная смѣна и теченіе такихъ дѣятельныхъ и живыхъ состояній составляетъ дѣйствительную жизнь души, а съ тѣмъ вмѣстѣ выраженіе, осуществленіе ея основного свойства—постоянно испытывать или, что тоже, сознавать свое бытіе и быть постоянно въ дѣятельности. Выдѣленная въ отвлеченіи, какъ одинъ непрерывный, проходящій чрезъ всю жизнь души, процессъ,—эта смѣна живыхъ состояній можетъ быть представлена, какъ постоянная и всеобщая форма душевной жизни, даже какъ особая сила души, освѣщенная часть ея и т. п. Но это отвлеченіе и олицетвореніе не должно быть понимаемо буквально, какъ особый агентъ, существующій рядомъ, съ явленіями, освѣщающій ихъ и приводящій изъ небытія къ бытію: явленія душевныя, такъ сказать, съ собою приносятъ сознаніе и свѣтятъ своимъ, а не заимствованнымъ свѣтомъ, т. е. производятъ сознаніе, а не сами получаютъ отъ него бытіе и освѣщеніе.

Ближайшею причиною и источникомъ такого самоосвѣщенія и необходимымъ его условіемъ служитъ непосредственное различеніе душою своихъ состояній другъ отъ друга, вообще сравненіе: чрезъ этотъ, именно, процессъ сравненія-различенія они опредѣляются для души, иначе—взаимно опредѣляютъ и освѣщаютъ другъ друга.

Всякое душевное состояніе для того, чтобы быть сознаннымъ, опредѣленнымъ, т. е. вообще существовать въ душѣ, должно быть

необходимо отличено отъ другого состоянія или нѣсколькихъ другихъ состояній. Абсолютно одно оно не можетъ существовать и являться безъ этого. Отличенное отъ другого и этимъ путемъ сознанное, ставшее дѣйствительнымъ явленіемъ душевнымъ, всякое душевное состояніе тѣмъ самымъ, очевидно, вступаетъ, въ соотношеніе съ этимъ другимъ, и наоборотъ. Мало того, они, очевидно, становятся другъ для друга необходимыми въ данный моментъ своего бытія въ душѣ и дѣлаются однимъ цѣлымъ, особымъ состояніемъ, составленнымъ, сложеннымъ изъ двухъ, по меньшей мѣрѣ, болѣе простыхъ. Въ силу этого самыя простыя первичныя состоянія душевныя, при самомъ своемъ возникновеніи въ душѣ бываютъ уже сложными, являются всегда парою, $a+b$, и эти пары, разъ явившись, представляютъ собою три различныя состоянія, образуемыя простымъ направленіемъ вниманія. Именно, можетъ съ особенною опредѣленностію и ясностію испытываться или сознаваться состояніе a, состояніе же b, являясь средствомъ различенія для него, можетъ даже прекратиться, возникнувъ на мгновеніе; то же самое вслѣдъ за тѣмъ можетъ быть съ состояніемъ b, которое станетъ объектомъ вниманія и содержаніемъ сознанія, пользуясь, такъ сказать, состояніемъ a, какъ средствомъ; вниманіе, наконецъ, можетъ сосредоточиться на самомъ ихъ различіи и соотношеніи, обнять ихъ оба въ одномъ актѣ, въ единствѣ. Въ первыхъ двухъ случаяхъ получатся поперемѣнно два простыя состоянія, напр., идеи какихъ-нибудь двухъ ощущеній, въ третьемъ состояніи сложная группа (разъ образовавшись, это сложное состояніе можетъ возникать уже моментально, какъ одинъ недѣлимый актъ сознанія, какъ одна психическая величина, и составить пару съ какимъ-нибудь третьимъ состояніемъ). Возьмите для образца, напр., идеи свѣтлаго и темнаго. Когда, образовавшееся и обособившееся одно изъ двухъ состояній—a войдетъ въ соотношеніе такого же рода съ новымъ—d, т. е., напр., идея бѣлаго сдѣлается средствомъ различенія и сознанія краснаго, съ тѣмъ вмѣстѣ неизбѣжно это новое состояніе станетъ въ соотношеніе и съ состояніемъ b и будетъ отъ него отличено, т. е., напр., различаясь отъ бѣлаго, красное

тѣмъ самымъ уже отличается и отъ чернаго. Отсюда получаются двѣ пары новыя—*ad* и *bd* и затѣмъ опять третье состояніе, параллельно съ состояніемъ *ab*, составленное изъ *ad* и *bd*, или, что тоже, *abd*,—сложное состояніе, составленное уже изъ трехъ членовъ (бѣлое-красное, черное-красное), бѣлое-черное-красное. Такъ какъ для идеи бѣлаго идея чернаго необходима въ данномъ случаѣ, то съ явленіемъ вновь одной изъ нихъ сама собою дана другая, вызывается, предполагается, внушается ею. Далѣе, такъ какъ онѣ обѣ необходимы были и дали средство для возникновенія идеи краснаго, то, являясь каждая изъ нихъ по одиночкѣ и обѣ вмѣстѣ онѣ влекутъ идею краснаго цвѣта, и эта послѣдняя обѣ ихъ. То же самое будетъ при явленіи четвертаго, пятаго, сотаго состоянія. Процессъ въ сущности будетъ одинъ и тотъ же. Въ послѣднемъ случаѣ получится въ результатѣ состояніе, сложенное изъ сотни состояній. При этомъ, понятное дѣло, чѣмъ больше будетъ частей, постепенно связавшихся въ одно цѣлое, тѣмъ больше потребуется и времени, какъ для его образованія первоначальнаго, такъ и явленія его во второй, третій, сотый разъ. Моментально, въ замѣтную долю секунды, можетъ возникнуть до 12 состояній, составляющихъ одно цѣлое (что бываетъ въ рѣдкихъ случаяхъ). Это количество, во всякомъ случаѣ, можетъ казаться существующимъ одновременно. Болѣе сложное образованіе будетъ уже смѣною подобнаго рода одновременныхъ и займетъ отъ нѣсколькихъ секундъ до нѣсколькихъ часовъ.

Процессъ сравненія-различенія начинается съ первыми явленіями душевной жизни и неизмѣнно имъ сопутствуетъ на всѣхъ ступеняхъ ихъ развитія, становясь постепенно, въ силу постояннаго, ежесекуднаго повторенія, невообразимо быстрымъ и незамѣтнымъ. Безъ него не мыслимо и не возможно образованіе опредѣленныхъ состояній и, слѣдовательно, ихъ сознанія. Потому, сознаніе въ своемъ существѣ есть не что иное, какъ непосредственное постоянное различеніе. Отсюда законъ бытія въ душѣ каждаго состоянія, какъ опредѣленнаго, законъ его сознательности, а съ тѣмъ и законъ сознанія вообще можетъ быть выра-

женъ такъ: абсолютно одинокая, одна дѣятельность въ душѣ не возможна, потому что тогда невозможно сравненіе и различеніе; иначе: всякое сознаваемое, опредѣленное состояніе предполагаетъ бытіе другого или нѣсколькихъ другихъ и осуществляется въ душѣ при помощи соотношенія съ ними. Отсюда же прямо выводится другой законъ: чѣмъ съ большимъ количествомъ различныхъ дѣятельностей сопоставляется и сравнивается данное состояніе душевное, тѣмъ оно опредѣленнѣе, отчетливѣе и яснѣе сознается. Но самый актъ сравненія и различенія совершается съ полною отчетливостію и совершенствомъ только въ томъ случаѣ, когда сравниваютъ и сопоставляютъ только два состоянія (при большемъ числѣ возникающихъ одновременно различныхъ состояній, которыя требуется различить, сравненіе перестаетъ быть отчетливымъ и, наконецъ, наступаетъ спутанность отношеній, дѣлающая сознаніе невозможнымъ или, во всякомъ случаѣ, смутнымъ, причемъ содержаніемъ сознанія становится воспріятіе этой смутности, сознаніе ея путемъ сравненія съ предшествующею ясностію различенія). Это свойство сравненія и сознанія выступаетъ особенно наглядно въ высшихъ, сложныхъ формахъ дѣятельности различенія образованіемъ особой формы, такъ называемаго сужденія, которое всегда представляетъ собою пару идей, поставленныхъ въ соотношеніе, различаемыхъ и отождествляемыхъ между собою. Такимъ образомъ, получается невозможность имѣть въ сознаніи или сознавать не только всѣхъ состояній, но даже большаго ихъ количества,—фактъ, подтверждаемый прямымъ и постояннымъ наблюденіемъ. Онъ называется *узостью* или *узкостію сознанія*.

Явленіе или фактъ *узости* сознанія, ограниченности количества сравниваемыхъ и различаемыхъ-отдѣляемыхъ другъ отъ друга душевныхъ измѣненій въ данный моментъ признавалось и признается всѣми психологами, употребляющими терминъ „сознаніе“, какъ нѣчто само собою очевидное. Онъ молча признается даже ученіемъ, почитающимъ сознаніе особою силою, освѣщающею душевныя состоянія, также ученіемъ о сознаніи какъ „свѣтломъ полѣ“, въ которомъ появляются представленія подъ вліяніемъ

внѣшнихъ возбужденій или возникая изъ безсознательной, неосвѣщенной сферы души и т. п. Во всѣхъ этихъ и имъ подобныхъ образныхъ представленіяхъ сознанія—находящеюся въ немъ признается нѣкоторая, сравнительно весьма незначительная, часть содержанія души во всякій данный моментъ. Первый обратилъ вниманіе на эту сторону или свойство сознанія Гербартъ, которому принадлежитъ и самый терминъ „узость сознанія“. И съ той поры возникъ въ Психологіи весьма естественный и весьма важный для пониманія всего теченія и строя душевной жизни вопросъ: до какихъ предѣловъ простирается эта узость? Другими словами: какое количество различныхъ измѣненій можетъ быть сознаваемо въ данный минимальный періодъ времени, въ одинъ психическій моментъ, который полагается на основаніи нѣкоторыхъ наблюденій равнымъ приблизительно 5 и 9 десятымъ секунды (время для смѣны одного простого впечатлѣнія другимъ)? На этотъ вопросъ доселѣ существуютъ различные, до взаимнаго исключенія противоположные иногда, отвѣты. Одни полагаютъ, что въ сознаніи во всякій моментъ существуетъ весьма большое количество состояній, причемъ нѣкоторыя изъ этихъ состояній, сосредоточивающія на себѣ почему-нибудь вниманіе, отличаются высшею отчетливостію и яркостію, остальныя въ огромномъ количествѣ обступаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ по радіусамъ, какъ бы круглаго поля или области, начиная съ близлежащихъ и отражающихся въ сознаніи съ нѣкоторою опредѣленностію состояній и кончая едва мелькающими и замѣтными, готовыми исчезнуть вовсе изъ сознанія. Весь процессъ представляется по аналогіи съ находящимися отъ насъ въ различномъ разстояніи и постепенно удаляющимися, замирающими звуками, или по аналогіи съ распространяющейся во всѣ стороны изъ центра волной, которая постепенно слабѣетъ, исчезая въ массѣ покоющейся воды озера. Такого рода представленіе особенно ясно и картинно даже изображено у Тэна; оно въ разныхъ формахъ воспроизводится психологами гербартовой школы и принадлежитъ самому Гербарту. Другіе защищаютъ мнѣніе, что во всякій данный моментъ въ

сознаніи находится небольшое, доступное приблизительно довольно точному вычисленію, количество различныхъ состояній и измѣненій души. Вундтъ, напр., прямо говоритъ: 12 простыхъ представленій составляютъ максимальный объемъ сознанія для слѣдующихъ одно за другимъ сравнительно простыхъ представленій. Это число, поясняетъ онъ, соотвѣтствуетъ числу простыхъ частей такта, которыя могутъ быть восприняты совмѣстно нашимъ чувствомъ ритма. Нѣкоторые полагаютъ, что количество одновременныхъ состояній сознанія=числу 5 или 6, т. е. равно количеству различныхъ классовъ ощущенія, количеству внѣшнихъ чувствъ, дополненнымъ общимъ, въ которое входятъ мускульныя и органическія ощущенія. Тѣ и другіе приводятъ въ подтвержденіе своихъ взглядовъ факты внутренняго наблюденія, говорящіе, повидимому, о способности сознанія вмѣщать одновременно во всякомъ случаѣ нѣсколько состояній. Для всѣхъ людей, мало знакомыхъ съ тонкостями психологическаго анализа, для всѣхъ, можно сказать, почти людей, понимающихъ самый этотъ вопросъ, эта множественность одновременно сознаваемыхъ различныхъ состояній души даже не вопросъ, а фактъ, кажущійся имъ очевиднымъ. Всякій непосредственно сознаетъ, дѣйствительно, что онъ можетъ одновременно и слышать и видѣть, осязать, испытывать вкусовыя и обонятельныя ощущенія и въ то же время думать о чемъ-нибудь или, по крайней мѣрѣ, вспоминать и т. п. Такимъ представленіемъ дѣла упрощается строй душевной жизни, и процессъ душевный становится какъ бы нагляднѣе, различныя осложненія и образованія психическихъ аггрегатовъ понятнѣе. Но дѣло не такъ просто, какъ представляется съ перваго раза.

Прежде всего, представленіе одновременнаго пребыванія въ сознаніи нѣсколькихъ дѣятельностей, хотя бы даже не больше 12 или 5, вынуждаетъ представлять сознающее начало пространственнымъ, представляющимъ нѣчто такое, въ чемъ могутъ помѣститься другъ возлѣ друга нѣсколько пунктовъ-энергій; самые эти пункты-энергіи или дѣятельности превращаются, потому, тоже въ величины, хотя-бы съ безконечно-малымъ протяженіемъ,

слѣдовательно, тоже въ пространственныя. Обычное пониманіе не имѣетъ ничего и противъ этого, не принимая во вниманіе всѣхъ послѣдствій такого представленія душевныхъ состояній. Но, являясь пространственнымъ или протяженнымъ субстратомъ нѣсколькихъ одновременно и, слѣдовательно, въ разныхъ пунктахъ совершающихся явленій, сознающее начало прямо отождествляется съ веществомъ, матеріализируется. Въ дѣйствительности же этотъ фактъ весьма проблематическій и допускаетъ такого рода объясненіе, которымъ одновременность состояній сознанія совершенно устраняется и превращается въ одну изъ многочисленныхъ иллюзій самого сознанія, которыми такъ богато неруководимое научными началами самонаблюденіе; превращается въ фальшивое объясненіе, дурную гипотезу относительно факта чрезвычайной тонкости и неуловимости. Этому наблюденію кажется, напр., что представленіе о сложномъ предметѣ дается сразу, и оно есть простой актъ, въ то время какъ для науки—это несомнѣнно актъ чрезвычайно сложный. Такъ, этому наблюденію, кажется что чувство-волненіе, напр., гнѣвъ, любовь совершаются въ груди и производятся какъ бы сердцемъ, около котораго локализируется оно постоянно въ формѣ особаго рода ощущенія; но наукѣ съ несомнѣнностію извѣстно, что органомъ этого состоянія служитъ тотъ же мозгъ, который является орудіемъ и отвлеченной мысли и т. п. Простота образа представленія сложнаго предмета и помѣщеніе волненія душевнаго въ области сердца—это иллюзіи, которыя невѣжество принимаетъ за дѣйствительность,—это неправильное толкованіе постоянно совершающагося факта. Въ виду этихъ соображеній и многихъ другихъ, еще у древнихъ, напр., у Плотина, явилась мысль, что душевныя явленія представляютъ въ своемъ возникновеніи только непрерывное преемство, слѣдованіе другъ за другомъ во времени, и никакъ не одновременность, и этимъ рѣзко и рѣшительно отличаются отъ явленій вещества, способныхъ одновременно возникать и существовать въ различныхъ пунктахъ. Мысль эта въ новое время вновь возникла и развита психологами шотландской школы и поддерживается ихъ новѣйшими преемниками

въ Англіи, даже такими, которые обнаруживаютъ склонность къ матеріализму, какъ напр., Спенсеръ. Онъ говоритъ: „Два обширныхъ класса жизненныхъ дѣятельностей, изучаемые Психологіей и Физіологіей, различаются между собою въ крупныхъ чертахъ тѣмъ, что одинъ изъ этихъ заключаетъ въ себѣ и одновременныя и послѣдовательныя перемѣны, между тѣмъ какъ другой заключаетъ только послѣдовательныя перемѣны. Явленія, входящія въ область Физіологіи, представляютъ изъ себя огромное количество различныхъ рядовъ, связанныхъ другъ съ другомъ. Явленія же, входящія въ область Психологіи, представляютъ только одинъ рядъ"... Изъ такого пониманія и изображенія теченія всей душевной жизни по отношенію къ явленію сознанія съ необходимостію слѣдуетъ выводъ, что въ данный недѣлимый психологическій моментъ въ сознаніи не можетъ быть болѣе одной простой дѣятельности или сложной, но приведенной къ прочному единству одной изъ частей своего содержанія; что духъ въ каждый моментъ своего бытія испытываетъ, выдѣляя изъ другихъ, только одно и единственное измѣненіе; если при этомъ возникаетъ другое, то первое, хотя-бы на невообразимо малое время, прекращаетъ свое бытіе въ сознаніи; возвращаясь вновь, оно опять становится одно содержаніемъ сознанія. Когда такъ чередуются въ невообразимо-быстромъ преемствѣ двѣ, три, пять дѣятельностей, онѣ естественно, пожалуй, даже необходимо, вызываютъ иллюзію, что онѣ лежатъ и держатся въ сознаніи рядомъ, другъ возлѣ друга, совершаются одновременно, а не другъ за другомъ. Иллюзія эта, по всей вѣроятности, увеличивается тѣмъ, что каждое отдѣльное состояніе сознанія изъ нѣсколькихъ чередующихся и возвращающихся въ теченіе нѣкотораго времени—связано съ физическими процессами въ мозгѣ, которые, какъ пространственные, могутъ возникать одновременно и непосредственно ощущаться занимающими нѣкоторую площадь, такъ какъ, дѣйствительно, нервныя движенія самоощущаются, хотя и весьма неопредѣленно.

Такое пониманіе дѣла, повидимому, противорѣчитъ природѣ сознанія, какъ акта различенія, для чего требуется присутствіе

по крайней мѣрѣ двухъ дѣятельностей души, поставленныхъ въ соотношеніе между собою. Но это противорѣчіе кажущееся, и его легко устранить. Стоитъ только принять, что сравненіе всегда происходитъ между предыдущимъ и послѣдующимъ и что всякая сознаваемая дѣятельность опредѣляется и выдѣляется въ сознаніи своимъ предыдущимъ. При этомъ предыдущее составляетъ какъ бы часть послѣдующаго, сливаясь своимъ концемъ съ его началомъ, чѣмъ объясняется сочетаніе по смежности, до извѣстной степени. Самый актъ различенія и слянія двухъ смежныхъ сознаваемыхъ состояній совершается послѣ ихъ смѣны, какъ особое измѣненіе души. Такимъ образомъ, всякій актъ сознанія состоитъ изъ трехъ различныхъ моментовъ, вслѣдствіе необыкновенной быстроты своего совершенія кажущихся однимъ нераздѣльнымъ. Въ немъ даны въ быстрой смѣнѣ и предыдущая, сознаваемая тоже при посредствѣ своей предыдущей, дѣятельность, послѣдствующая, непосредственно къ ней примыкающая и начинающая различаться въ самый моментъ своего возникновенія, и, наконецъ, полное различеніе, ее освѣщающее и дѣлающее способнымъ освѣтить свое послѣдующее, и такъ далѣе безъ всякой остановки и перерыва. Представленный такъ, процессъ сознанія необходимо признавать непрерывно продолжающимся во все теченіе жизни, слѣдовательно, во снѣ, въ самомъ глубокомъ обморокѣ и т. п.: перерывъ его равнялся бы прекращенію жизни души. Во всемъ этомъ изображеніи процесса сознанія нѣтъ ничего невообразимаго и невозможнаго; имъ устраняется всякая пространственность въ духѣ и притомъ уясняется ассоціація смежныхъ состояній тѣмъ, что въ процессѣ сознанія смежныя предыдущее и послѣдующее превращаются въ одинъ актъ различенія и, такимъ образомъ, дѣлаются однимъ органическимъ цѣлымъ. Одинъ недостатокъ есть въ этой теоріи—именно невозможность представить себѣ и вообразить начало душевной жизни, образованіе перваго сознательнаго акта, предполагающее всегда предыдущее сознанное. Но странно было бы ожидать здѣсь знанія точнаго, когда человѣку доселѣ неизвѣстны всѣ начала всякой жизни... Слившись въ ак-

тахъ различенія или сознанія въ одно цѣлое, какъ члены одного процесса, двѣ дѣятельности съ присущимъ имъ уже различеніемъ сливаются въ одно цѣлое; тоже можетъ быть, очевидно, и съ цѣлымъ ихъ рядомъ изъ десятковъ и даже сотенъ состояній различныхъ. Возникая вновь, они уже играютъ роль простыхъ, единичныхъ измѣненій, причемъ обыкновенно возникаетъ, какъ извѣстно, всегда только часть ассоціаціи, въ связи съ темнымъ чувствомъ присутствія за ней или возможности возникновенія цѣлаго ряда.

2. Ассоціированіе и воспроизведеніе душевныхъ состояній.

Понятіе объ ассоціированіи душевныхъ состояній. Заключеніе объ этомъ процессѣ по другому—воспроизведенію состояній душевныхъ. Общія условія-законы воспроизведенія: законъ сходства и законъ смежности. Отличіе воспроизведенія отъ ассоціированія, при одинаковости ихъ условій-законовъ. Совмѣстность приложенія законовъ сходства и смежности.

Другое общее условіе организаціи душевныхъ явленій состоитъ въ ихъ способности входить между собою въ разнообразныя соотношенія, связываться и сочетаться между собою. Свойство это открывается уже въ фактѣ существованія сложныхъ идей, которыя суть не что иное, какъ сочетанія идей простыхъ, и затѣмъ во всѣхъ сложныхъ душевныхъ процессахъ, которые всегда состоятъ изъ соединенія извѣстнымъ образомъ идей, идей и ощущеній, идей и чувствъ и т п. Благодаря этому свойству, ни одно душевное состояніе не является одинокимъ и разрозненнымъ, а всегда связано непосредственно съ нѣкоторыми другими, а косвенно со всѣми явленіями, составляющими содержаніе душевной жизни. Потому, всякое душевное состояніе можетъ быть разсматриваемо, и должно быть разсматриваемо, какъ соединеніе, сочетаніе нѣсколькихъ,—какъ группа ихъ. Такія группы принято называть ассоціаціями, а самое явленіе *ассоціированіемъ*, *ассоціаціею*. Способность душевныхъ состояній входить въ болѣе или менѣе прочныя сочетанія между собою, или ассоціироваться, открывается не прямо и непосредственно сама собою, а въ томъ, что прежде бывшія состоянія возникаютъ вновь, воспроизводятся

въ душѣ и воспроизводятся въ извѣстномъ порядкѣ, опредѣленными, болѣе или менѣе устойчивыми группами. Такое явленіе душевныхъ состояній вновь и служитъ для наблюдателя ручательствомъ, что они соединяются между собою и въ этомъ видѣ хранятся какимъ-то образомъ въ душѣ. Явленія эти такъ тѣсно связаны, что одно безъ другого не могутъ быть изучаемы. Конечно, изученіе ихъ, естественно, нужно начать съ того, которое дано прямо и непосредственно въ опытѣ, т. е. со способности къ оживанію, воспроизведенію душевныхъ состояній.

Явленіе „воспроизведенія" обыкновенно называется „закономъ репродукціи". Законъ этотъ говоритъ: всякое душевное состояніе, простое или сложное, разъ сформировавшись и возникнувши въ душѣ, можетъ, при благопріятныхъ условіяхъ, вновь возникнуть въ ней. Эти благопріятныя условія или причины явленія вновь душевныхъ состояній слагаются всегда изъ наличныхъ душевныхъ состояній, существующихъ въ сознаніи въ данный, опредѣленный моментъ. Послѣднія могутъ быть произведены дѣйствіемъ внѣшнихъ причинъ или состоять тоже изъ воспроизведеній прошлаго. Т. е., говоря конкретнѣе, то, что возникаетъ въ вашей душѣ изъ прошлаго вашего опыта черезъ нѣсколько минутъ или секундъ, опредѣляется съ необходимостію тѣмъ, что существуетъ въ данный моментъ. Этотъ фактъ можетъ быть обобщенъ въ положеніе, что всякое прошлое состояніе возникаетъ вновь подъ вліяніемъ другого или другихъ существующихъ въ данный моментъ въ сознаніи,—иначе: причина явленія какого-либо прошлаго состоянія въ сознаніи есть какое-либо состояніе настоящее. Поэтому, если какое-либо изъ прошлыхъ состояній или какой рядъ ихъ возникаетъ подъ вліяніемъ настоящаго даннаго, — это тоже опредѣляется строгою необходимостію. Далѣе, прямымъ опытомъ и наблюденіемъ установляется, что между явленіями вызывающими и вызываемыми, или воспроизводимыми, всегда существуетъ нѣкоторое опредѣленное отношеніе, постоянное, данное въ самомъ содержаніи явленій душевныхъ, или случайное, зависящее отъ общаго направленія и теченія душевной жизни.

Уже Аристотель опредѣлилъ, что это отношеніе между воспроизводимымъ и воспроизводящимъ, или причиною воспроизведенія, двухъ родовъ. Именно,—вызываются всегда: или такія прошлыя состоянія, которыя въ какомъ-нибудь отношеніи сходны съ настоящимъ даннымъ, или такія, которыя въ прошломъ опытѣ существовали другъ возлѣ друга, были смежными, соприкасались одно съ другимъ, вообще слѣдовали одно за другимъ „въ смежномъ преемствѣ“, какъ выражается Бэнъ. На вызовъ можетъ вліять или одно изъ этихъ условій, или оба вмѣстѣ, но безъ ихъ участія ни одно воспроизведеніе прошлаго обойтись не можетъ. Выраженныя въ общихъ положеніяхъ, эти постоянныя условія также называются законами. Первое называется „закономъ сходства, согласія“, или „сродства“, и выражается такимъ образомъ: настоящія состоянія (ощущенія, идеи, чувства, дѣйствія) стремятся воскресить сходныя съ ними изъ прежде испытанныхъ состояній. Случаевъ приложенія, осуществленія этого закона или принципа вызова прошлыхъ состояній множество во всѣхъ областяхъ душевной жизни, но его преимущественная область есть высшая умственная дѣятельность—обобщеніе въ понятіяхъ, сужденіяхъ и умозаключеніяхъ. Объясненіе, анализъ этой дѣятельности будетъ, такимъ образомъ, сплошнымъ доказательствомъ и иллюстраціею дѣйствія закона сходства въ вызовѣ прошлыхъ душевныхъ состояній и въ образованіи этимъ путемъ разныхъ сложныхъ формъ. (Для болѣе нагляднаго представленія самаго закона обыкновенно приводятъ слѣдующіе примѣры: портретъ извѣстнаго лица вызываетъ представленіе оригинала; воспріятіе всякаго знакомаго предмета вызываетъ всегда прежнія идеи о немъ: это называется „узнаваніемъ“). При воспріятіи часто встрѣчающихся предметовъ и явленій это воспроизведеніе прежнихъ сходныхъ опытовъ такъ быстро, что мы не замѣчаемъ его и отождествляемъ съ самымъ воспріятіемъ; но когда воспринимаются предметы и явленія, рѣдко наблюдаемые, процессъ вызываетъ усиліе и становится весьма замѣтнымъ. Особенно ясно возникаетъ сознаніе вызова сходнаго въ тѣхъ случаяхъ, когда встрѣчается совершенно новый пред-

метъ: тогда мы съ усиліемъ ищемъ, на что похожъ онъ изъ прежнихъ нашихъ опытовъ. Въ процессѣ воспоминанія, независимо отъ внѣшнихъ впечатлѣній, также весьма часто рельефно выступаетъ дѣйствіе закона сходства: думая о великомъ завоевателѣ, вы невольно вспомните извѣстныхъ великихъ историческихъ дѣятелей съ этимъ характеромъ. Особенную форму и видоизмѣненіе вызова по сходству представляетъ вызовъ діаметрально противоположныхъ состояній, т. е. по контрасту. Такъ, идея холода вызываетъ идею тепла; идея жизни—смерти, добродѣтели—порока и т. п.; одно мнѣніе о предметѣ вызываетъ другое, ему противоположное. Всѣ случаи вызова по контрасту сводятся къ принципу сходства потому, что контрастными могутъ быть только сходныя явленія, — крайніе пункты одного и того же явленія.

Выраженное въ общемъ положеніи, условіе вызова по смежности называется „закономъ смежности“. Формула этого закона слѣдующая: ощущенія, идеи, чувствованія, дѣйствія и всякія душевныя состоянія, встрѣчающіяся въ душѣ вмѣстѣ или въ тѣсномъ преемствѣ, стремятся возникать вновь вмѣстѣ: когда является въ душѣ одно какое-нибудь изъ нихъ, остальныя бываютъ готовыми тоже возникнуть. Случаевъ воспроизведенія по смежности безчисленное множество, и всѣ они, какъ болѣе механическіе и крупные, несравненно нагляднѣй, чѣмъ случаи воспроизведенія по сходству. Всякая сложная идея, сложное дѣйствіе, сложное чувство есть не что иное, какъ вызовъ цѣлаго ряда состояній, бывшихъ нѣкогда смежными и въ извѣстномъ болѣе или менѣе опредѣленномъ порядкѣ. (Примѣры сложной идеи: идея города, идея зданія, идея ландшафта). Всѣ эти случаи, для удобства обзора и по самому существу и характеру ихъ, можно распредѣлить на нѣсколько классовъ, сообразно съ частными особенностями условій первоначальнаго возникновенія вызываемыхъ состояній въ душѣ смежно (въ прежнихъ психологіяхъ каждый изъ этихъ классовъ или видовъ воспроизведенія по смежности признавался проявленіемъ особаго принципа, или закона). Одинъ классъ обнимаетъ случаи воспроизведенія идей сложныхъ пространственныхъ

предметовъ или многихъ предметовъ, лежащихъ другъ возлѣ друга въ пространствѣ, также частей одного сложнаго предмета; другой классъ обнимаетъ случаи вызова идей предмета и идей его свойствъ, или идеи предмета со многими признаками; третій— случаи вызова ряда идей событій, движеній и т. п., слѣдующихъ другъ за другомъ въ извѣстномъ порядкѣ во времени; четвертый — случаи вызова идеи причины идею дѣйствія, идеею основанія идеи слѣдствія, и наоборотъ. Всякое описаніе извѣстнаго пространственнаго предмета, потомъ, его характеристика и перечисленіе свойствъ, опредѣленіе условій его происхожденія, указаніе измѣненій его во времени, приведеніе основаній для утвержденія всего этого—можетъ служить образцомъ всѣхъ этихъ классовъ вызова по смежности. — Причина, почему они всѣ сведены англійскимъ психологомъ, Бэномъ, къ одному и объединены однимъ началомъ—„смежности", понятна сама собою: при всемъ разнообразіи отношеній предметовъ, которымъ соотвѣтствуютъ вызываемыя идеи, воспріятіе ихъ состоитъ изъ возникновенія душевныхъ состояній другъ за другомъ, въ сплошномъ преемствѣ, сопредѣльности, или смежности. Самый процессъ вызова и воспроизведенія состоитъ также въ слѣдованіи идей одной за другою съ большею или меньшею быстротою. При очень большой быстротѣ и небольшомъ количествѣ идей вызываемыхъ, воспроизведенный по смежности рядъ идей кажется одновременнымъ; при нѣкоторой медленности слѣдованіе становится замѣтнымъ. Стоитъ обратить вниманіе на различіе въ формѣ вызова по смежности, которое заставляетъ нѣкоторыхъ психологовъ раздѣлять воспроизведеніе по смежности на два класса — смежности одновременной и послѣдовательной. Въ этомъ отношеніи—одни воспроизведенія по смежности представляютъ постоянный рядъ состояній, всегда слѣдующихъ другъ за другомъ въ опредѣленномъ порядкѣ,—другія могутъ легко воспроизводиться въ любомъ порядкѣ. (Примѣры: садъ и расположеніе аллей въ немъ; молнія и громъ).

Вліяніе одного состоянія душевнаго на другое въ процессѣ вызова и воспроизведенія по сродству и смежности, также воз-

никновеніе цѣлыхъ группъ и рядовъ простыхъ состояній много разъ въ одномъ и томъ же видѣ и порядкѣ—вызываетъ неизбѣжно мысль, что эти состоянія стремятся другъ къ другу и связаны между собою какимъ-то образомъ. Далѣе, различныя степени легкости и быстроты воспроизведенія тѣхъ или другихъ группъ заставляютъ предполагать, что связь эта въ одномъ случаѣ тѣснѣе, прочнѣе, въ другихъ слабѣе, и что по отношенію къ одной и той же группѣ она можетъ возрастать или ослабѣвать въ своей силѣ. Наконецъ, непосредственное наблюденіе показываетъ, что многія состоянія различныя постепенно сливаются и связываются до такой степени, что кажутся однимъ нераздѣльнымъ состояніемъ (таковы большею частію образы пространственныхъ предметовъ, состоящихъ изъ разныхъ частей; таковы идеи предметовъ со многими свойствами); другія связываются до такой степени навсегда или на долгое время, что не могутъ быть воспроизведены одно безъ другого: они являются какъ бы сросшимися между собою. Это наблюдается въ сочетаніяхъ послѣдовательности или во времени Это явленіе связи, вліянія, сращенія душевныхъ состояній очевидно отличается отъ простого воспроизведенія и потому выдѣляется подъ именемъ „ассоціаціи“ въ собственномъ смыслѣ. Близкая связь этихъ различныхъ, въ сущности, явленій, взаимное вліяніе ихъ другъ на друга, неизвѣстность, чѣмъ и какъ реально, въ дѣйствительности, связываются душевныя состоянія, какою силою сцѣпляются и даже срастаются, подчиненіе обоихъ явленій однимъ и тѣмъ же законамъ, наконецъ, отсутствіе точныхъ терминовъ для ихъ обозначенія—все это приводитъ постоянно къ ихъ смѣшенію. Они постоянно отождествляются подъ именемъ „ассоціаціи идей“. Но во всякомъ случаѣ законъ связи, сліянія состояній выражается и долженъ быть выраженъ иначе, чѣмъ законъ воспроизведенія; онъ говоритъ: душевныя состоянія стремятся къ соединенію другъ съ другомъ и входятъ между собою въ разнообразные союзы, ассоціаціи, сочетанія. Условія или законы частные такого сочетанія суть тѣ же самые, что и условія вызова и воспроизведенія, такъ какъ самый вызовъ есть повтореніе и обна-

руженіе существующаго стремленія къ соединенію и состоявшееся соединеніе (законы сродства и смежности). Но дѣйствительная основа связи лежитъ, очевидно, глубже. Она заключается въ той силѣ, въ томъ невѣдомомъ факторѣ, которымъ связывается какъ сходное, такъ и смежное. Явленія эти будутъ объяснены только тогда, когда будетъ указано, почему и какъ сходное и смежное соединяются и даже сливаются, срастаются между собою [1]).

Вызовъ прошлыхъ душевныхъ состояній и ассоціацій ихъ по сродству и по смежности постоянно является вмѣстѣ. Строго говоря, въ организовавшейся душевной жизни нѣтъ почти случаевъ вызова исключительно только по сродству или исключительно по смежности (чистый вызовъ по смежности можно наблюдать только въ автоматическихъ, безсознательныхъ процессахъ, особенно движеніяхъ). Поэтому, къ случаямъ воспроизведенія и ассоціаціи *по сродству* обыкновенно относятся тѣ, въ коихъ начало сродства является преобладающимъ и вполнѣ открытымъ, а смежность стоитъ на второмъ планѣ или даже бываетъ скрытою для непосредственнаго сознанія. Также точно воспроизведеніями и сочетаніями *по смежности* называются такія, въ коихъ преобладаетъ

---

[1]) Попытка объяснить это сочетаніемъ и сростаніемъ элементовъ мозга, участвующихъ въ образованіи сочетающихся душевныхъ состояній или движеній мозга встрѣчаетъ такую массу затрудненій, что ее нужно считать вполнѣ неудавшеюся, не объясняющею, а только затемняющею дѣло. Достаточно указать одно изъ такихъ затрудненій, чтобы убѣдиться въ справедливости этого замѣчанія. Самый обычный фактъ въ явленіи ассоціаціи тотъ, что одна и та же душевная дѣятельность—одна идея, чувство, стремленіе входитъ въ десятки, даже сотни предметовъ и во многихъ изъ нихъ представляетъ явленія сращенія и неразрывности. Какимъ матеріальнымъ процессомъ можно объяснить это одновременное присутствіе одного и того же движенія въ десяткѣ или сотнѣ мѣстъ? Въ немъ, очевидно, нарушаются извѣстные намъ законы всего матеріальнаго и пространственнаго. Если предположить, что все это, собственно, различныя состоянія, только близко сходныя между собою, то какимъ матеріальнымъ процессомъ можно объяснить ихъ отождествленіе? Они во всякомъ случаѣ для этого должны быть представлены собравшимися и слившимися въ одномъ пунктѣ мозга. А это опять немыслимо. И, вообще, особенно ассоціація по сродству положительно не объяснима какимъ-нибудь способомъ сочетанія матеріальныхъ процессовъ или частицъ. Она иногда обнимаетъ въ одномъ актѣ сознанія состоянія, входящія въ тысячи другихъ. Этимъ объясняется, почему ее такъ не любятъ психологи съ матеріалистическими тенденціями.

принципъ смежности, а сходство затемняется или бываетъ даже скрытымъ. Такъ, напр., въ воспроизведеніи по сродству, изъ котораго состоитъ процессъ узнаванія предмета, всегда, обыкновенно, слитно или раздѣльно, вызывается много прежнихъ случаевъ воспріятія даннаго предмета или сходныхъ съ нимъ въ извѣстномъ порядкѣ, слѣдовательно, много идей, смежныхъ по времени. Большею частію эта часть процесса возникаетъ до такой степени быстро и слитно, что многочисленность послѣдовательныхъ наслоеній остается незамѣтною, скрытою; но часто также прежніе тождественные опыты выступаютъ отчетливо и раздѣльно въ смежномъ преемствѣ, т. е. припоминаются всѣ случаи знакомства съ даннымъ предметомъ и при повтореніи въ одномъ и томъ же порядкѣ. Кромѣ того, идея предмета, вызванная по сходству, при тѣхъ или другихъ условіяхъ, рѣдко является одна, а влечетъ за собою вызовъ другихъ состояній, бывшихъ одновременно съ нею, ей предшествовавшихъ и за ней слѣдовавшихъ въ смежномъ преемствѣ. Особенно отчетливо выступаетъ это осложненіе въ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, когда при встрѣчѣ съ знакомымъ предметомъ прежній опытъ его или воспріятіе не является сразу и полнаго узнаванія не происходитъ. Тогда нерѣдко возникаютъ въ сознаніи сначала смежныя состоянія, въ отвѣтъ на вопросы—гдѣ, когда, при какихъ обстоятельствахъ былъ сходный опытъ, встрѣча съ предметомъ, и черезъ нихъ по смежности вызывается, наконецъ, сходное состояніе, и узнаваніе осуществляется. Такое постоянное вторженіе смежныхъ состояній при воспроизведеніи и ассоціированіи сходнаго объясняетъ трудность такъ называемаго отвлеченія. Въ свою очередь, воспроизведенія по смежности, предполагая узнаваніе, заключаютъ въ себѣ всегда цѣлые ряды воспроизведеній по сродству, въ скрытой формѣ, но возникающихъ часто также съ полною опредѣленностію. Нагляднѣе и очевиднѣе сліяніе вызова по смежности съ вызовомъ по сродству представляется въ тѣхъ случаяхъ, когда вызываются по смежности сходные предметы. Такъ, напр., перечисляя лежащіе на Волгѣ города, вы, очевидно, совершаете воспроизведеніе по смеж-

ности въ пространствѣ, связывая идеи городовъ съ идеею Волги и этою же идеею связывая ихъ между собою; если рядъ этотъ заученъ въ извѣстномъ порядкѣ, вызовъ по смежности въ пространствѣ сольется съ смежностію во времени Но въ то же время идеи городовъ вызываются по своему сродству, какъ, именно, идеи городовъ и, притомъ, лежащихъ на Волгѣ. Случаевъ такого рода множество.

Творчество.

Процессъ творчества, какъ особый видъ приложенія законовъ воспроизведенія и ассоціаціи душевныхъ состояній. Значеніе его. Отличительныя черты творчества. Распространеніе его на всѣ сферы душевной жизни и дѣятельности. Терминологія творчества и сродныхъ съ нимъ явленій, въ связи съ исторіею ученія о нихъ. Современное пониманіе терминовъ: „фантазія", „творческое воображеніе", „воображеніе".—Спеціальныя причины и условія, вызывающія дѣятельность фантазіи. Способы построенія творческихъ образовъ. Выводъ относительно сущности фантазіи—творчества. Степени напряженія творческаго процесса соотвѣтственно силѣ и напряженію другихъ дѣятельностей душевныхъ у разныхъ людей. Высшая степень творчества, какъ условіе геніальности во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности. Зависимость силы творчества отъ природной силы представленія дѣйствительности. Объясненіе перехода отъ представленія дѣйствительности къ творчеству.

Къ описаннымъ всеобщимъ фактамъ и процессамъ репродукціи и ассоціаціи душевныхъ состояній, близко стоитъ новый, тоже всеобщій фактъ, который нѣкоторые психологи ставятъ рядомъ съ законами смежности и сродства и который есть, въ сущности, только особый способъ ихъ приложенія. Бэнъ формулируетъ его такимъ образомъ: „въ силу ассоціаціи, духъ имѣетъ способность образовать комбинаціи, или аггрегаты, отличные отъ всѣхъ представлявшихся ему въ теченіе опыта". Общѣе и ближе къ сдѣланной нами постановкѣ ученія о законахъ ассоціаціи и репродукціи законъ этотъ можетъ быть выраженъ такъ: душевныя явленія—ощущенія, идеи, чувства, дѣйствія имѣютъ способность воспроизводиться

и сочетаться не въ томъ порядкѣ и формѣ, въ какихъ возникаютъ подъ прямымъ вліяніемъ внѣшнихъ возбужденій. Въ силу этого въ сферѣ душевной жизни возникаетъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ особый процессъ—*творчества*, или *творческихъ построеній*, непроизвольныхъ и произвольныхъ, сопутствующихъ всѣмъ родамъ душевной дѣятельности и всѣ ихъ проникающій, т. е. основной и всеобщій. Значеніе его опредѣляется тѣмъ, что безъ него невозможно и немыслимо образованіе тѣхъ высшихъ и совершеннѣйшихъ формъ — умственной, сердечной и волевой жизни, въ какихъ она является у человѣка. При этомъ онъ является главнымъ орудіемъ культуры и развитія человѣка. Потому-то этотъ процессъ служитъ однимъ изъ выдающихся отличительныхъ признаковъ души человѣческой или духа сравнительно съ душою животнаго.

Творчество является въ связи съ процессомъ ощущенія, производя, рядомъ съ дѣйствительными ощущеніями, новыя, никогда неиспытанныя данною личностію. Въ процессѣ образованія идей или представленій конкретныхъ предметовъ и явленій творчество обнаруживается построеніемъ, рядомъ съ соотвѣтствующими дѣйствительности, множества образовъ никогда не воспринимаемыхъ и не могущихъ быть воспринятыми предметовъ, явленій и событій, весьма часто нарушающихъ основные законы объективнаго бытія, не стѣсняющихся ни пространствомъ, ни временемъ, законами тяжести, ограниченности міра и т. п. Здѣсь творчество является прямымъ результатомъ присущей идеямъ подвижности, независимой отъ внѣшняго опыта. Зародышевою формою и прототипомъ его служитъ то хаотическое, калейдоскопическое состояніе идей, которое мы предполагаемъ у дитяти въ началѣ душевной жизни. Свобода перестройки образовъ объясняется отсутствіемъ внѣшняго опыта, даже сознанія внѣшней дѣйствительности. Комбинаціи образовъ здѣсь опредѣляются исключительно случайными встрѣчами ихъ во время постояннаго ихъ движенія. И общеизвѣстныя наблюденія показываютъ, что чѣмъ менѣе опытъ и дѣйствительное знаніе человѣка, чѣмъ, т. е., человѣкъ неразвитѣе, тѣмъ больше

въ совокупности его представленій творческихъ образовъ, несоотвѣтствующихъ дѣйствительности. Міросозерцаніе дикарей и такъ называемыхъ первобытныхъ людей состоитъ, какъ извѣстно, почти исключительно изъ творческихъ образовъ—такъ называемыхъ миѳическихъ, эпическихъ и т. п. Даже сознаніе необразованныхъ людей, причастныхъ культурѣ, переполнено творческими образами несуществующихъ или иначе существующихъ предметовъ, явленій. И всѣ эти люди, какъ и дѣти (до извѣстнаго возраста), любятъ процессъ построенія завѣдомо несуществующихъ и невозможныхъ событій и пр., построенія самостоятельнаго или при помощи другихъ, удовлетворяя этимъ потребность умственной дѣятельности, для которой дѣйствительный опытъ не даетъ пищи, создавая также рядъ новыхъ наслажденій-волненій, невозможныхъ и рѣдкихъ въ дѣйствительной жизни. Наконецъ, люди развитые, съ прекращеніемъ дѣйствительной умственной дѣятельности, въ часы вольнаго или невольнаго досуга, при ослабленіи сношенія съ міромъ дѣйствительнымъ, весьма часто предаются творческому процессу построенія образовъ, такъ называемому „мечтанію“ или построенію „воздушныхъ замковъ“. Въ юношескомъ возрастѣ это явленіе встрѣчается довольно часто, можно сказать, постоянно. Въ зрѣломъ возрастѣ, вообще говоря, оно рѣже и проникается болѣе реальнымъ содержаніемъ, причемъ творчество вращается здѣсь въ области плановъ устройства жизни, лучшаго чѣмъ данное и т. п. Въ старости процессъ мечты творческой замѣняется воспоминаніемъ прошлаго, особенно если оно богато содержаніемъ, или думами о загробной жизни. Далѣе, творчество участвуетъ всегда въ значительной степени въ процессѣ воспріятія даже дѣйствительныхъ предметовъ и явленій, причемъ человѣкъ даже высоко развитой, опытный изслѣдователь, невольно видитъ въ предметѣ наблюдаемомъ то, чего въ немъ вовсе нѣтъ, обыкновенно то, что ему желательно или пріятно видѣть въ предметѣ. Особенно сильно участіе творческихъ построеній въ воспріятіи, когда оно совершается подъ вліяніемъ сильныхъ волненій, напр. любви, гнѣва, страха, сильнаго нравственнаго чувства и т. п. Обращаясь

къ высшимъ умственнымъ дѣятельностямъ, мы должны отмѣтить огромное участіе творчества въ процессѣ отвлеченія и обобщенія, въ образованіи общихъ идей, или понятій, которымъ въ дѣйствительности нѣтъ соотвѣтствующихъ реальныхъ, пространственно опредѣленныхъ или конкретныхъ предметовъ, въ образованіи идей пространства и времени, идей числа, математическихъ фактовъ и, вообще, всѣхъ математическихъ отношеній; наконецъ, въ образованіи звукового языка, мимическихъ движеній для выраженія мыслей и, вообще, всякаго рода символовъ, начиная съ простой мѣтки, идеографическаго письма и кончая ландкартами, глобусами и т. п. Во всемъ этомъ можно сказать безъ преувеличенія $^{9}/_{10}$ творческаго построенія. Участвуя въ образованіи основныхъ умственныхъ процессовъ, творческій процессъ, очевидно, производитъ и средства передачи умственныхъ пріобрѣтеній отъ одного человѣка другому, отъ одного поколѣнія другому; въ частности, онъ является могущественнымъ пособіемъ при усвоеніи человѣкомъ никогда неиспытаннаго, никогда невиданнаго и неслыханнаго имъ самимъ, средствомъ, такимъ образомъ, расширенія личнаго опыта до громадныхъ размѣровъ, опыта чуть не всѣхъ людей, взятыхъ вмѣстѣ, на всѣхъ пунктахъ земного шара. Такое же большое участіе творческій процессъ принимаетъ въ образованіи научныхъ построеній, теорій всякаго отдѣльнаго явленія, открывающихъ недоступныя прямому опыту силы, ихъ производящія, каковы, напр., теоріи свѣта, звука и т. п., философскихъ метафизическихъ умозрѣній относительно первыхъ основъ всего сущаго и строя всей міровой жизни, законовъ астрономическихъ, геологическихъ, историческихъ, въ родѣ, напр., системы образованія вселенной изъ первобытной газообразной матеріи, птоломеевской, декартовской и коперниковской системы міра, гипотезы Дарвина, объясняющей процессъ образованія и развитія органической жизни на землѣ, гипотезъ относительно происхожденія религіи, языка, соціальнаго строя и т. п. п, вообще, всѣхъ возможныхъ мелкихъ и крупныхъ гипотезъ. Такимъ образ., творческій процессъ проникаетъ всю умственную жизнь, начиная съ

элементарныхъ формъ ея у человѣка и кончая самыми великими произведеніями ума. Въ области сердечной жизни творчество съ очевидностью обнаруживается въ приблизительномъ испытаніи никогда нами не испытанныхъ волненій, въ такъ называемомъ пониманіи горя и радости, удовольствія и страданія другихъ людей, даже животныхъ, въ перенесеніи волненій на неодушевленную природу, даже неорганическую; частнымъ же образомъ—въ такъ называемомъ художественномъ творчествѣ, вообще, поэзіи, которая возникаетъ для удовлетворенія потребностей сердца, предназначается всегда главнымъ образомъ для возбужденій волненій всякаго рода, въ то же время имѣетъ въ чувствѣ свою основу и корень, и въ концѣ концовъ, состоитъ главнымъ образомъ въ творческихъ комбинаціяхъ чувствованій, особенно лирическая поэзія—поэзія по преимуществу—и музыка. Въ сферѣ человѣческой дѣятельности, въ области воли и жизни практической, творчество является въ построеніи законовъ цѣлой жизни, комбинированіи способовъ для достиженія различныхъ цѣлей, въ построеніи идеала, особенно идеала нравственнаго совершенства, въ созданіи новыхъ условій, въ искусственномъ комбинированіи мотивовъ того или другого рода дѣятельности, въ созданіи новыхъ формъ общественной жизни, законодательства и т. п.; наконецъ, въ созданіи средствъ, увеличивающихъ удобства и изящество жизни, машинъ, во всей такъ называемой индустріи, начиная съ постройки и прически платья и кончая телеграфами, желѣзными дорогами и т. п. Такимъ образ., въ творческомъ процессѣ, выражающемся въ приведенныхъ отвлеченныхъ формахъ мы имѣемъ, дѣйствительно, одинъ изъ основныхъ и составныхъ процессовъ, обусловливающихъ бытіе высшихъ душевныхъ дѣятельностей—ума, сердца и воли.

Изъ описанія процесса творческаго и указанія фактовъ, подтверждающихъ участіе его во всѣхъ душевныхъ дѣятельностяхъ и процессахъ, не трудно видѣть, что рѣчь идетъ здѣсь о томъ явленіи, которое называется обыкновенно *фантазіею*, или *творческимъ воображеніемъ*.

Явленія творчества, преимущественно поэтическаго и художественнаго, обратили на себя вниманіе человѣка въ глубокой древности и долго признавались какъ бы независимымъ отъ самой души, результатомъ вліянія на нее высшихъ, божественныхъ силъ, потому что творческіе образы даже при сознательномъ и цѣлесообразномъ творчествѣ всего чаще являются независимо отъ воли человѣка и не всегда съ одинаковою силою, даже у людей, богато одаренныхъ творческою способностію. Слѣды этого воззрѣнія остались и доселѣ въ извѣстномъ понятіи генія, вдохновенія и т. п., которое и доселѣ по преимуществу считается свойствомъ поэтовъ, хотя и распространяется на всѣ виды творчества. Образы творческіе у Грековъ получили названіе φάντασμα и самая дѣятельность, или сила, ихъ производящая, названа фантазіею—φαντασία. У Аристотеля φαντασία отождествляется съ способностію представленія или образованія идей изъ впечатлѣній или ощущеній. Творчество у него обнимается понятіемъ ума творческаго, или дѣятельнаго,—νοῦς ποιητικός. Стоики и потомъ неоплатоники объединили способность представленія и творчества въ особую часть души, при помощи которой она связывается съ тѣломъ и комбинируетъ въ цѣлые образы отрывочныя впечатлѣнія внѣшнихъ чувствъ, превращаетъ также въ опредѣленные образы тѣ темныя впечатлѣнія, какія получаетъ душа отъ Бога и міра духовнаго, служа средою и органомъ поэтическаго, пророческаго и всякаго другого вдохновенія; производитъ также новыя сочетанія представленій для символическаго выраженія отвлеченныхъ мыслей. На эту силу они перенесли понятіе „фантазіи“. На основаніи двойной роли фантазіи, установленной древними, т. е. комбинировать дѣйствительныя внѣшнія впечатлѣнія въ цѣлые образы и создавать новыя, преимущественно подъ вліяніемъ вдохновенія, схоластики сдѣлали изъ фантазіи—imaginatio, воображеніе,—двѣ различныя силы души—imaginatio reproductiva, или vis combinatoria—воображеніе воспроизводительное—и imaginatio productiva—воображеніе творческое, за которымъ утвердилось постепенно, въ отличіе отъ перваго, греческое названіе фантазіи.

Когда затѣмъ для факта явленія сложнаго образа въ душѣ придумано было новое олицетвореніе, новая сила или способность души, способность представленія и воспроизведенія—vis presentativa или representativa, для „воображенія воспроизводительнаго" не осталось опредѣленной роли; оно по необходимости смѣшалось съ способностію представленія. Но, по установившейся рутинѣ, оно продолжало фигурировать и доселѣ фигурируетъ въ системахъ Психологіи, причемъ для него нашли особую функцію, второстепенную и служебную, именно—придавать яркость и возможную близость къ дѣйствительности образамъ внѣшнихъ предметовъ. Такимъ образомъ, „воображеніе воспроизводительное" есть отвлеченіе и своего рода олицетвореніе, превращеніе въ особеннаго агента одного изъ свойствъ идеи, или представленія. Возможность такого отвлеченія и олицетворенія обусловливается тѣмъ, что идеи, или представленія, дѣйствительно, имѣютъ у различныхъ людей неодинаковыя степени яркости или близости къ дѣйствительности, сходства съ нею: у однихъ они очень ярки и живы, у другихъ блѣдны и неопредѣленны. И у одного и того же человѣка, при различныхъ условіяхъ, идеи-представленія то бываютъ блѣдными, неуловимыми, то весьма яркими.

При чисто механическомъ представленіи душевной жизни, какъ продукта дѣятельности различныхъ силъ и способностей, легко было придти къ мысли, что способность представленія только комбинируетъ различныя черты образа, соединяетъ его различные элементы, даетъ имъ общіе схемы и контуры, что яркость, живость, окраску имъ придаетъ другая сила, и именно, воображеніе воспроизводительное. Отнесеніе происхожденія яркости представленій къ другой силѣ, отличной отъ силы представляющей и родственной съ фантазіею, творящею новые образы цѣликомъ, при этомъ, оправдывалось тѣмъ фактомъ, что повышенная яркость образовъ дѣйствительности и выдающаяся способность къ созданію новыхъ постоянно совпадаютъ у однихъ и тѣхъ же личностей. Но все это, очевидно, представляетъ искусственное, чисто насильственное распредѣленіе душевныхъ явленій представ-

ленія. Понятіе „воображенія воспроизводительнаго“ и самый терминъ оказывается излишнимъ: его можно замѣнить терминами: „интенсивность идеи“, „близость идеи къ дѣйствительному ощущенію и воспріятію“ и т. п. И это тѣмъ болѣе, что сама схоластическая способность представленія разлагается на процессы ассоціаціи и репродукціи ощущеній, идеи и т. д. по извѣстнымъ законамъ смежности и сродства. Терминъ—„способность представленій“ исчезаетъ и отчасти вовсе изъятъ изъ употребленія въ психологическихъ изслѣдованіяхъ настоящаго времени, и никакой нужды въ немъ не встрѣчается. Такимъ образомъ, изъ двухъ воображеній, созданныхъ схоластикою, остается одно—„воображеніе творческое“, „или фантазія“, т. е. только этому термину соотвѣтствуетъ дѣйствительно особенный, удобно выдѣляемый изъ другихъ фактъ душевной жизни,—именно фактъ творческихъ сочетаній. И всякій разъ, какъ употребляется терминъ „фантазія“ и даже просто „воображеніе“, обыкновенно разумѣется только этотъ весьма разнообразный процессъ творческихъ построеній, и только въ очень рѣдкихъ случаяхъ терминомъ „воображеніе“ означается фактъ яркихъ, воспроизводящихъ дѣйствительные предметы образовъ.

Такимъ образомъ, терминъ „фантазія“, „воображеніе творческое“, даже просто „воображеніе“—можетъ обозначать собою явленія творческихъ построеній на всѣхъ степеняхъ ихъ и во всѣхъ формахъ, и его можно употреблять въ этомъ смыслѣ, какъ замѣну менѣе привычнаго выраженія „творческое построеніе“, „процессъ творчества“. При этомъ нужно только расширить значеніе его, въ которомъ онъ обыкновенно употребляется, обозначая творчество въ сферѣ построенія пластическихъ образовъ—людей, животныхъ, картинъ природы, жизни человѣческой, съ исключеніемъ творчества въ области индустріи, механики и науки. Но образы, создаваемые и затѣмъ воплощаемые въ какомъ либо веществѣ механикомъ, отличаются тоже пластичностію, опредѣленностію, не соотвѣтствуютъ также опредѣленной и существующей независимо отъ мысли дѣйствительности, какъ любой поэтическій образъ. Первые отличаются отъ послѣдняго только по формѣ и матеріалу

построенія, и геніальный механикъ обладаетъ, употребляя привычное выраженіе, такою же могучею фантазіею, какъ и геніальный поэтъ. Также точно мыслитель, напр., изображающій систему міра, создаетъ пластическій образъ, соотвѣтствующая которому дѣйствительность не можетъ быть воспринята непосредственно, и притомъ часто бываетъ чистою фикціею, вовсе несоотвѣтствующею дѣйствительности. И, опять, Ньютонъ, Лапласъ, Кантъ, Платонъ и имъ подобные обладали не меньшею силою фантазіи, чѣмъ Шекспиръ и Гете. Вообще, фантазія-творчество во всѣхъ его формахъ и видахъ не есть, очевидно, какая-нибудь особая сила или агентъ въ душѣ, тѣмъ болѣе не есть какое-то внушеніе образовъ свыше, постороннею силою: она есть простое видоизмѣненіе представленія и сочетаніе идей, результатомъ котораго является сложный образъ реальнаго предмета. Въ настоящее время въ явленіи творчества есть много еще непонятнаго, но это зависитъ не отъ природы его, не отъ того, что въ немъ обнаруживаются какія-то сверхъестественныя вліянія, а просто отъ того, что фактъ этотъ недостаточно изслѣдованъ. Какъ только особый видъ и форма сочетаній душевныхъ состояній, творческій процессъ, или фантазія, существенно не разнится отъ процесса образованія всякихъ идей и другихъ сложныхъ состояній вообще— въ своей сущности: творческій образъ и образъ-представленіе, соотвѣтствующій дѣйствительному какому-нибудь предмету, по своему строенію и отношенію къ другимъ душевнымъ состояніямъ, совершенно одинаковы. Разницу между ними можно только узнать путемъ опыта, провѣрки при посредствѣ воспріятія. При этомъ только и можетъ оказаться, что одному соотвѣтствуетъ внѣшній, реальный предметъ, дѣйствующій на наши органы чувствъ и даваемый въ прямомъ воспріятіи, а для другого нѣтъ соотвѣтствующей ему цѣликомъ реальности, или эта реальность искусственная. При этомъ, въ творческомъ образѣ, вообще, въ какомъ угодно творческомъ построеніи, нѣтъ и не можетъ быть ничего такого, что по частямъ и въ разныхъ формахъ не было бы дано въ прошломъ опытѣ въ ощущеніяхъ, воспріятіяхъ и ихъ представленіяхъ.

Въ этомъ случаѣ творческій образъ существенно ничѣмъ не отличается отъ репродуктивныхъ образовъ дѣйствительности и состоитъ изъ того же, что и они, матеріала. Существенно и абсолютно новаго по своимъ составнымъ частямъ творческій процессъ, или фантазія, создать ничего не можетъ: это было бы твореніе изъ ничего,—нѣчто совершенно невозможное для человѣка. Новое здѣсь, очевидно, только комбинированіе, сочетаніе того же самаго матеріала, изъ котораго формируются всѣ другіе душевные процессы и явленія. Это комбинированіе совершается и можетъ совершаться опять только по тѣмъ же самымъ законамъ, по какимъ совершается оно во всѣхъ явленіяхъ сложныхъ душевной жизни, т. е. по законамъ сродства и смежности.

При такомъ общемъ взглядѣ на творчество, или фантазію,—задача науки по отношенію къ ней сводится къ рѣшенію слѣдующихъ вопросовъ: a) при какихъ спеціальныхъ условіяхъ возникаютъ творческіе образы, чѣмъ и какъ, т. е., вызываются комбинированія полученныхъ изъ воспріятія и впечатлѣнія идей и образовъ въ новыя сочетанія, несоотвѣтствующія дѣйствительности, ее измѣняющія и дополняющія? b) какъ совершается самое комбинированіе и измѣненіе, перестройка даннаго въ томъ или другомъ направленіи матеріала творческихъ образовъ,—говоря образно,—какіе пріемы и методы употребляетъ фантазія въ своихъ построеніяхъ; по какому образцу строятся творческіе образы, т. е. что служитъ основою ихъ сочетаній между собою, за отсутствіемъ здѣсь внѣшняго принужденія, опредѣляющаго представленія дѣйствительности и зависящаго отъ строя и порядка соотношенія реальныхъ предметовъ и явленій между собою? Рѣшеніе этихъ вопросовъ, дополненное обзоромъ и классификаціею творческихъ построеній или опредѣленіемъ и характеристикою видовъ творчества и будетъ отвѣчать на вопросъ, что такое творчество или, что тоже, фантазія.—Итакъ, опредѣлимъ прежде всего причины и условія, вызывающія дѣятельность фантазіи, или тѣ обстоятельства, при которыхъ она возникаетъ.

Творческій процессъ, или дѣятельность фантазіи, возникаетъ съ особенною силою, отчетливостью и опредѣленностію во всѣхъ

тѣхъ случаяхъ, когда воспріятіе внѣшняго и ощущеніе почему-нибудь ослабляются, или даже прекращаются вовсе; когда вмѣстѣ съ этимъ подавляется сознаніе собственной личности, ослабѣваетъ или вовсе исчезаетъ память окружающихъ и предшествовавшихъ обстоятельствъ жизни, теряется власть надъ своими состояніями и внутренними процессами. Въ силу этого процессъ творческій совершается лучше, полнѣе и энергичнѣе, особенно въ сферѣ построенія пластическихъ образовъ и картинъ, когда онъ совершается непроизвольно, какъ бы самъ собою, чѣмъ и объясняется возникновеніе ученія о божественномъ вдохновеніи въ процессѣ творчества и подчиненіи въ немъ человѣка внѣшней, посторонней, независимой отъ него, силѣ. Процессъ воспроизведенія и представленія дѣйствительности, дѣйствительно существующихъ и произведшихъ на насъ впечатлѣніе предметовъ, явленій, событій и т. п., всего лучше совершается какъ разъ при обстоятельствахъ противоположныхъ, т. е. онъ всего лучше совершается въ присутствіи дѣйствительныхъ впечатлѣній, при болѣе или менѣе ясномъ сознаніи своей личности, окружающаго міра, при сохраненіи власти надъ своими состояніями и т. п. Объяснить фактъ возникновенія и усиленія творческихъ построеній, при описанныхъ условіяхъ, невозможно въ настоящее время,—наука не имѣетъ средствъ къ этому, такъ же точно, какъ она не въ состояніи объяснить многаго въ самомъ способѣ построенія творческихъ образовъ, сочетанія ихъ въ цѣльныя картины, событія, никогда не встрѣчавшіяся, не встрѣчающіяся и иногда не могущія встрѣтиться въ дѣйствительности, что бываетъ съ каждымъ во время сна — въ творческихъ построеніяхъ, называемыхъ сновидѣніями, въ фантазіяхъ дѣтей и цѣлыхъ человѣческихъ обществъ на низкой степени культуры, въ эпоху такъ называемаго миѳическаго творчества, и во многихъ другихъ случаяхъ. Можно сдѣлать предположеніе, которое часто и дѣлается, что первоначальная причина и основа творческихъ построеній есть самоподвижность идей и способность ихъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, входить въ разнообразнѣйшія случайныя сочетанія. Этимъ до извѣстной степени

объясняется, какъ вліяніе подавленія сознанія на возникновеніе и энергію творческаго процесса, такъ и несоотвѣтствіе съ дѣйствительностію творческихъ построеній фантазіи. Освобожденныя отъ направляющаго ихъ, въ согласіи съ дѣйствительностію, стѣсненія воли и сознанія, идеи начинаютъ двигаться и сочетаться сами собою и, естественно, даютъ въ результатѣ такія комбинаціи, которыя никогда не встрѣчаются въ дѣйствительности. Но это объясненіе далеко не удовлетворительно: остается непонятнымъ, почему при подавленіи сознанія не возникаютъ прошлые, часто повторяемые опыты и сочетанія идей, какъ это и бываетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ; почему возникаютъ совершенно новыя сочетанія, непривычныя и разстраиваются даже привычныя сочетанія; какимъ образомъ изъ случайной встрѣчи идей, прошлыхъ и настоящихъ впечатлѣній возникаютъ сочетанія, имѣющія смыслъ и содержаніе, иногда очень глубокое, во всякомъ случаѣ имѣющія характеръ цѣльныхъ образовъ, похожихъ по своему составу на образы дѣйствительныхъ предметовъ, образовъ, сочетающихся между собою въ цѣлые ряды, иногда правильные и стройные и т. п.?

Остается взять фактъ такъ, какъ онъ есть, и удовольствоваться пока знаніемъ того, что подавленіе сознанія окружающаго, воли и критической способности составляетъ сумму условій, благопріятствующихъ творческому процессу, даже вызываетъ и производитъ его. А что это, дѣйствительно, фактъ—показываетъ множество общеизвѣстныхъ явленій и наблюденій. a) Многимъ стоитъ закрыть глаза и ни на чемъ опредѣленномъ не сосредоточивать вниманія, чтобы немедленно возникли ряды фантастическихъ образовъ. b) Во тьмѣ, при подавленіи и ослабленіи дѣятельности внѣшнихъ чувствъ и при отсутствіи необходимости сосредоточенія на чемъ-нибудь вниманія,—тоже начинаетъ работать фантазія. c) Въ сильныхъ возбужденіяхъ страха, когда человѣкъ не можетъ ни о чемъ думать, кромѣ испугавшаго его предмета, и когда воля, сознаніе окружающаго подавлены—фантазія находится въ напряженной дѣятельности. То же самое на-

блюдается и въ связи со всѣми сильными подавляющими сознаніе и власть надъ собою аффектами. d) При засыпаніи, въ самый первый моментъ разстройства сознанія окружающаго, начинаютъ возникать образы, не имѣющіе ничего общаго съ дѣйствительностію, и этотъ процессъ, то ослабѣвая, то усиливаясь, развивается въ теченіе всего сна. e) При душевныхъ болѣзняхъ, связанныхъ съ потерею сознанія окружающаго и своей собственной личности, процессъ творческій достигаетъ крайней степени напряженія, и больной проводитъ жизнь въ фантастическомъ мірѣ. Его образы творческіе, при этомъ, какъ у человѣка, видящаго сонъ, объектируются и получаютъ характеръ реальныхъ событій, называясь въ этомъ случаѣ галлюцинаціями. Но они всегда и при другихъ условіяхъ имѣютъ эту тенденцію, которая въ болѣзненномъ состояніи достигаетъ только высшей степени силы... — Правда, процессъ творчества возникаетъ часто при полномъ сознаніи и власти человѣка надъ собою, возникаетъ произвольно, направляясь къ извѣстной опредѣленной цѣли, напр., къ объясненію непонятнаго явленія, къ воспроизведенію явленій дѣйствительной жизни въ типическихъ образахъ. Въ отличіе отъ творчества, возникающаго при очевидномъ подавленіи сознанія и воли, этого рода процессъ называется „произвольнымъ творчествомъ“. Осмысленность образовъ, ихъ внутренняя связь и значеніе здѣсь объясняются существованіемъ цѣли, темы для ихъ развитія. Но всякому образованному человѣку, знакомому, напр., съ художественнымъ литературнымъ творчествомъ, извѣстно, что въ лучшихъ и совершеннѣйшихъ творческихъ произведеніяхъ, которыя состоятъ изъ дѣйствительно цѣльныхъ, пластическихъ образовъ и картинъ, преднамѣренность отступаетъ на второй планъ. Намѣреніе, тема являются только въ началѣ творчества, какъ поводъ къ нему,—самый процессъ его идетъ затѣмъ непроизвольно при описанныхъ условіяхъ, и чѣмъ онъ непроизвольнѣе, тѣмъ выше и совершеннѣе его продукты, тѣмъ болѣе они имѣютъ, такъ сказать, творческій характеръ. Самая тема осуществляется какъ бы сама собою, въ формахъ часто неожиданныхъ и непонятныхъ для самого творящаго: она

дѣйствуетъ и подбираетъ матеріалъ для своего осуществленія сама собою, и ея присутствіе въ самый разгаръ творчества обыкновенно вовсе не сознается, точно такъ же какъ тема какого-нибудь сложнаго сновидѣнія или галлюцинаціи душевно больного и т. п. И совершенно справедливо замѣтилъ Шопенгауеръ, что во снѣ всякій человѣкъ иногда бываетъ Шекспиромъ — художникомъ и поэтомъ,—это потому, очевидно, что и поэтъ истинный, обладающій отъ природы даромъ творчества, во время процесса творчества находится въ положеніи аналогичномъ съ положеніемъ человѣка, у котораго закрыты всѣ чувства для дѣйствительности, который не помнитъ и не сознаетъ ни себя, ни его окружающаго, который весь отдается игрѣ идей, которую онъ не можетъ оставить,—словомъ, — онъ находится въ положеніи аналогичномъ съ положеніемъ человѣка спящаго. Весьма часто поэтическія творческія построенія, — построенія, отличающіяся высшею степенью жизненности, содержательности и совершенства пластическаго, возникаютъ безъ всякаго плана и сознаваемой творящимъ цѣли, и тогда они становятся еще ближе къ фактамъ непроизвольнаго творчества, и ихъ происхожденіе облекается для современной науки непроницаемой пока тайной, какъ возникновеніе сновидѣній, галлюцинацій и т. п. явленій непроизвольнаго творчества. Извѣстны случаи, когда поэтому объясняютъ другіе глубокій смыслъ его произведенія, когда другіе открываютъ въ его творческомъ произведеніи такіе планы и темы, какіе никогда не представлялись его уму и т. п. Такимъ образомъ, и такъ называемое произвольное творчество въ сущности совершается при описанныхъ нами условіяхъ возникновенія творческихъ образовъ и построеній, и эти условія являются постоянною принадлежностію этого процесса, отличающаго его отъ простыхъ воспоминаній и воспроизведеній, отражающихъ и повторяющихъ въ себѣ болѣе или менѣе полно и точно дѣйствительность. —Итакъ, одно изъ постоянныхъ условій явленія творческихъ образовъ въ душѣ есть подавленіе или полное прекращеніе дѣйствительныхъ воспріятій, нормальное или болѣзненное, причемъ внутренніе процессы получаютъ своего

рода независимость отъ внѣшнихъ причинъ, ихъ опредѣляющихъ и направляющихъ, отъ внѣшнихъ возбужденій.

Вторымъ обстоятельствомъ и условіемъ возникновенія творческихъ образовъ, или дѣятельности фантазіи, является недостатокъ или отсутствіе, дѣйствительныхъ воспріятій тамъ, гдѣ бытіе ихъ ожидается или предполагается съ большею или меньшею необходимостію. Это условіе сводится къ нѣсколькимъ частнымъ случаямъ. Творческіе образы возникаютъ весьма часто, почти постоянно, во-первыхъ, когда воспріятіе и представленіе какого-либо сложнаго предмета или явленія не полно и заключаетъ въ себѣ очевидные пробѣлы. Въ этомъ случаѣ почти съ необходимостію являются дополненія недостающаго и съ тѣмъ вмѣстѣ иногда полное измѣненіе воспринятаго предмета, особенно при передачѣ своего недостаточнаго и неполнаго опыта другимъ. Дополненія творческія или вымыслы этого рода особенно часто встрѣчаются при представленіи и передачѣ другимъ событій разнаго рода. Въ этомъ случаѣ дополненіе творческое весьма часто растетъ и увеличивается послѣ послѣдовательной передачи его нѣсколькими личностями, заимствующими его другъ отъ друга. Распространяясь въ цѣломъ обществѣ, оно, въ силу невольныхъ дополненій и прикрасъ, иногда измѣняется до полной неузнаваемости, полнаго несходства съ дѣйствительностію. При разсказахъ о событіяхъ съ самою личностію разсказывающею привходитъ еще новый мотивъ творчества,—именно, невозможность иногда передать событіе въ подробности, не роняя достоинство своей личности въ глазахъ другихъ; также желаніе, чтобы событіе повѣствуемое совершилось такъ, а не иначе и т. п. Этимъ объясняется возникновеніе разнаго рода нелѣпыхъ слуховъ въ низшихъ слояхъ общества, особенно, когда эти слухи касаются сферъ и личностей мало доступныхъ и неизвѣстныхъ; возникновеніе сплетенъ, растущихъ на пути своего распространенія; недостовѣрность всякаго рода преданій незаписанныхъ и разнорѣчія въ сказаніяхъ лѣтописей, мемуаровъ и другихъ историческихъ памятникахъ; этимъ объясняется вошедшая въ пословицу фантастичность охотничьихъ разсказовъ,

также разсказовъ участниковъ въ битвахъ, въ опасныхъ предпріятіяхъ, въ важныхъ историческихъ событіяхъ и т. п. Творческіе образы легко возникаютъ, во-вторыхъ, при представленіи а) малодоступныхъ или вовсе недоступныхъ пространствъ—пустынь, дремучихъ лѣсовъ, глубокихъ и обширныхъ водъ, отдаленныхъ странъ и т. п. Въ народныхъ представленіяхъ все это, малодоступное или вполнѣ недоступное, населяется обыкновенно фантастическими существами, которыя мыслятся вполнѣ реальными. Темныя пространства и вообще тьма и ночь наполняются фантастическою жизнію и дѣятельностію. Въ построеніяхъ этого рода принимаетъ участіе чувство страха, давая особую окраску и темы творческимъ образамъ. Творческіе образы возникаютъ b) при представленіи неизвѣстнаго прошлаго даннаго общества, племени, народа и цѣлаго человѣчества. Эта пустота наполняется обыкновенно легендарными сказаніями, часть которыхъ и доселѣ принимается за дѣйствительность даже людьми образованными. Представленіе будущаго, особенно загробной судьбы человѣка, также вызываетъ творческій процессъ и создаетъ массу фантастическихъ картинъ—ада, рая, душепереселеній и т. п. Сюда же относятся мечтанія юношей о будущей дѣятельности, о борьбѣ со зломъ, пользѣ обществу. Наконецъ, с) творчество, подъ вліяніемъ недостатка воспріятій тамъ, гдѣ они должны бы быть и возможны—является при воспріятіи явленій, причины которыхъ неизвѣстны, не даны или даже не могутъ быть даны въ непосредственномъ воспріятіи. Въ этомъ случаѣ при необходимости мыслить всякое явленіе имѣющимъ причину—невѣдомая причина построяется творчески и служитъ объясненіемъ даннаго явленія. Таково, напр., народное представленіе причинъ грома, молніи; таково большинство мифическихъ сказаній, объясняющихъ явленія окружающаго міра. Къ этому же разряду относятся разнородныя сказанія о происхожденіи міра и человѣка и многія даже философскія системы и гипотезы. То же самое происходитъ при воспріятіи причинъ и дѣятелей, дѣйствія которыхъ неизвѣстны.— Третье основное условіе возбужденія творческаго процесса

есть отсутствіе или недостаточность естественныхъ средствъ къ удовлетворенію потребностей, также вообще недовольство личности своимъ собственнымъ состояніемъ и положеніемъ, состояніемъ общества окружающаго и т. п. Подъ вліяніемъ перваго изъ этихъ мотивовъ возникаютъ творческія построенія или планы улучшеній собственной личности путемъ украшеній, улучшенія средствъ взаимнаго общенія и обмѣна мнѣній. Планы эти затѣмъ осуществляются и даютъ начало множеству такъ называемыхъ искусственныхъ предметовъ—продуктовъ архитектурнаго искусства, механики и т. п. Подъ вліяніемъ второго мотива являются планы измѣненія жизни, иногда неосуществимые: мечты и воздушные замки, закрывающіе на время непріятную дѣйствительность; планы лучшаго устройства общества, переходящіе въ утопіи и т. п. Четвертое условіе явленія творческихъ образовъ состоитъ въ стремленіи испытать впечатлѣнія и волненія недоступныя, испытать идеально удовольствіе безграничнаго могущества и власти надъ природою и людьми, роскошной жизни, удовольствія геройскихъ подвиговъ, путешествія по невѣдомымъ странамъ, даже мірамъ, разнообразныхъ приключеній и т. п. Этому стремленію обязанъ своимъ существованіемъ міръ сказки въ ея многочисленныхъ разновидностяхъ и развѣтвленіяхъ, начиная дѣтскими сказками и кончая бульварными современными романами и повѣстями. Этого рода построенія творческія служатъ забавою, средствомъ занять праздную мысль, наполнить пустоту въ жизни, убить время и прогнать скуку. Пятое условіе возникновенія творческихъ образовъ составляетъ эстетическое чувство—красоты прекраснаго и смѣшного, дающія начало цѣлой области художественно-поэтическаго творчества. Стремленіе наслаждаться красотою, съ одной стороны, заставляетъ человѣка идеально украшать окружающую природу, съ другой—извлекать прекрасное выдающееся и освобождать его отъ посторонннихъ примѣсей, овладѣвать имъ для постояннаго и болѣе удобнаго пользованія и т. п., при помощи слова, краски, разнаго рода веществъ. Человѣческая жизнь подвергается такого же рода переработкѣ. Этого рода творчество, присущее до из-

вѣстной степени всѣмъ людямъ, въ высшихъ степеняхъ составляетъ особенный даръ природы и вноситъ въ жизнь людей массу удовольствій возвышенныхъ и развивающихъ. Стоящее въ тѣсной связи съ эстетическимъ чувство религіозное тоже является сильнымъ импульсомъ къ творчеству. Оно заставляетъ выражать идеи о Божествѣ, Его отношеніяхъ къ міру и человѣку въ опредѣленныхъ конечныхъ формахъ. Результатомъ этого являются религіозные символы, символическія дѣйствія, изъ коихъ слагается во всѣхъ религіяхъ такъ называемый культъ, или богослуженіе, со всею его обстановкою.

Сумма всѣхъ этихъ обстоятельствъ, условій, причинъ и мотивовъ, вызывающихъ творчество или построеніе творческихъ образовъ—во всей ихъ совокупности и по частямъ, въ самыхъ разнообразнѣйшихъ комбинаціяхъ и отношеніяхъ, образуетъ въ духѣ человѣческомъ силу, какъ бы возбуждающую его образовывать изъ даннаго природою матеріала—идей, образовъ и впечатлѣній—новыя комбинаціи, или, что тоже, творить. Эта сила и называется обыкновенно *фантазіею*, *творческою способностію* человѣка. Отнимите эти условія, и фантазія исчезаетъ,—она становится невозможною.

Способы построенія творческихъ образовъ сводятся къ нѣсколькимъ весьма простымъ, въ сущности, пріемамъ при образованіи дѣйствительныхъ воспріятій, образовъ отдѣльныхъ и цѣльныхъ картинъ. Эти пріемы суть: а) Увеличеніе или уменьшеніе въ различной степени данныхъ въ опытѣ, т. е. каждымъ, испытываемыхъ внутреннихъ состояній—ощущенія, стремленія, волненія, желанія, усилій воли и умственной дѣятельности. Не испытавъ никогда ощущенія тропической жары, человѣкъ можетъ создать это состояніе, увеличивая въ представленіи ощущенія, испытанныя имъ въ жаркій день умѣренныхъ странъ и т. п... Подобнымъ же образомъ можно уменьшать и увеличивать до послѣднихъ предѣловъ всякую внѣшнюю силу и получать новыя, не испытанныя отъ дѣйствительности образы-состоянія. Всякая пространственная величина и протяженіе во времени могутъ подвергаться такимъ же преобразова-

ніямъ—путемъ увеличенія и уменьшенія объема своего и продолжительности въ какое угодно число разъ. b) Увеличеніе или уменьшеніе сложности готовыхъ, данныхъ образовъ и предметовъ, имъ соотвѣтствующихъ, и новое размѣщеніе ихъ частей, замѣна нѣкоторыхъ частей другими, увеличеніе или уменьшеніе одной или нѣсколькихъ частей цѣлаго, съ сохраненіемъ другихъ неизмѣнными. (Человѣкъ съ крыльями, съ сотнею рукъ, съ 80 чувствами, минотавръ, сфинксъ, безголовые люди, съ глазами въ груди и т. п.). c) Аналогія, т. е. перенесеніе цѣликомъ или въ измѣненномъ видѣ свойствъ одного предмета на другой. Аналогія состоитъ, прежде всего, въ перенесеніи свойствъ и явленій субъективныхъ-духовныхъ на явленія и предметы внѣшніе и на всю природу и жизнь вселенной вообще, и наоборотъ,—въ перенесеніи свойствъ и отношеній внѣшняго на духовную жизнь человѣка и весь міръ духовный. Въ первомъ случаѣ получаются всевозможныя олицетворенія предметовъ и силъ природы: приписаніе человѣческихъ чувствъ, мыслей, желаній и дѣйствій животнымъ и неодушевленнымъ предметамъ. Сначала у дѣтей и людей, стоящихъ на очень низкой степени развитія, такое одухотвореніе природы, возникающее изъ стремленія понять и объяснить ея явленія и силы, понимается буквально, т. е. творчески переносится на внѣшніе предметы и явленія, возбуждаетъ вѣру въ свою реальность. Но затѣмъ они остаются въ мышленіи-представленіи и языкѣ въ формѣ метафоръ и употребляются по привычкѣ, безъ всякаго сознанія ихъ первоначальнаго источника. Въ такъ называемыхъ поэтическихъ описаніяхъ природы метафоры эти опять оживаютъ и получается вновь олицетвореніе природы, или ея одухотвореніе, которое, не вызывая уже вѣры въ объективную реальность свою, производитъ пріятный временный обманъ—иллюзію. Во второмъ случаѣ происходитъ прямой переносъ свойствъ и отношеній внѣшняго-матеріальнаго на внутреннее-духовное. Такъ, душа представляется тѣлеснымъ, пространственнымъ существомъ; знаніе и мышленіе отождествляются съ схватываніемъ и физическимъ овладѣваніемъ предмета, съ отпечаткомъ изображеній и т. п.; чувство

отождествляется съ движеніемъ воздуха въ бурю или волненіемъ воды, съ теплотою и ея различными физическими дѣйствіями и т. п.; воля и характеръ человѣка сравниваются съ желѣзомъ, сталью и т. д. Частнѣе: образы-представленія разсматриваются какъ своего рода тѣла пространственныя, ихъ связь мыслится по аналогіи съ связями физическими—механическими и химическими, ихъ смѣна аналогизируется съ теченіемъ воды и т. п. Многія изъ этихъ творческихъ перенесеній доселѣ еще возбуждаютъ даже въ людяхъ науки вѣру въ свою реальность; другія давно уже получили характеръ метафоръ, употребляющихся по привычкѣ, точно такъ же, какъ и олицетвореніе предметовъ и явленій природы. Въ творческихъ построеніяхъ, возникающихъ при подавленіи или прекращеніи внѣшнихъ воспріятій, сходство играетъ очень большую роль. Такъ, раздраженіе зрительнаго нерва во снѣ вызываетъ картины, въ которыхъ главный элементъ составляютъ свѣтовыя ощущенія и представленія,—напр., картину пожара, иллюминаціи, освѣщенной залы и т. п. Раздраженіе слухового нерва вызываетъ образы съ преобладаніемъ элементовъ звуковыхъ ощущеній и представленій звука—звонъ, пѣніе, музыка. То же самое относительно всѣхъ другихъ возбужденій во время сна.

Особый видъ аналогіи—творческаго перенесенія свойствъ одного предмета на другой—составляютъ символизація и образованіе иносказаній и аллегорій. Большею частію символъ бываетъ подражаніемъ и заключаетъ въ себѣ отдаленное сходство съ предметомъ, имъ обозначаемымъ; но также онъ можетъ быть совершенно чуждымъ предмета,—случайно съ нимъ сочетаннымъ и его только напоминающимъ по смежности. Къ первому классу, относится, напр., кругъ, какъ символъ вѣчности, хороводы и круговыя движенія въ религіозныхъ церемоніяхъ, означающіе движеніе силъ небесныхъ, свѣчи, куренія и т. п. символы; звукоподражательныя названія въ языкѣ. Ко второму классу символовъ относятся значки, мѣтки и множество собственныхъ и нарицательныхъ названій.

Всѣ описанныя условія возникновенія творческихъ образовъ сводятся къ прекращенію дѣйствительнаго воспріятія или ослаб-

ленія его до крайней степени, также отсутствію дѣйствительныхъ воспріятій тамъ, гдѣ они предполагаются и являются болѣе или менѣе нужными и необходимыми: a) на основаніи установившихся навыковъ и законовъ мысли, также—наблюденнаго порядка въ ходѣ явленій міра и жизни человѣческой; b) подъ вліяніемъ потребностей, не находящихъ удовлетворенія въ дѣйствительности; c) подъ вліяніемъ волненій, не находящихъ себѣ поддержки въ окружающемъ реальномъ и въ собственной жизни человѣка. Средства и способы построенія также сводятся къ одному началу—подражанія дѣйствительности внутренней и внѣшней, т. е. подражанія дѣйствительно существующимъ явленіямъ и предметамъ міра внутренняго-душевнаго и внѣшняго-физическаго. Самая организація внутренняя и развитіе содержанія творческихъ образовъ совершается по тѣмъ же законамъ смежности и сродства, по которымъ организуются представленія дѣйствительности.

Ясно понятыя и представленныя во взаимодѣйствіи, эти условія и средства творческаго построенія изображаютъ и выражаютъ собою составъ и механизмъ процесса творческаго, или процесса фантазіи, лишая его всего таинственнаго и необычайнаго.

Фантазія, какъ сила или способность души, осуществляющаяся въ цѣломъ рядѣ образовъ, не соотвѣтствующихъ прямо дѣйствительности, предполагаемые объекты которыхъ не могутъ быть восприняты при обычныхъ условіяхъ,—есть та же самая способность, которая организуетъ образы-представленія дѣйствительности, только дѣйствующая въ другихъ условіяхъ. А эта послѣдняя, какъ намъ извѣстно, осуществляется въ естественныхъ и необходимыхъ превращеніяхъ ощущеній и другихъ первичныхъ возбужденій души въ идеи, также въ сочетаніяхъ или ассоціаціяхъ ихъ по смежности и сродству. Говоря иначе, способность представленія разлагается на эти превращенія и ассоціаціи. Фантазія, такимъ образомъ, въ научномъ анализѣ превращается въ особый видъ или форму ассоціаціи, которую англійскіе психологи называютъ творческою ассоціаціею, устраняя самый терминъ „фантазія“,

около котораго накопилось много недоразумѣній. Но разъ понята сущность и составъ этого явленія, нѣтъ никакой нужды гнушаться этимъ привычнымъ и красивымъ названіемъ.

Однако же такое разложеніе и научное убійство живой силы духа, составляющей украшеніе человѣка и его привилегію, которая приближаетъ его всего болѣе къ божественному Виновнику и Творцу всего,—повидимому, стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ опытомъ и фактами. Всякому извѣстно, что выдающаяся способность къ творчеству въ какой-бы то ни было сферѣ есть природный даръ, встрѣчающійся нечасто, выдѣляющій человѣка изъ всѣхъ другихъ, какъ нѣчто высшее, привилегированное; что ея нельзя добыть никакими усиліями и искусственными средствами воспитанія, собственнаго труда и упражненія. Правда, всякій можетъ строить образы, не данные въ дѣйствительности; при усиленномъ напряженіи и постоянномъ упражненіи всякому можно пріобрѣсти навыкъ въ такого рода построеніяхъ. Но, при отсутствіи природнаго дара, всѣ эти построенія будутъ мертвыми (искаженіемъ природы, а не подражаніемъ ей): эта мертвенность состоитъ въ томъ, что они не способны вызывать и на одинъ даже моментъ иллюзію дѣйствительности своей, что составляетъ необходимое качество истиннаго творческаго построенія или образа. Это въ области поэтическаго и художественнаго творчества. Въ области практической, въ построеніяхъ, вызываемыхъ потребностями жизни, насильственныя, бездарныя построенія всегда оказываются менѣе пригодными и никогда не способны стать общимъ достояніемъ всѣхъ. То же самое нужно сказать о творческихъ образахъ, являющихся подъ вліяніемъ чувства—въ украшеніяхъ дѣйствительности; подъ вліяніемъ стремленія объяснить непонятное и таинственное—въ гипотезахъ и теоріяхъ. Отсюда можно сдѣлать выводъ, что фантазія есть, дѣйствительно, особая сила—vis plastica etc. Но во всемъ этомъ утверждается только та истина, что способность творчества, или фантазія, происходя по прямой линіи отъ простого факта образованія представленій путемъ ассоціаціи впечатлѣній и ихъ идей, представляетъ различ-

ныя степени напряженія и совершенства и что высшая степень этого напряженія и совершенства и вообще существованіе ея въ формѣ высшей средняго уровня есть достояніе немногихъ и обусловливается природнымъ предрасположеніемъ, сущность котораго абсолютно не извѣстна и не можетъ быть даже приблизительно опредѣлена при настоящемъ состояніи знанія. И всюду, гдѣ является эта повышенная до крайнихъ предѣловъ творческая дѣятельность, она дѣлаетъ работу человѣка такъ называемою геніальною, потому что есть не что иное, какъ высшая степень творчества и, слѣдовательно, фантазіи. Соединяясь съ повышеннымъ чувствомъ красоты и гармоніи, также съ противоположнымъ ему чувствомъ безобразнаго и смѣшного, она дѣлаетъ человѣка геніальнымъ поэтомъ, если у него при этомъ въ высшей степени развитъ даръ слова,—способность живописать словами и членораздѣльными звуками; геніальнымъ актеромъ, если у него сильно развита власть надъ мускульными движеніями выразительными; геніальнымъ музыкантомъ, при высокомъ развитіи слуховыхъ ощущеній; живописцемъ, скульпторомъ—при природномъ развитіи соотвѣтствующихъ средствъ выраженія творческихъ образовъ. Въ соединеніи съ стремленіемъ къ совершенству, счастью и т. п., она дастъ геніальнаго фантаста-утописта, религіознаго реформатора. Въ соединеніи съ высокою степенью способности отвлеченія, объясненія и стремленія къ познанію причинной связи и основъ явленій,—фантазія сдѣлаетъ человѣка геніальнымъ мыслителемъ—философомъ, математикомъ, естествоиспытателемъ; соединяясь съ практическими способностями и стремленіями, творческая сила на высшей степени сдѣлаетъ изъ человѣка—геніальнаго государственнаго человѣка, полководца, купца, геніальнаго механика и т. п. Спускаясь, затѣмъ, съ этой высоты геніальнаго творчества, мы встрѣчаемъ весьма большое количество градацій въ степеняхъ напряженія творческой дѣятельности и въ качествѣ ея продуктовъ,—градацій, къ сожалѣнію, доселѣ неизслѣдованныхъ съ точностію и неописанныхъ,—до полнаго почти отсутствія творческой силы у нѣкоторыхъ людей, соединяющагося обыкновенно съ крайнею

слабостію всѣхъ другихъ духовныхъ операцій,—съ полною ограниченностію и тупостію. Наоборотъ, сильная творческая способность всегда соединена съ высшею энергіею душевной жизни во всѣхъ областяхъ. При этомъ легко убѣдиться, что на всѣхъ ступеняхъ своего развитія и во всѣхъ своихъ формахъ внутренній механизмъ творчества остается одинъ и тотъ же, въ сущности. Продуктомъ его всегда является образъ, несоотвѣтствующій ничему конкретно и естественно въ природѣ существующему или непосредственно и прямо данному въ воспріятіи. Образъ этотъ вызывается, какъ своими причинами и силами, однимъ или нѣсколькими или всѣми тѣми условіями, которыя мы указали, какъ производителей образовъ вообще. Онъ строится затѣмъ тѣми же способами или пріемами, внѣ употребленія которыхъ творчество вообще невозможно и не мыслимо. Вся разница въ степени силы сложности и совершенства, т. е. чисто количественная, а не качественная. А это обусловливается таинственнымъ и непостижимымъ, повторимъ опять, факторомъ, который скрывается за безсодержательными фразами: „природное расположеніе, даръ природы“—въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ. И во всякомъ случаѣ, сила творчества и живость, полнота и совершенство творческихъ образовъ зависитъ отъ природной силы представленія дѣйствительности, т. е. совершенства ассоціаціи или сочетанія въ цѣльные образы впечатлѣній отъ реальныхъ предметовъ, и ей пропорціальна. Это тѣмъ болѣе, что самое представленіе дѣйствительности въ сложныхъ образахъ есть тоже своего рода творчество. Выше всякаго сомнѣнія, въ самомъ дѣлѣ, тотъ фактъ, что человѣкъ способный къ построенію живыхъ, отчетливыхъ и сложныхъ творческихъ образовъ, въ то же время обладаетъ способностію живо, отчетливо и полно представлять дѣйствительность. При этомъ, до извѣстной степени, можно объяснить переходъ отъ живыхъ представленій реальности къ творчеству въ томъ или другомъ направленіи, въ той или другой области. Такъ, напр., живость и яркость образовъ дѣйствительности, при сильно развитомъ эстетическомъ чувствѣ и недовольствѣ окружающимъ,—вызоветъ у данной личности невольно преобразованіе дѣйствитель-

ности, перестройку ея. Результатомъ будетъ созданіе идеальное другихъ людей, другихъ условій жизни, болѣе совершенныхъ, другой даже природы, съ другими законами и т. п. При этомъ ярькость этихъ образовъ будетъ соотвѣтствовать матеріалу, изъ котораго они построяются. Самый процессъ, удовлетворяя чувствамъ и стремленіямъ человѣка къ красотѣ и совершенству, вызываетъ рядъ въ высшей степени пріятныхъ волненій эстетическихъ, моральныхъ. Кромѣ того, необходимо явится сознаніе силы и полной свободы внутренней дѣятельности, не стѣсняемой законами реальнаго бытія. Получается высшая степень наслажденія дѣятельностію и созерцаніемъ. Наслажденіе это, естественно, заставляетъ человѣка забывать дѣйствительность и всецѣло погружаться въ міръ собственныхъ созданій. Возбужденіе этого удовольствія творчествомъ въ самомъ его началѣ и во все время его совершенія, по всей вѣроятности, и есть то, что называется „вдохновеніемъ“ и мыслится доселѣ, какъ какое-то наитіе свыше. Разъ явившись, удовольствіе въ этомъ случаѣ поддерживаетъ дѣятельность, и само увеличивается по мѣрѣ ея развитія, дѣлая, опять, самую дѣятельность все пріятнѣе, а съ тѣмъ вмѣстѣ полнѣе и совершеннѣе. Такъ въ общихъ чертахъ возникаетъ поэтическое творчество. Mutatis mutandis, то же самое имѣетъ мѣсто во всѣхъ другихъ сферахъ творчества.

Если въ высшихъ своихъ формахъ творчество есть, такимъ образомъ, простое развитіе и преобразованіе представленій—ассоціація, то по отношенію къ обыкновеннымъ—слабымъ его формамъ, присущимъ каждому человѣку, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, и фантазія, дѣйствительно, оказывается, въ концѣ концовъ, совокупностію условій, вызывающихъ преобразованіе, идеальное измѣненіе и замѣну дѣйствительности.

---

3. Вниманіе.

Понятіе о вниманіи. Двѣ стороны вниманія: а) подавленіе всѣхъ состояній сознанія, кромѣ одного—сознаваемаго; б) сосредоточеніе силы душевной на одномъ состояніи—съ повышеніемъ ясности его. Значеніе вниманія въ душевной жизни. Разсѣянность, какъ отсутствіе вниманія; мнимая разсѣянность. Условія вниманія и формы его: вниманіе пассивное и активное.

Въ тѣсной связи съ раскрытыми основными процессами, въ особенности съ явленіемъ сознанія, какъ дѣятельности, различающей и выдѣляющей всякое душевное состояніе, находится явленіе, которымъ обусловливается совершенство ихъ,—*вниманіе*. Этимъ именемъ называется фактъ усиленія энергіи, ясности, отчетливости сознанія всякой душевной дѣятельности, независимо отъ ихъ первоначальной силы, съ какою возникаютъ они подъ вліяніемъ необходимыхъ для ихъ образованія и самаго существованія физіологическихъ и психическихъ условій. Фактъ такого повышенія даже самой слабой дѣятельности до степени самаго яснаго сознанія осуществляется, еще неразъясненнымъ достаточно, сосредоточеніемъ всей внутренней наличной силы на одномъ какомъ либо простомъ или сложномъ состояніи, вслѣдствіе чего оно какъ бы останавливается въ сознаніи на болѣе или менѣе продолжительное время,—фиксируется; съ тѣмъ вмѣстѣ, по закону узости сознанія, всѣ другія состоянія и дѣятельности темнѣютъ или вовсе исчезаютъ изъ сознанія, подвергаются временному полному устраненію и забвенію. Такимъ образомъ, въ явленіи вниманія, обнимающемъ всѣ сферы душевной жизни и встрѣчающемся во всѣхъ ея областяхъ, мы имѣемъ двѣ стороны или момента:

a) сосредоточеніе силы душевной на одномъ состояніи, простомъ или сложномъ, чисто внутреннемъ, или связанномъ съ внѣшнимъ возбужденіемъ, — сосредоточеніе, соединенное съ задержаніемъ или фиксаціею этого состоянія въ сознаніи и повышеніемъ его ясности и напряженія; b) подавленіе всѣхъ другихъ состояній сознанія, даже иногда весьма большей силы сравнительно съ фиксированнымъ.—Начнемъ изслѣдованіе этого явленія съ послѣдняго момента.

Подавляющая сила вниманія по отношенію ко всѣмъ состояніямъ душевнымъ, лежащимъ въ данный моментъ внѣ сферы его вліянія, громадна, и во многихъ случаяхъ граничитъ съ чудеснымъ. Производимыя ею явленія считались въ прежнее время и теперь многими считаются результатомъ вліянія высшихъ силъ, т. е., дѣйствительно, чудесами, или объясняются временнымъ удаленіемъ души отъ тѣла, особенно, когда вниманіе сосредоточивается на какихъ-нибудь творческихъ галлюцинаторныхъ образахъ, въ состояніи такъ называемаго экстаза, какъ показываетъ и самое названіе этого состоянія. Человѣкъ при такомъ сильномъ сосредоточеніи вниманія ничего не видитъ, не слышитъ, не ощущаетъ боли, голода, жажды и т. п. Какъ всѣ крайности, подобное состояніе крайней силы и напряженія вниманія есть явленіе болѣзненное и переходитъ иногда въ дѣйствительную потерю чувствительности къ боли—въ анестезію. Но наблюдается оно нерѣдко. Такъ напр.: индѣйскіе факиры, сосредоточивая свое вниманіе на безконечной основѣ всего сущаго и углубляясь въ необъятно глубокій для нихъ смыслъ таинственнаго слова „Омъ“, цѣлые мѣсяцы сидятъ подъ палящимъ зноемъ, не чувствуя его, не чувствуя боли, усталости, голода. Но возможно приблизительно такое же сосредоточеніе вниманія и въ менѣе исключительныхъ положеніяхъ, въ нормальномъ естественномъ состояніи. Люди, одаренные отъ природы способностію сосредоточенія вниманія очень сильнаго, допускаютъ надъ собою хирургическія операціи, напр., ампутаціи ноги или руки безъ хлороформа, и послѣ операціи заявляютъ, что они не чувствовали боли, потому что старались

думать о другомъ. Раненый въ бою, пока сосредоточено вниманіе на битвѣ, обыкновенно, не чувствуетъ боли. Знаменитый англійскій ораторъ, Робертъ Галль, страдалъ едва выносимыми въ обыкновенномъ состояніи невралгическими болями; но когда онъ входилъ или былъ вносимъ на трибуну и начиналъ говорить, углубляясь всецѣло въ содержаніе своей рѣчи, боли немедленно прекращались, т. е. переставали сознаваться. За то по окончаніи рѣчи онъ падалъ въ судорогахъ отъ невыносимаго ощущенія боли. Вообще, сосредоточивая вниманіе на чемъ-либо другомъ, всякій можетъ сознательно ослаблять или даже вовсе подавлять на время болѣзненныя ощущенія, непріятныя волненія и мысли. Люди, живущіе умственнымъ трудомъ, особенно, когда предметъ ихъ изслѣдованія слишкомъ удаленъ отъ реальнаго и окружающаго, напр., математика, люди, занимающіеся рѣшеніемъ математическихъ вопросовъ, весьма часто приходятъ въ подобное состояніе потери сознанія относительно всего лежащаго внѣ сферы ихъ занятія. (Милль обдумываетъ свою логику, идя по самой шумной въ мірѣ и полной движенія лондонской улицѣ. Архимедъ, сосредоточивъ вниманіе на сдѣланномъ имъ открытіи удѣльнаго вѣса тѣлъ, съ крикомъ „εὕρικα“ бѣжитъ по городу нагой изъ купальни, чтобы скорѣе повѣрить свое открытіе. Углубившись въ геометрическія построенія, онъ же не замѣчаетъ осады и взятія непріятелемъ города, въ которомъ живетъ, и когда его берутъ въ плѣнъ, не можетъ ни о чемъ думать, кромѣ своихъ геометрическихъ вычисленій, упрашивая солдатъ не трогать начерченныхъ имъ на пескѣ фигуръ.—Свойствомъ вниманія подавлять сознаніе и даже чувствительность ко всему, кромѣ того, на чемъ сосредоточено вниманіе, пользуются въ самыхъ широкихъ размѣрахъ фокусники и воры карманники: отвлекая вниманіе, они дѣлаютъ людей нечувствительными къ своимъ продѣлкамъ, неспособными сознавать ихъ). Когда вниманіе имѣетъ весьма рельефное внѣшнее выраженіе, особенно, когда оно направлено на что нибудь внѣшнее, черезъ посредство этого выраженія оно дѣлается заразительнымъ, заставляя каждаго въ толпѣ или собраніи устремлять глаза туда,

куда другіе, и интересоваться тѣмъ, чѣмъ интересуются другіе. Оттого въ большомъ собраніи и толпѣ легче довести вниманіе до крайняго напряженія, вызвать подавленіе сознанія ко всему остальному. При нѣкоторыхъ условіяхъ, сосредоточивая вниманіе на одномъ, можно вызвать полное подавленіе сознанія и самаго вниманія,—вызвать сонъ. Это бываетъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда предметъ вниманія не возбуждаетъ обширной душевной дѣятельности и только утомляетъ своимъ однообразіемъ, не давая мѣста другимъ дѣятельностямъ (однообразные звуки, монотонное чтеніе, пристальное смотрѣніе на предметъ, вовсе неинтересный самъ по себѣ или невозбуждающій ряда идей). На этомъ свойствѣ вниманія основываютъ вызовъ гипнотизма у нѣкоторыхъ субъектовъ и такъ называемыя психическія средства для вызова засыпанія.

Другая сторона вниманія—повышеніе ясности сознанія и силы душевнаго состоянія, на которое оно направлено,—подтверждается еще болѣе многочисленными и разнообразными фактами. Прежде всего, всякое внѣшнее раздраженіе и впечатлѣніе или, точнѣе, ощущеніе и воспріятіе, усиливается отъ сосредоточенія на нихъ вниманія. Всякому извѣстно, что самая незначительная боль становится мучительною, когда мы почему нибудь сосредоточиваемъ на ней вниманіе, и люди очень внимательные къ болевымъ ощущеніямъ, не старающіеся для ослабленія ихъ сознанія сосредоточить вниманіе на чемъ-нибудь другомъ, страдаютъ несомнѣнно сильнѣе, чѣмъ менѣе внимательные и старающіеся подавить болевыя ощущенія отвлеченіемъ отъ нихъ вниманія. Мало того, подъ вліяніемъ сосредоточенія вниманія можно вызвать, при помощи творческаго построенія, превращающагося въ иллюзію, ощущеніе несуществующей боли и найти всѣ признаки, или симптомы несуществующей болѣзни. При этомъ, очевидно, усиливается, подъ вліяніемъ вниманія, какое нибудь незначительное ощущеніе непріятнаго характера, возникающее въ какой-нибудь части тѣла и вслѣдствіе этого усиленія превращается въ дѣйствительное страданіе. Изъ усиленнаго сосредоточенія вниманія на болевыхъ ощу-

щеніяхъ образуется даже особая форма душевной болѣзни, извѣстной подъ именемъ ипохондріи. Многіе изъ медиковъ, начиная изучать патологію. невольно сосредоточиваютъ вниманіе на тѣхъ частяхъ тѣла, болѣзнями которыхъ бываютъ заняты, и открываютъ у себя самихъ всевозможныя болѣзни. Замѣчательно, при этомъ, то явленіе, что постоянное представленіе болѣзни, напр., легкихъ, сердца, печени и т. п., и вызовъ болевыхъ ощущеній путемъ сосредоточенія вниманія въ областяхъ этихъ органовъ, иногда дѣйствительно вызываетъ разстройство въ соотвѣтственныхъ органахъ и дѣйствительную болѣзнь. Подобнымъ же образомъ подъ вліяніемъ вниманія повышаются всѣ ощущенія органическія (голода, жажды). Въ области внѣшнихъ ощущеній не только повышается и увеличивается въ своей силѣ, при сосредоточеніи вниманія, всякое отдѣльное ощущеніе, но отъ частаго сосредоточенія вниманія на ощущеніяхъ одного какого либо органа—всѣ его ощущенія и воспріятія становятся отчетливѣе, и органъ, какъ говорятъ, развивается. Особенно рельефно и наглядно это вліяніе вниманія наблюдается относительно осязательныхъ ощущеній у людей ослѣпшихъ и зрительныхъ ощущеній у людей тугихъ на ухо отъ природы или оглохшихъ впослѣдствіи. Извѣстно также, что, сосредоточивая вниманіе, можно слышать интересующій насъ разговоръ, даже если онъ производится шопотомъ, среди огромной толпы сразу видѣть человѣка, котораго ищемъ. Опытный корректоръ сразу видитъ ошибку. Повышающая энергію внѣшнихъ впечатлѣній и увеличивающая ихъ ясность сила вниманія такъ велика, что дѣйствуетъ даже во время сна, если при засыпаніи сосредоточено вниманіе на какомъ-нибудь ожидаемомъ возбужденіи. Такъ, мать, нянчащаяся съ своимъ ребенкомъ, иногда спитъ до того крѣпкимъ и глубокимъ сномъ, что самый сильный шумъ и стукъ не можетъ разбудить ее; но самый слабый плачъ ребенка немедленно прекращаетъ сонъ и вызываетъ пробужденіе. Лакей, привыкшій являться по звонку или дожидающійся ночью звона около входа, спитъ спокойно, когда его зовутъ по имени, толкаютъ, крпчатъ надъ ухомъ и т. п., и

пробуждается при самомъ слабомъ дѣйствіи звонка. При сосредоточеніи вниманія на ожидаемомъ какомъ-либо впечатлѣніи внѣшнемъ преувеличиваются всѣ возникающія здѣсь возбужденія, сколько-нибудь похожія на ожидаемое. Этимъ легко вызывается творческій процессъ, или дѣятельность фантазіи, и создаются несуществующіе предметы съ формою ожидаемыхъ. При благопріятныхъ условіяхъ, когда, именно, вниманіе напряжено до послѣднихъ предѣловъ и ничѣмъ не развлекается, даже поддерживается всѣмъ окружающимъ и усиливается,—иллюзія этого рода почти непзбѣжна, весьма возможна даже галлюцинація. И это не только съ однимъ человѣкомъ, но и съ цѣлымъ собраніемъ людей; по указанной нами причинѣ, даже легче съ собраніемъ людей, чѣмъ съ однимъ человѣкомъ. Этимъ объясняется видѣніе сражающихся войскъ на небѣ, кометъ, имѣющихъ форму меча, мертвой головы и т. п., видѣніе призраковъ цѣлымъ собраніемъ (спиритскіе сеансы). Въ высшихъ сферахъ душевной жизни—въ области ума, чувства и воли—сосредоточеніе вниманія вызываетъ тѣ же послѣдствія, что и въ низшихъ: сосредоточеніе вниманія на представленіяхъ, сложныхъ умственныхъ актахъ—понятія, сужденія, вывода, на желаніяхъ и пр. дѣлаетъ всѣ эти операціи болѣе энергичными и отчетливыми. Нѣкоторыя изъ нихъ, напр., общія идеи, или понятія, самымъ существованіемъ своимъ обязаны въ значительной степени способности вниманія повышать то, на чемъ оно сосредоточено, и подавлять все остальное. Образуя понятіе, мы останавливаемъ вниманіе на томъ, что есть общаго и сходнаго во многихъ предметахъ и тѣмъ подавляемъ представленіе о всѣхъ частностяхъ. Отвлеченіе совершается при прямомъ участіи вниманія, и оно необходимо во всѣхъ сферахъ человѣческаго знанія. Оттого люди, желая совершить мыслительный процессъ съ возможною отчетливостію и удобствомъ, прибѣгаютъ къ внѣшнимъ средствамъ усиленія его вниманія, устраняясь отъ всего, что можетъ его ослабить и отвлечь—закрываютъ глаза, уединяются и т. п. Большинство мыслителей и поэтовъ потому же занимаются больше ночью или раннимъ утромъ. Кабинеты людей, занимающихся

умственнымъ трудомъ, устраиваютъ такъ, чтобы въ нихъ было возможно менѣе способнаго отвлечь вниманіе—въ части дома, уединенной отъ шума, безъ всякихъ почти украшеній и т. п. Весьма часто случается съ людьми, которымъ предстоитъ необходимость дать отчетъ въ своихъ знаніяхъ,—что, при попыткахъ составить отвѣтъ на какой-нибудь вопросъ, чтобы провѣрить свое знаніе, они сознаютъ полную запутанность и неясность своихъ идей, и имъ кажется, что они ничего не знаютъ; получивши вопросъ, сосредоточивши затѣмъ на немъ одномъ все свое вниманіе, они оказываются совсѣмъ въ другомъ положеніи: идеи проясняются, укладываются въ усвоенные ряды, и знаніе оказывается удовлетворительнымъ. Тоже иногда бываетъ съ людьми, вынужденными говорить въ собраніи передъ болѣе или менѣе обширнымъ обществомъ. Энергія мысли моментально выростаетъ при всецѣломъ сосредоточеніи вниманія на одномъ предметѣ; и самое малѣйшее отвлеченіе вниманія въ этомъ случаѣ можетъ произвести остановку и спутанность. Волненія всѣ повышаются въ силѣ подъ вліяніемъ вниманія. Напр., страхъ, явившись, выростаетъ подъ вліяніемъ того, что на немъ всецѣло сосредоточивается вниманіе, и всѣ другія возбужденія подавляются. Оттого трусливый человѣкъ испытываетъ въ меньшей степени страхъ, если съ нимъ есть хотя малый ребенокъ и сопутствуетъ ему въ страшныхъ для него мѣстахъ. Гнѣвное волненіе, чувство вражды, ненависти, мести и т. п. возрастаютъ по мѣрѣ того, какъ человѣкъ сосредоточиваетъ вниманіе на предметахъ, возбудившихъ эти волненія, и, именно, на тѣхъ сторонахъ этихъ предметовъ, которыя были возбудителями волненія: съ повышеніемъ энергіи причины—повышается и дѣйствіе. Отсутствіе отвлекающихъ вниманіе средствъ дѣйствуетъ подобнымъ же образомъ. Потому, напр., вражда между людьми мало занятыми, при равныхъ другихъ условіяхъ, возникаетъ чаще и бываетъ упорнѣе, чѣмъ между людьми трудящимися и разнообразно занятыми, вниманіе которыхъ постоянно отвлечено къ предметамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ враждою. Можетъ быть этимъ отчасти объясня-

ется то общеизвѣстное явленіе, что между женщинами вражда бываетъ упорнѣе. Всѣ другія волненія подлежатъ такому же вліянію вниманія, т. е. возрастаютъ въ своей силѣ, энергіи и опредѣленности при сосредоточеніи на нихъ вниманія и ослабляются при отвлеченіи вниманія въ другую какую-нибудь сторону. Вниманіе, въ силу этого, является главнымъ средствомъ воспитанія чувства, т. е. подавленія однихъ волненій и усиленія другихъ, и искусство воспитателя сводится здѣсь главнымъ образомъ къ умѣнью управлять этою силою—возбуждать ее въ однихъ случаяхъ и подавлять въ другихъ. То же самое нужно сказать и о воспитаніи навыковъ въ другихъ областяхъ, напр., навыка мыслей, убѣжденій, вѣрованій и т. п. Между прочимъ, здѣсь повторяется весьма часто грубая ошибка, происходящая изъ незнанія законовъ и силы вниманія. Желая воспитать какое-либо чувство или настроеніе, убѣжденіе, навыкъ дѣйствія, воспитатели, вмѣсто того, чтобы искусно вызывать вниманіе въ этомъ направленіи и этимъ вызывать и постепенно повышать энергію требуемой душевной дѣятельности, запрещаютъ противоположную, описываютъ ее съ особенною подробностію, назначаютъ наказаніе за неисполненіе запрещенія и т. п. Этимъ способомъ неизбѣжно возбуждается вниманіе къ запрещенному и во всякомъ случаѣ оно, какъ говорятъ, раздвояется и потому ослабляется, и, если оно не уравновѣшивается соотвѣтствующимъ сосредоточеніемъ вниманія въ большей степени на положительной сторонѣ, результатъ почти всегда является какъ разъ противоположный тому, который желаютъ получить: ненужная дѣятельность, именно, и является, повышаясь чрезъ возбужденіе къ ней вниманія. Такое возникновеніе подъ вліяніемъ вниманія ненужныхъ дѣятельностей—фактъ общеизвѣстный. Такъ, людямъ, имѣющимъ несчастную способность краснѣть, иногда бываетъ достаточно подумать о возможности покраснѣть и пожелать задержать въ себѣ этотъ рефлексъ, чтобы онъ явился съ неудержимою силою. Подобнымъ же образомъ можетъ вызываться волненіе страха, робости при одномъ нежеланіи испугаться или струсить, оробѣть; нежеланіе показаться неловкимъ усиливаетъ

неловкость людей непривычныхъ быть въ обществѣ, вызываетъ ненужную заботу о положеніи рукъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ производитъ положеніе ихъ всего менѣе желательное. Иногда достаточно бываетъ человѣку замѣтить, что у него нѣтъ платка носового, чтобы начались выдѣленія носа, которыя безъ того не являлись бы. Подобныя же явленія наблюдаются въ сферѣ представленія. Достаточно бываетъ пожелать забыть что-нибудь, чтобы воспоминаніе ненужное начало возникать съ особеннымъ упорствомъ, и чѣмъ сильнѣе желаніе, тѣмъ упорнѣе возникновеніе ненужной внутренней дѣятельности, потому что тѣмъ сильнѣе вниманіе къ ней, возбуждаемое противъ воли.

Изъ всѣхъ представленныхъ фактовъ повышенія разнаго рода дѣятельностей и состояній душевныхъ подъ вліяніемъ вниманія легко видѣть, что роль этого дѣятеля въ сферѣ душевной жизни весьма обширна. Духовная жизнь человѣка внимательнаго, вообще, способнаго отъ природы и вслѣдствіе упражненія къ сильному сосредоточенію вниманія, при равныхъ другихъ условіяхъ, всегда отличается большею опредѣленностію, полнотою, высшею организованностію, чѣмъ у человѣка, лишеннаго этой способности или обладающаго ею въ слабой степени; первые также несравненно болѣе способны къ развитію и совершенствованію, чѣмъ послѣдніе. Значеніе вниманія въ этомъ отношеніи можно наблюдать даже у животныхъ.

Противоположное вниманію явленіе есть явленіе *разсѣянности*, которое въ высшихъ своихъ степеняхъ, встрѣчающихся, впрочемъ, нечасто, обнаруживается полною неспособностію человѣка остановиться и сосредоточиться на какомъ-нибудь изъ своихъ душевныхъ состояній. Въ силу этого всѣ они оказываются слабо организованными, неопредѣленными, неустойчивыми: ни опредѣленныхъ сколько нибудь знаній, ни убѣжденій, ни чувствованій, возникающихъ всегда при извѣстныхъ условіяхъ, ни прочныхъ навыковъ и опредѣленныхъ цѣлей жизни и дѣятельности ничего этого нѣтъ и не можетъ быть у человѣка, лишеннаго силы вниманія или, что тоже, разсѣяннаго. Какъ и вниманіе, разсѣянность

имѣетъ много степеней, и всегда—въ большомъ и маломъ—вліяніе ея имѣетъ одинъ общій характеръ. Впрочемъ, терминъ „разсѣянность“ всего чаще употребляется не въ этомъ точномъ научномъ смыслѣ. Разсѣянными называютъ часто людей, обладающихъ способностію сосредоточенія въ высшей степени,—и въ тѣ моменты ихъ жизни, когда вниманіе ихъ оказывается особенно и крайне напряженнымъ, причемъ подавляется сознаніе всего, что лежитъ внѣ объекта вниманія. Эту-то отрицательную сторону вниманія, которая составляетъ необходимую и существенную ея основную часть, и называютъ разсѣянностію, по внѣшнему сходству съ явленіемъ дѣйствительной разсѣянности въ смыслѣ полнаго отсутствія вниманія. Такое смѣшеніе ведетъ нерѣдко къ грубымъ ошибкамъ при оцѣнкѣ способностей и характера людей, особенно педагогами оффиціальными. Оттого многіе изъ геніальныхъ людей считались въ школѣ ограниченными и мало способными къ развитію, какъ разсѣянные и невнимательные, незанимающіеся дѣломъ. Между тѣмъ эта разсѣянность бываетъ только признакомъ глубокаго сосредоточенія вниманія на томъ, что дѣйствительно интересовало этихъ дѣтей и т. п.

Объяснивши составъ и механизмъ вниманія—подавленіе въ немъ однихъ дѣятельностей и усиленіе, прямое или косвенное, другихъ, остановимся теперь на самой сущности его и условіяхъ его образованія, также на его главныхъ формахъ или видоизмѣненіяхъ.—Въ общемъ описаніи и характеристикѣ вниманіе оказывается явленіемъ сосредоточенія большого количества психической и—въ соотвѣтствіи съ нимъ—нервной силы или энергіи на одномъ душевномъ состояніи, простомъ или сложномъ, стоящемъ въ прямой связи съ внѣшнимъ возбужденіемъ или чисто внутреннемъ—все равно. Какимъ образомъ совершается это сосредоточеніе? Наблюдая возникновеніе вниманія у дѣтей, не трудно видѣть, что оно сначала обусловливается прямо силою возбужденія внѣшняго, а потомъ и внутренняго. Изъ наличнаго количества возбужденій разнаго рода дитя сосредоточивается на томъ, которое въ данный моментъ сильнѣе другихъ, и чѣмъ сильнѣе это со-

стояніе, тѣмъ дольше сохраняется и вниманіе. Въ этомъ случаѣ вниманіе тождественно съ силою впечатлѣнія, и есть результатъ и необходимое послѣдствіе факта сознанія, обнаруживающагося здѣсь съ особенною опредѣленностію,—есть только другая сторона факта или закона, въ силу котораго въ сознаніи можетъ быть только одна вполнѣ опредѣленная дѣятельность. Въ силу того, что напряженіе впечатлѣній у дитяти постоянно и быстро мѣняется, вниманіе его не можетъ сосредоточиваться на одномъ изъ нихъ долго, или, точнѣе, всякое данное возбужденіе быстро и легко замѣняется другимъ болѣе сильнымъ. Въ этой низшей, зародышевой своей формѣ вниманіе нерѣдко является и въ зрѣломъ возрастѣ: всякое очень сильное возбужденіе неизбѣжно прекращаетъ или вытѣсняетъ всѣ другія и остается одно содержаніемъ сознанія до той поры, пока сила его не ослабѣетъ, что обыкновенно совершается постепенно путемъ подавленія этого сильнаго возбужденія другими въ болѣе или менѣе продолжительное время, пока не наступитъ моментъ полнаго прекращенія. Такая форма вниманія называется обыкновенно „вниманіемъ механическимъ, или пассивнымъ“. Но изъ него постепенно развивается высшая форма, въ тѣсной связи съ развитіемъ воли, или власти духа надъ своимъ состояніемъ, форма, называемая „произвольнымъ или активнымъ вниманіемъ“, которое и есть собственно вниманіе, и не зависитъ отъ наличной силы впечатлѣнія, а само вліяетъ на его повышеніе. Начало и основа его лежатъ въ возникающей потребности и желаніи имѣть данный процессъ внутренній въ болѣе совершенной формѣ или просто задержать его и слѣдующее за этимъ усиліе въ этомъ направленіи. Подъ вліяніемъ сильнаго желанія и усилія, изъ коихъ существенно составляется то, что называется обыкновенно волею, извѣстно, иногда самыя слабыя изъ всѣхъ дѣятельностей выростаютъ въ своей силѣ и легко фиксируются. Это усиленіе и остановка въ сознаніи, по всей вѣроятности, зависитъ, между прочимъ, отъ того, что явленіе душевное въ этомъ случаѣ становится болѣе сложнымъ. Въ немъ оказываются слитыми потребность-желаніе, усиліе, которыя и

увеличиваютъ его въ напряженіи пропорціонально своей собственной силѣ, такъ что активное вниманіе оказывается особой, болѣе сложной формой пассивнаго, только причина усиленія даннаго состоянія здѣсь находится не въ немъ самомъ, а въ другихъ дѣятельностяхъ, съ нимъ сливающихся.

4. Память.

Значеніе термина „память“. Фактъ сохраненія-удержанія душевныхъ состояній, въ связи съ закономъ сохраненія силы. Кажущееся исчезновеніе большей части сознательныхъ состояній. Двѣ формы сохраненія душевныхъ состояній-измѣненій: памятованіе и забвеніе. Условія способности и неспособности прежнихъ душевныхъ дѣятельностей къ возникновенію вновь. Три группы (формаціи) всего воспроизводимаго. Выводы относительно ослабленія душевныхъ образованій,— на основаніи наблюденія надъ болѣзненнымъ разстройствомъ памяти.—Значеніе забвенія въ душевной жизни, какъ процесса, параллельнаго памятованію. Забвеніе, какъ отрицательная сторона памятованія. Соотношеніе между памятуемымъ и забытымъ у разныхъ людей. Степени силы и объемъ памяти.

Разсмотрѣнные элементарные и основные процессы душевные самымъ своимъ существованіемъ предполагаютъ основной для всѣхъ ихъ общій фактъ или процессъ—*удержанія, сохраненія* въ душѣ всѣхъ ея измѣненій и состояній. Мало того, они же, очевидно, служатъ выраженіемъ и обнаруженіемъ этого факта. Фактъ этотъ обыкновенно называется *памятью*. Впрочемъ, терминъ „память“, какъ и большая часть психологическихъ терминовъ, не отличается точностію и опредѣленностію. Въ силу того, что сохраненіе или удержаніе испытанныхъ состояній обнаруживается только въ ихъ явленіи вновь или воспроизведеніи, также въ ихъ взаимной связи и зависимости, или ассоціаціи, слово „память“ весьма часто обозначаетъ и эти процессы, хотя для нихъ есть и особыя названія—воспоминаніе, напоминаніе и т. п., филологическое родство которыхъ съ словомъ память, однако же, прямо включаетъ ихъ

въ понятіе памяти. Схоластическая психологія въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ санкціонировала это смѣшеніе и этимъ превратила и изслѣдованіе памяти въ описаніе явленій воспроизведенія и ассоціаціи, не касаясь почти вовсе самаго факта сохраненія, или сводя его изслѣдованіе къ простому, ничего неговорящему и необъясняющему сравненію съ кладовою, магазиномъ, библіотекою и т. п. Между тѣмъ фактъ сохраненія, очевидно, разнится отъ фактовъ воспроизведенія и сочетанія,—приблизительно такъ же, какъ фактъ обладанія деньгами отъ факта ихъ употребленія, или даже простого пересчитыванія. Вотъ почему англійскіе психологи и замѣняютъ постоянно слово „память“ болѣе точными и опредѣленными—„удержаніе“, „сохраненіе“.

Общій фактъ „сохраненія“, или „удержанія“, душевныхъ состояній и измѣненій можетъ быть выраженъ въ общемъ положеніи такимъ образомъ: начиная съ самыхъ первыхъ моментовъ душевной жизни, ни одно, даже слабое и вовсе незамѣтное, измѣненіе души, отъ чего бы оно ни происходило, ни одно душевное состояніе не исчезаетъ безслѣдно, а навсегда дѣлается составною частію души, входитъ въ ея содержаніе и имѣетъ такое или другое значеніе въ общемъ ходѣ и строѣ душевной жизни. Въ пользу такого пониманія памяти говорятъ слѣдующіе аргументы. „Сохраненіе“ душевныхъ состояній, очевидно, предполагается всякимъ положеніемъ о возрастаніи, развитіи души, о вліяніи среды окружающей на характеръ человѣка, о возможности воспитанія, образованія и т. п., и есть необходимое слѣдствіе общаго, обнимающаго всю природу, закона, такъ называемаго закона сохраненія силы. Законъ этотъ открытъ недавно и развитъ по аналогіи съ закономъ давно извѣстнымъ—о неуничтожаемости вещества,—именно, съ фактомъ, что количество вещества въ природѣ остается всегда неизмѣннымъ, измѣняются же только его формы. Въ силу закона сохраненія ни одно малѣйшее движеніе въ мірѣ, ни одинъ атомъ силы не исчезаетъ и не можетъ исчезнуть абсолютно: сила, какъ и вещество, или существуетъ постоянно въ опредѣленной формѣ, пока существуютъ для этого благопріят-

ныя условія, или связывается съ другими противодѣйствующими силами-движеніями, или, наконецъ, измѣняетъ форму, превращаясь въ другіе роды движенія, въ другія, слѣдовательно, силы. Будемъ мы представлять душу особымъ существомъ, или функціею вещества, особымъ родомъ движенія, въ немъ происходящимъ,—ея измѣненія или состоянія должны à priori подлежать этому закону. Въ самомъ дѣлѣ, если мы представимъ себѣ душу особою силою, особымъ существомъ, которое подвергается измѣненіямъ въ своихъ различныхъ состояніяхъ, то и вообразить нельзя, куда могутъ удалиться изъ нея измѣненія, и какъ они могутъ исчезать, пока она существуетъ. Эта невозможность вообразить исчезновеніе измѣненій изъ реальной силы измѣняющейся дѣлаетъ такою распространенною и доступною самому неразвитому человѣку мысль, что въ будущей жизни человѣкъ вспомнитъ всѣ мельчайшія событія своей земной жизни, всѣ измѣненія своего сознанія, всѣ мысли, чувства и т. п., словомъ, все, что теперь кажется ему изгладившимся, исчезнувшимъ, забытымъ на-всегда. Само собою разумѣется, что тотъ же самый выводъ необходимъ, когда душа признается функціею организма вообще или ближайшимъ образомъ мозга.

Способъ сохраненія движеній и измѣненій психическихъ остается непроницаемою тайною для науки въ настоящее время; но самый фактъ едвали можно подвергать сомнѣнію. Онъ игнорируется обыденнымъ сознаніемъ и даже наукою о душѣ въ ея теперешнихъ формахъ, представляется даже страннымъ, парадоксальнымъ и противорѣчащимъ даже прямому ежедневному опыту. Но это зависитъ единственно отъ превратившагося въ навыкъ слишкомъ грубаго представленія психическихъ процессовъ,—крайняго упрощенія ихъ, граничащаго съ наивностью и напоминающаго представленія людей о физическихъ процессахъ, напр., свѣта, звука и т. п., не говоря уже о процессахъ біологическихъ,—во времена самаго грубаго невѣжества. Въ этомъ состояніи людямъ казалось, напр., очевиднымъ и само собою понятнымъ, что сгорающее вещество исчезаетъ или безъ остатка, или съ самымъ ничтожнымъ по количеству остаткомъ, между тѣмъ на самомъ

дѣлѣ, какъ теперь извѣстно всякому образованному человѣку, остатковъ вещества сгорѣвшаго, по вѣсу и количеству, вообще, даже болѣе, чѣмъ было самого вещества, потому что въ горѣніи съ нимъ соединяется извѣстное количество кислорода и т. п. Такъ теперь не только простымъ людямъ, но даже извѣстнымъ ученымъ изслѣдователямъ души, кажется, что нѣкоторыя явленія исчезаютъ изъ души безъ слѣда, другія оставляютъ послѣ себя кое-что и только часть сохраняется цѣликомъ. Для большей убѣдительности этого, въ сущности, нелѣпаго воззрѣнія, для утвержденія его необходимости придумана даже была цѣлая теорія, которая часто воспроизводится доселѣ и основывается на аналогіи психическаго возбужденія съ введеніемъ пищи въ организмъ и опять-таки кажется чѣмъ-то до очевидности понятнымъ. Организмъ беретъ изъ пищи только то, что ему нужно и что онъ можетъ воспринять при данныхъ условіяхъ,—все остальное имъ извергается. Душа, по этому представленію, беретъ изъ внѣшнихъ возбужденій, усвояетъ и сохраняетъ только нѣкоторую часть,—все остальное извергается ею, исчезаетъ изъ нея. Но, не говоря уже о томъ, что самая попытка сравнить психическое возбужденіе—ощущеніе, идею, чувство и т. п. съ веществомъ нелѣпо и крайне грубо, потому что эти возбужденія суть чистыя энергіи, не заключающія въ себѣ ничего матеріальнаго, даже съ чисто матеріалистической точки зрѣнія, и извергнуть, выбросить идею, какъ экскрементъ, конечно, нельзя: ей некуда дѣваться изъ души,—не говоря объ этомъ, въ описанной теоріи смѣшиваются два различные факта—простое возбужденіе души и процессъ организаціи ея состояній или возбужденій въ болѣе или менѣе устойчивыя и постоянныя образованія. При этомъ процессѣ, дѣйствительно, часть возбужденій какъ-бы отбрасывается, устраняется, излишекъ возбужденій становится вреднымъ и препятствуетъ этому процессу, также какъ и недостатокъ ихъ. Но всѣ эти отбросы, кажущіеся извергнутыми, остаются несомнѣнно въ душѣ, только не въ той формѣ, въ какой состоянія организованныя, и имѣютъ свою долю вліянія въ общемъ строѣ душевной жизни, иногда огромную.

Эта истина, хотя и извѣстная и подтверждающаяся очевидными фактами, подъ вліяніемъ невѣрнаго взгляда на фактъ сохраненія психическихъ движеній во всемъ его объемѣ, весьма часто забывается и производитъ много зла при воспитаніи и образованіи молодого поколѣнія. Желая образовать извѣстные навыки, мысли и дѣйствія, сообщить опредѣленныя ихъ знанія и правила, т. е. организовать въ умственной и волевой сферѣ опредѣленныя психическія дѣятельности, часто не обращаютъ вниманія на средства, какія употребляются для достиженія цѣли, полагая, что по достиженіи цѣли эти посредствующія возбужденія души сами собою исчезнутъ. На самомъ дѣлѣ выходитъ, что они-то большею частію и остаются въ душѣ питомца и производятъ въ ней глубокія измѣненія, вовсе нежелательныя и т. п. И вообще неправильный взглядъ на явленія сохраненія душевныхъ возбужденій, признаніе способности ихъ къ уничтоженію въ какомъ бы то ни было смыслѣ, какъ всякое заблужденіе относительно общаго хода и строя душевной жизни, имѣетъ всегда вредное вліяніе, особенно въ нравственной сферѣ. Благодаря ему, громадное большинство не обращаетъ вниманія на то, какія впечатлѣнія и какія возбужденія являются въ человѣкѣ-дитяти съ первыхъ моментовъ его жизни, какія идеи и чувства затѣмъ возникаютъ въ немъ съ пробужденіемъ сознанія личности и т. п., воображая, что все это забудется, исчезнетъ изъ души рано или поздно. Также легко относятся люди къ душевнымъ возбужденіямъ мелкимъ и незамѣтнымъ въ теченіе всей жизни, не придавая никакого значенія тому, что слышатъ и видятъ дѣти мелькомъ, какія мысли, волненія мимолетныя возбуждаются въ нихъ окружающими предметами и явленіями, такъ называемою средою и т. п.

Но, принимая a priori законъ сохраненія во всемъ его объемѣ, нельзя игнорировать тѣхъ очевидныхъ фактовъ, на которыхъ опирается ученіе объ уничтоженіи части душевныхъ измѣненій. Самый способный человѣкъ, обладающій феноменальною памятью, все-таки не можетъ воспроизвести и, слѣдовательно, наглядно показать

дѣйствительное сохраненіе и сотой доли душевныхъ измѣненій своихъ въ теченіе сознательной своей жизни; мало того—онъ не въ состояніи съ полною отчетливостію воспроизвести всѣ измѣненія своей души, совершающіяся въ теченіе одного дня. Затѣмъ, это явленіе представляетъ множество градацій, спускаясь по которымъ, мы встрѣчаемъ людей, содержаніе душевной жизни которыхъ поражаетъ своею бѣдностію: изъ всего испытаннаго человѣкомъ остается только самая незначительная часть; дальнѣйшее накопленіе и развитіе совершается съ величайшимъ трудомъ и, наконецъ, становится вовсе невозможнымъ. Словомъ, мы встрѣчаемъ другую крайность—людей безпамятныхъ, явленіе изглаживанія и исчезанія даже весьма обширныхъ и сложныхъ душевныхъ образованій, напр. забвеніе языка, явленія разучиванія и т. п. Наконецъ, не подлежитъ сомнѣнію, что каждый человѣкъ удерживаетъ съ особенною силою и отчетливостью только нѣкоторыя возбужденія—идеи и чувства,—все остальное оказывается весьма для него неудобнымъ: одинъ запоминаетъ хорошо факты конкретные, другой ихъ отношенія, одинъ легко удерживаетъ числа, другой слова и т. п.

Но, не говоря уже о томъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ фактами организаціи состояній, взаимодѣйствія душевныхъ явленій, обусловливающихъ болѣе или менѣе быстрый ихъ вызовъ и самое образованіе первоначальное въ душѣ,—существуетъ цѣлый рядъ другихъ фактовъ, недоступныхъ обыденному наблюденію и воспріятію, но тѣмъ больше цѣнности имѣющихъ для науки. Эти факты суть: возникновеніе въ сновидѣніяхъ впечатлѣній дня, самыхъ мимолетныхъ, становящихся часто темою сновидѣнія, возникновеніе во снѣ исчезнувшихъ впечатлѣній дѣтства, событій окончательно забытыхъ и т. п.; возвращеніе полное забытыхъ и изгладившихся совершенно прежнихъ состояній—подъ вліяніемъ возбужденій мозга, дѣйствія болѣзни, или сильнаго волненія, всего чаще чувства страха; необыкновенныя и кажущіяся на первый взглядъ чудесными многочисленныя явленія, когда люди необразованные, всего чаще женщины, подъ вліяніемъ нервной

болѣзни, начинаютъ произносить фразы на разныхъ языкахъ, имъ неизвѣстныхъ, выражать чужія имъ идеи и понятія, въ формахъ, недоступныхъ имъ въ нормальномъ состояніи, языкомъ ученымъ и т. п. Фактовъ этого рода скопляется все болѣе и болѣе, но ихъ чудесность исчезаетъ въ виду установляемаго наукою закона сохраненія психической энергіи. Правда, это явленія патологическія, ненормальныя; но это ничего не значитъ, такъ какъ они тѣмъ не менѣе наглядно, фактически подтверждаютъ положеніе, что ничто, разъ измѣнившее душу, произведшее впечатлѣніе и т. п., не исчезаетъ изъ нея, самыя мельчайшія и такъ называемыя безсознательныя возбужденія со всею опредѣленностью. Или,—по меньшей мѣрѣ, они колеблютъ въ самой основѣ ходячее мнѣніе о возможности полнаго уничтоженія и изглаженія изъ души нѣкоторыхъ изъ ея измѣненій.

Всѣ эти разсужденія приводятъ къ выводу, что, въ виду дѣйствительной невозможности воспроизведенія многихъ изъ прошлыхъ состояній и кажущагося ихъ исчезновенія или полнаго забвенія, фактъ сохраненія, или памяти, въ широкомъ смыслѣ, нужно разложить на два: фактъ памятованія—въ широкомъ и обычномъ смыслѣ этого слова—и фактъ забвенія. Такимъ образомъ, общее понятіе памяти обнимаетъ собою общее явленіе памятованія и забвенія; другими словами,—содержаніе памяти или сохраняемости обнимаетъ собою все, что помнится, и все, что забыто и забывается. Отсюда возможность выраженій и понятій: „хорошая“ и „дурная память“, „сильная“ и „слабая“ и т. п. „Хорошая память“ есть преобладаніе памятованія, „дурная“—преобладаніе забвенія. Такое соединеніе, повидимому, исключающихъ другъ друга понятій—памятованія и забвенія, т. е., по обычному представленію, сохраненія и исчезновенія, бытія и уничтоженія, въ одномъ понятіи показываетъ, что *забвеніе* не есть исчезаніе изъ души, уничтоженіе забытаго, а только *особая форма сохраненія*, характеризующихся крайнею слабостію жизненныхъ свойствъ существующихъ и сохраняющихся въ душѣ состояній. Очевидно, непосредственное чувство, которымъ руководится геній языка, создавшій такое

понятіе, находится въ полномъ согласіи съ воззрѣніемъ, что въ области душевнаго нѣтъ абсолютнаго уничтоженія, нѣтъ вѣчной смерти, а есть только, такъ сказать, обморокъ, временная смерть съ задатками воскресенія (по моему мнѣнію, это, между прочимъ, одинъ изъ самымъ сильныхъ аргументовъ,—аргументъ, основанный на опытѣ и наблюденіи, въ пользу безсмертія личности, вообще души человѣческой—аргументъ, который, къ сожалѣнію, вслѣдствіе смутности понятій о памяти, никогда почти не утилизируется).

Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что понятіе памяти, въ общемъ и широкомъ смыслѣ, разлагается на два—„память“ въ тѣсномъ смыслѣ и „забвеніе“. Въ первомъ обнимается совокупность полныхъ жизни и подвижныхъ, дѣйствующихъ постоянно состояній—идей, чувствъ, стремленій, дѣятельностей, сочетаній самыхъ разнообразныхъ. И въ этомъ смыслѣ слово „память“ употребляется особенно часто. Во второмъ понятіи—„забвенія“ дана совокупность прежде бывшихъ состояній ослабленныхъ, медленно движущихся или вовсе неспособныхъ къ движенію, какъ бы обмершихъ. Обѣ эти формы или области памяти находятся въ тѣсной связи, постоянномъ взаимнодѣйствіи. Эта связь заключается не только въ томъ, что въ душѣ совершается постоянный переходъ различныхъ состояній изъ одной сферы въ другую, изъ области памяти въ область забвенія, и наоборотъ, причемъ одно и то же состояніе въ теченіе жизни можетъ даже нѣсколько разъ ослабѣвать, замирать и вновь усиливаться, оживать; но также во взаимной зависимости памяти и забвенія, причемъ памятованіе, жизненность и живость однихъ состояній обусловливается всегда забвеніемъ другихъ, потерею ими жизненности и силы, не говоря уже о томъ, что каждое душевное наличное состояніе для своего существованія требуетъ временнаго ослабленія, забвенія всѣхъ другихъ, и чѣмъ полнѣе это забвеніе временное и моментальное, тѣмъ совершеннѣе и полнѣе, живѣе бываетъ данное наличное состояніе души (абстракція). Съ этой точки зрѣнія всякій моментъ душевной жизни является составленнымъ изъ памятованія и забвенія, и

всякій разъ воспоминаемое равно единицѣ, а забытое безконечному, т. е. всему остальному содержанію душевной жизни, и даже самая память, въ смыслѣ пребыванія въ душѣ несуществующихъ въ сознаніи въ данный моментъ состояній, есть, строго говоря,—забвеніе въ различныхъ степеняхъ. Цѣлая жизнь духа въ ея теченіи представляетъ то же соотношеніе въ болѣе широкихъ размѣрахъ и сложныхъ формахъ. Каждый періодъ жизни имѣетъ свою болѣе или менѣе обширную сумму подвижныхъ живыхъ состояній, и всѣ они подвергаются большей или меньшей степени ослабленія—забвенія, рѣдко воспроизводятся, многія постепенно становятся вовсе неспособными къ воспроизведенію. Наконецъ, все содержаніе душевной жизни, взятое въ любой моментъ ея развитія, вся совокупность способныхъ къ воспроизведенію и оживанію состояній, все содержаніе памяти, какъ бы выдѣляется на темномъ фонѣ забытаго, которое по своему объему несравненно обширнѣе.

Итакъ, опредѣляя память, какъ фактъ сохраненія или удержанія въ душѣ всѣхъ ея состояній и измѣненій, мы видимъ, что это сохраненіе имѣетъ двѣ формы: изъ нихъ одна обнимаетъ собою совокупность состояній подвижныхъ, легко возникающихъ въ сознаніи и, вообще, могущихъ возникнуть при обычныхъ нормальныхъ условіяхъ душевной жизни; другая—совокупность состояній прежде бывшихъ, способныхъ къ возникновенію только при условіяхъ исключительныхъ, или вовсе неспособныхъ къ нему. Первыя являются дѣятельными и живыми, послѣднія находятся въ скрытомъ, связанномъ состояніи и кажутся какъ бы обмершими, даже несуществующими вовсе; первыя составляютъ памятованіе—память въ тѣсномъ и обычномъ смыслѣ этого слова,—вторыя—забвеніе. При этомъ забвенію, или скрытію временному, подвергается и всякое изъ подвижныхъ живыхъ состояній всякій разъ какъ оно перестаетъ сознаваться или, какъ образно выражаются, уходитъ изъ сознанія. Это неполное, временное забвеніе называется безсознательнымъ существованіемъ даннаго опредѣленнаго состоянія. Очевидно, временное забвеніе представляетъ начало и зародышевую форму того процесса, которымъ производится и осуще-

ствляется полное забвеніе, потому что въ моментъ отсутствія въ сознаніи способнаго къ возникновенію въ немъ состоянія—оно также оказывается скрытымъ и связаннымъ какъ и вполнѣ забытое, кажется также несуществующимъ вовсе, какъ и это послѣднее. Разница между ними только въ степеняхъ силы или, точнѣе, слабости, а въ этомъ отношеніи и подвижныя живыя состоянія представляютъ множество степеней, приближаясь къ забытымъ: одни становятся сознательными и вполнѣ оживаютъ моментально по самымъ ничтожнымъ, повидимому, поводамъ, другія возникаютъ только черезъ нѣкоторый промежутокъ времени, третьи требуютъ для этого особаго усилія, напряженія и нѣкоторыхъ искусственныхъ приспособленій, четвертыя не поддаются никакимъ усиліямъ и иногда послѣ тщетныхъ усилій возникаютъ какъ бы сами собою безъ всякаго понятнаго, съ перваго раза, повода, пятыя становятся способными къ сознательности только послѣ того, какъ вновь повторятся всѣ реальныя условія ихъ первоначальнаго образованія, и они какъ бы вновь образуются въ душѣ и т. п. Однимъ словомъ, между окончательно забытымъ и временно уходящимъ изъ сознанія разница количественная, а не качественная. Поэтому, строго говоря, память, какъ явленіе сохраненія, противополагаемое во всей своей совокупности наличнымъ состояніямъ сознанія, дѣйствительно живымъ и дѣйствующимъ въ данный моментъ, состоитъ изъ забвенія двухъ родовъ. Это, повидимому, логическое противорѣчіе. Но оно зависитъ просто отъ неопредѣленности слова „память“ и исчезаетъ само собою, какъ только мы поставимъ вмѣсто его точный терминъ—„сохраненіе“, или „удержаніе“. Получится положеніе: сохраненіе осуществляется въ двухъ родахъ, или формахъ, забвенія. Въ силу этого, психологическая теорія памяти превращается собственно въ теорію забвенія—временнаго и постояннаго. Только изучивши условія забвенія въ различныхъ степеняхъ его—отъ временно потемненнаго однихъ состояній, продолжающагося иногда даже секунды, до полнаго забвенія другихъ—можно выяснить фактъ сохраненія прошлыхъ состоянія, или памяти, во всемъ его объемѣ и различныхъ его видоизмѣненіяхъ, т. е. опредѣлить, какъ

и почему одни состоянія оказываются постоянно движущимися, другія находятся въ состояніи постоянно скрытомъ и связанномъ въ различныхъ степеняхъ его, и съ тѣмъ вмѣстѣ распредѣлить все сохраняемое на группы, болѣе или менѣе одинаковыя у всѣхъ людей.

Процессъ первоначальнаго образованія опредѣленныхъ сознательныхъ душевныхъ состояній и ихъ возникновенія вновь или явленія вновь въ сознаніи—представляетъ три выдающихся факта—это: а) невозможность существованія въ данный недѣлимый моментъ больше одной опредѣленной дѣятельности, или узость сознанія, и невозможность въ силу этого постояннаго дѣйствительнаго пребыванія въ душѣ всѣхъ ея состояній; b) зависимость каждаго наличнаго состоянія въ своемъ бытіи отъ предыдущаго и прямая связь съ послѣдующимъ, для котораго оно есть то же предыдущее и т. д., въ силу чего душевныя состоянія являются причинами другъ друга и взаимно обусловливаютъ свое бытіе въ сознаніи; с) полное прекращеніе данной душевной дѣятельности послѣ прекращенія сознательнаго ея бытія или ея выхода изъ сознанія, вслѣдствіе чего всякая вновь являющаяся дѣятельность изъ прежде бывшихъ не есть та же самая дѣятельность, а похожая болѣе или менѣе на нее и, слѣд., новая, вновь формирующаяся,—иначе,—отсутствіе и полная невозможность безсознательной душевной дѣятельности, если не разумѣть подъ сознаніемъ самосознанія, т. е. связи даннаго состоянія съ идеею собственной личности. Эти факты даютъ намъ возможность установить на явленіе сохраненія испытанныхъ и разъ сформировавшихся душевныхъ состояній въ формѣ памятованія и забвенія—взглядъ, отличный отъ схоластическаго, представлявшаго памятованіе лежаніемъ въ готовомъ видѣ идей и въ формѣ склада, а забвеніе полнымъ исчезновеніемъ изъ души, также—выяснить нѣкоторыя главныя условія какъ памятованія, такъ и забвенія.

Забвеніе временное, которому подлежитъ всякое душевное состояніе, есть, очевидно, результатъ узости сознанія, и узость эта есть его ближайшая и главная причина. Забвеніе въ формѣ труд-

ности воспроизведенія данной бывшей дѣятельности или полной невозможности зависитъ отъ недостатка наличныхъ условій вообще для ея образованія въ душѣ или полнаго ихъ отсутствія. А эти условія суть: а) отчетливость и сила при первоначальномъ образованіи этого состоянія въ душѣ подъ вліяніемъ внѣшнихъ реальныхъ возбужденій и внутреннихъ условій. Недостатокъ отчетливости и силы зависитъ или отъ слабости внѣшнихъ дѣятелей, производящихъ впечатлѣніе, или отъ природныхъ свойствъ, т. е. недостатковъ въ строеніи и отправленіи нервныхъ центровъ, участвующихъ въ ея возникновеніи, отъ такъ называемой природной тупости. Плохо и съ трудомъ первоначально образовавшееся состояніе, естественно, еще съ большимъ трудомъ образуется вновь, при отсутствіи, притомъ, реальныхъ своихъ возбудителей, при полной же первоначальной слабости вовсе не можетъ образоваться. (Отсюда забвеніе, невозможность вновь сформированія всѣхъ состояній, идей смутныхъ, неопредѣленныхъ). b) Второе условіе есть прочность и многочисленность связей съ другими, которыя, явившись сами въ душѣ, могли бы быть производителями даннаго состоянія. Эта прочность связей и многочисленность ихъ, опять, зависитъ, прежде всего, отъ первоначальной отчетливости самаго состоянія даннаго и также отчетливости смежныхъ и сходныхъ состояній, съ коими оно могло бы сочетаться, такъ какъ слабое само по себѣ и сочетаться можетъ только слабо; затѣмъ эта прочность зависитъ отъ количества повтореній данной дѣятельности, которыя вліяютъ на отчетливость ея и увеличиваютъ количество ея связей. Но, при тупости природной или недостаткахъ нервной системы центральной, и сотни повтореній мало прибавятъ къ отчетливости и прочности связей, такъ какъ всякій разъ онѣ будутъ плохими и слабыми,—и образованіе вновь даннаго состоянія все-таки будетъ труднымъ и невозможнымъ.—Отчетливо и прочно организованное состояніе, сформировавшееся при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ внѣшнихъ и внутреннихъ, не можетъ быть окончательно забыто, какъ-бы ни длиненъ былъ періодъ времени, протекшій съ момента первоначальнаго его образованія или по-

слѣдняго возникновенія въ душѣ. Если оно воспроизводится съ трудомъ и не съ полною опредѣленностью, то это всегда зависитъ отъ слишкомъ большой разницы существующихъ условій дѣятельности душевной человѣка въ данный моментъ, когда дѣлается попытка воспроизведенія прошлаго состоянія: оно зависитъ отъ измѣненія жизненной обстановки, интересовъ, занятій, убѣжденій и вѣрованій, вообще всего содержанія душевной жизни. Само продолжительное отсутствіе въ сознаніи даннаго давно-прошедшаго состоянія тоже зависитъ отъ этого измѣненія условій, препятствовавшихъ постоянно его вызову, направляя дѣятельность въ другую сторону и не давая никакихъ поводовъ къ его возникновенію. Нелѣпо представлять, что душевная дѣятельность линяетъ и слабѣетъ отъ времени, какъ это обыкновенно дѣлается. Время само по себѣ ничего не значитъ и ничего не можетъ произвести, потому что оно не есть какая нибудь реальная сила или дѣятель, а форма нашего представленія смѣны явленій — и только. И во внѣшней природѣ не время само по себѣ ослабляетъ и измѣняетъ предметы, какъ иногда думаютъ и говорятъ, а реальныя силы и дѣятели, въ томъ или другомъ смыслѣ враждебныя и разрушительно дѣйствующія на предметъ. Приниманіе этого эффекта времени есть только modus dicendi, метафора, понимаемая только по недоразумѣнію въ буквальномъ смыслѣ. И душевная дѣятельность подавляется враждебными ей силами, связывается ими, и продолжительность времени, протекшаго съ момента яснаго существованія ея до трудности ея возникновенія — есть только показатель и символъ накопленія въ большомъ количествѣ антагонистовъ ея, препятствующихъ ея возникновенію или даже разрушающихъ условія для этого. Если хорошо организованная дѣятельность прошлая окончательно забывается и становится абсолютно неспособною къ возникновенію, то это всегда служитъ признакомъ ненормальнаго измѣненія самого дѣятеля, т. е. наступленіе органической тупости и разстройства мозга, препятствующихъ отчетливому образованію уже и всякой новой дѣятельности, и чѣмъ сильнѣе это разстройство, тѣмъ полнѣе и

шире оказывается область забываемаго. При этомъ, забвеніе всегда связано съ общимъ упадкомъ всей дѣятельности духовной. Существованіе природной неспособности къ образованію отчетливыхъ душевныхъ состояній, или тупости, и ея наступленія впослѣдствіи въ большомъ количествѣ случаевъ въ теченіе жизни есть фактъ, неподлежащій сомнѣнію. Но въ чемъ его сущность, наукѣ рѣшительно неизвѣстно. Можетъ ли быть тупою отъ природы или отупляться впослѣдствіи сама душа, или источникъ этого явленія находится исключительно въ ея органѣ — мозгѣ, тоже вопросъ въ настоящее время неразрѣшенный. Вѣроятнѣе послѣднее. По крайней мѣрѣ въ случаяхъ крайней тупости, извѣстной подъ именемъ идіотизма, кретинизма, точно констатировано аномальное состояніе мозга, его малость и недоразвитость нѣкоторыхъ его частей. Также извѣстно много случаевъ усиленія забвенія или ослабленія памяти подъ вліяніемъ придавленія мозга и ударовъ по головѣ, вслѣдствіе также разстройства кровообращенія и питанія мозга и т. п. При этомъ иногда исчезаютъ цѣлыя опредѣленныя группы образовъ, всего чаще забываются всѣ событія жизни, предшествовавшей поврежденію, забываются всѣ пріобрѣтенные образы. Наконецъ, извѣстно вліяніе на усиленіе забвенія и ослабленіе памяти нѣкоторыхъ чисто физическихъ дѣятелей. Такъ, частое, особенное неумѣренное отравленіе наркотическими веществами, начиная съ чая, кофе, табаку и кончая алкоголемъ и опіумомъ, несомнѣнно способствуютъ забвенію, можетъ быть, поставляя мозгъ, а съ нимъ и душу въ условія дѣятельности, слишкомъ отличныя отъ тѣхъ, при которыхъ формировались душевныя дѣятельности прежде, или—просто—разстраивая и ослабляя его функціи, дѣлая вообще неспособнымъ къ отчетливымъ образованіямъ. То же явленіе производятъ: чрезмѣрное напряженіе мускульной дѣятельности, чрезмѣрное напряженіе умственное, сильныя волненія, изнурительныя болѣзни, дышаніе дурнымъ воздухомъ, половыя излишества, излишество въ употребленіи пищи и т. п. Съ возстановленіемъ нормальной дѣятельности мозга обыкновенно возстановляется памятованіе, но

рѣдко вполнѣ, потому что рѣдко организмъ можетъ вполнѣ оправиться отъ поврежденія и придти въ прежнее состояніе.

Путемъ прямого наблюденія того, что постоянно или весьма часто воспроизводится изъ прежняго опыта у всѣхъ вообще людей, легко воспоминается,—также того, что у всѣхъ людей легче всего забывается, очевидно, можно опредѣлить содержаніе памяти въ обѣихъ ея формахъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ уяснить ея строеніе и организацію,—начертить, такъ сказать, общій типическій образъ воспоминаемаго и забываемаго.

Все воспроизводимое, т. е. вся совокупность живыхъ и подвижныхъ состояній, составляющихъ содержаніе памяти, весьма удобно сводится къ тремъ различнымъ формаціямъ и группамъ, въ общемъ одинаковымъ у всѣхъ людей, но представляющимъ безконечное разнообразіе по объему, характеру, качеству явленій, входящихъ въ ихъ составъ.

Первую группу, по времени своего образованія и по особой прочности своей, составляетъ постоянно, съ самаго ранняго дѣтства совершающіяся измѣненія души въ связи съ необходимыми движеніями, такъ называемыми, произвольными. Это: сложныя движенія глазъ при фиксированіи предмета, требующемъ сведенія зрительныхъ осей и пересѣченія въ пунктѣ нахожденія предмета видимаго, аккомодаціонныя движенія при приспособленіи глаза къ разстоянію и нѣкоторыя другія движенія глазъ; разнообразныя движенія головы, жевательныхъ органовъ; движенія голосовыхъ органовъ при произношеніи членораздѣльныхъ звуковъ и словъ; сложныя движенія рукъ при хватаніи и привлеченіи предметовъ, удаленіи ихъ и всѣ вообще всѣмъ людямъ свойственныя движенія этихъ членовъ; движенія ногъ при ходьбѣ, бѣгѣ, различныя движенія туловища при сохраненіи равновѣсія и т. п. Всѣ эти движенія кажутся какъ бы прирожденными, совершаются механически и какъ бы сами собою, безъ участія души. Но нѣтъ сомнѣнія, что они сформированы путемъ продолжительныхъ и весьма напряженныхъ усилій, при самомъ напряженномъ вниманіи, и суть явленія чисто душевныя, связанныя съ движеніями внѣш-

ними и въ нихъ перешедшія. Ихъ автоматичность въ настоящее время объясняютъ тѣмъ, что, подъ вліяніемъ усилій души, въ мозгѣ постепенно возникаютъ новые механизмы, какъ-бы создаются духомъ, конечно, при помощи предрасположенія самаго организма къ подобнаго рода новообразованіямъ. Къ этому же разряду должны быть отнесены сложныя движенія искусственныя, создаваемыя въ виду какихъ нибудь спеціальныхъ цѣлей, таковы: движенія при письмѣ, рисованіи, игрѣ на инструментахъ, въ танцахъ, стрѣльбѣ, манипуляціи при произведеніи разныхъ ремесленныхъ предметовъ и т. п. Постоянно повторяясь, движенія эти также и по той же, вѣроятно, причинѣ превращаются въ автоматическія, могущія совершаться и даже совершающіяся иногда съ большимъ совершенствомъ безъ непосредственнаго участія души и сознанія, при сосредоточеніи вниманія на другихъ дѣятельностяхъ. Въ той или другой формѣ, въ томъ или другомъ количествѣ они существуютъ у каждаго нормальнаго человѣка. Всѣ они, какъ и предыдущія, составляютъ ряды ассоціацій по смежности, превратившіяся въ органическія образованія—механизмы. Вся совокупность ихъ, сохраняемая и воспроизводимая душею, составляетъ цѣлый, особый отдѣлъ памяти, лежащій въ основѣ другихъ и называемый „памятью органическою“.

Вторую формацію составляютъ разнообразнѣйшія пріобрѣтенія и образованія въ сферѣ умственной, въ сферѣ чувства и навыка, въ области нравственной,—въ отношеніяхъ человѣка къ другимъ людямъ и самому себѣ. Таковы—отвлеченныя идеи, въ связи съ цѣлымъ органомъ родного языка и другихъ языковъ, заученныхъ впослѣдствіи, разнообразнѣйшія сочетанія идей по смежности и по сродству въ сужденіяхъ и умозаключеніяхъ, вообще, въ мышленіи; знанія, пріобрѣтенныя въ различныхъ областяхъ въ формѣ рядовъ положеній, выводовъ, формулъ и т. п.; пріобрѣтенные воспитаніемъ навыки, чувствованія, напр., стыдливость при извѣстныхъ условіяхъ, равнодушіе или отвращеніе при видѣ порока, благоговѣйное отношеніе къ предметамъ, признаваемымъ священными, наслажденіе картинами природы, произ-

веденіями искусства; пріобрѣтаемые воспитаніемъ навыки, сдержанность въ словахъ и дѣйствіяхъ, уваженія личности другихъ, воздержности и аккуратности и т. п. Всѣ эти состоянія и дѣятельности, очевидно, уже чисто духовнаго характера—въ то же время, разъ сформировавшись и организовавшись, дѣлаются способными совершаться какъ бы сами собою, автоматически, безъ прямого и постояннаго вмѣшательства души и сознанія, какъ и дѣятельности, составляющія содержаніе памяти органической. При этомъ онѣ, подобно послѣднимъ, тоже не вызываютъ, или рѣдко вызываютъ, воспоминаніе тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ возникли, не узнаются какъ прежде бывшія при опредѣленныхъ условіяхъ. Оттого ихъ обыкновенно не причисляютъ къ явленіямъ памяти. Но это незаконно.

Третью формацію живыхъ, подвижныхъ образованій душевныхъ, составляющихъ содержаніе памяти, образуютъ идеи фактовъ, событій разнаго рода, умственныхъ пріобрѣтеній, чувствованій, желаній и дѣйствій, изъ которыхъ слагается у человѣка представленіе своей собственной прошлой жизни и своей личности во всѣхъ ея главныхъ измѣненіяхъ, въ связи съ окружавшими обстоятельствами и опытомъ. Все это идеи конкретныхъ единичныхъ случаевъ, изъ коихъ многіе возникли въ жизни одинъ и единственный разъ или же повторялись нѣсколько разъ, но въ данный моментъ не повторяются, а иногда и не могутъ уже повториться. Возникая въ сознаніи по общимъ законамъ ассоціаціи идей, онѣ, по самому существу своему, какъ связанныя съ самосознаніемъ, вызываютъ обыкновенно идею собственной личности въ томъ положеніи и съ тѣмъ ея содержаніемъ и характеромъ, какой имѣла она при совершеніи воспроизведенныхъ теперь въ идеѣ фактовъ. Общая схема этого рода воспроизведеній всегда обыкновенно слѣдующая: я былъ въ такомъ-то положеніи, возрастѣ, въ такомъ-то настроеніи, на такой-то ступени умственнаго развитія и видѣлъ, слышалъ, читалъ, чувствовалъ, сдѣлалъ то-то, думалъ, мечталъ о томъ-то и т. д. Такимъ образомъ, каждое изъ сохраняемыхъ измѣненій сознанія описываемаго класса, при своемъ возникновеніи,

представляетъ очень сложный внутренній процессъ какъ-бы переживанія прошлаго въ идеальной формѣ. Центромъ его является всегда сложная идея своей собственной личности въ извѣстной болѣе или менѣе сложной обстановкѣ, воспроизводимой цѣликомъ, съ большими или меньшими подробностями, по смежности. Далѣе, воспроизведенное событіе, фактъ прошлой жизни въ формѣ рядовъ идей отождествляется съ реальными фактами, которымъ эти идеи соотвѣтствуютъ: они узнаются, какъ испытанныя нами въ опредѣленное время и при опредѣленныхъ условіяхъ. Наконецъ, они помѣщаются или локализируются въ опредѣленномъ пунктѣ жизни данной личности, сознаются какъ бывшія прежде и послѣ такихъ-то событій, представленія о которыхъ тоже сохраняются и воспроизводятся, хотя обыкновенно съ меньшею полнотою и совершенствомъ, являясь только средствомъ оріентированія въ цѣпи событій, составляющихъ жизненный опытъ личности и ея собственное содержаніе и составъ.

Изъ трехъ различныхъ группъ душевныхъ состояній, составляющихъ содержаніе памяти и описанныхъ нами въ общихъ чертахъ, высшею степенью прочности и подвижности, т. е. легкостью воспроизведенія, отличаются прочно организованныя по смежности явленія памяти органической. Затѣмъ слѣдуютъ состоянія второй группы, которыя теперь называются явленіями памяти автоматической. Самою низшею степенью прочности и подвижности обладаютъ явленія третьей группы, называемыя нынѣ „памятью психическою“ или „сознательною“, лучше и точнѣе—„самознательною“. Недостатокъ прочности ихъ обнаруживается особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ особенныхъ усилій организовать ихъ и привести въ порядокъ. Прямымъ и опытнымъ доказательствомъ такого обобщенія служатъ факты болѣзненнаго разстройства памяти подъ вліяніемъ причинъ физическаго характера,—факты, собранные въ недавнее время французскимъ психологомъ, Рибо, въ сочиненіи „Болѣзни памяти“. Въ этихъ случаяхъ всегда наблюдается одинъ, въ сущности, порядокъ ослабленія и даже полнаго разрушенія памяти. Больной начинаетъ забывать только что случившіяся съ

нимъ и съ другими, его окружающими, событія, только что высказанныя мысли, желанія и т. п.,—т. е. прежде всего аффицируются явленія памяти, связанныя съ сознаніемъ и отожествленіемъ. Обыкновенно это раздраженіе идетъ затѣмъ какъ бы назадъ—въ прошлую жизнь личности, ослабляя воспоминанія ближайшихъ періодовъ жизни ея и двигаясь все дальше и глубже къ воспоминаніямъ и впечатлѣніямъ молодости и даже дѣтства: послѣдними исчезаютъ самыя раннія воспоминанія, т. е. воспоминанія самаго ранняго періода жизни. При выздоровленіи и возвращеніи памяти наблюдается всегда обратный порядокъ, конечно, въ тѣхъ случаяхъ, когда выздоравливаніе совершается постепенно. Въ области памяти автоматической, обнимающей языкъ, интеллектуальныя пріобрѣтенія, знанія, навыки волненій и дѣйствій нравственнаго характера—разрушеніе и ослабленіе начинается обыкновенно забываніемъ собственныхъ именъ и чиселъ; затѣмъ наступаетъ разстройство рѣчи, обнаруживающееся въ ослабленіи способности быстро связно выражать свои мысли, въ трудности пріискивать нужные фразы и обороты; послѣ этого являются неправильности построенія не только періодовъ, но и отдѣльныхъ фразъ; потомъ забываются нѣкоторыя нарицательныя имена и иногда разрушается отвлеченное мышленіе, т. е. исчезаетъ вся система общихъ идей, или понятій, вмѣстѣ съ названіями, и человѣкъ разучивается говорить. Если человѣкъ зналъ какой либо языкъ, кромѣ роднаго, то забытіе его совершается еще ранѣе и быстрѣе. Въ области знанія разрушеніе начинается съ умѣнья считать, переходитъ на знанія историческія и т. д. Въ области волненій, при болѣзненномъ разстройствѣ, разрушается интересъ къ дѣламъ общественнымъ, способность сочувствія другимъ и симпатическія волненія; затѣмъ слѣдуетъ ослабленіе чувства стыда и всего позднѣе ослабляются и исчезаютъ волненія эгоистическія. Въ области навыковъ прежде всего исчезаютъ правила благоразумія, сдержанности, осмотрительности въ словахъ и дѣйствіяхъ; затѣмъ ослабляется или совсѣмъ исчезаетъ чувство долга. Позднѣе всего наступаетъ разрушеніе органической памяти

и начинается съ заученныхъ сложныхъ движеній, постепенно простираясь до разучиванія производить самыя простыя цѣлесообразныя движенія руками и прекращенія умѣнья даже ходить.

Въ представленномъ процессѣ болѣзненнаго ослабленія памяти не трудно сразу видѣть дѣйствіе двухъ началъ. Ослабленію и исчезновенію легче подвергаются: а) позднѣйшія пріобрѣтенія въ жизни личности: слѣдовательно, чѣмъ раньше по времени происхожденіе какого либо психическаго образованія, тѣмъ это образованіе прочнѣе и тверже. По этому принципу, прежде ослабляется или исчезаетъ воспоминаніе ближайшихъ событій и періодовъ жизни, а всего дольше сохраняется воспоминаніе самаго ранняго; знаніе роднаго языка сохраняется дольше, чѣмъ чужихъ, усвоенныхъ позднѣе, хотя бы человѣкъ владѣлъ ими въ совершенствѣ, какъ роднымъ; эгоистическія волненія прочнѣе, чѣмъ альтруистическія, навыки благоразумія исчезаютъ скорѣе, чѣмъ чувства долга и нравственнаго, основывающіяся на общемъ различеніи добра и зла; заученныя искусственныя движенія—въ танцахъ, игрѣ и т. п. ослабѣваютъ и исчезаютъ раньше, чѣмъ естественныя и необходимыя для жизни. b) Ослабленію и исчезанію подвергаются прежде и легче состоянія, связанныя по смежности и сродству съ меньшимъ количествомъ другихъ состояній и, слѣд., малосодержательныя по своему составу. По этому принципу легче забываются собственныя имена, чѣмъ нарицательныя, числа — прежде, чѣмъ другія, болѣе содержательныя понятія. Слѣдовательно, вообще, прочнѣе сохраняются состоянія высшей организаціи и сложности.

Этими наблюденіями и выводами установляются принципы или законы абсолютной прочности или крѣпости однихъ образованій душевныхъ и слабости другихъ и самыя общія условія—какъ упроченія, укрѣпленія въ душѣ однихъ состояній, такъ ихъ ослабленія и забыванія другихъ. Въ дѣйствительности, въ живомъ процессѣ памятованія и забыванія многія состоянія слабыя по своей природѣ отличаются большею живостью и прочностью, чѣмъ самыя прочныя и устойчивыя, и наоборотъ,—самыя прочныя и устойчивыя образованія являются какъ бы ослабленными и трудно вос-

производимыми. Къ первымъ, наприм., относятся недавнія состоянія, которыя въ нормальномъ видѣ живѣе и опредѣленнѣе давнихъ; ко вторымъ—воспоминанія ранней молодости, особенно дѣтства, со всею живостью возникающія въ нормальной жизни весьма рѣдко

Обращаясь теперь къ описанію забываемаго, съ большею или меньшею необходимостью, всѣми людьми, мы, прежде всего, отмѣтимъ тотъ фактъ, что забытіе составляетъ такой же постоянный процессъ душевный, какъ и памятованіе, встрѣчается въ каждый моментъ нашей сознательной жизни и въ каждомъ состояніи, и является совершенно необходимымъ въ строѣ, ходѣ и развитіи душевной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, если всякое наше состояніе заключается цѣликомъ или частью въ прежде бывшихъ состояніяхъ и есть всегда актъ памятованія; то оно есть въ то же время и актъ забвенія всего, что не *это*, именно, состояніе,—всего остального содержанія души. И если не будетъ этого моментальнаго забвенія, какъ предшествовавшихъ данному состоянію, такъ и всего содержанія души, это состояніе не можетъ быть сознано. Такимъ образомъ, всякое состояніе осуществляется и можетъ осуществиться при помощи забвенія. И чѣмъ полнѣе актъ забвенія, тѣмъ больше сосредоточивается душевная сила на данномъ состояніи, и тѣмъ оно отчетливѣе, полнѣе и совершеннѣе. При смѣнѣ одного живого, опредѣленнаго состоянія другимъ, первое, въ свою очередь, подвергается забвенію—или моментальному, или на долгое время, иногда на-всегда, выражаясь неточно. При вызовѣ послѣдующихъ состояній по законамъ ассоціаціи идей, особенно въ цѣлесообразныхъ, путемъ навыка образующихся, актахъ обдумыванія, изслѣдованія, дѣйствія,—является, такъ сказать, цѣлесообразное забвеніе, устраненіе всего чуждаго и препятствующаго данной дѣятельности и вызыву, именно, тѣхъ или другихъ прошлыхъ нашихъ опытовъ и душевныхъ измѣненій. Вся эта операція является не только воспоминаніемъ, но и забвеніемъ. Наконецъ, при воспоминаніи съ сравненіемъ—отождествленіемъ и локализаціею даннаго прошлаго состоянія или событія

въ цѣпи явленій, изъ коихъ слагается жизнь личности,—быстрый переходъ отъ даннаго момента жизни въ прошлое, иногда весьма отдаленное, осуществляется единственно подавленіемъ и забвеніемъ всѣхъ почти промежуточныхъ звеньевъ цѣпи и прямымъ переходомъ къ группѣ прошлыхъ опытовъ, составляющихъ обстановку воспоминаемаго состоянія или событія. Если бы намъ нужно было при всякомъ такомъ воспоминаніи и локализаціи воспроизводить въ сознаніи, двигаясь назадъ отъ настоящаго момента, всѣ звенья опыта, лежащія между нимъ и воспоминаніемъ,—воспоминанія личныхъ опытовъ и самая идея личности были бы совершенно невозможны. Этотъ видъ забвенія обыкновенно называется „потемнѣніемъ", „выходомъ изъ сознанія", „подавленіемъ" и т. п. образными названіями. Но употребленіе этихъ метафоръ безцѣльно и ничего не прибавляетъ къ нашему знанію процесса, который есть полное исчезаніе изъ сознанія или всего, или части содержанія души—въ данный моментъ, т. е. дѣйствительное забвеніе, и отличается отъ всѣхъ другихъ его видовъ только степенью, т. е. количественно, а не качественно.

Участвуя въ возникновеніи вообще всякой душевной сознательной дѣятельности, забвеніе участвуетъ и при первоначальномъ ихъ образованіи, особенно сложныхъ и постепенно образующихся операцій мысли и чувства, навыковъ и т. п. Когда какая-либо изъ подобныхъ дѣятельностей образуется и организуется окончательно, всѣ процессы и операціи, при помощи которыхъ она организуется, всѣ почти ея низшія формы, постепенно получившіяся во время ея формированія, забываются, исчезая какъ бы въ своемъ результатѣ и равнодѣйствующей и въ ней сохраняясь Около каждой сложной операціи, прочно организованной, предполагается масса какъ бы забытаго. И это вполнѣ необходимо, иначе всякій разъ, при возникновеніи данной операціи, пришлось бы безъ нужды повторять весь процессъ ея образованія, что сдѣлало бы невозможною организацію и быстроту душевной дѣятельности. То же самое нужно сказать относительно содержанія памяти сознательной. Здѣсь необходимо, такъ сказать, обязательно забы-

ваются мелкія событія, изъ которыхъ слагается ежедневная жизнь; въ противномъ случаѣ душа лишилась бы возможности не только воспроизводить всю свою прошлую жизнь въ существенномъ, но не въ состояніи была бы воспроизвести и одинъ день въ жизни.

Мы показали общіе факты забвенія, какъ необходимые и полезные въ строѣ и теченіи жизни душевной и самое забвеніе, какъ составную въ своемъ родѣ часть памятованія — воспроизведенія прошлаго. Но забвеніе является также и отрицаніемъ памятованія, и въ этомъ смыслѣ обнимаетъ собою совокупность фактовъ крайняго ослабленія и даже исчезанія, выпаденія многихъ составныхъ частей въ содержаніи памяти, — организованныхъ и подвижныхъ душевныхъ образованій. Такое ослабленіе или выпаденіе прошлаго опыта, независимо отъ болѣзненнаго разстройства, является уже недостаткомъ и слабостью, которая въ различныхъ степеняхъ и формахъ присуща всѣмъ людямъ. Нѣтъ человѣка, у котораго бы всѣ организованные прошлые опыты и состоянія душевныя сохраняли всегда живость и первоначальную полноту. Часть ихъ всегда является ослабленною или измѣненною путемъ выпаденія нѣкоторыхъ звеньевъ; другая часть оказывается вовсе исчезнувшею или, точнѣе, связанною. При этомъ въ послѣднемъ случаѣ иногда помнится самый фактъ существованія исчезнувшихъ опытовъ. Это безсодержательное памятованіе простого бытія нѣкоторой прошлой дѣятельности или состоянія — есть воспроизведеніе его мѣста въ какомъ нибудь рядѣ живыхъ воспроизведеній, чувство перерыва въ организованномъ рядѣ. Иногда же и этого не бываетъ, и состояніе прежде бывшее не является и не можетъ, при обыкновенныхъ условіяхъ, явиться въ сознаніи, какъ бы никогда въ немъ не бывши. Это обусловливается или исчезаніемъ цѣлой группы и ряда состояній, которыхъ данное состояніе составляло часть, или измѣненіемъ въ построеніи этой группы, установленіемъ другихъ связей, безъ участія выпавшей, такъ что и мѣсто ея оказывается какъ бы занятымъ.

Количество такихъ ослабленныхъ или исчезнувшихъ, а слѣдовательно и количество памятуемыхъ и легко воспроизводимыхъ

прошлыхъ опытовъ не одинаково у различныхъ людей, при равномъ, въ общихъ чертахъ, содержаніи опыта. У однихъ процентъ забытаго очень великъ, у другихъ онъ малъ. Въ первомъ случаѣ память называется „слабою", во второмъ „твердою", конечно, въ различныхъ степеняхъ. При этомъ, еще Аристотель замѣтилъ, что люди съ „твердою памятью" большею частью воспринимаютъ и организуютъ душевныя состоянія медленно, съ замѣтнымъ усиліемъ и даже трудомъ; наоборотъ, люди со „слабою памятью" производятъ это же, усвояютъ, какъ обыкновенно говорятъ, быстро и легко. Но также точно встрѣчаются, хотя и нечасто, люди, которые и усвояютъ быстро и сохраняютъ твердо — обладаютъ „быстрою" и „твердою памятью". И наоборотъ, встрѣчаются, хотя также нечасто, люди и медленно усвояющіе и слабо сохраняющіе усвоенное. Первые—обыкновенно люди выдающіеся, талантливые, послѣдніе—всегда ограниченные, или такъ называемые тупые люди. Это потому, что хорошая память, какъ выраженіе высшей организованности душевныхъ дѣятельностей, ихъ ясности и отчетливости есть не только признакъ, но и причина общаго повышенія всей внутренней жизни, и наоборотъ. Какъ талантливость и тупость, такъ и способность мало забывать и много помнить, и наоборотъ, много забывать и мало помнить,—имѣютъ своею основою природное расположеніе и непостижимое пока, какъ и всѣ другіе достоинства и недостатки душевные прирожденные,—ставятся въ зависимость отъ организаціи мозга и правильности его отправленія. Такъ, напримѣръ, ослабленіе усвоенія,—медленность памяти въ старости, выражающаяся въ забываніи сейчасъ воспринятаго, ставятъ въ связь съ затвердѣніемъ мозга, что фактически доказывается тѣмъ, что мозгъ старика имѣетъ меньшій удѣльный вѣсъ, чѣмъ—молодого человѣка. Подобную же слабость памяти въ раннемъ дѣтствѣ ставятъ въ связь своего рода рыхлостью мозговой субстанціи и ея чрезмѣрною подвижностію. Отсюда заключаютъ, что у людей съ природною слабою памятью мозгъ страдаетъ которымъ нибудь изъ этихъ недостатковъ; объясняютъ также присутствіемъ какихъ либо аномалій въ устройствѣ и функціи мозга.

Кромѣ степеней силы памяти, различаютъ еще объемъ ея. Объемъ этотъ, конечно, зависитъ отъ широты опыта и развитія данной личности, но зависитъ также отъ природнаго расположенія и стоитъ въ связи съ степенями силы памяти. Относительно объема памяти, зависящаго отъ широты опыта и развитія, сдѣланы попытки измѣренія, результаты которыхъ приведены у Вундта; сравненіе безпамятныхъ людей съ обладающими средней или феноменальной памятью—еще не сдѣлано.—Наконецъ, количество забываемаго измѣняется у каждаго человѣка, иногда даже въ теченіе дня, подъ вліяніемъ физическаго расположенія и душевныхъ настроеній. Подавленное состояніе духа почему либо притупляетъ память, веселое — увеличиваетъ количество и легкость воспоминанія и воспроизведенія.

Память, отъ природы находящаяся на среднемъ уровнѣ или выше его, требуетъ физической поддержки и можетъ быть сохраняема и даже усиливаема или ослабляема правильною или неправильною жизнью, что, опять, констатируетъ какую то зависимость ея отъ физическихъ свойствъ организма. У людей воздержныхъ, не подвергающихъ себя чрезмѣрному утомленію, особенно мозговому, общее количество добываемаго не измѣняется до глубокой старости. (Наоборотъ...) Слабая отъ природы память не можетъ быть усилена никакими физическими средствами, хотя можетъ быть ослаблена еще больше. Но во всякомъ случаѣ память можетъ быть развиваема и укрѣпляема психическими средствами и при отсутствіи ихъ употребленія—слабѣть и разстраиваться —путемъ постепеннаго увеличенія забываемаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Сложныя—высшія дѣятельности души.

Три области высшихъ душевныхъ дѣятельностей; связь ихъ съ элементарными состояніями и процессами. Органическій характеръ связи между всѣми явленіями душевной жизни. Аналогія „душевнаго организма“ съ тѣлеснымъ.—Основанія начать изслѣдованіе высшихъ дѣятельностей души—съ явленій „ума“.

Въ основѣ всего содержанія и развитія душевной жизни, а слѣдовательно и самой души, какъ въ основѣ всякаго сложнаго явленія, лежитъ, мы видѣли, нѣкоторое количество простыхъ, элементарныхъ, далѣе неразложимыхъ факторовъ и простыхъ, элементарныхъ, ни на что болѣе простое несводимыхъ дѣятельностей или соотношеній между ними. Изъ нихъ и чрезъ нихъ, затѣмъ, въ силу изначала и по природѣ присущихъ душѣ предрасположеній и способностей, образуются цѣлыя области сложныхъ явленій и дѣятельностей ея, въ которыхъ выражается и осуществляется ея бытіе, всегда по одному, въ сущности, основному типу и плану. Простѣйшіе, элементарные факторы психическаго суть—ощущенія, волненія, стремленія, ихъ идеи; простѣйшія дѣятельности— сознаніе-различеніе, ассоціированіе, воспроизведеніе, вниманіе и память. Сложныя явленія, изъ нихъ образующіяся и слагающіяся въ обширныя области—стороны душевной жизни—суть, какъ намъ извѣстно: I, явленія познавательной или умствен-

ной дѣятельности—*умъ*, интеллектъ; II, явленія непосредственной оцѣнки всего познаваемаго и испытываемаго душею, въ формѣ волненій,—жизнь сердечная,—*сердце;* III, явленія перенесенія силы внутренней на внѣшнее—дѣйствія, или *воля*, какъ совокупность стремленій и разнаго рода дѣйствій [1]).

Явленія эти, возникая постепенно, развиваясь въ той или другой мѣрѣ въ теченіе всей жизни человѣка, связаны между собою органически, т. е. предполагаютъ и обусловливаютъ другъ друга, одно безъ другого существовать не могутъ, хотя каждое имѣетъ свою долю самостоятельности и независимости. Своею органическою совокупностью они и составляютъ то, что можно назвать и что, дѣйствительно, часто называется „душевнымъ организмомъ". Во всемъ этомъ душа представляетъ и должна, по самому существу дѣла, представлять аналогію съ организмомъ тѣлеснымъ, его жизнію и развитіемъ. И здѣсь въ основѣ лежатъ, какъ признаетъ современная біологія, простые факторы—микроскопическіе живые комки—протоплазмы, клѣточки, способныя къ внутреннимъ измѣненіямъ. Клѣточки эти обладаютъ, разъ образовавшись, своего рода устойчивостью—самосохраненіемъ, и постоянно возрождаются въ томъ же видѣ, хотя изъ новаго вещества. Онѣ, затѣмъ, сочетаются между собою по сродству, образуя однородныя ткани, и по смежности, располагаясь въ этихъ тканяхъ въ извѣстномъ порядкѣ. Онѣ лишены только сознанія и саморазличенія, составляющаго специфическую особенность „душевнаго". Изъ клѣточекъ съ ихъ основными постоянными свойствами, путемъ элементарныхъ процессовъ ихъ внутренняго роста, окисленія, сочетаній и т. п., постепенно образуются обширныя и сложныя, взаимно связанныя, ткани—мускульная, нервная и др., и обширные слож-

---

[1]) Эти сложные процессы и области душевные существуютъ и у животныхъ, по крайней мѣрѣ, высшихъ, но всегда находятся въ недоразвитой формѣ, приближаясь къ простымъ элементарнымъ процессамъ—ощущенія, представленія, воспроизведенія и ассоціаціи, сознанія, они, при этомъ, сливаются и перепутываются между собою, никогда не обособляясь съ опредѣленностью, какъ у человѣка. Только у человѣка они достигаютъ полнаго развитія и только здѣсь доступны наблюденію и изслѣдованію.

ные процессы—дыханія, кровообращенія, уподобленія, раздраженія,—получается, такимъ образомъ, цѣлый живой организмъ. Эти сложные системы и процессы относятся къ основнымъ факторамъ и процессамъ такъ же, какъ сложные системы и процессы ума, сердца и воли къ ихъ основамъ. И какъ первые представляютъ своего рода механизмы, имѣющіе опредѣленную функцію въ цѣломъ строѣ и жизни организма и достигающіе опредѣленныхъ цѣлей,—такъ и послѣдніе, сложные процессы—ума, сердца и воли суть психическіе механизмы съ опредѣленнымъ значеніемъ и опредѣленными цѣлями.

Мы обозрѣли въ предыдущемъ и охарактеризовали, по возможности, основы, основныя дѣятельности душевныя. Теперь предъ нами задача—главная и существенная задача психологіи субъективной—показать, какъ изъ всего этого возникаютъ, организуются и выростаютъ великія области душевной жизни,—умъ, сердце и воля? Начнемъ съ явленій ума, или умственной жизни. Съ нихъ обыкновенно начинается изслѣдованіе сложныхъ душевныхъ дѣятельностей. Это потому, во-первыхъ, что явленія умственныя всего ближе стоятъ къ самымъ первымъ обнаруженіямъ душевной жизни—ощущеніямъ и особенно ихъ идеямъ; во-вторыхъ,—потому, что въ этихъ явленіяхъ достигаютъ полнаго развитія и опредѣленности основные процессы, особенно сознаніе, какъ отожествленіе и различеніе или сравненіе, такъ что самый умственный процессъ иногда разсматривается, какъ сознаніе различія и сходства въ области реальныхъ отношеній. Съ этой точки зрѣнія, умственная дѣятельность въ самыхъ совершенныхъ своихъ формахъ является прямымъ продолженіемъ ощущенія, образованія идей, сознанія, ассоціаціи, воспроизведенія, вниманія и удержанія, представляя лучшее приложеніе и какъ-бы истолкованіе ихъ. Переходъ отъ нихъ къ умственной дѣятельности, потому, естественнѣе и удобнѣе, чѣмъ къ другимъ. Начать изслѣдованіе съ явленій умственныхъ необходимо, наконецъ, потому, что сложныя

формы чувствованій и воли стоятъ въ прямой зависимости отъ существованія и развитія до извѣстной степени умственныхъ операцій, и безъ знанія ихъ совершенно непонятны. И хотя сама умственная дѣятельность тоже включаетъ въ себя, какъ необходимыя свои составныя части, элементы волненія—сердечныя и элементы дѣйствія—воли, но зависитъ отъ нихъ въ меньшей степени, чѣмъ они отъ нея. Къ этому нужно прибавить еще и тотъ несомнѣнный фактъ, что умственная дѣятельность, давая человѣку знаніе окружающаго и себя самого, служитъ главнымъ источникомъ могущества и превосходства человѣка надъ всѣмъ окружающимъ, составляетъ основную силу въ его развитіи и совершенствованіи, которое возрастаетъ пропорціонально росту и совершенству знанія. Въ силу этого она является центральною, основною въ высшемъ строѣ душевной жизни человѣка, всѣмъ управляющею, гегемоническою стороною его существа Всѣ попытки лишить умственную дѣятельность такого значенія оказываются несостоятельными.

I.

Умъ.

Явленія познавательной дѣятельности.

Несостоятельность представленія ума, какъ особаго агента, и—дѣленія его на „разумъ“ и „разсудокъ“. Умъ—совокупность дѣятельностей сложнаго познавательнаго процесса. Опредѣленіе состава его путемъ наблюденія надъ мыслительными дѣятельностями и формами, въ порядкѣ возникновенія и развитія ихъ, преимущественно у дѣтей. Общая организація умственныхъ дѣятельностей и ихъ отправленія у всѣхъ людей. Типы ума. Основное условіе образованія и развитія ума. Планъ и задача изслѣдованія ума.

Древніе и средневѣковые психологи „умъ“ (νοῦς, intellectus) представляли въ видѣ особой части души, особаго агента, простой силы, присущей душѣ по ея природѣ, силы мыслящей и создающей знаніе. Источникомъ этого знанія они признавали отчасти внѣшній опытъ въ ощущеніи, но главнымъ образомъ собственную дѣятельность ума и его собственное, данное прежде всякаго опыта, содержаніе. Разсматриваемый въ своей дѣятельности, развиваемой имъ изъ себя, независимо отъ опыта, онъ назывался „разумомъ“; разсматриваемый въ своей дѣятельности, обусловливаемой опытомъ внѣшнимъ и внутреннимъ, онъ назывался „разсудкомъ“. Самая дѣятельность ума перваго рода, представлявшаяся развивающеюся изъ себя, называлась „интуитивнымъ мышленіемъ“—„созерцаніемъ“, второго—„дискурсивнымъ“—„разсужденіемъ“. Затѣмъ все изслѣдованіе умственной дѣятельности сводилось къ разсужденіямъ и выводамъ въ родѣ слѣдующихъ: умъ—разумъ созерцаетъ вещи

въ ихъ существѣ, приводитъ все къ высшему единству при помощи изначала прирожденныхъ формъ и принциповъ: умъ—разсудокъ судитъ, умозаключаетъ, обобщаетъ, анализируетъ и т. п. Это представленіе объ умѣ и умственной дѣятельности въ цѣломъ и отчасти въ подробностяхъ, при помощи употребленія названій и школьнаго ихъ толкованія, глубоко вкоренилось въ общее сознаніе и можетъ быть названо доселѣ господствующимъ. Въ самыхъ научныхъ изслѣдованіяхъ оно еще не оставляется, и если устраняется, то не вполнѣ и окончательно и большею частью только на словахъ. Но оно совершенно не научно. Конечно, явленія умственной дѣятельности самымъ своимъ существованіемъ предполагаютъ въ душѣ возможность въ ней своего возникновенія, или способность къ ихъ образованію, своего рода покоющуюся силу, какъ всякое тѣло, напримѣръ, имѣетъ свою способность движенія при извѣстныхъ условіяхъ, а тѣло электрическое—обнаруживать электрическія явленія, или электричество, какъ силу и т. п. Возможность эта, коренящаяся въ самой природѣ души человѣческой, остается, представимъ-ли мы душу въ связи съ тѣломъ, или внѣ этой связи—въ другихъ совершенно условіяхъ. Но если вы попытаетесь вообразить движеніе внѣ его проявленій, внѣ двигающихся тѣлъ, или электричество внѣ и прежде его обнаруженія, то это окажется невозможнымъ, потому что терминъ „способность“ есть символическое понятіе отсутствія нѣкотораго явленія или рода явленій, понятіе, соединяемое съ сознаніемъ, что, при извѣстныхъ условіяхъ, явленія эти непремѣнно возникнутъ. Также точно нельзя себѣ представить и умъ, какъ просто способность, независимо и прежде его обнаруженія въ явленіяхъ, отвлеченнымъ выраженіемъ которыхъ онъ служитъ. Это значитъ почти то же, что представить умъ существующимъ и несуществующимъ въ одно и то же время. Говорить о такомъ невообразимомъ и немыслимомъ, въ сущности, предметѣ, по меньшей мѣрѣ, безполезно.

Терминъ „умъ“ (интеллектъ), прежде всего, есть отвлеченное названіе, или общее понятіе нѣкоторой совокупности явленій,

или дѣятельностей душевныхъ, данныхъ въ опытѣ и наблюденіи, отличающихся чѣмъ-то какъ отъ элементарныхъ состояній и элементарныхъ процессовъ, такъ и отъ сложныхъ явленій сердца и воли. Основою этихъ, какъ и всѣхъ другихъ душевныхъ дѣятельностей, служитъ вся душа, цѣликомъ, а не какая-то часть ея. Во всякомъ явленіи ума, или умственномъ, она дѣйствуетъ вся, какъ единая живая сила. Тоже и во всей ихъ совокупности, какъ и во всякаго рода другихъ дѣятельностяхъ, какъ бы мы ихъ ни называли.—Какія же явленія обнимаются понятіемъ ума и даютъ начало этому отвлеченію, составляя его объемъ?

При самомъ общемъ обзорѣ этихъ дѣятельностей, или этой группы явленій, при простомъ толкованіи словъ „умъ“ и „умственная дѣятельность“, становится очевиднымъ, что дѣятельность эта состоитъ собственно изъ нѣсколькихъ видовъ, или формъ, душевныхъ состояній, въ родѣ представленій, понятій, сужденій, выводовъ и т. п., что каждая изъ этихъ формъ имѣетъ свою особенную организацію, и что всѣ онѣ связаны между собою, обусловливаютъ другъ друга и входятъ одна въ другую. Разсматриваемыя въ цѣломъ, въ тѣсной взаимной связи, онѣ являются однимъ сложнымъ процессомъ, опять особеннымъ образомъ организованнымъ и имѣющимъ опредѣленную функцію въ душевной жизни, своего рода цѣль, которая имъ осуществляется и достигается. Мало того, взятыя въ своей совокупности и взаимнодѣйствіи, также въ своемъ направленіи къ опредѣленной цѣли, онѣ представляютъ своего рода сложный психическій механизмъ, организующійся и формирующійся по одному общему плану и типу у всѣхъ людей. Его всякому извѣстная цѣль есть повтореніе, отраженіе или воспроизведеніе въ идеальной формѣ предметовъ и явленій міра внѣшняго и внутренняго, воспроизведеніе реальнаго бытія или дѣйствительности. Такое идеальное воспроизведеніе реальнаго называется „знаніемъ“, или „познаніемъ“, „познавательною дѣятельностію“, „процессомъ познанія“ и т. п. Съ этой точки зрѣнія, умъ является совокупностью опредѣленнаго характера дѣятельностей душевныхъ, образующихъ одинъ процессъ, приспособленный къ идеальному

отраженію дѣйствительности, или познанію, иначе—совокупность дѣятельностей познавательныхъ и, вообще, явленій знанія. Представляемый такимъ образомъ—какъ особый сложный и цѣлесообразно дѣйствующій механизмъ психическій, умъ, очевидно, можно называть силою, агентомъ, или дѣятелемъ, но не въ схоластическомъ смыслѣ возможности или потенціи, существующей до явленій и ихъ производящей, а въ смыслѣ силы реальной, состоящей изъ этихъ явленій, производящей извѣстную работу не только въ душѣ, но и во внѣшнемъ мірѣ, перестраивая его соотвѣтственно знанію, т. е. производящей въ извѣстномъ отношеніи работу даже физическую. Въ этомъ смыслѣ его можно оцѣнивать какъ силу, измѣрять его объемъ, напряженіе, степени совершенства его операцій и т. п. При такомъ взглядѣ на умъ, какъ сложный процессъ, вполнѣ реальный и цѣликомъ данный въ опытѣ и наблюденіи,—задача науки по отношенію къ нему сводится не къ безплодному исканію того, гдѣ и какъ пребываетъ въ душѣ „потенція“ мысли и знанія, въ какой формѣ осуществляется это пребываніе, а къ простому выдѣленію различныхъ составныхъ частей душевнаго процесса, признаваемаго умственнымъ, подробному ихъ анализу, опредѣленію ихъ состава, организаціи, законовъ образованія, взаимныхъ отношеній и значенія въ цѣломъ процессѣ.

Итакъ, умственная дѣятельность человѣка, или, точнѣе, души человѣческой, иначе — умъ, интеллектъ, представляетъ собою, какъ предметъ прямого наблюденія и изслѣдованія, совокупность особаго рода состояній, организованныхъ и тѣсно связанныхъ между собою въ одинъ процессъ, направленный къ отраженію въ идеальныхъ формахъ реальнаго, или дѣйствительности, или, что то же, къ знанію. Очевидно, прежде чѣмъ начать психологическое изслѣдованіе этого процесса, нужно знать дѣйствительный его составъ, тѣ отдѣльныя состоянія, изъ коихъ онъ всегда слагается, въ общемъ, по крайней мѣрѣ, описаніи ихъ.

Изъ представленнаго сейчасъ общаго опредѣленія или, вѣрнѣе, описанія умственнаго процесса нельзя видѣть его состава въ подробностяхъ, невозможно также опредѣлить его и путемъ

анализа этого описанія: во всякомъ случаѣ, подобное опредѣленіе было бы искусственнымъ и произвольнымъ. Необходимо здѣсь прямое наблюденіе надъ возникновеніемъ явленій отраженія или отображенія дѣйствительности въ душѣ и—всего лучше—въ душѣ дитяти, такъ какъ здѣсь можно видѣть каждое изъ основныхъ умственныхъ состояній отдѣльно отъ другихъ, болѣе или менѣе изолированнымъ.

Отраженіе въ душѣ объективно-внѣшней дѣйствительности, конечно, начинается въ чисто-субъективныхъ состояніяхъ ощущенія, идей — простыхъ и сложныхъ — и ихъ соотношеній, и корни, послѣднія основы умственной дѣятельности, какъ и другихъ сложныхъ дѣятельностей души, находятся, какъ и требуется всею, излагаемою нами, теоріею развитія душевной жизни, въ этихъ элементарныхъ измѣненіяхъ сознанія. Но эти измѣненія въ самомъ началѣ душевной жизни, возникающей несомнѣнно до рожденія на свѣтъ, не относятся собственно ни къ чему сколько-нибудь опредѣленному, не сознаются какъ соотвѣтствующія какимъ-нибудь предметамъ, ихъ качествамъ, отношеніямъ и т. п.: они просто только сознаются, различаясь между собою, входя между собою въ связи и соотношенія. Дитя, потому, совершенно безучастно къ внѣшнему и, имѣя зрительныя ощущенія и идеи, имѣя ощущенія и идеи слуховыя, осязательныя и проч., не видитъ ничего опредѣленнаго, не слышитъ, не осязаетъ, или, какъ выражаются на техническомъ языкѣ науки, не воспринимаетъ, не перципируетъ данныя ему въ этихъ ощущеніяхъ и идеяхъ реальныя измѣненія и предметы внѣшніе. У него нѣтъ и еще быть не можетъ мысли, что образы, въ немъ возникающіе, суть образы внѣ его находящихся предметовъ или сами эти предметы. Но мало-по-малу каждое впечатлѣніе и идея, ему соотвѣтствующая, въ установившейся уже болѣе или менѣе связи съ другими подобными и смежными, начинаетъ какъ-бы выноситься во внѣ и сознаваться какъ опредѣленный какой-нибудь внѣшній предметъ или явленіе, и, слѣд., восприниматься, перципироваться душею. Внѣшнимъ знакомъ этого внутренняго измѣненія у дитяти для окружающихъ служитъ осо-

бенно явленіе фиксаціи предмета какого-либо, лежащаго въ зрительномъ полѣ дитяти, сведенія на немъ зрительныхъ горизонтальныхъ осей, затѣмъ движенія глазъ, а потомъ головы по направленію звука, возникновеніе способности держать предметы въ рукѣ, хотя бы самое короткое время и т. п. Всѣ эти движенія показываютъ, что дитя не только сознаетъ свои впечатлѣнія и идеи, но и ставитъ ихъ передъ собою какъ опредѣленные предметы, или, выражаясь неточно, примѣнительно къ обычному словоупотребленію, ставитъ предъ собою предметы, иначе—представляетъ ихъ, хотя еще и не отдѣляетъ себя отъ нихъ. Это воспріятіе, или перцепція, и неразрывно съ нею связанное представленіе, особое для каждаго предмета, неотдѣлимое отъ него, съ нимъ сросшееся, или конкретное, является уже со всѣми признаками процесса отраженія, повторенія въ душѣ дѣйствительности въ формѣ идеальной, потому что эта дѣйствительность дана въ сознаніи, чего нѣтъ въ простомъ ощущеніи. Такимъ образомъ, первый умственный актъ въ собственномъ смыслѣ, актъ, очевидно, очень сложный и по своему составу и по условіямъ своего происхожденія, есть перцепція—воспріятіе и представленіе внѣшняго. Актъ этотъ несомнѣнно осуществляется сначала въ самой несовершенной формѣ и только постепенно развивается въ тѣсной связи съ другими, подъ вліяніемъ постояннаго опыта и упражненія.

Вслѣдъ за образованіемъ перцепціи и представленія, у дитяти обнаруживаются внѣшніе признаки новой операціи, которая возникаетъ, конечно, ранѣе и можетъ быть одновременно съ первою. Дитя начинаетъ не только фиксировать, но *узнавать* часто воспринимаемые, обыкновенно, прежде всего, опять, въ области зрѣнія, предметы (кормилицу, няню, мать и т. д.). Внѣшнимъ признакомъ этого служитъ улыбка, вообще выраженіе удовольствія при воспріятіи знакомаго и привычнаго предмета. А намъ извѣстно уже, что *узнаваніе* есть не что иное, какъ отождествленіе настоящаго опыта - представленія съ прошлымъ такимъ же. Съ явленіемъ узнаванія, такимъ образомъ, у дитяти возникаетъ, очевидно, дѣятельность отождествленія выдѣлившихся въ сознаніи, воспри-

нимаемыхъ и представляемыхъ предметовъ. Отождествленіе это сначала производится при помощи самыхъ общихъ, потому, всего чаще встрѣчающихся въ предметахъ одного рода, чертъ, или признаковъ, и потому само собою превращается въ обобщеніе Обобщеніе это самое широкое, потому что дитя, научившись узнавать мать или няню, видитъ ихъ во всякой женщинѣ, заявляя удовольствіе при видѣ каждой изъ нихъ; научившись узнавать отца и слово „папа", произнесенное другими, долго сначала видитъ отца въ каждомъ мужчинѣ, имѣющемъ сходство въ самыхъ общихъ чертахъ съ отцомъ. Такимъ образомъ, обобщеніе дитяти сначала отличается довольно рѣзко отъ общей идеи, являющейся позднѣе,—тѣмъ, что въ этой послѣдней отождествляемые сходные предметы различаются между собою и составляютъ объединенную сходствомъ или сходными чертами группу. Обобщеніе дитяти, потому, можно назвать „общимъ представленіемъ", но распространять это названіе на всѣ общія идеи у человѣка, на такъ называемыя „понятія", какъ дѣлаютъ многіе психологи, нельзя: общія представленія, какъ и представленія (частныя) конкретныя, существуютъ и у животныхъ, но понятій у нихъ нѣтъ и быть не можетъ. Общія представленія быстро затѣмъ переходятъ въ общія идеи въ собственномъ смыслѣ, въ идеи группъ сходныхъ предметовъ, въ понятія, связанныя съ общими названіями; они возникаютъ очень быстро и, съ усвоеніемъ языка, получаютъ видъ системы, одинаковой въ общихъ чертахъ у всѣхъ людей. Понятіе несомнѣнно тоже есть отраженіе дѣйствительности, и актъ несомнѣнно умственный, еще болѣе сложный, чѣмъ представленіе, и развивающійся изъ представленій, какъ изъ своего матеріала. Только въ немъ отражаются уже не отдѣльные предметы и явленія — единичные, а классы и группы ихъ, и дается сознаніе присутствія въ мірѣ единства среди разнообразія и—постоянства, неизмѣнности—среди перемѣнъ. Явившись разъ, понятія затѣмъ растутъ и развиваются, постоянно измѣняясь въ своемъ содержаніи и качествахъ; но основной типъ ихъ строенія, схема, по которой образуется каждое изъ нихъ и вся система остаются не-

измѣнными и представляютъ устойчивую форму, въ которую укладываются всѣ результаты умственной дѣятельности,—всѣ знанія человѣка.

Фактъ возникновенія общихъ идей, или понятій, какъ объединенія сходныхъ или тождественныхъ въ какомъ либо отношеніи предметовъ, въ то же время разнящихся между собою, уже самъ собою предполагаетъ, рядомъ съ отождествленіемъ, или процессомъ отождествленія, дающаго начало понятіямъ, существованіе дѣятельности различающей, акта различенія, направляемаго къ представленіямъ и предметамъ и тѣмъ отличающагося отъ различенія, изъ котораго образуется или при помощи котораго возникаетъ сознаніе простое, направленное на самыя состоянія душевныя безъ всякаго отношенія ихъ къ чему-либо. Различеніе опять возникаетъ въ смутныхъ, неопредѣленныхъ формахъ уже въ связи съ перцепціею и отождествленіемъ, но обособляется и выдѣляется съ опредѣленностію позднѣе не только представленія, но и понятій. У дитяти оно обнаруживается различеніемъ матери и близкихъ людей отъ всѣхъ другихъ и особенно страхомъ передъ всѣмъ новымъ и непривычнымъ. Чувство нѣкоторой непріятности и страха сопровождаетъ дѣятельность различенія и впослѣдствіи у человѣка, и это служитъ однимъ изъ сильныхъ препятствій къ развитію и росту знанія особенно на низшихъ ступеняхъ культуры. Разъ явившись, различеніе скоро превращается въ такъ называемый анализъ - разложеніе всего сложнаго, раздѣленіе слитаго и объединеннаго и, между прочимъ, понятій. Являясь въ тѣсной связи съ отождествленіемъ и возникающею изъ него умственною формою—понятіемъ, актъ различенія обособляется тоже въ устойчивую однообразно въ своихъ различныхъ видоизмѣненіяхъ устроенную форму умственную, которая состоитъ всегда изъ пары идей или пары объединенныхъ какихъ-либо между собою группъ идей—субъекта и предиката—и называется обыкновенно сужденіемъ, въ связи съ словомъ—предложеніемъ. Сужденіе несомнѣнно есть также актъ отраженія, повторенія и воспроизведенія въ идеальной формѣ дѣйствительности и, слѣдовательно,—

умственный; но въ немъ открывается нѣчто другое, чѣмъ въ представленіи и понятіи, именно — главнымъ образомъ взаимнодѣйствіе и связь всѣхъ предметовъ и явленій въ мірѣ. Форма эта сложнѣе двухъ предыдущихъ и возникаетъ изъ нихъ, особенно изъ понятія, какъ своего матеріала; она въ то же время должна быть признана средоточною формою умственною и главнымъ носителемъ знанія. Какъ бы то ни было, все содержаніе ума, все знаніе разлагается ближайшимъ образомъ на ряды или, какъ выразился Милль, груды сужденій—предложеній.

Слѣдя далѣе за развитіемъ ума, или умственной дѣятельности, мы встрѣчаемся съ новымъ фактомъ, или явленіемъ, тѣсно связаннымъ съ перечисленными и описанными, извѣстнымъ подъ именемъ умозаключенія, или вывода и доказательства, доказыванія. Все это различныя названія одной и той же, въ сущности, операціи, которая состоитъ въ опредѣленіи, по извѣстнымъ и даннымъ въ сужденіи отношеніямъ предметовъ и явленій между собою и къ намъ, непзвѣстныхъ, неданныхъ прямо и непосредственно отношеній и фактовъ,—словомъ, въ опредѣленіи по извѣстному неизвѣстнаго, или предсказаніи, предвѣдѣніи, видѣніи умомъ. Операція умозаключенія въ неопредѣленной, общей формѣ зарождается очень рано, въ тѣсной связи съ представленіемъ, понятіемъ и сужденіемъ, обусловливая ихъ до извѣстной степени; но, опять дифференцируется и обособляется въ опредѣленную, одинаковаго строенія въ своихъ различныхъ видахъ у всѣхъ людей, на всѣхъ ступеняхъ развитія, форму познанія. Внѣшнимъ признакомъ начинающагося обособленія ея у дитяти являются дѣйствія, изъ которыхъ очевидно, что за однимъ предметомъ, такъ или иначе воспринятымъ, дитя ожидаетъ другого, который связанъ былъ съ первымъ въ прошломъ опытѣ; съ сознаніемъ одного свойства предмета или явленія, даннаго въ воспріятіи, у него является ожиданіе и увѣренность существованія какого-либо другого, опять связаннаго съ первымъ. Обжегшись огнемъ, дитя воздерживается не только отъ прикосновенія къ огню, но иногда и къ другимъ блестящимъ предметамъ, и т. п. Это такъ называемое заключеніе

отъ частнаго къ частному. Съ образованіемъ общихъ идей и сужденій возникаетъ сознаніе необходимости, конечно, сначала весьма неточное и ошибочное, признавать то, что постоянно повторяется, — всюду и всегда существующимъ въ этой именно формѣ. Это такъ называемое индуктивное умозаключеніе, или индукція. Затѣмъ возникаетъ сознаніе необходимости слѣдованія изъ общаго сужденія частныхъ, изъ которыхъ оно составлено, или умозаключеніе дедуктивное. Моментъ возникновенія съ нѣкоторою опредѣленностію этой послѣдней операціи обнаруживается у дѣтей съ отчетливостію, иногда ставящею взрослыхъ въ неловкое положеніе, въ неожиданныхъ, непривычныхъ для взрослыхъ, выводахъ, прямо слѣдующихъ изъ данныхъ посылокъ. Талантливое дитя обыкновенно какъ-бы забавляется вновь оразовавшеюся у него дѣятельностію и ставитъ множество вопросовъ взрослымъ относительно всѣхъ возможныхъ слѣдствій изъ посылокъ общихъ, такъ или иначе имъ добытыхъ. Въ этой забавѣ самая операція все болѣе и болѣе опредѣляется и мало-по-малу, какъ и другія, становится привычною и незамѣчаемою. Процессъ умозаключенія есть, также какъ и всѣ ему предшествующія (формы), форма отраженія объективнаго реальнаго, форма, притомъ, высшей сложности, чѣмъ всѣ онѣ, и строящаяся изъ нихъ, ближайшимъ же образомъ изъ сужденій: въ ней отражается, въ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ своихъ, фактъ взаимной зависимости всего сущаго, — отношеніе между отношеніями. Участіе этого процесса въ умственной дѣятельности постоянное, и, съ этой точки зрѣнія, она является постоянно рядами умозаключеній и выводовъ, постояннымъ предвѣдѣніемъ и созерцаніемъ того, что не дано въ данный моментъ. Ея особенное значеніе въ умственной жизни человѣка опредѣляется тѣмъ, что черезъ нее область воспринимаемаго, или, точнѣе, представляемаго расширяется до необъятныхъ размѣровъ всей вселенной, и, такимъ образомъ, человѣку открываются такіе факты и отношенія, какіе не даны и не могутъ быть даны въ прямомъ воспріятіи.

Вслѣдъ за организаціею операціи умозаключенія - вывода, и въ тѣсной связи съ нею, какъ ея дальнѣйшее развитіе и видо-

измѣненіе, въ извѣстный, различный для различныхъ субъектовъ моментъ возникаетъ еще явленіе (и направленіе) умственной дѣятельности—сознаніе и исканіе причины всякаго факта, даннаго въ опытѣ, всякаго предмета и явленія, — стремленіе, какъ говорятъ, все объяснить. Такъ какъ идея причины является всегда у человѣка въ двухъ главныхъ формахъ, какъ идея производителя, дѣятеля, предшествующаго данному явленію и его обусловливающаго, и какъ идея цѣли, опредѣляющей его характеръ и направленіе; то стремленіе знать причины обнаруживается въ формѣ вопросовъ: почему, отчего, къ чему, для чего? Помимо задаванія ребенкомъ этихъ вопросовъ взрослымъ, возникновеніе сознанія и исканія причины выражается у дитяти ломаніемъ игрушекъ, разламываніемъ естественныхъ предметовъ, даже убійствомъ живыхъ существъ съ цѣлію посмотрѣть внутреннюю причину ихъ дѣйствій, механизмъ, производящій явленіе. Это зародышъ научнаго эксперимента, испытанія природы, вообще, сознательнаго опыта. Въ дальнѣйшемъ развитіи—незнаніе причины даннаго явленія или невозможность открыть ее вызываютъ легко творческій процессъ: причина неданная создается искусственно, выдумывается и кладется въ основу объясненія. Описанная дѣятельность, повторяясь постоянно, организуется тоже въ особую мыслительную или умственную форму, которая доселѣ, впрочемъ, не имѣетъ особеннаго техническаго названія: ее называютъ „процессомъ объясненія“, „теоріею“ и т. п. Въ этой сложнѣйшей изъ всѣхъ формъ умственныхъ реальное отражается въ духѣ и открывается ему какъ система предметовъ и явленій, другъ друга обусловливающихъ и производящихъ, возникающихъ, при этомъ, изъ одного начала и направленныхъ къ одной общей цѣли. Результатомъ умственной дѣятельности въ этой формѣ является у каждаго человѣка идеальное построеніе, называемое міросозерцаніемъ—въ формѣ философіи и у цѣлаго человѣчества—въ формѣ организованной системы знаній, извѣстной подъ именемъ науки.

На этомъ развитіе мыслительныхъ формъ останавливается, потому что дальше идти ему, очевидно, уже некуда. Но развитіе

дѣятельности умственной, осуществляющейся въ этихъ формахъ, идетъ далѣе. Создается въ сферѣ умственной жизни новое явленіе, отличное отъ всѣхъ описанныхъ и всѣмъ имъ сопутствующее въ организованномъ умѣ: оно состоитъ въ обращеніи сформировавшейся умственной силы на свои собственные продукты—въ оцѣнкѣ и критикѣ даннаго въ нихъ знанія. Это самой высокой сложности явленіе предполагаетъ образовавшимся до извѣстной степени всѣ описанныя основныя умственныя операціи, или формы, и, въ сущности, составляется изъ нихъ же самыхъ. Это явленіе—оцѣнки или критики содержанія каждаго акта умственнаго—возникаетъ постепенно и само собою изъ присущаго каждому мыслительному акту, по самому его существу, сознанія, что въ немъ отражается, воспроизводится, усвоется душею нѣчто внѣшнее, объективное,—какой нибудь предметъ, явленіе или отношеніе ихъ. Такое сознаніе въ самомъ началѣ возникновенія умственной дѣятельности бываетъ, необходимо, смутнымъ, неопредѣленнымъ, вслѣдствіе отсутствія различенія между внутреннимъ и внѣшнимъ. Отсюда признаніе дитятею всякаго рода представленій, даже творческихъ или фантастическихъ, всякаго рода понятій, сужденій, выводовъ—согласными съ дѣйствительностью, полная увѣренность въ реальномъ бытіи предметовъ, явленій и ихъ отношеній, данныхъ въ этихъ операціяхъ внутреннихъ, точнѣе, отождествленіе этихъ операцій съ дѣйствительностью. Какъ извѣстно, дитя, имѣющее уже ясныя представленія, имѣющее общія идеи и сужденія и умѣющее говорить, умѣющее умозаключать и объяснять по своему, долго еще вѣритъ, что предметы существуютъ такъ, какъ ему представляются и кажутся, что предметъ, кажущійся небольшимъ на далекомъ разстояніи—дѣйствительно малъ. Оно принимаетъ свои фантазіи за дѣйствительность; вѣритъ искренно и рѣшительно всему, что ему скажутъ взрослые о предметѣ, т. е. вѣритъ въ соотвѣтствіе съ дѣйствительностью всякаго рода идей и ихъ сочетаній, какія возбудятся въ его душѣ; вѣритъ, что животныя могутъ говорить, деревья ходить и говорить и т. п. (Нѣчто подобное наблюдается и въ цѣломъ человѣческомъ родѣ на низшихъ ступеняхъ куль-

туры по отношенію къ предметамъ отдаленнымъ и лежащимъ внѣ ежедневнаго опыта, связаннаго съ удовлетвореніемъ насущныхъ жизненныхъ потребностей. Чисто фантастическіе образы и соображенія относительно этихъ предметовъ вызываютъ у дикаря вѣру въ реальное бытіе предметовъ и событій, составляющихъ содержаніе этихъ образовъ. Этимъ до извѣстной степени объясняется едва вообразимое для культурнаго человѣка состояніе вѣры въ миѳы разнаго рода, эпическія сказанія и т. п.). Какъ бы то ни было, описанная наивная вѣра въ полное соотвѣтствіе всякихъ мыслей съ дѣйствительностью есть фактъ несомнѣнный и неизмѣнно являющійся въ извѣстные моменты развитія и сформированія ума. И неизмѣнно, затѣмъ, въ жизни дитяти наступаетъ моментъ, когда оно теряетъ эту вѣру, убѣдившись постепенно, что его идеи не всегда соотвѣтствуютъ дѣйствительности: у него образуется идея ошибки, заблужденія и съ тѣмъ вмѣстѣ идея истиннаго и ложнаго. Съ этого момента и начинается критика и оцѣнка умственныхъ актовъ, плохая или хорошая—это все равно. Процессъ этой оцѣнки становится постепенно привычнымъ, совершается чрезвычайно быстро и начинаетъ возникать въ связи съ каждымъ понятіемъ, представленіемъ, сужденіемъ, умозаключеніемъ, объясненіемъ, выражаясь въ формѣ сознанія, что они вѣрны или невѣрны, истинны или ошибочны, ложны. Подобнымъ же образомъ человѣкъ начинаетъ относиться и привыкаетъ относиться ко всякой мысли, выраженной другими людьми. Сливаясь со всѣми актами мысли, ихъ оцѣнка входитъ, такимъ образомъ, въ составъ умственной дѣятельности, составляетъ постоянную часть ея, постоянный, органически связанный съ нею моментъ ея бытія. Присутствіе въ сознаніи оцѣнки, идеи согласія или несогласія даннаго внутренняго состоянія съ объективной дѣйствительностью служитъ даже однимъ изъ отличительныхъ признаковъ умственныхъ актовъ и обличаетъ присутствіе ихъ въ такихъ дѣятельностяхъ, которыя не относятся цѣликомъ къ умственной сферѣ. Этимъ обращеніемъ умственной дѣятельности на самихъ себя, на свои собственные продукты завершается въ сферѣ

умственныхъ операцій и достигаетъ своего предѣла строеніе и составъ ума.

Итакъ, умственная дѣятельность, или умъ, какъ сложный процессъ отраженія дѣйствительности, или реальнаго, въ идеальныхъ душевныхъ формахъ, слагается въ полномъ своемъ составѣ изъ тѣсно связанныхъ и другъ друга обусловливающихъ нѣсколькихъ дѣятельностей душевныхъ. Это: a) воспріятіе, или перцепція, и представленіе; b) отождествленіе и различеніе, дающія начало особымъ формамъ—понятія и сужденія, въ тѣсной связи съ символическимъ выраженіемъ ихъ въ членораздѣльныхъ звукахъ; c) опредѣленіе по извѣстному и данному въ воспріятіи, сужденіи и понятіи неизвѣстнаго и неданнаго прямо, слагающееся въ двѣ главныя формы умозаключенія, или вывода—индуктивнаго и дедуктивнаго; d) объясненіе или опредѣленіе причинъ всего даннаго въ воспріятіяхъ, представленіяхъ, понятіяхъ, сужденіяхъ и умозаключеніяхъ, получающее форму теоріи; e) сознаніе согласія или несогласія всего содержанія этихъ формъ съ дѣйствительностью и развивающійся отсюда процессъ критики или оцѣнки истинности или ложности его.

Сформировавшись и организовавшись постепенно съ большимъ или меньшимъ совершенствомъ, различнымъ почти у каждаго индивидума, эти дѣятельности получаютъ способность возникать быстро одна за другою или, какъ неточно говорится, одновременно, такъ что могутъ казаться одною дѣятельностью, простымъ и неразложимымъ актомъ духа. Взглянувши на какой нибудь извѣстный предметъ, т. е. такой, по отношенію къ которому всѣ описанныя операціи ума уже совершились такъ или иначе въ прежнее время, мы представляемъ его, имѣемъ его образъ, въ то же время включаемъ его въ какую нибудь группу сходныхъ съ нимъ, или образуемъ о немъ понятіе, въ связи съ названіемъ, нарицательнымъ его именемъ; сознаемъ отдѣльно его свойства, отношеніе къ намъ и другимъ предметамъ, т. е. образуемъ о немъ нѣсколько сужденій—судимъ; ожидаемъ за его воспріятіемъ другихъ, по даннымъ отношеніямъ его—сознаемъ неданныя, т. е. строимъ умозаключеніе, выводъ; знаемъ его производителей и назначеніе, или цѣль, т. е. опредѣляемъ

его причины и объясняемъ его бытіе; сознаемъ, наконецъ, что весь этотъ рядъ субъективныхъ процессовъ, въ цѣломъ и частяхъ, соотвѣтствуетъ дѣйствительному бытію, свойствамъ и отношеніямъ предмета, т. е. признаемъ его истиннымъ, вѣрнымъ или наоборотъ. Но, постоянно объединяясь такимъ образомъ, составныя части умственнаго процесса весьма часто, какъ это всякому извѣстно по опыту, являются какъ-бы изолированными и, во всякомъ случаѣ, преобладающими въ различныхъ актахъ дѣятельности ума, при разныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ жизни у одного и того же человѣка. Въ силу этого, умственная дѣятельность въ одинъ моментъ сводится преимущественно къ воспріятію и представленію, является также представленіемъ безъ воспріятія—въ формѣ воспоминанія соотвѣтственныхъ фактовъ, явленій и событій или въ формѣ творческаго построенія ихъ; всѣ же остальные умственные процессы возникаютъ въ болѣе слабыхъ формахъ, отступаютъ на второй планъ, хотя неизмѣнно все-таки присутствуютъ въ душѣ, вліяя на характеръ самаго воспріятія и представленія. Иногда дѣятельность ума выражается главнымъ образомъ въ отождествленіяхъ, группировкѣ, обобщеніи, отвлеченіи; въ другихъ случаяхъ на первый планъ выступаетъ и является преобладающимъ сознаніе различій, разложеніе, анализъ, сопоставленіе, или сужденіе, разсужденіе. Также точно обособляются постоянно операціи умозаключенія—вывода, объясненія и построенія теоріи, системы, оцѣнки и критики. При этомъ дѣятельность воспріятія и представленія въ разныхъ ея видоизмѣненіяхъ, какъ особенно близкая къ ощущеніямъ и сравнительно простая по своему составу, дающая какъ-бы сырой необработанный матеріалъ,—называется „опытомъ“ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Всѣ остальныя операціи, значительно удаленныя отъ ощущеній и предметовъ ихъ возбуждающихъ,—называются „мыслями“ и „мышленіемъ“ [1]).

[1]) Термины эти, впрочемъ, весьма неопредѣленны, постоянно смѣшиваются между собою, ограничиваются, расширяются въ своемъ значеніи, а потому весьма не точны и не удобны для цѣлей научнаго изслѣдованія.

Обособляясь у одного и того же субъекта въ различное время, умственныя операціи, та или другая, являются преобладающими у нѣкоторыхъ людей постоянно и въ теченіе всей жизни. Изъ этого создаются общеизвѣстные типы умственные и умственные таланты. Какъ извѣстно, есть люди, у которыхъ преобладаетъ воспріятіе и процессъ представленія, въ связи съ нимъ, также въ формѣ воспоминанія конкретныхъ предметовъ явленій и т. п.; при этомъ представленія, по самому существу своему, связываются между собою внѣшнимъ образомъ—въ пространствѣ и времени—по смежности. Съ этимъ преобладаніемъ воспріятія и представленія обыкновенно связывается то, что на обычномъ языкѣ называется „обширною и твердою памятью“. Весьма часто также люди, одаренные такимъ, такъ называемымъ механическимъ умомъ, имѣя очень живые образы, бываютъ расположенными къ творческимъ построеніямъ и обладаютъ живою фантазіею. Группировка предметовъ, обобщеніе, отвлеченіе, и другія умственныя операціи оказываются при этомъ недоразвитыми, весьма несовершенными. У другихъ очевиднымъ образомъ преобладаетъ группировка, отождествленіе, обобщеніе и отвлеченіе, при ослабленіи воспріятія и представленія, иногда памяти конкретнаго и воображенія презентативнаго. Въ силу тѣсной связи съ этою операціею процесса различенія, преобладаніе способности отвлеченія связывается съ способностію различенія, анализа, направленнаго къ отвлеченіямъ. Такимъ образомъ, создается типъ ума отвлеченнаго, или ума, способнаго къ отвлеченному мышленію—типъ, порождающій любителей чистой математики, метафизики и таланты въ этомъ направленіи односторонніе. Есть люди, у которыхъ надъ всѣми операціями преобладаетъ умозаключеніе, въ связи съ яснымъ сознаніемъ или чувствомъ зависимости мыслей другъ отъ друга, слѣдованія ихъ другъ за другомъ съ необходимостію. Такое преобладаніе создаетъ типъ ума логическаго и систематическаго. Есть, далѣе, люди, у которыхъ умственная дѣятельность направлена главнымъ образомъ къ опредѣленію причинъ и условій всякаго предмета и всего сущаго и процессъ объясненія, такимъ образомъ, преобладаетъ

надъ всѣми другими стремленіе rerum cognoscere causas. Такимъ преобладаніемъ создается типъ ума философскаго—въ новѣйшемъ значеніи этого термина. Наконецъ, изъ преобладанія процесса оцѣнки знанія, его истинности и ложности возникаетъ типъ ума критическаго, переходящаго нерѣдко въ скептическій. Два послѣдніе высшіе типа ума весьма часто сливаются,—въ силу того, что операціи объясненія и критики очень близки между собою, порождаютъ и прямо обусловливаютъ взаимно другъ друга.

Понятное дѣло, что описанные типы ума почти не встрѣчаются въ чистомъ видѣ и, кромѣ того, каждый изъ нихъ представляетъ многочисленныя разницы въ степеняхъ силы и въ характерѣ, можетъ вырождаться въ аномалію и своего рода уродливость, даже получить форму болѣзни. Запутанность и невозможность здѣсь точной классификаціи увеличивается еще вслѣдствіе почти полнаго отсутствія сколько нибудь точныхъ научныхъ изслѣдованій въ этомъ направленіи. Но, во всякомъ случаѣ, фактъ преобладанія различныхъ умственныхъ операцій у различныхъ людей, въ общихъ чертахъ, не подлежитъ сомнѣнію и служитъ,—вмѣстѣ съ фактомъ обособленія ихъ у каждаго человѣка, при извѣстныхъ условіяхъ, также фактомъ постепеннаго ихъ возникновенія,—подтвержденіемъ взгляда на умъ, какъ совокупность нѣсколькихъ сложныхъ операцій, изъ коихъ каждая имѣетъ свою особую организацію, дающую ей своего рода особность и самостоятельность, дѣлающую, по крайней мѣрѣ, вполнѣ возможнымъ и законнымъ выдѣленіе каждой изъ нихъ, такъ что этотъ взглядъ можно считать вполнѣ прочно обоснованнымъ на прямыхъ фактахъ наблюденія и строго научнымъ—вѣрнымъ. Въ силу его, подробное изслѣдованіе ума, или умственной дѣятельности, идеальнаго отраженія дѣйствительности, превращается само собою въ рядъ спеціальныхъ и детальныхъ изслѣдованій нѣсколькихъ операцій и ихъ взаимной связи, слянія въ одной цѣли. Планъ такого изслѣдованія дается, повидимому, цѣлькомъ въ описаніи этихъ дѣятельностей и въ ихъ порядкѣ возникновенія, который есть, очевидно, порядокъ даже расположенія ихъ по возрастающей сложности, т. е. начиная съ

болѣе простыхъ и кончая самыми сложными; задача науки по отношенію къ каждой изъ нихъ сводится къ всестороннему изслѣдованію ея въ ея составѣ и взаимнодѣйствіяхъ. Но при болѣе близкомъ разсмотрѣніи дѣла оказываются необходимыми здѣсь нѣкоторыя измѣненія, при помощи коихъ въ кругъ психологическаго изслѣдованія ума вводятся нѣкоторыя новыя явленія, не описанныя въ общемъ обзорѣ содержанія и состава его, но составляющія необходимое условіе его бытія и развитія въ той формѣ, въ какой онъ существуетъ у человѣка. Поставленіе передъ собою всякаго предмета, какъ внѣшняго, или представленіе его—представленіе всей совокупности сущаго, какъ внѣшняго намъ, оцѣнка того, согласно или несогласно это представленіе съ внѣшнимъ бытіемъ, предполагаетъ различеніе *внутренняго* и *внѣшняго*, *субъективнаго* и *объективнаго*. Безъ такого предварительнаго различенія знаніе человѣческое не возможно и не мыслимо. Такое различеніе, дѣйствительно, существуетъ и осуществляется у человѣка въ формѣ двухъ идей—„я“ и „внѣшняго“, и умственная дѣятельность получаетъ два, отчасти противоположныя направленія,—является воспріятіемъ и переработкою въ понятіе etc. того, что принадлежитъ субъекту—„внутреннему“, и того, что составляетъ объектъ, или „внѣшнее“. Прежде, чѣмъ изслѣдовать умственныя операціи въ ихъ составѣ, необходимо изслѣдовать это замѣчательное явленіе, рѣшить вопросъ, какъ образуется у человѣка различеніе себя отъ „внѣшняго“, или самосознаніе,—изслѣдовать этотъ процессъ, какъ общее условіе и conditio sine qua non возникновенія всѣхъ другихъ умственныхъ процессовъ. Съ другой стороны, оказывается необходимымъ нѣсколько съузить задачи науки по отношенію къ описаннымъ явленіямъ умственнымъ, такъ какъ съ одной своей стороны онѣ составляютъ предметъ особой, спеціальной области знанія, извѣстной подъ именемъ Логики. Дѣло въ томъ, что умственные акты, каждый въ отдѣльности и во всей своей совокупности, какъ своего рода механизмъ, имѣющій цѣль, должны быть изслѣдованы не только въ ихъ составѣ и развитіи изъ своихъ элементовъ, при опредѣленныхъ общихъ условіяхъ,

но и въ ихъ идеальныхъ, совершеннѣйшихъ формахъ, въ томъ, какъ они должны формироваться сознательно, чтобы возможно полнѣе и лучше достигать своей цѣли. А это требованіе выводитъ насъ, очевидно, за предѣлы простого анализа, составляющаго цѣль Психологіи, въ область знанія съ практическимъ характеромъ, притомъ, область очень обширную и сложную, всестороннее изслѣдованіе которой и составляетъ задачу Логики. Такимъ образомъ, по отношенію къ умственной дѣятельности изъ Психологіи исключаются вопросы о томъ, какъ должны совершаться умственныя операціи для того, чтобы въ результатѣ ихъ получалась истина, или дѣйствительное знаніе, какъ создается знаніе научное и самая наука. Психологія ограничивается только разложеніемъ и отношеніемъ явленій умственныхъ, рѣшаетъ вопросъ о томъ, какъ они возникаютъ и совершаются. Все изслѣдованіе ума въ ней должно имѣть въ общихъ чертахъ такой видъ: 1) ученіе о *различеніи субъекта и объекта* или образованіи идей *я* и *внѣшняго;* 2) ученіе о *воспріятіи* (опытѣ) и *представленіи;* 3) *общая идея*, или понятіе; 4) *сужденіе* и *умозаключеніе.*

1. Процессъ различенія субъекта и объекта.

Въ періодъ полной организаціи душевной жизни всякій нормальный человѣкъ, какъ извѣстно, представляетъ себя особымъ существочъ, рѣзко отдѣленнымъ отъ всего, его окружающаго, которое кажется ему находящимся внѣ его и обступающимъ его со всѣхъ сторонъ. Въ то же время онъ чувствуетъ непосредственно и сознаетъ себя центромъ, источникомъ и носителемъ силы, которая направляется на „внѣшнее“, измѣняя его самыми разнообразными способами и, въ свою очередь, испытывая различныя измѣненія подъ вліяніемъ этого „внѣшняго“. Изъ такого представленія и непосредственнаго сознанія себя у него образуется особое состояніе внутреннее, неизмѣнно и постоянно присущее въ томъ или другомъ видѣ въ каждый моментъ его сознательной жизни, сопутствующее каждому его измѣненію, дѣятельности, вообще, всѣмъ другимъ его состояніямъ. Оно называется *самосознаніемъ* и осуществляется въ идеѣ „я“, или личности, которая предполагаетъ другую идею—„не-я“,—личнаго и безличнаго „внѣшняго“. Обѣ эти идеи неразрывно связаны другъ съ другомъ, одна другую предполагаютъ, производятъ и уясняютъ. Но мы выдѣлимъ ихъ въ отвлеченіи и разсмотримъ каждую отдѣльно.

а) Идея „я", ея образованіе, составъ и измѣненія.

Значеніе слова „я". Метафизическое и феноменалистическое пониманіе идеи „я". Возможность примиренія того и другого и установленія строго научнаго пониманія этой идеи.—Процессъ образованія идеи „я". Общее чувство бытія и его факторы. Первоначальное различеніе себя—„я", отождествляемаго съ тѣломъ, отъ „не-я"—„внѣшняго". Внесеніе идеи души—съ ея состояніями и дѣятельностями—въ составъ идеи личности; превращеніе идеи „я" въ идею духовной субстанціи, управляющей тѣломъ. Полный составъ идеи личности. Различныя формаціи его. Условіе единства личности въ теченіе жизни. Измѣненія въ содержаніи самосознанія. Временныя измѣненія въ представленіи „я". Самосознаніе разныхъ возрастовъ. Объясненіе превращеній личности въ сновидѣніяхъ, при душевныхъ болѣзняхъ, въ гипнотизмѣ.—Возраженіе противъ субстанціальности души на основаніи фактовъ измѣненій и превращеній личности. Опроверженіе его. Необходимость признанія особаго духовнаго начала при объясненіи явленій самосознанія. Образъ проявленія этого начала въ самосознаніи.

Словомъ „я", которое во всѣхъ языкахъ, по мнѣнію филологовъ, есть звуковой жестъ, замѣняющій указаніе на себя, напр., рукою и производимый при помощи вдыханія особаго рода, концентрирующаго звукъ въ полости рта и направляющаго его какъ бы внутрь говорящаго,—словомъ „я" обозначается собственно весь человѣкъ, со всѣми свойствами его духовными и физическими, со всѣмъ содержаніемъ и строемъ его жизни и дѣятельности. Но въ то же время означаемое словомъ „я" оказывается нетождественнымъ со всѣмъ человѣкомъ и со всѣмъ содержа-

ніемъ его жизни: оно является, напротивъ, основою и носителемъ этой жизни, ея производителемъ, субъектомъ и средою всѣхъ ея проявленій и измѣненій. Всякая сознаваемая душевная и физическая дѣятельность, какъ и вся ихъ совокупность, потому, сознается, представляется и мыслится какъ нѣчто принадлежащее этому „я“, какъ его проявленіе, состояніе, дѣятельность; „я“, такимъ образомъ, является какъ бы владѣльцемъ всего состава душевнаго и тѣлеснаго. Само оно кажется и остается простымъ и единымъ при всѣхъ самыхъ сложныхъ и разнообразныхъ своихъ состояніяхъ и дѣятельностяхъ, а также всегда однимъ и тѣмъ же, всегда себѣ равнымъ, или тождественнымъ, при всѣхъ самыхъ глубокихъ измѣненіяхъ внутренней и тѣлесной жизни, съ самаго начала и до конца ея.

Въ виду такого отношенія „я“ ко всему содержанію душевной жизни, ко всему человѣку вообще, также и особенно въ виду его неизмѣнности, постоянства, единства и тожества среди всѣхъ безчисленныхъ измѣненій и превращеній въ душевной и тѣлесной жизни, огромное количество психологовъ въ прежнее время и весьма многіе въ настоящее видѣли и усматриваютъ въ самосознаніи и идеѣ „я“ прямое и непосредственное воспріятіе духомъ, или душею человѣческою, своей метафизической, не-феноменальной сущности, лежащей въ основѣ всѣхъ явленій душевныхъ и ихъ производящей, въ концѣ концовъ. Потому на явленіи сознанія и свойствахъ идеи „я“, или—просто—„я“, главнымъ образомъ основывались и основываются отчасти доселѣ такъ называемыя доказательства бытія и субстанціальности души человѣческой. Но въ послѣднее время явился цѣлый рядъ изслѣдованій явленія самосознанія и личности—„я“—со стороны психологовъ феноменалистическаго и, главнымъ образомъ, матеріалистическаго направленія,—въ которыхъ этотъ простой взглядъ разрушается и отвергается, повидимому, на основаніи очевидныхъ фактовъ опыта. Идея „я“ оказывается возникающею постоянно, какъ всѣ другія идеи о внутреннемъ и внѣшнемъ (чего, впрочемъ, не отрицаютъ и психологи-спиритуалисты); по своему составу она оказывается не

только сложною, но одною изъ самыхъ сложныхъ; единство личности, сознаваемое въ этой идеѣ—есть единство сложной ассоціаціи, единство организованнаго аггрегата, какихъ много въ душевной жизни,—слѣдовательно—иллюзія; притомъ же это единство постоянно нарушается, особенно при болѣзненныхъ разстройствахъ,—личность удвояется, утрояется и т. п.; тожество личности, данное въ ея идеѣ, есть тожество отвлеченія, или общаго понятія, объединяющаго въ себѣ все сходное во всѣхъ душевныхъ состояніяхъ и, естественно, олицетворяемое,—слѣдовательно, опять иллюзія, и весьма часто нарушается и разрушается въ болѣзняхъ, когда человѣкъ забываетъ всю свою прошлую жизнь и сознаетъ себя другимъ существомъ. Изъ всего этого дѣлается выводъ, что идея „я“—личности не только не есть непосредственное воспріятіе лежащей въ основѣ душевной жизни особой духовной сущности и не доказываетъ бытія ея, но прямо говоритъ противное и дѣлаетъ эту сущность ненужною и излишнею.

Эти два противорѣчивые взгляда на природу личности и ея идеи представляютъ собою крайности, заключая каждый долю истины. Они, потому, могутъ быть и должны быть примиримы и въ этомъ видѣ дать правильное и строго научное пониманіе этого замѣчательнаго и единственнаго въ мірѣ явленія. Дѣйствительно, съ одной стороны, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что самосознаніе развивается постепенно, что идея личности—„я“—слагается изъ многихъ состояній и сложна, что существуютъ явленія раздвоенія и, вообще, мультипликаціи личности, также явленія ея превращеній въ другую; но этимъ не нарушается единство и тожество личности, и не устраняется необходимость признавать въ ея идеѣ самооткрытія духа, въ его существѣ, какъ неизмѣнной, единой и себѣ всегда равной субстанціи. Только это самооткрытіе не есть прямое, непосредственное и простое воспріятіе, а скорѣе необходимый выводъ и постулятъ сознанія. Это мы и постараемся, по возможности, разъяснить и доказать въ своемъ изложеніи психологической теоріи идеи личности. Изложеніе этой теоріи представляетъ большія трудности, потому что самое нача-

ло самосознанія и первыя основы идеи личности совершенно ускользаютъ отъ внутренняго наблюденія. Когда это наблюденіе становится возможнымъ,—идея „я“ и личности готова уже и обусловливаетъ самое наблюденіе внутреннее. За недостаткомъ собственнаго внутренняго опыта, и наблюденіе надъ другими,—въ данномъ случаѣ надъ дѣтьми,—оказывается тоже лишеннымъ опоры по самому своему существу, потому что наблюденіе надъ другими, какъ намъ извѣстно, есть только видоизмѣненіе самонаблюденія, и безъ этого послѣдняго не возможно. Такимъ образомъ, ученіе объ основномъ и первоначальномъ происхожденіи самосознанія и идеи „я“, по необходимости, получаетъ видъ ряда предположеній, гипотезы, которая, при этомъ, допускаетъ повѣрку только непосредственнымъ сознаніемъ каждаго (и истинность которой съ очевидностію,—теперь по крайней мѣрѣ,—доказана быть не можетъ).

Представленіе о себѣ, о своей личности, о своемъ *я*, какъ о чемъ то особомъ, отдѣльномъ отъ всего окружающаго не дается человѣку прямо и непосредственно, и не есть простое, неразложимое состояніе. Не смотря на свою кажущуюся простоту, оно состоитъ изъ многихъ элементарныхъ духовныхъ дѣятельностей и, какъ образованіе каждой сложной идеи, представляетъ собою длинный и сложный процессъ, который, вслѣдствіе постепеннаго повторенія и сліянія различныхъ частей, получаетъ возможность возникать моментально. Исторію его образованія въ общихъ чертахъ можно представить слѣдующимъ образомъ.

Первоначально, въ первые моменты жизни, человѣкъ ничего не знаетъ ни о себѣ, ни о внѣшнемъ мірѣ, его окружающемъ, и никакъ не представляетъ себя, тѣмъ болѣе, что у него вообще нѣтъ еще никакихъ представленій. Онъ смутно сознаетъ рядъ смѣняющихся состояній ощущенія и отчасти различаетъ ихъ между собою—и только. Но мало-по-малу онъ начинаетъ различать ощущенія, постоянно присущія организму, отъ ощущеній смѣняющихся. Къ ощущеніямъ постояннымъ относятся по преимуществу ощущенія мускульныя, къ смѣняющимся—всѣ осталь-

ныя. Какъ извѣстно, мускульныя ощущенія, или мышечное чувство, не оставляетъ насъ ни на одну минуту въ теченіе сознательной жизни. Имъ сопровождаются не только всѣ движенія организма и его различныхъ частей, но и всѣ, повидимому, пассивныя состоянія его, различные виды покоя—стоянье, лежанье, сидѣнье. Благодаря ему, мы ощущаемъ, чувствуемъ весь свой организмъ и знаемъ, непосредственно чувствуемъ каждую часть его Мы, вслѣдствіе привычки, не обращаемъ на него вниманія и не сознаемъ его присутствія; но когда производится усиленное движеніе, какою-нибудь частію организма или всѣмъ организмомъ, также, когда мускулы той или другой части тѣла при лежаньѣ, сидѣньѣ, стояньѣ и т. п. напрягаются въ одномъ направленіи и утомляются, чувство это возникаетъ со всею отчетливостію. Дитя, конечно, ничего не знаетъ объ организмѣ своемъ и его частяхъ, не представляетъ себѣ ни формы, ни положенія ихъ, но тѣмъ не менѣе оно, при помощи мускульнаго чувства, чувствуетъ его и смутно сознаетъ присутствіе въ немъ частей. Къ мышечному чувству, которымъ сопровождаются безъ исключенія всѣ другія ощущенія, органы которыхъ всѣ окружены мышечною тканью, и изъ нея отчасти построены, присоединяются еще другія, хотя болѣе измѣнчивыя, чѣмъ мускульное, но тѣмъ не менѣе постоянно присущія,—ощущенія, сопровождающія процессъ дыханія, совершающійся безостановочно, процессъ кровообращенія, процессъ питанія, нервнаго усилія и вообще нервной дѣятельности. При смѣнѣ и разнообразіи всѣхъ другихъ состояній, они остаются постоянно и всегда съ однимъ характеромъ не только въ извѣстный моментъ, но и въ теченіе всей жизни индивидуума, измѣняясь только въ силѣ, напряженіи. При такомъ характерѣ своемъ, естественно, они скорѣе всѣхъ другихъ состояній воспринимаются и сознаются какъ по преимуществу намъ принадлежащія, какъ наша собственность,—потому, несомнѣнно, служатъ исходнымъ пунктомъ, основою и самою первою формою, первымъ моментомъ нашего знанія о себѣ. Не измѣняясь въ теченіе всей жизни существенно, они также служатъ началомъ, связывающимъ наше прошедшее съ

настоящимъ, одинъ періодъ нашей жизни съ другимъ,—служатъ опорою такъ называемаго тожества нашего сознанія.

Къ ощущеніямъ постояннымъ присоединяются, далѣе, ощущенія, которыя не отличаются постоянствомъ, смѣняютъ часто другъ друга, но въ то же время сопровождаютъ каждый процессъ въ организмѣ, каждое состояніе всѣхъ органовъ чувствъ и притомъ съ однимъ и тѣмъ же характеромъ,—ощущенія пріятности или непріятности, здоровья или болѣзни. Особенно непріятныя возбужденія и болѣзненныя чувства разнаго рода заставляютъ живое существо сосредоточивать на себѣ вниманіе и чувствовать свое бытіе, свою особность. Къ этому же разряду смѣняющихся, но постоянныхъ и неизмѣнныхъ, по своему характеру, состояній сознанія относятся періодически возобновляющіяся и тоже сопровождающіяся чувствомъ пріятности и непріятности такъ называемыя органическія или естественныя потребности—голода и жажды, потребность сна, движенія и покоя, также процессы выдѣленія изъ организма и т. п.

Ощущенія постоянныя, т. е. мышечное, или мускульное, чувство, и ощущенія, сопровождающія безостановочно совершающіеся процессы дыханія, кровообращенія и пр.; ощущенія, мѣняющіяся, но постоянно сопутствующія въ той или другой своей формѣ всѣмъ другимъ состояніямъ и процессамъ,—пріятности и непріятности, боли; ощущенія, сопровождающія періодически возбуждающіяся потребности и ихъ удовлетвореніе—всѣ эти ощущенія соединяются въ одно общее, всегда темное и неопредѣленное чувство бытія, общее всѣмъ животнымъ. Ощущенія внѣшнихъ органовъ чувствъ на первыхъ порахъ жизни не относятся ни къ чему внѣшнему, являются по преимуществу съ характеромъ пріятныхъ или непріятныхъ и тоже входятъ въ составъ этого темнаго, неопредѣленнаго чувства. Къ этому комплексу ощущеній органическихъ и внѣшнихъ, насколько они сознаются какъ процессы, совершающіеся въ организмѣ, процессы пріятные и непріятные,—къ этому комплексу, собственно говоря, всегда и относится мѣстоименіе „я“, хотя въ него впослѣдствіи входитъ много

другихъ элементовъ. Этотъ комплексъ и есть постоянный и неизмѣнный субъектъ, или подлежащее всѣхъ нашихъ дѣятельностей, потому что со всѣми ими стоитъ въ постоянной связи, всѣми ими вызывается по закону смежности, со всѣми ими существуетъ одновременно, какъ фонъ картины—со всѣмъ, что на ней изображается.

Съ развитіемъ организма до способности къ произвольному движенію и—органовъ чувствъ до способности къ опредѣленнымъ воспріятіямъ, съ явленіемъ, въ соотвѣтствіе съ этимъ, большей организованности внутреннихъ процессовъ у ребенка,—общее чувство бытія усложняется новыми элементами, съ тѣмъ же характеромъ постоянства и неизмѣннаго присутствія сознанія: наступаетъ новый, слѣдующій, второй моментъ въ развитіи самосознанія. Перемѣняя по желанію мѣсто, двигая по собственному произволу руками и другими частями организма, приближая къ себѣ одни предметы и удаляя другіе, осматривая ихъ со всѣхъ сторонъ, поднимая тяжести и т. п., дитя начинаетъ опять смутно сознавать въ себѣ центръ силы, которая находится въ немъ при всякомъ измѣненіи его положенія и которую оно какъ бы носитъ въ себѣ и съ собою. Къ этому сознанію, которое при первомъ возникновеніи, какъ новое и въ первый разъ являющееся, должно отличаться особенною силою и живостію, присоединяется постепенное знакомство съ своимъ организмомъ, постепенное образованіе представленія о своей фигурѣ. Представленіе это образуется, съ одной стороны, при помощи зрительныхъ воспріятій различныхъ частей организма, въ связи съ мышечнымъ чувствомъ въ данной, воспринимаемой зрѣніемъ, части и съ осязательными ощущеніями отъ нея; съ другой — подъ вліяніемъ воспріятія фигуры другихъ людей, особенно фигуры дѣтей. При представленіи общихъ очертаній собственнаго тѣла, образъ его вступаетъ въ постоянную связь съ мышечнымъ чувствомъ всего тѣла, съ сознаніемъ присутствія силы измѣнять положеніе тѣла и побѣждать разнаго рода сопротивленія, также съ другими описанными ощущеніями постоянными, которыя теперь локализуются или по-

мѣщаются въ опредѣленныхъ, соотвѣтствующихъ частяхъ организма. Образъ этотъ становится тоже постоянно присутствующимъ въ сознаніи и, какъ болѣе опредѣленный, превращается постепенно въ главный центръ сложной ассоціаціи постоянныхъ и періодически возникающихъ состояній, объединяетъ ихъ собою, даетъ имъ опредѣленную форму, помѣщеніе. Послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ и многочисленныхъ опытовъ въ этомъ родѣ, періодъ которыхъ не одинаковъ у различныхъ субъектовъ,— что зависитъ отъ природной талантливости и обстановки, — вся описанная ассоціація получаетъ особенную прочность и постепенно уясняется. И вотъ, наступаетъ, наконецъ, моментъ, когда ребенокъ видитъ ясно и отчетливо свой организмъ, какъ нѣчто отдѣльное отъ всего его окружающаго, сознаетъ, что этотъ организмъ его собственность, что это—онъ самъ. Долго подготовляемый, моментъ этотъ наступаетъ вдругъ и моментально, со всею опредѣленностію и отчетливостію, какъ это часто можно наблюдать во всѣхъ сферахъ душевной жизни, гдѣ образуются очень сложныя дѣятельности. Его можно сравнить съ пробужденіемъ взрослаго человѣка отъ глубокаго сна въ совершенно незнакомомъ мѣстѣ, или съ неожиданнымъ освѣщеніемъ темнаго и мало извѣстнаго пространства. Дѣйствительно, въ этотъ моментъ вдругъ и неожиданно все окружающее ребенка какъ бы освѣщается со всѣхъ сторонъ, и онъ въ первый разъ видитъ себя въ центрѣ этого окружающаго рѣзко и отчетливо ограниченнымъ и отдѣленнымъ отъ него, тоже какъ бы освѣщеннымъ. Подобнаго рода состояніе неожиданнаго пробужденія и испытаніе совершенно новаго положенія, естественно, должно производить глубокое, потрясающее впечатлѣніе. Уже въ силу этой своей напряженности, оно не можетъ быть продолжительнымъ, особенно, если принять во вниманіе еще неполное развитіе и слабость всѣхъ силъ духа. За первымъ пробужденіемъ опять наступаетъ погруженіе въ прежнее безсознательное состояніе на болѣе или менѣе продолжительное время. Какъ будто блескъ молніи прорѣзываетъ въ этомъ случаѣ на нѣсколько мгновеній мракъ, въ которомъ до того находился ре-

бенокъ, освѣщаетъ окружающее и его самого, и затѣмъ мракъ опять сгущается. Но въ это мгновеніе тѣмъ не менѣе совершается великій переворотъ въ субъектѣ: животный индивидуумъ превращается въ человѣка, и зарождается разумный свободный духъ, способный теперь къ безконечному развитію и совершенствованію. Переворотъ этотъ, едва доступный описанію при помощи разнаго рода сравненій и метафоръ, есть самое таинственное и непостижимое изъ всѣхъ явленій бытія, и только для людей поверхностныхъ или ослѣпленныхъ предубѣжденіемъ онъ кажется чѣмъ то очень простымъ, понятнымъ и объяснимымъ изъ постепеннаго осложненія душевныхъ дѣятельностей На самомъ дѣлѣ это осложненіе ровно ничего не объясняетъ и само по себѣ не можетъ, конечно, произвести совершенно новаго и качественно отличнаго отъ всѣхъ другихъ душевныхъ дѣятельностей состоянія, какимъ является, несомнѣнно, самосознаніе... Разъ явившись, различеніе себя—„я“—отъ „внѣшняго“, скоро и легко затѣмъ возникаетъ, при благопріятныхъ условіяхъ, вновь, по общимъ законамъ воспроизведенія всякаго душевнаго состоянія, разъ сформировавшагося; начинаетъ являться потомъ все чаще и чаще, становится привычною и едва замѣчаемою и сознаваемою постоянною дѣятельностію и состояніемъ духа. Съ тѣмъ вмѣстѣ все яснѣе и яснѣе отдѣляющійся отъ человѣка внѣшній міръ, становящійся для него все болѣе и болѣе чужимъ, вызываетъ въ немъ, именно, въ силу этого отчужденія, глубокій интересъ и любопытство: возникаетъ стремленіе узнать его, стремленіе, которое заставляетъ ребенка осматривать каждый предметъ, пытать его всѣми чувствами, обращаться къ взрослымъ съ постоянными вопросами и т. п. Это. необходимо являющееся за первымъ пробужденіемъ самосознанія, любопытство и интересъ къ внѣшнему міру у нѣкоторыхъ личностей сохраняется на всю жизнь, увеличивается, становится сознательнымъ и вызываетъ потомъ активное изслѣдованіе и изученіе явленій міра; но большинство уже въ дѣтствѣ и, во всякомъ случаѣ, въ зрѣломъ возрастѣ теряетъ это чувство интереса и любопытства, свыкается съ отчужденіемъ отъ „внѣшняго“ и погружается

снова въ полуживотное состояніе, въ какомъ было до перваго пробужденія самосознанія. Глубокое впечатлѣніе, производимое на душу первымъ актомъ пробужденія самосознанія, сказывается въ жизни каждой человѣческой личности тѣмъ, что моментъ пробужденія со всею его обстановкою, ближайшими обстоятельствами, его вызвавшими, навсегда сохраняется въ памяти и ясно представляется, тогда какъ вся жизнь до этого момента и довольно продолжительный періодъ послѣ, совершенно почти исчезаетъ изъ памяти. Это воспоминаніе изъ ранняго дѣтства чаще связывается съ какимъ нибудь крупнымъ событіемъ въ жизни дитяти, — съ потерею любимаго предмета или существа, наприм., испытаніемъ сильной радости и удовольствія; но нерѣдко это бываетъ совсѣмъ мелкое и незамѣчательное событіе, состояніе, дѣйствіе.

Въ періодъ описаннаго пробужденія самосознанія, и долго послѣ, собственная личность человѣка, его „я“ отождествляется всецѣло съ организмомъ, видимымъ носителемъ всѣхъ измѣненій субъекта—страдательныхъ и дѣятельныхъ. Его „я“—это его собственное тѣло, съ которымъ онъ теперь познакомился, тѣло, присутствіе котораго онъ непосредственно чувствуетъ и сознаетъ, которое онъ осязаетъ и видитъ и образъ, представленіе котораго постоянно и неизмѣнно связываетъ со всѣми состояніями и измѣненіями, тѣмъ болѣе, что этотъ образъ тѣсно связанъ съ суммою постоянныхъ состояній сознанія въ формѣ неизмѣнно присущихъ мышечныхъ и органическихъ ощущеній. Но мало-по-малу физическое лицо, тѣло, со всѣми его свойствами и особенностями, начинаетъ отступать на задній планъ, и центръ тяжести самосознанія переносится въ процессы духовные высшаго порядка и въ ихъ постоянныя свойства. Впрочемъ, и организмъ тѣлесный, или образъ-представленіе его, навсегда остается въ составѣ идеи личности и исчезаетъ изъ него на время только на высшихъ степеняхъ отвлеченнаго созерцанія своей личности, созерцанія, котораго могутъ достигать только весьма немногіе люди. Само собою понятно, что также навсегда остаются въ сознаніи „я“, какъ его эмпирическія основы, постоянныя ощущенія, или комплексъ ощущеній, изъ коего

слагается главнымъ образомъ чувство бытія. Это перенесеніе совершается постепенно и начинается, по всей вѣроятности, сосредоточеніемъ вниманія на различіи между дѣйствительными воспріятіями, опытами и событіями жизни, волненіями, желаніями и дѣйствіями—и ихъ внутренними отображеніями, воспоминаніями и представленіями. Послѣднія, какъ извѣстно, по самой своей природѣ отличаются меньшею яркостію, чѣмъ первыя, всегда ихъ блѣднѣе и слабѣе и, потому, легко узнаются и сознаются человѣкомъ, какъ оставшіяся въ немъ навсегда,—въ качествѣ его собственности, въ качествѣ содержанія его собственной личности,—слѣды и отображенія дѣйствительности; на ихъ совокупности и сосредоточивается теперь вниманіе въ актахъ самосознанія. Они отдѣляются въ сознаніи какъ нѣчто внутреннее, отличное отъ физическихъ измѣненій тѣла, объединяются (этимъ сознаніемъ) въ одно цѣлое, какъ составныя части нѣкоторой внутренней организаціи, какъ содержаніе особаго внутренняго бытія, отличнаго отъ тѣла. Сознаніе это сначала необходимо бываетъ смутнымъ и неопредѣленнымъ; но оно постепенно проясняется, по мѣрѣ осложненія и организаціи внутреннихъ процессовъ въ различныя внутреннія дѣятельности, и входитъ въ составъ идеи „я“, какъ постоянный ея элементъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ къ сознанію присутствія въ себѣ физической силы и возможности разнообразныхъ ея обнаруженій въ движеніяхъ присоединяется постепенно чувство и сознаніе постояннаго присутствія силы духовной и возможности разнаго рода внутреннихъ дѣйствій или операцій—памяти, воображенія, соображенія и обдумыванія, волненія, желанія, рѣшенія и внутренняго усилія и т. п. Операціи эти сознаются, благодаря постояннымъ опытамъ, какъ постоянная готовность, возможность своего возникновенія при благопріятныхъ условіяхъ, т. е. какъ особаго рода способности или силы внутреннія, существующія до своего обнаруженія. Субъектъ мало-по-малу начинаетъ сознавать себя постепенно, какъ аггрегатъ и связку этихъ способностей, съ ихъ различными свойствами и степенями силы, которыя опредѣляются путемъ сравненія съ подобными же свойствами другихъ людей. Съ образованіемъ

идеи добра и зла и накопленіемъ дѣйствій, осуществляющихъ и нарушающихъ нравственный законъ, къ этому аггрегату (идеальному) присоединяется сознаніе такихъ или другихъ нравственныхъ качествъ: мало-по-малу человѣкъ начинаетъ, сознавая себя и произнося слово „я“, разумѣть подъ нимъ свое внутреннее существо, съ его опредѣленнымъ содержаніемъ и опредѣленными его силами. Постоянно повторяясь въ этой высшей формѣ, самосознаніе приводитъ человѣка къ мысли, что внутри его, въ основѣ находящихся въ немъ постоянно отображеній прошлой и настоящей дѣйствительности, въ основѣ его силъ и способностей внутреннихъ, находится особое начало, особая субстанція, отличная отъ тѣла, управляющая имъ и его носящая, какъ одежду. Идея „я“ превращается въ идею души, въ образъ ея, въ которомъ концентрируется и объединяется все содержаніе внутренней жизни, въ формѣ какъ отображенія всей прошлой жизни, такъ и въ формѣ возможностей или способностей къ разнаго рода внутреннимъ дѣятельностямъ. Теперь идея тѣла и его свойствъ примыкаетъ только къ образу души, какъ второстепенная часть ассоціаціи, составляющей полную идею „я“, или личности. Съ большею или меньшею опредѣленностью и ясностію этотъ составъ идеи личности, образующейся окончательно въ зрѣломъ возрастѣ, существуетъ необходимо у всѣхъ людей, на какой-бы низкой ступени развитія они ни находились,—у самыхъ неразвитыхъ и самыхъ образованныхъ. Съ образованіемъ его начинается дальнѣйшее отвлеченіе: душа отличается отъ всего ея эмпирическаго содержанія и всѣхъ ея способностей, получается то чистое „я“—простое по составу, неизмѣнное, всегда себѣ равное и тождественное, какимъ мы его описали вначалѣ. Но это отвлеченіе съ опредѣленностію является у весьма немногихъ людей, хотя въ смутной формѣ у всѣхъ существуетъ и выражаетъ собою дѣйствительную природу самосознанія въ каждый изъ моментовъ его развитія.

Представленная въ предыдущемъ общая исторія возникновенія и развитія идеи „я“ и личности, наглядно показываетъ, что идея эта, дѣйствительно, отличается чрезвычайною сложностію и на

всѣхъ ступеняхъ своего развитія представляетъ въ своемъ составѣ множество элементовъ, объединяемыхъ, сначала идеею тѣла, затѣмъ идеею внутренняго состоянія, наконецъ, идеею души—субстанціи и духа. Далѣе, идея эта, развиваясь изъ простѣйшихъ формъ и осложняясь постоянно, очевидно, измѣняется по своему составу, превращается постепенно и представляетъ нѣсколько формацій, изъ коихъ каждая включаетъ въ себя цѣликомъ предыдущую и входитъ въ свою очередь въ послѣдующую, чѣмъ и сохраняется непрерывность и единство личности, въ теченіе всей жизни. Но и этимъ не исчерпываются еще превращенія личности: въ каждомъ субъектѣ она слагается изъ множества частныхъ формацій, смѣняющихъ одна другую, и притомъ у нѣкоторыхъ подвергается особаго рода болѣзненнымъ измѣненіямъ.

Вполнѣ и окончательно сформировавшееся самосознаніе, или идея „я“—личности, слагается у всѣхъ людей изъ этихъ трехъ сложныхъ состояній, или формъ его, возникающихъ преемственно одна за другою и сливающихся въ одно, болѣе или менѣе прочно организованное, цѣлое, возникающее въ сознаніи въ томъ же видѣ и по тѣмъ же законамъ, какъ и всякія сложныя состоянія, т. е. въ видѣ одного простого акта. При этомъ, въ зависимости отъ различныхъ условій и обстоятельствъ жизни личности, въ самосознаніи является преобладающею то одна, то другая, то третья форма „я“, и, при господствѣ одной, двѣ остальныя отступаютъ на задній планъ и едва сознаются. Въ одномъ случаѣ человѣкъ сознаетъ себя преимущественно какъ живой организмъ—тѣло, съ его чисто физическими свойствами, силами и измѣненіями, какъ постоянными, такъ и существующими въ данный моментъ; въ другомъ—преобладаетъ сознаніе внутреннихъ силъ: ума, воли, чувства, ихъ качествъ, также качествъ нравственныхъ; въ третьемъ—вниманіе сосредоточивается на душѣ, какъ особомъ существѣ, основѣ и послѣдней причинѣ жизни личности. Такимъ образомъ, содержаніе самосознанія и строй идеи личности, разсматриваемые въ томъ, что въ нихъ есть постояннаго и общаго, строго говоря, не бываютъ никогда однимъ и тѣмъ же, не только

въ періодъ своего постепеннаго развитія, но и по окончаніи его: если не его составныя части, то ихъ взаимное отношеніе бываетъ различнымъ въ различные моменты жизни, и, въ этомъ смыслѣ, общій характеръ самосознанія можетъ измѣниться нѣсколько разъ въ теченіе одного дня и даже часа. Но, кромѣ этихъ общихъ измѣненій и превращеній, составъ и содержаніе идеи „я“ у каждаго индивидуума подвергается множеству частныхъ, свойственныхъ одной данной личности измѣненіи въ теченіе жизни. Такъ, въ силу необходимой связи самосознанія съ представленіемъ „внѣшняго“, въ него всегда входитъ сложный образъ окружающихъ человѣка предметовъ, явленій и другихъ людей, съ которыми онъ находится въ такихъ или другихъ отношеніяхъ: сознавая себя, человѣкъ, потому, неизбѣжно представляетъ себя живущимъ въ такой-то мѣстности и въ такихъ-то постоянныхъ или временныхъ условіяхъ и отношеніяхъ съ другими людьми, принадлежащимъ къ такой-то націи, занимающимъ такое-то общественное положеніе, имѣющимъ какую-либо профессію и постоянную изо дня въ день повторяющуюся дѣятельность. Съ измѣненіемъ всего этого, понятное дѣло, измѣняется и эта часть состава самосознанія. При этомъ, опять,— въ одинъ моментъ своей жизни человѣкъ представляетъ себя по преимуществу жителемъ такой-то мѣстности или неимѣющимъ постояннаго мѣстопребыванія, въ другой—членомъ семьи или общества, націи, въ третій—въ самосознаніи преобладаетъ представленіе общественнаго положенія, профессіи и т. п. Такого рода внутреннее измѣненіе самосознанія нерѣдко сопровождается полнымъ измѣненіемъ характера и дѣйствій человѣка, и личность становится какъ-бы совсѣмъ другою, *превращается* въ собственномъ смыслѣ въ отношеніи къ содержанію разсматриваемой части своей: человѣкъ снисходительный и ласковый, напримѣръ, какъ отецъ семейства и членъ общества, кружка, является суровымъ, недоступнымъ, когда сознаетъ себя, напримѣръ, начальникомъ, судьею; веселый и даже легкомысленный—становится серьезнымъ, важнымъ; смѣлый и рѣшительный—кажется и чувствуетъ себя робкимъ, стѣсненнымъ и т. п. Из-

вѣстно также, какъ иногда поразительно измѣняется самочувствіе и представленіе о себѣ у людей, ставшихъ изъ подчиненныхъ начальниками, и наоборотъ, изъ бѣдняковъ богатыми, и наоборотъ, и т. п.; какъ превращается самочувствіе и личность начальника въ присутствіи и даже при представленіи своего начальства, и у человѣка, занимающаго самую низкую ступень въ общественной іерархіи, когда ему представляется возможность надъ кѣмъ-нибудь и надъ чѣмъ-нибудь повластвовать. Далѣе, каждому человѣку приходится нерѣдко входить въ положеніе другихъ людей и воспроизводить временно чужое самочувствіе и самосознаніе, воссоздавать въ себѣ чужое „я“—съ состраданіемъ или завистію, съ удовольствіемъ или отвращеніемъ. Въ этомъ случаѣ самочувствіе человѣка и самосознаніе какъ-бы подмѣняется на время чужимъ (Поэты, актеры). Рѣдкіе также свободны, особенно въ молодости, отъ разнаго рода мечтаній, въ которыхъ они представляютъ себя въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ, со всевозможными возвышенными качествами, героями всякихъ приключеній и т. п. Всѣ эти временныя измѣненія въ представленіи себя, какъ опредѣленные состоянія и образы, разъ явившись, получаютъ нѣкотораго рода устойчивость, становятся способными къ воспроизведенію и повторенію, независимо отъ обстоятельствъ, вызвавшихъ ихъ въ первый разъ. Кромѣ всего этого, у каждаго человѣка составъ содержанія идеи личности измѣняется и превращается. болѣе или менѣе правильно и опредѣленно, сообразно съ возрастомъ: у каждаго бываетъ дѣтское самосознаніе—состоянія полной зависимости отъ родителей, беззаботности, незнанія зла, мелкихъ дѣтскихъ интересовъ и приключеній. Продолжаясь довольно значительное время, въ предѣлахъ памяти,—это дѣтское „я“ образуетъ прочно организованную формацію-представленіе; такая же прочная ассоціація образуется въ періодъ отрочества, юности, съ особыми отношеніями къ жизни, съ особымъ міросозерцаніемъ и массою событій; изъ этихъ формъ рѣзко выдѣляется самосознаніе и „я“ періода зрѣлости и полнаго развитія всѣхъ силъ тѣла и духа; затѣмъ слѣдуетъ „я“ наступающаго упадка силъ, въ связи съ са-

модовольствомъ или раскаяніемъ, разочарованіями; наконецъ, „я„ старческое—съ безучастнымъ созерцаніемъ окружающей жизни, нерѣдко съ возвратомъ къ дѣтству или съ думами о смерти и загробной судьбѣ. Всѣ эти и множество другихъ спеціальныхъ частныхъ формацій личности и самосознанія всегда, конечно, стоятъ въ соотношеніи съ общими и главными, составляющими основу и общій фонъ для всѣхъ ихъ, и въ связи съ разнаго рода событіями, изъ коихъ слагается жизнь человѣка,—располагаются въ памяти въ болѣе или менѣе длинный рядъ, связанный по смежности во времени. Онъ начинается съ образованіемъ яснаго воспоминанія и оканчивается наличнымъ даннымъ состояніемъ личности—индивидуума. У каждаго, понятное дѣло, этотъ рядъ свой особенный, сходный всегда въ большемъ или меньшемъ количествѣ пунктовъ съ рядами у другихъ людей, живущихъ въ одно время и при одинаковыхъ общихъ обстоятельствахъ и условіяхъ. Организованъ и связанъ этотъ рядъ тоже не съ одинаковымъ совершенствомъ у различныхъ людей: у однихъ, благодаря природной или ставшей навыкомъ невнимательности къ своимъ состояніямъ и событіямъ жизни, также вслѣдствіе природной или пріобрѣтенной слабости и неточности памяти,—онъ отличается неопредѣленностію, спутанностію и сложностію; у другихъ всѣ главныя формы самосознанія и всѣ событія, съ ними связанныя такъ или иначе, расположены въ строгомъ и опредѣленномъ порядкѣ, соотвѣтственно порядку прошлой дѣйствительности,—что у людей культурныхъ облегчается значительно ассоціаціею событій жизни и внутреннихъ измѣненій съ числами дней, мѣсяцевъ, годовъ и иногда записями. Между этими крайними пунктами—самой низкой и непрочной и самой высокой и правильной организаціей всего содержанія прошлой жизни—существуетъ цѣлая скала градацій, которыя трудно выяснить и опредѣлить. Но при этомъ самый внимательный и памятливый человѣкъ не можетъ всетаки ясно воспроизвести и тысячной доли всего пережитаго имъ и припомнить, въ частности, всѣ формы и видоизмѣненія своего самосознанія. Смутное общее сознаніе-чувство всѣхъ этихъ пережитыхъ измѣненій и превра-

щеній присуще въ каждый моментъ самосознанія и всякій разъ, потому, присуще въ каждомъ случаѣ яснаго возникновенія идеи „я“; только по временамъ нѣкоторая часть возникаетъ съ опредѣленностію, и въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ встаетъ передъ человѣкомъ вся его прошлая жизнь въ важнѣйшихъ ея моментахъ, и исчерпывается, раздѣльно возникаетъ въ сознаніи все содержаніе личности, реализуется полная, въ существенномъ, идея его „я“.

Представленный бѣглый и далеко неполный очеркъ измѣненій и превращеній личности и идеи „я“ показываетъ, что, взятое во всемъ объемѣ, самосознаніе человѣка средняго возраста и съ среднимъ богатствомъ жизненнаго опыта и перемѣнъ— представляетъ собою цѣлую, громадную, во всякомъ случаѣ, очень многочисленную, колонію, разныхъ представленій „я“, разныхъ идей личности, разныхъ по составу формацій ея. Каждая изъ нихъ стоитъ въ связи и соотношеніи съ общимъ составомъ этой идеи и со всѣми частными формами; но каждая въ то же время есть опредѣленное, въ себѣ замкнутое и болѣе или менѣе прочно организованное и сплоченное цѣлое. Этотъ фактъ многочисленности и разнообразія, по составу, представленій собственнаго „я“ и личности у каждаго человѣка, прежде всего, если не вполнѣ объясняетъ, то, во всякомъ случаѣ, освѣщаетъ многочисленныя и иногда странныя превращенія личности въ сновидѣніяхъ, душевныхъ болѣзняхъ и состояніи гипнотизма, или искусственнаго сомнамбулизма, какъ это состояніе называли въ началѣ текущаго столѣтія. Въ душевной дѣятельности во время сна, извѣстной подъ именемъ сновидѣній, человѣкъ очень рѣдко сознаетъ себя тѣмъ-же самымъ, какимъ сознавалъ въ бодрственномъ состояніи за секунду даже до погруженія въ сонъ: онъ представляетъ себя обыкновенно другимъ лицомъ, въ другой совершенно обстановкѣ, въ другихъ условіяхъ жизни. При этомъ, весьма часто, какъ это, конечно, извѣстно каждому по опыту, разныя представленія личности спутываются и переплетаются, или-же различныя формы ея быстро смѣняютъ одна другую и ставятъ человѣка въ самыя неожиданныя и не-

вѣроятныя положенія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, или, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ ихъ, по всей вѣроятности, происходитъ простое воспроизведеніе прежде бывшихъ въ бодрственномъ состояніи измѣненій и формъ самосознанія, хотя эти измѣненія были моментальными и незамѣтными, а потому не удержаны памятью. И чѣмъ мимолетнѣе какая-либо форма, тѣмъ болѣе она имѣетъ шансовъ возникнуть во время сна. Вотъ почему намъ кажется весьма часто, что какое-нибудь представленіе себя во снѣ не приходило и не могло придти намъ въ голову въ бодрственномъ состояніи: на самомъ дѣлѣ оно было, конечно, въ другой нѣсколько формѣ, было, напр., въ состояніи мечтаній и при построеніи „воздушныхъ замковъ“, или подъ вліяніемъ наблюденія другихъ людей, природы окружающей и т. п.

Кромѣ постоянныхъ и нормальныхъ, существуютъ еще болѣзненныя превращенія личности. Болѣзненныя превращенія личности тоже въ большинствѣ случаевъ имѣютъ реальную основу въ прежнихъ формаціяхъ самосознанія; при этомъ причина ихъ укрѣпленія и преобладанія доселѣ непостижима, хотя несомнѣнно имѣетъ физическую основу въ состояніяхъ организма, невидимымъ образомъ измѣняющихъ дѣятельность души. Превращенія эти могутъ быть распредѣлены на три группы, сообразно тремъ главнымъ составнымъ частямъ идеи „я“. Первая имѣетъ основаніе въ измѣненіи общаго чувства организма, т. е. органическихъ и мышечныхъ чувствъ. Всѣ они начинаютъ восприниматься какъ-то иначе, а нѣкоторыя вовсе исчезаютъ, напр. мышечныя, кожныя и т. п. Человѣку въ этомъ состояніи кажется, что онъ сталъ совсѣмъ другимъ лицомъ,—что прежній *онъ* умеръ, что *онъ* сталъ безплотнымъ духомъ. При дальнѣйшемъ развитіи болѣзни, неопредѣленное сначала превращеніе наполняется содержаніемъ, и человѣкъ начинаетъ воображать себя какимъ нибудь опредѣленнымъ лицомъ, причемъ матеріалъ для этого представленія берется изъ какой-нибудь прежде бывшей временно формы самосознанія и „я“ и только раскрашивается въ подробностяхъ. Вторая форма превращенія болѣзненной личности

коренится въ измѣненіи сознанія своихъ собственныхъ внутреннихъ силъ—ума, чувства и воли. Подъ вліяніемъ его, человѣкъ сознаетъ себя, наприм., великимъ геніемъ—изобрѣтателемъ, ученымъ, поэтомъ, реформаторомъ, царемъ, богомъ, наконецъ. И все это въ большинствѣ случаевъ представляетъ видоизмѣненіе представленій о себѣ въ нормальномъ состояніи, ріа desideria, которымъ человѣкъ предавался, можетъ быть, въ своихъ мечтахъ. Особую форму этого разстройства и превращенія личности составляетъ такъ называемое круговое помѣшательство, когда человѣкъ поперемѣнно и, большею частію, періодически воображаетъ себя то однимъ, то другимъ лицомъ. Третья группа разстройства личности въ формѣ превращенія имѣетъ источникъ въ измѣненіи идеи души, какъ основы всей жизни личности. Въ этомъ случаѣ человѣкъ перестаетъ сознавать себя разумнымъ существомъ, находитъ, что онъ просто машина, наприм., локомотивъ, или неразумное животное—волкъ, быкъ, птица—и ведетъ себя сообразно съ этимъ представленіемъ. Опять здѣсь могутъ играть роль прежніе дѣйствительные, можетъ быть, опыты человѣка представлять себя такъ,—бывшіе въ нормальномъ состояніи. По крайней мѣрѣ, относительно сознанія себя волкомъ сдѣлано наблюденіе, что въ средніе вѣка, когда была вѣра въ возможность такого превращенія, помѣшательство весьма часто выражалось въ этой формѣ—въ формѣ ликонтропіи. Теперь случаи такого рода чрезвычайно рѣдки. Значитъ, въ болѣзненномъ состояніи самосознаніе, измѣнившись, подмѣнялось бывшимъ прежде опытомъ представлять себя волкомъ. Случаи превращенія личности въ гипнотизмѣ замѣчательны особенно въ томъ отношеніи, что измѣненіе самосознанія въ гипнотизированномъ можетъ быть по произволу произведено путемъ внушенія.

Описанный нами фактъ постепеннаго образованія идеи субъекта—„я“, или личности, ея превращеній и измѣненій въ теченіе жизни индивидуума, ея мультипликаціи—удвоенія, утроенія, на-

конецъ, ея разложенія и какъ-бы уничтоженія въ живой человѣческой особи,—фактъ этотъ, со времени Юма, пожалуй, даже Локка, приводится какъ доказательство противъ единства и тожества сознающаго субъекта, его, слѣдовательно, постоянства и неизмѣнности среди разнообразія и смѣны явленій душевной жизни, а затѣмъ и его особности и субстанціальности Но въ дѣйствительности здѣсь нѣтъ достаточнаго основанія для такого отрицательнаго вывода, даже нѣтъ, можно сказать, никакого основанія. Напротивъ, всѣ многочисленныя наблюденія надъ возникновеніемъ и жизнью личности въ нормальномъ ея состояніи и при болѣзненныхъ разстройствахъ, правильно понятыя и оцѣненныя, служатъ самымъ лучшимъ въ настоящее время подтвержденіемъ того, что въ основѣ всѣхъ измѣненій внутренней жизни человѣка лежитъ, дѣйствительно, нѣчто единое, всегда себѣ равное по своему существу, неизмѣнное въ способахъ своей дѣятельности, при всемъ безконечномъ разнообразіи содержанія этой дѣятельности; что это единое, тождественное и неизмѣнное есть особое начало сознающее, т. е. начало, вносящее единство въ разнообразіе внутреннихъ измѣненій, воспринимающее ихъ и дѣлающее ихъ объектомъ своего созерцанія, а въ нихъ и черезъ нихъ становящееся себѣ самому объектомъ, при помощи созерцанія отражаемаго въ нихъ своего собственнаго единства, постоянства и неизмѣнности. Дѣло въ томъ, во-первыхъ, что при всякомъ измѣненіи въ содержаніи и направленіи самосознанія, при всякомъ превращеніи и измѣненіи идеи „я“, или представленія человѣка о себѣ самомъ,—общій планъ построенія этой идеи, схема ея, въ которую укладывается измѣнившееся содержаніе, группируются новые элементы, остается однимъ и тѣмъ же: всѣ измѣненія, состоянія, дѣйствія всегда относятся къ одному постоянному пункту, всѣ отсюда освѣщаются, какъ принадлежность, свойство измѣненія одного, и отсюда получаютъ характеръ и смыслъ. Думаетъ ли человѣкъ о себѣ, какъ только о тѣлесномъ существѣ и непосредственно отождествляетъ себя съ тѣломъ, или сознаетъ себя носителемъ духовныхъ силъ и свойствъ, или, наконецъ,

соединеннымъ съ плотію духомъ,—онъ чувствуетъ себя единымъ, а всѣ измѣненія свои принадлежностію этого единаго. При этомъ, логичность, внутренняя связность и единство самыхъ даже нелѣпыхъ, болѣзненныхъ формъ самосознанія и „я“—поразительна. Человѣкъ, вообразившій себя царемъ, думаетъ и чувствуетъ и дѣйствуетъ какъ царь; вообразившій себя птицею, звѣремъ—во всемъ стремится поступать какъ звѣрь или птица,—и такъ абсолютно во всѣхъ случаяхъ. Такимъ образомъ, личность въ самосознаніи всегда является какъ замкнутое цѣлое, имѣющее средоточіе. Въ послѣдовательномъ или одновременномъ удвоеніи или раздвоеніи личности, образованіи двухъ противолежащихъ или преемственно слѣдующихъ и взаимно даже вытѣсняющихъ другъ друга самосознаній, съ различнымъ или даже противоположнымъ содержаніемъ, наблюдается тоже явленіе внутренняго единства, средоточія и одинаковой организаціи каждаго изъ этихъ самосознаній. Отсюда прямо слѣдуетъ, что въ душевной жизни присутствуетъ какая-то сила, принципъ, который, во всякій данный моментъ и при всякомъ данномъ содержаніи и направленіи душевной дѣятельности, централизируетъ ее, организуетъ въ одно цѣлое, сводитъ всегда къ одному недѣлимому, себѣ равному пункту—„я“. Эта сила одна оказывается устойчивою и постоянною среди непрерывнаго теченія душевной жизни и измѣненія ея содержанія: она группируетъ около себя и объединяетъ себѣ свои различныя явленія въ каждый данный моментъ, облекаясь, при этомъ, въ разныя формы, какъ бы играя различныя роли, опредѣляется общими условіями и частными обстоятельствами всякаго отдѣльнаго человѣка. Призракомъ, такимъ образомъ, оказывается не она, какъ думаютъ психологи, отрицающіе единство и неизмѣнность личности, а эти ея разныя превращенія, измѣненія, мультипликаціи, какъ ея временныя, чисто случайныя формы, ея роли, которыя она сознательно принимаетъ на себя, или вынуждается принимать на себя обстоятельствами жизни, состояніемъ организма, съ которымъ неразрывно связана, и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, его болѣзненными измѣненіями и разстройствами. Сама въ себѣ она

при этомъ такъ же мало измѣняется и превращается, какъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ разные моменты обнаруживаетъ различныя способности и силы свои, т. е. въ одно время сосредоточивается въ познавательной дѣятельности, созерцаетъ и мыслитъ, въ другое—предается волненію, становясь какъ-бы однимъ болѣе или менѣе бурнымъ движеніемъ, иногда вовсе лишеннымъ мысли и представленія; въ третьемъ случаѣ обнаруживаетъ силу стремленія, сосредоточивается въ преслѣдованіи цѣлей внѣшнихъ и внутреннихъ, въ обнаруженіи дѣятельности и внутренней энергіи и т. п. Въ каждомъ изъ этихъ состояній сила дѣйствующая можетъ находиться продолжительное время, сохраняя постоянно готовность перейти въ другое, третье, комбинируя, затѣмъ, эти состоянія въ различныхъ пропорціяхъ. При этомъ она остается одною и тою же,—измѣняется только направленіе и содержаніе ея дѣятельности. Въ превращеніяхъ—нормальныхъ и болѣзненныхъ, внушеніяхъ и т. п.—самосознанія и личности повторяется то же самое: сила самосознающая, полагающая себя какъ недѣлимое, простое „я“ одна и та же,—мѣняется только матеріалъ, въ которомъ и черезъ который осуществляется самосознаніе при тѣхъ или другихъ условіяхъ. Матеріалъ этотъ, подъ вліяніемъ чисто внѣшнихъ обстоятельствъ, внѣшнею силою можетъ раздробиться на нѣсколько болѣе или менѣе устойчивыхъ группъ, изъ коихъ каждая становится способною стать особою формою самосознанія, давая средства организовать изъ себя единое цѣлое. Онѣ будутъ слѣдовать другъ за другомъ въ быстромъ преемствѣ, ежемгновенно смѣняя другъ друга съ такою быстротою, которая легко возбуждаетъ иллюзію ихъ одновременности. Тогда возникаетъ обманъ раздвоенія, утроенія личности, хотя въ дѣйствительности это будутъ всегда различныя формы дѣятельности одного и того-же самосознающаго начала; два или три, преемственно слѣдующія, измѣненія въ содержаніи, направленіи, наличныхъ средствахъ и матеріалѣ этой дѣятельности, или двѣ, три устойчивыя группы состояній, объединяемыхъ самосознающею силою будутъ возникать, благодаря внѣшнимъ условіямъ, черезъ правильные болѣе или менѣе продолжительные

періоды,—и тогда явится иллюзія двойного существованія, двухъ духовныхъ жизней различнаго направленія и содержанія.

Такимъ образомъ, всѣ измѣненія и превращенія идеи „я“, личности и самосознанія прямо и очевидно свидѣтельствуютъ о единствѣ лежащей въ ихъ основѣ силы, о ея постоянномъ и неизмѣнномъ тожествѣ. И это при томъ предположеніи, что между различными формами идеи „я“ и личности нѣтъ никакой связи, доступной наблюденію, и что общее единство жизни личности разрушается окончательно, т. е., наприм., два самосознанія, два „я“ одного и того-же человѣка не объединяются въ какой-нибудь третьей общей имъ формѣ, въ которой они хотя-бы смутно чувствовались, какъ состоянія одного и того-же существа. Но въ дѣйствительности такого полнаго раздѣленія никогда не бываетъ, не только при превращеніяхъ содержанія идеи „я“ и личности, естественныхъ удвоеніяхъ и утроеніяхъ ея, но даже въ самыхъ рельефныхъ болѣзненныхъ формахъ такого превращенія и раздвоенія. Относительно нормальныхъ измѣненій содержанія самосознанія это никѣмъ и не отрицается, потому что здѣсь всегда сознается предыдущая форма самосознанія, болѣе правильная и устойчивая, при раздвоеніи сознается внутренняя связь и единство, общая основа двухъ направленій самосознанія—только съ меньшею ясностію и опредѣленностію, чѣмъ это бываетъ обыкновенно—и, кромѣ того, готовы возникнуть всѣ другія формы, бывшія когда-либо и сохранившіяся въ памяти. Онѣ тогда представляютъ одно цѣлое и непосредственно сознаются какъ измѣненія одного начала и неизмѣнно группируются около этого единаго, какъ его общее содержаніе, принадлежность. Въ случаяхъ болѣзненнаго измѣненія и раздвоенія разрывъ господствующей иллюзорной формы самосознанія съ предыдущими и со всѣмъ прожитымъ содержаніемъ кажется полнымъ; но это только кажется,—съ одной стороны,—вслѣдствіе того, что, большею частію, эти измѣненія наблюдаются людьми, ищущими доказательствъ полнаго разрыва и разрушенія общаго единства личности,—съ другой—вслѣдствіе трудности узнать отъ душевно больного чело-

вѣка то, какъ онъ себя чувствуетъ и сознаетъ рядомъ и одновременно съ подавляющими его иллюзіями и галлюцинаціями. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что, хотя смутно, временно и по частямъ, прежнія формы самосознанія возникаютъ, и наличная форма ставится съ нимъ въ соотношеніе и связь, сознаваясь какъ часть и случай измѣненія одного и того-же. При этомъ обыкновенно выступаетъ съ большею опредѣленностію какая-либо изъ болѣе устойчивыхъ и привычныхъ формъ самосознанія: въ однихъ случаяхъ это бываетъ физическое самосознаніе, въ другихъ выступаетъ личность духовная.

Отвѣтъ на вопросъ, въ виду всего этого, о томъ, что это за сила, объединяющая всегда наличное содержаніе самосознанія и себя, наблюдающая въ немъ и черезъ него,—можетъ быть только одинъ: сила эта есть особый, духовный агентъ—душа, субстанція, особое существо, связанное съ тѣломъ и отъ него отличное. Правда, такой отвѣтъ есть своего рода гипотеза, но гипотеза, вынуждаемая необходимостію и, потому, граничащая съ дѣйствительностію. Она одна дѣлаетъ сколько-нибудь понятнымъ и представимымъ весь процессъ самосознанія въ его разнообразіи. Подставьте вмѣсто субстанціи духовной, какъ основы и дѣятеля въ самосознаніи и объединеніи личности, матеріальный организмъ, тѣло—и все въ этомъ явленіи становится темнымъ, непостижимымъ и необъяснимымъ. Въ самомъ дѣлѣ, положеніемъ противниковъ субстанціальности, сознающаго и самосознающаго начала въ человѣкѣ, что основою единства самосознающаго служитъ тѣло и присущее ему *общее чувство*, называемое новымъ словомъ „целестезія“, съ котораго, какъ мы видѣли, дѣйствительно, начинается сознаніе,—положеніемъ этимъ не только ничего не объясняется, но даже объясненіе и не начинается. Общее чувство организма есть состояніе, и внѣ его существовать не можетъ; для того, чтобы чувство это организовалось въ одно цѣлое состояніе изъ различныхъ элементовъ, входящихъ въ его составъ,—элементовъ весьма многочисленныхъ,—необходимо предположить нѣкоторую

объединяющую силу и притомъ силу сознающую. Силу эту нельзя считать свойствомъ организованнаго вещества, какъ это было показано уже и—общеизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, производство сознанія изъ движенія вещества есть самая плохая изъ всѣхъ существующихъ гипотезъ. Но для объясненія самосознанія, самооткрытія субъекта себѣ самому въ своемъ единствѣ, нужно сдѣлать еще шагъ, который уже ведетъ матеріализмъ прямо въ область абсурда. Признавая основою и дѣятелемъ, производящимъ самосознаніе, общее чувство организма—целестезію, которая возникаетъ, съ его точки зрѣнія, неизвѣстно какъ, въ качествѣ добавки къ нервнымъ процессамъ въ мозгѣ,—онъ долженъ вообразить, что эта добавка, этотъ призракъ воспринимаетъ самого себя, какъ единство, смотритъ на себя и думаетъ о себѣ, организуетъ и объединяетъ затѣмъ всѣ измѣненія самосознанія Надо имѣть слишкомъ большое предубѣжденіе и ненависть ко всему духовному и большой навыкъ обходить трудности и мириться съ несообразностями въ мысли, чтобы не видѣть въ подобномъ предположеніи верха нелѣпости. Въ сущности, все это построеніе даже не вообразимо и не осуществимо въ нашей мысли. Признаніе особаго—сознающаго и самосознающаго—начала духовнаго не только устраняетъ всякіе абсурды, въ родѣ указаннаго, но вполнѣ удовлетворительно объясняетъ все въ области явленій самосознанія, причемъ въ этихъ явленіяхъ открываются до извѣстной степени и общія формы бытія самосознающаго начала, его индивидуальность и особность въ каждомъ сознающемъ существѣ, въ данномъ случаѣ, въ человѣкѣ.—Мы видѣли, что самое бытіе мыслящаго и сознающаго,—противоположнаго матеріальному, безсознательному,—начала есть фактъ, по меньшей мѣрѣ, такой же очевидный, какъ и бытіе начала матеріальнаго, а въ дѣйствительности болѣе очевидный и непосредственно прямо данный. Въ явленіяхъ самосознанія это начало открывается какъ абсолютно недѣлимая, въ себѣ замкнутая реальность, недѣлимый пунктъ энергіи, живой и развивающійся въ связи и соотношеніяхъ съ матеріею. Его основное свойство—сознаніе, т. е. раз-

личеніе и отожествленіе или сравненіе и идеальное отображеніе всего, съ нимъ соприкасающагося матеріальнаго, а затѣмъ и своихъ собственныхъ измѣненій и дѣятельностей, какъ основное свойство матеріи есть безсознательность и неспособность къ самоотраженію. Изъ этого двойного отраженія—матеріи въ ея формахъ и себя въ своихъ дѣятельностяхъ, въ связи съ различеніемъ-сравненіемъ всего состоитъ жизнь и дѣятельность этого пункта энергіи, этого атома sui generis, или монады, какъ жизнь атома матеріальнаго состоитъ въ слѣпыхъ сочетаніяхъ съ другими атомами и въ образованіи этимъ путемъ сложныхъ движеній и дѣятельностей вещества.

б) Образованіе идеи „внѣшняго"—съ его основными свойствами.

Идея сопротивленія, какъ основа представленій о „внѣшнемъ". — Свойства „внѣшняго". Идея пространства и ея факторы. Идея времени и условія ея образованія. — Опредѣленіе основныхъ свойствъ познающаго субъекта — путемъ отрицанія свойствъ „внѣшняго".

Въ неразрывной связи съ образованіемъ нашего представленія о *внутреннемъ*—„я"—стоитъ процессъ образованія представленія о *внѣшнемъ*—матеріальномъ.

Исходнымъ пунктомъ нашего представленія о внѣшнемъ—сначала матеріальномъ—служитъ несомнѣнно опять то же чувство мышечное, мускульное усиліе, только разсматриваемое съ другой стороны. Организмъ человѣка, какъ обособленная величина, есть центръ и источникъ живой силы, которая накопляется въ немъ и ищетъ выхода въ движеніи, измѣненіи положенія своихъ органовъ. Это отправленіе силы отъ центра къ периферіи и самый фактъ движенія еще въ утробной жизни необходимо сопровождается особаго рода состояніемъ сознанія, особаго рода чувствомъ, которое мы назвали „чувствомъ выхода силы". Чувство это смутно и неопредѣленно; но оно есть зародышъ и основа всего нашего знанія о внѣшнемъ мірѣ. Оно становится яснѣе и опредѣленнѣе съ того момента, когда выходящая изъ организма сила встрѣчаетъ препятствіе и сопротивленіе; а это сопротивленіе встрѣчается съ самаго перваго раза и затѣмъ повторяется неисчислимое множество разъ въ безконечно разнообразныхъ формахъ

въ теченіе всей жизни, измѣняясь въ формѣ, въ силѣ напряженія. Мало того, это чувство, какъ и чувство мускульнаго усилія присуще безусловно въ каждый моментъ сознательной жизни и сопровождаетъ всякое положеніе организма. И если постоянное присутствіе мускульнаго усилія, траты силы даетъ намъ первый матеріалъ для мысли о себѣ, какъ особомъ существѣ, то постоянное присутствіе сопротивленія въ то же время служитъ основою мысли о „внѣшнемъ“, и эти двѣ мысли, двѣ идеи въ зародышѣ, очевидно, взаимно опредѣляютъ другъ друга и, развиваясь вмѣстѣ, другъ друга уясняютъ, пока не явятся въ формѣ яснаго знанія противоположности субъекта и объекта, внутренняго и внѣшняго.

Такимъ образомъ, внѣшній матеріальный міръ первоначально открывается намъ, какъ сопротивленіе, какъ нѣчто препятствующее нашимъ движеніямъ, полагающее предѣлъ свободному выходу силы. И затѣмъ этотъ міръ навсегда остается для насъ въ сущности совокупностію сопротивленія разнаго вида и формы, и идея сопротивленія навсегда остается основною въ представленіи каждаго матеріальнаго предмета. Каждый матеріальный предметъ есть, прежде всего, нѣчто препятствующее нашимъ движеніямъ, сопротивляющееся, и гдѣ нѣтъ этого сопротивленія, гдѣ мы не можемъ вообразить его въ какой-бы то ни было формѣ и хотя бы съ безконечно малымъ сопротивленіемъ, — тамъ исчезаетъ для насъ матеріальное бытіе, остается отрицаніе его. Вотъ почему наши основныя понятія о внѣшнемъ матеріальномъ мірѣ, о такъ называемыхъ „первичныхъ“ качествахъ предметовъ и явленій, его составляющихъ, слагаются изъ идеи сопротивленія: такъ, матеріальность или тѣлесность — есть, очевидно, другой терминъ для выраженія сопротивленія; инертность, или неподвижность матеріи есть дальнѣйшее приложеніе той же идеи; плотность и рыхлость и т. п.—все это суть формы сопротивленія. Такъ, явилась идея сопротивленія и съ ней вмѣстѣ смутная идея внѣшняго, — что внѣшнее противостоитъ внутреннему,—и дальнѣйшій внѣшній опытъ человѣка, все его знаніе о

внѣшнемъ мірѣ составляетъ, какъ справедливо замѣтилъ Вундтъ, только ближайшее ознакомленіе съ нимъ, подробный анализъ, разложеніе на составныя части этой общей идеи. Разложеніе это совершается при помощи органовъ чувствъ и затѣмъ возникающей постепенно мыслительной силы и дѣятельности. Зрѣніе, слухъ, обоняніе и пр. открываютъ намъ такъ называемыя „вторичныя" свойства внѣшняго—*динамическія*, какъ ихъ называетъ Спенсеръ, въ отличіе отъ первичныхъ, названныхъ имъ *статическими* Основная черта этихъ свойствъ состоитъ въ томъ, что они не связаны неизмѣнно съ сопротивленіемъ, или тѣломъ,—и то являются въ немъ, то исчезаютъ. Такъ, для того, чтобы быть видимымъ и окрашеннымъ — тѣло должно подвергнуться дѣйствію нѣкоторой посторонней для него силы и свѣту, отразить ее отъ себя, хотя эта сила для насъ доступна, въ свою очередь, только при этомъ условіи. Чтобы звучать, тѣло должно придти, подъ вліяніемъ внѣшней силы, въ колебаніе и привести въ волнообразное движеніе воздухъ; чтобы производить осязательное ощущеніе—оно должно обладать нѣкоторымъ болѣе или менѣе измѣнчивымъ свойствомъ своей поверхности и т. п. Средину между „первичными" и „вторичными" качествами занимаетъ группа качествъ „внѣшняго", которая обозначается терминами „пространство", „фигура", „разстояніе", „время", „движеніе". Локкъ назвалъ ихъ „первично-вторичными", Спенсеръ„—статическо-динамическими". Основная характеристическая особенность ихъ состоитъ въ томъ, что они получаются не прямо и непосредственно—въ воспріятіи—и не помощію какихъ-нибудь спеціальныхъ органовъ, а дѣятельностью мысли, души, подъ вліяніемъ прямыхъ и непосредственныхъ впечатлѣній отъ свойствъ первичныхъ и вторичныхъ, хотя въ сущности они неотдѣлимы отъ „внѣшняго" и вообще отъ всего нами представляемаго. Оттого представленія пространства и времени почитались и многими доселѣ почитаются за прирожденныя формы духа.

Первоначальная основа образованія идеи *пространства* лежитъ въ устройствѣ органовъ чувствъ, особенно органа осязанія и аналогичномъ съ нимъ устройствѣ органа зрѣнія (Веберъ, Лотце). Въ

этомъ случаѣ идея пространства происходитъ точь въ точь такъ же, какъ идея всѣхъ другихъ качествъ „внѣшняго"—свѣта и цвѣта, звука, температуры и т. п. Прежде всего, она есть состояніе нервовъ, особый видъ ихъ дѣятельности, есть психическое выраженіе факта изолированности чувствующихъ нервныхъ волоконъ, изъ коихъ каждое несетъ къ сознанію свое возбужденіе, не смѣшиваясь съ другими и т. п.; душа, особенно въ процессѣ осязанія и зрѣнія, получаетъ сѣть качественно опредѣленныхъ раздраженій (то же самое во вкусѣ, обоняніи). Эта сѣть, вслѣдствіе необычайной быстроты въ воспріятіи, сливается въ одно цѣлое—безъ промежутковъ. Но при этомъ различеніе или память различія впечатлѣній, изъ которыхъ слагается цѣлое, остается и не можетъ не остаться. Это неизбѣжное слияніе впечатлѣній, приносимыхъ сознанію пучкомъ волоконъ осязательнаго или зрительнаго нерва, связанное съ чувствомъ разницы, и есть идея пространства въ зародышѣ Это состояніе можно назвать *ощущеніемъ протяженности* пространства. Какъ всѣ другія ощущенія, оно предполагаетъ во внѣшнемъ нѣкоторую причину, производящую его, способность „внѣшняго" возбуждать различные концы нервовъ; слѣдовательно, объективное протяженіе, какъ ощущеніе свѣта, предполагаетъ нѣчто внѣшнее, ему соотвѣтствующее. Пространство, такимъ образомъ, съ одной стороны, существуетъ внѣ насъ, съ другой—есть наше состояніе, какъ свѣтъ есть нѣчто дѣйствительно существующее внѣ насъ и въ то же время наше состояніе. Строго говоря, въ томъ и другомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ подобныхъ, идея есть продуктъ взаимнодѣйствія двухъ одинаково тожественныхъ и одинаково реальныхъ факторовъ—субъекта ощущающаго и сознающаго и объекта. Въ такомъ случаѣ въ описанной формѣ воспріятіе пространства никогда не бываетъ и не можетъ быть наблюдаемо, хотя для того, чтобы добраться до самаго корня и основы идеи, эту форму необходимо предположить. Дѣло въ томъ, что осязающія поверхности тѣсно связаны съ мышцами, глазъ тоже окруженъ множествомъ мышцъ, какъ и всѣ другіе органы чувствъ. Исключеніе составляетъ органъ слуха у

человѣка. У человѣка всякое осязательное и зрительное возбужденіе вызываетъ раздраженіе въ мускулахъ, заставляетъ ихъ сокращаться и расширяться, т. е. двигаться. Съ движеніемъ связано ощущеніе различныхъ пунктовъ, послѣдовательно занимаемыхъ сокращающимся и расширяющимся мускуломъ, — наше ощущеніе пути, проходимаго мускуломъ. Пункты эти, связываясь съ осязательными и зрительными, естественно, совпадаютъ съ этими послѣдними и даютъ знать о ихъ сплошности помимо „слаганія" ихъ въ сознаніи. При быстромъ движеніи они сливаются объективно. Такимъ образомъ, движеніе, или, точнѣе, чувство движенія, чувство проходимаго пути необходимо, и съ самыхъ первыхъ моментовъ, принимаетъ участіе въ сознаніи пространства и въ образованіи идеи о немъ. Въ дальнѣйшемъ же развитіи и осложненіи идеи пространства чувство мускульное занимаетъ уже главную и выдающуюся роль.

Можно убѣдиться очень простыми соображеніями, что безъ участія движеній и чувства, ихъ сопровождающаго, эта идея была бы очень смутна, бѣдна содержаніемъ и—во всякомъ случаѣ—не достигла бы той опредѣленности и широты, какими она отличается при существующихъ условіяхъ, служа источникомъ многихъ обобщеній и знаній.

Предположивши организмъ и всѣ его части совершенно неподвижными, или, все равно, лишенными чувства движенія, — въ силу указанной особенности въ устройствѣ нервовъ и процесса сознанія, мы все-таки должны предположить возможность образованія идеи пространства или протяженія. Но эта идея состояла бы только изъ представленія связанныхъ между собою пунктовъ поверхности, равной поверхности осязаемой, и постоянному, при неподвижности глаза, огромному углу зрѣнія. При этомъ условіи намъ все казалось бы плоскостью. Углубленія казались бы перерывами для осязанія и цѣлое тѣло съ углубленіями — совокупностью многихъ тѣлъ; для зрѣнія углубленія казались бы темными или менѣе освѣщенными пятнами. Въ томъ и другомъ случаѣ плоская картина казалась бы плотно прилежащею нашему орга-

низму. Идея третьяго измѣренія пространства не могла бы получиться и съ тѣмъ вмѣстѣ не было бы идеи разстоянія и перспективы для глаза, идеи тѣлесной формы. Словомъ, идея пространства осталась бы въ зародышномъ состояніи. (Наблюденія надъ оперированными слѣпорожденными). — Прибавьте къ чисто осязательнымъ и зрительнымъ ощущеніямъ въ воспріятіи протяженія движеніе и мышечное чувство—и дѣло измѣняется. Третье измѣреніе, съ тѣмъ вмѣстѣ идея фигуры, разстоянія и т. п. получается при помощи мускульнаго чувства и движеній, точнѣе, при помощи комбинаціи и ассоціаціи зрительно-осязательныхъ ощущеній съ мускульными. Благодаря участію мускульныхъ ощущеній также расширяется воспріятіе протяженія, является возможность сознавать и имѣть идею большихъ пространствъ, чѣмъ какія даются при неподвижности руки или глаза. Затѣмъ идея пустого пространства, какъ формы, въ которую все укладывается, идея пространства безконечнаго,—суть результатъ отвлеченія и творческаго построенія. Въ дѣйствительности имъ ничто не соотвѣтствуетъ; по крайней мѣрѣ, объективнаго пустого пространства, пространства ничѣмъ ненаполненнаго мыслить нельзя. Идея его осуществляется въ сознаніи благодаря тому, что пустота наполняется воображаемыми пунктами. Измѣреніе пространства производится при помощи мускульно-осязательныхъ или зрительно-осязательныхъ ощущеній. Большія пространства непосредственно измѣряются напряженіемъ при движеніи, т. е. количествомъ мускульной силы, растрачиваемой при ихъ прохожденіи. Искусственныя мѣры представляютъ только замѣну этихъ непосредственныхъ способовъ измѣренія или масштабовъ.

Идея пространства, очевидно, связана непосредственно съ идеями первичныхъ свойствъ „внѣшняго“, и есть форма тѣлесности. Тѣсно связанная съ идеею пространства идея *времени*, наоборотъ, есть главнымъ образомъ форма явленій, и связана ближайшимъ образомъ съ идеями вторичныхъ свойствъ, непостоянныхъ, измѣнчивыхъ.

Всякое явленіе, ближайшимъ образомъ—всякое состояніе нашего сознанія начинается и оканчивается, т. е. проходитъ нѣко-

торый воображаемый путь, имѣетъ свого рода длину, которая въ отличіе отъ длины пространственной называется „продолжительностью“. Эта продолжительность не есть нѣчто простое, а представляетъ собою смѣну невообразимо малыхъ продолжительностей, такъ называемыхъ моментовъ, слѣдующихъ другъ за другомъ и сливающихся въ одно цѣлое. Эти меньшія продолжительности, входящія въ составъ продолжительности сознаваемой и воспринимаемой, имѣютъ сходство съ пунктами - точками, изъ которыхъ слагается сознаніе и воспріятіе протяженности и протяженія. Возникшее и исчезнувшее, т. е. начавшееся и окончившееся, явленіе обыкновенно смѣняется другимъ, это новымъ и т. д.—до прекращенія сознанія и воспріятія. Изъ совокупности начала и конца продолжительности каждаго изъ смѣняющихся явленій образуются болѣе сложныя и обширныя продолжительности смѣняющихся явленій, такъ называемые ихъ періоды, циклы и т. п. Непосредственное воспріятіе и сознаніе смѣны и теченія отдѣльнаго явленія и цѣлой ихъ совокупности, изъ котораго образуется воспріятіе продолжительности различнаго объема, и служитъ первоначальною и единственною основою идеи времени. Такимъ образомъ, объективное, внѣшнее, и время есть смѣна и теченіе, измѣненіе явленій постоянное и безостановочное. Идея и понятіе времени—есть сознаніе и представленіе этой смѣны и широты теченія. Внѣ этой смѣны нѣтъ еще ничего, къ чему бы можно было приложить эту идею, нѣтъ какого-нибудь начала, дѣятеля, субстанціи, которые оставались бы съ прекращеніемъ смѣны. Для полученія идеи времени устраняются изъ сознанія всѣ свойства явленій и качества ихъ, и вниманіе сосредоточивается только на смѣнѣ ихъ, на ихъ взаимномъ отношеніи, какъ смѣняющихся. Чѣмъ больше обращается вниманія на эту смѣну, тѣмъ яснѣе сознаніе времени, т. е. чего-то безостановочно текущаго, и тѣмъ длиннѣе кажется продолжительность времени. Когда вниманіе сосредоточивается на качествахъ явленій, на ихъ отношеніяхъ по сходству, различію, взаимной зависимости и т. п., сознаніе смѣны ихъ слабѣетъ и съ тѣмъ вмѣстѣ слабѣетъ, а въ нѣкоторыхъ

случаяхъ совершенно прекращается, сознаніе времени,—время исчезаетъ или кажется менѣе длиннымъ, сокращается. Такъ какъ жизнь души есть постоянная смѣна состояній, то матеріалъ для идеи времени данъ непосредственно въ самомъ сознаніи, и она можетъ быть получена независимо отъ наблюденія теченія внѣшнихъ явленіи. Слагающееся изъ прямого наблюденія теченія нашихъ собственныхъ состояній сознаніе времени называется „временемъ субъективнымъ"; слагающееся изъ сознанія теченія внѣшнихъ явленій называется „временемъ объективнымъ". Длина или продолжительность субъективнаго и объективнаго времени никогда почти не совпадаетъ. Время, какъ и пространство, имѣетъ три стороны, три своего рода измѣренія; но характеръ ихъ и содержаніе совершенно другіе. Время дѣлится на прошедшее, настоящее и будущее: прошедшее есть не что иное, какъ воспроизведеніе воспринятыхъ рядовъ явленій, теченія ихъ, памяти о нихъ; настоящее есть совокупность испытываемыхъ явленій въ данный моментъ; будущее есть воображаемый рядъ явленій, имѣющихъ наступить съ прекращеніемъ наличнаго ряда ихъ. Длина, или продолжительность, какъ отдѣльныхъ явленій, такъ и рядовъ ихъ въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ не одинакова, что зависитъ отъ большей или меньшей сложности отдѣльнаго явленія или ряда ихъ. Отсюда потребность измѣренія времени, совершающагося при помощи нѣкотораго масштаба, постоянной легко воспринимаемой его продолжительности. Такимъ средствомъ или масштабомъ служатъ, прежде всего, нѣкоторыя постоянныя измѣненія организма, имѣющія всегда приблизительно одну и ту же длину и слагающіяся всегда изъ одного количества моментовъ, обыкновенно изъ двухъ, такъ называемыхъ ритмическихъ, движеній, каковы, наприм., миганіе—ритмическое движеніе вѣкъ, дыханіе. Эти движенія служатъ типами самаго малаго продолженія времени и элементарными мѣрами или частями его. Далѣе слѣдуютъ болѣе длинные періоды—періодическое возникновеніе голода послѣ насыщенія, періодическая смѣна сна и бодрствованія, бодрости и утомленія во время работы мускульной и т. п. Затѣмъ слѣдуютъ постоянныя,

имѣющія одинаковую длину, смѣны планетной жизни; смѣнъ этихъ много: сутки, различныя части ихъ, фазисъ луны, смѣна временъ года. Въ дальнѣйшемъ развитіи смѣна замѣняется хронометромъ,— искусственно установленными пунктами. При этомъ самый наглядный и удобный пріемъ мѣры времени—пространствомъ, какъ, въ свою очередь, и пространство измѣряется временемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ противолежащее познающему субъекту „внѣшнее" опредѣляется, какъ совокупность постоянно присущихъ ему свойствъ и формъ сопротивленія, или тѣлесности, протяженія, смѣны во времени, и всюду въ немъ являющихся, хотя и перемѣнчивыхъ свойствъ — свѣта и тьмы, тепла и холода, вкуса, запаха и т. п., — опредѣляются и основныя свойства самого познающаго субъекта. Опредѣленіе это, приблизительно, совершается такъ. Для воспріятія внутреннихъ состояній, изъ коихъ слагается содержаніе субъекта „я", нѣтъ никакихъ органовъ, или орудій: оно совершается особеннымъ образомъ, при помощи обращенія познающаго на самого себя, которое только метафорически и по аналогіи называется видѣніемъ себя, смотрѣніемъ внутрь себя. На самомъ дѣлѣ это особый актъ, не имѣющій ничего общаго съ видѣніемъ и вообще съ воспріятіемъ „внѣшняго". Сознаніе особенности внутренняго видѣнія и воспріятія, сознаніе, которое необходимо является рано или поздно и въ той или другой формѣ у всякаго человѣка, внушаетъ идею не только раздѣльности и особности, но и противоположности, контраста между внѣшнимъ и внутреннимъ, душевнымъ и тѣлеснымъ. Въ силу этого, какъ главное свойство познающаго, или субъекта-души, представляется, прежде всего и по преимуществу, — противоположность ея внѣшнему, отрицаніе его свойствъ; поэтому, основныя свойства познающаго являются въ сознаніи неизбѣжно отрицательными, или, точнѣе, выражаются въ сознаніи и потомъ въ языкѣ въ отрицательной формѣ.

1) Такъ какъ воспріятіе „внѣшняго" во всѣхъ его свойствахъ, въ періодъ яснаго сознанія, совершается при помощи зрѣнія, и „внѣшнее" по преимуществу называется видимымъ, свѣтомъ и т. п.,

то невозможность видѣть субъектъ познающій—внутренній—всего прежде сосредоточиваетъ вниманіе на себѣ и, потому, первымъ, основнымъ свойствомъ души, или познающаго, естественно, является въ сознаніи его недоступность зрѣнію, „невидимость“. Душа и весь міръ духовный всего чаще, потому, характеризуются, какъ невидимое, причемъ и все реально-сущее раздѣляется на видимое и невидимое. 2) Недоступность осязанію, отсутствіе сопротивленія, недоступность другимъ чувствамъ даетъ другое отрицательное основное свойство—неуловимость, безтѣлесность. При дальнѣйшемъ развитіи эти свойства превращаются въ одно общее—нематеріальность, или духовность. Идея духовности, дѣйствительно, есть простое отрицаніе всего составляющаго тѣлесность. 3) Далѣе, весьма рано наблюдается, что образъ внѣшняго предмета, существующій въ душѣ, не равенъ по своему объему и протяженію этому предмету и даже вовсе не имѣетъ протяженія,—что въ душѣ умѣщаются громадныя пространства и громадныя тѣла и отъ этого въ ней не становится тѣсно. Къ субъекту оказывается невозможнымъ примѣнить мѣру, которая такъ тѣсно сливается съ идеею пространства. Отсюда идея непространственности познающаго субъекта. 4) Наконецъ, мѣра времени тоже оказывается неприложимою къ субъекту: годъ, напримѣръ, состоящій изъ смѣны 365 сутокъ, представляется субъекту въ сотую часть секунды, или—въ невообразимое время и т. п. Кромѣ того, въ немъ существуетъ представленіе громадныхъ временъ, не данныхъ въ воспріятіи. Время, говоря образно, также кажется неумѣщающимся въ душѣ. Отсюда познающее, по существу своему, представляется неизмѣняющимся, непреходящимъ, вѣчнымъ. Существуютъ ли эти свойства,—вопросъ, но что идеи ихъ существуютъ—это несомнѣнно.

2. Воспріятіе и представленіе.

Разложеніе общаго „внѣшняго“ на части—„единичное“—въ процессѣ воспріятія. Простыя и сложныя сочетанія ощущеній и вызовъ ихъ идей въ воспріятіи. Образованіе представленія о предметѣ. Усвоеніе опыта другихъ путемъ ученія. Представленія единичныхъ конкретныхъ предметовъ и цѣлыхъ картинъ. Названія единичныхъ конкретныхъ предметовъ.

Процессъ образованія идей субъекта и объекта выдѣленъ нами искусственно. Онъ стоитъ въ связи со множествомъ другихъ процессовъ и отъ нихъ зависитъ, продолжается всю жизнь и идетъ параллельно съ знаніемъ и, прежде всего, съ изученіемъ внѣшняго.

Внѣшнее въ нашемъ знаніи является какъ совокупность безчисленнаго множества „единичныхъ“, внѣшнихъ намъ, предметовъ и явленій, обладающихъ своими свойствами и стоящихъ между собою въ опредѣленномъ отношеніи; внутреннее—какъ совокупность явленій внутреннихъ, стоящихъ въ опредѣленныхъ отношеніяхъ между собою. Для того, чтобы образовались въ познающемъ идеи всѣхъ этихъ „единичностей“ и ихъ отношеній, познающій субъектъ, очевидно, долженъ придти съ ними въ прямое соотношеніе, *воспринять* ихъ непосредственно каждую. Потому, этотъ сложный процессъ разложенія общаго внѣшняго на составляющія его части по преимуществу извѣстенъ подъ именемъ *воспріятія*, или *опыта*. Въ своемъ направленіи къ внѣшнему это воспріятіе называется „внѣшнимъ“, или „чувственнымъ“; направленное на внутренній міръ, оно является и называется „внутреннимъ воспріятіемъ“.

Процессъ „воспріятія“ управляется по преимуществу закономъ ассоціацій по смежности и состоитъ въ сочетаніи между собою ощущеній и взаимномъ вызовѣ ихъ идей. Прежде всего, въ области каждаго ощущенія образуются и могутъ образоваться послѣдовательные ряды качественно различныхъ состояній въ томъ преемствѣ, въ какомъ они даны въ опытѣ, иногда случайно. Всего меньше такихъ ассоціацій по смежности образуется въ области низшихъ чувствъ—вкуса, обоняния и органическихъ ощущеній, и эти ряды чрезвычайно не прочны. Мы можемъ припомнить и воспроизвести рядъ болѣзненныхъ припадковъ, испытанныхъ нами во время болѣзни какой-нибудь, можемъ воспроизводить рядъ послѣдовательныхъ состояній, изъ которыхъ слагается чувство усталости, отдыха и т. п.; можемъ воспроизвести послѣдовательный рядъ ощущеній усиливающагося холода, голода и жажды; можемъ воспроизвести послѣдовательный рядъ ощущеній вкусовыхъ, испытанныхъ во время обѣда, послѣдовательный рядъ запаховъ, испытанныхъ нами во время прогулки. Будучи непрочными, эти ассоціаціи имѣютъ весьма мало значенія для увеличенія нашихъ познаній. Въ области осязанія несравненно больше ассоціацій по смежности, и онѣ несравненно важнѣе. Ассоціаціи эти образуются между качественно-различными состояніями осязанія и служатъ источникомъ большого количества прочныхъ воспроизведеній и представленій матеріальныхъ предметовъ естественныхъ и искусственныхъ. У слѣпорожденнаго изъ подобнаго рода ассоціацій различныхъ состояній осязанія образуются всѣ представленія о матеріальномъ мірѣ.— Ассоціаціи звуковъ, кромѣ случайной связи, вслѣдствіе слѣдованія другъ за другомъ, обнимаютъ собою двѣ великія области—музыкальныхъ и членораздѣльныхъ звуковъ. Мы запоминаемъ рядъ музыкальныхъ нотъ и можемъ повторять ихъ въ порядкѣ, воспроизводя цѣлую пьесу. Такихъ сочетаній много у каждаго. Одинъ звукъ, одинъ мотивъ въ этомъ случаѣ обыкновенно вызываетъ цѣлые ряды другихъ, изъ которыхъ слагается музыкальная пьеса. Такое же отношеніе существуетъ между членораздѣльными звуками. Мы изучаемъ каждый слогъ каждаго слова,—хотя и не со-

знаемъ этого,—и большая часть изъ нихъ есть сочетаніе гласнаго звука съ согласнымъ по смежности. Каждое слово есть заученная, т. е. ставшая прочною, вслѣдствіе повторенія, ассоціація согласныхъ и гласныхъ звуковъ и слоговъ, изъ нихъ состоящихъ. Эти ассоціаціи звуковъ гласныхъ и согласныхъ, или словъ, образуются въ новые послѣдовательные ряды цѣлыхъ рѣченій, которыя, повторяясь постоянно въ одномъ порядкѣ, становятся привычными и прочными. Масса такихъ ассоціацій способствуетъ особенной быстротѣ разговорной рѣчи. У насъ всегда много не только готовыхъ словъ, но и цѣлыхъ группъ ихъ, или фразъ. На законѣ ассоціаціи по смежности слѣдующихъ другъ за другомъ звуковъ основывается заучиваніе цѣлыхъ рядовъ совершенно непонятныхъ словъ. У многихъ этотъ процессъ совершается съ изумительною быстротою, другіе весьма мало способны къ заучиванію непонятнаго. Слова могутъ произноситься, какъ говорится, мысленно, безъ участія голоса, или, точнѣе, при незначительномъ участіи голосовыхъ мускуловъ; но такъ какъ при этомъ они не производятъ впечатлѣнія на слухъ, то, при этомъ условіи, они сочетаются очень медленно и непрочно. Оттого заучиваніе наизусть слово въ слово всегда легче при громкомъ и отчетливомъ произношеніи словъ. Когда послѣдовательность звуковъ сопровождается еще послѣдовательностью музыкальныхъ тоновъ, удареній, то происходитъ двойная ассоціація, и запоминаніе звуковъ облегчается. Отъ этого зависитъ то, что пѣсни и стихи заучиваются легче, чѣмъ проза.—Въ области зрѣнія находится самое большое количество ассоціацій по смежности, и онѣ имѣютъ чрезвычайно важное значеніе, потому что предметы мы большею частію мыслимъ подъ формою зрительныхъ ощущеній. Въ области зрѣнія, какъ намъ извѣстно уже, происходитъ постоянная ассоціація по смежности свѣтовыхъ и мускульныхъ ощущеній. Одинъ элементъ безъ другого никогда не встрѣчается: представляя цвѣтъ, вы непремѣнно должны представить его лежащимъ въ извѣстномъ пространствѣ, имѣющимъ извѣстную форму протяженную, а форма, протяженіе, есть рядъ мускульныхъ ощущеній; представляя фигуру,

вы необходимо представляете ее окрашенною въ какой-либо цвѣтъ. Но въ однихъ ассоціаціяхъ можетъ преобладать одинъ, въ другихъ — другой элементъ, смотря по вниманію, причемъ одинъ изъ нихъ играетъ тогда вспомогательную роль. Такъ, зрительное представленіе отдаленнаго ландшафта есть ассоціація лежащихъ другъ возлѣ друга цвѣтовъ и тѣней, и въ этой формѣ воспроизводится въ нашей душѣ. Мускульное ощущеніе, схватывающее общіе контуры и размѣръ ландшафта, стоитъ на второмъ планѣ. Также точно видъ города, состоящаго изъ домовъ и улицъ, разнообразно окрашенныхъ, можетъ быть по преимуществу ассоціаціею цвѣтовъ и тѣней, причемъ мускульное ощущеніе будетъ на второмъ планѣ (преобладаніе этого рода ассоціацій есть необходимая принадлежность живописца). Ассоціація цвѣтовъ и тѣней даетъ живость и яркость образа у каждаго человѣка. Степень живости ихъ зависитъ главнымъ образомъ отъ природныхъ свойствъ зрительныхъ органовъ. У нѣкоторыхъ эти воспроизведенія очень слабы, у другихъ они отличаются необыкновенною ясностію. Въ другихъ случаяхъ преобладаютъ ассоціаціи зрительно-мускульныя надъ свѣтовыми. Представленія зрительныя о всѣхъ фигурахъ и очертаніяхъ внѣшнихъ суть ассоціаціи по смежности этого рода: кругъ, треугольникъ, кубъ и т. п. суть рядъ послѣдовательныхъ состояній мускульнаго чувства глаза въ тѣхъ или другихъ направленіяхъ. Такія фигуры всегда въ дѣйствительности такъ или иначе окрашены, но свѣтовое ощущеніе стоитъ на второмъ планѣ и не принимается въ разсчетъ; на него не обращается вниманія, и оно стушевывается и предносится въ сознаніи въ самой неопредѣленно-смутной формѣ. Къ этому разряду относятся воспріятія произведеній архитектуры, инженернаго искусства, скульптуры, геометрическихъ фигуръ, научныхъ символовъ, т. е. плановъ, картъ и т. п. Напримѣръ, когда вы представляете какое-нибудь сложное зданіе, вы воспроизводите рядъ видѣнныхъ вами линій и фигуръ въ разнообразныхъ сочетаніяхъ и вовсе забываете о цвѣтѣ, въ который необходимо окрашены всѣ эти фигуры. Къ этому же классу относится и чтеніе письменъ. Каждая заученная буква

есть ассоціація рода зрительно-мускульныхъ ощущеній, тѣсно связанная по смежности съ извѣстнымъ членораздѣльнымъ звукомъ. Воспроизводя букву, вы не обращаете вниманія на чернила, которыми она написана (Быстротою мускульныхъ движеній и ощущеній глаза, быстротою, возрастающею отъ упражненія и прочностію связи со звуками, обусловливается быстрота чтенія, особенно на непонятномъ языкѣ).

За этими простыми сочетаніями по смежности идетъ рядъ сочетаній болѣе сложныхъ—между ощущеніями различныхъ органовъ чувствъ, различныхъ классовъ ощущеній. Такъ, съ зрительными ощущеніями соединяются мускульныя ощущенія—вѣса и тяжести, мягкости и жесткости предмета, ощущенія осязательныя, ощущенія звуковыя. Оттого, взглянувши на извѣстный предметъ, мы сразу воспринимаемъ и его фигуру, объемъ, разстояніе отъ насъ, тяжесть, частичный составъ и звукъ, который имъ издается. Наоборотъ, по голосу мы узнаемъ человѣка, т. е. слуховое ощущеніе вызываетъ связанныя съ нимъ по смежности всѣ другія ощущенія и духовныя дѣятельности, изъ которыхъ слагается въ нашей душѣ образъ извѣстнаго человѣка; по звуку узнаемъ частичный составъ тѣлъ и ихъ цвѣтъ—дерево отличаемъ отъ металловъ, металлы различаемъ между собою и т. д. Словомъ, по одному ощущенію изъ ряда воспринятыхъ нами отъ одного предмета въ непрерывномъ преемствѣ мы воспроизводимъ всѣ остальныя и составляемъ *полное представленіе* о предметѣ. Эти сложныя группы или ассоціаціи въ свою очередь, какъ мы видѣли, ассоціируются по смежности, какъ лежащія одна за другою въ пространствѣ. Одинъ видъ знакомаго намъ дома вызываетъ представленіе о матеріалѣ, изъ котораго онъ построенъ, о внутреннемъ его расположеніи, убранствѣ, далѣе, представленіе объ окружающихъ его, лежащихъ смежно съ нимъ въ пространствѣ, предметахъ, другихъ зданіяхъ, садѣ, улицѣ, городѣ, окрестностяхъ города, странѣ, въ которой онъ находится и т. д. Наоборотъ, представленіе страны сочетается съ представленіемъ города, селенія и т. п. Такъ, человѣкъ постепенно какъ бы переноситъ все его

окружающее ближайшимъ образомъ—и по частямъ и въ совокупности—въ свою душу. У него образуется одна сплошная широкая картина, каждая часть которой, каждый отдѣльный предметъ стоитъ въ связи со всѣми другими; но въ то же время изъ всѣхъ ихъ выдѣляется, какъ особая ассоціація, особая группа. Чѣмъ больше прямой, непосредственный опытъ человѣка, тѣмъ шире этотъ пространственный образъ и тѣмъ больше частей въ немъ различается, тѣмъ больше и познавательный матеріалъ такого человѣка. Къ связи предметовъ въ пространствѣ присоединяется еще связь ихъ во времени. Эта связь служитъ источникомъ новыхъ представленій, дающихъ новый матеріалъ. Таковы представленія дня и ночи, фазовъ луны, различныхъ частей дня и ночи, временъ года, и цѣлаго года, обычныхъ, ежедневно повторяющихся, занятій и т. п. Таково представленіе развитія живыхъ существъ, обнимающее собою рядъ послѣдовательно смѣняющихся состояній, различно аффицирующихъ въ различное время наши чувства. (Жизнь и видоизмѣненіе различныхъ, окружающихъ человѣка, живыхъ существъ—растеній, съ объемомъ и видомъ въ различные періоды ихъ жизни, животныхъ, людей). Таково, наконецъ, представленіе связи между причиною и дѣйствіемъ (Представленіе прикосновенія къ огню и—обжога, боли отъ него; представленіе принятія воды и—утоленія жажды и т. п.).

Къ собственному опыту у человѣка присоединяется ученіе, при помощи котораго онъ усвояетъ опыты другихъ людей. Ученіе совершается посредствомъ возбужденія—въ одномъ, обучаемомъ существѣ—тѣхъ состояній духовныхъ, которыя привиты другому, научающему. Это возбужденіе, передача внутреннихъ состояній одного другому, совершается при помощи движеній учителя, возбуждающихъ подражаніе ученика. Главнымъ образомъ оно совершается при помощи слова; но это средство тоже не дается природою и получается путемъ ученія и повторенія. Ученіе языку состоитъ въ установленіи постоянной и неразрывной связи между извѣстною совокупностью членораздѣльныхъ звуковъ, составляющихъ слово, и идеею, умственнымъ образомъ. Простая схема ученія показы-

ваетъ уже, помимо всякихъ соображеній, что связь слова какъ звука, звукового символа, съ представленіемъ, или духовнымъ образомъ, есть связь по смежности. Обыкновенно указывается предметъ и вслѣдъ затѣмъ повторяется слово. Послѣ нѣсколькихъ повтореній, слово и предметъ, имъ означаемый, составляютъ прочно слитую пару, ассоціацію изъ двухъ звеньевъ. Видъ предмета или соотвѣтствующее ему представленіе влекутъ въ сознаніе и звуковой его знакъ, или слово. Произнесенное слово неудержимо влечетъ за собою представленіе. Эта связь слова съ мыслію и называется „пониманіемъ словъ“. Все это совершается такъ быстро, что кажется однимъ актомъ, пара кажется одною сплошною величиною, представленіе кажется находящимся въ словѣ и слово въ представленіи. На самомъ дѣлѣ связь ихъ чисто внѣшняя и чисто случайная. (Дѣло случая, что одинъ называетъ извѣстный предметъ „столъ“, другой—„table“, третій „Tisch“). Усвоеніе опыта другихъ при помощи словъ есть, очевидно, особый видъ воспріятія, въ которомъ ощущеніе возбуждается звуками, а все остальное возникаетъ по ассоціаціи.

Такъ путемъ ассоціацій по смежности у насъ образуются сложные образы *единичныхъ*, лежащихъ въ предѣлахъ нашего и другихъ личнаго опыта, предметовъ и явленій. Нѣкоторыя изъ этихъ представленій ясны, отчетливы и живы, потому что предметы, имъ соотвѣтствующіе, постоянно возбуждаютъ наши чувства и ежедневно заставляютъ много разъ съ большею или меньшею отчетливостію повторять всю ассоціацію: таковы представленія личностей, съ которыми мы ежедневно встрѣчаемся и находимся въ постоянныхъ отношеніяхъ; таковы представленія о ежедневно употребляемыхъ нами предметахъ, о ежедневно совершаемыхъ нами дѣйствіяхъ. Или же представленія ясны и живы потому, что мы долгое время часто воспроизводимъ ихъ и нѣкогда долгое время имѣли предъ глазами: таково представленіе объ отсутствующихъ родныхъ, о лицахъ и предметахъ, окружавшихъ насъ въ дѣтствѣ и затѣмъ въ различныхъ мѣстахъ нашей жизни, о мѣстностяхъ, въ которыхъ мы долго жили. Другія представле-

нія смутны и неопредѣленны, блѣдны, потому что или мы рѣдко повторяемъ ихъ въ себѣ, или въ прошломъ повторяли рѣдко и недолгое время. Такъ, мы имѣемъ ясное представленіе о комнатахъ, въ которыхъ живемъ; но представленіе о квартирѣ знакомаго, въ которой мы были одинъ разъ, по необходимости, смутно. Представленія *единичныхъ конкретныхъ* предметовъ соединяются по смежности въ цѣлыя картины. И эти сложные образы также и по тѣмъ же причинамъ обладаютъ неодинаковою живостію и яркостію. Наконецъ, все видѣнное и испытанное нами въ теченіе жизни, также воспринятое путемъ ученія сливается въ одну общую картину, стоящую въ связи по смежности съ циклическими перемѣнами дней и ночей, временъ года и цѣлыхъ годовъ. У однихъ этотъ сложный образъ яснѣе, у другихъ менѣе ясенъ, у иныхъ и вовсе теменъ, и разныя части его, состоящія изъ отдѣльныхъ предметовъ и ихъ образовъ или изъ небольшой группы ихъ, выступаютъ не съ одинаковою ясностію. Въ сущности, ясно выступаетъ только небольшое относительно количество ясныхъ образовъ, ясно запечатлѣвшихся, въ силу указанныхъ общихъ причинъ, въ нашей душѣ; все остальное сливается въ пеструю и сложную массу, въ которой ясно мы не можемъ выдѣлить ни одного образа.

Каждый изъ единичныхъ привычныхъ намъ предметовъ, каждая частная группа ихъ прочно ассоціированы тоже по закону смежности съ извѣстными совокупностями членораздѣльныхъ звуковъ, съ извѣстными словами, которыя служатъ ихъ названіями, и всѣ они, какъ означающія предметы единичные, конкретные и опредѣленные, единственные въ своемъ родѣ, суть „простыя“ или „сложныя“ *собственныя имена*. Простыя собственныя имена суть чисто условные знаки: таковы названія людей, клички животныхъ домашнихъ, названія селъ, городовъ и улицъ, названіе рѣкъ, долинъ, горъ, лѣсовъ, разныхъ мѣстностей и урочищъ. Сложныя составлены изъ такъ называемыхъ нарицательныхъ, или общихъ названій и словъ, при помощи которыхъ отдѣльные предметы, какъ единичные, выдѣляются изъ цѣлой группы. Таковы названія—домъ

моего отца; ива, растущая передъ окнами дома моего отца; мой письменный столъ; столъ, на которомъ я обѣдалъ сегодня и т. п. Каждое такое имя, произнесенное или прочитанное, возбуждаетъ опредѣленный болѣе или менѣе ясный образъ одного опредѣленнаго предмета и, въ свою очередь, вызывается этимъ предметомъ. Вся эта масса образовъ, предметовъ и ихъ именъ, очевидно, находится въ чисто внѣшней связи, есть связанный временемъ и пространствомъ аггрегатъ представленій.

3. Общая идея.

Процессъ отвлеченія; дезорганизація составныхъ частей представленія въ немъ; начало общей идеи (понятія), какъ особой умственной формы. Понятіе объ общей идеѣ. Значеніе общихъ идей (понятій) въ умственной дѣятельности. Кажущаяся невозможность формированія общихъ идей. Процессъ первоначальнаго образованія общихъ идей.

Пространственные предметы и большая часть явленій воспринимаются зрѣніемъ; у слѣпорожденныхъ главную роль играетъ осязаніе и мускульное чувство. Но каждый предметъ, производя впечатлѣніе на большую часть органовъ внѣшнихъ чувствъ, есть всегда ассоціація многихъ впечатлѣній. Образъ предмета есть организованная по смежности совокупность ощущеній, и они являются сознанію какъ части, стороны или свойства его; послѣ того, какъ они организуются, сольются въ извѣстномъ порядкѣ, отъ частаго повторенія наблюденія внѣшняго предмета, его дѣйствительное воспріятіе сокращается и становится чрезвычайно быстрымъ. Эта быстрота обусловливается извѣстнымъ намъ закономъ воспроизведенія прочныхъ состояній. По этому закону, одно впечатлѣніе, испытанное отъ предмета, вызываетъ въ душѣ всю группу ихъ, связанную съ ними по смежности. Видъ части сложнаго предмета вызываетъ всѣ остальныя, и обозрѣвать предметъ въ подробности, какъ это бываетъ при первомъ его воспріятіи, нѣтъ нужды. Далѣе, видъ предмета вызываетъ всѣ другія впечатлѣнія отъ него—осязательныя, мускульныя, вкусовыя, слухо-

вый и т. д. Звукъ, издаваемый предметомъ, будучи воспринятъ, вызываетъ образъ его зрительный и идею всѣхъ его свойствъ, воспринятыхъ всѣми остальными чувствами. Также точно воспріятіе начала явленія или ряда перемѣнъ, совершающихся во времени, вызываетъ весь рядъ до конца, воспріятіе любой части ряда вызываетъ всѣ остальныя. Благодаря такому приспособленію, при полной организаціи и нормальномъ развитіи душевной жизни, воспріятіе внѣшняго, его изученіе въ подробностяхъ всегда заключаетъ въ себѣ только незначительную часть дѣйствительнаго опыта-ощущенія, — все остальное есть дѣло воспроизведенія. Рядомъ съ этимъ постояннымъ воспроизведеніемъ всѣхъ связанныхъ по смежности сторонъ предмета и составныхъ его частей, по поводу реальнаго впечатлѣнія отъ одной изъ нихъ, постепенно возникаетъ и формируется, путемъ упражненія, процессъ обратный,—своего рода *дезорганизаціи* составныхъ частей представленія и предмета,—процессъ, называемый *отвлеченіемъ*, или *абстракціею*. Сущность его состоитъ въ томъ, что изъ всей ассоціаціи воспроизводится только одна какая-нибудь часть или сторона, соотвѣтствующая обыкновенно впечатлѣнію одного какого-либо чувства; также одна часть пространственнаго предмета и одинъ моментъ ряда явленій во времени,—всѣ остальныя подавляются или вполнѣ—не являются вовсе въ сознаніи, или возникаютъ въ самой слабой формѣ. Возможность такого отдѣленія частей образовъ обусловливается, прежде всего, отдѣльностію ихъ въ первоначальномъ воспріятіи, существованіемъ ихъ въ душѣ въ формѣ отдѣльныхъ, болѣе или менѣе опредѣленныхъ состояній сознанія. Производится же оно силою „вниманія“, способностію души сосредоточиваться всецѣло на одномъ состояніи, причемъ, въ силу „узости сознанія“, всѣ остальныя состоянія подавляются, т. е. не могутъ возникнуть вовсе или, по крайней мѣрѣ, возникнуть со всею отчетливостію. Такое сосредоточеніе сначала является чисто автоматическимъ и зависитъ отъ чрезмѣрнаго усиленія одного какого-либо впечатлѣнія при слабости другихъ; но при дальнѣйшемъ развитіи оно становится способнымъ происходить

произвольно и въ любомъ направленіи, подавляя даже сильнѣйшія возбужденія на счетъ слабыхъ. Завися отъ природныхъ свойствъ душевной жизни даннаго индивидуума, способность сосредоточенія вниманія и отвлеченія въ значительной степени зависитъ отъ навыка и употребленія. Какъ бы то ни было, въ зрительномъ впечатлѣніи, которое всегда состоитъ изъ двухъ элементовъ—можно отдѣлить одинъ, напр., элементъ математической фигуры. Мы можемъ отдѣльно думать о вкусѣ, о запахѣ, частичномъ составѣ, звукѣ, издаваемомъ предметомъ, его температурѣ и т. п. Этотъ обратный процессъ непроизвольной и произвольной ассоціаціи—„дезорганизаціи" образовъ—ложится въ основу дальнѣйшаго развитія умственной дѣятельности и дальнѣйшаго, болѣе подробнаго и глубокаго, анализа явленій и предметовъ міра. Онъ дастъ начало особой умственной формѣ, которая, въ отличіе отъ конкретныхъ единичныхъ идей, называется *идеею общею*, также *отвлеченною идеею*, или *абстракціею*, всего чаще *понятіемъ*. Эта новая форма очень сложнаго строенія, и, опираясь на способность и описанный фактъ отвлеченія, организуется при помощи главнымъ образомъ чувства сходства, отожествленія,—потому, въ сущности, есть особаго рода ассоціація по сродству, какъ конкретная идея есть, въ сущности, ассоціація по смежности.

Развившаяся и сформировавшаяся, „общая идея", или „понятіе", есть представленіе или, точнѣе, стремленіе представить большое количество,—обыкновенно, безконечное множество,—бывшихъ, теперь существующихъ и имѣющихъ когда-либо существовать отдѣльныхъ или единичныхъ предметовъ и явленій, сходныхъ между собою въ одномъ или многихъ отношеніяхъ,—воспроизвести ихъ въ одномъ нераздѣльномъ актѣ сознанія, притомъ какъ нѣчто одно цѣлое. Операція эта производится очень легко и кажется, въ силу привычки, очень простымъ и естественнымъ процессомъ, такимъ же простымъ, какъ представленіе единичнаго предмета и одной съ нимъ природы. Но, сдѣлавши попытку реализировать эту идею, напр., въ зрительный образъ, дать ей очертаніе опредѣленное, законченную цѣлостность, вообще—вообразить ее,—мы увидимъ

полную невозможность этого описанія, напр., идеи дерева, движенія: возникнетъ конкретный образъ. На основаніи этого наблюденія, которое легко провѣрить каждому, многіе психологи отрицаютъ вовсе самое существованіе „общихъ идей", какъ особыхъ законченныхъ дѣйствительностей, въ родѣ идей конкретныхъ. Они думаютъ, что мы имѣемъ всегда только конкретную идею какую нибудь. Когда у насъ, при этомъ, возникаетъ воспоминаніе или сознаніе ея сходства со множествомъ другихъ, которыя воспроизводятся только частію и невполнѣ, то это сложное состояніе, заключающееся цѣликомъ въ идеяхъ единичныхъ предметовъ, съ прибавкою сознанія ихъ сходства, вслѣдствіе быстроты всего процесса, намъ кажется однимъ актомъ,—и это-то называется „общею идеею".

Общая идея есть воспроизведеніе въ одномъ нераздѣльномъ актѣ сознанія множества единичныхъ предметовъ, сходныхъ между собою въ одномъ или нѣсколькихъ отношеніяхъ. Такое моментальное объединеніе многаго въ одномъ состояніи сознанія есть фактъ, неподлежащій сомнѣнію. Благодаря ему, человѣкъ имѣетъ идеи цѣлыхъ группъ однородныхъ предметовъ, по которымъ распредѣляется въ его умѣ все существующее и познаваемое; можетъ обозрѣвать эти группы въ подробностяхъ, какъ нѣчто цѣлое, обладающее постоянными свойствами, и отдѣлять постоянное и неизмѣнное, существенное въ каждомъ отдѣльномъ членѣ группы,—образовать то, что называется *понятіемъ* предмета. Такія общія идеи, идеи группъ избавляютъ его отъ необходимости воспринимать для познанія каждый единичный предметъ и явленіе, имѣть конкретныя идеи, напр., каждаго дерева, каждой былинки, что, при безконечномъ множествѣ предметовъ и явленій, при постоянномъ возникновеніи и исчезаніи ихъ, абсолютно неосуществимо и невозможно. Такимъ образомъ, онѣ не только сокращаютъ, но и дѣлаютъ вообще возможнымъ процессъ знанія и мышленія, открывая въ безконечномъ разнообразіи и ежесекундной смѣнѣ всего сущаго нѣчто постоянное, неизмѣнное, одинаковое. Онѣ, наконецъ, соотвѣтствуютъ болѣе или менѣе точно дѣйствительно существующимъ классамъ предметовъ и явленій.

Не смотря на дѣйствительное существованіе общихъ идей въ душѣ и ихъ огромное значеніе не только для совершенства мышленія, но и для самаго его существованія, онѣ представляютъ съ перваго взгляда нѣчто невозможное и неосуществимое тѣмъ простымъ и естественнымъ способомъ, какимъ формируются конкретныя идеи: мы не можемъ имѣть опредѣленнаго, законченнаго образа человѣка вообще,—человѣка ни маленькаго, ни большого, ни стараго, ни молодого, ни живого, ни мертваго и т. д. Всякая попытка въ этомъ родѣ приводитъ къ хаотическому движенію образовъ, изъ которыхъ ни одинъ не успѣваетъ сформироваться, и всѣ, наконецъ, сливаются въ нѣчто темное, неопредѣленное, неразличимое. Въ концѣ концовъ—это туманное и тяжелое отъ сознанія безсилія и отсутствія опредѣленности состояніе разрѣшается возникновеніемъ конкретнаго образа какого-нибудь единичнаго человѣка, со всѣми его индивидуальными особенностями и качествами, или въ цѣлый рядъ такихъ идей, воспроизводимыхъ по закону сродства. Но это уже будетъ не общая идея, а именно идея единичная или группа единичныхъ идей, состоящая не изъ одного состоянія сознанія, а цѣлаго ихъ ряда. Чтобы превратить ихъ въ одну идею, обнимающую ихъ всѣ сразу и моментально, приходится опять смѣшать ихъ, перепутать, превратить въ хаосъ, который въ сущности не даетъ никакой идеи, никакого опредѣленнаго состоянія сознанія. Однако же первые изслѣдователи, обратившіе вниманіе на природу общей идеи, не нашли въ ней ничего, кромѣ такого хаоса сходныхъ идей, никогда немогущихъ организовать въ идею цѣлое и назвали его „общимъ представленіемъ“. Берклей первый замѣтилъ, что такое „общее представленіе“ невозможно и не существуетъ въ сознаніи, а если и существуетъ, прибавляетъ онъ, то развѣ только у ученыхъ. Тѣмъ не менѣе ученіе объ общей идеѣ, какъ общемъ представленіи, иначе, какъ о конкретномъ общемъ представленіи, держится и доселѣ въ Психологіи. На самомъ дѣлѣ „общая идея“ не есть хаотическое смѣшеніе многихъ сходныхъ (состояній), а есть состояніе опредѣленное и ясное. Только это состояніе построено иначе, чѣмъ

единичная идея, формируется и осуществляется въ сознаніи какимъ-то другимъ путемъ, болѣе сложнымъ и искусственнымъ, чѣмъ тотъ, какимъ получаются идеи единичныя.

Сложный процессъ первоначальнаго образованія „общей идеи“ можно схематически представить въ слѣдующемъ видѣ.

Имѣя воспріятіе различныхъ предметовъ, которые сходны между собою въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, напр., отъ двадцати единичныхъ, отдѣльныхъ деревьевъ, человѣкъ, въ силу присущаго ему чувства сходства, самаго тонкаго и чуткаго изъ всѣхъ, замѣчаетъ съ необходимостію, что во всѣхъ двадцати случаяхъ нѣкоторая часть впечатлѣній, изъ которыхъ слагается воспріятіе, повторяется, между тѣмъ какъ все остальное въ каждомъ случаѣ—новое, свое особенное. По извѣстному намъ закону повторенія, впечатлѣніе, явившееся двадцать разъ, будетъ сильнѣе каждаго изъ тѣхъ, которыя въ теченіе того же времени явились только одинъ разъ: именно, оно будетъ сильнѣе и прочнѣе ихъ приблизительно въ двадцать разъ. При такомъ условіи, вниманіе совершенно непроизвольно, механически сосредоточится на группѣ сходныхъ впечатлѣній,—они выдѣлятся изъ всѣхъ другихъ, какъ болѣе ясныя и устойчивыя. Произойдетъ естественно и само собою то явленіе, которое описано подъ именемъ „отвлеченія“. При повтореніи всего воспріятія, или опыта, вновь, человѣкъ въ каждомъ изъ двадцати предметовъ будетъ уже скорѣе и прежде всего замѣчать опять таки эту двадцать разъ повторившуюся группу впечатлѣній, потому что воспріятіе ея легче и удобнѣе, правильнѣе. При этомъ, воспріятіе одного изъ двадцати сходныхъ предметовъ, при отсутствіи другихъ, всегда будетъ стремиться вызвать всѣ остальныя по закону сходства, или сродства. Такимъ образомъ, получится воспоминаніе, воспроизведеніе цѣлаго ряда сходныхъ предметовъ со всѣми ихъ частными особенностями, ассоціація по сродству сходныхъ единичныхъ, конкретныхъ идей. При двадцати идеяхъ это воспроизведеніе возможно и—для большинства людей—легко и удобно: получается опредѣленный и законченный актъ. Но въ дѣйствительности предметы сходные ни-

когда не представляютъ опредѣленнаго количества; ихъ всегда безконечное множество, и у каждаго человѣка описанный опытъ повторяется не двадцать разъ, а сотни и тысячи, повторяется постоянно. Съ тѣмъ вмѣстѣ сила воспроизводительная группы всегда однихъ и тѣхъ же сходныхъ впечатлѣній постепенно увеличивается и растетъ, а тысячи различныхъ впечатлѣній, получаемыхъ рядомъ съ этою группою, напротивъ, при своей многочисленности, разнообразіи и слабости каждаго въ отдѣльности, лишаются почти всякой способности къ воспроизведенію, блѣднѣютъ и даже вовсе какъ-бы вымираютъ. При воспоминаніи всего этого тысячечленнаго опыта, при всякомъ намекѣ на него, со всею ясностію, отчетливостію стремятся возникнуть только тѣ впечатлѣнія, которыя повторяются постоянно. Но, легко выдѣляемая при непосредственномъ воспріятіи каждаго единичнаго предмета, потому что здѣсь свойства предметовъ, ее составляющія, имѣютъ опредѣленныя, законченныя, вполнѣ воспринимаемыя и представляемыя формы во всякомъ единичномъ предметѣ, — группа эта не можетъ быть представлена, какъ принадлежащая всѣмъ сходнымъ предметамъ, потому что въ каждомъ формы ея различны. При такихъ условіяхъ возникаетъ съ необходимостію стремленіе и усиліе какимъ нибудь способомъ фиксировать отвлеченіе, дать ему образъ, схватить, удержать,—*понять* его. Усиліе это должно возрастать отъ постояннаго возникновенія такихъ отвлеченій сходныхъ группъ впечатлѣній, и отъ постоянно повторяющагося сознанія невозможности сдѣлать это прямо и непосредственно, отъ постоянной неудачи, оно достигаетъ, наконецъ, крайней степени напряженія и становится мучительнымъ, требующимъ выхода. Это стремленіе и усиліе чуждо животнымъ и составляетъ переходъ отъ животнаго интеллекта къ человѣческому. Весь процессъ этотъ, наконецъ, разрѣшается слѣдующимъ способомъ. Изъ всѣхъ сходныхъ предметовъ единичныхъ и ихъ идей выдѣляется одна, даже съ однимъ какимъ-нибудь признакомъ, и къ ней по смежности привязывается вся неуловимая сама по себѣ группа. Какъ только она возникаетъ въ душѣ по какому нибудь поводу,—

возникаетъ и образъ и даетъ ей опредѣленныя очертанія. Мало-по-малу она теряетъ свой индивидуальный характеръ и становится образомъ и носителемъ отвлеченія, становится внутреннимъ его знакомъ, символомъ (внѣшній знакъ—слово).

4. Сужденіе и умозаключеніе.

Психологическіе моменты сужденія: различеніе сходнаго и поставленіе различеннаго въ соотношеніе. Опредѣленіе сужденія, какъ особой умственной формы. Строеніе и внѣшняя форма сужденія. Отношеніе сужденія къ представленію и понятію—по происхожденію. Моменты развитія судящей силы—въ образованіи шести классовъ сужденій (сужденія бытія,—смежности въ пространствѣ и времени,—сосуществованія,—связи причины со слѣдствіемъ,—количества и числа,—соотвѣтствія между субъективнымъ и объективнымъ; сочетаніе сужденій). Сочетаніе сужденій, какъ процессъ, дающій начало особой умственной формѣ—умозаключенію. Сущность умозаключенія. Первоначальное проявленіе и обособленіе процесса умозаключенія въ заключеніи отъ частнаго къ частному. Наведеніе и его виды. Дедукція; силлогизмъ, какъ ея элементарная форма.

Внутренняя сила, организующая общія идеи, или понятія, есть чувство сходства конкретныхъ предметовъ въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ. Конкретные предметы въ нихъ отождествляются и, при помощи символическаго внѣшняго знака, являются въ душѣ, какъ нѣчто единое, обнимаются ею въ одномъ актѣ сознанія.

Не трудно видѣть, что это отождествленіе и, являющееся его результатомъ, сліяніе должно сопровождаться во всѣхъ инстанціяхъ чувствомъ различія, въ силу котораго изъ данной группы, объединяемой въ понятіи, исключаются само собою всѣ другіе предметы, не заключающіе въ себѣ тѣхъ свойствъ, какія въ извѣстномъ случаѣ преобладаютъ въ сознаніи и отыскиваются имъ въ предметахъ. Это сознаніе выражается иногда само собою и можетъ быть всегда выражено въ формѣ отрицательнаго признака,

осуществляемаго въ отрицательномъ понятіи. Съ другой стороны при самомъ сознаніи сходства нѣсколькихъ конкретныхъ предметовъ и объединеніи, необходимо является въ каждомъ изъ нихъ группа свойствъ, отличающихъ одинъ предметъ отъ всѣхъ другихъ, съ нимъ сходныхъ. Группа эта необходимо дѣйствуетъ на душу, аффицируетъ наше сознаніе и возбуждаетъ, опять, чувство различія. Но при первоначальномъ образованіи понятій чувство это является, сравнительно съ чувствомъ сходства, слишкомъ слабымъ и мимолетнымъ, какъ дополнительное, вспомогательное и второстепенное состояніе. Оно не останавливаетъ на себѣ вниманія и не формируется въ опредѣленный законченный актъ, въ особую мыслительную форму. Предметы, не могущіе быть включенными, по своему несходству, въ формирующуюся данную группу сходныхъ, возникаютъ въ сознаніи затѣмъ, чтобы быть отброшенными, т. е. забытыми, какъ препятствіе, встрѣчающееся на пути къ опредѣленной цѣли,—и чѣмъ полнѣе это забвеніе, чѣмъ оно скорѣе совершается при этомъ, тѣмъ лучше и быстрѣе формируется общая идея. Группа свойствъ, отличающихъ другъ отъ друга объединяемые въ понятіи предметы, возникаетъ на мгновеніе въ сознаніи, при образованіи общей идеи, затѣмъ, чтобы тотчасъ же изгладиться, стушеваться,—и, опять, чѣмъ полнѣе и быстрѣе происходитъ это изглаживаніе, тѣмъ быстрѣе и лучше формируется общая идея. Въ этомъ забвеніи на время различнаго и состоитъ собственно, какъ мы видѣли, сущность процесса, называемаго отвлеченіемъ.

Но чувство различія слишкомъ сильно само по себѣ, и возбудителей его въ объективномъ-познаваемомъ слишкомъ много, чтобы оно могло остаться на степени мимолетнаго служебнаго возбужденія при образованіи группъ сходныхъ предметовъ, или общихъ идей. Если въ познаваемомъ много сходствъ, то не меньше, если не больше, и различій, и все сходное въ то же время и различно; при сліяніи субъективно въ понятіи—объективно (оно) сохраняетъ свою особность. Потому, въ извѣстный моментъ развитія духа чувство различія со всѣми своими послѣд-

ствіями выступаетъ, какъ особая, самостоятельная сила. Оно, при этомъ, ведетъ къ разложенію объединеннаго въ понятіи, хотя, благодаря символу, органическая цѣлость понятія не разрушается: оно остается—какъ особое состояніе духа—живымъ и цѣлымъ. Разложеніе касается какъ объема, такъ и содержанія понятія, если, конечно, оно сложно. Чувство различія и процессъ различенія, являющійся какъ необходимое его слѣдствіе и развитіе, превращается въ то, что технически называется „анализомъ". Въ результатѣ опять получаются единичности, изъ коихъ возникало цѣлое, хотя теперь каждая является уже частью нѣкотораго цѣлаго и имѣетъ форму понятія такъ называемаго единичнаго. Такимъ образомъ, чувство различія, различенія, само по себѣ ведетъ къ разъединенію, диссоціаціи всего; подъ его вліяніемъ всѣ предметы и идеи, имъ соотвѣтствующія, какъ бы взаимно отталкиваются, и все познаваемое стремится, обособляясь и замыкаясь въ себѣ, превратиться въ нѣчто разорванное, разрозненное, безсвязное. Это чувство есть какъ бы центробѣжная—разрушающая сила въ области интеллекта. Подобнаго рода состояніе не можетъ быть цѣлію какой бы то ни было формы ума, стремящагося къ организаціи и объединенію и представляющаго живой организмъ. Являющееся, подъ вліяніемъ чувства разницы, безконечное раздробленіе и разъединеніе само собою и естественно вызываетъ потребность связать различное, организовать, сохраняя особность различеннаго, какъ бы теряемую имъ въ понятіи. Этой потребности объединить не только сходное, но и различное, и удовлетворяетъ форма мысли, называемая *сужденіемъ*. Сужденіе возникаетъ изъ стремленія связать разрозненное и различенное, какъ понятіе возникаетъ изъ стремленія связать сходное. Сужденіе, потому, есть сочетаніе различеннаго, на основаніи чувства и сознанія отношенія вообще, а не отношенія только сходнаго. И къ какимъ бы результатамъ ни приведено установленіе отношенія между предметами—къ полному ли и окончательному разъединенію, къ взаимному исключенію фактовъ и идей (камень—не организмъ), или къ связыванію ихъ

въ томъ или другомъ отношеніи (Петербургъ стоитъ на Невѣ; лѣто слѣдуетъ за весной; золото—благородный металлъ; вода растворяетъ сахаръ), или даже, наконецъ, къ отожествленію ихъ (2×2=4),—особность ихъ, ихъ первоначальное различеніе, вызывающія самый процессъ сужденія, всегда даны въ сознаніи, составляютъ основу, коренное условіе существованія формы этой.

Описанными психологическими моментами сужденія, какъ особой мыслительной формы, т. е. различеніемъ и стремленіемъ связать различенное, опредѣляется съ необходимостью его строеніе и внѣшняя форма, со всѣми различными видоизмѣненіями. Подъ вліяніемъ чувства, стремящагося слить сходное, быстро схватывается огромное количество предметовъ, и сліяніе ихъ удобно выражается однимъ словомъ. Чувство различія, лежащее въ основѣ сужденія, заставляя особо представлять каждый предметъ данной группы даже сходныхъ предметовъ, очевидно, дѣлаетъ невозможнымъ для сознанія такое схватываніе ихъ сразу. Стремленіе и попытка подобнаго рода, по извѣстному закону—узости сознанія—дали бы въ результатѣ нѣчто спутанное, темное, неопредѣленное. Это имѣетъ силу не только относительно массы предметовъ различныхъ, но и относительно одного предмета со многими свойствами: представить эти свойства каждое отдѣльно, различить каждое отъ всѣхъ остальныхъ и отъ самого предмета, который, правда, тождественъ съ совокупностію всѣхъ своихъ свойствъ, но не съ каждымъ изъ нихъ, отъ каждаго изъ нихъ отличается,—невозможно сразу. Самый удобный и естественный выходъ изъ этого положенія—сопоставить каждый различаемый предметъ со всѣми остальными, или предметъ съ его свойствами, каждый по одиночкѣ. Результатомъ такого естественнаго приспособленія, очевидно, должно явиться сопоставленіе предметовъ или идей, имъ соотвѣтствующихъ, попарно, и связываніе ихъ въ томъ или другомъ отношеніи. Такимъ образомъ, по своему строенію, сужденіе должно представлять и всегда представляетъ, какъ извѣстно, двѣ идеи, которыя ставятся между собою въ то или другое отношеніе и организуются въ одинъ актъ сознанія. Вся операція эта облегчается

связью идей со словами, или звуковыми символами, дающими имъ устойчивость. Въ связи съ своими звуковыми символами, сочетаемыя такимъ способомъ двѣ идеи являются двумя словами или двумя группами словъ, сочетаемыхъ внѣшнимъ символическимъ знакомъ, по присущимъ извѣстному языку законамъ,—въ родѣ связки, отрицанія, флексіи глагола или существительнаго, прилагательнаго и т. п. Сужденіе въ этой формѣ называется предложеніемъ.

Сужденіе, такимъ образомъ, есть поставленіе въ соотношеніе, сочетаніе и связываніе идей и соотвѣтствующихъ фактовъ по-парно, или по-два, съ сохраненіемъ въ сознаніи ихъ раздѣльности и особности, ихъ различенія другъ отъ друга. При этомъ, очевидно, одна и та же идея, одинъ и тотъ же фактъ, ей соотвѣтствующій, могутъ быть поставлены въ связь и соотношеніе со множествомъ другихъ фактовъ, можно сказать, со всѣми фактами или предметами. И его отношенія ко всѣмъ предметамъ могутъ быть съ полною точностію опредѣлены по одиночкѣ, опредѣлены всесторонне, а не какъ въ понятіи—односторонне, только въ отношеніи сходства. Вотъ почему многіе психологи опредѣляютъ сужденіе, какъ сознаніе и выраженіе отношеній фактовъ и идей, имъ соотвѣтствующихъ. Путемъ сочетанія идей и фактовъ въ сужденіе, дѣйствительно, могутъ быть обняты всѣ отношенія предметовъ и явленій, тогда какъ въ понятіи дано только одно отношеніе сходства.

Путемъ образованія сужденій, познаваемый міръ разрывается на безчисленное множество паръ, и знаніе превращается въ груду сужденій. И хотя каждая пара организована въ одно законченное цѣлое, но всѣ онѣ сами по себѣ не имѣютъ никакой—ни внутренней, ни внѣшней связи: познаваемое въ нихъ разлагается въ ряды отношеній, и какъ бы теряется цѣлость, и, опять, въ результатѣ предстоитъ уму хаосъ, какъ подъ вліяніемъ чувства различія, вызывающаго сужденіе. Это устраняется тѣмъ, что сужденія обыкновенно группируются около извѣстнаго, опредѣленнаго, ранѣе ихъ сформировавшагося центра, или, точнѣе, множества

центровъ въ формѣ болѣе или менѣе опредѣленныхъ идей—конкретныхъ и общихъ, извѣстная сумма которыхъ, такимъ образомъ, необходимо должна существовать, чтобы явилась возможность, безъ нарушенія единства познаваемаго, составлять сужденія. При существованіи тѣсно сплоченныхъ и организованныхъ по законамъ своего бытія конкретныхъ идей, или представленій, и идей общихъ, или понятій, ряды сужденій сами собою группируются около этихъ идей, и результатомъ процесса сужденія является болѣе ясное, точное сознаніе составныхъ частей представленія или понятія и приведеніе ихъ, такимъ образомъ, къ высшему совершенству. Всѣ эти соображенія приводятъ къ выводу, что образованіе представленій и понятій предшествуетъ и должно необходимо предшествовать образованію сужденій: они должны быть даны и сформированы, хотя бы въ самой грубой и первоначальной формѣ, какъ это и бываетъ, чтобы явилась судящая способность и рядъ сужденій въ собственномъ смыслѣ. Всякое другое пониманіе внесетъ путаницу въ объясненіе мыслительныхъ формъ и станетъ въ противорѣчіе съ основными законами организаціи. Можетъ показаться, какъ и кажется и казалось многимъ психологамъ, что самый элементарный актъ сознанія есть уже сужденіе. Чувство голода, жажды, всякое ощущеніе будетъ, по этому воззрѣнію, сужденіе или результатъ сужденія, какъ сочетаніе въ одномъ актѣ субъекта сознающаго и его состоянія. Еще ближе по характеру своему стоитъ къ сужденію сочетаніе, или ассоціація идей и ощущеній въ конкретный образъ, гдѣ эти идеи и ощущенія ставятся очевидно въ соотношеніе по смежности между собою, а затѣмъ и къ цѣлому, изъ нихъ организованному. Наконецъ, общая идея, или понятіе, повидимому, вовсе не можетъ образоваться безъ сужденія и рядовъ сужденій: здѣсь соотношеніе и сопоставленіе предметовъ по сходству такъ ясно выражено, что, повидимому, участіе сужденія тутъ не допускаетъ возраженія. Но все это иллюзія, проистекающая изъ того, что мы—первые элементарные процессы въ сознаніи, за невозможностью прямого ихъ наблюденія, легко приравниваемъ подобнымъ же процессамъ, доступнымъ наблюденію,

почти принуждаемся мыслить по аналогіи съ послѣдними и вносить въ нихъ то, чего въ нихъ вовсе нѣтъ. На самомъ дѣлѣ называть сужденіемъ сознаніе ассоціаціи идей въ конкретномъ образѣ или первоначальное сліяніе предмета въ понятіе по чувству сходства—то же, что назвать яблочное зерно яблокомъ, или центральную бороздку въ зародышѣ скелетомъ и первою системою. Какъ извѣстно, это совсѣмъ различные предметы, хотя послѣдніе и заключаются въ первыхъ въ формѣ потенціи, или возможности; и элементарныя состоянія, отождествляемыя съ сужденіемъ, можно только назвать потенціею, зародышемъ сужденія. Правда, весьма трудно провести границу, гдѣ оканчивается собственно представленіе и понятіе и начинается сужденіе. Съ полною опредѣленностью это даже невозможно по самому существу дѣла... Но, кажется, можно указать въ жизни дитяти довольно точно моментъ, когда съ опредѣленностію зарождается и затѣмъ развивается судящая сила.

1) Въ раннемъ дѣтствѣ, въ первыя эпохи развитія духа, у человѣка, путемъ сочетанія смежныхъ, много разъ повторяющихся ощущеній, формируются сложныя отображенія единичныхъ предметовъ—представленія. Они воспроизводятся въ душѣ дитяти, повидимому, только подъ непосредственнымъ вліяніемъ предметовъ, имъ соотвѣтствующихъ, легко забываются, перестраиваются и т. п. По смежности эти образы сочетаются въ весьма, правда, несложныя группы, тоже плохо воспроизводимыя и легко разстраивающіяся. Въ этихъ процессахъ душевныя состоянія связываются между собою, такъ сказать, внѣшнимъ образомъ—механически. Любовь къ разнообразію и смѣнѣ, какъ ощущеній, такъ и образовъ, у дитяти имѣетъ своею основою чисто физіологическую причину—утомленіе, быстро наступающее подъ вліяніемъ одного впечатлѣнія, слабость вниманія, обусловливаемую тѣмъ же обстоятельствомъ. Затѣмъ наступаетъ, какъ мы видѣли, періодъ, когда дитя поражается сходствами въ предметахъ, довольно быстро и легко воспринимаемыхъ имъ въ цѣломъ, благодаря накопившейся уже нѣкоторой суммѣ представленій. Это сходство, т. е. своего рода единообразіе,

постоянное повтореніе однихъ и тѣхъ же впечатлѣній вызываетъ въ дитяти сильное удовольствіе и усиливаетъ, такимъ образомъ, его вниманіе, дѣлающееся теперь, дѣйствительно, несравненно продолжительнѣе. На разницы дитя въ этомъ періодѣ почти вовсе не обращаетъ вниманія и не останавливается на нихъ; самое разнообразіе впечатлѣній, повидимому, становится для него менѣе пріятнымъ въ присутствіи высшаго удовольствія отъ воспріятія сходства; можно сказать, что различіе дѣлается для него въ нѣкоторыхъ случаяхъ,—именно, при особенно сильномъ сосредоточеніи вниманія на сходствѣ,—непріятнымъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что слишкомъ большое и рѣзкое различіе между сходными въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ предметами, слѣд., слишкомъ сильное возбужденіе чувства различія поражаетъ дитя непріятно, даже болѣзненно и возбуждаетъ чувство страха. Самое первое, сильно сосредоточивающее на себѣ вниманіе дитяти различіе, притомъ же, самое простое по своей природѣ, есть различіе присутствія и отсутствія одного и того же предмета. Большею частію это состояніе непріятно для дитяти; но, не смотря на эту непріятность, самая природа случая, такъ сказать, принуждаетъ дитя сосредоточивать на немъ вниманіе и связывать въ своемъ сознаніи два различныя состоянія—состояніе дѣйствія предмета и прекращенія этого дѣйствія. Мало-по-малу дитя начинаетъ интересоваться повтореніемъ этого своего состоянія, чѣмъ сосредоточивается его вниманіе на разницы между предметами вообще и зарождается интересъ и удовольствіе къ процессу различенія. Ранѣе всего и чаще всего, воспринимая это простѣйшее различіе, укрѣпленію коего въ сознаніи невольно и безсознательно помогаютъ окружающіе, забавляя прятаніемъ и отыскиваніемъ предметовъ,—дитя научается и обозначать его звуковымъ символомъ прежде всѣхъ другихъ различій. Какъ бы то ни было, воспріятіе и связываніе въ сознаніи различія присутствія и отсутствія предмета есть первое сужденіе въ собственномъ смыслѣ,—опредѣленный, уже выдѣлившійся изъ представленій и понятій и обособившійся зародышъ этой формы; его выраженіе, какъ бы не совершенно ни было оно,

есть первое предложеніе въ собственномъ смыслѣ. Такимъ образомъ, первое, простѣйшее сужденіе, являющееся у дитяти, есть отрицательное, и первый проблескъ судящей силы или разсудка—отрицаніе, т. е. воспріятіе и сознаніе самаго полнаго и рѣзко выраженнаго различія въ отношеніи одного и того же предмета. Въ немъ связывается идея предмета конкретнаго съ идеею или представленіемъ его отсутствія, или, полнѣе, отсутствія впечатлѣній отъ него. Но рядомъ и въ одно почти время образуется и положительная форма сужденій изъ тѣхъ же самыхъ элементовъ, только связанныхъ въ обратномъ видѣ,—идея отсутствія при возвращеніи вновь впечатлѣнія отъ даннаго предмета является исходнымъ пунктомъ различенія, первымъ членомъ сужденія, или подлежащимъ, а явленіе (фактъ дѣйствія предмета послѣ прекращенія воспріятія отъ него) становится сказуемымъ, вторымъ членомъ сужденія. Состояніе это выражается тоже какимъ-нибудь звукомъ, обыкновенно своимъ особеннымъ у каждаго дитяти, звукомъ, который во всякомъ случаѣ соотвѣтствуетъ выраженію здѣсь, явился, пришолъ и т. п. Изъ описанной первоначальной и простѣйшей формы сужденія впослѣдствіи формируется цѣлый особый классъ сужденій по отношенію ко всякаго рода предметамъ и явленіямъ міра,—классъ, извѣстный подъ техническимъ названіемъ „сужденій бытія“. Въ нихъ выражается только одна сторона предметовъ—присутствіе и дѣйствіе ихъ или возможность этого дѣйствія при извѣстныхъ условіяхъ, или же отсутствіе и невозможность воспріятія ихъ при какихъ бы то ни было условіяхъ. Теорія явленія сужденія бытія или небытія прежде всѣхъ другихъ подтверждается природою всѣхъ остальныхъ, въ которыя идея бытія или небытія постоянно входитъ.

2) Вслѣдъ за этою первою формою является и постепенно вырабатывается другая, представляющая собою видоизмѣненіе простого сочетанія различныхъ предметовъ по смежности ихъ въ пространствѣ и времени. При этомъ сочетаніе предметовъ, связанныхъ пространственно, какъ болѣе простое и наглядное, является прежде, а сочетаніе событій по-парно, или слѣдованіе во времени

нѣсколько позднѣе. Общая схема этого рода сужденій слѣдующая: такой-то предметъ находится тамъ-то или возлѣ такихъ-то и такихъ-то другихъ (связь пространственная); такое-то событіе, состояніе и пр. слѣдуетъ или слѣдовало за такими-то. Ихъ не нужно смѣшивать съ простыми ассоціаціями. Признакомъ зарожденія перваго рода сужденій этого класса служитъ у дитяти способность указывать мѣсто предмета, сначала обыкновенно жестами и—только сравнительно очень поздно—словами. Впослѣдствіи времени ихъ накопляется у человѣка очень большое количество; въ области науки изъ нихъ по преимуществу слагаются науки, описывающія положеніе предметовъ и ихъ взаимное отношеніе,—таковы: географія и описательная астрономія. Признакомъ возникновенія явленія сужденій связи явленій во времени у дитяти служитъ, напримѣръ, требованіе извѣстнаго порядка во время игры и т. п., требованіе, чтобы сначала было сдѣлано то, а потомъ другое и т. д. Впослѣдствіи времени изъ этого рода сужденій слагаются всѣ разсказы, повѣствованія, исторія прагматическая и т. п. Оба описанные рода сужденій группируются наукою въ одинъ классъ, извѣстный подъ названіемъ „сужденій смежности въ пространствѣ и времени“.

3) За сужденіями связи въ пространствѣ и времени слѣдуютъ, въ порядкѣ образованія и трудности, сужденія связи или смежности предмета не съ другими предметами, а съ его собственными свойствами и дѣйствіями. При этомъ прежде установляются связи предмета и его различныхъ смѣняющихся дѣйствій, а потомъ связи предмета съ постоянными его свойствами, или сужденія объ этихъ свойствахъ. Если сужденія первыхъ двухъ классовъ могутъ производиться, въ низшихъ своихъ формахъ, конечно, безъ помощи общихъ идей,—сочетаніемъ представленій, то сужденія о связи предмета и его свойствъ безъ нихъ не возможны. Это потому, что свойство предмета, для того, чтобы стать его сказуемымъ, должно быть отдѣлено отъ него первоначально, организоваться, какъ самостоятельная идея, должно быть отвлечено отъ предметовъ, обладающихъ данными свойствами или качествами. Изъ этого класса

сужденій, извѣстныхъ подъ названіемъ „сужденій сосуществованія предмета и его свойствъ“,—состоятъ всѣ описанія и описательныя науки (естественная исторія, минералогія и т. п.), а также опредѣленія и раздѣленія во всѣхъ другихъ наукахъ.

4) Когда путемъ образованія сужденій разнаго рода значительно развивается судящая сила и пріобрѣтается навыкъ составлять изъ предметовъ и явленій опредѣленныя пары,—кромѣ связи между предметами и явленіями, начинаетъ возникать сознаніе ихъ зависимости взаимной въ нѣкоторыхъ случаяхъ, или причинной зависимости. Это сознаніе возникаетъ вовсе, повидимому, не путемъ наблюденія того, что за извѣстными явленіями всегда слѣдуютъ другія, что внѣ такой связи они не встрѣчаются, какъ думалъ Юмъ, а за нимъ и многіе другіе философы и психологи и между ними Д. С. Милль, особенно сильно развившій это воззрѣніе. Сознаніе причинной зависимости является у дитяти въ формѣ представленія, что одно явленіе дѣлается или производится другимъ, такъ сказать, приводится отъ небытія къ бытію. Оно является подъ вліяніемъ наблюденія собственныхъ дѣйствій, производящихъ явленія, не бывшія до этихъ дѣйствій, или измѣняющихъ предметы и явленія. Идея причинной зависимости рождается и можетъ зарождаться и развиться въ душѣ дитяти, когда оно научится нѣкоторому количеству движеній, съ нѣкоторою ясностію почувствуетъ себя центромъ силы. Это наблюденіе затѣмъ по аналогіи переносится на внѣшній міръ. Такимъ образомъ, идея причинной зависимости не есть простое выраженіе всегдашняго слѣдованія одного явленія за другимъ или за другими, а выраженіе внутренней зависимости послѣдующаго отъ предыдущаго, выраженіе производства, рожденія первымъ послѣдняго. Наглядно это соотношеніе дается въ собственныхъ дѣйствіяхъ человѣка, и, безъ наблюденія ихъ, понятіе причины и причинной связи образоваться не можетъ. Изъ сознанія и выраженія причинной зависимости постепенно развивается особый классъ сужденій, который не есть видъ сужденій слѣдованія во времени, а особый самостоятельный, имѣющій свой особый источникъ, не данный про-

стымъ, хотя бы и постояннымъ слѣдованіемъ другъ за другомъ. Классъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ „сужденій связи причины со слѣдствіемъ“.

5) Еще труднѣе и позднѣе формируется классъ сужденій, выражающихъ количественное отношеніе предметовъ, т. е. равенство, „больше“ и „меньше“ по объему и по числу. Первое стоитъ въ связи главнымъ образомъ съ представленіемъ предметовъ въ пространствѣ, второе—во времени. Трудность сочетаній этого рода зависитъ отъ высшей степени ихъ отвлеченности. Для того, чтобы въ моемъ умѣ образовалась идея количества въ пространствѣ, я долженъ сопоставить два или нѣсколько предметовъ и лишить ихъ въ своемъ умѣ всѣхъ аттрибутовъ, оставивъ одинъ объемъ занимаемаго ими пространства, или одинъ вѣсъ, одно направленіе, силу и т. п.; затѣмъ, различивши ихъ, сопоставить снова и сравнить. До какой степени трудна эта операція—ясно свидѣтельствуютъ наблюденія надъ дѣтьми и дикарями. Еще труднѣе идея числа: чтобы получить ее, нужно отвлечь отъ предмета все, даже пространственность, силу, вѣсъ и т. п., и представить его какъ чистый моментъ, какъ актъ, лишенный всякаго содержанія: это—единица; повтореніе той же операціи даетъ два и т. д. Это отвлеченіе происходитъ не прямо, а путемъ подстановокъ, при помощи, обыкновенно, пальцевъ...

6) Позднѣе всѣхъ другихъ является и служитъ признакомъ окончательнаго сформированія, организаціи судящей силы, послѣ чего она уже начинаетъ крѣпнуть и развивать, увеличивать свое содержаніе въ установившихся однажды на-всегда формахъ,—позднѣе всѣхъ является сознаніе соотношенія между субъективными состояніями и соотвѣтствующими имъ предметами и явленіями. Замѣчательно, что во всѣхъ психологіяхъ и логикахъ классъ этотъ опускается вовсе изъ виду. Правда, сужденій этого рода не очень много, ихъ всѣ почти можно перечесть; но они употребляются постоянно человѣкомъ. (Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ сужденій: это ложь, это правда, вѣрно, не вѣрно, тутъ есть ошибка, справедливо, не справедливо и пр.). Кромѣ того, они слу-

жатъ выраженіемъ состоянія духа, составляющаго важнѣйшій моментъ познавательной дѣятельности человѣка, — источникомъ всякой критики и развитія знанія и познающей силы. Что сужденіе описываемаго класса является позднѣе всѣхъ, какъ послѣдній моментъ развитія судящей силы, въ этомъ можно убѣдиться прямымъ наблюденіемъ,—какимъ образомъ устанавливается человѣкомъ согласіе между своими субъективными образами и дѣйствительнымъ бытіемъ предметовъ,—иначе,—какъ достигается „истинное", какимъ образомъ отличается истинное отъ „ложнаго" и т. п. Всѣ эти вопросы рѣшаются въ особой наукѣ, извѣстной подъ именемъ Логики. Задача Психологіи исчерпывается изслѣдованіемъ строенія и организаціи только субъективныхъ состояній и состава ихъ, безъ отношенія ихъ къ дѣйствительности, безъ отношенія къ ихъ истинности или ложности.

Но образованіемъ шести классовъ сужденій, обнимающихъ собою всѣ возможныя отношенія предметовъ и явленій между собою и къ субъекту, ихъ воспринимающему и познающему, не оканчивается субъективная организація судящей силы, или процесса сужденія. Ставши особеннымъ состояніемъ сознанія, особою душевною величиною, сужденіе, особенно—выражаемое словами, входитъ въ сочетанія съ другими сужденіями. Отсюда получаются совокупности и ряды сужденій, быстро возникающіе въ извѣстномъ порядкѣ, послѣ установленія, путемъ повторенія и навыка, связи между ними. Этихъ группъ сужденій можетъ быть столько же, сколько предметовъ и явленій въ мірѣ, но всѣ онѣ строятся приблизительно по одной схемѣ, и представляютъ одинъ типъ, въ развитой формѣ своей состоящій изъ всѣхъ видовъ сужденій, слѣдующихъ большею частію въ томъ порядкѣ, въ какомъ мы ихъ обозрѣли. Схема эта слѣдующая: предметъ или явленіе—есть, существуетъ, или вообще, или для насъ въ данный моментъ, въ такомъ-то мѣстѣ, въ такое-то время, обладаетъ такими-то свойствами и дѣйствіями, производится тѣмъ-то или такою-то причиною, обладаетъ такимъ-то объемомъ, такою-то силою. Каждое изъ этихъ сужденій сопутствуется обыкновенно

сознаніемъ согласія его съ дѣйствительностью и заключается сознаніемъ этого рода относительно всего даннаго ряда. Вся группа подобнаго рода можетъ быть осложнена соотвѣтствующимъ рядомъ отрицательныхъ сужденій.

Сочетаніе сужденій, давая въ результатѣ новыя формы ихъ, или, точнѣе, видоизмѣняя существующія элементарныя и основныя, не выводитъ ихъ изъ сферы судящей силы. По своимъ составнымъ частямъ и ихъ взаимному отношенію, по отношенію къ нимъ сознанія, они остаются сужденіями. Это не новый процессъ, не новое душевное состояніе, а то же самое, только болѣе сложное. Но въ дальнѣйшемъ развитіи сужденія входятъ между собою въ такія сочетанія и соотношенія, которыя даютъ въ результатѣ новый умственный процессъ, новое состояніе сознанія, новое звено въ организаціи ума, новый, такъ сказать, органъ, расширяющій сферу его дѣятельности и дающій ему возможность установлять, различать и уяснять отношенія между самыми отношеніями, данными въ сужденіи. Эта новая форма дѣятельности души въ сферѣ познавательной извѣстна подъ общимъ названіемъ *умозаключенія*.

Сущность умозаключенія, какъ особаго рода состоянія сознанія, или души, въ общихъ чертахъ можетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ. Это такое состояніе, въ которомъ данное въ нашемъ сознаніи соотношеніе идей и фактовъ, имъ соотвѣтствующихъ, или сужденіе, вынуждаетъ насъ представлять или признавать существующимъ другое, неданное непосредственно соотношеніе идей и фактовъ, въ силу существующей между ними внутренней необходимой связи. Значитъ, это своего рода „видѣніе“ или „зрѣніе душею“, прежде всего, отношеній или связей фактовъ, не данныхъ въ чувственномъ опытѣ,—видѣніе по поводу или, какъ говорится, на основаніи даннаго,—*умозрѣніе* въ широкомъ смыслѣ слова (иначе—заканчиваніе, заключеніе внутреннею дѣятельностью души того, что какъ бы начинается само собою, является въ томъ или другомъ смыслѣ готовымъ, непосредственно даннымъ,

именно—„умозаключеніе“). Такъ какъ въ данномъ непосредственно соотношеніи, или сужденіи, или въ рядѣ сужденій, неданное, „зримое умомъ“ какъ бы существуетъ уже готовымъ и только извлекается, или выводится, то процессъ этотъ также называется *выводомъ*—въ широкомъ смыслѣ этого слова. Такимъ образомъ, природа умозаключенія можетъ быть отвлеченно выражена положеніемъ, что „оно есть опредѣленіе по извѣстнымъ отношеніямъ, по даннымъ въ сужденіяхъ истинамъ,—неизвѣстныхъ и неданныхъ прямо“.

Начало этого процесса или формы дѣятельности ума нѣкоторые психологи ищутъ, также какъ сужденія, въ самыхъ первоначальныхъ состояніяхъ сознанія, и также несправедливо.... Умозаключеніе является и обособляется довольно поздно, и сначала въ простой, несовершенной формѣ, приближающей его къ простому сочетанію или ассоціаціи отношеній, въ формѣ такъ называемаго заключенія отъ частнаго къ частному, т. е. отъ извѣстнаго даннаго частнаго къ неизвѣстному частному же. При встрѣчѣ въ первый разъ съ отдѣльнымъ частнымъ случаемъ, напримѣръ, паденія тѣла, лишеннаго опоры, это отношеніе тѣла къ землѣ, или это его состояніе, при извѣстныхъ условіяхъ, формируется въ два сужденія: тѣло теряетъ опору, тѣло падаетъ. Когда послѣ этого встрѣчается то же самое тѣло, и является представленіе его лишеннымъ опоры, съ необходимостью является и другое представленіе—паденія. Первое умозаключеніе, какъ предсказаніе, или „видѣніе умомъ“, на основаніи даннаго въ опытѣ, неданнаго—обыкновенно является въ этой простѣйшей формѣ...

Но это умозаключеніе въ зародышѣ,—состояніе, имѣющее внѣшнее сходство съ умозаключеніемъ въ собственномъ смыслѣ. Связь между двумя частными сужденіями въ приведенномъ примѣрѣ и во всѣхъ случаяхъ подобнаго рода—связь по смежности, внѣшняя. Сознанія необходимости этой связи нѣтъ еще на этой ступени развитія умозаключенія; дитя не можетъ быть убѣждено, что эта связь всегдашняя, неизмѣнная. Кромѣ того, здѣсь воспроизводится нѣчто бывшее прежде предметомъ опыта, вспоминается.

Когда частный случай повторяется постоянно въ опытѣ, постепенно является сознаніе, что связь необходима, и это сознаніе ведетъ къ обобщенію частныхъ случаевъ, къ общей истинѣ: такое то тѣло, лишенное опоры, всегда будетъ падать. Здѣсь уже не простое воспоминаніе прежде бывшаго состоянія, а „видѣніе“ неданнаго и недоступнаго опыту вообще, потому что мы никогда не получимъ достаточнаго ряда опытовъ относительно даннаго тѣла. Потомъ производится наблюденіе надъ другими тѣлами: камень, дерево... всѣ тѣла падаютъ.

Простое повтореніе, при дальнѣйшемъ развитіи ума и умозаключающей силы, постепенно перестаетъ быть источникомъ сознанія необходимости связи между отношеніями извѣстнаго рода, потому что въ опытѣ нерѣдко встрѣчаются противоположныя данныя этой самой связи. Отсюда чувство непрочности подобнаго рода умозаключенія, сознаніе, что одного случая противорѣчащаго достаточно, чтобы лишить значенія тысячи однообразныхъ опытовъ. Чувство необходимой связи возникаетъ только подъ вліяніемъ убѣжденія, что связь между данными отношеніями причинная, всегдашняя и необходимая. Умозаключеніе, или выводъ, какъ высшая форма организаціи сужденій въ описанной формѣ, есть опредѣленіе по нѣкоторому количеству частныхъ случаевъ отношенія между предметами и явленіями, наблюдаемыми нами,— того, что эта связь всегдашняя, постоянная, неизмѣняемая. Связь эта есть фактъ общій всѣмъ случаямъ даннаго рода, общая истина, неизмѣнная и постоянная, иначе—законъ, законъ природы.

Такой переходъ отъ частнаго къ общему, распространяющій наше знаніе и нашъ опытъ до огромныхъ размѣровъ, обусловливается, вынуждается, т. о., или постояннымъ повтореніемъ данной связи въ опытѣ, или же сознаніемъ, что данная связь есть прочная, что изъ связанныхъ между собою явленій одно безъ другого быть никакъ не можетъ. Перваго рода истины общія не вызываютъ въ душѣ увѣренности въ ихъ неизмѣнности и абсолютной вѣрности, и процессъ ихъ полученія есть низшая сравнительно форма вывода. Истины второго рода сопро-

вождаются сознаніемъ ихъ неизмѣнности, сознаніемъ невозможности ихъ отрицанія, и процессъ ихъ полученія есть высшая форма вывода. Первый называется *наведеніемъ чрезъ простое перечисленіе*, послѣдній просто *наведеніемъ*, *наведеніемъ въ собственномъ смыслѣ*. Истины общія, получаемыя путемъ дѣйствительнаго наведенія, являются истинами высшими, въ которыхъ заключаются всѣ частныя, опредѣляются всѣ частные случаи одного даннаго рода. Зная эти истины, мы, очевидно, имѣемъ знаніе о всѣхъ частныхъ случаяхъ, которые ими обнимаются, Такое, необходимо и само собою являющееся, соотношеніе между общими и частными истинами даетъ начало новой формѣ вывода. Встрѣчается отдѣльный предметъ, относительно котораго для насъ почему-нибудь—или неясно, обладаетъ-ли онъ такимъ-то свойствомъ, или слѣдуетъ-ли за нимъ другой,—мы прилагаемъ къ нему готовую общую истину, въ которой связь эта утверждается или отрицается, и этимъ путемъ выясняемъ дѣло и разрѣшаемъ вопросъ. Такое опредѣленіе частныхъ случаевъ по общимъ называется *дедукціею*—„изведеніемъ“ или собственно—„сведеніемъ сверху впизъ“. Дедукція, такимъ образомъ, есть приложеніе *индукціи*, и безъ предварительнаго совершенія этой послѣдней не можетъ явиться, такъ же точно, какъ безъ общихъ идей не является сужденіе, а общая идея безъ представленія. Элементарная форма ея есть такъ называемый *силлогизмъ*, который долгое время почитался умозаключеніемъ исключительно. Заключеніе силлогизма, или дедуктивный выводъ, вызываетъ въ насъ сознаніе несомнѣнности или не сопровождается этимъ сознаніемъ, смотря по характеру общей истины. Если оно есть точная сумма частныхъ случаевъ, и въ заключеніи является одинъ изъ нихъ, очевидно и прямо заключающійся въ общей истинѣ,—заключеніе является для насъ съ абсолютною принудительностью. Когда общая истина получена путемъ наведенія черезъ простое перечисленіе, заключеніе становится только вѣроятнымъ. Когда истина общая получена путемъ наведенія, утверждающаго причинную зависимость, она такъ же сопровождается чувствомъ необходимости, какъ если-бы всѣ случаи до одного были перечислены. Случаи

перваго рода, естественно, очень рѣдки, даютъ очень мало матеріала знанія; или же они создаются искусственно и имѣютъ мѣстное значеніе, относительно извѣстнаго количества, въ извѣстномъ только мѣстѣ и въ извѣстное время находящихся предметовъ и явленій. Во второмъ случаѣ—выводъ не есть дѣйствительное знаніе. Только въ послѣднемъ случаѣ нашъ умъ успокаивается и находитъ какъ бы неподвижную опору. Вотъ почему человѣкъ, не сознавая и не понимая еще важности причинной связи, инстинктивно въ извѣстный періодъ развитія ищетъ причины каждаго предмета и явленія.

II.

Сердце.

Явленія сердечной жизни, или чувствованія.

1. Чувствованія, какъ особая область душевныхъ явленій.

Явленія душевныя, обнимаемыя понятіемъ „чувствованіе", „душевное волненіе", ихъ характеръ, внутренній строй и взаимная связь. Отношеніе ихъ къ явленіямъ ума и воли. Самостоятельность основы и производителя душевныхъ волненій. Языкъ чувствованій, какъ фактъ, указывающій на особность и самобытность ихъ. Чувствованія—особый сложный процессъ; названіе совокупности явленій его „сердцемъ". Значеніе сердечнаго процесса въ строѣ душевной жизни.

Понятіемъ *чувствованія*, *душевнаго волненія*, *эмоціи*—обнимается обширная группа душевныхъ явленій: удовольствія и неудовольствія, страха, гнѣва, любви и отвращенія, уваженія и презрѣнія, горя и радости, свободы и стѣсненія, чувства красоты и безобразія, добраго и злого, чувства божества—и многихъ другихъ явленій, между которыми есть даже такія, что не имѣютъ и особыхъ названій для себя. Явленія эти, очевидно, весьма различны по своему характеру и содержанію, которое дано въ непосредственномъ сознаніи каждаго, не допускаютъ опредѣленія, точно также какъ недоступно опредѣленію содержаніе ощущеній—краснаго, бѣлаго, боли, голода, жажды и т. п. Подобно ощущеніямъ, каждое чувствованіе является на различныхъ степеняхъ силы, представляя болѣе или менѣе правильную скалу повышающагося или понижаю-

щагося напряженія и энергіи, съ какою оно, при тѣхъ или другихъ условіяхъ, возникаетъ въ душѣ. Въ то же время, подобно высшимъ дѣятельностямъ ума и воли, чувствованія представляютъ различныя степени сложности, начиная отъ самыхъ простыхъ, состоящихъ изъ одного элемента или изъ двухъ, трехъ, и кончая самыми сложными, въ составъ которыхъ входятъ иногда десятки разнообразнѣйшихъ чувствованій, притомъ, различной сложности. Потому, чувствованія могутъ быть расположены въ рядъ по степенямъ возрастающей сложности, похожій на тотъ, въ какой располагаются наукою, напр., явленія умственной жизни (идея простая, идея сложная, идея общая, сочетаніе идей въ сужденіи, сужденій въ умозаключеніи). Съ тѣмъ вмѣстѣ, каждое изъ нихъ, особенно сложныя, обнаруживаютъ извѣстнаго рода *организацію:* ихъ главные элементы, или составныя части, въ общихъ чертахъ, одни и тѣ же, и находятся между собою въ опредѣленномъ болѣе или менѣе правильномъ отношеніи, группируясь иногда около одного основного волненія; возникаютъ эти составныя части при образованіи сложнаго чувства также въ извѣстномъ порядкѣ, съ нѣкоторою правильностію, хотя иногда все это происходитъ моментально и кажется, потому, однимъ недѣлимымъ актомъ. Организуясь съ извѣстною опредѣленностію и правильностію, сложныя чувствованія или остаются въ душѣ постоянно, еще болѣе осложняясь и укрѣпляясь, или слабѣютъ, разлагаются, вымираютъ,—и этотъ процессъ разложенія также совершается по извѣстнымъ законамъ, иногда медленно и постепенно, иногда, повидимому, моментально. Вслѣдствіе того, что условія возникновенія и развитія чувствованій отличаются обыкновенно сложностію,—не только простому наблюденію, но и научному изслѣдованію часто невозможно объяснить явленіе даннаго чувствованія. То же самое нужно сказать и объ ослабленіи и исчезаніи, вымираніи чувствованій. Чувствованія въ этомъ отношеніи напоминаютъ метеорологическія явленія, которыя часто тоже не поддаются объясненію, возникаютъ и исчезаютъ, повидимому, безъ причины: съ этими явленіями ихъ давно уже и поставилъ въ аналогію здравый смыслъ человѣчества. Но, какъ тамъ,

такъ и здѣсь, правильность и подчиненіе закону не подлежатъ, конечно, сомнѣнію.

Представляя каждое въ отдѣльности несомнѣнные признаки организаціи и своеобразной собственной жизни, явленія чувствованій находятся также во *внутренней связи между собою* и, взятыя во всей совокупности, представляютъ тоже своего рода организованное цѣлое. Они обусловливаютъ существованіе другъ друга, что уже очевидно изъ того, что одни чувства входятъ цѣликомъ въ составъ другихъ; но они и косвенно зависятъ другъ отъ друга, переходятъ одно въ другое, вліяютъ на степени силы, глубины и прочности другъ друга и т. п. Такъ напр., сильно развитое эстетическое чувство предполагаетъ значительное развитіе и всѣхъ другихъ чувствъ, даже, повидимому, неимѣющихъ съ нимъ ничего общаго,—страха, гнѣва и т. п.; тоже нужно сказать о нравственномъ и религіозномъ чувствѣ и о всѣхъ другихъ сложныхъ. Эта общая связь и взаимная зависимость всѣхъ вообще чувствованій и своего рода замкнутость въ себѣ, непрерывность жизни чувства не такъ очевидна, какъ, напр., связь умственныхъ операцій, представляющихъ изъ себя опредѣленный и доступный точному описанію механизмъ идеальный, который оказывается дѣйствующимъ почти весь въ каждомъ актѣ умственномъ и въ которомъ содержаніе однихъ операцій имѣетъ прямое и очевидное вліяніе на другія, опредѣляя ихъ содержаніе и ходъ. Но сомнѣваться въ существованіи этой связи едва ли есть возможность, тѣмъ болѣе, что она давно признается здравымъ смысломъ и утилизируется при опредѣленіи характера и предсказаніи дѣйствій человѣческихъ. Между тѣмъ въ наукѣ доселѣ явленія чувствъ разсматриваются внѣ взаимной связи, мыслятся какими то спорадическими, блуждающими явленіями, точь въ точь такъ, какъ въ прежнее время разсматривались явленія движенія воздуха и измѣненія погоды.

Это невѣрное и ненаучное воззрѣніе находило и находитъ себѣ поддержку въ другомъ воззрѣніи и, въ свою очередь, само укрѣплялось имъ,—именно, въ воззрѣніи, что чувствованія, каждое

въ отдѣльности и всѣ въ своей совокупности, не суть явленія оригинальныя, самобытныя, какъ явленія ощущенія, ума и воли, имѣющія свою собственную основу и источникъ. Они составляютъ, по этому воззрѣнію, только дополненіе, окраску, характеръ, или качества другихъ явленій, какъ-то: ощущеній, идей, мыслей, желаній, дѣйствій и т. п. Воззрѣніе это, развившееся въ періодъ схоластики, господствовало до конца XVIII вѣка, до Канта включительно, даже въ англійской психологіи, освободившейся отъ схоластики уже въ XVII вѣкѣ, и находитъ защитниковъ доселѣ (Брентано, Кавелинъ). Кромѣ нѣкоторыхъ соображеній о ненужности и даже невозможности новаго особаго класса состояній, рядомъ съ ощущеніемъ, умомъ и волею (такъ какъ психическій процессъ, какъ движеніе, исчерпывается тремя моментами—направленіемъ отъ периферіи къ центру (ощущеніе), движеніемъ центральнымъ (мышленіе) и обратнымъ направленіемъ (воля) отъ центра къ периферіи),—кромѣ такихъ и подобныхъ соображеній, оно опирается главнымъ образомъ на несомнѣнномъ и очевидномъ фактѣ, что чувствованіе всегда является спутникомъ другихъ состояній и для своего возникновенія безусловно и всегда требуетъ присутствія другой дѣятельности—ощущенія, мысли, дѣйствія и т. п., или цѣлыхъ группъ и рядовъ ихъ, безъ нихъ оно не только не существуетъ, но и не мыслимо, ими производится, или питается и поддерживается, составляетъ нераздѣльную часть ихъ. Фактъ, этотъ дѣйствительно не подлежитъ сомнѣнію; но при этомъ забывается то очень простое обстоятельство, что фактъ этотъ—общій для всѣхъ явленій душевной жизни, что это, можно сказать, всеобщій и основной законъ ея. *Всякое явленіе душевное производится другими душевными явленіями* и безъ этого существовать не можетъ. Даже ощущеніе, которое производится, повидимому, исключительно физическимъ возбужденіемъ, можетъ быть сознано, т. е. можетъ стать душевнымъ состояніемъ, только въ томъ случаѣ, когда есть какое-нибудь другое ощущеніе, слѣдовательно, зависитъ въ своемъ бытіи отъ другого душевнаго состоянія, или, точнѣе, оба они только чрезъ взаимную зависимость, связь и

отношеніе получаютъ свое бытіе, не говоря уже о томъ, что ощущеніе въ своей силѣ, ясности, опредѣленности въ значительной степени зависитъ отъ всѣхъ другихъ состояній высшихъ—ума, воли, чувства, которыя сами, въ свою очередь, въ немъ имѣютъ послѣднюю основу. Мышленіе, умственная дѣятельность, умъ вообще, прежде всего, всецѣло зависитъ отъ ощущеній, и безъ нихъ его возникновеніе не представимо: ощущеніе производитъ идею простую, простыя идеи—сложную, сложныя и простыя идеи производятъ понятія и т. д. Можно возразить на это, что идея существуетъ безъ ощущенія и, потому, самобытна, дѣлаетъ самобытною и умственную дѣятельность, которая имѣетъ въ ней начало. Но это чистая иллюзія: идея есть слабое ощущеніе—и только: она есть видъ, форма его, и безъ него существовать не можетъ. Далѣе, умъ, взятый во всемъ своемъ объемѣ, включаетъ въ себя и весь міръ чувствованій, насколько идеи ихъ, понятія о нихъ, сужденія и умозаключенія относительно ихъ входятъ въ его содержаніе. Эти идеи, понятія и пр. производятся въ умѣ чувствами, суть ослабленныя чувства, и безъ нихъ, понятное дѣло, этой части содержанія ума не можетъ существовать. Подобнымъ же образомъ составляютъ часть содержанія ума и производятъ эту часть явленія воли—стремленія, желанія, рѣшенія, дѣйствія. Умъ, или умственная дѣятельность, въ силу присущей душѣ изначала и непостижимой, по своей сущности, способности души, своеобразно отражаетъ въ себѣ все остальное содержаніе душевной жизни, даже свои собственныя прошлыя состоянія: онъ состоитъ эмпирически изъ этихъ отраженій и, въ извѣстномъ смыслѣ, производится ими. Такъ, ни одинъ актъ мыслительный не обходится безъ примѣси чувства, иногда едва замѣтной, иногда значительной, и чувство здѣсь является не простымъ *спутникомъ* умственныхъ состояній, *а дѣятелемъ*, одною изъ движущихъ силъ. Простое удовольствіе процесса (умственнаго), удовольствіе истины и страданіе отъ ошибки, чувство интереса къ неизвѣстному, чувство преслѣдованія цѣли, чувство силы, успѣха или безсилія и неуспѣха—всѣ эти волненія, какъ извѣстно, внѣдряются въ умственный

процессъ, поддерживаютъ его, возвышаютъ или понижаютъ его энергію. Отнимите ихъ,—и мышленіе, умственная дѣятельность почти прекратится, или приметъ такія безжизненныя, слабыя формы, которыя едва заслуживаютъ этого названія. Чувство, такъ сказать, „пронизываетъ“ умственную здоровую дѣятельность во всѣхъ направленіяхъ и, такимъ образомъ, и съ этой стороны дѣлается ея производителемъ,—во всякомъ случаѣ,—необходимо участвуетъ въ ней. Тоже нужно сказать и о волѣ. Завися въ своемъ содержаніи отъ всѣхъ другихъ душевныхъ состояній, умственная дѣятельность въ самомъ своемъ процессѣ, въ степеняхъ его силы и напряженности, успѣшности и т., п., опять, обусловливается ихъ участіемъ. Если мы прибавимъ къ этому, что и умъ, умственная дѣятельность, принимаетъ участіе въ образованіи и развитіи всѣхъ другихъ душевныхъ состояній и дѣятельностей въ такомъ же точно объемѣ и съ такою же полною необходимостію (что не подлежитъ никакому сомнѣнію и съ особенною силою утверждается относительно чувствованій), то получится полная невозможность раздѣленія на классы душевныхъ явленій на основаніи указаннаго принципа.

Дѣло все въ томъ, что жизнь души не состоитъ изъ какихъ-то клѣтокъ съ помѣщенными въ нихъ различными ея частями, а есть *живой, непрерывный процессъ*, въ каждомъ мелкомъ и крупномъ моментѣ котораго принимаетъ участіе такъ или иначе все содержаніе души. Каждое отдѣльное явленіе производится другими или при помощи другихъ, такъ что душа во всѣхъ своихъ мельчайшихъ измѣненіяхъ создаетъ сама себѣ свое содержаніе, составляетъ сферу, замкнутую со всѣхъ сторонъ, получающую только толчекъ и возбужденіе изъ внѣшняго міра и организма въ ощущеніяхъ, которыя опять-таки, какъ мы видѣли, завися другъ отъ друга и отъ остального содержанія души, суть произведенія ея самой. Невѣдомымъ и непостижимымъ способомъ она отражаетъ въ себѣ внѣшній міръ, съ большимъ или меньшимъ совершенствомъ, въ ощущеніи и умственной дѣятельности, пріобрѣтаетъ этимъ путемъ матеріалъ для своего содержанія и развитія, сама въ свою очередь въ немъ отражается при посредствѣ процессовъ воли. Отражая

въ себѣ міръ внѣшній и сама въ немъ отражаясь, отражая саму себя въ такъ называемомъ самосознаніи, душа, какъ бы мы ее ни представляли, испытываетъ общее *возбужденіе* подъ вліяніемъ каждаго своего измѣненія, она какъ-бы *колеблется всѣмъ своимъ существомъ*. Это-то общее возбужденіе и колебаніе и служитъ *источникомъ, основою* явленій чувствованія, и, какъ отличное отъ всѣхъ другихъ измѣненій души, сообщаетъ этимъ явленіямъ „особность“ и „самобытность“ среди ихъ.

Связанныя съ другими родами состояній, и, притомъ, всѣми безъ исключенія, и зависящія отъ нихъ въ своемъ происхожденіи и развитіи,—чувствованія тѣмъ не менѣе весьма легко *выдѣляются* въ сознаніи изъ этихъ состояній, выдѣляются сразу, безъ всякаго почти усилія и напряженія. Этотъ фактъ, допускающій ежеминутную повѣрку, весьма характеренъ для чувствованія. Дѣло въ томъ, что требуется усиліе и даже своего рода подготовка для того, чтобы выдѣлить изъ сложной идеи породившія ее ощущенія; еще труднѣе это сдѣлать по отношенію къ общей идеѣ, которая несомнѣнно тоже производится ощущеніями черезъ посредство идей простыхъ и сложныхъ. Также трудно выдѣлить, напр., въ желаніи чисто волевой элементъ отъ интеллектуальнаго. хотя желаніе слагается изъ потребности—стремленія и представленія способовъ ихъ удовлетворенія. Чувствованіе—и изъ ощущеній, его производящихъ, и изъ идей и изъ дѣйствій выдѣляется какъ бы само собою. Выдѣленіе это прямо и само собою совершается въ области высшихъ ощущеній—зрѣнія, слуха, осязанія,—потому что здѣсь весьма часто возникаютъ чистыя ощущенія, безъ всякой примѣси эмоціональнаго элемента, и, вслѣдствіе этого, его появленіе всякій разъ яснѣе сознается, какъ особое измѣненіе сознанія, какъ новый фактъ душевной жизни, стоящій рядомъ съ ощущеніемъ. Въ связи съ воспріятіями, воспоминаніями, вообще, съ идеями и рядами ихъ, въ связи съ дѣйствіями и т. п., выдѣленіе волненій въ сознаніи совершается еще съ большею простотою и опредѣленностью: страхъ и страшный предметъ или воспоминаніе его, любовь и любимый предметъ, нравственное удовольствіе и

неудовольствіе и поступки, вызвавшіе его и т. п.,—даны въ сознаніи вполнѣ раздѣльно.

Все это показываетъ, что связь чувствованій съ другими состояніями какая-то внѣшняя, почти механическая, что эти состоянія не суть производители и причины его прямыя и единственныя, а скорѣе поводы къ нему, побочныя условія его возникновенія. Этотъ выводъ подтверждается тѣми постоянно наблюдаемыми фактами, что одно и то же состояніе—ощущенія, мысли, желанія и дѣйствія—можетъ вызвать весьма различныя, даже прямо противоположныя чувствованія при разныхъ условіяхъ. Въ тѣсной *связи* съ этимъ фактомъ стоитъ другой, именно, возникновеніе извѣстной дѣятельности внутренней—то въ связи съ чувствомъ, то вовсе безъ него и безъ всякаго чувства. Далѣе, множество случаевъ показываютъ, что съ исчезновеніемъ вовсе изъ сознанія, даже изъ памяти, состоянія умственнаго или волевого, породившаго чувство,—оно остается со всею силою и иногда очень продолжительное время, вліяя на все теченіе душевной жизни (сновидѣнія; дѣйствіе горя, радости, гнѣва, эстетическихъ волненій etc.). Чувствованіе въ этомъ случаѣ называется „настроеніемъ“, „расположеніемъ духа“ и т. п.; но отъ этого оно не перестаетъ быть чувствованіемъ въ собственномъ смыслѣ и реально присутствовать въ душѣ. Все это приводитъ къ мысли, что чувствованіе производится въ собственномъ смыслѣ не отдѣльными состояніями душевными—простыми или сложными—другихъ родовъ, а тою средою, въ которой они являются. Эта-то *среда* и есть въ собственномъ смыслѣ *производитель* всякаго чувствованія. Ея, пока неизвѣстными намъ измѣненіями и опредѣляется характеръ, содержаніе, сила и продолжительность каждаго чувствованія; причемъ эта среда бываетъ у различныхъ людей болѣе или менѣе способною къ порожденію всякихъ чувствованій вообще или какого-либо класса ихъ.

Имѣя свое особое содержаніе, свою организацію, выдѣляясь отчетливо изъ другихъ состояній, связанныхъ съ ними, имѣя свою особенную основу и производителя,—чувства-эмоціи имѣютъ и

внѣшніе отличительные признаки, доступные внѣшнимъ чувствамъ, главнымъ образомъ зрѣнію и слуху. Это такъ называемыя *выраженія чувствованій*. Дѣло въ томъ, что каждое чувство-эмоція, даже очень слабое и едва замѣтное для внутренняго сознанія, имѣетъ способность производить измѣненія во всемъ организмѣ, или какой либо части его, особенно въ лицѣ, точнѣе, въ мускулахъ лица и глазахъ. Это измѣненіе весьма часто бываетъ такъ тонко, неуловимо, особенно въ глазахъ, что его нѣтъ никакой возможности даже описать; но тѣмъ не менѣе оно служитъ несомнѣннымъ признакомъ присутствія въ душѣ извѣстнаго опредѣленнаго волненія-чувства, или чувствованія. При этомъ, каждое волненіе-чувство, каждый даже оттѣнокъ и измѣненіе въ силѣ измѣняетъ организмъ, и особенно мускулы лица и глаза, своимъ особеннымъ образомъ,—иначе,—каждое чувство имѣетъ свое опредѣленное и въ высшей степени точное выраженіе. Самый поверхностный наблюдатель не можетъ смѣшать насмѣшливое выраженіе глазъ съ презрительнымъ, хотя оба волненія по своему характеру чрезвычайно близки и легко переходятъ одно въ другое, а тѣмъ болѣе—съ выраженіемъ радости, горя, обиды и т. п. Страхъ, гнѣвъ, любовь, уваженіе и т. п. выражаются такъ отчетливо и характерно, что съ перваго взгляда даютъ знать о присутствіи въ душѣ, именно, этихъ чувствъ. Изъ многочисленныхъ, разнообразныхъ и въ высшей степени иногда сложныхъ измѣненій организма, въ связи съ измѣненіями процессовъ кровообращенія и дыханія, образуется особый „языкъ чувства“, отличающійся необыкновенной точностью и богатствомъ своихъ формъ. Мы такъ привыкаемъ къ нему съ дѣтства, что не обращаемъ вовсе на него вниманія, какъ на что-то весьма простое и само собою понятное; наука обратила на него вниманіе только въ недавнее время,—и это обстоятельство весьма много способствовало смѣшенію въ прежнее время чувства-эмоціи съ другими душевными явленіями и отрицанію его особности и самостоятельности. Фактъ существованія особаго языка-выраженія чувства получаетъ еще больше значенія (для доказательства особности ихъ) при мысли, что и другіе самостоятельные классы душев-

ныхъ явленій, другія „силы души“ имѣютъ также свое внѣшнее выраженіе, сообразное съ ихъ характеромъ и строеніемъ. Такъ, ощущеніе—чистое, безъ примѣси чувства,—представленіе и отвлеченная мысль имѣютъ свое спеціальное выраженіе въ звуковыхъ символахъ, или словахъ и ихъ сочетаніяхъ. И отвлеченная мысль-идея, въ которой достигаетъ высшей степени своего развитія интеллектуальный процессъ, абсолютно не можетъ быть выражена другимъ способомъ. Представленіе, какъ низшая форма умственная, допускаетъ еще другой способъ—подражательныя, мимическія движенія, очень сложныя, обыкновенно, и неопредѣленныя; но опять таки всего лучше выражается въ словѣ. Но, неопредѣленныя и запутанныя, движенія мимическія, когда они являются выраженіемъ представленій, становятся въ высшей степени ясными и опредѣленными, когда требуется передать какое-либо чувствованіе. Явленія воли также имѣютъ свое спеціальное выраженіе и даже осуществленіе въ цѣлесообразныхъ движеніяхъ, вообще—внѣшнихъ дѣйствіяхъ и разнообразныхъ къ нимъ приспособленіяхъ, хотя, въ силу преобладанія въ нихъ интеллектуальнаго элемента, допускаютъ выраженіе въ словѣ. Въ свою очередь, чувствованія не могутъ, строго говоря, выражаться въ словѣ, особенно въ отвлеченныхъ терминахъ. Рѣчь-слово въ этомъ случаѣ дополняется „языкомъ чувства“, движеніями и измѣненіями въ интонаціи, характерѣ и т. п. звуковъ голоса. Но за то—записанная, напр.,—она на половину теряетъ свое содержаніе, оставаясь только выраженіемъ интеллектуальныхъ процессовъ-мыслей, а не чувствъ, съ ними связанныхъ. Или же—рѣчь, стремясь выразить чувство, становится образною, вмѣсто понятій, рисуетъ картины; но тогда слово теряетъ характеръ символа, знака мысли, а играетъ роль красокъ, замѣняетъ пластическое искусство и т. п. Она создаетъ условія идеальныя для образованія даннаго чувства въ душѣ слушателя и читателя, а не описываетъ, не передаетъ его. И какъ умственная жизнь находитъ себѣ постоянное объективное выраженіе въ наукѣ и научныхъ произведеніяхъ, передавая все свое главное содержаніе отъ одного поколѣнія другому, такъ и чувство имѣетъ свое спеціальное объективное выраженіе

и историческую передачу своего содержанія и видоизмѣненія въ искусствѣ: въ живописи, пластикѣ, музыкѣ, поэзіи. Въ свою очередь, жизнь воли обнаруживается, объективируется въ различныхъ общественныхъ учрежденіяхъ, приспособленіяхъ механическихъ къ достиженію разныхъ цѣлей,—вообще, въ томъ, что называется ремесломъ, индустріею. Рѣзкой грани между этими областями провести нельзя, какъ нельзя ее провести между ихъ основами—умомъ, чувствомъ и волею,—въ силу ихъ тѣсной органической связи и взаимнодѣйствія. Но отдѣльность, особность каждой изъ нихъ очевидна для каждаго и очевиднѣйшимъ образомъ свидѣтельствуетъ объ особности ихъ основъ, въ частности, особности чувства.

Итакъ, чувствованія, разсматриваемыя въ томъ видѣ, въ какомъ они открываются прямому наблюденію и непосредственному сознанію, представляютъ собою цѣлую систему, цѣлую особую область душевныхъ явленій одной природы,—особый процессъ, параллельный процессамъ ощущенія, ума и воли. Онъ выдѣленъ, какъ именно такой, съ незапамятныхъ временъ общечеловѣческимъ умомъ и получилъ названіе, тождественное, по основной идеѣ, во всѣхъ культурныхъ языкахъ: онъ названъ и называется именемъ, которымъ обозначается центральный органъ кровообращенія—*сердцемъ* (καρδία, cor, lew, herz). Причина этого заключается въ томъ, что всякое чувствованіе прежде всего дѣйствуетъ на кровообращеніе, и даже прямо на сердце, черезъ посредство такъ называемаго „блуждающаго нерва“ (nervus vagus), и вызываетъ особаго рода ощущеніе, которое локализируется въ области сердца. Сердце—органъ кровообращенія— считалось, потому, и доселѣ считается всѣми незнакомыми съ психологіею и физіологіею—органомъ, источникомъ и носителемъ всѣхъ чувствованій, въ противоположность головѣ-мозгу, источнику и органу ума (жить головою, жить сердцемъ). Такъ какъ этимъ названіемъ, въ приложеніи его къ чувствованіямъ въ совокупности и къ каждому въ отдѣльности, указывается, хотя несущественный, но самый постоянный, всякому доступный и понятный, признакъ чувствованія, то оно оказывается очень

удобнымъ и какъ научный терминъ, и потому удерживается доселѣ, хотя наука давно уже не считаетъ физическій органъ, означаемый имъ, органомъ и носителемъ чувствованій.

Проходя черезъ всю душевную жизнь, находясь въ ея содержаніи въ каждый данный моментъ въ формѣ того или другого чувствованія, *процессъ чувствованій, сердечный,* или *сердце,* переплетается со всѣми другими процессами душевными, простыми и сложными, въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ и формахъ, составляетъ одну изъ главныхъ составныхъ частей душевнаго организма и имѣетъ въ жизни души опредѣленную функцію,—является, т. о., „силою душевною", „силою души", какъ умъ и воля. Функція эта, или такъ называемое значеніе этой силы въ общемъ ходѣ и строѣ душевной жизни, состоитъ въ увеличеніи, повышеніи напряженія энергіи всѣхъ другихъ душевныхъ дѣятельностей и состояній—ощущеній, умственныхъ процессовъ и явленій воли,—причемъ, въ силу органическаго закона такъ называемой иррадіаціи, это повышеніе энергіи другихъ душевныхъ состояній, въ свою очередь, отражается на характерѣ и силѣ чувствованій. Процессъ чувствованія или сердечный, такимъ образомъ, является *двигателемъ всей душевной жизни,*—иначе,—онъ мотивируетъ всѣ ея процессы. Эту роль сердечнаго процесса, или чувствованій, въ жизни души человѣческой можно нѣсколько уяснить, сопоставляя жизнь души съ жизнію организма животнаго и разные классы душевныхъ явленій съ классами явленій или такъ называемыхъ ихъ системъ, изъ которыхъ слагается физическая жизнь организма. Процессъ ощущенія можно сравнить съ явленіями поступленія или введенія въ организмъ твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ веществъ изъ міра внѣшняго—въ процессахъ дыханія, принятія пищи и питья. Умственная дѣятельность имѣетъ большую, давно подмѣченную и постоянно выражаемую, аналогію съ явленіями питанія—въ процессахъ пищеваренія, кровообращенія и уподобленія, или ассимиляціи внѣшнихъ веществъ. Явленія воли сходны съ процессами движенія мускульнаго и стоятъ, притомъ, въ тѣсной связи съ ними. Дѣятельность чувствованій, или—сердечная, въ такомъ

случаѣ, имѣетъ поразительное сходство съ органическою дѣятельностью центральной нервной системы, которая тоже двигаетъ, иннервируетъ всѣ процессы, повышая ихъ энергію и, въ свою очередь, сама въ своей дѣятельности измѣняясь подъ ихъ вліяніемъ.

Въ силу такой роли и значенія сердечной дѣятельности въ общемъ строѣ и теченіи жизни, упадокъ, ослабленіе, и тѣмъ болѣе полная потеря человѣкомъ способности волноваться въ связи и подъ вліяніемъ какого либо вида душевной дѣятельности всегда сопровождается упадкомъ и разстройствомъ ея; ослабленіе же вообще этой способности, въ связи со всѣми дѣятельностями, сопровождается упадкомъ и разстройствомъ всей душевной жизни, ея крайнимъ ослабленіемъ. Всякая дѣятельность, не согрѣтая, какъ говорятъ, чувствомъ, теряетъ то, что называется интересомъ и цѣнностью ея, дѣлается какъ бы чѣмъ то чужимъ, постороннимъ для личности, и тѣмъ самымъ лишается внутренняго возбужденія, основы и резона самаго своего существованія и продолженія; исключеніе полное, если только это возможно, волненія изъ всей среды душевныхъ дѣятельностей дѣлаетъ неинтересною, безцѣнною всю жизнь, создаетъ ту страшную холодную пустоту, которая дѣлаетъ человѣка способнымъ хладнокровно и сознательно наложить на себя руки. Случаи частнаго ослабленія или упадка способности волноваться въ связи съ однимъ какимъ нибудь видомъ душевной дѣятельности, наблюдаются довольно часто, представляя, повидимому, болѣзненное измѣненіе; но, къ сожалѣнію, они доселѣ не изучены и не подвергаются систематическому изслѣдованію. Такъ, встрѣчается ослабленіе способности волноваться въ связи съ ощущеніями и воспріятіями предметовъ міра внѣшняго. Слабость этой способности у нѣкоторыхъ людей бываетъ, повидимому, природною и нормальною. Въ томъ и другомъ случаѣ получается болѣе или менѣе полное равнодушіе ко всему окружающему внѣшнему и упадокъ самой дѣятельности внѣшняго воспріятія: внѣшнее теряетъ всякую цѣну для человѣка, и онъ ищетъ уединенія, сосредоточенія въ себѣ и т. п. И наоборотъ,—нерѣдки случаи ослабленія волненія

въ связи съ самочувствіемъ, съ воспріятіемъ и сознаніемъ своихъ собственныхъ измѣненій, качествъ своей личности. Въ такомъ случаѣ человѣкъ самъ себѣ какъ бы становится чужимъ, и у него порывается внутренняя связь самого съ собою. Еще чаще встрѣчается упадокъ чувства въ связи съ умственными, высшими операціями—обобщенія, отвлеченія, умозаключенія, при довольно высокой иногда ихъ организаціи и тщательномъ образованіи. При этомъ, получается вообще неохота къ умственнымъ занятіямъ, неохота о чемъ бы то ни было думать, тѣмъ болѣе что либо тщательно обдумывать. Это состояніе равнодушія въ связи съ мыслительными операціями нужно отличать отъ нерасположенія къ „думанью“ и мыслительной дѣятельности, которая является вслѣдствіе трудности для человѣка этого рода операцій, по природной слабости умственныхъ силъ или по недостатку навыка и упражненія. Здѣсь явленіе опредѣляется собственно чувствомъ непріятности, страданіемъ, тамъ—отсутствіемъ всякаго чувства и, слѣдовательно, интереса. Также часто весьма встрѣчается ослабленіе способности волненія въ связи съ обнаруженіемъ энергіи во внѣшнихъ дѣйствіяхъ, связанныхъ съ движеніями. Въ этомъ состояніи человѣкъ можетъ съ величайшимъ интересомъ планировать разныя дѣйствія, создавать цѣли и обдумывать средства къ ихъ осуществленію; но выполненіе всего этого не можетъ волновать его и, поэтому,—не интересно. Внѣшняя дѣятельность падаетъ, такимъ образомъ, до послѣдней степени. Опять, это состояніе нужно отличать отъ того, когда нелюбовь къ дѣятельности обусловливается природною слабостью воли и страданіемъ, какое причиняется всякимъ обнаруженіемъ и развитіемъ энергіи во внѣ. Случаи полной потери способности волноваться сравнительно очень рѣдки, и представляютъ особую форму душевной болѣзни, которая параллельна съ тою формою ея въ умственной сферѣ, какая обнаруживается исчезновеніемъ всѣхъ умственныхъ силъ. Общее пониженіе способности волноваться встрѣчается чаще; оно существуетъ какъ естественное, природное свойство, и въ этомъ случаѣ соотвѣтствуетъ ограниченности въ сферѣ умственной.

Изъ представленныхъ соображеній и фактовъ само собою вытекаетъ положеніе, весьма важное для пониманія чувства, или сердца, и его значенія,—что *чувствомъ*—и только имъ *создается цѣльность жизни* во всѣхъ ея направленіяхъ: имъ установляется та внутренняя живая связь личности съ міромъ внѣшнимъ и собою, которая заставляетъ человѣка любить жизнь, поддерживать ее всѣми силами, даже если она полна страданія и бѣдствій. Таинственная по своему существу, какъ общій фактъ бытія, эта связь—органическая въ прямомъ наблюденіи и опытѣ, т. е. для опытной науки,—есть простой фактъ присутствія волненія, на среднемъ уровнѣ силы, въ связи со всякимъ сознательнымъ актомъ, со всѣми дѣйствіями и состояніями души, изъ коихъ слагается сознательная жизнь личности.

Кромѣ того, въ представленныхъ фактахъ мы видимъ новое доказательство той, важной истины выработанной современной наукой,—что чувство-волненіе есть особый родъ дѣятельности сознанія, имѣющій свою основу и свое особое содержаніе, *особый классъ явленій*, связанныхъ со всѣми другими, но *не сводимыхъ* къ нимъ и неразложимыхъ на нихъ цѣликомъ. Это—именно—цѣлая область жизни духа, особая сторона этой жизни.

Эта послѣдняя истина имѣетъ, помимо всего другого, важное практическое, жизненное значеніе. Давно уже высказываютъ, и весьма основательно, жалобы, что, при тщательномъ развитіи ума и укрѣпленіи воли въ воспитаніи и образованіи, остается почти безъ всякаго ухода и развитія способность волненія, или сердце. Для такого воспитанія не существуетъ никакихъ почти правилъ, никакой системы, никакихъ почти приспособленій. Причина этого заключается не только въ трудности этого воспитанія, трудности, въ значительной степени обусловливаемой несовершенствомъ знанія въ этой области, но—главнымъ образомъ—въ фальшивомъ воззрѣніи, что чувство не есть явленіе особое, какъ умъ и воля, а только ихъ спутникъ, что его и воспитывать прямо нельзя, какъ можно воспитывать умъ и волю; что воспитаніемъ

ума и воли само собою совершается и воспитаніе чувства, развитіе сердца. Взглядъ этотъ иногда высказывается прямо, но чаще подразумѣвается, какъ нѣчто само собою понятное. Онъ препятствовалъ самому развитію знанія о сердечной жизни и тормозилъ науку въ этомъ направленіи, сосредоточивая ее главнымъ образомъ на явленіяхъ ума и воли, и есть главная причина той аномаліи, что цѣлая область жизни духа—и область такая важная по своему значенію—почти не воспитывается, и предоставляется самой себѣ; что самаго искусства этого воспитанія, опирающагося на научныхъ обобщеніяхъ, почти нѣтъ. Между тѣмъ эта невоспитанность и одичалость чувства, предоставленнаго въ своемъ развитіи самому себѣ и разнымъ случайностямъ, весьма часто дѣлаетъ широкое развитіе ума и воли не только безполезнымъ для блага личности и общества, но прямо вреднымъ, разрушительнымъ, и лишаетъ смысла и значенія всю систему воспитанія и образованія. Всѣ почти наблюдатели этого факта ясно понимаютъ его причину,—и все продолжаютъ считать чувство не самостоятельнымъ, особымъ родомъ душевной дѣятельности, а частью, стороною другихъ родовъ, резонансомъ, окраскою ихъ и т. п.,—и, опять, находятъ возможнымъ обойти прямое дѣйствіе на него воспитаніемъ, сливъ его съ воспитаніемъ ума и ожидая отъ развитія послѣдняго усовершенствованій въ жизни сердечной.

Устраненіе этого вреднаго недоразумѣнія должно составлять теперь главную задачу психологической теоріи чувствованій. Для этого, а вмѣстѣ и для установленія правильнаго взгляда на жизнь сердца, мы сгруппируемъ всѣ характерныя черты душевныхъ волненій, свидѣтельствующія о самостоятельномъ значеніи ихъ въ ряду другихъ явленій душевныхъ, и остановимся прежде всего на тѣхъ основныхъ чертахъ, которыми опредѣляется *природа* чувствованія, въ связи съ *общими условіями* его *образованія*.

2. Природа чувствованія.

Сходство и различіе между ощущеніемъ и чувствованіемъ. Чувствованіе, какъ впечатлѣніе, производимое на душу ея же собственными измѣненіями. Физіологическая теорія происхожденія чувствованія. Попытки отыскать реальныя измѣненія души, лежащія въ основѣ чувствованія. Основанія для признанія чувствованія спеціальнымъ видомъ сознанія душевныхъ состояній, какъ движеній. Возможность дедуктивнаго выведенія различныхъ видовъ чувствованія изъ этого понятія о немъ. Доводы въ пользу удовлетворительности теоріи чувствованія, какъ сознанія душею движенія собственнаго ея состава. Совмѣстимость существующихъ опредѣленій природы чувствованія. Полное опредѣленіе чувствованія.

Всѣ разнообразныя чувствованія, изъ совокупности которыхъ слагается область души, называемая „сердцемъ“, „сердечною жизнію“, „жизнію сердца“, очевидно, суть проявленія и видоизмѣненія одного общаго имъ всѣмъ и *основного процесса*, или состоянія, измѣненія души,—подобно тому, какъ всѣ ощущенія могутъ почитаться видоизмѣненіями и формами внѣшняго впечатлѣнія, а умственныя дѣятельности видоизмѣненіями процесса сознанія отношеній. Намъ предстоитъ теперь опредѣлить съ возможною точностью *природу* этого основного, составляющаго сущность каждаго отдѣльнаго чувствованія и всей ихъ совокупности, процесса, въ связи съ *условіями его происхожденія*, — опредѣлить, т. е., что такое чувствованіе?

По способу происхожденія и характеру измѣненія души, или сознанія, подъ вліяніемъ всякаго чувствованія, основной процессъ его имѣетъ общее сходство-аналогію съ процессомъ ощущенія.

Это сходство-аналогія между ощущеніемъ и чувствованіемъ подмѣчено общимъ смысломъ человѣчества и выражается въ языкахъ всѣхъ культурныхъ народовъ тѣмъ, что одинъ и тотъ же терминъ употребляется для обозначенія того и другого явленія—ощущенія и чувствованія,—именно, слово „чувство" и соотвѣтствующія ему въ другихъ языкахъ: αἴσθησις, sensus, Gefuhl, feeling. При этомъ, какъ всегда бываетъ въ подобнаго рода случаяхъ, смыслъ его, т. е. означается ли имъ въ данномъ случаѣ ощущеніе, или чувствованіе, большею частію опредѣляется самымъ ходомъ и содержаніемъ рѣчи. Въ случаяхъ же необходимости точнаго различенія, это производится добавкою прилагательнаго, характеризующаго особенность и отличіе каждаго изъ нихъ: ощущеніе называется „внѣшнимъ чувствомъ", чувствованіе называется „чувствомъ внутреннимъ". Этотъ послѣдній способъ различенія ощущеній и чувствованій, конечно, явившійся уже подъ вліяніемъ научнаго анализа или описанія душевныхъ состояній, былъ господствующимъ въ схоластической психологіи и употребляется нѣкоторыми психологами доселѣ. Сходство между ощущеніями и чувствованіями въ основномъ процессѣ признается и лучшими англійскими психологами настоящаго времени. Они постоянно помѣщаютъ чувствованія и ощущенія въ одинъ классъ подъ именемъ „feeling". Такъ дѣлаютъ Бэнъ, Спенсеръ; у насъ ихъ послѣдователь—Троицкій.

Дѣйствительно, общее сходство въ характерѣ и общихъ условіяхъ происхожденія того и другого процесса несомнѣнно существуетъ: отношеніе дѣятелей и отчасти результатъ его, въ сущности, одни и тѣ же, хотя сами дѣятели, конечно, различны. Ощущеніе, какъ намъ уже извѣстно, есть возбужденіе души, измѣненіе сознанія подъ вліяніемъ дѣйствія физическихъ, или внѣшнихъ, силъ—движеній во внѣшнемъ мірѣ и въ самомъ организмѣ. Это общее возбужденіе подъ вліяніемъ физическихъ дѣятелей, благодаря различію силъ физическихъ, способовъ и путей ихъ дѣйствія, превращается, въ дѣйствительности, въ цѣлую систему различныхъ возбужденій—ощущеній различнаго характера, содержанія и силы. Затѣмъ, ощущенія превращаются въ идеи, идеи сочетаются между собою въ различныхъ направленіяхъ и степе-

няхъ, превращаясь въ умственный процессъ,—и все это, по частямъ и въ цѣломъ, вызываетъ ряды двигательныхъ импульсовъ, порождающихъ новые ряды идей и развивающихся въ явленія воли и внѣшней дѣятельности. Такимъ образомъ, получается родъ кругового движенія, начинающагося и оканчивающагося во внѣшнемъ мірѣ,—движенія, которое у послѣдователей Спенсера называется „психическимъ оборотомъ". Разъ образовавшись въ душѣ, каждое изъ ощущеній и всѣхъ другихъ состояній, которыя изъ нихъ развиваются, дѣлается здѣсь исходнымъ пунктомъ *новаго движенія* sui generis. Каждое изъ нихъ въ отдѣльности и всякая ихъ совокупность—въ различныхъ сочетаніяхъ—является, въ свою очередь, способною производить и производитъ возбужденіе, *впечатлѣніе* въ душѣ, или сознаніи, вызываетъ движеніе, похожее на тотъ толчекъ, который производится внѣшними дѣятелями. Онъ кажется идущимъ дальше и глубже той поверхности, или сферы, на которую дѣйствуютъ внѣшнія силы, производящія ощущенія, идеи и т. п. Этотъ новый толчекъ, *это новое впечатлѣніе и есть чувствованіе*. Ощущенія, идеи и т. п. играютъ въ произведеніи такого впечатлѣнія и возбужденія, очевидно, такую же роль, какую внѣшнія силы и дѣятели играютъ въ процессѣ ощущенія. Ощущеніе есть „чувство внѣшняго дѣятеля", потому—внѣшнее чувство; впечатлѣніе же, имъ самимъ производимое, есть „чувство этого чувства", „ощущеніе ощущенія"; точно также впечатлѣніе отъ другихъ состояній сознанія—идей, желаній, дѣйствій будетъ ощущеніемъ или чувствомъ ихъ. И такъ какъ эти дѣятели суть чисто внутреннія состоянія, то возбужденіе, ими производимое, есть чувство „внутренняго",—иначе,—„внутреннее чувство". Потому, *чувствованіе* всего чаще опредѣлялось и опредѣляется, какъ *впечатлѣніе на душу*, *производимое ея собственными состояніями*. Такъ, Вундтъ опредѣляетъ чувствованіе, вызываемое ощущеніемъ, какъ „непосредственную аффекцію сознанія ощущеніемъ"; вообще же чувствованіе, по его представленію, есть состояніе, въ которое сознаніе (душа) приводится своими ощущеніями и представленіями; или: „чувство есть субъективное ощущеніе объективныхъ ощущеній и представленій",—а это значитъ

то же, что чувствованіе есть „внутреннее ощущеніе внѣшнихъ ощущеній и представленій“. Та же идея, въ сущности, выражается Спенсеромъ, когда онъ называетъ чувствованіе—чувствомъ центральнаго происхожденія, а ощущеніе чувствомъ периферическаго происхожденія.

При общемъ сходствѣ условій происхожденія ощущенія и чувствованія, при сходствѣ, въ общихъ чертахъ, процесса, какъ воспринимаемаго душею впечатлѣнія, есть въ томъ и другомъ большая разница. Впечатлѣніе, изъ котораго слагается ощущеніе, имѣетъ своего рода очертаніе, особенно въ формѣ идеи: оно имѣетъ форму пространственно законченнаго образа, фигуру, прикрѣпляется къ опредѣленнымъ, имѣющимъ законченныя очертанія внѣшнимъ предметамъ. Въ чувствованіи этого нѣтъ. Происходя изъ внутреннихъ причинъ, оно не относится ни къ чему внѣшнему, не служитъ образомъ или знакомъ внѣшняго, а только внутренняго. Оно не имѣетъ опредѣленнаго очертанія и законченности,—рисуется намъ, какъ неимѣющее границъ колебаніе чего-то, какой-то среды, колебаніе, похожее на волненіе въ жидкостяхъ и воздухѣ. Это сходство тоже подмѣчено было давно геніемъ языка,—и чувство сравнено съ *волненіемъ*, называется этимъ именемъ. Въ виду необходимости отличить ощущеніе отъ чувствованія и неудобства термина „внутреннее чувство“, и наука усвоила эту метафору, которая образно характеризуетъ процессъ чувства, схватываетъ отличительную черту его. Чувствованіе названо волненіемъ въ первый разъ Декартомъ, и теперь этотъ терминъ получилъ господство.

Итакъ, процессъ, лежащій въ основѣ всѣхъ чувствованій, или чувствованіе вообще, по аналогіи съ ощущеніемъ, опредѣляется, какъ „впечатлѣніе, производимое на душу ея собственными состояніями и измѣненіями“. По своему характеру и содержанію оно является въ сознаніи вообще, какъ *нарушеніе покоя души*, какъ неимѣющее опредѣленной формы, аморфное движеніе, *обнимающее всю душу*, и сравнивается, даже отождествляется съ волненіемъ. Но, данная въ этомъ опредѣленіи и характеристикѣ чувствованія,

теорія его образованія и природы страдаетъ тѣмъ важнымъ недостаткомъ, что принуждаетъ мыслить душу какою-то пространственною, упругою средою, которая способна, подъ вліяніемъ совершающихся въ ней движеній, законченныхъ и имѣющихъ опредѣленную форму, приходить во всемъ своемъ объемѣ въ колебательное, волнообразное движеніе, не имѣющее опредѣленнаго очертанія, какъ это бываетъ въ водѣ, воздухѣ и другихъ жидкихъ и газообразныхъ тѣлахъ, какъ это бываетъ въ твердыхъ тѣлахъ при ударѣ и т. п. Такая, пожалуй, невольная, матеріализація души, вытекающая изъ самой сущности описанной теоріи, не могла не обратить вниманія мыслителей, которые имѣли понятіе о душѣ, какъ чистомъ духѣ. Къ этому въ древности присоединилось еще господствовавшее тогда и выразившееся съ особенною опредѣленностію въ психологіи стоиковъ воззрѣніе на чувствованіе-волненіе, какъ нѣчто унизительное для духа, чуждое ему по природѣ. Естественно, отсюда возникло стремленіе искать другого объясненія происхожденія и природы чувствованія, перенося весь процессъ его въ область физической, тѣлесной жизни.

Уже Платонъ высказываетъ мысль, что чувствованіе есть собственно состояніе тѣла и принадлежитъ ему, исключая, впрочемъ, высшихъ эстетическихъ чувствованій и идеальной любви (ἔρος). У Плотина эта мысль развивается съ полною опредѣленностію и отчетливостію, превращается въ цѣлую—особую—теорію чувствованія. Признавая естественною дѣятельностью души только сознаніе, безстрастное созерцаніе, Плотинъ признаетъ всякое чувствованіе-волненіе движеніемъ, происходящимъ въ тѣлѣ: это движеніе только познается душею, или, по современной терминологіи, сознается ею, причемъ въ ней самой не бываетъ и быть не можетъ никакого волненія, никакого страстнаго возбужденія. Всякое чувствованіе-волненіе совершается только въ тѣлѣ и въ немъ собственно имѣетъ начало; но его причиною можетъ быть и душа—въ тѣхъ случаяхъ, когда въ ней возникаетъ такое представленіе, съ которымъ въ прежнемъ опытѣ соединялось чувствованіе. При этомъ, опять душа остается безстрастною, только представляющею, а

самое волненіе производится только въ тѣлѣ.—Съ этою теоріею имѣетъ большое сходство и родство ученіе Декарта. Хотя Декартъ считаетъ чувствованіе своего рода измѣненіемъ въ самой душѣ, наряду съ ощущеніемъ, сознаніемъ, но всѣ характеристическія особенности его, какъ волненія, приписываетъ тѣлу или, точнѣе, особаго рода физіологическимъ процессамъ въ мозгѣ, которые онъ представляетъ въ формѣ движенія по нервнымъ трубочкамъ тонкаго вещества, называемаго „животными духами". Движеніе это сосредоточивается въ такъ называемой шишковидной железѣ, здѣсь дѣйствуетъ на душу и въ свою очередь возбуждается ею. Всякое волненіе, сознаваемое душею, есть собственно волненіе жизненныхъ духовъ и ихъ центра: „послѣдняя и ближайшая причина чувствованій есть не что иное, какъ возбужденіе, производимое духами въ маленькой железѣ, находящейся въ срединѣ мозга", говоритъ Декартъ. Младшій его современникъ, Гоббсъ, держится, въ сущности, того же взгляда, опредѣляя волненіе-чувствованіе, какъ „возбужденіе мозга, отражающееся на сердцѣ и сознаваемое душею".

Послѣ разнаго рода измѣненій, подъ вліяніемъ развитія анатоміи и физіологіи мозга, разсматриваемая теорія, переносящая центръ тяжести всей сердечной жизни въ область физіологическихъ процессовъ организма, и мозга въ особенности,—получила новую обработку и сдѣлалась весьма распространенною, пожалуй, даже господствующею въ настоящее время, благодаря трудамъ Бэна. Въ этой новой переработкѣ она имѣетъ, въ общихъ чертахъ, такой видъ. Всякое душевное состояніе представляется движеніемъ въ нервныхъ центрахъ, вообще, въ мозгѣ, и зависитъ въ своемъ существованіи и содержаніи отъ этого движенія. Всей совокупности душевныхъ явленій, изъ коихъ слагается жизнь души, соотвѣтствуетъ совокупность движеній въ мозгѣ, причемъ первая обусловливается послѣднею и зависитъ отъ нея. Нервныя мозговыя движенія имѣютъ видъ токовъ, развивающейся въ нервныхъ элементахъ, силы нервной и порождаемой молекулярными измѣненіями мозгового вещества. Когда эти токи, напра-

вляясь отъ периферіи къ центру, отъ органовъ внѣшнихъ чувствъ и всѣхъ частей организма внѣшнихъ и внутреннихъ, идутъ по опредѣленнымъ путямъ и имѣютъ законченную опредѣленную форму,—въ душѣ возникаютъ состоянія тоже опредѣленнаго, законченнаго типа, разнаго рода ощущенія, идеи, ихъ ряды и группы и т. п. То же самое бываетъ, когда этого рода токи возникаютъ отъ внутреннихъ причинъ, независимо отъ внѣшнихъ возбужденій: тогда имп вызываются въ душѣ воспоминанія, творческія комбинаціи и т. п. Когда эти токи направляются по отводящимъ нервамъ отъ центра къ периферіи и тоже идутъ по извѣстнымъ опредѣленнымъ путямъ, имѣютъ опредѣленную, законченную форму, вызывая или стремясь вызвать къ дѣятельности опредѣленный мускулъ или систему мускуловъ, произвести опредѣленной формы движеніе или цѣлую ихъ систему,—въ душѣ, соотвѣтственно этому, возникаютъ опредѣленныя, формально законченныя состоянія—стремленія, желанія, вообще, волевые акты. Но, двигаясь съ такою или другою скоростью по опредѣленнымъ путямъ въ опредѣленныхъ формахъ, нервные токи производятъ общее возбужденіе всего мозга или значительной части его, расходятся во всѣ стороны отъ пути своего, или „разливаются“; разливъ этотъ идетъ за предѣлы мозга—къ периферическимъ частямъ организма, къ двигательнымъ органамъ и внутренностямъ, производя ряды и группы безцѣльныхъ, т. е. несвязанныхъ ни съ какою идеею или желаніемъ, движеній внѣшнихъ и также измѣненій во внутреннихъ органахъ, производя вообще агитацію и такъ называемую игру мускуловъ, также повышая или понижая дѣятельность дыханія, кровообращенія, пищеваренія, выдѣленій и т. п. Въ силу прямой зависимости или даже просто связи и соотношенія души—сознанія—съ состояніями мозга, это *новое движеніе нервныхъ токовъ*, движеніе, неимѣющее опредѣленнаго пути, неправильно идущее во всѣ стороны, разливающееся, а потому *безформенное*, безструктурное, необходимо производитъ соотвѣтствующее себѣ *измѣненіе въ сознаніи*. Это измѣненіе и есть *чувствованіе-волненіе*. Такъ какъ описанный разливъ нервной силы, общее, безформенное возбу-

жденіе мозга можетъ произойти отъ чисто физіологическихъ причинъ, въ отсутствіи или, вообще, внѣ зависимости отъ движенія какой-либо опредѣленной формы (связаннаго съ опредѣленною идеею, ощущеніемъ etc.), то и въ душѣ можетъ возникнуть чувствованіе, не связанное ни съ какимъ ощущеніемъ, идеею, или желаніемъ, такъ называемое—безпричинное. Такимъ образомъ, *чувствованіе* не есть колебаніе или общее движеніе самой души, начала сознающаго, а колебаніе чисто физической среды, съ нею связанной,—именно—мозга и всего организма: оно есть дѣйствительное волненіе, но *волненіе*, слагающееся изъ массивнаго движенія *нервнаго вещества*. Дѣйствіе его на душу точь въ точь такое же, какъ и всякаго другого движенія мозга, которымъ вызывается въ душѣ идея, ощущеніе, желаніе и т. п., т. е. оно также не постижимо и не понятно. *Какъ аффицируетъ душу* „разливъ нервныхъ токовъ“ въ мозгѣ, при произведеніи или вызовѣ въ ней удовольствія или неудовольствія,—это такъ же не понятно, какъ и то, какимъ образомъ движеніе въ ретинѣ, въ зрительномъ нервѣ и центрѣ вызываетъ ощущеніе краснаго или зеленаго цвѣта. Что чувствованіе-волненіе, дѣйствительно, не можетъ произойти безъ описаннаго возбужденія мозга и всего тѣла, это доказывается тѣмъ, что, обыкновенно, съ ослабленіемъ внѣшняго выраженія его (движенія мускуловъ, всего организма и т. п.), ослабѣваетъ и самое чувствованіе, причемъ, конечно, ослабляется возбужденіе и мозга; наоборотъ, произвольный вызовъ выраженія внѣшняго какого-либо чувства сопровождается возникновеніемъ его въ душѣ, иногда со всею яркостію и отчетливостію. Кромѣ того, всякое вновь являющееся ощущеніе, идея, дѣйствіе, благодаря новости путей для нервныхъ токовъ и ихъ неполной опредѣленности, сопровождается волненіемъ-чувствованіемъ, такъ какъ неправильное, несформировавшееся движеніе легко разливается; наоборотъ, правильное дѣйствіе всегда становится безстрастнымъ.

Теорія Бэна—физіологическая теорія чувствованія—выдвигаетъ и въ значительной степени освѣщаетъ очень важную, уже указанную намп сторону въ жизни чувствованій—ихъ внѣшнее

выраженіе, или воплощеніе, вообще, тѣсную, живую связь ихъ съ выразительными движеніями организма· она прочно установляетъ ту несомнѣнную теперь истину, что органическое измѣненіе, связанное съ даннымъ чувствованіемъ. составляетъ нераздѣльную часть его, которая, во всякомъ случаѣ, даетъ ему особую яркость и отчетливость и необходимо должна быть принята во вниманіе при его научномъ изслѣдованіи, или анализѣ. Теорія чувствованій и вообще жизни сердца выигрываетъ отъ этого и улучшается въ такой же приблизительно степени, въ какой отъ установленія органической связи между отвлеченными актами мышленія и словомъ, ихъ воплощеніемъ, улучшилась теорія умственной жизни. Въ томъ и другомъ случаѣ, темный и неуловимый самъ по себѣ, внутренній процессъ получаетъ отъ связи съ своими физическими символами опредѣленность и своего рода наглядность; механизмъ его становится понятнѣе и доступнѣе представленію во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Но, какъ объясненіе природы и сущности процесса чувствованія—явленія несомнѣнно душевнаго, внутренняго,—теорія эта есть, въ сущности, произвольное построеніе, неимѣющее достаточной фактической опоры. Она не касается несомнѣннаго, даннаго въ непосредственномъ внутреннемъ опытѣ, факта—*непосредственной зависимости чувства отъ другихъ душевныхъ состояній*, факта, который сознается, какъ впечатлѣніе на душу ея собственныхъ измѣненій и внутреннее, душевное волненіе подъ ихъ вліяніемъ. Она прямо даже отказывается отъ всякой попытки объясненія внутренняго процесса чувства и его состава, прибѣгая въ этомъ случаѣ къ пріему, употребленному Локкомъ и затѣмъ много разъ повторенному и повторяемому доселѣ у психологовъ того направленія, которое извѣстно подъ именемъ „психологіи ассоціацій“, или феноменалистической,—съ особенною ясностію—у Юма, Броуна, Джемса Милля, Зульцера, Ш. Бонне и многихъ другихъ.

Вводя въ понятіе о чувствованіи то, что есть цѣннаго и фактическаго въ физіологической теоріи, т. е. физіологическую его сторону, и оставляя незатронутое, неустраненное теоріею и неразъ-

ясненное обычное понятіе, мы получимъ такое опредѣленіе чувствованія: оно есть впечатлѣніе, производимое на душу ея собственными состояніями, *сопровождающееся* всегда особаго рода *возбужденіемъ нервной системы*, которое распространяется на всѣ другія или нѣкоторыя системы организма. Но что такое это впечатлѣніе, какъ оно совершается, въ чемъ состоитъ?—вотъ вопросъ, отъ разрѣшенія котораго зависитъ правильное пониманіе и полное опредѣленіе чувствованія, насколько это возможно. Вмѣстѣ съ упомянутымъ отказомъ отвѣчать на этотъ вопросъ, исторія науки представляетъ и рядъ попытокъ разрѣшить его положительно, отыскать положительныя, реальныя измѣненія души, которыя лежатъ въ основѣ всякаго чувствованія и составляютъ то, что называется впечатлѣніемъ на душу ея собственныхъ состояній. Оставляя средневѣковыя попытки въ этомъ родѣ, мы остановимся на новыхъ, начиная съ XVII вѣка. Обзоръ этихъ попытокъ, помимо историческаго интереса, имѣетъ то значеніе, что каждая изъ нихъ, развиваясь у нѣсколькихъ мыслителей, открываетъ намъ какую-нибудь сторону жизни чувствованія, дѣйствительно въ немъ существующую, но или односторонне понимаемую, или неудачно выясненную. Попытки эти идутъ въ трехъ главныхъ направленіяхъ, тѣсно связанныхъ между собою единствомъ основного взгляда на природу чувствованія и внутренній процессъ, его порождающій, и—четвертомъ, стоящемъ особнякомъ, вполнѣ новомъ и оригинальномъ, приближающемся, по нашему мнѣнію, всего болѣе къ истинѣ.

Представителями одного направленія, въ историческомъ порядкѣ появленія, являются главнымъ образомъ Спиноза, затѣмъ Лейбницъ, Вольфъ. Около нихъ, конечно, группируется много второстепенныхъ мыслителей. Всѣ они считаютъ чувствованіе видомъ умственной дѣятельности, темнымъ, смутнымъ познаніемъ какого-либо совершенства или несовершенства, блага или зла. Такимъ образомъ, оно есть *критическая оцѣнка душею своего собственнаго состоянія*, состоянія тѣла и внѣшнихъ предметовъ, вызывающихъ эти состоянія. Спиноза прямо называетъ чувствованіе и опредѣляетъ его, какъ idea confusa. Вольфъ называетъ чувствованіе „интуп-

тивнымъ познаніемъ", т. е. непосредственнымъ знаніемъ какого-нибудь совершенства или несовершенства, возникающимъ изъ темнаго воспріятія (ex perceptione obscura). — Второе направленіе относитъ чувствованіе къ области воли. Представителями его являются отчасти Кантъ и его послѣдователи, главнымъ же образомъ Шопенгауеръ, Фортляге, у насъ Ушинскій и Владиславлевъ. Чувствованіе опредѣляется ими, какъ сознаніе безпрепятственнаго, свободнаго развитія нашей дѣятельности, въ основѣ которой лежитъ стремленіе, или же сознаніе препятствія этой дѣятельности; частнѣе и конкретнѣе,—чувствованіе есть *сознаніе удовлетворенія или неудовлетворенія* присущихъ душѣ изначала *стремленій, потребностей*. Выражая въ общей, сжатой формулѣ этотъ взглядъ на природу чувствованія, Владиславлевъ говоритъ: „чувствованіе выражаетъ отношенія воли къ различнаго рода событіямъ внутреннимъ и внѣшнимъ".—Въ обоихъ охарактеризованныхъ направленіяхъ есть сходные элементы, и они незамѣтно переходятъ одно въ другое,—именно: при опредѣленіи чувствованія, какъ „темной идеи блага или зла", предполагается въ числѣ благъ и золъ удовлетвореніе или неудовлетвореніе потребностей и, притомъ, главнымъ образомъ; при опредѣленіи чувствованія, какъ „отношенія воли", предполагается самъ собою интеллектуальный актъ оцѣнки и различенія. Въ виду этого, нѣкоторые изслѣдователи составъ чувства распредѣлили поровну между умомъ и волею, и чувство явилось какою-то темною смѣсью, синтезомъ, единствомъ умственнаго и волевого элементовъ. Такъ, Фихте называетъ чувствованіе „тожествомъ познанія и желанія"; Гегель считаетъ чувство низшею ступенью какъ ума, такъ и воли; Шлейермахеръ опредѣляетъ чувство какъ „безразличіе знанія и дѣйствія" и т. п.—Новѣйшими представителями третьяго направленія являются въ Германіи Лотце, во Франціи—Дюмонъ, у насъ Гротъ. По ихъ теоріи, чувствованіе есть особенное состояніе сознанія, имѣющее своею основою и содержаніемъ непосредственное *воспріятіе гармоніи или дисгармоніи внутреннихъ процессовъ или внутреннихъ отношеній*. Подъ гармоніей и дисгармоніей, при этомъ,

разумѣется соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе этихъ процессовъ благу организма. Въ концѣ концовъ, чувствованіе, по этой теоріи, есть безсознательная оцѣнка значенія каждаго душевнаго процесса, и, прежде всего, ощущенія, въ общемъ строѣ жизни—его пользы или вреда, блага или зла. Говоря словами Грота, чувствованіе есть какъ-бы отвѣтъ на вопросъ: какое значеніе въ экономіи цѣлаго организма имѣетъ то, что происходитъ въ нашихъ органахъ и открывается при содѣйствіи ощущеній и другихъ, конечно, состояній, изъ нихъ развивающихся. При этомъ разсматриваемая теорія, связывая чувствованія главнымъ образомъ, почти исключительно, съ ощущеніями и процессами въ мозгѣ, приближается къ теоріи первныхъ токовъ Бэна, къ ихъ гармоническимъ и дисгармоническимъ отношеніямъ.

Не смотря на внѣшнее различіе, возникающее изъ различія того, что признается за основной элементъ чувствованія (умъ, воля, то и другое, всѣ вообще процессы), всѣ эти теоріи имѣютъ внутреннее родство и представляютъ, въ сущности, различные пріемы одного и того же объясненія чувствованія. Прежде всего, во всѣхъ ихъ чувствованіе отождествляется съ состояніями *удовольствія и страданія*, которыя, такимъ образомъ, мыслятся какъ *основа всѣхъ видовъ чувствованій*, какъ основные элементы, изъ которыхъ возникаетъ вся жизнь сердца, т. е. мыслятся какъ выражающія собою самую *природу* чувствованія. Страхъ, гнѣвъ, любовь, эстетическія, религіозныя, нравственныя чувствованія—все это представляется только ихъ видоизмѣненіемъ и осложненіемъ. Далѣе, всѣ описанныя теоріи главнымъ факторомъ всего процесса чувствованія считаютъ, сознательную или безсознательно данную, идею блага и зла, въ связи съ неизбѣжнымъ въ этомъ случаѣ представленіемъ или сознаніемъ цѣли органическаго и психическаго процесса, какого-то идеала, съ которымъ сравнивается всякій процессъ жизненный, всякое событіе и состояніе. Эта идея блага и зла, цѣли, представленіе идеала жизни, неизбѣжно является какъ нѣчто предшествующее чувству, какъ его производитель, такъ какъ чувствованіе въ томъ или другомъ смыслѣ является

оцѣнкою, а оцѣнка требуетъ критерiума. Правда, въ развитыхъ формахъ чувствованiя есть этотъ элементъ оцѣнки, въ высшихъ формахъ онъ даже существенный; но онъ происхожденiя позднѣйшаго. связанъ съ опытомъ. А главное—онъ самъ есть только продуктъ и послѣдствiе чувствованiй удовольствiя и неудовольствiя. Дѣло въ томъ, что какъ бы ни понимали идеи блага и зла, гармонiи, дисгармонiи, соотвѣтствiя и несоотвѣтствiя съ жизненными цѣлями, удовлетворенiя и неудовлетворенiя потребностей,—первоначально эти идеи являются въ духѣ и могутъ явиться только подъ вліянiемъ опытовъ удовольствiя и страданiя, связанныхъ съ различными процессами; во всякомъ случаѣ, благо и зло, гармонiя и дисгармонiя и пр. первоначально являются въ нашемъ сознанiи какъ пріятное и непріятное, и безъ этого не могутъ образоваться. Получается очевидная несообразность: чувствованiе имѣетъ своимъ производителемъ идею блага и зла и т. п., а эти идеи, въ свою очередь, только и могутъ сформироваться благодаря существованiю чувствованiй, которыя, значитъ, должны быть прежде ихъ (circulus logicus).

Изъ всего этого слѣдуетъ, что чувствованiе есть какой-то процессъ особый, являющiйся прежде всякой оцѣнки и служащiй ея основою, дающiй къ ней поводъ,—процессъ, который долженъ быть прежде всякой опредѣленной своей формы, даже удовольствiя и неудовольствiя, хотя обыкновенно является въ какой-нибудь формѣ и связанъ съ идеями блага и зла, гармонiи и дисгармонiи, также съ процессомъ оцѣнки и т. п.,—который даетъ, между прочимъ, основу къ возникновенiю этихъ явленiй, а не есть ихъ послѣдствiе. Внутренній опытъ и наблюденiе, дѣйствительно, открываютъ намъ такiя состоянiя, которыя мы относимъ къ чувствованiямъ, но не можемъ открыть въ нихъ никакой опредѣленной формы. Это не удовольствiе и не страданiе, не страхъ, не гнѣвъ, не любовь etc.,—это просто какое то *общее возбужденiе въ сферѣ сознанiя*, которому нельзя дать никакого имени, кромѣ общаго имени „чувствованiя“, „волненiя“. Неопредѣленное по своей природѣ, переходящее иногда очень быстро въ какую-нибудь опредѣленную форму, оно,

естественно, игнорируется въ обыденной жизни, относится къ такъ называемымъ „настроеніямъ“; но его знаютъ всѣ наблюдательные люди, его отмѣчаютъ также всѣ почти психологи, хотя, съ своей неправильной точки зрѣнія, принимающей слѣдствіе за причину и конецъ за начало, не знаютъ, что съ нимъ дѣлать, куда причислить его. Одни стараются доказать, что такое *нейтральное* возбужденіе есть только кажущееся—обманъ сознанія, что на самомъ дѣлѣ оно непремѣнно пріятно или непріятно; другіе строятъ мудреную теорію нейтрализаціи пріятнаго или непріятнаго по самому существу волненія; третьи, какъ Бэнъ, оставляютъ безъ всякаго объясненія, какъ нѣчто само собою понятное... Но это *нейтральное* чувствованіе можно признать *простѣйшимъ* и *основнымъ* видомъ этого состоянія, чувствованіемъ въ собственномъ смыслѣ, чистымъ, ничѣмъ неосложненнымъ или „недифференцированнымъ“, какъ нынѣ выражаются, чѣмъ-то въ родѣ „протоплазмы“, которая не получила еще никакой формы, но способна принять самую разнообразную форму, подвергаясь различнымъ вліяніямъ. Въ пользу такого взгляда на нейтральное чувство, только какъ общее, не получившее еще никакой опредѣленной формы, какъ только чувствованіе, говоритъ тотъ несомнѣнный фактъ, что люди съ опредѣленнымъ и точнымъ мышленіемъ, имѣющіе ясно опредѣленныя жизненныя цѣли и условія, рѣдко, а нѣкоторые можетъ быть никогда не испытываютъ такого нейтральнаго, безформеннаго возбужденія: душевное возбужденіе подъ вліяніемъ всегда опредѣленныхъ и ясныхъ условій быстро получаетъ у нихъ опредѣленныя формы. Наоборотъ, чѣмъ менѣе у человѣка опредѣленности въ идеяхъ и мысляхъ, чѣмъ неопредѣленнѣе жизненныя условія и цѣли, тѣмъ чаще онъ испытываетъ неопредѣленныя волненія, которыя онъ не можетъ даже назвать пріятными или непріятными, а, какъ обыкновенно выражаются, „и самъ не знаетъ, что съ нимъ дѣлается“. Если вѣрно представленное толкованіе нейтральнаго чувствованія, то существованіе особаго общаго процесса внутренняго, дающаго начало различнымъ формамъ и представляющаго какъ бы *чувствованіе чистое*—

само въ себѣ, безъ оцѣнки, безъ сознанія какой-то цѣли и т. п.,—не будетъ даже предположеніемъ, или гипотезою, а станетъ фактомъ опыта.

На эту точку зрѣнія на чувствованіе сталъ Гербартъ и его многочисленные послѣдователи, составившіе цѣлую такъ называемую школу „гербартіанцевъ", изъ коихъ пользуются извѣстностью Вайцъ, Фолькманъ, Дробишъ, Нагловскій. Правда, теорія Гербарта опирается на своеобразную гипотезу, которая представляетъ всѣ душевныя состоянія результатомъ механическаго соотношенія между нѣкоторыми основными состояніями, которыя называются „представленіями". Это нѣчто въ родѣ простыхъ идей извѣстной силы, напряженія и крѣпости, или прочности; изъ ихъ разнообразныхъ сочетаній и соотношеній слагается вся душевная жизнь. Теорія эта, развивающаяся, притомъ же, изъ метафизическаго предположенія о природѣ души, несомнѣнно искусственна и не выдерживаетъ критики. Самое ученіе Гербарта о чувствованіи односторонне, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ даже странно.... Но общая идея его вѣрна и заключаетъ въ себѣ зародышъ будущей научной и точной теоріи чувствованій. Опуская подробности, мы и возьмемъ только эту общую идею. „Такъ какъ въ насъ находится множество представленій въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ, то каждое новое воспріятіе дѣйствуетъ какъ раздраженіе, которымъ одни представленія затрудняются, другія вызываются и усиливаются, текущія вереницы ихъ нарушаются или приводятся въ движеніе.... Явленіе это будетъ еще сложнѣе, если, какъ обыкновенно и бываетъ, новое представленіе само по себѣ разнообразно, такъ что оно разомъ входитъ въ разнообразные ряды и даетъ имъ толчекъ, который приводитъ ихъ въ новыя соотношенія...." Это *движеніе составныхъ духовныхъ частей души*, разсматриваемое независимо отъ ихъ содержанія, сочетаній, связей, производящихъ явленія мышленія, воли—и *есть то волненіе внутреннее, которое сознается въ чувствованіи*,—и есть чувствованіе. Такимъ образомъ, получается опредѣленный спеціальный процессъ внутренній, который составляетъ *общую реальную основу всякаго чувствованія*, и вы-

раженіе, что „чувствованіе есть впечатлѣніе, производимое на душу ея же собственными состояніями“, получаетъ опредѣленный и достаточно ясный смыслъ. Мы видимъ здѣсь самый процессъ этого впечатлѣнія и его составъ и природу. Процессъ этотъ—таинственное и непостижимое по своей сущности движеніе всего содержанія души или значительной его части, нами постоянно наблюдаемое,—и есть основной фактъ душевной жизни, который долженъ же какъ-нибудь отражаться въ сознаніи.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы мы ни представляли себѣ душу и ея жизнь—во всякомъ случаѣ—она всегда, въ любой моментъ своего дѣйствительнаго бытія, состоитъ изъ нѣкоторой, болѣе или менѣе обширной совокупности прошлыхъ состояній, связанныхъ между собою органически. Пока нѣтъ хотя небольшой совокупности этихъ прежнихъ состояній, эмпирически душа не можетъ обнаружиться, она не есть еще живая дѣйствительность, а только потенція. Въ свою очередь, каждое душевное состояніе, какъ теперь это извѣстно наукѣ съ несомнѣнностію, слагается всегда изъ ряда возбужденій, болѣе или менѣе длиннаго, есть всегда нѣчто сложное. Изъ этого закона не составляютъ исключенія самыя простыя явленія сознанія—ощущенія. Каждое новое измѣненіе сознанія самымъ явленіемъ своимъ приводитъ неизбѣжно въ возбужденіе всю массу простыхъ состояній или нѣкоторую значительную часть, выводя изъ покоя весь душевный организмъ. Воспринимаясь сознающимъ началомъ, каждое состояніе, въ дѣйствительности, воспринимается всѣмъ его наличнымъ содержаніемъ: оно включается въ это содержаніе, занимаетъ въ немъ опредѣленное мѣсто и измѣняетъ, такимъ образомъ, въ большей или меньшей степени отношенія всѣхъ другихъ, производя движеніе, перестановки, перегруппировки и т. п. Жизнь души, какъ постоянная смѣна состояній, есть, такимъ образомъ, постоянное движеніе, постоянное измѣненіе; каждое отдѣльное состояніе есть часть этого движенія общаго, само есть движеніе и неизбѣжно вліяетъ на общее движеніе души самыми многоразличными способами. Признаніе такого рода движенія постояннаго, какъ смѣны различныхъ состояній и измѣненія ихъ отношенія, не говоря

уже объ очевидности его существованія, никоимъ образомъ не вынуждаетъ представлять душу матеріальною, какъ и смѣняющіяся и движущіяся ея состоянія: въ нашемъ внутреннемъ опытѣ это движеніе является совершающимся только во времени и можетъ быть перенесено за предѣлы пространства. Фактъ, что всякое душевное состояніе есть само по себѣ процессъ и движеніе, что, возникая такъ или иначе въ сознаніи, оно вызываетъ другія состоянія, процессы, другія, слѣдовательно, движенія, что оно съ тѣмъ вмѣстѣ производитъ общій процессъ—движеніе въ сферѣ всего содержанія души,—фактъ этотъ давно извѣстенъ изслѣдователямъ души; но, ему не давали и не даютъ доселѣ никакого мѣста въ содержаніи сознанія, т. е. въ содержаніи и жизни души. Онъ оказывается какъ бы существующимъ внѣ сознанія, другими словами, онъ оказывается несуществующимъ для него. Но это очевидная несообразность: движеніе, лежащее въ основѣ жизни душевной есть реальнѣйшее событіе, измѣненіе души, и должно быть ею сознаваемо въ какой нибудь формѣ, сознаваемо непосредственно и прямо, какъ сознаются даже внѣшнія движенія. Чувствованіе и есть не что иное, какъ особая форма непосредственнаго сознанія этого основного и постояннаго событія въ жизни души, этой реальнѣйшей стороны ея жизни и существа, сознаніе того, что каждое состояніе ея есть движеніе и вся она постоянно движется.

Итакъ, чувствованіе есть сознаніе душею своихъ собственныхъ состояній, какъ движеній, безъ отношенія къ ихъ собственному содержанію и характеру, или—общѣе—*сознаніе душею движенія своего собственнаго состава и содержанія* и его отраженія въ движеніяхъ организма. Чувствованіе есть, дѣйствительно, *движеніе души*, какъ его и называютъ преимущественно предъ всѣми другими состояніями; оно въ нѣкоторыхъ случаяхъ есть, дѣйствительно, *волненіе въ сферѣ душевной*, волненіе sui generis—не физическое, а душевное,—движеніе и волненіе духовныхъ, непространственныхъ составныхъ частей содержанія души.

Если вѣрна представленная гипотеза относительно послѣдняго *источника и природы чувствованія вообще*, то является возмож-

ность объяснить до извѣстной степени происхожденіе различныхъ *формъ* и *видовъ* его, происхожденіе всѣхъ чувствованій. Является даже какъ будто возможность получить ихъ всѣ изъ общаго понятія о чувствованіи дедуктивно—modo geometrico.—Какъ это очевидно a priori и подтверждается множествомъ прямыхъ наблюденій, движеніе внутреннихъ состояній можетъ получать и, дѣйствительно, получаетъ весьма различный характеръ, различныя формы и, такъ сказать, „фигуры“ при одномъ и томъ же содержаніи смѣняющихся или движущихся состояній, а тѣмъ болѣе оно можетъ измѣняться при измѣненіи въ количествѣ и качествѣ движущихся элементовъ, при всякомъ, т. е., измѣненіи самаго содержанія. Формъ этихъ должно быть чрезвычайно большое количество, и у каждаго они должны видоизмѣняться и чередоваться своимъ особеннымъ способомъ, такъ что должны быть мимолетныя чувствованія, которыя не имѣютъ и не могутъ имѣть названій, должны быть чувствованія, испытываемыя только нѣкоторыми и непостижимыя для другихъ и т. п., какъ это утверждаетъ Бэнъ и многіе другіе психологи. Но, въ силу одинаковости, въ общемъ, душевнаго процесса и всего строя душевной жизни и въ силу нѣкоторыхъ общихъ законовъ движенія,—изъ этого хаоса формъ внутренняго движенія должны необходимо выдѣлиться въ сознаніи нѣкоторыя болѣе постоянныя и присущія всѣмъ людямъ и т. п. Получается, такимъ образомъ, нѣсколько устойчивыхъ формъ, изъ которыхъ, путемъ ихъ сочетанія и взаимодѣйствія другъ съ другомъ и другими душевными состояніями, слагается общій типъ сердечной жизни человѣка. Подъ характеромъ и формами движенія внутренняго разумѣются явленія въ родѣ слѣдующихъ: быстрота или медленность теченія идей, желаній, законченность или незаконченность, правильность или безпорядочность, хаотичность, ритмичность или отсутствіе ея, остановки разнаго рода—быстрая или медленная,—постепенное возрастаніе силы процесса или упадокъ и т. п. Каждому такому характеру движенія и формѣ его будетъ соотвѣтствовать особое чувствованіе, которое будетъ его непосредственнымъ сознаніемъ и внутреннимъ знакомъ. Положимъ, напр., смѣна возбуж-

деній душевныхъ ощущеній, воспріятій, идей и т. п. будетъ совершаться въ какомъ-нибудь направленіи правильно, ритмично—получится удовольствіе, и всюду, гдѣ возникаетъ такая форма движенія внутренняго,—удовольствіе явится непремѣнно въ той или другой степени. Предположимъ, далѣе, что весь внутренній процессъ моментально остановился въ своемъ теченіи, по какой угодно причинѣ: наличныя душевныя состоянія, естественно, въ силу такого толчка, придутъ въ безпорядочное, хаотическое движеніе на нѣкоторое время. Тогда получится новое чувство: это будетъ чувство страха и т. п. Гдѣ бы и почему бы такая форма внутренняго движенія ни возникла—чувство явится неизмѣнно съ большею или меньшею силою. Положимъ еще, что, подъ вліяніемъ какихъ угодно причинъ, получится слишкомъ быстрое движеніе идей, чувствъ и пр. въ одномъ направленіи, напр., въ силу встрѣтившагося препятствія: тогда получится чувство гнѣва. И, опять, при какихъ бы условіяхъ ни возникла эта форма движенія—гнѣвъ неизмѣнно будетъ входить въ составъ сознанія. Когда внутреннее движеніе въ разныхъ направленіяхъ будетъ совершаться спокойно, медленно, правильно, и все вообще теченіе внутренней жизни получаетъ такой характеръ—медленнаго, ритмичнаго, безпрепятственнаго движенія; тогда должно возникнуть движеніе нѣжности, основы любви. Подобнымъ образомъ всѣ рѣшительно чувствованія могутъ быть представлены, какъ видоизмѣненіе формы внутренняго движенія.

Мы пришли къ выводу, что чувствованіе есть особый, спеціальный видъ сознанія, въ которомъ воспринимаемыя сознающимъ началомъ, или душею, ея собственныя состоянія, какъ процессы, или движенія внутреннія, различной формы и характера, независимо отъ ихъ такъ называемаго содержанія (которымъ дается начало другому виду сознанія, называемому умомъ, или интеллектомъ). Въ пользу этой теоріи чувствованія, которая принимается, и то въ общихъ чертахъ, незначительнымъ меньшинствомъ изслѣдователей-психологовъ, говоритъ не только неудовлетворительность всѣхъ другихъ извѣстныхъ теорій,—этого доказательства было бы весьма не достаточно,—но и то, особенно, обстоятельство, что, благодаря

ей, восполняется пропускъ въ ученіи о душѣ—сознаніи—одного постояннаго факта ея жизни, которому не давалось никакого мѣста въ самомъ сознаніи, который оказывался неотраженнымъ, невоспринимаемымъ душею ни въ какой опредѣленной формѣ. Такъ какъ въ сферѣ сознанія нѣтъ еще другого состоянія его, которое могло бы быть признано отразителемъ, носителемъ и символомъ этого факта, потому что для всѣхъ другихъ измѣненій сознанія есть свои, строго опредѣленные возбудители; то становится въ высокой степени вѣроятнымъ, что этимъ выразителемъ и символомъ его является именно чувствованіе, получающее, такимъ образомъ, своего спеціальнаго возбудителя.—Вѣроятность эта увеличивается, благодаря существованію аналогичнаго случая продолжительнаго игнорированія психологами особаго измѣненія сознанія въ области ощущеній, или особаго вида ощущенія, служащаго выраженіемъ и символомъ мускульныхъ движеній организма. Этотъ случай пропуска и просмотра психологами въ продолженіе многихъ вѣковъ одного изъ важнѣйшихъ видовъ ощущенія отчасти объясняетъ намъ и причину подобнаго же отношенія къ особому виду сознанія, въ которомъ видоизмѣняется и отражается внутреннее движеніе, какъ движеніе, также весь ходъ и направленіе ученія о чувствованіи,—объясняетъ до такой степени, что, не зная исторіи его и только познакомившись съ исторіею ученія о мускульномъ чувствѣ, мы, по этой послѣдней, могли бы опредѣлить и предсказать главные моменты ложнаго направленія въ ученіи о чувствованіи, сказать, что, по аналогіи,—сознаніе внутренняго движенія должно было причисляться къ процессамъ умственнымъ или къ процессамъ воли, или, наконецъ, распредѣляться между ними, какъ чувство движенія причислялось къ процессу осязанія и зрѣнія.

Кромѣ этого, разсматриваемая теорія даетъ возможность весьма удовлетворительно объяснить изъ одного начала существованіе и развитіе всѣхъ различныхъ видоизмѣненій чувствованія, всего міра чувствованій, даже—при дальнѣйшемъ развитіи изслѣдованій въ этомъ направленіи—опредѣлить главные виды чувствованій путемъ анализа возможныхъ формъ психическаго или внут-

ренняго движенія. Объяснивъ бытіе чувствованій и ихъ разнообразіе, или давая возможность объясненія всего этого, теорія объясняетъ также нѣкоторыя важныя особенности всего процесса сердечной жизни, давно наблюдаемыя, но остававшіяся почти вовсе безъ объясненія: она показываетъ источникъ и причину чистой *субъективности*, или интимности, преимущественно „внутренности“ явленій чувствованія, ихъ *относительности*, поразительной подвижности и измѣнчивости. Становится яснымъ до очевидности, съ точки зрѣнія этой теоріи, что никакой внѣшній предметъ, также—никакое умственное состояніе и никакія ихъ комбинаціи сами по себѣ, своимъ постояннымъ содержаніемъ и своими свойствами не могутъ прямо и непосредственно, а потому всегда одинаково, вызывать какое-нибудь опредѣленное чувствованіе-волненіе. Они могутъ быть только поводами къ нему, вызывать его косвенно, производя какую-нибудь опредѣленную форму внутренняго движенія, которая и отражается въ сознаніи, какъ опредѣленнаго характера чувствованіе. А это прежде всего зависитъ отъ строя и характера внутренней жизни, отъ духовной среды, способной въ своемъ движеніи принимать различныя формы, а не отъ качества предметовъ. Всякое, иногда незамѣтное и незначительное, измѣненіе въ этой средѣ необходимо должно отражаться на ея способности принимать подъ вліяніемъ предмета, на нее дѣйствующаго, ту или другую форму движенія, порождать, слѣд., то или другое чувствованіе. Если почему-нибудь данный человѣкъ окажется неспособнымъ къ той общей остановкѣ теченія душевной жизни и хаотическому движенію, которымъ опредѣляется, вызывается и создается чувствованіе страха,—ничто не въ состояніи будетъ произвести въ немъ это чувствованіе; онъ можетъ желать этого возбужденія, можетъ ясно рисовать разныя опасности, видѣть и встрѣчать ихъ, воспринимать все, что считается самымъ страшнымъ, т. е. обыкновенно производящимъ въ другихъ людяхъ это волненіе,—чувствованіе не явится, потому что не будетъ его основы, субстрата, единственной и непосредственной причины, его возбуждающей,—той *формы внутренняго движенія*, которая и есть

собственно причина волненія страха. Если случаи подобнаго рода рѣдки, а можетъ быть даже вовсе не существуютъ, то постоянно встрѣчаются и всякому извѣстны случаи потери способности волноваться извѣстнымъ образомъ, въ данномъ случаѣ, пугаться и испытывать страхъ по отношенію къ предмету, недавно вызывавшему это волненіе въ сильной степени. Какими причинами производятся такія измѣненія—это рѣшительно все равно. Во всякомъ случаѣ они являются препятствіемъ къ образованію данной формы внутренняго движенія,—и чувствованіе не является. То же самое, очевидно, имѣетъ мѣсто по отношенію ко всѣмъ безъ всякаго исключенія чувствованіямъ. Въ мірѣ объективномъ, чувственномъ, нѣтъ абсолютно страшнаго, ужасныхъ предметовъ, какъ нѣтъ здѣсь абсолютно прекраснаго и безобразнаго, добраго и злого и т. п.: страшное для одного—смѣшно для другого, ужасное для всѣхъ людей одной эпохи—желательно и любезно для другой эпохи; прекрасное для одного—безобразно для другого и т. д. Самыя идеи страшнаго, прекраснаго и т. п. производятся волненіями, на основаніи ихъ создаются, а никакъ не наоборотъ. Идея опасности для жизни, чести, благосостоянія, прямого вреда и т. п., полученныя путемъ опыта и жизненныхъ соотношеній, ясная оцѣнка всѣхъ степеней опасности, вреда предмета и т. п.—все это не есть волненіе страха, и не есть идея страшнаго или ужаснаго: страшнымъ предметъ становится, когда, подъ вліяніемъ этихъ идей, или другимъ какимъ-нибудь путемъ, получится форма внутренняго движенія, соотвѣтствующая страху,—и идея страшнаго можетъ быть только результатомъ испытанія этого чувствованія. Идея симметріи, порядка, правильности соотношеній—не есть чувство прекраснаго, не есть и его идея: прекраснымъ предметъ становится для человѣка, когда онъ произведетъ въ душѣ, опять, ту форму внутренняго процесса, которая одна способна вызвать эстетическое волненіе красоты,—и идея прекраснаго можетъ быть только результатомъ испытанія этого рода волненія... Какъ первоначально возникаютъ эти формы въ душѣ, какъ онѣ опредѣляются, устанавливаются и консолидируются въ постоянныя или часто возникающія состоянія души,—

это еще нужно объяснить, и эта именно сторона составляетъ самую трудную въ научномъ изслѣдованіи и анализѣ чувствованій. Простое указаніе предметовъ и обстоятельствъ, при которыхъ эта форма чувствованія происходитъ, разсужденіе о предшествующей оцѣнкѣ отношенія къ намъ вещей, людей и нашихъ собственныхъ состояній, понятное дѣло, ничего не объясняетъ, потому что предполагаетъ чувствованіе готовымъ, даннымъ, и предметы эти способными производить его—и только; они считаются какъ бы страшными, прекрасными, пріятными сами по себѣ, по своимъ качествамъ и постояннымъ и случайнымъ къ намъ отношеніямъ. На самомъ дѣлѣ этого нѣтъ, какъ мы видѣли. И все объясненіе, такъ построенное, есть просто тавтологія, описаніе того, что называется именемъ страха, любви, гнѣва и т. п., а никакъ не анализъ и не объясненіе.

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія установленной теоріи чувствованія, самое изслѣдованіе его измѣняется и становится на строго научную почву, является дѣйствительнымъ анализомъ, объясненіемъ происхожденія и развитія каждаго чувствованія, а не простымъ его описаніемъ. Когда будетъ уловленъ моментъ зарожденія и развитія каждаго чувствованія, т. е. такая или другая форма внутренняго движенія, объяснено его происхожденіе, если только это возможно,—отношеніе предметовъ, напр., внѣшнихъ, къ нему опредѣлится само собою. Разъ почему нибудь вызвавшій чувствованіе, тотъ или другой предметъ ассоціируетъ съ нимъ чисто внѣшнимъ образомъ, по смежности, и эта ассоціація дѣлаетъ его страшнымъ, красивымъ, пріятнымъ, противнымъ и т. д. Съ тѣмъ вмѣстѣ, по законамъ ассоціаціи, являясь въ душѣ, онъ всякій разъ будетъ вызывать чувствованіе, пока такимъ или другимъ путемъ ассоціація эта не будетъ разрушена. Съ образованіемъ ассоціаціи, является возможность разнообразнѣйшихъ ея осложненій и видоизмѣненій, превращеній въ постоянную, общую многимъ людямъ или даже всѣмъ имъ, благодаря одинаковости духовной организаціи. И весь процессъ чувствованія начинаетъ развиваться по общимъ законамъ душевной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ весь механизмъ его жизни и развитія становится болѣе простымъ и яснымъ.

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія данной теоріи опредѣляется самъ собою и весь путь и способы дальнѣйшаго изслѣдованія и анализа чувствованій. И она пока оказывается во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительною, хотя полнаго доказательства ея, очевидно, нужно ждать отъ самаго изслѣдованія и анализа.

Мы представили нѣсколько различныхъ мнѣній относительно условій образованія чувствованія, опредѣляющихъ его природу, и нѣсколько различныхъ опредѣленій, которыя, однако, можно, съ извѣстными ограниченіями, совмѣстить для полнаго опредѣленія этого состоянія.—По первому,—самому распространенному и самому общему,—чувствованіе есть впечатлѣніе, производимое на душу ея собственными состояніями—ощущеніями, идеями, мыслями, желаніями, дѣйствіями и т. п. По второму,—оно есть особаго рода физіологическое состояніе мозга, „разливъ“ въ немъ „нервныхъ токовъ“ и общее колебаніе-волненіе, сознаваемое душею, подобно другимъ измѣненіямъ мозга, сознаваемымъ, какъ ощущеніе, представленіе, стремленіе. Но эти два мнѣнія-опредѣленія, въ сущности, не исключаютъ другъ друга, и могутъ быть соединены въ одно, по которому чувствованіе, будучи впечатлѣніемъ, производимымъ на душу ея собственными измѣненіями, имѣетъ физіологическую основу въ особомъ общемъ возбужденіи нервной системы, дающемъ начало внѣшнему отраженію всякаго чувствованія.—Затѣмъ слѣдуетъ то опредѣленіе чувствованія, по которому оно есть умственный актъ, низшаго разряда, не что иное, какъ смутная идея—блага или зла, доброкачественности или злокачественности, какъ разныхъ душевныхъ измѣненій, такъ и предметовъ внѣшнихъ, вызывающихъ эти измѣненія. И это опредѣленіе не стоитъ въ противорѣчіи съ первымъ, и можетъ быть разсматриваемо, какъ ихъ дополненіе, указывающее новую сторону въ составѣ чувствованія, дѣйствительно, въ немъ существующую. Потому, это—впечатлѣніе на душу ея собственныхъ состояній, которое, сопровождаясь особымъ измѣненіемъ мозга и нервной системы, сознается, какъ

своего рода ихъ оцѣнка и, слѣдовательно, вызываетъ въ сферѣ умственной нѣчто въ родѣ идеи блага и зла. Этотъ элементъ есть во всѣхъ чувствованіяхъ, а въ нѣкоторыхъ является преобладающимъ, и превращается въ опредѣленный рядъ операцій умственныхъ, поддерживающихъ, усиливающихъ и даже прямо вызывающихъ чувствованіе. То же самое нужно сказать о томъ опредѣленіи, по которому чувствованіе есть составная часть волевого процесса, желанія и стремленія, и есть непосредственное сознаніе удовлетворенія потребностей души и тѣла, способствованіе или задержка душевной дѣятельности. Такое опредѣленіе указываетъ въ чувствованіи новую сторону и представляетъ дополненіе къ предыдущимъ. Впечатлѣніе, производимое на душу ея собственными измѣненіями, сопровождаясь специфическимъ измѣненіемъ мозга и смутною идеею доброкачественности или злокачественности ихъ, сопутствуется также сознаніемъ удовлетворенія или неудовлетворенія потребностей, споспѣшествованія или препятствія дѣятельности души. Опять, этотъ элементъ существуетъ во всѣхъ чувствованіяхъ и въ нѣкоторыхъ является преобладающимъ (свобода, стѣсненіе). Въ силу этого, два послѣднія опредѣленія легко объединяются въ одно, по которому—чувствованіе есть синтезъ низшихъ смутныхъ состояній оцѣнки въ сферѣ ума и воли, или—вообще—непосредственное сознаніе цѣнности всякаго даннаго состоянія для личной жизни индивидуума въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ,—сознаніе гармоніи или дисгармоніи внутреннихъ отношеній.

Взятыя всѣ вмѣстѣ, эти описанія-опредѣленія чувствованія, односторонніе по одиночкѣ, изображаютъ съ нѣкоторою подробностью составъ его, моменты, изъ коихъ оно слагается,—возникающіе одновременно или въ невообразимо быстромъ преемствѣ. Но въ этомъ изображеніи, взятомъ, какъ цѣликомъ, такъ и по частямъ, чувствованіе является только *спутникомъ* другихъ состояній, ихъ составною частью, чѣмъ то въ родѣ ихъ окраски и тембра. Оно является неимѣющимъ своей спеціальной основы въ жизни души, несамостоятельнымъ. Между тѣмъ, и общечело-

вѣческое сознаніе и наука, особенно со времени Канта, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, выдѣляетъ чувствованіе, какъ особый душевный процессъ, какъ особую область жизни души, параллельную другимъ, несомнѣнно самостоятельнымъ областямъ— ощущенія, ума и воли. Вотъ почему еще въ XVIII вѣкѣ начался рядъ попытокъ отыскать свою, особую основу для чувствованія, изъ которой можно было бы понять и выяснить самую сущность и способъ впечатлѣнія на душу ея собственныхъ измѣненій и съ тѣмъ вмѣстѣ показать источникъ, связанной съ этимъ впечатлѣніемъ, оцѣнки ихъ значенія, такъ какъ эта оцѣнка, по самому существу дѣла, должна быть слѣдствіемъ, а не причиною чувствованія, по крайней мѣрѣ, первоначально, при самомъ возникновеніи сердечной жизни. Дѣло въ томъ, что не только смутное и неопредѣленное, но самое ясное сознаніе, напр., опасности, можетъ не вызвать чувства страха, между тѣмъ несомнѣнно существуетъ страхъ такъ называемый безпричинный, порождающій представленіе разнаго рода опасностей, даже несуществующихъ. Не только смутное, но самое ясное пониманіе красоты, достоинства и всякихъ совершенствъ личности можетъ не вызвать чувства-волненія любви,— и въ то же время это чувство нерѣдко является безъ всякой внѣшней причины и дѣлается общимъ настроеніемъ, вообще, возникаетъ внѣ всякихъ соображеній и вопреки умственной и всякой другой оцѣнкѣ. Не только смутное, но самое отчетливое пониманіе изящества, красоты, напр., художественнаго произведенія, можетъ не вызвать эстетическаго волненія,—и въ то же время это волненіе является у людей, не могущихъ вовсе дать въ немъ отчета. Самое ясное представленіе величія Божества, его благости, зависимости отъ него всей жизни міра и человѣка можетъ не вызвать религіозно-молитвеннаго волненія,—и въ то же время весьма часто люди, имѣющіе самое смутное понятіе о Божествѣ, способны къ религіозному волненію, достигающему высшихъ степеней силы.

Отыскивая особую основу и источникъ чувствованія, мы указали, слѣдуя нѣкоторымъ общимъ соображеніямъ психологовъ

школы Гербарта, фактъ въ сферѣ душевной жизни, для котораго психологами не указывается соотвѣтствующаго отраженія въ сознаніи, который кажется, такимъ образомъ, невоспринимаемымъ какъ бы вовсе душею. Фактъ этотъ—особаго рода движеніе всего душевнаго содержанія, подъ вліяніемъ каждаго измѣненія сознанія въ сферѣ ощущенія и воспріятія, ума и воли и, соотвѣтствующаго этому, возбужденія органа души—мозга и всего тѣла. Между тѣмъ, это движеніе необходимо предположить; необходимо также предположить, что это движеніе свое, особое въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и у каждаго индивидуума, и что существуетъ множество различныхъ формъ его. Какъ камень, брошенный въ воду, кромѣ видимаго, имѣющаго форму круга движенія въ водѣ, въ то же время производитъ движеніе во всѣхъ направленіяхъ въ массѣ воды, производя перестановку частицъ и измѣненіе въ теченіи ихъ,—такъ каждое впечатлѣніе - ощущеніе, идея, мысль, желаніе, дѣйствіе, производя сознаніе самихъ себя, *возбуждаютъ* извѣстнымъ образомъ *все содержаніе души*, давая ему особое направленіе, форму и т. п. Это общее возбужденіе должно сознаваться какъ-либо и, дѣйствительно, *сознается*, повидимому, *въ формѣ чувствованія*, которое, въ силу этого, становится дѣйствительнымъ *волненіемъ* души. Изъ него и слагается то, что называется „впечатлѣніемъ на душу ея собственныхъ состояній“. И какъ одно движеніе въ органахъ чувствъ сознается—какъ свѣтъ, другое—какъ звукъ, причемъ самая причина такого различенія не постижима (оно дано въ сознаніи прямо и непосредственно); такъ одна форма душевнаго движенія даетъ сознаніе удовольствія, другая—страданія и т. д.—страха, гнѣва, любви и отвращенія. И это сознаніе лежитъ въ основѣ оцѣнки дальнѣйшаго развитія и осложненія всякаго чувствованія.

Объединяя все сказанное о природѣ и составѣ чувствованія, въ связи съ условіями его образованія, мы получимъ слѣдующее полное опредѣленіе этого сложнаго процесса: чувствованіе есть впечатлѣніе, производимое на душу ея собственными состояніями и измѣненіями, — связанное съ общимъ возбужденіемъ нервной

системы, волненіемъ въ ея сферѣ, и имѣющее результатомъ непосредственную оцѣнку всего этого для блага индивидуума и свою послѣднюю основу въ сознаніи движенія всего состава души, подъ вліяніемъ ея измѣненій единичныхъ и частныхъ.

---

3. Свойства чувствованій, обусловливающія ихъ организацію и развитіе.

Законосообразность организаціи и развитія чувствованій.— Приложеніе въ области сердечной жизни законовъ ассоціацій и законовъ воспроизведенія душевныхъ состояній; память чувствованія и свойства ея. — Симпатія; аналогія между нею и передачею идей. Изслѣдованія выразительныхъ измѣненій организма. Средства выраженія чувствованій и симпатическаго возбужденія. Способъ симпатическаго возбужденія.

Подобно явленіямъ умственной жизни, „чувствованія“, или „душевныя волненія“ представляютъ собою живой, развивающійся процессъ, въ которомъ мы видимъ дѣйствіе тѣхъ же законовъ, какъ и въ развитіи ума, и — потому — полную аналогію между тѣмъ и другимъ процессами. И въ томъ и въ другомъ развитіе двойное—личное, единичное, и соціальное, общее. Какъ всякая идея, всякій умственный актъ, начинаясь въ ощущеніяхъ и воспріятіяхъ, вообще, въ элементарныхъ процессахъ, постепенно осложняется въ теченіе жизни подъ вліяніемъ опыта; такъ и всякое волненіе, начинаясь въ ощущеніяхъ и непосредственныхъ впечатлѣніяхъ вообще,—растетъ и развивается, путемъ осложненія, въ теченіе всей жизни. Здѣсь также находятъ себѣ примѣненіе общіе, основные законы организаціи душевныхъ явленій—ассоціацій и воспроизведенія душевныхъ состояній, въ связи съ удержаніемъ ихъ. Далѣе, какъ всякая идея, измѣняясь въ своемъ содержаніи въ теченіе вѣковъ, при помощи слова, приводится постепенно къ единообразію у всѣхъ людей на извѣстной степени развитія; такъ и душевныя волненія постепенно ста-

новятся *одинаковыми* по составу у всѣхъ людей, — тоже при помощи особыхъ средствъ передачи, которая здѣсь называется *симпатіею* и находится въ связи съ „выраженіемъ чувствъ“. Такъ, на извѣстной ступени развитія всѣ люди испытываютъ удовольствія и страданія подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же предметовъ,—для всѣхъ одни и тѣ же предметы становятся красивыми или безобразными, добрыми или злыми, страшными или нестрашными, смѣшными или серьезными и т. д.

Не вдаваясь въ раскрытіе постепеннаго хода развитія сердечнаго процесса съ первыхъ моментовъ жизни человѣка до времени полнаго сформированія его личности, а также—въ изслѣдованіе типовъ развитія сердечной жизни подъ вліяніемъ разнообразнѣйшихъ условій жизненнаго опыта,—разсмотримъ тѣ особенныя *свойства* явленій ея, благодаря которымъ чувствованія могутъ извѣстнымъ образомъ организоваться, осложняться, развиваться въ своей организаціи, какъ съ личными, такъ и типическими особенностями, или, точнѣе, — общіе законы, отъ приложенія которыхъ зависитъ это осложненіе-развитіе, соотвѣтственно даннымъ свойствамъ, — именно: а) *законы организаціи сложныхъ чувствованій* и б) *законъ симпатіи*—въ связи съ внѣшнимъ выраженіемъ чувствованій.

а) Законы организаціи сложныхъ чувствованій.

Вопреки кажущейся невозможности подвести душевныя волненія подъ законы п—установившемуся воззрѣнію, что они подчиняются какимъ-то своимъ особеннымъ законамъ, въ настоящее время признано за несомнѣнное, что сложныя душевныя волненія организуются при посредствѣ тѣхъ же самыхъ процессовъ, что и сложныя умственныя состоянія, и подчиняются тѣмъ же самымъ законамъ ассоціацій, репродукціи и сохраненія-удержанія, только дѣйствующимъ въ другой сферѣ, съ другимъ матеріаломъ. И такъ какъ въ дѣйствительности нѣтъ ни одного абсолютно простого, ничѣмъ неосложненнаго чувствованія-волненія, какъ нѣтъ абсолютно простого, чистаго ощущенія, и, доступныя наблюденію, чувствованія всѣ болѣе или менѣе сложны, то, значитъ, всѣ вообще чувствованія въ своей организаціи и развитіи подчинены этимъ законамъ.

По закону ассоціаціи *смежности*, чувствованія различныя, даже противоположныя, почему либо встрѣчающіяся вмѣстѣ, сочетаются между собою и, при благопріятныхъ условіяхъ, сливаются въ одно цѣлое, въ одинъ актъ сознанія (рабскій страхъ; грустная радость), какъ сливаются ощущенія въ представленіи. При этомъ, идеи предметовъ, явленій, положеній и пр., вызвавшихъ первоначально извѣстныя чувствованія, также сочетаются съ ними по смежности, и ассоціація эта отъ повторенія крѣпнетъ и усиливается, если только не является антагонистовъ, ослабляющихъ или даже вовсе разрушающихъ ее. Вслѣдствіе этой связи по смежности волненій съ идеями предметовъ и явленій, ихъ производящихъ, происходитъ то замѣчательное, по своему значенію въ жизни

сердца, явленіе, что чувствованія *локализируются* въ предметахъ, какъ ихъ постоянныя свойства,—по тому же самому закону, по которому ощущеніе краснаго представляется свойствомъ внѣшняго предмета и т. п. Такъ, являются предметы: пріятные и непріятные, красивые и безобразные, страшные и нестрашные, скучные и занимательные и т. д.—По закону ассоціаціи *сродства*, сродныя, а тѣмъ болѣе тождественныя чувствованія стремятся соединяться, и при соединеніи образуютъ одно чувство, данное въ одномъ актѣ сознанія, или усиливаютъ существующее, точно такъ же, какъ, напримѣръ, изъ сродныхъ представленій образуется общая идея, а изъ тождественныхъ одно болѣе ясное. Въ образованіи, напр., рабскаго страха, вмѣстѣ съ закономъ смежности, дѣйствуетъ и принципъ сродства. Особенно же наглядно обнаруживается дѣйствіе закона сродства въ общеизвѣстномъ фактѣ, что каждое душевное волненіе, на значительной степени силы, вызываетъ всѣ подобныя прошлыя, въ связи съ произведшими ихъ предметами. Видоизмѣненіе закона сродства—законъ *контраста* имѣетъ также широкое приложеніе въ жизни сердца. Діаметрально противоположныя волненія легко вызываютъ другъ друга и всего чаще встрѣчаются вмѣстѣ. Такъ, весьма часто съ чувствомъ любви соединяется ненависть и вражда,—является даже какая-то потребность вражды, и наоборотъ (ревность). Такъ, человѣкъ, испытавшій страхъ, чувствуетъ потребность храбриться и, дѣйствительно, сознаетъ себя храбрымъ; человѣкъ, испытавшій униженіе, ищетъ случая унизить другого—испытать, такимъ образомъ, противоположное волненіе. На всѣ эти случаи и множество имъ подобныхъ законъ контраста бросаетъ весьма яркій свѣтъ. Имъ же объясняется то общеизвѣстное явленіе, что сильное чувство рѣдко потухаетъ безъ слѣда, а обыкновенно переходитъ въ противоположное—любовь въ ненависть и отвращеніе, дружба во вражду, и наоборотъ. По закону контраста является также чувство смѣшного.—По закону *творческой ассоціаціи*, всякій человѣкъ, въ извѣстной степени, можетъ произвольно создавать въ себѣ душевныя волненія и комбинаціи ихъ такія, какихъ онъ не испытываетъ въ данное время или не испы-

тывалъ никогда. Этимъ объясняется способность одного человѣка „понимать“, какъ говорятъ неправильно, „чувства другого“. Создавая въ области представленій условія, благопріятствующія тому или другому чувству, мы можемъ испытывать его. Нѣкоторые люди обладаютъ этою способностью въ высокой степени, напр., лирическіе поэты, великіе актеры, филантропы и т. п. При этомъ, творческій процессъ чувствованій стоитъ, правда, въ связи съ творчествомъ интеллектуальнымъ, или фантазіею; но, очевидно, отличается отъ него, и есть нѣчто новое, своеобразное. Доказательствомъ этому служитъ то, что ясное представленіе, напр., страданія не всегда вызываетъ это чувство и даже, при извѣстныхъ условіяхъ, сопровождается чувствомъ удовольствія. Ясно отсюда, что творчество въ области сердечной жизни не можетъ быть сводимо на интеллектуальную построительную дѣятельность, участіе которой въ первомъ ограничивается служебною ролью—вызовомъ новыхъ чувствованій и новыхъ комбинацій ихъ.

Слѣдуя въ организаціи своей и развитіи законамъ ассоціаціи, чувствованія подчиняются, очевидно, и закону, составляющему основу этихъ законовъ—закону *воспроизведенія*, или, какъ и всѣ другія состоянія, разъ образовавшись, могутъ вновь возникнуть въ душѣ. Это возникновеніе чувства-волненія вновь въ сознаніи обыкновенно происходитъ или вслѣдствіе повторенія—появленія вновь условій его первоначальнаго образованія, или при представленіи только ихъ и подобныхъ имъ. Причина вызова въ этихъ случаяхъ заключается просто въ томъ, что чувствованія связаны съ своими возбудителями и ихъ представленіями по смежности. Но, вмѣстѣ съ этимъ, чувствованія, въ силу того, что могутъ ассоціироваться и ассоціируются сами съ собою, по своимъ природнымъ свойствамъ, они также точно вызываютъ другъ друга и независимо отъ представленій и воспріятій внѣшнихъ,—вызываютъ по смежности и сродству. Такъ, за страхомъ является чувство безсилія и безпомощности, и, въ свою очередь, чувство слабости и безпомощности производитъ возникновеніе страха; гнѣвъ вызываетъ смежное и родственное чувство мести, злорадство, также

чувство силы; нѣжное волненіе вызываетъ чувство радости или горя, смотря по обстоятельствамъ, эстетическое чувство—благожелательныя чувства разнаго рода и т. п.; чувство высокаго—при представленіи величія Божія—вызываетъ связанныя съ нимъ и родственныя чувства: страха, благоговѣнія, любви и т. п. Представленія, соотвѣтствующія вызываемымъ чувствамъ, могутъ при этомъ, даже вовсе не являться въ сознаніи, или, являясь, вызываются, очевидно, уже связанными съ ними по смежности чувствованіями.—На этомъ свойствѣ—способности чувствованій — вызывать связанныя съ ними смежныя и родственныя представленія основывается, скажемъ между прочимъ, вліяніе чувствованій на характеръ и направленіе нашей умственной дѣятельности во всѣхъ ея формахъ.

Фактъ сочетанія и вызова вновь въ сознаніи чувствованій неизбѣжно предполагаетъ сохраненіе ихъ въ душѣ, форма котораго такъ же непостижима, какъ и форма храненія представленій и всѣхъ другихъ душевныхъ состояній, потому что лежитъ внѣ сознанія и наблюденія. Такимъ образомъ, чувствованія имѣютъ свою *память*.—Законы памяти чувствованій, выражающіе ея общія свойства—большую или меньшую крѣпость и продолжительность пребыванія въ душѣ отдѣльныхъ чувствованій, большую или меньшую прочность ихъ сочетанія и сліянія между собою, наконецъ, степень подвижности ихъ и удобства явленія вновь въ сознаніи—законы эти тѣ же самые, что и законы интеллектуальной памяти.

Прежде всего, чувствованія, какъ всѣ другія состоянія, разъ явившись, сохраняются, строго говоря, навсегда и имѣютъ собою долю вліянія въ общемъ строѣ душевной жизни. Но очень многія изъ нихъ или вовсе не возникаютъ вновь въ сознаніи, или возникаютъ въ новыхъ формахъ, въ новыхъ сочетаніяхъ, т. е. превращенными и неузнаваемыми. Таковы, напр., всѣ случаи чувствованій разнаго рода, волнующія душу въ раннемъ дѣтствѣ — до полнаго пробужденія сознанія, или, точнѣе, самосознанія. Дѣтскія радости и горе, „симпатіи“ и „антипатіи“, гнѣвъ, страхъ, эстетическія возбужденія и т. п. забываются и могутъ возникнуть въ конкрет-

ной формѣ своей у взрослаго человѣка только при исключительныхъ обстоятельствахъ, обыкновенно, при болѣзненномъ разстройствѣ. Но изъ нихъ несомнѣнно слагается и ими опредѣляется характеръ сердечной жизни взрослаго человѣка и, такимъ образомъ, въ превращенной формѣ, они являются постоянно дѣйствующею силою. Также точно сохраняются всѣ мелкія, слабыя, когда берутся по одиночкѣ, волненія ежедневной жизни, вызываемыя отношеніями къ окружающему міру и особенно къ людямъ, возбужденія едва замѣтной и невызывающей вниманіе симпатіи или антипатіи, волненія самолюбія, страха, гнѣва и т. п., изъ которыхъ незамѣтно вырастаетъ сильное волненіе, весьма опредѣленно и ясно сознаваемое. Оно несомнѣнно есть не что иное, какъ равнодѣйствующая всѣхъ этихъ забытыхъ и недоступныхъ сознанію мелкихъ волненій,—есть превращенная ихъ форма.—*Крѣпость*, или *прочность* сохраненія чувствованія зависитъ, какъ и прочность представленій и умственныхъ актовъ, съ одной стороны, отъ степени силы и продолжительности въ сознаніи первоначальнаго возбужденія, поразившаго чувствованіе; съ другой стороны, она обусловливается количествомъ случаевъ вызова въ сознаніи, или повтореніемъ. Такимъ образомъ, и здѣсь мы видимъ приложеніе тѣхъ же законовъ, какія являются дѣйствующими въ умственныхъ актахъ (и какія мы отмѣтили, какъ общіе законы для всѣхъ явленій душевной жизни).—Относительно того, что чувствованіе сильное и долго волновавшее душу долго и съ пропорціональною яркостью хранится въ душѣ, и наоборотъ, слабое и мимолетное скоро изглаживается иногда совершенно,—нѣтъ никакого сомнѣнія. Въ этомъ можемъ убѣдиться и a priori и путемъ наблюденія. Сильная и продолжительная любовь, вытѣсненная изъ сознанія, за отсутствіемъ реальнаго возбужденія, заглушенная, какъ говорится, другими привязанностями, волненіями и интересами,—иногда, при благопріятныхъ условіяхъ, возникаетъ чрезъ многіе годы съ прежнею яркостью и силою; религіозное чувство, развившееся въ дѣтствѣ и юности и весьма часто заглушаемое въ зрѣломъ возрастѣ, возникаетъ со всею силою, когда являются

благопріятныя обстоятельства, его вызывающія, всего чаще въ старости, дающей много поводовъ къ его возникновенію; страхъ, гнѣвъ, чувство униженія и гордости, силы и безсилія и всѣ, вообще (волненія), очевиднѣйшимъ образомъ подчинены этому закону. Такъ какъ чувствованіе всегда связано по смежности съ представленіемъ условій и причинъ, его вызвавшихъ, то крѣпость его весьма много зависитъ, повидимому, отъ крѣпости интеллектуальной памяти: чѣмъ дольше и сильнѣе помнятся обстоятельства, вызвавшія чувство, тѣмъ дольше помнится и самое чувство. Но эта зависимость случайная, а не причинная. Здѣсь природная и развитая упражненіемъ сила интеллектуальной памяти совпадаетъ, встрѣчается вмѣстѣ съ сильною памятью чувства вообще или въ какомъ либо данномъ случаѣ. Что для храненія прочнаго чувствованія въ душѣ требуется нѣчто болѣе прочнаго сохраненія условій, его вызвавшихъ, показываютъ многочисленные случаи, гдѣ ясное представленіе и воспоминаніе причинъ и условій даннаго чувства существуютъ, но само оно или очень слабо воспроизводится, или вовсе отсутствуетъ. Такъ напримѣръ, человѣкъ ясно можетъ помнить благодѣяніе, вызвавшее глубокую благодарность, и не испытывать этого чувства, даже испытывать противоположное; можно ясно помнить всѣ причины прежней дружбы, любви, уваженія—и не испытывать самаго чувства; можно чувствовать антипатію къ человѣку (или симпатію), и забыть первоначальную причину, ее породившую. Значитъ, чувство живетъ въ душѣ и исчезаетъ *независимо отъ интеллектуальныхъ состояній*, связанныхъ съ нимъ.

Итакъ, можно признать закономъ крѣпости чувства волненія положеніе: чѣмъ сильнѣе данное чувствованіе волновало душу и продолжительнѣе было въ сознаніи, тѣмъ прочнѣе и дольше хранится оно въ душѣ. Но относительно приложенія въ жизни сердца *закона повторенія* въ томъ же смыслѣ, въ какомъ онъ дѣйствуетъ въ области интеллектуальной, возникаетъ сомнѣніе. Нѣкоторые психологи прямо утверждаютъ, что, въ противоположность ощущеніямъ и умственнымъ дѣятельностямъ, чувствованіе

отъ частаго повторенія слабѣетъ и, наконецъ, вовсе перестаетъ сознаваться; другіе полагаютъ, что чувствованіе или усиливается, или ослабляется отъ повтореній событій, его возбуждающихъ. Но это чистое недоразумѣніе. *Чувствованіе отъ повторенія всегда усиливается и крѣпнетъ въ душѣ*, т. е. дѣлается способнымъ въ ней долѣе сохраняться, если при повтореніи существуютъ и не измѣняются условія, производящія его, если, такимъ образомъ, повторяется, дѣйствительно, то же самое чувствованіе. Страхъ несомнѣнно усиливается и переходитъ даже въ постоянное настроеніе отъ частаго повторенія, если предметъ или обстоятельства, вызывающія его объективно и субъективно, всякій разъ остаются тѣ же самыя; гнѣвъ, любовь, благоговѣніе, религіозное чувство становятся тѣмъ глубже и прочнѣе, чѣмъ чаще возникаютъ,—опять, при томъ непремѣнномъ условіи, что возбуждающія ихъ причины сохраняютъ свою прежнюю силу, какъ сохраняютъ свое основное свойство, дѣлающее ихъ возбудителями этихъ чувствованій. Правда, отъ чрезмѣрно частаго повторенія сила чувства въ сознаніи слабѣетъ, чувство кажется даже исчезнувшимъ и неявляющимся вовсе; но это совсѣмъ другое дѣло: причина этого *утомленіе* и такъ называемая *привычка*, постоянное приспособленіе души къ данному возбужденію. Явленіе это наблюдается въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и въ области ощущеній, представленій и всѣхъ умственныхъ состояній: постоянно повторяющееся ощущеніе не замѣчается, постоянное повтореніе одного и того же образа ослабляетъ его до крайности, часто слишкомъ повторяющаяся мысль блѣднѣетъ и лишается своего значенія въ умственной жизни и т. п. Но всѣ эти состоянія отъ повторенія тѣмъ прочнѣе какъ бы внѣдряются въ душу (мускульное чувство; такъ называемое зазубриваніе; ходячія мысли). То же самое дѣлается и съ чувствомъ. Нѣсколько примѣровъ могутъ объяснить это наглядно. Человѣкъ, лишенный свободы, можетъ постепенно привыкнуть къ своему состоянію и не чувствовать всей его тягости. Первоначально-мучительное чувство стѣсненія, наконецъ, какъ будто исчезнетъ. Но, чтобы убѣдиться въ противномъ, дайте этому человѣку на нѣ-

которое время свободу и потомъ опять лишите ее,—и тогда непріятное чувство стѣсненія возникнетъ съ удвоенною силою (арестантъ, разъ бѣжавшій, имѣетъ болѣе искушенія бѣжать вновь). Швейцарецъ привыкаетъ къ красотамъ окружающей его природы и не испытываетъ при видѣ ихъ волненій; но лишите его этихъ картинъ,—и онъ почувствуетъ сразу всю прелесть ихъ гораздо полнѣе и глубже, чѣмъ человѣкъ, видящій ихъ рѣдко. Человѣкъ, долго имѣвшій друга и наслаждавшійся удовольствіемъ чувства дружбы, долго любящій и любимый перестаетъ сильно и ясно испытывать эти чувства; но лишеніе ихъ предметовъ этой дружбы или этой любви сейчасъ же обнаруживаетъ всю ихъ силу. Потеря друга, любимаго существа почувствуется сильно и глубоко, воспоминаніе удовольствій жизни съ ними станетъ весьма яркимъ. Наоборотъ, человѣкъ, испытавшій все это непродолжительное время, и забудетъ свое состояніе несравненно скорѣе и легче... Если же отъ повторенія чувство слабѣетъ, то это значитъ, что *слабѣетъ стимулъ*, возбуждающій его, и рядомъ съ нимъ возникаютъ антагонисты. Повтореніе чувства при ослабленномъ стимулѣ будетъ не повтореніе, а новый случай, являющійся совсѣмъ въ другихъ условіяхъ, другое событіе, а не то же, другое чувствованіе. Изъ этого закона нѣтъ исключенія, какъ изъ всякаго дѣйствительнаго закона. Случай, приведенный Владиславлевымъ, какъ примѣръ ослабленія чувствованія отъ повторенія, и примѣръ, повидимому, сильный,—что шутка во второй разъ не такъ забавна, какъ въ первый, объясняется ослабленіемъ самаго стимула. Дѣло въ томъ, что одинъ изъ элементовъ, стимуловъ, возбуждающихъ удовольствіе отъ шутки, остроты и т. п. есть неожиданность, новость ихъ: съ каждымъ повтореніемъ этотъ стимулъ ослабляется, а иногда при первомъ же повтореніи исчезаетъ. Здѣсь не явленіе повторенія чувства, а—именно—явленіе его отсутствія. Случай, слѣдовательно, доказываетъ какъ разъ противное тому. Что чувство „смѣшного“, въ которое не входитъ элементъ неожиданности, растетъ отъ повторенія—это можно доказать убѣдительнѣйшими примѣрами дѣйствія многократнаго чтенія сочиненій Гоголя и

Диккенса.—Итакъ, законъ повторенія имѣетъ въ области чувства такую же силу и значеніе, какъ и въ области интеллектуальной.

Законъ храненія чувствованій въ душѣ, ихъ крѣпости есть, очевидно, и законъ большей или меньшей прочности сочетанія элементовъ въ сложномъ чувствованіи. Чѣмъ чаще различныя чувствованія встрѣчаются вмѣстѣ или, вообще, вызываютъ другъ друга,—тѣмъ они сильнѣе, сильнѣе сливаются,—все равно,—будутъ ли они просто смежными, родственными, контрастными, или связанными искусственно,—иначе,—творчески.

б) Законъ симпатіи.

Чувствованія обладаютъ способностію,—явившись у одного лица,—вызывать себѣ подобныя въ другихъ, находящихся съ нимъ въ какомъ либо соотношеніи. Это явленіе въ области сердечной жизни извѣстно подъ именемъ *симпатіи,* или *сочувствія,* въ широкомъ и точномъ смыслѣ этихъ терминовъ. Явленіе это вполнѣ аналогично съ передачею идей и мыслей при помощи слова въ области умственной жизни и съ подражаніемъ цѣлесообразнымъ движеніямъ въ области воли. Также точно и значеніе его для сердечной жизни приблизительно то же самое: благодаря ему происходитъ какъ бы *обмѣнъ чувствованіями,* ихъ содержаніе этимъ путемъ становится единообразнымъ у различныхъ людей. получаетъ своего рода общность и устанавливается связь между ними; вмѣстѣ съ тѣмъ чувствованіе, передаваемое отъ однихъ поколѣній другимъ, становится способнымъ къ развитію, культурѣ, не говоря уже объ особаго рода связи, устанавливающейся этимъ путемъ между людьми. Средствомъ симпатическаго возбужденія чувствованій служитъ ихъ выраженіе въ организмѣ, или воплощеніе, которое, какъ мы видѣли уже, составляетъ существенную сторону каждаго волненія.

„Симпатія", какъ общее свойство всѣхъ чувствованій, какъ *законъ* ихъ, является въ психологіи въ очень недавнее время, съ полною опредѣленностью—у Бэна (Ch. XII). Въ прежнее время и у большинства психологовъ настоящаго времени симпатія представляется, какъ *состраданіе* и *сородованіе,* сочувствіе удовольствіямъ и радости, также страданіямъ и горю другихъ, иначе—вызовъ въ одномъ субъектѣ чувствованій этого рода подъ влія-

ніемъ воспріятія ихъ у другихъ, преимущественно близкихъ людей. Такъ, напримѣръ, поставлено дѣло даже у Горвича (11, 2, 301). Въ этомъ случаѣ общее явленіе, свойственное всѣмъ чувствованіямъ, отождествляется съ отдѣльными, частными явленіями и считается только какъ бы ихъ свойствомъ. Еще уже понимается симпатія, когда ее отождествляютъ,—слѣдуя одному изъ самыхъ обычныхъ значеній слова „симпатія“,—съ *влеченіемъ* одного существа къ другому, съ нѣжностью и любовью, и противополагаютъ „антипатіи“, какъ это, напр., сдѣлалъ Владиславлевъ. Причина явленія такого значенія слова „симпатія“ заключается въ томъ, что въ насъ вызываются и повторяются всего чаще чувствованія другихъ людей, когда они намъ близки, дороги,—словомъ, когда мы ихъ любимъ; мало того, при этихъ условіяхъ такой вызовъ всегда является и съ полною, притомъ же, необходимостью. Чувствованія людей чуждыхъ намъ, тѣмъ болѣе враждебныхъ или презираемыхъ нами, повторяются непостоянно, или даже вовсе не повторяются въ насъ, хотя отъ этого свойство чувствованій—отражаться въ другихъ—не перестаетъ быть ихъ общимъ свойствомъ. Здѣсь съ симпатіею отождествляется, очевидно, одно изъ благопріятныхъ условій ея вліянія, и, опять, общее явленіе низводится до еще болѣе частнаго случая.

Прежде, чѣмъ входить въ объясненія явленія симпатіи, намъ необходимо разсмотрѣть средство, благодаря которому возможно осуществленіе его. Этимъ средствомъ симпатіи и ближайшею причиною самого существованія ея является *внѣшнее выраженіе*,—*воплощеніе* чувствованій.

Фактъ выразительныхъ измѣненій организма, особенно чертъ лица, вліяніе ихъ на общее выраженіе человѣческаго лица, или физіономіи, и всего организма обращалъ на себя вниманіе очень давно—сначала со стороны художниковъ-живописцевъ и скульпторовъ, для которыхъ, очевидно, чрезвычайно важно точное знаніе внѣшнихъ измѣненій организма, подъ вліяніемъ измѣненій внутреннихъ и особенно волненій, по которыми онъ не могъ быть подвергнутъ научной обработкѣ. На него обратили также вниманіе

люди, занимавшіеся такъ называемою „физіономикою", изъ числа которыхъ пользуется особенною извѣстностью Лафатеръ. Начиная съ среднихъ вѣковъ и до конца XVIII столѣтія, насчитываютъ слишкомъ 40 сочиненій, такъ или иначе трактующихъ объ этомъ предметѣ. Впрочемъ, Дарвинъ, разсматривавшій лучшія изъ нихъ, не находитъ въ нихъ ничего цѣннаго. Первое серьезное изслѣдованіе выраженія чувствованій принадлежитъ физіологу Чарльзу Бэмо (1806 г.),—„Анатомія и физіологія выраженія",—сочиненіе незамѣченное вовсе психологами. За нимъ слѣдуетъ сочиненіе Бергесса „Физіологія и механизмъ краснѣнія" (1839 г.). Затѣмъ уже въ 1862 г. является сочиненіе Дюшенна—„Механизмъ человѣческой физіономіи" (Mecanisme de la phisionomie humaine); въ 1865 г.—сочиненіе Грасіоле „О физіономіи и выразительныхъ движеніяхъ" (De la phisionomie et des mouvements de l'expression). На выразительныя движенія обратилъ вниманіе Дарвинъ и свои наблюденія изложилъ въ сочиненіи „О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ" (1872 г., пер. на русск. языкъ). Новѣйшее произведеніе, спеціально трактующее о выраженіи, принадлежитъ итальянцу Мантеганца—„Физіономія и выраженіе чувствъ" (русск. перев. 1886 г.).

Къ сожалѣнію, всѣ эти изслѣдователи обращаютъ вниманіе почти только на анатомическую и физіологическую сторону процесса выраженія, преслѣдуютъ цѣли, соприкасающіяся, конечно, съ психологіею, но не психологическія,—мало обращаютъ вниманія на внутреннія процессы чувствованія и обнаруживаютъ, вообще, весьма поверхностное знакомство съ психологическими данными.

Оставляя подробное описаніе спеціальнаго выраженія каждой группы чувствованія до изслѣдованія самыхъ чувствованій, мы представимъ только общее изображеніе процесса выраженія, во всѣхъ его главныхъ видоизмѣненіяхъ и проявленіяхъ. Это описаніе должно представить собою обзоръ элементарныхъ выразительныхъ измѣненій организма, изъ комбинацій которыхъ слагаются спеціальныя выраженія. (По вычисленію Владиславлева, для выраженія нѣкоторыхъ чувствованій утилизуется до 16 различныхъ, конечно, связанныхъ между собою измѣненій организма).

Прежде всего, каждое волненіе душевное, неизвѣстнымъ доселѣ образомъ, дѣйствуетъ прямо и непосредственно на *кровообращеніе*, или, точнѣе, на центральный органъ его, сердце, чрезъ посредство такъ называемаго „блуждающаго нерва“. Въ сильныхъ волненіяхъ дѣйствіе это бываетъ до того сильно, что сердце кажется какъ бы остановившимся на нѣкоторое время, замершимъ, или же сокращеніе его дѣлается до того быстрымъ, что начинаетъ какъ бы трепетать, кажется съуживающимся или расширяющимся и т. п. При самыхъ сильныхъ и особенно моментальныхъ возбужденіяхъ чувства, иногда вслѣдствіе измѣненія дѣятельности сердца и кровообращенія, наступаетъ смерть или сумасшествіе. Вслѣдствіе усиленнаго кровообращенія кровеносные сосуды расширяются, что особенно замѣтно на волосныхъ сосудахъ лица и всего организма. Отсюда краснота кожи, особенно на лицѣ, въ самыхъ разнообразныхъ степеняхъ, начиная съ ярко-краснаго цвѣта (стыдъ) и кончая тѣмъ фіолетово-краснымъ, какой у нѣкоторыхъ является въ сильной степени гнѣва. Или же кожа, особенно на лицѣ, даже на губахъ, блѣднѣетъ и, опять, въ самыхъ различныхъ степеняхъ,—отъ едва замѣтной потери окраски, зависящей отъ просвѣчиванія кровеносныхъ сосудовъ, до мертвенной блѣдности, переходя въ блѣдно-зелено-желтый и т. п. Въ тѣсной связи съ кровообращеніемъ, и иногда, повидимому, прямо и непосредственно, измѣняется *дыханіе:* оно задерживается и останавливается или ускоряется и становится необыкновенно энергичнымъ,—все это въ самыхъ различныхъ степеняхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ возникаютъ въ различныхъ случаяхъ разнообразныя измѣненія голосовыхъ органовъ, являются непроизвольные звуки съ самымъ различнымъ характеромъ, причемъ голосъ, вообще, измѣняется: звуки становятся или особенно громкими, энергичными, или же слабыми, подавленными, превращаются въ стоны, рыданія, въ безпорядочный крикъ, или въ правильное ритмическое слѣдованіе, переходящее въ пѣніе и т. п. При этомъ каждое волненіе даетъ измѣненіямъ голоса особые оттѣнки, по которымъ легко узнаются измѣненія внутреннія, ихъ вызывающія, но которыя доселѣ ускользаютъ отъ

научнаго объясненія. Измѣняя кровообращеніе, дыханіе и голосъ, многія чувствованія производятъ измѣненія дѣятельности *выдѣленія*. Такъ, слюнныя железы начинаютъ дѣйствовать или съ необыкновенною энергіею, или же ихъ дѣятельность прекращается; происходитъ обильное выдѣленіе пота, иногда холоднаго, или же кожа становится сухою; дѣйствуютъ и другія железы, напр., молочныя—у женщинъ и т. п. Но особенно выдающуюся роль въ процессѣ выраженія чувствованій играетъ выдѣленіе слезныхъ железъ, дающее различныя формы слезъ—горя, радости, гнѣва, нѣжности и т. п. Наконецъ, характерными способами непосредственнаго выраженія чувствованій являются *движенія:* всего тѣла, голоса, рта, носа, лицевыхъ мускуловъ, лба, глазъ, бровей, губъ, челюстей и т. д.

Всѣ эти разнообразныя измѣненія тѣла, организующіяся во множествѣ формъ внѣшнихъ не только для каждаго волненія, но и для каждаго его оттѣнка, представляютъ своего рода *лексиконъ* „языка чувствъ", даже болѣе—собраніе, *совокупность* выразительныхъ *фразъ* и т. п. Ими и производится передача чувствованій отъ одного человѣка другому и цѣлому собранію—такъ называемое *симпатическое возбужденіе волненій*, или явленіе *симпатіи*—въ широкомъ и точномъ смыслѣ этого слова.—Но какимъ образомъ происходитъ это возбужденіе-передача волненій?

Въ объясненіе этого явленія высказывается нерѣдко положеніе, что движенія организма вообще, и въ особенности движенія невольныя, къ которымъ относятся—служащія къ выраженію чувствованій, заразительны, т. е. какимъ-то таинственнымъ способомъ передаются отъ одного движущагося организма другому (зѣвота, смѣхъ, пляска и т. п.). Заразительность ихъ еще болѣе увеличивается, когда движенія эти связаны съ сильными нервными возбужденіями, особенно болѣзненными (истерическій плачъ и хохотъ, конвульсіи, нервныя эпидеміи). Такую *заразную* передачу или нервную симпатію признаетъ даже Ушинскій, хотя не считаетъ чувствованіе физіологическимъ процессомъ. Особенно на ней настаиваетъ Бэнъ, что имѣетъ очевидную связь съ его физіологическою теоріею происхожденія чувствованія.—По другому объ-

ясненію, организмы приходятъ въ одинаковое возбужденіе по тому же самому закону, по какому передается колебаніе одного звучащаго камертона другому, находящемуся рядомъ съ нимъ.

Объясненія эти не имѣютъ научныхъ основаній и оказываются безсодержательными. Они основаны на сближеніяхъ по аналогіи, которыя лишены научныхъ данныхъ и, въ сущности, ничего не говорятъ о происхожденіи объясняемаго явленія. Очевидно только, что—по тому и другому объясненію—передача чувствованій сводится къ передачѣ *нервнаго возбужденія;* но *какъ* передается нервное возбужденіе одного субъекта другому—вопросъ этотъ представляетъ непреодолимыя пока затрудненія для правильнаго рѣшенія его. Во всякомъ случаѣ, гипотетическое допущеніе при этихъ объясненіяхъ какого-то таинственнаго дѣйствія на разстояніи—нервныхъ токовъ, теченія колеблющагося нервнаго вещества, а также и разсказы, въ пользу такого предположенія, о возбужденіи чувствованій на разстояніи не имѣютъ научной цѣны.

Вмѣсто того, чтобы искать особенныхъ путей передачи чувствованій,—что обусловливается все еще существующимъ предразсудкомъ, что чувствованія подчиняются какимъ-то другимъ законамъ,—лучше посмотрѣть, не производится ли передача чувствованій *такъ-же*, *какъ* и *другія* душевныя состоянія, такимъ же, т. е., способомъ, какимъ передается мысль.

Передача продуктовъ умственной дѣятельности—идей, мыслей, производится, какъ извѣстно, главнымъ образомъ посредствомъ звуковыхъ знаковъ, членораздѣльныхъ звуковъ, большею частію являющихся въ неизмѣнномъ сочетаніи ихъ—словѣ, служащемъ символомъ идеи (которая, въ свою очередь, служитъ отвлеченнымъ знакомъ мыслимаго въ ней). Это значеніе слово получаетъ благодаря тому, что идея ассоціируется съ тѣмъ или другимъ—произвольнымъ—составомъ звуковъ по смежности, вслѣдствіе чего произнесеніе ихъ само собою вызываетъ, какъ бы напоминаетъ идею, связанную съ нимъ и представляющуюся какъ бы заключенною въ нихъ. Вслѣдствіе этого даже можетъ представляться, что какъ будто съ этими звуками переносится самая идея изъ души говорящаго и восприни-

мается слушающимъ. На самомъ дѣлѣ—сущность передачи тутъ заключается въ вызовѣ посредствомъ звуковыхъ знаковъ данныхъ идей, ассоціировавшихся съ ними. Въ такъ называемой живой, устной рѣчи этому вызову помогаютъ, дѣлаютъ выраженіе идей болѣе полнымъ и яснымъ еще другія, вспомогательныя средства,—это: усиліе и ослабленіе голоса, паузы, движенія лицевыхъ мускуловъ, глазъ, губъ и различныя тѣлодвиженія. Средства эти—въ данномъ случаѣ,—не что иное, какъ тоже своего рода знаки идей, ассоціированные съ ними по смежности, по тому же, т. е., способу, что и слова, почему они и могутъ служить, и даже исключительно одни, какъ у глухонѣмыхъ, символами идей и, слѣдовательно, въ извѣстной степени замѣнять слова. Съ особенною очевидностью значеніе этихъ средствъ сказывается въ декламаціи, особенно въ произношеніи поэтическихъ произведеній, при выраженіи внутреннихъ движеній, гдѣ роль ихъ, являясь аналогичною съ звуковымъ языкомъ, становится иногда болѣе важною, преобладающею, потому что, при помощи ихъ, можно бываетъ выразить, или, по крайней мѣрѣ, только обнаружить такія состоянія, которыя не поддаются словесному языку.

Если мы станемъ на эту точку зрѣнія въ объясненіи такъ называемаго языка чувствованій, если, т. е., признавая сердечный процессъ аналогичнымъ съ интеллектуальнымъ, будемъ разсматривать *симпатію по аналогіи съ передачей идей*, то само собою откроется законосообразность этого, повидимому, загадочнаго, даже таинственнаго явленія. И здѣсь, какъ въ передачѣ идей посредствомъ словъ, все сводится къ *ассоціированію внѣшняго выраженія* (становящагося отъ частаго повторенія какъ бы символомъ) *съ выражаемымъ* и соотвѣтствующему *воспроизведенію* послѣдняго. Фактъ же такой именно связи чувствованія съ внѣшнимъ выраженіемъ, какъ даже своего рода символомъ ихъ, установить не трудно,—стоитъ только обратить вниманіе на то, что чувствованія, путемъ внѣшняго выраженія, въ соотвѣтствующихъ формахъ, могутъ возбуждаться или возникать иногда только, какъ говорится, въ идеѣ, отражаясь въ сознаніи, какъ сердечный процессъ, въ самой слабой, незамѣтной даже степени, — быть, такъ

сказать, *только понятнымъ* для другого. Что же касается возникновенія самаго чувствованія—по симпатіи, помимо даже идеи его, подъ вліяніемъ его внѣшняго выраженія, степени силы отраженія, т. е. вызова въ другихъ видомъ выраженія переживаемаго сердечнаго волненія, ассоціированнаго съ нимъ,—то это зависитъ отъ особыхъ благопріятствующихъ условій. Къ такимъ условіямъ относится, прежде всего, *чувствительность* симпатизирующаго субъекта—способность, расположеніе *отзываться* чувствованіемъ на всѣ явленія внутренней и внѣшней жизни, или—особая воспріимчивость, вообще, къ чувствованіямъ, испытываемымъ и непосредственно выражаемымъ другими. Эта чувствительность иногда переходитъ въ извѣстную общую напряженную настроенность, такъ характерно сказывающуюся у нѣкоторыхъ людей, въ особенности у женщинъ, по преимуществу тѣхъ, которыя способны растрогиваться и восторгаться по самымъ незначительнымъ поводамъ Далѣе, особенно важнымъ условіемъ, благопріятствующимъ возбужденію симпатіи, такъ сказать, отраженію *извѣстныхъ* чувствованій по ассоціаціи съ выраженіемъ ихъ въ другихъ, какъ знакомъ, что эти чувствованія переживаются ими,—является особое природное *предрасположеніе* испытывать эти состоянія, усиленное и развитое частыми опытами внутренней жизни. Въ послѣднемъ случаѣ, у людей, потерпѣвшихъ, напримѣръ, утрату дорогихъ для себя существъ и часто переживавшихъ печаль, при видѣ выраженія подобной же печали другими, неудержимо возбуждается, по дѣйствію извѣстной намъ ассоціаціи, и соотвѣтствующимъ образомъ выражается то же состояніе, что и у другихъ. При этомъ имѣютъ значеніе, наконецъ, *внѣшнія обстоятельства* и обстановка, при которыхъ проявляется симпатія чувствованій: чѣмъ ближе, знакомѣе, сроднѣе онѣ симпатизирующему лицу, чѣмъ, такимъ образомъ, понятнѣе чувствованія, переживаемыя и непосредственно выражаемыя другими, а слѣдовательно и ассоціація между ними естественнѣе,—тѣмъ и симпатія проявляется сильнѣе и живѣе.

4. Классификація чувствованій.

Взглядъ на существующія попытки классификаціи чувствованій. Указаніе основного принципа дѣленія чувствованій на группы. Распредѣленіе чувствованій по группамъ въ порядкѣ возрастающей сложности. Моменты осложненія чувствованій и планъ частнаго изслѣдованія ихъ.

Изслѣдованіе чувствованій, какъ и всѣхъ другихъ явленій, данныхъ во множествѣ разнообразныхъ видовъ, естественно, должно начаться съ ихъ распредѣленія на однородныя группы, или классы. При разнообразіи и неопредѣленности взглядовъ на самую природу и основу чувствованія, нельзя, конечно, ожидать чего либо точнаго и однообразнаго въ ихъ классификаціи. Не смотря на множество попытокъ въ этомъ родѣ, классификаціи чувствованій научной доселѣ нѣтъ, а есть большое количество *разныхъ классификацій*, весьма не похожихъ одна на другую. Можно сказать безъ преувеличенія, что почти въ каждомъ трактатѣ о чувствованіи своя особая классификація [1]).

---

[1]) Первая, довольно подробная классификація чувствованій принадлежитъ стоикамъ, для которыхъ изслѣдованіе ихъ имѣло практическое значеніе, такъ какъ они считали ихъ явленіями разстройства, болѣзни души. По ихъ воззрѣнію, чувствованія, прежде всего, раздѣляются на удовольствія и страданія. Всякое удовольствіе и всякое страданіе бываетъ двоякаго рода,—относится къ настоящему или будущему благу или злу,—именно: сознаніе настоящаго блага есть удовольствіе въ собственномъ смыслѣ, сознаніе будущаго блага есть желаніе; сознаніе настоящаго зла есть страданіе въ собственномъ смыслѣ, сознаніе будущаго зла есть страхъ. Такимъ образомъ, получается четыре класса чувствованій: удовольствія и желанія, страданія и чувствованія страха. Они представляютъ нѣсколько видовъ: виды перваго—удовольствій· радость, очарованіе, злорадство; виды второго—желаній: потребность, любовь, гнѣвъ и др.; виды третьяго—страданій: горе, состраданіе, ревность и т. п.; виды—страха: опасеніе, стыдъ и т. п. Всѣхъ вообще получается

При взглядѣ на эти классификаціи чувствованій становится очевиднымъ, что здѣсь нѣтъ почти ничего устойчиваго, опредѣленнаго и однообразнаго,—получается впечатлѣніе хаоса, въ которомъ трудно разобраться. Количество отдѣльныхъ группъ, прин-

---

26 видовъ. Послѣ классификаціи стоиковъ заслуживаетъ вниманія классификація Ѳомы Аквината. Признавая источникомъ чувствованія сознаніе блага или зла, онъ различаетъ чувствованія, имѣющія своимъ объектомъ простое благо или зло—любовь, ненависть, желаніе, отвращеніе, радость, печаль,—и чувствованія, имѣющія своимъ объектомъ трудно достижимое благо и трудно устранимое зло—надежда, отчаяніе, страхъ, смѣлость и гнѣвъ. Въ самомъ началѣ періода новой философіи возникаютъ двѣ новыя, очень, впрочемъ, близкія между собою, классификаціи—Декарта и Спинозы. Декартъ находитъ шесть основныхъ волненій: удовольствіе, любовь, ненависть, желаніе, радость, горе; затѣмъ изъ нихъ производитъ около сорока другихъ. Спиноза насчитываетъ всѣхъ различныхъ чувствованій 48 видовъ, которые онъ сводитъ къ тремъ основнымъ,—это радость, печаль, желаніе. Возьмемъ нѣсколько новѣйшихъ классификацій. Вундтъ раздѣляетъ чувствованія на чувственныя волненія, аффекты и чувствованія эстетическія, нравственныя, интеллектуальныя. Въ физіологической психологіи Вундтъ различаетъ физическія чувствованія и душевныя движенія, которыя раздѣляются на аффекты, побужденія и интеллектуальныя чувствованія. Горвичъ находитъ слѣдующіе виды чувственныя, эстетическія, интеллектуальныя и моральныя (чувствованія). Моральныя распредѣляются—по возрастающей сложности—такъ: a) самолюбивыя, b) симпатическія, c) чувствованіе силы, d) чувствованіе, связанное съ авторитетомъ (между прочимъ, и религіозное чувство). Это первичныя чувствованія Изъ нихъ развиваются вторичныя—страхъ, надежда и т. п. Спенсеръ находитъ слѣдующіе четыре класса, соотвѣтственно 4 классамъ познавательныхъ состояній· a) чувствованія презентативныя—удовольствія и страданія, въ связи съ ощущеніями, b) презентативно-репрезентативныя (страхъ etc.), c) репрезентативныя (въ поэзіи), d) перепрезентативныя (чувство собственности, справедливости). Бэнъ даетъ такіе классы: 1) волненія гармоніи и конфликта, 2) относительности (новость, удивленіе, свобода), 3) волненія страха, 4) нѣжное волненіе, 5) самолюбивыя волненія, 6) волненія силы, 7) гнѣвныя, 8) эмоціи дѣйствія—преслѣдованіе, 9) интеллектуальныя волненія, 10) идеальныя волненія, 11) эстетическія, 12) нравственныя.—Владиславлевъ: наслажденія и страданія, волненія, возбужденія.—Ушинскій: органическія, душевныя и духовныя. Душевныя раздѣляются на душевно-сердечныя: удовольствіе, неудовольствіе, влеченіе и отвращеніе, гнѣвъ и доброта, страхъ и смѣлость, стыдъ и самодовольство; умственно-сердечныя (скука); душевно-умственныя: сходства и различія, умств. напряженія, ожиданіе, неожиданность, обманъ, удивленіе, симпатія, увѣренность, сомнѣніе, контрастъ, успѣхъ. Духовныя: эстетическія, нравственныя и религіозныя.—Гротъ: чувствованія — удовольствія и страданія, четыре вида каждаго — VIII классовъ (=32). I. кровообращенія, II. дыханія, III. пищеваренія, IV. отдѣленій, V. воспріятія, VI. движенія, VII. субъект. процесса сознанія, VIII. познавательныхъ процессовъ; чувствованія первичныя (=32), вторичныя и болѣе сложныя, опредѣляемыя

ципъ дѣленія, самыя названія—все это свое у каждаго изслѣдователя чувствованій. Во всѣхъ системахъ есть только одна общая черта—это стремленіе различить чувствованія какъ болѣе простыя и болѣе сложныя и даже расположить ихъ въ количественный рядъ по *возрастающей сложности;* но оно является какъ-то инстинктивно, само собою, не проводится со всею строгостію,—во всякомъ случаѣ,—не возводится въ научный принципъ дѣленія. Между тѣмъ этотъ *принципъ* есть существенно возможный и притомъ такой, на которомъ могутъ сойтись изслѣдователи, при какомъ угодно пониманіи природы и процесса чувствованія. Его нужно сознательно и прямо положить въ *основу общаго дѣленія чувствованій,* тѣмъ болѣе, что онъ господствуетъ въ распредѣленіи душевныхъ явленій двухъ другихъ областей духовной жизни—ума и воли, также и ощущенія. Такъ, въ области умственной жизни мы видимъ группы явленій, представляющихъ количественный рядъ возрастающей сложности, начиная съ простѣйшихъ состояній и кончая самыми сложными, причемъ послѣдующіе члены этого ряда обусловливаются въ самомъ своемъ существованіи предыдущими и безъ нихъ невозможны. Рядъ этотъ: идея простая, идея сложная, идея общая, или понятіе, сужденіе, умозаключеніе. Въ области воли мы имѣемъ: стремленіе, или потребность, желаніе, выборъ и борьбу, мотивъ, рѣшеніе, дѣйствіе. Сознательному приложенію этого простого принципа дѣленія въ области сердечной жизни препятствовало—съ одной стороны—традиціонное отрицаніе самостоятельности и особности явленій сердечныхъ, слитія ихъ съ явленіями ощущенія, ума и воли въ томъ или другомъ смыслѣ,—съ другой—совершенно ненаучное, основывающееся на поверхностномъ знакомствѣ съ жизнію чувство-

---

соціальными отношеніями.—Нагловскій: I. чувствованія въ собственномъ смыслѣ: A) формальныя общія (подавленія и облегченія, упражненія и удобства, исканія и нахожденія, успѣха и пораженія, гармоніи и контраста, силы и слабости); B) формально-спеціальныя (ожиданія, надежды, удивленія, сомнѣнія, скуки, развлеченія), C) качественныя: a) низшія, b) высшія—интеллектуальныя, эстетическія, нравственныя и религіозныя; II. сложныя состоянія волненія: симпатія, любовь, страхъ, гнѣвъ и пр.

ванія и ходячемъ предразсудкѣ, воззрѣніе, что чувство въ своемъ возникновеніи и развитіи подчиняется какимъ-то другимъ законамъ, отличнымъ отъ общихъ и основныхъ законовъ душевной жизни. Въ силу этого самое изслѣдованіе ихъ доселѣ было не анализомъ и объясненіемъ ихъ путемъ сведенія къ общимъ законамъ, а простымъ описаніемъ съ большою примѣсью риторики и патетическаго удивленія передъ глубиною, таинственностію и неуловимостью изгибовъ и движеній сердца и т. п. Устранивши эти фальшивыя воззрѣнія и предразсудки и понявши явленія сердечной жизни, какъ область особую, параллельную ощущенію, уму и волѣ, подчиненную тѣмъ же самымъ законамъ, мы получимъ простое научное требованіе по отношенію къ ихъ классификаціи—отыскать рядъ ихъ *по возрастающей сложности*, начиная съ простѣйшихъ и кончая самыми сложными. Въ этомъ рядѣ если даже и не будетъ полной классификаціи чувствованій, то, во всякомъ случаѣ, дана будетъ строго-научная ея основа. Распредѣленіе этого ряда на болѣе обширныя характерныя группы—дѣло второстепенной важности и можетъ быть пока произведено съ весьма различныхъ точекъ зрѣнія безъ всякаго ущерба для научной теоріи чувствованія. Оцѣнка большей или меньшей степени сложности чувствованія, конечно, представляетъ трудности, потому что здѣсь трудно дѣлать сколько-нибудь точное вычисленіе элементовъ; но трудности эти не превышаютъ той, которая встрѣчается при изслѣдованіи ума и воли.

Выходя изъ понятія чувствованія, какъ сознанія и воспріятія самаго процесса внутренняго движенія, смѣны состояній душевныхъ во всѣхъ его многоразличныхъ, простыхъ и сложныхъ, формахъ, мы a priori получаемъ самую простую, ничѣмъ другимъ неосложненную форму волненія,—производимаго сознаніемъ присутствія внутренней *дѣятельности*, внутренняго движенія, на извѣстной степени организаціи, соотвѣтствующей общему строю душевной жизни,—вообще, присутствія дѣятельности, какая бы она ни была: ощущеніе, умственный актъ, волевая, или даже какое-нибудь чувствованіе. Чувствованіе это, неопредѣленное по самой

своей природѣ, смутно сознаваемое, вслѣдствіе постояннаго почти своего присутствія въ содержаніи каждаго почти сознательнаго момента жизни,—не имѣетъ спеціальнаго имени и называется *чувствомъ дѣятельности*, или *упражненія*. Отсутствіе его и, слѣдовательно, отсутствіе внутренней работы, дезорганизація внутренней жизни,—сознается какъ противоположное состояніе, отличающееся, вслѣдствіе относительной рѣдкости своей, большею опредѣленностью и силою. Это такъ называемая *скука*. Въ этихъ волненіяхъ сознается общій строй и характеръ теченія всей жизни. Около этихъ двухъ, самыхъ общихъ и самыхъ простыхъ, по составу и условіямъ своего происхожденія, чувствованій группируется рядъ ихъ видоизмѣненій. Слѣдующее, затѣмъ, простѣйшее измѣненіе сознанія, подъ вліяніемъ присутствія какой угодно дѣятельности, будетъ сознаніе успѣшности или безуспѣшности ея. Это *чувство силы* и противоположное ему—*безсилія*, въ ихъ весьма различныхъ естественныхъ и искусственныхъ формахъ Очевидно, эти чувствованія, по своему составу и условіямъ происхожденія, сложнѣе, чѣмъ предыдущія: они предполагаютъ сравненіе нѣкоторыхъ внутреннихъ движеній и опытъ; по составу—они включаютъ въ себя чувство дѣятельности, какъ необходимую составную часть, всегда замѣтную, но неизбѣжно присутствующую въ нихъ. За волненіемъ силы и безсилія слѣдуютъ волненія *свободы* и *стѣсненія*—какой угодно, опять, дѣятельности. Эти волненія необходимо включаютъ въ себя, какъ свои составныя части, обѣ предыдущія группы. Волненіе свободы всегда есть сознаніе дѣятельности, а также и сознаніе силы и, наконецъ, сознаніе отсутствія препятствія или непосредственное чувство „безпрепятственности“. Наоборотъ, волненіе отсутствія свободы, волненіе стѣсненія, есть всегда сознаніе разстройства внутреннихъ движеній (скука+чувство безсилія+чувство препятствія). Эти три парныя волненія представляютъ изъ себя довольно ясно выдѣленную и очерченную группу самыхъ простыхъ чувствованій, развивающихся, такъ сказать, изъ одного основного начала. Соединяясь между собою, они даютъ рядъ сложныхъ, изъ нихъ цѣликомъ составленныхъ, волненій

цѣлесообразной дѣятельности, или труда: удовольствія и неудовольствія труда; удовольствія игры, забавы, развлеченія; удовольствія бездѣлья и лѣни и т. п.; удивленія и уваженія, чувство „мизернаго“ и презрѣнія и пр. Всю эту однообразную группу можно-бы назвать какимъ-нибудь однимъ именемъ-терминомъ, напр., *волненія дѣятельности*. Психологи школы Гербарта называютъ ихъ „формальными“ чувствованіями. Названіе это идетъ къ нимъ потому, что различныя видоизмѣненія внутренняго движенія и теченія душевныхъ состояній, въ нихъ сознаваемыя и выражаемыя, не зависятъ даже иллюзорно отъ самаго содержанія этихъ состояній. —Когда характеръ внутренняго движенія, форма его, зависитъ такъ или иначе отъ содержанія самихъ состояній душевныхъ, движущихся—ощущеній, идей, чувствъ, дѣйствій и т. п.,—получается рядъ чувствованій нѣсколько другого характера. Такъ, когда идеи, чувства, ощущенія и т. п. движутся легко и свободно, вслѣдствіе ихъ сходства, согласія, единства содержанія и т. п.,—получается особенное чувство согласія, сходства, тожества—*волненіе тожества;* когда внутреннее движеніе разстраивается, дѣлается вялымъ, останавливается, задерживается и т. п., вслѣдствіе несогласія, разнородности, взаимоисключенія,—получается *волненіе несогласія,* или *противорѣчія.* Развиваясь въ подробностяхъ при различныхъ условіяхъ, эти волненія видоизмѣняются, получаютъ различныя формы и названія. Таковы чувствованія согласія и противорѣчія логическаго, согласія другихъ съ нашими желаніями, дѣйствіями, словами; чувства противности, противорѣчія, возраженія и т. п.; волненія истины и заблужденія, проистекающія изъ сознанія согласія или несогласія идей съ дѣйствительнымъ, объективнымъ бытіемъ соотвѣтствующихъ имъ предметовъ, чувство правды и лжи въ словахъ и дѣйствіяхъ. Въ силу того, что эти волненія стоятъ въ тѣсной связи съ основнымъ интеллектуальнымъ процессомъ отожествленія и различенія, — они могутъ быть объединены въ одну группу подъ именемъ *интеллектуальныхъ,* какъ и дѣлается это большинствомъ изслѣдователей, хотя нерѣдко по другимъ соображеніямъ. Каждое изъ нихъ не только можетъ быть осложнено, но всегда

осложняется какимъ-нибудь изъ первой группы или даже всѣми ими и, во всякомъ случаѣ, и по условіямъ происхожденія и по составу, сложнѣе каждаго изъ нихъ.—Многочисленныя и разнообразныя чувствованія, входящія въ составъ описанныхъ группъ, всѣ связаны необходимо съ сознаніемъ *удовольствія и неудовольствія*. Эта *составная часть* ихъ сливается съ ними до такой степени тѣсно и необходимо, что удовольствіе и неудовольствіе для многихъ представляется только стороною, качествомъ ихъ, какъ и всякихъ другихъ волненій, изъ коихъ въ большей части удовольствіе или неудовольствіе присутствуетъ съ большею или меньшею необходимостью. Но, какъ въ волненіяхъ формальныхъ и интеллектуальныхъ, такъ и вездѣ, гдѣ является только удовольствіе и страданіе, то и другое имѣетъ *свой* особенный источникъ, именно, *одну сторону внутренняго движенія*, которая можетъ существовать и даже всегда существуетъ съ большею или меньшею опредѣленностью въ неразрывной связи со всякою его стороною. Это—правильность или неправильность, гармоничность или дисгармоничность всякаго внутренняго движенія. Отсюда всякое изъ перечисленныхъ волненій, какъ и всякое вообще другое, можетъ быть пріятнымъ и непріятнымъ. Въ силу этого удовольствіе и страданіе необходимо разсматривать какъ *особый видъ волненія*, и притомъ самый общій, самый распространенный, самый простой и элементарный. Такимъ образомъ, прежде волненій дѣятельности и интеллектуальныхъ, какъ постоянный, дополняющій ихъ элементъ, какъ первый классъ волненій вообще, должны быть поставлены волненія *удовольствія и неудовольствія*. Получается такой рядъ: *удовольствіе и страданіе*, волненія *дѣятельности*, или *формальныя*, волненія *сходства*, или *интеллектуальныя*.

Наблюдая далѣе жизнь сердечную, мы встрѣчаемся съ новымъ видомъ волненія, могущимъ образовать особый классъ и имѣющимъ въ своей основѣ болѣе сложную форму движенія внутренняго, чѣмъ всѣ предыдущія. Это, во-первыхъ, чувство-волненіе *страха* въ его разнообразнѣйшихъ видоизмѣненіяхъ и, противоположное ему по характеру, волненіе *гнѣва*—со всѣми его развѣт-

вленіями и формами. Первое—страхъ—возникаетъ при остановкѣ, особенно моментальной и неожиданной, всей душевной дѣятельности и при слѣдующемъ необходимо за этою остановкою разстройствѣ и хаотическомъ безпорядкѣ всѣхъ душевныхъ процессовъ, особенно умственныхъ и волевыхъ. Въ основѣ своей, страхъ есть воспріятіе душею и этой остановки и этого хаоса,—все остальное въ немъ есть результатъ осложненія другими возбужденіями, не измѣняющими его общаго характера. Другое волненіе—гнѣвъ—зависитъ, наоборотъ, отъ крайняго напряженія и возбужденія душевной дѣятельности въ одномъ направленіи, всего чаще—при побѣжденіи препятствія и сопротивленія. Гнѣвъ есть воспріятіе душею этой именно формы ея дѣятельности, опять обыкновенно осложненное другими возбужденіями.—Во-вторыхъ, *нѣжное волненіе* и, ему противоположное, равнодушіе, дающія начало всѣмъ видамъ любви и нерасположенія. Въ основѣ нѣжности лежитъ чрезвычайно сложная форма внутренняго движенія, характеризующаяся, какъ, кажется, общимъ пониженіемъ всѣхъ процессовъ, безъ разстройства ихъ, и, слѣдовательно, ровнымъ, гармоническимъ теченіемъ душевной жизни. Нерасположеніе есть простое отсутствіе описаннаго душевнаго настроенія, обыкновенно переходящее въ гнѣвъ, страхъ, или отвращеніе, которое есть не что иное, какъ высшая степень неудовольствія особаго рода.—Въ третьихъ, *волненіе потери и пріобрѣтенія* какой-нибудь цѣнности, какъ источника удовольствія, созданнаго однимъ изъ предыдущихъ волненій пріятныхъ. Съ ними тѣсно связаны, почти тождественныя имъ, *радость* и *горе*. Основою радости служитъ та форма движенія внутренняго, которая наступаетъ вслѣдъ за внесеніемъ въ душевную сферу новаго объекта пріятной дѣятельности—во всѣхъ или во многихъ отношеніяхъ. Основою горя служитъ та форма внутреннихъ движеній, которая наступаетъ вслѣдъ за выпаденіемъ части содержанія душевной дѣятельности—пріятной. Правда, волненіе радости можетъ возникнуть, и, обыкновенно, является—съ устраненіемъ и выпаденіемъ изъ душевной сферы чего-либо тяжелаго и непріятнаго; но это выпаденіе равно пріобрѣтенію всегда

какого-либо положительнаго блага; точно также горе, наступающее съ введеніемъ или вторженіемъ въ душевную сферу чего-либо тяжелаго и непріятнаго, легко приравнять потерѣ какого-нибудь пріятнаго состоянія.

Три описанныя пары волненій: страхъ и гнѣвъ, любовь и нерасположеніе, радость и горе, — очевидно, всѣ одного общаго типа, опредѣляемаго сложностью и своеобразностью внутреннихъ движеній, лежащихъ въ ихъ основѣ,—и составляютъ довольно рѣзко выдѣляющуюся группу среди всѣхъ другихъ чувствованій. Они объединяются между собою еще тою общею чертою, что связаны не съ дѣятельностью вообще, а съ дѣятельностью въ формѣ жизненной борьбы за существованіе и блага жизни, выражаютъ разнообразныя *отношенія человѣка* къ окружающему міру и другимъ людямъ, *въ интересахъ самосохраненія и увеличенія счастья*, и всѣ имѣютъ особенно рельефное воплощеніе или выраженіе. Наконецъ, всѣ они способны достигать крайней степени силы—до потери самосознанія и даже простого сознанія, т. е. могутъ причинить обморокъ, столбнякъ, смерть и т. п. Каждое изъ нихъ обыкновенно осложняется нѣкоторыми волненіями предыдущей группы или группъ. Сложность ихъ, затѣмъ, увеличивается у человѣка значительнымъ участіемъ интеллектуальныхъ дѣятельностей—оцѣнки, сравненія и т. п., что вліяетъ на ихъ силу и напряженіе. Такъ, страхъ увеличивается съ уясненіемъ въ дѣятелѣ, его производящемъ, тѣхъ чертъ, которыя способны вызвать общую остановку всѣхъ почти внутреннихъ процессовъ; тоже нужно сказать о гнѣвѣ, любви, горѣ и радости.

Нужно замѣтить, что описаніе и анализъ, а слѣдовательно, и пониманіе этого класса чувствованій чрезвычайно затрудняются неточностью языка. Весьма часто, можно сказать, постоянно, терминами, коими обозначаются эти волненія, называются состоянія душевныя, не имѣющія рѣшительно ничего съ ними общаго. И когда изслѣдователи берутъ ходячіе термины и къ ихъ значенію приспособляютъ свои описанія этихъ чувствованій — происходитъ безысходная путаница. Такъ, постоянно называютъ „страхомъ“

простое сознаніе опасности, ожиданіе непріятности, потери и т. п.; тогда какъ это состояніе часто даже не бываетъ волненіемъ, а сводится къ простому созерцанію, къ чисто интеллектуальной дѣятельности. Состояніе такого рода есть одно изъ условій страха, можетъ, при благопріятныхъ условіяхъ, создать его, но само никоимъ образомъ не есть волненіе страха. Также точно „гнѣвомъ“ называемъ часто сильное неудовольствіе, возбужденное особенно какою-либо личностью. Въ употребленіи слова „любовь“ еще болѣе несообразностей и неточностей, особенно въ нашемъ языкѣ. Этимъ словомъ можно обозначить, при извѣстныхъ условіяхъ, всякое удовольствіе (на нашемъ языкѣ—можно любить: пироги и квасъ, музыку и быструю ѣзду и т. п.). „Горе и радость“—тоже термины, употребляемые весьма неточно, опять, для обозначенія простого удовольствія и неудовольствія на высшихъ особенно степеняхъ ихъ силы.

За описанною группою волненій, которую часто обозначаютъ однимъ названіемъ *аффектовъ*, открывается группа волненій, называемыхъ *высшими*, потому что они существуютъ только у человѣка и предполагаютъ дѣйствіе высшихъ силъ ума и воли. Называются они также *моральными* чувствами, потому что они направлены къ внутреннему совершенству личности, къ пріобрѣтенію благъ высшаго порядка, идеальныхъ. Они создаютъ связь человѣка съ міромъ, какъ стройнымъ цѣлымъ, полнымъ единства и гармоніи, съ космосомъ въ собственномъ смыслѣ и съ его частями, насколько въ нихъ выражается единство и гармонія,—въ такъ называемыхъ *эстетическихъ* волненіяхъ; — съ идеаломъ совершеннѣйшей человѣческой личности и совершеннѣйшаго общества—въ волненіяхъ *нравственныхъ*—добра и зла;—съ источникомъ и концомъ всякаго бытія и порядка всесовершеннѣйшаго и всемогущею Личностію—въ *религіозномъ* чувствѣ. Въ развитыхъ своихъ формахъ эти волненія достигаютъ громадной сложности, включая въ себя сложнѣйшія операціи мысли въ самыхъ отвлеченныхъ ея формахъ и, затѣмъ, всѣ безъ исключенія чувствованія. Самой высокой сложностью, при этомъ, отличается религіозное чувство; потому-то оно обладаетъ способностію производить, явившись въ душѣ,

общій подъемъ всѣхъ силъ духа, затрогивая всѣ высшія стороны личности и напрягая всѣ ея силы. Такимъ образомъ, оно есть высшій во всѣхъ отношеніяхъ, кульминаціонный пунктъ сердечной жизни и ея синтезъ, точно такъ-же, какъ построеніе міросозерцанія, философская система міра есть высшая точка развитія ума и синтезъ всего его содержанія.

Получивши количественный рядъ чувствованій и съ нимъ вмѣстѣ распредѣленіе ихъ на группы, мы можемъ теперь расположить эти группы въ любомъ порядкѣ—для удобства запоминанія и систематическаго анализа. Но, очевидно, и представленное распредѣленіе весьма удобно и естественно. Оно даетъ слѣдующія пять группъ волненій: а) *Удовольствіе* и *неудовольствіе*—во множествѣ формъ, въ связи со всѣми явленіями ощущенія, мышленія, воли и чувствованія. б) *Волненія формальныя*, или—*дѣятельности:* а) упражненія и скуки, b) силы и безсилія, с) свободы и стѣсненія. в) *Волненія интеллектуальныя:* а) сходства и несходства (разницъ) и видоизмѣненія ихъ. г) *Аффекты:* а) любовь и отвращеніе, b) страхъ и гнѣвъ, с) радость и горе. д) *Волненія моральныя*, или *высшія:* а) эстетическое, b) нравственное, с) религіозное.

Такимъ образомъ, чувствованія, взятыя во всей совокупности, представляютъ своего рода систему тѣсно связанныхъ между собою явленій сердечной жизни и естественно располагаются въ рядъ состояній *возрастающей сложности*, оканчивающейся объединеніемъ и синтезомъ всѣхъ видовъ въ религіозномъ чувствѣ. Нѣчто подобное наблюдается и въ жизни каждаго отдѣльнаго волненія—даже самой малой сложности. Каждое изъ нихъ сначала возникаетъ въ простѣйшей формѣ, въ связи съ ощущеніями или болѣе простыми актами умственными и волевыми, и, затѣмъ, подъ вліяніемъ опыта и осложненія внутренней дѣятельности и жизненныхъ отношеній, развѣтвляется и осложняется. Напр., удовольствіе и страданіе являются сначала въ связи съ ощущеніемъ, затѣмъ возникаютъ въ болѣе сложной формѣ—удовольствій и страданій, комбинированныхъ по смежности и сродству; въ то же время то и другое является въ связи съ болѣе сложными состояніями

представленій оцѣнки и опять переходитъ въ комбинаціи, или сочетанія, еще болѣе сложныя и разнообразныя и т. д. Чувство силы является сначала въ связи съ обнаруженіемъ силы физической, переносится затѣмъ на обнаруженіе различныхъ умственныхъ и волевыхъ силъ; начинаетъ потомъ возникать при воспріятіи обнаруженій силы въ природѣ и въ другихъ людяхъ, постепенно переходя въ новыя, болѣе сложныя формы—удивленія, благоговѣнія, уваженія и т. п. Чувство безсилія подвергается такимъ же измѣненіямъ и развитію sui generis. Страхъ тоже возникаетъ первоначально въ области ощущеній, при внезапномъ усиленіи ихъ, рѣзкомъ измѣненіи, крайнемъ ослабленіи или прекращеніи,—особенно рельефно въ связи съ ощущеніемъ удушенія; потомъ онъ начинаетъ возникать при видѣ предметовъ, могущихъ производить это состояніе, и при самой идеѣ о нихъ; далѣе—онъ возникаетъ при видѣ и идеальномъ воспроизведеніи обстоятельствъ, могущихъ произвести или производившихъ остановку,—при мысли о смерти, о врагѣ и т. п. Гнѣвъ, любовь, горе, радость и проч. проходятъ подобныя же стадіи, всегда оканчиваясь сложными идеальными формами.

Если въ общей классификаціи и распредѣленіи чувствованій по группамъ мы имѣемъ естественный планъ анализа жизни сердца—всей, то въ сейчасъ указанныхъ моментахъ дается планъ изслѣдованій каждаго изъ чувствованій.

5. Характеристика группъ чувствованій.

а) Волненія удовольствія и неудовольствія.

Удовольствіе и неудовольствіе, какъ особая—простѣйшая и самая распространенная—форма волненія. Взаимоотношеніе этихъ двухъ видовъ волненія; самостоятельность и реальность ихъ. Несостоятельность взглядовъ на происхожденіе удовольствія и неудовольствія—отъ качества и степени напряженія ощущеній. Въ чемъ дѣйствительная физіологическая основа удовольствія и неудовольствія? Общія условія возникновенія ихъ.

Первичное, простѣйшее чувствованіе-волненіе, по всей вѣроятности, состоитъ изъ сознанія общаго, неопредѣленнаго возбужденія души, подъ вліяніемъ ощущеній и другихъ дѣятельностей. Но это неопредѣленное состояніе волненія, по самой своей природѣ почти недоступное наблюденію, обыкновенно быстро опредѣляется и получаетъ форму *удовольствія* или *неудовольствія*,—самую распространенную и всего чаще являющуюся форму волненія. Въ чемъ сущность этого волненія, или волненій, отъ чего они происходятъ, при какихъ условіяхъ являются,—вопросъ этотъ сильно занималъ всѣхъ мыслителей, начиная съ Сократа, и особенное значеніе получилъ въ настоящее время, въ виду широкаго распространенія философіи пессимизма. Въ отвѣтъ на него построено нѣсколько теорій—въ прошломъ и въ настоящее время; но мы не будемъ излагать ихъ: большинство ихъ совпадаетъ съ общею теоріею чувствованій, въ ея различныхъ, извѣстныхъ уже намъ, формахъ, потому что изслѣдователи, за небольшими исключеніями, отождествляютъ волненіе-чувствованіе съ удовольствіемъ и неудовольствіемъ, считаютъ, по крайней мѣрѣ, удовольствіе и неудовольствіе основою и сущностью всей сердечной жизни, всѣхъ

чувствованій-волненій. Обратимся къ самому явленію, котораго нѣтъ нужды описывать, такъ какъ оно всякому извѣстно по опыту; да и самое описаніе это не возможно.

Первое, на чемъ останавливается вниманіе наблюдателя въ немъ,—это *взаимное отношеніе* этихъ двухъ видовъ волненія, противоположныхъ другъ другу, но въ то же время тѣсно связанныхъ между собою и, повидимому, обусловливающихъ другъ друга. „Какъ страннымъ кажется мнѣ то, что̀ люди называютъ пріятнымъ, говоритъ Сократъ въ Федонѣ. Въ какой удивительной связи находится оно съ страданіемъ, хотя послѣднее, повидимому, противоположно первому. Взятыя вмѣстѣ, они не уживаются въ человѣкѣ; но кто ищетъ и достигаетъ одного, тотъ почти вынуждается всегда получить и другое, какъ будто эти двѣ крайности соединены въ одной вершинѣ. Если бы эта мысль представилась Езопу, то онъ сложилъ бы, вѣроятно, басню, что Богъ, желая примирить столь враждебныя противоположности, но не могши этого сдѣлать, сростилъ ихъ вершины. Въ силу этого, кому досталась одна изъ нихъ, тотъ за нею получаетъ и другую". Взглядъ на взаимное отношеніе удовольствія и страданія, на ихъ связь и зависимость, высказанный въ этихъ словахъ, подтверждается множествомъ фактовъ, за исключеніемъ мысли о томъ, что удовольствіе и неудовольствіе не существуютъ вмѣстѣ. Дѣйствительно, съ прекращеніемъ удовольствія, отъ чего бы и какъ бы оно ни возникло, всегда почти возникаетъ неудовольствіе,—послѣднее тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе первое. Наоборотъ, съ прекращеніемъ страданія, возникаетъ удовольствіе, и оно, опять, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе было страданіе. Далѣе, многія удовольствія прямо зависятъ отъ присутствія неудовольствія и прекращаются вмѣстѣ съ нимъ. Такъ, голодный наслаждается ѣдою, пока онъ голоденъ, озябшій наслаждается теплотою, пока ему холодно, испытывающій нужду въ средствахъ наслаждается въ моментъ полученія ихъ и т. п. Также есть и страданія, обусловливаемыя присутствіемъ удовольствія. Напр., неудовольствіе, причиняемое страданіемъ любимаго существа, зависитъ прямо отъ

присутствія несомнѣнно пріятнаго чувства—нѣжности, расположенія и т. п. Кромѣ того, едвали существуетъ чистое удовольствіе, безъ всякой примѣси неудовольствія, и наоборотъ,—такъ что всякое удовольствіе есть только преобладаніе пріятнаго возбужденія надъ непріятными, и наоборотъ. Наконецъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что удовольствіе повышается въ своей силѣ въ зависимости отъ противоположнаго ему—неудовольствія, а неудовольствіе отъ — ему противоположнаго — удовольствія „Отсюда, говоритъ Вундтъ, то яркое чувство удовольствія, которое испытывается выздоравливающимъ, когда его общія ощущенія приходятъ къ нормѣ, въ сравненіи съ чувствомъ постоянно здороваго человѣка, у котораго лишь незначительныя удовольствія и маленькія огорченія оживляютъ наслажденія бытія Отсюда чрезвычайно напряженное чувство наслажденія, связанное со всѣми формами игры, начиная съ простѣйшей азартной игры, игры въ кости, до драматическаго искусства. Въ играхъ всего быстрѣе смѣняется ожиданіе и удовлетвореніе, радость и разочарованіе.“ Но изъ всѣхъ этихъ фактовъ никакъ не слѣдуетъ, что чувствованія удовольствія связаны неразрывно и не могутъ вовсе существовать одно безъ другого, что они „срощены вершинами“. Каждое изъ нихъ возникаетъ всегда *самостоятельно*, и имѣетъ свое собственное основаніе и причины въ органическихъ и психическихъ процессахъ,—и удовольствіе можно представить постояннымъ состояніемъ при полномъ отсутствіи страданія, и наоборотъ,—неудовольствіе, страданіе *можетъ* существовать безъ всякой примѣси удовольствія. При такомъ состояніи было бы не возможно только понятіе объ удовольствіи и страданіи; но то и другое могло бы сознаваться, присутствуя въ чистомъ видѣ, благодаря сравненію съ другими состояніями сознанія, напр., интеллектуальными. Имѣя самостоятельную основу, удовольствіе и неудовольствіе только постоянно *встрѣчаются*, слѣдуютъ другъ за другомъ, существуютъ одновременно или, точнѣе, въ невообразимо быстрыхъ смѣнахъ сознанія того и другого. При этой встрѣчѣ они естественно вліяютъ другъ на друга, повышая и ослабляя другъ друга, служа даже ново-

домъ къ взаимному возникновенію.—Еще менѣе основательно дѣлать изъ этихъ фактовъ тотъ выводъ, что одно изъ противоположныхъ волненій происходитъ непосредственно и прямо отъ другого и само не имѣетъ положительной основы,—есть отрицаніе другого, и потому призрачно, не реально. Такого воззрѣнія держался въ древности Платонъ, считая источникомъ удовольствія—неудовольствіе, или страданія, проистекающія изъ недостатка, лишенія. Въ настоящее время его развиваетъ извѣстный Гартманъ, который считаетъ реальнымъ, имѣющимъ основаніе и причины въ свойствахъ ощущающаго существа вообще и, въ частности, человѣка,—одно неудовольствіе-страданіе: удовольствіе есть только прекращеніе, ослабленіе временное страданія, и есть нѣчто призрачное, чистый обманъ, иллюзія. Но, очевидно, можно испытывать величайшее удовольствіе, не испытавши передъ тѣмъ непосредственно неудовольствія. Подобнымъ же образомъ и неудовольствіе можетъ возникнуть прямо и независимо отъ прежняго удовольствія. И то и другое одинаково *реальны*. Такъ какъ и за удовольствіемъ всегда слѣдуетъ неудовольствіе, то съ такимъ же правомъ можно было-бы сдѣлать и обратный выводъ, т. е. что реально одно удовольствіе, а неудовольствіе есть нѣчто случайное, призрачное, какъ это и дѣлаютъ такъ называемые оптимисты.

Опредѣливши, въ общихъ чертахъ, отношеніе между волненіями удовольствія и неудовольствія, признавши, при этомъ, то и другое вполнѣ самостоятельными волненіями, одинаково реальными, имѣющими каждое свой источникъ, хотя и развивающимися изъ одного общаго начала,—обратимся къ изслѣдованію *причинъ* и *условій ихъ происхожденія*.

Удовольствіе и неудовольствіе, какъ извѣстно, встрѣчаются въ связи со всѣми, безъ исключенія, душевными состояніями—ощущеніями, умственными актами, явленіями воли; въ частности, они постоянно сопутствуютъ всѣмъ почти другимъ волненіямъ и входятъ въ нихъ нерѣдко, какъ весьма существенная *составная часть*. Но для опредѣленія причинъ и условій, ихъ производящихъ, удобнѣе наблюдать ихъ происхожденіе въ связи

съ простѣйшими состояніями — ощущеніями, — тѣмъ болѣе, что, помимо упрощенія задачи, при этомъ, мы будемъ имѣть весьма важное пособіе въ физіологическихъ данныхъ относительно нервныхъ процессовъ и по нимъ съ нѣкоторою точностію опредѣлить то, что происходитъ въ душѣ.

Разсматривая чувствованія удовольствія и неудовольствія въ связи съ ощущеніями, не трудно видѣть, что *характеръ*, или *содержаніе* ощущенія и *процессы нервные*, его обусловливающіе, *не имѣютъ* никакого *вліянія* на ихъ *пріятность* или *непріятность*, и, слѣд., не могутъ считаться въ числѣ причинъ, производящихъ эти волненія. Удовольствіе и неудовольствіе являются и съ органическими, и внѣшними, и мускульными ощущеніями—и всегда имѣютъ одинъ и тотъ же характеръ. Пріятность звука, свѣта, теплоты, осязанія, вкуса, обонянія ничѣмъ не разнятся и всегда,— собственно говоря,—одно и то же. То же самое нужно сказать и о непріятности. Притомъ, то и другое волненіе встрѣчается одинаково въ связи съ однимъ и тѣмъ же содержаніемъ. Исключеніе, повидимому, составляютъ ощущенія вкусовыя и почти всѣ органическія, гдѣ пріятность кажется зависящею прямо отъ качества ощущенія, его рода. Такъ, ощущеніе сладкаго пріятно до такой степени, что сдѣлалось синонимомъ удовольствія, а горькое не пріятно, и стало синонимомъ страданія. Но это такъ кажется только на поверхностный взглядъ. На самомъ дѣлѣ, сладкое пріятно только при извѣстныхъ условіяхъ, и можетъ быть и бываетъ часто непріятнымъ. Наоборотъ, горькое не только въ слабой степени, но и въ сильнѣйшихъ степеняхъ можетъ казаться весьма пріятнымъ. Трудность выдѣленія—въ отвлеченіи— удовольствія и неудовольствія изъ качества или содержанія вкусовыхъ ощущеній, также обонятельныхъ и органическихъ, зависитъ главнымъ образомъ отъ неизвѣстности физіологическихъ процессовъ, обусловливающихъ эти состоянія, а еще болѣе оттого, что, являясь первыми и всего чаще встрѣчающимися удовольствіями, они слишкомъ сильно ассоціировались съ качествами вкусовыхъ ощущеній. Все-таки въ непосредственномъ сознаніи

выдѣленіе обоихъ элементовъ дано постоянно: мы ясно различаемъ сладкое и горькое, какъ ощущенія, дающія намъ знать о качествахъ вкусового вещества, ихъ производящаго, и—удовольствіе или неудовольствіе, ими доставляемое.

Также какъ и качество ощущенія,—сила, или напряженіе его, не можетъ быть причиною удовольствія и неудовольствія, ихъ основою и источникомъ, хотя во многихъ случаяхъ одна извѣстная степень силы ощущенія неизмѣнно сопровождается удовольствіемъ, другая связана съ неудовольствіемъ. Мысль, что удовольствіе и неудовольствіе стоятъ въ прямой зависимости отъ силы ощущенія, встрѣчается у Гертли и Кондильяка и распространяется у нихъ на всю сферу чувствованій; по отношенію спеціально къ чувствованіямъ удовольствія и страданія, она въ настоящее время поддерживается Вундтомъ. Онъ представляетъ весь процессъ возникновенія удовольствія и неудовольствія, въ связи съ ощущеніями, въ такомъ видѣ. При едва замѣтной силѣ ощущенія, когда оно только что опредѣляется въ сознаніи, или „выходитъ за порогъ“, какъ онъ выражается,—возникаетъ едва замѣтное чувство удовольствія. Съ возрастаніемъ силы ощущенія, растетъ и удовольствіе, но только до извѣстнаго пункта, или предѣла. За этимъ предѣломъ, который Вундтъ называетъ „индефферентною точкою чувствованія“, появляется неудовольствіе, сначала слабое и связанное еще съ сознаніемъ качества ощущенія, но, по мѣрѣ дальнѣйшаго увеличенія силы ощущенія, неудовольствіе растетъ и достигаетъ такого напряженія, что качество ощущенія перестаетъ сознаваться, и сознается одно только страданіе. Но это представленіе происхожденія удовольствія и неудовольствія изъ степеней силы ощущенія, лучшее въ своемъ родѣ, не выдерживаетъ самой поверхностной критики и, очевидно, противорѣчитъ несомнѣннымъ и прямымъ фактамъ опыта.... Весьма слабыя ощущенія часто являются источникомъ неудовольствія; очень слабыя свѣтовыя, звуковыя возбужденія, щекотаніе и т. п. большею частію бываютъ непріятными. Наоборотъ, ощущеніе, достигающее крайняго предѣла своей силы,

если только она возрастаетъ постепенно, а не вдругъ, сопровождается во многихъ случаяхъ высшею степенью удовольствія (наприм., пляска, верченіе дервишей и хлыстовъ, оглушительный шумъ водопада, крики стотысячной толпы и т. п.). Уже этихъ немногихъ фактовъ достаточно, чтобы видѣть, что не только теорія Вундта фальшива и опрометчива, но что, вообще, *степени силы ощущенія не имѣютъ значенія производителей* удовольствія и неудовольствія, такъ какъ различныя до противоположности степени напряженія ощущенія могутъ одинаково сопутствовать или предшествовать удовольствію и неудовольствію.

Предполагая достаточно извѣстными нервные процессы, производящіе какъ качество, такъ и силу ощущенія, нельзя въ нихъ искать физіологической основы волненія удовольствія и неудовольствія. На нихъ душа отвѣчаетъ и можетъ отвѣчать только сознаніемъ качества и силы ощущенія. Волненіе должно быть связано съ чѣмъ-нибудь *другимъ, на что душа отвѣчаетъ сознаніемъ удовольствія или неудовольствія* и что приводитъ ее въ соотвѣтственное внутреннее, ея собственное, измѣненіе. Подъ прямымъ вліяніемъ психологическаго анализа удовольствія и страданія, физіологи стали искать этого „нѣчто“, этой *новой стороны* въ *нервныхъ процессахъ*, которая могла бы считаться основою физіологическою удовольствія и страданія. Получилась, при этомъ, на основаніи молекулярной теоріи жизненныхъ процессовъ и наблюденій надъ раздражительностью нервовъ подъ вліяніемъ электрическаго тока, особая теорія,—развитая и приложенная къ объясненію волненій удовольствія и неудовольствія въ первый разъ у Лотце.

Нервная дѣятельность, изъ чего бы она ни состояла, какъ и всякая жизненная дѣятельность, представляетъ всегда два основные процесса—процессъ аккумуляціи, накопленія силы и—ея траты въ области ощущеній, черезъ посредство внѣшнихъ раздраженій и движеній. Въ нормальномъ состояніи процессы эти идутъ параллельно и съ одинаковою, вообще говоря, энергіею: всякая трата немедленно вознаграждается и восполняется. Это состояніе, едвали когда-нибудь осуществляющееся вполнѣ (оно всегда бываетъ

приблизительно и относительно такимъ), называется *равновѣсіемъ*. Оно является какъ бы цѣлію организма, къ которой онъ постоянно стремится по самой своей природѣ и, осуществляясь даже приблизительно, служитъ источникомъ того ровнаго настроенія и теченія жизни, въ которомъ ни одно возбужденіе не получаетъ преобладанія надъ другимъ,—всѣ почти одинаковы. Тонусъ этого настроенія, когда оно является и получаетъ преобладаніе, вообще, пріятный, хотя эта пріятность не сознается отчетливо и опредѣленно, не превращается въ волненіе въ собственномъ смыслѣ, а въ формѣ *привычки, приспособленія организма*, прямо приближается къ такъ называемому „равнодушію“. Объясненіе „привычки“ состоитъ, приблизительно, въ слѣдующихъ соображеніяхъ. Когда возникаетъ въ организмѣ и душѣ какая-нибудь очень напряженная дѣятельность,—напр., слухъ начинаетъ поражаться постоянно сильными звуками, рѣзкими и нестройными, которые прежде не испытывались,—въ этомъ случаѣ начинается усиленная трата нервной энергіи въ слуховыхъ, положимъ, центрахъ, и эта трата не успѣваетъ вознаграждаться. Равновѣсіе нарушается, и это нарушеніе въ данномъ случаѣ сознается какъ неудовольствіе—непріятность. Но, постоянно повторяясь, это нарушеніе механически и само собою вызываетъ усиленный притокъ крови къ сильно возбуждаемому центру. Этимъ путемъ процессъ возстановленія растрачиваемой здѣсь силы становится энергичнѣе и мало-по-малу поднимается до того уровня, на которомъ стоитъ постоянная трата энергіи. Равновѣсіе возстановляется только на болѣе высокомъ, такъ сказать, уровнѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ волненіе непріятности исчезаетъ, подъ вліяніемъ сильныхъ слуховыхъ раздраженій, не превращаясь въ удовольствіе или въ какое-нибудь опредѣленное волненіе,—получается именно такъ называемое „равнодушіе“, достигающее до того, что самое раздраженіе и ощущеніе, имъ вызываемое,—перестаютъ сознаваться ясно. Это и есть „привычка“, приспособленіе организма къ раздраженію. Положимъ, далѣе, привычный шумъ моментально прекращается, послѣ того, какъ описаннымъ путемъ образовалась привычка къ нему. Тогда, очевидно, „равновѣсіе“

опять нарушится, только въ другую сторону. Съ прекращеніемъ раздраженія, трата силы не будетъ соотвѣтствовать ея усиленному накопленію, произойдетъ въ центрѣ скопленіе, избытокъ силы—движенія нервнаго, не находящей выхода,—получится опять неудовольствіе. Возобновленіе, раздраженіе и трата силы въ привычномъ объемѣ, вызоветъ сначала удовольствіе, пока съ возстановленіемъ полнаго равновѣсія не возвратится „равнодушіе". Если же тишина будетъ продолжаться,—необходимо, чисто механически начнется обратный процессъ: избытокъ силы направится въ другія области, притокъ крови ослабѣетъ, энергія скопленія силы понизится, и мало-по-малу процессъ накопленія силы понизится до уровня траты. Образуется новая „привычка", въ данномъ случаѣ, къ тишинѣ, или отсутствію постоянныхъ и сильныхъ возбужденій слухового нерва и центра. Подобнымъ же образомъ измѣняются привычки во всѣхъ рѣшительно ощущеніяхъ, а можетъ быть, и во всѣхъ сферахъ душевной жизни. Но волненіе немедленно возникаетъ съ полною отчетливостію и опредѣленностью, съ характеромъ пріятности и непріятности, когда происходитъ такъ или иначе нарушеніе нервнаго равновѣсія—въ ту или другую сторону, т. е. въ сторону траты или въ сторону накопленія нервной энергіи. Это нарушеніе имѣетъ нѣсколько различныхъ формъ, которыя можно отчасти опредѣлить a priori, и каждой изъ нихъ соотвѣтствуетъ волненіе съ характеромъ удовольствія или неудовольствія.

Такимъ образомъ, источникомъ и *физіологическою основою* удовольствія и неудовольствія являются не качества ощущенія, не сила его, а *форма и способы траты и возстановленія нервной силы* при произведеніи этихъ качествъ и степеней силы ощущенія, слѣд., вообще, способы и формы нервнаго движенія, какъ движенія. Такъ какъ сознаніе и душевная дѣятельность вообще въ ощущеніи вполнѣ зависитъ отъ нервнаго процесса, развивается одновременно и параллельно съ нимъ, то и эта дѣятельность должна заключать въ себѣ аналогичныя черты. Испытывая, подъ вліяніемъ нервныхъ раздраженій, извѣстнаго рода ощущенія съ опредѣленною степенью силы, сознающее начало совершаетъ,

приблизительно, *ту же форму движенія*, въ какой выражается и нервный процессъ и, *сознавая ее* рядомъ съ качествомъ и силою ощущенія, осуществляетъ это сознаніе *въ формѣ удовольствія* или *неудовольствія*. Это, вполнѣ необходимое заключеніе, очевидно, стоитъ въ полной гармоніи съ установленнымъ нами взглядомъ вообще на природу душевнаго волненія, какъ на сознаніе формы движенія, изъ котораго слагается всякій душевный процессъ.

Разсмотримъ теперь, въ общихъ чертахъ, формы нервнаго движенія, выражающіяся въ способахъ накопленія и траты нервной энергіи,—по крайней мѣрѣ, главнѣйшія изъ нихъ,—чтобы опредѣлить, такимъ образомъ, *общія условія возникновенія удовольствія и страданія*.

Формы эти проявляются наиболѣе опредѣленно въ случаяхъ: 1) Когда, путемъ постоянно совершающагося притока крови къ нервамъ, несущаго питательныя вещества, нервной силы накопляется въ достаточномъ количествѣ для траты средняго объема, не могущей истощить и ослабить данный органъ, или даже накопляется ее въ избыткѣ, но сила эта не тратится вовсе или тратится въ небольшомъ количествѣ. Положимъ, въ двигательныхъ центрахъ ребенка, вслѣдствіе хорошаго питанія и здороваго сна, происходитъ скопленіе силы, требующей выхода, потому что равновѣсіе въ жизни нервнаго вещества, изъ котораго состоятъ эти центры, нарушено. Между тѣмъ его заставляютъ сидѣть смирно, неподвижно, или чинно двигаться, совершая самыя легкія, неэнергичныя движенія,—является неудовольствіе, которое переходитъ въ страданіе, иногда сопровождающееся болѣзненнымъ разстройствомъ. То же самое мы видимъ у животныхъ, заключенныхъ въ тѣсномъ пространствѣ, и у взрослыхъ людей, здоровыхъ, обреченныхъ такъ или иначе на вынужденную неподвижность. 2) Когда, путемъ напряженной дѣятельности въ извѣстномъ направленіи, или путемъ болѣзненнаго измѣненія, сила нервная истощается, т. е. растрата ея превосходитъ въ значительной степени накопленіе. Дѣятельность энергичная при этомъ становится невозможною: наступаетъ опять страданіе. 3) Между этими двумя крайностями стоитъ тотъ случай траты силы и накопленія ея, когда процессы эти проис-

ходятъ неправильно: или сила тратится сразу въ чрезмѣрномъ количествѣ (неожиданный звукъ, свѣтъ и т. п.); или происходитъ вдругъ и неожиданно полная остановка этой траты (прекращеніе свѣта, звука). Какъ особое видоизмѣненіе этого случая,—является трата силы съ неправильными перерывами, неправильными измѣненіями въ напряженіи. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ извѣстно изъ прямого опыта, наступаетъ волненіе неудовольствія въ большей или меньшей степени.—Имъ параллельно противоположны случаи: 1) энергической траты силы, находящейся въ достаточномъ количествѣ, и повышенія энергіи, слѣдующаго за слабымъ возбужденіемъ, особенно за полнымъ покоемъ и бездѣйствіемъ; 2) накопленія силы послѣ ея растраты, т. е. энергически совершающагося процесса накопленія ея (удовольствіе покоя); 3) правильная—ритмическая дѣятельность, въ которой каждое возбужденіе подготовлено и стоитъ въ правильномъ отношеніи къ предыдущимъ и послѣдующимъ возбужденіямъ (удовольствіе гармоніи всякаго рода). Всѣ эти состоянія, какъ извѣстно, опять, изъ прямого опыта, сопровождаются чувствованіемъ удовольствія въ большей или меньшей степени.

Итакъ, всѣ случаи неудовольствія, въ связи съ ощущеніями и воспріятіями, сводятся: къ чрезмѣрному преобладанію накопленія силы нервной надъ ея тратою, что Дюмонъ и—за нимъ—Гротъ называютъ „отрицательнымъ страданіемъ“; къ чрезмѣрному преобладанію траты надъ накопленіемъ, что Дюмонъ и Гротъ называютъ „положительнымъ страданіемъ“; наконецъ—къ неправильной тратѣ силы. Случаи удовольствія сводятся: къ гармоническому соотношенію между накопленіемъ и тратою (удовольствіе положительное); возстановленію растраченной силы (удовольствіе отрицательное); правильной—ритмической и подготовленной траты силы. Всѣ эти формы движенія и, слѣд., условія возникновенія удовольствія и неудовольствія могутъ быть открыты и указаны въ каждой душевной дѣятельности. И всюду, гдѣ является удовольствіе или неудовольствіе, условія ихъ явленія сводятся къ присутствію той или другой формы траты силы и—движенія душевнаго.

б) Волненія формальныя.

Виды формальныхъ волненій.—Общія условія возникновенія волненій дѣятельности и скуки. Отличительныя особенности волненія дѣятельности. Внѣшнее выраженіе волненія скуки; внутреннія характеристическія черты этого волненія. Значеніе волненій дѣятельности и скуки въ жизни человѣка.—Основа волненій силы и безсилія. Главнѣйшія формы волненія силы. Измѣреніе силы, какъ источникъ волненій силы и безсилія и неограниченности стремленій человѣка.—Волненія свободы и стѣсненія. Условія происхожденія, характеръ и видоизмѣненія этихъ волненій.

За чувствованіями удовольствія и неудовольствія слѣдуетъ цѣлая группа волненій, въ которыхъ удовольствіе и неудовольствіе представляютъ преобладающій элементъ и изъ которыхъ нѣкоторыя, быть можетъ, предшествуютъ самому удовольствію и неудовольствію. Это: a) *волненіе*, связанное съ простымъ сознаніемъ присутствія въ душѣ какой-нибудь *дѣятельности* нормальной и опредѣленной, и—*противоположное ему*, возникающее въ связи съ сознаніемъ отсутствія такой дѣятельности; b) близко стоящія къ этимъ волненіямъ, по условіямъ своего происхожденія и отчасти по составу,—*волненія*, связанныя съ сознаніемъ *силы* и съ измѣреніемъ ея, также съ сознаніемъ *безсилія;* c) волненія *свободы* и *стѣсненія*.

Общія условія возникновенія волненія дѣятельности и—ему противоположнаго даны уже въ этихъ общихъ ихъ названіяхъ. Извѣстно, что жизнь организма тѣлеснаго слагается изъ рядовъ движеній, или процессовъ, которые находятся на опредѣленномъ уровнѣ силы, называемомъ „нормальнымъ“. Всѣ эти дѣятельности, или процессы органическіе, находясь въ нормальномъ состояніи,

суммируются въ сознаніи, какъ особаго рода ощущенія—здоровья, бодрости и т. п. Всякое пониженіе или ослабленіе и разстройство въ общемъ ходѣ этихъ процессовъ, отъ чего бы оно ни зависѣло,—отъ мѣстныхъ ли аномальныхъ измѣненій, или отъ причинъ, дѣйствующихъ на весь организмъ,—суммируется въ сознаніи, какъ общее ощущеніе недомоганья, или нездоровья, не переходя въ опредѣленное ощущеніе болп. То же самое имѣетъ мѣсто, mutatis mutandis, и относительно жизни душевной. Эта жизнь тоже состоитъ изъ рядовъ постоянно совершающихся, извѣстнымъ образомъ организованныхъ, дѣятельностей, или процессовъ. Душевная дѣятельность, какъ и дѣятельность тѣла, имѣетъ свой „нормальный“ уровень энергіи и организованности, которымъ несомнѣнно должно аффицировать и аффицируетъ сознаніе. Ихъ нормальный ходъ суммируется въ сознаніи особаго рода волненіемъ, которое и есть *волненіе дѣятельности*, вполнѣ аналогичное съ общимъ ощущеніемъ физическаго здоровья. Всякое паденіе душевной дѣятельности ниже этого уровня, необходимо сопровождающееся разстройствомъ, дезорганизаціею теченія душевной жизни,—является въ сознаніи какъ волненіе противоположнаго характера, носящее особое названіе—*скуки*. Скука—выраженіе въ сознаніи ослабленной, разстроенной дѣятельности душевной—имѣетъ аналогію съ общимъ ощущеніемъ физическаго нездоровья: она есть какъ бы общее „недомоганье“ въ душевной сферѣ; потому то дѣйствительное разстройство, болѣзни душевныя, когда они возникаютъ постепенно, начинаются обыкновенно съ этого чувства.

Волненіе дѣятельности, имѣя специфическія, неподдающіяся описанію особенности, отличающія его отъ всѣхъ другихъ волненій,—въ то же время всегда пріятно, и можетъ достигать, при энергичной, успѣшной дѣятельности, напр., при здоровой, быстрой, энергичной умственной работѣ, также при работѣ физической, когда она сопряжена съ сосредоточеніемъ вниманія и сопутствуется энергическою душевною дѣятельностію, — можетъ достигать высокой степени силы, переходить въ такъ называемое наслажденіе. Такъ какъ въ волненіи дѣятельности имѣетъ значеніе не

характеръ и содержаніе какого-либо душевнаго акта или ряда ихъ, а характеръ общаго хода и строя душевной жизни, то это *содержаніе* совершенно *безразлично* для возникновенія его. Все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы въ данный моментъ въ душѣ была какая-нибудь болѣе или менѣе энергичная и организованная по своимъ законамъ дѣятельность, сосредоточивающая на себѣ вниманіе, степень силы котораго всегда служитъ показателемъ степени энергіи и организованности душевныхъ процессовъ. Отсюда выходитъ,—на первый взглядъ парадоксальное, но вполнѣ законное и естественное,—явленіе, что, при отсутствіи дѣятельности опредѣленной, могущей вызвать это пріятное волненіе,—даже непріятность, страданіе становятся пріятными, возбуждая энергію, вниманіе, устраняя тяжелое чувство скуки. При сосредоточеніи вниманія во всякій данный моментъ энергичной дѣятельности на самомъ ея содержаніи, естественно, волненіе дѣятельности и его пріятность весьма часто не сознаются вовсе, или являются въ промежутки дѣятельности, такъ-же по ея окончаніи, какъ воспоминаніе, особенно же подъ вліяніемъ наступающей съ прекращеніемъ дѣятельности скуки. Потому-то, вѣроятно, ни въ одномъ языкѣ нѣтъ особаго термина для этого, постоянно въ той или другой степени присущаго, волненія; не имѣетъ оно и опредѣленнаго своего физическаго воплощенія.

Противоположное описанному волненіе—*скуки*, имѣя также свои специфическія особенности, въ то же время характеризуется, какъ весьма непріятное. По самому существу условій, его вызывающихъ, оно наполняетъ, такъ сказать, въ данный моментъ сознаніе, ни на чемъ не сосредоточенное, выдѣляется, потому, слишкомъ рельефно изъ другихъ состояній и отличается высшею опредѣленностію. Притомъ же, оно имѣетъ очень опредѣленное *внѣшнее выраженіе*, котораго нельзя смѣшать съ простымъ выраженіемъ неудовольствія. Глаза скучающаго человѣка становятся тусклыми, безжизненными, похожими на глаза человѣка, которому сильно хочется спать: они или почти неподвижны и полузакрыты, или блуждаютъ, ни на чемъ не останавливаясь опредѣленно,

ничего не фиксируя. Физическая причина этого—слабый притокъ крови къ мозгу, обусловливаемый его слабой дѣятельностью, отъ чего бы она ни зависѣла. При этомъ кровообращеніе становится медленнымъ и во всемъ организмѣ; медленнымъ становится и дыханіе. Вслѣдствіе общей слабости кровообращенія, обезкровливаются волосные сосуды и покровы тѣла, особенно лица,—блѣднѣютъ. При медленномъ кровообращеніи и дыханіи, кровь мало окисляется, переполняется углекислотою. Отсюда судорожныя періодическія вдыханія съ сильнымъ открытіемъ рта — такъ называемая „зѣвота", повторяющаяся черезъ правильные промежутки времени. Мускулы лица ослабляются и дѣлаютъ выраженіе лица неопредѣленнымъ, безжизненнымъ, мускулатура всего организма теряетъ напряженіе, движенія становятся вялыми, неправильными, безцѣльными, или даже вовсе почти прекращаются.—Это внѣшнее выраженіе вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, *что происходитъ* въ это время *въ душѣ* и чѣмъ собственно обусловливается и вызывается самое волненіе скуки. Здѣсь также нѣтъ полнаго отсутствія дѣятельности,—это не возможно и не мыслимо; но дѣятельность эта понижена до крайней степени, безсвязна, безцѣльна, не концентрирована, вообще, разстроена, дезорганизована: идеи возникаютъ съ чрезвычайной медленностью и большею частію случайно, и ни одна изъ нихъ не фиксируетъ, не останавливаетъ вниманія, не возбуждаетъ интереса, или же постоянно возвращается одна идея, одинъ рядъ ихъ, однообразно повторяясь и не давая мѣста другимъ; волненія не являются вовсе или являются съ чрезвычайною слабостію; желанія неопредѣленны, и воля парализована и т. п. Такое состояніе внутренней жизни и есть собственно *причина* волненія *скуки;* но, явившись разъ, это волненіе, въ свою очередь, начинаетъ его поддерживать, разстроивая еще болѣе и болѣе теченіе психической дѣятельности и тѣмъ усиливая само себя. Непріятность и мучительность чувства скуки въ значительной степени еще увеличивается тѣмъ, что, подъ вліяніемъ этого волненія, время кажется необыкновенно продолжительнымъ, тогда какъ при другихъ волненіяхъ оно кажется текущимъ очень быстро, или,

какъ точнѣе выражаются, незамѣтно. Это характеристическая черта чувства скуки, которая отражается въ его названіяхъ (напр., Langweile). Удлиненіе времени объясняется здѣсь медленностью и неправильностью смѣны душевныхъ состояній и сосредоточеніемъ вниманія на тѣхъ внѣшнихъ измѣненіяхъ, которыми мѣряется время. Сознаніе длины времени, въ связи съ другими возбужденіями, вызываетъ, въ слабой степени, гнѣвное волненіе, которое обращается на олицетворяемое, обыкновенно, время. Отсюда энергическія выраженія, обозначающія средства устраненія скуки, напр., „убивать время“ и т. п.

Общія условія, подъ вліяніемъ которыхъ является скука, весьма разнообразны; къ нимъ относятся: a) болѣзненное измѣненіе мозга, b) отсутствіе внѣшнихъ и внутреннихъ поводовъ энергической дѣятельности, c) прекращеніе привычной дѣятельности, d) постоянное повтореніе одного и того же, e) воспріятіе непонятнаго или мало знакомаго.

Оба описанныя волненія постоянно *чередуются* въ жизни человѣка, причемъ у человѣка трудящагося, занятаго, преобладаетъ первое, а скука возникаетъ по временамъ только въ зародышевой формѣ, не встрѣчая вовсе или рѣдко встрѣчая благопріятныя условія для своего развитія; въ жизни человѣка, не имѣющаго опредѣленныхъ занятій, не трудящагося, преобладающимъ всегда, въ концѣ концовъ, является волненіе скуки, и пріятное волненіе дѣятельности рѣдко или никогда не развивается со всею силою и опредѣленностію.—Оба эти волненія, очевидно, *играютъ* большую и *важную роль въ жизни человѣка* и направлены природою къ одной цѣли—поддержанію энергической дѣятельности, служащей источникомъ развитія и совершенствованія психическаго міра и личности человѣческой,—одно положительно, другое отрицательно. Именно, пріятное волненіе дѣятельности, являясь вмѣстѣ съ нею и возрастая до извѣстныхъ предѣловъ, въ крайнемъ случаѣ—до наступленія усталости, служитъ главнымъ, постоянно дѣйствующимъ въ теченіе всего процесса, стимуломъ и двигательною силою. При этомъ, другіе стимулы, первоначально вызывающіе дѣятельность

данную, наприм., ожидаемое благо какого либо рода, или устраненіе какой-нибудь непріятности, отступаютъ на задній планъ и вовсе не сознаются, такъ что начавшаяся дѣятельность сама себя поддерживаетъ и питаетъ при посредствѣ порождаемаго ею самою удовольствія. Если бы не было этого постояннаго, въ самой дѣятельности заключеннаго, стимула, другіе стимулы могли бы создать только неровную, перерываемую и всегда тяжелую дѣятельность, и множество самыхъ благотворныхъ дѣятельностей не могло бы вовсе возникнуть. Въ свою очередь, мучительное чувство скуки, вынуждая избѣгать себя, постоянно поддерживаетъ дѣятельность, какъ средство своего устраненія, и заставляетъ человѣка самый отдыхъ, необходимый послѣ напряженной дѣятельности, превращать тоже въ дѣятельность. Этимъ создается особый родъ дѣятельностей, извѣстныхъ подъ именемъ „развлеченій“, „игръ“, „забавъ“ и т. п., которыя, служа временною замѣною дѣйствительной дѣятельности, обыкновенно связываются съ различнаго рода удовольствіями, увеличивающими пріятность отдыха и развлеченія. Но здѣсь мы встрѣчаемся съ явленіемъ, которое въ различныхъ формахъ возникаетъ во всѣхъ сферахъ душевной жизни и вообще жизни человѣка, — именно: *средство* само *становится цѣлью*, и жизнь, вмѣсто того, чтобы состоять изъ нормальной смѣны серьезной напряженной дѣятельности и отдыха, въ связи съ другими удовольствіями, превращается, такъ сказать, въ напряженный отдыхъ, въ преслѣдованіе развлеченій и удовольствій. Съ тѣмъ вмѣстѣ скука рано или поздно, превращается въ хроническій недугъ, дѣлается преобладающимъ волненіемъ, около котораго группируются всѣ другія волненія и дѣйствія человѣка, — такъ какъ устраняется единственное дѣйствительное и радикальное средство ея уничтоженія—серьезная дѣятельность, и остается ея суррогатъ и подобіе. Имѣя значеніе въ связи съ дѣйствительною дѣятельностью, это подобіе ея само по себѣ, очевидно, не есть дѣятельность. Ближайшая причина такого аномальнаго, хотя и весьма часто встрѣчающагося явленія заключается въ томъ, что настоящая, *серьезная дѣятельность*

всегда соединена съ *побѣжденіемъ* нѣкоторыхъ *сопротивленій*, или препятствій, которыя встрѣчаются весьма часто въ самомъ началѣ дѣятельности, — словомъ, она становится тѣмъ, что называется „трудомъ“. А всякое сопротивленіе внѣшнее и препятствіе само по себѣ способно вызывать непріятное чувство и, за нѣкоторыми исключеніями, постоянно его вызываетъ. Къ этому присоединяется представленіе непріятнаго состоянія усталости, утомленія, новыхъ сопротивленій и т. п., и непріятность сопротивленія-препятствія еще до начала дѣйствія усиливается и возрастаетъ постепенно, пока не начнется побѣжденіе препятствія и съ тѣмъ вмѣстѣ не возникнетъ пріятное чувство, связанное органически съ энергическою дѣятельностью. Но самое-то начало бываетъ для многихъ особенно тяжело и непріятно, такъ какъ во многихъ случаяхъ соединено съ побѣжденіемъ внутренняго сопротивленія, лежащаго въ организмѣ и душѣ. Въ самомъ благопріятномъ случаѣ—здѣсь необходимъ переходъ отъ легкой и пріятной дѣятельности, еще не наскучившей, къ дѣятельности сравнительно очень напряженной, потому что крутой подъемъ энергіи находится въ числѣ условій и причинъ, всегда вызывающихъ непріятное волненіе большей или меньшей силы. Люди сильные и привыкшіе къ труду обыкновенно сразу производятъ этотъ подъемъ силы и побѣждаютъ внутреннюю инерцію, хотя это усиліе всегда болѣе или менѣе и для нихъ тяжело и непріятно. Люди болѣе слабые и непривычные, но вынужденные почему-нибудь трудиться, прибѣгаютъ въ этомъ случаѣ къ постепенному возбужденію внутренней энергіи пока она не поднимется до уровня напряженія, достаточнаго для побѣжденія сопротивленія, и такимъ образомъ незамѣтно переходятъ къ болѣе или менѣе напряженной дѣятельности. Нѣкоторые изъ этой послѣдней категоріи безъ самой крайней нужды не могутъ прибѣгнуть и къ такому пріему и предпочитаютъ бездѣйствіе, праздность, сопряженную даже со скукою,—непріятности усилія, стараясь наполнить свою жизнь дѣятельностями легкими и являющимися безъ усилія и сами собою. Эта боязнь передъ непріятностями побѣжденія сопротивленія внутренняго и внѣшняго, особенно

боязнь перваго усилія и напряженія для побѣжденія внутренней инерціи, обыкновенно называется „лѣнью“ и становится привычнымъ, преобладающимъ явленіемъ вслѣдствіе частаго повторенія, создаетъ извѣстный характеръ лѣнивaго человѣка, „лѣнтяя“. Лѣнивый, по самому существу дѣла, неизбѣжно становится жертвой скуки, которую старается постоянно ослабить разными легкими, даже нелѣпыми дѣйствіями, тщательно въ то же время избѣгая единственнаго средства ея устраненія—дѣйствительной дѣятельности, или труда. Мало-по-малу онъ, наконецъ, привыкаетъ къ этому состоянію, приспособляется, благодаря указанному нами закону образованія равновѣсія нервнаго и психическаго на очень низкомъ уровнѣ. Жизнь лишается, при этомъ, всякаго смысла и содержанія,—личность заживо почти умираетъ Эта лѣнь и привычка къ праздности можетъ образоваться даже и у очень сильнаго человѣка по природѣ, или, вообще, энергическаго и способнаго къ труду, что бываетъ, и очень, какъ извѣстно, часто, въ тѣхъ особенно случаяхъ, когда, благодаря условіямъ жизни, человѣку нѣтъ нужды трудиться и когда въ его распоряженіи множество пріятныхъ и легкихъ дѣятельностей. При этихъ условіяхъ, во всей широтѣ и обнаруживается указанное превращеніе средства въ цѣль, и начинается ежедневная *борьба со скукою*, не лишенная своего рода драматизма. Исчерпавши всѣ возможныя развлеченія, испытавши всякаго рода удовольствія, человѣкъ нерѣдко впадаетъ въ постоянное состояніе скуки, мучится и тоскуетъ, и чѣмъ онъ сильнѣе и энергичнѣе по природѣ, тѣмъ сильнѣе его мученія. Скука превращается въ „сплинъ,“ въ апатію ко всему, доводитъ до самоубійства. Но еще чаще при этомъ возникаетъ потребность какъ-нибудь искусственно, сильнымъ, необыкновеннымъ способомъ поднять жизненную энергію. Возникаетъ рядъ порывистыхъ, вызывающихъ сразу огромное количество освобожденія силы, дѣйствій, такъ называемыхъ „эксцессовъ“ во всѣхъ родахъ, чудачествъ, даже преступленій и, во всякомъ случаѣ, болѣе или менѣе порочныхъ фактовъ. Между прочимъ, однимъ изъ самыхъ распространенныхъ во всемъ человѣческомъ родѣ средствъ прогнать мученія

скуки, связанныя съ праздностью,—служитъ временное отравленіе наркотическими веществами (настой мухомора, гашишъ, или настой конопли, опіумъ, алкоголь въ разныхъ видахъ и нѣкоторыя другія наркотическія вещества). Всѣ эти вещества, дѣйствуя прямо на кровь и нервные центры, физически возбуждаютъ душу, увеличиваютъ энергію мысли, чувства, воли и тѣмъ самымъ быстро прогоняютъ скуку. Правда, отравленіе временное наркотическими веществами обусловливается многими обстоятельствами, отчасти наслѣдственностью, болѣзнями нервными; но въ огромномъ большинствѣ случаевъ источникомъ этой привычки является исключительно праздность и скука.

Не трудно видѣть, что въ намѣченныхъ нами явленіяхъ, группирующихся около волненій дѣятельности и скуки, какъ и въ самыхъ этихъ явленіяхъ, мы имѣемъ передъ собою предметъ великой жизненной важности и значенія, требующій самыхъ тщательныхъ изслѣдованій и распространенія ихъ результатовъ. Къ сожалѣнію, этихъ изслѣдованій доселѣ почти нѣтъ; въ системахъ Психологіи большею частію эти явленія обходятся и не затрогиваются.

Когда процессъ дѣятельности и связанное съ нимъ пріятное возбужденіе осложняется сознаніемъ побѣжденія сопротивленія или достиженія какой-либо цѣли, естественно, возникаетъ сознаніе легкости или трудности, съ какою побѣждается сопротивленіе или достигается цѣль. За этимъ само собою слѣдуетъ *измѣреніе* собственной *силы*, оцѣнки ея наличнаго количества. Легкость побѣжденія даннаго сопротивленія или достиженія цѣли, при этомъ, служитъ знакомъ присутствія большой силы, трудность—обнаруживаетъ малое ея количество. Этотъ довольно сложный процессъ служитъ основою и источникомъ новыхъ *волненій*,—*силы*, могущества—въ первомъ случаѣ—и слабости, *безсилія*—во второмъ, съ ихъ многочисленными видоизмѣненіями и формами. Начавшееся непосредственно измѣреніе силы даннымъ сопротивленіемъ—всегда осложняется сравненіемъ. При этомъ, человѣкъ—или сравниваетъ различные случаи своей собственной дѣятельности, въ виду

даннаго сопротивленія. и замѣчаетъ возрастаніе, увеличеніе или упадокъ силы: въ первомъ случаѣ—возникаетъ повышенное волненіе силы, въ послѣднемъ — безсилія или слабости; или же, въ виду даннаго сопротивленія и цѣли, собственная сила сравнивается съ количествомъ ея у другихъ, — и равенство съ людьми, обладающими въ данномъ отношеніи большею силою, а тѣмъ болѣе превосходство, служитъ новымъ мотивомъ возникновенія и увеличенія волненія силы; при условіяхъ обратныхъ — слабости. Волненіе силы одно изъ самыхъ пріятныхъ, имѣетъ распространеніе во всѣхъ сферахъ человѣческой жизни и весьма большое вліяніе, всюду возбуждая и повышая его дѣятельность и энергію, поддерживая стремленіе къ усовершенствованію и постоянному увеличенію своей силы; но служитъ основою многихъ и нелѣпыхъ явленій. Это пріятное возбужденіе играетъ такую-же роль въ процессѣ самоусовершенствованія во всѣхъ родахъ дѣятельности и, слѣдовательно, въ прогрессѣ человѣка, какую простая пріятность дѣятельности въ самомъ ея строѣ и развитіи, т. е. оно автоматически поддерживаетъ и направляетъ процессъ накопленія и обнаруженія большей и большей силы, дѣлая самый процессъ усовершенствованія въ высшей степени пріятнымъ. Волненіе, вызываемое сознаніемъ слабости, въ высшей степени не пріятно.

Волненіе силы имѣетъ множество различныхъ формъ, опредѣляемыхъ родами и видоизмѣненіями человѣческихъ дѣятельностей, такъ что всѣ случаи обнаруженія этого волненія и перечислить трудно, даже въ его чистомъ видѣ, не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, когда оно входитъ въ другія волненія. Главнѣйшія изъ этихъ формъ слѣдующія:

а) Волненіе силы, связанное съ обнаруженіемъ и измѣреніемъ силы *физической*, также сложности, разнообразія и быстроты движеній, составляющихъ то, что называется „ловкостью“. Волненіе это очень рано обнаруживается у человѣка и служитъ импульсомъ въ пріобрѣтеніи полезныхъ навыковъ движеній физическихъ разнаго рода. Оно обнаруживается въ играхъ дѣтей, особенно мальчиковъ—въ бросаньѣ предметовъ, бѣганьѣ, лазаньѣ, борьбѣ и дракахъ, которыя, хотя и сопровождаются непріятными, гнѣвными

возбужденіями, въ сущности, имѣютъ основу и цѣль—обнаруженіе и измѣреніе силы и ловкости физической и испытаніе пріятнаго волненія, отсюда проистекающаго. На этой ступени развитія, когда сила и ловкость физическія являются особенно цѣнными въ жизненной борьбѣ человѣка, создаются особыя общественныя учрежденія для измѣренія ихъ и испытанія, связаннаго съ этимъ удовольствія, — въ-родѣ Олимпійскихъ игръ, въ первое время ихъ существованія у грековъ, военныхъ игръ у дикарей, кулачныхъ боевъ, турнировъ средневѣковыхъ и т. п. Подобнаго рода учрежденія существуютъ и нынѣ въ обществахъ, гдѣ цѣнится физическое развитіе, какъ спутникъ здоровья и нравственной силы: таковы знаменитыя состязанія въ гонкѣ и играхъ между студентами Оксфордскаго и Кембриджскаго университетовъ, гимнастическія общества и т. п. Сознаніе и измѣреніе физической силы имѣетъ также значеніе въ международныхъ отношеніяхъ и входитъ, какъ составной элементъ, въ патріотическія волненія народной гордости, особенно когда нѣтъ другихъ мотивовъ для пріятныхъ волненій силы въ связи съ представленіемъ родины.

b) Волненіе силы, связанное съ обнаруженіемъ *умственной* силы, начиная съ самыхъ низшихъ формъ ея и кончая высшими (мудростію, проницательностью). Къ низшимъ относятся: хитрость, желаніе обмануть,—служащія для многихъ людей источникомъ величайшаго удовольствія. Это удовольствіе служитъ главною основою и поддерживающею силою такихъ явленій, какъ—интригантство, стремленіе и потребность подвести, унизить, или, наоборотъ, возвысить кого-нибудь разнаго рода тайными и ловкими дѣйствіями, косвенно и т. под., — потребность осмѣять, поставить другого въ глупое и нелѣпое положеніе; шулерство и мошенничество, хотя оно соединяется съ громаднымъ рискомъ и непріятностями; склонность къ воровству, доходящая до страсти и болѣзни. Сознаніе этого рода силы, какъ и сознаніе силы физической, также составляетъ главный предметъ національной гордости и источникъ общаго патріотическаго удовольствія у нѣкоторыхъ націй, слабыхъ физически и подавленныхъ, — у грековъ современ-

ныхъ, армянъ, цыганъ, особенно—евреевъ. Измѣреніе и сравненіе умственной силы, вообще, происходитъ постоянно во всѣхъ сферахъ жизни общественной и частной, и признаніе въ себѣ большой умственной силы, дѣйствительной или воображаемой, является источникомъ высочайшаго удовольствія, что особенно очевидно изъ того, что многіе люди легко прощаютъ сомнѣніе въ ихъ честности, добротѣ, состоятельности матеріальной и физической, но не могутъ выносить сомнѣнія въ ихъ умѣ,—также изъ того, что лесть, въ концѣ концовъ, главнымъ образомъ состоитъ всегда въ прямомъ или косвенномъ признаніи большихъ умственныхъ силъ въ человѣкѣ. Едва ли нужно указывать, какое огромное количество большихъ и малыхъ драмъ и комедій въ жизни проистекаетъ изъ погони за удовольствіемъ сознанія въ себѣ большой или, вообще, значительной силы умственной.

c) Третью группу составляютъ волненія, связанныя съ обнаруженіемъ *силы воли*. Волненіе это составляетъ одинъ изъ сильныхъ мотивовъ въ воспитаніи и развитіи власти надъ собою, въ подавленіи дурныхъ навыковъ и воспитаніи хорошихъ и т. п. Но всякое упорство въ очевидно нелѣпыхъ мнѣніяхъ, поступкахъ, дѣйствіяхъ—преимущественно поддерживается удовольствіемъ обнаруживаемой здѣсь силы; тоже нужно сказать о непослушаніи, стремленіи поставить на своемъ и т. п. Пріятность сознанія силы воли и характера заставляетъ людей подвергаться умышленно боли, съ цѣлію показазать свою способность терпѣть ее безъ всякихъ наружныхъ признаковъ. Она же поддерживаетъ главнымъ образомъ всѣ обнаруженія власти человѣка надъ собою и служитъ иногда преимущественною основою такого крупнаго явленія, какъ аскетизмъ. Никакія, самыя важныя и возвышенныя цѣли не могли бы поддержать въ ежеминутномъ испытаніи страданій и лишеніи всякаго рода, которымъ подвергаетъ себя иной аскетъ, еслибы въ самомъ процессѣ борьбы съ собою и обнаруженіи могущества не давалось напряженнаго и очень сильнаго удовольствія.

d) Волненіе, вызываемое присутствіемъ *таланта* какого-либо, т. е. повышеннаго совершенства какой-либо дѣятельности, встрѣ-

чающагося у большинства людей въ слабой формѣ или вовсе невстрѣчающейся. Удовольствіе силы, данное въ самомъ фактѣ обладанія такою выдающеюся способностью, повышается еще оттого, что здѣсь большею частію является большая или меньшая власть надъ другими, зависимость многихъ отъ одного. Удовольствіе поэта, помимо сознанія силы, даннаго въ самомъ процессѣ творчества, въ развитіи дѣятельности, недоступной другимъ,—повышается отъ представленія того, что тысячи людей чрезъ эту дѣятельность испытаютъ наслажденіе и будутъ испытывать; то же самое волненіе присуще оратору, художнику, механику, ученому, дѣлающему открытія, человѣку, обладающему обширными познаніями и передающему ихъ другимъ и т. п. Особый видъ этого рода волненія силы, проистекающій изъ обладанія очевидно чѣмъ-либо большимъ, чѣмъ другіе, и изъ происходящаго отсюда вліянія на другихъ людей, составляетъ сильное волненіе, связанное съ обладаніемъ богатствомъ, т. е. большимъ сравнительно съ другими количествомъ цѣнностей. При существующемъ общественномъ строѣ, это обладаніе даетъ человѣку громадную силу, и чѣмъ больше количество цѣнностей, тѣмъ обширнѣе и напряженнѣе эта сила и тѣмъ сильнѣе и напряженнѣе и пріятнѣе самое волненіе.

е) Наконецъ, весьма выдающуюся группу составляетъ волненіе силы, связанное съ *общественнымъ положеніемъ* человѣка, дающимъ ему болѣе или менѣе обширную власть надъ другими, возможность подчинить ихъ волю, опредѣлять дѣйствія, благополучіе и страданіе и т. п. Какъ и богатство, эта сила большею частію—внѣшняя, не вытекающая изъ внутреннихъ свойствъ человѣка; но тѣмъ не менѣе сознаніе ея присутствія и ея обнаруженіе доставляетъ удовольствіе—и иногда тѣмъ болѣе напряженное, чѣмъ случайнѣе и менѣе соотвѣтствуетъ внутреннимъ достоинствамъ сила власти. Напряженность чувства опредѣляется по обширности власти и имѣетъ множество степеней. Но едва ли есть человѣкъ, который бы не искалъ и не испытывалъ этого удовольствія. Если человѣкъ въ общественной жизни не можетъ добыть себѣ способъ удовлетворить стремленіе къ власти или къ удоволь-

ствію ея, онъ ищетъ ихъ въ семьѣ,—въ крайнемъ случаѣ—въ распоряженіи дѣтьми; при отсутствіи и этой возможности, онъ находитъ наслажденіе въ командѣ надъ животными и т. п. Подъ вліяніемъ напряженнаго удовольствія власти и стремленія къ нему, жизнь человѣческихъ обществъ сама собою всегда получаетъ какъ бы видъ пирамиды, въ которой давленіе возрастаетъ отъ вершины къ основанію. Такой строй создаетъ своего рода систему и порядокъ, который признается разумнымъ и естественнымъ, потому что является результатомъ свойствъ человѣческой природы. Отнимите удовольствіе силы власти—и эта пирамида рухнетъ сама собою, и общество должно будетъ строить ее на другихъ началахъ.

Не трудно видѣть, что главнымъ источникомъ волненія силы служитъ *измѣреніе* ея. Измѣреніе идетъ въ двухъ направленіяхъ,—путемъ сравненія съ меньшимъ и съ большимъ. Въ первомъ случаѣ является сознаніе силы, во второмъ слабости относительной или безсилія. Въ виду этого, всякая степень силы и наслажденіе ею можетъ осложняться чувствомъ непріятнымъ—безсилія, и, пока есть большая сила, съ которою можетъ мѣрять человѣкъ свою собственную,—является неудовольствіе и вызываетъ попытки избѣжать его. Отсюда ненасытность стремленія къ силѣ въ формѣ—знанія, богатства, особенно власти. Когда человѣкъ достигаетъ такого могущества, что становится выше всего окружающаго,—и тогда можетъ не быть у него покоя, потому-что у человѣка есть творческая фантазія: и не имѣя ничего бо́льшаго передъ собою, онъ можетъ вообразить его, и опять удовольствіе будетъ отравлено.

Къ группѣ волненій, связанныхъ съ дѣятельностью, относится *волненіе свободы* и *стѣсненія*, или *неволи*. Всякій разъ, какъ какая нибудь дѣятельность, или проявленіе силы, встрѣчаетъ внѣшнее, болѣе или менѣе сильное препятствіе, возникаетъ довольно сильное волненіе, съ характеромъ непріятности, называемое *чувствомъ стѣсненія*, или *неволи*. Оно достигаетъ полнаго своего развитія большею частію въ тѣхъ случаяхъ, когда налагается препят-

ствіе всѣмъ главнымъ видамъ дѣятельности физической и духовной; но также можетъ быть весьма напряженнымъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда налагается внѣшнее препятствіе одному какому-либо роду дѣятельности, напр., развитію и обнаруженію мышленія, чувства, общественной дѣятельности и т. п. Источникомъ и причиною неудовольствія здѣсь, очевидно, служитъ скопленіе силы, не имѣющей выхода. Специфическій характеръ дается сознаніемъ непобѣдимости препятствія, и также представленіемъ противоположнымъ, т е., дѣятельности, не встрѣчающей преграды. Сознаніе безпрепятственнаго развитія дѣятельности всѣхъ родовъ или какой-либо отдѣльной ея формы сопровождается пріятнымъ *чувствомъ свободы*. Пріятность или удовольствіе имѣетъ здѣсь своею основою нормальную трату силы, нормальную дѣятельность—во всѣхъ направленіяхъ или въ какомъ-нибудь одномъ. Это волненіе, подобно волненію дѣятельности, какъ состояніе нормальное, сознается очень слабо само по себѣ. Оно обнаруживается со всею силою, когда является за прекращеніемъ стѣсненія, или *неволи*, также путемъ сравненія состоянія, въ томъ или другомъ направленіи ставшаго правильнымъ, съ неволею другихъ людей; а состояніе неволи тоже вызываетъ особенно сильное волненіе, вслѣдъ за прекращеніемъ свободной дѣятельности, также подъ вліяніемъ сравненія этого состоянія съ свободою другихъ людей, даже животныхъ и стихій Оба волненія, такимъ образомъ, *взаимно обусловливаютъ* и видоизмѣняютъ другъ друга въ степеняхъ силы, какъ волненіе силы и безсилія Волненіе свободы до такой степени пріятное возбужденіе, а волненіе неволи—мучительное, что стремленіе къ первому и избѣжаніе второго становится нерѣдко сильнѣйшею страстію, которая опредѣляетъ всю дѣятельность человѣка и, во всякомъ случаѣ, даетъ начало множеству выдающихся явленій въ жизни человѣка—семейной, общественной, политической, вызывая разныя формы борьбы съ ограниченіемъ свободы—отъ простого побѣга, удаленія отъ стѣсняющей силы, до политическихъ и соціальныхъ революцій включительно. Особенное видоизмѣненіе чувства неволи возникаетъ, съ высшею степенью

непріятности, когда не только полагается препятствіе данной дѣятельности, но возникаетъ принужденіе совершить другую, прямо ей противоположную. Съ другой стороны, особенное видоизмѣненіе чувства свободы, отличающееся высшей пріятностью и доступное человѣку подневольному, есть присущее человѣку по природѣ сознаніе внутренней независимости, недоступности никакому внѣшнему препятствію или стѣсненію чисто душевныхъ дѣятельностей: мысли, чувства, желанія и идеальнаго дѣйствія. Осложняясь пріятнымъ волненіемъ силы внутренняго могущества, волненіе это можетъ достигать высшаго напряженія и удовольствія среди всѣхъ стѣсненій и называется *чувствомъ нравственной свободы*. Отсюда, въ тѣхъ случаяхъ, когда является посягательство и на этого рода свободу, послѣднее ея убѣжище, возникаетъ самая сильная реакція и борьба со стороны личности. Въ такихъ обстоятельствахъ высшая напряженность и пріятность чувства свободы внутренней даетъ человѣку опору и силу выносить всѣ страданія, чтобы сохранить это чувство, и создаетъ великое явленіе—мученичества за свои убѣжденія.

в) Волненія интеллектуальныя.

Волненіе, связанное съ сознаніемъ сходства; видоизмѣненія его—волненія истины и правды. Волненіе—несходства, разницъ; волненія новости, странности и удивленія. Волненіе „смѣшного“; связь его съ волненіями разницъ и удивленія. Условія возникновенія этого волненія; виды искаженія идеала. Составъ волненія „смѣшного“. Отличительный характеръ смѣха, какъ выраженія чувства „смѣшного“; родство его со смѣхомъ при щекотаніи.

За волненіями, связанными съ дѣятельностью вообще, слѣдуютъ, какъ очень близкія имъ по природѣ, *волненія*, сопровождающія разныя видоизмѣненія внутренней дѣятельности мысли, волненія интеллекта, или—*интеллектуальныя*. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ нужно поставить главное и основное для этой группы — *волненіе*, связанное съ сознаніемъ *сходства* и *несходства*, лежащимъ въ основѣ умственной дѣятельности.

Являясь въ первый разъ, сходство всегда вызываетъ довольно сильное пріятное возбужденіе. Пріятность здѣсь обусловливается легкостью и гармоничностью внутренней дѣятельности, быстро при этихъ условіяхъ организующейся въ опредѣленную форму. Специфическій характеръ дается *волненію* сознаніемъ, именно, *сходства*. Отсюда удовольствіе при встрѣчѣ съ оригиналомъ портрета, удовольствіе ребенка, производящаго первыя обобщенія и отождествленія; удовольствіе сознанія, особенно открытія единообразія и порядка въ какомъ-нибудь явленіи, т. е. отождествленія множества различныхъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ случаевъ даннаго явленія; особенно сильное удовольствіе — отождествленія кажущагося разнороднымъ и несовмѣстимымъ и т. п. Отсюда также—удовольствіе при сознаніи сходства мыслей, чувствъ и т. п.

другихъ людей съ нашими, удовольствіе подтвержденія нашихъ взглядовъ фактами. Особое видоизмѣненіе волненія сходства есть *волненіе истины*, потому что истина есть сознаніе согласія нашихъ мыслей съ дѣйствительностію. Удовольствіе это, осложняющееся чувствами силы, лежитъ въ основѣ того, что называется „любовью къ истинѣ“ и даетъ иногда начало страстнымъ возбужденіямъ, страстному стремленію къ истинѣ, исканію ея, которымъ опредѣляется вся жизнь и дѣятельность человѣка. Сила удовольствія *правды* очевидно имѣетъ ту же основу, потому что правда есть согласіе или полное сходство человѣческихъ мыслей съ ихъ выраженіями въ словѣ и дѣйствіи.

Чувство, соединенное съ сознаніемъ *разницъ*, само по себѣ—пріятное, въ силу того, что здѣсь, особенно при небольшихъ разницахъ, осуществляется легкій переходъ къ новой дѣятельности. При большихъ разницахъ возникаетъ энергическая дѣятельность, направленная къ отысканію сходства съ чѣмъ нибудь уже извѣстнымъ. Отсюда, смѣна сходства и различія и гармоническое ихъ сочетаніе, производя такъ называемое „единство въ разнообразіи“ и ровную, легкую—гармоническую дѣятельность, особенно пріятно и служитъ основою красоты. Но слишкомъ рѣзкое различіе, особенно же несовмѣстимость, извѣстная подъ именемъ „противорѣчія“, всегда не пріятно, потому что производитъ внутреннюю коллизію состояній, невозможность ихъ организаціи въ одно цѣлое и—особенно—невозможность дальнѣйшаго продолженія внутренней дѣятельности въ данномъ направленіи. Отсюда—мучительность всякаго противорѣчія, страхъ передъ слишкомъ новымъ и непривычнымъ въ воспріятіи и дѣйствіи, непріятность встрѣчи съ фактами, противорѣчащими нашимъ убѣжденіямъ, установившимся взглядамъ и тому подобныя волненія, которыми обусловливается упорство въ извѣстныхъ привычкахъ, мнѣніяхъ, господство предразсудковъ, обычаевъ, модъ и т. д. Непріятность ошибки, заблужденія имѣетъ въ своей основѣ то же самое волненіе, осложняемое обыкновенно чувствомъ слабости, безсилія, неудачи. Волненіе непріятное, вызываемое всякаго рода ложью, имѣетъ то же самое основаніе. — Если чувство сходства

само по себѣ пріятно и даетъ начало многимъ удовольствіямъ, то постоянное воспріятіе и сознаніе одного и того же, въ силу наступающаго утомленія и паденія умственной энергіи, -- сопровождается непріятностью, переходящею въ скуку. При такихъ условіяхъ, возникновеніе всякаго рода дѣятельности, не стоящей въ прямомъ противорѣчіи съ привычнымъ, но разнящейся отъ него, вызываетъ удовольствіе, извѣстное подъ именемъ *волненія новости и новаго*. Главнымъ условіемъ явленія этого удовольствія служитъ предшествовавшее неудовольствіе, однообразіе, монотонность, или такъ назыв. „рутина", въ связи съ возникающею изъ нея скукою. Пріятность волненія новости, осложняемаго обыкновенно другими, создаетъ очень много явленій въ жизни, оправдывая старую поговорку: natura hominum novitatis avida est. При отсутствіи дѣятельности опредѣленной и скукѣ, воспріятіе новаго является однимъ изъ лучшихъ развлеченій и порождаетъ любовь къ путешествіямъ, способствуетъ распространенію слуховъ, сплетенъ, поддерживаетъ—въ настоящее время—газетное дѣло и пр. При слишкомъ большой разницѣ съ привычнымъ, *чувство новаго* осложняется симпатически чувствомъ силы, чувствомъ тайны, также сознаніемъ напряженной внутренней дѣятельности, возникающей съ цѣлью понять, постигнуть предметъ. Далѣе, оно осложняется непріятностью, проистекающею изъ противорѣчія и невозможности включить новый предметъ въ какую-нибудь группу извѣстнаго. Отсюда возникаетъ *чувство странности и удивленія*. Смѣсь удовольствія и неудовольствія—оно нравится особенно тѣмъ, что сильно волнуетъ душу и даетъ много матеріала для внутренней работы. Волненіе это эксплоатируется, какъ извѣстно, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ (фокусники, акробаты, наѣздники). Показываніе разныхъ уродовъ-карликовъ, великановъ, сросшихся близнецовъ, животныхъ съ двумя головами и т. п. расчитано бываетъ на это волненіе. Оно же заставляетъ человѣка, особенно на низшихъ ступеняхъ развитія, создавать чудовищные образы, волшебныя превращенія, сочетанія несообразностей и т. п. Въ людяхъ развитыхъ оно выражается въ стремленіи сосредоточивать свое вни-

маніе на явленіяхъ, лежащихъ внѣ предѣловъ наличнаго знанія,—на основахъ всего сущаго, на общемъ ходѣ міровой жизни, явленіи возникновенія жизни и смерти и т. п.,—и служитъ поддержкою и отчасти движущею силою философіи; потому, весьма справедливо еще Платонъ назвалъ удивленіе началомъ философіи.

Къ удовольствіямъ, связаннымъ съ интеллектуальнымъ состояніемъ воспріятія и представленія разницъ между предметами и явленіями, при условіи существованія какого либо сходства между ними, относится, по своему составу и условіямъ происхожденія, въ связи съ особаго рода рефлексомъ,—весьма распространенное и имѣющее чрезвычайно большое значеніе въ жизни человѣка,—*волненіе „смѣшного“*. Особенно близко оно къ волненіямъ „удивленія“ и „страннаго“, которыя весьма часто входятъ въ его составъ и содержаніе, а послѣднее даже прямо въ него переходитъ, такъ какъ странности, когда при ихъ воспріятіи отсутствуетъ или очень слабо сознаніе нарушенія ими законовъ и обычаевъ, возбуждаетъ смѣхъ. Удивленіе, какъ мы видѣли, возникаетъ всегда при воспріятіи, также простомъ описаніи и представленіи предметовъ, явленій и дѣйствій, слишкомъ уклоняющихся отъ обычной нормы, средней формы того же рода предметовъ, явленій и дѣйствій,—уклоняющихся въ сторону увеличенія, повышенія въ объемѣ и силѣ или уменьшенія и ослабленія. Волненіе „страннаго“ производится воспріятіемъ уклоненія отъ обычной формы, внушающаго мысль о нарушеніи этимъ уклоненіемъ законовъ природы или законовъ приличія, обычая, привычки общей и т. п.

Въ основѣ чувства „смѣшного“ и волненія смѣха лежитъ всегда сравненіе, обыкновенно, весьма быстро и безсознательно производимое, идеала, нормы естественной или привычной какого либо предмета, явленія или дѣйствія—съ его искаженіемъ и извращеніемъ въ дѣйствительности. Такимъ образомъ, „чувство смѣха“ возбуждается воспріятіемъ или представленіемъ, вообще, сознаніемъ разницы между нѣкоторою установившеюся идеальною формою

предмета, явленія или дѣйствія и искаженною, несоотвѣтствующею идеалу, несообразною съ нимъ, формою его бытія—въ дѣйствительности или въ нашемъ воображеніи. При этомъ, абсолютно необходимо одно отрицательное условіе,—именно,—отсутствіе въ искаженномъ предметѣ или дѣйствіи всего, что прямо можетъ возбудить сильную непріятность или страданіе: т. е., искаженіе, несообразность, несоотвѣтствіе не должны быть вредными, связаны съ страданіемъ и несчастіемъ кого бы то ни было. Отсутствіе въ искаженномъ предметѣ возбудителей сильнаго непріятнаго волненія можетъ замѣняться простымъ непониманіемъ зла и страданія, производимаго искаженіемъ, также неспособностью, напр., сочувствовать страданію другихъ существъ, присутствіемъ другого сильнаго волненія, нейтрализирующаго страданіе, въ-родѣ гнѣва. При этихъ послѣднихъ условіяхъ, весьма часто возбуждается чувство смѣха у дѣтей, неразвитыхъ людей, у людей злыхъ или гнѣвающихся на страдающее отъ искаженія существо.

Видовъ искаженія идеала—въ дѣйствительности или воображеніи—очень большое количество. Главнѣйшіе изъ нихъ: a) непропорціональность частей фигуры смѣшного предмета, ихъ искусственная перестановка, измѣненіе отношенія и значенія ихъ (напр., огромный носъ на маленькомъ лицѣ; наоборотъ, маленькій носъ на лицѣ громадномъ; слишкомъ большой или маленькій ротъ, глаза, уши, руки; маленькій домъ и громадное крыльцо и т. п.)—въ дѣйствительности или въ искусственномъ изображеніи; сюда же относится непропорціональность своего рода въ духовномъ образѣ и характерѣ человѣка,—напр.,—слабость воли, неопытность въ житейскихъ дѣлахъ, разсѣянность и пр. при большомъ теоретическомъ умѣ, крайняя ограниченность средствъ при широкихъ замыслахъ, стремленіяхъ и запросахъ и т. п.; b) присутствіе въ предметѣ свойствъ, дѣйствій, принадлежностей чуждыхъ ему по природѣ или по положенію (напр., тоненькій голосокъ у мужчины громаднаго роста, басъ у женщины; крайняя чувствительность и слезливость, любовь къ нарядамъ, украшеніямъ въ мужчинѣ—и мужскія замашки и свойства у женщи-

ны; молодящійся старикъ—и юноша съ свойствами и дѣйствіями, приличными старцу; уродъ, воображающій себя красавцемъ, глупецъ—геніемъ; ребенокъ, подражающій взрослымъ—и взрослый человѣкъ, поступающій какъ ребенокъ); c) присутствіе и представленіе въ предметѣ и дѣйствіи принадлежностей, свойствъ невозможныхъ, что бываетъ, конечно, въ искусственныхъ произведеніяхъ-изображеніяхъ,—вообще,—сочетаніе въ одно цѣлое несовмѣстимаго и несовмѣщаемаго съ дѣйствительными (бульдогъ, играющій въ карты, съ сигарою въ зубахъ; пуля, догоняющая зайца по кривой линіи и пр. такъ называемыя „не любо—не слушай"); сюда относятся такъ называемые каламбуры въ разныхъ формахъ—вопросовъ и отвѣтовъ, сочетаній чуждыхъ понятій въ одномъ словѣ и разныхъ словъ въ одномъ понятіи; всѣ почти остроты, остроумные отвѣты, объясненія и т. п.); d) несоотвѣтствіе предмета его положенію—очень высокому или очень низкому; e) несоотвѣтствіе дѣйствія цѣли—употребленіе большой силы для побѣжденія ничтожнаго сопротивленія, и наоборотъ и т. п.

Во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ главнымъ условіемъ и причиною возникновенія чувства „смѣшного" и „смѣха комическаго" всюду является воспріятіе несообразности какого-либо предмета, явленія, отношенія и пр., т. е. несоотвѣтствія установившимся нормамъ, ассоціаціямъ идей, обычаямъ, нравственнымъ требованіямъ, логическимъ законамъ и т. п. Такимъ образомъ, въ основѣ этого волненія лежитъ *неудовольствіе дисгармоніи*, разлада, противорѣчія. Но это неудовольствіе, не успѣвъ развиться и опредѣлиться, немедленно здѣсь *уравновѣшивается* равносильнымъ ему *удовольствіемъ*, которое производится присутствіемъ въ несообразномъ и дисгармоничномъ *своего рода* сообразности и *гармоніи*, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ возникаетъ еще изъ другихъ, побочныхъ источниковъ, чаще—изъ самодовольства и чувства собственнаго превосходства. При этомъ, образъ какъ бы *колеблется* въ сознаніи,—то разъединяясь, то опять на моментъ соединяясь въ одно цѣлое. Въ этомъ то колебаніи, обусловливаемомъ, съ одной стороны, невозможностью сочетанія двухъ состояній противополож-

ныхъ и противорѣчащихъ, съ другой — ихъ стремленіемъ слиться и сочетаться, въ силу нѣкотораго родства и сходства,—въ этомъ *колебаніи*, по всей вѣроятности, и состоитъ волненіе „смѣшного", тотъ *внутренній смѣхъ*, который переходитъ въ смѣхъ внѣшній, физіологическій, и имѣетъ сходство по сущности своей со смѣхомъ, который возникаетъ подъ вліяніемъ щекотанія и рѣзко отличается отъ смѣха радости, удовольствія, хотя и здѣсь удовольствіе играетъ нѣкоторую роль. *Щекотаніе*, какъ извѣстно, состоитъ изъ ряда быстро слѣдующихъ другъ за другомъ и повторяющихся много разъ легкихъ возбужденій кожи. При этомъ получается особаго рода ощущеніе, пріятное и непріятное въ одно и то же время,— которымъ и вызывается неудержимо смѣхъ. Этотъ рефлексъ есть не что иное, какъ рядъ короткихъ выдыханій, соединенныхъ большею частію съ сильнымъ характернымъ звукомъ, который нерѣдко переходитъ въ стоны, въ истерическія рыданія и т. п., обнаруживая, такимъ образомъ, свое родство съ послѣдними, по условіямъ своего происхожденія. Почему за щекотаніемъ слѣдуетъ прежде всего смѣхъ — объяснить трудно: по всей вѣроятности, потому, что щекотаніе заключаетъ въ себѣ элементъ пріятности, будучи, въ сущности, страданіемъ. Разъ явившись, смѣхъ производитъ прямо облегченіе и удовольствіе, а въ силу этого, поддерживается организмомъ или, какъ говорится, поддерживаетъ самъ себя. Душевное состояніе, извѣстное подъ именемъ чувства „смѣшного", или „комическаго",—и простымъ, здравымъ смысломъ и большинствомъ изслѣдователей, начиная съ Канта,—сравнивается, по своему характеру, именно, съ ощущеніемъ, являющимся подъ вліяніемъ щекотанія,—какъ соединеніе въ одномъ актѣ сознанія неудовольствія и удовольствія. По наблюденію физіологовъ, физіологическое состояніе, во всякомъ случаѣ, одинаково, какъ подъ вліяніемъ щекотанія, такъ и чувства „смѣшного",—т. е. сводится къ раздраженію спеціальной системы и съуженію артеріальныхъ сосудовъ: по крайней мѣрѣ, расширеніе зрачковъ, какъ признакъ этихъ явленій, констатировано во многихъ случаяхъ возбужденія чувства „смѣшного".

Чувство „смѣшного“ служитъ въ жизни источникомъ легкаго удовольствія; но оно является также могучимъ средствомъ совершенствованія человѣка, его возвышенія, и—съ этой своей стороны—входитъ въ составъ эстетическаго волненія, гдѣ съ этой точки зрѣнія оно обыкновенно и разсматривается. Тамъ оно имѣетъ иной характеръ и называется — въ разныхъ формахъ — другими именами.

г) Аффекты.

Специфическій характеръ волненій-аффектовъ; порядокъ изслѣдованія ихъ.

Волненія, называемыя *аффектами*, образуютъ особую группу, отличающуюся отъ разсмотрѣнныхъ специфическимъ характеромъ, стоящимъ внѣ прямой зависимости отъ условій возникновенія удовольствія и страданія, также—волненій, связанныхъ съ дѣятельностью. Они представляютъ собою особаго рода возбужденія, возникающія преимущественно изъ отношеній человѣка къ внѣшнимъ предметамъ, при помощи какъ ощущеній и воспріятій, такъ и высшихъ духовныхъ дѣятельностей. Волненія эти суть: *радость* и *горе*, *страхъ* и *гнѣвъ*, *любовь* и *отвращеніе*. Не имѣя никакой внутренней связи между собою, они не могутъ быть расположены въ какой-нибудь правильный рядъ; обыкновенно ихъ располагаютъ въ представленномъ порядкѣ. Но мы находимъ болѣе удобнымъ, по нѣкоторымъ соображеніямъ, порядокъ обратный и начнемъ съ описанія *любви* и противоположности ея.

а) Любовь.

Волненіе любви и виды его: альтруизмъ и эгоизмъ и ихъ видоизмѣненія.—Нѣжность, какъ основа волненія любви. Условія происхожденія волненія нѣжности. Характеръ нѣжнаго волненія и воплощеніе его. Свойства волненія нѣжности. Равнодушіе и отвращеніе.—Любовь лица одного пола къ лицу другого пола (половая); любовь материнская.—Эгоистическая любовь; необходимость внимательнаго изслѣдованія этого вида любви. Эгоизмъ въ обширномъ смыслѣ и—въ тѣсномъ, или себялюбіе. Отличительныя черты себялюбія; зависть и сходство ея съ ревностью.—Законъ самосохраненія, какъ основа группы эгоистическихъ волненій; ослабленіе дѣйствія его въ процессѣ высшаго развитія человѣка. Любовь человѣка къ самому себѣ въ идеальномъ смыслѣ—благотворнаго начала истинно-человѣческаго развитія. Формы уклоненія отъ чистаго вида этой любви.

То, что называется *любовью*, въ жизни человѣка представляетъ собою довольно сложную и разнообразную совокупность явленій, цѣлую обширную группу ихъ, которая слагается изъ различныхъ формъ или видовъ любви. Эти формы или *виды любви* допускаютъ довольно точную и правильную классификацію. Прежде всего, онѣ, по спеціальнымъ условіямъ своего происхожденія, распредѣляются на два класса, заключающіе въ себѣ элементы противоположности и взаимнаго исключенія, по крайней мѣрѣ, антагонизма. Первая возникаетъ изъ особаго рода отношеній человѣка къ внѣшнимъ предметамъ, преимущественно къ живымъ существамъ, между ними—особенно къ людямъ. Это любовь такъ называемая альтруистическая, или *альтруизмъ*. Въ свою очередь,

по самому существу дѣла, этотъ классъ представляетъ нѣсколько видоизмѣненій. Явленія любви альтруистической раздѣляются на двѣ тоже группы: семейную и внѣ-семейную. Семейная группа обнимаетъ явленія супружеской любви, любовь родителей къ дѣтямъ, и наоборотъ, любовь родственную. Внѣ-семейная обнимаетъ явленія дружбы, благодарности и расположенія вообще, любовь къ предметамъ неодушевленнымъ: къ собственности, къ родинѣ, къ природѣ, къ предметамъ отвлеченнымъ, напр., къ человѣку, какъ человѣку, или человѣчеству.—Вторая группа возникаетъ изъ особаго рода отношеній человѣка къ самому себѣ, или своей собственной личности, какъ реальному предмету, и называется эгоистическою любовью, или *эгоизмомъ*. Ее составляютъ волненія въ-родѣ слѣдующихъ: самолюбіе или самовлюбленность, гордость и самомнѣніе, суетность и нѣкот. др., съ противоположными имъ, изъ которыхъ особенно выдѣляется такъ называемое смиреніе.

При всемъ различіи, по самымъ условіямъ своего происхожденія, всѣ эти волненія—одной природы и одного состава, въ сущности, и имѣютъ въ своей основѣ одно, всѣмъ имъ общее и основное, волненіе, которое Бэнъ назвалъ *нѣжностью* и которое есть не что иное, какъ „любовь“, такъ сказать, „въ ея сущности“.—На характеристикѣ и анализѣ этого основного волненія мы и остановимся главнымъ образомъ.

Основное волненіе любви, какъ и всѣ другія волненія этой группы, можетъ являться, какъ результатъ особаго органическаго расположенія, превратиться даже въ постоянное состояніе, или, по крайней мѣрѣ, господствующее, стать болѣзненнымъ. Сущность этого расположенія не извѣстна.

Наблюдая состояніе, при которомъ является описываемое волненіе, мы видимъ, что оно всегда связано съ *ослабленіемъ жизненной энергіи*, не доходящей, впрочемъ, до полнаго упадка или болѣзненнаго разстройства. Состояніе это обыкновенно сопровождается особаго рода удовольствіемъ, близкимъ къ удовольствію покоя. Въ свою очередь, всѣ удовольствія подобнаго рода

приводятъ организмъ въ такое состояніе. Такое удовольствіе и даетъ начало нѣжному расположенію, „нѣжности“, которая въ присутствіи объекта развивается въ опредѣленное своеобразное чувство.

Описанное состояніе организма и удовольствія, съ нимъ связаннаго, наступаетъ, наприм., послѣ насыщенія, когда жизненная энергія сосредоточивается на пищеваренія, кроветвореніи и т. п. и пропорціонально ослабляется во всѣхъ другихъ функціяхъ и частяхъ организма. Такое же дѣйствіе имѣетъ отдыхъ послѣ труда, вообще слабое утомленіе, пріятная теплота, слабость послѣ болѣзни, конечно, при отсутствіи и прекращеніи болѣзненныхъ ощущеній, по крайней мѣрѣ, острыхъ; подобное же ослабленіе послѣ несчастія, бѣдствія, вообще, душевнаго страданія, когда проходитъ его острый періодъ; послѣ сильной радости, опять, когда прекращается ея первоначальное напряженіе; наконецъ, послѣ всякаго сильнаго волненія—страха, гнѣва, эстетическаго волненія.

Всѣ эти *возбудители* нѣжнаго чувства—*внутренніе*, имѣющіе своимъ источникомъ процессы въ организмѣ и душѣ. Къ *внѣшнимъ возбудителямъ* принадлежатъ такія дѣйствія внѣшнихъ предметовъ на органы чувствъ, которыя способны понизить жизнедѣятельность организма, въ извѣстномъ отношеніи разслабить его,—таковы: полумракъ или слабый, нѣжный свѣтъ (какъ напр., лунный); ровный, постоянный блескъ, напр., поверхности озера, рѣки, особенно блескъ глазъ, какъ думаетъ Бэнъ; такъ называемые нѣжные цвѣта—отдѣльно и въ сочетаніяхъ,—нѣжные, ровнодрожащіе и замирающіе звуки—въ природѣ, въ музыкѣ и особенно голосѣ человѣка и даже животныхъ; соприкосновеніе съ мягкими, умѣренно теплыми, гладкими и правильной формы предметами, по преимуществу—съ живыми. (Эти осязательные возбудители дѣйствуютъ особенно сильно на нѣкоторыя части организма, именно грудь, руки, губы).

Психическіе возбудители, т. е. дѣйствующіе не прямо на организмъ, а черезъ посредство умственной дѣятельности, по своему характеру, относятся къ тому же разряду ослабляющихъ энергію жизнедѣятельностей душевныхъ. Видъ существа слабаго и

безпомощнаго по природѣ или по обстоятельствамъ, неопытность, наивность, простодушіе, даже ограниченность, непереходящая въ глупость, мягкость характера, уступчивость и покорность, вообще, способность подчиняться другимъ—вызываютъ,—во всякомъ случаѣ, способны вызвать—нѣжность. Видъ страданія, горя, несчастія производитъ то же дѣйствіе. По всей вѣроятности, причина этого заключается въ томъ, что въ душѣ человѣка, обладающаго даже противоположными свойствами, въ слабой степени воспроизводятся эти состоянія и затѣмъ дѣйствуютъ на организмъ. Въ свою очередь, существа слабыя, наивныя и т. д., по самой природѣ этихъ своихъ свойствъ, носятъ въ себѣ условія, благопріятныя развитію явленій любви. Весьма часто такія, предрасположенныя къ нѣжности, существа испытываютъ приливы ея къ другимъ, обладающимъ діаметрально противоположными свойствами. Причина этого, по всей вѣроятности, заключается въ томъ, что, при видѣ силы извѣстнаго рода, сознаніе собственной слабости становится яснѣе, напряженнѣе, и, т. о, условія возникновенія нѣжности особенно благопріятными. Этимъ объясняется, между прочимъ, развитіе нѣжности между субъектами съ діаметрально противоположными свойствами. Необходимое при этомъ условіе то, чтобы свойства противоположныя были соотносительны: сила физическая и слабость физическая, сила умственная и слабость умственная, опытность—неопытность и т. п. Въ противномъ случаѣ—не будетъ легкаго повода къ сравненію, и будутъ существовать условія, благопріятствующія развитію соперничества, зависти, вражды. Данный въ этихъ фактахъ законъ контраста простирается до того, что соединяетъ не только силу и безсиліе, но добродѣтель и порокъ, красоту и безобразіе. Наконецъ, къ психическимъ возбудителямъ нѣжности нужно отнести всѣ удовольствія, получаемыя отъ внѣшнихъ предметовъ, особенно эстетическія; также—проистекающія изъ внутреннихъ причинъ, какъ—чистая совѣсть, умственное наслажденіе и т. п.

Нѣжное волненіе, въ чистомъ своемъ видѣ, неосложненное другими чувствами, есть чувство, какъ это уже видно изъ условій его происхожденія, по преимуществу *тихое*, не бурное. Есте-

ственно, потому, оно и не вызываетъ и не можетъ вызвать рѣзкихъ измѣненій въ организмѣ, и его *выраженіе не отличается* рельефностью и *опредѣленностью*. Оно положительно не уловимо во многихъ случаяхъ и тонко,—оттого притвориться испытывающимъ нѣжность несравненно легче, чѣмъ, напр.. испугавшимся и разгнѣваннымъ. Къ характеристическимъ признакамъ его можно отнести: особое состояніе глазъ, т. н. „томность“ ихъ и фиксированіе объекта нѣжности, выдѣленіе слезъ, спазматическое сжатіе глотки, протяжность звуковъ голоса и употребленіе низкихъ нотъ, особенно же объятія и ихъ сокращеніе, сжатіе рукъ, цѣлованье и другія соприкосновенія.

Обращаясь къ разсмотрѣнію *свойствъ* нѣжнаго волненія, прежде всего, нужно замѣтить, что чувство это одно изъ самыхъ *пріятныхъ* и одно само по себѣ можетъ служить источникомъ счастія.—Далѣе, требуя для своего явленія и поддержанія чрезвычайно малой траты силъ, требуя, наоборотъ, пониженія даже этой траты и ослабленія, нѣжное волненіе отличается необыкновенной *тонкостію* и *подвижностію*. Потому, оно способно возникать и развиваться подъ вліяніемъ самыхъ неуловимыхъ, слабыхъ возбужденій, которыя легко ускользаютъ отъ самаго тщательнаго наблюденія и не сознаются даже самимъ субъектомъ, испытывающимъ эти возбужденія и волненія, ими вызываемыя (т. н. симпатія, дружба, половая любовь). Изъ всѣхъ чувствъ нѣжность, потому, самое трудное для анализа и объясненія въ каждомъ данномъ случаѣ, и доселѣ окружена какимъ-то мистическимъ туманомъ, какъ нѣчто неизслѣдимо-глубокое и таинственное. Способное возникать незамѣтно, по самымъ ничтожнымъ поводамъ, оно также можетъ легко незамѣтно и непостижимо исчезать.—Будучи въ высшей степени легкою и, притомъ, въ высшей степени пріятною дѣятельностію души, нѣжное чувство, разъ образовавшись, *возникаетъ* въ сознаніи съ чрезвычайнымъ *удобствомъ* и *быстротою*, по самымъ ничтожнымъ поводамъ, и ассоціируется со множествомъ предметовъ, имѣющихъ какое-нибудь отношеніе къ предмету нѣжности. Съ тѣмъ вмѣстѣ оно вызываетъ въ душѣ и образъ предмета, его возбу-

дившаго. Вызываясь легко и входя во многочисленныя ассоціаціи, оно, естественно, вызывается очень часто и можетъ сдѣлаться присутствующимъ въ сознаніи постоянно. Подъ вліяніемъ же частыхъ воспроизведеній, оно растетъ и крѣпнетъ, производя то „блаженное“ состояніе, которое, напр., испытываютъ влюбленные. Даже такъ называемая „несчастная любовь“, безъ взаимности, безъ возможности обнаруженія, есть все таки наслажденіе и можетъ служить источникомъ счастія. Само собою понятно, что близкое присутствіе предмета, возбуждающаго нѣжность, постоянное съ нимъ общеніе увеличиваетъ наслажденіе. Отсюда съ необходимостію является стремленіе быть возможно ближе къ этому предмету, соприкасаться съ нимъ, дышать однимъ съ нимъ воздухомъ и т. п.

Наслажденіе, получаемое въ волненіи нѣжности, само собою дѣлаетъ предметъ его, источникъ наслажденія, въ высшей степени *цѣннымъ* (эпитеты: драгоцѣнный, золотой). Отсюда является инстинктивно стремленіе устранять отъ него все вредное, заботиться о немъ, жертвовать для его блага всѣмъ. И чѣмъ сильнѣе, пріятнѣе удовольствіе нѣжности, тѣмъ больше и забота, самопожертвованіе. Эта забота, труды и лишенія для блага любимаго существа сами незамѣтно нерѣдко становятся источникомъ наслажденія—въ тѣхъ случаяхъ, когда это существо, дѣйствительно, нуждается во всемъ этомъ. Въ такихъ случаяхъ само собою является повышеніе самочувствія, своего рода самодовольство и гордость, проистекающая изъ сознанія очевидной необходимости данной личности для другого существа, полезности и цѣнности ея собственной жизни. Здѣсь, кромѣ того, дается опредѣленная, конкретная цѣль жизни, ясная и пріятная, или то, что называется „смысломъ жизни“. И дѣйствительно, для очень многихъ людей, не нашедшихъ для себя жизненной задачи и опредѣленной цѣли своего труда,—создается эта цѣль и осмысливается жизнь только черезъ любовь и заботы о любимомъ существѣ. Сознаніе это до такой степени пріятно, что весьма часто остается въ формѣ постоянной и непобѣдимой иллюзіи даже послѣ того, какъ заботы и попеченія о любимомъ существѣ со стороны любящаго становятся

не только излишними, но даже непріятными и тяжелыми для него. Всего чаще эта иллюзія возникаетъ въ связи съ родительскою любовью; но ея не чужды и всѣ другіе виды любви.—Въ связи съ этимъ стоитъ, далѣе, стремленіе доставить предмету нѣжности возможно большее удовольствіе и устранить неудовольствіе. Стремленіе это усиливается еще симпатіею. Если удовольствія другихъ людей, при отсутствіи антагонистическихъ волненій, невольно и въ насъ возбуждаютъ удовольствіе, а страданія вызываютъ страданіе, хотя бы въ очень слабой степени, то дѣйствія удовольствія и страданія существа, возбуждающаго въ насъ нѣжность,—любимаго,—должны испытываться съ особенною силою, потому что удовольствіе любимаго предмета, слагаясь съ удовольствіемъ нѣжности, значительно повышаетъ наше собственное наслажденіе, и наоборотъ. На этой основѣ, постепенно развивается одно изъ самыхъ благодѣтельныхъ и благородныхъ проявленій человѣческаго духа—наслажденіе наслажденіемъ другихъ, радость отъ радости другихъ, и наоборотъ,—состояніе, изъ котораго создаются факты высокаго самоотверженія, полное забвеніе своей личности, своихъ интересовъ ради интересовъ другихъ людей, пожертвованіе жизнію для другихъ...

Принимая во вниманіе эти основанія нѣжности (любви), не трудно понять, почему предметъ ея, предметъ любимый, ставшій, какъ источникъ самаго высшаго наслажденія, необходимымъ для человѣка, начинаетъ мыслиться, своего рода *собственностью*, чѣмъ-то ему принадлежащимъ, даже болѣе, какъ выражаются поэтически, составляющимъ *часть его*, которую готовъ онъ отстаивать всѣми своими силами, какъ себя самого. Иллюзія эта увеличивается оттого, что удовольствіе любимаго существа является и удовольствіемъ любящаго. Отсюда, всякое доставленіе удовольствія другимъ со стороны лица любимаго кажется, хотя совсѣмъ незаконно и нелогично, какою-то узурпаціею, отнятіемъ собственности, возбуждаетъ неудовольствіе, даже вражду, ненависть,—сначала имѣющую своимъ предметомъ другихъ, которые наслаждаются, или только кажется, что наслаждаются предметомъ нѣжности данной личности, а потомъ переносимую и на саму ее, причемъ получается

смѣшанное чрезвычайной силы чувство, извѣстное подъ именемъ *ревности*. Это—ненависть, злоба, потребность мести, соединенная съ нѣжностью, или любовью. Сила его пропорціональна силѣ любви, или, точнѣе, степени наслажденія, получаемаго отъ этой любви. Будучи смѣшаннымъ, состоя изъ элементовъ, которые стремятся слиться и не могутъ, чувство это тѣмъ самымъ производитъ „пертурбацію“ въ душѣ и организмѣ и ненормальность всѣхъ отправленій, — потому, всегда очень бурно и непріятно. Источникомъ ревности служитъ также другое свойство, другая черта нѣжности, — вытекающая изъ этого волненія потребность *взаимности*, потребность, чтобы удовольствіе, испытываемое любящимъ отъ волненія нѣжности, доставляло также удовольствіе любимому существу и вызывало въ немъ то же самое волненіе. Сознаніе существованія такого отношенія, очевидно, дѣлаетъ чувство принадлежности, чувство собственности прочно обоснованнымъ, обезпеченнымъ и тѣмъ самымъ значительно увеличиваетъ удовольствіе нѣжности; всякое нарушеніе этой обезпеченности возбуждаетъ тревогу, неудовольствіе, подозрѣніе, что нѣжность любимаго существа направлена въ другую сторону, на другія личности. Отсюда—безпокойство, подозрительность и, опять, ревность возникаютъ, естественно, и въ томъ случаѣ, когда замѣчается ослабленіе въ любимомъ нѣжности къ любящему, такъ называемое „охлажденіе“.

Наконецъ, еще одно очень важное свойство нѣжности. Необыкновенная пріятность этого волненія, по общему закону пріятныхъ чувствованій, заставляетъ человѣка всѣми силами *поддерживать* и *увеличивать его* гармонирующими чувствами и обстоятельствами. Отсюда сама собою возникаетъ потребность *устранять* изъ объекта нѣжности все *враждебное этому чувству*, какъ-бы изъ опасенія лишиться удовольствія. Любящій инстинктивно старается сглаживать всѣ недостатки любимаго, не замѣчать ихъ. Этотъ *самообманъ* облегчается тѣмъ, что чувство нѣжности направляетъ умъ само собою въ сторону, его поддерживающую и препятствующую видѣть что-нибудь себѣ враждебное. Мало этого, при общемъ

ослабленіи энергіи жизненной въ связи съ нѣжностію, критическая способность положительно парализуется, и получаетъ преобладаніе фантазія. Любимое существо невольно *украшается*, надѣляется разнаго рода совершенствами, возводится даже въ идеалъ совершенства, въ совершеннѣйшее и единственное въ мірѣ существо. Творчество это поддерживается тѣмъ, что каждая новая черта, пріятная въ любимомъ существѣ, усиливаетъ наслажденіе нѣжности, и чѣмъ больше этихъ чертъ, тѣмъ больше удовольствіе. Иллюзія совершенства, возможность явленія и поддержанія ея объясняется сосредоточеніемъ вниманія на своемъ пріятномъ предметѣ. Чѣмъ меньше жизненный опытъ человѣка, тѣмъ легче образуется эта иллюзія и тѣмъ она держится прочнѣе; но она легко образуется и у самыхъ опытныхъ и умныхъ людей. Особенно часто такая иллюзія наблюдается у родителей, преимущественно у матерей, для которыхъ дѣти кажутся совершенствомъ.

Все сказанное относительно лежащаго въ основѣ всѣхъ видовъ и формъ любви волненія нѣжности — сводится къ слѣдующимъ положеніямъ, могущимъ служить руководствомъ при анализѣ всякаго частнаго случая: 1) Волненіе нѣжности есть особаго рода удовольствіе, связанное съ пониженіемъ духовной и физической жизнедѣятельности, не ниже, однако, средняго уровня, т. е. непереходящее въ дезорганизацію и безсиліе. 2) Такое пониженіе благопріятствуетъ всего болѣе ровному и такъ называемому гармоническому теченію внутренней жизни, когда ни одно возбужденіе не возникаетъ съ особеннымъ напряженіемъ и энергіею, ни одно не сосредоточиваетъ на себѣ вниманія. Отсюда возникаетъ пониженіе сознанія собственной личности и интересовъ и сосредоточеніе вниманія только на самомъ волненіи, которое отъ этого, естественно, увеличивается, усиливая тѣмъ самымъ явленіе самозабвенія. 3) Возбудителями его являются всѣ физическіе и духовные дѣятели, способные такъ или иначе уравнивать теченіе жизни, производить гармонію и покой. При этомъ волненіе ассоціируется съ возбудителями такого состоянія, переносится на нихъ, какъ на свои причины и объекты, какъ на прямыхъ своихъ произво-

дителей. 4) Разъ образовавшись, оно потомъ возникаетъ легко и при отсутствіи внутренняго настроенія, обусловливающаго его бытіе, возбуждаясь прямо объектами, съ которыми ассоціировалось. При этомъ реальныя условія замѣняются идеальнымъ ихъ воспроизведеніемъ. Явившееся этимъ путемъ волненіе уже затѣмъ само приводитъ душу,—по крайней мѣрѣ, можетъ приводить—къ гармоническому настроенію, понижая и сглаживая всѣ возбужденія. 5) Отъ частаго повторенія какъ реальныхъ, такъ и идеально-воспроизводимыхъ условій этого волненія, т. е. отъ частаго возникновенія его въ душѣ, оно растетъ и крѣпнетъ, по общему всѣмъ волненіямъ закону, съ особенною быстротою, которая также обусловливается его тонкостью, легкостью и подвижностью. 6) Какъ пріятное въ высшей степени, оно вызывается весьма легко по самымъ незначительнымъ поводамъ; вызывается, разъ образовавшись, часто и, потому, ассоціируется со множествомъ состояній, фактовъ, такъ или иначе связаннымъ съ его объектомъ. Въ силу этого оно всегда является весьма сложнымъ. 7) Оно дѣлаетъ въ высокой степени цѣннымъ предметъ свой и легко вызываетъ дѣятельности, направленныя къ его сохраненію, улучшенію и т. п. Въ то же время дѣлаетъ человѣка въ высшей степени чувствительнымъ ко всякимъ измѣненіямъ въ его объектѣ, вызывая симпатическія волненія, если этотъ объектъ существо живое; заставляя пренебрегать своими собственными интересами, чему благопріятствуетъ подавленіе,—причинами, производящими чувство любви,—общаго самочувствія и сознанія личности. 8) Оно порождаетъ иллюзію права собственности по отношенію къ любимому, и потому цѣнному и ставшему необходимымъ, предмету, чѣмъ вызываетъ потребность увѣренности въ прочности владѣнія, которая создается такъ называемою взаимностью, т. е. подобнымъ же волненіемъ въ любимомъ предметѣ по отношенію къ любящему. Здѣсь источникъ ревности. 9) Стремясь поддержать себя гармоническими возбужденіями, волненіе любви вызываетъ украшеніе предмета своего и—на высшихъ степеняхъ—производитъ иллюзію его совершенства.

Всѣ эти условія, стороны и моменты одинаково присущи всѣмъ видамъ любви и легко могутъ быть приложены ко всѣмъ имъ вообще и къ каждому конкретному случаю ихъ возникновенія.

Волненіемъ противоположнымъ любви часто считается *равнодушіе*, какъ отрицательное состояніе—полнаго отсутствія возбужденій, похожихъ на любовь, или возбужденіе въ высшей степени слабое въ этомъ родѣ. Полное равнодушіе—въ собственномъ смыслѣ—существуетъ только въ случаяхъ полнаго отсутствія какихъ-бы то ни было отношеній къ данному предмету. Въ собственномъ смыслѣ—противоположность любви составляетъ *отвращеніе*, обусловливаемое какимъ-нибудь однимъ сильно непріятнымъ возбужденіемъ со стороны объекта или цѣлою ихъ суммою. Но это волненіе весьма неопредѣленнаго характера и, опредѣляясь, переходитъ всегда почти въ гнѣвное возбужденіе, превращаясь въ ненависть, вражду, также въ чувство страха.

Изъ всѣхъ видовъ любви и отвращенія особенно многочисленнымъ изслѣдованіямъ подвергалось и подвергается *любовь лица одного пола къ лицу другого пола (любовь половая)*, въ силу ея особенной рельефности, напряженія, особенно же въ силу вліянія ея на жизнь индивидуума и общества, хотя эта форма любви принадлежитъ къ самымъ неустойчивымъ видамъ. Около этого волненія, дѣйствительно, группируются волненія и дѣйствія, дающія особенное оживленіе и драматизмъ жизни человѣка. Половая любовь считается и, дѣйствительно, можетъ быть, есть неизбѣжное событіе въ жизни каждаго, въ родѣ болѣзни при прорѣзываніи зубовъ и т. п., потому, всякимъ испытывается, составляя всегда видное и часто поворотное въ судьбѣ и положеніи человѣка событіе, по самому существу, весьма пріятнаго характера. Оно воспоминается, потому, съ особеннымъ удовольствіемъ и симпатически легко возбуждается при воспріятіи его въ другихъ лицахъ—дѣйствительныхъ и творчески изображаемыхъ. Отсюда—огромная роль его въ поэтическомъ творчествѣ, особенно въ католическихъ странахъ Западной Европы, гдѣ законъ нерасторжимости брака сильно

осложнилъ половыя отношенія и придалъ имъ особенный драматическій, даже трагическій характеръ—во многихъ случаяхъ—въ формѣ борьбы чувства съ долгомъ и т. п.

Если, вообще, всѣ виды любви окружены нѣкоторымъ мистическимъ ореоломъ, то по отношенію къ половой любви черта эта достигаетъ крайняго своего развитія, затрудняя строго-научное изслѣдованіе. Такъ, здѣсь явилось ученіе о „симпатіи душъ“, такъ называемой „вѣчной любви“ между двумя субъектами разнаго пола, и построена цѣлая теорія для объясненія этого проблематическаго факта. Явилось мнѣніе, стоящее въ связи съ первымъ, о возможности настоящей любви только къ одному и единственному субъекту другого пола и невозможности любить не только одновременно нѣсколькихъ личностей, но невозможности любить два раза. Что касается перваго, тутъ ничего нельзя сказать, такъ какъ вѣчность—понятіе и дѣло, вообще, абсолютно темное, и вводить его въ научное объясненіе чего-бы то ни было—безполезно. Относительно второго существуютъ факты pro и contra. Первые факты находятъ себѣ объясненіе въ томъ, что первая, вполнѣ развившаяся и окрѣпшая, любовь обставляется такими удовольствіями и иллюзіями пріятнѣйшаго характера, которыя не повторяются, и могутъ повториться въ жизни развѣ ужъ у очень ограниченныхъ и безпамятныхъ людей, или у людей, обладающихъ слишкомъ пылкимъ воображеніемъ.

Въ основѣ половой любви лежитъ могучій инстинктъ, дѣлающій необходимымъ для человѣка существо другого пола. Съ явленіемъ его, чувствуется неполнота, недостатокъ единичнаго бытія, и, слѣдовательно, своего рода слабость и безсиліе. Возбужденіе этого инстинкта и самое удовлетвореніе его связано съ сильнымъ подавленіемъ общей жизнедѣятельности.

Очевидно, это все условія, благопріятныя развитію нѣжнаго волненія, которое всегда, при этомъ, является необходимо, какъ бы органически. Объектомъ его является отвлеченное существо другого пола. Большею частію случайно возникшее такимъ образомъ, нѣжное волненіе сосредоточивается на одномъ какомъ-нибудь индивидуумѣ, возбудившемъ какое-нибудь пріятное

состояніе, усилившее нѣжность. Здѣсь играетъ всего чаще главную роль близость сношеній, удобство ихъ и т. п. Можетъ,—и это часто бываетъ,—нѣжность не связываться съ отдѣльною личностію (донъ-жуанство); но разъ явилось такое соотношеніе, нѣжное чувство уже легко развивается по самымъ ничтожнымъ поводамъ и проходитъ всѣ стадіи, которыя были описаны (постоянная дума о предметѣ нѣжности, или постоянное воспроизведеніе его въ связи съ волненіемъ; желаніе доставить ему всякія удовольствія, желаніе, вызывающее, между прочимъ, заботу о внѣшности, стремленіе выказать лучшія стороны своей личности, украшеніе, въ свою очередь, любимаго существа всѣми совершенствами, чувство собственности, ревность и т. д.). Такъ большею частію развивается такъ называемая „первая любовь“, обыкновенно самая сильная форма этого чувства, благодаря особенной силѣ инстинкта въ его началѣ, силѣ воображенія и жизненной неопытности, которая даетъ ему полный просторъ. Но, очевидно, волненіе можетъ развиться и другимъ, обратнымъ путемъ, что всего чаще бываетъ въ зрѣломъ возрастѣ и тоже большею частію случайно. Является нѣкоторая сумма пріятныхъ возбужденій отъ субъекта другого пола, что выражается обыкновенно фразою, что „такая-то личность нравится“. Пріятныя возбужденія или удовольствія, въ этомъ случаѣ, могутъ быть всѣхъ родовъ и проистекать изъ разныхъ источниковъ: изъ сходства характеровъ, стремленій или изъ противоположности, изъ умственныхъ удовольствій, изъ благодарности; всего же чаще здѣсь играетъ роль эстетическое удовольствіе—чувство красоты. Волненія эти сами по себѣ располагаютъ къ нѣжности; но къ нимъ всегда присоединяется въ этихъ случаяхъ половое влеченіе и, такимъ образомъ, доводитъ зародившуюся нѣжность до высшей степени.

Въ основѣ *материнской любви* тоже лежитъ несомнѣнно источникъ, который присущъ и самымъ животнымъ. Этотъ источникъ связанъ съ волненіемъ нѣжности и возникаетъ во время еще беременности. Состояніе разслабленія матери послѣ родовъ благопріятствуетъ его продолженію и развитію въ самомъ началѣ.

Также дѣйствуетъ видъ ребенка—миніатюрнаго и безпомощнаго—и разнаго рода соприкосновенія, держаніе на рукахъ, кормленіе грудью. Къ этому присоединяются привитыя воспоминанія, связанныя съ обстоятельствами, давшими жизнь ребенку и т. п. Эти воспоминанія у людей—въ этомъ случаѣ—играютъ большую роль, и если они непріятнаго свойства и возбуждаютъ отвращеніе, то нерѣдко парализируютъ даже самый инстинктъ и подавляютъ чувство нѣжности въ самомъ его началѣ. Затѣмъ, въ постоянныхъ заботахъ о ребенкѣ, въ постоянныхъ сношеніяхъ—радостныхъ и тяжелыхъ—дается множество случаевъ, которые поддерживаютъ и укрѣпляютъ волненіе, дѣлаютъ его господствующимъ и прочнымъ на всю жизнь. У отца, въ силу отсутствія прямой физической связи съ ребенкомъ, нѣжность всегда слабѣе и возникаетъ почти исключительно путемъ психическимъ. Важную роль играетъ здѣсь любовь къ матери, особаго рода гордость, затѣмъ, опять, заботы, удовольствія и огорченія разнаго рода, связанныя съ воспитаніемъ дѣтей. У дѣтей любовь къ матери всегда почти сильнѣе и по той же самой причинѣ; любовь къ отцу возникаетъ другимъ путемъ.

Эгоистическія волненія,—*любовь человѣка къ самому себѣ*, къ своей личности,—изслѣдованы менѣе, какъ нѣчто будто бы само собой понятное. На самомъ дѣлѣ они заслуживаютъ бо́льшаго вниманія, потому что процессъ ихъ образованія сложнѣе, т. е. замысловатѣе, и потому еще, что, въ виду интересовъ рода, эти волненія мыслятся какъ недостатки, возбуждаютъ вражду и—всего чаще—смѣхъ. Практически весьма важно знать условія ихъ образованія, чтобы препятствовать развитію ихъ въ себѣ и другихъ или ослаблять, подавлять, когда они уже существуютъ.

Къ классу самолюбивыхъ волненій относятся такія состоянія, которыя или вовсе не заключаютъ въ себѣ элементовъ любви, т. е. нѣжности со всѣми ея свойствами, или, во всякомъ случаѣ, этотъ элементъ не составляетъ существеннаго для ихъ характера и содержанія. Такъ, иногда съ самолюбіемъ смѣшиваютъ простую заботу человѣка о себѣ самомъ, желаніе и усилія

развить полнѣе свои силы, испытать возможно больше пріятностей въ жизни, обставить себя хорошо въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи и т. п. Все это представляется проявленіемъ любви къ себѣ, называется „любовью къ себѣ“. Но здѣсь можетъ не быть и часто не бываетъ вовсе возбужденія „нѣжности“ къ своей особѣ. Человѣкъ дѣйствуетъ такъ, прежде всего, вслѣдствіе полной необходимости добывать средства къ удовлетворенію своихъ потребностей и для устраненія непріятностей. Въ своихъ дѣйствіяхъ онъ руководствуется самыми различными мотивами и погружается въ нихъ нерѣдко до полнаго забвенія своей личности. Личность эта, естественно, является у него въ связи съ различными благами и выгодами настоящими и ожидаемыми; но, при этомъ, онъ просто и прямо, непосредственно наслаждается или страдаетъ фактически или идеально—въ воображеніи,—сосредоточиваетъ вниманіе на этихъ состояніяхъ, а не на своей личности, наслаждающейся или страдающей.

Не замѣчая здѣсь элемента любви, и простой здравый смыслъ не выдѣляетъ этого состоянія, болѣе или менѣе присущаго всѣмъ необходимаго, и не даетъ даже ему названія особаго. Оно называется, правда, *эгоизмомъ*, но только въ такомъ случаѣ, когда въ дѣятельности человѣка замѣчается мало или вовсе не замѣчается заботы о другихъ, *когда нѣтъ любви къ другимъ;* когда человѣкъ спокойно жертвуетъ для своихъ интересовъ интересами другихъ, давитъ другихъ, наноситъ вредъ и т. п. Въ этомъ случаѣ человѣкъ часто бываетъ вообще не способенъ или мало способенъ къ нѣжности и, собственно говоря, *не можетъ любить и себя.*

Въ дѣйствительномъ самолюбіи, или *себялюбіи*, необходимо прежде всего, сосредоточеніе вниманія на своемъ „*я*“, на своей личности, какъ особомъ предметѣ,— на свойствахъ этой личности; необходимо, далѣе, чтобы эта личность возбуждала своими качествами, дѣйствительными или фиктивными, „нѣжность“, была источникомъ большого наслажденія и симпатіи. Въ силу этого, всякое состояніе становится, дѣйствительно, двойнымъ. Человѣкъ скажетъ остроумную вещь—и любуется на свою силу и способность

сдѣлать это; сдѣлаетъ что нибудь—и любуется, опять, своею способностью къ этому; любуется своею внѣшностью, талантомъ, богатствомъ или бѣдностью, силою воли, общественнымъ высокимъ положеніемъ, властью и т. п. У него является сознаніе особенной цѣнности своей особы, какъ въ любви альтруистической, а затѣмъ—и иллюзія какъ бы права собственности на всѣ существующія, желаемыя и воображаемыя совершенства, какъ источники удовольствія. Отсюда *зависть* при видѣ всего этого въ другихъ. Зависть—весьма непріятнаго характера—есть ревность въ области себялюбія, и обладаетъ всѣми ея свойствами, переходитъ легко въ гнѣвъ, вражду и т. п. Ревность есть волненіе, связанное съ неудовольствіемъ, подъ вліяніемъ сознанія, что источникъ удовольствія данной личности, другая личность—объектъ любви—служитъ источникомъ удовольствія не ей, или не ей одной, а и другимъ. Зависть есть непріятность, подъ условіемъ сознанія, что извѣстное качество, дѣйствіе, состояніе, составляющее источники наслажденія для себялюбца—находятся не въ немъ одномъ и не ему одному доставляютъ удовольствія, а присущи и другимъ,—тѣмъ болѣе, если этихъ качествъ и пр. нѣтъ въ себялюбцѣ вовсе, и они есть въ другихъ. Словомъ, психическій составъ зависти анологиченъ вполнѣ съ составомъ ревности; отношенія тѣ же,—разница въ объектахъ, возбуждающихъ нѣжность и любовь. Чѣмъ больше человѣкъ сосредоточиваетъ вниманіе на качествахъ личности, возбуждающихъ нѣжность къ самому себѣ и наслаждается ими, тѣмъ, очевидно, болѣе является шансовъ на возникновеніе у него того послѣдствія любви, которое состоитъ въ преувеличеніи совершенствъ любимаго, въ незамѣчаніи недостатковъ, въ разныхъ ухищреніяхъ сгладить и оправдать очевидные недостатки. Это доходитъ иногда до полной неспособности человѣка видѣть въ себѣ какіе бы то ни было недостатки и превращается въ своего рода манію и помѣшательство. При значительномъ развитіи самолюбія—со всѣми его свойствами, у человѣка, естественно, не остается возможности подумать о другихъ, онъ теряетъ способность наслаждаться удовольствіемъ

другихъ, особенно при развитіи зависти. Отношенія его къ другимъ людямъ становятся, въ сущности, враждебными, за исключеніемъ иногда людей ничтожныхъ, неизмѣримо ниже стоящихъ. Себялюбіе часто развивается у людей, не обладающихъ никакими почти свойствами, способными возбуждать при созерцаніи ихъ удовольствіе и затѣмъ нѣжность. Въ этомъ случаѣ оно особенно бросается въ глаза и замѣтно, какъ нѣчто аномальное. Еще чаще оно развивается у людей противоположнаго типа, но здѣсь бываетъ менѣе замѣтнымъ.

Усложняясь и видоизмѣняясь различными ассоціаціями и условіями, основное чувство нѣжности—любви къ самому себѣ, къ своему „я“, является въ большомъ количествѣ различныхъ формъ. По ихъ историческому происхожденію въ жизни человѣка, съ постепеннымъ возрастаніемъ и развитіемъ душевной жизни, главнѣйшія изъ этихъ формъ можно представить въ слѣдующемъ порядкѣ: суетность, самодовольство, самоуваженіе (ложное), самолюбіе, узкій эгоизмъ, славолюбіе, честолюбіе, властолюбіе, гордость.

Въ основаніи всей группы эгоистическихъ чувствованій лежитъ, какъ и въ основаніи нѣкоторыхъ другихъ, всеобщій законъ всей органической природы, всего живого,—*законъ самосохраненія*. Онъ дѣйствуетъ, какъ неодолимый—слѣпой инстинктъ, заставляя каждое существо прежде всего заботиться о себѣ самомъ, привлекать къ себѣ все пріятное, содѣйствующее благосостоянію, и отталкивать, устранять все непріятное и вредное. Съ этой точки зрѣнія, всѣ явленія борьбы за существованіе служатъ выраженіемъ этого слѣпого естественнаго эгоизма, съ низшихъ и до высшихъ формъ органической жизни, до самаго человѣка—въ тѣ моменты его жизни, когда слѣпая органическая жизнь преобладаетъ въ немъ надъ разумомъ. Конечно, здѣсь нѣтъ эгоизма въ собственномъ смыслѣ, нѣтъ эгоистическаго чувства, по той простой причинѣ, что нѣтъ еще „я“. Самое представленіе объ эгоистичности безсознательныхъ, неимѣющихъ „я“, существъ есть фигура, составленная по аналогіи съ явленіями высшей разумной жизни. Эта аналогія, это сходство есть только

внѣшнее и заключается въ сходствѣ формъ дѣятельности неразумныхъ существъ съ общимъ характеромъ ея у человѣка-эгоиста; но оно идетъ глубже и—есть сходство, точнѣе, тожество принципа, основы, основного закона, необъяснимаго и таинственнаго, какъ всякій принципъ, всякая основа. Эгоистическія чувствованія составляютъ только *высшую форму*, болѣе сложную, человѣческую, духовную форму дѣятельности *закона самосохраненія*. Чѣмъ ниже существо, тѣмъ проще, однообразнѣе, правильнѣе, неотразимѣе дѣйствуетъ этотъ законъ. Оттого-то, чѣмъ ниже существо, тѣмъ оно болѣе замкнуто въ себѣ и эгоистичнѣе по своей дѣятельности. Оттого-же животное, вообще, эгоистичнѣе человѣка, дитя эгоистичнѣе взрослаго, дикарь эгоистичнѣе развитого и образованнаго человѣка. Такъ какъ стремленіе къ счастью и благосостоянію составляетъ цѣль и сознательной жизни, то въ настоящее время многіе философы разсматриваютъ всю *жизнь* человѣка, какъ *эгоистическій процессъ самосохраненія* и весь процессъ духовнаго развитія человѣка, какъ процессъ приспособленія къ окружающимъ условіямъ, какъ духовное орудіе въ борьбѣ за существованіе. Сложныя явленія мысли, чувства и воли суть, т. о., искусные аппараты для устраненія неблагопріятныхъ вліяній и собранія, накопленія средствъ къ возможно полному благостоянію (Спенсеръ). Съ этой точки зрѣнія, самочувствіе, любовь къ себѣ, эгоизмъ въ широкомъ смыслѣ составляетъ центръ всей душевной жизни человѣка, средоточіе всей его теоретической и практической дѣятельности. Особенно, всѣ чувствованія человѣка, какъ субъективное выраженіе характера его отношеній ко всему окружающему, вполнѣ эгоистичны. Пріятность или непріятность составляетъ ихъ основной и существенный характеръ, какъ извѣстно. Всѣ они, не исключая самой самоотверженной любви, суть отрасли одного основного чувства—любви къ себѣ. Скука, ожиданіе, надежда, чувство силы и безсилія, чувство страха, а слѣд., и всѣ, съ нимъ связанныя,—суть, въ сущности, эгоистическія чувствованія. Мы и *любимъ*, по выраженію одного мыслителя, *въ другихъ себя* и *только въ себѣ другихъ*.

Все это вѣрно—съ самой широкой и отвлеченной точки зрѣнія. Инстинктъ самосохраненія есть, дѣйствительно, основной законъ всего сущаго и человѣка; но это никакъ не исключаетъ въ человѣкѣ *высшихъ мотивовъ жизни* и дѣятельности, которые развиваются на этомъ широкомъ и темномъ основаніи и мало-помалу вытѣсняютъ его, отодвигаютъ на самый задній планъ Мы уже имѣли случай нѣсколько разъ высказывать, что на извѣстной степени развитія духовной жизни, на мѣсто общихъ законовъ органической жизни, изъ-подъ вліянія которыхъ животныя выйти не могутъ, у человѣка выступаютъ не менѣе могущественные духовные законы, духовные инстинкты. Инстинктъ самосохраненія, составляющій первоначальную основу жизни и дѣятельности человѣка, какъ чувственнаго, матеріально-органическаго существа, *можетъ* остаться единственнымъ мотивомъ; но онъ *не долженъ* имъ оставаться, если человѣкъ хочетъ быть, дѣйствительно, человѣкомъ, быть въ уровень съ идеею своего существа. Но мы будемъ говорить объ этомъ, развивая теорію нравственнаго чувства и затѣмъ въ ученіи о дѣятельности человѣка, о волѣ. Теперь обратимся къ характеристикѣ частныхъ явленій самочувствія, самолюбія, къ характеристикѣ самолюбивыхъ или эгоистическихъ чувствованій.

Постоянная забота и попеченіе о лицѣ или даже вещи и отвлеченномъ предметѣ, какъ наука, напр., способствуютъ въ заботящемся развитію нѣжнаго чувства, любви къ предмету заботы. Этотъ фактъ входитъ даже въ составъ чувства родительской и дѣтской любви, въ чувство дружбы и т. п На немъ исключительно почти основывается любовь автора къ своему произведенію, хозяина къ своему дому и имѣнію и т. п. Въ виду этого весьма легко понять, какъ изъ темнаго инстинкта самосохраненія, который заставляетъ насъ ежеминутно заботиться о себѣ и который въ періодъ дѣтства выражается въ грубо-животномъ эгоизмѣ,—мало-по-малу развивается нѣжное чувство по отношенію къ своей личности, вырабатывается болѣе *благородная, человѣческая форма эгоизма,* любовь къ себѣ,—то сопровождающее всю нашу жизнь и дѣятельность и, потому, едва замѣчаемое или вовсе незамѣчаемое

нами волненіе, которое отрицательно характеризовалъ Спаситель въ словахъ: „никтоже когда свою плоть возненавидѣ, но питаетъ и грѣетъ ю“. Развитое правильно, это чувство служитъ источникомъ многихъ прекрасныхъ явленій въ человѣческой жизни. Оно заставляетъ человѣка разумно и съ энергіею создадать свое благосостояніе, заботиться о своемъ развитіи и совершенствованіи. Оно ложится въ основу довольства собою, самоуваженія, сознанія собственнаго достоинства и служитъ опорою счастья, потому что истинное счастіе—быть довольнымъ собою, довольнымъ, конечно, разумно и на разумныхъ основаніяхъ· блаженство, „царствіе Божіе внутрь васъ есть“, говоритъ Христосъ. Съ этой точки зрѣнія, *чувство любви къ себѣ* служитъ даже самою прочною *основою любви къ другимъ*, къ ближнимъ. Недовольство людьми, нелюбовь къ людямъ, мизантропія—всегда и прежде всего коренятся въ недовольствѣ собою, въ нелюбви къ себѣ, которая, какъ мы увидимъ, весьма часто и весьма легко развивается. Дайте мизантропу чувство внутренняго довольства, чувство любви и нѣжности къ себѣ—и его точка зрѣнія на людей немедленно измѣнится. Получивъ возможность снисходительно отнестись къ своей личности, къ самому себѣ, онъ снисходительно отнесется и къ другимъ. „Кто говоритъ, что любитъ Бога и въ то же время не любитъ ближняго, тотъ обманываетъ себя и другихъ. Потому что, какъ онъ можетъ любить Бога, котораго никогда не видѣлъ, когда не любитъ ближняго, котораго видитъ“. Этотъ превосходный и тонкій анализъ апостола можно продолжить далѣе. Можно сказать съ несомнѣнностію, что тотъ, кто воображаетъ, что любитъ ближняго, любитъ человѣка и человѣчество и въ тоже время не любитъ себя, обманываетъ себя и другихъ. Какъ онъ можетъ любить ближняго, который не постоянно съ нимъ находится и котораго онъ знаетъ всегда меньше, чѣмъ себя, когда онъ не умѣетъ любить себя самого, свою личность, которая постоянно съ нимъ и хорошо ему извѣстна. Тотъ никогда не въ состояніи оцѣнить достоинства другихъ, кто не умѣетъ отыскать въ себѣ самомъ ни одного достоинства. А вѣдь нѣтъ такого дрян-

наго человѣка на свѣтѣ, въ которомъ, при внимательномъ изслѣдованіи и наблюденіи, нельзя бы было открыть большой дозы достоинствъ.

Послѣ этихъ общихъ указаній на происхожденіе и значеніе чувства любви къ себѣ, понятными и удобно объяснимыми становятся слѣдующіе факты. Люди, рано предоставленные самимъ себѣ, много потрудившіеся надъ собою и своей обстановкой, въ большинствѣ случаевъ, отличаются сознаніемъ собственнаго достоинства и разумнымъ вниманіемъ къ себѣ и своимъ дѣламъ. У людей, которымъ жизнь дается легко и играючи, чувство это принимаетъ иныя, очень непрочныя и эфемерныя формы. Они любятъ не себя, а свое положеніе, свое происхожденіе, свою обстановку, свое богатство, свою фигуру и т. п. Лишите ихъ этихъ аксесуаровъ, оставьте ихъ съ самими собою,—и они немедленно проникнутся презрѣніемъ, отвращеніемъ къ себѣ и, пожалуй, посадятъ себѣ пулю въ лобъ. У нихъ нѣтъ внутренней опоры, нѣтъ этой нѣжной связи, которая связываетъ, такъ сказать, человѣка съ самимъ собою, съ жизнію и съ людьми, нѣтъ любви къ себѣ, и нѣтъ потому, что не было благопріятныхъ условій къ ея развитію. А это приводитъ насъ къ дальнѣйшему важному выводу, что человѣкъ *безъ* этого *благороднаго самолюбія*, безъ разумной любви къ себѣ есть нравственный уродъ, неспособный къ энергической дѣятельности, неспособный къ жизни общественной,—гнилой, негодный членъ и, вдобавокъ, несчастнѣйшее существо въ мірѣ. Понятное дѣло, что здѣсь мы разумѣемъ „самолюбіе“ въ самомъ идеальномъ его видѣ,—любовь къ себѣ разумную, непереступающую предѣловъ.

Но это чувство до такой степени деликатное, подвижное и неопредѣленное, что положить ему даже идеальныя границы чрезвычайно трудно, а практически почти невозможно. Оно всегда усложняется, *уклоняется* въ своемъ направленіи и портится нехорошими, искажающими примѣсями. Только самыя счастливыя и высокія натуры могутъ сохранить, и то относительно, чистоту его. Какъ-бы то ни было, задатки этого чувства есть у каждаго человѣка, и есть въ жизни каждаго человѣка моментъ, когда оно, сформировавшись

въ первый разъ—съ явленіемъ самосознанія, является въ дѣвственномъ, чистомъ видѣ. Развить его правильно послѣ этого, есть одна изъ величайшихъ проблемъ воспитанія. Иногда, въ рѣдкихъ случаяхъ, обстоятельства и природныя свойства человѣка, помимо всякаго воспитанія и воспитателей. укрѣпляютъ его и дѣлаютъ разумнымъ; но въ огромномъ большинствѣ случаевъ немедленно начинаются *отклоненія* въ самыхъ различныхъ направленіяхъ.—Чаще всего, еще у дѣтей, оно получаетъ форму *суетности*, которая заѣдаетъ человѣческій родъ. Вниманіе дитяти обращается, напр., на внѣшнюю его фигуру: ему начинаютъ говорить, что оно прекрасно, ангелъ и т. п.,—дитя начинаетъ торчать передъ зеркаломъ, находитъ, что похвала справедлива и постепенно, по общимъ законамъ развитія нѣжнаго чувства, проникается любовью къ своей внѣшности. Постоянныя заботы объ этой внѣшности, естественно начинающіяся съ этого момента, опять, въ силу свойства нѣжнаго чувства, питаютъ и усиливаютъ его еще болѣе. Процессъ этотъ дивно подмѣченъ и изображенъ въ прекрасномъ греческомъ сказаніи о Нарцисѣ. Комплименты и похвалы служатъ тоже пищею нѣжному чувству. Они укрѣпляютъ и какъ бы неопровержимо доказываютъ собственное мнѣніе о себѣ всякаго „нарциса“. Понятно, какъ этимъ обстоятельствомъ чувство усиливается, становится интенсивнѣе и пріятнѣе. Отсюда любовь къ тѣлесному своему виду переходитъ, естественно, въ любовь къ комплиментамъ, въ жажду похвалы и удивленія;—далѣе,—въ любовь ко всему, что украшаетъ фигуру, возвышаетъ ея красоту, увеличиваетъ удивленіе, любовь къ нарядамъ и т. п. Въ результатѣ всего этого получается одна изъ самыхъ распространенныхъ формъ суетности. Ею отличаются, какъ извѣстно, особенно женщины, въ самой природѣ которыхъ весьма много благопріятныхъ условій для развитія любви къ себѣ, именно, въ этомъ направленіи. Суетность, выражающаяся въ любви къ нарядамъ, вообще къ роскошной внѣшней обстановкѣ, впрочемъ, еще увеличивается другими ассоціаціями, именно, пріятностію чувства силы и превосходства. Отсюда люди нерѣдко любятъ не только красивые, но и дорогіе наряды, иногда даже уродливые, но до-

rogie. И эта форма проявленія чувства силы, въ особенности у женщины, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ, опять, ужe кругъ ея дѣятельности, гдѣ можно выказать чисто нравственное превосходство.

Другую форму неправильнаго, ненормальнаго развитія любви къ себѣ составляетъ *самодовольство*. Извѣстная доля самодовольства есть необходимый спутникъ и самой разумной и умѣренной любви къ себѣ. Чувство это вращается въ разумныхъ предѣлахъ до той поры, пока оно внушается дѣйствительными достоинствами. Но въ такомъ чистомъ видѣ самодовольство встрѣчается очень рѣдко, потому что всегда почти въ человѣкѣ больше такихъ или другихъ недостатковъ, чѣмъ достоинствъ. Самодовольство часто дѣлается преобладающимъ настроеніемъ человѣка, тономъ всей его жизни и дѣятельности. Что бы ни сдѣлалъ, что бы ни выдумалъ такой человѣкъ, онъ всегда находитъ, что его мысль и дѣла превосходны; онъ услаждается, когда сдѣлаетъ или придумаетъ капитальнѣйшую нелѣпость, услаждается, даже иногда смутно сознавая, что услаждаться вовсе нечѣмъ. Онъ, вообще, не можетъ не быть довольнымъ, не услаждаться собою, потому что у него образовалась привычка къ самоуслажденію, образовалась прочная невольная ассоціація этого чувства со всякимъ своимъ дѣйствіемъ. Какъ можетъ образоваться и образуется такая ассоціація—видѣть легко. Человѣкъ, вообще, по закону нѣжнаго чувства, которое питаетъ къ себѣ, склоненъ преувеличивать свои достоинства и относиться хорошо къ своимъ мыслямъ и дѣйствіямъ. На этомъ общемъ фонѣ и зиждется постепенно чувство самодовольства въ описанномъ видѣ. Случайно иному субъекту придется испытать отъ своихъ дѣйствій въ данный періодъ времени больше удовольствія, чѣмъ неудовольствія, т. е. поступать умно и хорошо, заслужить одобреніе и пр.—и въ этомъ для него дается уже достаточный поводъ къ самодовольству. Далѣе чувство удовольствія прочно ассоціируется съ собственными дѣйствіями человѣка извѣстнаго рода, и вслѣдствіе частаго повторенія ассоціируется, наконецъ, съ дѣйствіями собственными, какъ такими. Ассоціированіе это облегчается общею людямъ склонностію преувелпчивать достоин-

ства свои. Сумма случаевъ самодовольства значительно увеличивается этимъ и,—отъ частаго повторенія ассоціаціи удовольствія и нѣжности къ себѣ даже съ дурными дѣйствіями своими,—получается, наконецъ, ассоціація ихъ почти со всѣми, а вмѣстѣ съ тѣмъ является невозможность быть недовольнымъ собою. Люди, дошедшіе такъ или иначе до подобнаго состоянія,—самые счастливые люди, но въ то же время, конечно, смѣшные и жалкіе: они не способны ни къ какому серьезному усовершенствованію и развитію. Самодовольство чаще является въ болѣе односторонней, частной формѣ и сосредоточивается на какой-нибудь одной сторонѣ „я“. Въ этомъ случаѣ оно почти всегда переходитъ въ суетность, иногда въ гордость (противоположное чувству самодовольства есть недовольство собою, которое образуется, mutatis mutandis, тѣмъ же путемъ).

Въ *самоуваженіи* основное чувство любви къ себѣ, нѣжности къ своему „я“, усложняется чувствомъ силы. Какъ по отношенію къ другимъ это чувство возбуждается въ человѣкѣ обнаруженіемъ нравственнаго могущества или даже физической силы, такъ относительно себя это чувство можетъ пробудиться при условіи существованія силы воли. Преимущественно человѣкъ уважаетъ себя и другихъ не за таланты, умъ и т. п., а за силу воли, за выдержанность и ровность характера, за самостоятельность и т. п. Также точно и наоборотъ, противоположное чувство—презрѣнія къ себѣ развивается преимущественно не у глупыхъ и безталанныхъ людей, а у людей слабохарактерныхъ. Такимъ образомъ, чувство самоуваженія сложено изъ любви къ себѣ, или нѣжности, и сознанія силы; презрѣніе, наоборотъ, изъ любви къ себѣ и сознанія безсилія. Самоуваженіе, вообще, хорошее чувство и служитъ признакомъ сильнаго характера; но оно часто распространяется на всѣ свойства „я“, на умъ и на чувство. Сознавая власть, силу дѣлать или не дѣлать что-либо дурное или хорошее надъ собою, человѣкъ, естественно, можетъ придти къ мысли, что и умъ его силенъ и чувство богато и т. п. Тогда самоуваженіе вырождается въ гордость. Кромѣ того, это чувство весьма часто развивается совершенно независимо, т. е. при отсутствіи въ самомъ „я“ всякихъ по-

водовъ и стимуловъ къ его возбужденію,—оттого что человѣкъ обладаетъ, по своему положенію, чисто внѣшнею силою, напр., властью. капиталомъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи эту силу внѣшнюю и постоянно пользуясь ею, человѣкъ легко переноситъ центръ ея въ себя самого, себя считаетъ источникомъ ея и не можетъ мыслить безъ нея себя. Истинная природа такого самоуваженія обнаруживается въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ лишается внѣшней силы— и тогда обнаруживается, что его „я“ и само по себѣ безсильно и вовсе не заслуживаетъ уваженія. Такой, часто повторяющійся, случай художественно воспроизведенъ Шекспиромъ въ королѣ Лирѣ.

Любовь къ себѣ, соединенная съ крайнею степенью самодовольства и самоуваженія, даетъ въ результатѣ чувство *гордости*. Это чувство, потому, есть одно изъ самыхъ сложныхъ въ этой группѣ и, можетъ быть, потому, одно изъ самыхъ сильныхъ, интенсивныхъ, и легко переходитъ въ самое крайнее и смѣшное ослабленіе по отношенію къ себѣ. Къ указаннымъ элементамъ въ немъ еще привходитъ сознаніе дѣйствительнаго или мнимаго превосходства надъ всѣмъ окружающимъ. Гордость имѣетъ множество степеней силы, смотря по степенямъ силы и развитія ея составныхъ частей. Когда эти элементы гордости основываются на ложныхъ представленіяхъ и ассоціаціяхъ, то и гордость является ложною, несоотвѣтствующею дѣйствительнымъ внутреннимъ качествамъ „я“. Когда такая ложная гордость случайными, внѣшними или мнимыми преимуществами стоитъ въ слишкомъ рѣзкой противоположности съ безсиліемъ, недостатками, мизерностію гордящагося субъекта, который, потому, съ особенною силою выставляетъ на показъ свои внѣшнія и мнимыя преимущества, тогда гордость называется „спѣсью“. Обладающіе истинными достоинствами, возбуждающими гордость, люди большею частію не обнаруживаютъ этого чувства и даже скрываютъ его, довольствуясь внутреннимъ удовольствіемъ отъ этого чувства; но тѣмъ съ большею силою и рѣзкостію оно выступаетъ въ благопріятныхъ случаяхъ. Противоположное гордости чувство есть смиреніе, самоуничиженіе.

Любовь къ почестямъ, т. е. къ возвышенію надъ другими, заявленіямъ со стороны другихъ уваженія, почтенія и т. п., имѣя, въ основѣ любовь къ себѣ, есть собственно новая форма самодовольства, самоуваженія, отчасти суетности. Зная, что знаки уваженія оказываются людямъ, заслуживающимъ этого, обладающимъ извѣстными достоинствами, честолюбивый человѣкъ видитъ въ заявленіи этихъ знаковъ, въ почетѣ, доказательство своихъ достоинствъ и проникается пріятнымъ волненіемъ самодовольства, самоуслажденія, самоуваженія. Большею частію случается такъ, что особенно любитъ почетъ именно такой человѣкъ, у котораго мало внутреннихъ достоинствъ, заслуживающихъ его. Ему особенно пріятно это внѣшнее возбужденіе волненій самодовольства и самоуваженія, именно потому, что у него нѣтъ внутреннихъ поводовъ къ его развитію. И наоборотъ, истинное достоинство чаще всего скромно, потому что человѣкъ, обладающій внутренними достоинствами, и безъ внѣшнихъ возбужденій самодовольства и пр. имѣетъ въ себѣ много случаевъ и поводовъ къ его явленію. Но глупый честолюбецъ, окруженный постоянною лестью, почетомъ, легко, наконецъ, находитъ въ себѣ достоинства, имъ соотвѣтствующія.

Наконецъ, прямое аномальное развитіе инстинкта самосохраненія и первопачальной, естественной и законной любви къ себѣ, развитіе почти безъ всякихъ примѣсей, составляетъ *узкій эгоизмъ*, эгоизмъ въ дурномъ смыслѣ этого слова. Постоянно заботясь о себѣ и имѣя мало случаевъ заботиться о другихъ, эгоизмъ мало-по-малу замыкается въ тѣсномъ и узкомъ кругѣ своего личнаго бытія и готовъ приносить въ жертву все окружающее ради малѣйшаго удобства своей личности. Дѣло въ томъ, что силою опыта и постояннаго повторенія, усиленная излишняя забота о своемъ „я“ обращается въ привычку, въ простую ассоціацію, которая всегда беретъ перевѣсъ въ душѣ эгоиста надъ всѣми другими чувствами. Девизъ эгоиста есть: „лишь бы мнѣ было хорошо, до другихъ нѣтъ дѣла“. Эгоизмъ можетъ образоваться и другимъ путемъ, діаметрально противоположнымъ указанному, и тогда онъ представляетъ особенно уродливое явленіе. Именно, отсутствіе необходи-

мости заботиться о себѣ, удовлетвореніе съ дѣтства всѣмъ потребностямъ, прихотямъ и капризамъ дѣлаетъ человѣка неспособнымъ понимать нужды и страданія другихъ людей. Эгоизмъ развивается, прежде всего, вслѣдствіе совершеннаго отсутствія нѣжности къ другимъ и симпатическихъ чувствованій,—превращающагося въ полную неспособность человѣка къ симпатіи. Такіе эгоисты теряютъ всякое чувство правды и законности и наивно воображаютъ, что другіе должны для нихъ трудиться и даже жертвовать жизнію, что иначе и быть не можетъ. Въ самой уродливой формѣ этотъ эгоизмъ является, напр., у французскихъ Бурбоновъ XVIII вѣка и ихъ двора, девизомъ которыхъ было знаменитое изреченіе „après nous déluge“.

b) Гнѣвъ и страхъ.

Основаніе для сближенія волненій гнѣва и страха.—Гнѣвное органическое возбужденіе и моменты гнѣва въ сферѣ психической. Значеніе гнѣва въ жизни людей. Связь волненія гнѣва съ чувствомъ самосохраненія; обнаруженіе ея при неудовлетвореніи потребностей физическихъ и духовныхъ. Потребность мести въ разгнѣванномъ. Физіологическая основа этого явленія. Трудность объясненія чувства удовольствія при видѣ страданій другого—предмета мести; факты помогающіе этому объясненію. Градація способовъ мести.—Состоянія тѣла и души при волненіи страха. Противоположность между страхомъ и гнѣвомъ, при одинаковости общихъ условій возникновенія того и другого. Частныя обстоятельства, обусловливающія волненіе страха въ его различныхъ формахъ.

Всѣ виды любви, имѣющіе, въ своей основѣ одно, въ сущности, одинаковое, волненіе, называемое нѣжностью,—въ жизни человѣка играютъ роль силы, *связующей* идеально и даже объединяющей человѣка съ другими людьми, со всѣми предметами міра чувственнаго и идеальнаго и даже съ самимъ собою. Противоположное вполнѣ значеніе въ жизни имѣютъ волненія, объединяемыя понятіями *гнѣва* и *страха*. Представляя тоже весьма большое количество видоизмѣненій, эти волненія служатъ основою *разъединенія* людей между собою, принципомъ отталкиванія, вообще, между міромъ внѣшнимъ и личностью человѣческою, отраженіемъ также внутренняго разлада человѣка съ самимъ собою.

Гнѣвъ характеризуется сильнымъ и быстрымъ, моментальнымъ развитіемъ общей жизнедѣятельности—въ сильномъ раздраженіи нервовъ и быстромъ, сильномъ взрывѣ нервной энергіи.

Затѣмъ необходимо слѣдуетъ усиленіе обращенія крови и сильные, неудержимые рефлексы въ мускульной системѣ. Все это сопровождается особеннымъ, специфическимъ ощущеніемъ, характеръ котораго извѣстенъ всякому по собственному опыту. Ощущеніе это бываетъ безпредметнымъ и безпричиннымъ, является какъ результатъ еще неизслѣдованнаго и неопредѣленнаго болѣзненнаго разстройства и служитъ основою бѣшенства, бѣшенаго помѣшательства. При нормальномъ состояніи организма, разнообразныя условія и причины обнаруженія и развитія гнѣва опредѣляются и характеризуются причиненіемъ зла физическаго или духовнаго—боли, ущерба въ интересахъ, обиды и т. п., — въ связи съ чувствомъ. Самое гнѣвное возбужденіе, при этомъ, есть только половина, начало явленія. За этимъ возбужденіемъ слѣдуетъ неудержимая потребность, стремленіе отплатить тѣмъ-же врагу,—причинить ему физическое или духовное зло. Заключительнымъ актомъ является или удовольствіе при видѣ страданій врага,—во всякомъ случаѣ, пріятное чувство, извѣстное подъ именемъ *злорадства*,—или постепенное успокоеніе, потуханіе, остываніе гнѣва, или же превращеніе его въ чувство постоянное, присущее душѣ, причемъ оно прямо ассоціируется съ лицомъ, причинившимъ вредъ и усиливается отъ повторенія, воспроизведенія своего, по законамъ ассоціаціи. Въ этомъ случаѣ оно получаетъ названіе *злобы, ненависти*. Когда это чувство, питаясь многими предметами, является постоянно и легко, при самомъ ничтожномъ возбужденіи, оно называется „злобностью“, или „злостью“.

Бурное по обнаруженіямъ и разрушительное по своимъ, на первый взглядъ, неестественнымъ послѣдствіямъ и акцессуарамъ, чувство гнѣва играетъ большую и весьма сложную роль въ жизни человѣка. Оно составляетъ, если не единственную основу, то душу всѣхъ раздоровъ, несогласій, вражды, преслѣдованій и взаимныхъ оскорбленій въ жизни частныхъ людей. Гнѣвъ есть первоначальная основа войны, и безъ него она даже доселѣ, при всей искусственности и усложненіяхъ въ жизни и отношеніяхъ людей, едва мыслима.

Волненіе гнѣва, какъ и чувство страха, стоитъ въ очевидной связи съ *чувствомъ самосохраненія,* и предназначено къ выполненію весьма важной и благодѣтельной для индивидуума функціи въ борьбѣ за существованіе. Напрягая до послѣдней степени первную и мускульную энергію, это чувство возбуждаетъ до maximum'а энергію живого, чувствующаго существа—энергію въ устраненіи вреда, опасности, зла, и оно является, какъ легко видѣть, въ тѣхъ, именно, случаяхъ, гдѣ опасность особенно велика и гдѣ чувство самосохраненія само по себѣ не можетъ дать достаточно силы и энергіи въ борьбѣ Вѣрность этой мысли констатируется многими случаями развитія гнѣва. Какъ извѣстно, чувство гнѣва весьма рано обнаруживается у дѣтей. Чувствуя, напримѣръ, голодъ, или боль, дитя начинаетъ плакать—сначала монотонно; но чѣмъ дальше голодъ не удовлетворяется, тѣмъ характернѣе становятся звуки его плача и, наконецъ, въ нихъ начинаютъ ясно слышаться гнѣвные мотивы и ноты. Вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждается до послѣдней степени мускульная дѣятельность, превращаясь въ конвульсивные рефлексы по всему организму. Связь чувства гнѣва съ чувствомъ голода, т. е. съ процессомъ питанія—одной изъ важнѣйшихъ и основныхъ функцій органической жизни — составляетъ ходячую истину. Ссоры между людьми всего чаще и удобнѣе развиваются до обѣда, особенно когда его приходится дожидаться долго. Люди постящіеся (но непроникающіеся идеею поста) обыкновенно бываютъ раздражительны, и гнѣвъ у нихъ развивается очень быстро и по самымъ ничтожнымъ причинамъ и поводамъ. Голодающіе члены пролетаріатскихъ семействъ находятся въ постоянномъ гнѣвномъ возбужденіи другъ противъ друга и постоянно ссорятся. Развитіе чувства гнѣва и злобы съ голодомъ вмѣстѣ главнымъ образомъ побѣждаетъ отвращеніе къ человѣческому мясу—у людей, принужденныхъ обстоятельствами обратиться къ такому средству утоленія голода. Неудовлетвореніе и другихъ важныхъ потребностей жизненныхъ и отправленій, также почти всегда сопровождается чувствомъ гнѣва... Когда человѣкъ, привыкшій къ періодическимъ пріемамъ наркотическихъ веществъ, въ-родѣ чаю, табаку и т. п.,

рѣшится освободиться отъ привычки или поставленъ будетъ въ необходимость не удовлетворять ей,—то, за чувствомъ недовольства, пустоты, недостатка въ чемъ-то, у него непремѣнно слѣдуетъ развитіе раздражительности. Далѣе, сильное чувство боли, производя возбужденіе во всѣхъ системахъ организма, не только этимъ самымъ предрасполагаетъ человѣка къ чувству гнѣва, но большею частію очевиднѣйшимъ образомъ сопровождается имъ. Человѣкъ, чувствующій боль, какъ извѣстно, становится капризнымъ, вспыльчивымъ и иногда прямо испытываетъ припадки гнѣва. Наконецъ, чувство гнѣва развивается вслѣдствіе неудачи въ устраненіи какихъ-либо препятствій, въ потребности все большей и большей силы для этого. Въ этомъ случаѣ гнѣвъ возбуждаютъ часто самые ничтожные предметы, назойливо полагающіе препятствія, не только людямъ, но и животнымъ. Исторія съ комаромъ и львомъ въ баснѣ имѣетъ глубокое психологическое основаніе. Муха, ползающая по лицу занимающагося человѣка, послѣ многократныхъ усилій отогнать ее, можетъ привести въ бѣшенство, заставить вскочить человѣка и сдѣлать неспособнымъ на нѣкоторое время продолжать свою работу. Подобнымъ же образомъ дѣйствуютъ и всѣ другія неудачи устранить препятствія. Основою гнѣва здѣсь, вѣроятно, служитъ постоянное напряженіе энергіи мускуловъ, а затѣмъ слѣдуетъ и цѣльное органическое возбужденіе,—то невѣдомое состояніе всѣхъ тканей организма, которое даетъ вообще начало гнѣву и сообщаетъ ему его специфическій характеръ. Фактъ, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, хотя и трудно объяснить его удовлетворительно.

Если неудовлетвореніе физическихъ потребностей организма само собою предрасполагаетъ человѣка къ гнѣву и вызываетъ это волненіе, то подобная же связь должна существовать между *неудовлетвореніемъ* высшихъ, *духовныхъ потребностей* и чувствомъ гнѣва. Въ томъ и другомъ случаѣ, какъ извѣстно изъ опыта, состояніе нашего организма почти одно и то же. Потребность молиться, потребность предаваться извѣстную часть дня умственнымъ занятіямъ,—чтенію, напримѣръ,—потребность эстетическихъ

удовольствій—всѣ эти потребности, при неудовлетвореніи ихъ, сопровождаются чувствомъ такого же почти недовольства и пустоты, какъ и чувство голода, жажды и т. п. Отсюда и фигуральныя выраженія для обозначенія этихъ потребностей, „гладъ души“, „жажда души“, пища души“ и т. п. Чувство боли духовной, т. е. чувство обиды, чувство причиненія вреда нашимъ интересамъ, чувство неудачи въ своихъ усиліяхъ—приводятъ организмъ въ состояніе аналогическое съ состояніемъ боли физической Воплощеніе ихъ въ мускульной системѣ, во всякомъ случаѣ, почти или совершенно даже одинаково, что, опять, дастъ чисто органическую почву для развитія гнѣва подъ вліяніемъ этихъ духовныхъ процессовъ. А что они сопровождаются волненіемъ гнѣва—это не подлежитъ сомнѣнію. Когда человѣкъ публично позоритъ насъ, намъ это въ высшей степени не пріятно, болѣзненно не пріятно. За этимъ чувствомъ слѣдуетъ особое органическое состояніе и затѣмъ гнѣвъ, какъ при чувствѣ боли физической. Неудача въ развитіи какой-нибудь мысли, въ заученіи чего нибудь, въ выкладкахъ и т. п. приводитъ насъ въ гнѣвъ на томъ же основаніи. Глупость учениковъ приводитъ въ бѣшенство нѣкоторыхъ учителей по тому же самому закону, по какому бѣситъ назойливость мухи и т. п.

Гнѣвное органическое возбужденіе-волненіе есть, какъ было указано, только часть всего чувства. Прежде всего, съ нимъ неразрывно связана *потребность мести*, потребность причинять страданіе лицу, заставившему страдать насъ. Какъ является такое неестественное, разрушительное стремленіе, и какъ оно вяжется съ волненіемъ гнѣва? Связь здѣсь чисто органическая, можно сказать даже, механическая. Чувство гнѣва тѣсно связано, какъ мы видѣли, съ наплывомъ, накопленіемъ и сильнымъ возбужденіемъ нервной энергіи, которая находитъ себѣ ближайшій исходъ въ мускульныхъ рефлексахъ. И чѣмъ сильнѣе гнѣвъ, тѣмъ сильнѣе, невольнѣе и неудержимѣе эти рефлексы, причемъ нервное возбужденіе достигаетъ такого напряженія, что разстраиваетъ на нѣкоторое время дѣятельность нервной системы, и съ тѣмъ вмѣ-

стѣ и душевную дѣятельность, что выражается потерею сознанія. Человѣкъ вскакиваетъ, начинаетъ бѣгать, машетъ руками, топаетъ ногами, скрежещетъ зубами, рветъ на себѣ волосы, неистово кричитъ, иногда невольно, безсознательно бьетъ и ломаетъ все, что ему попадается подъ руки. Всѣ эти дѣйствія служатъ, очевидно, только средствомъ траты, разряженія внутренней энергіи, и вызываются непроизвольно ея накопленіемъ. Необходимость ихъ до того сильна, что человѣкъ разгнѣванный, когда ему почему-либо нужно задержать рефлексы, сцѣпляетъ до послѣдней степени зубы, кусаетъ съ силою ногти и губы и этимъ путемъ, такъ сказать, *разряжается*. Только самые сильные люди въ состояніи никакимъ движеніемъ не выказать гнѣва, когда это не нужно; но, съ прекращеніемъ этой необходимости, они нерѣдко предаются наединѣ совершеннѣйшему неистовству.

Описанный сейчасъ фактъ связи съ гнѣвомъ мускульныхъ рефлексовъ служитъ исходнымъ пунктомъ и первоначальною основою мести. Потребность причинить вредъ врагу есть первоначально, а слѣдовательно,—и въ сущности—потребность дать *выходъ нервной энергіи* въ движеніяхъ. Все остальное въ этомъ состояніи есть результатъ привычки и различныхъ ассоціацій, которыя по большей части даются человѣку въ воспитаніи и—до такой степени всеобщи, что кажутся совершенно простыми и непроизводными состояніями и актами. Понятное дѣло, почему и какъ, возбужденные гнѣвомъ, рефлексы ребенка или дикаря обращаются прежде всего на тотъ предметъ, который причиненіемъ боли вызвалъ гнѣвное волненіе. Это дѣлается по тому же самому закону, по какому нога обезглавленной лягушки прикасается къ мѣсту, обожженному сѣрною кислотою, и третъ его. Получивши боль, чувствующее существо слѣпо, безсознательно, инстинктивно бросается на причину боли—тѣмъ болѣе, что самое движеніе обусловливается съ необходимостью волненіемъ, требующимъ выхода себѣ. За этимъ движеніемъ, если оно совершено успѣшно, слѣдуетъ взрывъ радостнаго, пріятнаго чувства—злорадства. Источникомъ его, прежде всего, служитъ сознаніе силы и превосходства; къ нему присоединяется чувство

освобожденія отъ опасности. Но къ этому еще присоединяется удовольствіе при видѣ страданій другого, удовольствіе, легко развивающееся—вслѣдствіе того, что присутствіе гнѣвнаго волненія не даетъ никакого мѣста, устраняетъ самую возможность развитія нѣжности и симпатіи, которыя весьма часто являются у человѣка, когда пылъ гнѣва пройдетъ, и поле дѣятельности, такъ сказать, для этихъ чувствованій очистится. Этимъ объясняется только, впрочемъ, развитіе, условіе развитія этого чувства. Положительное же присутствіе чувства удовольствія при видѣ страданій другого въ разгнѣванномъ, даже самомъ гуманномъ и нѣжномъ человѣкѣ, — объяснить довольно трудно.

Есть факты, помогающіе этому объясненію, но все же нерѣшительные и необъясняющіе дѣла совершенно. Всякому извѣстно, что дѣти и идіоты, вообще, даже слабоумные—любятъ мучить животныхъ, и конвульсіи страдающаго животнаго доставляютъ имъ величайшее удовольствіе. Значитъ, есть что-нибудь въ этихъ конвульсіяхъ, въ этихъ выраженіяхъ боли и страданія, что пріятно аффицируетъ нервы, какъ замѣчалъ Бэнъ. Другой фактъ: на казнь человѣка обыкновенно собираются толпы зрителей, преимущественно людей необразованныхъ. Въ зрѣлищѣ этомъ есть своего рода наслажденіе, которое влечетъ эту толпу. Наконецъ, еще фактъ—самый обычный, который можетъ, кажется, объяснить намъ отчасти природу и *источникъ удовольствія при видѣ страданій другого*. Видъ страданій умирающаго человѣка и самый фактъ смерти въ дѣйствительности производитъ на всякаго какое-то подавляющее впечатлѣніе и портитъ расположеніе духа, если вы человѣкъ чувствительный. Но вы идете въ театръ и видите на сценѣ картину самой страшной и мучительной смерти, воспроизведенную талантливымъ артистомъ съ полною и всестороннею вѣрностью дѣйствительности. Вы волнуетесь, но это волненіе пріятное, можно сказать, пріятное въ высшей степени; оно не портитъ хорошаго расположенія духа, но, напротивъ, способно возстановить его. Отчего это? Оттого, что изображаемыя страданія волнуютъ насъ, заставляютъ переживать эти состоянія, идеально воспроизводясь, по за-

конамъ рефлекса и ассоціаціи, въ нашей душѣ; но они въ то же время не ассоціируются съ печальными мыслями о собственныхъ страданіяхъ, о неминуемо ожидающей насъ смерти и т. п. Напротивъ, имъ сопутствуетъ мысль, что это—фикція и, кромѣ того, сопутствуетъ представленіе объ искусствѣ артиста и т. п. Нѣчто подобное бываетъ и у дѣтей и идіотовъ. Рефлексы, происходящіе въ нихъ подъ вліяніемъ конвульсій и криковъ мучимаго, пріятно щекочутъ ихъ нервы и не переходятъ въ непріятное чувство или въ симпатію потому́, что они не имѣютъ понятія о размѣрахъ причиняемаго ими зла. Пусть животное умретъ отъ этихъ пытокъ, и мучитель первый проникнется непритворнымъ горемъ о погибшемъ животномъ. Неспособность опредѣлить и понять всю великость несчастія, постигающаго разстрѣливаемаго человѣка и т. п., дѣлаетъ для неразвитой толпы пріятнымъ зрѣлище казни.—Нѣчто подобное бываетъ и въ припадкѣ гнѣва: съ идеальнымъ воспроизведеніемъ страданій, пріятнымъ по своей природѣ, соединяется рядъ самыхъ пріятныхъ мыслей—ассоціированныхъ: о своемъ превосходствѣ, о свободѣ отъ опасностей и т п. Такъ, вѣроятно, получается въ результатѣ дьявольское чувство злорадства, чувство, впрочемъ, весьма пріятное,—до такой степени пріятное, что стремленіе испытывать его можетъ сдѣлаться потребностію человѣка и положить основу звѣрскаго характера.

Являясь чисто механически, какъ необходимый рефлексъ,—*месть*, послѣ нѣсколькихъ опытовъ ея, соединенныхъ съ злорадствомъ и, во всякомъ случаѣ, съ чувствомъ удовольствія и удовлетворенія, превращается въ сознаваемую уже—сознательную потребность въ гнѣвѣ причинять вредъ врагу. Опытъ научаетъ человѣка, что зло, причиненное ему, не только облегчается этимъ путемъ, но какъ бы вознаграждается. Мысль о причиненіи вреда врагу мало-по-малу прочно ассоціируется съ волненіемъ гнѣва и всегда вызывается этимъ послѣднимъ и превращается у дикарей, обыкновенно, въ правило жизни и дѣятельности. Такъ какъ въ раннія эпохи своего развитія человѣкъ преимущественно чувствителенъ, даже можно сказать, исключительно—къ злу физическому,

къ боли и т. п., то форма мести первоначально есть нанесеніе побоевъ и т. п., тѣмъ болѣе, что нервная энергія всего удобнѣе разряжается этимъ путемъ. Когда человѣкъ начинаетъ гнѣваться и по поводу обидъ духовныхъ, идеальныхъ, онъ по привычкѣ совершаетъ месть въ той-же формѣ. Но уже является и замѣна ея. Зная по собственному опыту, что слова могутъ глубоко оскорблять и уязвлять человѣка, человѣкъ начинаетъ изливать гнѣвъ этимъ, болѣе человѣческимъ уже, путемъ. Такъ являются ругательства. Ихъ энергичность пропорціональна силѣ гнѣва, ихъ образность и пластичность соотвѣтствуютъ силѣ нервнаго возбужденія. Частое употребленіе такого способа мести и разряженіе гнѣвнаго волненія производитъ то, что нѣкоторыя слова брани становятся стереотипными, и каждое человѣческое общество создастъ особый лексиконъ брани и ругательствъ, переходящій изъ рода въ родъ. У развитыхъ людей исчезаетъ и этотъ способъ и превращается въ еще болѣе утонченный. Самый благородный изъ этихъ утонченныхъ способовъ есть жалоба обществу на обидчика.

Гнѣвное волненіе, источникъ вражды и ненависти, характеризуется *подъемомъ жизненной энергіи* въ физической и психической сферахъ при побѣжденіи всякаго рода сопротивленій и препятствій, какъ пассивнаго, такъ и активнаго характера,—сопротивленій и препятствій, угрожающихъ благу личности. Волненіе это, при особенномъ специфическомъ характерѣ—неразложимомъ далѣе,—состоитъ, потому, всегда изъ воспріятія или живого представленія препятствія вреда и сознанія силы или способности побѣждать его. И, обыкновенно, чѣмъ сильнѣе и опредѣленнѣе это послѣднее—чувство силы,—тѣмъ сильнѣе самое волненіе. Даже такъ называемая „безсильная злоба“ и безсильный гнѣвъ возникаютъ всегда только въ связи съ сознаніемъ большого количества силы, безъ возможности только обнаружить ее.

Совершенно противоположными чертами характеризуется волненіе *страха*, во всѣхъ его видахъ и на всѣхъ ступеняхъ силы. Оно прямо характеризуется *упадкомъ* всѣхъ *силъ физическихъ* и

душевныхъ, остановкою жизнедѣятельности, кончающеюся иногда потерею сознанія, помѣшательствомъ, смертію и т. п. Въ страхѣ всѣ мускулы ослабляются, иногда моментально, и начинаютъ дрожать, какъ порванная натянутая струна; нижняя челюсть опускается и ротъ остается открытымъ, принимая почти круглую форму; глаза, вслѣдствіе ослабленія окружающихъ мышцъ, сильно раскрываются и выступаютъ изъ орбитъ; ослабляются даже внутреннія мышцы кишечнаго канала; выдѣленіе слюнныхъ железъ прекращается, и получается сухость во рту; голосовые органы парализуются; дыханіе почти останавливается; тоже дѣлается съ кровообращеніемъ, вслѣдствіе чего получается крайняя степень блѣдности, что оправдываетъ поэтическій эпитетъ ужаса—„блѣдный". — Нѣчто весьма близкое къ этому выраженію безсилія совершается и въ психической сферѣ. И здѣсь происходитъ моментальная остановка дѣятельности: мышленіе почти вовсе прекращается, т. е. останавливается цѣлесообразное и управляемое волею сочетаніе идей, сравненій и различеній; съ тѣмъ вмѣстѣ падаетъ способность оцѣнки и критики; но въ то же время получаютъ силу непроизвольныя сочетанія идей, аналогичныя съ непроизвольными выдѣленіями въ сферѣ органической, и начинаетъ дѣйствовать фантазія. И какъ, за моментальнымъ ослабленіемъ мускуловъ, иногда въ страхѣ начинается рядъ движеній, съ цѣлію устранить его причину, и эти движенія отличаются судорожностью, непроизвольностью, неправильностію и даже нелѣпостью, безцѣльностью (бѣгство, закрытіе головы, схватываніе за предметы, не могущіе удержать, и т. п.) и развивается огромное количество силы физической; такъ и въ области мысли, за первымъ подавленіемъ мыслительныхъ операцій, начинается иногда напряженная дѣятельность, тоже въ направленіи устраненія причины страха,—являются большею частію самые нелѣпые соображенія и выводы, причемъ причина страха сильно преувеличивается и осложняется творческими прибавками.

Такимъ образомъ, страхъ связанъ съ состояніями организма и души, прямо противоположными тѣмъ, которыя существуютъ

при гнѣвѣ, и есть полная и прямая противоположность этого послѣдняго. При этомъ, онъ вызывается тѣми же самыми обстоятельствами—внѣшними и внутренними, т. е. всегда является въ виду опасностей—препятствій всякаго рода, угрожающихъ благу личности, особенно жизни. Только здѣсь воспріятіе или идеальное представленіе опасности, насиліе того или другого рода вызываетъ сознаніе безсилія· и чѣмъ сильнѣе чувство безсилія, тѣмъ сильнѣе и чувство страха. Потому страхъ есть воспріятіе или представленіе опасности, соединенное съ чувствомъ безсилія, и, во всякомъ случаѣ, эти два элемента составляютъ необходимое условіе его возникновенія. Самый же характеръ волненія дается особеннымъ, специфическимъ измѣненіемъ души, неразложимымъ далѣе, а потому необъяснимымъ И какъ гнѣвъ, коль скоро является сознаніе безсилія, переходитъ прямо иногда въ крайнюю степень страха, такъ и страхъ, съ явленіемъ сознанія силы, быстро превращается иногда въ сильнѣйшую степень гнѣва (жестокость возставшихъ рабовъ).—Пытаясь объяснить самый характеръ гнѣва, психологи связываютъ его съ ощущеніемъ голода, добываніемъ средствъ утоленія его и самымъ процессомъ насыщенія; также точно *страхъ связываютъ съ ощущеніемъ удушенія*, дѣлая изъ этого послѣдняго какъ бы прототипъ и зародышевую форму волненія страха. Ощущеніе удушенія, также воспріятіе и представленіе дѣятелей, угрожающихъ остановкою дыханія, дѣйствительно, всего легче и скорѣе вызываютъ, и притомъ въ сильнѣйшихъ степеняхъ, страхъ. Съ разстройствомъ дыхательныхъ процессовъ, слабостію груди и легкихъ всегда связана бываетъ пугливость. Кромѣ того, въ сильныхъ припадкахъ страха, дыханіе, какъ мы видѣли, задерживается; дыхательные органы ослабляются, и ощущеніе удушенія является само собою, такъ что родство между характеромъ ощущенія удушенія и страхомъ нельзя отрицать.

Обращаясь къ наблюденію частныхъ обстоятельствъ и условій возникновенія страха, мы всюду видимъ присутствіе главнаго элемента его—*чувства безсилія*, въ большей или меньшей степени, и все „страшное“ въ мірѣ можно опредѣлить или, по крайней

мѣрѣ, охарактеризовать, какъ опасное, грозное, способное вызвать сознаніе и чувство безсилія. Потому, одни и тѣ же предметы, явленія, вообще, обстоятельства и условія угрожающаго характера—въ одномъ человѣкѣ вызываютъ страхъ въ сильнѣйшихъ степеняхъ, въ другомъ—нѣтъ,—смотря по тому, вызываютъ эти обстоятельства въ данномъ субъектѣ чувство безсилія, или нѣтъ. И у одного и того же человѣка одинъ и тотъ же предметъ вызываетъ страхъ въ одномъ случаѣ, когда является чувство безсилія или слабости, въ другомъ—противоположное волненіе. Мало того, простое возникновеніе чувства слабости и безсилія въ какомъ-нибудь отношеніи, при полномъ отсутствіи всякой опасности, даже отсутствія всякой мысли объ опасности,—всегда почти сопровождается чувствомъ страха, иногда въ очень сильныхъ степеняхъ. Это чувство безсилія весьма часто, можно сказать, во всѣхъ сложныхъ случаяхъ, вызывается прямо ослабленіемъ мыслительныхъ операцій и простою невозможностью приложить силу ума къ оцѣнкѣ окружающихъ обстоятельствъ. Съ этой точки зрѣнія, вполнѣ вѣроятно предположеніе, что *страхъ*, въ своей сущности и основѣ, есть прямое *воспріятіе* душею своей *безпомощности и безсилія*, даннаго въ разстройствѣ, ослабленіи или полной остановкѣ мыслительныхъ операцій. Такъ, самая низшая, первичная форма страха—*испугъ*, подъ вліяніемъ неожиданнаго повышенія или ослабленія, все равно—пріятнаго или непріятнаго,—внѣшнихъ впечатлѣній производится прямо невозможностью продолжать внутреннюю дѣятельность, оцѣнить немедленно данное, неожиданное измѣненіе и ориентироваться. Такъ, другая низшая форма страха—*робость* въ незнакомомъ обществѣ, въ новой обстановкѣ, при началѣ новой—непривычной дѣятельности и т. п., обусловливается разстройствомъ умственныхъ операцій и всего теченія душевной жизни, вслѣдствіе напряженнаго вниманія къ новому положенію и невозможности оцѣнить послѣдствія. Такъ и сильнѣйшая форма и степень страха — *страхъ панический*, охватывающій особенно цѣлую массу людей, зависитъ прямо отъ неспособности оцѣнить положеніе и обстановку умственной дѣятель-

ности, причемъ и самая причина страха никому не извѣстна. И, вообще, всѣ обстоятельства, препятствующія процессу оцѣнки окружающаго, лишающія человѣка способности оріентироваться, предвидѣть ходъ событій и т. п., вызывая прямо чувство безпомощности, составляютъ самое благопріятное условіе для развитія и возникновенія страха, которымъ уже, затѣмъ, вызывается самая идея опасности, нерѣдко фантастическая. Вслѣдствіе этого, тьма, дремучій лѣсъ, глубокія воды, также пустыня, непривычное уединеніе—благопріятствуютъ развитію страха, именно, вызывая чувство безпомощности, подъ вліяніемъ прямого сознанія невозможности оріентироваться здѣсь и употребить силу ума. Ночь, лѣсъ и т. п. потому населяютъ разными ужасами. Къ этому же началу сводится развитіе страха передъ силами природы—подъ вліяніемъ невѣжества и простого незнанія силъ природы,—*страха*, такъ называемаго *суевѣрнаго*. Страхъ смерти зависитъ отъ того же—неизвѣстности будущаго.

c) Радость и горе.

Преобладаніе интеллектуальнаго элемента въ волненіяхъ радости и горя надъ стихійнымъ, въ противоположность волненіямъ любви, гнѣва и страха.—Понятіе о волненіи радости. Тѣлесное выраженіе радости,—въ связи съ соотвѣтствующими психическими измѣненіями при этомъ волненіи. Веселость и ея причины. Формы радости.—Волненіе горя и его воплощеніе; психическая сторона этого волненія. Условія ослабленія горя.

Волненія любви, гнѣва и страха, во всѣхъ ихъ формахъ и видоизмѣненіяхъ, характеризуются, между прочимъ, весьма малымъ участіемъ въ нихъ интеллектуальныхъ дѣятельностей,—яснаго представленія, пониманія, вообще, оцѣнки. Въ нихъ преобладаетъ нѣчто слѣпое и стихійное, независящее отъ дѣятельности различенія и умственнаго созерцанія. Въ любви, напримѣръ, какъ альтруистической, такъ и эгоистической, оцѣнка объекта любви прямо зависитъ отъ самаго волненія, и умственный анализъ его качествъ прямо опредѣляется, уже возникшимъ подъ другими вліяніями, волненіемъ,—что̀ выражается и въ извѣстномъ афоризмѣ: „не по хорошу милъ, а по милу хорошъ“. Если и бываетъ наоборотъ, то въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ, и, при этомъ, всегда получаются низшія по степени силы, мало страстныя формы любви. Предварительное размышленіе, оцѣнка являются, потому, говоря вообще, антагонистами этого чувства и, во всякомъ случаѣ, скорѣе препятствуютъ, чѣмъ способствуютъ его возникновенію и развитію въ душѣ. То же самое,—гнѣвъ вызывается непосредственнымъ чувствомъ—сознаніемъ препятствія, насилія и т. п., въ связи, опять, съ непосредственнымъ сознаніемъ силы устра-

нить препятствія, противодѣйствовать насилію. Оцѣнка и анализъ предметовъ только въ рѣдкихъ случаяхъ способны вызвать это волненіе, и—въ огромномъ большинствѣ—препятствуютъ его возникновенію и развитію. Что касается, наконецъ, страха, то это волненіе, какъ мы старались доказать, имѣетъ своею главною причиною отсутствіе или крайнее ослабленіе критической способности и чувство безсилія—интеллектуальнаго преимущественно.

Совершенно инымъ характеромъ отличаются волненія *радости и горя*, хотя они, какъ аффекты, имѣютъ много общаго съ предыдущими волненіями. Въ нихъ интеллектуальный элементъ является преобладающимъ: оцѣнка предметовъ и явленій есть необходимое условіе ихъ явленія,—conditio, sine qua non ихъ бытія въ душѣ. Можно сказать прямо и безъ преувеличенія, что эта оцѣнка есть причина ихъ возникновенія во всѣхъ случаяхъ, и способна, затѣмъ, по мѣрѣ своего развитія, повышать или понижать ихъ напряженность и силу. Въ силу этого, они стоятъ, собственно, на срединѣ между аффектами и высшими волненіями—эстетическимъ, нравственнымъ и религіознымъ—и, во всякомъ случаѣ, законно занимаютъ послѣднее мѣсто въ группѣ аффектовъ.

Радостью называется особаго рода возбужденіе души, всегда болѣе или менѣе сильное и пріятное, являющееся подъ вліяніемъ пріобрѣтенія или ожиданія пріобрѣтенія какого-либо блага—источника удовольствій, дѣйствительнаго или воображаемаго,—также подъ вліяніемъ самаго удовольствія, настоящаго или ожидаемаго. Такимъ образомъ, радость можетъ быть опредѣлена, какъ *удовольствіе по поводу удовольствія*, удовольствіе, *вызываемое* другимъ удовольствіемъ, настоящимъ или ожидаемымъ. Въ этой зависимости радости отъ какого-либо другого удовольствія, какъ прямой причины ея, и заключается специфическій характеръ этого волненія, выдѣляющій его, какъ особый видъ душевнаго эмоціональнаго измѣненія, изъ всѣхъ другихъ. Этимъ же объясняется и высшая степень пріятности волненія радости: она есть всегда

двойное удовольствіе, или, если можно такъ выразиться, удовольствіе помноженное на удовольствіе.

При этомъ, чѣмъ болѣе и важнѣе пріобрѣтаемое или ожидаемое благо и чѣмъ, слѣдовательно, сильнѣе наличное или предвкушаемое удовольствіе, тѣмъ сильнѣе и волненіе радости. Самая оцѣнка степени значенія даннаго блага, понятное дѣло, всегда чисто субъективная и зависитъ отъ характера, степени развитія, соціальнаго положенія личности,—вообще, отъ личныхъ интересовъ своихъ у каждаго человѣка, и чѣмъ яснѣе и отчетливѣе пониманіе цѣнности какого-либо пріобрѣтенія, тѣмъ, опять, сильнѣе самое волненіе. Волненіе радости возникаетъ также и въ тѣхъ случаяхъ, когда устраняется какое-либо зло, прекращается страданіе и т. п.; но сущность волненія отъ этого нисколько не измѣняется: оно всетаки остается удовольствіемъ отъ воспріятія удовольствія, такъ какъ устраненіе зла, прекращеніе страданія всегда сопровождается очень ясно, даже особенно ясно сознаваемымъ удовольствіемъ.

Волненіе радости имѣетъ очень опредѣленное и характерное *выраженіе*, правда, близкое, по своему составу, къ общему выраженію удовольствія,—что само собою понятно изъ природы этого волненія,—но не тождественное съ нимъ. Подъ вліяніемъ радости, кровообращеніе и дыханіе усиливаются, что сопровождается особымъ ощущеніемъ въ области сердца, которое кажется трепещущимъ („сердце трепещетъ отъ радости“). Повышеніе дѣятельности кровообращенія, при этомъ, отличается отъ подобнаго же явленія, напримѣръ, въ гнѣвѣ,—правильностью и ритмичностью. Только въ самыхъ сильныхъ степеняхъ волненія, наступающаго, притомъ же, неожиданно, усиленіе кровообращенія бываетъ чрезмѣрнымъ въ первый моментъ и причиняетъ иногда смерть или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторую степень отупѣнія. Подъ вліяніемъ быстрой и правильной циркуляціи крови, повышается дѣятельность мозга, глаза вслѣдствіе этого получаютъ особенный, неподдающійся описанію блескъ, мускулы лица приходятъ въ самое легкое и удобное для нихъ движеніе, принимаютъ самое

легкое, пріятное и удобное для нихъ положеніе, слагаясь—въ цѣломъ—въ то, что называется улыбкою, которая затѣмъ легко переходитъ въ смѣхъ, въ связи съ особеннымъ положеніемъ органовъ дыханія. Голосъ повышается, и въ немъ обнаруживается стремленіе къ ритму, вѣроятно, вслѣдствіе постояннаго повторенія однороднаго пріятнаго возбужденія, на которомъ всецѣло сосредоточивается вниманіе. Въ силу этого, голосовыя выраженія радости переходятъ весьма часто въ пѣніе. То же самое стремленіе къ ритмическимъ движеніямъ обнаруживается во всей двигательной системѣ. Получается хлопанье руками, пальцами, правильныя притопыванія ногами, превращающіяся въ пляску и танцы. Кожа слегка окрашивается, особенно на лицѣ, и, затѣмъ, всѣ процессы жизненные соотвѣтственно повышаются, напримѣръ, пищевареніе, уподобленіе и т. п.—Аналогичныя этимъ органическимъ измѣненіямъ происходятъ *измѣненія и въ психической сферѣ*. Мышленіе и теченіе идей становятся быстрѣе и правильнѣе, хотя и направляются большею частію односторонне, обусловливаясь въ содержаніи своемъ волненіемъ, по общему закону вліянія волненія на мышленіе; энергія воли и сознаніе силы повышаются, и человѣкъ становится способнымъ на самыя смѣлыя дѣйствія; всѣ непріятныя волненія подавляются и устраняются до невозможности даже возникнуть въ данный моментъ. Особенно легко возникаютъ волненія симпатическія—нѣжности и, въ связи съ инстинктивнымъ, присущимъ всякому пріятному волненію, стремленіемъ—возможно долѣе поддержать и усилить радостное настроеніе, вызываютъ потребность доставить удовольствіе другимъ, обрадовать другихъ, видѣть около себя радостныя лица и т. п. Это стремленіе не совсѣмъ точно называется „потребностью подѣлиться радостью съ другими“. Какъ бы то ни было, отсюда возникаетъ празднованіе радостныхъ событій—обѣдами, балами и т. п.

Вслѣдствіе того, что радость имѣетъ опредѣленное, этому волненію спеціально свойственное, тѣлесное выраженіе и воплощеніе, оно можетъ явиться безъ всякихъ внѣшнихъ поводовъ, въ силу только того, что организмъ приходитъ въ то состояніе,

въ какомъ онъ бываетъ при радости. Получается общее радостное настроеніе, называемое *веселостью*, особенно, когда окружающія обстоятельства способствуютъ возбужденію удовольствія или не даютъ поводовъ къ страданію и печали. Въ такомъ настроеніи, напримѣръ, находятся здоровые молодые люди, не имѣющіе поводовъ испытывать страданіе или горе. Настроеніе это, какъ коренящееся въ чисто органическихъ причинахъ, можетъ стать постояннымъ и болѣзненнымъ, формою помѣшательства, также можетъ возбуждаться искусственно нѣкоторыми ядами—алкоголемъ, гашишемъ, опіумомъ и т. п. (радость въ этихъ случаяхъ подчинена тому же закону, какъ и всѣ остальныя волненія—любовь, гнѣвъ, страхъ).

Что касается различныхъ формъ или видовъ радости, то они могутъ быть удобно сведены къ тремъ главнымъ: a) Радость, испытываемая подъ вліяніемъ пріобрѣтенія благъ, имѣющихъ значеніе исключительно для отдѣльной личности,—вообще, подъ вліяніемъ собственныхъ удовольствій и надеждъ. Эту форму радости, отъ чего бы она ни зависѣла, можно назвать *радостью эгоистическою*. b) Вторая форма есть радость, испытываемая при видѣ пріобрѣтеній благъ, удовольствій другими людьми, цѣлымъ обществомъ и даже цѣлымъ человѣчествомъ. У нѣкоторыхъ людей волненіе радости въ этой формѣ является даже въ тѣхъ случаяхъ, когда пріобрѣтеніе благъ другими сопровождается потерями и страданіями для нихъ самихъ. Оно является особенно часто подъ вліяніемъ любви и можетъ быть названо радостью *альтруистическою*. c) Третью форму радости составляетъ радость, возникающая по поводу страданій, несчастій, горя другихъ людей. Источникъ ея есть удовольствіе, испытываемое подъ вліяніемъ гнѣва и чувства мести при видѣ страданія, возбудившихъ гнѣвъ, людей, и называется обыкновенно *злорадствомъ*.

Горе и *печаль* составляютъ полную противоположность волненіямъ радости, хотя по своему составу психическому вполнѣ съ нимъ аналогичны. Горе есть страданіе—неудовольствіе, возни-

кающее подъ вліяніемъ потери какого-либо блага, удовольствія, также подъ вліяніемъ наличнаго или ожидаемаго страданія, бѣдствія. Оно, слѣдовательно, можетъ быть опредѣлено, какъ *страданіе по поводу страданія;* есть, потому, всегда *двойное* и повышенное *страданіе*. Его *внѣшнее выраженіе* и воплощеніе, точно также какъ выраженіе радости, отличается тоже особенною опредѣленностью и рельефностью, притомъ, вполнѣ противоположно выраженію этого послѣдняго волненія. Выраженіе это характеризуется подавленностью всѣхъ органическихъ отправленій, отличною, впрочемъ, отъ подавленности въ волненіи страха: въ послѣднемъ подавленность близка къ остановкѣ всѣхъ отправленій и имѣетъ острый характеръ; въ горѣ она есть общее тяжелое и гнетущее, какъ бы массивное пониженіе въ теченіи жизни органической. Кровообращеніе и дыханіе ослабляются до послѣдней степени, вслѣдствіе чего получается общая блѣдность кожи и лица—особенно; мозгъ обезкровливается и теряетъ, потому, напряженность, вслѣдствіе чего глаза тускнѣютъ и вваливаются въ орбиты; мускулы лица ослабляются и принимаютъ самое неестественное для нихъ положеніе, сильно растягиваясь пассивно; тоже бываетъ съ мускулами глотки. Ослабляются и всѣ остальные мускулы, руки опускаются и кажутся тяжелыми, ноги какъ бы отказываются служить, „подкашиваются“, какъ говорится,—получается потребность опереться на что нибудь, упасть и т. п. Внутренніе мускулы тоже ослабляются, и процессъ питанія, уподобленія почти прекращается, что выражается лишеніемъ аппетита и позыва на пищу. Результатомъ описаннаго положенія мускуловъ лица и глотки получается, съ одной стороны, давленіе на слезныя железы, чѣмъ вызывается обильное выдѣленіе слезъ, потомъ спазматическое, судорожное сжатіе глотки; затѣмъ слѣдуютъ судорожныя вдыханія и выдыханія, сопровождающіяся особымъ звукомъ, извѣстнымъ подъ именемъ „плача“ и „рыданія“. Выдѣленіе слезъ и плачъ-рыданіе, будучи прямыми спутниками и выраженіемъ горя, въ то же время служатъ средствомъ его ослабленія и облегченія, какъ это общеизвѣстно. Дѣло въ томъ, что

страданіе горя, вызывая описанное состояніе организма, тѣмъ самымъ создаетъ *добавочное физическое страданіе* и достигаетъ высшей, удвоенной степени напряженія, пока процессъ дыханія и кровообращенія и состояніе мускуловъ остаются въ положеніи, которое придается имъ первымъ возбужденіемъ горя, т. е. въ положеніи крайняго ослабленія. Съ началомъ выдѣленія слезъ, криковъ и рыданій начинается *реакція* чисто рефлективная и механическая. Мускулы приходятъ въ другое, болѣе дѣятельное состояніе, процессъ окисленія усиливается сильными вдыханіями, а съ тѣмъ вмѣстѣ усиливается и кровообращеніе, кровеносные сосуды мозга наполняются постепенно достаточнымъ количествомъ крови, и дѣятельность мозга постепенно возстановляется и становится энергичнѣе. Съ тѣмъ вмѣстѣ физическая причина страданія, усугубляющая и отягчающая чисто душевное возбужденіе горя, исчезаетъ или, по крайней мѣрѣ, ослабляется въ весьма значительной степени. Прямымъ слѣдствіемъ этого является общее облегченіе страданій горя, его ослабленіе путемъ устраненія одной изъ его частей. Такое же точно значеніе имѣютъ, наступающія иногда за первоначальнымъ ослабленіемъ мускуловъ всего туловища, судорожныя, порывистыя, движенія,—шатанье, удары въ грудь, рванье волосъ, схватываніе головы, нанесеніе себѣ ранъ и т. п. Движенія эти составляютъ реакцію первоначальному тягостному ослабленію двигательной системы и облегчаютъ страданія на томъ же самомъ основаніи. Съ возстановленіемъ, путемъ всѣхъ этихъ двигательныхъ реакцій, состоянія организма, близкаго къ нормальному,—остающаяся все-таки общая подавленность отправленій нейтрализируется въ области дыханія глубокими вдыханіями и вздохами, повторяющимися чрезъ болѣе или менѣе правильные промежутки времени, въ области лица и глотки—выдѣленіемъ тихихъ слезъ и стонами.

Въ *психической сферѣ* наблюдается въ припадкахъ горя нѣчто аналогичное съ тѣмъ, что совершается въ организмѣ. И здѣсь ходъ душевной жизни, напримѣръ, теченіе идей *подавляется* до того, что онѣ кажутся вполнѣ какъ бы отсутствующими, всякія

желанія и стремленія прекращаются, и воля вполнѣ парализуется. Получается въ высшей степени мучительное сознаніе какой-то пустоты душевной, безпомощности, непониманія, что дѣлается, какъ и почему. Но вслѣдъ затѣмъ всегда почти начинается судорожное возбужденіе мысли и воли: являются нелѣпыя соображенія, несбыточныя надежды, странные желанія и планы, чѣмъ страданіе до извѣстной степени *облегчается*, въ силу просто поднятія уровня внутренней энергіи. При этомъ, причина горя мало-по-малу опредѣляется, положеніе уясняется и возникаетъ новый приступъ горя, которое теперь находитъ выходъ и облегченіе въ ясныхъ до мельчайшихъ подробностей образахъ относительно причины горя, образахъ, которые стремятся выразиться въ словахъ—въ формѣ причитаній, напримѣръ, или подробнаго разсказа и описанія своего горя другимъ. Это высказываніе, „изліяніе“ горя, какъ извѣстно, тоже облегчаетъ его, вѣроятно, путемъ простого отвлеченія вниманія отъ волненія и сосредоточенія его на интеллектуальныхъ операціяхъ. Но значительное облегченіе горя получается также, когда огорченный видитъ сочувствіе себѣ, т. е. сознаетъ, что и другіе испытываютъ часть страданій, имъ испытываемыхъ. Выраженіе сочувствія, особенно видъ выраженія печали другими,—печальныя лица, слезы—все это уменьшаетъ горе и дѣлаетъ перенесеніе его болѣе легкимъ. Явленіе это на первый взглядъ кажется страннымъ и неимѣющимъ основанія. Повидимому, въ обстановкѣ сочувствія и пр. горе должно бы увеличиваться, по закону отраженія симпатическаго, и, во всякомъ случаѣ, нѣтъ резона, повидимому, уменьшаться ему въ виду страданія другихъ людей или всѣхъ окружающихъ. Обыкновенно явленіе это объясняется положеніемъ, что „горе раздѣляется“ и потому ослабляется; но это, конечно, метафора, также точно какъ и объясненіе облегченія горя путемъ его пересказа и описанія—изліяніемъ. Раздѣлить по частямъ внутреннее волненіе, а тѣмъ болѣе раздать его другимъ нельзя, конечно, точно также какъ и отлить часть его, какъ какой-нибудь жидкости. Всего вѣроятнѣе, что видъ горя въ окружающихъ,—просто, измѣняетъ масштабъ измѣренія своего собственнаго горя—стра-

данія. Что это, дѣйствительно, такъ, показываютъ случаи усиленія горя при видѣ веселья, даже возникновенія со всею первоначальною силою забытаго и ослабленнаго до извѣстной степени горя. Какъ бы то ни было, люди, близкіе такъ или иначе къ горюющему и даже совсѣмъ чужіе всегда стараются сдѣлать грустную физіономію, даже когда вовсе не сочувствуютъ горю. Этого уже требуетъ простое приличіе и обычай, имѣющій, какъ очевидно, весьма разумное основаніе и тенденцію—ослабить горе ближняго. Такимъ вліяніемъ выраженія горя другими людьми на его ослабленіе, можетъ быть, объясняется и древній обычай нанимать плакальщицъ по умершимъ, собираніе людей на поминки и т. п.

Какъ и радость, — горе, печаль, вслѣдствіе своей связи съ органическими опредѣленными измѣненіями, можетъ явиться безъ внѣшняго повода, въ силу чисто органическаго расположенія, можетъ принимать болѣзненныя формы въ-родѣ *меланхоліи*, у нѣкоторыхъ можетъ вызываться искусственно—ядами, напримѣръ, алкоголемъ.

Всякое самое большое горе *ослабляется* черезъ болѣе или менѣе продолжительное время отъ своего первоначальнаго возникновенія. И время въ этомъ случаѣ представляется какимъ-то цѣлителемъ ранъ душевныхъ. Но это опять, конечно, метафора: время само по себѣ есть простая форма, — отвлеченіе смѣны явленій. Ослабленіе постепенное волненія здѣсь совершается другими, реальными дѣятелями и силами. Горе ослабѣваетъ точно такъ же, какъ и всякое душевное волненіе отъ простого утомленія одною и тою-же дѣятельностью,—далѣе,—отъ ослабленія постепенно своихъ возбудителей, сосредоточенія вниманія на другихъ предметахъ, измѣненія жизненныхъ условій, интересовъ и т. п. Во множествѣ случаевъ оно изглаживается совершенно; въ нѣкоторыхъ оставляетъ слѣдъ на всю жизнь въ формѣ такъ называемой *грусти*, — въ которой печаль-горе осложняется пріятными воспоминаніями, связанными съ потерею, причинившею горе. Этою то связью собственно и объясняется самое постоянное пребываніе слѣдовъ горя въ формѣ грусти. Не смотря на постоян-

ные факты ослабленія горя отъ времени указанными способами, сильно горюющіе люди всегда питаютъ иллюзію невозможности его прекращенія. Человѣку, потерявшему что-либо цѣнное, напримѣръ, любимаго другого человѣка, всегда кажется, что горе, имъ испытываемое, останется навсегда. И самый нелѣпый способъ утѣшенія, потому, указаніе на этотъ фактъ. Иллюзія эта объясняется вообще подавленностью интеллектуальной силы въ горѣ и невозможностью, при полной силѣ его, сосредоточить вниманіе на чемъ-нибудь другомъ, и тѣмъ болѣе вообразить и создать въ своемъ умѣ условія и обстоятельства, при которыхъ горе не существуетъ. (Формы горя—эгоистическая и альтруистическая).

d) Волненія моральныя.

a) Эстетическое чувство.

Понятіе объ эстетическомъ чувствѣ. Метафизическое и эмпирическое пониманіе „прекраснаго“ и чувства „прекраснаго“. Условія происхожденія эстетическаго волненія: характеристическія особенности предметовъ, способныхъ возбуждать эстетическое чувство; двѣ стороны дѣйствія ихъ на человѣка. Физическая (психофизическая) красота, какъ воспріятіе гармоніи и симметріи. Гармоническое сочетаніе съ физически-прекраснымъ пріятныхъ субъективныхъ состояній,—гармонія формы съ содержаніемъ. Духовная красота; средства, усиливающія и разнообразящія её. Чувство смѣшного“, какъ эстетическое волненіе.

Между „моральнымп“ пли „высшимп“ волненіями, по которымъ человѣкъ возвышается надъ міромъ живыхъ существъ земныхъ и которыя свойственны только ему, въ изслѣдованіи ихъ, на первомъ мѣстѣ, по принятой нами классификаціи, должны быть поставлены, какъ сравнительно менѣе сложныя,—*волненія эстетическія*, или *чувство эстетическое*.—Подъ „эстетическимъ чувствомъ“ разумѣется собый классъ душевныхъ волненій, съ рѣзко выдающимся характеромъ пріятности, удовольствія,—чувствованій, возбуждаемыхъ въ человѣкѣ такъ называемою „красотою“—въ природѣ, въ жизни человѣка и въ искусствѣ, или—„прекраснымъ“ въ широкомъ смыслѣ этого слова.

„Красота“, „прекрасное“ въ прежнее и еще очень недавнее время представлялась, какъ нѣкоторое сверхчувственное, идеальное—метафизическое начало, какъ отраженіе въ конечномъ мірѣ явленій безконечной, абсолютной, идеальной красоты. Въ связи

съ такимъ представленіемъ, въ человѣческомъ духѣ признавалось существованіе особаго органа для воспріятія этого начала—врожденная, прежде всякаго опыта данная, идея красоты, наряду съ идеями—истины, добра, Бога и т. п. Какъ начало метафизическое, „прекрасное“ и самое чувство его—было предметомъ философскаго умозрѣнія, достояніемъ метафизики. Красота и чувство красоты не подвергались психологическому анализу, на основаніи опыта и наблюденія. Но за-то, въ связи съ ученіемъ объ искусствѣ, метафизика „прекраснаго“ сформировалась въ особую науку, извѣстную подъ именемъ эстетики... Съ паденіемъ метафизики и метафизической эстетики, въ послѣдней ихъ, весьма грандіозной и заманчивой, формѣ—гегеліанства, получила преобладаніе еще раньше явившаяся мысль, что прекраснаго an und fur sich вовсе нѣтъ, что оно есть *субъективный процессъ*, что идея его—очень сложная — получается *эмпирически*, что въ основѣ его лежитъ „чувство“ тоже очень сложное, требующее самаго тщательнаго наблюденія и анализа, что отъ этого эмпирическаго изслѣдованія и анализа чувства зависитъ научное пониманіе прекраснаго и объясненіе искусства. Подъ вліяніемъ этой мысли теорія искусства, эстетика, превращается изъ метафизической въ опытную науку. Основою ея служатъ, при этомъ, физіологическія и психологическія наблюденія надъ чувствомъ эстетическимъ [1]). Первый опытъ довольно подробнаго изслѣдованія и анализа чувства эстетическаго въ психологіи является у Гербарта и его послѣдователей, затѣмъ у Вундта, у Бэна и Спенсера. Въ этихъ и другихъ

[1]) Образцами такого построенія эстетики, правда, еще только зарождающейся, могутъ служить: „Научные принципы изящныхъ искусствъ“ (Principes scientifiques des beaux arts), Брюкке и Гельмгольца; Vorschule der Aestetik, Fechner'a—съ преобладаніемъ чисто психологическаго наблюденія и анализа. Въ нашей литературѣ въ томъ же родѣ есть произведенія, какъ „Психофизическія основанія эстетики“, 1878 г., Велямовича, сводящаго прекрасное къ полезному; „Физіологическія объясненія нѣкоторыхъ элементовъ чувства красоты“ (1878), Оболенскаго, и др.

изслѣдованіяхъ собрано и обработано много довольно точныхъ научныхъ данныхъ относительно „прекраснаго“ и его „чувства“, и Психологія обогатилась интересною главою объ эстетическихъ чувствованіяхъ. Усиливающееся сознаніе громаднаго значенія въ жизни человѣка этихъ чувствованій и ихъ главнаго возбудителя—искусства, послѣ кратковременнаго презрѣнія къ нимъ, особенно рѣзко выразившагося въ нашей литературѣ; указаніе Дарвиномъ важной роли, которую будто бы играло „чувство красоты“ въ самомъ процессѣ образованія животныхъ организмовъ и человѣка,—все это, естественно, съ особенною силою привлекаетъ философовъ и естествоиспытателей къ изслѣдованію въ этой области и обезпечиваетъ дальнѣйшій успѣхъ этого отдѣла психологіи.

„Чувство эстетическое“ обусловливается въ своемъ происхожденіи нѣкоторыми *свойствами внѣшнихъ предметовъ* и нашихъ *внутреннихъ состояній*, или, точнѣе, своеобразнымъ дѣйствіемъ ихъ на нервы и душу.

Чувство это относится, по своему характеру, къ разряду пріятныхъ по преимуществу; можно сказать, что оно абсолютно пріятно. Правда, отсутствіе въ предметѣ свойствъ, возбуждающихъ эстетическое волненіе, а тѣмъ болѣе присутствіе его антагонистовъ, свойствъ, оскорбляющихъ эстетическое чувство, производитъ непріятное состояніе, непріятное чувство—безобразія и т. п.; но это состояніе не принято называть эстетическимъ (оно становится эстетическимъ чрезъ смѣхъ). Безусловная пріятность эстетическаго чувства уже отличаетъ его отъ всѣхъ другихъ пріятностей, всегда связанныхъ съ непріятными состояніями разнаго рода (напр., самое пріятное изъ другихъ чувствованій—любовь—весьма часто связано съ непріятностью отсутствія взаимности и т. п. непріятностями).

Характеристическія особенности предметовъ, способныхъ возбуждать эстетическое чувство и обусловливающихъ его пріятность, состоитъ въ слѣдующемъ. Во-первыхъ, они *непосредственно*, прямо, сами собою, своимъ непосредственнымъ дѣйствіемъ, безъ всякихъ постороннихъ соображеній и воспоминаній, *возбуждаютъ* въ насъ *удовольствіе*. Этимъ они рѣзко отличаются отъ предметовъ такъ

называемыхъ полезныхъ, видъ которыхъ и обладаніе которыми также возбуждаютъ въ насъ пріятное чувство, но не прямо, а въ силу представленія о тѣхъ удовольствіяхъ и выгодахъ, какія они намъ доставляютъ и могутъ доставлять. Правда, предметъ полезный можетъ и непосредственно возбуждать пріятное чувство и, слѣдовательно, съ чувствомъ пользы можетъ соединиться чувство эстетическое, — соединиться пріятное съ полезнымъ; но это будутъ два разныя чувства, явившіяся въ сочетаніи по смежности. Полезный предметъ можетъ быть безобразнымъ и не только не возбуждать эстетическаго чувства, но даже можетъ, какъ говорится, „оскорблять“ его, точнѣе, возбуждать противоположное ему состояніе; и наоборотъ, предметъ, возбуждающій эстетическое чувство, можетъ быть и бываетъ—въ огромномъ большинствѣ случаевъ — совершенно безполезнымъ, т. е. стоящимъ внѣ всякой связи съ потребностями жизни, съ интересами личности, рода. Этимъ, далѣе, эстетическая пріятность отличается отъ пріятности чувствъ гнѣва, любви и т. п., которыя стоятъ въ прямой связи съ самосохраненіемъ личности и рода. Вторая характеристическая особенность предметовъ, возбуждающихъ эстетическое чувство, состоитъ въ томъ, что они *не заключаютъ* въ себѣ прямо и непосредственно никакихъ *свойствъ*, *принадлежностей*, *способныхъ возбуждать* сильныя *непріятныя* состоянія. По крайней мѣрѣ, эти свойства должны быть доведены до послѣдняго minimum'а. Правда, самый прекрасный предметъ, т. е. обладающій всѣми свойствами, способными возбуждать эстетическое чувство, въ силу какихъ-нибудь непріятныхъ опытовъ, съ нимъ связанныхъ, можетъ непріятно дѣйствовать; но это будетъ лежать внѣ самаго предмета, будетъ съ нимъ въ случайной связи, не нарушающей его эстетической природы. Этимъ свойствомъ исключается изъ области эстетическаго все грязное, безнравственное и т. п. Стремленіе имѣть объекты эстетическаго чувства, возбудителей его съ этимъ характеромъ, есть одинъ изъ самыхъ сильныхъ стимуловъ къ искусственному созданію прекраснаго, которое въ природѣ часто соединяется съ непріятнымъ,—есть одно изъ главныхъ причинъ

художественнаго творчества во всѣхъ областяхъ. Третья характеристическая особенность предметовъ эстетическаго волненія состоитъ въ томъ, что пользованіе или, точнѣе, наслажденіе ими не ограничивается однимъ или нѣсколькими индивидуумами: ими всегда *можетъ наслаждаться неограниченное число людей*, или, вообще, всѣ люди, оставляя ихъ цѣлыми и неприкосновенными, не истребляя и не уничтожая ихъ. Этою чертою предметы, возбуждающіе эстетическое чувство, также отличаются отъ всѣхъ другихъ предметовъ, доставляющихъ и могущихъ доставлять намъ удовольствіе. Однимъ и тѣмъ же кускомъ (пищи, лакомства) не могутъ наслаждаться не только нѣсколько людей, но даже двое и т. п. Оттого всѣ эти удовольствія порождаютъ соперничество и затѣмъ вражду между людьми, — служатъ источникомъ раздора и разъединяютъ людей. Между тѣмъ, прекраснымъ видомъ, прекрасною картиною, музыкальною пьесою, поэтическимъ произведеніемъ могутъ наслаждаться милліоны людей,—всѣ въ одинаковой степени, или кто какъ можетъ, смотря по природнымъ свойствамъ и по степени развитія. Отъ этого предметы наслажденія не дѣлаются хуже, и ихъ не убываетъ. Отсюда смягчающая нравы сила прекраснаго, или, точнѣе, чувствъ, возбуждаемыхъ имъ, и цивилизующая, гуманизирующая сила изящнаго искусства. Въ области эстетическаго чувства нѣтъ никакого мѣста враждебности, нѣтъ никакого повода къ ней. Люди здѣсь не мѣшаютъ другъ другу. Напротивъ, чѣмъ больше людей вмѣстѣ предаются эстетическому наслажденію, тѣмъ оно сильнѣе у каждаго изъ участниковъ — въ силу симпатіи. Не возбуждая вредныхъ, враждебныхъ чувствъ, не давая мѣста ихъ развитію и, такимъ образомъ, отрицательно, при частомъ возбужденіи, подавляя ихъ, или ослабляя, эстетическое волненіе способствуетъ—положительно—возбужденію благожелательныхъ и возвышенныхъ волненій, по закону гармоніи или сродства въ области чувствованій; оно производитъ *общій подъемъ всей жизни духа* и потому-то, между прочимъ, служитъ лучшимъ источникомъ вдохновенія. Этимъ свойствомъ— изъ круга эстетическихъ исключаются объекты низшихъ чувствъ:

ихъ всеобщность только призрачная. Предметы эти лежатъ въ области слуха, зрѣнія и отчасти осязанія и мускульнаго чувства.

Ознакомившись съ особенностями предметовъ, возбуждающихъ эстетическое чувство, свойствами, дѣлающими эти предметы прекраснымп, мы неизбѣжно встрѣчаемся теперь съ вопросомъ: *какъ являются* эти *свойства*, которыя, какъ и всякія свойства, суть *дѣйствія* предметовъ на нашъ организмъ и на нашу душу? *въ чемъ* состоитъ, слѣдовательно, *дѣйствіе на организмъ и душу* объектовъ эстетическаго чувства?

Дѣйствіе это представляетъ, по самому существу дѣла, двѣ стороны, или два момента: дѣйствіе непосредственно на органы чувствъ внѣшнихъ предметовъ—естественныхъ и искусственныхъ—въ сферѣ ощущенія, или, точнѣе, чувственнаго воспріятія, и—дѣйствіе на умъ и, вообще, на высшія силы и, въ свою очередь, воздѣйствіе ума на внѣшніе предметы—дѣйствіе красоты въ сферѣ духовной. Первое даетъ начало и основу такъ называемой „физической красотѣ", второе—красотѣ въ области идей, или представленій,—„духовной красотѣ",—въ этомъ смыслѣ. Въ первомъ случаѣ—дѣйствіе чисто физическое или психофизическое; во второмъ оно осложняется умственными операціями—сравненія, воспроизведенія разнаго рода и особенно операціями творческихъ построеній, или фантазіи, волненіями. Въ силу этого, мы разсмотримъ сначала красоту „физическую" или „психофизическую"—въ области чувствъ, составляющихъ проводники эстетическаго возбужденія въ области слуха, зрѣнія и чувства мускульнаго; затѣмъ—красоту, проистекающую изъ сочетанія съ физическими возбудителями внутреннихъ дѣятельностей—мысли, чувствъ и—особенно—фантазіи.

Эстетическія волненія возникаютъ первоначально и въ низшихъ своихъ, простѣйшихъ формахъ въ связи съ ощущеніями и чувственными воспріятіями въ области слуха, зрѣнія и мускульнаго чувства—движеній, давая въ этомъ случаѣ начало сознанію присутствія въ природѣ такъ называемой „физической красоты" и побуждая къ созданію прекрасныхъ формъ въ искусствѣ.

Съ этой точки зрѣнія, эстетическое волненіе есть особый видъ удовольствія, специфическій характеръ котораго, сравнительно со всѣми другими удовольствіями, опредѣляется тѣмъ, что оно есть спеціально *удовольствіе гармоніи*, исключительно связано съ воспріятіемъ, именно, гармоническихъ сочетаній звуковъ, цвѣтовъ и зрительныхъ формъ, также движеній, причемъ гармонія формъ и движеній обыкновенно называется *симметріею*. Подъ именемъ гармоніи-симметріи разумѣется такое сочетаніе звуковъ, зрительныхъ формъ и движеній въ одно болѣе или менѣе обширное, но всегда легко и удобно воспринимаемое цѣлое, части котораго, съ одной стороны, сходны между собою, даже тождественны и совпадаютъ взаимно, съ другой—представляютъ нѣкоторую разницу, не нарушающую этого сходства и не препятствующую совпаденію. Такимъ образомъ, гармонія, или чувство-сознаніе гармоніи, дающее начало эстетическому волненію, затѣмъ идеѣ красоты физической и самой этой красотѣ, сводится къ одновременному или послѣдовательному воспріятію сходствъ въ различіяхъ, или, какъ выражаются эстетики, „единства въ разнообразіи". Въ области звуковъ искусственно—въ музыкѣ—гармонія осуществляется въ согласіи, консонансѣ отдѣльныхъ звуковъ, въ правильномъ слѣдованіи и чередованіи отдѣльныхъ консонансовъ и цѣлыхъ группъ ихъ—въ такъ называемомъ ритмѣ, въ чередованіи высокихъ и низкихъ тоновъ, называемыхъ мелодіею, даже въ слабыхъ диссонансахъ, которыми гармонія не нарушается, только оттѣняется и становится рельефнѣе и отчетливѣе, увеличивая разнообразіе при единствѣ. Въ человѣческой рѣчи гармонія осуществляется въ правильномъ чередованіи слоговъ различной длины, удареній, также согласій, называемыхъ риѳмами: всѣ эти элементы гармоніи въ рѣчи, всякій въ отдѣльности и всѣ въ совокупности, производятъ рѣчь музыкальную, или стихи. Въ области цвѣтовъ гармонія доселѣ не разложена на составные элементы. Считаются гармоническими такъ называемые дополнительные другъ къ другу цвѣта, т. е. изъ сочетаній которыхъ получается бѣлый цвѣтъ,—это: красный и зеленовато-синій; или—голубой, оранжевый и синій; голубой,

желтый и синій; голубой, зеленовато-желтый и фіолетовый. Гармонія формъ состоитъ въ согласіи фигуръ пространственныхъ въ ихъ „прямой“ соизмѣримости, напр., въ правильно раздѣленномъ линіями четвероугольникѣ, кругѣ и во всякой другой геометрической фигурѣ. Это симметрія въ собственномъ смыслѣ. Затѣмъ слѣдуетъ сочетаніе формъ по такъ называемому „золотому сѣченію“ (goldene Snitt), или дѣленіе по „золотому правилу“, которое гласитъ: „цѣлое должно относиться къ большей части своей, какъ эта послѣдняя—къ меньшей“. Это дѣленіе аналогично съ ритмомъ въ музыкѣ, размѣромъ въ стихахъ. Какъ въ естественныхъ, такъ и искусственныхъ произведеніяхъ, отличающихся красотою формъ и возбуждающихъ описываемое элементарное эстетическое волненіе,—оба эти элемента сочетаются въ одно цѣлое (т. е. симметрія простая и симметрія, возникающая изъ раздѣленія по золотому правилу). Красота физическая человѣческой фигуры, животныхъ и растительныхъ формъ сводится къ этому, именно, сочетанію элементовъ красоты пространственной. Человѣческая, напр., фигура, съ одной стороны,—двусторонне симметрична, съ другой—она пропорціональна, или построена по золотому правилу. Всякое нарушеніе порядка въ ту или другую сторону дѣлаетъ тѣло человѣческое физически безобразнымъ. Симметрія и пропорціональность частей составляетъ также и красоту физическую лица. Нарушеніе ея въ томъ или другомъ отношеніи дѣлаетъ лицо некраснвымъ, даже безобразнымъ (отсутствіе уха или глаза, одна щека слишкомъ выпуклая, другая впалая и т. п.). По отношенію къ движеніямъ имѣетъ значеніе, mutatis mutandis, все сказанное касательно формъ, тѣмъ болѣе, что самыя формы физическія воспринимаются при помощи движенія и суть какъ бы отвердѣвшія движенія нашего организма, отмѣченныя мускульнымъ чувствомъ. Надобно замѣтить, что ко всѣмъ этимъ основамъ красоты физической присоединяется еще *привычка* къ тому или другому роду гармоническихъ сочетаній во всѣхъ областяхъ. Привычка облегчать воспріятіе сложнаго гармоническаго цѣлаго повышаетъ и самое волненіе (эстетическое), подъ вліяніемъ этого воспріятія. Этимъ объясняется неодинаковое понятіе о кра-

сотѣ у различныхъ расъ и даже народовъ и отдѣльныхъ классовъ общества, хотя сюда входитъ, какъ увидимъ, нѣсколько другихъ факторовъ чисто психическаго характера: ассоціацій съ фигурою, представленій психическихъ и физическихъ качествъ, пріятныхъ почему-либо, также случайно сформировавшагося вкуса—моды. При этомъ, самыми красивыми признаются въ каждой расѣ индивидуумы, въ которыхъ характеристическія особенности расы, народа, класса общества, во всей фигурѣ или въ лицѣ, особенности, постоянно воспринимаемыя и ставшія привычными,—повышаются, не нарушая общихъ законовъ симметріи. Европейцу кавказскаго племени нравится бѣлый цвѣтъ кожи, длинные, прямые и слегка завивающіеся волосы, овальные большіе глаза, прямой и слегка загнутый носъ, тонкія губы и проч. Негръ считаетъ человѣка красавцемъ, когда цвѣтъ кожи приближается къ цвѣту чернаго дерева, носъ до-нельзя приплюснутъ, бѣлки глазъ блещутъ бѣлизною, губы необычайно толсты, волосы курчавы, какъ шерсть у овцы, и проч. Человѣкъ монгольской расы считаетъ верхомъ красоты—голову кверху съуженную (рѣдькою вверхъ), конусообразную, узкіе глаза, выдавшіяся скулы и пр. Искусственное увеличеніе красоты идетъ въ томъ же направленіи. Европеецъ бѣлится, негръ чернится, монголъ увеличиваетъ желтизну кожи; европеецъ расчесываетъ волосы и симметрически располагаетъ ихъ, негръ всклокочиваетъ и старается сдѣлать ихъ шапко-образными, монголъ брѣетъ голову и оставляетъ на макушкѣ косу въ видѣ хвоста, чтобы увеличить остроконечность своей головы и т. п. Разнаго рода уродованія тѣла для украшенія составляютъ, при этомъ, дѣло случайно возникающей моды, хотя, опять, стоятъ въ нѣкоторой связи съ характерными особенностями того или другого типа красоты. (Прокалываніе носовыхъ хрящей, ушей, удлиненіе черепа и т. п.). Во всѣхъ этихъ случаяхъ чувство красоты человѣческаго лица и фигуры сводится къ гармоническому сочетанію частей тѣла или лица, только части эти имѣютъ различный характеръ, строеніе у различныхъ расъ. Эти, именно, различія, въ силу привычки, становятся основами пріятности для расы, обладающей ими, и

отвратительными для другой, привыкшей къ другимъ составнымъ частямъ гармоническаго цѣлаго. *Основа чувства красоты остается неизмѣнною*, всюду тождественною, или, какъ говорятъ метафизики, абсолютною,—*измѣняются* только *побочные*, несущественные акцессуары и *черты, пріятность которыхъ зависитъ отъ привычки*, дѣлающей легкимъ воспріятіе постоянно испытываемаго. То же самое можно наблюдать и въ искусственныхъ прекрасныхъ формахъ у разныхъ расъ и народовъ (напр., въ архитектурныхъ произведеніяхъ): вездѣ гармонія, симметрія—необходимое условіе.

„Красота физическая" сводится, такимъ образомъ, къ воспріятію гармоніи въ звукахъ и цвѣтахъ и къ симметріи линій и величинъ пространственныхъ, также къ гармоніи и симметріи движеній. *Причина пріятности* воспріятія гармоническаго и симметрическаго въ предметахъ заключается *въ особенной легкости нервной и душевной дѣятельности* при этомъ. Направленіе и характеръ траты нервной силы остаются, при воспріятіи гармоническаго и симметрическаго, въ цѣломъ, одними и тѣми же, и каждая послѣдующая форма дѣятельности подготовляется предыдущею, предопредѣляется ею и какъ бы ожидается; но съ тѣмъ вмѣстѣ въ каждый моментъ форма траты силы разнится, приводятся въ дѣятельность новые нервные элементы, а не тѣ, которые работали въ предыдущей формѣ. Этимъ устраняется всякое утомленіе нервовъ: они попеременно работаютъ и отдыхаютъ. Характеръ элементовъ гармоническаго или симметрическаго цѣлаго, какъ мы видѣли, можетъ быть весьма различенъ,—собственно говоря,—можетъ разнообразиться до безконечности. При этомъ, *большая или меньшая пріятность* воспріятія симметрическихъ и гармоническихъ сочетаній того или другого характера зависитъ *отъ привычки* къ тому или другому характеру элементовъ. Привычка въ этомъ случаѣ производитъ особенную легкость воспріятія того, что часто воспринимается. Гармоническое или симметрическое сочетаніе звуковъ, цвѣтовъ, величинъ и движеній такого рода, которые рѣдко воспринимались или вовсе не воспринимались въ предшествовавшемъ опытѣ, воспринимается съ усиліемъ и трудомъ.

Этимъ пріятность гармоніи или симметріи ослабляется или даже вовсе устраняется и переходитъ въ чувство непріятности, даже отвращенія. На указанномъ сейчасъ принципѣ основывается, какъ мы видѣли, объясненіе различій въ понятіи о красотѣ у людей различныхъ расъ, народовъ, обществъ, положеній и т. п. Къ этому фактору присоединяется, конечно, нѣсколько другихъ дѣятелей чисто духовныхъ—ассоціацій разнаго рода.

Чувство красоты—эстетическое—*повышается*, становится полнѣе и напряженнѣе, когда воспріятіе физической красоты *осложняется* и дополняется разнаго рода чисто духовными состояніями пріятнаго характера, которыя вызываются физически-прекраснымъ, цѣлымъ или какою-либо его частью, и даютъ физической причинѣ то, что называется обыкновенно *внутреннимъ содержаніемъ*. Эстетическій характеръ такого осложненія, помимо прибавки къ существующему удовольствію „новаго", имѣетъ своею причиною также и гармонію своего рода—гармоническое сочетаніе съ физическою красотою внутреннихъ, чисто субъективныхъ состояній, такъ называемую „гармонію формы съ содержаніемъ".

Сочетаніе съ физически-прекраснымъ пріятныхъ идей, волненій, стремленій и дѣйствій и образованіе этимъ путемъ его содержанія, совпадающаго и гармонирующаго съ формою, происходитъ—просто и естественно—въ силу того, что, напр., звуки всякаго рода, также зрительныя-пространственныя и цвѣтныя формы, формы всякаго рода движеній—открываютъ намъ внутреннее существо вещей и, прежде всего, существъ живыхъ, одушевленныхъ, служатъ знаками, символами ихъ внутреннихъ состояній и измѣненій, которыя мы толкуемъ по аналогіи съ своими собственными внутренними состояніями и измѣненіями, состоящими у насъ въ связи съ подобнаго же рода звуками, формами и движеніями. Потому, есть звуки, формы и движенія простые по своему составу и неотличающіеся гармоніею,—которые прямо возбуждаютъ въ насъ пріятныя волненія, пріятныя представленія, желанія и т. п. Такъ, тихіе, замирающіе звуки, такъ называемые нѣжные, способны вызывать пріятное въ высшей степени настроеніе и даже

волненіе нѣжности; тотъ же самый эффектъ имѣютъ и цвѣта, называемые нѣжными, тихія, плавныя движенія, фигуры дѣтей, миніатюрныхъ красивыхъ животныхъ и т. п. Звуки сильные, постепенно—crescendo—возрастающіе, вызываютъ прямо пріятное чувство силы и внутренней мощи; то же самое производитъ вся сильная фигура атлета, массивнаго предмета—зданія, горы, моря, бури. Звуки протяжные, заунывные, выраженія тихой грусти въ фигурѣ, видъ красивой развалины, пустыннаго ландшафта—вызываютъ пріятное возбужденіе особаго рода грусти, задумчивости. Звукъ веселаго смѣха, трелей, журчанія воды, щебетаніе птицъ, пляска и прыганье—возбуждаютъ прямо веселое настроеніе. Полетъ птицъ, движеніе облаковъ, вѣтры и т. п. могутъ вызывать пріятное чувство свободы; чувство это можетъ вызываться и нѣкоторыми звуками. Въ виду такой прямой связи звуковъ, зрительно-пространственныхъ и цвѣтовыхъ формъ, также формъ движенія—съ пріятными душевными состояніями, становится вполнѣ понятнымъ, какимъ образомъ прекрасно сочетанное физическое цѣлое, гармоническая совокупность формъ, цвѣтовъ и движеній всею цѣлостью своею можетъ быть направлена къ тому, чтобы возбудить удовольствіе нѣжности, любви, или чувства силы и могущества, свободы, вызвать радость, веселость, пріятную грусть и т. п. Неизмѣнно возбуждая во всякомъ человѣкѣ или въ массѣ людей съ развитымъ вкусомъ въ томъ или другомъ отношеніи то или другое волненіе, физическое прекрасное будетъ казаться само: нѣжнымъ, могучимъ, грустнымъ, радостнымъ, веселымъ. Такъ обыкновенно и бываетъ, какъ прямо свидѣтельствуютъ всѣ языки: человѣкъ *переноситъ свое внутреннее состояніе*, какъ свойство, *на* причину и *дѣятеля, его вызывающаго* неизмѣнно, помѣщаетъ свое чувство въ объективную совокупность звуковъ, формъ, движеній,—и говоритъ, что они проникнуты такимъ-то или такимъ чувствомъ, воплощаютъ его въ себѣ. Когда въ подобнаго рода произведеніи природы или искусства весь его составъ—стройно, полно, безъ всякой фальши, диссонанса и уклоненія въ сторону способенъ вызывать данное чувство пріятное, или, говоря мета-

форически, „воплощать“ его въ себѣ, „носить“ его въ себѣ, какъ свое духовное содержаніе, свою душу,—тогда, при воспріятіи физически-прекраснаго, возникаетъ само собою добавочное волненіе чисто эстетическаго характера—*чувство гармоніи формы и содержанія*, единства ихъ при различіи по природѣ, чувство сліянія въ одно живое цѣлое разнороднаго по существу. Такимъ образомъ, простое само по себѣ—не-эстетическое—удовольствіе нѣжности, силы, радости и т. п., соединяясь съ двойнымъ чувствомъ—гармоніи, само получаетъ возвышенный, чисто эстетическій характеръ, а цѣлое, составленное изъ этихъ трехъ элементовъ, слитыхъ въ нераздѣльное единство, получаетъ характеръ красоты высшаго порядка, красоты одухотворенной, или—духовной. Само собою понятно, что такое идеальное сочетаніе встрѣчается не часто—какъ въ природѣ, такъ и въ искусствѣ. Понятное также дѣло, что одно произведеніе природы или искусства можетъ вызывать и всѣ указанныя пріятныя чувства и часть ихъ, опять, въ гармоническомъ сочетаніи. Тогда удовольствіе эстетическое будетъ еще полнѣе, потому что получится новая гармонія, новое единство въ разнообразіи, новое, болѣе сложное, живое, одушевленное цѣлое. При этомъ, удовольствіе еще усилится переходами отъ одного волненія пріятнаго къ другому, потому что такое разнообразіе само по себѣ пріятно, исключая всякое утомленіе.

Какъ бы то ни было, въ описанномъ сочетаніи *физическая красота одухотворяется* и *повышается*, и мы такъ привыкаемъ къ этому одухотворенію, такъ настойчиво ищемъ его въ физически-прекрасномъ, что отсутствіе его въ гармоническомъ-физически возбуждаетъ въ насъ неудовольствіе, даже отвращеніе (напр., красивое лицо—безъ опредѣленнаго выраженія какого-либо духовнаго, внутренняго, пріятнаго содержанія; наборъ стройно сочетанныхъ музыкальныхъ фразъ, звучные стихи—безъ живой оригинальной мысли и чувства и т. п.). Мало того, присутствіе въ предметѣ духовнаго содержанія, вызовъ имъ въ насъ пріятныхъ душевныхъ возбужденій миритъ насъ съ отсутствіемъ въ предметѣ физической красоты и гармоніи, заставляетъ забывать

и игнорировать даже безобразіе. Такъ, некрасивое лицо какъ-бы украшается выраженіемъ, наприм., счастья, радости, нѣжности, силы духа, энергіи. Когда духовное содержаніе вполнѣ не соотвѣтствуетъ внѣшней формѣ и прямо вызываетъ въ насъ чувство неудовольствія, воспріятіе самой большой красоты физической становится тягостнымъ и вполнѣ непріятнымъ.

Эстетическое удовольствіе „духовной красоты“ *повышается* еще побочными, во многихъ случаяхъ, *возбужденіями* пріятнаго характера, возникающими *по ассоціаціи*, при воспріятіи прекраснаго предмета. Эти ассоціаціи имѣютъ—или чисто личный характеръ, или общественный, національный и даже общечеловѣческій. Живое возникновеніе ихъ и сила удовольствія, ими вызываемаго и дополняющаго чисто эстетическое наслажденіе, зависятъ отъ подъема всѣхъ силъ духа, подъ вліяніемъ эстетическаго удовольствія, которое какъ бы ищетъ всюду себѣ поддержки. Состоятъ они: изъ пріятныхъ воспоминаній, относящихся къ собственной жизни, къ исторіи своего народа или человѣчества, воспоминаній, гармонирующихъ съ характеромъ воспринимаемаго прекраснаго и вызываемаго имъ волненія или настроенія; изъ возбужденія пріятныхъ желаній и стремленій, которыя влекутъ за собою творческія построенія пріятныхъ условій собственной жизни,—ряды живыхъ образовъ и мечтаній; изъ возбужденія энергической дѣятельности мысли, опять, въ гармоніи съ даннымъ прекраснымъ и т. п. Въ силу чистой своей *субъективности*, духовная красота, оставаясь, какъ и красота физическая, безотносительною по своей сущности, по своему составу, одинаковою у всѣхъ людей, *подвергается*, какъ и послѣдняя, *измѣненіямъ*, зависящимъ отъ особенностей матеріала, входящаго въ составъ ея у людей различнаго характера, разныхъ національностей, разныхъ общественныхъ положеній и, опять, *отъ привычки* воспринимать гармоническое сочетаніе формы и содержанія такого, а не другого характера. Этимъ объясняется то, что на одного человѣка производитъ болѣе сильное впечатлѣніе воплощеніе въ прекрасномъ силы, величія, свободы,—другой наслаждается болѣе выраженіемъ печали,—третій—радости,

невинности, простодушія и т. п. Отъ этого же зависитъ существованіе національной музыки, живописи, архитектуры, особенностей національнаго вкуса къ картинамъ природы. Мелодія, картина, приводящія въ восторгъ русскаго человѣка, не вызоветъ такого волненія у француза, нѣмца,—вызоветъ даже, пожалуй, эстетическое страданіе, и наоборотъ.

Но и этимъ не исчерпывается еще духовная красота и средства, ея усиливающія и разнообразящія Одухотворяя звуки, формы, движенія своимъ чувствомъ, своими мыслями и желаніями, воспоминаніями и навыками, одухотворяя, такимъ образомъ, всю природу, человѣкъ еще *олицетворяетъ* ее и тѣмъ *создаетъ* новое гармоническое отношеніе къ ней и *новый источникъ эстетическаго наслажденія*. Олицетвореніе предметовъ и явленій природы вызываетъ у человѣка само собою и естественно, въ самыя раннія эпохи его развитія, въ качествѣ объясненія, гипотезы и оставляетъ глубокіе слѣды во всѣхъ языкахъ, переполненныхъ метафорами, олицетвореніями. Но, теряя постепенно это свое первоначальное значеніе, оно остается—какъ источникъ эстетическаго удовольствія и обнимаетъ собою всѣ сферы бытія. Олицетворяются всѣ отдѣльные предметы и явленія физической природы, явленія личной и общественной жизни человѣка, племени и народа, вся, наконецъ, природа. *Причина* высокаго *наслажденія*, вызываемаго такими олицетвореніями, въ связи съ красотою, зависитъ отъ того, что въ нихъ уничтожается разладъ между разумнымъ духомъ и безсознательною природою, получается своего рода сліяніе, *единеніе духа съ внѣшнимъ міромъ*, т. е гармонія противоположностей, — осуществляется, въ фантазіи, гармонія самаго высокаго порядка. Въ извѣстной степени созданіе такой гармоніи доступно всѣмъ людямъ; но она достигаетъ своей полноты только у людей съ богатою фантазіею и особаго рода чутьемъ,—у такъ называемыхъ поэтовъ, которые являются, въ этомъ смыслѣ, толкователями природы, помогающими остальнымъ людямъ войти съ ней въ живое общеніе и гармоническое соотношеніе.

„Физически-прекраснымъ“ формамъ дается соотвѣтствующее *содержаніе духовное*, *при помощи сочетанія* съ ними *пріятныхъ волненій* разнаго рода, сочетанія гармоническаго—объединенія и слиянія формы съ содержаніемъ. *То же самое достигается* и *путемъ* чисто интеллектуальнаго акта *олицетворенія* природы и жизни человѣческой, конечно, въ образахъ, способныхъ возбуждать удовольствіе, которое при этомъ увеличивается еще пріятнымъ чувствомъ родства, гармоніи съ неразумнымъ и даже мертвымъ механическимъ бытіемъ, уничтоженія разлада между этимъ послѣднимъ и человѣческимъ духомъ. Къ этому же разряду нужно отнести построеніе идеальнаго совершенства формъ человѣческой личности, изображеніе гармоническаго сочетанія высшихъ силъ духа (Созерцаніе гармоніи въ ходѣ природы и міровой жизни). Но эстетическое волненіе можетъ быть возбуждаемо даже тяжелыми и непріятными по своей природѣ чувствованіями, каковы: страхъ, ужасъ, гнѣвъ, ненависть, горе, разочарованіе, мученія совѣсти и т. п., также мрачными, даже отвратительными образами и картинами: демоновъ, злодѣевъ, преступленій, нравственнаго паденія и униженія человѣка и т. п. Только волненія эти, въ этомъ случаѣ, должны стать—такъ или иначе—пріятными и возвышать человѣка, наслаждающагося ими. Возможность *превращенія непріятнаго* и отвратительнаго *въ пріятное* основывается на томъ, что состоянія и свойства эти, созерцаемыя нами въ другихъ и воспринимаемыя только идеально, могутъ быть, какъ извѣстно, пріятными, возбуждая душевную дѣятельность, давая возможность иногда испытывать незнакомыя почти волненія, т. е. новыя, также—пріятное чувство своего превосходства и своего положенія. Когда удовольствія такого рода возбуждаются дѣйствительными страданіями и униженіемъ живыхъ существъ,—они не имѣютъ эстетическаго характера, потому что должны осложняться неудовольствіемъ, которое можетъ перейти прямо въ страданіе, при симпатическомъ поставленіи себя на мѣсто страдающихъ и униженныхъ. Если же этого не бываетъ, то получается нехорошее чувство—злорадство или—унизительное для существа

разумнаго—состояніе неспособности понимать бѣдствіе и страданіе другихъ людей и существъ (неразумныхъ). Въ силу этого, чисто эстетическое удовольствіе отъ (созерцанія) непріятнаго и тягостнаго возможно только при созерцаніи его въ художественныхъ произведеніяхъ—искусства, когда дѣйствительное страданіе отсутствуетъ и дано только въ идеѣ, образѣ—въ статуѣ, картинѣ, поэмѣ, драмѣ, романѣ и т. п. Но даже и при этомъ—осуществленіе его въ душѣ созерцающаго требуетъ довольно высокаго уровня умственнаго, нравственнаго и эстетическаго развитія. Иначе,—и поэтическое изображеніе страданій и униженія вызоветъ впечатлѣніе дѣйствительности, порождая дѣйствительное страданіе или дурные инстинкты и чувства, которые, какъ такіе, уже исключаются изъ области эстетическаго.

Къ области эстетическихъ волненій относится также *чувство „смѣшного“*, съ его видами—„комическимъ“ и „юморомъ“, которыя возбуждаются воспріятіемъ любого рода гармоніи въ дисгармоніи всякаго рода—въ природѣ и искусствѣ. Волненіе это имѣетъ особое, спеціальное физическое выраженіе, отъ котораго получило названіе,—очень тонкое и сложное по своему строенію—съ внутренней, психической стороны. Хотя выраженіе чувства „смѣшного“—рефлексъ „смѣха“ связанъ съ другими волненіями—съ простымъ удовольствіемъ, радостью, злорадствомъ и т. п.; но, по своимъ психическимъ причинамъ и, вѣроятно, физіологическимъ, здѣсь онъ есть нѣчто особое, не похожее на смѣхъ удовольствія и радости. Тамъ онъ возникаетъ изъ особаго расположенія мускуловъ лица—удобнаго, легкаго, пріятнаго, гармонирующаго съ внутреннимъ состояніемъ и повышенной дѣятельности нервной системы. Здѣсь онъ является результатомъ особаго соотношенія душевныхъ дѣятельностей и особаго состоянія нервной системы, и имѣетъ близкое родство съ рефлексомъ смѣха, возбуждаемымъ *щекотаніемъ*, которымъ вызывается удовольствіе своего рода и страданіе вмѣстѣ. И смѣхъ здѣсь направленъ скорѣе къ заглушенію, нейтрализаціи страданія, чѣмъ къ увеличенію выраженія и поддержкѣ удовольствія. Кромѣ того, смѣхъ эстетическій, какъ

и чувство „смѣшного“ свойственны одному только человѣку, тогда какъ смѣхъ удовольствія наблюдается и у животныхъ: не имѣя чувства „смѣшного“, животныя также не обнаруживаютъ никакихъ признаковъ смѣха и подъ вліяніемъ щекотанія.

b) Нравственное чувство.

Нравственная природа человѣка. Значеніе термина „нравственное чувство". Потребность построенія психологической теоріи нравственнаго чувства.—Изслѣдованія нравственной природы человѣка—съ древняго до настоящаго времени, какъ матеріалъ для рѣшенія вопросовъ о нравственномъ чувствѣ. Разборъ теорій нравственнаго чувства: нативистической, эмпирической и интуитивистической. Необходимая постановка всесторонняго изслѣдованія нравственнаго чувства.—Двѣ фазы развитія нравственнаго сознанія человѣка и возможность опредѣленія по нимъ третьей—зародышевой. Происхожденіе и развитіе идей добра и зла, чувства долга и нравственнаго закона въ человѣчествѣ и у отдѣльныхъ личностей, по теоріи утилитарно-эвдемонистической; несостоятельность—въ цѣломъ—этой теоріи.—Необходимость признанія внутренней основы нравственнаго чувства. Идеалъ и его значеніе въ нравственной жизни человѣка,—по аналогіи съ организаціоннымъ планомъ природы неразумной. Связь происхожденія идей добра и зла, нравственнаго закона и чувства долга съ идеаломъ. Отсутствіе въ чувствѣ долга внѣшняго принужденія; объясненіе сознанія тяжести долга. Волненіе совѣсти и составъ его. Волненіе свободы, какъ элементъ нравственнаго чувства. Два противоположныя воззрѣнія на свободу и попытка примиренія ихъ.

Жизнь человѣческая слагается, между прочимъ, изъ множества самыхъ разнообразныхъ дѣйствій, въ основѣ которыхъ лежатъ различныя потребности, стремленія и, развивающіяся изъ

нихъ, желанія. При этомъ, человѣкъ не только совершаетъ дѣйствія подъ вліяніемъ естественныхъ мотивовъ — удовольствія и страданія, пользы и вреда, отъ нихъ проистекающихъ, но еще *оцѣниваетъ* ихъ и до и послѣ совершенія,—независимаго отъ пріятности или непріятности ихъ, полезности или вредности,—почитая одни дѣйствія хорошими—добрыми, добродѣтелями, другія—дурными, злыми—пороками, преступленіями. Вслѣдъ за такою оцѣнкою и различеніемъ потребностей, стремленій, цѣлей и дѣйствій своихъ собственныхъ и другихъ людей, у человѣка всегда является сознаніе необходимости, обязательности, какъ для него самого, такъ и для всѣхъ другихъ людей, — совершать дѣйствія добрыя и воздерживаться отъ злыхъ, и, такимъ образомъ, самая оцѣнка дѣйствій и ихъ раздѣленіе на добрыя и злыя становятся могущественнымъ мотивомъ человѣческой дѣятельности Мотивъ этотъ, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ, называется мотивомъ долга, или нравственнымъ, также *чувствомъ долга.* Въ тѣсной связи съ сознаніемъ обязательности совершать добро и избѣгать зла, съ чувствомъ долга, въ прямой даже зависимости отъ него,—является у каждаго человѣка признаніе возможности, при отсутствіи прямого внѣшняго насилія, совершать добро и воздерживаться отъ зла, во всѣхъ условіяхъ и обстоятельствахъ жизни. Это всеобщее признаніе—чувство возможности для человѣка всегда осуществлять въ своей жизни добро, признаніе, такъ хорошо выраженное Кантомъ въ его знаменитомъ „debes, ergo potes“, — называется *чувствомъ свободы,* а объективный фактъ зависимости дѣйствій человѣка отъ него самого, отъ его воли, называется *нравственною свободою,* или свободою воли. Чувство свободы само собою влечетъ признаніе человѣкомъ себя самого причиною своихъ дѣйствій, виновникомъ ихъ и отвѣтственнымъ за ихъ качество, заставляетъ его также считать и всѣхъ другихъ людей виновниками своихъ дѣйствій. Чувство виновности, въ свою очередь, служитъ источникомъ сложнаго волненія особаго рода, — пріятнаго при совершеніи добра и непріятнаго, мучительнаго при совершеніи зла,— *волненія,* извѣстнаго подъ именемъ *одобренія* и *мученія совѣсти.*

Волненіе это возникаетъ съ особою опредѣленностію и силою по совершеніи такого или другого дѣйствія самимъ человѣкомъ, но въ болѣе слабой формѣ является при простомъ его представленіи, особенно намѣреніи совершить, также при видѣ совершенія или выраженнаго намѣренія совершить его другими. Наконецъ, удовольствіе и спокойствіе совѣсти по совершеніи добра и другія блага внутреннія и внѣшнія, связанныя съ нимъ, также мученія совѣсти, слѣдующія за совершеніемъ злого дѣйствія, и другія страданія, порождаемыя имъ, вызываютъ въ человѣкѣ чувство одобренія такой связи добра съ удовольствіемъ и зла съ страданіемъ и чувство неодобренія противоположнаго этому отношенія. Это чувство, одобряющее награду за добро и наказаніе—страданіе за зло, называется *чувствомъ справедливости*.

Рядъ тѣсно связанныхъ между собою внутреннихъ состояній, начинающійся оцѣнкою дѣйствій человѣческихъ и раздѣленіемъ ихъ на добрыя и злыя существуетъ, по свидѣтельству прямого опыта и наблюденія, у каждаго нормальнаго человѣка, на всѣхъ ступеняхъ культурнаго его развитія, и входитъ, какъ одинъ изъ существенныхъ отличительныхъ признаковъ, въ самое понятіе о человѣкѣ. Являясь въ различныхъ формахъ на разныхъ степеняхъ опредѣленности, отчетливости и силы, все это представляетъ собою цѣлую—особую сторону человѣческаго бытія, человѣческой природы и называется „нравственною стороною“, „нравственною природою человѣка“. Оцѣнка и различеніе дѣйствій дѣлаетъ человѣка существомъ нравственнымъ, нравственною личностію, даже въ томъ случаѣ, если онъ не имѣетъ возможности, напр., вслѣдствіе насилія, обнаруживать эту сторону своей природы въ дѣятельности. При этомъ, оцѣнка всякаго даннаго дѣйствія, ей подлежащаго, чувство долга, свободы, одобренія или возмущенія совѣсти, чувство справедливости, возникаютъ въ душѣ, обыкновенно, съ такою быстротою, что сливаются въ сознаніи въ одно цѣлое, въ одну сплошную дѣятельность, которая кажется простою, неразложимою, моментально совершающеюся и носитъ разныя названія,—называется „совѣстію“, „нравственною способностію“, „нравствен-

нымъ мотивомъ". Въ своемъ дѣйствіи *эта*, кажущаяся простою, но, въ сущности, *весьма сложная сила*, или *способность*, *открываетъ* человѣку въ его собственной жизни и въ цѣлой вселенной новыя *качества и отношенія, изъ коихъ слагается нравственный порядокъ вселенной*, недоступный сознанію и воспріятію безъ участія этого дѣятеля. Потому-то нравственная сила, или способность, по аналогіи съ другими способностями души, черезъ которыя открываются человѣку различныя другія стороны или области бытія и которыя всѣми мѣтко называются „чувствами",—тоже носитъ названіе „чувства" и, именно, *чувства нравственнаго*. Таковы, напримѣръ: чувство внѣшнее, открывающее человѣку внѣшній матеріальный міръ; чувство внутреннее, въ которомъ человѣку даетъ себя знать бытіе сверхчувственное, духовное, въ формѣ его собственной духовной личности; чувство эстетическое, чрезъ которое воспринимается человѣкомъ красота и гармонія міра; наконецъ, чувство религіозное, въ которомъ дается человѣку начало и основа познанія бытія всесовершеннаго и абсолютнаго. Всѣ эти способности-чувства, какъ и чувство нравственное, являясь въ непосредственномъ сознаніи простыми, въ дѣйствительности отличаются высокою степенью сложности по своему внутреннему составу. (Большая сложность внѣшняго чувства и воспріятія—фактъ теперь общеизвѣстный).

Описанный въ предыдущемъ фактъ существованія у человѣка внутренней силы, дѣлающей его существомъ нравственнымъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, какъ фактъ непосредственнаго опыта и наблюденія надъ человѣкомъ въ предѣлахъ исторіи. Противъ представленнаго опредѣленія *психическаго состава этой силы* изъ четырехъ, тѣсно связанныхъ состояній душевныхъ, тоже не можетъ быть серьезныхъ возраженій послѣ того, какъ доказано и научно установлено положеніе, что прямое свидѣтельство непосредственнаго сознанія о простотѣ, моментальности душевнаго акта какого-либо ничего еще не говоритъ въ пользу его простоты въ дѣйствительности и оказывается иллюзіею, легко объясняемою изъ законовъ соотношенія и организаціи психологическихъ ком-

плексовъ. Правда, большинство изслѣдователей нравственнаго чувства отождествляютъ его съ актомъ различенія и воспринятія добра и зла въ дѣйствіяхъ; но при этомъ всѣ вытекающія изъ него состоянія подразумѣваются сами собою и иногда прямо указываются и объясняются такъ или иначе. Дѣло въ томъ, что всякій серьезный изслѣдователь въ этой области не можетъ не видѣть сразу, что простое различеніе добраго и злого само по себѣ не есть еще актъ нравственной природы, какъ бы это различеніе ни происходило,—его дѣлаютъ такимъ—сознаніе обязательности, возможности осуществлять доброе въ жизни, удовольствія и страданія и признаніе ихъ законности: „нравственное“ необходимо заключаетъ въ себѣ эти состоянія какъ свои составныя части и признаки. Въ свою очередь, чувство долга не мыслимо безъ различенія добра и зла, безъ чувства свободы. То же самое и относительно другихъ составныхъ частей „нравственнаго“. Но все *это только констатированіе факта бытія нравственной силы* и описаніе ея, хотя и это добыто съ большими усиліями и постепенно, какъ и самое выдѣленіе нравственной природы и силы. Наука не можетъ ограничиться этимъ описаніемъ; напротивъ, съ этого пункта и начинается дѣйствительное изслѣдованіе и возникаетъ множество затрудненій. Являются неизбѣжно вопросы: какимъ образомъ происходитъ оцѣнка и различеніе дѣйствій на добрыя и злыя, какъ и изъ чего образуются идеи добра и зла, какой ихъ составъ, какъ они развиваются? откуда и какъ является чувство обязательности и долга? какъ является чувство свободы, и не есть-ли она простая иллюзія? изъ чего составлены и какъ возникаютъ пріятные и мучительные приговоры совѣсти? на что опираются чувство справедливости и идеи награды и наказанія? есть-ли, наконецъ, вся нравственная способность, въ цѣломъ и составныхъ частяхъ, нѣчто присущее человѣку изначала, неотдѣлимая и необходимая сторона его природы, или она цѣликомъ продуктъ внѣшнихъ вліяній и условій жизни? Вопросы эти настоятельно требуютъ отвѣта, т. е. разложенія нравственной силы на послѣдніе и основные ея элементы во всѣхъ ея моментахъ,

объясненія ея образованія, устройства изъ этихъ элементовъ синтеза ихъ въ одно цѣлое въ его отношеніяхъ къ общему строю жизни духа человѣческаго. Словомъ, требуется, по возможности, подробная и опирающаяся на точныхъ данныхъ *научная теорія чувства нравственнаго*. Построеніе такой теоріи есть прямая задача психологіи, и рано или поздно должна быть ею выполнена, чего въ настоящее время, къ сожалѣнію, еще нѣтъ, и что представляетъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ пробѣловъ въ наукѣ о душѣ. Отъ этого недостатка зависитъ, вообще, смутность этическихъ понятій, господствующихъ въ современномъ обществѣ и невозможность строго научной обработки этики, которая опирается необходимо на психологическихъ данныхъ, или, точнѣе, на данныхъ психологическаго анализа нравственной способности въ созданіи идеала жизни человѣка и кодекса руководительныхъ нормативныхъ законовъ, или правилъ нравственнаго поведенія.

Наблюденія и изслѣдованія нравственной природы и жизни человѣка начались въ глубокой древности. Великія религіозныя и религіозно-философскія системы древняго востока уже содержатъ въ себѣ обширныя свѣдѣнія и глубоко продуманныя, переработанныя мысли, обобщенія, относительно добраго и злого въ дѣйствіяхъ человѣческихъ, относительно обязанностей человѣка, средствъ къ ихъ выполненію, значенія наградъ и наказаній. Таковы системы брамаизма, буддизма и философскихъ построеній, развившихся на ихъ почвѣ, системы Конфуція, парсизма и др. Откровенная ветхозавѣтная религія начинаетъ исторію сотвореннаго Богомъ человѣка съ факта, породившаго въ немъ въ первый разъ понятіе о добромъ и зломъ, объ обязанности, свободѣ, спокойствіи и мученіяхъ совѣсти, наградѣ и наказаніи, и имѣетъ своею цѣлію нравственное просвѣщеніе, воспитаніе его и приготовленіе къ нравственному возрожденію. Новозавѣтная религія имѣетъ въ своей основѣ фактъ самаго возрожденія нравственнаго человѣка искупительною жертвою Сына Божія и всесторонне опи-

сываетъ внѣшнія—благодатныя и внутреннія условія этого возрожденія, дополняя и расширяя открытыя въ заповѣдяхъ синайскихъ понятія о добродѣтеляхъ и грѣхахъ и устанавливая ихъ признаки, источники, и пр. На западѣ, сначала тѣсно связанная съ религіею, а потомъ отдѣлившаяся отъ нея, философія начинаетъ съ нѣкоторыхъ наблюденій и обобщеній относительно нравственной дѣятельности человѣка и затѣмъ, въ лицѣ Сократа, сосредоточивается главнымъ образомъ на изслѣдованіи „нравственнаго“ въ человѣкѣ. Результатомъ этихъ изслѣдованій явилось нѣсколько системъ нравственной философіи, въ которыхъ нравственная природа человѣка освѣщается съ разныхъ сторонъ, и дается нѣсколько теорій относительно происхожденія идей добра и зла, чувства долга, свободы,—теорій, развитыхъ учениками Сократа, особенно Платономъ, затѣмъ Аристотелемъ и перипатетиками, стоиками и эпикурейцами. Подъ двойнымъ вліяніемъ—христіанства и грекоримской философіи—изслѣдованія нравственной природы человѣка продолжаются отцами церкви, затѣмъ философами схоластическаго періода и ложатся въ основу обширной и стройной системы „нравственной теологіи“, представляющей собою систематически обработанный сводъ всего, что открыто въ словѣ Божіемъ относительно нравственнаго въ жизни и дѣятельности человѣка и что есть лучшаго у древнихъ философовъ. Развиваясь постепенно и обособившись въ особую отрасль богословской науки, нравственная теологія усвояетъ постепенно и результаты новѣйшихъ изслѣдованій научныхъ въ этой области, ассимилируя то, что есть въ нихъ лучшаго и вполнѣ согласнаго съ откровенною истиною, представляя, такимъ образомъ, лучшее пособіе при изученіи нравственной природы человѣка и силы нравственной. Освободившаяся постепенно отъ давленія авторитета папской власти и созданнаго ею стѣсненія свободы изслѣдованія, научно-философская мысль новаго времени вновь поставила самостоятельно и независимо отъ религіозной доктрины вопросъ о нравственной природѣ человѣка. Ею подвергнуты были критикѣ какъ древнія системы нравственнаго ученія, или ученія о нравственности, такъ и само хри-

стіанское ученіе, и созданъ рядъ новыхъ построеній, съ разныхъ точекъ зрѣнія и съ разными общими задачами. Въ нихъ отчасти повторяются въ другой, и не всегда лучшей, формѣ ученія древнихъ, отчасти добывается нѣчто новое, чуждое древнимъ. Это новое, впрочемъ, имѣетъ своимъ источникомъ всегда христіанское нравственное ученіе, превосходство котораго сознается всѣми мыслителями новаго времени, за самыми незначительными исключеніями Что есть здѣсь, дѣйствительно, новаго и цѣннаго—это уясненіе методовъ изслѣдованія и расширеніе наблюденій на всю исторію человѣчества. Всего болѣе въ этомъ отношеніи сдѣлано въ Англіи и Шотландіи, гдѣ съ самаго начала XVII вѣка идетъ цѣлый рядъ изслѣдованій въ области „нравственнаго“,—въ цѣломъ—представляющихъ широкую и многостороннюю обработку общихъ и частныхъ вопросовъ морали, заканчивающихся знаменитою системою „всеобщаго утилитаризма“, которая, благодаря авторитету такихъ мыслителей, какъ Милль, Спенсеръ и др., получила обширное распространеніе и вліяніе во всемъ мірѣ. Въ Германіи изслѣдованіе нравственной сферы выдвинуто авторитетомъ Канта, построившаго одну изъ самыхъ грандіозныхъ системъ моральныхъ, и выразилось во множествѣ изслѣдованій и построеній, начиная съ „Критики практическаго разума“, Канта, и кончая „Этикою“, Вундта, въ которой выразилось, начавшееся уже у Канта, сближеніе изслѣдованій англійскихъ съ германскими.

Во всемъ этомъ данъ такой богатый *матеріалъ* для рѣшенія всякихъ вопросовъ относительно нравственной жизни человѣка, что можно скорѣе говорить объ избыткѣ, а никакъ не о недостаткѣ въ пособіяхъ и руководствахъ. Въ частности, можно встрѣтить здѣсь по нѣсколько рѣшеній каждаго изъ поставленныхъ нами вопросовъ. Но эти рѣшенія большею частію сдѣланы мимоходомъ, по поводу рѣшенія другихъ задачъ, которыя сводятся къ опредѣленію цѣлей и правилъ жизни человѣческой и входятъ въ содержаніе этики, притомъ, отличаются крайнимъ разнообразіемъ. Теоретическая психологическая задача здѣсь не выдѣляется и поглощается всегда практическою. Вслѣдствіе этого,

полной, всесторонне развитой теоріи нравственнаго чувства, съ чисто *психологической* объяснительной точки зрѣнія, доселѣ нѣтъ. Обращаясь къ спеціально психологической литературѣ, мы и здѣсь не находимъ ничего подобнаго. Хотя прямая задача Психологіи—объясненіе устройства душевныхъ силъ, данныхъ въ прямомъ наблюденіи, путемъ разложенія каждой изъ нихъ на послѣдніе, далѣе неразложимые, элементы, и опредѣленіе того значенія, какое имѣютъ они въ общемъ строѣ данной силы, и хотя психологія выполняетъ эту задачу въ настоящее время съ большимъ успѣхомъ и подробностью относительно силы умственной и нѣкоторыхъ другихъ,—нравственное чувство въ ней не объясняется обыкновенно.—

Въ виду того, что у взрослаго нормальнаго человѣка, на всѣхъ ступеняхъ его развитія, различеніе добраго и злого совершается какъ бы само собою, автоматично и безъ всякаго почти размышленія, и также само собою возникаетъ неотразимо сознаніе обязательности и долга,—большинство мыслителей прежняго времени и многіе въ настоящее время *признаютъ нравственное чувство результатомъ прирожденности идеи добра*, готовности ея въ духѣ, или же считаютъ его своего рода *инстинктомъ духовной природы* что, въ сущности, одно и то же, инстинктомъ, не подлежащимъ никакому разложенію и объясненію. Это пониманіе нравственнаго чувства выражается также въ ставшей азбучною фразѣ, что „нравственный законъ вложенъ въ душу человѣческую Творцомъ". Но, не говоря уже о безсодержательности такого взгляда, прямо отрицающаго самую возможность научнаго изслѣдованія нравственной силы, онъ, по своему существу, есть не что иное, какъ ignoratio elenchi, и опирается на неточномъ, неправильномъ наблюденіи явленія въ его сложной формѣ, въ его конечныхъ результатахъ, а не въ процессѣ образованія. Это наблюденіе и обобщеніе—того типа, по которому земля, вода и воздухъ признавались простыми тѣлами—стихіями, воспріятіе зрительное—простымъ, неразложимымъ актомъ, дающимъ прямо готовый образъ предмета, знаніе—простымъ, неразложимымъ актомъ ума, созерцаю-

щаго сущность вещей и т. п.,—и необходимо должно приводить къ ложному выводу или, во всякомъ случаѣ, къ выводу логически несостоятельному, незаконному. Дѣло въ томъ, что кажущееся простымъ нельзя признавать такимъ, не произведши всевозможныхъ попытокъ разложенія. Но, съ точки зрѣнія разсматриваемой доктрины, самая возможность такихъ попытокъ устраняется, и въ недавнее еще время, подъ вліяніемъ религіозной, или, точнѣе, теологической сентенціи, доктрины прирожденности нравственной идеи и готовности въ духѣ чувства нравственнаго,—всякая попытка свести его на болѣе простые элементы и состоянія духа считалась чуть не ересью. Между тѣмъ, въ виду несомнѣнности въ настоящее время психологическаго закона, подтверждаемаго самымъ точнымъ анализомъ, что всѣ высшія способности духа обнаруживаются въ актахъ самой высокой сложности (самосознаніе, умъ, воля) предположеніе простоты и неразложимости актовъ моральнаго чувства, и, слѣд., его самого, какъ живой силы, дѣятеля,—въ высшей степени не вѣроятно. Это было бы удивительнымъ, непостижимымъ исключеніемъ изъ общаго закона, и исключеніе это касалось бы самой высшей силы духа, въ которой онъ является какъ бы творцомъ и производителемъ цѣлаго новаго міра идей и отношеній, всего болѣе противоположныхъ и враждебныхъ чувственной природѣ. Наконецъ, теорія прирожденныхъ идей, формулированная съ особенною опредѣленностію Декартомъ и усвоенная въ этомъ видѣ многими философами и затѣмъ богословами, измѣненная существенно уже Лейбницемъ, ниспровергнута убійственною критикою Канта, также какъ и теорія Лейбница, защитника прирожденности существеннаго содержанія духа, можно сказать, уничтожена и лишена всякаго права на существованіе—психологическими новѣйшими изслѣдованіями образованія всякаго рода идей. Изслѣдованія эти привели къ положенію, что всѣ знанія, во всякой формѣ истинъ, получаются самимъ человѣкомъ и исключительно путемъ опыта; только опытъ этотъ признается двойнымъ: одинъ направленъ на „внѣшнее“, или, точнѣе, на впечатлѣнія, и идея, получаемая отъ этого „внѣшняго“, даетъ—

въ послѣднемъ результатѣ—законъ отношенія вещей и явленій; другой состоитъ въ наблюденіи и воспріятіи внутренняго строя жизни духа и ведетъ, между прочимъ, къ тѣмъ идеямъ, которыя Декартъ и его послѣдователи признавали готовыми и изначала данными Творцомъ. Въ гармоническомъ слияніи истинъ того и другого порядка и состоитъ истинное знаніе, которое есть существенно организованный опытъ—и не одного человѣка, а всего человѣчества.

Въ противоположность описанному взгляду,—цѣлый рядъ мыслителей выходитъ въ ученіи о нравственномъ чувствѣ прямо изъ отрицанія даже прирожденной и первоначальной способности различать добро и зло. Исходный пунктъ ихъ—homo homini lupus и bellum omnium contra omnes. Нравственное чувство, затѣмъ, представляется имп не только сложнымъ, но и *производнымъ*—изъ состояній другого порядка, не имѣющихъ прямого отношенія къ нравственности,—именно,—изъ волненія удовольствія и неудовольствія, симпатіи и идей пользы и вреда. Образуется оно *путемъ ассоціацій*, по типу такъ называемаго „психическаго химизма", въ силу котораго ассоціированныя душевныя состоянія образуютъ изъ себя новыя, нисколько на нихъ непохожія. Человѣкъ оцѣниваетъ свои дѣйствія по тѣмъ удовольствіямъ и пользѣ или страданіямъ и вреду, которые они доставляютъ ему; по закону симпатіи и условій общественной жизни, въ силу которыхъ дѣйствія другихъ людей являются для всякаго индивидуума причиною удовольствій и выгоды или страданій, вреда,— идеи удовольствія и пользы, страданія и вреда осложняются и расширяются въ своемъ содержаніи, обнимая постепенно удовольствія и пользу или благо возможно большаго количества или даже всѣхъ людей. Въ этомъ видѣ *сложное чувство* постепенно и неразрывно *ассоціируется со всякимъ дѣйствіемъ*, этимъ самымъ превращается въ ихъ оцѣнку, которая, вслѣдствіе постояннаго повторенія, становится *привычной*, едва сознаваемою и кажется, потому, непосредственною, простою и неразложимою. Основаніе этой теоріи положено еще въ древности—Аристотелемъ, который считаетъ нравственное чувство

не особенною способностію, а навыкомъ (ἕξις, ἦθος); но дѣйствительное ея построеніе, развитіе началось съ Локка, отвергшаго всякія прирожденныя способности, продолжено Юмомъ, Дж. Миллемъ и завершено Бэномъ и Спенсеромъ, связавшимъ ее съ теоріею эволюціонизма и признававшимъ за нравственною способностію родъ прирожденности—въ смыслѣ *прирожденнаго*, развивающагося въ рядѣ поколѣній людей и даже животныхъ *навыка*. Основою теоріи служитъ, повидимому, весьма точное психологическое наблюденіе и обобщеніе, именно, что всюду, гдѣ является идея цѣнности, оцѣнки человѣкомъ чего-бы то ни было, въ ея основѣ непремѣнно лежитъ прямо или косвенно волненіе, чувство,—и большею частію — удовольствія или страданія. Безъ чувства самая идея цѣны предмета, явленія или дѣйствія—абсолютно невозможна и не мыслима. Значитъ, въ оцѣнкѣ дѣйствій нравственныхъ чувство должно участвовать, не можетъ не участвовать. Затѣмъ, какъ научная *основа взгляда*, является *положеніе*, что *всякое знаніе исходитъ изъ опыта и наблюденія*, притомъ, наблюденія чувственнаго, путемъ постепенныхъ обобщеній, и эти обобщенія изъ опыта, индуктивныя такъ называемыя, служатъ затѣмъ исходнымъ пунктомъ дедукціи, находя въ этомъ обратномъ процессѣ свое оправданіе, провѣрку, и получая, такимъ образомъ, характеръ болѣе или менѣе непреложныхъ и обязательныхъ истинъ. Этимъ единственно закоснымъ путемъ человѣкъ узнаетъ постепенно, какія дѣйствія его и другихъ людей—лучшія и, сообразно съ индивидуальнымъ и общимъ благомъ людей, доставляютъ большую сумму счастія—совершенствъ для большаго количества или даже для всѣхъ людей. Самая *идея блага*, счастія, совершенства — такого же *опытнаго происхожденія*. Доказательствомъ вѣрности теоріи съ этой стороны служитъ вся исторія моральнаго развитія человѣчества.

Оставляя теперь въ сторонѣ невѣрность этой теоріи и неспособность ея объяснить самое существенное и главное въ сферѣ моральнаго чувства, нельзя не видѣть, что она, также какъ и предыдущая, не правильна логически, и есть, опять, огромная

методологическая ошибка—паралогизмъ. Прежде всего, изъ того, что всякое чувство цѣнности имѣетъ въ своей основѣ волненіе удовольствія или неудовольствія, прямо или косвенно, въ формѣ пользы и вреда или какой-либо другой,—вовсе не слѣдуетъ, что нравственная оцѣнка можетъ быть сведена къ этимъ дѣятелямъ. Можно сдѣлать только одно правильное заключеніе, что чувства эти *участвуютъ* въ образованіи идей о нравственной цѣнности. Но нравственная оцѣнка, во всякомъ случаѣ, до того своеобразна и не похожа на оцѣнку другихъ родовъ, что изслѣдователь обязанъ предполагать и искать другихъ еще дѣятелей, при помощи или силою которыхъ изъ просто пріятнаго и полезнаго возникаетъ нравственное. Не исполнивши этого, изслѣдователь допускаетъ ошибку, — правда, весьма частую въ изслѣдованіяхъ сложныхъ явленій духа, гдѣ научный методъ больше рекомендуется, чѣмъ прилагается со всею строгостію къ дѣлу, но почти невозможную, напр , для естествоиспытателя. Если первая—нативистическая—теорія напоминаетъ собою, напр., старое ученіе о горѣніи, какъ пожираніи веществъ особою силою-стихіею—огнемъ, то „теорія ассоціализма“ весьма похожа на то, если бы горѣніе признавалось соединеніемъ кислорода съ углеродомъ только и опускалась совершенно изъ вида главная сила его производящая — теплота и т. п. Есть еще какая-то *сила* и *въ сферѣ моральнаго,* сила, которая *превращаетъ пріятное и полезное въ доброе, нравственное,* и дѣлаетъ его обязательнымъ. Привычка, ассоціація ровно ничего не объясняютъ, пока не указана почва, среда слиянія душевныхъ состояній, резонъ образованія навыка и т. п. Ошибку и недосмотръ составляетъ также и общее основаніе, которымъ изслѣдователь уполномочивается будто бы искать источника нравственныхъ понятій и обобщеній только въ сферѣ наблюденія фактовъ дѣйствованія и обобщеній изъ опыта. Какъ извѣстно, это требованіе есть основное положеніе такъ называемой „индуктивной логики“. И въ очень еще недавнее время оно считалось большинствомъ мыслителей чуть не аксіомою, не допускающею сомнѣнія и возраженія. Но болѣе глубокія и точныя изслѣдованія устройства по-

знавательнаго процесса, условій доказательства и самой исторіи знанія въ послѣднее время сильно поколебали это основоположеніе эмпиризма. Оказывается, что хотя матеріалъ знанія получается изъ опыта и наблюденія явленій міра внѣшняго и внутренняго путемъ наведенія, но его переработка, установленіе достовѣрности опытно полученныхъ истинъ зависитъ отъ устройства и законовъ мысли, опирается на обобщеніе, или, точнѣе, на общія истины, непосредственно данныя, необходимыя и имѣющія сами по себѣ абсолютную принудительность: эти истины и служатъ основою всякой достовѣрности и дѣлаютъ установленіе всякой опытной истины существенно дедуктивнымъ. Такъ, оцѣнка знанія, напр., и открытіе его совершенства всецѣло и исключительно опирается на законѣ противорѣчія. Установленіе причинной зависимости опирается на аксіомахъ, критеріумомъ которыхъ является простая немыслимость противоположнаго, и самая достовѣрность обобщенія, устанавливающаго всегдашнее необходимое возникновеніе чего-либо при опредѣленныхъ условіяхъ, опирается на законѣ причинной связи, имѣющемъ интуитивную природу и независящемъ въ своей достовѣрности и происхожденіи отъ опыта и наведенія. Самый ростъ знанія, съ начала его возникновенія и доселѣ, идетъ существенно дедуктивнымъ путемъ, при помощи гипотезъ и предположеній, и вовсе не по схемамъ, искусственно установленнымъ индуктивною логикою. Изъ всего этого возникаетъ утвержденіе, что всякое знаніе индуктивно и дедуктивно въ одно и то же время, что безъ дедукціи индукція даже невозможна и что, во всякомъ случаѣ, истина получаетъ научный характеръ и всю силу достовѣрности и принудительности, когда она не есть простое обобщеніе частностей, а опирается на высшій, самоочевидный принципъ. Прилагая эти соображенія къ процессу образованія моральныхъ идей—знаній и обобщенія, необходимо и здѣсь признать его двойственнымъ, *интуитивно-дедуктивнымъ и индуктивнымъ* въ одно и то же время, и потому обязательно искать *интуицій моральныхъ* и ихъ источниковъ. Въ противномъ случаѣ, представленіе всего процесса моральнаго развитія будетъ

всегда одностороннимъ, а потому невѣрнымъ и логически неправильнымъ.

Пробѣлъ, допускаемый въ изслѣдованіи моральнаго чувства изслѣдователями эмпирическаго направленія, связаннаго съ утилитарною моралью, восполняется *теоріею интуитивистовъ*. По этой теоріи, оцѣнка дѣйствій совершается человѣкомъ прежде, чѣмъ онъ узнаетъ и оцѣнитъ ихъ послѣдствія и вліяніе на его жизнь, на основаніи идеала, возникающаго изъ внутренняго созерцанія своей природы духовной и ея силъ,—идеала совершенства. Мало опредѣленный и несознаваемый въ началѣ развитія человѣка, онъ постепенно затѣмъ уясняется подъ вліяніемъ расширенія жизненнаго опыта и наблюденій надъ свойствами человѣческихъ дѣйствій,—ихъ пригодности или непригодности быть средствами для осуществленія идеала. При этомъ получается тотъ возвышенный кодексъ моральный, который открытъ христіанствомъ и понятъ, какъ совершеннѣйшій современною наукою и философіею Изъ него объясняютъ всѣ остальныя и внутреннія явленія моральной жизни: чувство долга, виновности, справедливости, свободы, одобренія и мученія совѣсти и т. п.

Но и эта теорія, вѣрная въ своей основѣ и пріемахъ изслѣдованія, страдаетъ многими недостатками, дѣлающими ее далекою отъ осуществленія научной теоріи нравственнаго чувства. Она не уясняетъ со всею подробностію и отчетливостію происхожденіе идеала, способъ его вліянія при оцѣнкѣ дѣйствій и, въ этомъ случаѣ, часто совпадаетъ съ теоріею нативистовъ, впадая въ голословныя и плохо обоснованныя обобщенія. Она не слѣдитъ за постепеннымъ развитіемъ идеала и совпаденіемъ его съ данными опыта, а ограничивается, опять, голословнымъ указаніемъ участія опыта и наблюденія въ образованіи и расширеніи сферы и содержанія моральнаго чувства, возникающаго изъ идеала. Наконецъ, въ большинствѣ случаевъ, она или вовсе игнорируетъ религіозную санкцію моральныхъ заповѣдей, или если и принимаетъ во вниманіе, то почти въ смыслѣ эмпирической теоріи, какъ слѣдствіе усвоенія такой или другой религіозной системы,—даетъ, такимъ

образомъ, вліянію религіи значеніе чисто внѣшней, принудительной силы, аналогичной съ силою гражданскихъ законовъ. Внутренней живой связи между религіею и моралью, такимъ образомъ, не установляется, и самая необходимость религіозной санкціи является не какъ требованіе природы человѣческаго духа, неотразимое и само собою являющееся, а какъ результатъ слабости человѣческой воли и т. п.

Не трудно видѣть, что три главные пріема изслѣдованія нравственнаго чувства, связанные съ тремя великими системами философской этики, каждый имѣетъ основаніе въ фактахъ нравственнаго развитія человѣческой жизни и каждый заключаетъ въ себѣ долю истины. Но ни одинъ изъ нихъ, взятый изолированно отъ остальныхъ, не представляетъ истины, или, по крайней мѣрѣ, *всесторонне* не обнимаетъ дѣла. Этому требованію удовлетворяетъ ихъ *гармоническое слѣяніе* и *примиреніе*, *путемъ переработки матеріала*, даваемаго каждымъ изъ нихъ, и его, освѣщеннаго одною связывающею идеею, синтеза. Самое лучшее для этого съ подробностію изложить теорію эмпирическо-утилитарную въ томъ, что есть въ ней лучшаго и безспорнаго, показать ея недостатки и дополнить теоріею интуитивистовъ, развивъ ее полнѣе и подробнѣе. Третья теорія, въ сущности, утверждающая только прирожденность нравственной способности духу человѣческому, получится какъ выводъ изъ всего предыдущаго изслѣдованія. Такого рода синкретизмъ, сводящій въ одно труды великихъ мыслителей и отдающій suum cuique, есть теперь настоятельная потребность во всѣхъ наукахъ, касающихся духовной природы человѣка и его жизни, какъ и при рѣшеніи всѣхъ частныхъ вопросовъ изъ этой области. Онъ наглядно показываетъ, что сдѣлано въ данной сферѣ научнаго цѣннаго, что нужно сдѣлать, и въ какую сторону направить изслѣдованіе. Въ противномъ случаѣ, выходъ изъ хаоса разныхъ направленій, составляющихъ теперь все дѣйствительное содержаніе этихъ наукъ, рѣшительно не возможенъ, не возможенъ и прогрессъ въ нихъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что содержаніе понятій о добромъ и зломъ въ дѣйствіяхъ человѣческихъ не дано прямо и готовымъ, какъ всѣ другія понятія; оно возникаетъ собственною дѣятельностію человѣка сначала въ простѣйшихъ и грубыхъ формахъ, затѣмъ постепенно развивается, совершенствуется и по своему объему и по качеству, достигая того относительнаго совершенства и сложности, какія являются въ настоящее время у высокоразвитой нравственной личности. Съ развитіемъ этого основного начала нравственности, видоизмѣняются и развиваются соотвѣтственно въ своемъ содержаніи и направленіи и другія составныя части нравственнаго сознанія и нравственнаго чувства—чувство долга, справедливости, сознаніе свободы, голосъ совѣсти—одобряющей и карающей. Если исходнымъ пунктомъ нравственной жизни человѣчества и было кратковременное состояніе совершенства, т. е. ясное пониманіе добра и зла, всестороннее и полное сознаніе требованій нравственнаго закона во всей широтѣ и глубинѣ его, чистое и ничѣмъ невозмущенное чувство его абсолютной обязательности, чистое наслажденіе добромъ и спокойствіе совѣсти, въ связи съ отчетливымъ чувствомъ своей независимости, могущества надъ собою или свободы; то, во всякомъ случаѣ, человѣкъ быстро и такъ глубоко палъ изъ этого состоянія, что отъ него остались едва слабые слѣды и зачатки, коренящіеся въ самой природѣ и строѣ жизни духа, и долженъ былъ въ потѣ лица начать возстановленіе потерянаго своими силами и средствами, начать съ самаго начала, съ того низшаго момента, низшей формы, въ которой онъ едва отличается отъ животнаго, по природѣ лишеннаго самыхъ зачатковъ „моральнаго“. И прошло много вѣковъ, прежде—чѣмъ, въ лучшей части своей, человѣческій родъ постепенно созрѣлъ до способности воспринимать и осуществлять въ своей жизни начала синайскаго законодательства и вообще закона Моисеева, въ которомъ требованія нравственнаго закона являются внѣшними категорическими повелѣніями, опирающимися на чувство страха предъ страданіями, бѣдствіями, вообще, невыгодами временными, и на ожиданія удо-

вольствій, благъ, вообще, выгодъ. Только опять черезъ много затѣмъ вѣковъ явилась для человѣка возможность дополненія, или, точнѣе, исполненія, завершенія этой низшей формы нравственнаго сознанія—въ христіанскомъ нравственномъ законѣ, составляющемъ исходный пунктъ и основу жизни новаго міра, источникъ всего, что есть лучшаго и совершеннѣйшаго въ жизни современнаго человѣчества. Эти *двѣ фазы развитія нравственнаго сознанія* человѣка, нравственнаго мотива, какъ бы онѣ ни толковались съ богословской, философской и какой угодно точекъ зрѣнія, составляютъ несомнѣнный, хорошо обслѣдованный во всѣхъ своихъ составныхъ частяхъ, историческій фактъ. Съ очевидностію подтверждая подчиненіе моральнаго сознанія закону развитія, онѣ, въ крупныхъ чертахъ и фактахъ, представляютъ *средину* и *конецъ*, высшую ступень развитія и внутренняго состава идеи добра и зла, нравственнаго закона и, вообще, всего того явленія, которое намъ предстоитъ изслѣдовать и объяснить. Имѣя въ своемъ распоряженіи эти два момента всего процесса нравственнаго развитія, наука владѣетъ главными средствами опредѣлить и возстановить въ построеніи, не рискуя впасть въ грубыя ошибки и произвольныя гаданія, остальной, *третій моментъ*, недоступный прямому, непосредственному наблюденію, т. е. ту *низшую форму нравственнаго сознанія*, съ которой начинается все нравственное развитіе. Она можетъ возстановить ту низшую, элементарную форму нравственнаго сознанія, въ какой оно находится у такъ называемаго нынѣ „первобытнаго“, „доисторическаго“ человѣка и открыть, такимъ образомъ, самое *зарожденіе* нравственнаго чувства. Пособіемъ при этомъ являются факты изъ жизни современныхъ дикарей и дѣтей, а главнымъ образомъ извѣстные общіе законы развитія человѣческаго духа и—особенно—развитія знанія. Развитіе это, какъ было объяснено, совершается въ двухъ направленіяхъ, которыя встрѣчаются между собою постоянно и восполняютъ другъ друга: одно опирается на внѣшнее наблюденіе и опытъ внѣшній, другое коренится во внутреннемъ опытѣ и интуиціи. Разсмотримъ сначала первый процессъ, ин-

дуктивный процессъ нравственнаго чувства-совѣсти, заимствуя все лучшее и безспорное у моралистовъ утилитарно-эвдемоническаго направленія и искусственно изолируя его изъ общаго хода развитія.

На основаніи этого закона развитія, должно предположить такое состояніе человѣка, когда нравственное сознаніе его только что возникаетъ и начинаетъ слагаться и неизбѣжно отличается простотою и несложностью, едва напоминая собою то сложное и прочно организованное явленіе, какимъ мы встрѣчаемъ нравственный мотивъ у людей, стоящихъ на самой высокой ступени развитія. На основаніи общихъ законовъ душевнаго—и особенно—интеллектуальнаго развитія, мы уже *въ этомъ зародышѣ* должны встрѣтить двѣ стороны, *два процесса:* а) наблюденіе человѣкомъ своихъ собственныхъ дѣйствій и дѣйствій другихъ людей, съ точки зрѣнія ихъ значенія и вліянія на жизнь и благосостояніе, обобщеніе этихъ наблюденій, вообще, то, что нѣкоторые изслѣдователи называютъ „индуктивнымъ процессомъ совѣсти", понимая подъ совѣстью нравственный мотивъ или нравственное сознаніе во всемъ его объемѣ; b) приведеніе моральныхъ обобщеній изъ опыта къ нѣкоторымъ общимъ самоочевиднымъ началамъ, коренящимся въ самой природѣ и устройствѣ человѣческаго духа и его дѣйствій, и превращеніе ихъ этимъ путемъ въ несомнѣнныя истины, т. е. въ истины, признаніе коихъ имѣетъ для ума принудительную, неотразимую силу, а въ данномъ случаѣ—обязательную силу осуществлять ихъ въ жизни и въ дѣятельности. Этотъ процессъ напоминаетъ собою дедукцію въ области мышленія и знанія, и потому нѣкоторые изслѣдователи называютъ его „дедуктивнымъ процессомъ совѣсти". Являясь въ зародышевой формѣ при самомъ зарожденіи нравственнаго сознанія, эти два фактора его постепеннаго образованія сами постепенно развиваются и совершенствуются. На высшихъ степеняхъ развитія они открываются сознанію въ органическомъ, едва доступномъ разложенію и анализу, единствѣ.

Для того, чтобы удобнѣе и яснѣе различить всѣ части и моменты процесса моральнаго развитія и опредѣлить, по возмож-

ности, точно долю участія и значенія каждаго изъ этихъ двухъ факторовъ, ихъ необходимо отдѣлить въ отвлеченіи и разсматривать каждый особо, какъ обыкновенно это дѣлается при анализѣ познавательной дѣятельности. Это сдѣлать тѣмъ удобнѣе, что существуютъ двѣ теоріи, изъ коихъ каждая одинъ изъ указанныхъ факторовъ считаетъ единственнымъ и, во всякомъ случаѣ, основнымъ, исключая, потому, другой или едва упоминая о немъ. Синтезъ ихъ произвести будетъ легко, — тогда окажется, что нравственный мотивъ можетъ быть только результатомъ ихъ совмѣстной дѣятельности.—

Человѣкъ, у котораго нравственное сознаніе только что начинаетъ возникать, вмѣстѣ съ возникновеніемъ знанія и религіи, искусства, общества и т. п., долженъ необходимо, еще прежде всякой идеи о добромъ и зломъ въ дѣйствіяхъ, дойти, между прочимъ, путемъ опыта, додуматься, что его собственныя дѣйствія и дѣйствія другихъ представляютъ собою силы, вліяющія на его жизнь и имѣющія въ ней значеніе, какъ предметы и силы внѣшней природы. Это сознаніе, по самому существу дѣла, получается очень быстро и легко, хотя не съ такою опредѣленностью и отчетливостью, какъ у человѣка развитаго. При низкомъ общемъ развитіи умственной силы, при отсутствіи общихъ идей, прочно установившихся, при бѣдности и неустойчивости языка, недостаткѣ навыка къ отвлеченію и т. п., у человѣка можетъ быть только *одна*, *повидимому*, *точка зрѣнія* на свои дѣйствія и дѣйствія другихъ людей, одинъ способъ ихъ оцѣнки, который онъ прилагаетъ къ предметамъ и силамъ внѣшнимъ. Во внѣшнемъ мірѣ для него хорошо—*добро только то*, *что пріятно* ему лично, и дурно—*зло то*, *что не пріятно*, причиняетъ страданіе. Отсюда, затѣмъ, развивается идея полезности и вредности, возникающая постепенно, хотя, опять, очень быстро. Этотъ *критеріумъ*, оцѣнку человѣкъ естественно и прямо прилагаетъ къ своимъ дѣйствіямъ и вообще къ человѣческимъ дѣйствіямъ. Одобреніе пріятнаго и непріятнаго, какъ и сознаніе чувства пріятности и непріятности, пользы и вреда есть необходимое есте-

ственное послѣдствіе стремленія къ *самосохраненію* и *раскрытію полноты индивидуальнаго* бытія—вообще—къ счастію. Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ развитія содержаніе идей *добра* и *зла* могло состоять только изъ сознанія *пріятности* и *полезности, непріятности* и *вредности* дѣйствій: добро то, что въ данный моментъ пріятно и полезно, зло то, что непріятно и вредно. Здѣсь, очевидно, еще нѣтъ почти вовсе, въ строгомъ смыслѣ, моральнаго элемента, нѣтъ идеи нравственнаго добра и нравственнаго зла Объ обязательности искать пріятнаго и полезнаго и избѣгать непріятнаго и вреднаго, конечно, не можетъ быть и рѣчи, точно также какъ, напр., объ обязательности спать, когда овладѣваетъ сонъ, ѣсть, когда чувствуется голодъ. Это не обязательно, а естественно, т. е. необходимо. Слѣдовательно, на самой первой ступени развитія нравственнаго мотива путемъ опыта нѣтъ и чувства долга и другихъ составныхъ частей. Наблюдать эту *зародышевую* форму идей добра и зла у людей взрослыхъ, даже самыхъ дикихъ нѣтъ возможности: это чисто идеальное, гипотетическое построеніе. Въ настоящее время она встрѣчается только у дѣтей—и не въ силу ограниченности ихъ опыта и знанія, а вслѣдствіе отсутствія еще нѣкоторыхъ способностей (напр., самонаблюденія), которыя у взрослаго человѣка необходимо существуютъ, на какой бы низкой ступени развитія онъ ни стоялъ. Факты изъ жизни дѣтей, потому, не могутъ имѣть здѣсь значенія, подтверждающаго гипотезу опыта,—того, что называется experimentum crucis. Гораздо большую цѣнность здѣсь имѣютъ остатки этого воображаемаго состоянія, слѣды его у дикарей, обнаруживающіеся въ смутности и неопредѣленности ихъ понятія о добромъ и зломъ, въ относительности и неустойчивости ихъ критеріума.

За описаннымъ моментомъ быстро наступаетъ другой, составляющій также необходимое послѣдствіе присущихъ человѣку свойствъ и стремленій—*моментъ осложненія чисто эгоистическаго содержанія идей добра и зла чувствами и идеями альтруистическими,* или точнѣе, „эго-альтруистическими“, по терминологіи Спенсера. Есте-

ственная пріятность симпатическихъ, благожелательныхъ дѣйствій и очевидная польза ихъ личная для дѣйствующаго—постепенно производитъ включеніе ихъ въ идею добра, которая, такимъ образомъ, становится шире и содержательнѣе. Пріятность и очевидность пользы, при зараждающихся простыхъ общественныхъ отношеніяхъ, помощи другимъ, участія въ общихъ дѣлахъ и интересахъ—также постепенно заставляютъ признать ихъ хорошими, добрыми. Пріятность тѣхъ и другихъ дѣйствій увеличивается очень сильнымъ у неразвитаго человѣка удовольствіемъ похвалы и одобренія, полезность—разнаго рода выгодами, очевидно, проистекающими изъ общаго одобренія. Съ явленіемъ идей пріятности и полезности взаимной помощи и участія въ общихъ дѣлахъ и интересахъ, естественно, наступаетъ группировка и раздѣленіе ихъ, обнимающія сходныя дѣйствія въ различныхъ обстоятельствахъ. Уже въ силу такъ называемаго закона противорѣчія, дѣйствія противоположнаго характера должны, повидимому, считаться злыми, нехорошими. Но опытъ самъ по себѣ не даетъ, при самомъ началѣ своемъ, очевидности этого, а строгаго логически отвлеченнаго вывода человѣкъ еще сдѣлать не въ состояніи на этой ступени развитія. Дѣйствительно, въ опытѣ—зложелательныя, враждебныя дѣйствія, вражда, месть и т. п., вообще, причиненіе страданій другимъ оказываются также, если еще не болѣе, пріятными, чѣмъ благожелательныя; непосредственная польза ихъ также во многихъ случаяхъ очевидна. Дѣйствительно также, что даже, сравнительно, на очень высокой ступени развитія человѣкъ, облегчая инстинктивно страданія другихъ и считая это дѣло хорошимъ, пріятнымъ и полезнымъ, не въ состояніи испытывать чувства состраданія и стремленія прекратить ихъ, когда онъ самъ причиняетъ эти страданія подъ вліяніемъ гнѣва, обиды и т. п. Въ этомъ случаѣ, страданія другого доставляютъ ему величайшее удовольствіе, и онъ старается усилить ихъ всѣми способами. Непосредственная польза отъ ослабленія врага, уничтоженія его физическаго или моральнаго, польза отъ непосильнаго труда, голоданія другихъ, бѣдности и лишеній, уничиженія и т. п., даже доселѣ—нагляднѣе,

чѣмъ польза противоположнаго. Въ силу этого, самая крайняя жестокость, угнетеніе другихъ людей, болѣе слабыхъ почему нибудь, особенно женщинъ, долгое время не считались предосудительными, а месть, преслѣдованіе врага—считаются дѣломъ положительно хорошимъ, добродѣтелью. Вообще, сознаніе доброкачественности воздержанія отъ причиненія страданія и зла другимъ, въ силу непосредственной непріятности этого состоянія, развивается несравненно медленнѣе, чѣмъ подобное же сознаніе относительно прямо благожелательныхъ, облегчающихъ страданія другихъ людей, дѣйствій. Только при сравнительно высокой общественной организаціи, путемъ сложныхъ и продолжительныхъ опытовъ, можетъ явиться и укрѣпиться, подъ вліяніемъ идеи общественной пользы, такое сознаніе. Этимъ объясняется, между прочимъ, тотъ фактъ, что, съ явленіемъ ясно выраженныхъ и формулированныхъ обобщеній относительно добра и зла въ человѣческихъ дѣйствіяхъ въ формѣ заповѣдей,—эти заповѣди получаютъ сначала видъ запрещеній извѣстнаго рода дѣйствій по отношенію къ другимъ людямъ (не убій, не укради). Тѣмъ же путемъ опыта и наблюденія разлагаются на добрыя и злыя дѣйствія человѣка, объектомъ которыхъ служитъ онъ самъ и въ которыхъ другіе люди не затрогиваются прямо. Принципъ раздѣленія опять тотъ же самый. Храбрость, мужество, терпѣніе, настойчивость, очевидно, полезны и часто пріятны. Дѣйствія, ихъ обнаруживающія, потому, являются, естественно, добрыми, хорошими. Противоположныя имъ не пріятны, вредны—злы. Неумѣренность въ употребленіи пищи и въ удовлетвореніи другихъ потребностей въ жизни часто сопровождается, очевидно, вредомъ и страданіями,—потому—зло; противоположное—добро. Праздность и лѣнь влекутъ вредныя и непріятныя послѣдствія,—трудолюбіе полезно и т. п. Процессъ обобщенія совершается такъ же, какъ и относительно дѣйствій первой категоріи. Но и здѣсь, вслѣдствіе непосредственной пріятности и по отсутствію прямой очевидности вреда трусости, неумѣренности, праздности и лѣности, и наоборотъ, прямой непріятности воздержанія, терпѣнія и т. п.,—

процессъ обобщенія и распредѣленія дѣйствій на добрыя и злыя совершается медленно. Скорѣе всего сознается, какъ доброе, храбрость и мужество, а трусость—какъ зло, потому что дѣйствія мужества и храбрости, особенно въ связи съ гнѣвнымъ волненіемъ и сами по себѣ пріятны, а трусость, связанная съ непріятнымъ чувствомъ страха, и сама по себѣ не пріятна. Неумѣренность же, праздность долгое время считаются даже добродѣтелью, и превращаются въ пороки въ сознаніи людей только на очень высокой ступени развитія. Накопляясь дѣятельностью многихъ отдѣльныхъ людей и многихъ поколѣній, *опыты пріятности и полезности однихъ, непріятности и вредности другихъ дѣйствій, превращаются постепенно въ обобщенія*, общія истины и правила и въ этомъ переработанномъ видѣ передаются отъ одного поколѣнія къ другому. Такимъ образомъ, они становятся привычными, обычными—„обычаями".

Какъ образовавшійся постепенно и живущій въ цѣломъ обществѣ,—обычай есть нѣчто внѣшнее для каждаго члена общества, потому, именно, что не есть результатъ его личнаго опыта и соображенія. Какъ внѣшнее, онъ заключаетъ въ себѣ принудительную силу для личности, силу, которой онъ долженъ повиноваться, подъ опасеніемъ заслужить неудовольствіе общества, со всѣми непріятными послѣдствіями этого. Чувство такого внѣшняго принужденія, лежащаго въ обычаѣ, состоящее изъ чувства уваженія къ тому, что давно и всѣми признано за доброе, и изъ опасенія непріятности подвергнуться порицанію общества за совершеніе того, что признано зломъ, — это чувство есть начало и зародышъ того, что называется чувствомъ долга, долгомъ. Путемъ опыта и наблюденія внѣшняго полезности и пріятности дѣйствій, дѣйствительно, можетъ получиться только эта *низшая форма чувства долга*, въ которой онъ есть простое *чувство внѣшняго принужденія*. Дальнѣйшее осложненіе получается образованіемъ вѣрованія въ то, что требованія обычаевъ суть предписанія божества, которому пріятны извѣстныя дѣйствія и не пріятны другія. Подъ вліяніемъ этого вѣрованія, являющагося необходимо

въ каждомъ человѣческомъ обществѣ на извѣстной ступени его развитія, выработанныя жизненной практикой и ставшія обычаями, правила поведенія получаютъ *религозную санкцію* и становятся, потому, абсолютными: принудительная сила ихъ увеличивается, и чувство долга, необходимости слѣдовать имъ становятся опредѣленнѣе и напряженнѣе. Правила поведенія постоянно превращаются въ заповѣди божества, типомъ которыхъ можетъ служить десятословіе, причемъ появляются новыя добродѣтели и пороки, — религозно-обрядовые (посты, омовенія, богослуж. дѣйствія). На этой ступени развитія нравственный законъ представляетъ смѣсь собственно нравственнаго закона, опредѣляющаго отношенія человѣка къ другимъ людямъ, къ себѣ самому и къ окружающей природѣ, и законовъ обрядово-религозныхъ и гражданскихъ. Все это мыслится какъ воля божества, обязательная для всѣхъ членовъ даннаго общества, и разнится въ подробностяхъ у каждаго общества или націи; за нарушеніе этой воли установляются наказанія со стороны общественной власти, оно преслѣдуется угрозами наказаній со стороны божества здѣсь и въ загробной жизни, наконецъ, сопровождается неодобреніемъ всего общества, лишеніемъ добраго имени, уваженія и т. п.; исполненіе поощряется наградами и одобреніемъ со стороны божества, власти гражданской и общества.

Развитіе сношеній между народами, смѣшеніе обычаевъ, религозныхъ вѣрованій и общественныхъ учрежденій, обмѣнъ идеями и знаніями, образованіе сначала греческой, а потомъ римской всемірной монархіи, — все это расширило опытъ каждаго народа и необходимо должно было отразиться на обычаяхъ, вѣрованіяхъ и законахъ. Явилась идея родства, равенства всѣхъ людей по природѣ, общности интересовъ: рядомъ съ этимъ получила особенную силу идея того, что и Божество, произведшее природу и людей, одно у всѣхъ, не смотря на разность формъ и названій, что одинъ Богъ и Отецъ всѣхъ,—всѣ люди—Его твореніе, Его дѣти и равны передъ Нимъ, не смотря на разность ихъ общественныхъ положеній, обычаевъ, гражданскихъ законовъ, языковъ

и т. п. Но всѣ эти идеи, подготовленныя исторіею, носившіяся, какъ говорится, въ воздухѣ, были смутны и неопредѣленны и приводили къ созданію частныхъ правилъ, къ незамѣтному измѣненію отношеній между людьми. Съ ясностью и опредѣленностью онѣ обобщены и формулированы были въ христіанствѣ; онѣ получили здѣсь, кромѣ того, особенную силу и наглядность, доступность для самаго неразвитаго человѣка въ возвѣщенномъ и основанномъ христіанствомъ вселенскомъ обществѣ, которое, оставляя неизмѣнными всѣ политическія учрежденія и племенныя и социальныя разницы, обнимаетъ всѣхъ людей, все человѣчество, включаетъ въ себя всякаго человѣка, какъ человѣка, какъ личность, имѣющую одинаковое со всѣми другими право на участіе въ вѣчныхъ благахъ, предназначенныхъ ему по природѣ. Прямымъ и необходимымъ слѣдствіемъ идеи единаго Бога всѣхъ и людей и равенства ихъ передъ Нимъ, также идеи и факта одного вселенскаго Божія царства-церкви—было уничтоженіе ограниченія въ правилахъ поведенія людей, обязательности ихъ только въ извѣстныхъ условіяхъ и предѣлахъ по отношенію къ членамъ одной націи, племени, общественному положенію и т. п. и превращеніе ихъ во всеобщія, распространяющіяся на всѣхъ людей и—въ этомъ смыслѣ—абсолютныя, безусловныя требованія. Другимъ необходимымъ послѣдствіемъ было довольно рѣзкое выдѣленіе этихъ требованій изъ законовъ политическихъ и гражданскихъ и превращеніе ихъ въ сознаніи людей въ особый, общій для всѣхъ, обязательный законъ. Теперь только являлся и могъ явиться, какъ результатъ продолжительнаго и сложнаго процесса развитія, *въ собственномъ смыслѣ нравственный законъ*, опредѣляющій однообразное добро́ и зло и одинаково обязательный для всѣхъ. Принципъ раздѣленій дѣйствій человѣческихъ на добрыя и злыя остался тотъ же самый, лежащій въ самомъ строѣ человѣческой природы и человѣческаго общества, т. е. „симпатія“ и движеніе къ личности и правамъ другого, общее благо и общая польза. Все это выражается въ законѣ о любви; только симпатія здѣсь не ограничивается лишь тѣснымъ кругомъ близ-

кихъ людей, а должна обнимать всѣхъ людей, даже враговъ, и основаніемъ для этой симпатіи и уваженія являются не случайныя связи и выгоды, а общія свойства человѣческой природы, одинаковость и равноправность всѣхъ людей. Въ самомъ началѣ христіанства и отчасти до настоящаго еще времени, выдѣленный и обоснованный такимъ образомъ, „нравственный законъ", усвоенный европейскимъ человѣчествомъ, поставленъ въ тѣсную связь съ нѣкоторыми религіозными догматами и обрядовыми предписаніями, религіозными добродѣтелями и (пороками) преступленіями, подвергался и подвергается отчасти доселѣ многимъ ограниченіямъ. Также точно его вліяніе усилено угрозами религіозныхъ наказаній и обѣщаніемъ награды и порицаніемъ или одобреніемъ общества. Но фактъ его *образованія* и выдѣленія совершился и усвояется нечувствительно, входитъ въ содержаніе духовной жизни всякаго человѣка, причастнаго такъ или иначе христіанской цивилизаціи.

Изслѣдованія основъ добра и зла, нравственнаго закона и долга, начавшіяся съ XVII вѣка, привели въ настоящее время къ убѣжденію, что *законъ нравственный*, выработанный жизненнымъ опытомъ, вытекаетъ, въ сущности, изъ безсознательнаго стремленія къ сохраненію и совершенствованію рода, что это *есть сложное выраженіе родового инстинкта*. Добромъ считается очевидно, то, что способствуетъ благу цѣлаго рода, общества—въ широкомъ смыслѣ слова; зло—то, что вредитъ ему, хотя бы косвеннымъ и отдаленнымъ способомъ. Потому такъ и одобряются обществомъ всѣ проявленія самоотверженія, пожертвованія личными интересами для блага общаго. Христіанствомъ этотъ инстинктъ введенъ въ общее сознаніе, какъ требованіе разума и Божества, и имъ дано ему особое толкованіе, которое обусловливалось состояніемъ знанія и направленіемъ мышленія въ періодъ явленія христіанства и въ послѣдующее затѣмъ время.

Такое пониманіе основъ и природы нравственнаго закона заключаетъ въ себѣ долю истины. Добро есть, между прочимъ, дѣйствительно, нѣчто такое, что полезно для общества, рода

и—косвенно—для всякаго индивидуума, благосостояніе котораго, очевидно, всегда, въ общемъ ходѣ, обусловливается благосостояніемъ цѣлаго рода; зло—наоборотъ. Но въ такомъ случаѣ обязательная сила нравственныхъ требованій и *чувство долга въ отдѣльной личности есть иллюзія*, обманъ. Слѣпой инстинктъ, „безсознательная воля“ заставляютъ человѣка единичнаго, для котораго его личность, его личные интересы и счастіе въ теченіе короткой жизни дороже и важнѣе всего остальнаго міра,—заставляютъ портить свою жизнь, страдать ради такихъ благъ, въ которыхъ онъ никогда не можетъ принять участія и которыми будутъ пользоваться другіе люди, а до этихъ другихъ ему, конечно, нѣтъ никакого дѣла. Конечно, тѣ условія жизни, тотъ строй ея, среди котораго онъ является и живетъ, произошелъ и образовался благодаря тому, что люди слѣдовали этому слѣпому инстинкту; его личная жизнь отъ этого лучше, полнѣе и богаче содержаніемъ. Слѣдованіе этому инстинкту съ его стороны будетъ также способствовать поддержанію такого строя, усовершенствованію его и увеличенію счастія послѣдующихъ людей. Но ему, очевидно, нѣтъ до этого никакого дѣла, если дѣйствія, вопреки понятому имъ слѣпому принужденію, обману природы, даютъ ему личное счастье.

Въ полномъ согласіи съ этою теоріею стоитъ описаніе происхожденія и развитія идей добра и зла, нравственнаго закона и чувства долга у *отдѣльныхъ личностей*, особенно при существующихъ условіяхъ. Здѣсь представляются дѣйствующими тѣ же факторы, только въ другомъ порядкѣ. Первыя свѣдѣнія о добромъ и зломъ мы получаемъ въ дѣтствѣ отъ родителей и воспитателей—въ формѣ приказаній, что должно дѣлать то-то, и не дѣлать того-то. За исполненіе насъ хвалятъ и награждаютъ, за неисполненіе бранятъ и наказываютъ. Такъ образуется самая простая ассоціація приказанія, принужденія съ извѣстными родами дѣйствія. Это чувство принужденія, необходимости дѣйствовать такъ, а не иначе—въ одномъ случаѣ усиливается удовольствіемъ одобренія и награды, въ другомъ—представленіемъ порицанія и наказанія. На помощь этой ассоціаціи приходятъ

еще другія сильныя вліянія: мы замѣчаемъ, что не только наши родители, но и всѣ другіе поступаютъ также и т. п. „Ассоціація, такимъ образомъ, говоря словами Милля, становится неразрывною, общею и всеобъемлющею". Къ этой первоначальной основѣ чувства долга присоединяются другія и видоизмѣняютъ у многихъ пріобрѣтенное сознаніе, необходимость и расположеніе дѣлать то, что приказываютъ, за что хвалятъ и награждаютъ и не дѣлать противнаго,—новыми элементами, усиливая его. Это—желаніе доставить удовольствіе и страхъ опечалить людей, которыхъ мы любимъ и уважаемъ. Еще новый мотивъ является, когда мы начинаемъ понимать разумность и вообще смыслъ требованій и понимать, почему одинъ поступокъ хорошъ, другой дуренъ. Въ большинствѣ случаевъ присоединяется религіозное чувство—боязнь оскорбить Божество. Такимъ образомъ, основою чувства долга служитъ *признаніе внѣшняго авторитета*, въ связи съ стремленіемъ испытывать удовольствіе, проистекающее изъ послушанія, и избѣгать неудовольствія, возникающаго изъ неповиновенія. У многихъ людей чувство долга остается на этой ступени. Но у многихъ также получается высшая форма, причемъ чувство зависимости отъ внѣшняго авторитета исчезаетъ,—является преобладаніе сознанія *зависимости отъ себя* самого. Самыя правила, усвояемыя въ дѣтствѣ и авторитетъ ихъ, подвергаются критикѣ и т. п. Вмѣсто нихъ являются, естественно, другія, болѣе разумныя, а затѣмъ къ этимъ послѣднимъ установляется привычное отношеніе, т. е. на нихъ переносится уваженіе, получаемое первоначально изъ внѣшняго авторитета. У многихъ, наконецъ, развивается еще болѣе сложная и высшая форма. Всякое сознаніе внѣшняго принужденія, предписанія исчезаетъ, исчезаетъ сознаніе удовольствія или неудовольствія, связаннаго съ исполненіемъ должнаго, даже сознаніе разумности или неразумности требованія,—остается одна *отвлеченная идея долга:* признанное должнымъ исполняется во имя долга и ради его выполненія. Въ этомъ случаѣ первоначальная основа и процессъ всего развитія остаются тѣ же, только всѣ чувства переносятся

на отвлеченную идею и съ нею ассоціируются безъ всякаго посредства. Здѣсь происходитъ то же самое, что бываетъ при образованіи любви къ деньгамъ и къ пріобрѣтенію и т. п. Въ концѣ концовъ удовольствіе и неудовольствіе, польза и вредъ, внѣшній авторитетъ, необходимость и привычка повиноваться ему—составляютъ все содержаніе чувства долга.

Такое представленіе сущности и процесса образованія долга открыто для тѣхъ же возраженій, какъ и общая теорія. И здѣсь нравственный законъ, долгъ etc. основываются на иллюзіи и, съ устраненіемъ ея, теряютъ смыслъ, лишаясь всякой опоры...

Но въ процессѣ образованія нравственнаго закона и долга въ человѣчествѣ и отдѣльномъ человѣкѣ есть еще *другая сторона*, дающая всегда опору и силу требованіямъ его, независимо отъ внѣшнихъ вліяній.

Понятіе о добрѣ, какъ оно дано прямому наблюденію у всѣхъ людей, стоящихъ на всѣхъ ступеняхъ развитія, *не заключаетъ* въ себѣ прямо и *непосредственно идеи пользы* или счастія, блаженства, наслажденія и т. п., какъ думаютъ защитники эвдемонизма и утилитаризма. Въ его содержаніи, прежде всего, открывается сознанію *идея* возвышенія, силы, превосходства,—словомъ, *совершенства дѣйствія*, отражающаго въ себѣ возвышеніе, превосходство—совершенство дѣйствующей духовной особы, или личности. Полезность, споспѣшествованіе счастію единичному и общему мыслится, при этомъ, какъ нѣчто само собою являющееся съ добромъ, какъ естественная прибавка его главному содержанію, или какъ естественное, необходимое и само собою понятное его послѣдствіе. Все это само собою „прилагается“ къ добру, по слову Спасителя, выражающему самую сущность идеи добра, присущей всему человѣчеству, т. е. человѣческой душѣ. Подобнымъ же образомъ въ содержаніи понятія о нравственномъ злѣ прямо и непосредственно нѣтъ идеи вреда, страданія, несчастія. И въ немъ, прежде всего, уму открывается и дается *идея паденія*, униженія, болѣзненнаго разстройства,—сло-

вомъ, несовершенства творящей зло личности, отражающагося въ самомъ дѣйствіи. Вредъ, страданіе, бѣдствіе, разрушеніе единичнаго и общаго благополучія и счастія, опять, мыслятся, какъ нѣчто само собой являющееся за злымъ дѣйствіемъ, какъ его естественное и необходимое послѣдствіе. Все это—послѣдствіе зла, а никакъ не сущность, не составная часть его. Съ точки зрѣнія психологическаго анализа, основаннаго на простомъ наблюденіи состава идей добра и зла, противъ такого объясненія нельзя рѣшительно ничего возразить, потому что указанное содержаніе этихъ идей есть очевидный фактъ. Геніальнѣйшіе представители утилитаризма-эвдемонизма, а тѣмъ болѣе ихъ менѣе талантливые и проницательные послѣдователи и толкователи—игнорируютъ этотъ фактъ, потому что, съ своей искусственной, чисто *внѣшней* точки зрѣнія на процессъ нравственнаго развитія, они не могутъ подойти къ этому факту и, по мѣрѣ развитія своей доктрины, все болѣе и болѣе удаляются отъ него, погружаясь въ изслѣдованіе внѣшней жизни и внѣшнихъ отношеній человѣка. Къ этому присоединяется вліяніе предвзятаго взгляда, которому фактъ этотъ далеко не благопріятствуетъ. И не смотря на то, а всего вѣроятнѣе, именно, вслѣдствіе того, что фактъ описаннаго содержанія идей сообщается и указывается въ катихизисѣ и „открытъ младенцамъ“, онъ оказывается „сокрытымъ отъ премудрыхъ и разумныхъ“.

Понятное дѣло, что для того, чтобы могла образоваться идея добра, какъ возвышенія, поднятія, совершенства личности, и идея зла, какъ паденія, униженія, несовершенства ея, должна первоначально явиться у человѣка идея нѣкоторой духовной высоты, на которую можетъ подняться личность, *идея совершенства личности вообще*, и, въ соотвѣтствіе съ этой положительной идеей, должна быть идея нѣкотораго низкаго духовнаго уровня, до котораго личность можетъ упасть, идея, однимъ словомъ, несовершенства. Послѣдняя, впрочемъ, уже сама собою дается съ первой, и особыхъ объясненій для ея происхожденія не потребуется, когда объяснено будетъ происхожденіе первой—совершенства. Идея со-

вершенства личности есть, какъ показываетъ наблюденіе надъ ея образованіемъ, болѣе или менѣе конкретный образъ совершенной или совершеннѣйшей личности. Отвлеченіемъ, общимъ понятіемъ она быть не можетъ, потому что нѣтъ въ опытѣ совершеннѣйшихъ личностей, и не отъ чего сдѣлать отвлеченіе, которое есть всегда обобщеніе. Идея совершенства личности, такимъ образомъ, необходимо, по законамъ ума, превращается въ *идеалъ*, является въ формѣ идеала,—идеальной личности. Въ этомъ идеалѣ, когда онъ развитъ полно и всесторонне, необходимо будетъ заключаться и представленіе полнаго счастія, или всеблаженства, и абсолютно разумной и полезной дѣятельности. Но и въ немъ, какъ и въ идеѣ добра, это представленіе составляетъ не существенную, не главную составную часть, а является только какъ необходимое логическое слѣдствіе совершенствъ, изъ которыхъ слагается идеалъ, или идеальная личность. А эти совершенства состоятъ изъ всесторонняго и, притомъ, безконечнаго развитія всѣхъ силъ духовныхъ личности идеальной. Такое умственное построеніе, какъ идеалъ совершенства, очевидно, не можетъ быть получено не только путемъ наблюденія полезности или вредности, пріятности или непріятности человѣческихъ дѣйствій, но и вообще путемъ наблюденія какой бы то ни было дѣйствительности, которая всегда не совершенна. Онъ можетъ явиться въ духѣ человѣческомъ не какъ результатъ наблюденія и отвлеченія, а какъ результатъ творческаго построенія, и самъ не можетъ быть предметомъ наблюденія, а только созерцанія, интуиціи. Матеріаломъ для его построенія можетъ быть только наблюденіе надъ личностію, надъ ея силами и свойствами, а это наблюденіе, по самому существу дѣла, можетъ имѣть основою и исходнымъ пунктомъ своимъ только самонаблюденіе, независимо отъ котораго, какъ извѣстно, человѣку не доступна внутренняя жизнь другого человѣка. Такимъ образомъ, идеалъ создается личностію, ея собственною творческою силою, составляющею ея постоянное свойство и, притомъ, основное, создается изъ матеріала даннаго главнымъ образомъ собственнымъ содержаніемъ личности, внутри ея, въ ея

собственныхъ силахъ и свойствахъ. Идеалъ, явившійся и являющійся первоначально, можетъ быть только полной и нераздѣльной собственностью личности духовной. Этого мало. *Идеалъ*, составляя *собственность личности* и по матеріалу и по формѣ, *является съ полною и абсолютною необходимостію* у каждой личности, нормально сформированной, съ такою же необходимостію, съ какою являются у человѣка, напр., общія идеи и языкъ—даръ слова,—сужденія, умозаключенія и т. п. Съ этой точки зрѣнія, не будетъ преувеличеніемъ сказать, что человѣкъ, какъ человѣкъ, т. е., какъ мыслящій и творящій или просто фантазирующій духъ, не можетъ обойтись безъ идеала, не можетъ не создать его въ такой или другой его формѣ. Другими словами, идеалъ составляетъ нераздѣльную и необходимую часть человѣческаго духа, *необходимую часть содержанія его*, содержанія личности. Безъ идеала человѣкъ не есть, въ собственномъ смыслѣ, человѣкъ, также точно какъ нельзя въ строгомъ смыслѣ назвать человѣческою личностію существо, неспособное ни къ какой формѣ мышленія. Въ этомъ смыслѣ — необходимаго возникновенія, притомъ, возникновенія органическаго, изъ самаго строя и природы духа,— идеалъ изначала *прирожденъ* человѣку, а съ тѣмъ вмѣстѣ прирожденъ, очевидно, *источникъ его нравственнаго развитія*.

Необходимость представленныхъ и опирающихся на чисто психологическихъ данныхъ выводовъ и соображеній можно подтвердить и доказать еще другимъ путемъ. Путь этотъ освѣщаетъ дѣло съ новой стороны и съ тѣмъ вмѣстѣ даетъ возможность показать самый *способъ, процессъ образованія идеала*. Физическая, ближайшимъ образомъ, органическая природа, во всемъ составѣ живыхъ существъ, ее составляющихъ, постоянно измѣняется и совершенствуется, или прогрессируетъ. Слѣпо и безсознательно, но тѣмъ не менѣе постоянно и неуклонно она стремится къ какой то цѣли, постепенно преобразуется по какому то *плану*, типу, который, понятное дѣло, лежитъ не внѣ ея, а внутри, именно, внутри всякаго живого существа, въ формѣ *организаціонной силы*, подобно тому, какъ въ каждомъ органическомъ зародышѣ

находится несомнѣнно планъ или типъ, по которому необходимо, въ строго опредѣленной формѣ, организуется въ извѣстное время полный сложный организмъ. (Послѣ довольно продолжительнаго отрицанія этого очевиднаго факта, подъ вліяніемъ односторонняго эмпиризма, въ дарвинизмѣ наука пришла къ полному и рѣшительному признанію его). Этотъ организаціонный планъ, присущій физической природѣ, этотъ, можно сказать, *идеалъ природы* открытъ уму въ той части его, которая уже выполнена, какъ открытъ и планъ каждаго существа, лежащій въ его зародышѣ; но въ чемъ состоитъ вся полнота его, какія будущія формы физическаго бытія лежатъ въ нѣдрахъ природы, въ ея организаціонной силѣ,—этого не можетъ, съ приблизительною даже вѣроятностію, предвидѣть самый геніальный умъ, потому что онъ не можетъ проникнуть въ таинственное средоточіе этой силы. Человѣческій духъ, какъ бы ни понимали его природу, есть, во всякомъ случаѣ, совершеннѣйшій живой организмъ, идеальный, въ смыслѣ недоступности его внѣшнимъ чувствамъ. Этотъ духовный организмъ есть цѣлый, въ себѣ замкнутый міръ, съ своею особою творческою силою и, потому, можетъ въ своей жизни и развитіи сравниваться только съ цѣлою органическою природою, а никакъ не съ отдѣльною живою особью,—тѣмъ болѣе, что онъ заключаетъ въ себѣ все, что есть самаго совершеннаго и существеннаго во всемъ мірѣ органическихъ существъ.

Признавая присутствіе плана, организующаго начала въ цѣлой органической природѣ и въ каждомъ существѣ ея, нельзя, конечно, отрицать его въ совершеннѣйшемъ идеальномъ организмѣ—духѣ. Но его отношеніе къ этому, лежащему въ основѣ его бытія, типу, или плану, по самому существу его, по самой природѣ, совершенно иное, чѣмъ отношеніе безсознательной и неразумной природы. Духъ не только живетъ и развивается, какъ всякій организмъ, онъ *знаетъ* объ этомъ, онъ сознаетъ и воспринимаетъ по крайней мѣрѣ, можетъ сознать каждый самый мелкій процессъ, каждую дѣятельность и состояніе, изъ которыхъ слагается его жизнь. Сознавая каждую часть своего состава, духъ сознаетъ и воспринимаетъ всю ихъ сово-

купность, сознаетъ себя, какъ единое цѣлое съ большею или меньшею отчетливостью. И это сознаніе, какъ извѣстно, присуще ему, съ извѣстнаго момента зрѣлости, на всѣхъ ступеняхъ его развитія, что ясно и непреложно доказывается существованіемъ идеи „я", личности, у каждаго, самаго темнаго, грубаго и неразвитаго человѣка. Сознавая себя, какъ единое цѣлое, духъ также сознаетъ съ большою ясностію, зависящею отъ развитія его умственныхъ силъ и знанія, свое строеніе, силы дѣйствующія и обнаруживающіяся въ разныхъ явленіяхъ его жизни, что, опять, доказывается съ очевидностью существованіемъ у каждаго, самаго неразвитаго человѣка, понятій о памяти, размышленіи или мышленіи, чувствѣ, или сердцѣ, хотѣніи, самоопредѣленіи, или волѣ. Наука только разъясняетъ эти понятія, приводитъ знаніе о нихъ къ подробностямъ и совершенству: въ дѣйствительности они существуютъ и являются сами собою, какъ простой необходимый результатъ сознанія и самосознанія. Сознавая и воспроизводя въ себѣ всѣ, такъ сказать, свои составныя части, ихъ сочетаніе въ цѣлое, сознавая свои стремленія, духъ человѣческій необходимо долженъ сознавать и тотъ творческій планъ, который лежитъ въ его основѣ и въ которомъ дана будущая судьба личности, конечный пунктъ развитія, къ которому способна его природа, ту высшую, совершеннѣйшую форму бытія, къ которой онъ стремится, которую онъ долженъ осуществить или къ которой онъ долженъ приближаться. Необходимость и естественность такого сознанія тѣмъ очевиднѣе, что духъ же своею силою открываетъ всюду въ природѣ присутствіе плана. Было бы ни съ чѣмъ несообразно, еслибы онъ не сознавалъ его въ себѣ. Вотъ это то сознаніе лежащаго въ основѣ жизни духа, *сознаніе организаціоннаго плана, какъ конечной цѣли его бытія и развитія, и даетъ начало тому, что называется идеаломъ*. Это представленіе совершенства, конечной цѣли человѣческой природы. Не имѣя возможности прямо и непосредственно наблюдать въ себѣ совершеннѣйшія формы своего собственнаго бытія, имѣющія нѣкогда наступить, духъ прибѣгаетъ къ весьма простому пріему, въ которомъ всего

чаще обнаруживается его творчество. Онъ силою своей фантазіи увеличиваетъ до послѣднихъ предѣловъ и количественно и качественно всѣ составныя части и стороны своего существа, открытыя его непосредственному воспріятію и такимъ образомъ *возсоздаетъ* изъ его элементовъ образъ того, чѣмъ ему предназначено быть, чѣмъ онъ *долженъ* и *можетъ* быть. Какъ бы сквозь увеличительный приборъ фантазіи творящей, духъ *созерцаетъ* въ зародышѣ свое будущее величіе, совершенство, созерцаетъ, конечно, сообразно со степенью своего развитія, въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, созерцаетъ, по необходимости, смутно, преувеличенно; но необходимо созерцаетъ и не можетъ не созерцать, какъ не можетъ не сознавать, что у него есть способность помнить, понимать, и т. п. Если бы зерно дуба обладало сознаніемъ и съ нимъ связанными силами человѣческаго творческаго духа, — въ немъ, подобно идеалу у человѣка, явился бы смутный образъ того необъятнаго—великаго и совершеннѣйшаго, сравнительно съ нимъ, растительнаго организма, какимъ ему быть предстоитъ.

И такъ, у человѣка есть идеалъ — образъ совершенства его духовной природы. Этотъ идеалъ является съ полною необходимостію и не можетъ не явиться у человѣка, какъ человѣка. Онъ получается изъ внутренняго наблюденія духомъ своего состава и составляетъ нераздѣльную составную часть его бытія, его содержанія въ дѣйствительности. Въ то же время онъ есть сознаніе и воспроизведеніе, возсозданіе творческаго плана, положеннаго въ основу духа и творческое созерцаніе такой конечной совершеннѣйшей формы его бытія, элементы которой даны въ зачаточной формѣ въ самомъ его существѣ. Въ этомъ смыслѣ идеалъ прирожденъ человѣку, начертанъ въ его природѣ, въ природѣ его духа.

Присутствіе въ душѣ человѣка образа совершенства, или идеала, возникающаго съ необходимостію изъ непосредственнаго наблюденія имъ состава своей природы, путемъ творческаго преобразованія свойствъ ея, по методу увеличенія ихъ,—дѣлаетъ необходимымъ сравненіе дѣйствительнаго обнаруженія этихъ свойствъ въ дѣйствіяхъ и самыхъ дѣйствій человѣка съ идеаломъ, т. е.,

съ образомъ того, чѣмъ они должны быть, достигнувъ полноты своего развитія, своего совершенства. Сравненіе это производится постоянно, съ необыкновенною быстротою при обыкновенномъ теченіи жизни и, потому, дѣлается автоматичнымъ, безсознательнымъ,—незамѣтнымъ, какъ всѣ другія постоянныя или очень часто являющіяся состоянія сравненія, отождествленія и раздѣленія въ другихъ областяхъ душевной жизни Но въ исключительныхъ и важныхъ случаяхъ жизни весь процессъ, во всѣхъ своихъ составныхъ частяхъ, возникаетъ медленнѣе, сравнительно, съ большею отчетливостію и можетъ быть наблюдаемъ каждымъ совершающимъ его и умѣющимъ наблюдать. Какъ бы то ни было, при помощи этого внутренняго приспособленія, механизма своего рода, становится возможною *непосредственная*, большею частію, моментальная, безъ всякихъ соображеній о послѣдствіяхъ, *оцѣнка всякаго дѣйствія*, признаніе его обнаруженіемъ силы или слабости, приближеніемъ къ идеальному типу или удаленіемъ отъ него, согласіемъ или противорѣчіемъ съ идеаломъ совершенства—добромъ или зломъ. Оцѣнка эта совершается такъ же непосредственно, какъ оцѣнка величины предмета, разстоянія и т. п.,—при помощи, присущихъ каждому человѣку, данныхъ въ самомъ его организмѣ и непосредственныхъ состояніяхъ сознанія, способовъ измѣренія, при помощи мышечнаго чувства. Или—еще ближе къ дѣлу и нагляднѣе—оцѣнка эта совершается такъ же непосредственно, какъ сознаніе тепла и холода, вообще измѣненій температуры, причемъ мѣркою, масштабомъ является здѣсь никакъ уже не опытъ, а опредѣленная, нормальная или ненормальная температура организма, данная въ непосредственномъ сознаніи, помимо всякаго опыта внѣшняго, въ опытѣ внутреннемъ. Она напоминаетъ также по своему характеру непосредственное сознаніе здоровья и болѣзни, усталости и бодрости. Эти аналогіи объясняютъ намъ, почему оцѣнка добра и зла въ дѣйствительности называется *чувствомъ* добра и зла—естественнымъ чувствомъ.

Существованіе приспособленія, даннаго въ идеалѣ и возникающемъ отсюда сравненіи съ нимъ дѣйствій, объясняетъ самый

процессъ происхожденія этого чувства, психическій механизмъ и устройство его, одинаковое у всѣхъ людей. Съ тѣмъ вмѣстѣ передъ нами возникаетъ—въ самомъ чистомъ видѣ и вполнѣ понятный—*процессъ первоначальнаго возникновенія идей добра и зла*.—Онѣ возникаютъ не изъ внѣшняго наблюденія надъ послѣдствіями дѣйствій и ихъ вліяніемъ на благополучіе и счастіе человѣка,—*возникаютъ* прежде, чѣмъ эти наблюденія могутъ быть даже произведены съ достаточною полнотою для общаго вывода изъ нихъ,—возникаютъ путемъ самосознанія и внутренняго наблюденія *изъ* той *глубины духа*, сознающаго себя и созерцающаго свой составъ, изъ котораго возникаетъ, какъ мы видѣли, идеалъ—источникъ и основа этихъ идей. Понятное дѣло, что психическое приспособленіе, изъ котораго составляется *внутренній органъ нравственнаго чувства*, у однихъ, въ силу общаго характера душевной жизни, лучше, у другихъ хуже, т. е. у однихъ идеалъ возникаетъ полно и ясно, и сравненіе производится отчетливо и энергично, у другихъ идеалъ едва намѣчается въ сознаніи, и сравненіе съ нимъ дѣйствій своихъ и чужихъ не опредѣленно, темно и т. п. Помимо такой природной силы или слабости нравственнаго органа, на его характеръ могутъ вліять и постоянно вліяютъ окружающая среда, общія условія жизни, укрѣпляющія или подавляющія его упражненіе и навыкъ, воспитаніе и т. п. Съ тѣмъ вмѣстѣ и чувство добра и зла—нравственное—является сильнымъ, отчетливымъ, или слабымъ, темнымъ: оно можетъ вовсе заглушаться и подавляться, возникая опять рѣдко и съ малою энергіею; можетъ давать фальшивую, иллюзорную оцѣнку, принимать добро за зло, и наоборотъ, какъ это бываетъ въ области внѣшнихъ чувствъ. Но отъ этого сущность дѣла нисколько не измѣняется, а только нравственный органъ и нравственное чувство включаются въ разрядъ всѣхъ другихъ естественныхъ силъ и способностей, свойствъ человѣческаго духа,—становится необходимымъ тщательное изученіе состава, условій происхожденія и дѣйствія, самый тщательный уходъ за нимъ и воспитаніе, основанное на точномъ знаніи его природы. Возникшія описаннымъ путемъ, идеи добра и зла,—необходимо сначала

темныя и неопредѣленныя,—встрѣчаются затѣмъ съ опытомъ человѣка внѣшнимъ. Параллельно и одновременно съ возбужденіемъ ихъ изнутри, начинается и развивается наблюденіе надъ послѣдствіями и вліяніемъ реальныхъ дѣйствій на благополучіе и счастіе человѣка, которое утилитарно-эвдемонистическая теорія считаетъ существеннымъ источникомъ идей добра и зла. Среди дѣйствій человѣка выдѣляются такія, которыя постоянно и при всякихъ условіяхъ способны производить прочное благополучіе, дѣйствительное, въ противоположность другимъ, которыя или прямо разрушаютъ счастіе, или создаютъ временное, случайное, непрочное благополучіе и т. д. Эти, обладающія высшею степенью полезностей и пріятностей дѣйствія, естественно, въ то же время суть и такія, которыя всего болѣе способствуютъ внутреннему возвышенію человѣка, *приближаютъ его къ идеалу* совершенства, гармонируютъ съ этимъ идеаломъ. Потому они и являются въ сознаніи *не просто полезными* и способствующими благополучію, а *добромъ*, а имъ противоположныя *не просто вредными* и разрушающими благополучіе, а *зломъ*. Безъ этой встрѣчи съ готовыми въ извѣстномъ отношеніи категоріями совершенства, и несовершенства, добра и зла, сами по себѣ опыты внѣшніе не могли бы привести къ такимъ идеямъ. Самое даже сосредоточеніе вниманія на высшей полезности или вредности дѣйствій, самая группировка ихъ, являющаяся при весьма незначительномъ опытѣ, при самыхъ несложныхъ жизненныхъ условіяхъ, очевидно, въ значительной степени зависитъ отъ возможности, присущей человѣку, прямой и непосредственной оцѣнки, такъ сказать, a priori, дедуктивной. Человѣкъ уже ожидаетъ съ увѣренностью отъ извѣстныхъ дѣйствій лучшихъ послѣдствій жизни, предвидитъ, предчувствуетъ эти послѣдствія Опытъ, иногда спустя долгое время, повторяясь въ цѣлыхъ поколѣніяхъ, оправдываетъ это предчувствіе. Онъ служитъ *провѣркою оцѣнки* дѣйствій на основаніи идеала, а никакъ *не порождаетъ* самъ этой оцѣнки. Накопляясь и вводя въ идею добра сознаніе связаннаго съ нимъ благополучія, поражая умъ, какъ открытіе новой стороны, новой истины, процессъ такой

жизненной повѣрки добра и зла, въ опредѣленный моментъ развитія человѣка и человѣчества, естественно, сосредоточиваетъ на себѣ вниманіе и дѣлаетъ утилитарно-эвдемонистическую оцѣнку дѣйствій преобладающею, закрывая первоначальный источникъ и основу этой оцѣнки отъ цѣлыхъ поколѣній людей и затѣмъ отъ позднѣйшихъ послѣдователей нравственной жизни человѣка. Вліяя, такимъ образомъ, на ходъ и направленіе опыта и наблюденіе жизненной цѣнности дѣйствій, приводя его къ понятію добра и зла, нравственное чувство и *лежащій въ его основѣ идеалъ* сами, естественно, подвергаются значительнымъ измѣненіямъ со стороны опыта внѣшняго, хотя здѣсь много значитъ и расширеніе знанія человѣка о составѣ и свойствахъ своей природы. Какъ-бы то ни было, идеалъ постепенно и незамѣтно *измѣняется* въ своемъ составѣ и формальномъ отношеніи своихъ частей, *подъ вліяніемъ внѣшняго опыта*. Изъ него многое исключается, что казалось совершенствомъ при извѣстныхъ условіяхъ, и включается нѣчто такое, что не было и не могло быть замѣчено. Но, измѣняясь, идеалъ постоянно *сохраняетъ свое* положеніе и *значеніе* во внутренней жизни человѣка. Онъ всегда и на самыхъ высшихъ степеняхъ своего развитія, какъ и при самомъ зарожденіи своемъ, дѣлаетъ для человѣка возможною прямую, непосредственную оцѣнку дѣйствій,—*производитъ явленіе нравственнаго чувства*. Это чувство только становится тоньше, благороднѣе, шире въ своей дѣятельности. По своему устройству, по всѣмъ другимъ условіямъ своего бытія, оно остается тѣмъ же, и дѣлаетъ человѣка высокоразвитаго и дикаря одинаково *моральною личностью*, и ихъ поступки—добрые, гармонирующіе съ идеаломъ каждаго изъ нихъ, совершаемые подъ вліяніемъ идеала,—одинаково цѣнными, одинаково добродѣтелями, съ общей точки зрѣнія. Разница въ силѣ нравственнаго чувства отъ природы, внѣшнихъ вліяній, воспитанія, привычки и т. п. остается та же самая, и, потому, высокоразвитый умственно человѣкъ можетъ обладать неразвитымъ, слабымъ моральнымъ чувствомъ, а неразвитый дикарь—въ высшей степени напряженнымъ и тонкимъ. Послѣдній, какъ моральная личность,

будетъ выше, ближе къ совершенству вообще, чѣмъ первый, какъ весьма часто и бываетъ.

Измѣняя существенно пониманіе самой природы и всего хода нравственнаго развитія человѣка, излагаемая теорія установляетъ совершенно другой, отчасти противоположный утилитарно-эвдемонистическому, *взглядъ на чувство долга-обязанности* и *нравственный законъ*, взглядъ болѣе широкій и болѣе согласный съ прямымъ наблюденіемъ надъ этимъ чувствомъ. Если добро—въ дѣйствительномъ представленіи человѣка—есть лучшее, совершеннѣйшее; если сознаніе этого совершенства дается прямо и непосредственно созерцаніемъ совершенства своей природы въ идеалѣ, то о чувствѣ насилія, принужденія, которое кажется и считается присущимъ тому, что называется чувствомъ долга, обязанности,—не можетъ быть, очевидно, и рѣчи. Въ основѣ своей оно есть въ высшей степени *пріятная потребность лучшаго*, совершеннѣйшаго, любовь, расположеніе—прямое и непосредственное къ лучшему, къ идеалу. Говорить здѣсь о принужденіи такъ же нелѣпо, какъ говорить о принужденіи—считать прекраснымъ то, что кажется таковымъ и есть на самомъ дѣлѣ, о принужденіи считать сладкое сладкимъ, горькое горькимъ и т. п. Чувство принужденія, дѣйствительно, являющееся въ связи съ потребностью дѣлать добро, осуществить идеалъ въ своей жизни, потребностью, которая и есть въ собственномъ смыслѣ чувство долга,—чистое, безъ всякой посторонней примѣси,—чувство принужденія возникаетъ изъ того, что осуществленіе идеала въ жизни, даже въ самыхъ ограниченныхъ предѣлахъ, встрѣчаетъ множество препятствій и противодѣйствій, и есть всегда болѣе или менѣе тяжелый трудъ, подвигъ, требующій усилія и иногда напряженія всѣхъ силъ духа. Въ силу этого, громко говорящая потребность добра, любовь къ добру *кажется* тяжелымъ *принужденіемъ по своей природѣ*. Неправильное воспитаніе нравственнаго чувства, пробужденіе его путемъ приказаній, даже насилій и наказаній, вмѣсто того, чтобы дѣлать это при помощи развитія идеала и любви, расположенія къ нему,—имѣетъ своимъ результатомъ то, что иллюзія

принудительности чувства долга становится чуть ли не всеобщею. Въ виду этого, весь нравственный законъ, выражающійся, по необходимости, въ предписаніяхъ, заповѣдяхъ, повелѣніяхъ, имѣетъ особенный характеръ, отличающій его отъ всѣхъ другихъ законовъ. Будучи выраженіемъ требованій природы, сознаваемыхъ непосредственно самимъ человѣкомъ болѣе или менѣе ясно, „нравственный законъ“ —есть *законъ, предписываемый себѣ самимъ человѣкомъ*, или—все равно—Божествомъ, создавшимъ эту его природу. Въ немъ человѣкъ повинуется, такъ сказать, собственнымъ приказаніямъ и не имѣетъ никакого разумнаго основанія не слушаться этихъ приказаній. Благодаря этимъ особенностямъ, нравственный законъ служитъ основою и началомъ, дающимъ силу всѣмъ гражданскимъ и политическимъ законамъ.

Сознаніе необходимости и обязанности осуществлять, по мѣрѣ силъ, идеалъ въ каждомъ дѣйствіи и во всей ихъ совокупности, во всей жизни и съ тѣмъ вмѣстѣ достигать возможнаго совершенства и счастья,—такъ называемое чувство нравственнаго долга и обязанности исключаетъ всякое внѣшнее принужденіе, всякое насиліе. Источникомъ его и основою является не чувство и идея требованія, повелѣнія, приказанія со стороны какой-нибудь внѣшней силы, а естественное расположеніе, стремленіе человѣка къ лучшему, совершеннѣйшему, къ высшему благу и счастію—дѣйствительному и прочному. Съ точки зрѣнія психологическаго анализа—*чувство долга есть духовный инстинктъ*, естественное и неотразимое требованіе природы духа человѣческаго, и его обязательность и принудительность не больше и не меньше того могучаго принужденія, которое лежитъ въ каждомъ, напримѣръ, органическомъ инстинктѣ. Его можно ослабить, подавить, исказить, какъ всякій инстинктъ, но уничтожить нельзя, потому что онъ есть показатель выраженія самыхъ основъ и строя всей жизни духа. Вотъ почему, нѣтъ человѣка здороваго душевно, который бы хотя въ слабой, искаженной формѣ не испытывалъ и не обнаруживалъ этого чувства. Его можно развивать, доводить до крайней степени напряженія, до господства надъ всѣми

другими чувствами; для этого можно употреблять разные способы искусственные и, такимъ образомъ, видоизмѣнять его форму и отчасти составъ: можно, напримѣръ, какъ всего чаще бываетъ это, развивать чувство долга въ формѣ привычки повиноваться положительнымъ требованіямъ, заповѣдямъ, законамъ и т. п., и, такимъ образомъ, искусственно вводить въ составъ его сознаніе внѣшняго принужденія, чувство своего рода насилія. Но отъ этого, конечно, не измѣняется его дѣйствительная природа, его основы и источникъ. Оно остается все-таки, въ сущности, стремленіемъ къ совершенству, и, на высшихъ степеняхъ своего нормальнаго развитія и въ совершеннѣйшей своей формѣ, сознанное и продуманное, есть любовь страстная, обнимающая всю душу,—*любовь къ идеалу*. Вслѣдствіе же тѣсной связи идеала совершенства человѣческой природы съ реальнымъ первообразомъ его, идеаломъ всесовершенства, Богомъ, *чувство долга превращается въ любовь къ Богу*, т. е. къ идеалу и источнику всѣхъ совершенствъ. Тогда самый процессъ исполненія должнаго, осуществленія въ жизни идеала, становится величайшимъ наслажденіемъ, соединяется съ чувствомъ близости Божества, жизни въ Немъ и т. п. Самая тѣнь какого-нибудь принужденія исчезаетъ, и наступаетъ то *состояніе праведности*, когда самыя заповѣди и предписанія закона нравственнаго становятся излишними,—исчезаютъ изъ сознанія: они сливаются съ жизнію и дѣятельностью человѣка, становятся жизнію, которая раскрывается со всею, возможною для человѣка, полнотою и совершенствомъ. Такое состояніе человѣка есть фактъ, не подлежащій сомнѣнію, какъ фактъ бытія праведниковъ и святыхъ людей, героевъ, геніевъ добродѣтели—во всѣ времена, во всѣхъ состояніяхъ и на всѣхъ ступеняхъ умственнаго развитія. Оно, это состояніе, замѣтимъ, положительно необъяснимо и даже вполнѣ невозможно съ точки зрѣнія утилитарной теоріи, по которой сущность долга состоитъ въ привычкѣ слушаться внѣшнихъ предписаній, а на самыхъ высшихъ степеняхъ развитія есть только перенесеніе чувства повиновенія на свои собственныя предста-

вленія о требованіяхъ долга. Это обстоятельство служитъ однимъ изъ сильныхъ косвенныхъ доказательствъ согласія съ дѣйствительностію истинности изложеннаго воззрѣнія.

При всемъ томъ, не подлежитъ сомнѣнію фактъ, что обыкновенные люди, т. е., громадное большинство, сознаютъ долгъ не только какъ принужденіе, но какъ нѣчто очень трудное и тяжелое для выполненія, какъ нѣчто такое, что нерѣдко идетъ въ разрѣзъ съ самыми, повидимому, естественными требованіями человѣческой природы. Но источникъ этого элемента въ сознаніи долга не въ самой его природѣ, а, помимо неправильнаго, искусственнаго, механическаго воспитанія чувства долга, въ тѣхъ условіяхъ и обстановкѣ, среди которой человѣку приходится стремиться къ осуществленію въ своей личности идеала.

Прежде всего, жизнь всякаго общества, слагающаяся не по идеалу, а подъ вліяніемъ своекорыстныхъ разсчетовъ и страстей отдѣльныхъ сильныхъ личностей и цѣлыхъ соціальныхъ единицъ-классовъ и т. п., весьма часто навязываетъ, въ качествѣ должнаго и обязательнаго, такія требованія, которыя не только нельзя вывести изъ идеала съ логическою необходимостію, но которыя прямо противорѣчатъ ему, противорѣчатъ даже просто здравому смыслу, или—безсмыслены и нелѣпы, хотя, въ силу привычки, кажутся большинству нравственными и разумными. При такихъ условіяхъ, тяжесть долга у людей съ развитымъ сознаніемъ идеала и нравственнымъ чувствомъ—является не болѣе, какъ отрицательнымъ выраженіемъ иногда безсознательнаго стремленія къ осуществленію въ жизни дѣйствительно должнаго.—Другой источникъ сознанія тяжести долга заключается въ томъ, что осуществленіе идеала въ жизни, даже въ размѣрахъ самыхъ ограниченныхъ, требуетъ постояннаго вниманія къ себѣ, оцѣнки и критики каждаго дѣйствія, требуетъ—затѣмъ—почти постояннаго сосредоточенія всѣхъ силъ духа, упорнаго труда, какъ единственнаго средства къ постоянному совершенствованію. Но если трудъ и доставляетъ человѣку, въ самомъ процессѣ его совершенія, много удовольствій разнаго рода, то и чувство покоя, жизнь безъ усилій и борьбы, отданіе

себя въ полное распоряженіе игрѣ и естественной борьбѣ чувствъ и потребностей, легко и удобно удовлетворяемыхъ,—само по себѣ пріятно, какъ самое покойное положеніе тѣла, и доставляетъ множество мелкихъ, разнообразныхъ и очень яркихъ удовольствій. Легко погружаясь въ такое состояніе сна духовнаго, въ силу общаго закона, по которому опускаться и падать удобнѣе, чѣмъ подниматься и держаться на высотѣ, человѣкъ обыкновенно испытываетъ иногда очень сильное стремленіе къ идеалу: идеалъ привлекаетъ и зоветъ его на трудъ, обязываетъ, возбуждаетъ сознаніе паденія и т. п.; но, прогрессивно возрастающая, съ продолженіемъ покоя, инерція всего существа человѣка требуетъ все болѣе и болѣе усилій для побѣжденія своего сопротивленія и съ тѣмъ вмѣстѣ все болѣе и болѣе возрастаетъ чувство тяжести и трудности слѣдовать внушеніямъ долга. Рано или поздно, при этомъ наступаетъ моментъ, когда покой, жизнь безъ высшей цѣли, по теченію, безъ усилій, жизнь, состоящая изъ мелкихъ удовольствій, наполняющихъ пустоту душевную,—когда такая жизнь превращается въ страданіе, которое необходимо является какъ результатъ полной дезорганизаціи высшихъ силъ духа, ихъ ослабленія, похожаго на разслабленіе и болѣзненное растройство организма отъ продолжительной физической бездѣятельности и покоя. Идеалъ становится еще привлекательнѣе, стремленіе къ нему сильнѣе, но, при полномъ безсиліи и разслабленіи силъ духа, осуществленіе этого стремленія становится не только еще труднѣе, но просто невозможнымъ, и сознаніе трудности нравственныхъ обязанностей и трудности долга возрастаетъ до самыхъ послѣднихъ предѣловъ.—Третій, самый постоянный источникъ трудности и тяжести долга, находится въ самой природѣ идеала и въ его отношеніи къ ограниченной и конечной живой человѣческой личности, какъ живой физической особи. Идеалъ, по самому существу своему, есть нѣчто безконечное, никогда недостижимое, особенно въ предѣлахъ короткой жизни личности въ этомъ мірѣ чувственномъ, и есть—собственно—вѣчная нескончаемая цѣль человѣческаго существа. Въ этомъ его великая сила и значеніе и, лишившись

этого основного свойства, онъ перестаетъ уже быть идеаломъ. Вотъ почему, на самой высокой ступени нравственнаго совершенства, человѣкъ, сравнивая себя съ идеаломъ, чувствуетъ и необходимо долженъ чувствовать свою крайнюю мизерность, „неключимость“ и проникается тѣмъ высокимъ смиреніемъ, которое есть всегда спутникъ истинной высоты и величія. Съ тѣмъ вмѣстѣ, идеалъ, порождающій, какъ мы видѣли, съ необходимостью чувство Божества и увѣренность въ Его бытіи,—съ необходимостію вызываетъ въ человѣкѣ самимъ своимъ присутствіемъ сознаніе-чувство вѣчнаго продолженія и безсмертія личности, ложится въ основу той непоколебимой увѣренности духа въ своей неразрушимости, которая выражается въ невозможности для него представить даже свое уничтоженіе и дѣлаетъ собственно излишними всякія доказательства этой истины Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ идеала, жизнь личности раздѣляется на двѣ неравныя части—временную и вѣчную. Идеалъ, правда, объединяетъ ихъ, требуя превращенія временной жизни въ приготовленіе къ вѣчности, или, точнѣе, въ начало вѣчной жизни: онъ опредѣляетъ то, что есть вѣчнаго и неизмѣннаго въ человѣческой природѣ, и чѣмъ она должна быть всегда. Но и конечная жизнь личности, въ опредѣленныхъ условіяхъ, предъявляетъ, такъ сказать, свои права: рядомъ съ сознаніемъ вѣчнаго продолженія личности, возникаетъ сознаніе конечности, краткости ея бытія въ этой формѣ физической особи; рядомъ съ потребностію совершенства, вѣчнаго бытія, возникаетъ естественно и необходимо потребность полноты личнаго бытія временнаго,—потребность испытать всѣ блага этой краткой жизни. И эта потребность можетъ быть тѣмъ сильнѣе, чѣмъ яснѣе сознаніе кратковременности жизни. Такъ какъ требованія идеала абсолютны, а потребности, конечно-чувственной личности, какъ такой, имѣютъ смыслъ и значеніе только въ короткое теченіе земной жизни, то между тѣми и другими неизбѣжно возникаетъ коллизія,—у однихъ сильнѣе, у другихъ слабѣе, но всегда возникаетъ. При этомъ, удовлетвореніе потребностямъ чувственно-конечнаго бытія всегда, болѣе или менѣе,

обставлено сильными пріятными чувствами, наслажденіями, несравненно легче и доступнѣе, чѣмъ удовлетвореніе первыхъ, и они кажутся такъ же естественными, законными, какъ и требованія долга. Пожертвованіе ими долгу, потому, естественно, кажется насиліемъ. Идеалъ требуетъ любви ко всѣмъ, а жизнь есть борьба,—она требуетъ гнѣва, презрѣнія, мести и т. п.; въ противномъ случаѣ, ей грозитъ ослабленіе, прекращеніе; идеалъ требуетъ воздержанія, терпѣнія и т. п., а жизнь конечная — наслажденія благами. Отсюда развивается любовь къ тому, что противорѣчитъ идеалу, такъ называемая на языкѣ богословскомъ, „любовь ко грѣху“,—ко злу.

Идеи добра и зла, нравственный законъ и чувство долга, составляющіе основу сложнаго мотива нравственнаго, съ психологической точки зрѣнія, являются продуктомъ двухъ факторовъ и слагаются изъ ихъ постояннаго взаимодѣйствія,—наблюденія значенія дѣйствія для достиженія благополучія, счастія и сравненія ихъ съ идеаломъ совершенства человѣческой природы. Въ связи съ ними, при оцѣнкѣ дѣйствій предъ совершеніемъ ихъ и послѣ совершенія, возникаетъ особаго рода волненіе, чувствованіе, или, точнѣе, цѣлая особая группа нравственныхъ чувствованій, которыя называются *совѣстью*. Такъ какъ чувство это въ своемъ происхожденіи и развитіи зависитъ отъ предшествующей ему оцѣнки дѣйствій, на основаніи требованій нравственнаго закона и долга, и сливается часто съ этою оцѣнкою въ одинъ быстро возникающій актъ сознанія, то оно нерѣдко представляется особою силою души, источникомъ и органомъ самаго нравственнаго закона и долга. Но это чистое недоразумѣніе. Совѣсть, въ собственномъ смыслѣ, какъ особое душевное состояніе, есть *слѣдствіе оцѣнки дѣйствій*, а *не причина* ея, что видно уже изъ того, что она съ одинаковою силою и опредѣленностію можетъ существовать при различномъ до противоположности пониманіи добра и зла. Она есть *чистое волненіе*, связан-

ное съ оцѣнкою дѣйствій и вызываемое ею, и состоитъ *изъ двухъ* противоположныхъ волненій, изъ которыхъ одно называется одобреніемъ, *спокойствіемъ* совѣсти, другое—неодобреніемъ, *мученіемъ* совѣсти, или возмущеніемъ совѣсти, когда волненіе развивается въ связи съ оцѣнкою дѣйствій другихъ людей. Каждое изъ этихъ противоположныхъ волненій, въ свою очередь,—явленіе сложное и составляется изъ нѣсколькихъ разнаго рода волненій.—Основнымъ чувствомъ въ одобреніи совѣсти является непосредственно возникающее *чувство удовольствія*—при воспріятіи и представленіи добра въ своихъ дѣйствіяхъ и дѣйствіяхъ другихъ людей. Удовольствіе это является, какъ предъ совершеніемъ дѣйствій, такъ и послѣ его. Въ первомъ случаѣ оно всегда слабѣе, чѣмъ въ послѣднемъ. Къ удовольствію отъ добра, какъ обнаруженію чего то лучшаго и совершеннѣйшаго, нерѣдко присоединяется родъ эстетическаго удовольствія, проистекающаго изъ сознанія гармоніи дѣйствія съ идеаломъ и своего рода красота его. Рядомъ съ этимъ основнымъ волненіемъ, является пріятное тоже чувство *силы*, превосходства и иногда побѣды, такъ какъ исполненіе долга требуетъ усилія и борьбы. Чувство это можетъ стать преобладающимъ въ составѣ совѣсти, и тогда весьма легко превращается въ гордость и самомнѣніе, связанное съ преувеличеніемъ своей силы, добродѣтельности. Къ пріятному чувству силы присоединяется въ процессѣ совѣсти не менѣе пріятное сознаніе и *волненіе*, съ нимъ соединенное,—*одобренія со стороны другихъ* людей, иногда славы и т. п. Удовольствіе одобренія, доброй славы, всегда входящее въ составъ совѣсти, тоже легко можетъ принять неправильную, аномальную форму и создать стремленіе дѣлать добро на-показъ—такъ называемое фарисейство. Наконецъ, въ составъ совѣсти входитъ всегда *чувство безопасности*, спокойствія, проистекающее изъ увѣренности, что доброе дѣйствіе не можетъ имѣть никакихъ, дѣйствительно, дурныхъ, вредныхъ, непріятныхъ послѣдствій. Это чувство не очень сильное, не острое, а пассивное, въ то же время самое устойчивое, продолжительное, потому, отмѣчено здравымъ смысломъ, какъ важнѣйшій

моментъ совѣсти одобряющей, и дало свое имя цѣлому процессу. Всѣ эти чувства, постоянно встрѣчаясь вмѣстѣ, сливаются въ одно цѣлое чувство, взаимно усиливая и поддерживая другъ друга,—чувство въ высшей степени пріятное, хотя тихое. Испытанное во всей своей силѣ, оно становится силою, заставляющею человѣка съ большею готовностію предпочитать добро злу.

Противоположное состоянію одобренія или спокойствія совѣсти, есть *состояніе неодобренія*, возмущенія совѣсти, на высшей степени называемое мученіемъ, терзаніемъ совѣсти Передъ совершеніемъ дѣйствія, нарушающаго нравственный законъ, и при видѣ его въ другихъ, оно является, какъ и одобреніе, въ слабыхъ своихъ формахъ, и полнаго развитія достигаетъ въ виду совершившагося дѣйствія—и притомъ—своего. Явленіе это также сложное и составлено изъ слѣдующихъ отдѣльныхъ процессовъ, сливающихся, по законамъ душевнымъ, въ одно цѣлое—*чувство неудовольствія*, отвращенія, возбуждаемое непосредственно воспріятіемъ и идеею зла. Это чувство основное, и степени его силы у отдѣльныхъ личностей служатъ мѣрою природной силы и развитія совѣсти. Второе явленіе, входящее въ составъ совѣсти неодобряющей, есть *сознаніе слабости*, безсилія своего собственнаго. Какъ извѣстно, чувство это относится къ самымъ непріятнымъ и тягостнымъ. Третье явленіе—сознаніе *неодобренія*, неудовольствія, отвращенія, которое возбуждается нашими поступками *въ другихъ* людяхъ. Сознаніе этого неодобренія превращается въ особое специфическое волненіе съ опредѣленнымъ выраженіемъ, въ особое чувствованіе, которое называется *стыдомъ*. Чувство это заставляетъ человѣка скрывать все, что онъ считаетъ недостаткомъ, слабостью и т. п., и возникаетъ всегда, когда они обнаруживаются. Но такъ какъ оно ассоціировано съ самою идеею, представленіемъ извѣстности, открытія другими свойствъ и дѣйствій, его возбуждающихъ, то оно можетъ возникать при отсутствіи самаго факта открытія и порицанія другими. При этомъ, чѣмъ яснѣе и ярче самая идея, тѣмъ сильнѣе и чувство стыда. Четвертая составная часть мученія совѣсти есть чувство *страха*.

Оно имѣетъ разныя причины: страхъ открытія для всѣхъ безнравственнаго проступка и, слѣдовательно, страхъ испытать чувство стыда не въ идеѣ только, а реально и во всей его силѣ; страхъ непріятностей, невыгодъ, потерь и т. п.; страхъ наказанія со стороны общественной власти, Бога и т. п. Страхъ тоже весьма мучительное чувство, способное, притомъ же, само себя увеличивать и съ тѣмъ вмѣстѣ увеличивать свою мучительность. Дѣло въ томъ, что страхъ парализуетъ критическую способность человѣка, дѣлаетъ его неспособнымъ къ оцѣнкѣ фактовъ и къ пониманію ихъ. Отсюда, всякій разъ, какъ страхъ возбуждается,—его причины естественно преувеличиваются, считаются сильнѣе и важнѣе, чѣмъ онѣ суть на самомъ дѣлѣ. Это преувеличеніе тѣмъ усиѣшнѣе совершается, чѣмъ менѣе извѣстны дѣйствительные размѣры ожидаемаго зла, время его наступленія, обстоятельства, при которыхъ оно совершится. Состояніе страха, въ связи съ этою неизвѣстностью, бываетъ до того мучительно, что человѣкъ иногда предпочитаетъ испытаніе дѣйствительныхъ непріятностей, наказаній и т. п., чѣмъ постоянно и съ возрастающею силою подвергаться силѣ страха. Всѣ описанныя четыре волненія, сочетаясь вмѣстѣ и взаимно питая, увеличивая другъ друга,—создаютъ одно изъ самыхъ сильныхъ страданій, какое можетъ только испытать человѣкъ. Ко всему этому присоединяется еще пятое волненіе, такъ называемое *раскаяніе*.

Въ составъ нравственнаго чувства, рядомъ съ чувствомъ долга и волненіями, изъ которыхъ слагается процессъ совѣсти, входитъ *чувство* такъ называемой *свободы*. Имъ неизмѣнно и постоянно сопровождаются всѣ желанія, намѣренія и дѣйствія человѣка, когда они не суть результатъ очевиднаго и непобѣдимаго вліянія какой-либо внѣшней силы, устраняющей всякаго рода мотивы. Сущность этого чувства состоитъ въ сознаніи человѣкомъ себя послѣднею причиною своихъ собственныхъ дѣйствій и въ увѣренности, возникающей передъ и послѣ совершенія дѣйствія,

что возможенъ выборъ между разными способами дѣйствованія, даже діаметрально противоположными. На высшихъ степеняхъ развитія, чувство свободы является въ формѣ *чувства силы*—во всякій данный моментъ измѣнять весь ходъ и направленіе дѣятельности и жизни, пересоздавать ее по опредѣленному плану, согласному съ нравственнымъ закономъ или прямо ему противоположному, подавлять въ себѣ самыя сильныя желанія, привычки, наклонности и создавать совершенно новыя. Фактъ существованія въ душѣ такого чувства не подлежитъ никакому сомнѣнію. Онъ лежитъ, между прочимъ, *въ основѣ чувства отвѣтственности* человѣка за свои дѣйствія, чувствѣ, которое есть не что иное, какъ видоизмѣненное сознаніе себя причиною, виною, или виновникомъ, своихъ дѣйствій На немъ также основывается всеобщее требованіе, чтобы зло сопровождалось для его совершителя своими естественными послѣдствіями, т. е. страданіемъ и невыгодами, иначе—наказаніемъ, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, а добро влекло за собою благополучіе, выгоды,—вообще то, что называется наградою. Это требованіе превращается въ особое состояніе сознанія, называемое *чувствомъ справедливости*, и такъ же постоянно присуще человѣку, какъ и чувство виновности и свободы Оно дѣлаетъ человѣка способнымъ, вообще, безъ внутренняго противодѣйствія, подвергать себя наказаніямъ за преступленія—зло, опредѣленнымъ въ положительныхъ законахъ, даже искать наказанія, увеличивать мученіе совѣсти, сосредоточивая на нихъ вниманіе и т. п. На чувствѣ справедливости, въ свою очередь, опирается система наказаній, составляющая одну изъ важнѣйшихъ сторонъ господствующаго соціальнаго строя, и то явленіе, что при видѣ страданія преступника, которое соразмѣрно съ самимъ преступленіемъ, испытывается другими людьми чувство удовлетворенія, удовольствія, противное закону симпатіи, злое по своей природѣ, но въ этомъ случаѣ считающееся законнымъ, даже добродѣтельнымъ. Имъ же производится тотъ фактъ, что люди, сознательно и обязательно причиняющіе страданія другимъ, именно, преступникамъ, разрушающіе ихъ благополучіе (слѣдователи, судьи, про-

куроры и т. п.), естественно, сознаютъ себя совершающими не зло, а добро, даже подвигъ добродѣтели; также на нихъ смотритъ все общество, и даже сами преступники—въ большинствѣ случаевъ. Такимъ образомъ, чувство свободы нравственной, возбуждая сознаніе могущества личности и повышая силу чувства обязательности для нея нравственнаго закона, является въ то же время могущественнымъ факторомъ въ жизни общественной. Устраненіе его или подавленіе до полнаго прекращенія необходимо должно сопровождаться весьма вредными, разрушительными послѣдствіями, какъ для жизни отдѣльной личности, такъ и для соціальнаго организма. Но его уничтоженіе и невозможно, какъ невозможно уничтоженіе изъ содержанія душевной жизни всѣхъ вообще состояній и процессовъ, которые коренятся въ самой организаціи и природѣ человѣческаго духа.

Признаваемое всѣми, какъ несомнѣнный субъективный фактъ, какъ особое, присущее всѣмъ людямъ, явленіе душевной жизни, чувство свободы объясняется весьма различно. Именно: относительно причинъ и условій его происхожденія и образованія въ душѣ человѣка, а также относительно его значенія въ личной и общественной жизни, существуютъ, получившія начало еще въ древности, двѣ теоріи, діаметрально противоположныя, исключающія другъ друга и являющіяся исторически въ нѣсколькихъ различныхъ формахъ. Одна изъ нихъ признаетъ причиною чувства свободы дѣйствительный—объективный фактъ зависимости человѣка въ своихъ желаніяхъ, намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ только отъ себя самаго, фактъ его способности распоряжаться собою по собственному произволу, вопреки всякимъ внѣшнимъ вліяніямъ. Это—теорія „свободы воли“ или „свободнаго произволенія“ (liberum arbitrium). Въ крайнихъ своихъ формахъ—она представляетъ человѣка, какъ духовную личность, стоящимъ внѣ законовъ, которымъ подчиняются всѣ существа и явленія природы, и внѣ основного и всеобщаго закона причинности или необходимости, по которому все совершающееся въ мірѣ опредѣляется съ необходимостію нѣкоторою совокупностью предшествующихъ явленій...

Дѣйствія человѣческія, съ этой точки зрѣнія, могутъ не имѣть причины, ничѣмъ не опредѣляться, кромѣ идущаго изъ глубины духа хотѣнія дѣйствовать такъ, а не иначе, могутъ, потому, разсматриваться, какъ самобытныя, сами себя производящія, не связанныя ни съ какими другими явленіями въ мірѣ, чуждомъ имъ. Отсюда—*чувство свободы*, по этой теоріи, *есть непосредственное сознаніе* духомъ человѣческимъ своей *независимости отъ условій и законовъ природы*, непосредственное созерцаніе своей самобытности и противоположности міру чувственному, матеріальному. Завися въ своемъ происхожденіи прямо и непосредственно отъ реальнаго факта, свойства природы духа человѣческаго, чувство свободы служитъ, въ свою очередь, сильнѣйшимъ доказательствомъ дѣйствительнаго факта. Всякое подчиненіе человѣка условіямъ міра чувственнаго, слѣдованіе мотивамъ, изъ него происходящимъ,—будетъ ли это зависѣть отъ органической связи духа съ чувственнымъ міромъ, или отъ ослабленія его внутренней, самобытной энергіи,—есть паденіе личности, проявленіе ея рабства, ослабленіе или прекращеніе ея зависимости только отъ себя самой. Въ виду этого, теорія „свободной воли“ рекомендуетъ самое широкое развитіе чувства свободы, какъ субъективнаго выраженія коренного свойства природы духа и, слѣдовательно, человѣка, въ которомъ само это свойство развивается и достигаетъ высшаго совершенства. Съ тѣмъ вмѣстѣ, она оправдываетъ, какъ нормальныя и необходимыя, всѣ другія чувства, съ ними связанныя, также всѣ существующія соціальныя учрежденія или явленія, изъ нихъ проистекающія, считая эти учрежденія неизмѣнными, въ сущности и въ основахъ своихъ, идеально—совершенными.

Другая теорія начинаетъ съ отрицанія какого бы то ни было реальнаго, объективнаго факта, соотвѣтствующаго чувству свободы. Никакой свободы воли или свободнаго произволенія нѣтъ въ дѣйствительности. Это чистая фикція—и притомъ—изъ самыхъ нелѣпыхъ, нѣчто положительно невообразимое, немыслимое. Человѣкъ—и какъ физическая особь, и какъ духовная личность—есть, очевидно, одно изъ явленій природы, есть часть ея жизни: его нельзя даже, потому,

вообразить неподчиненнымъ законамъ. Его дѣйствія, какъ все въ мірѣ, опредѣляются предшествующими явленіями, условіями, и происходятъ изъ нихъ съ полною, роковою необходимостью: если дѣйствіе совершилось,—значитъ, оно не могло не совершиться, именно, такъ, какъ оно совершилось. Возможность его несовершенія или совершенія въ другой формѣ и т. п. существуетъ только до той поры, пока нѣтъ всѣхъ условій и причинъ его, или существуютъ другія условія и причины, видоизмѣняющія его или вызывающія другое дѣйствіе... Какъ только наступили всѣ условія, — дѣйствіе необходимо; такое наступленіе условій и причинъ, въ свою очередь, зависитъ отъ другихъ условій и т. д. безъ конца или, точнѣе, безъ начала. Въ силу этого, *дѣйствія человѣка не зависятъ отъ него самого*, отъ его какой-то воли, точно такъ же, какъ движеніе падающаго камня или стремленіе магнитной стрѣлки къ полюсу не зависятъ отъ камня и стрѣлки. Они *предопредѣлены* не только окружающими человѣка условіями внѣшними, но и всѣмъ предшествующимъ ходомъ жизни вселенной. Изъ этихъ соображеній прямо слѣдуетъ, повидимому, очень простое объясненіе чувства свободы. Оно есть, очевидно, *иллюзія*, обманъ, и зависитъ отъ того, что человѣкъ не можетъ видѣть и сознать всего того, всегда длиннаго, въ сущности, безконечнаго и въ высшей степени сложнаго сцѣпленія силъ, обстоятельствъ, вообще, причинъ и условій, результатомъ которыхъ является его желаніе, настроеніе и дѣйствіе. Потому, ему *кажется* и, при извѣстныхъ условіяхъ, необходимо должно казаться, что ближайшая причина дѣйствія—такъ называемое хотѣніе, рѣшеніе—и есть послѣдняя причина и источникъ его, причемъ легко опускается изъ виду, что самое рѣшеніе, хотѣніе возникаетъ не само собою, имѣетъ свои причины, эти причины свои и т. д. Отрѣшиться отъ этой иллюзіи, уничтожить ее вполнѣ при обычномъ теченіи жизни не возможно, какъ не возможно видѣть непосредственно, что земля вращается около солнца, а не наоборотъ. Но признавать ее за точное выраженіе дѣйствительности, думать, что человѣкъ на самомъ дѣлѣ можетъ что нибудь измѣнить въ ходѣ жизни, такъ-же

невѣжественно, какъ утверждать, что солнце ходитъ около земли и т. п. Какъ обманъ, иллюзія, и слѣдовательно, ложь, ошибка, чувство свободы должно быть подавляемо, ослабляемо, какъ и всѣ другія чувства, съ нимъ естественно связанныя и такъ же, какъ оно само, иллюзорныя. Общественныя учрежденія и весь строй общества, насколько онъ опирается на систему наказаній и наградъ и т. п., должны также точно подвергнуться измѣненію и постепенному уничтоженію. Эта теорія чувства свободы называется—безразлично—„фатализмомъ", „детерминизмомъ", „нецессаріанствомъ", представляя собою крайнюю и, притомъ, новѣйшую форму отрицанія свободы воли. Ее точно обозначаетъ собственно только послѣднее названіе (necessarius—необходимый, подчиненный закону необходимости). Фатализмомъ—въ строгомъ смыслѣ—называется одна изъ самыхъ раннихъ формъ отрицанія свободы, не чуждая и доселѣ всѣмъ неразвитымъ людямъ. Это—ученіе, что все въ мірѣ—до мелочей—опредѣляется и направляется слѣпою, неразумною силою, которую греки называли ἀνάγκη, а римляне fatum (отсюда—fatalis, fatalismus),—необходимостью, противъ которой безсильны всѣ усилія человѣка. Детерменизмомъ называется болѣе новая форма, развившаяся подъ вліяніемъ теологіи. По этому ученію, все въ мірѣ и жизни человѣка опредѣляется и направляется всемогущею разумною силою, Провидѣніемъ: все опредѣлено въ божественной творческой мысли и не можетъ совершаться, очевидно, вопреки предопредѣленію, предназначенію (praedestinatio, determinatio).

Не смотря на такую противоположность между этими воззрѣніями и ученіемъ о свободѣ, возможна *попытка примиренія* ихъ. Дѣло въ томъ, что *свобода не есть*, собственно говоря, *противоположность моральной необходимости*,—*она есть видъ ея*, какъ фактъ сознательнаго слѣдованія сильнѣйшему мотиву. При этомъ сознательность является сопутствующимъ обстоятельствомъ, даже когда выражается въ обдумываніи, во взвѣшиваніи мотивовъ, въ выборѣ между ними, что можетъ происходить очень долгое время. Такой процессъ оцѣнки можетъ только свидѣтельствовать,

что сильнѣйшій мотивъ не опредѣлился еще, и самъ онъ есть результатъ мотивовъ, его вызывающихъ и поддерживающихъ. Дѣйствіе, во всякомъ случаѣ, можетъ возникать изъ своихъ сильнѣйшихъ мотивовъ производителей съ неотразимою необходимостью. Характеръ же сильнѣйшаго мотива зависитъ отъ природныхъ свойствъ человѣка, отъ его навыковъ и, вообще, всего предшествующаго опыта, изъ котораго слагается совокупность содержанья личности. *Личность*, такимъ образомъ, *является средоточіемъ движущая сила*, коими *необходимо* опредѣляется всякое ея дѣйствіе. Въ природѣ всякое явленіе, какъ извѣстно, есть также продуктъ различныхъ дѣятелей и вліяній и побѣды сильнѣйшаго (или сильнѣйшимъ). Только здѣсь все это безсознательно, - слѣпо, какъ образно выражаются: въ духѣ то же самое сопутствуется сознаніемъ, внутреннимъ отраженіемъ всей этой борьбы. Этимъ-то участіемъ сознанія и отличается внутреннее слѣдованіе дѣйствій человѣческихъ отъ причинной связи въ природѣ. Отличіе это и выражается въ терминахъ—„свобода воли, свободное дѣйствіе“.

c) Религіозное чувство.

Психическія основы религіи. Задача научнаго изслѣдованія ихъ. Теорія возникновенія религіи подъ вліяніемъ воздѣйствія одухотворенныхъ силъ природы—страха предъ ними. Несостоятельность ея. Идея личнаго Существа всемогущаго, какъ субъективная основа религіознаго сознанія. Связь ея съ самосознаніемъ—идеею собственной личности человѣка. Процессъ образованія религіозной идеи—откровенія Божества въ духѣ человѣческомъ. Культы и ихъ значеніе по отношенію къ идеѣ Высочайшаго Существа и—вообще—религіозной жизни. Религіозное чувство, какъ волненіе. Составъ религіознаго волненія.

Религія—во всѣхъ ея формахъ, а также и строй жизни, опредѣляемый ею,—коренится въ особаго рода спеціальной духовной дѣятельности, возникающей изъ самой природы человѣка, внѣ прямой зависимости отъ „внѣшняго“ и опыта чувственнаго, наблюденія и изслѣдованія. Этотъ особый родъ дѣятельности, открывающій человѣку прямо и непосредственно объектъ религіи—Божество, обыкновенно называется *религіознымъ чувствомъ, чувствомъ Божества*. Какъ своего рода чувство воспріятія, „религіозное чувство“, вмѣстѣ съ другими духовными дѣятельностями, является источникомъ происхожденія въ человѣкѣ идеи всемогущей, всеобъемлющей и всесовершенной Личности,—единственной и несравнимой идеи, составляющей субъективную основу религіи.

Съ чисто богословской точки зрѣнія—вопросъ о существѣ и происхожденіи религіи въ человѣческомъ родѣ рѣшается, какъ извѣстно, такимъ образомъ: религія есть взаимообщеніе, союзъ-

завѣтъ личнаго всемогущаго Существа — Бога, Творца и Промыслителя — съ человѣкомъ, установленный Самимъ Богомъ въ непосредственномъ откровеніи. Рѣшеніе это не есть только продуктъ вѣры: оно оправдывается строго научными изслѣдованіями религіозной жизни человѣчества и, во всякомъ случаѣ, при всѣхъ усиліяхъ отрицательной критики, доселѣ не опровергнуто и, какъ можно судить по существующимъ даннымъ, не можетъ быть опровергнуто. Но, признавая главнымъ источникомъ религіи откровеніе, наука все-таки не освобождается отъ необходимости изслѣдовать и опредѣлить ея *основы* и начало *въ духѣ человѣческомъ*, потому что откровеніе само предполагаетъ въ человѣкѣ предрасположеніе и способность къ усвоенію его содержанія, т. е., съ одной стороны, потребность у человѣка религіозной жизни, съ другой — особаго рода духовныя дѣятельности, которыя идутъ какъ бы навстрѣчу откровенной истинѣ и дѣлаютъ ее собственностью духа, частью его бытія и жизни. Эту потребность и эти дѣятельности и должна опредѣлить и выяснить наука; а для этого ей необходимо гипотетически взять человѣка изолированнымъ отъ Божества, представить такъ, какъ будто не было никакого откровенія, и показать, что въ самой природѣ человѣка и его отношеніяхъ къ міру заставляетъ его искать Бога и общенія съ Нимъ, что дѣлаетъ его существомъ религіознымъ, и въ какихъ формахъ можетъ выражаться и осуществляться это исканіе, по законамъ его духа.

Весьма распространенная въ настоящее время и модная теорія возникновенія религіознаго сознанія и религіи въ человѣкѣ производитъ ее, въ духѣ эволюціонизма, прямо изъ одухотворенія и олицетворенія природы внѣшней, въ тѣсной связи съ развивающеюся, параллельно съ этимъ одухотвореніемъ и олицетвореніемъ, вѣрою въ продолженіе бытія и дѣятельности души человѣческой по смерти тѣла. По этой теоріи, человѣкъ, населивши природу невидимыми разумными дѣятелями и душами умершихъ людей, начинаетъ испытывать постоянный страхъ предъ этими созданіями своей фантазіи, чувствуя себя въ полной зависимости отъ нихъ на каждомъ шагу своей жизни и сознавая

полное свое безсиліе предъ ихъ незримыми дѣйствіями и вліяніями. Этотъ страхъ, страхъ суевѣрный,—самый сильный изъ всѣхъ формъ страха, подавляющій умственную дѣятельность и возбуждающій фантазію, которая еще болѣе увеличиваетъ мнимыя опасности. Страхъ этотъ заставляетъ человѣка трепетать и падать ницъ предъ всѣми предметами, въ которыхъ онъ предполагаетъ присутствіе воображаемыхъ невидимыхъ существъ, заставляетъ его искать средствъ узнавать ихъ волю, намѣренія и желанія, путемъ разнаго рода гаданій. Затѣмъ слѣдуютъ усилія всѣми способами задобрить и умилостивить эти таинственныя существа—молитвами, подарками, или жертвами и т. п. По отношенію къ нимъ человѣкъ, въ этомъ случаѣ, поступаетъ точно такъ же, какъ по отношенію къ сильнымъ и вліятельнымъ людямъ, которыхъ онъ боится. Такимъ образомъ, *основою религіи* и исходнымъ ея пунктомъ является, съ этой точки зрѣнія, въ сущности, нелѣпый и невѣжественный *страхъ* и чувство зависимости отъ невидимыхъ разумныхъ существъ, окружающихъ человѣка и созданныхъ его фантазіею; ея первоначальнымъ выраженіемъ служитъ культъ олицетворенныхъ силъ природы и душъ умершихъ людей, состоящій изъ гаданій, прошеній-молитвъ и жертвъ-подарковъ. Всѣ формы религіи развиваются затѣмъ, по этому воззрѣнію, естественно изъ этой первоначальной ея формы и основы, причемъ весь религіозный процессъ въ человѣчествѣ направляется, видимымъ образомъ, къ уменьшенію въ количествѣ и удаленію отъ человѣка страшныхъ существъ, пока они не сольются въ одно всемогущее существо,—невообразимое, непредставимое,—которое удаляется отъ человѣка въ безконечность и мало-по-малу становится совсѣмъ лишнимъ. Самый страхъ при этомъ ослабляется, нейтрализируется и замѣняется постепенно другими чувствами, которыя тоже постепенно должны потухать. Во всякомъ случаѣ, не смотря на всѣ осложненія и усовершенствованія, *религія всегда остается*, въ сущности, тѣмъ же, чѣмъ она была вначалѣ, т. е. *преклоненіемъ человѣка предъ своими фикціями*, созданіями собственной фантазіи, самообманомъ и продуктомъ невѣжества чело-

вѣка, незнанія имъ дѣйствительныхъ силъ и основъ бытія,— подлежащимъ рано или поздно полному уничтоженію.

Какъ ни проста, на первый взглядъ, и какъ ни кажется согласною съ фактами эта теорія, утверждающая, что она опирается на прямыхъ наблюденіяхъ явленій религіозной жизни, и есть результатъ индуктивнаго ихъ обобщенія, — она вполнѣ не состоятельна и поражаетъ своею поверхностностью всякаго серьезнаго мыслителя. Она принимаетъ за основу и причину совершенно несущественный внѣшній и побочный элементъ религіи и религіознаго сознанія, — грубое *средство* и *способъ первоначальнаго* ея *обнаруженія за причину* ея — главную и даже единственную. Ея индукціи-обобщенія всѣ, безъ исключенія, не правильны и не доказательны, опираются на „простое перечисленіе“, притомъ сомнительныхъ и мало изслѣдованныхъ фактовъ (Спенсеръ) изъ жизни современныхъ дикарей. Они держатся въ умахъ своихъ защитниковъ только предвзятою, признанною за несомнѣнную, произвольною мыслію, что человѣкъ развился прямо изъ животнаго, а потому и религія должна возникнуть изъ низшихъ формъ животнаго сознанія — страха, и не можетъ имѣть какихъ либо болѣе глубокихъ основъ, свойственныхъ духовной природѣ человѣка. (Другія теоріи относительно существа и происхожденія религіи— всѣ почти односторонни и не состоятельны. Таковы, напр.,—теорія Канта, отожествляющаго религію съ нравственною жизнію человѣка,—Гегеля, признающаго ее самосознаніемъ „абсолютнаго“ въ формѣ представленій, — Шлейермахера, видящаго основу и источникъ религіи въ чувствѣ зависимости отъ внѣшней силы,— Макса Мюллера, полагающаго въ основу религіознаго сознанія идею всемогущей безличной силы, и др.).

Обращаясь къ положительному разъясненію основъ и происхожденія религіи, мы должны прежде всего высказать положеніе, которымъ точно опредѣляется религія и выдѣляется изъ всѣхъ другихъ, сродныхъ съ нею явленій человѣческой жизни, именно,— положеніе, что всякая, безъ исключенія, религія есть въ томъ или другомъ смыслѣ сознаніе человѣкомъ присутствія въ мірѣ

всемогущей личной силы, т. е личнаго Существа всемогущаго, и своей непосредственной связи и соотношенія съ нимъ. Съ этимъ положеніемъ могутъ не согласиться весьма немногіе, — такъ оно очевидно для всякаго сколько-нибудь знакомаго съ явленіями религіозной жизни человѣчества. Дикарь благоговѣетъ предъ своимъ фетишемъ или идоломъ, передъ священнымъ деревомъ или горою и молится имъ, приноситъ жертвы не потому, что чувствуетъ здѣсь присутствіе неопредѣленной, таинственной силы, могущей вообще вредить или приносить ему пользу, а потому, что признаетъ здѣсь присутствіе могущаго все сдѣлать личнаго Существа, т. е. Личности всемогущей, хотя идея эта и не можетъ ясно опредѣляться въ его неразвитомъ умѣ, а скорѣе смутно *чувствуется*. *Обожаніе* имъ всѣхъ предметовъ, чѣмъ-нибудь поразившихъ его, прямо свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ *чуетъ* эту силу разлитою повсюду. И какъ только онъ убѣдится, что его фетишъ не всемогущъ,—бросаетъ его и ищетъ другого. Съ другой стороны, всякій разъ какъ ослабляется чувство и идея всемогущей Личности, — ослабляется и падаетъ религія, и въ такъ называемыхъ пантеистическихъ религіяхъ она прямо совпадаетъ съ философіею, превращается въ философію, причемъ культъ и молитва остаются какъ слѣды предыдущей формы религіознаго сознанія, опиравшагося на идею личнаго Божества. Потому, религія съ безличнымъ богомъ — не есть религія въ собственномъ смыслѣ, а только подобіе и суррогатъ ея, и никогда не можетъ удовлетворить потребности человѣка—*чувствовать себя связаннымъ съ всемогущимъ Существомъ* и опираться на него.

Итакъ, *въ основѣ религіи лежитъ идея* всемогущей личной силы, или *всемогущей Личности*, присущей міру и вызывающей въ человѣкѣ особаго рода волненія-чувства и дѣйствія. Присутствіе ея въ сознаніи, въ той или другой формѣ, съ тою или другою опредѣленностію и ясностію, со всѣми послѣдствіями, есть признакъ существованія у него религіи, хотя бы въ самой зачаточной грубой и неразвитой формѣ. Всякій народъ, потому, и всякій отдѣльный человѣкъ, на какой бы низкой ступени развитія

ни стоялъ онъ,—обожаетъ всемогущее личное бытіе или „нѣчто“, опять, личное, такъ или иначе причастное, по его представленію, всемогуществу: въ противномъ случаѣ, самое обожаніе, а съ нимъ и религія, исчезаетъ, если только возможно такое исчезновеніе въ дѣйствительности, а не въ воображеніи только человѣка. Причина такого основного единства религіозной идеи, ея тожества, въ сущности, у всѣхъ людей, на всѣхъ ступеняхъ развитія и во всѣхъ религіяхъ, заключается въ томъ, что идея всемогущей, безконечной, затѣмъ, всесовершенной Личности, присущей міру и его объемлющей, возникаетъ въ человѣкѣ необходимо и присуща ему всегда—явно или скрытно—по самой природѣ его духа, по самому строю его внутренней жизни и дѣятельности, или, какъ прежде выражались, „прирождена“ ему. Дѣло въ томъ, что эта идея необходимо и безусловно связана съ самосознаніемъ человѣка, съ идеею его собственной личности, какъ единаго, конечнаго и ограниченнаго, сверхчувственнаго-духовнаго существа, и является неукоснительно и неизмѣнно съ явленіемъ этой послѣдней, существующей, какъ извѣстно, у каждаго нормальнаго человѣка, какъ человѣка. Идея безконечнаго, всемогущаго Существа есть собственно *составная часть процесса самосознанія*, логически необходимая, а потому неустранимая. Въ самомъ дѣлѣ, полагая себя въ самосознаніи, какъ опредѣленное, ограниченное и единое существо мыслящее, дѣйствующее произвольно, или—какъ личность конечную и сверхчувственную-духовную,—человѣкъ тѣмъ самымъ, по основному закону своей мысли, вызываетъ въ себѣ идею Личности безграничной и безконечной, а потому всесильной, или всемогущей, и противополагаетъ себѣ содержаніе этой идеи, какъ реально и внѣ его сущее. Степень ясности этой послѣдней идеи, потому, всегда пропорціональна степени ясности первой: смутна, не опредѣленна идея собственной личности,—смутна и идея Личности безконечной; ясно, опредѣленно и отчетливо сознается человѣкомъ особность собственной его личности и ея свойства,—ясно, опредѣленно возникаетъ представленіе особности и главныхъ свойствъ Личности безконечной. Это соотношеніе про-

ходитъ чрезъ всю исторію религіознаго сознанія и подтверждается множествомъ фактовъ, которые и приводить нѣтъ нужды, потому что наша идея о Богѣ, Личности безконечной, есть несомнѣнно полное отображеніе—по противоположности—нашей собственной, со всѣми ея высшими свойствами. Такое соотношеніе фактически подтверждаетъ дедуктивно установленную связь сознанія Божества съ самосознаніемъ. Можно указать и другіе факты въ пользу этой дедукціи. Всего напряженнѣе чувство божества и религіозность у человѣка около возраста 12—15 лѣтъ, а этотъ возрастъ несомнѣнно есть періодъ полнаго сформированія самосознанія, явнаго обособленія своей личности человѣкомъ. Люди сосредоточенные въ себѣ, склонные къ самоанализу, къ постоянному наблюденію за собою и надъ собою, слѣдовательно, тѣ, у которыхъ самосознаніе напряжено, обыкновенно отличаются религіозностью. Всякое несчастіе, страданія, повышая самочувствіе и самознаніе, повышаетъ и религіозное чувство. Люди, погруженные во внѣшнюю дѣятельность, здоровые и счастливые, наоборотъ, большею частію мало религіозны, рѣдко, какъ говорится, думаютъ о Богѣ. Въ уединеніи, старости—религіозное чувство также бываетъ напряжено... Не нужно. конечно, доказывать, что въ началѣ развитія идея собственной личности у человѣка не отличается опредѣленностью, отчетливостью и устойчивостью; тоже должно быть и съ идеею безконечной Личности,—и она вначалѣ смутна, темна не опредѣленна, не устойчива; но она непремѣнно есть, если есть самосознаніе. При первомъ своемъ возникновеніи, на самой низкой ступени развитія, она, по всей вѣроятности, существуетъ въ формѣ простого и общаго противоположенія человѣкомъ своему внутреннему, единому „я“, ограниченному,—всего „внѣшняго“, какъ тоже единаго, безграничнаго, личнаго, обнимающаго собою и въ себѣ человѣка, его ограничивающаго. Такимъ образомъ, еще прежде даже, чѣмъ въ представленіи человѣка міръ, его окружающій, раздробляется на отдѣльныя существованія, подъ вліяніемъ постояннаго опыта, и дѣлается попытка объясненія его,—онъ созерцаетъ его, какъ нѣчто единое, въ себѣ замкнутое, про-

никнутое духомъ и мыслію,—личное. Этимъ облегчается для человѣка самый переносъ въ объективные предметы своихъ внутреннихъ состояній и объясненіе этимъ путемъ ихъ жизни и дѣйствій. Съ отдѣленіемъ въ сознаніи человѣка его внутренняго существа—души отъ тѣла, безконечная и всеобъемлющая Личность неизбѣжно тоже отдѣляется отъ чувственнаго міра и является въ немъ, какъ особая сущность, а затѣмъ даже внѣ его, подобно тому, какъ душа остается послѣ тѣла и мыслится существующею внѣ его и безъ него. Послѣ многократнаго повторенія этой операціи внутренней, наступаетъ моментъ, когда передъ мысленнымъ взоромъ человѣка, притомъ, всякаго человѣка, какъ существа необходимо себя сознающаго,- встаетъ на мгновеніе родъ призрака, фигуры великаго, необъятнаго, разумнаго и похожаго на него Существа, которое смутно сознается какъ основа, носитель и источникъ всей жизни міра и самого человѣка, какъ нѣчто самое великое и возвышенное. Можетъ быть, и очень вѣроятно, что нѣчто подобное бываетъ и теперь со всякимъ человѣкомъ въ моментъ полнаго опредѣленія его самосознанія; только внѣшнія вліянія, въ формѣ преждевременнаго чисто внушенія готовыхъ идей о Богѣ и мірѣ, мѣшаютъ во всей полнотѣ развиться этому акту непосредственнаго воспріятія и созерцанія Божества въ свойственной человѣку формѣ, не даютъ ему сформироваться окончательно и стать предметомъ яснаго воспоминанія. А можетъ быть есть—и немало—людей, которые ясно помнятъ этотъ актъ естественнаго и необходимаго, по требованію законовъ мысли, откровенія Божества въ духѣ, но не умѣютъ или не имѣютъ поводовъ и мотивовъ сосредоточить на немъ вниманіе, описать и разсказать его другимъ Къ сожалѣнію, въ этомъ направленіи никогда не дѣлалось и не дѣлается никакихъ наблюденій и изысканій, хотя уже давно существуетъ и часто прилагается такъ называемое „психологическое доказательство“ бытія Божія, доселѣ сводящееся къ простому утвержденію, что „человѣку необходимо присуща идея Божества“.

Описанное,—конечно, въ качествѣ гипотезы, въ высшей степени вѣроятной,—явленіе человѣку—въ представленіи—живой, единой,

необъятной Личности, по своему существу и условіямъ своего происхожденія, не имѣетъ ничего общаго съ олицетвореніемъ отдѣльныхъ предметовъ и явленій природы внѣшней, и совершенно отъ него не зависимо. Тамъ, въ олицетвореніи природы, производится какъ бы переносъ личности во внѣшнее по аналогіи только—гипотетически; здѣсь, въ возникновеніи, т. е., образа безконечной Личности, дѣйствуетъ законъ логической необходимости, и образъ этотъ есть необходимый и неотразимый выводъ изъ посылокъ, данныхъ въ самосознаніи, есть часть этого самосознанія. Его первоначальная *антропоморфность*, едва устранимая и на самыхъ высшихъ ступеняхъ религіознаго созерцанія и умозрѣнія, *есть прямое послѣдствіе прямой связи его съ человѣческимъ самосознаніемъ*. (Въ этомъ случаѣ, извѣстное изреченіе Парменида, что, если бы лошади могли думать о Богѣ, то представляли бы его похожимъ на себя,—можетъ быть хорошею иллюстраціею этого антропоморфизма). Въ виду особенности самаго происхожденія идеи безконечной Личности, ея логической необходимости, становится вполнѣ понятнымъ тотъ фактъ, что въ то время, какъ олицетворенія предметовъ внѣшнихъ, для ихъ объясненія, исчезаютъ навсегда, когда узнается ихъ ошибочность,—идея безконечной Личности не можетъ быть устранена никакими усиліями, и неудержимо возникаетъ въ душѣ такъ называемыхъ атеистовъ, старающихся признать ее тоже ошибочною, какъ простое олицетвореніе безличнаго могущества природы. Въ этой своей неустранимости и неотвязности идеи бытія всемогущаго и безконечной Личности—она похожа на внѣшній міръ чувственный и чувственные предметы, идеи которыхъ мы *вынуждаемся* имѣть и бытіе которыхъ мы не можемъ не признавать, хотя и *разлагаемъ* ихъ *на наши* собственныя *субъективныя* состоянія. Потому, весь процессъ возникновенія и бытія въ душѣ идеи безконечной Личности называется, по аналогіи съ чувственнымъ воспріятіемъ,—*чувствомъ* безконечнаго, *чувствомъ* Божества. Дѣйствительно, человѣкъ какъ бы постоянно и *непосредственно воспринимаетъ*, созерцаетъ безконечную Личность, знаетъ непосредственно, безъ всякихъ доводовъ, ея бытіе, и дол-

женъ употребить большія усилія, чтобы ослабить въ себѣ это чувство, не имѣя никакой возможности вовсе его уничтожить,—чувство такъ хорошо и во всей чистотѣ выраженное въ еврейскомъ имени Божества „Іегова"—„Онъ есть, Онъ существуетъ".

Такимъ образомъ, первое начало и основа религіозной идеи,—идеи всемогущаго Существа, всемогущей Личности,—находится въ прямой, притомъ, логически необходимой связи съ самосознаніемъ человѣка, съ признаніемъ имъ себя конечною и ограниченною личностію. Отсюда — *идея эта*, а съ нею и религія и религіозная жизнь человѣка, *имѣетъ корни въ самой глубинѣ человѣческаго духа*, въ той ея дѣятельности, въ томъ свойствѣ, которыя дѣлаютъ его разумнымъ существомъ и отличаютъ главнымъ образомъ отъ всего живущаго на землѣ [1]). Она возникаетъ въ извѣстный періодъ жизни и развитія души у каждаго отдѣльнаго человѣка самостоятельно, независимо отъ внѣшнихъ вліяній, какъ возникла и возникала у первыхъ людей, и *дышетъ* всякаго *человѣка по природѣ существомъ религіознымъ*, непосредственно знающимъ Бога и *чувствующимъ* „Его присносущую силу и Божество", чувствующимъ Его близость къ себѣ и живую связь съ Нимъ. Эта связь выражается первоначально въ особенномъ, спеціально соединенномъ съ идеею всемогущей и безконечной Личности волненіи, которое похоже на то, что называется благоговѣніемъ къ могущественнымъ и великимъ людямъ, но не тождественно съ нимъ. Это — обнимающій всю душу радостный трепетъ, не выразимый словомъ и не описуемый, но хорошо знакомый всякому, кто, хотя разъ въ жизни, молился въ собственномъ и строгомъ смыслѣ этого слова, молился безъ словъ и опредѣленной мысли, безъ тѣни какой-либо просьбы и даже благодаренія.

---

[1]) Вотъ почему всякая попытка искать религіозное чувство у животныхъ есть чистая нелѣпость,—извращеніе факта религіи. Животное не есть личность, потому что не имѣетъ и не можетъ имѣть идеи личности. У него могутъ быть нѣкоторыя чувства, входящія въ составъ сложнаго религіознаго чувства, но не можетъ быть того, что составляетъ суть его — *обожанія* и что даетъ этимъ чувствамъ характеръ религіозности.

Источникомъ радости, удовольствія, осложняющимъ трепетъ передъ необъятнымъ величіемъ Божества, служитъ здѣсь смутное сознаніе открытія и присутствія опоры, потребность которой присуща человѣку изначала и связана съ непосредственнымъ чувствомъ и усмотрѣніемъ своей конечности, ограниченности и слабости. Отсюда уже само собою возникаетъ *искание* Божества, инстинктивное стремленіе познать Его (вѣра) и стать съ Нимъ въ опредѣленныя отношенія, стремленіе, — присущее на всѣхъ степеняхъ развитія, и, естественно, порождающее безконечное, можно сказать, разнообразіе вѣрованій и формъ богопочитанія, или культовъ,—изъ коего слагается содержаніе религіозной жизни человѣчества въ прошломъ и въ настоящее время.

Всѣ эти *культы*, начиная въ самыхъ грубыхъ и противныхъ и кончая самыми развитыми и совершенными, суть своего рода *гипотезы*, построенныя *для уясненія идеи безконечнаго Существа*, также—*попытки войти съ Нимъ въ живое и правильное отношеніе*. Подобно гипотезамъ относительно явленій внѣшней природы и собственной жизни человѣка, онѣ должны были, по самому существу дѣла, начаться съ грубыхъ ошибокъ, съ полнаго искаженія дѣйствительности, путемъ неправильнаго, дѣтскаго толкованія ея; попытки установленія прямыхъ сношеній съ божественнымъ тоже неизбѣжно должны были отличаться самою грубою, едва даже понятною для развитаго человѣка наивностью и нелѣпостью. Возвышенно-чистая первоначальная идея Божества и связанное съ нею волненіе немедленно искажались,—точно такъ же, какъ искажались чистые и простые факты внѣшняго воспріятія, опыты. Какъ здѣсь, такъ и тамъ—человѣкъ, вмѣсто изслѣдованія, и обобщенія фактовъ и наблюденій, начиналъ фантазировать, и творческія построенія его, какъ въ той, такъ и въ другой области, естественно, встрѣтились, переплелись и слились между собою въ одно общее религіозное міросозерцаніе. Пытаясь объяснить жизнь окружающей природы, человѣкъ понялъ ее по аналогіи съ собою и олицетворилъ, одухотворилъ ея силы. Пытаясь объяснить и реализовать въ своей мысли образъ безконечной и всемогущей Личности, вос-

принимаемый имъ непосредственно въ самосознаніи, онъ вынужденъ былъ уже прямо мыслить ее похожею на себя, въ силу самого способа происхожденія и возникновенія идеи ея въ духѣ. Пытаясь, затѣмъ, опредѣлить ея свойства и дѣйствія въ мірѣ внѣшнемъ и своей собственной жизни, онъ могъ найти ихъ, понятное дѣло, только въ силахъ и дѣйствіяхъ окружающей природы и въ таинственныхъ дѣятеляхъ, управляющихъ его жизнію и судьбою. Но силы эти были уже олицетворены въ видѣ человѣкообразныхъ духовныхъ существъ и душъ умершихъ людей,— и естественно, даже съ логическою необходимостью человѣкъ вынуждался, долженъ былъ мыслить дѣйствія божества подъ формою дѣятельности этихъ живыхъ существъ - олицетворенныхъ силъ: Божественная, всемогущая Личность ассоціировалась, слилась съ нимъ и, такимъ образомъ, раздробилась, превратилась въ міръ божественныхъ существъ, т. е. всемогущихъ личностей. При этомъ, лежащее въ такомъ представленіи логическое противорѣчіе легко ускользало отъ неразвитаго, непривыкшаго къ отвлеченному мышленію и анализу своихъ идей, ума, — тѣмъ болѣе, что весь этотъ *міръ таинственныхъ, божественныхъ силъ смутно всегда сознается, какъ нѣчто единое* (въ силу уже простого противоположенія міра внѣшняго, со всѣмъ его содержаніемъ, единой собственно личности и—возникшей отсюда, затѣмъ, необходимо—идеи единой безконечной личной силы). Идея же эта, разъ явившись, уже не можетъ исчезнуть окончательно, хотя подавляется и не возникаетъ въ умѣ съ опредѣленностью,—подавляется даже искусственно и насильственно въ отдѣльной личности сложившимися уже вѣрованіями общества. Сознаніе *единства божественныхъ силъ* поддерживалось также извѣстною способностью ума человѣческаго—объединять все сходное въ общей идеѣ и названіи, въ нарицательномъ имени, которое существуетъ во всѣхъ языкахъ рядомъ съ собственными именами отдѣльныхъ божествъ. Конкретнѣе и опредѣленнѣе оно выражается во всѣхъ религіяхъ *въ идеѣ верховнаго Бога*, или главнаго божества, также въ выборѣ изъ сонма боговъ одного какого либо, не только отдѣль-

ными обществами, но и каждымъ человѣкомъ, при самомъ грубомъ политеизмѣ, въ формѣ даже фетишизма. Та-же смутная идея единства божественной силы и даже единаго всемогущаго начала несомнѣнно лежитъ *въ основѣ всеобщей вѣры въ магическія дѣйствія и слова*, которыми можно какъ бы принудить божество дѣйствовать по волѣ человѣка. Очевидно, человѣкъ въ этомъ случаѣ смутно „чуетъ“ присутствіе въ мірѣ самой высшей силы какого-то одного источника могущества, изъ котораго какъ бы черпаютъ свою силу отдѣльныя божества, — силу, которая также можетъ дѣйствовать въ человѣкѣ и чрезъ человѣка. Въ противномъ случаѣ, люди, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, должны бы мыслиться, какъ болѣе могущественные, чѣмъ самыя божества, какъ существа высшія ихъ, и почитаніе самихъ боговъ лишилось бы всякаго смысла и значенія. Если представленное соображеніе относительно магическихъ дѣйствій вѣрно, то получается еще новое доказательство, сокрытаго во всякой религіи, единобожія, идеи единой, всемогущей и всеобъемлющей Личности,—*въ существованіи* и естественномъ, необходимомъ возникновеніи *жречества*, какъ особаго класса людей, обладающихъ какъ бы способностью управлять волею боговъ. Дѣло въ томъ, что институтъ жречества въ языческихъ религіяхъ первоначально возникаетъ всегда въ формѣ шаманства, колдовства, вѣдовства и т. п., и первые священники суть люди, которымъ приписываютъ власть надъ богами. Только позднѣе жрецы-священники превращаются въ посредниковъ между богами и обыкновенными людьми, — въ личности, коимъ само божество даетъ какъ-бы родъ власти надъ собою,—а затѣмъ становятся простыми мастерами жертвенныхъ дѣлъ, предстоятелями въ молитвѣ и замѣстителями даже въ ней—молитвенниками вмѣсто другихъ, неимѣющихъ времени или неумѣющихъ правильно молиться. — Такимъ образомъ, грубый политеизмъ всегда носитъ на себѣ многочисленные слѣды первоначальной, чистой и дѣйствительной основы религіи, и необходимо долженъ носить, потому что внутренній процессъ, вызывающій въ человѣкѣ религіозную идею и религіозное расположеніе всегда одинъ и тотъ-же,

насколько всякій человѣкъ — есть человѣкъ, на всѣхъ ступеняхъ развитія, и обладаетъ самосознаніемъ.—

Идея всемогущей, всеобъемлющей и всесовершенной Личности, возникающая изъ особаго чувства и имѣющая свой особый источникъ происхожденія,—по своему содержанію и характеру, есть идея единственная, несравнимая съ другими идеями, какъ и соотвѣтствующій ей объектъ.

Вслѣдствіе этого, уже a priori необходимо предположить, что *волненіе*, ею вызываемое, волненіе *религіозное* – есть тоже особое и исключительное среди другихъ, *не сводимое*, въ своей основѣ, *ни къ какому* другому *волненію* отдѣльному и ни къ какой ихъ совокупности, недоступное описанію, а тѣмъ болѣе опредѣленію. То, что долженъ *чувствовать* человѣкъ при представленіи и живомъ воспріятіи божественной всеобъемлющей Личности, онъ не можетъ чувствовать ни при какомъ другомъ представленіи, даже—представленіи цѣлой вселенной.

Изъ существующихъ терминовъ для его обозначенія всего болѣе ему прилично спеціальное названіе—„*обожанія*“, хотя имъ выражается также чувство зависимости. Но чувство обожанія, обожествленія, не есть просто чувство зависимости, а чувство всесовершенства,—пріятное волненіе, въ связи съ идеею всесовершенства. Волненіе это пріятно потому, что порождаетъ чувство довѣрчивости, покоя, прибѣжища, тогда какъ чувство зависимости совершенно не пріятно. Ни одинъ человѣкъ, даже на самой низкой ступени развитія, не въ состояніи наслаждаться сознаніемъ, что онъ находится въ полной, безусловной власти другого. У самыхъ закоренѣлыхъ рабовъ другихъ людей пріятное чувство связано не съ идеею зависимости, а съ идеею присутствія высшей силы, которая необходимо и естественно защищаетъ ихъ отъ разныхъ невзгодъ, освобождаетъ отъ заботъ и т. п. Здравый смыслъ человѣчества подмѣтилъ и выразилъ это раньше и лучше ученыхъ отрицателей внутреннихъ основъ религіи: обожествленіе для него—есть наслажденіе... Чувство это первоначально—смутно, неопредѣленно, постепенно развивается; но, въ сущности, одно

и то же, каковъ бы ни былъ предметъ обожанія и на какой бы ступени развитія ни стоялъ человѣкъ.

Не сводимое цѣликомъ къ другимъ волненіямъ, волненіе религіозное заключаетъ въ себѣ элементы многихъ другихъ волненій, связанные въ немъ въ одно цѣлое, и, затѣмъ,—можетъ сочетаться со всякаго рода волненіями. Такъ, чувство „божественнаго“ безусловно связано съ чувствомъ „*таинственнаго*“. Божество перестаетъ быть для человѣка божествомъ, если оно становится простымъ, понятнымъ, постижимымъ. Божественное, въ собственномъ смыслѣ, есть вѣчно таинственное,—безконечное и вѣчное таинство. Нѣтъ нужды доказывать, что чувство это въ религіи является всюду преобладающимъ, и есть неизмѣнная составная часть религіознаго чувства. Это чувство „таинственнаго“ обладаетъ замѣчательнымъ свойствомъ. Оно въ высшей степени пріятно,—можетъ быть, потому, что напрягаетъ всѣ силы духа, влечетъ неотразимо къ предмету, его возбудившему, побѣждая даже чувство страха. Отсюда, любовь къ таинственному, нежеланье разстаться съ нимъ—общая принадлежность всѣхъ людей. Вѣчно-таинственное, „божественное“ обладаетъ этимъ свойствомъ въ высшей степени.—Въ близкой и естественной связи съ чувствомъ „таинственнаго“, въ религіозномъ чувствѣ является, какъ элементъ его, чувство *страха*. Мы видѣли, что все таинственное, недоступное, неизвѣстное способно вызывать это чувство, а таково, именно, „божественное“, какъ объектъ религіознаго чувства. Но, и кромѣ таинственнаго, въ свойствахъ „божественнаго“ немало условій, благопріятствующихъ развитію страха въ человѣкѣ. Потому, страхъ является составною частію всякой религіи. Онъ возникаетъ при самомъ появленіи идеи божества, *сопровождаетъ*, но *не порождаетъ* ее. (Дѣйствіе страха въ религіозной жизни, выражающееся, напр., въ пристрастіи къ необыкновеннымъ и безобразнымъ формамъ при выборѣ символовъ и изображеній божества; въ страшныхъ картинахъ первобытной миѳологіи; въ боязни наказанія послѣ смерти, въ изображеніи мученій и т. п.).—Далѣе, съ идеею силы и могущества божества, какъ объекта религіознаго

чувства, связывается чувство *„высокаго“*. Въ религіозномъ чувствѣ оно является связаннымъ съ сознаніемъ безконечности силы всемогущей Личности и всегда присуще въ немъ. Отсюда, чудо, какъ и таинство, есть необходимая составная часть всякой религіи. Сообщая особый характеръ всему религіозному созерцанію, этотъ элементъ религіознаго чувства, чувство „высокаго“,—вызываетъ въ человѣкѣ, по ассоціаціи контраста, *чувство презрѣнія* къ конечному, выражающееся, при высшей степени напряженія своего, въ аскетизмѣ. На этой ступени—соединенія чувства „высокаго“ въ религіозномъ волненіи съ чувствомъ презрѣнія къ конечному, съ одной стороны, является чувство *благоговѣнія* къ божественному, съ другой—чувство слабости, *смиренія*, покорности, виновности, при сознаніи невыполненія обязанностей къ божеству, а вмѣстѣ съ этимъ—чувство сокрушенія. Эти послѣдніе элементы, повидимому, противорѣчащіе основному характеру религіознаго волненія—пріятности, на самомъ дѣлѣ не нарушаютъ и не ослабляютъ этого характера, потому что они служатъ органами, выраженіемъ живой связи съ божествомъ. Но этотъ общій характеръ несомнѣнно усиливается спеціальнымъ элементомъ религіознаго чувства—чувствомъ *радости* и счастья отъ полноты жизни и чувствомъ *любви* къ Источнику добра и красоты. Чувства эти всего ближе стоятъ къ основнымъ чувствамъ, входящимъ въ составъ волненія религіознаго (любовь—въ основѣ религіи), и проявляются вмѣстѣ съ нимъ на первыхъ же ступеняхъ развитія религіозной жизни (что само собою отрицаетъ подавляющее дѣйствіе страха, по извѣстной теоріи происхожденія религіи). Это очевидно изъ связи первоначальныхъ церемоній религіозныхъ съ весною, изъ ношенія на себѣ фетишей, изъ жертвоприношеній и т. п. Съ большею полнотою и опредѣленностію эти чувства проявляются уже при значительномъ развитіи религіозной жизни; у стариковъ и людей страждущихъ чувство радости и счастья переносится въ загробную жизнь. Отсюда неразрывная связь вѣры въ безсмертіе съ религіею. Безъ этой вѣры видъ смерти и мысль о ней равнялись бы полному уничтоженію религіи. Вотъ почему,

первоначальное представленіе загробной жизни—есть представленіе о высшей радости и счастіи.

Какъ и всякое волненіе, религіозное чувство имѣетъ свое внѣшнее выраженіе-воплощеніе; только выраженіе это, соотвѣтственно особенной сложности самаго чувства, отличается наибольшею, сравнительно съ выраженіемъ другихъ чувствъ, сложностью,—кромѣ того,—въ высшихъ формахъ, преднамѣренностью, сознательностью, систематичностью и стройностью. Таково, именно, выраженіе въ сложнѣйшей его формѣ—культа, въ частности—въ молитвѣ и жертвоприношеніяхъ. Въ нихъ мы находимъ отраженіе всѣхъ сторонъ религіознаго чувства, какъ субъективной основы религіи. Съ этой точки зрѣнія, молитва и жертвоприношеніе, напр., легко могутъ быть поставлены въ связь съ соотвѣтствующими имъ элементами религіознаго чувства, чѣмъ, естественно, устраняются превратныя воззрѣнія на нихъ, какъ, напр., то, что молитва и жертвы имѣютъ своею исключительною основою желаніе задобрить божество и что основной характеръ ихъ—лесть. Молитва начинается безмолвнымъ сознаніемъ *близости* божества, въ связи съ сильнымъ душевнымъ волненіемъ, которое вызываетъ невольные движенія и звуки. Первоначальная форма молитвы—безсознательные звуки и такія же неправильныя тѣлодвиженія, опредѣляемые чувствомъ; звуки искусственной молитвы—только спутники и выразители молитвы безыскусственной, или молитвеннаго настроенія. Человѣкъ первоначально молится ради наслажденія, соединяемаго съ молитвою, при мысли объ общеніи въ ней съ божествомъ, ради подъема и возбужденія духа, а не изъ страха и не ради какихъ нибудь выгодъ. Въ этомъ—сущность молитвы; все остальное въ ней—видоизмѣненіе, форма и т. п. Также и жертву человѣкъ приноситъ первоначально безъ всякихъ корыстныхъ видовъ: онъ дѣлитъ вещь, доставляющую ему удовольствіе, съ любимымъ существомъ, которому все принадлежитъ.

III.

Воля.

Явленія воли.

За обширными классами душевныхъ явленій—ощущенія, умственной жизни и чувствованія, или душевнаго волненія,—слѣдуетъ, въ порядкѣ высшей сложности, тоже весьма обширный и разнообразный классъ душевныхъ явленій—*дѣйствія*, или дѣйствій (πράξις, operatio). Завися отъ другихъ явленій въ своемъ происхожденіи, составѣ и развитіи, вліяя, въ свою очередь, на нихъ и превращая ихъ въ дѣятельности внутреннія, дѣйствія выдѣляются какъ особая сфера или область жизни духа, извѣстная подъ именемъ „жизни практической“, т. е. жизни, слагающейся изъ дѣйствій, или жизни дѣйствій. Въ тѣсномъ смыслѣ, терминъ „практическая жизнь“ обнимаетъ собою совокупность дѣйствій человѣка по отношенію „къ внѣшнему міру“ и организму тѣлесному,—такъ называемыхъ „внѣшнихъ дѣйствій“, и въ этомъ смыслѣ всего чаще употребляется. Въ болѣе широкомъ смыслѣ—терминомъ этимъ обнимаются и дѣйствія въ области мысли, направленныя на собственныя внутреннія состоянія, умственныя операціи, или операціи мысли. Совокупность внѣшнихъ дѣйствій называется, съ этой точки зрѣнія, „дѣятельностью практическою“, совокупность внутреннихъ дѣйствій въ области мысли—„дѣятельностью теоретическою“. Подобно тому, какъ явленія умственной жизни пріурочиваются въ обычномъ представленіи къ особой „силѣ“ души—уму, или интеллекту, а совокупность явленій душевнаго волненія разсматривается,

какъ проявленіе другой, особой „силы"—сердца, или способности чувствованій,—и явленія дѣйствія почитаются продуктомъ и обнаруженіемъ особаго дѣятеля, или „силы" душевной, которая называется *волею*. Поэтому, вся область дѣйствій весьма часто называется „явленіями воли", „волевыми явленіями", „явленіями жизни воли".

Прежде, чѣмъ приступить къ изслѣдованію этихъ явленій, необходимо дать понятіе о нихъ, — выяснить, что въ сферѣ душевной жизни называется „явленіями воли", собственно—*дѣйствіями*, и въ чемъ состоятъ особенности этого рода явленій душевныхъ, дѣлающія необходимымъ отдѣленіе ихъ отъ другихъ и спеціальное ихъ изслѣдованіе,—также опредѣлить съ возможною точностію, что нужно разумѣть подъ словомъ „*воля*", — самымъ распространеннымъ и самымъ темнымъ изъ всѣхъ психологическихъ терминовъ. Все это можно сдѣлать только путемъ сравненія дѣйствій съ другими душевными явленіями и опредѣленіемъ мѣста ихъ между этими послѣдними.

Дѣйствіе и воля.

Взаимодѣйствіе между внѣшнимъ міромъ и внутреннимъ міромъ человѣка: пассивныя состоянія души и—дѣйствія, какъ переносъ силы внутренней во внѣ и на внутреннія же состоянія. Воля, какъ совокупность явленій внутреннихъ, предшествующихъ дѣйствіямъ, и какъ сила, осуществляющаяся въ этихъ явленіяхъ и дѣйствіяхъ. Общія условія, при которыхъ возникаютъ и развиваются дѣйствія души. Моменты волевого процесса, направленнаго къ цѣлесообразнымъ движеніямъ—внѣшнимъ и внутреннимъ. Понятіе о волѣ. Планъ изслѣдованія воли.

Душевная жизнь возникаетъ и развивается у человѣка подъ непосредственнымъ вліяніемъ и дѣйствіемъ движеній внѣшняго міра, также состояній организма, который есть тоже нѣчто внѣшнее для души. Отвѣтомъ на эти возбужденія прежде всего являются разнообразныя ощущенія. Будучи собственною дѣятельностью души, сообразною съ ея основными свойствами—начала сознающаго и идеальнаго, они въ тоже время какъ бы навязываются душѣ и производятся въ ней чуждою, внѣшнею силою. Въ виду этого, они обыкновенно разсматриваются, какъ состоянія души пассивныя, или страдательныя.—Правда, становясь собственностію души и сохраняясь въ ней, ощущенія тѣмъ самымъ превращаются въ нѣчто независимое отъ внѣшнихъ дѣятелей—въ такъ называемыя идеи, или представленія. Идеи, особенно сложныя, носятъ на себѣ уже слѣды самостоятельной, собственной дѣятельности духа, сочетаясь въ цѣлое по его законамъ и становясь идеальными величинами, или предметами новыми въ мірѣ. Особенно ясно самостоятельность конкретныхъ идей обнаруживается въ творческихъ

сочетаніяхъ ихъ, порождающихъ явленія, которыя не только новы среди другихъ явленій міра, но даже и не соотвѣтствуютъ ничему реальному внѣшнему. Но и идеи-представленія, въ своемъ содержаніи, въ порядкѣ связи между собою и связи составныхъ частей, или элементовъ, каждой изъ нихъ, стоятъ если не въ прямой, то въ косвенной и очень близкой зависимости отъ „внѣшняго", особенно въ тѣхъ постоянныхъ и невообразимо быстрыхъ сліяніяхъ, изъ которыхъ слагается такъ называемое „воспріятіе внѣшняго" и, во всякомъ случаѣ, зависятъ отъ ощущеній. Ихъ пассивность, страдательность, потому, является чертой преобладающею. Даже творческія построенія, образы фантазіи, не соотвѣтствуя ничему конкретно существующему внѣшнему, въ своемъ составѣ и способахъ построенія опредѣляются внѣшнею дѣйствительностію и отъ нея зависятъ.—Еще дальше отъ внѣшнихъ вліяній стоятъ тѣ состоянія духа, которыя своею совокупностію составляютъ высшую сторону умственной жизни, мышленія,—понятія, сужденія, умозаключенія. Въ понятіи, или общей идеѣ, мы уже имѣемъ не только новое созданіе среди міра, которое, при этомъ не соотвѣтствуетъ ничему дѣйствительному-внѣшнему, но такое явленіе, которое по своему устройству есть нѣчто невозможное въ реальномъ-внѣшнемъ мірѣ, гдѣ все конкретно и единично. И однако-же, имѣя своею основою и производящею силою чувство сходства между представленіями и ихъ объектами, понятіе тоже стоитъ въ зависимости отъ внѣшней дѣйствительности и тоже какъ-бы навязывается человѣку. Въ такомъ же положеніи, очевидно, находятся и всѣ другія умственныя состоянія, тѣсно связанныя съ жизнію понятія. Новый крупный опытъ, т. е. произведенныя внѣшними возбужденіями ощущенія, возбуждаетъ съ неотразимою силою движеніе во всемъ этомъ рядѣ состояній, порождая въ духѣ новыя идеи, или видоизмѣняя существующія, создавая новыя понятія или измѣненія, до полнаго почти обновленія, существующія, порождая новыя обобщенія, новые выводы, новыя объясненія и теоріи—новыя творческія построенія. Внутреннія впечатлѣнія, воспріятія и наблюденія духомъ своихъ дѣя-

тельностей и состояній, которыми порождаются тоже идеи, понятія и всѣ другія умственныя формы, направленныя—вмѣсто внѣшняго—къ внутреннему, тоже нужно признать существенно пассивными состояніями, потому что здѣсь духъ, становясь объектомъ для себя самого, испытываетъ неотразимое вліяніе своихъ состояній, какъ чего-то внѣшняго.—Одновременно и въ тѣсной связи съ областями явленій ощущенія, представленія и умственной дѣятельности, внутри духа развивается и существуетъ новая область. Каждое ощущеніе, представленіе, также умственный актъ - можетъ порождать, а многіе постоянно порождаютъ въ духѣ особое, отличное отъ нихъ возбужденіе, весьма различнаго характера и силы, волненіе, или чувствованіе, начиная съ состояній удовольствія и неудовольствія, являющихся при самыхъ простыхъ условіяхъ, и кончая нравственными и религіозными волненіями, являющимися въ связи съ весьма сложными и отвлеченными дѣятельностями Эти состоянія, будучи вполнѣ самобытными актами духа, несоотвѣтствующими ничему внѣшнему, производя часто въ духѣ, и именно, въ мірѣ идей и умственныхъ состояній, быстрыя разнообразныя измѣненія, направляя ходъ идей и мыслей, создавая новыя сочетанія,—въ то же время, съ одной стороны, или черезъ посредство ощущеній и воспріятій, или черезъ посредство умственныхъ актовъ, стоятъ въ зависимости отъ „внѣшняго“ и имъ опредѣляются въ своемъ бытіи, силѣ и сочетаніяхъ, съ другой—зависятъ прямо отъ характера внутренняго движенія, производимаго разными состояніями ощущеній и умственныхъ актовъ, отъ настроенія общаго и т. п. Они тоже суть состоянія пассивныя. Какъ всѣ другія описанныя состоянія, будучи произведеніями духа, они суть въ то же время факты его зависимости или отъ внѣшняго, или отъ своихъ же собственныхъ состояній.

Но рядомъ и одновременно съ этими *пассивными* группами является и развивается рядъ фактовъ, очень обширный по своей сложности и разнообразію, гдѣ духъ черезъ свои состоянія и дѣятельности самъ является источникомъ и центромъ силы, направляющейся во внѣшній міръ и производящей здѣсь множество

измѣненій. При этомъ, само собою понятно, роли мѣняются,—и *внѣшнее является*, въ свою очередь, *страдательнымъ по отношенію къ внутреннему*, или духу. Всѣ *состоянія внутреннія*—ощущенія, идеи, умственныя дѣятельности, волненія, будучи пассивными, и по одиночкѣ и въ сложныхъ сочетаніяхъ, *могутъ производить*, а многія постоянно и неизмѣнно производятъ—*измѣненія въ организмѣ, выражающіяся во внѣшнихъ движеніяхъ* всего его и его различныхъ частей. Движенія эти осуществляются очень сложнымъ механизмомъ мускульной ткани, при посредствѣ особыхъ нервовъ двигательныхъ, или центробѣжныхъ, и двигательныхъ нервныхъ центровъ. Мускульныя движенія могутъ происходить сами собою, дѣйствіемъ физической силы—раздраженія нервовъ и ихъ центровъ, независимо отъ сознанія и вліянія психическаго. Но этихъ движеній весьма небольшое количество, и они отличаются простотою, несложностью и относительною слабостью у человѣка. Всѣ остальныя движенія, во всемъ ихъ безконечномъ разнообразіи и степеняхъ напряженія, производятся дѣйствіемъ и силою душевныхъ возбужденій, безусловно зависятъ отъ внутреннихъ душевныхъ состояній и безъ нихъ существовать не могутъ. Потому, они являются существенно продуктомъ духовной силы, созданіемъ духа; его силою и дѣятельностію они умножаются, усложняются и утончаются, возрастаютъ въ быстротѣ и силѣ и т. п. *Вліяніе духа на тѣло* до того могущественно въ этой сферѣ, что, *создавая все новыя и новыя движенія* и совершенствуя ихъ путемъ повторенія и упражненія, онъ *измѣняетъ естественное соотношеніе природныхъ механизмовъ нервно-мускульныхъ* и создаетъ какъ-бы новые механизмы, которые затѣмъ могутъ дѣйствовать физически машинообразно, но тѣмъ не менѣе остаются его произведеніями, продуктами его дѣятельности. Движенія мускульныя, чисто-механически соприкасаясь со средою, окружающею организмъ, т. е., вообще, міромъ внѣшнимъ, въ свою очередь, производятъ здѣсь разнообразнѣйшія измѣненія и движенія и, такимъ образомъ, *духъ черезъ нихъ становится источникомъ движеній и измѣненій во внѣшнемъ* мірѣ. Онъ перестраиваетъ въ самыхъ широкихъ раз-

мѣрахъ окружающую природу по своимъ идеямъ и планамъ, *переноситъ* эти *идеи* какъ бы *во внѣшній міръ*. Кромѣ физическихъ измѣненій черезъ посредство движеній своего организма, *духъ* является дѣйствующимъ и въ окружающей его средѣ духовной, *производитъ* разнообразныя внутреннія *движенія въ другихъ духахъ*, или духахъ,—возбуждаетъ въ нихъ мысли, чувства, движенія внѣшнія. Средствомъ здѣсь служатъ главнымъ образомъ движенія выразительныя, связанныя съ волненіями и—особенно—членораздѣльные звуки, или языкъ, производимый сложнымъ рядомъ мускульныхъ движеній голосового аппарата. Наконецъ, черезъ посредство тѣхъ же движеній человѣческій духъ производитъ множество измѣненій *въ себѣ самомъ*. Онъ увеличиваетъ и разнообразитъ свои ощущенія и воспріятія, или опытъ внѣшній, перемѣняя мѣсто, измѣняя положеніе предметовъ, видоизмѣняя явленія, разрушая и вновь возсоздавая ихъ и т. п. При посредствѣ движеній, *пассивный процессъ ощущенія и воспріятія превращается въ активный*, потому что началомъ его служитъ собственная дѣятельность духа, который заставляетъ теперь внѣшнюю силу дѣйствовать на себя, входить въ себя, а не отдается ей пассивно, при случайной встрѣчѣ съ нею. Расширеніемъ опыта онъ расширяетъ и измѣняетъ, очевидно, всю свою внутреннюю жизнь, свой міръ идей, мыслей и чувствъ. При этомъ, онъ становится способнымъ пытать природу, предъявлять къ ней требованія и заставлять выполнять ихъ, задавать вопросы и вынуждать отъ нея отвѣты. Возбуждая въ себѣ ряды новыхъ состояній, при помощи измѣненій своего положенія въ окружающей его средѣ, духъ оказывается, на извѣстной ступени развитія, способнымъ начинать и оканчивать ряды внутреннихъ дѣятельностей, видоизмѣнять ихъ направленіе, ослаблять и увеличивать силу и т. п. уже безъ помощи внѣшнихъ возбужденій,—получаетъ такъ называемую *власть надъ своими собственными состояніями*, становится дѣятелемъ по отношенію къ себѣ самому, перестроивая себя по своимъ идеямъ и направляя, видоизмѣняя свои состоянія внутреннія. Такимъ образомъ, рядомъ съ пассивными, въ указанномъ смыслѣ, состоя-

ніями, мы имѣемъ предъ собою обширную, разнообразную и сложную группу душевныхъ состояній, въ которыхъ духъ является существенно дѣятелемъ, источникомъ и центромъ силы, какъ по отношенію къ внѣшнему, такъ и къ самому себѣ. Эти явленія и называются въ собственномъ смыслѣ *дѣйствіями*.

Какъ особый видъ измѣненія души, *дѣйствіе*, въ отличіе отъ другихъ измѣненій ея,—пассивныхъ, *есть всегда переносъ душевной силы или на внѣшній міръ или на внутренній* и—произведеніе какъ въ томъ, такъ и въ другомъ перемѣнъ, иначе,—дѣйствіе душевное есть произведеніе измѣненій во внѣшнемъ и внутреннемъ душевною силою. При этомъ, душевная сила, переносимая или переходящая въ дѣйствіи, заключается и сосредоточивается въ тѣхъ состояніяхъ, которыя сами по себѣ пассивны и образуются подъ вліяніемъ внѣшнихъ и внутреннихъ возбужденій,—т е. ощущенія, идей, волненія. Въ нихъ эта сила существуетъ, накопляется и развивается. Каждое дѣйствіе, потому, производится однимъ такимъ состояніемъ или нѣкоторою ихъ группою. Но, въ силу связи каждаго состоянія душевнаго со всѣмъ остальнымъ организованнымъ содержаніемъ души, имѣющимъ у каждаго индивидуума свой объемъ и характеръ,—на каждое дѣйствіе вліяетъ весь душевный строй, вся душа, какъ эмпирически данная, организованная внутренняя сила. Такимъ образомъ, всякое дѣйствіе, будучи произведеніемъ одного душевнаго состоянія или группы ихъ, есть въ то же время дѣло *всей* души.

Наблюдаемый постоянно, и притомъ прямо и непосредственно, въ сознаніи фактъ обращенія и переноса душевной силы на физическое и духовное и произведенія въ немъ измѣненій—выдѣляется, какъ особая форма душевной жизни, отличная по своему направленію и характеру отъ другихъ формъ—созерцанія и волненія,—въ *особую область*, называемую „*жизнію практическою*," „*дѣятельностію души*" по преимуществу. Затѣмъ, вполнѣ естественно и законно душа представляется изначала, по своей природѣ, *способною*, могущею *направлять свою силу во внѣ и на себя саму*, способною совершать дѣйствія, или дѣйствовать, какъ она пред-

ставляется изначала способною отображать въ себѣ дѣйствительность и непосредственно цѣнить ее. Эта отвлеченная способность или сила души и есть то, что называется *волей*—въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Съ этой общей точки зрѣнія на волю, она вполнѣ справедливо опредѣляется, или, вѣрнѣе,—описывается, какъ *способность души совершать дѣйствія*, т. е. производить своею силою измѣненія въ вещественномъ и духовномъ мірѣ и—затѣмъ,—какъ *сила*, дѣйствительно, *производящая* эти измѣненія. Въ формѣ менѣе схоластической—тоже самое понятіе о волѣ можетъ быть выражено словами Вундта: „воля есть воспринимаемая сознаніемъ дѣятельность, частію опредѣляющая теченіе нашихъ внутреннихъ состояній, частію вызывающая соотвѣтственныя этимъ движенія“ организма и внѣшнихъ предметовъ. Въ томъ и другомъ опредѣленіи-описаніи понятіе силы совпадаетъ съ понятіемъ дѣйствія, какъ переноса душевной силы изъ центра къ периферіи, и необходимо должно совпадать, потому что есть только общее, отвлеченное описаніе того, что наблюдается существеннаго въ дѣйствіи, сравнительно съ другими душевными явленіями—страдательными по своему существу. Въ силу этого, всякое, самое простое инстинктивное движеніе внѣшнее, даже непосредственное выраженіе чувствованія, также какъ и всякое движеніе внутреннее, въ которомъ дано вліяніе одного состоянія душевнаго на другое, напр., всякій актъ вызова идей по ассоціаціи,—могутъ быть и должны быть, по этому опредѣленію воли, проявленіемъ и актами воли. Очевидно, что такимъ понятіемъ воли обнимаются и всѣ тѣ дѣйствія, которыя называются обыкновенно „невольными“, или происходящими безъ участія воли. Выходя изъ него, весьма легко сдѣлать волю *основною* „силою“ души, понять всю душевную жизнь, какъ результатъ возбужденія къ дѣятельности, дѣйствію,—присущею душѣ изначала и составляющею его сущность и основу; можно даже перенести волю въ міръ объективный, и всю міровую жизнь представить, какъ осуществленіе возбужденія безсознательной воли,—что, какъ извѣстно, и сдѣлано Шопенгауэромъ.

Но, пытаясь представить себѣ волю въ этомъ видѣ, можно получить только *смутную идею* нѣкотораго постояннаго возбужденія души къ переносу своей силы, къ дѣйствію, *готовности* ея дѣйствовать. А такое представленіе равно представленію дѣйствующей души, души въ дѣйствіи, или только понятію души. Въ этомъ видѣ воля не можетъ быть объектомъ научнаго изслѣдованія. Въ обыкновенномъ словоупотребленіи—актами и проявленіемъ воли признаются не всѣ, безъ исключенія, факты переноса душевной силы и произведенія ею измѣненій въ душѣ и внѣшнемъ мірѣ, а только тѣ изъ нихъ, въ коихъ происходитъ *осуществленіе*, какъ бы воплощеніе *идей-представленій*, понятій, въ ихъ связи съ волненіями,—идей болѣе или менѣе ясно сознаваемыхъ. Идеи эти въ такомъ случаѣ получаютъ названіе плановъ, намѣреній, цѣлей дѣйствій, а самыя дѣйствія съ такимъ характеромъ называются намѣренными, или произвольными, выдѣляясь, такимъ образомъ, изъ дѣйствій машинальныхъ, безъ представленія ихъ содержанія, безъ плана и намѣренія. Съ этой точки зрѣнія, воля, какъ сила, будетъ способностію совершать, говоря словами Рибо, „болѣе или менѣе обдуманныя дѣйствія, имѣющія въ виду простое или сложное, непосредственное или отдаленное послѣдствіе“, и притомъ, совершая одни изъ нихъ, осуществляя одни намѣренія и планы, останавливать и задерживать другіе. Но и это понятіе воли, хотя болѣе опредѣленное, чѣмъ предыдущее, есть тоже *абстракція*, отвлеченное выраженіе свойствъ одной группы дѣйствій души. Оно похоже по своему характеру на то опредѣленіе ума, по которому онъ есть способность имѣть представленія дѣйствительности, соглашаться съ нею, или—способность познавать истину,—точно также какъ первому понятію воли соотвѣтствуетъ понятіе ума, какъ способности вообще познавать, или отображать сущее. Мы видѣли однако, что въ дѣйствительности, умъ есть конкретная, опредѣленная сила, слагающаяся изъ цѣлаго ряда опредѣленныхъ, устойчивыхъ, организованныхъ въ одно цѣлое, формъ, способовъ достиженія истины, одинаковыхъ въ существенномъ у всѣхъ людей,—своего рода идеальный меха-

низмъ (процессъ), выработывающій знаніе. Съ этой же точки зрѣнія нужно смотрѣть и на волю. Она не есть только отвлеченіе, а живая, опредѣленная, *конкретная дѣятельность*, или *сила, слагающаяся изъ ряда специальныхъ внутреннихъ дѣятельностей, приспособленныхъ къ осуществленію во внѣшнемъ и внутреннемъ мірѣ идей-плановъ и намѣреній*,—есть, такимъ образомъ, тоже своего рода идеальный психическій механизмъ, построенный, опять, однообразно у всѣхъ людей и могущій быть прямо наблюдаемымъ—весь или по частямъ—въ каждомъ намѣренномъ и планосообразномъ человѣческомъ дѣйствіи.—Для того, чтобы получить эту систему особыхъ формъ внутренней дѣятельности, составляющихъ механизмъ человѣческой воли,—„силу“ воли въ ея постоянномъ и неизмѣнномъ составѣ,— мы разсмотримъ тѣ общія условія, при которыхъ возникаютъ и развиваются дѣйствія души во внѣшнемъ и внутреннемъ мірѣ. Эти *общія условія* представляютъ собою тѣ *причины*, которыя *вынуждаютъ человѣка двигаться и дѣйствовать*, а съ тѣмъ вмѣстѣ вызываютъ тѣ специальныя состоянія-приспособленія души, изъ коихъ слагается воля.

Человѣческій организмъ, какъ и всякій другой, находится въ постоянной прямой зависимости отъ окружающей его среды, вообще, внѣшняго міра. Многочисленные процессы, изъ которыхъ слагается его жизнь, для своего существованія и правильнаго хода, требуютъ постояннаго или же возобновляющагося черезъ болѣе или менѣе правильные промежутки, притока внѣшней силы и вещества въ различныхъ формахъ—воздуха, влаги, теплоты, органическихъ и неорганическихъ разнаго рода веществъ—такъ называемой пищи. Усвояя изъ окружающей среды и переработывая внѣшнюю силу и вещества, организмъ въ то же время долженъ противодѣйствовать многочисленнымъ разрушительнымъ и, вообще, враждебнымъ вліяніямъ и силамъ этой среды—въ видѣ сильныхъ движеній воздуха, избытка влаги, избытка теплоты, холода, положительной вредности и неприспособленности пищевыхъ веществъ и т. п. Наконецъ, такъ какъ рядомъ съ нимъ существуетъ множество другихъ организмовъ, съ такими же за-

просами къ окружающему ихъ внѣшнему міру,—для него являются неизбѣжными разнаго рода соотношенія съ ними. Въ такой же зависимости отъ внѣшняго міра, или среды, находится и душа человѣка. Жизнь ея, какъ идеальнаго организма, слагается тоже изъ разныхъ внутреннихъ процессовъ, которые для своего существованія и развитія требуютъ притока внѣшнихъ возбужденій и впечатлѣній—въ формѣ ощущеній, идей, воспріятій—вообще—т. н. опыта. Для нея, далѣе, также точно необходимо устраненіе разрушительныхъ и враждебныхъ вліяній, напр., въ видѣ впечатлѣній, мѣшающихъ сосредоточенію, правильному развитію и теченію мысли, въ формѣ, искажающихъ умственную жизнь, мыслей, развращающихъ волненій и т. п., и противодѣйствіе имъ. Наконецъ, для души необходимы самыя разнообразныя соотношенія съ другими душами и, вообще, съ міромъ культуры

Не трудно видѣть изъ этого, что *все необходимое для жизни организма и души*, для всего человѣка, все обусловливающее его жизнь и нормальное развитіе, вообще говоря,—*находится внѣ* его, за самыми незначительными исключеніями, и, притомъ, на извѣстномъ болѣе или менѣе обширномъ разстояніи. Разстояніе это, незначительное въ началѣ жизни и на низкихъ ступеняхъ развитія, на высшихъ ступеняхъ постепенно увеличивается и обнимаетъ для организма—всю планету, со всѣмъ почти на ней и въ ней находящимся, а для души обнимаетъ всю, доступную воспріятію, вселенную. При этомъ большая часть всего „внѣшняго“, нужнаго и необходимаго для человѣка, находится тоже въ движеніи и живетъ своею жизнію, мало приспособленною къ нуждамъ отдѣльнаго существа, какъ человѣкъ. Весь міръ другихъ душъ или духовъ не только находится внѣ и на извѣстномъ разстояніи, но закрытъ отъ индивидуальной души ея собственнымъ организмомъ тѣлеснымъ и организмомъ этихъ другихъ душъ. При такихъ условіяхъ, *движеніе*, т. е. измѣненіе положенія организма или отдѣльныхъ его частей и съ тѣмъ вмѣстѣ направленіе душевной силы во внѣ, ея переносъ—*является* единственнымъ *средствомъ побѣдить пространство*, лежащее между организмомъ и тѣмъ, что

ему необходимо нужно, также побѣдить сопротивленіе активное и пассивное этого „нужнаго“. Кромѣ удаленія въ пространствѣ, предметы также могутъ быть удалены во времени. Такимъ образомъ, послѣднею *причиною* всякаго *дѣйствія* является *нужда* во *внѣшнемъ*, жизненная необходимость привлеченія и удаленія этого внѣшняго, а отсюда самъ собою возникаетъ рядъ особыхъ состояній сознанія, въ которыхъ этотъ переносъ осуществляется. Состоянія эти возникаютъ въ такомъ порядкѣ.

Всякій недостатокъ въ организмѣ или душѣ чего бы-то ни было производитъ такое или другое измѣненіе въ нихъ, и это измѣненіе, на извѣстной степени силы, производитъ нѣкоторое, соотвѣтствующее ему, состояніе сознанія, сознается душею. Это состояніе, какъ показываетъ внутреннее наблюденіе и какъ этого слѣдуетъ ожидать, по общимъ законамъ возникновенія состояній сознанія первичныхъ и простѣйшихъ,—есть своего рода ощущеніе, вообще, чувство, которое быстро переходитъ въ волненіе—большею частію—непріятности, но иногда бываетъ и пріятнымъ. Благодаря описаннымъ условіямъ и обстоятельствамъ своего происхожденія, оно рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ ощущеній и чувствъ, по своему содержанію и основному характеру, и не можетъ быть смѣшано съ другими, также точно какъ ощущеніе звука не можетъ быть смѣшано, напр., съ вкусовымъ. Кромѣ того, оно всегда сопровождается общими, хотя бы самыми неопредѣленными двигательными импульсами, общимъ возбужденіемъ мускульной дѣятельности, и, потому, въ него всегда входитъ, какъ неразрывная составная часть, темное мускульное ощущеніе—направленія силы отъ центра къ периферіи. Двигательный импульсъ является въ связи и съ другими явленіями, какъ и самое движеніе: такъ, всякое ощущеніе непремѣнно вызываетъ, хотя бы самое слабое, рефлективное движеніе; мышленіе сопровождается рефлексомъ на голосовые органы; чувствованіе производитъ сложное выразительное движеніе. Но въ этихъ случаяхъ двигательный импульсъ есть нѣчто добавочное, несущественное, и рѣдко сознается рядомъ съ главнымъ внутреннимъ возбужденіемъ. Въ ощущеніи сознаніе не-

достатка этого импульса выдвигается на первый планъ, является главнымъ содержаніемъ душевнаго состоянія, существенною его частію. Разсматриваемое какъ субъективный знакъ нужды, недостатка въ организмѣ и душѣ, въ тѣсной связи съ волненіемъ, это состояніе называется *потребностію*; разсматриваемое, какъ темный импульсъ къ движенію, въ неразрывной связи съ мускульнымъ ощущеніемъ, оно называется *стремленіемъ*. Когда двигательный импульсъ, неразрывно связанный съ потребностію и стремленіемъ, силенъ, что бываетъ очень часто, онъ переходитъ въ дѣйствительное движеніе, являющееся тогда инстинктивнымъ и машинообразнымъ, переходитъ въ непроизвольное дѣйствіе. Но у человѣка, обыкновенно, родившимся стремленіемъ вызывается рядъ новыхъ явленій внутреннихъ, предшествующихъ движенію-дѣйствію. Когда, до начала дѣйствительнаго движенія, такъ или иначе данъ въ сознаніи объектъ, который нуженъ для удовлетворенія или прекращенія потребности въ формѣ воспріятія или идеи-воспоминанія,—это новое состояніе немедленно сливается съ чувствомъ потребности или стремленіемъ. Кромѣ того, къ волненію, заключающемуся въ самомъ стремленіи или потребности, присоединяется новое, связанное съ идеею или представленіемъ, также непосредственнымъ воспріятіемъ цѣли, въ формѣ антиципированнаго, предвкушаемаго, т. е. воспроизводимаго въ идеѣ, удовольствія, связаннаго съ удовлетвореніемъ потребности и уже испытаннаго или только воображаемаго. То же самое *сочетаніе стремленія и идей объекта, его удовлетворяющаго,* можетъ произойти въ обратномъ порядкѣ, т. е. идея или воспріятіе извѣстнаго предмета, подъ вліяніемъ опыта прежняго, могутъ вызвать удовлетворяемую ими потребность. Но какъ бы ни произошло описанное сочетаніе, оно выступаетъ въ сознаніи какъ особое состояніе, кажущееся, какъ многія сложныя состоянія, простымъ и неразложимымъ и называется обыкновенно *желаніемъ*. Оно бываетъ смутнымъ, неопредѣленнымъ и мимолетнымъ, когда дѣйствіе-движеніе слѣдуетъ непосредственно и быстро за явленіемъ потребности и представленіемъ предмета, ее удовлетворяю-

щаго; но усиливается, становится яркимъ и отчетливымъ состояніемъ сознанія, когда движеніе почему-либо не наступаетъ, и описанное состояніе остается внутреннимъ. И такъ какъ предметъ, удовлетворяющій потребность, обыкновенно находится на извѣстномъ разстояніи въ пространствѣ или времени, или въ томъ и другомъ вмѣстѣ, и очень часто движеніе встрѣчаетъ препятствіе, то внутреннее слияніе потребности и идеи предмета, ее удовлетворяющаго, при отсутствіи соотвѣтствующаго движенія, возникаетъ чрезвычайно часто, можно сказать, постоянно. Вслѣдствіе этого повторенія, оно становится устойчивою, рѣзко обособленною формою душевной дѣятельности. „Желаніе“, какъ особое состояніе, отличное не только отъ всѣхъ другихъ, но и отъ входящаго въ его составъ стремленія-потребности, организованное всегда изъ однѣхъ и тѣхъ же составныхъ частей, при множествѣ потребностей и цѣлей, въ дѣйствительности является совокупностію множества конкретныхъ случаевъ желанія,—цѣлымъ міромъ желаній. Каждое изъ нихъ по качеству и напряженію элементовъ, въ него входящихъ, — потребностей, волненій и идей, — разнится отъ другихъ по содержанію и степенямъ силы, и разница эта, естественно, можетъ достигать крайнихъ предѣловъ, — полной противоположности и даже взаимнаго исключенія. Это такъ и бываетъ часто на самомъ дѣлѣ, какъ извѣстно каждому по собственному опыту. Понятное дѣло, что желанія могутъ возникать одно за другимъ въ очень короткіе промежутки времени, или, какъ неточно говорится,—возникать одновременно и требовать самыхъ различныхъ—до противоположности—движеній и дѣятельностей вообще. Это обстоятельство служитъ причиною новаго внутренняго явленія: явленіе это извѣстно подъ именемъ „столкновенія желаній“, *борьбы* ихъ, или просто „внутренней борьбы“. Такъ какъ сила и характеръ желанія зависятъ отъ качества и силы входящихъ въ его составъ потребностей, идей и чувствъ, то борьба, такъ сказать, завязывается между ними, и вниманіе сосредоточивается на ихъ содержаніи, взаимныхъ отношеніяхъ до такой степени, что самыя желанія—въ цѣломъ—нерѣдко отступаютъ на

второй планъ, и въ сознаніи выступаютъ чувства, идеи и т. п., которыя подавляютъ другъ друга или поддерживаютъ, слабѣютъ и усиливаются новыми чувствами, идеями, соображеніями, ослабляя или усиливая самое желаніе. Какъ вступающія въ борьбу внутреннія силы, такъ или иначе опредѣляющія выполненіе такого или другого желанія, движущія душу въ извѣстномъ направленіи—эти состоянія называются *двигателями* или *мотивами* желанія и дѣйствія—безразлично (сила ихъ опредѣляетъ силу желанія etc.). Такъ какъ явленіе выдѣленія въ сознаніи элементовъ желанія и столкновеніе, соотношеніе ихъ, въ самыхъ различныхъ направленіяхъ, постоянно повторяется, и эти элементы получаютъ извѣстнаго рода самостоятельность и отдѣльность, какъ движущія силы, то это новое явленіе, подобно желанію, превращается въ нѣчто особенное. Рядомъ съ міромъ потребностей и желаній, возникаетъ *міръ мотивовъ и борьба ихъ*, составляющая одинъ изъ главныхъ интересовъ жизни. Когда такъ или иначе, т. е. прямо и непосредственно, или послѣ болѣе или менѣе продолжительной борьбы, желаніе утверждается въ душѣ, и остается произвести движеніе,—оно опять, въ силу общихъ условій дѣятельности, можетъ быть задержано, въ виду внѣшнихъ или внутреннихъ препятствій къ его произведенію: т. е. или не окажется средствъ къ его выполненію, или самая цѣль окажется удаленною во времени и т. п. Получается новое, особенное состояніе сознанія—*готовности дѣйствія, рѣшимости*. Состояніе это, очевидно, слагается изъ присутствія въ сознаніи выработаннаго желанія и невозможности въ данный моментъ его выполненія, отъ чего бы она ни зависѣла. Состояніе это такъ опредѣленно и реально, что имѣетъ разныя степени силы, является устойчивымъ или слабымъ, колеблющимся и т. п. Возникая съ особенною опредѣленностію въ случаяхъ задержки движенія, при опредѣлившемся желаніи, рѣшимость остается въ менѣе опредѣленной формѣ, при всякомъ переходѣ желанія въ дѣйствіе, и есть также одинъ изъ его постоянныхъ элементовъ. Наконецъ, когда желаніе начинаетъ выполняться и переходитъ въ движенія, является,

опять, послѣдній актъ или состояніе сознанія,—сознаніе болѣе или менѣе обширнаго *усилія*, напряженія силы и съ тѣмъ вмѣстѣ сознаніе себя средоточіемъ и источникомъ этой силы Въ сложныхъ и трудныхъ дѣйствіяхъ, также дѣйствіяхъ продолжительныхъ, оно ясно сознается и возрастаетъ или упадаетъ въ напряженіи въ теченіе всего дѣйствія. Очевидно, оно есть простое ощущеніе, сознаніе напряженія душевной и физической силы, служитъ показателемъ этого напряженія и степени готовности. Усиліе можетъ поддерживаться или падать, ослабляться или увеличиваться, и самое дѣйствіе можетъ совершаться съ большею или меньшею быстротою, съ большимъ или меньшимъ совершенствомъ, настойчивостію, упорствомъ и т. п. Этимъ актомъ завершается организація внутренняго процесса, результатомъ котораго является сознательное, цѣлесообразное движеніе, или же, въ случаѣ большей сложности дѣйствія и отдаленности цѣли, прекращающееся и вновь начинающееся движеніе. Больше указанныхъ состояній сознанія и процессовъ нельзя встрѣтить ни въ какомъ человѣческомъ дѣйствіи. Весь этотъ процессъ можетъ совершиться съ чрезвычайною быстротою: потребность, желаніе, мотивы и ихъ оцѣнка, усиліе и движеніе слѣдуютъ одно за другимъ въ такіе неуловимые промежутки времени, что весь процессъ кажется однимъ, недѣлимымъ, простымъ актомъ духа. Далѣе, при частомъ возникновеніи этого сложнаго процесса промежуточныя между потребностію и движеніемъ звенья психическія выпадаютъ почти вовсе и образуется такъ называемое привычное движеніе, слѣдующее прямо почти автоматически за возникновеніемъ потребности.

Параллельно описанному роду внутреннихъ явленій, производящихъ такія или другія движенія организма и его частей для удовлетворенія нужды въ организмѣ и душѣ, т. е. движеній такъ называемыхъ цѣлесообразныхъ, возникаетъ подобный же процессъ, вызывающій цѣлесообразныя движенія чисто внутреннія, не сопровождающіяся внѣшними движеніями организма и, во всякомъ случаѣ, связанныя и этими послѣдними не необходимо. Дѣло въ томъ, что, съ развитіемъ жизни духа, въ немъ возникаютъ та-

кого рода потребности, средства для удовлетворенія которыхъ находятся въ немъ самомъ, въ его собственномъ, накопившемся путемъ опыта, содержаніи. Такъ напр., весьма часто является потребность воспроизвести въ сознаніи какой-нибудь прошлый опытъ, забытый въ данный моментъ и невозникающій прямо за потребностію. Потребность переходитъ въ желаніе, сливаясь съ общимъ представленіемъ нужнаго факта |внутренняго, сознаются мотивы этого желанія, происходитъ затѣмъ чисто внутреннее усиліе вызвать нужное состояніе, и нерѣдко начинается рядъ внутреннихъ движеній, репродукцій, съ цѣлію вызвать воспоминаніе. То же самое происходитъ, когда является нужда понять и объяснить фактъ, данный въ опытѣ, ставшій достояніемъ духа такъ или иначе,—вызвать какое-либо волненіе, даже самое желаніе и стремленіе. Этимъ путемъ создается рядъ цѣлесообразныхъ внутреннихъ движеній, производится произвольное воспоминаніе, вниманіе, обдумываніе, произвольный вызовъ волненій и желаній и т. п. явленія, существенно относящіяся къ области дѣйствій. Въ отличіе отъ дѣйствій, связанныхъ съ внѣшними движеніями, они называются *дѣйствіями* или операціями *внутренними*.

Такимъ образомъ, всякое дѣйствіе, составляющее актъ воли, оказывается состоящимъ изъ цѣлаго ряда, особаго рода и состава, внутреннихъ состояній или измѣненій сознанія, которымъ непосредственно вызывается, какъ причиною, внѣшнее или внутреннее цѣлесообразное движеніе. Этотъ, организованный по законамъ духа, рядъ простыхъ и сложныхъ явленій, сливающихся нерѣдко въ неразложимое непосредственно и прямо цѣлое, состоящій изъ потребности, желанія, мотивовъ и ихъ оцѣнки, выбора, рѣшенія, усилія,—этотъ организованный рядъ указанныхъ явленій и есть—*воля*. На вопросъ, что такое „воля“, какъ производитель дѣйствій и всей жизни практической,—опредѣленно и ясно отвѣчать можно только перечисленіемъ состояній духа, предшествующихъ движенію, удовлетворяющему какой-нибудь нуждѣ, или цѣлесообразному, и въ собственномъ и строгомъ смыслѣ производящихъ, создающихъ это движеніе, безъ нихъ невозможное. Воля есть

организованная совокупность потребностей-стремлений, желаний, мотивовъ, выбора, рѣшенія, усилія, предшествующихъ всякому сознательно-цѣлесообразному движенію—внѣшнему или внутреннему. Содержаніе всѣхъ этихъ состояній свое въ каждомъ случаѣ, но форма, строй—всегда одинъ и тотъ же. Этотъ процессъ, какъ и процессъ познавательный,—тоже чрезвычайно сложный,—можно образно представить „силою“ живою и реальною, производящею измѣненія, вообще, работу—психическую и физическую. Можно, и даже должно, отвлечь эту силу отъ ея составныхъ частей, какъ *особую способность духа, присущую ему по природѣ, потенцію, или возможность развивать рядъ явленій волевыхъ, производить при посредствѣ ихъ внѣшнія и внутреннія движенія.* Но отъ этого, конечно, наше дѣйствительное знаніе о волѣ нисколько не увеличится, тѣмъ болѣе, что волю, какъ только потенцію, внѣ ея обнаруженія, нельзя и представить, и она въ этомъ фазисѣ своего бытія не можетъ быть предметомъ изслѣдованія, какъ вещь въ себѣ sui generis. Если же мы замѣнимъ простое описаніе и опредѣленіе воли, какъ душевнаго процесса съ опредѣленными составными частями, этимъ безсодержательнымъ отвлеченіемъ, какъ это дѣлала схоластическая психологія, то получится простая замѣна одного непонятнаго термина другимъ, еще болѣе непонятнымъ, съ нимъ, въ сущности, тождественнымъ. Признавши волю „силою“, мы, съ чисто научной точки зрѣнія, можемъ говорить о степеняхъ этой силы, о сильной и слабой волѣ. А главное, имѣя опредѣленное представленіе о составѣ, такъ сказать, механизмѣ этой силы, мы получаемъ возможность объяснить, отчего зависитъ энергичное обнаруженіе этой силы въ однихъ случаяхъ и слабое—въ другихъ. Очевидно, это должно зависѣть отъ характера какой-нибудь изъ составныхъ частей силы или всѣхъ ихъ etc.

Итакъ, дѣйствіе, какъ особый видъ явленій душевныхъ, обнимаетъ собою совокупность фактовъ переноса внутренней силы на внѣшнее, также совокупность фактовъ обращенія этой силы на состоянія внутреннія и произведенія, какъ во внѣшнемъ мірѣ, такъ и во внутреннемъ, разнаго рода измѣненій. Этотъ переносъ

душевной силы и произведеніе измѣненій, какъ во внѣшнемъ, такъ и во внутреннемъ мірѣ, переносъ, сознаваемый какъ власть души надъ внѣшними предметами и надъ особою, осуществляется и производится при посредствѣ цѣлаго ряда внутреннихъ измѣненій сознанія, тѣсно связанныхъ между собою и извѣстныхъ подъ именемъ потребности, желанія, оцѣнки и борьбы мотивовъ, выбора, рѣшенія, усилія. Въ своей совокупности, эти измѣненія, предшествующія дѣйствію и его производящія, составляютъ одинъ *процессъ*, то развивающійся во всемъ объемѣ своемъ и во всѣхъ составныхъ частяхъ, то сокращаемый выпаденіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ подъ вліяніемъ повторенія. Въ немъ осуществляется та „сила“ души, которая называется „волею“, и самъ онъ есть не что иное, какъ *воля въ своемъ обнаруженіи*. Ея орудіемъ по отношенію къ внѣшнему міру являются *движенія* организма, которыя производятся сокращеніемъ или расширеніемъ мускуловъ, по отношенію къ внутреннему—естественныя, сами собою и изъ природы души возникающія, движенія и сочетанія идей и другихъ состояній. Какъ только орудія, органы воли, движенія эти первоначально возникаютъ сами собою, прежде явленія воли, т. е. прежде явленія сочетанныхъ между собою потребностей, желаній, оцѣнки и борьбы мотивовъ, выбора, рѣшенія и усилія, ее составляющихъ, и, потому, называются „невольными“, или „непроизвольными“. Являясь прежде обнаруженія воли, эти движенія сохраняютъ свою самостоятельность и съ ея явленіемъ и развитіемъ; но изъ нихъ и чрезъ нихъ создается, особенно въ первые періоды жизни, огромное количество новыхъ, уже подъ вліяніемъ воли, и потому называемыхъ „произвольными“. Впрочемъ, и произвольныя движенія, находясь постоянно во власти души, какъ ея произведенія, представляютъ собою чисто матеріальный процессъ, внѣшній по отношенію къ духу и, разъ образовавшись и упрочившись, получаютъ возможность совершаться какъ-бы автоматически, сами собою, безъ участія души, воли, и, такимъ образомъ, остаются навсегда средствомъ, орудіемъ внѣшнимъ.

Въ представленномъ нами описаніи воли и ея орудій данъ самъ собою планъ и общая схема изслѣдованія области дѣйствій,

схема разложенія всякаго дѣйствія человѣческаго и всей ихъ совокупности на составные элементы, что и составляетъ послѣднюю цѣль и задачу научнаго изслѣдованія. Представимъ этотъ планъ въ общихъ чертахъ.

Начиная съ простѣйшаго, даннаго и являющагося въ составѣ человѣческихъ дѣйствій прежде всего, нужно сначала изслѣдовать *движенія непроизвольныя*—физическія и душевныя, въ томъ видѣ, какъ они даны природою. Послѣ этого, всего естественнѣе описать, въ общихъ чертахъ, способы образованія произвольныхъ движеній, превращающихся впослѣдствіи въ автоматическія, совершающіяся безъ участія воли. Этимъ путемъ будутъ выдѣлены и описаны средства, -орудія переноса психической силы и воли. Обращаясь послѣ этого къ самому *составу воли* и, опять, начиная съ простѣйшаго, мы прежде всего встрѣчаемся съ внутреннимъ состояніемъ *потребности-стремленія*,—исходнымъ пунктомъ волевого процесса. Этотъ исходный пунктъ есть въ то же время конечная цѣль дѣйствія, всегда состоящая въ удовлетвореніи какой-нибудь низшей или высшей душевной потребности. Описавши происхожденіе и психическій составъ потребности, необходимо, затѣмъ, представить обзоръ и классификацію всѣхъ потребностей, изъ чего мы получимъ представленіе объ общемъ строѣ всей жизни и дѣятельности человѣка, ея составѣ и задачахъ. Переходя, затѣмъ, къ желанію—слѣдующей составной части волевого процесса,—мы встрѣтимъ мало матеріала для изслѣдованія, такъ какъ *желаніе* есть тоже потребность, только осложненная представленіемъ предметовъ и движеній, удовлетворяющихъ данной потребности. Но въ явленіи *мотивовъ*—предъ изслѣдователемъ возникаетъ громадный и чрезвычайной важности матеріалъ, и психологическая теорія мотивовъ, желанія и дѣйствованія составляетъ самый обширный, сложный отдѣлъ, притомъ средоточный, центральный для всего ученія о дѣйствіяхъ человѣческихъ и волѣ. Именно, обозрѣвая мотивы, мы между ними встрѣтимъ свойственный одному человѣку и характерный для него, притомъ, такъ или иначе преобладающій въ его жизни, мотивъ нравственный, или—долга. Мотивъ этотъ ока-

зывается весьма сложнымъ: онъ основывается на особомъ, идеальномъ построеніи, возникающемъ изъ идей добра и зла и извѣстномъ подъ именемъ „нравственнаго закона“, и на чувствѣ абсолютной обязательности этого закона. Мотивъ этотъ затѣмъ предполагаетъ чувство отвѣтственности личности за свои дѣйствія и, слѣд., признаніе себя ихъ послѣднею причиною, или чувство свободы и самый фактъ, соотвѣтствующій этому чувству, т. е. нравственную „свободу“ воли. Чувство свободы влечетъ за собою рядъ идей и волненій, возникающихъ, какъ предъ совершеніемъ дѣйствія, такъ и послѣ него и называемыхъ одобреніемъ и мученіемъ совѣсти. Такимъ образомъ, этотъ отдѣлъ ученія о дѣйствіи, о волѣ соприкасается съ глубочайшими вопросами этики и состоитъ, очевидно, изъ психологическаго ученія о происхожденіи идей добра и зла, о происхожденіи нравственнаго закона, его составѣ и чувствѣ его обязательности, изъ ученія о свободѣ воли и, наконецъ, ученія о совѣсти. Послѣ изслѣдованія мотивовъ человѣческой дѣятельности, и самаго главнаго изъ нихъ—нравственнаго, естественно представить описаніе явленія ихъ столкновенія, борьбы и поддержки взаимной, описаніе различныхъ моментовъ и формъ этого явленія, также результатовъ этой борьбы и выбора рода дѣйствія и средствъ къ его осуществленію, рѣшенія дѣйствовать и самаго движенія, которымъ дѣйствіе заканчивается. Но этимъ изслѣдованіе области дѣйствія далеко еще не заканчивается. Подъ вліяніемъ борьбы мотивовъ и опытовъ дѣйствованія, у каждаго человѣка получаются ряды дѣйствій, въ которыхъ эта борьба, также какъ выборъ и оцѣнка—отсутствуютъ, и движеніе такое или другое слѣдуетъ прямо за возникновеніемъ какой-либо потребности или желанія. Мотивъ здѣсь замѣняется или такъ называемою *привычкою*, или *убѣжденіемъ*, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Такимъ образомъ, является необходимость изслѣдовать условія и формы образованія навыковъ, виды ихъ; условія и формы образованія убѣжденій. Навыки и убѣжденія разнаго рода, замѣняя и сокращая борьбу мотивовъ, процессъ выбора и рѣшенія—дѣйствуютъ у однихъ людей, какъ и у одного и того же человѣка

въ разное время, то спокойно и ровно, то сопровождаются сильными возбужденіями и волненіями разнаго рода Въ этой связи они получаютъ особый характеръ и особаго рода вліяніе на дѣятельность человѣка, называясь *страстями*. Это замѣчательное и сложное явленіе также требуетъ по возможности подробнаго изслѣдованія, и теорія страстей составляетъ необходимо часть общей теоріи человѣческихъ дѣйствій. Въ тѣсной, органической связи съ дѣйствіемъ и волею, наконецъ, стоитъ еще одно замѣчательное явленіе и свойство человѣческой природы—вѣра и ея видоизмѣненіе и осложненіе—надежда, вообще, и вѣра религіозная. При ничтожномъ сравнительно количествѣ знаній человѣка о мірѣ или вселенной, среди которой ему приходится дѣйствовать и часть котораго весьма ничтожную онъ составляетъ; при громадной сложности жизненныхъ отношеній къ природѣ и къ людямъ и зависимости ихъ отъ вліяній, недоступныхъ никакому вычисленію и знанію,—человѣкъ не могъ-бы совершить ни одного сколько нибудь сложнаго дѣйствія, направленнаго къ достиженію отдаленной цѣли, если-бы онъ не обладалъ способностью вѣрить—признавать за извѣстное нѣчто такое, что ему вовсе не извѣстно и даже не можетъ быть извѣстно. Вѣра составляетъ, очевидно, необходимую среду и условіе дѣйствованія, дѣятельности практической человѣка, и должна быть изслѣдована въ ея происхожденіи, составѣ и формахъ. Въ заключеніе должны быть описаны различныя качества силы, производящей дѣйствія, и дано объясненіе того, изъ чего состоитъ явленіе, называемое „сильною волею“ и ему противоположное явленіе—„слабой волей“;—также описаны различныя болѣзненныя разстройства этого фактора.

а) Движенія.

Движенія, какъ необходимая составная часть всякаго акта воли. Внѣшнія движенія—организма; отношеніе къ нимъ воли. Органическія условія движенія. Непроизвольныя движенія: рефлективныя, инстинктивныя и подражательныя. Участіе души въ дѣятельности механической системы движеній. Произвольныя движенія. Вопросъ о способѣ образованія произвольныхъ движеній и его значеніе. Факты, съ которыми связывается начало произвольныхъ движеній и—емпистъ—эмпирическаго зарожденія воли, какъ явленія. Процессъ образованія произвольныхъ движеній.—Движенія внутреннія—идеальныя; аналогія ихъ съ внѣшними движеніями. Процессъ организаціи внутреннихъ движеній. Власть души надъ собственными состояніями.

Понятіе дѣйствія и общія условія происхожденія и развитія особыхъ формъ внутреннихъ душевныхъ состояній, въ которыхъ выражается и осуществляется воля, показываютъ, что необходимую принадлежность этой стороны жизни духа составляютъ *внѣшнія движенія* организма—во всей ихъ совокупности, точно такъ же, какъ внѣшнія впечатлѣнія составляютъ необходимую принадлежность жизни умственной. Движенія идеально (въ формѣ идей движенія) или дѣйствительно, положительно или отрицательно (въ формѣ производимыхъ или задерживаемыхъ)—входятъ, какъ необходимая составная часть во всякій актъ воли по отношенію къ внѣшнему міру, отчасти по отношенію къ внутреннему. Какъ состоянія организма, они суть нѣчто чисто внѣшнее для духа и, подобно всѣмъ движеніямъ въ мірѣ внѣшнемъ, физическомъ, мо-

гутъ совершаться безъ всякаго участія его, въ силу чисто матеріальныхъ условій, въ данномъ случаѣ—анатомическихъ, заключающихся въ устройствѣ движущихся частей и управляющихъ ими нервныхъ механизмовъ, двигательныхъ центровъ, и въ физіологическихъ процессахъ, вызывающихъ дѣятельныя состоянія этихъ частей. Такимъ образомъ, духъ, какъ воля, имѣетъ готовый двигательный аппаратъ и готовую систему движеній, которыми онъ постепенно овладѣваетъ. Овладѣваетъ онъ путемъ очень сложныхъ внутреннихъ процессовъ и приспособленій, комбинируетъ эти самостоятельныя движенія и образуетъ изъ нихъ систему новыхъ движеній. Эта система на высшихъ степеняхъ своего развитія представляетъ чрезвычайную сложность, тонкость и разнообразіе. При этомъ совершается преобразованіе и даже, по всей вѣроятности, образованіе вновь нервныхъ механизмовъ. Благодаря этому, созданныя духомъ движенія получаютъ опять независимость отъ духа, или воли, становятся способными совершаться сами собою, безъ участія духа, становятся вновь чисто физическими, автоматическими, или, какъ ихъ называютъ, въ отличіе отъ движеній первоначально и по природѣ физическихъ,—„вторично автоматическими“.

Элементарныхъ частей двигательнаго аппарата двѣ: мускульныя волокна и нервное вещество. Мускульныя волокна организованы въ ткань или, точнѣе, въ ткани разнообразной формы и строенія, ткани, при этомъ, расчлененныя на множество частей (такъ называемые мускулы), изолированныхъ одна отъ другой и способныхъ, при извѣстныхъ условіяхъ, къ отдѣльной дѣятельности, независимо другъ отъ друга (мышцы гладкія и рубчатыя). Въ механизмѣ двигательномъ имѣютъ значеніе рубчатыя мышцы; онѣ, впрочемъ, играютъ страдательную роль. Дѣятельная роль принадлежитъ нервнымъ волокнамъ и нервнымъ двигательнымъ клѣткамъ. Нервныя волокна двухъ родовъ,—волокна, проводящія раздраженіе къ центру, клѣткѣ, и отводящія, или центробѣжныя. Первыя принято называть „чувствующими“, вторыя „двигательными“. Главными собраніями двигательныхъ центровъ служитъ

спинной мозгъ и продолговатый, которые и являются, такимъ образомъ, сложными центрами движенія. Въ недавнее время двигательные центры, конечно, съ проводами, открыты и въ полушаріяхъ большого мозга и, въ отличіе отъ первыхъ (въ спинномъ и продолговатомъ мозгу), которыми производятся чисто механическія движенія, безъ участія души, названы „психомоторными". (Ихъ можно считать ближайшими органами, чрезъ которые дѣйствуетъ душа на тѣло). При помощи всѣхъ этихъ приспособленій, самостоятельное движеніе, какъ чисто физическое явленіе, безъ участія психическаго дѣятеля, совершается по типу, весьма распространенному во всей природѣ внѣшней,—отраженнаго движенія, или *рефлекса*. Сила внѣшняя, или движеніе въ тканяхъ организма, независимое отъ нервовъ,—приложенная къ концу проводящаго или чувствующаго нерва, производитъ въ немъ движеніе въ формѣ молекулярныхъ измѣненій, т. е. положенія частицъ. Движеніе это переходитъ въ клѣтку нервную и, продолжаясь здѣсь въ усиленной формѣ, переходитъ въ нервъ отводящій, который, наконецъ, передаетъ его мускулу,—причемъ послѣдній сокращается такъ или иначе. Это сокращеніе и есть движеніе внѣшнее—въ его простѣйшей, первичной формѣ. Вслѣдствіе расчлененія и изолированности мускуловъ и ихъ группъ, движеніе рефлективное можетъ ограничиться однимъ мускуломъ или группою ихъ (объединенныхъ въ одно цѣлое); но, при болѣе сильномъ возбужденіи, движеніе получается болѣе обширное—въ цѣлой системѣ мускуловъ; при очень сильномъ возбужденіи, молекулярное движеніе можетъ обнять всѣ двигательные центры, и получится движеніе всего организма. Такъ какъ организмъ представляетъ изъ себя одинъ сложный механизмъ, снабженный отъ природы средствами для своей жизнедѣятельности, то, естественно, всякое движеніе его стоитъ всегда въ извѣстномъ постоянномъ отношеніи къ раздраженію, отвѣчаетъ на него всегда однообразно, производя требуемый имъ эффектъ,—другими словами,—всегда достигаетъ какой-нибудь опредѣленной цѣли и, потому, цѣлесообразно по природѣ.

Кромѣ—состоящихъ изъ четырехъ частей—рефлексовъ, въ организмѣ могутъ производиться, очевидно, движенія способомъ сокращеннымъ, безъ участія проводящаго нерва и периферическаго возбужденія вообще. Въ нервной системѣ могутъ возникать движенія самостоятельно, вслѣдствіе скопленія въ нихъ такъ называемой „нервной силы“ — въ процессѣ питанія, или вслѣдствіе непосредственнаго дѣйствія на нихъ окружающихъ тканей, крови и т. п. Движеніе это, требуя выхода, естественно направляется по отводящимъ путямъ и производитъ сокращеніе мускуловъ въ разныхъ направленіяхъ и объемахъ, производя различныя внѣшнія движенія, которыя, совпадая иногда съ опредѣленными путями рефлексовъ, являются цѣлесообразными, но, по существу дѣла, не имѣютъ никакой другой цѣли, кромѣ освобожденія организма отъ избытка внутренней энергіи. Но движенія эти могутъ также не совпадать вовсе съ настоящими, дѣйствительными рефлексами и порождать новыя формы движеній, новыя формы мускульныхъ сокращеній и тѣмъ видоизмѣнять и разстроивать движенія прирожденныя.

Изъ чисто матеріальныхъ движеній обоихъ этихъ видовъ слагаются внутреннія процессы органической жизни, на сколько въ нихъ участвуютъ мускулы, таковы: движенія глотки, желудка, движеніе кишекъ, пульсація артерій, поднятіе и опусканіе клапановъ въ венахъ, ритмическія сокращенія сердца и т. п. Они до того чужды въ своемъ образованіи участія души, что даже не сознаются нами, и душа можетъ имѣть на нихъ только косвенное вліяніе или же—въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ — прямое: потому, движенія этого рода называются „чистыми“, или „полными рефлексами“. Далѣе слѣдуютъ рефлективныя движенія внѣшнія, совершающіяся тоже всегда безъ прямого участія души. Таковы движенія, которыми производятся нѣкоторыя выдѣленія, постоянное движеніе глазъ, миганіе, дыханіе, кашель, чиханіе и т. п. Движенія эти до извѣстной степени находятся уже или, точнѣе, могутъ находиться подъ вліяніемъ души: мы можемъ на нѣкоторое время задерживать эти рефлексы и регулировать ихъ, сообразно своимъ потребностямъ и желаніямъ сознательнымъ,—можемъ

дышать медленно или часто, мигать, двигать глазами, чихать и кашлять громко или слабо и т. п. Въ отличіе отъ первыхъ, полныхъ рефлексовъ, они называются потому „полурефлексами". Наконецъ, при извѣстныхъ условіяхъ, всякое возбужденіе можетъ вызывать чисто машинообразное движеніе. Неожиданный стукъ, свѣтъ, боль, вообще всякое раздраженіе неправильное и сильное можетъ вызвать или мѣстное рефлективное движеніе, или общіе рефлексы во всемъ организмѣ, прежде, чѣмъ раздраженіе даже будетъ воспринято и сознано душею.

Переходную ступень отъ движеній чисто физическихъ, полныхъ рефлексовъ и полурефлексовъ, составляютъ такъ называемыя *инстинктивныя движенія,* въ которыхъ внутреннее возбужденіе въ сознаніи—въ формѣ ощущенія или потребности—играетъ главную роль и всегда присутствуетъ, но отъ природы связано съ группою движеній-рефлексовъ, иногда очень сложныхъ, и вызываетъ ихъ однообразно и неизмѣнно, что предполагаетъ существованіе опредѣленныхъ, присущихъ организму при рожденіи, механизмовъ нервныхъ, связанныхъ съ извѣстными ощущеніями и потребностями, какъ—неизвѣстно доселѣ. Движенія эти часто смѣшиваются съ рефлективными и, такъ какъ у человѣка ихъ почти вовсе нѣтъ, то его „рефлексы неполные" постоянно называются „инстинктивными движеніями". Смѣшеніе это облегчается тѣмъ, что рѣзкой границы между этими родами движеній провести нельзя. Всякое рефлективное движеніе, слѣпо достигающее опредѣленной цѣли, есть инстинктъ въ зародышѣ, и всякое инстинктивное движеніе есть необходимо, въ силу своей неизмѣнности и однообразія, рефлексъ или система рефлексовъ. Граница между ними получается черезъ участіе въ инстинктивныхъ движеніяхъ—души, сознанія, которое всегда необходимо для произведенія инстинктивныхъ движеній и только не въ силахъ что нибудь измѣнить въ нихъ. (Попытка въ этомъ родѣ человѣка въ области небольшого количества присущихъ ему инстинктовъ и чрезвычайно похожихъ на нихъ, и по внѣшности и по внутреннему стремленію, вторично-автоматичныхъ движеній,—необходимо сопровождается разстройствомъ

цѣлесообразнаго, организованнаго движенія, порчею его). Къ разряду инстинктивныхъ движеній обыкновенно относятся, и должны быть отнесены, всѣ сложныя движенія животныхъ, похожія на разумную, сознательную дѣятельность, но незаключающія и немогущія заключать въ себѣ ничего разумнаго и произвольнаго. Таковы: способы устройства гнѣздъ, норъ, вообще жилищъ, способы добыванія пищи, вывода и кормленія дѣтей, періодическія передвиженія и т. п. У человѣка слѣды такого рода движеній можно наблюдать только въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, именно, только слѣды, потому что всякое инстинктивное движеніе осложняется у него множествомъ заученныхъ движеній, слѣдовательно, по своему происхожденію произвольныхъ и психическихъ. Таковы, напр.,—бѣгство при видѣ опасности, приведеніе тѣла въ извѣстное положеніе оборонительное, невольное удаленіе отъ края пропасти, движеніе руками при потерѣ опоры снизу, напр., въ водѣ, при паденіи и т. п.; движеніе лицъ женскаго пола при видѣ дѣтей, игры дѣвочекъ, подражающихъ уходу за дѣтьми, игры мальчиковъ носящія характеръ борьбы и т. п.; наконецъ, сюда же можно причислить многія изъ такъ называемыхъ воплощеній чувствованій всѣхъ родовъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ есть какое нибудь хотя бы очень темное, неопредѣленное состояніе сознанія, чаще всего—чувство и потребность. Имъ непосредственно производится движеніе, но производится роковымъ образомъ, неотразимо и всегда у всѣхъ одинаково.

Къ рефлективнымъ и инстинктивнымъ движеніямъ, какъ главной основѣ образованія произвольныхъ движеній, могутъ быть присоединены *движенія подражательныя*. Они также машинообразны и невольны, какъ движенія двухъ первыхъ родовъ, но стоятъ, по природѣ своей и устройству, очевидно, ближе къ инстинктивнымъ, чѣмъ рефлективнымъ. Въ нихъ неизбѣжно принимаютъ участіе зрительныя воспріятія и представленія формы движенія. Здѣсь всегда видъ и представленіе движенія другого организма переходитъ прямо и непосредственно въ движеніе ему соотвѣтствующее. Такъ, при видѣ людей прыгающихъ, трудно удержать-

ся отъ совершенія хотя въ слабой формѣ подобныхъ же движеній, особенно людямъ съ ослабленными, болѣзненными нервами; при видѣ бѣгущихъ людей—является позывъ къ такому же движенію и—самое движеніе, въ формѣ хотя-бы невольнаго ускоренія походки; пристальное смотрѣніе цѣлой толпы людей и даже одного человѣка невольно вызываетъ сведеніе глазныхъ осей и всѣ двигательныя приспособленія къ фиксаціи, также остановку. Быстрое прекращеніе движенія, задержаніе его производитъ тотъ же эффектъ. Конвульсіи, зѣвота, смѣхъ, выраженіе горя и т. п. дѣйствуютъ почти неотразимо.

Если инстинктивныя движенія, помимо всего другого, имѣютъ большое значеніе для насъ, какъ факты непосредственной связи потребностей и чувствованій съ движеніями, то подражательныя движенія даютъ намъ непосредственную органическую связь воспріятія и идеи съ движеніями. Этимъ въ значительной степени облегчается пониманіе возникающей потомъ связи всякаго ощущенія, идеи, чувства, группъ и рядовъ ихъ—не съ одною опредѣленною формою движенія, а съ самыми разнообразными—и также—представленіе и пониманіе процесса образованія новыхъ движеній. Пассивное, но необходимое участіе психическаго элемента въ нихъ даетъ прочную основу для перехода невольныхъ движеній въ произвольныя.

Какъ организованные способы реакціи организма на раздраженія, идущія отъ внѣшняго міра и различныхъ частей самого организма,—невольныя движенія составляютъ прирожденное ему средство, предохраняющее его отъ враждебныхъ вліяній, какъ внѣшнихъ, такъ внутри его развивающихся, достигаютъ, такимъ образомъ, въ цѣломъ и каждое отдѣльно, опредѣленной цѣли,—потому, цѣлесообразны. *Душа*, съ первыми проблесками сознанія, необходимо *принимаетъ участіе въ дѣятельности* этой *механической системы движеній*, рождающихся и развивающихся какъ-бы прежде нея и безъ нея. Она сознаетъ раздраженія, которыми вызываются рефлективныя движенія, въ формѣ ощущеній, испытываетъ при этомъ удовольствіе и неудовольствіе, сознаетъ самое движеніе,

его силу, форму—при посредствѣ мышечнаго чувства; но присутствуетъ при ихъ совершеніи какъ посторонній зритель, увлекается ими пассивно, роковымъ образомъ, неотразимо. Она принимаетъ участіе въ движеніяхъ инстинктивныхъ, но появляется здѣсь только содѣйствующею и, опять, съ роковою, предуставленною необходимостью. Еще видиѣе ея роль въ движеніяхъ рефлективно-подражательныхъ. Однако и эти движенія въ своей формѣ и происхожденіи опредѣляются внѣшнею силою и опредѣляются необходимо: душа служитъ только орудіемъ этой внѣшней силы. Но также, съ самыми первыми проблесками сознанія, у человѣка начинаются попытки освободиться отъ этого неотразимаго вліянія (которымъ она увлекается въ потокъ внѣшняго и чуждаго ей движенія), попытки овладѣть этою системою, этимъ готовымъ механизмомъ. Результатомъ такихъ попытокъ, которыя идутъ и развиваются постепенно во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ, является извѣстная всякому способность души „задерживать“ и останавливать на время нѣкоторые рефлексы внѣшніе, продолжать начавшееся рефлективное движеніе—за естественнымъ предѣломъ его, т. е. послѣ того, какъ оно готово и должно, достигнувъ своей цѣли, прекратиться, задерживать и останавливать одну часть рефлекса и продолжать другую. Вмѣстѣ съ этою способностію, является возможность новои, не данной органически, комбинаціи рефлективныхъ движеній и, т. о., созданіе новой формы движенія, образованіе новыхъ комбинацій, новыхъ формъ ихъ. Каждая вновь образовавшаяся форма или комбинація движеній можетъ входить и обыкновенно, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, входитъ въ сочетанія съ другими. Отсюда получается возможность огромнаго количества разныхъ формъ движенія, не данныхъ природою, превышающаго въ сотни разъ количество движеній непроизвольныхъ всѣхъ видовъ. Возрастая въ количествѣ и сложности у каждаго человѣка въ теченіе всей почти жизни, эти движенія, какъ всѣ творческія построенія и пріобрѣтенія духа, передаются путемъ ученія, сознательнаго подражанія отъ одного человѣка другому, отъ одного поколѣнія къ другому, ростутъ и развиваются, т. о., въ цѣломъ человѣче-

скомъ родѣ, становясь въ извѣстныхъ предѣлахъ достояніемъ всякой отдѣльной личности. Всѣ эти движенія, затѣмъ, утилизируются человѣкомъ для достиженія самыхъ разнообразныхъ жизненныхъ цѣлей и входятъ въ составъ его дѣятельности....

Какъ бы то ни было, изъ механическихъ движеній, рядомъ съ ними и какъ бы на нихъ и надъ ними, строится новая система движеній, которыя обязаны душѣ своимъ происхожденіемъ и надъ которыми, и въ цѣломъ и по частямъ, она имѣетъ полную власть, какъ надъ своею собственностію, которыя она можетъ начинать, ускорять, замедлять, усиливать, ослаблять, прекращать и видоизмѣнять. Не данныя природою, движенія эти суть произведенія души, какъ воли, произведенія воли, или — *произвольныя*. Достаточно уже небольшого, сравнительно, количества ихъ, чтобы получилась *власть души надъ тѣломъ*, т. е надъ его внѣшними движеніями,— способность начинать, прекращать, усиливать и ослаблять эти движенія, — и дано было ближайшее условіе развитія сложныхъ процессовъ воли и дѣятельности человѣческой.

Какъ создаются первыя произвольныя движенія, при помощи какихъ приспособленій они выдѣляются изъ механическихъ, въ чемъ и какъ обнаруживается здѣсь воля,—вотъ вопросъ, который наука должна рѣшить, прежде чѣмъ приступить къ изслѣдованію высшихъ формъ дѣйствія и воли, потому что эти послѣднія не возможны и не понятны безъ предварительнаго образованія нѣкоторой суммы произвольныхъ движеній.

Вопросъ этотъ есть *вопросъ объ эмпирическомъ зарожденіи воли*, о положеніи духомъ человѣческимъ первыхъ основъ того сложнаго процесса, изъ котораго слагается дѣятельность, и той обширной власти, какая обнаруживается, при этомъ, духомъ, какъ надъ тѣломъ, такъ и надъ своими собственными состояніями,— надъ самимъ собою. Онъ принадлежитъ къ разряду самыхъ трудныхъ вопросовъ психологическаго анализа, вмѣстѣ, напр., съ вопросомъ о происхожденіи пространства, о происхожденіи идеи „я“, или—личности, о происхожденіи такъ называемыхъ аксіомъ и т. п. Прямое его рѣшеніе, очевидно, не возможно, потому что

начало власти духа надъ тѣломъ, образованіе первыхъ произвольныхъ движеній лежитъ въ той ранней сферѣ его жизни, которая не доступна прямому внутреннему наблюденію. Здѣсь возможно только гипотетическое построеніе, на основаніи, немогущихъ быть рѣшительными и точными, наблюденій, надъ дѣтьми, и отчасти надъ животными, при образованіи у нихъ, подъ вліяніемъ человѣка, новыхъ формъ движенія, которыя, будучи непроизвольными по существу, имѣютъ съ этими послѣдними сходство, какъ новосозданныя, и притомъ духомъ человѣческимъ, путемъ воздѣйствія его на организмъ животнаго. При этомъ, несомнѣнно только одно,—это полная негодность и невѣроятность господствующаго доселѣ ученія, что духъ, въ силу прирожденной ему способности господства надъ матеріею и тѣломъ, въ періодъ достаточнаго развитія и укрѣпленія организма, прямо, безъ всякаго посредства и предварительной подготовки, вступаетъ въ свои владѣльческія права и начинаетъ распоряжаться движеніями организма тѣлеснаго. Ученіе это сформировалось по образцу той теоріи, по которой зрительныя воспріятія получаются въ силу того, что душа черезъ глаза, какъ отверстія sui generis входитъ въ непосредственное соприкосновеніе съ видимыми предметами, или—по образу теоріи, что представленіе конкретнаго предмета входитъ въ душу и помѣщается въ ней, какъ готовая картинка—species—и хранится въ ней въ этомъ видѣ и т. п. Теперь извѣстно, что душа ничего не знаетъ непосредственно о внѣшнемъ, кромѣ своихъ ощущеній, что зрительное, напр., воспріятіе есть система ощущеній, организованная въ цѣлое путемъ сложныхъ дѣятельностей и постоянныхъ усилій души, не оставляющихъ слѣдовъ въ памяти. Также извѣстно, что всякое представленіе есть продуктъ—очень сложный, опять,—творческой дѣятельности надъ ощущеніями, и, вѣроятно, всякій разъ вновь возсоздается въ душѣ, когда, при благопріятныхъ условіяхъ, въ ней возникаетъ. Между тѣмъ по отношенію къ факту власти души надъ тѣломъ признается возможнымъ самое грубое, прямое, притомъ, непосредственное, сразу являющееся дѣйствіе духа на тѣло и его органы.

Для объясненія или, точнѣе, для приблизительно вѣрнаго представленія *способа образованія произвольныхъ движеній*, прежде всего, имѣетъ значеніе тотъ основной фактъ, что душа принимаетъ косвенное участіе въ движеніяхъ организма, отъ нея независящихъ,—сознаетъ, или можетъ сознавать, ихъ на всемъ пути ихъ совершенія, въ разныхъ видоизмѣненіяхъ, которымъ они подвергаются: можетъ ощущать ихъ, испытывать волненія удовольствія и неудовольствія, ими вызываемыя, образовать о нихъ идеи или представленія. Здѣсь, очевидно, долженъ быть исходный пунктъ и основа подчиненія тѣла. Къ этому основному факту нужно прибавить другой,—фактъ существованія, рядомъ съ организованными, однообразно повторяющимися рефлексами, самостоятельныхъ движеній, имѣющихъ начало въ накопленіи нервной силы и, вообще, во внутреннихъ возбужденіяхъ нервныхъ центровъ. Движенія эти, по самому существу своему, не организованы и безпорядочны, но они тоже сознаются или могутъ быть сознаваемы душею во всѣхъ своихъ частяхъ.—Требуется, теперь, опредѣлить и выяснить средство, приспособленіе, при помощи котораго сознаваемыя и представляемыя организованныя и неорганизованныя движенія мышленія останавливаются, задерживаются или продолжаются и усиливаются душею, затѣмъ становятся способными являться даже безъ внѣшнихъ возбужденій.

Многочисленныя наблюденія надъ ходомъ дѣятельности человѣческой, въ простѣйшихъ и сложныхъ ея формахъ, приводятъ къ убѣжденію, что предполагаемое средство дается духу волненіемъ или чувствованіемъ удовольствія или неудовольствія, тѣмъ болѣе, что чувствованіе само по себѣ тѣсно связано съ движеніями рефлективными и вызываетъ ряды ихъ—въ формѣ такъ называемыхъ выразительныхъ движеній. Такимъ образомъ, *воля, какъ явленіе, зарождается, повидимому, при посредствѣ чувствованія*, какъ умъ—при посредствѣ ощущеній. Предположеніе это подтверждается огромнымъ вліяніемъ чувствованій, какое имѣютъ они несомнѣнно въ высшихъ и сложныхъ формахъ человѣческой дѣятельности. Наблюденіе надъ первыми произвольными движеніями не даетъ ни-

чего противорѣчащаго этому предположенію и, напротивъ, подтверждаетъ его.

Удовольствіе несомнѣнно имѣетъ тенденцію,—явившись въ связи съ движеніемъ,—поддерживать его и продолжать; неудовольствіе, напротивъ, старается остановить вызывающее его движеніе, иногда при помощи цѣлаго ряда другихъ движеній. Фактъ этотъ есть законъ, который подтверждается не только путемъ наблюденія индуктивнаго, но и дедуктивнаго. Именно: удовольствіе, вообще говоря, какъ субъективный знакъ нормальности, правильности, полезности для организма того или другого процесса, въ немъ совершающагося, также того или другого движенія мускульнаго, возбуждаетъ жизненную энергію; оно необходимо поддерживаетъ данный процессъ или движеніе, съ которымъ связано какъ съ своею причиною. Наоборотъ, неудовольствіе, страданіе -есть субъективное выраженіе ненормальности, неправильности, вредности для организма какого-либо процесса или движенія, съ нимъ связаннаго: живое, ощущающее существо стремится остановить или ослабить движеніе, причиняющее страданіе, или инстинктивно ищетъ другихъ движеній, за которыми страданіе прекращается и—возникаетъ удовольствіе. Существо, у котораго движенія, связанныя съ удовольствіемъ, прекращались бы и останавливались, а вызывающія страданіе усиливались бы и поддерживались, очевидно, не могло-бы долго существовать: оно постоянно работало бы надъ своимъ разрушеніемъ и уничтоженіемъ. Такимъ образомъ, описанное отношеніе между удовольствіями и неудовольствіями и движеніями есть необходимое условіе существованія животнаго и человѣка, и есть, дѣйствительно, законъ природы, названный у Бэна, Спенсера—„закономъ самосохраненія“.

Имѣя передъ собою три несомнѣнные простые факта: сознаніе удовольствія или неудовольствія, сознаніе самой формы движеній рефлективныхъ, сознаніе того-же самаго въ связи съ движеніемъ центральнаго происхожденія — неорганизованнаго—и законъ связи движеній съ чувствомъ, или законъ самосохраненія,—можно представить *начало произвольныхъ движеній* въ такомъ

видѣ. Вызвавъ удовольствіе, движеніе рефлективное продолжается или повторяется подъ его вліяніемъ уже, а не подъ непосредственнымъ вліяніемъ раздраженія и чисто физическаго процесса въ первныхъ центрахъ: причина его существованія, при этомъ, есть на-половину психическая—чувство. Послѣ нѣсколькихъ повтореній такой встрѣчи удовольствія и невольнаго движенія, между нимъ и удовольствіемъ, какъ состояніемъ сознанія, устанавливается прочная связь—по законамъ ассоціаціи. При помощи мускульнаго чувства, а потомъ при помощи зрѣнія, образуется, далѣе, сознаніе формы движенія, и эта идея связывается также точно съ чувствомъ, возникшимъ въ связи съ даннымъ движеніемъ. Послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ и частыхъ повтореній этого сложнаго сочетанія, наступаетъ моментъ, когда, въ отсутствіе внѣшняго раздраженія и движенія даннаго, возникаетъ только его идея, идея формы его. По законамъ ассоціаціи, эта идея вызоветъ чувство удовольствія, возникавшее въ связи съ представленнымъ движеніемъ, конечно, въ слабой степени, а затѣмъ послѣдуетъ и самое движеніе. Чѣмъ чаще будетъ повторяться такой обратный процессъ, тѣмъ онъ будетъ совершаться легче и быстрѣе, пока, наконецъ, получится прямая связь между идеею движенія и его возникновеніемъ: за представленіемъ, по какому-либо поводу, движенія, будетъ легко являться оно въ дѣйствительности, даже безъ посредства волненія. Какъ зависящее въ этомъ случаѣ отъ душевной дѣятельности представленія, оно будетъ заключать въ себѣ существенную сторону произвольности—принадлежность начала движенія душѣ. Такимъ же путемъ изъ движеній невольныхъ центральнаго происхожденія формируются и организуются не только произвольныя, но и совершенно новыя движенія. Явившись, напр., подъ вліяніемъ острой боли, движенія этого рода встрѣчаются съ удовольствіемъ или прекращеніемъ страданія; они при этомъ поддерживаются удовольствіемъ — сочетаются съ нимъ, запоминаются или заучиваются и, наконецъ, становятся способными возникать за простымъ представленіемъ своей формы. Съ тѣмъ вмѣстѣ, движеніе становится

произвольнымъ, какъ имѣющее свое начало и причину въ душѣ.—Одновременно со способностью начинать и продолжать движеніе подъ вліяніемъ представленія и чувства развивается и способность задерживать или прекращать его, и получается полная надъ нимъ власть души. Выраженіемъ этой способности служитъ возможность прекращать движеніе при помощи представленія его отсутствія. Понятное дѣло, что эта возможность получается только постепенно, болѣе или менѣе продолжительнымъ опытомъ и упражненіемъ.

Съ образованіемъ первыхъ, простѣйшихъ движеній произвольныхъ, дается начало и силѣ—способности для сформированія, развитія, осложненія ихъ во всѣхъ направленіяхъ, и постепенно организуется та сложная система движеній, которая составляетъ необходимое условіе дѣятельности человѣка. Основной принципъ и сила организующая здѣсь всюду одни и тѣ же, что и при образованіи первыхъ, простыхъ движеній. Большая часть ихъ, затѣмъ, отъ частаго повторенія, становятся до той степени удобными, что, начавшись, совершаются уже безъ всякаго участія души, даже возникать могутъ безъ этого участія, становятся механическими, автоматическими и называются „вторично-автоматичными".

Рядомъ съ постепеннымъ образованіемъ сложныхъ группъ внѣшняго движенія произвольнаго, совершается подобный же *процессъ организаціи движеній внутреннихъ*, идеальныхъ, напр. движеніе идей, понятій и т. п. въ процессѣ мышленія. Движенія эти, очевидно, не тождественны по своему составу съ движеніями внѣшними, но аналогичны съ ними, имѣютъ какъ-бы одинаковую форму въ представленіи, идеѣ, волненіи и т. п., слѣдуютъ другъ за другомъ въ извѣстномъ порядкѣ, направляясь къ нѣкоторой цѣли внутренней, точно также какъ сокращенія и раздраженія мускуловъ въ движеніи внѣшнемъ. Внутреннія движенія тоже, какъ и движенія внѣшнія, сначала совершаются безъ всякаго вліянія на нихъ воли, или видоизмѣняющей и направляющей силы души. Они совершаются по типу непроизвольныхъ органическихъ движеній, преимущественно въ формѣ вызова однихъ состояній дру-

гими, подъ вліяніемъ внѣшнихъ возбужденій, въ извѣстномъ, опредѣляемомъ ими порядкѣ, и въ этомъ случаѣ напоминаютъ полные рефлексы и полурефлексы. Совершаются также подъ вліяніемъ возбужденій, идущихъ какъ бы изнутри ихъ самихъ или ихъ матеріальныхъ центральныхъ органовъ, и напоминаютъ собою движенія инстинктивныя. Наконецъ, чрезъ посредство мимическихъ движеній и особенно членораздѣльныхъ звуковъ названій, они могутъ быть подражательными, возникая въ томъ, именно, порядкѣ, въ какомъ возникаютъ въ душѣ другого человѣка, отражаясь въ мимическихъ его движеніяхъ или же въ рядѣ словъ. Какъ физическіе рефлексы и пр., эти движенія цѣлесообразны и т. д. Также какъ и въ области внѣшнихъ движеній, эти непроизвольныя, внутреннія-идеальныя движенія служатъ основою и матеріаломъ, изъ котораго возникаютъ цѣлые ряды и группы новыхъ, создаваемыхъ и управляемыхъ душею,—словомъ, произвольныхъ; также— возникаетъ способность останавливать, начинать всякаго рода внутреннія движенія, направлять къ достиженію опредѣленной, заранѣе установленной цѣли. Отсюда постепенно *возникаетъ власть души надъ своими состояніями внутренними,* надъ собою самою. Эта власть, впрочемъ, имѣя различныя степени у различныхъ людей и у одного и того же человѣка, при разныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ жизни, всегда менѣе обширна, чѣмъ власть надъ организмомъ, и стоитъ въ зависимости отъ этой послѣдней, осуществляясь весьма часто при помощи и только при посредствѣ движеній произвольныхъ внѣшнихъ. Образовавшись у отдѣльныхъ личностей постепенно, эти произвольныя, созданныя и заученныя движенія передаются изъ одного поколѣнія въ другое путемъ ученія и подражанія такъ же точно, какъ движенія физическія,— усложняются и развиваются на этомъ пути коллективною дѣятельностію всѣхъ людей и, затѣмъ, въ большемъ или меньшемъ объемѣ, усвояются каждою отдѣльною личностію. Средство задерживать движеніе первоначальное и основное есть тоже удовольствіе и стремленіе.

б) Моменты волевого процесса.

а) Потребность-стремленіе.

Потребность-стремленіе, какъ исходный пунктъ развитія болѣе сложныхъ формъ волевого процесса. Характеръ и общія условія возникновенія этой простѣйшей формы его. Многочисленность и разнообразіе формъ потребностей-стремленій. Группы потребностей-стремленій, соотвѣтствующія видамъ дѣйствій.

Первымъ и простѣйшимъ состояніемъ внутреннимъ, съ котораго начинается развитіе болѣе сложныхъ формъ волевого процесса, есть особое измѣненіе сознанія—подъ вліяніемъ недостатка для организма и души чего либо внѣшняго, необходимаго такъ или иначе для нормальнаго хода жизни органической и душевной, также подъ вліяніемъ избытка, вторженія чего-либо чуждаго, препятствующаго, враждебнаго. Это состояніе—особаго рода чувство, или ощущеніе, тѣсно связанное, съ одной стороны, съ удовольствіемъ и неудовольствіемъ, съ другой—съ неопредѣленными общими двигательными импульсами и мускульнымъ ощущеніемъ, которымъ сопутствуются эти двигательные импульсы. Разсматриваемое само въ себѣ и въ соединеніи съ чувствованіями, оно называется *потребностію;* разсматриваемое въ связи съ двигательными возбужденіями и ощущеніями—называется *стремленіемъ*. Относительно содержанія и характера потребности или стремленія, т. е. того, чѣмъ это состояніе отличается отъ другихъ состояній по существу, также нельзя ничего сказать, какъ относительно характера всѣхъ ощущеній: характеръ этотъ данъ въ сознаніи каждаго, и объективно, внѣшнимъ образомъ, опредѣляется условіями общими и спеціальными своего происхожденія (потребность, напр.,

пищи, знанія). Что касается постоянной связи этого состоянія съ волненіями и двигательными импульсами, то и здѣсь все исчерпывается весьма немногими общими наблюденіями и замѣчаніями. Какъ постоянный фактъ, здѣсь, прежде всего, нужно отмѣтить то, что, при первомъ, слабомъ возбужденіи, всякая потребность пріятна, т. е. вызываетъ волненіе пріятности, вѣроятно, въ силу того, что повышаетъ жизненную энергію души, а главнымъ образомъ потому, что служитъ знакомъ возможности наступленія цѣлаго ряда дѣятельностей и удовольствій. Особенно для людей праздныхъ и пресыщенныхъ возникновеніе опредѣленной потребности, на нѣкоторой степени силы, служитъ всегда источникомъ часто очень сильнаго удовольствія. Прекращеніе или крайнее ослабленіе естественныхъ и даже искусственныхъ тѣлесныхъ и душевныхъ потребностей, особенно возникающихъ періодически и привычныхъ, обыкновенно, весьма не пріятно (напр., отсутствіе позыва на пищу, отсутствіе потребности умственной дѣятельности, потребности общества и т. п.). Долго неудовлетворяемая и достигающая значительной силы, потребность препятствуетъ нормальному теченію душевной жизни, подавляетъ мысль и чувство, и потому всегда вызываетъ неудовольствіе, а на высшихъ степеняхъ силы положительное страданіе. Связанные съ потребностью органически или путемъ навыка, двигательные импульсы легко переходятъ въ дѣйствительныя движенія, но иногда не прямо направленныя къ удовлетворенію потребности, а неопредѣленныя и связанныя съ волненіемъ и обусловливаемыя его силою. При этомъ, какъ общій законъ отношенія между потребностію и движеніемъ, можно принять прямую зависимость ихъ силы: чѣмъ сильнѣе потребность, тѣмъ сильнѣе и движеніе, и наоборотъ.

Очень простое, по своему составу и общимъ условіямъ своего возникновенія и развитія, — *состояніе потребности-стремленія является во множествѣ различныхъ формъ*, опредѣляемыхъ частными, спеціальными условіями своего возникновенія въ каждомъ данномъ случаѣ какого-либо недостатка или нужды въ организмѣ и душѣ. Дѣйствительно, потребностей такъ же много, и онѣ такъ же разнообразны, какъ многочисленны и разнообразны отношенія

человѣка, изъ которыхъ слагается его физическая и духовная жизнь вообще. Кромѣ того, у каждаго человѣка есть много своихъ потребностей, опредѣляемыхъ случайными отношеніями, въ какія онъ поставленъ общественнымъ положеніемъ, индивидуальными свойствами организма и души, возрастомъ, поломъ, также степенью развитія и образованія и т. п. Съ этой точки зрѣнія, можно сказать безъ преувеличенія, что потребностей безчисленное множество. Но онѣ могутъ быть сведены къ нѣсколькимъ группамъ, или классамъ, въ связи съ различными группами, видами и классами дѣйствій.

Такъ какъ организмъ и душа, въ ихъ жизнедѣятельности, суть совокупности процессовъ, т. е. движеній и дѣятельностей, то основная и самая общая необходимость для нихъ есть необходимость поддержанія вообще дѣятельности на извѣстной степени силы и напряженія. Отсюда самая общая и первая потребность или стремленіе—къ дѣятельности ради самой дѣятельности, независимо отъ ея содержанія и результатовъ, ею достигаемыхъ. Въ сферѣ чисто органической жизни потребность эта удовлетворяется постоянно и сама собою, потому что полное прекращеніе такихъ процессовъ, какъ кровообращеніе, дыханіе и т. п., равняется остановкѣ всей жизни и влечетъ смерть организма, а ослабленіе сопровождается разстройствомъ, ослабленіемъ всего организма. Но въ сферѣ психической прекращеніе какой либо дѣятельности частной, прекращеніе даже всякой опредѣленной и сознаваемой дѣятельности, ослабленіе до самой крайней степени не сопровождается ни смертію, ни простымъ разстройствомъ физической жизни. Вслѣдствіе этого, потребность дѣятельности здѣсь весьма часто остается неудовлетворенною и выступаетъ въ сознаніи съ большою силою и опредѣленностію. Упадокъ душевной дѣятельности, не сопровождаясь прямымъ физическимъ вредомъ, производитъ разстройство душевной жизни, которое сознается въ особенномъ мучительномъ состояніи сознанія, называемомъ скукою, апатіей и т. п. Это состояніе есть, между прочимъ, и знакъ неудовлетворенной потребности душевной или сознательной дѣятельности. Потребность эта обнаруживается

въ двухъ главныхъ формахъ, которыми вызывается и создается множество дѣйствій человѣка, причемъ въ этихъ дѣйствіяхъ объекты дѣйствія и цѣль его имѣютъ второстепенное значеніе, и на первомъ планѣ стоитъ самый процессъ. Формы эти суть: потребность дѣятельности напряженной, соединенной съ побѣжденіемъ препятствій, или потребность труда, и потребность дѣятельности, наполняющей периоды отдыха отъ напряженія, легкой и неутомляющей, или потребность развлеченія, игры и т. п. Такимъ образомъ, первая, обнимающая такъ или иначе всю сферу человѣческой дѣятельности группа потребностей— есть потребность дѣятельности, или, точнѣе, душевной дѣятельности, т. е. потребность труда и развлеченія. — Вторая группа потребностей - стремленій вытекаетъ изъ необходимости поддерживать свое существованіе, какъ особи, индивидуума, и обнимаетъ собою рядъ явленій, которыя Спенсеръ называетъ весьма точно и мѣтко—„потребностію полноты индивидуальнаго бытія“. Потребность эта обнаруживается въ слѣдующихъ главныхъ формахъ: a) потребность добыванія и усвоенія необходимыхъ для организма веществъ твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ, какъ—потребность пищи, питья, воздуха; b) потребность защиты отъ враждебныхъ силъ — потребность одежды, жилища, орудій защиты и т. п., c) потребность знать окружающій міръ и себя, безъ чего не возможны правильное отношеніе къ окружающему міру и успѣхъ въ борьбѣ за свое существованіе; d) потребности удовольствій, особенно эстетическихъ. Потребности эти удовлетворяются въ неисчислимомъ множествѣ самыхъ разнообразныхъ дѣйствій — приготовленія и добыванія пищи и питья, построенія жилищъ, укрѣпленій, орудій добыванія пищи и орудій защиты и т. д.—Третья группа обнимаетъ собою совокупность потребностей - стремленій, связанныхъ съ воспроизведеніемъ, сохраненіемъ и усовершенствованіемъ рода. Главныя формы ихъ суть: a) органическая половая потребность, b) потребность собственности, c) потребность заботы, ухода за дѣтьми, воспитанія и обученія ихъ — Четвертая группа слагается изъ потребностей - стремленій, дающихъ начало жизни общественной и

кооперации всѣхъ видовъ; таковы: a) потребность сношеній съ другими людьми, b) потребность симпатическихъ дѣйствій, c) потребность взаимной помощи, d) потребность одобренія, e)—участія въ общественныхъ дѣлахъ, или общественной дѣятельности и т. п.—Пятая и послѣдняя группа формируется около потребности безконечнаго усовершенствованія и счастія; формы ея суть: a) потребность (стремленіе) вѣчнаго продолженія личности, b) потребность добра — нравственная, c) потребность общенія съ безконечнымъ и, вообще, высшимъ міромъ—религіозная.

Такимъ образомъ, группы различныхъ потребностей естественно и необходимо опредѣляются самымъ строемъ человѣческой жизни, различными ея сторонами и моментами, тѣсно связанными между собою. Это: a) потребности человѣка, какъ живого механизма, нуждающагося въ безостановочной дѣятельности и движеніи всѣхъ своихъ частей въ физической и духовной сферѣ; b) потребности человѣка, какъ физической и духовной особи, нуждающейся для развитія полноты своего индивидуальнаго бытія въ усвоеніи внѣшняго реально—въ формѣ различнаго строенія вещества и идеально—въ формѣ ощущеній, идей, знанія и опыта вообще, также въ устраненіи всего противодѣйствующаго, враждебнаго въ той и другой сферѣ; c) потребности человѣка, какъ части физическаго цѣлаго—рода, предназначенной къ его продолженію и усовершенствованію; d) потребности человѣка, какъ члена организованнаго общества, націи, государства, ассоціаціи и т. п., т. е. какъ личности, имѣющей извѣстныя права и обязанности, отправляющей тѣ или другія соціальныя функціи; наконецъ, e) потребности человѣка, какъ члена вселенскаго общества—человѣчества, какъ гражданина вселенной, предназначеннаго къ безконечному совершенствованію. Всѣ эти потребности основныя, прирожденныя, или, въ строгомъ смыслѣ,—естественныя, потому что выражаютъ собою основныя стороны, ступени и моменты самаго бытія человѣка: неудовлетвореніе однихъ изъ этихъ потребностей сопровождается или прямо уничтоженіемъ, прекращеніемъ бытія, или глубокими поврежденіями и искаженіями фи-

зической и духовной жизни; неудовлетвореніе другихъ сопровождается—или уничтоженіемъ и низведеніемъ до степени животности человѣческой личности, или тоже поврежденіемъ, разстройствомъ и искаженіемъ ея. Но рядомъ съ этими основными, первичными и естественными потребностями въ связи съ ними и на ихъ основаніи, у человѣка всегда развивается множество новыхъ, которыя можно назвать вторичными и которыя, какъ создаваемыя самимъ человѣкомъ, въ томъ или другомъ смыслѣ, должны быть признаны существенно-искусственными, хотя часто не различаются отъ естественныхъ.

b) Желаніе.

Различіе между потребностью и желаніемъ; опредѣленіе желанія. Двѣ главныя формы желанія: желаніе и нежеланіе; взаимоотношеніе между ними. Объекты желанія въ формѣ идей: предметовъ, состояній и дѣйствій. Преобладаніе въ составѣ желанія - нежеланія интеллектуальнаго элемента надъ эмоціональнымъ; значеніе этого явленія. Неограниченность желаній; фактъ существованія желаній, не переходящихъ и не могущихъ перейти въ дѣйствіе. Дѣленіе желаній съ точки зрѣнія осуществимости ихъ: на реальныя, нереальныя и творческія; неодинаковость относительнаго количества этихъ желаній у различныхъ людей; градація развитія ихъ въ жизни отдѣльной личности; значеніе ихъ въ жизни людей. Заключеніе.

Образованіе, развитіе и преобразованіе какъ естественныхъ потребностей, такъ и искусственныхъ — совершается въ связи ихъ съ болѣе сложною формою, которая называется *желаніемъ* и состоитъ изъ сочетанія потребности съ представленіемъ объекта, ее удовлетворяющаго. Потребности, переходя въ желанія,— все же до извѣстной степени сохраняютъ свою самостоятельность и особность и даже въ обыденномъ словоупотребленіи различаются отъ желаній. Различіе это и особность проистекаютъ изъ различнаго отношенія нашего сознанія къ составнымъ частямъ всего процесса, входящаго въ составъ желанія и видоизмѣненной имъ потребности. Въ потребности сознаніе и вниманіе сосредоточиваются на чувствѣ недостатка—неполноты, а идея или идеи объекта удовлетворяющаго находятся, при этомъ, въ зачаточномъ состояніи, возникаютъ особо, смутно и въ неопредѣленной, зачаточной формѣ. Вотъ почему, въ тѣхъ случаяхъ, когда идея процесса или объекта, удовлетворяющаго потребности, не удобна для воспроизведенія,

возбуждаетъ непріятное какое-либо чувство, потому—подавляется въ сознаніи, мы всегда говоримъ только о потребности, о нуждѣ, и никогда о желаніи. По самому существу дѣла здѣсь и не бываетъ желанія. По тому же самому можетъ существовать потребность въ связи съ знаніемъ предмета, ее удовлетворяющаго, полученнымъ изъ предшествовавшаго опыта, при полномъ отсутствіи желанія Во всѣхъ этихъ случаяхъ объектъ потребности, по какой-либо причинѣ, не воспроизводится отчетливо, и на немъ не сосредоточивается вниманіе. Такимъ образомъ, желаніе, какъ особое состояніе сознанія, отличное отъ потребности, обусловливается не простымъ фактомъ сочетанія этой послѣдней съ идеею, но также фактомъ преобладанія идеи въ сознаніи, ясностію, живостію ея и усиленнымъ къ ней вниманіемъ. Поэтому, степень силы желанія измѣряется всегда и можетъ быть измѣряема не силою потребности, которая тоже необходимо входитъ въ составъ его, а силою представленія, его яркостью и напряженностью. При самомъ сильномъ желаніи, дѣйствительная потребность, естественная или искусственная, можетъ быть очень слаба, и, при самой сильной, настоятельной потребности, желаніе можетъ быть въ зародышевой формѣ и почти вовсе не являться. Мало того, потребность на крайней, даже, вообще, на очень сильной степени напряженія препятствуетъ возникновенію желанія: она подавляетъ всякіе внутренніе процессы и стремится слѣпо къ своему удовлетворенію. Потому-то всѣ обстоятельства, способствующія слишкомъ живому представленію объекта какой-нибудь потребности, частому и усиленному сосредоточенію вниманія на этомъ представленіи, различенію въ подробностяхъ и съ прикрасами, преувеличеніями его содержанія дѣятельностію фантазіи,—всѣ эти обстоятельства способствуютъ развитію желанія, его усиленію, доведенію его до крайняго напряженія. Но тѣмъ не менѣе безъ потребности—желанія, вообще, быть не можетъ, потому что въ такомъ случаѣ представленіе объекта желанія самое яркое и сильное останется просто интеллектуальнымъ актомъ, фактомъ умственной жизни. *Желаніе можетъ быть*, поэтому, *опредѣлено* не просто, какъ *соединеніе*

потребности съ идеею предмета etc., но *соединеніе* ея *съ ясною, усиленною сосредоточеннымъ вниманіемъ, идеею.*

Каждая изъ основныхъ естественныхъ потребностей, распредѣляющихся на пять описанныхъ группъ, существуя прежде опытовъ своего удовлетворенія въ формѣ неопредѣленнаго возбужденія, осложненнаго непріятностію, и вызывая эти опыты, въ силу прямой своей связи съ двигательными импульсами въ сферѣ органической и интеллектуальной, —послѣ различныхъ опытовъ удовлетворенія осложняется новыми, съ нею связанными и возникающими вмѣстѣ съ нею, измѣненіями сознанія—въ формѣ предвкушенія удовольствій, соединенныхъ неразрывно съ ея удовлетвореніемъ, хотя существуетъ и можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, возникать и безъ этихъ осложненій, въ чистомъ, первоначальномъ своемъ видѣ. Кромѣ того, каждая изъ нихъ, при посредствѣ, опять, опытовъ своего удовлетворенія, даетъ начало цѣлымъ рядамъ новыхъ потребностей, создающихся изъ предвкушенія разнаго рода побочныхъ и частію случайныхъ удовольствій. Потребности эти могутъ быть очень сильны, но неудовлетвореніе ихъ не сопровождается тѣми опасностями для жизни, правильнаго развитія и достоинства человѣка, какими сопровождается неудовлетвореніе потребностей естественныхъ. По крайней мѣрѣ, вредъ, всегда временный и иногда очень большой, причиняемый неудовлетвореніемъ этихъ потребностей, когда онѣ привычны и очень сильны, всегда можетъ быть устраненъ подавленіемъ самой потребности. Въ силу такого своего характера, а также и условій своего происхожденія, эти потребности носятъ характеръ искусственности,—вторичны и искусственны. Т. о., *каждая группа естественныхъ первичныхъ потребностей дополняется большимъ количествомъ вторичныхъ—искусственныхъ*, неодинаковымъ у различныхъ людей. Какъ общій законъ, здѣсь можно принять положеніе, что, чѣмъ шире жизненный опытъ человѣка, чѣмъ сложнѣе условія, въ которыхъ онъ живетъ и дѣйствуетъ, чѣмъ, однимъ словомъ, онъ развитѣе и культурнѣе, тѣмъ, вообще, у него болѣе потребностей вторичныхъ, искусственныхъ, и вся область потребностей—

во всѣхъ ихъ видахъ—у каждаго человѣка необходимо представляетъ три формы или формаціи: потребности первичныя простѣйшія по составу, потребности первичныя, осложненныя предвкушеніемъ удовольствій ихъ удовлетворенія, и потребности искусственныя—вторичныя, составленныя изъ антиципаціи удовольствій, независимо отъ настоящихъ основныхъ потребностей. Каждая изъ этихъ потребностей, явившись въ сознаніи при благопріятныхъ условіяхъ и вызвавши простой или сложный образъ или представленіе, идею объекта, ее удовлетворяющаго, превращается въ новое, болѣе сложное, болѣе опредѣленное состояніе—желанія, которое мы опредѣлили, какъ сочетаніе такой или другой потребности съ яснымъ представленіемъ объекта ея удовлетворенія.

Предметы, удовлетворяющіе такой или другой потребности, и, слѣдовательно, могущіе быть объектомъ желанія, въ томъ или другомъ смыслѣ, по самому существу дѣла, въ силу общихъ условій происхожденія самыхъ потребностей, могутъ быть двухъ родовъ: предметы и измѣненія, которые, такъ или иначе, необходимо ввести въ сферу органической или духовной жизни—усвоить, и предметы, которые необходимо удалить, отстранить. Въ силу того, что въ потребности, какъ состояніи сознанія, преобладающимъ элементомъ является ощущеніе нужды и чувство-волненіе, и притомъ одинаковаго характера, какъ въ случаѣ необходимости введенія чего-либо, недостатка, такъ и въ случаѣ необходимости устраненія чего-нибудь, избытка, именно, чувство непріятности,—въ силу этого характеръ объекта и способъ его отношенія въ удовлетвореніи потребности для ея содержанія и характера совершенно безразличенъ. Потому въ языкѣ нѣтъ и термина, обозначающаго—различныя до противоположности—эти условія происхожденія потребности, и языкъ противится даже искусственному образованію такого термина, напр. въ родѣ„ непотребности въ чемъ-нибудь“. Если этотъ терминъ и употребляется, то въ смыслѣ качества объекта, въ смыслѣ его негодности, а никакъ не въ смыслѣ качества самаго внутренняго состоянія потребности. Совсѣмъ другое наблюдается относительно желанія, хотя потребность необхо-

димо входитъ въ составъ его. Вслѣдствіе преобладанія въ немъ представленія самаго объекта потребности, преобладанія, дѣлающаго желаніе особымъ душевнымъ состояніемъ, отличнымъ отъ потребности, указанное различіе предметовъ является существеннымъ и даетъ начало двумъ главнымъ и всеобщимъ формамъ этого явленія—*желанію* и *нежеланію*. Состояніе нежеланія здѣсь, разумѣется, нужно отличать отъ полнаго отсутствія желанія, которое иногда означается тѣмъ же терминомъ. Какъ отсутствіе самаго желанія, нежеланіе въ этомъ смыслѣ не можетъ быть его формою, или видомъ. Желаніе есть опредѣленное состояніе, въ которомъ сознается потребность въ усвоеніи, введеніи чего-либо опредѣленнаго, также въ осуществленіи какого-либо опредѣленнаго состоянія въ организмѣ или душѣ или въ томъ и другомъ вмѣстѣ. Нежеланіе есть сознаніе потребности устранить что-нибудь, прекратить какое нибудь состояніе и т. п., иначе—желаніе избавиться отъ чего-нибудь. Составъ психическій тотъ и другой формы совершенно различный. Въ первомъ преобладающимъ является удовольствіе и пріятныя волненія вообще, въ послѣднемъ волненія непріятнаго характера - неудовольствіе, страхъ, гнѣвъ, отвращеніе и т. п.—Итакъ, на первомъ шагу изслѣдованія явленія желанія мы встрѣчаемъ двѣ его главныя формы—„желаніе“ и „нежеланіе“. *Отношеніе* между ними приблизительно такое же, какое между положительными и отрицательными понятіями. Каждое положительное понятіе связано органически съ отрицательнымъ, и наоборотъ,—вызываются или не вызываются они въ умѣ, и всегда—съ явленіемъ одного—можетъ быть вызвано въ сознаніи и другое. Также точно—всякое желаніе предполагаетъ нежеланіе противнаго, которое всегда можетъ быть вызвано въ сознаніи, и наоборотъ. Далѣе, объекты желанія, являющіеся въ формѣ идей или представленій, могутъ быть распредѣлены на три класса: предметы и явленія конкретные и ихъ отношенія; состоянія самаго человѣка духовныя и физическія, пассивныя состоянія и—активныя. Отсюда желаніе бываетъ или желаніемъ соотношенія съ какимъ-либо существующимъ или воображаемымъ внѣшнимъ предметомъ, явленіемъ или ихъ отноше-

ніемъ—вообще—желаніемъ предметовъ конкретныхъ; или оно можетъ быть желаніемъ какого-либо собственнаго измѣненія, перехода изъ одного пассивнаго состоянія въ другое (покой, сытость, здоровье, сила, ловкость и т. п.; знаніе, талантъ etc., удовольствіе, вообще—чувство; общественное положеніе, богатство, знатность, слава etc); или, наконецъ, желаніемъ дѣйствій, дѣятельныхъ состояній, самаго процесса соотношеній съ предметами, перехода изъ одного дѣятельнаго состоянія въ другое (такое или другое занятіе; процессъ ѣды, питья и проч ; ученіе, мышленіе, та или другая общественная дѣятельность).

Это различеніе и распредѣленіе желаній,—именно,—на желанія предметовъ, желанія состояній и дѣйствій важно, собственно, въ интересахъ научнаго изслѣдованія явленій воли. Дѣло въ томъ, что большинство психологовъ и многіе моралисты считаютъ прямымъ объектомъ желанія—состоянія субъекта желающаго, или, точнѣе говоря, —удовольствія. Выходитъ, будто мы всегда желаемъ не предметовъ, ихъ извѣстныхъ соотношеній между собою и отношеній къ намъ, даже не состояній извѣстнаго рода, отчасти безразличныхъ, или дѣйствій, а тѣхъ удовольствій, которыя связаны съ ними. Но простое наблюденіе надъ различными желаніями, надъ ихъ составными частями и развитіемъ ихъ въ душѣ показываетъ, что, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, сознаніе послѣдствій, т. е. разнаго рода пріятностей, отсутствуетъ вполнѣ, или существуетъ въ весьма слабой и неразвитой формѣ. На первомъ планѣ стоитъ содержаніе представленія о желаемомъ, какъ актъ чисто интеллектуальный. Кромѣ того, не подлежитъ никакому сомнѣнію тотъ фактъ, что чувствованіе, какъ пріятное, такъ и непріятное, воспроизводится въ идеѣ очень слабо въ своемъ содержаніи и, опредѣляясь, становясь отчетливымъ, превращается необходимо въ самый процессъ чувствованія-волненія, становится, т. о., реальнымъ. Потому, чувство въ идеѣ всегда связано собственно съ идеями предметовъ, явленій, состояній, простыхъ или сложныхъ, которыя его вызываютъ и, вообще, способны вызвать. Оно приближается, потому, въ этомъ своемъ положеніи,—по характеру—къ

процессу интеллектуальному. Ясно представить ожидающее удовольствіе—всегда почти значитъ, собственно, ясно представить разныя обстоятельства и условія, его могущія вызвать, или вызывавшія. Такимъ образомъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда желаніе направляется прямо къ волненіямъ, удовольствіямъ или неудовольствіямъ, въ сознаніи весьма видное, почти главное мѣсто занимаютъ идеи конкретныхъ предметовъ, дѣйствій, условій и т. п. Въ силу всего этого, *признаваніе чувства удовольствія прямымъ объектомъ и цѣлію желаній есть искаженіе дѣйствительнаго процесса желанія*. Оно является вслѣдствіе смѣшенія процесса образованія желанія изъ опытовъ удовлетворенія потребностей и желанія въ собственномъ смыслѣ, которое предполагаетъ больное количество этихъ опытовъ. Желаемымъ предметъ, дѣйствительно, становится для насъ потому, что даетъ извѣстную сумму удовольствій; но, разъ образовавшись, эта связь чувства съ предметомъ, преобладающимъ въ желаніи, является самый предметъ и его идея. Кромѣ того, есть желанія, и очень сильныя, безъ всякаго участія эмоціональнаго элемента, такъ называемыя холодныя, безстрастныя желанія, основанныя на однихъ представленіяхъ и разсчетахъ. Наконецъ, по самому существу дѣла, признавая основою всякаго желанія основную потребность, нужду, нужно признать чувство, волненіе, элементомъ побочнымъ, случайнымъ во всѣхъ желаніяхъ, вытекающихъ изъ этой потребности, не составляющимъ сущности желанія. Чувство является здѣсь только элементомъ, опредѣляющимъ потребность и усиливающимъ въ сознаніи. Главную роль оно играетъ только въ желаніяхъ, связанныхъ съ искусственными потребностями. Между тѣмъ признаніе чувствованій, состояній удовольствія—основнымъ элементомъ и конечною цѣлью, слѣд., сущностью желанія, порождаетъ фальшивый взглядъ на всю жизнь воли, какъ на борьбу, собственно, чувствованій и страстей. На самомъ дѣлѣ человѣческая воля, воля въ цѣльно-развившихся формахъ, составляющая отличительную принадлежность человѣка и ближайшій объектъ науки,—опредѣляется, главнымъ образомъ, интеллектомъ, не только представленіемъ, но отвлеченіемъ, знаніемъ,

разумомъ. Воля же съ преобладаніемъ чувства есть низшая форма, приближающаяся къ тому, что соотвѣтствуетъ этому явленію у животныхъ. (Мотивы и источники искаженія). Отодвигающіе на самый задній планъ элементъ интеллектуальный въ желаніи дѣлаютъ необходимо то же самое съ нимъ въ явленіяхъ борьбы, рѣшенія и дѣйствія: превращаютъ весь процессъ волевой въ механическій, и затѣмъ встрѣчаютъ непобѣдимыя трудности при встрѣчѣ съ чувствами свободы и съ самымъ фактомъ. Разъясненіе его у нихъ необходимо превращается въ метафизическое разсужденіе, ничего необъясняющее, или отрицаніе.

Итакъ, по характеру и содержанію объектовъ желаемыхъ, мы распредѣлили всѣ желанія на три класса: a) желанія и нежеланія внѣшнихъ предметовъ, явленій и ихъ соотношеній; b) желанія и нежеланія состояній и измѣненій внутреннихъ и внѣшнихъ; c) желанія и нежеланія дѣйствій. Помимо дѣйствительнаго различія содержанія представленій въ каждомъ изъ этихъ классовъ, такое раздѣленіе имѣетъ основаніе въ цѣломъ строѣ жизни человѣка. Эта жизнь слагается всегда изъ трехъ главныхъ моментовъ: разнообразнѣйшихъ соотношеній съ внѣшнимъ міромъ и впечатлѣній, вліяній, отсюда проистекающихъ; изъ внутренней переработки, усвоенія, превращенія этихъ впечатлѣній въ собственность души, въ часть ея содержанія; изъ переноса ихъ снова во внѣшній міръ и произведенія этимъ путемъ въ немъ измѣненія,—дѣйствій въ собственномъ смыслѣ. Какъ нельзя провести рѣзкой границы между тремя этими областями, хотя особенный характеръ каждой изъ нихъ очевиденъ, *такъ же точно нельзя рѣзко разграничить* и *желанія, сосредоточивающіяся въ той или другой области;* но въ общемъ различіе и здѣсь очевидно. При этомъ, во всякомъ случаѣ, состояніе чувства, или волненія, составляетъ только часть желаемаго и не можетъ быть представляемо какъ спеціальный и исключительный объектъ желанія (тѣмъ болѣе, что само желаніе есть всегда, одною своею стороною, чувство, потребность въ чемъ-нибудь).

Преобладаніе въ желаніи представленія, интеллектуальнаго элемента, въ трехъ указанныхъ направленіяхъ, дѣлаетъ понятною

и необходимою въ немъ новую, весьма характерную и важную черту,—именно, *неограниченность*, точнѣе, безграничность и безпредѣльность *человѣческихъ желаній*. Человѣкъ можетъ представлять все, для чего существуетъ хотя самый незначительный матеріалъ опытный, изъ котораго можно построить умственный образъ. Онъ съ одинаковою ясностію можетъ представлять существующее и несуществующее, возможное и невозможное. Въ области мысли и представленія онъ свободно можетъ перестраивать міръ по своему вкусу и усмотрѣнію и нарушать всѣ его законы. И человѣкъ пользуется этою своей способностію въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и въ широкихъ размѣрахъ, тѣмъ болѣе, что такого рода дѣятельность стоитъ въ гармоніи съ основною и самою высшею потребностію его природы—стремленіемъ къ безконечному развитію и совершенству. Имѣя возможность все представлять, человѣкъ можетъ и желать всего существующаго и несуществующаго, возможнаго и невозможнаго. При этомъ весьма часто сознаніе небытія желаемаго предмета, его невозможности, также невозможности какого нибудь состоянія и дѣйствія, нисколько не ослабляетъ и, во всякомъ случаѣ, не разрушаетъ желанія, коль скоро въ какомъ-нибудь смыслѣ существуетъ потребность въ представляемомъ невозможномъ или несуществующемъ. Понятное дѣло, такого рода желаніе не заключаетъ въ себѣ никакихъ возбужденій къ дѣйствію, къ осуществленію, и долго, въ теченіе цѣлой даже жизни, можетъ оставаться и возникать въ формѣ чистаго желанія. Но не только желанія невозможнаго, сопровождаемыя сознаніемъ невозможности ихъ осуществленія, но и *всякое желаніе* само по себѣ, по своей природѣ, *чрезвычайно мало заключаетъ въ себѣ двигательной, импульсивной къ дѣйствію силы*. Сформировавшись, перешедши даже въ такъ называемыя намѣренія, т. е. соединившись съ представленіемъ средствъ къ своему осуществленію, при полной возможности, даже легкости осуществленія, оно можетъ не перейти въ дѣйствіе, жить и очень даже часто возникать въ душѣ въ идеальной формѣ. Причина, опять, та, что въ желаніи, какъ особой формѣ душевной дѣятельности, преобладаетъ представленіе, элементъ созерца-

тельный, т. е. та сторона представленія и умственной дѣятельности, которая называется воображеніемъ. Здѣсь обыкновенно самая дѣятельность отвлеченія и выводъ, т. е. мышленіе, присутствуетъ въ весьма незначительной степени и въ самыхъ несовершенныхъ формахъ, потому что мышленіе въ строгомъ смыслѣ, направленное на изслѣдованіе и оцѣнку желаемаго, такъ называемое практическое мышленіе, или разрушаетъ желаніе, если его осуществленіе не возможно, или устремляетъ его къ осуществленію и—съ тѣмъ вмѣстѣ—къ прекращенію самаго существованія въ душѣ. Дѣло въ томъ, что практическое мышленіе имѣетъ принудительную двигательную силу: имъ вынуждается дѣйствіе почти съ такою же необходимостію, съ какою въ теоретическомъ чисто мышленіи слѣдствіе вынуждается изъ данныхъ и ясно понятныхъ посылокъ. Оно и не входитъ въ составъ желанія въ собственномъ смыслѣ, и потому-то это послѣднее заключаетъ въ себѣ такъ мало двигательной энергіи, возбудительной къ дѣйствію силы.

Какъ бы то ни было несомнѣненъ и понятенъ фактъ существованія въ душѣ желаній, не переходящихъ и не могущихъ перейти въ дѣйствіе, и, разсматриваемыя съ этой точки зрѣнія, всѣ человѣческія желанія могутъ быть раздѣлены также на три класса: a) желанія вообще возможнаго и—въ частности—возможнаго для извѣстной личности и въ данныхъ условіяхъ; b) желанія невозможнаго, но реальнаго, дѣйствительно существующаго или существовавшаго въ прошедшемъ; c) желанія, какъ возможнаго такъ и невозможнаго, несуществующаго въ дѣйствительности и воображаемаго, построеннаго творческою дѣятельностію ума. Первыя можно назвать реальными желаніями; вторыя носятъ названіе безплодныхъ,—желанія не-реальныя; третьи всего лучше назвать творческими, въ которыхъ, какъ особые виды, можно различать—творческія и фантастическія желанія, причемъ творческія иногда кажутся фантастическими. *Всѣ эти виды желаній въ той или другой степени свойственны каждому человѣку и развиваются въ безчисленномъ разнообразіи формъ.* При этомъ, естественно, относительное количество ихъ у различныхъ людей не

одинаково: у одного преобладаютъ,—въ силу особыхъ свойствъ ума и характера, условій жизни и развитія,—желанія реальныя, а другіе виды встрѣчаются спорадически, какъ исключеніе, или, вообще, возникаютъ сравнительно рѣдко; у другого, если не преобладаютъ, то являются очень часто безплодные порывы къ невозможному и неосуществимому для него, или даже вообще невозможному; у третьяго являются въ большомъ количествѣ желанія фантастическія, переходящія нерѣдко въ idea fixa и въ болѣзненное разстройство, или желанія того, что не существуетъ, но можетъ осуществиться при извѣстныхъ болѣе или менѣе ясно представляемыхъ условіяхъ. *Преобладаніе* или явленіе въ большомъ количествѣ *той или другой формы желаній* имѣетъ большое вліяніе на характеръ и весь строй жизни данной личности. Кромѣ того, въ жизни каждаго человѣка съ большею или меньшею опредѣленностью существуютъ *періоды преобладанія* одного изъ этихъ видовъ. Такъ, у дѣтей, вслѣдствіе полнаго отсутствія идей о возможномъ и невозможномъ, о дѣйствительномъ и недѣйствительномъ, встрѣчаются очень часто желанія фантастическія; юность характеризуется господствомъ желаній безплодныхъ, неосуществимыхъ при данныхъ условіяхъ, и также чисто фантастическихъ; въ зрѣломъ возрастѣ часто являются желанія творческія, когда человѣкъ, какъ говорится, вообще созидаетъ свою жизнь; преобладаніемъ реальныхъ желаній, существующихъ всегда въ значительномъ количествѣ, характеризуется старость. Понятное дѣло, что всѣ эти замѣчанія могутъ имѣть только неопредѣленный, общій характеръ. Точныхъ указаній, тѣмъ болѣе приведенія къ опредѣленнымъ законамъ въ такой сложной и разнообразной сферѣ, по самому существу дѣла, быть не можетъ, тѣмъ болѣе, что и наблюденій систематическихъ надъ жизнію желаній въ этомъ направленіи и съ этой стороны не сдѣлано и не дѣлается. Причина представленной градаціи развитія желаній въ жизни отдѣльной личности понятна сама собою. Мы уже сказали, что въ дѣтствѣ особенное удобство возникновенія фантастическихъ желаній обусловливается отсутствіемъ самыхъ идей о возможномъ и

невозможномъ, недостаткомъ опыта и знанія, хотя желанія этого рода возможны и при существованіи этихъ идей и самаго широкаго опыта. Неясность различенія возможнаго и невозможнаго въ дѣйствительной жизни, недостатокъ опыта, наглядно установляющаго это различеніе, создаютъ благопріятныя условія для желаній неосуществимыхъ въ юности. Недовольство существующими формами жизни и дѣятельности, критическое отношеніе къ старому поколѣнію, привыкающему къ извѣстной обстановкѣ, условіямъ, формамъ и явленіямъ жизни, стремящемуся, естественно возвести ихъ въ идеалъ и навязать цѣликомъ новому поколѣнію, вступающему въ жизнь,—все это создаетъ благопріятныя условія для образованія творческихъ желаній въ зрѣломъ возрастѣ. Богатый опытъ, разочарованіе во многомъ, что казалось возможнымъ и желаемымъ, естественно, въ старости сосредоточиваетъ вниманіе на реальномъ, легко достижимомъ и привычномъ.

Значеніе разсматриваемыхъ *желаній въ жизни* и дѣятельности также не одинаково. Желанія реальныя составляютъ содержаніе обыденной жизни нормальнаго человѣка, и многія изъ нихъ, однообразно повторяясь изо-дня въ день, становятся едва замѣтными и формирующимися въ самыхъ неопредѣленныхъ и мимолетныхъ формахъ. Желанія, которыя мы назвали безплодными, обращенныя къ будущему, особенно въ связи съ вѣрою въ свои силы и надеждою, служатъ источникомъ, всегда иллюзорнымъ, но тѣмъ не менѣе обильнымъ, украшенія жизни и услажденія ея. Безплодныя желанія, направленныя къ прошлому невозможному, служатъ весьма часто, въ связи съ раскаяніемъ, поводомъ къ усовершенствованію, исправленію и т. п. Желанія творческія и отчасти даже фантастическія являются въ жизни источникомъ постепеннаго прогресса и усовершенствованій разнаго рода вообще всѣхъ видовъ практическаго творчества. Фантастическое желаніе служитъ источникомъ удовольствія, въ связи съ чувствомъ силы, особенно у людей малоразвитыхъ

Сводя къ одному все добытое нами наблюденіемъ надъ составомъ, различными формами и свойствами желаній, мы получаемъ слѣдующія положенія: a) желаніе, состоя изъ соединенія потребностей и идей предметовъ его удовлетворяющихъ, есть главнымъ образомъ представленіе, а не волненіе или чувство; b) его предметы или цѣли обнимаютъ собою всѣ три главныя области человѣческой жизни: внѣшній міръ, внутреннія состоянія и измѣненія и дѣйствія; c) само по себѣ оно, какъ дѣятельность по преимуществу созерцательная, не опредѣляется къ дѣйствію и можетъ вращаться въ области даже невозможнаго.

c) Мотивы дѣйствія.

Отсутствіе въ желаніи силы, опредѣляющей и производящей дѣйствіе. Потребности-стремленія, въ ихъ видоизмѣненіяхъ, какъ прямые двигатели, вызывающіе дѣйствіе; три формы потребностей-стремленій въ значеніи мотивовъ дѣйствія. Значеніе нравственнаго мотива въ жизни человѣка. Сущность нравственнаго мотива и его составныя части: идея добра и зла, совѣсть и чувство свободы. Взаимное отношеніе между элементами нравственнаго мотива.

Желаніе, вслѣдствіе большого участія въ немъ интеллектуально-созерцательнаго элемента, можетъ, какъ мы видѣли, не переходить въ дѣйствіе и даже навсегда остаться внутреннимъ процессомъ. Оно можетъ быть направлено на такіе предметы, которые вовсе не существуютъ и не могутъ даже существовать, и, слѣдовательно, по самому существу дѣла, не можетъ перейти въ дѣйствіе. Наконецъ, оно весьма часто направляется на такіе предметы, достиженіе которыхъ не зависитъ ни въ какомъ смыслѣ отъ воли человѣка и не требуетъ, потому, для своего осуществленія никакого дѣйствія со стороны желающаго. Изъ всего этого съ очевидностью слѣдуетъ, что *желаніе само по себѣ не есть моментъ, или сила, опредѣляющая и производящая дѣйствіе.* Въ его присутствіи можетъ осуществляться другое желаніе и даже,—что бываетъ весьма часто,—совершаться дѣйствіе, идущее въ разрѣзъ—нежелаемое. По своей природѣ, по своему психическому составу, желаніе не способно само собою производить и вызывать дѣйствіе, какъ форма внутренней дѣятельности, предшествующая дѣйствію — несущественная въ цѣломъ волевомъ процессѣ: она только сопутствуетъ ему въ огромномъ большинствѣ случаевъ, есть, именно, только форма его. Если желаніе, какъ желаніе, кажется

и признается часто причиною дѣйствія, то это одна изъ многихъ иллюзій и ошибочный выводъ—типа: post hoc, ergo—propter hoc [1]). Съ другой стороны, такъ какъ всякое дѣйствіе сложное, всякое дѣйствительное обнаруженіе воли есть такъ или иначе осуществленіе какого либо желанія,—желаніе всегда отражается въ дѣйствіи, входитъ въ составъ его. Является вопросъ: какъ происходитъ это? какая сила приближаетъ желаніе къ дѣйствію и осуществленію, двигаетъ его?

Сила, производящая дѣйствіе, есть нѣчто отличное отъ желанія и, во всякомъ случаѣ, отъ него независимое. Это „нѣчто" и есть дѣйствительный двигатель, или мотивъ всякаго дѣйствія. Самое желаніе, заключая въ себѣ идеальные элементы дѣйствія, и переходя, по временамъ, въ идеальныя или воображаемыя дѣйствія, желаніе, какъ сознанная готовность дѣйствія, опредѣляется въ своемъ бытіи и развитіи этими же двигателями, или мотивами, служитъ иногда показателемъ ихъ силы и даже замѣною, видоизмѣненіемъ. Отъ этого послѣдняго обстоятельства усиливается иллюзія прямого, непосредственнаго вызова дѣйствія желаніемъ.

Изъ характера общихъ условій, при которыхъ является всякая дѣятельность, которыми человѣкъ вынуждается, такъ сказать,

[1]) Вотъ почему многіе психологи въ настоящее время даже не подвергаютъ желаніе подробному изслѣдованію и упоминаютъ о немъ только вскользь. Но такое изслѣдованіе необходимо все таки—хотя бы для того, чтобы сдѣлать очевиднымъ этотъ результатъ относительно желанія и выяснить, до какой степени шатка и не научна та, доселѣ не потерявшая силы, теорія, которая отождествляетъ волю съ желаніемъ и, потому, называетъ ее „желательною способностію". Важность изслѣдованія и цѣнность добываемаго имъ результата становится еще болѣе очевидною, когда мы, кстати, припомнимъ здѣсь, что на ложномъ взглядѣ на желаніе, какъ на причину дѣйствій, *на отождествленіи воли съ желаніемъ,* на неправильномъ толкованіи фактовъ и случаевъ, въ которыхъ дѣйствіе слѣдуетъ непосредственно за желаніемъ и кажется, что производится имъ,—что на всемъ этомъ опирается схоластическое нелѣпое ученіе,—ученіе о свободѣ воли, какъ способности человѣка дѣйствовать безъ всякой причины, опредѣляющей дѣйствіе,—дѣйствовать „по желанію", какъ говорится. Разъ будетъ доказано, что *желаніе,* какъ состояніе души и, пожалуй,—ближе,—*какъ одна изъ формъ обнаруженія воли, не можетъ вызвать дѣйствія,* что это психически невозможно,—самая главная опора этого ученія исчезнетъ, а утвердится взглядъ на свободу болѣе разумный и сообразный съ законами душевной жизни.

дѣйствовать, очевидно, что основными движущими волю силами, дѣйствительными, всегда присущими, *мотивами служатъ потребности или стремленія*. Но онѣ опредѣляютъ только общій характеръ, различныя направленія и содержаніе дѣятельности человѣческой въ цѣломъ. Переходя въ сознаніе, подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ жизненнаго опыта, онѣ видоизмѣняются, *получаютъ новыя формы*, въ которыхъ и становятся постепенно дѣйствительными и прямыми двигателями, непосредственно вызывающими и направляющими всякое дѣйствіе. У человѣка въ области всякой изъ его потребностей образуется три такихъ формы.

Первая, самая общая и простѣйшая форма—есть неудовольствіе, какъ показатель субъективной силы потребности и знакъ ея присутствія, и удовольствіе, какъ показатель начала, продолженія и окончанія ея удовлетворенія. Мотивъ этотъ опредѣляетъ собою первыя дѣйствія человѣка и животныхъ, лежитъ въ основѣ первыхъ произвольныхъ дѣйствій, изъ которыхъ слагается власть души надъ тѣломъ и своими состояніями. У животныхъ, особенно низшихъ, мотивъ этотъ остается навсегда единственнымъ. У человѣка онъ остается также единственнымъ въ той низшей сферѣ низшей дѣятельности, которая слагается изъ простыхъ движеній, удовлетворяющихъ неотложныя и мелкія нужды, изъ которыхъ, въ значительной степени, состоитъ обыденная жизнь, причемъ всѣ они становятся, путемъ постояннаго повторенія,—„вторично-автоматичными“. Затѣмъ мотивъ этотъ является часто и въ самыхъ сложныхъ, высшихъ дѣйствіяхъ, но уже не единственнымъ, а параллельно и въ борьбѣ, болѣе или менѣе ясно выраженной, съ другими формами, другими мотивами.—Вторая форма, въ которую превращается всякая потребность, и второй мотивъ является,—какъ дальнѣйшая переработка сознанія потребности, подъ вліяніемъ умственныхъ операцій—сравненія, обобщенія, отвлеченія, предвѣдѣнія, вывода и оцѣнки послѣдствій всякаго дѣйствія, вызываемаго непосредственно неудовольствіемъ или удовольствіемъ. Опытъ научаетъ человѣка, что дѣйствія, совершенныя подъ вліяніемъ простого стремленія устранить неудольствіе или испытать

удовольствіе, нерѣдко влекутъ за собою болѣе сильныя и продолжительныя неудовольствія и страданія, производятъ разрушительное вліяніе и т. п. Наоборотъ, задержка неудовольствія, увеличеніе его, осложненіе его—ведутъ къ массѣ пріятныхъ послѣдствій. Эти наблюденія даютъ матеріалъ для образованія идей полезнаго и вреднаго въ дѣйствіяхъ. Идея полезности дѣйствія, возникающая передъ его совершеніемъ и служащая теперь мотивомъ задержки или совершенія его, есть ожиданіе, имѣющихъ наступить за дѣйствіемъ, иногда непріятнымъ, удовольствій; идея вредности есть ожиданіе—представленіе неудовольствій, наступающихъ за дѣйствіемъ пріятнымъ и желаемымъ. Такимъ образомъ, идея пользы и вреда составлена изъ основного мотива удовольствія и неудовольствія, и можетъ показаться, какъ и кажется многимъ, что дѣйствительнымъ мотивомъ служитъ и здѣсь удовольствіе и неудовольствіе, только осмысленное и переработанное умомъ. Но идея полезности или вредности, непосредственно останавливающая или вызывающая дѣйствіе, во всякомъ случаѣ, не тождественна съ чувствомъ и, въ большинствѣ случаевъ, не заключаетъ въ себѣ никакихъ слѣдовъ волненія. Она представляетъ собою другую и, въ сущности, новую силу, хотя и при участіи чувства.—У человѣка, рядомъ съ этими двумя мотивами—чувствомъ и идеею пользы и вреда—возникаетъ еще третій, господствующій въ его жизни, имѣющій своимъ основаніемъ высшую, отвлеченную и творческую дѣятельность ума, къ которой вовсе не способны животныя. Пріятное и непріятное, полезное и вредное—въ каждомъ данномъ случаѣ оцѣнивается съ точки зрѣнія вліянія значенія въ цѣлой жизни человѣка и даже цѣлаго человѣчества,—съ точки зрѣнія такъ называемаго „верховнаго блага“, конечной цѣли и смысла всей человѣческой жизни и дѣятельности. Всѣ дѣйствія, съ этой точки зрѣнія, оказываются,—или полезными или вредными въ цѣлой жизни личности и всего человѣчества, сообразными или несообразными съ идеаломъ, конечною цѣлію жизни, верховнымъ благомъ. Словомъ, они оказываются добромъ или зломъ, добродѣтелью или порокомъ. Эти идеи, при посредствѣ цѣлаго ряда

новыхъ отвлеченій и новыхъ чувствъ, являясь въ связи съ дѣйствіями, становятся силою, задерживающею одни дѣйствія, вызывающею, поддерживающею, видоизмѣняющею другія. Идеи эти и составляютъ третью форму, третій мотивъ. Вслѣдствіе необычайной сложности идей добра и зла, вліяніе ихъ на жизнь производится при участіи особаго чувства принужденія, обязанности совершить то, что признается добромъ, безъ всякаго анализа и сознанія того, почему и какъ доброе—добро и т. п. Чувство это называется „долгомъ", и самый мотивъ описываемый, потому, въ отличіе отъ двухъ первыхъ, называется „мотивомъ долга", или „нравственнымъ мотивомъ".

Сущность нравственнаго мотива, или *мотива долга*, состоитъ въ томъ, что человѣкъ, подъ его вліяніемъ, сознаетъ себя обязаннымъ,—иначе,—чувствуетъ внутреннее принужденіе совершать одни дѣйствія и воздерживаться отъ другихъ, потому что одни изъ нихъ онъ считаетъ добрыми—добромъ, другія—злыми, или зломъ. Понятіе о добромъ и зломъ въ дѣйствіяхъ, соединяясь съ сознаніемъ внутренняго принужденія—сообразовать съ ними дѣйствія, естественно и по самому существу дѣла, превращаются въ повелѣнія и запрещенія, сознаются какъ внутренніе императивы—дѣлать добро и не дѣлать зла. Распространяясь на всѣ сферы человѣческой дѣятельности, это общее сознаніе превращается въ частныя предписанія, обнимающія собою различныя группы дѣйствій, или въ частныя правила дѣятельности. Общее требованіе дѣлать добро и не дѣлать зла, вытекающее изъ идей добра и зла, въ ихъ связи съ чувствомъ обязательности, получаетъ, такимъ образомъ, форму, похожую на то, что называется закономъ, и, дѣйствительно, есть законъ, опредѣляющій дѣятельность человѣческую вообще, какъ законъ гражданскій опредѣляетъ дѣятельность и поведеніе человѣка, какъ члена даннаго общества, а законъ природы опредѣляетъ дѣятельность силы и способъ бытія и развитія физическихъ явленій. Въ отличіе отъ законовъ природы и законовъ гражданскихъ, изъ коихъ одни суть законы физическаго, внѣшняго бытія, другіе являются, какъ внѣшнее принужденіе,—

этотъ законъ, какъ имѣющій своею основою внутреннее принужденіе, называется внутреннимъ закономъ, также „*закономъ нравственнымъ*“, т. е. закономъ, опредѣляющимъ дѣйствія человѣка, насколько они зависятъ и могутъ зависѣть отъ него самого и выражаютъ его внутреннее расположеніе, навыки, вообще, характеръ, или нравъ.

Но этимъ еще не исчерпывается сфера нравственнаго мотива, его содержаніе. Процессъ сознанія добра и зла въ дѣйствіяхъ человѣческихъ, особенно своихъ собственныхъ, и предъ совершеніемъ дѣйствія и послѣ него, сопровождается особаго рода волненіями, чувствами, пріятными въ одномъ случаѣ и непріятными въ другомъ. Эти чувствованія, являясь всегда вмѣстѣ, въ связи съ сознаніемъ добра и зла, и всегда, въ сущности, въ одной и той же формѣ, въ одномъ и томъ же количествѣ, вслѣдствіе одинаковости и постоянства общихъ условій ихъ происхожденія, организуются въ два сложныя чувства: удовольствія, одобренія, спокойствія нравственнаго въ одномъ случаѣ и неудовольствія, порицанія, мученія — въ другомъ. Эти чувства, въ свою очередь, какъ возникающія изъ одного общаго начала, изъ отношенія дѣйствій къ идеямъ добра и зла и къ нравственному закону, естественно, сознаются какъ части или стороны одного и того же процесса, различные способы дѣйствія одной и той же внутренней силы, и въ этой своей совокупности называются *совѣстью*, или внутреннимъ голосомъ совѣсти. Роль этого процесса состоитъ, очевидно, въ усиленіи чувства долга и обязанности, въ увеличеніи его принудительности, т. е. та же самая, какую играютъ награды и наказанія за исполненіе и неисполненіе законовъ гражданскихъ. Вліяніе этого фактора въ нравственномъ мотивѣ до того сильно и наглядно, что не только простое сознаніе, но даже научныя изслѣдованія совѣсть отождествляютъ съ нравственнымъ закономъ и съ чувствомъ долга и, во всякомъ случаѣ, нерѣдко считаютъ ее источникомъ и носителемъ идей добра и зла, нравственнаго закона и долга, даже особою силою и способностью души.

Наблюденіе одобренія и—особенно—мученія совѣсти, вообще, весь процессъ совѣсти приводитъ насъ къ новому и послѣднему фактору нравственнаго мотива. Этотъ факторъ есть сознаніе, что самъ человѣкъ есть послѣдняя причина своего дѣйствія, что отъ него самого зависитъ послушаться требованій нравственнаго закона долга и совѣсти, или нѣтъ. Безъ этого сознанія, одобреніе и мученіе себя, продолжающіяся, притомъ, иногда цѣлую жизнь, очевидно, не имѣли бы никакого смысла и не могли бы даже явиться. Самое чувство обязательности нравственнаго закона, чувство долга безъ этого сознанія—было бы излишнимъ. Вмѣсто него могло бы только явиться чувство неотразимой необходимости, похожее на то, какое мы испытываемъ при видѣ явленія природы, напр., смерти. Идеи добра и зла, нравственныя правила получили бы характеръ простыхъ наблюденій и обобщеній, въ родѣ обобщеній относительно явленій природы, простой оцѣнки post factum, если бы вообще они явились. Сознаніе человѣкомъ себя причиною своихъ дѣйствій, виновникомъ ихъ, называется *чувствомъ свободы*. Служа однимъ изъ необходимыхъ условій нравственнаго мотива, это чувство, какъ и совѣсть, способствуетъ въ то же время его усиленію въ сознаніи и въ дѣйствіи, дѣлаетъ его энергичнѣе и напряженнѣе. Дѣйствительно, чѣмъ яснѣе и отчетливѣе сознаетъ человѣкъ себя господиномъ своихъ дѣйствій, тѣмъ сильнѣе онъ чувствуетъ, что долженъ совершать добро и воздерживаться отъ зла.

Это общее описаніе [1]) составныхъ психическихъ частей нравственнаго мотива показываетъ, что мы имѣемъ передъ собою въ немъ одно изъ сложнѣйшихъ, можно безъ преувеличенія сказать, самое сложное изъ всѣхъ душевныхъ явленій, хотя оно, сформировавшись, возникаетъ въ душѣ, какъ и всѣ сложныя душевныя явленія, моментально, какъ одно простое цѣлое. Мы видимъ здѣсь, прежде всего: а) процессъ оцѣнки и, именно, процессъ оцѣнки дѣйствій человѣческихъ съ какой то особой точки зрѣ-

[1]) Подробное изслѣдованіе и раскрытіе см. въ предыд. отдѣлѣ, гл., подъ заглавіемъ „Нравственное чувство".

нія, въ силу котораго, они являются съ аттрибутами добрыхъ или злыхъ, аттрибутами, кои прилагаются только къ нимъ и ни къ какимъ другимъ явленіямъ въ мірѣ; b) идеи добра и зла, служащія, при существующихъ условіяхъ, съ одной стороны, основою и средствомъ этой оцѣнки, съ другой—въ своемъ развитіи и содержаніи—неизбѣжно отъ нея зависящія; c) превращеніе этихъ идей въ совокупность частныхъ обобщеній и правилъ дѣятельности—нравственный законъ; d) идея и чувство обязательной силы, или долга, дающія совокупности правилъ дѣятельности характеръ закона и, въ свою очередь, получающія отъ него опредѣленность, ясность и раздѣльность; e) процессъ одобренія и порицанія внутренняго до и послѣ дѣйствія—совѣсть; f) наконецъ, сознаніе себя причиною своихъ дѣйствій, чувство свобоы и отвѣтственности. Въ силу такой сложности нравственнаго мотива, задача науки по отношенію къ нему, естественно, разлагается на нѣсколько частныхъ и сводится къ рѣшенію слѣдующихъ главныхъ вопросовъ: какимъ образомъ и при какихъ условіяхъ является потребность оцѣнки человѣкомъ своихъ собственныхъ дѣйствій и дѣйствій другихъ людей, въ какой формѣ первоначально является эта оцѣнка и какъ развивается? откуда и какъ возникаютъ идеи о добромъ и зломъ и отвлеченныя понятія добра и зла, какая ихъ первоначальная простѣйшая форма, и какъ развивается ихъ содержаніе въ связи съ развитіемъ нравственнаго закона? какъ возникаетъ и изъ чего слагается сознаніе обязательной силы, долга осуществленія добра и зла и нравственнаго закона въ жизни,—вообще,—откуда берется это чувство принужденія, называемое долгомъ? какимъ путемъ формируется явленіе совѣсти и получается ея ничѣмъ непобѣдимая сила? наконецъ, что такое чувство свободы, откуда она является и соотвѣтствуетъ ли какому-нибудь объективному факту, т. е. дѣйствительно ли свободенъ человѣкъ? Изъ описанія нравственнаго мотива и постановки вопросовъ очевидно, что средоточіемъ нравственнаго мотива, нравственнымъ мотивомъ въ строгомъ и прямомъ смыслѣ является чувство долга: оно собственно составляетъ внутреннюю силу, дви-

жущую человѣка къ осуществленію въ жизни идей добра и зла и нравственнаго закона. Самые эти идеи и законъ являются, именно, какъ основа этой силы, объясняющіе ея происхожденіе и вліяніе. Въ свою очередь, совѣсть и чувство свободы, какъ внутреннее, субъективное состояніе, являются въ извѣстномъ отношеніи результатами и дальнѣйшимъ развитіемъ того же чувства долга и служатъ его усиленію и повышенію. Въ виду такого взаимнаго отношенія элементовъ нравственнаго мотива — отвѣты на поставленные вопросы сводятся, съ одной стороны, къ изслѣдованію происхожденія идей добра и зла, нравственнаго закона и обязательности ихъ, съ другой—къ изслѣдованію явленій совѣсти и свободы, тѣсно связанныхъ между собою [1]).

[1]) См. „Нравств. чувство“, стр. 568—594.

d) Столкновеніе и борьба мотивовъ.

Фактъ изъ жизни воли, дающій начало столкновенію и борьбѣ мотивовъ; многочисленность и разнообразіе комбинацій элементовъ въ этомъ процессѣ. Законъ отношенія между наличнымъ (реальнымъ) удовольствіемъ и неудовольствіемъ въ выборѣ дѣйствія. Видоизмѣненіе его при участіи идеальнаго мотива—въ формѣ ожидаемаго удовольствія и неудовольствія. Столкновеніе и борьба спеціальныхъ волненій—аффектовъ. Борьба сердца съ разсудкомъ, какъ особый типъ борьбы мотивовъ; борьба чувства съ идеями—въ формѣ идей пользы и вреда; подкрѣпленіе идей полезныхъ предметовъ чувствами красоты и силы. Высшая форма столкновенія и борьбы мотивовъ—съ участіемъ мотива нравственнаго.

Возникшее изъ какой-либо потребности, естественной или искусственной, соединенное съ болѣе или менѣе яснымъ представленіемъ объекта удовлетворенія,—желаніе, до своего осуществленія и перехода въ дѣйствіе, встрѣчаетъ поддержку или противодѣйствіе со стороны описанныхъ нами внутреннихъ возбужденій, называемыхъ мотивами. Мотивы эти, которые наука объединяетъ въ три различныя группы, обозначаемыя терминами: удовольствіе, польза, долгъ,—являются или по одиночкѣ, или по нѣскольку относящихся къ одной и той же группѣ; являются, далѣе, въ формѣ комбинацій по одному изъ двухъ группъ, или по одному изъ всѣхъ трехъ;—по нѣскольку изъ двухъ или изъ всѣхъ трехъ и т. д. Кромѣ этого, само желаніе рѣдко является однимъ, а обыкновенно возникаетъ одновременно по нѣскольку желаній, изъ которыхъ въ данный моментъ можетъ осуществиться только одно. Фактъ возникновенія, въ связи съ каждымъ желаніемъ, нѣсколькихъ мотивовъ однородныхъ и разнородныхъ и явленія вмѣстѣ съ од-

нимъ желаніемъ нѣсколькихъ другихъ, каждаго съ своими мотивами,—даетъ начало особому волевому внутреннему процессу, который называется *столкновеніемъ* и *борьбою мотивовъ* и *желаній*. Изъ общаго указанія элементовъ, входящихъ въ составъ этого процесса, легко видѣть, что—въ цѣломъ—онъ представляетъ нѣчто въ высшей степени разнообразное, т. е. обнаруживается въ множествѣ комбинацій, сталкивающихся или вступающихъ въ борьбу, силъ,—комбинацій, которыя трудно даже перечислить и описать. При этомъ, извѣстны нѣкоторые—и весьма многіе—случаи, въ которыхъ участвуютъ мотивы всѣхъ трехъ группъ, въ большомъ количествѣ изъ каждой,—являющіеся въ связи съ нѣсколькими различными желаніями, существующими одновременно, изъ коихъ каждое стремится къ осуществленію Такого рода случаи сами по себѣ представляютъ явленія чрезвычайной сложности. Далѣе, въ теченіе борьбы мотивы и желанія подвергаются самымъ разнообразнымъ измѣненіямъ, какъ въ количествѣ, такъ и въ силѣ, степеняхъ ясности, опредѣленности и т. п. Самая продолжительность процесса борьбы, въ связи съ обдумываніемъ, оцѣнкою мотивовъ и желаній, представляетъ также безконечное разнообразіе—отъ нѣсколькихъ секундъ до періодовъ въ нѣсколько лѣтъ.

Самые простые и широко распространенные въ душевной жизни случаи столкновенія мотивовъ и борьбы—это тѣ, въ которыхъ въ качествѣ мотивовъ являются прямо и просто удовольствія и неудовольствія разнаго рода. При этомъ два или болѣе удовольствія, возникая одновременно, въ связи съ какимъ-либо желаніемъ, сталкиваясь между собою, суммируются и даютъ въ результатѣ большую степень удовольствія, превращаются въ одинъ сильнѣйшій мотивъ. Они могутъ быть, при этомъ, или *наличными*, дѣйствительно, существующими удовольствіями (ѣда, прогулка, чтеніе), или *идеальными*, ожидаемыми при осуществленіи желанія и послѣ него (представленіе удовольствія отдыха по окончаніи работы etc.), или тѣ и другія вмѣстѣ. Два или нѣсколько неудовольствій въ томъ же самомъ порядкѣ и при тѣхъ же условіяхъ суммируются въ большее неудовольствіе (голодъ, чувство ослаб-

ленія и т. п.). Удовольствія и неудовольствія, одиночныя и суммированныя, встрѣчаясь вмѣстѣ, въ связи съ желаніемъ, нейтрализируютъ другъ друга, когда они приблизительно одинаковой силы, и лишаются способности мотивировать желаніе, которое тогда лишается способности перейти въ дѣйствіе (удовольствіе прогулки и неудовольствіе движенія). При разности въ степеняхъ силы удовольствій и неудовольствій, меньшее нейтрализируется большимъ, и мотивомъ дѣлается остающійся излишекъ удовольствія или неудовольствія, и если онъ значителенъ, то способствуетъ переходу желанія въ дѣйствіе; въ противномъ случаѣ результатъ тотъ же, что и при полной нейтрализаціи. Этотъ *законъ отношенія между удовольствіемъ и неудовольствіемъ, при ихъ столкновеніи въ связи съ желаніемъ*, порождаетъ особый, весьма распространенный способъ осуществленія желанія прекратить какое-либо неудовольствіе, способъ, который состоитъ въ томъ, что вмѣсто дѣйствій, устраняющихъ самую причину неудовольствія, возбуждается какое-нибудь удовольствіе или прямо противоположное неудовольствію, или первое попавшееся и болѣе удобное (пѣть, пить—съ горя). Нѣкоторыми людьми, частію вслѣдствіе природнаго нерасположенія къ борьбѣ и энергическому дѣйствованію, частію вслѣдствіе дурной привычки, образующейся съ ранняго дѣтства, такой способъ устраненія страданія практикуется почти постоянно. Другіе, дѣятельные отъ природы или хорошо воспитанные, прибѣгаютъ къ этому способу въ рѣдкихъ случаяхъ, большею частію мелкихъ и безразличныхъ. Во всѣхъ многочисленныхъ случаяхъ описываемаго типа дѣйствительная борьба происходитъ, очевидно, между удовольствіями и неудовольствіями, встрѣчающимися вмѣстѣ въ связи съ какимъ-нибудь желаніемъ. Характеръ ея всегда одинъ и тотъ же. Здѣсь всегда происходитъ независимое или весьма мало зависимое отъ личности, *безсознательное взаимное измѣреніе чувствованій по своей силѣ*, и дѣйствіе направляется въ сторону сильнѣйшаго. *Колебаніе въ выборѣ дѣйствія* здѣсь всегда почти *зависитъ* и отъ затруднительности выбора, и просто *отъ того, что не получаетъ нѣкоторое время пе-*

ревъса одно изъ борющихся чувствованій,—напр., потому, что они оба возрастаютъ постепенно въ своей силѣ, причемъ незначительный перевѣсъ является то на одной, то на другой сторонѣ, пока одно изъ нихъ усилится въ подавляющей степени, или другое почему-нибудь начнетъ ослабѣвать.

Всего *чаще и продолжительнѣе колебаніе и борьба бываетъ* въ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, *когда одно изъ борющихся чувствъ*, простое или суммированное, явившихся въ области одного желанія, существуетъ въ наличности—*реально, другое* предстоитъ испытать въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, т. е. *идеально*. Въ томъ и другомъ положеніи можетъ оказаться удовольствіе и неудовольствіе одинаково. Результатъ борьбы опять тотъ, что сильнѣйшее беретъ перевѣсъ; но весь процессъ здѣсь совершается при болѣе сложныхъ условіяхъ, потому, болѣе сложенъ и имѣетъ болѣе шансовъ быть довольно продолжительнымъ. При этомъ имѣетъ большое значеніе обширность опыта, изъ котораго извѣстно ожидающее пріятное или непріятное состояніе, первоначальная сила его въ опытѣ, т. е. чѣмъ сильнѣе было удовольствіе или страданіе идеальное, воспроизводимое въ идеѣ, при первоначальномъ своемъ образованіи, тѣмъ большую силу оно обнаружитъ при столкновеніи своемъ съ реальнымъ, и наоборотъ. Но также здѣсь имѣетъ большое значеніе природная сила воображенія и памяти чувствованій. При равныхъ другихъ условіяхъ, чѣмъ яснѣе и полнѣе воспроизводится будущее страданіе и удовольствіе, тѣмъ оно сильнѣе и болѣе имѣетъ шансовъ на побѣду надъ реальнымъ, и наоборотъ. Кромѣ природнаго предрасположенія, здѣсь огромное значеніе имѣетъ сосредоточеніе вниманія на идеальномъ удовольствіи или страданіи и привычка къ этому. Сосредоточеніе вниманія усиливаетъ всякую душевную дѣятельность, на которую оно направляется, и въ особенности чувство. Привычка обращать вниманіе на будущія удовольствія и страданія способствуетъ вызову ихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда безъ нея идеальныя удовольствія и неудовольствія, вслѣдствіе слабости ихъ, вовсе не являются, какъ антагонисты реальныхъ, имъ

противоположныхъ, и дѣйствіе совершается безъ борьбы. Наконецъ, сила идеальнаго мотива, въ формѣ чувства удовольствія или неудовольствія, зависитъ также отъ близости его наступленія. По общему закону воспроизведенія прошлаго и локализаціи его въ будущемъ, всякое состояніе испытанное кажется тѣмъ меньше, чѣмъ оно дальше и дальше помѣщается въ будущемъ, и тѣмъ больше, ярче, чѣмъ оно ближе помѣщено въ прошедшемъ и будущемъ. Это дѣйствіе такъ называемой „психической перспективы", и имъ объясняется то, что отдаленныя страданія кажутся намъ не такъ страшными, какъ близкія, и отдаленныя удовольствія не такъ привлекательными, какъ скоро наступающія. Начавшееся опредѣленіе всѣхъ этихъ элементовъ силы идеальнаго мотива можетъ задержать выполненіе желанія или рѣшимость, подавить его на довольно значительное время.

Къ этому же типу случаевъ относится весьма часто столкновеніе и борьба спеціальныхъ, отличныхъ отъ простого удовольствія и неудовольствія, волненій и аффектовъ, напр., страха и любопытства, страха и любви, самолюбивыхъ волненій и т. п., гнѣва и симпатіи, любви и отвращенія,—словомъ, каждаго изъ этого класса чувствованій почти съ каждымъ другимъ,—съ одними чаще, съ другими рѣже. Въ этихъ случаяхъ возникаютъ всѣ тѣ же соотношенія, какія мы наблюдали по отношенію къ удовольствіямъ и неудовольствіямъ: сходныя волненія суммируются, противоположныя взаимно нейтрализируются, тягостныя, подавляющія волненія устраняются, ослабляются волненіями противоположнаго характера. Борьба также и здѣсь состоитъ въ простомъ соизмѣреніи силы чувствованій, отъ чего бы они ни зависѣли, и дѣйствіе направляется всегда въ сторону сильнѣйшаго—у дѣтей до извѣстнаго возраста, пока умственная дѣятельность еще не сформировалась. Но преобладаніе этого типа столкновенія и борьбы мотивовъ весьма часто встрѣчается также въ зрѣломъ возрастѣ—у людей, о которыхъ говорятъ, что они „живутъ чувствомъ". Такое преобладаніе зависитъ отъ разныхъ причинъ: отъ крайней умственной слабости прирожденной, отъ непривычки

вводитъ въ борьбу мотивовъ умственную дѣятельность, соображеніе, обсужденіе и т. п., отъ природной впечатлительности, вообще, повышенной чувствительности,—способности приходить въ волненіе. При этомъ, понятное дѣло, и у всѣхъ остальныхъ людей случаи этого рода столкновенія мотивовъ—въ формѣ неосложненныхъ ничѣмъ другимъ волненій—встрѣчаются неизбѣжно и, т. о., входятъ въ составъ постоянныхъ актовъ воли.

Другой классъ случаевъ столкновенія мотивовъ представляютъ всѣ тѣ явленія, въ которыхъ *борьба* совершается *при участіи*, болѣе или менѣе широкомъ, *интеллектуальныхъ актовъ*—сравненія, обобщеній, выводовъ и т. п. Въ самой простой или слабой формѣ это участіе является при столкновеніи чувствованій, когда, благодаря собственному опыту, или наблюденію надъ другими, или, наконецъ, теоретическому усвоенію опыта другихъ, пріобрѣтенному путемъ ученія, возникаетъ мысль, что кажущееся сильнѣйшимъ въ данный моментъ волненіе не всегда оказывается такимъ на самомъ дѣлѣ. Самые крупные общеизвѣстные факты этого рода встрѣчаются въ области спеціальныхъ чувствованій. Такъ, любовь, напр., половая можетъ казаться очень сильною, и обыкновенно преувеличивается до невозможности представить, что она можетъ ослабѣть, исчезнуть вовсе; но весьма часто она оказывается въ дѣйствительности весьма слабою и, во всякомъ случаѣ, преходящею. Отдаваясь, какъ говорится, кажущемуся сильнымъ чувству, человѣкъ производитъ дѣйствіе по законамъ, которые управляютъ столкновеніемъ чистыхъ волненій, и можетъ испытать разочарованіе. То же самое можетъ быть съ гнѣвомъ, страхомъ, самолюбивыми волненіями, религіозными, эстетическими и т. д. Съ возникновеніемъ идеи о такомъ свойствѣ чувствованій, вступающихъ въ борьбу, характеръ борьбы существенно измѣняется: въ ней принимаетъ участіе новый дѣятель. Человѣкъ, подъ вліяніемъ этой идеи, начинаетъ анализировать свои чувства, оцѣнивать факторы, его производящіе и, вообще, дѣйствительную его силу. Уже этотъ анализъ, направляя силу душевную въ другую сторону, нерѣдко ослабляетъ

тѣмъ самымъ чувство, а разложеніе на факторы, причины, условія его иногда ведетъ къ полному разрушенію не только, дѣйствительно, иллюзорнаго и слабаго, но даже сильнаго чувства. Впрочемъ, дѣйствительно сильное чувство рѣдко ослабляется этимъ путемъ, охлаждается, какъ говорятъ, потому что, въ этомъ случаѣ, оно неизбѣжно почти производитъ незамѣтное вліяніе на самый родъ мыслей и подчиняетъ его себѣ, заставляя мысль дѣйствовать въ направленіи, ему благопріятномъ. Всего чаще борьба въ этихъ случаяхъ видоизмѣняется тѣмъ, что дѣйствіе, опредѣляемое сильнымъ мотивомъ въ формѣ чувства, пріостанавливается, откладывается, задерживается; благодаря этому, чувство иногда слабѣетъ или подавляется другимъ, сильнѣйшимъ, которое возникаетъ во время такой задержки; но оно можетъ также усилиться, окрѣпнуть и т. п. Особенно сильною способностью къ преувеличенію обладаютъ всякаго рода непріятности и страданія и, въ силу удовольствія отъ ихъ освобожденія, вызываютъ самыя рискованныя, иногда нелѣпыя дѣйствія. Это оттого, что страданія, вообще подавляя жизнедѣятельность, ослабляютъ умственную энергію и даютъ мѣсто непроизвольнымъ построеніямъ фантазіи—въ направленіи, поддерживающемъ напряженіе волненія. При этомъ, анализъ ихъ, обдумываніе, приложеніе къ ихъ оцѣнкѣ своего и чужого опыта, вообще, знанія, всегда почти ослабляютъ силу непріятнаго волненія и измѣняютъ, если не направляютъ въ противоположную сторону дѣйствіе. (Самоубійцы). Во всѣхъ этихъ случаяхъ, весьма—очевидно—многочисленныхъ, борьба перестаетъ быть простымъ соизмѣреніемъ волненій и превращается въ то, что называется „борьбою чувства или сердца съ разсудкомъ“.

Такой же точно характеръ получаетъ столкновеніе и борьба мотивовъ, *когда сталкиваются чувства* всякаго рода и силы *съ идеями пользы и вреда*. Многіе изъ сейчасъ описанныхъ случаевъ могутъ быть сведены къ этому новому типу, но, строго говоря, они всегда разнятся въ томъ отношеніи, что въ нихъ борьба совершается въ формѣ попытокъ ослабить существующее чувство реальное или идеальное, при помощи его разрушенія,—имѣетъ,

говоря образно, форму нападенія на противника. Въ борьбѣ чувства съ мотивами, являющимися въ формѣ идей полезности или вредности, ея рѣшеніе, не касаясь самаго чувства, производится при помощи усиленія этихъ идей, хотя полезное и вредное въ послѣднемъ смыслѣ сводится къ чувствованіямъ, особенно удовольствіямъ и неудовольствіямъ: полезное есть причина, дающая нѣкоторую сумму удовольствій, постоянныхъ и продолжительныхъ, или средство устраненія на долгое время неудовольствій болѣе или менѣе многочисленныхъ, слѣд., совокупность удовольствій; тоже самое, mutatis mutandis, можно сказать и о вредномъ. Но чувства, входящія въ составъ этихъ идей, хотя многочисленныя и сходныя между собою, не смотря на разнообразіе свое, обыкновенно до такой степени—отдаленныя и слабыя, что не могутъ даже превратиться собственно въ волненіе, а только представляются какъ возможности волненія. Вслѣдствіе этого, они не въ состояніи были бы никогда выдержать конкурренціи и борьбы съ чувствомъ дѣйствительнымъ, волнующимъ человѣка, даже когда они на средней степени силы, не говоря уже о волненіяхъ очень сильныхъ,—еслибы вступили въ борьбу противъ волненія. Если они становятся слишкомъ сильными, то уже простой здравый смыслъ исключаетъ такіе случаи изъ понятія пользы и вреда: борьба возникаетъ прямо между чувствами. Дѣло въ томъ, что, составленныя изъ опытовъ удовольствія и неудовольствія, понятія полезнаго и вреднаго, въ сущности, суть умственныя состоянія, обобщенія; сила ихъ въ ясности, отчетливости представленія количества, а не силѣ удовольствій и страданій, въ хорошей группировкѣ случаевъ, въ ихъ правильномъ освѣщеніи и т. п. Такой характеръ полезнаго и вреднаго, какъ мотива, особенно ясно выступаетъ въ тѣхъ случаяхъ, составляющихъ высшее развитіе описываемаго типа борьбы мотивовъ, когда сталкивается въ качествѣ мотивовъ только представленія полезности или вредности. Тогда борьба получаетъ прямо характеръ сравненія, вывода, даже прямо вычисленія, и является чисто умственною операціею съ практическими послѣдствіями. Потому то людей,

которые руководствуются въ жизни этими мотивами, прямо называютъ „людьми разсудка“, приписываютъ имъ холодность и безсердечіе.

Случаи того типа столкновенія и борьбы мотивовъ, въ которыхъ являются дѣйствующими мотивы полезности, характеризуются выдающимся и преобладающимъ участіемъ умственной дѣятельности—сравненія, вывода, обобщенія и т. п. Борьба между мотивами здѣсь нерѣдко превращается даже просто въ вычисленіе и разсчетъ, именно, въ случаяхъ, когда предстоитъ сдѣлать выборъ между различными полезностями или полезнымъ и вреднымъ и т. п. Если здѣсь и является чувство-волненіе, какъ добавочный мотивъ, то это волненіе ничего не имѣетъ, обыкновенно, общаго съ удовольствіями и неудовольствіями, ожидаемыми отъ полезнаго и вреднаго. Оно имѣетъ другой совершенно источникъ и всегда бываетъ реальнымъ, дѣйствительнымъ, а не представляемымъ только волненіемъ. Дѣло въ томъ, что полезные предметы, дѣйствія, состоянія и положенія, возбуждая болѣе или менѣе многочисленныя представленія объ удовольствіяхъ будущихъ, которыя собственно и даютъ имъ характеръ полезности, не имѣя возможности превратиться въ какое нибудь опредѣленное удовольствіе, производятъ общее пріятное настроеніе при встрѣчѣ съ ними. Повторяясь много разъ, это пріятное настроеніе превращается въ особое самостоятельное чувство, которое возбуждается прямо и непосредственно полезнымъ предметомъ, вообще, какою бы то ни было полезностью и, по своему характеру, напоминаетъ волненіе нѣжности, любви, расположенія. Такъ какъ нѣжное волненіе, любовь, разъ образовавшись по отношенію къ какому-нибудь предмету, стремится сначала устранить изъ него, изъ его внѣшности, все препятствующее, противодѣйствующее ему, а затѣмъ дѣятельностію воображенія—сообщить ему положительныя симпатическія, пріятныя черты,—украсить его; то волненіе или чувство расположенія къ предмету полезному всегда почти соединяется съ эстетическимъ волненіемъ, съ чувствомъ красоты своего рода. Человѣкъ начинаетъ любоваться полезнымъ

предметомъ, услаждаться его созерцаніемъ въ дѣйствительности и представленіемъ его, особенно если полезное заключаетъ какіе нибудь элементы красоты Таковы, напр. блескъ и звонъ золота, изящная форма бумажныхъ денежныхъ знаковъ, видъ волнующейся нивы — собственности, видъ лѣса, дома, сада и т. п. Предметы полезные такого рода сами по себѣ заключаютъ черты возбудителей эстетическаго волненія. Но чувство красоты, благодаря указанному свойству, нѣжности, можетъ возбуждаться безобразными и даже отвратительными предметами полезными. Куча навоза для сельскаго хозяина, складъ сала для заводчика, стадо свиней, валяющихся въ грязи для скотовода—предметы положительно красивые. Такъ какъ, далѣе, всякаго рода полезность представляетъ собою совокупность возможностей разнаго рода благъ и удовольствій, которыя съ большимъ или меньшимъ удобствомъ могутъ быть всегда реализованы; то пріобрѣтеніе, накопленіе полезности и самое представленіе ея въ большомъ количествѣ вызываетъ, рядомъ съ расположеніемъ и эстетическимъ удовольствіемъ, тоже весьма пріятное чувство—силы: полезный предметъ становится носителемъ и символомъ силы. Чувство это тѣмъ сильнѣе возникаетъ—развивается, чѣмъ больше по количеству и разнообразнѣе возможности благъ и удовольствій символизируется полезнымъ. (Отсюда понятно, почему изъ всѣхъ полезностей всего больше возбуждаютъ это чувство деньги, которыя можно, въ извѣстныхъ предѣлахъ превратить въ любое благо и удовольствіе). Ко всему этому присоединяются еще разнаго рода удовольствія, соединяемыя съ пріобрѣтеніемъ полезныхъ вещей Такъ организуется особое сложное пріятное волненіе, связанное съ полезнымъ предметомъ непосредственно и независимо отъ чувствъ ожидаемыхъ, которыя дѣлаютъ полезное полезнымъ,—чувство до такой степени сильное, что оно нерѣдко превращается въ страсть. Оно даетъ сильную поддержку полезному въ борьбѣ съ наличными удовольствіями и рѣшаетъ часто его побѣду. Оно имѣетъ значеніе также при сравненіи и выборѣ полезностей, давая перевѣсъ полезности, въ связи съ которой существуетъ, надъ тою, которая не вызы-

ваетъ особаго чувства или вызываетъ въ слабѣйшей степени. Собственность всякаго рода, деньги, знаніе и образованіе, порядокъ, общественное положеніе и т. п. полезности всѣ связаны съ болѣе или менѣе сильнымъ волненіемъ описаннаго характера, возвышающимъ ихъ цѣнность, независимо отъ полезности. По отношенію къ безполезнымъ и вреднымъ предметамъ, подобнымъ же образомъ развивается чувство нерасположенія и даже отвращенія.

Третій и послѣдній классъ случаевъ столкновенія и борьбы мотивовъ обнимаетъ собою всѣ состоянія этого рода, въ которомъ, въ связи съ желаніемъ, возникаютъ идеи добра и зла, требованія нравственнаго закона, нравственнаго чувства или совѣсти, долга—словомъ, *тѣ случаи, въ которыхъ участвуетъ такъ или иначе мотивъ нравственный*. Строго говоря, всѣ, безъ исключенія, желанія и дѣйствія должны бы и, во всякомъ случаѣ, могутъ вызывать нравственную оцѣнку, и, слѣдовательно, нравственный мотивъ, по идеѣ, долженъ и можетъ встрѣчаться во всѣхъ случаяхъ столкновенія и борьбы мотивовъ,—потому что нѣтъ такого ничтожнаго желанія и дѣйствія, которое бы въ томъ или другомъ отношеніи не имѣло значенія въ общемъ строѣ жизни, такъ какъ всякое изъ нихъ способно или приближать человѣка къ совершенству, возвышать, или удалять и способствовать паденію, хотя бы въ самой ничтожной степени. Такимъ образомъ, *безразличныхъ въ нравственномъ отношеніи сознательныхъ дѣйствій нѣтъ*, и цѣльность, высокое развитіе нравственнаго характера обнаруживается главнымъ образомъ во всеобъемлемости нравственнаго мотива, въ вѣрности идеалу въ самыхъ ничтожныхъ мелочахъ, или, по крайней мѣрѣ, въ стремленіи быть ему вѣрнымъ въ самыхъ мелкихъ дѣйствіяхъ. Но въ дѣйствительности очень большое количество желаній и дѣйствій не вызываютъ нравственной оцѣнки и совершаются безъ всякаго прямого вліянія нравственнаго мотива, или вслѣдствіе своей незначительности, или вслѣдствіе естественнаго совпаденія съ нравственными требованіями, или, наконецъ, вслѣдствіе привычки. Область прямого участія нравственнаго мотива, такимъ образомъ, съуживается и ограничивается дѣйствіями и же-

ланіями, значеніе которыхъ и вліяніе на жизнь болѣе или менѣе значительно и очевидно. — Всякій случай столкновенія и борьбы мотивовъ съ участіемъ нравственнаго несравненно сложнѣе случаевъ обоихъ первыхъ классовъ и представляетъ вообще высшую и самую сложную форму этого явленія. Въ силу большой сложности составныхъ частей процесса и возможности большого количества комбинацій,—случаи этого рода также несравненно разнообразнѣе и представляютъ большое количество различныхъ формъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Біографія и характеристика ученой дѣятельности В. А. Снегирева . . I—XXV

Отъ издателя . . . . . XXVI—XXVII

ВВЕДЕНІЕ.

I. Предметъ Психологіи 1

Современное состояніе науки о душѣ Типическія формы представленія о душѣ, какъ предметѣ Психологіи. Три главныя направленія въ изслѣдованіи души. Характеристика и критика каждаго изъ нихъ. Несостоятельность всѣхъ трехъ типовъ науки о душѣ, взятыхъ въ отдѣльности. Дѣйствительная наука о душѣ, какъ развивающееся изъ одного начала соединеніе всѣхъ этихъ типовъ. Три главныя стороны предмета науки о душѣ. Опредѣленіе Психологіи.

II. Раздѣленіе общаго состава Психологіи и планъ ея развитія. 16

Попытки объединенія трехъ направленій психологическихъ изслѣдованій. Необходимость обособленія трехъ отраслей этихъ изслѣдованій и органическаго объединенія ихъ Психологія субъективная,—физіологическая и—метафизическая. Частныя отрасли психологическаго знанія. Взаимоотношеніе и зависимость между психологическими науками. Вопросъ объ исходномъ пунктѣ научнаго знанія о душѣ. Аргументы въ пользу признанія основною психологическою наукою—Психологіи физіологической Основная наука о душѣ—Психологія субъективная.

III. Субстанціальность душевнаго начала. 35

Самоочевидность истины бытія души. Средства здраваго смысла къ сознанію очевидности этой истины. Недостаточность ихъ для анализирующаго ума. Путь отвлеченно-философской мысли къ убѣжденію въ реальности особаго душевнаго начала. Невозможность—съ точки зрѣнія идеализма—доказать реальность внѣшняго міра. Аналогичность матеріалистическихъ умозрѣній съ идеалистическими (при діаметрально-противоположномъ направленіи). Матеріализмъ—метафизическая греза. Выводы изъ умозрѣній крайняго идеализма и матеріализма. Требованіе признанія духа и матеріи въ силу одинаковости основаній утвержденія и отрицанія ихъ. Элементы принудительности въ признаніи особой субстанціи основою душевныхъ явленій. Заключеніе.

IV. Душевныя явленія, ихъ характеръ и главныя формы 51

Душевныя явленія—высшая форма явленій жизни. Связь ихъ съ явленіями жизни организма тѣлеснаго и съ окружающимъ міромъ физическимъ. Основныя свойства душевныхъ явленій—ихъ противоположность физическому и несоизмѣримость съ нимъ.—Три формы душевныхъ явленій: а) явленія душевной жизни неразумныхъ животныхъ, б) явленія душевной жизни человѣка—индивидуума; в) явленія, возникающія изъ взаимодѣйствія индивидуальныхъ душъ человѣческихъ, — явленія культуры, соціальныя, или явленія общаго духа Прямой предметъ науки о душѣ—Субъективной Психологіи.

Стр.

V. Методъ изслѣдованія душевныхъ явленій. 68

Постановка вопроса о методѣ Психологіи въ настоящее время. Приложеніе къ изслѣдованію „душевнаго“ трехъ методовъ, соотвѣтственно тремъ отраслямъ Психологіи. Интроспекція, какъ специально психологическій методъ, подчиняющій себѣ два другіе—физіологическій и метафизическій. Первый и основной актъ изслѣдованія душевнаго - самонаблюденіе. Потребность распространенія наблюденія на весь міръ явленій душевныхъ—у людей и даже животныхъ. Условія успѣшности этого акта психологическаго изслѣдованія. Необходимость начинать наблюденіе душевной жизни съ высшихъ формъ ея и нисходить къ низшимъ Задача физіологическаго изслѣдованія по отношенію къ изслѣдованію „душевнаго“. Опасность внесенія физіологическаго въ область психическаго. Безсиліе физіологіи въ рѣшеніи психологическихъ вопросовъ. Заключеніе.

VI. Классификація душевныхъ явленій. 79

Необходимость классификаціи душевныхъ явленій. Затруднительность строго научнаго классифицированія ихъ при современномъ состояніи знанія. Опыты психологической классификаціи. Разногласіе и неустойчивость существующихъ системъ ея. Классификація душевныхъ явленій, какъ плавъ изслѣдованія ихъ. Распредѣленіе душевныхъ явленій по классамъ соотвѣтственно содержанію, характеру и степенямъ сложности ихъ.

VII. Литература Психологіи. 91

Обзоръ и характеристика важнѣйшихъ сочиненій по Психологіи. Психологическіе трактаты Платона и специальныя психологическія сочиненія Аристотеля. Психологія патристическаго періода. Схоластическая Психологія. Разработка ученія о душѣ въ эпоху возрожденія. Произведенія трехъ главныхъ направленій психологическихъ изслѣдованій въ періодъ новой философіи до конца XVIII вѣка. Психологія XIX вѣка—въ Германіи, Англіи, Франціи, Италіи. Русская Психологія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Основные состоянія и процессы душевные. 115

I. Основныя душевныя состоянія. 117

Разногласіе между психологами относительно признанія одного изъ основныхъ душевныхъ состояній первымъ актомъ внутренней жизни. Ощущеніе, какъ первоначальный актъ душевной жизни. Несостоятельность признанія такого значенія за волненіемъ и стремленіемъ.

1. Ощущеніе 120

Понятіе объ ощущеніи. Общія условія образованія ощущенія. Классификація ощущеній и основанія ея. Характеристика группъ ощущеній, въ связи съ опредѣленіемъ условій ихъ образованія. а) Ощущенія органическія, или системныя; общая характеристика и указаніе видовъ ихъ; б) ощущенія мускульныя; органы ихъ; близость низшихъ видовъ ихъ къ ощущеніямъ органическимъ; ощущенія движенія и ихъ значеніе въ жизни души; в) ощущенія внѣшнихъ органовъ чувствъ: а) осязательныя ощущенія; неточность термина; чисто осязательныя ощущенія и ихъ органъ; b) вкусовыя и обонятельныя ощущенія; группы вкусовыхъ ощущеній; значеніе вкусовыхъ ощущеній; группы

Стр.

обонятельныхъ ощущеній; c) зрительныя ощущенія; устройство и отправленія глаза, ощущенія свѣта-тьмы, цвѣтовъ и видѣнія отдѣльныхъ предметовъ, значеніе зрительныхъ ощущеній въ душевной жизни, d) слуховыя ощущенія; устройство уха, процессъ слуха, качественное различіе слуховыхъ ощущеній, значеніе ихъ.—Количественная сторона ощущеній Психическое значеніе усиленія и ослабленія ощущеній Законъ Вебера. Значеніе ощущеній въ жизни души.

2—3 Чувство-волненіе и стремленіе. 158

Чувство и стремленіе, какъ элементарныя состоянія душевныя.

4. Идея. 160

Превращеніе ощущенія въ идею. Значенія слова „идея“. Точный смыслъ этого термина. Природа идеи. Простая первичная идея. Физіологическая теорія возникновенія идей изъ ощущеній. Сложная первичная идея. Вторичныя идеи—простыя и сложныя. Общія и отвлеченныя идеи.—Превращеніе волненія и стремленія въ идеи всѣхъ трехъ классовъ. Одинаковость общихъ свойствъ идей. Конкретная идея, какъ типическая форма всѣхъ идей. Свойства идей.

II. Основные душевные процессы. 176

1. Сознаніе. 179

Терминъ „сознаніе“ и значенія его. Общій точный смыслъ этого термина. Иллюзія олицетворенія сознанія Неотдѣлимость сознанія отъ сознаваемаго, взаимоосвѣщеніе душевныхъ состояній чрезъ сравненіе-различеніе. Сознаніе—основной душевный процессъ, его сущность—различеніе. Формулы его Узость сознанія и предѣлы ея. Разногласіе психологовъ относительно количества душевныхъ состояній, сознаваемыхъ въ одинъ минимальный моментъ. Крайняя степень узости сознанія—единичность сознаваемаго состоянія въ каждый психологическій моментъ.

2. Ассоціированіе и воспроизведеніе душевныхъ состояній. 194

Понятіе объ ассоціированіи душевныхъ состояній. Заключеніе объ этомъ процессѣ по другому—воспроизведенію состояній душевныхъ. Общія условія-законы воспроизведенія законъ сходства и законъ смежности. Отличіе воспроизведенія отъ ассоціированія, при одинаковости ихъ условій-законовъ Совмѣстность приложенія законовъ сходства и смежности.

Творчество 203

Процессъ творчества, какъ особый видъ приложенія законовъ воспроизведенія и ассоціаціи душевныхъ состояній. Значеніе его. Отличительныя черты творчества. Распространеніе его на всѣ сферы душевной жизни и дѣятельности. Терминологія творчества и сродныхъ съ нимъ явленій, въ связи съ исторіею ученія о нихъ. Современное пониманіе терминовъ „фантазія“, „творческое воображеніе“. „воображеніе“.—Спеціальныя причины и условія, вызывающія дѣятельность фантазіи. Способы построенія творческихъ образовъ. Выводъ относительно сущности фантазіи—творчества. Степени напряженія творческаго процесса соотвѣтственно силѣ и напряженію другихъ дѣятельностей душевныхъ у разныхъ людей. Высшая степень творчества, какъ условіе геніальности во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности Зависимость силы творчества отъ природной силы представленія дѣйствительности. Объясненіе перехода отъ представленія дѣйствительности къ творчеству.

Стр.

3. Вниманіе 228

Понятіе о вниманіи. Двѣ стороны вниманія: а) подавленіе всѣхъ состояній сознанія, кромѣ одного — сознаваемаго; б) сосредоточеніе силы душевной на одномъ состояніи — съ повышеніемъ ясности его. Значеніе вниманія въ душевной жизни. Разсѣянность, какъ отсутствіе вниманія; минимая разсѣянность. Условія вниманія и формы его: вниманіе пассивное и активное.

4. Память 240

Значеніе термина „память“. Фактъ сохраненія-удержанія душевныхъ состояній, въ связи съ закономъ сохраненія силы. Кажущееся исчезновеніе большей части сознательныхъ состояній. Двѣ формы сохраненія душевныхъ состояній-измѣненій: памятованіе и забвеніе. Условія способности и неспособности прежнихъ душевныхъ дѣятельностей къ возникновенію вновь. Три группы (формаціи) всего воспроизводимаго. Выводы относительно ослабленія душевныхъ образованій, на основаніи наблюденія надъ болѣзненнымъ разстройствомъ памяти. Значеніе забвенія въ душевной жизни, какъ процесса, параллельнаго памятованію. Забвеніе, какъ отрицательная сторона памятованія. Соотношеніе между памятуемымъ и забытымъ у разныхъ людей. Степени силы и объемъ памяти.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Сложныя—высшія дѣятельности души. 265

Три области высшихъ душевныхъ дѣятельностей; связь ихъ съ элементарными состояніями и процессами. Органическій характеръ связи между всѣми явленіями душевной жизни. Аналогія „душевнаго организма“ съ тѣлеснымъ.—Основанія начать изслѣдованіе высшихъ дѣятельностей души — съ явленій „Ума“.

I. Умъ 269

Явленія познавательной дѣятельности.

Несостоятельность представленія ума, какъ особаго агента, и—дѣленія его на „разумъ“ и „разсудокъ“. Умъ—совокупность дѣятельностей сложнаго познавательнаго процесса. Опредѣленіе состава его путемъ наблюденія надъ мыслительными дѣятельностями и формами, въ порядкѣ возникновенія и развитія ихъ, преимущественно у дѣтей. Общая организація умственныхъ дѣятельностей и ихъ отправленія у всѣхъ людей. Типы ума. Основное условіе образованія и развитія ума. Планъ и задача изслѣдованія ума.

I. Процессъ различенія субъекта и объекта 288

а) Идея „я“, ея образованіе, составъ и измѣненія 289

Значеніе слова „я“. Метафизическое и феноменалистическое пониманіе идеи „я“. Возможность примиренія того и другого и установленія строго

Стр.

научнаго пониманія этой идеи. — Процессъ образованія идеи „я“. Общее чувство бытія и его факторы. Первоначальное различеніе себя — „я“, отождествляемаго съ тѣломъ, отъ „не-я“—„внѣшняго“. Внесеніе идеи души—съ ея состояніями и дѣятельностями—въ составъ идеи личности. превращеніе идеи „я“ въ идею духовной субстанціи, управляющей тѣломъ. Полный составъ идеи личности. Различныя формаціи его. Условіе единства личности въ теченіе жизни. Измѣненія въ содержаніи самосознанія. Временныя измѣненія въ представленіи „я“. Самосознаніе разныхъ возрастовъ. Объясненіе превращеній личности въ сновидѣніяхъ, при душевныхъ болѣзняхъ, въ гипнотизмѣ.—Возраженіе противъ субстанціальности души на основаніи фактовъ измѣненій и превращеній личности. Опроверженіе его. Необходимость признанія особаго духовнаго начала при объясненіи явленій самосознанія. Образъ проявленія этого начала въ самосознаніи.

б) Образованіе идеи „внѣшняго“,—съ его основными свойствами. 315

Идея сопротивленія, какъ основа представленій о „внѣшнемъ“.—Свойства „внѣшняго“. Идея пространства и ея факторы. Идея времени и условія ея образованія. — Опредѣленіе основныхъ свойствъ познающаго субъекта—путемъ отрицанія свойствъ „внѣшняго“.

2. Воспріятіе и представленіе 325

Разложеніе общаго „внѣшняго“ на части—„единичное“—въ процессѣ воспріятія. Простыя и сложныя сочетанія ощущеній и вызовъ ихъ идей въ воспріятіи. Образованіе представленія о предметѣ. Усвоеніе опыта другихъ путемъ ученія. Представленія единичныхъ конкретныхъ предметовъ и цѣлыхъ картинъ. Названія единичныхъ конкретныхъ предметовъ.

3. Общая идея 334

Процессъ отвлеченія, дезорганизація составныхъ частей представленія въ немъ, начало общей идеи (понятія), какъ особой умственной формы. Понятіе объ общей идеѣ. Значеніе общихъ идей (понятій) въ умственной дѣятельности. Кажущаяся невозможность формированія общихъ идей. Процессъ первоначальнаго образованія общихъ идей.

4. Сужденіе и умозаключеніе 342

Психологическіе моменты сужденія: различеніе сходнаго и поставленіе различеннаго въ соотношеніе. Опредѣленіе сужденія, какъ особой умственной формы. Строеніе и внѣшняя форма сужденія. Отношеніе сужденія къ представленію и понятію — по происхожденію. Моменты развитія судящей силы—въ образованіи шести классовъ сужденій (сужденія бытія,—смежности въ пространствѣ и времени, — сосуществованія, — связи причины со слѣдствіемъ,—количества и числа, — соотвѣтствія между субъективнымъ и объективнымъ; сочетаніе сужденій). Сочетаніе сужденій, какъ процессъ, дающій начало особой умственной формѣ—умозаключенію. Сущность умозаключенія. Первоначальное проявленіе и обособленіе процесса умозаключенія въ заключеніи отъ частнаго къ частному. Наведеніе и его виды. Дедукція, силлогизмъ, какъ ея элементарная форма.

Стр.

II. Сердце 360

Явленія сердечной жизни, или чувствованія.

1. Чувствованія, какъ особая область душевныхъ явленій.

Явленія душевныя, обнимаемыя понятіемъ „чувствованіе“, „душевное волненіе“, ихъ характеръ, внутренній строй и взаимная связь. Отношеніе ихъ къ явленіямъ ума и воли Самостоятельность основы и производителя душевныхъ волненій. Языкъ чувствованій, какъ фактъ, указывающій на особность и самобытность ихъ. Чувствованія—особый сложный процессъ, названіе совокупности явленій его „сердцемъ“. Значеніе сердечнаго процесса въ строѣ душевной жизни.

2. Природа чувствованія 376

Сходство и различіе между ощущеніемъ и чувствованіемъ. Чувствованіе, какъ впечатлѣніе, производимое на душу ея же собственными измѣненіями. Физіологическая теорія происхожденія чувствованія. Попытки отыскать реальныя измѣненія души, лежащія въ основѣ чувствованія. Основанія для признанія чувствованія специальнымъ видомъ сознанія душевныхъ состояній, какъ движеній. Возможность дедуктивнаго выведенія различныхъ видовъ чувствованія изъ этого понятія о немъ. Доводы въ пользу удовлетворительности теоріи чувствованія, какъ сознанія душею движенія собственнаго ея состава. Совмѣстимость существующихъ опредѣленій природы чувствованія. Полное опредѣленіе чувствованія.

3. Свойства чувствованій, обусловливающія ихъ организацію и развитіе. 404

Законосообразность организаціи и развитія чувствованій.—Приложеніе въ области сердечной жизни законовъ ассоціацій и законовъ воспроизведенія душевныхъ состояній; память чувствованія и свойства ея.—Симпатія, аналогія между нею и передачею идей. Изслѣдованія выразительныхъ измѣненій организма. Средства выраженія чувствованій и симпатическаго возбужденія. Способъ симпатическаго возбужденія.

а) Законы организаціи сложныхъ чувствованій 406

б) Законъ симпатіи 415

4. Классификація чувствованій 423

Взглядъ на существующія попытки классификаціи чувствованій. Указаніе основного принципа дѣленія чувствованій на группы. Распредѣленіе чувствованій по группамъ въ порядкѣ возрастающей сложности. Моменты осложненія чувствованій и планъ частнаго изслѣдованія ихъ.

5. Характеристика группъ чувствованій 435

а) Волненія удовольствія и неудовольствія

Удовольствіе и неудовольствіе, какъ особая—простѣйшая и самая распространенная—форма волненія. Взаимоотношеніе этихъ двухъ видовъ волненія; самостоятельность и реальность ихъ. Несостоятельность взглядовъ на происхожденіе удовольствія и неудовольствія—отъ качества и степени напряженія ощущеній. Въ чемъ дѣйствительная физіологическая основа удовольствія и неудовольствія? Общія условія возникновенія ихъ.

Стр.

б) Волненія формальныя 446

Виды формальныхъ волненій. — Общія условія возникновенія волненій дѣятельности и скуки. Отличительныя особенности волненія дѣятельности. Внѣшнее выраженіе волненія скуки, внутреннія характеристическія черты этого волненія. Значеніе волненій дѣятельности и скуки въ жизни человѣка.—Основа волненій силы и безсилія. Главнѣйшія формы волненія силы. Измѣреніе силы, какъ источникъ волненій силы и безсилія и неограниченности стремленій человѣка.—Волненія свободы и стѣсненія. Условія происхожденія, характеръ и видоизмѣненія этихъ волненій.

в) Волненія интеллектуальныя 462

Волненіе, связанное съ сознаніемъ сходства, видоизмѣненія его — волненія истины и правды Волненіе — несходства, разницъ; волненія новости, странности и удивленія. Волненіе „смѣшного“; связь его съ волненіями разницъ и удивленія Условія возникновенія этого волненія; виды искаженія идеала. Составъ волненія „смѣшного“. Отличительный характеръ смѣха, какъ выраженія чувства „смѣшного“; родство его со смѣхомъ при щекотаніи.

г) Аффекты 470

Специфическій характеръ волненій-аффектовъ; порядокъ изслѣдованія ихъ.

а) Любовь. 471

Волненіе любви и виды его альтруизмъ и эгоизмъ и ихъ видоизмѣненія.— Нѣжность, какъ основа волненія любви. Условія происхожденія волненія нѣжности. Характеръ нѣжнаго волненія и воплощеніе его. Свойства волненія нѣжности. Равнодушіе и отвращеніе — Любовь лица одного пола къ лицу другого пола (половая), любовь материнская. — Эгоистическая любовь; необходимость внимательнаго изслѣдованія этого вида любви. Эгоизмъ въ обширномъ смыслѣ и—въ тѣсномъ, или себялюбіе. Отличительныя черты себялюбія; зависть и сходство ея съ ревностью. — Законъ самосохраненія, какъ основа группы эгоистическихъ волненій, ослабленіе дѣйствія его въ процессѣ высшаго развитія человѣка. Любовь человѣка къ самому себѣ въ идеальномъ смыслѣ—благотворнаго начала истинно-человѣческаго развитія. Формы уклоненія отъ чистаго вида этой любви.

b) Гнѣвъ и страхъ 498

Основаніе для сближенія волненій гнѣва и страха. — Гнѣвное органическое возбужденіе и моменты гнѣва въ сферѣ психической. Значеніе гнѣва въ жизни людей. Связь волненія гнѣва съ чувствомъ самосохраненія; обнаруженіе ея при неудовлетвореніи потребностей физическихъ и духовныхъ. Потребность мести въ разгнѣванномъ. Физіологическая основа этого явленія. Трудность объясненія чувства удовольствія при видѣ страданій другого—предмета мести; факты, помогающіе этому объясненію. Градація способовъ мести.—Состоянія тѣла и души при волненіи страха. Противоположность между страхомъ и гнѣвомъ, при одинаковости общихъ условій возникновенія того и другого. Частныя обстоятельства, обусловливающія волненіе страха въ его различныхъ формахъ.

c) Радость и горе. 511

Преобладаніе интеллектуальнаго элемента въ волненіяхъ радости и горя надъ стихійнымъ, въ противоположность волненіямъ любви, гнѣва и страха.— Понятіе о волненіи радости. Тѣлесное выраженіе радости,—въ связи съ со-

Стр.

ответствующими психическими измѣненіями при этомъ волненіи. Веселость и ея причины. Формы радости.—Волненіе горя и его воплощеніе, психическая сторона этого волненія. Условія ослабленія горя.

d) Волненія моральныя 521

a) Эстетическое чувство.

Понятіе объ эстетическомъ чувствѣ. Метафизическое и эмпирическое пониманіе „прекраснаго“ и чувства „прекраснаго“. Условія происхожденія эстетическаго волненія: характеристическія особенности предметовъ, способныхъ возбуждать эстетическое чувство, двѣ стороны дѣйствія ихъ на человѣка. Физическая (психофизическая) красота, какъ воспріятіе гармоніи и симметріи. Гармоническое сочетаніе съ физически-прекраснымъ пріятныхъ субъективныхъ состояній,—гармонія формы съ содержаніемъ. Духовная красота; средства, усиливающія и разнообразящія ее. Чувство „смѣшного“, какъ эстетическое волненіе.

b) Нравственное чувство 539

Нравственная природа человѣка. Значеніе термина „нравственное чувство“. Потребность построенія психологической теоріи нравственнаго чувства —Изслѣдованія нравственной природы человѣка—съ древняго до настоящаго времени, какъ матеріалъ для рѣшенія вопросовъ о нравственномъ чувствѣ. Разборъ теорій нравственнаго чувства. нативистической, эмпирической и интуитивистической Необходимая постановка всесторонняго изслѣдованія нравственнаго чувства. — Двѣ фазы развитія нравственнаго сознанія человѣка и возможность опредѣленія по нимъ третьей—зародышевой. Происхожденіе и развитіе идей добра и зла, чувства долга и нравственнаго закона въ человѣчествѣ и у отдѣльныхъ личностей, по теоріи утилитарно-эвдемонистической: несостоятельность—въ цѣломъ—этой теоріи.—Необходимость признанія внутренней основы нравственнаго чувства. Идеалъ и его значеніе въ нравственной жизни человѣка, — по аналогіи съ организаціоннымъ планомъ природы неразумной. Связь происхожденія идей добра и зла, нравственнаго закона и чувства долга съ идеаломъ. Отсутствіе въ чувствѣ долга внѣшняго принужденія; объясненіе сознанія тяжести долга. Волненіе совѣсти и составъ его. Волненіе свободы, какъ элементъ нравственнаго чувства. Два противоположныя воззрѣнія на свободу и попытка примиренія ихъ.

c) Религіозное чувство 595

Психическія основы религіи. Задача научнаго изслѣдованія ихъ. Теорія возникновенія религіи подъ вліяніемъ воздѣйствія одухотворенныхъ силъ природы—страха предъ ними. Несостоятельность ея. Идея личнаго Существа всемогущаго, какъ субъективная основа религіознаго сознанія. Связь ея съ самосознаніемъ — идеею собственной личности человѣка. Процессъ образованія религіозной идеи—откровенія Божества въ духѣ человѣческомъ. Культы и ихъ значеніе по отношенію къ идеѣ Высочайшаго Существа и—вообще—религіозной жизни. Религіозное чувство, какъ волненіе. Составъ религіознаго волненія.

III. Воля 612

Явленія воли.

Дѣйствіе и воля 614

Взаимодѣйствіе между внѣшнимъ міромъ и внутреннимъ міромъ человѣка: пассивныя состоянія души и—дѣйствія, какъ переносъ силы внутрен-

Стр.

ней во внѣ и на внутреннія же состоянія. Воля, какъ совокупность явленій внутреннихъ, предшествующихъ дѣйствіямъ, и какъ сила, осуществляющаяся въ этихъ явленіяхъ и дѣйствіяхъ. Общія условія, при которыхъ возникаютъ и развиваются дѣйствія души. Моменты волевого процесса, направленнаго къ цѣлесообразнымъ движеніямъ—внѣшнимъ и внутреннимъ. Понятіе о волѣ. Планъ изслѣдованія воли.

a) Движенія 635

Движенія, какъ необходимая составная часть всякаго акта воли. Внѣшнія движенія—организма, отношеніе къ нимъ воли. Органическія условія движенія. Непроизвольныя движенія рефлективныя, инстинктивныя и подражательныя. Участіе души въ дѣятельности механической системы движеній. Произвольныя движенія. Вопросъ о способѣ образованія произвольныхъ движеній и его значеніе Факты, съ которыми связывается начало произвольныхъ движеній и — вмѣстѣ — эмпирическаго зарожденія воли, какъ явленія. Процессъ образованія произвольныхъ движеній.—Движенія внутреннія—идеальныя; аналогія ихъ съ внѣшними движеніями. Процессъ организаціи внутреннихъ движеній. Власть души надъ собственными состояніями.

б) Моменты волевого процесса 650

a) Потребность-стремленіе.

Потребность-стремленіе, какъ исходный пунктъ развитія болѣе сложныхъ формъ волевого процесса. Характеръ и общія условія возникновенія этой простѣйшей формы его. Многочисленность и разнообразіе формъ потребностей-стремленій. Группы потребностей-стремленій, соотвѣтствующія видамъ дѣйствій.

b) Желаніе 656

Различіе между потребностью и желаніемъ; опредѣленіе желанія. Двѣ главныя формы желанія. желаніе и нежеланіе, взаимоотношеніе между ними. Объекты желанія въ формѣ идей· предметовъ, состояній и дѣйствій. Преобладаніе въ составѣ желанія-нежеланія интеллектуальнаго элемента надъ эмоціональнымъ, значеніе этого явленія. Неограниченность желаній; фактъ существованія желаній, не переходящихъ и не могущихъ перейти въ дѣйствіе. Дѣленіе желаній съ точки зрѣнія осуществимости ихъ: на реальныя, нереальныя и творческія, неодинаковость относительнаго количества этихъ желаній у различныхъ людей, градація развитія ихъ въ жизни отдѣльной личности; значеніе ихъ въ жизни людей. Заключеніе.

c) Мотивы дѣйствія 669

Отсутствіе въ желаніи силы, опредѣляющей и производящей дѣйствіе. Потребности-стремленія, въ ихъ видоизмѣненіяхъ, какъ прямые двигатели, вызывающіе дѣйствіе, три формы потребностей-стремленій въ значеніи мотивовъ дѣйствія. Значеніе нравственнаго мотива въ жизни человѣка. Сущность нравственнаго мотива и его составныя части идея добра и зла, совѣсть и чувство свободы. Взаимное отношеніе между элементами нравственнаго мотива.

d) Столкновеніе и борьба мотивовъ 678

Фактъ изъ жизни воли, дающій начало столкновенію и борьбѣ мотивовъ; многочисленность и разнообразіе комбинацій элементовъ въ этомъ процессѣ. Законъ отношенія между наличнымъ (реальнымъ) удовольствіемъ и

неудовольствіемъ въ выборѣ дѣйствія. Видоизмѣненіе его при участіи идеальнаго мотива—въ формѣ ожидаемаго удовольствія и неудовольствія. Столкновеніе и борьба спеціальныхъ волненій—аффектовъ. Борьба сердца съ разсудкомъ, какъ особый типъ борьбы мотивовъ; борьба чувства съ идеями—въ формѣ идей пользы и вреда; подкрѣпленіе идей полезныхъ предметовъ чувствами красоты и силы. Высшая форма столкновенія и борьбы мотивовъ—съ участіемъ мотива нравственнаго.

БИБЛІОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.